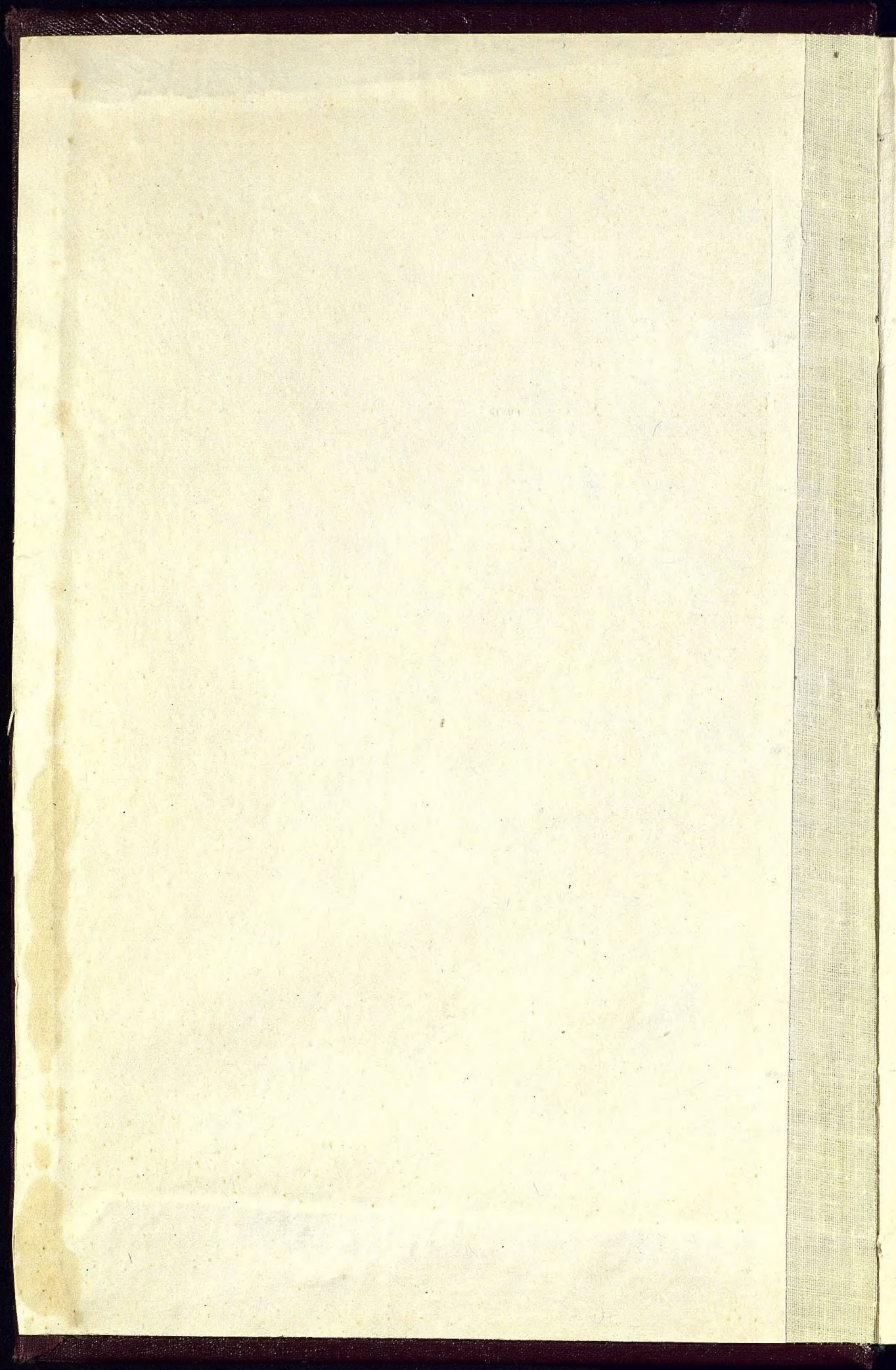
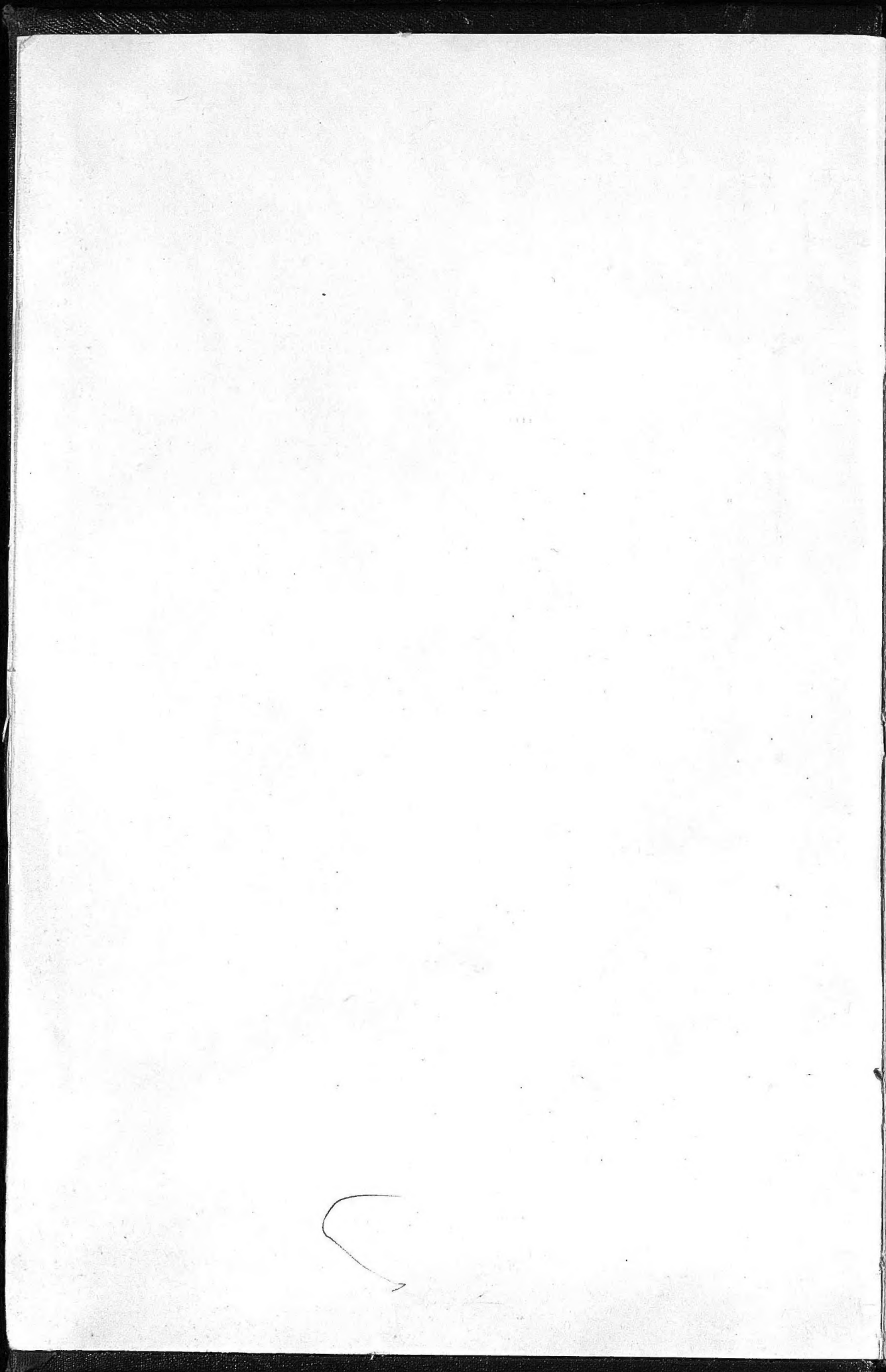


PA T182
28

L139





РА
28
Ш 39

398

ВЕЛИКОРУССЪ

ВЪ СВОИХЪ

ПѢСНЯХЪ, ОБРЯДАХЪ, ОБЫЧАЯХЪ, ВѢРОВАНІЯХЪ,
СКАЗКАХЪ, ЛЕГЕНДАХЪ И Т. П.

МАТЕРИАЛЫ СОБРАННЫЕ И ПРИВЕДЕННЫЕ ВЪ ПОРЯДОКЪ

П. В. ШЕЙНОМЪ.

Томъ I, выпускъ второй.

ИЗДАНИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лп., № 12.

1900.

מחנה יבנה

BP GROUP

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ, май 1900 г.

Непремѣнный ректоръ Академикъ Н. Дубовин

~~TOM R. J. REILLY~~

CAUTION: Do not use this product if the seal is broken or the contents are not as shown.

THEY ARE NOT THE SAME

Толочныя или толочанскія.			№	СТР.	СТР.
№		СТР.			
1264.	Дуброва моя, дубровушка.....	—	1272.	Надъ рѣкою, падъ рѣкою.....	—
1265.	Черезъ Доша досочка лежала.....	372	1273.	Лровая спорыня.....	—
1266.	На той горы на крутой.....	—	1274.	Охъ, чіе то поле.....	374
1267.	„ „ „.....	—	1275.	Вы зазвоньте, звонъ.....	—
			1276.	Петрочкова жѣнка.....	—
			1277.	Ой зелена, зелена.....	—
			1278.	Не пойдемъ мы домой.....	—
	Живныя.		1279.	Нивку жита я дожала.....	—
1268.	На лещъ роса пала.....	—	1280.	Запила моя головушка.....	375
1269.	Жали мы, жали.....	—	1281.	Охъ, и слава Богу.....	—
1270.	По зарѣ, матушка.....	373	1282.	А ктожъ то у насъ.....	376
1271.	Я дорогою шла, я широкою.....	—	1283.	Петрушечка господырѣкъ.....	—

ПѢСНИ ОБРЯДОВЫЯ.

Б. Свадебныя.

І. Архангельской губерніи.

Свадебный обрядъ по побережью Бѣлаго Моря отъ г. Онеги до Кемскаго уѣзда (стр. 377—386).

(Пѣсни во время руковитья).

№	СТР.
1284.	Не во саду ли я, бѣдная, обсиѣлася 377
1285.	Спасибо, крестовая ласкова матушка 378
1286.	Послушайте, мои милыя подружки любовныя. —
1287.	Говорила - то крестовая ласкова матушка. —
1288.	Собралися до скопилися —
1289.	Не несутъ-то мои пожки рѣзвыя ... —
1290.	Спасибо, желанная родимая матушка, —
1291.	Теперь вскину свои очи ясныя..... (Невѣста молится Богу). —
1292.	Помолитесь было сизой косатой голубушкѣ. —
1293.	Вы здорово, новы сѣни перенныя.... (Зоветь подругъ въ домъ). —
1294.	Добро пожаловать, мои милыя подружки любовныя. —
1295.	Не пужайся, домъ—тепловитое гнѣздышко. —
1296.	Теперь, дай Господи, тонкаго звучаго голоса. —

№	СТР.
1297.	Глуная, молодая буйна головушка... 380
1298.	Расплатись-ко, народъ, люди добрые —
1299.	Ужъ послушайте, милыя подружки любовныя. —
1300.	Послушай-ко, желанный родитель батюшка. —
1301.	Спасибо, мое красное солнце угрѣвное 381
1302.	Бражка, ты бражка моя —
1303.	Полно спать, пора вставать (Зоветь мать чесать голову): —
1304.	Гдѣ-то ходитъ моя ласкотница, желанная матушка? 382
1305.	Спасибо тѣ, ласкотница, желанная матушка!. —
1306.	Послушайте, ласкотники, желанные родители. 383

(Причитанія невѣсты):

1307.	Послушайте, мои милыя подружки любовныя. —
1308.	Теперь отворотиться мнѣ, сизой, косатой голубушкѣ. —
	(Предъ отправленіемъ въ вапю):
1309.	Добро жаловать, ласкотникъ, желанный родитель батюшка. —
1310.	Послушай же, мое красное солнце угрѣвное. —
1311.	Сказали да доносили милыя подружки любовныя. 384
1312.	Расплатитесь-ко народъ люди добрые —

№	СТР.
1313. Добро пожаловать, ласкотникъ, желанный мой батюшка. —	
1314. Спасибо, ласкотникъ, желанный родитель батюшка. —	
1315. Да тебѣ, свату большому.....	385

Свадебные обряды города Пинеги (стр. 386—398).

Посѣдка. Плачи невесты къ роднымъ и соседямъ.

(Плачи невесты).

1316. Стану я, дочь побѣдная.....	387
1317. Схожо, красно мое солнышко.....	—
1318. Млады ясны соколы.....	—
1319. Сестрицы родимыя.....	—
1320. Я зайду ли, да заступлю ли.....	388
1321. Да ужъ здравствуешь, лебедь ты бѣлая —	
1322. Ужъ ты здравствуй, государыня....	—
1323. Сосѣдушка приближенная.....	—
1324. Ужъ ты, молодой, ясенъ соколъ.....	—

Причитаніе невесты, когда ей подносятъ дары (отъ жениха).

1325. Не подходите, не приносите и не дарите. 389	
1326. Какъ слышали уши чудныя.....	—
1327. Я зайду, многокучинная.....	390
1328. Слава Господу Богу.....	—

Руковитѣе.

1329. Вы, родные мои родители, благословите. 391	
1330. Челомъ бью, да благодарствуй.....	—
1331. Ужъ вы, бѣлы мои лебеди.....	—
1332. Ужъ я стану среди полу дубоваго ..	—
1333. Единокровный, единоутробный.....	—
1334. Отвороцю я лицо бѣло.....	392
1335. Вы родны мои родители.....	393
1336. Охъ-те мнѣ-чинько.....	—
1337. Схожо красно мое солнышко.....	—
1338. Княгиня первобрачная.....	—
1339. Дѣвица красная, княгиня первобрачная. 394	
1340. Позовите мою сестрицу родимую....	—
1341. Сестрица моя родимая.....	—
1342. Люба милая подружечка.....	—
1343. Ужъ какъ у тебя поднялись руки бѣлыя 395	
1344. Люба милая подружечка.....	—
1345. Ужъ какъ у тебя поднялись руки бѣлыя —	

№	СТР.
1346. Родитель мой, батюшко!.....	—
1347. Не приходите, да не приносите.....	396
1348. Пала гумулька на буйную главу.....	—
1349. Тетера на столъ прилетѣла.....	397
1350. Каша пошла въ колупанье.....	—

Той же губ. Шенкурск. у.

(Когда расплетаютъ косу).

1351. Ты красное мое солнышко.....	398
------------------------------------	-----

II. Вологодской губерніи.

Свадебныя причитанія и пѣсни.

(На дѣвичникѣ, собравшимся съ жениховой стороны невеста причитаетъ).

1352. Дороги гости, гости милые.....	399
--------------------------------------	-----

(Невеста къ подружкамъ).

1353. Вы послушайте, подруженьки.....	—
---------------------------------------	---

(Къ жениху).

1354. Благодарствуй, добрый молодецъ....	—
1355. Ты садися, добрый молодецъ.....	400
1356. Не отъ свѣчки, не отъ скаринки....	401
1357. Что не ключики брякнули.....	—
1358. Вы глядите, ясны очи.....	—
1359. Я подумала, молода.....	—
1360. Не велѣлъ сударь батюшка.....	402
1361. Мнѣ почесъ, молодѣшенькѣ.....	—
1362. Залетала же пташечка.....	—
1363. У моихъ-то подруженекъ.....	—
1364. Ты не дружка привѣтливый.....	—
1365. Ужъ я что же засидѣлася.....	—
1366. Благослови, Боже Господи.....	403

(Послѣ заporученія невеста причитаетъ):

1367. Благослови, Христосъ истинный....	—
-----------------------------------------	---

(Причетъ невесты передъ прѣздомъ повѣжанъ):

1368. Что не гуси, не лебеди.....	404
-----------------------------------	-----

(Передъ повѣдомъ къ вѣнцу):

1369. Какъ моя-то Богородица.....	405
1370. Свать-отъ сватался, да порасхвтался —	
1371. Ужъ я шла чистымъ полемъ.....	406
1372. Ты сударь, кормилецъ батюшка....	—

№	СТР.	№	СТР.
(При отправлении отца в церковь для молебствия и по возвращении).		(Невеста к замужней подруге):	
1373. Спасибо тебе батюшка	407	1397. Уж ты светъ, моя голубушка.....	415
(Къ брату передъ поѣздомъ в церковь).		(Молодая баба къ невесте):	
1374. Ты кормилецъ, соколъ, милый братъ. —		1398. Уж ты светъ, моя голубушка	—
(Къ жениху, потомъ къ свахе и къ родителямъ):		(Невеста къ дѣвушкамъ на дѣвишникъ):	
1375. Ты садись-ка, добрый молодецъ	—	1399. Во шуму я не слышала	416
Причетъ невесты передъ поѣздомъ в церковь (къ вѣнцу).		(Невеста къ тѣмъ же подружкамъ):	
1376. Благослови меня, Господи	408	1400. Вамъ спасибо, подруженьки	—
(Невеста къ отцу, отданному в солдаты):		1401. Уж вы светъ, мои голубушки	—
1377. Ты кормилица матушка	409	(Невеста, когда прѣзжаетъ женихъ):	
(Невеста къ тетке):		1402. Уж вы светъ, мои голубушки.....	417
1378. Ты голубушка тетушка!	409	(Невеста къ свату):	
(Тетка къ невесте):		1403. Хочу встану, хочу — не встану....	—
1379. Я скажу тебе, голубушки	—	(Подружки къ свату):	
1380. Что не ключики-ли брякнули?	410	1404. Уж тому ли свату своднику	—
1381. Наложить мнѣ руку правую	—	(Невеста принявъ отъ жениха подарки):	
1382. Уж мнѣ поѣхавшій годочекъ	411	1405. Не коря, я покорилась	418
1383. Уж ты что же засидѣлася	—	(Подружки къ невесте):	
1384. Я ходила, молодешенька	—	1406. Что не честь красной дѣвицы	—
1385. Призагудите, призамолените	412	(Невеста передъ уходомъ в баню):	
1386. Какъ вчера объ эту пору	—	1407. Попрошу я, сиротинушка	—
1387. Уж вы светъ, мои подруженьки ...	—	(Невеста, возвращаясь изъ бани):	
1388. Я жила, красовалась	413	1408. Уж тебѣ бы, банѣ нарушѣ	—
1389. Я возьму свою красоту	—	(Невеста раздаетъ подарки подружкамъ):	
1390. Мое сердце испугалось	414	1409. Подойди, моя голубушка	—
(Подружки къ невесте):		(Невеста къ тетке в день свадьбы):	
1391. Уж ты светъ, наша голубушка	—	1410. Уж ты светъ, моя голубушка	419
(Невеста къ тетке):		(Невеста къ брату):	
1392. Уж ты светъ, моя голубушка	—	1411. Уж ты светъ да соколъ, милый братъ —	
(Тетка къ невесте):		Невеста по возвращении съ кладбища къ дядѣ (или тетке):	
1393. Уж ты светъ, моя голубушка	—	1412. Уж я ѣздила, сиротинушка	—
(Невеста къ умершимъ родителямъ):		(Невеста къ брату):	
1394. Я сидѣла ли бѣдная	—	1413. Уж ты светъ да соколъ, милый братъ —	
(Невеста къ тетке):			
1395. Богъ тебѣ судья, голубушка	—		
(Тетка къ невесте):			
1396. Уж ты светъ, мое солнышко!.....	415		

№	СТР.	№	СТР.
(Невѣста передъ выѣздомъ въ церковь):		(По возвращеніи изъ вани):	
1414. Попрошу у тебя, дядюшка.....	420	1442. Я не долго попарилася.....	426
(И когда подъѣзжаетъ повѣдь):		1443. Благослови Боже, Господи!.....	—
1415. Не отъ вѣтра, не отъ вихоря.....	—	1444. Какъ вѣчоръ моя матушка.....	427
1416. Богъ судья тебѣ, милый братъ.....	—	1445. Тѣ добро да птти жаловать.....	428
1417. Мои милыя подруженьки.....	—	1446. Благослови, Боже Господи.....	—
(Къ жениху):		1447. На обманъ дѣло дѣлали.....	—
1418. Такъ садись же, добрый молодецъ ..	—	1448. Мнѣ не честь, красной дѣвицѣ.....	—
(Подружки къ свахѣ):		1449. Ужъ вы свѣтъ, мои голубушки.....	—
1419. Ты садись, сваха пріѣзжая.....	—	(Невѣста къ родителямъ, передъ отъѣздомъ ихъ на сватовство):	
(Подружки къ невѣстѣ):		1450. Ты не ѣзди, родимый батюшка.....	—
1420. Ужъ ты свѣтъ, наша голубушка.....	—	1451. Ты не послушался.....	429
(Невѣста къ подружкамъ):		1452. Пріоткрыть молодешенькѣ.....	—
1421. Ужъ вы свѣтъ, мои голубушки.....	—	1453. Ужъ ты свѣтъ родимый батюшка ...	—
(Подружки къ невѣстѣ):		1454. Что не свѣтъ свѣтается.....	430
1422. Ужъ ты свѣтъ, наша голубушка.....	421	1455. Вы поможете, подруженьки.....	—
(Подружки къ невѣстѣ):		(При выходѣ изъ вани дѣвицы хоромъ поютъ):	
1423. Ты воскликни, лебедь бѣлая.....	—	1456. Раскатись-ка ты, каменка.....	431
(Невѣста къ дядѣ и теткѣ):		1457. Сяду ка я, молода.....	—
1424. Ужъ ты свѣтъ, родимый дядюшка... 421		1458. Поищу-ка я, горькая.....	—
1425. Благослови, Боже Господи.....	—	1459. Проводите-ка, подруженьки.....	432
1426. Сторона-ли наша сторонка.....	—	1460. Ты свѣти, свѣтель мѣсяцъ.....	—
1427. Ты красуйся, моя красота.....	—	1461. Ты красуйся краса.....	—
1428. Ужъ ты свѣтъ, сударь батюшка 422		1462. Расплетите, подруженьки.....	—
1429. Не отъ вѣтру, не отъ вихорю.....	—	1463. Что на ступѣ на рѣшѣщатомъ.....	433
1430. Ужъ вы свѣтъ, мои подруженьки ...	—	(Въ отвѣтъ подружки поютъ):	
1431. Провожатые хорошіе.....	423	1464. Ты послушай подруженька.....	—
1432. Не прогнѣвайся, сударь дядюшка ...	—	(Невѣста падаетъ передъ хозяйкой):	
(Невѣста, когда ей подають подарки):		1465. Спасибо же, хозяйушка.....	—
1433. Тѣ спасибо, сударь дядюшка.....	—	1466. Что не свѣтъ свѣтается.....	433
1434. Моя милая матушка!.....	424	1467. Благослови, Боже Господи.....	—
1435. Ужъ мнѣ сѣсти, молодешенькѣ.....	—	1468. Ужъ когда те пора прошла.....	—
1436. Не морозы крещенскіе.....	425	1469. Красота ли моя красота.....	434
(Подружка отвѣчаетъ):		(Подружки поютъ за дверью):	
1437. Не моги ты меня спрашивать.....	—	1470. Мы возьмемъ двери за скобу.....	—
1438. Не отъ вѣтру, не отъ вихорю.....	—	(Невѣста отвѣчаетъ):	
1439. Прізатихните, голубушки.....	—	1471. Ужъ вы свѣтъ, мои голубушки.....	—
(Отвѣтъ гостямъ):		(Подружки):	
1440. Ты не бойся, голубушка.....	426	1472. Мы даемъ тебѣ, голубушка.....	—
1441. Благослови, сударь батюшка!.....	—		

№	СТР.
(Невѣста):	
1473. Не теперь же изувѣрилась	435
(Подружки):	
1474. Мы дадимъ тебѣ, голубушка	—
(Невѣста):	
1475. Благослови, Боже Господи	—
(Подружки):	
1476. Ты свѣтъ-ка, свѣтель мѣсяцъ	—
(Послѣ бани невѣста продолжаетъ):	
1477. Мои милыя подруженьки	—
(Невѣста на смотрѣнкахъ причитаетъ):	
1478. Не выходи, сударь батюшка	—
(Подружки):	
1479. Красна дѣвица снаряжается	—
(Причетъ невѣсты, когда подружки утираютъ ей голову):	
1480. Ужъ вы свѣтъ мой голубушки	—
(Невѣста проситъ благословенія у отца и матери):	
1481. Ужъ ты свѣтъ сударь батюшка	436
(Послѣ благословенія подружки причитаютъ):	
1482. Ты красуйся, голубушка	436
Отвѣтъ невѣсты:	
1483. Меня батюшка жалуетъ	—
(Невѣста садится за столъ съ подружками и причитаетъ):	
1484. Благослови, Боже Господи	—
1485. Ужъ ты свѣтъ, сударь батюшка	—
1487 ¹⁾ . Тысячкой неумоя	437
1488. Сваха неряха	—
(Къ жениху):	
1489. Князь молодой, развернися	—
1490. Вы подруженьки голубушки	—
(По прѣздѣ поѣзжанъ въ домъ невѣсты, дружка встрѣчаетъ ихъ рѣчью):	
1491. Господи Іисусе Христѣ (Сынне Божій), помилуй насъ!	438

¹⁾ № 1486 пропускается, какъ не сюда относящій. Онъ попалъ въ свадебныя причеты по недосмотру.

№	СТР.
1492. Продолженіе этой рѣчи	—
1493.	—
1494.	—
1495. Рѣчь дружки по прѣздѣ жениха	—
1496. Рѣчь дружки, когда гостямъ разносятъ дары	—
1497. Слова дружки передъ отправленіемъ молодыхъ къ вѣнцу	—
1498. Приглашеніе дружкою гостей на сва- дебный пиръ	—
1499. Слова дружки передъ дверьми по воз- вращеніи изъ церкви	—
1500. Кунья шуба, не подыхивай	440
1501. По лугамъ, лугамъ зеленымъ	441
1502. У родимой-то матушки	—
1503. Во Китаѣ было городъ	—
1504. Не вьютъ надъ водою извивается	—
1505. Ужъ вы гуси да лебеди	442
1506. Не шелкова лепточка	—
1507. Ты соколъ, ты соколъ	—
1508. Валя ходитъ по двору	—
1509. Ты послушай, Поликсенушка	443
1510. Не трубочка трубитъ	—
1511. У Виктора на дворѣ	—
1512. Ты не стой древо надъ рѣкой	—
1513. Благослови, Господи	—
1514. Вы цвѣты ли, мои цвѣтны	—
1515. Ужъ вы бояра, бояра	444
1516. Клязь молодой хорошохонекъ	—
1517. Въ лѣсѣ калина	—
1518. Какъ во теремѣ, теремѣ	—
1519. Не значенъ перстень по горницѣ ка- тался	—
1520. Иванъ ходилъ къ Поликсенѣ	445
1521. Вдоль по улицѣ сивонько бѣжитъ ..	—
1522. Что не пава по сѣнечкамъ ходила ..	—
1523. Ужъ какъ по мосту-мосту	—
1524. Какъ изъ терема, терема	446
1525. Ужъ какъ съ воды на воду	—
1526. По полю полю гулялъ молодецъ	—
1527. Распалася грушница	—
Причетъ подружки невѣсты передъ выходомъ ея вмѣстѣ съ ними въ баню:	
1528. Благослови, Боже Господи	447
1529. Отмахну-ли я, и проч.	—
1530. Наряжу я родна сестрица	—
1531. Повели краспу дѣвушку	448
—	
1532. Сохрани, родитель батюшка	—
1533. Ужъ ты свѣтъ, родимый дядюшка! ..	—
1534. Вы сходите-ка, подруженьки	—

№	СТР.
1535. Ужъ тебѣ, бапѣ нарушѣ	449
1536. Ужъ ты свѣтъ, родимый дядюшка...	—
1537. Не отъ вѣтру, не отъ вихорю	—
1538. Ужъ ты свѣтъ, родимый дядюшка!...	—
1539. Ужъ ты, милая подруженька	450
1540. Ужъ ты свѣтъ соколъ, милый братъ ..	—
1541. Ужъ ты свѣтъ соколъ, милый братъ ..	—
1542. Ты рѣка, рѣка Сухона	—

(При раздачѣ пѣвстой красоты подругамъ она плачетъ, причитая):

1543. Подойди ко мнѣ, подруженька	451
-----------------------------------------	-----

Причетъ дѣвушекъ невѣсть:

1544. Ужъ ты свѣтъ, родимый дядюшка...	—
1545. Ужъ вы, милыя подруженьки	—
1546. Ужъ ты свѣтъ, родимый дядюшка ...	452

1547. Ахъ ты дружина	—
1548. Ты родимый мой батюшка	452
1549. Ужъ ты свѣтъ, родимый батюшка...	—
1550. Не прошу у тѣ, кормилецъ мой	453
1551. а) Свѣтъ ты, Иванъ Ивановичъ	—
1552. б) Что сидятъ, сидятъ бояра	—
1553. Ужъ мы пиво-то выпили	—

(Когда женихъ приѣдетъ въ домъ отца за пѣвстой, дѣвцы поютъ):

1554. Затоплялася банюшка	—
---------------------------------	---

(Невѣста, сидя въ кутномъ углу, поетъ):

1555. Похожу я по терему	—
--------------------------------	---

(Когда невѣста садится за столъ съ женихомъ поютъ):

1556. Мы тебѣ, Марыюшка, показывали...	—
1557. Какъ со вечера, родня матушка	—
1558. Ужъ мы что чуяли, видѣли?	454
1559. Изъ кута по лавочкѣ	455
1560. Я пойду вдоль по рыпочку	—
1561. Во полѣ, во полѣ	—

Приговоры дружки:

1562. — Миръ вамъ, мы приѣхали къ вамъ!	456
-----------------------------------------	-----

Къ хозяйку:

1563. Здравствуй, господниъ хозяйнѣ!	458
-------------------------------------------	-----

№	СТР.
---	------

Къ дѣвицамъ:

1564. Здравствуйте, красныя дѣвицы!	458
-------------------------------------------	-----

Къ свахамъ:

1565. Здравствуй, сватья!	—
---------------------------------	---

III. Вятской губернии.

Крестьянская свадьба въ Елабужскомъ уѣздѣ.
(стр. 459—469).

На смотринахъ поютъ:

1566. Забречали винны чарочки	461
1567. Сборы вы сборы Анпушкины	—
1568. При вечерѣ, вечерѣ	—
1569. Соловей ты мой соловейшко!	462
1570. Перекатна честна звѣзда	—
1571. Какъ на горѣ, на горѣ	—

Вѣличаніе жениху:

1572. Какъ во пинѣшнемъ во славномъ во году	463
---------------------------------------------------	-----

Вѣличаніе дружкѣ:

1573. Долина, долинушка	—
-------------------------------	---

Вѣличаніе каждому гостю по одиночѣ:

1574. Какъ во садѣ, какъ во садѣ	—
----------------------------------------	---

Вѣличаніе жениху и невѣсть:

1575. Какъ во садѣ было, во садочкѣ	464
1576. Много, много во виной рѣкѣ	—
1577. Сидитъ Ваня на диванѣ	—
1578. Всѣ угары зашумѣли въ головѣ } ¹⁾ ..	465
1579. На морѣ лебедь воду пила	466
1580. Почила я, да высыпалася	—

Вѣличаніе священнику:

1581. У батюшки борода	467
1582. Исполать тебѣ	—

Вѣличаніе свату:

1583. Ты сватушка молодой	468
---------------------------------	-----

¹⁾ Эти двѣ пѣсни, хотя и не свадебныя, но парни и бабы поютъ ихъ и еще другія подобныя для подавленія въ себѣ грусти, наводимой на нихъ пѣснями дѣвушекъ.

№	СТР.
Величание свaxe:	
1584. На твою, Оеклуша, шубу.....	468
1585. Во горенкѣ во повои.....	—

Той же губ. Слободск. уѣзда. Свадебный обрядъ
(стр. 469—483).

Во время шитья приданого.

1586. Съ лѣсу на лѣсъ роса падеть.....	471
1587. Шла паша Аннушка темнымъ лѣсомъ.....	—
1588. Вью, вью, вью и лелю!.....	—
1589. Динь, динь перепелка.....	472

На дѣвишникѣ:

1590. Какъ во черномъ во морюшкѣ.....	—
1591. Вьюнъ на рѣкѣ извивается.....	473
1592. Ой горе да ладу мою.....	—
1593. Не долго вѣнчочку на столѣхъ лежать.....	—
1594. Я не знала, не вѣдала.....	474
1595. Какъ не пава, какъ не пава.....	—
1596. На синемъ морюшкѣ.....	—
1597. Не началъ-то батюшка во вѣкъ лю- бить.....	475
1598. Какъ на рѣчушкѣ на быстрой.....	—
1599. У скрипучаго дерева золотыя верши- нушки.....	476
1600. На горѣ-то стоитъ ёлочка.....	—
1601. Какъ березникъ не великъ кругле- листъ.....	—

На пропойцахъ:

1602. Зеленешенька смородина.....	477
1603. Родимый мой брателко.....	—
1604. Не пей-ко, мой родимый батюшко.....	—
1605. Родимый мой батюшко.....	—

Передъ вѣнцомъ:

1606. Скрипъ воротечей, морозъ на дворѣ.....	—
1607. Родимая моя матушка.....	478
1608. Не вылетаи, утица, изъ-за острова.....	—
1609. Родимый мой батюшко!.....	—
1610. Ахъ, вы гуси ли, гуси сѣрые.....	—
1611. Среди было царства, середъ Полянъ.....	—
1612. Затыню ли, затыню ли я.....	479
1613. Родимая моя сестрица.....	—
1614. Какъ по полю, полю.....	—
1615. И то не пава по сѣнямъ ходила.....	—
1616. Подымайтесь, вѣтры буйные.....	—
1617. Бьются у Михайловыхъ ворота.....	480

№	СТР.
Велпчальныя жепатому:	
1618. Какъ по меду, по меду сыченому....	480
1619. Леталь голубъ, ворковаль.....	—

Отцу и матери жениха:

1620. Стой мой теремъ златоверховать!...	—
------------------------------------------	---

Жениху.

1621. Какъ у свѣтлаго мѣсяца.....	481
-----------------------------------	-----

Тысяцкому:

1622. Тысяцкой, тысяцкой.....	—
-------------------------------	---

Большому боярину.

1623. У нашего крестьянина.....	482
---------------------------------	-----

Свахѣ:

1624. Не взбушуй, холодець вѣтерокъ!...	—
-----------------------------------------	---

Дружкѣ:

1625. Не ходи-ка ты, друженька.....	—
-------------------------------------	---

Холостому:

1626. Кто изъ насъ лучше.....	—
1627. Во теремѣ дѣвки сидѣли.....	483

Той же губ., Глазовск. у., с. Ухтымское.

Свадебный обрядъ.....	483—485
-----------------------	---------

IV. Олонецкой губернии. Пудожск. у.

(Послѣ просватапія невѣсты):

1628. Мнѣ сидѣть мнѣ-ка не высидѣть....	485
-----------------------------------------	-----

(Отпускъ зазывателей. Невѣста садитъ ихъ за
столъ и причитаетъ):

1629. Вы поѣшьте, да покушайте.....	486
1630. Еще гдѣ есть у бѣднушки.....	487

(Отвѣтъ сестры невѣсты):

1631. Вы устойтесь, добры кони.....	—
1632. Ты поди, моя голубушка.....	—

(Невѣста при полученіи подарковъ причитаетъ):

1633. Какъ покорно благодарствую.....	—
1634. Какъ пойти мнѣ, красной дѣвушѣ.....	488

№	СТР.
1635. Какъ покорно благодарствую.....	488
1636. Вы устоятесъ, добры копн.....	—
(Причетъ невесты по окончаніи дѣвичника):	
1637. Ужъ вы послушайте, пожалуйста....	—
(На другой день послѣ дѣвичника невеста утромъ рано причитаетъ):	
1638. Еще гдѣ есть у бѣднушки.....	489
(Дѣвушки приглашаютъ невесту въ баню и причитаютъ):	
1639. Ты пойдн, наша голубушка.....	490
1640. Еще гдѣ есть у бѣднушки.....	—
(По выходѣ изъ бани невеста причитаетъ):	
1641. Послѣ моего бываньяца.....	490
1642. Поглядн, кормилецъ, батюшко.....	—
1643. Какъ пойдн мнѣ, красной дѣвушкѣ..	491
1644. Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго.....	492

VI. Новгородской губерніи.

Свадебный обрядъ и пѣсни въ Крестецкомъ уѣздѣ.

(Во время сватавья невеста причитаетъ):

1645. Не хватайся, кормилецъ батюшка...	494
-----------------------------------------	-----

(Причитаніе подругъ невесты во время приготовления для нея бани наканунѣ свадьбы):

1646. Топнись, топнись, бабенка.....	498
--------------------------------------	-----

(Отправляясь за невестой, опѣ дорогою поютъ):

1647. Мы идемъ, бѣдны молодешеньки....	499
----------------------------------------	-----

(Невеста, выходи нмъ на встрѣчу, поетъ):

1648. Вамъ спасибо, мои подруженьки....	—
1649. Обманули меня подруженьки.....	—

(Все время до обвѣнчанія подруги невесты поютъ):

1650. Что при вечерѣ вечеръ вечерить....	—
1651. Изъ за горъ-то, горъ высокнхъ....	—
1652. На горѣ на глинястой.....	500
1653. Дѣвнцы, вы дѣвнцы!.....	501

№	СТР.
(День свадьбы):	
1654. Соколъ соколовицъ.....	501
(Причитаніе невесты, когда дружка водить ее по горницамъ):	
1655. Покрасуюсь я, молодешенька.....	502
(Кланяясь въ ноги родителямъ, она причитаетъ):	
1656. Ты спасибо, кормилецъ батюшка..	—
(При обрядѣ выкупа невесты она приговариваетъ на-распѣвъ).	
1657. Ужъ ты крестная моя матушка....	503
1658. Промѣняли-то меня, молодешеньку..	—
(Къ братьямъ):	
1659. Братя вы мои дорогіе!.....	—
(Когда женихъ, принявъ руку невесты, пастукаетъ ей на ногу, она причитаетъ):	
1660. Отступитесь, люди добрые.....	503
(Дружка выкликаетъ родныхъ):	
1661. Отцы крестные и матери крестныя..	504
(Выернѣ дружки при раздачѣ подарковъ).	
1662. Есть ли во этой и т. д.....	—
Той же губерніи, Бѣлозерск. у., с. Антушено.	
(На рукобитъ):	
1663. Чѣмъ вѣкъ-то я не думала.....	—
(Наканунѣ свадьбы):	
1664. Благослови-ка, Боже Господи.....	506
(Утромъ въ день свадьбы):	
1665. Наша миленькая подруженька.....	507
(Послѣ призыва въ баню):	
1666. Ты кручинная моя матушка.....	—
(По возвращеніи изъ бани):	
1667. Вамъ я много благодарствую.....	508
Того же уѣзда, с. Бубриво.	
(Первый причетъ въ рукобитъ)	
1668. Господи Боже, благослови меня....	510
1669. Съидеть домой да злодѣй большой сватъ.....	511
1670. Вы (в)ставайте-тко, сонливые.....	512

№	СТР.	№	СТР.
(По умершимъ родителям):		(Поютъ жениху, если онъ сирота):	
1671. Во севоднешней во бѣлой день....	513	1699. Ты рѣка моя, рѣченька	524
Того же уѣзда, другой волости.		(Если нѣтъ матери):	
1672. Ты зоря ли моя зоренька.....	514	1700. Нѣтъ родимой да матушки.....	—
1673. Мои миленькія подруженьки.....	—	(Невѣста):	
1674. Вы, мои миленькія подруженьки....	515	1701. Свѣтъ мой сестрицы.....	—
1675. Ты, сестрица моя голубушка.....	—	(Поютъ жениху и невѣстѣ):	
1676. Ты скажи, сестра голубушка.....	—	1702. Какъ сказали, что Василій не гулялъ.	525
(Выходя на улицу съ подружками, невѣста при- читаетъ):		(Жениху):	
1677. Улица моя, улица.....	—	1703. Не тѣсанъ теремъ, не тѣсанъ.....	—
(По возвращеніи въ домъ она причитаетъ отцу):		(Невѣстѣ):	
1678. Богъ тебѣ судья, кормилецъ батюшка.	—	1704. Не тошно ли тебѣ, да Александра...	—
(Когда родные жениха съ короваемъ приѣзжаютъ въ домъ невѣсты, ей причитаютъ):		Той же губерніи Валдайск. у., с. Гоголева.	
1679. Ахъ-ти мнѣ, мнѣ тошненько....	516	(На смотринахъ дѣвушки подружки невѣсты поютъ):	
1680. Мнѣ спдѣтъ не отсиѣтиса.....	517	1705. Ужъ какъ Марѳушка измѣнница...	527
1681. Ахъ-ти мнѣ, мнѣ тошненько....	—	(Невѣста):	
1682. Ужъ вы глупые придвернички.....	518	1706. Сестрицы голубушки.....	528
1683. Ты приѣзжай да большій сватъ.....	—	(Обращаясь къ матери):	
1684. Не спѣшите, мои родители.....	—	1707. Прошла меня, родима матушка....	—
1685. Соколѣчикъ мой, братецъ миленькій.	—	1708. Ужъ я, молодешенька.....	—
(На другой день послѣ рукобѣты):		(Замужнія сестры невѣсты поютъ):	
1686. Благослови-тко, Боже Господи....	513	1709. Ужъ мы не будемъ тебѣ сказывать.	—
(На дѣвичникѣ):		(Въ промежутокъ времени отъ смотрины дѣвушки- подружки невѣсты поютъ между прочимъ слѣдую- щія пѣсни):	
1687. Вы, милыя подруженьки.....	—	1710. Дочь отъ матери уѣхала.....	528
(Поютъ невѣстѣ по приходѣ ея изъ бани):		1711. Много, много у сырого у дуба....	—
1688. Пораздвиньтесь-ко, добрые люди...	—	1712. Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго.....	529
(Когда дѣвушки приносятъ невѣстѣ разукрашен- ную елку):		1713. Охъ ты волюшка вольная.....	—
1689. Здравствуй, милая подруженька....	520	1714. По борамъ, по борамъ, по борочкамъ.	—
1690. Я недолго пагулялася.....	—	(Наканунѣ свадьбы, передъ тѣмъ, какъ вести невѣсту въ баню, она поетъ):	
(Къ брату):		1715. Благослови-ко родной батюшка....	—
1691. Соколочекъ ты, братъ миленькій...	521	1716. Погоди, моя милая сестрица.....	530
1692. А теперь, слава Тебѣ, Господи....	—	(Невѣста проситъ, чтобы ей распели косу):	
(Къ матери):		1717. Попрошу я, вамъ покланяюсь.....	—
1693. Ты, крупная моя матушка.....	—	1718. Мнѣ не надоть, моя подруженька...	—
1694. Посторопъ да красной красоты....	—		
1695. Теперь, слава Тебѣ, Господи.....	522		
1696. Посиди, да воля вольная.....	—		
(На другой день послѣ дѣвичника невѣста при- читаетъ, рассказывая сны):			
1697. Вы, родные родители.....	523		
1698. Ужъ вы дайте въ очи видѣти.....	524		

№	стр.
1719. Подымись, моя родна сестра . . .	530
1720. Благослови, кормилецъ батюшка . . .	—
(Дѣвушки-подружки поютъ):	
1721. Растопися, парна баенка	—
(По выходѣ изъ бани невѣста голосить):	
1722. Я иду, родимый батюшка	—
1723. Тебѣ спасибо, родимый батюшка . . .	531
1724. Благослови, родный батюшка	—
(Во время кушанья за столомъ невѣста голосить):	
1725. Вы покушайте, мои подруженьки . . .	—
1726. Тебѣ спасибо, родный батюшка . . .	531
(Дѣвушки-подружки поютъ невѣсть):	
1727. Не печалься, Марее душа	—
1728. Всѣ кучера поразѣдуются	—
(Невѣста ходя по избѣ приговариваетъ):	
1729. Похожу я, молодешенька	—
(По приѣздѣ жениха):	
1730. Кто же у насъ умный	532
(При уходѣ дѣвушекъ невѣста голосить):	
1731. Погодите, мои подруженьки	—
1732. Охъ, рожденна моя матушка!	—
(Въ день свадьбы невѣста рано утромъ голосить):	
1733. Я встала-то, молодешенька!	—
(Приходятъ дѣвушки-подружки и поютъ):	
1734. Вереюшка пошатнулася	533
(Невѣста при видѣ дружекъ голосить):	
1735. Попрошу я тебя, мой родимый братъ . . .	—
(Во время стола дѣвушки поютъ):	
1736. Да ужъ кто-жъ тебя, Арсепій князь . .	534
1737. Вдоль по улицѣ молодецъ идетъ	—
1738. Тебѣ спасибо, князь молодой	—
(Невѣста голосить):	
1739. Не прощу, кормилецъ батюшка	—
(Передъ отъѣздомъ въ церковь дѣвушки поютъ):	
1740. Не спи, не лежи	535
1741. Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго	—
1742. Не шелкова ниточка къ стѣнѣ льнетъ . .	—

№	стр.
VI. Псковской губерніи.	
(Послѣ помолвки).	
1743. Сватъ мой, родной батюшка!	537
(Во время катанья по деревнѣ дѣвушки подружки поютъ):	
1744. Поля ли мои, поля чистыя	—
(Заѣзжая въ какой-нибудь домъ въ гости, за по- рогомъ поютъ):	
1745. Покорно благодаримъ Т. Осиповна . . .	—
1746. Позволь свѣтъ Т. Осиповна	—
(На могилѣ родителей)	
1747. Вы завѣйте, вѣтры буйные	—
(На вечерникѣ, когда женихъ сидеть за столѣ, дѣвушки поютъ):	
1748. Боже, благослови, Христосъ	—
Величальные пѣсни.	
(Жениху):	
1749. Дородный молодецъ, Михаилъ Андре- вичъ!	538
(Родной сестрѣ):	
1750. Скажи мнѣ, пожалуйста, паша милая подружка	—
(Невѣсть):	
1751. Наша княгиня душа, Агаея Ива- новна	—
(Батькѣ вѣстному):	
1752. Наша княгиня душа	538
(Передъ входомъ дружки и жениха):	
1753. Не буйные вѣтры понавѣяли	—
(Когда невѣста даритъ гостей):	
1754. Пахала Александра душа да тронъ сѣпп	—
1755. На дворѣ, матушка, что ни дождь, ни роса	539
(Когда невѣста даритъ жениха):	
1756. Павою по-морю плыла	—
(Еще поютъ на вечерникахъ):	
1757. Милые наши вы колодези	—

№	СТР.
1758. Не выплывай, сѣра утушка, съ зеле- ной тросты.....	539
1759. Не пей ты, милая подружка, княже- скова меду.....	—
1760. Мы тебѣ, сестрица душа, безъ людей говоримъ.....	—
1761. Злодѣй измѣнница, паша милая по- дружка!.....	—
1762. Не продавай, братецъ, родной сестры!	540
1763. По сѣнямъ было, по сѣничкамъ....	—
1764. Въ Океанъ-городѣ трое новые во- роты.....	—
1765. Мила теща, мила зятя у себя почевать унимаетъ.....	—
1766. Квягипа молодая! Скажи намъ, по- жалуйста.....	—
(Опѣвають молодыхъ):	
1767. Молодая барыня, Александра Яков- левна!.....	541
(За овѣдомъ):	
1768. Ягода съ ягодой сокатилася.....	—
1769. Катился виноградъ да по загородью.	—
1770. Сиди ты, милая подружка, остереги- вайся!.....	—
1771. Тихо вы, бояре, спаряжаетесь.....	—
1772. Выйду-ль я, сирота, на крутой кры- лецъ.....	—
1773. Не сиди, матушка, у долгова пира..	—
(На могилѣ):	
1774. Вы развѣйте, вѣтры буйные.....	542
1775. Вдова молодая, жена богомольная..	—
(Вѣнчальнымъ отцу и матери):	
1776. Книгиня молодая! скажи намъ пожа- луйста.....	—
(Сиротѣ):	
1777. Рѣчки-ль мои, рѣчушки!.....	—
(Когда поѣзжане привѣщаютъ къ невѣстѣ):	
1778. На чемъ ты, душенька, полѣ ѣзжалъ?	—
(Если хорошо дарятъ за величанье):	
1779. Благодарствуй, душенька, на твоихъ подарочкахъ.....	543
(Если худо дарятъ за величанье):	
1780. Вечоръ ты, друженька, у насъ поче- вать.....	—

№	СТР.
(Когда невѣста сидитъ за столомъ до вѣнца):	
1781. Расплаталась въ саду грушенька....	543
(Когда отецъ и мать крестные невѣсты чешутъ ей голову):	
1782. На сипемъ на морѣ двѣ утки пла- вали.....	—
(Когда мать (родная) чешетъ голову невѣстѣ):	
1783. Государыня ты, родная матушка!..	—
1784. Жемчужное чѣлушко за шею го- няется.....	—
1785. Спасибо тебѣ, сестрица лебедушка..	—
(За столомъ, когда распустятъ косу невѣстѣ):	
1786. Вы раздайтесь, расшепчите, люди добрые.....	—
(Женихъ ведетъ невѣсту къ вѣнцу)	
1787. Увели, увели нашу милую подружку.	544
(Свадебныя пѣсни разн. у., Псковск. губ.).	
1788. Боже благослови, Христосъ.....	546
(За столомъ на сговорѣ):	
1789. Не ель въ бору заплаталася.....	—
(Въ домъ жениха):	
1790. Родимый батюшка!.....	—
1791. Дородень молодецъ.....	—
(Когда жениха благословляютъ):	
1792. Благословлялось солнышко.....	547
Передъ выѣздомъ изъ дома жениха за невѣстой въ церковь дружка говоритъ):	
1793. Въ честномъ дому.....	—
(На дворѣ невѣсты):	
1794. Вскочили и выбѣгли.....	—
(Когда женихъ входитъ въ пѣву):	
1795. Почернѣлъ на головушкѣ.....	—
(Когда женихъ входитъ въ сѣни дома невѣсты):	
1796. Матушка! бѣется соколъ.....	—
(При входѣ жениха въ пѣву невѣста голоситъ):	
1797. Не гости къ намъ идутъ и не при- тели.....	—

№	СТР.	№	СТР.
1798. Не стой, друженька, долго въ терему.	547	1829. Какъ нашей дѣвушкѣ темной ночи	
1799. Не видали ль, дѣвушкн.....	—	не спалось.....	553
1800. На горѣ лужокъ зеленешеньекъ.....	548	1830. Ходилъ Иванушка рассказывать.....	—
1801. Былъ бы за завѣсой.....	—	1831. Да чѣи-жъ это комони.....	—
1802. Дорожный добрый молодець.....	—	1832. На морѣ вуточка купалася.....	554
1803. Не пей ты, милая подружка, княжова			
меду.....	—	(Когда молодые кладутъ спать):	
1804. Не въ золоту ли трубочку и трубила?	—	1833. У пастъ на свадьбѣ хмель да дуда..	—
1805. Не стой друженька, долго въ терему.	—		
(Когда молодые ѣдутъ съ погоста):			
1806. Потихоньку, бояры.....	—		
(Когда молодые приѣдутъ ко двору):			
1807. У нашего князя.....	548		
(Когда молодые всходятъ на крыльцо):			
1808. Дружка идетъ.....	549		
1809. Поди-тко, вѣженка.....	—		
(Выпчальному, брату неженатому):			
1810. Запла туча сахарная.....	—		
1811. На дворѣ, матушка, что ни дождь, ни			
роса.....	—		
1812. Нашъ князь молоденькой.....	—		
(На могилѣ родителей невеста голосить):			
1813. Ахъ вы свѣты мои сестрицы.....	—		
(Когда дружка покупаетъ невесту у ея брата):			
1814. Ты не плачь, не тужи, мила по-			
дружка.....	550		
1815. Здравствуй, братъ дорогой.....	—		
1816. Вейся, капуста.....	—		
1817. Стояли комони, пошибши головы....	—		
1818. По лугу лужочку, по крутому бере-			
жочку.....	—		
1819. Ясный соколъ.....	—		
1820. Гдѣ ты, хмелекъ, зимовалъ.....	—		
(На дѣвичникѣ):			
1821. У воротъ береза стояла.....	551		
1822. Помнишь ли ты, Дарьюшка.....	—		
1823. Ай воентъ, воентъ, Иванъ же князь..	—		
1824. Какъ во сыромъ бору пролегала до-			
роженька.....	—		
1825. Благослови меня, Боженъка.....	—		
1826. Далеко, во чистомъ полѣ.....	552		
1827. Благослови, Боженъка.....	—		
(Передъ тѣмъ какъ ѣхать въ вѣнцу):			
1828. Вѣленькій хорошенькій, Василь Ива-			
новичъ.....	553		
		VII. Рязанской губерніи, Зарайск. у.	
		Запой. Величальн. пѣсни.	
		(Женихову отцу):	
		1834. Звонкое деревцо куварисовое.....	—
		(Жениховой матери):	
		1835. Приѣзжая сватенька.....	—
		(Брату неженатому):	
		1836. Какъ пойду я, молоденька.....	—
		(Спохъ):	
		1837. По сѣнямъ ли сѣнямъ новымъ.....	—
		(Брату неженатому):	
		1838. На комъ, на комъ кудри русы.....	—
		1839. Рай мой рай.....	556
		(Во время приготовления коровая).	
		1840. Валу, валу сыръ коровой.....	—
		1841. Каравай на лавку взлѣзъ.....	—
		1842. Пекись, пекись, сыръ коровой.....	—
		1843. Ой яблокъ моя кудрявая.....	557
		1844. кедровая(?) ..	—
		(Жениху):	
		1845. Яблокъ кудрявая.....	—
		1846. Во сыромъ бору на клепу.....	—
		1847. По лугу трава.....	—
		1848. Летѣли тутъ голуби черезъ дворъ..	558
		1849. Ой доли, доли долами.....	—
		1850. Ой сборы, сборы, сборы Марышны..	—
		1851. Ты звѣзда ли моя звѣздушка.....	—
		1852. Кормилецъ мой, батюшка! ..	559
		1853. Коровать короватушка.....	—
		Той же губ., Данковск. у.	
		1854. Не было вѣтру, — вдругъ павнуло..	561
		1855. Поднимвали гуси лебеди.....	—

№	СТР.	№	СТР.
(Когда невесту ведутъ въ баню):		1892. Стривай, мати, сына.....	572
1856. Растопишь, банька.....	561	1893. Хата моя, хата моя.....	574
1857. Какъ у Марьи у Матушки.....	—	Того же уѣзда, дер. Подъяковлева.	
1858. Вѣнули вѣтры по чисту полю.....	—	(На дѣвичникѣ):	
1859. Не бушуй, холодець вѣтеръ.....	562	1894. Пылъ, пылъ по дорожкѣ.....	575
1860. Ужъ вы сборы, мои сборы.....	—	1895. Не въ трубушку трубятъ.....	—
1861. Ой рано, рано по зарѣ.....	—	1896. Тихая Волга на Дунай течетъ.....	576
(На дѣвичникѣ):		1897. Соловьишка, соловей.....	—
1862. Куковала кукушечка.....	—	1898. Рапо въ воскресенье.....	—
1863. Въ отхожей повой горенкѣ.....	—	1899. Андреянъ ѣхалъ мимо тестева двора.....	—
1864. Много, много у сыраго дуба.....	—	(Величальные женатому):	
1865. Какъ Марьюшка голубушка.....	563	1900. А кто жъ у насъ большой, наболь-	
1866. Звонили звоны въ Данковѣ городѣ.....	—	шой.....	578
1867. Я не знала, млада, не вѣдала.....	—	1901. Ой во садике, садике.....	—
1868. Кого это величаемъ?.....	—	1902. Ой на горѣ на горочкѣ.....	579
1869. Иванъ ходя по двору.....	—	1903. У насъ во городѣ конопля росла, ко-	
(Женихову отцу съ матерью):		нопельника.....	—
1870. Угрюмъ, угрюмъ ходитъ.....	—	1904. Стелется, вѣется.....	—
1871. Летѣли голуби черезъ теремъ.....	564	1905. А кто жъ у насъ на коню проѣзжалъ?.....	—
1872. Вечоръ сы вечеру.....	—	1906. Александръ Петровичъ свѣтъ.....	—
1873. Марьи пѣсенку небезчестно слы-	—	1907. У воротъ орѣшпа.....	580
шатъ.....	—	1908. Подъ калинкою.....	—
1874. Какъ сказали.....	—	1909. Спасибо Александру Петровичу.....	—
1875. Соколъ соколовнѣ.....	—	1910. Ой пѣецъ, пропоецъ.....	—
1876. Соколы, соколы, кудыжъ лѣтали.....	—	1911. Благослови, Господи, Кузьма-Демьянъ.....	581
1877. Какъ за нашими широкими воротами.....	565	1912. Дружка, подружка.....	—
1878. Надъ рѣкою сосенъка зелена стоитъ.....	—	(Когда молодыхъ ведутъ въ клѣтъ):	
1879. Какъ по погребу бочечокъ ка-	—	1913. Меня, млада ѣ клѣтку ведутъ.....	582
тается.....	—	1914. Куры на насѣсточку хочутъ.....	—
VIII. Тульской губерніи, Новосильск. у.			
1880. Милая жъ моя дѣточка.....	567	Той же губ., Епиф. у.	
1881. Да какъ же мнѣ, горькій.....	—	1915. Ты дуракъ, дружка.....	583
1882. Во горепкѣ, во повинькій ходя го-	—	1916. Какъ у насъ въ саду рѣи текли.....	—
лубъ сы голубушкою.....	—	1917. На маковкѣ соловей.....	—
1883. Вы города лобада.....	—	1918. Кустикъ, кустикъ, кустовой.....	—
1884. По рѣчушкѣ утепушка плавала, пла-	—	1919. Подари, Алексѣй сударь, подари!.....	584
вала.....	568	1920. У насъ на горѣ стоитъ елочка.....	—
1885. Да ну чей такой на улицѣ конь	—	1921. Какъ во горепкѣ пластовой.....	584
игралъ.....	—	1922. Стелется, вѣется.....	—
1886. Перепелка, перепелка.....	—	1923. Какъ у рюмочки серебряной.....	—
1887. Ужъ ты голъ ли, мой голъ, голъ го-	—	1924. Какъ у Авдотьи во горепкѣ.....	585
лочникъ.....	569	1925. Какъ на дубчикѣ два голубчика си-	
1888. И спасибо Якимушкѣ.....	571	дятъ.....	—
1889. И спасибо столу и свамеечкѣ.....	—	1926. Кто жъ у насъ лебединъ?.....	—
1890. И спасибо сирдоболу дѣдушкѣ.....	—	1927. Соловейка моя молодая.....	586
1891. Расплати, братяцъ.....	572	1928. Сударини моя маменька!.....	—

№	стр.
1929. На комъ, на комъ кудри русы.....	586
1930. Какъ по лугу, лугу, по зеленому лугу.....	—
1931. Не красенъ день безъ красного солнышка.....	587

(Когда увирають невѣсту къ вѣнцу):

1932. Благослови меня, родимый батюшка!	—
1933. Во полѣ лебедушка кричала.....	—
1934. Не тѣсанъ ли теремъ, не тесанъ...	—
1935. Заря ли моя, зорюшка.....	—
1936. Зеленая сосенка, желтый цвѣтъ....	—
1937. Не разливайся, мой милый Дунай..	588
1938. На морѣ утушка купалася, полоска-лася.....	—
1939. Катилися игрушки съ верхушки....	—
1940. Какъ у насъ въ бору на клену....	—
1941. Городомъ я шла зарею.....	—
1942. Охъ ты елка, ты елка, сосенка....	589
1943. Во горенкѣ во новой.....	—

(Плачь невѣсты):

1944. Красота ль моя, красота, красота дѣвчья!.....	—
-----------------------------------------------------	---

(Когда расплетаютъ косу):

1945. Не въ трубушку мы трубимъ рано на зарѣ.....	589
1946. Расплеталася русая коса.....	—

(По дорогѣ въ вапю):

1947. У воротъ бабушка стояла.....	590
1948. Долго, долго соколъ не летитъ.....	—
1949. Какъ передъ нашими широкими воротами.....	—

(Когда придутъ отъ вѣнца):

1950. Какъ шелковая ниточка изъ стѣпочкѣ льнетъ.....	—
1951. Дунули вѣтры по чисту полю.....	—

(Когда подружки будятъ молодыхъ):

1952. Дѣвушки, подружки мои!.....	—
-----------------------------------	---

IX. Калужской губерніи, Малоярославск. у.

(На дѣвичникъ):

1953. Ужъ ты ель моя, елушка.....	591
1954. Что летѣлъ соколъ изъ Новгорода.....	—
1955. Ай на морѣ утушка умывалася.....	—

№	стр.
Той же губ. и у. с. Ахлебинино.	—

1956. Я въ высокомъ теремѣ сижу.....	591
1957. Въ теремѣ свѣтушко не ярко горитъ.....	592
1958. Била, била на Волгѣ вода.....	—
1959. Давно-жъ тебѣ, Катерипушка.....	—
1960. Не долго вѣпочку на ступкѣ висѣть.....	—
1961. Вился, вился, кочепочекъ.....	593

(Невѣсты):

1962. Какъ при вечерѣ, вечерѣ.....	—
1963. Какъ сказали: Павелъ грозенъ.....	593
1964. Ужъ вы дѣвки, вы дѣвушки.....	—

(Свахи):

1965. Я не знала, не вѣдала.....	594
----------------------------------	-----

(Если сваха не щедро даритъ):

1966. Околѣть тебѣ, свашенькѣ.....	—
1967. Соколы мои, соколы.....	—
1968. Ой, отъ горницы до горницы.....	595
1969. Ой на морѣ—тамъ досточка лежала.....	—

X. Смоленской губерніи, Юхновск. у.

(На канунѣ свадьбы):

1970. А у мѣсяца золотые рога.....	596
------------------------------------	-----

(Жениху):

1971. Мы пойдемъ по горенкѣ.....	—
----------------------------------	---

(Ему же):

1972. Изъ-подъ града, изъ-подъ Нова.....	—
1973. Не поле, поле запылилося.....	597
1974. У воротъ трава росла.....	—
1975. Во теремѣ свѣчка не ярко горитъ.....	—
1976. Поглядите-ка подружки.....	598

(Когда женихъ за выкупъ невѣсты даетъ мѣдныя деньги):

1977. Эту-то мѣдь.....	—
1978. На горѣ дубочекъ пошумливаетъ.....	—
1979. При долині, при широкой.....	—
1980. Кто жъ у насъ холостъ, холостъ?.....	599
1981. Ельничекъ частоватый.....	—

№	стр.	№	стр.
1982. Металь соколъ по крутымъ по го- рамъ.....	599	2011. Родимая моя матушка.....	605
1983. Не въ трубушку трубили рапо на зарѣ.....	—	2012. Желанный мой батюшка.....	—
1984. Ты Кузьма-Демьянъ.....	600	2013. Поди-ка ты ко мнѣ, дорога гостя...	606
1985. В'насъ па горочкѣ на пригорочкѣ..	—	(По дорогѣ въ баню):	
1986. Заходила туча грозная.....	—	2014. Покрасуйся, моя руса коса.....	—
1987. Прасковьюшка со двора съѣзжала..	—	2015. Желанный ты мой дядюшка!.....	—
(Жениху):		2016. Прощай-ка ты, мой желанный дя- дюшка.....	—
1988. У насъ въ огородѣ.....	—	(По возвращении изъ бани):	
(Ему жѣ):		*2017. Рѣка ли моя рѣченька.....	—
1989. А кто же у насъ холостъ?.....	601	(Вечеромъ невѣста поетъ):	
(Жениху и пѣвцѣ):		2018. Сижу-то я день до вечера.....	—
1990. Иванушка грозепъ, Васильевичъ гро- зепъ.....	—	2019. Желанный мой, родитель батюшка..	607
(При выѣздѣ изъ воротъ):		2020. Я-то, горькая, встала-то я рапе- шенько.....	—
1991. У Мнѣнѣ во дворѣ.....	601	2021. Желанный ты, кормилецъ батюшка!	—
1992. Выйди-ка свекровья горбатая.....	—	2022. Ты то ли, добрый молодецъ!.....	—
1993. Кто жѣ у насъ лебедичъ?.....	602	2023. Желанный мой, крестный батюшка..	—
1994. Коло тыну хожу.....	—	2024. Не спѣги-то меня обѣяли.....	608
1995. Закачалася, завалилася.....	—	2025. Желанный ты мой, кормилецъ ба- тюшка!.....	—
1996. По лугамъ, лугамъ по зеленымъ лу- гамъ.....	—	2026. Лебедушка моя, милая сестра.....	—
1997. Конопелька добрая.....	—	2027. Желанный ты мой батюшка.....	—
1998. Виноградъ раздвѣтаетъ.....	—	2028. Желанная ты моя, родимая матушка!	—
(Свахѣ):		2029. Желанный ты мой, кормилецъ ба- тюшка.....	—
1999. Какъ па нашей па сватѣ.....	603	2030. Голубчикъ ты мой, милый братъ!...	609
2000. Ивашъ чванится, своей жѣнкой хва- лится.....	603	2031. Первую-то ступень ступила.....	—
2001. Рюмочка ты серебряная.....	—	2032. Желанная ты, моя матушка.....	—
2002. Во саду подъ грушею.....	—	2033. Желанный ты, мой дядюшка.....	—
2003. Ты побѣдешь, мой милый.....	—	2034. Покрасуйся, моя руса коса.....	—
2004. Черемуха, густецкій кустокъ!.....	—	2035. Какъ за рѣчушкой слободушка стоитъ.	610
2005. Соловьюшка перелетаетъ.....	604	2036. Маленькая птлчка, маленька.....	—
		2037. Въ саду было въ садку.....	—
		2038. Какъ изъ улицы метелица мететь...	—
		2039. Передъ нашими широкими воротами.	—
		2040. При дѣвичью было вечеру.....	611
		2041. Въ темныхъ лѣсахъ кукушечка куко- вала.....	—
		2042. А у терема, терема.....	—
XI. Орловской губерніи, Малоархангельск. у.		Той же губ., Орловск. у.	
(На дѣвичникѣ):		2043. У тесовыхъ воротъ.....	612
2006. Лебедушки подруженьки.....	—	2044. Вьюнъ на водѣ увивается.....	—
2007. Лебедушка моя подруженька.....	605	2045. Не было вѣтру — понавѣяло.....	—
2008. Кормилецъ мой, желанный батюшка.	—	2046. Не уздаца колечушки звякнули....	—
2009. Желанные мои, батюшка и матушка.	—	2047. У голубя голубушка подъ крыломъ..	613
2010. Желанная моя матушка!.....	—		

№	стр.	№	стр.
2048. Какъ на морѣ топка жердочка ле- жала.....	613	(Величаютъ холостыхъ):	
2049. Зимой, лѣтомъ сосенушка зелена...	—	2078. Викторъ Михайловичъ.....	620
2050. Съ горъ, горы мятелища заметають...	—	(Величаютъ сваху):	
2051. На долинущѣ бѣлый лѣсъ вѣтеръ по- вѣваетъ.....	614	2079. Сватюшка молодая да купцу ко- нала.....	—
2052. Что гоголь мой, гоголечекъ?.....	—	(Когда собираются ѣхать къ невѣстѣ):	
2053. Свѣтель мѣсяцъ дороженьку освѣ- тилъ.....	—	2080. Летѣли голуби черезъ дворъ.....	—
2054. Бѣлыя лебедки! гдѣ жъ вы бывали?..	—	2081. За церковью.....	621
2055. Пойду я вдоль по улицѣ.....	—	(Невѣсть сиротъ):	
(Въ день свадьбы, когда женихъ ѣдетъ за невѣ- стой):		2082. Много, много во сиромъ дубу.....	—
2056. Долга темна осенняя ночушка.....	615	(Когда ведутъ къ вѣнцу):	
2057. Милый другъ мой Иванъ.....	—	2083. Тамъ, тамъ за рѣкою.....	—
2058. Ты заря-ль моя зорюшка.....	—	(Послѣ вѣнца):	
2059. Заря моя, зорюшка.....	—	2084. Охъ и штожь у насъ по саднику ле- тая?.....	—
2060. Не разливайся мой тихій Донъ.....	616	2085. Какъ уходя свѣтель мѣсяцъ.....	622
2061. Какъ при вечерѣ вечерѣ.....	—	2086. Охъ вы озѣры, озѣры глубокія.....	—
(При прѣздѣ жениха):		2087. Какъ подъ небесью ямень соколъ летая.....	—
2062. Авдотьины сборы, сборы.....	—	2088. Охъ у нашихъ у воротъ.....	623
2063. На улицѣ кричуль, кричить.....	—	Той же губ., Рыльск. у.	
2064. Яблоня моя садовая, кора золотая..	617	(Когда учиняють каравай):	
2065. Воскунула кукушка въ лѣсу.....	—	2089. Пшеничная опара.....	—
2066. Летѣли голуби черезъ теремъ.....	—	(Когда мѣсятъ каравай):	
2067. Хожу, гулю.....	—	2090. Каравайницы воры.....	—
2068. Летить, летить.....	—	2091. Што это во полѣ загорѣлося.....	—
2069. Журилась галушка въ саду.....	618	2092. Цвѣли, цвѣли цвѣтныи.....	624
2070. Просилась галушка у ясна сокола...	—	2093. Яблонь моя садовая.....	—
2071. Хвалилась калина.....	—	2094. На взлѣску на перелѣску.....	—
XII. Курской губерніи, Тѣмск. у.		2095. У насъ за горою, да за вишневымъ садомъ.....	625
(На сговорѣ):		2096. Въ пятницу невѣстушка весела была.	—
2072. Я не думала, не вѣдала.....	—	2097. Вечоръ ко мнѣ Гапуля.....	—
(Величаютъ жеватыхъ):		(Когда выметають печь для каравая):	
2073. Да по рѣчушкѣ селезенюшка.....	619	2098. Шелковое помело.....	—
(На дѣвичникѣ):		(Когда дружка несетъ каравай отъ стола къ печи):	
2074. Какъ при вечерѣ, вечерѣ.....	—	2099. Дружка каравай несетъ.....	626
(Когда дѣлають каравай):			
2075. Валю, валю коровай.....	—		
(Когда сажаютъ коровай въ печь):			
2076. Нашъ каравай у печку пошелъ.	—		
2077. Прилетѣла нава.....	620		

№	СТР.	№	СТР.
(Когда кладутъ каравай на лопату):			
2100. Печь—мать гогочеть.....	—	2136. Ужъ забѣжай ты, добрый молодецъ.	—
2101. Вздогнули сѣни.....	—	2137. Ужъ раздѣльниче ты, родимый ба- тюшка.....	—
2102. Бояре, бояре!.....	—	2138. Ужъ раздѣльниче ты, родимый ба- тюшка.....	635
2103. Бояре, бояре.....	—		

(На дѣвичникѣ):

2104. Долго, долго соколъ не летитъ.....	—
2105. Темная, невидная почюшка.....	627
2106. Рутва, рутва! желтый цвѣтъ.....	—
2107. Летѣли пчелы.....	—
2108. Чей это поѣздъ по улицѣ проѣзжаетъ.....	—
2109. Не гнися, дружокъ, не гнися.....	—
2110. Сказали: дружокъ старъ, старъ.....	628
2111. Спасибо, дружинишко.....	—
2112. Катились грушки съ верхушки.....	—
2113. Ой, мгла и мгла.....	—
2114. Воробичи, воробичи!.....	—
2115. Медовая моя рѣчушка.....	—
2116. Поѣхала Гапуля со двора.....	—
2117. По сѣнюшкамъ голубецъ ходить.....	620
2118. Ой попе, попе.....	—
2119. Мы у Бога были.....	—
2120. Догадайся, Петруня, догадайся.....	—
2121. Повели дѣвку въ кѣтеу.....	630
2122. Прекрасное наше дерево калпа.....	—
2123. Бѣлъ, бѣлъ камень.....	—
2124. Сказали у Гапули.....	—
2125. Погуляйте, сваты, погуляйте.....	—
2126. Ой на хатѣ зелье.....	—

XIII. Тверской губерніи, Калазинск. у.

(На дѣвичникѣ):

2127. Ужъ голубушки, вы мои подруженьки.....	632
2128. Не въ трубочку ли трубили рано, по росѣ.....	—
2129. Ужъ раздѣльниче ты, родимый ба- тюшка!.....	—
2130. Ужъ голубушки, вы мои подруженьки.....	—
2131. Вотъ при вечерѣ, вечерѣ.....	—
2132. На улицѣ дождичекъ накрапливаетъ.....	—

(Невѣста):

2133. Ужъ раздѣльниче ты, родимый ба- тюшка.....	633
2134. Ужъ и голубушка моя сватьяшка.....	634
2135. Ужъ голубчикъ ты мой, любезный братъ.....	—

(Послѣ благословенія):

2139. Прощай ты папъ высокъ теремъ.....	—
2140. Ужъ поѣжай ты, добрый молодецъ!.....	—
2141. Разсыпался крупной жемчугъ.....	—
2142. Не послѣдній ли годокъ мнѣ въ дѣ- вушкахъ сидѣть.....	636
2143. Кто у насъ холостъ, не женатъ?.....	—
2144. Не тошно ли тебѣ, Невя рѣка.....	—

(Платъ невѣсты на капушъ вѣнца, когда ей за-
плетають косу):

2145. Ужъ вы голубушки-подруженьки.....	—
-----------------------------------------	---

(Къ любимой подружкѣ):

2146. Ты голубушка-подруженька.....	—
-------------------------------------	---

(Провожая обратно подругъ):

2147. Вы голубушки, подруженьки.....	637
2148. Ужъ раздѣльниче ты, родной ба- тюшка.....	—
2149. Ужъ раздѣльниче ты, родной ба- тюшка.....	—

(При входѣ жениха въ избу невѣста припичтаетъ):

2150. Не павынька по заполью летала.....	—
------------------------------------------	---

(Обращаясь къ родителямъ):

2151. Закачите-ко вѣтомъ улипцу.....	638
--------------------------------------	-----

(Подруги невѣсты):

2152. Во полѣ бояре стояли.....	—
2153. Какъ не пава по двору ходить.....	—

(Во время выкупа невѣсты):

2154. Ужъ ты, епязюшко хорошенькій.....	—
-----------------------------------------	---

№	СТР.	№	СТР.
(НЕВѢСТА):		(НА ДѢВЧИЦЫ):	
2155. Родная, родимая матушка.....	639	2184. Не въ саду я загулялася.....	—
2156. Ужъ ты голубушка бѣлая.....	—	(ПРИЧИТАНІЕ НЕВѢСТЫ, ОБРАЩЕННОЕ КЪ КРАСОТѢ):	
Той же губ., Новоторжск. у.		2185. Ты прости-ко, краса дѣвичья!.....	650
2157. Что были за гости, за пріятелѣ....	641	(ДѢВУШКИ ПОЮТЪ):	
2158. Распалася грушница.....	—	2186. При вечерѣ было вечерѣ.....	—
2159. Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго.....	—	2187. Цвѣты мои цвѣтики.....	651
2160. Какъ чесалъ Андрей кудри.....	642	2188. Авдотьюшка заплакала.....	—
2161. Ну, погоди-ко, мой свѣтель мѣсяцъ!..	—	2189. Воздѣ рѣченки на бережѣ.....	—
2162. Не всѣ то у насъ гости въ собраньицѣ.	—	(ПРИ РАЗДАЧѢ СВАХОЙ ПОДАРКОВЪ):	
2163. Ты рѣка ли моя, рѣченька.....	—	2190. Вечеромъ позднимъ позднехонько....	652
2164. Какъ леталъ-то, леталъ соколъ.....	—	(НЕВѢСТА):	
2165. Свѣтъ ты, коса дѣвичья, коса русая.	643	2191. Чьи эти хоромы.....	—
2166. Подите вы, подружки ластушки....	—	(ПРИЧИТАНІЯ НЕВѢСТЫ ВЪ ДЕНЬ ВРАКА):	
2167. Не долго вѣнчѣку на столбикѣ вѣ- сѣть.....	—	2192. Вѣтры буйныя разбушуйтеся.....	653
2168. Соколъ соколенка.....	—	2193. Мнѣ прошедшу темцу поченьку....	—
2169. Бѣхалъ зять мимо тестева двора....	—	(ДѢВУШКИ ПОЮТЪ ДРУЖКѢ):	
(КОГДА НЕВѢСТУ ВЕДУТЪ ВЪ БАПЮ):		2194. Идетъ дружка нашъ хорошъ.....	654
2170. Растопися, баенька.....	644	2195. Ой, ты друженька.....	655
XIV. Ярославской губерніи, Пошехонск. у.		2196. Что это, родимый батюшко.....	656
(ПРИЧИТАНІЯ ВЪ «СГОВОРКѢ»):		2197. Ты садись-ко, добрый молодецъ....	657
2171. Не давай, кормилецъ, батюшка.....	645	2198. Ты изволь-ко, сударь тысяцкій.....	—
(ПРИ РУКОВИТЬѢ):		2199. Ты изволь-ко, добрый молодецъ....	—
2172. Не давай, кормилецъ, батюшко.....	—	2200. Ужъ сударь ли родной батюшка....	—
(ПРИЧЕТЫ НЕВѢСТЫ):		(НЕВѢСТА):	
2173. Благослови-ко меня, Господи.....	—	2201. Ты пріятный, желанный батюшко!..	657
2174. Вы голубушки подружки.....	—	2202. Ты изволь-ко узнать, добрый моло- децъ.....	—
2175. Благослови-ка меня, Господи.....	647	(ПРИГОВОРЪ ДРУЖКѢ):	
2176. Ты послушай-ко, кормилецъ батюшко.	—	2203. Встапу я, добрый молодецъ.....	—
2177. Ну, Господь же съ тобою, батюшко.	—	2204. Ужъ какъ звать-то, красной дѣвицѣ.	658
2178. Вы подруженьки, вы голубушки....	648	(ПРИГОВОРЪ ДРУЖКѢ):	
2179. Вы пойдете, мои родимые.....	—	2205. Попелъ дружокъ.....	—
2180. Ты, послушай-ко, моя невѣстущка..	—		
2181. Не послушались, мои желанные....	—		
2182. Ты голубушка, невѣстущка.....	649		
(НЕВѢСТКА):			
2183. Ты родимая моя золовушка.....	—		

№	стр.
(Невѣста):	
2206. Вы простите-ко, подруженьки.....	—
2207. Отлетала лебедь бѣлая.....	659
Княжой столъ.....	—
Третій день. Отводины.....	660—661
Свадебныя суевѣрія.....	661—662

XV. Владимірской губерніи, Юрьевск. у.

(Причитанія невѣсты наканунѣ свадьбы).

2208. Подруженька моя, голубушка.....	—
2209. Невѣстка моя, голубушка.....	663
2210. Вы подруженьки мои, голубушки.....	—
2211. Ты родимый мой батюшко.....	—
2212. Родимый мой, брателко.....	—
2213. Поглядите мои родимые.....	664
2214. Родимый мой батюшка.....	—
2215. Милое мое дитятко.....	—
2216. Родимая моя матушка.....	—
2217. Родимый мой батюшка.....	—

(Бѣдучи на могилу):

2218. Не пчела летитъ, не въ устахъ не- сеть.....	—
------------------------------------------------------	---

(По возвращеніи съ могилы):

2219. Ужъ ты родимый мой батюшко.....	665
2220. Ты родимый мой брателко.....	—
2221. Ты родимый мой дядюшка.....	—
2222. Невѣстка моя, голубушка.....	—
2223. Ужъ милое наше дитятко.....	—

(Причитанія невѣсты, когда ее снаряжаютъ къ
вѣнцу):

2224. Ужъ ты по роду мнѣ тетушка.....	666
2225. Коли-то я такова была.....	—
2226. Милое ты мое дитятко.....	—
2227. Не встала бы я, горькая.....	—
2228. Обсѣли меня, горькую.....	—

(Во время благословенія она воищетъ):

2229. Ужъ родимый ты мой батюшка.....	—
2230. Вы раздайтесь, раступитесь.....	667
2231. Молодые вы, мои брателки.....	668

№	стр.
Той же губ. и у.	
2232. Свадебныя причеты дружки.....	669—670

Той же губерніи, Судогодск. у.

Предисловіе. Сватовство, столъ, про- пой.....	670—674
--------------------------------------------------	---------

(Причит. на проноз):

2233. Родима-то моя матушка.....	—
----------------------------------	---

(Подружки):

2234. Дорогая ты наша гостинка.....	—
-------------------------------------	---

(На дѣвичникъ):

2235. Вы подите-ко, подруженьки.....	674
2236. Любезныя подруженьки.....	675
(Причитанія невѣсты, когда ей заплетають косу):	
2237. Родимый ты мой батюшка!.....	—
2238. Вы лебедушки, подруженьки.....	—
2239. Красота-ль ты моя, красотушка.....	—
2240. Побесѣдуйте-тко, вы подруженьки...	676
2241. Ужъ родимый ты батюшка.....	—

(Канунъ свадьбы. При видѣ родныхъ, входящихъ
въ избу, невѣста причитаетъ):

2242. Вы подите дорогіе гости.....	—
------------------------------------	---

(Утро свадьбы):

2243. Родной ты мой братецъ.....	677
2244. Ужъ вы нахаживайтесь, мои поженъки.	—

(Приговоръ дружки, когда онъ подымается по лѣст-
ницѣ):

2245. По синимъ сѣнцкамъ.....	678
-------------------------------	-----

(Онъ же):

2246. Красныя дѣвицы.....	—
---------------------------	---

(Невѣста опять причитаетъ):

2247. Ужъ ты друженька, большой баринъ.	—
2248. Родной ты мой братецъ.....	679
2249. Расплатитесь вы добрые люди.....	—
2250. Ужъ кормилецъ-то крестный ба- тюшка!.....	—

№	СТР.
2251. Спасибо тебѣ-ко, батюшка.....	680
2252. И родной ты мой братецъ.....	—
2253. Красота мая красотушка.....	—

(Пѣсни, которыя дѣвушки поютъ про поѣзжанъ)
(Про князя):

2254. Ходить же Иванъ, по двору, по двору.	680
--------------------------------------------	-----

(Тысяцкому):

2255. Тысяцкій, тысяцкій большой чело- вѣкъ, большой человекъ.....	—
2256. Селезень по рѣченъѣ всплываваетъ, всплываваетъ.....	681
2257. Шелковая ниточка ко стѣнѣ льнетъ, ко стѣнѣ льветъ.....	—
2258. Ельничъ, березничъ,—то мнѣ дрова, то мнѣ дрова.....	—
2259. Приѣхала сваха дорогая, дорогая...	—

(Когда расплетаютъ косу):

2260. Вострубить же трубочка по росѣ, по росѣ.....	—
-------------------------------------------------------	---

(Холостымъ поѣзжанамъ поютъ):

2261. Поетъ кочетъ въ предовинѣ, въ пред- овинѣ.....	682
2262. Иванаушка въ поѣздъ убирался, уби- рался.....	—
2263. Раззлодѣй, злодѣй, ты Марьюшка...	—

Той же губ., Покровск. у.

(На дѣвичникъ):

2264. Не въ золотѣ трубинька трубить по зарѣ.....	683
2265. Мало цвѣтиковъ посѣяли.....	—
2266. Не долго въпочку на прутнѣ висѣть. Рѣчь дружки.....	683—685

(Передъ отъѣздомъ невѣсты къ вѣнцу подруги
ей поютъ дружкѣ и свату):

2267. Ты послушай, сватушка названный...	—
2268. По народу свать глядѣть.....	—

(Если свать ничего не даетъ пѣвцамъ):

2269. По улицѣ, улицѣ.....	—
----------------------------	---

№	СТР.
---	------

XVI. Костромской губерніи, Кппшемск. у.

Небольшое описаніе сватовства, дѣ-
вичника, обрядовъ до и послѣ вѣн-
чанія, по болѣе подробно эта статья
сообщаетъ забавные приговоры друж-
ки..... 685—689

XVII. Нижегородской губерніи, Ветлужскаго края, Макарьевск. у.

(Во время рукобитья невѣста воетъ):

2270. Исполать, мои пріятелъ.....	—
-----------------------------------	---

(Дѣвушки приглашенныя къ невѣстѣ дорогою
поютъ):

2271. Маленькій по горенкѣ похаживаетъ.	692
-----------------------------------------	-----

(Невѣста передъ ихъ входомъ въ избу воетъ):

2272. Что-то мнѣ почулось.....	693
--------------------------------	-----

(Опять дѣвушки поютъ):

2273. Какъ задумали родители.....	—
-----------------------------------	---

(Послѣ катапья):

2274. Знала-бы, знала, дура, замужъ не по- шла.....	694
2275. Послушайте пріятелъ.....	—

(Утромъ невѣста будить своихъ родителей):

2276. Ужъ какъ снится вамъ пріятелъ.....	—
2277. Ужъ снится мнѣ, пріятелъ.....	695
2278. Поди-ка, милая подруженька.....	—
2279. Поди-ка, крестна матушка.....	—
2280. Ты поди-ка, мой кормилецъ.....	—
2281. Не спасибо вамъ, пріятелъ.....	—

(Когда подруги ведутъ невѣсту въ баню):

2282. Туманъ, туманъ при дождѣ.....	—
-------------------------------------	---

(Въ банѣ, одѣваясь, невѣста поетъ):

2283. Какъ оставьте-ка, сударыня.....	697
---------------------------------------	-----

(Придя домой):

2284. Какъ заплетите-ка, сударыня.....	—
----------------------------------------	---

№	СТР.	№	СТР.
(Сидя возле стола):		(Ты отвечаешь):	
2285. Кушайте, мои сударыни.....	—	2308. Не было витрѣвъ да повинули.....	—
(На вечеринкѣ):		Дѣвушки жениху):	
2286. Грянули весельцы вдоль по морю... —		2309. Кто у насъ умель, кто у насъ разу-	
2287. Во горелкѣ во повои..... 698		мень?..... —	
2288. При вечерней вечеринкѣ..... —		2310. На дубчикѣ два голубчика сидятъ... 712	
2289. Ужъ ты сваха заболтошница..... —		(Въ день брака, рано утромъ невеста причитаетъ):	
2290. Не чаялась, матушка..... —		2311. Вставай-ка, родимый мой батюшка.. —	
2291. Твой женихъ не хорошъ, не пригожъ. 699		2312. Любимыя мои подруженьки..... 713	
(Причитанія невесты, въ день брака передъ отъ- ездомъ въ церковь):		2313. Расцвѣли цвѣты лазоревые..... 715	
2292. Подойди-ко, братецъ батюшка..... 701		Той же губ., Лукояновск. у.	
2293. Что у насъ, мои пріятель..... —		(На прощанъ дѣвушки поютъ):	
2294. Не бросайтесь, милыя подруженьки. 702		2314. Кто у насъ въ бесѣдушки сидитъ... 716	
2295. Благослови меня, Господи..... —		2315. По сѣнямъ, сѣнямъ сѣнюшкамъ.... —	
2296. Ты постой-ка, братецъ батюшка.... 703		2316. Какъ у свахи глаза масляные..... —	
2297. Не сдавайся, братецъ батюшка..... —		2317. У нашего свата..... —	
2298. Не спасибо, дружка ласковый..... —		(Когда женихъ съ невестой, ужинаютъ въ куту):	
2299. Погляди, моя родимая..... —		2318. А кто у насъ школень?..... 717	
(Передъ благословеніемъ родителей невеста при- читаетъ):		2319. — Ужъ ты Дунюшка обманщица.... —	
2300. Ужъ вы дайте-ко, пріятель..... —		Той же губ., Макарьевск. у.	
2301. Вы живите-ко, пріятель..... 704		(Послѣ сговора дѣвушки-подружки невесты поютъ):	
(По дорогѣ въ церковь невеста воетъ):		2320. Гуси-лебеди возвивались..... 719	
2302. Ты горь-ко, горько золото..... 705		2321. Калина со малиной..... —	
2303. Ужъ ты да бабья красота..... 706		2322. Подите-тео ко мнѣ, милые..... —	
(По возвращеніи отъ вѣнца невеста, входя въ домъ, воетъ):		2323. Погляди, моя родимая..... —	
2304. Вы встрѣчайте-ка, пріятель..... 706		2324. Не подумавши, слово молвила..... —	
(Причетъ мальчиковъ, посвящающихъ въ Оомпо воскресенье):		2325. Потрудись, сношка голубушка..... 720	
2305. Молодая молодца..... 708		2326. Поваръ-яворъ..... —	
Той же губ., Сергач. у.		(Дружка проситъ благословенія на весь поѣздъ):	
(На сговорѣ невеста причитаетъ):		2327. Дайте намъ благословенье..... —	
2306. Что у тебя, батюшка, былъ за прѣ- бесѣдушка..... 711		(Дружка):	
(Невеста причитаетъ подружкамъ ее посвящаю- щимъ по вечерамъ послѣ сговора до свадьбы):		2328. Есть у насъ въ чистыхъ поляхъ... 721	
2307. О свѣтъ ты мой, буйная головушка. —		2329. Доступите, пожалуйста..... —	
Той же губ., Сергач. у.		(Невеста):	
(На сговорѣ невеста причитаетъ):		2330. Ты припасъ ли, родной тятенька... —	

№	СТР.
(БРАТЬ НЕВѢСТЫ ПОДВОДИ ЕЕ КЪ ЖЕНИХУ, ПРИЧИТАЕТЪ).	
2331. Отшатись-ко, князе бояре!.....	722
(НЕВѢСТА ВОЕТЪ):	
2332. Не спасибо, дружка ласковый.....	—
2333. Погляди, моя родимая.....	—
2334. Что берешь ты, добрый молодецъ...	—
2335. Не спасибо, родной тятенька.....	—
2336. Погоди-ка ты, дружка ласковый....	—
(КЪ БРАТУ):	
2337. Ты сходи-ко, братецъ, батюшка....	723
(ПРИГОВОРЪ ДРУЖКИ):	
2338. Господи Иисусе Христе, Сыне Божій.	—
2339. Есть ли у васъ у боцекъ боцкари...	—
Той же губ. и у.	
(ПРИЧИТАНІА НЕВѢСТЫ ПОСЛѢ РУКОВИТІА):	
2340. Исполать, мои приятели.....	725
(ПЕРЕДЪ ВХОДОМЪ СВОИХЪ ПОДРУГЪ ВЪ ИЗБУ НЕВѢСТА ПРИЧИТАЕТЪ):	
2341. Что-то мнѣ почувалось.....	—
(ЗА ТѢМЪ ПРОДОЛЖАЕТЪ):	
2342. Не спасибо вамъ, любезныя.....	726
(ДѢВНИЦЫ ПОДРУГЪ ПОЮТЪ):	
2343. Какъ задумали родители.....	—
2344. Послушайте, приятели.....	727
(НЕВѢСТА КЪ КРЕСТНОЙ МАТЕРИ):	
2345. Поди-тва, крестна матушка.....	—
(НА ВЕЧЕРИНКѢ):	
2346. Во горенкѣ во повой.....	—
2347. Ужъ ты сваха шаболтошница.....	728
2348. Твой женихъ не хорошъ, не пригожъ.	—
(НЕВѢСТА):	
2349. Выйди-ка, братецъ батюшка.....	729
2350. Не бросайтесь, милыя подруженьки.	730

№	СТР.
2351. Ты постой-ка, братецъ батюшка....	741
2352. Не сдавайся, братецъ-батюшка....	731
2353. Не спасибо, дружка ласковый.....	—
2354. Погляди, моя родимая.....	—
(ПЕРЕДЪ БЛАГОСЛОВЕНІЕМЪ РОДИТЕЛЕЙ НЕВѢСТА ПРИЧИТАЕТЪ):	
2355. Ужъ вы дайте-тко, приятели.....	732
(ПО ВОЗВРАЩЕНІИ ОТЪ ВѢЩА, ПРИ ВХОДѢ ВЪ ДОМЪ РОДИТЕЛЬСКІЙ, НЕВѢСТА ПРИЧИТАЕТЪ):	
2356. Вы встрѣчайте-тко, приятели.....	733
(ВЪ «РАДОВНИЦЫ» МАЛЫЕ РЕВЯТИШКИ ПРИХОДЯТЪ ВЪ ДОМЪ, ГДѢ ЖИВУТЪ МОЛОДЫЕ, И ПОЮТЪ):	
2357. Молодая молодича.....	735

XVIII. Симбирской губерніи.

2358. Какъ во теремѣ дѣвица дары шила..	—
2359. По дугу лужечку.....	—
2360. Какъ при вечерѣ, при дѣвичникѣ...	—
2361. Приставала лебедушка.....	736
2362. Не шелкова ленточка.....	—
2363. Слушай, Ванька Кулегина стать....	—

(ДРУЖКА):

2364. Спасибо вамъ на словцо, господа...	737
------------------------------------------	-----

XIX. Самарской губерніи.

(ПЕРЕДЪ БЛАГОСЛОВЕНІЕМЪ ДРУЖКА ГОВОРИТЪ):

2365. Батюшка, что батюшка.....	—
2366. Батюшка, что батюшка.....	—

(ПРИЧЕТЫ ДРУЖКИ ЗА ГОРНЫМЪ СТОЛОМЪ):

2367. Бочкари гвоздари.....	759
2368. Изъ куты по лавкѣ.....	—
2369. Поваръ, лебедь бѣлый.....	—

Тамъ же. Съ голоса мѣстныхъ пѣвицъ.

2370. Какъ по морю морю.....	740
2371. Деревцо, деревцо кипарисное.....	—
2372. Какъ по мосту мосту.....	—

№	СТР.
2373. У Нова города.....	741
2374. Какъ сказали про Андрея грозень..	—
2375. Ты рѣка ли моя рѣченька.....	—
2376. По Московской по улицѣ.....	—

XX. Саратовской губерніи.

Свадебные обряды, Сердобск. у.

(На пропой):

2377. Пропилъ ты меня, батюшка.....	742
2378. Родимые вы мои сроднички.....	743

(Послѣ запоя):

2379. Подите-ко вы, мои подруженьки....	—
2380. Бѣжитъ рѣчка по песку.....	—
2381. Охъ вы, дѣвушки, подружки мои....	—
2382. Охъ вы, дѣвушки, подружки мои....	—
2383. Взвейся ты, мой дядюшка.....	—
2384. Звонокъ колоколъ въ Новгородѣ....	—

(Наканунѣ дѣвичника):

2385. При вечерѣ, вечерѣ, Надеждиномъ дѣ- вичникѣ.....	—
-----------------------------------------------------------	---

(На дѣвичникѣ):

2386. Наливная паша ягодка.....	744
2387. Не пойте вы, мои подруженьки....	—
2388. По двору похаживаю.....	—
2389. Чешите мою головушку.....	—
2390. Я вечеръ была на вечерѣ.....	—
2391. Подхожу я къ батюшкинымъ воро- тамъ.....	745

(Въ день свадьбы):

2392. Посторопитесь вы, люди добрые....	—
2393. Не сажай-ка ты меня, батюшка....	747
2394. Первый-то ступень ступлю.....	—
2395. Не сажай ты меня, мой дядюшка....	—
2396. Вотъ тебя, жена.....	748
2397. Сколько въ лѣсу пенекъовъ.....	—

(На другой день свадьбы, когда поднимаютъ мо-
лодыхъ, свахи поютъ):

2398. Ой бѣда, бѣда моя не маленькая....	749
------------------------------------------	-----

XXI. Оренбургской губерніи и у.

(На помолвѣ невѣста):

2399. Ты батюшка пей.....	752
---------------------------	-----

(Дѣвушки поютъ):

2400. Не скажи, соболю по горницѣ.....	—
----------------------------------------	---

(На другой день свадьбы, когда на молодую па-
дѣваютъ повойники):

2401. Какъ доселева повойники.....	754
------------------------------------	-----

(Пѣсни, распѣваемые въ теченіе свадебныхъ обряд-
ностей):

2402. Разливалось сине море, разливалось.	—
2403. У воротъ трава растеть.....	—
2404. Шумить, шумить зеленая дубрава...	755
2405. Какъ по круту-круту бережку.....	755
2406. Какъ по улицѣ метелица мететь....	—
2407. По задворьемъ, по задворьемъ.....	756
2408. Какъ на первомъ было вечерѣ.....	—
2409. Прилеталъ сизой голубъ со иной сто- роны.....	—
2410. Кто у насъ хорошій.....	—
2411. Хмель моя, хмелюшка.....	757
2412. Вотъ сказали, что Ивалушка сердитъ.	—
2413. Какъ по садку было садку.....	—
2414. Ты Алена обманщица.....	758
2415. У насъ пылъ Ивалушка почевалъ...	—

(Пѣсни величальные на сговоръ и другія).

2416. У насъ на дубчикѣ.....	—
------------------------------	---

(Тысяцкому):

2417. Тысяцкій, тысяцкій — воевода.....	—
2418. Ой ты, тысяцкій.....	—
2419. Въ огородѣ-то у насъ не лукъ ли...	—

(Друзья и подружки):

2420. У насъ друженька хорошій.....	—
2421. Друженька хорошій.....	759
2422. Какъ на дружкѣ кафтанъ.....	—
2423. У нашего дружки.....	—

(Свахи со стороны жениха):

2424. Княжая-то сваха богата.....	—
-----------------------------------	---

№	СТР.	№	СТР.
(Свахъ со стороны пѣвѣсты)		XXII. Иркутской губерніи.	
2425. Килгиница-то сваха богата.....	—	Станица Шерагольская.	
(Боярамъ):		(На дѣвичникъ):	
2426. Ужъ какъ нашего боярина.....	759	2453. Пѣтухи въ рапши утрение.....	765
2427. По мосту мосту калиновому.....	—	(Дорогой въ вапю дѣвушки-подружки поютъ):	
(Женатому):		2454. Вы ступайте-ка, мои подруженьки..	—
2428. Какъ у (имя и отечество).....	760	(Подойди къ вапъ):	
(Замужней):		2455. Отвори, ты сестра, дверь дубовую..	—
2429. Какъ по сѣпямъ, по сѣпичкамъ.....	—	2456. Отвори-ко дверь дубовую, братецъ	—
(Мужу и женѣ вмѣстѣ):		маленькій!.....	—
2430. Виноградъ расцвѣтаетъ.....	—	(Когда мать пѣвѣсты чешетъ ей голову):	
(Имъ же):		2457. Учеси-ка мнѣ, родима матушка....	766
2431. По сѣпюшкамъ свѣтъ Аппушка хо- дила.....	—	(По возвращеніи изъ вапи и заплетеніи косы пѣвѣсты):	
(Вдовцу):		2458. Посадила она всѣхъ подругъ за столъ.	—
2432. Что ты, гусакъ, сидишь на Дону....	—	2459. Ужъ вы батюшка и матушка роди- мые.....	—
2433. Много, много у яблонь.....	761	2460. Благодарствуйте, родимый батюшка и матушка.....	767
2434. Не дотолева рыба.....	—	(На смотрѣньѣ дѣвушекъ поютъ):	
2435. Во лугахъ, лугахъ зеленыхъ.....	—	2461. Дымка, ты Дымка рѣка.....	—
2436. Отжилася, отпѣжилася.....	—	—	
2437. Любезныя мои подруженьки.....	762	Той же губ. Свадебн. пѣсни.	
2438. При долинушкѣ калинушка стоитъ..	—	(Когда женихъ прѣзжаетъ на зарученьѣ):	
(Когда пѣвѣсты расплетаютъ косу):		2462. Когда я была малешенька.....	—
2439. Ты позволъ-ка, наша Алепушка....	—	(Спротивъ поютъ):	
2440. Вчера мою косынку.....	—	2463. Не ясенъ-то день безъ солнышка... 768	
2441. Родимый мой братецъ.....	—	2464. Погляжу я, посмотрю я.....	—
2442. Часовая наша гостюшка.....	—	2465. Пѣтухи мои, пѣтухи.....	—
2443. Родимый мой братецъ (имя и отече- ство).....	—	(Послѣ просватанья):	
2444. На дворѣ свѣтъ попорашиваетъ....	763	2466. Ты родимая матушка!.....	—
2445. Распространитесь, милыя сосѣдушки!	—	2467. Какъ у группцы у зеленыхъ.....	769
(Если пѣвѣста сирота, ей поютъ):		(Когда дѣвушки-подруги вилетаютъ пѣвѣстѣ кра- соту):	
2446. Много-много у группцы.....	—	2468. Зайди, солнце красное.....	—
2447. Ты рѣка-ли, мать рѣченька.....	—	2469. Благодарствуй, родима матушка....	—
2448. Вкругъ широкаго Алена двора... 764			
2449. Ты рѣка-ли, Ураль-рѣка.....	—		
2450. Не знала, не вѣдала.....	—		
(Послѣ вѣнца):			
2451. Соколы, соколы.....	—		
2452. Какъ вечеръ-то капаречка.....	—		

№	СТР.	№	СТР.
(Когда пакапунъ свадьбы ведутъ невесту въ баню):		(Величальныя. Тысяцкому):	
2470. По залѣсью-лѣсью конь бѣжитъ..... —		2494. У насъ тысяцкій воевода..... —	
2471. По горамъ я ходила..... —		(Боярамъ):	
2472. Вы метитесь улицы..... 770		2495. У насъ цѣтъ такова молодца..... 775	
(По выходѣ изъ бани):		(Свахамъ):	
2473. Насмотрися, коса..... —		2496. Дорогія наши гостейки..... —	
(При входѣ въ домъ):		(Жениху):	
2474. Пусти, пусти, батюшка..... —		2497. Леталъ соколъ по вишенью..... —	
2475. Свѣтъ мой свѣтлая свѣтлица..... —		(Когда заплетаютъ невестѣ двѣ косы):	
2476. Какъ не ластка..... —		2498. Сѣмена ли вы мои, сѣмена..... —	
2477. Ахъ, ты ласточка косатая..... 771		(Тысяцкому):	
2478. Какъ по Волгѣ рѣкъ..... —		2499. Тысяцкій воевода, да воевода..... 776	
2479. Что у тебя, батюшка, за пиръ во дому?..... —		(Жениху):	
2480. Ужъ ты свѣтъ, наша подруженька..... —		2500. Травинька трава..... —	
2481. Ужъ ты соколъ..... —		(Когда женихъ ѣдетъ за невестой):	
(Утромъ въ день свадьбы):		2501. Соколы вы наши ясные..... —	
2482. Вы вставайте, мои подруженьки..... 772			
(Разставаясь съ своей красотой причитають):			
2483. Красота моя, дѣвчья красота..... —			
2484. Зайди, зайди, солнце красное..... 773			
2485. Съ горы на гору вино течетъ..... —			
2486. Ужъ ты, матушка родимая..... —			
(Передъ благословеніемъ къ вѣнцу невеста причитають):			
2487. Что не стрѣлочка стрѣляла..... —			
2488. Не верба-то во полѣ качается..... 774			
(Когда одѣваютъ невесту къ вѣнцу):			
2489. Кругъ города все новы ворота..... —			
(Когда женихъ въѣзжаетъ во дворъ за невестой къ вѣнцу):			
2490. Не соколъ залетаетъ..... —			
2491. Вечоръ перепелочка..... —			
(Когда невеста увѣзжаетъ къ вѣнцу):			
2492. Бросила ключи..... 775			
(По приездѣ отъ вѣнца):			
2493. Неужели, вы бояре..... —			

В Обряды погребальныя и поминальныя.

Олонецкой губ. Ежемезерск. прих. Вытегорск. у., Коштутск. вол. 777—779	
Новгородск. губ., Бѣлозерск. у., Антушевск. в. —	
Того же у. с. Замошье..... —	
(Причитанія жены или родственницъ):	
2502. Ты кормилецъ, сударь батюшка..... —	
2503. Не осуди, кормилецъ батюшка..... 780	
Той же губ., Петрозаводск. у.	
(Плачь вдовы по мужъ):	
2504. По сегодняшнему денницеу..... —	
(Когда выносятъ покойника изъ дому):	
2505. По сегодняшнему денцеу..... 781	

№	СТР.	№	СТР.
(Когда подвозить покойника изъ деревни):		(По дочери):	
2506. Путь-дорожка показалась.....	—	Олонецкой губернии.	
(По мужъ):		2522. Была у меня, милая дочушка.....	—
Вологодск. губ.		(По дѣтямъ):	
2507. Ты оставилъ меня, бѣдную.....	—	Псковск. губ., Островск. у.	
2508. Государь, свѣтъ мой батюшка.....	782	2523. Милыя вы мои дѣтушки.....	—
Новгородск. губ., Кирил. у.		(Плачь дочери по матери):	
2509. Ужъ ты моя, да лада милая.....	783	Олонецк. губ., Петрозаводск. у.	
2510. Ужъ ты моя лада милая.....	—	2524. По сегодняшнему денечку.....	788
2511. Ты моя лада милая.....	—	Новгородск. губ., Кирил. у.	
Ярославск. губ., Пошехонск. у.		2525. Моя сердешная матушка.....	—
2512. Ты послушай-ко меня ясенъ сокольъ.	784	2526. Моя сердешная матушка.....	789
2513. Благослови, Боже Господи.....	—	Нижегородск. губ., Ардатовск. у.	
Псковск. губ., Опочецкаго у.		2527. Милая моя матушка.....	—
2514. Моя милая удалая головушка.....	785	Олонецк. губ.	
2515. Моя удалая головушка, мой милый батюшка!.....	—	2528. Убралась родимая матушка.....	—
Той же губ., Островск. у.		Смоленск. губ., Вяземск. у.	
2516. Умильная моя удалая головушка.....	—	2529. Родимая матушка.....	790
Новгородск. губ., Валдайск. у.		Калужск. губ., Тарусск. у.	
2517. Ахъ ты удалая моя головушка.....	786	2530. Родимая матушка.....	—
2518. При старой я при старости.....	—	Тульск. губ., Елиф. у.	
(Плачь матери по сынѣ):		2531. Родимая ты, моя матушка.....	—
Олонецк. губ., Петрозаводск. у.		(Причитанія дочери по отцѣ):	
2519. По сегодняшнему деннику.....	—	Ярославск. губ., Помех. у.	
(Въ 40-ой день):		2532. Разступися, мать сыра земля.....	791
2520. Я пойду да мати бѣдная.....	—	2533. Взойди ты, ясное солнышко.....	—
(По сынѣ):		2534. Я сама, млада младешенька.....	—
Новгородск. губ., Валдайск. у.		(По отцѣ):	
2521. Припаду я, сиротинушка, ко сырой землѣ.....	787	Олонецкой губернии.	
		2535. На своей, на родимой на сторонущѣ.	792

№	стр.	№	стр.
Той же губ. и у.		2552. Служилъ я пану.....	809
2536. Во останное свиданіе.....	792	2553. Slużyłem u pana na pierwsze lata....	810
2537. По тиху, по позду по вечеру.....	794	2554. Když jsem ja sloužil.....	811
2538. Куколка моховая.....	799	2555. Злой мужикъ-садовникъ!.....	812
2539. Бубенъ ты бубенъ.....	—	2556. Подъ грушею модъ кудрявою.....	813
2540. Ты куколка.....	801	2557. Вокругъ я келейки хожу.....	—
2541. Куколка, ты куколка!.....	803	Свадьба въ Нижегородск. г., гор. Балахна.	
2542. Разметемъ лужакъ.....	—	2558. Ужъ ты, свѣтъ, наша измѣнщица... 815	
2543. Наварю я пива пьяново.....	804	2559. Выше лѣсу, выше темнаго.....	—
2544. Ой дивчино дівчипопько!.....	—	2560. Не было вѣтру да павянуло.....	816
2545. Чому, дѣвча, пышно ходишь?.....	805	2561. — Ужъ вы дѣвушки подруженьки... —	
2546. Stoji hrůška v širém poli.....	—	2562. Въ вечеру поздо позднеменько.....	—
2547. Pásla Suda, pásla rava.....	806	Примѣчаніе къ описанію свадьбы Ка-	
2548. Žalá holka žalá trava.....	—	лязинскаго у..... 817	
2549. Солнце закатилось межъ двухъ высо-		Изъ письма г. А. Кузнецова... 818—819	
кихъ горъ..... 807		Послѣсловіе..... —	
2550. У бабушки старушки.....	—	Приложеніе: пѣтвы..... —	
2551. За рѣкою за рѣченькою.....	809		

Указатель мѣстности, откуда доставлены пѣсни и причеты.

(Цифры означаютъ №№ пѣсень).

Архангельской губерніи.

Пинежск. у. пѣсня: 1174. Города Пинеги 1316—1350. Побережья Вѣлаго моря отъ г. Опеги до Кемск. у. 1284—1315. Шенкурск. у. 1351.

Владимірской губерніи.

Вязниковск. у. 107, 133, 143, 149, 153, 159, 168, 186, 209, 214. Ковровск. у. 410, 413, 465, 744. Муромск. у. 241, 242. Судогодск. у. 2233—2263. Шуйск. у. 44, 75, 138, 160, 161, 163, 171, 172, 193, 206, 208, 220, 221, 244, 268, 273, 446, 548, 560, 606. Покровск. у. 2264—2269. Юрьевск. у., с. Шелебово: 2208—2231; дер. Снегириха: 2232.

Воронежской губерніи.

Бобровск. у. 179, 438.

Вологодской губерніи.

Вологодск. у., Срегнинск. в., д. Яковлевск. 76—78, 83, 84, 100, 123, 127, 235, 240, 339 (по ошибкѣ вм. 340), 341, 342, 344, 356, 363,

387, 397, 425, 461, 464, 468, 469, 473, 476, 481, 488, 493, 499, 509, 510, 514, 516, 594, 622, 632, 638, 641, 678, 691, 694, 711, 724, 731, 732, 738, 740, 748, 751, 780, 790, 801, 824, 825, 836, 837, 860, 863, 938, 968, 994, 1008, 1024, 1367—1391. 1504, 1518—1527 1555, 2507, 2508. Въ Янгосарѣ: 1392—1424. Въ разн. селеніяхъ 1425—1453. Г. Вельскъ 357. Грязовецк. у. 480—481, 754, 819, 847, 1352—1366, 1505—1517. Кадник. у., с. Лопатино. 927, 985, 1003. Сольвычегодск. у. 376, 385, 470, 511, 754. Березопиволоцк. в. 1547. Верхотомск. в. 1533—1546; Гавриловск. в. 1528—1532. Ильино-моск. вол. 1548—1554. Тотемск. у.: 274, 405, 496, 555, 646, 734, 939 (с. Печенига), 994, 1025, 1454—1465. Подъ Тотьюмой 1466—1503, 1555 (безъ указанія в.), 1562—1565.

Вятской губерніи.

16, 17, 49—52, 101, 128, 281, 346, 350, 390, 395, 404, 406, 412, 416, 430, 448, 485, 487, 490, 517, 530, 531, 533, 574, 597, 604, 614, 772, 937, 1036, 1062. Яранск. у., с. Ижевское—950. Котельнич.—1146—1163. Елабужск. у.—1566—1585. Слободск. у.—1586—1627.

Екатеринославской губернии.

Александровск. у. 550, 586, 611 ¹⁾, 701, 714, 756, 757, 762, 783, 791, 792, 831, 845, 847. Павлоградск. у. 685, 688.

Иркутск. губ. Нижнеудинск. округа, с. Больше-Мамырское: 383, 396, 428, 458, 559, 576, 627, 625, 777, 784, 807, 865, 2453—2501.

Калужской губернии.

Боровск. у. — 212, 213. Жиздринск. у. 359, 418, 462, 471. Калужск. у., с. Ахлебинино: 1956. Малоярославск. у. — с. Костино: 386, 399, 536, 567, 858, 1953, 1954—1969. Мещовск. у., с. Воскресенское: 534, 566, 743, 752, 798. Тарус. у., с. Маковицы: 2530.

Костромской губернии.

Ветлужск. у., с. Рождественское: 371, 375, 765, 785, 817, 823, 826. Галицк. у. — 808. Солигалицк. у. 271, 276, 452, 479. Юрьевецк. у., Посадъ Пучежь: 89.

Курской губернии.

Бѣлогородск. у.: 142. Дмитриевск. у.: 832. Старооскольск. у. 15, 65, 66, 122, 211, 225, 226, 617. Тимск. у. 26, 28, 79, 80, 99, 105, 112, 120, 132, 205, 224, 226, 243, 259, 267, 277, 593, 608, 612, 613, 616, 647, 676, 718, 750, 2072. Дер. Березенько: 2072—2078. Дер. Верхополье. 2079—2085. С. Мавдрово. 2086. С. Княжая. 2087, 2088. Рыльск. у. 2088—2126. Щигровск. у. 272, 279, 283. Фатежск. у. 453.

Московской губернии.

Дмитровск. у. 1039. Коломна: 575, 709, 880, 896 ²⁾. Москва: 3, 5, 12, 42, 43, 45, 53, 54, 86, 91, 110, 124, 127, 139, 157, 162, 181, 812, 877, 885, 946, 958, 965, 971, 975, 979, 980, 982, 983, 1084, 1086, 1094, 1095, 1103. Можайск. у. 395, 417. Серпуховск. у. 241, 251, 254, 255, 260, 1245 (с. Бѣгичево).

Нижегородской губернии.

Ардат. у. 2527 (безъ указанія у. и в. д.) 848, 904. Лукоянск. у., с. Старорождественно: 2314—2319. Макарьевск. у.: 2270—2305. С. Богород-

ское: 2320—2339. С. Воскресенское: 2340—2357. Сергаческ. у., с. Перестѣкино: 2308—2313.

Новгородской губернии.

Бѣлозерск. у., д. Буброва: 849, 1668—1671. С. Антушево: 1663—1667. (Друг. в.): 1672—1704. Дер. Гришкина: 2502—2503. Валдайск. у., с. Гоголево: 11, 23, 26, 88, 90, 106, 113, 150, 169, 215, 216, 228, 408, 442, 463, 540, 541, 544, 637, 708, 721, 723, 728, 802, 809, 855, 1705—1742, 2517—2518, 2521. Демьянск. у. 422, 551, 618. Чуженеск. в. 2509—2511. Кирил. у. 518, 563, 589, 840, 2525, 2526. Крестецк. у., с. Ватлино: 349, 378, 394, 1645—1662. Старая Русса: 104. Устюжск. у. 445, 603, 604.

Одесса: 272, 282.

Олонецкой губернии.

Пудожск. у. 1628—1644. Петрозаводск. у. 2504—2506, 2519, 2520, 2522, 2524, 2528, 2535.

Оренбургской губернии.

Верхнеуральск. у. 707, 796. Илецкая защита: 370, 382, 388, 398, 401, 582, 820. Троицк. у. 909, 995. Оренбургск. у. 1023, 1043—1047, 2399—2453.

Орловской губернии.

Болховск. у.: 1164. Дмитровск. у., с. Глодцево: 419, 534, 1166. Елецк. у. 351, 976, 2035—2042. Малоярославск. у. 454. С. Каменка: 2006—2034. Мценск. у. 967, 1028. Орловск. у. 535, 2043—2071. Сѣвск. у., с. Доброводье: 1049, 1076, 1165, 1166, 1246, 1253. Трубчевск. у. 1183, 1090.

Пермской губернии.

(Безъ означенія уѣзда и т. п.) 27, 32, 391, 403, 415, 455, 486, 841, 903, 876, 1054, 1059, 1068. Камышинск. у. 868, 876. Красноуфимск. у.: 1205—1234.

Псковской губернии.

Великолук. у., с. Оедорцево: 347, 367, 450, 529, 553, 601, 639, 644, 702, 703, 716, 760, 763, 786, 806, 810, 816, 839, 842, 1821—1833. Опочковск. у. 384, 524, 689, 814, 838, 868, 881, 1016, 2514. Островск. у. 441, 477,

¹⁾ Ошибочно значится; Харьковск. у.

²⁾ Ошибочно напечатано 986.

523, 814, 905, 1820, 2516, 2523. Порховск. у. 9, 222, 284, 285, 565, 599, 679, 725, 766, 771. Псковск. у., д. Остепко: 519, 598, 679, 725, 838, 902, 1788—1790, 1800; с. Кривичи: 1791—1799. Талабский остров: 1801—1802. (Безъ указ. д.) 1803—1819. Д. Поддубье: 913. Городъ Псковъ: 1743—1787.

Рязанской губернии.

Дашковск. у., с. Муравино: 2, 13, 63, 98, 116, 121, 141, 174, 177, 178, 217, 227, 264, 265, 528. С. Троицкое: 189, 190, 620, 625, 626, 737, 829, 834, 866. Егорьевск. у. 231, 269, 270, 275. Зарайск. у., с. Жолчино: 31, 71, 92, 137. С. Мишино: 103, 126, 245, 246, 619, 1834—1853. Данковск. у., с. Урусово: 638, 867. Д. Красная слобода: 1854—1879. Рязск. у. (мѣстность не указана): 552, 713, 775, 794. Скопинск. у. 573

Самарской губернии.

14, 24, 25, 56, 57, 62, 70, 82, 96, 97, 111, 152, 156, 164, 167, 173, 182, 183, 185, 187, 191, 192, 200—204, 230—232, 236, 237, 248—250, 433, 451, 483, 502, 512, 562, 571, 587, 588, 645, 649, 656. Ставропольск. у., дер. Новая Украина: 2365—2376.

Саратовской губернии.

Сердобск. у., с. Пяша: 543, 696, 700, 911 (Безъ означен. в. и д.): 2377—2398. Хвалыпск. у. с. Безобразовка: 610, 719, 769, 770, 803, 805

Симбирской губернии.

Ардатовск. у. 538, 539, 615, 710, 722, 758, 774, 779. Корсунск. у., с. Усть-Урень: 489. (Безъ означенія у. и в.) 46, 47, 81. Изъ рукописнаго сборника 2358—2364.

Смоленской губернии.

Бѣльск. у. 369, 432, 459, 472, 547, 561, 577, 736, 795, 830, 853, 854, 864, 898, 919, 924, 935. Вяземск. у., с. Рыжово: 2529. Дорогобужск. у. 1254. С. Ермолово: 1177. Духовщипск. у. 4, 29, 811. Краснинск. у., с. Ивановское: 362. Смоленск. у. 1178, 1273—1283. Сычевск. у., с. Юшино: 623, 697, 699. Юхновск. у. 1970—2005.

Тамбовской губернии.

Козловск. у. 443, 595. Шацк. у. 596.

Томской губернии.

Кузнецк. у. 846.

Тверской губернии.

Весеговск. у., с. Вятка: 317, 692. С. Смердичи: 717. Калязинск. у. (безъ означ. у. и в.) 253, 263, 2127—2156. С. Спирово: 945. Кашипск. у. 362, 1056. Корчевск. у. 793. Новоторжск. у., село Селихово: 223, 300, 307, 308, 421, 591, 624, 628, 635, 741, 822, 928. Д. Карпова: 117, 294, 295, 445, 693, 789, 936, 2157—2170. Г. Торжокъ: 56, 170. Осташковск. у., с. Оедоровъ дворъ: 309, 423, 435, 484, 492, 526, 527, 686, 788, 818. Г. Тверь и Тверск. уѣздъ: 1, 8, 30, 59, 60, 61, 68, 69, 74, 85, 87, 95, 130, 131, 158, 222, 286—293, 296—299, 302, 303, 306, 310, 314—316, 345, 372, 379, 381, 434, 439, 440, 444, 478, 482, 491, 494, 503—505. Д. Назаровка въ окрестности Твери: 558, 569, 578, 584, 628, 629, 642, 681, 705, 727, 767, 781, 804, 833, 916, 949, 951, 987, 1004, 1032.

Тульской губернии.

Богородск. у. 414. Бѣлевск. у. 843. Веневск. у. 118, 119, 389, 466, 749, 759. Епифанск. у. 154, 155, 238, 239, 261, 262, 467. С. Муравлянка: 537, 650, 660, 890. С. Рождественно: 600. С. Сукромно: 759, 1012. С. Бутырки: 630, 631. (Безъ указанія мѣстн.) 557, 581, 590, 592, 768, 835, 301, 306, 327, 333, 396, 397, 1006, 1010, 1083, 1087, 1242, 1243. С. Оедосовеа: 1915—1952, 2531. Каширск. у. 861. Крапивинск. у. 420, 633, 720, 764, 850, 999. Новосильск. у. 437, 554, 568, 648, 649, 690, 676, 813, 827, 852, 857, 862, 954, 955, 1050, 1074, 1244. С. Залегощи: 1880—1893. С. Подъяковлево: 1894—1914. Тульск. у., с. Лотвиново: 347, 374, 546, 706, 755, 821, 851. Г. Тула: 621, 729, 894¹⁾. Оружейная сторона: 506, 507, 508, 522. Тульск. губ. (безъ указанія уѣзда): 475, 570, 580, 680, 1041, 1244. Чернск. у. 1033, 1034.

Уфимской губернии: 844.

Харьковской губернии: 787 (уѣздъ не указанъ). Бѣлгородск. у. 815. Волковск. у.: 753.

Ярославской губернии.

Похехонск. у. 400, 402, 424, 427, 704 (неизвѣстн. у.). 735, 773. С. Козьмодемьянское: 2171—2207, 2512, 2513, 2532—2534, 2536.

¹⁾ Ошибочно напечатано 1284.

ОПЕЧАТКИ, ПОГРѢШНОСТИ И ПОПРАВКИ.

Страница.	Столб.	Строки.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
6	2	4 снизу	Пастухъ	Пѣтухъ.
9	1	2 снизу	Коклюшка	коклюшка
28	1	подъ № 135	Всѣ 3	Обѣ
31	2	10 сверху	скачетъ	скачетъ
32	2	13 сверху	Овцу яловицу	Овцу яловицу
40	1	20 сверху	Ваня Гоголь	Ваня гоголь.
79	1	18—19 сверху	Мы коней выпустимъ, выпустимъ. На что же выпустите вы- пустите?	А мы коней выкупимъ, выкупимъ. А чѣмъ же вамъ выкупить выкупить?
94	1	13 снизу	Въ короводѣ	Въ короводѣ.
106	2	13 сверху	срасною	красною
107	1	15 сверху	Салигалич. у.	Салигалич. у.
112	1	14 снизу	Княжескій	Кляземскій
125	1	3 сверху	билайко	вплайко
133	2	21 сверху	колышекъ	колышекъ
134	1	3 снизу	за зазоръ	за заборъ.
135	2	23 сверху	А курицѣ	А курица
136	2	11 сверху	Само поводу	Сама по воду
141	2	6 сверху	Пѣтухи топоютъ	Пѣтухи-то поютъ
—	1	11 снизу	Съ трехъ	Изъ трехъ
160	1	19 сверху	Харьковск. губ.	Екатеринославск. губ.
162	2	22 сверху	не корастны	не корыстны
172	1	16 снизу	Николи меня хмели разыгрывали	Николи меня хмелина не разыгрывала
184	2	17 снизу	извольте-ка вы кушать	извольте-ка выкупать.
195	1	18 сверху	Обѣ зап. мною	Зап. мною.
—	2	17 снизу	Той же губ.	Тульск. губ.
197	1	9 сверху	Не всею	И со всею
—	1	19 сверху	А съ жиру а твоео	А съ жиру да твоео
199	1	6 сверху	Не соколъ ропитъ	Не соколъ ропитъ

Страница.	Столб.	Строки.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
200	2	14 снизу	Митко́вая руба́шка	Митка́левая руба́шка
—	2	15 снизу	ула́дная ко́са	ула́дная ко́са.
206	1	12 снизу	Крича́ло маха́ла мой: мой ми́лой остано́вись	Крича́ла, маха́ла: мой ми́лый остано́вись!
207	2	7 снизу	за гри́ми	за гре́ми
209	2	2 снизу	отвяза́лася	отвяза́лося
211	1	23 снизу	На о́гонь	Не о́гонь
213	2	19 снизу	ведетъ	ведутъ
217	1	16 снизу	всякъ покло́ниться	всякъ покло́нится
—	1	17 снизу	всякъ помо́литься	всякъ помо́лится
224	2	1 сверху	Бѣльск. у.	Бѣлевск. у.
225	1	7 снизу	Я горе-бѣ́дна	Я горе-бѣ́дна
227	2	6 сверху	Певѣ́стусекъ	Невѣ́стусекъ
229	2	2 сверху	Кричи́тъ, вапи́тъ	кричи́тъ, вопи́тъ
231	2	17 снизу	павали́тся	павали́тся
243	2	вм. 986	896.
254	1	13 сверху	Ровно́ двадца́ть вну́чать	Ровно́ двадца́ть вну́чать:
257	1	15 снизу	Накла́па	Накла́ла
259	2	15 сверху	Па́ печи	На́ печи
264	1	24 сверху	На но́вое	На пово́ѣ
271	1	25 сверху	оты́ малка	оты́малка
290	2	18 снизу	ни́кто не зна́етъ	Ни́кто не зна́етъ, Ни́кто не спозна́етъ
290	2	17—16	Спозна́лъ со́вушку, Спозна́лъ вдово́шку	Спозна́ли со́вушку, Спозна́ли вдово́шку
—	2	14 снизу	ста́лъ со́ву щипа́ть	Ста́ли со́ву щипа́ть
292	1	7 сверху	смета́нку по́ѣдати	смета́нку по́ѣдати
295	2	12 снизу	Про́хмѣля	Про́ хме́ля
296	2	20 сверху	прохо́рчила́ся	прохо́рчила́ся
299	2	10 сверху	бере́жечко	бере́мечко
—	2	14 сверху	кома́риво	кома́рово
310	1	11 сверху	Ой свѣ́тъи	Ой, свѣ́тъи
312	1	12 снизу	Распре́красную коро́леву	Распре́красную коро́леву.
—	2	24 снизу	По тво́е поря́женное	По тво́е по ря́женное
313	2	3 снизу	Е́нъ по́ корого́ду	Е́нъ по́ корого́ду
314	2	10 снизу	Вотъ ми́ѣ ша́пки	Вотъ ми́ѣ ша́пка
319	2	19 снизу	по ке́лийкѣ́ хожу́	по ке́лийкѣ́ хожу́
135	1	13 сверху	Усы́рые убо́ры	У́ сы́рые у́ бо́ры
321	2	5 снизу	Ве́ѣ 13	Ве́ѣ 16
354	1	2 снизу	тако́й босни́нкой	тако́й баси́нкой
366	1	5 сверху	заросла́ по́лыномъ	заросла́ по́лыномъ
—	1	7 сверху	съ цѣ́вкамъ	съ цѣ́вкамъ
384	2	14 снизу	буно́й голо́вы	буйно́й
397	2	5 снизу	по́ лотенца́	полоте́нца
419	2	7 сверху	пе́ вымо́лбятъ	певы́молбятъ
459	2	13 сверху	опа́	она́
—	2	23 сверху	опи́	они́
467	2	19 снизу	не че́рпимъ	на че́рпимъ
471	1	13 сверху	начи́нають	начи́нають
483	2	5 сверху	помо́лись Бо́гу,	помо́лившись Бо́гу,
—	2	18 сверху	слово́мъ	слово́мъ
487	1	5 сверху	Та́къ поспѣ́й ты кресна́ мату́шка.	Та́къ поспѣ́й ты кресна́ мату́шка,

Страница.	Столб.	Строки.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
501	2	27 сверху	сепныя стапухи	сѣпныя стапухи
535	2	1 снизу	Шашкнымъ	Шашиннымъ
539	1	6 сверху	матушен	матушка
555	2	17 снизу	разгораются	разгараются
693	2	6 снизу	отъ пняѣ	отныпѣ
706	1	21 сверху	свылося	свыклося
719	2	16 снизу	на млую	на млую
747	1	17 сверху	за столо	за столы
753	2	21 сверху	см. выше.	см. дальше.

ПѢСНИ ОБРЯДОВЫЯ.

Б. Свадебныя.

І. Архангельской губерніи.

Свадебный обрядъ побережья Бѣлаго моря отъ г. Опеги до Кемскаго уѣзда.

Свадьба начинается, какъ обыкновенно, сватовствомъ. Со стороны жениха отправляется сватомъ къ родителямъ невѣсты его крестный отецъ или кто либо изъ близкихъ родственниковъ. Придя въ домъ невѣсты, онъ вызываетъ ея отца въ сѣни и говоритъ ему о цѣли своего посѣщенія. Когда этотъ послѣдній сообщаетъ вѣсть о сватовствѣ своей семьѣ, то для совѣта приглашаются родственники. Если «паходить на дѣло», то стовариваются о дарахъ, кому что нужно отъ молодой подарить. Напримѣръ свекру—ситцевая рубаха, холщевые порты, свекрови—дорогой штофина сороку¹⁾ и красной холстины на сорочку, золовкамъ—штофаное *очелье* къ повязкѣ, деверьямъ—ситцевую рубаху и платокъ и т. д. Смотря по достоинству этихъ даровъ, сватъ съ согласія женихова отца или самого жениха даетъ отцу невѣсты децѣн «на подъемъ», т. е. на вино и т. п. Бываютъ перѣдко случаи что свадьба «разсыхается»²⁾ изъ за того, что одна сторона запроситъ много денегъ, а другая пожалѣетъ; но чаще это бываетъ отъ вѣщательства постороннихъ, которые «расхипятъ жениха или невѣсту», т. е. наговорятъ той или другой сторонѣ, напримѣръ, что женихъ бѣденъ, что самъ онъ пьяница, что свекровь будетъ бранливая, или же что невѣста больная, не умѣетъ ничего дѣлать, а главное «красѣнъ разставить не толкуетъ»³⁾. Но обратимся къ свадебному обряду. Условившись о дарахъ, зажигаютъ у иконъ свѣчу, даютъ другъ другу руки. Послѣ этого начинаютъ пить такъ называемое «малое рукобитье». Условившись о дѣлѣ заплачки и свадьбы, сватъ отправляется къ жениху съ извѣстіемъ, что дѣло кончено, «по рукамъ ударено и, малое рукобитье выпито». Въ день, назначенный для заплачки, отецъ невѣсты сзываетъ родню на большое рукобитье слѣдующими словами: «Господи Іисусе Христе,

Сынне Божій! Иванъ Марковичъ, загости, пожалуй ко мнѣ хлѣба соли кушать, а къ Настасѣ Павловнѣ (невѣстѣ) на выпну чарку.» Невѣста же со своими подругами отправляется на вечеринку въ тотъ домъ, гдѣ прежде обыкновенно бывала. Сюда собираются дѣвушки съ другихъ вечеринокъ. Встѣдъ за ними являются холостые парни, и начинаются игры, «сходятъ утушкой» и т. д. Невѣста между тѣмъ, окруженная подругами, лежитъ на лавкѣ въ *песньномъ* углу⁴⁾ и прощается по очереди съ каждою подругою, приглашая ее къ себѣ на свадьбу. Въ домѣ невѣсты въ это время идутъ приготовленія для приѣма созданныхъ отцемъ невѣсты родственниковъ, накрываютъ столы, приходятъ отъ жениха два человѣка для угощенія гостей. Когда выпьютъ рюмки по три, или по четыре, крестная мать невѣсты отправляется на вечеринку съ «почолкомъ» (головнымъ уборомъ невѣсты, въ родѣ повязки съ двумя рогами, вышитой серебромъ и унизанной жемчугомъ и другими украшеніями). Придя туда, она надѣваетъ этотъ «почолокъ» на голову невѣсты, которая заплаканная, вся въ слезахъ, начинаетъ «стиховодничать».

1284.

Не во саду ли я, бѣдна, обидѣлася,
Не на садѣ ли я, бѣдна, оглядѣлася,
Не на травку муравку зеленую,
Не на всяки цвѣточки лазуревые?
Не вода ли подо мной разливается,
Не огонь ли подо мной разгорается? —
Сама то я знаю, бѣдна, да вѣдаю,
Что не въ саду то я, бѣдна, обидѣлася,
Не на садѣ то я, бѣдна, оглядѣлася,
Не на травку-муравку зеленую,
Не на всяки цвѣточки лазуревые,
Не вода подо мной разливается,
Не огонь подо мной разгорается, —
Разгорается мое забло сердце ретивое,

¹⁾ Головной уборъ пожилыхъ женщинъ.

²⁾ Разстроивается.

³⁾ Т. е. не умѣетъ разставить кросна для тканья полотентъ или чего либо другого.

⁴⁾ въ печномъ углу.

Размываются мои горькія слезы горячія
По блеклому лицу нерумяному.
Что за чудо за диво великое!
Прежде этия поры, прежде времени,
Сидѣла я, глупа косата голубушка,
Во собраной своей тихія бесѣды смиренныя,
Не бывала крестовая ласкова матушка
Во собраной то моей тихой бесѣды смиренныя,
Со хорошей то моей дорогой воли вольныя.

Въ это время дѣвки наперерывъ стараются
расплетать у невѣсты косу, потому что выпле-
тенныя изъ косы ленты достаются той, которая
прежде всѣхъ успѣетъ расплести косу. Невѣста
между тѣмъ поетъ:

Ужъ послушайте, милны подружки любовныя,
Ужъ не расплетайте моей русыя косы красовитыя!
Два востраго ножа, два булатнаго,
Обрѣжете свои бѣлыя опальныя рученьки.

Затѣмъ она кланяется въ ноги крестной ма-
тери и обнимаетъ ее. Во время этого обряда,
который носитъ названіе «давать добровъ», дѣвки
помогаютъ невѣстѣ водить стихи, «подголосни-
чаютъ», а она при каждомъ стихѣ ударяетъ ку-
лакомъ правой руки въ лѣвую ладонь и кланяется
въ поясъ. Послѣ нѣсколькихъ такихъ поклоновъ
она падаетъ въ ноги тому, кому «даетъ добровъ»
и затѣмъ обнимаетъ. Въ это время она поетъ:

1285.

Спасибо, крестовая ласкова матушка,
Творишь, дѣлаешь послушанье,
Надѣваешь-то хорошу дорогу волю вольную
На младую буйную голову.
Не въ достой-то наряжать мнѣ крестовую
ласкову матушку,
Въ достой слушать крестовую ласкову матушку.
Послушай-ко, крестовая ласкова матушка,
Что-то я спрошу, сиза косата голубушка,
У тебя же, крестовая ласкова матушка:
По чьему входишь повелѣнью да благословленью,
Заходишь въ тихую бесѣду смиренную?
Со слова ли съ доклада ли ласкотниковъ,
желаннѣхъ родителей,
Не отъ своего-ль ума да отъ разума?
— Сама то я знаю, сиза косата голубушка,
Не такая крестовая ласкова матушка,
Что придти отъ своего ума да отъ разума, —
Что пришла по повелѣнью да благословленью
Отъ моихъ-то ласкотниковъ, желаннѣхъ родителей.

Невѣсту покрываютъ платкомъ и уводятъ съ
вечеринки въ ея домъ при пѣніи слѣдующихъ
стиховъ:

1286.

Послушайте, мои милны подружки любовныя,
Пойдемъ-те вопъ со тихія бесѣды смиренныя,
Пришли скорые послы да незастѣчивые.

Идя по улицѣ, поютъ:

1287.

Говорила то крестовая ласкова матушка,
Что сполна пекѣтъ красное солнце угрѣвное
Во родительскомъ домѣ, тепломъ витомъ гнѣз-
дышкѣ,
Во купѣ да во собраны сидятъ мои милны
ласковыя братица,
Весь то родъ-племя приближенное.
Теперь слава Тебѣ, Боже Господи,
Не бѣдная да не обидная,
Обрадѣло мое заблое сердце ретивое —
Во купѣ да во собраны сидитъ мое родъ-племя
приближенное.

Если у невѣсты умеръ кто пибудъ изъ брать-
евъ въ Петербургѣ или на морѣ, то прибавля-
ются еще стихи:

1288.

Собралися да скопилися
Изъ славныхъ то Пинембургскихъ городовъ,
Со печальнаго сина солона моря,

(или же, если братья умерли дома)

Со окать со горы со Микольскія¹⁾.

Приходятъ ко крыльцу и вызываютъ мать
невѣсты для встрѣчи, — стихами:

1289.

Не несутъ то мои пожжи рѣзвыя
Во часту во ступенчату лисѣнку,
Какъ сегодня да по сегодняшнему,

¹⁾ На этой горѣ кладбище.

По тихому позднему вечеру
Безъ ласкотницы желанной родители матушки.
Прежде этия поры, прежде времени,
Ходила-то я, сиза косата голубушка,
Со тихой *полночьней* вечериночки —
Носили мои скорны пожеки рѣзовыя.

Когда мать выйдетъ:

1290.

Спасибо, желанная родимая матушка! —
Выходишь на торну на широкую улицу,
Подъ часту подъ ступенчату ливѣнку,
Стрѣчаешь меня, гауную сизу косату голубушку,
Со тонкимъ-то звучнымъ со голосомъ,
Со умильной-то со горазной со причетью.

Входя въ сѣни:

1291.

Становись, моя поневольная млада головушка,
Середь новыхъ-то сѣней перѣпыхъ.

(Спимають съ головы невѣсты платъ).

Теперь векину свои очи ясныя,
Обведу кругомъ новыя сѣни перѣпныя,
На которой стѣнѣ ограда бѣлокаменная
Стоять чудные Спасы Многомилостивые.

Невѣста молится Богу.

1292.

Помолиться было сизой косатой голубушкѣ
Богу Спасу, Пресвятой Богородицѣ,
Придучись со пути со дорожки широкия.

Здоровается съ сѣнями:

1293.

Вы здорово, новы сѣни перѣпныя,
Кругомъ свѣтлыя окошка косецаця,
Кругомъ бѣлыя брусовыя лавочки:
Не убойтесь-ко, новы сѣни перѣпныя,
Что не тихая пришла, не смирѣная,

Не по старому пришла не по прежнему,
Со тонкимъ со звучнымъ со голосомъ,
Со умильной со горазной со причетью
Со всема милома подружками любовными.

Зоветь подругъ въ домъ:

1294.

Добро пожаловать, мои милыя подружки любовныя,
Во родительской домъ, — тепло витое гнѣздышко,
Впередь меня сизу косату голубушку.

Садясь на лавку въ печномъ углу, пригова-
риваетъ:

1295.

Не пужайся, домъ, — тепло витое гнѣздышко,
Не пужайся, да не полохайся, мое сердце ретивое!
Не поддомнись, мои скорны рѣзвыя поженьки!
Не блекни, мое блеклое лицо перумяное!
Не спѣшитесь-ко, прокатайтесь, мои горькия
слезы горючія

По блѣклому лицу, перумянному!
Не мѣшайся, рѣчишь язвѣ,
Во молодой во буйной головушкѣ!

Просить у Бога, Пресвятой Богородицы и св.
угодниковъ благословенія:

1296.

Теперь дай, Господи, тонкаго звучнаго голосу
Со умильной со горазной со причетью!
Теперь благослови, Боже Господи,
Божья Мать, Пресвята Богородица,
Свѣтъ сударь Никола Многомилостивой,
Попусти тонкой молодой незвученъ голосъ!
Случилось слышать сизой косатой голубушкѣ
Отъ чужихъ-то ото младыхъ-то ясныхъ соколовъ,
Черезъ три губы снѣга солопа моря
Есть мощи-ты среди снѣга солопа моря,
На зеленомъ-то высокомъ на островѣ
Стоитъ божья церковь пресвященная.
Благовите же, Соловецкіе преподобни чудо-
творцы многомилостивые,
Попустить тонкой молодой незвученъ голосъ
По родительскому теплomu витому гнѣздышку!

Какъ бы вспомнить, что забыла спросить
благословенія у родителей, поетъ:

1297.

Глупая, младая буйна головушка!
Не спрося попускаю свой тонкой молодой голосъ
У ласкотниковъ желанныхъ родителей,
Чей домъ, того вольная воля довольная.
Домъ ласкотниковъ желанныхъ сердечныхъ
родителей,
Ихъ-то многая вольная воля довольная,
Добро со слова съ доклада у ласкотниковъ же-
ланныхъ родителей.
Благослови-тею, ласкотникъ, желанный родитель
батюшко,
Попустить тонкой молодой певучей голосъ —
Какъ сегодня по сегодняшнему,
По тихому позднему вечеру,
По потухлымъ заре поздно-вечернія!

Вставши съ лавки изъ печного угла, идетъ къ
столамъ давать отцу добровъ:

1298.

Расшайтесь¹⁾ ко пародъ, люди добрые,
Чужи бѣлыя хороши лебедочки,
Вси совѣтныя милыя подружки любовныя!
Дайте не со множечки пути-дорожки широкія,
Съ одну дубовую мостовиночку,
Пройти проплысть сизой косатой голубушкѣ
На родительское домъ-тепло витое гнѣздышко,
Передъ бѣлые столы передъ дубовые.
Могу ли усмотрѣть, дитя бѣдное,
Сквозь туманъ, горьки слезы горячія,
На которой бѣлой брусовой на лавочкѣ
Пекѣтъ красное солнце угрѣвное,
Сидятъ мои желанныя сердечны родители,
Думаютъ собча²⁾ крѣпкую думу заединую?
Что за чудо за диво великое,
Что за гости сидятъ за торговые,
Торгуютъ товарами заморскими,
Выбираютъ, желанныя сердечны родители,
Хорошее дорогое платьѣ цвѣтное
По моему уму да по разуму.
Ужъ послушайте, желанныя сердечны родители,
Не въ пору схватились, не во время
Заводить хорошее дорогое платьѣ цвѣтное.
Сама-то я знаю, сиза косата голубушка,

¹⁾ Вѣроятно стяженіе отъ: *расшайтись* или *рас-
шаттись*. III.

²⁾ сообща.

Что не гости сидятъ, не торговые,
Не торгуютъ товарами заморскими,
Не выбираютъ желанныя сердечны родители
Хорошаго дорогого платьѣ цвѣтнаго, —
Пособрано свое родъ-племя приближенное,
Честна дорога *природа* родительская,
Сидятъ думаютъ собча крѣпкую думу заединую,
Пьютъ горькое хмѣльно зеленое вино,
Пропиваютъ меня сизу косату голубушку,
Во злодѣйку неволю великую.
Послушай-ко, желанный родитель батюшко,
Ужъ попеняю я, сиза косата голубушка,
Тебѣ же, мое красное солнце угрѣвное,
Ужъ ты думай, да не продумай,
Ты да не пропей мою младую буйну голову
Во злодѣйку неволю великую;
Сама-то я знаю, сиза косата голубушка:
Видно думалъ, да продумалъ.

Обращается къ подругамъ:

1299.

Ужъ послушайте, милыя подружки любовныя,
Не держите крѣпкой *надеи*³⁾
На ласкотниковъ желанныхъ родителей, —
Они до поры добры, да до времени,
Не сулятся, а опалятъ желанныя сердечны ро-
дители.

Опять къ отцу, который сидитъ задумчивый,
а иногда и со слезами на глазахъ, такъ какъ
стихи очень заунывны, и притомъ невеста пла-
четъ, кланяется въ ноги и обнимаетъ его за шею:

✓ 1300.

Послушай-ко, желанный родитель батюшка,
За каку вину опадѣ великую
Отдалъ да обневолилъ во злодѣйку неволю
великую?
Развѣ не трудница была, не работница,
Не вѣрная слуга — все измѣнная?
Измѣняла тебѣ, красное солнце угрѣвное,
У всякаго зелья — работы тяжелой,
Не берея была краснымъ наливнымъ ягодкамъ,
Не ловя была свѣжія рыбы трепущія?
Развѣ укорять тебя стали, упрекать, красное
солнце угрѣвное,

³⁾ надежды.

При толпахъ тебя, при артеляхъ великихъ,
При славныхъ царевыхъ при кабакахъ?
Ты послушай, мое красное солнце угрѣвное,
Что то я скажу, сиза косата голубушка:
Лучше найми меня, сизу косату голубушку,
Во рабы въ *казачихи* пахлѣбницы,
Возьми *собину* счетную золоту казну,
Заплати ко чужимъ яснымъ то соколамъ,
За проторы, убытки великіе,
За довольное хмѣльно-зелено вино.

Благодарить отца:

1301.

Спасибо, мое красное солнце угрѣвное,
На вольнія воли довольнія!
Воздавалъ мнѣ-ка, сизой косатой голубушкѣ,
Многую вольную волю довольную—
Ходить-гулять сизой косатой голубушкѣ
По гульбамъ, по прохладамъ,
По тихимъ *полночьнымъ* вечериночкамъ.
Спасибо, мое красное солнце угрѣвное,
На покруты, покрасы дѣвочія! —
Ужъ не жалѣлъ особенной счетной золотой казны,
Заводилъ покруту, покрасу великую,
Лучше краше всѣхъ милыхъ подруженекъ:
Дивовалися мною народъ-люди добрые,
Завидовали мои милыя подружки любовныя.

Подобныя же стихи водить затѣмъ невѣста матерп, братьямъ и всѣмъ членамъ семьи. Гости, сидѣвшіе за столомъ, выпивъ вино, начинаютъ расходиться. Между тѣмъ невѣста снаряжаетъ двухъ дѣвушекъ баринномъ и барынею: барина одѣваютъ въ синій кафтанъ и шапку, а барыню въ платокъ и хорошую шубейку. Прочія дѣвушки тоже рядятся, во что кому вздумается. Съ пѣснями, толпою идутъ онѣ къ жениху и, придя къ нему въ домъ, обращаются къ нему съ слѣдующими словами! «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Князь первобрачна (называютъ по имени)! Княгиня первобрачна (имя) добра-здорова, низко кланяется!» Когда онѣ сдѣлаютъ подобное же привѣтствіе свекру и свекрови, ихъ сажаютъ за столъ и подчуютъ какой нибудь водкой или виномъ. Затѣмъ вся толпа, притворяясь пьяными, на обратномъ пути повѣсничаютъ: проходя мимо домовъ, гдѣ есть холостые парни, опрокидываютъ костры дровъ, вытаскиваютъ дровни, сани и ими загораживаютъ дорогу, иногда вытаскиваютъ дровни на рѣку и опускаютъ ихъ-оглобли въ

прорубь, гдѣ онѣ и вмерзаютъ. Вернувшись въ домъ невѣсты, онѣ, схватившись за руки, начинаютъ кружиться, притопывать, причемъ поютъ

1302.

Бражка, ты, бражка моя!

Да и н ихъ и!

(послѣ каждого стиха).

Дорога бражка посѣчена была,
На ручью-то бражка смоченая,
На полатяхъ разсолѣжена,
Да на эту бражку пѣту питуховъ,
Нѣтъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ у насъ!
Я послѣ мужа во честномъ пиру была,
Со боярами я столничала,
Супротиву холостого сидѣла,
Супротиву на скамеечкѣ.
Ужъ я пьяна, я пеньяная была,
Да я не помню, какъ домой сошла,
Я кокошникъ во рукахъ несла,
Подзатыльникъ подъ поясомъ.

Затѣмъ танцы продолжаются подъ другія плясовыя пѣсни, пока дѣвушки не устанутъ и не разойдутся по домамъ, за псключеніемъ тѣхъ, которыхъ невѣста оставляетъ у себя ночевать.

На другой день утромъ, позвапвая колокольчиками, приходятъ дружки будить невѣсту. До ихъ прибытія дѣвушки стараются спрятать невѣсту какъ можно дальше, и сами прячутся подъ одеяла, шубы, соломѣ, кафтаны и пр., для того, чтобы дружки дольше не могли найти невѣсты. Часто они разбудятъ съ молитвою нѣсколькихъ дѣвушекъ, пока имъ не откроютъ невѣсты. Кто имъ укажетъ невѣсту, того дружки дарятъ болачами. Невѣсту будятъ слѣдующими словами: «Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій! Княгиня первобрачна (имя)! Встань, убудись, отъ крѣпкаго сна прохватись! Вѣлыи свѣтъ споридается, заря размыкается, на улицѣ собаки лаютъ, ребята играютъ, по боярскимъ домамъ соловьи свишутъ, по крестьянскимъ домамъ пѣтухи поютъ, печь топятся!»

Невѣста отгpываетъ одѣло и стиховодничаетъ:

1303.

Полно спать, пора вставать!
Разоменитесь-ко мои очи ясныя,
Распечатай, Господь, сахарныя уста,

Воротись-ко, рѣчь изъяснить, во молодой, во
буйной головушкѣ,
Бѣжи тонкой молодой невзвученъ голосъ,
По родительскому дому, тепло вѣтому гнѣздышкѣ!
Ужъ послушайте, милыя подружки любовныя,
Не спрося, попускаю свой тонкой молодой голосъ
У ласкотниковъ желанныхъ родителей,
Добра со слова, съ доклада.
Бласловите ласкотники желанны родители,
Попустить тонкой молодой невзвученъ голосъ.
Что за чудо, за диво великое, —
Прежде эти поры, прежде времени,
Убужала ласкотница, желанная матушка,
Какъ сегодня да по сегодешнему по утру по
раннему,

Убужаютъ чужіи младые ясные соколы.
Вставайте, милыя подружки любовныя,
Отъ крѣпкаго сна забудущаго!
Ужъ послушайте, мои милыя подружки любовныя,
Что я спрошу, сиза косата голубушка:
У васъ мягкая ли была перина пуховая?
Круто ли было взголовье косецаемое?
Тепло ли было одѣяло соболѣнное?
У меня-то какъ, у сизой голубушки,
Не мягкая была перина пуховая,
Въ три ряда было сѣрыхъ валючихъ камешковъ,
Одѣломъ-то была бѣлая льдина холодная;
Малымъ-то мало спалось, во снѣ видѣлось,
Во снѣ-то мнѣ бѣдной привидѣлось,
На яву то мнѣ, бѣдной, показалось, —
Какъ подъ нашимъ-то свѣтлымъ окошкомъ
косячатымъ

Стоитъ тихое приглубое озеро.
Ужъ во этомъ, во тихомъ приглубомъ во озерѣ
Плаваютъ сѣрыя водоплавныя утешки.
У нихъ подобрано легкое крылье утиное;
Одна плавать сѣрая водоплавная утешка, —
У ней распушено легкое крылье утиное.
Ужъ разсудите-те, мои милыя подружки любов-
Мои крѣпкіе сны, забудущіе. [ныя,
Не разсудницы, милыя подружки любовныя,
Не тихое стоитъ приглубое озеро, —
Стоитъ родительско домъ—тепло вѣтое гнѣздышко,
Тутъ не сѣрыя плаваютъ утешки, —
Сидятъ милыя подружки любовныя
По бѣлымъ по брусовымъ по лавочкамъ.
Ужъ зачесаны у нихъ младыя буйныя головы,
Я одна то сизу, сиза косата голубушка,
Распушены мои тонкіе вольные волосы.

Зоветь мать чесать голову:

1304.

Гдѣ то ходитъ моя ласкотница, желанная
матушка?

Ужъ послушай-ко, ласкотница желанная матушка,
Наложу-то я службу работу не тяжелую:
Найди-ко хорошій частозубчатый гребешокъ,
Зачеши-тко мою младую буйную голову.
Ужъ не въ достой-то наряжать мнѣ
Ласкотницу желанную матушку,
Въ достой слушать самой, сизой косатой
голубушкѣ.

Заплети-тко мою русую косу красовитую,
Вплети хорошія семишелковыя ленточки.

Когда мать причешетъ голову:

1305.

Спасибо тѣ, ласкотница желанная матушка!
Творишь дѣлаешь послушанье, —
Зачесала мою буйную голову.
Ужъ на томъ тебѣ не спасибо,
Что не заплетла мои русыя косы красовитыя,
Не вплела моихъ хорошихъ семишелковыхъ
ленточекъ.

Посылаетъ сестру на рѣку за водою:

Гдѣ то ходитъ моя милая сестрица родимая?
Ужъ послушай-ко, милая сестрица родимая,
Сходи на крутой то на красной на бережокъ
По свѣжу водичу ключевую:
Мнѣ-ка есть вѣра, радѣнье великое,
Обмыть горькія слезы горячія,
Намнѣ радости веселья великаго.
Ужъ послушай, милая сестрица родимая,
Что-то я скажу, сиза косата голубушка,
Когда придешь на крутой на красной бережекъ,
Первую струю пропусти внизъ по славной
Дунай рѣкѣ,
Другую струю пропусти внизъ по славной
Дунай рѣкѣ,
Изъ третьей то почерпни, милая сестрица родимая:
Первой струей умывается разлучница злодѣйка
неволя великая,
Другой струей чужіи дальніи песердечны —
богоданныя родители.
Когда придешь ко частой ко ступенчатой лѣсѣнкѣ,
Посплесни же, моя милая сестрица родимая,
Пусть же вырастетъ таща роца непроходима,
Чтобы нельзя было ни пройти, ни проѣхать
Разлучницѣ злодѣйкѣ великій.

Послѣ этого пѣвѣста умывается, дѣвушки же
между тѣмъ пекуть блины, которыми кормятъ
дружекъ. Иногда въ шутку онѣ стаскиваютъ у

друзья сапоги, нальютъ въ нихъ воды, или
набьютъ снѣгу и спрячутъ, и друзья приходится
выкупать у нихъ калачами свои сапоги. Затѣмъ
невѣста пришиваетъ друзьямъ на плеча по
лептъ, большому другу—на правое, а малому—
на лѣвое, даетъ имъ по бѣлой опояскѣ и начи-
наетъ причитать:

1306.

Послушайте, ласкотники желанные родители,
Что то я скажу, сиза косата голубушка: —
Не жалѣли поить кормить меня, сизу косату
голубушку,
Крутить рядить младую буйную голову,
Не жалѣйте вы салныя свѣчи воску яраго.

Зажигаютъ свѣчу у иконъ.

Помолитесь было Богу Спасу, Пресвятой
Богородицѣ,
За царя Восудари великаго,
За матушку царницу Восударыню:
Имъ дай, Господи, здравья здоровья,
Долгаго вѣку протяжнаго,
Жить послѣ меня, сизой косатой голубушкѣ,
Со маленькими сердечными дѣточками,
Со всей силой арміей.
Теперь помолитесь кручинной касатой голубушкѣ
За ласкотника, желаннаго родителя батюшку:
Ему дай, Господи, здравья здоровья, долгаго
вѣку протяжнаго.

Подобнымъ же образомъ молится за мать,
братьевъ, сестеръ и проч. и, наконецъ, за себя:

1307.

Послушайте, мои милыя подружки любовныя,
Попридайте ума много разума,
Мнѣ чего молить, сизой косатой голубушкѣ?
За себя-то, за сизу косату голубушку.
Молить скорѣя то грозныя смереточки
Во родительскомъ во тепломъ витомъ гнѣздышкѣ,
На родительской на бѣлой на брусовой лавочкѣ? —
Ужъ ты глупая моя младая буйная голова,
Ужъ сама то я знаю, сиза косата голубушка,
Что не придетъ мнѣ во родительскомъ дому,
Во тепломъ витомъ гнѣздышкѣ
Скорая то грозная смереточка.
Помолить было мнѣ, сизой косатой голубушкѣ,
Здравья, здоровья великаго
Жить во злодѣйскѣ-то неволѣ великѣй.

Даетъ отцу «добровъ».

1308.

Теперь отворотиться мнѣ, сизой косатой
голубушкѣ,
На родительско домъ-тепло вѣтое гнѣздышко,
Гдѣ то ходитъ мое красное солнце угрѣвное,
Мнѣ-ка есть-то вѣра радѣнье —
Побити целомъ да поклапаться.

Здѣсь повторяются тѣ-же стихи, что на ру-
кобѣ. Невѣста собирается затѣмъ въ баню,
приготовленную подругами. При этомъ она прежде
приглашаетъ въ баню отца:

1309.

Добро жаловать, ласкотникъ, желанный родитель
батюшка,
Въ парную мыльную баенку,
Впереди то меня, сизой косатой голубушки.

Точно также обращается она къ матери,
своимъ роднымъ и сосѣдямъ, затѣмъ отправляется
въ баню. По выходѣ изъ бани, подруги покрыва-
ютъ невѣсту платкомъ и поютъ:

Спасибо тебѣ, парная мыльная баенка,
На хранишь да на бережешь,
Что хранила меня, сизу косату голубушку!
Ужъ чего то мнѣ молить, сизой косатой
голубушкѣ,
Что-ль тебѣ, моя парная мыльная баенка?
Ужъ раскатить тебя, парная мыльная баенка
Съ верхняго бревешка до нижняго!
Глупа моя младая буйная головушка, —
Раскатаю я парную мыльную баенку?
Пускай стоитъ парная мыльная баенка,
Пусть моются ласкотники, желанны родители,
Послѣ меня-то, сизой косатой голубушки.

Затѣмъ проситъ у отца лошадей ѣхать гулять.

1310.

Послушай же, мое красное солнце угрѣвное,
Не жалѣй-ка хорошаго, рѣзваго, напугиваго
бонечка,
Пожалѣй-ко меня, сизу косату голубушку,
Мнѣ-ка есть вѣра радѣнье погулять, покрасоваться
По Дунай рѣчкѣ быстрой,
Покрасоваться во честномъ, во похвальномъ
дѣвоческѣ,

Во ангельскомъ чину, во архангельскомъ,
Проститься мнѣ со славной, со гладкой со
горочкой,
Со хорошей, новшатровой колоколенкой.

Запрягаютъ пару коней въ сани, въ которые
садится невеста съ нѣкоторыми изъ подругъ,
остальные же садятся въ другіе сани, запряжен-
ные одной лошадей. Гуляютъ до половины дня,
обѣщая близкихъ родственниковъ, у которыхъ
невеста прежде гостила. Всѣмъ имъ она «даетъ
добровъ» и стиховодничаетъ, причемъ выражаетъ
благодарность тому, кто былъ до нее добръ, и
пеняетъ при всѣхъ тому, кто былъ не добръ.
Если не хватаетъ времени, чтобъ заѣзжать ко
всѣмъ родственникамъ, то невеста, проѣзжая
мимо дома, останавливается и «даетъ добровъ»
на улицѣ.

Когда она проѣзжаетъ мимо дома жениха, то
друзья выносятъ водки и подчуютъ невесту и
ей подругъ. По возвращеніи невесты домой, къ
ней съѣзжаются отъ жениха гости «чѣстные»:
крестная мать жениха, его сестры и тетки. Встре-
тивъ ихъ на улицѣ, невеста вводитъ ихъ въ
домъ, садитъ за столъ и причащаетъ:

1311.

Сказали да доносили милыя подружки любовныя,
Что изнашли да изнаѣхали честны милыя
гости небывалыя
Во родительско домъ-тепло витее гнѣздышко.
Гдѣ то ходитъ ласкотница, желанная матушка?
Ужъ послушай-ко моя ласкотница желанная
родитель матушка,
Разставивай столы бѣлодубовѣе,
Развертывай скатерти бѣльчатыя,
Сиди чествуй милыхъ-то гостей небывалыхъ!

По отъѣздѣ «чѣстныхъ» припосать невестѣ
лучшее ея платье и повязки. Она одѣвается въ
платье, беретъ въ руки повязки и ими хлопаетъ,
что называется «невеста красуется».

1312.

Расшанитесь-ко народъ люди добрые,
Дайте не со множечко пути дорожки широкія
Съ одну дубову мостовиночку.
Мнѣ-ка есть вѣра радѣнье
Покрасоваться во покрутѣ, покрасѣ великія.
Посмотрите-ко, ласкотники, желанны родители,
Ходитъ красуется ваша сиза косата голубушка
Во покрутѣ, покрасѣ великія!

Поблагодаривъ отца и братьевъ за то, что ее
хорошо обряжали, невеста подъ образомъ, укра-
шеннымъ шитымъ по концамъ полотенцемъ, са-
дится за «байникъ» т. е. за набраный столъ, па-
крытый скатертью и призываетъ родныхъ сти-
хами:

1313.

Добро пожаловать, ласкотникъ, желанный мой
батюшка (имя),
Ко бѣлу да ко ишеничному байнику.

Подходить отецъ и, помолвившись Богу, даритъ
невестѣ ситцу на сарафанъ или на рукава, за-
тѣмъ мать и такъ далѣе, по очереди, всѣ тѣ, кто
пилъ вино на рукобиты. Получивъ подарокъ,
невеста обнимаетъ каждого нѣсколько разъ и
кланяется.

1314.

Спасибо, ласкотникъ, желанный родитель
батюшка,
Что даринъ меня, сизу косату голубушку,
Хорошимъ то бумажнымъ ситникомъ.

Между тѣмъ какъ все это происходитъ въ
домѣ невесты, женихъ, благословившись у роди-
телей, ѣдетъ съ большимъ дружкой звать свою
родню «въ поѣздъ», т. е. идти съ поѣзжанами за
невестою. Войдя въ домъ, онъ къ каждому, отъ
малаго до великаго, обращается со слѣдующими
словами: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій!
Иванъ Васильевичъ, загости, пожалуй, къ батюшкѣ
моему, Михайлу Ѳедоровичу и матушкѣ моей,
Татьянѣ Егоровнѣ, хлѣба соли кушать ко мнѣ въ
законный бракъ». Если женихъ, проѣзжая по
улицѣ, кого нибудь встрѣчаетъ, то также при-
глашаетъ къ себѣ. Женихъ при этомъ ѣздитъ съ
непокрытою головой.

Когда поѣзжане соберутся, женихъ вмѣстѣ
съ ними отправляется къ невестѣ: впереди идутъ
поѣзжане, затѣмъ «тысяцѣй», который сваталъ
невесту, съ иконою въ рукахъ, за нимъ женихъ
и сваты (крестная мать и тетки). Въ домѣ не-
весты, въ сѣняхъ, къ ихъ приходу зажигаютъ у
иконъ свѣчи, такъ какъ поѣздъ останавливается
въ сѣняхъ, и молится Богу. Въ это время стихи
въ избѣ прекращаются, дѣвушки, схватившись за
руки, окружаютъ невесту и уводятъ ее въ гор-

пищу или подполье, гдѣ и спаряжаютъ ее къ вѣнцу. Когда женихъ въ это время съ поѣзжа-
нами сидитъ за столомъ противъ невѣстина
образа, въ избу собирается народъ смотрѣть на
жениха, наполняетъ избу, взбирается на *воронцы*,
полати, на печь. Эта часть свадебнаго обряда
называется «смотрѣньемъ». Дѣвушки при этомъ
поютъ свадебныя пѣсни.

Свату:

1315.

Да тебѣ, свату большому,
Да измѣнщику дѣвочему,
(Каждый стихъ повторяется).

Да Акиму Степановичу,
На ступень ступить—пога сломить,
На другой ступить—друга сломить,
На третій—голова свернуть.
Того мало свату большому
Да измѣнщику дѣвочему.
На печи спать подъ шубою,
Подъ тремя полшубками,
Подъ четырьмя тулупами,
Да трясло бы тя повытрясло,
Да сквозь печь провалиться,
Во мясныхъ щахъ обвариться.
Того мало свату большому,
Да измѣнщику дѣвочему, —
Съ хоромъ бы тя о брѣху,
Да съ горы бы тя о каменьѣ,
Безъ попа безъ покаянья,
Безъ духовнаго батюшка!
Не ходилъ бы, не сватался,
Стариковъ не обманывалъ,
Да старухъ не подговаривалъ,
Не хвалилъ, не нахваливалъ
Чужи дальнія стороны,
Да Подгорскія слободы.¹⁾
Опа горемъ насѣяна,
Да слезами наполнена.

По окончаніи этой пѣсни съ двумя своими
сватыми является передъ столомъ невѣста въ
лучшемъ парадѣ и покрытая платкомъ. Покло-
нившись три раза поѣзжанамъ, она подноситъ
имъ по рюмкѣ вина. Поѣзжаній, выпивъ рюмку,
кладетъ въ чарку какую-нибудь монету, когда
же очередь дойдетъ до жениха, то онъ въ отвѣтъ

¹⁾ Названіе деревни.

подноситъ невѣстѣ красной водки, затѣмъ по-
даетъ ей на подносѣ покрывало, мыло, въ кото-
рое ребромъ вставлены гроши, гребень, зеркало
и большой пряникъ. Пѣсни въ это время умо-
каютъ, а большой дружка, вставъ съ мѣста, го-
воритъ, обращаясь къ невѣстѣ: «Господи Иисусе
Христе, Сыне Божій! Княгиня первобрачна,
Марья Михайловна! У столовъ была, молодого
князя видѣла, подарочки приняла: мыльце, гре-
бешекъ, зеркальце, пряничекъ. Мыльцемъ умойся,
гребешкомъ зачешись, въ зеркальце посмотришь,
пряничкомъ закуси. У нашего князя, Семена Пе-
тровича, горка пизенька, водка близенько, ходи
хорошенько, сажу-грязь²⁾ подъ матицу вѣсь, ху-
дме порядки оставляй дома у матки, а хорошіе
съ собой забирай». Малый дружка даритъ дѣву-
шекъ за пѣсни калачами, а женихъ даетъ со-
бравшимся въ избу мужикамъ денегъ на водку.
Посторонній народъ уходитъ. Невѣсту, закрывъ
платкомъ, садятъ за столъ къ жениху и отецъ
ея благословляетъ ихъ обоихъ три раза иконою,
которая была на стѣлѣ и передаетъ ее тысяц-
кому, послѣ чего, вставши съ лавокъ, всѣ мо-
лятся Богу и отправляются въ церковь къ вѣнцу.
Женихъ ведетъ невѣсту за платокъ, «рошкинъ»
(братъ) подъ руки, впереди идутъ дружки, звени
колокольчиками, поѣзжане поютъ пѣсни. Во
время вѣнчанія на паперти раздають народу
свадебныя пироги. Послѣ вѣнца молодую одѣва-
ютъ въ повойникъ и она съ женихомъ, благо-
словившись у священника, отправляются въ
домъ жениха.

Здѣсь въ сѣняхъ они останавливаются, ихъ
встрѣчаетъ свекоръ съ хлѣбомъ солью. Для этого
въ рѣшето онъ насыпаетъ жита, на которое кла-
детъ хлѣбъ и соль. Рѣшетомъ этимъ свекоръ
три раза обводитъ около наклоненныхъ головъ
молодыхъ, затѣмъ передаетъ его свекрови, кото-
рая, сдѣлавъ то же самое, отдаетъ рѣшето же-
ниху, а этотъ послѣдній невѣстѣ, которая его
вноситъ въ домъ и ставитъ на столъ. Въ избѣ,
помолившись Богу, молодые съ тысяцнымъ са-
дятся за столъ, свекоръ снимаетъ съ молодой
платокъ, и всѣ съ нею здороваются со словами:
«Здорово ли подъ вѣнцомъ стояли?» Дружки под-
носятъ поѣзжанамъ по рюмкѣ вина, послѣ чего
они и расходятся по домамъ.

Послѣ ужина молодые идутъ въ кѣльи спать.
Невѣста должна разстегнуть у жениха кафтанъ
и снять сапоги, въ которые положено нѣсколько
серебряныхъ монетъ. Женихъ мѣшаетъ ей сні-
мать сапоги, такъ какъ, всякій разъ какъ не-
вѣста не можетъ ихъ снять, она должна цѣ-

²⁾ грязь.

ловать жениха. Затѣмъ женихъ ложится на кровать лицомъ къ стѣнѣ и не поворачивается до тѣхъ поръ, пока невеста не поклонится и не скажетъ: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Яковъ Ивановичъ, пусти почевать!»

На другой день на обѣдъ женихову родню сзываютъ дружки, а невестину *розенники* слѣдующими словами: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Осипъ Ивановичъ, загости, пожалуй, къ Василью Петровичу (отцу жениха) и Аннѣ Егоровнѣ (матери) хлѣба соли кушать, къ Степану Васильевичу молодой смотрѣть». Когда за обѣдомъ дружки обпосятъ гостей водкой, всякій разъ какъ кто-нибудь пьетъ, молодая должна кланяться ему въ поясъ. Послѣ этого она раздаетъ дары, выговоренные при сватовствѣ и затѣмъ всѣмъ подноситъ по чарѣ вина, причемъ каждый выпивъ рюмку, кладетъ въ нее деньги. Послѣ этой церемоніи подаютъ кушанья. При каждомъ изъ нихъ дружки и женихъ обращаются къ гостямъ по очереди со слѣдующими словами: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Иванъ Афанасьевичъ, поѣшь покушай, гостей почествуй!» Черезъ нѣсколько дней бываютъ у родителей невесты блины, на которые сзываетъ свою родню самъ женихъ. Послѣ блиновъ подруги, бывшія у невесты на свадьбѣ, приносятъ ей приданое. Этимъ и заканчивается свадьба.

Зап. волостной писарь Вачевского Волостного Правленія Василій Баевъ. Сообщ. С. В. Максимовымъ въ 1868 г.

Свадебные обряды г. Пннеги.

О порѣ вступленія въ законный бракъ здѣшніе парни заурядъ рѣшаютъ сами и только иногда этотъ вопросъ рѣшаютъ ихъ родители; не спрашиваясь съ волей своихъ сынковъ. Это бываетъ большею частью тогда, когда для дому пужна бываетъ работница. Въ такомъ случаѣ родители предлагаютъ сыну выбрать невесту, нѣрѣдко однако-жъ и сами назначаютъ ее. Когда парень женится по своему произволу, тогда онъ падаетъ отцу и матери въ ноги и проситъ благословенія жениться. Нѣкоторые парни выборъ невесты сами отдають на волю родителей, а другіе сами назначаютъ себѣ невесту. Случается и такъ, что родители перебирая дѣвицъ, дойдутъ до той именно, которую женихъ желалъ бы имѣть. Тогда онъ опять падаетъ въ ноги родителямъ, говоря: «Вотъ та, батюшка и матушка, моя невеста». Если родители согласны имѣть ту дѣвицу женою сына, то говорятъ: «Богъ

благословитъ, женись!» а если не согласны, то препятствуютъ, а иногда и вовсе не позволяютъ, что однако рѣдко случается.

Когда родители согласятся въ выборѣ невесты съ сыномъ, тогда посылають свата, а большею частью сватью, которые выбираютъ непременно изъ родственниковъ; а всего чаще ходитъ сама мать жениха. Избранная сватья идетъ въ домъ невесты въ простомъ парадѣ. Прежде, нежели зайдетъ въ домъ, обходитъ его кругомъ, а зайдя въ избу или покой, становится подъ матицу. Это дѣлается для того, чтобы невесту непременно отдали, замѣчая, будто бы отъ этихъ *запугъ*, не въ силахъ отказать и еще замѣчаютъ: если сватья увидитъ невесту босикомъ, то уже безъ сомнѣнія будетъ *ихна* какъ они выражаются. Выполнивъ эти глупости, сватья обращается къ отцу, говоря: (называетъ его по имени и отчеству) «выйдемъ-ко на пару словъ», и уходитъ, большею частью, въ сѣни, а у весьма рѣдкихъ, въ другой покой и тамъ сватья продолжаетъ: «у тебя есть невеста, а у меня женихъ, — не согласенъ ли отдать? меня такой то послать», называя жениха по имени и отчеству. Если отецъ невесты совершенно по хочетъ отдать за того жениха, то прямо отказываетъ, не спрашивая и у невесты, и хотя бы она желала за него выйти. Если же намѣренъ отдать или самъ не знаетъ, на что рѣшиться, — въ такомъ случаѣ проситъ времени, опредѣляя срокъ, подумать и посоветоваться съ родственниками.

Въ назначенный срокъ сватья опять является въ домъ невесты и говоритъ, обращаясь къ родителямъ: «О чемъ было дѣло за тѣмъ и пришла, что скажете?» Если родители согласны отдать, то говорятъ: «согласны» и только для обряду ходятъ спрашивать согласія невесты и хотя бы она вовсе не желала идти замужъ за названнаго сватьей жениха, но родители хотятъ, тогда ея несогласіе не имѣетъ никакого значенія; а родители со сватьею, засвѣтивъ передъ образомъ свѣчи, молятся Богу, и дарятъ сватью платкомъ и посылають таковой же жениху, только въ лучшемъ качествѣ, а сватья, имѣя въ запасѣ отъ жениха кольцо для невесты, отдаетъ его отцу ея. До богомоленія родители и сватья условливаются о приданомъ и о всемъ ходѣ свадьбы; а послѣ взаимныхъ подарковъ угощаютъ сватью. Это извѣстно у крестьянъ подъ названіемъ *сговора*. У нѣкоторыхъ послѣ того, какъ помолятся Богу, приглашаютъ жениха и выводятъ невесту въ лучшемъ парадѣ, тогда это уже называется *смотрѣньемъ*, которое состоитъ только въ томъ, что посидятъ нѣсколько времени и пившиися чаю расходятся. Благословенія не бываетъ.

Съ этого времени невеста не выходитъ изъ

дому до самого вѣнца и кромѣ рукобиты и *посѣдки* не показывается никому изъ постороннихъ. И если бы кто-нибудь въ это время зашелъ въ ея домъ и засталъ бы ее врасплохъ, то она непременно убѣжитъ и спрячется за печку, если ей некуда болѣе укрыться. Это въ настоящее время уже выходить по немпогу изъ употребленія.

День свадьбы бываетъ тогда, когда съ обѣихъ сторонъ успѣютъ къ нему приготовиться; а въ этотъ промежутокъ времени дѣвцы ходятъ къ невѣстѣ пить. Въ городѣ ходитъ и женихъ съ кѣмъ нибудь; а въ деревнѣ этого нѣтъ.

Посѣдка.

За два дня до совершенія брака бываетъ такъ называемая *посѣдка*, о которой заранѣе всѣмъ объявляютъ, дабы всѣмъ это было извѣстно, ибо у нѣкоторыхъ, хотя очень немпогихъ, посѣдки не бываетъ. На эту посѣдку всѣ дѣвки и женщины приходятъ пезванца, ибо званыхъ очень мало: близкія сосѣдки и родственницы. Дѣвцы называются *подголашницами*, конхъ дѣло состоитъ въ томъ, чтобы стоять вмѣстѣ съ невѣстой и припѣвать плачь, которой поетъ невѣста. Для этого выбирается знающая всѣ роды плачей женщина, называемая *передовщицею*. Самая посѣдка состоитъ въ томъ, что невѣста въ средственномъ парадѣ, плачетъ стоя среди полу, окруженная подголашницами, размахивая и славящая руками съ громкимъ крикомъ. Прежде начинаютъ заплакивать передъ образомъ и тогда невѣста подъ плачь молится Богу кланяясь передъ образомъ въ землю:

1316.

Стапу я дочь побѣдпал
Передъ чудныхъ святыхъ образовъ,
Передъ Владыку, Царя Небеснаго:
Благослови меня Христось Истинный
И Пречистая Мать Божья, Богородица,
Всѣ угодники великіи!
Меня сохраните и помилуйте
На первой ступени!
Благослови меня, Христось Истинный,
Бѣлой лебедью воскликати,
Красной дѣвицей, восплавати.

Послѣ этого плача плачутъ отцу, матери и всѣмъ своимъ братьямъ и сестрицамъ такъ:

1317.

Схожо красно мое солнышко,
Родитель мой батюшко,
Свѣтъ Григорій Семеновичъ!
Ты желанна моя болѣзна,
Въ день депная моя плакальщица,
Въ ночь ночная богомольщица!
Вы о чемъ на меня воскручинились,
На меня, молодешеньку,
На мою буйну голову,
На мою дѣвью красоту?
Вы спросились ли да доложились ли
У крестнаго батюшка,
Да у крестовой матушки?
Да вы собца ли вмѣстѣ за едино ли
Всѣ вздумали просватать меня красну дѣвицу,
Запоручить мою буйну голову?

Братьямъ:

1318.

Млады ясные соколы,
Однокровны, единоутробны,
Вы родимы брателен!
Мы жили да красовались,
Вы добры да добродѣтельны.
Сряжали да спаряжали,
Цвѣтно платье заводили.
Вы куда меня сряжаете,
Во котору путь-дорожечку?

Сестрамъ:

1319.

Сестрицы родимыя,
Единокровны, единоутробны!
Вы куда меня сряжаете,
Во котору во дорожечку?

По окончаніи плача съ родными всѣ обѣдаютъ (посторонніе въ это время не бываютъ). Хотя очень незадолго передъ тѣмъ ѣли, а послѣ

него и начинается собственно посылка. Невѣста переодѣвается въ хорошее, а не въ самое лучшее платье, и, зайдя въ горницу, начинаютъ плакать:

1320.

Я зайду ли, да заступлю ли
Во свѣтлу свою свѣтлицу,
Во столову нову горницу,
Къ схожему красному солнышку,
Ко родимому батюшкѣ,
Ко желанной своей болѣзной родимой матушкѣ,
Къ однокровнымъ единоутробнымъ своимъ
братцамъ,
Къ единоутробнымъ своимъ сестрицамъ?
Не позарите, мои бѣлы лебеди,
Что не стрѣтила я васъ, бѣлыхъ лебедей,
Среди пути дороженьки,
Не на крутомъ, красномъ крыльчикѣ,
Не на сѣняхъ, сѣняхъ новыхъ.
Ужъ я встрѣчу васъ, лебеди бѣлые,
Среди полу дубоваго,
Среди свѣтлой своей свѣтлицы.
И не осудите и не подивите:
Меня не спѣсь-гордость одолѣла,
Не богатство великое,
И не дородность моя непомѣрнал,
А изнала меня, да издолѣла
Подневольная тоска-кручина.
Приотхлынь, тоска кручина
Отъ зазнобнаго да ретива сердца!
Приотлейте, да горьки слезы,
Дайте тоски да воздохнути!

Потомъ плачетъ съ дѣвцами, начиная съ той,
которая сидитъ въ большемъ углу:

1321.

Да ужъ ты здравствуешь, лебедь бѣлая
Люба мила подруженька,
Свѣтъ Анна Ивановна!
Мы ходили съ тобой, красовались,
Сообща вмѣстѣ за едино
О каткѣхъ, гладкѣхъ катицахъ
И о рождественскихъ играхъ,
И о звонкѣхъ колокольникѣхъ.¹⁾
Теперь скажу тебѣ, лебедь бѣлая,
Все прошло мое и прокатилось,

¹⁾ Ходили на Святой звонить на колокольни.

Пора-времячко да миновалось,
За единый часъ показалось,
За единый часъ, за минуточку.

Сколько есть дѣвушекъ со всякой должно пла-
кать это же самое.

Женщинамъ:

1322.

Ужъ ты здравствуй, государыня,
Многоумна, крѣпко разумна,
Много вѣжлива, крѣпко отчеллива!
Не слыхала я, многокручинная,
Груба, бранна отъ тебя слова.
Столько отъ тебя слыхала,
Что ты мной хвалишься, да похваляешься.
Челомъ бью, благодарствуй,
Что пришла ко мнѣ, не погордѣла,
Въ домъ къ роднымъ моимъ родителямъ.
И впередъ гости да жалуй
На крѣпко мое рукобитье,
На плотно мое зарученье.

Сосѣдамъ:

1323.

Сосѣдуща приближенная,
Приближенная да подлѣдворная,
Не слыхала я, многокручинная,
Груба, бранна отъ тебя слова

и пр. то же, что женщинамъ.

Мущинамъ:

1324.

Ужъ ты молодой ясенъ соколъ,
Въ нашемъ домѣ не бывалъ,
Хлѣба-соли не ѣдалъ.
Ты впередъ гости да жалуй,
На крѣпко мое рукобитье,
На плотно мое зарученье,
На хорошъ, красенъ
На дѣвичъ вечеръ.

Во время плача невеста должна обнимать ту, съ которою плачетъ, а старшимъ родственникамъ падаетъ сперва въ ноги, а потомъ, вставши, обнимаетъ. Такимъ образомъ она должна переплакать со всѣми, переходя отъ одной къ другой. Хотя плачи и не велики, но они поются очень протяжно, а потому и долго. Чѣмъ ближе къ невестѣ дѣвица или женщина по родству или дружбѣ, тѣмъ долѣе съ тою она плачетъ. Какъ бы ни правился ей женихъ и какъ бы ни пріятно было по ея соображенію жить въ семействѣ будущаго мужа, она всетаки должна сильно плакать и съ великимъ рыкомъ причитать, что весьма поразительно и непріятно для слуха. Идя замужъ по собственному желанію и съ большею охотою трудно имѣть такое множество слезъ, какое требуется; въ такомъ случаѣ стараются искусственно возбудить ихъ, чтобы не подвергнуть себя пересудамъ, оговорамъ и насмѣшкамъ, всегда свойственнымъ въ особенностяхъ старымъ бабамъ, кон для того собственно на посѣдки и ходятъ, чтобы было о чемъ послѣ поговорить или лучше сказать посплетничать. Во время плача на посѣдѣхъ, женихъ посылаетъ невестѣ дары съ сестрою его, а если нѣтъ ея, то съ какою либо родственницею, которая подноситъ ихъ сама невестѣ, а эта послѣдняя клянется и не беретъ ихъ, причитая:

1325.

Не подходите, не приносите и не дарите
Дорогими меня гостинцами!
Я не жадна и не ужадна.
У честныхъ своихъ родителей
Всячиной была довольна.
Вы, лебеди мои бѣлыя!
Я не знаю васъ назвать
Ни имени, ни вотчины.
Хоша знаю, да языкъ мой не воротится.
Дорогіе мои гости въ нашемъ домѣ не бывали,
Пива съ хмѣлемъ не пивали,
Хлѣба съ солью не ѣдали.
Вы скажите, лебеди бѣлыя,
Князю да первобрачному
Заочное да челобитье,
Чтобъ онъ жилъ да не падѣлся,
Искалъ бы повую да молодую,
Меня получше и покраще,
Цвѣтнымъ платьемъ побогаче.

Между тѣмъ припявъ дары, передаетъ ихъ своей матери, которая къ тому времени прихо-

дитъ тутъ. По окончаніи плача посланную отъ жениха уводятъ въ другую комнату и тамъ угощаютъ, а невеста продолжаетъ плакать съ остальными. Отплакавши со всѣми, одѣваютъ ее въ самое лучшее платье въ штофные полшубокъ и юбку, а если есть и въ парчевые, и повязку, а на шею жемчугъ у кого какой есть: дутой или настоящей, послѣдній очень у немногихъ, а если вовсе нѣтъ, то какія либо перла, и плачутъ такъ называемый плачъ «жемчугъ»:

1326.

Какъ слышали уши чудную,
Умильную да складну пѣсню —
Покоть подружечки задушевы,
И сосѣдки приближенны.
И припѣваютъ ко мнѣ многокручинной
Чужого да чуженна,
Незнаемаго человѣка.
Стану я многокручинная
Среди полу дубоваго,
Во двери широкія,
Призову свою желанную.
Ты желанна, моя болѣзна,
Въ день денная печальница,
Въ ночь ночная богомольница!
Посмотри-ко ты, погляди
На меня многокручинную:
Меня красить ли, хорошить ли
Меня природная дѣвья красота
И дорого мое цвѣтно платьице?
Хоть не скажешь, моя желанная,
Сама знаю вѣдаю,
Не красить и не хорошить
Дорога моя дѣвья красота,
Потемнѣла, да почернѣла
Чернѣ чернаго потолка,¹⁾
Чернѣ ворона да поднебеснаго.

На этихъ посѣдкахъ бываетъ очень много народу и все женскаго пола, чужіе мужчины изъ ихъ среды вовсе не бывають, а приходятъ нѣкоторые изъ родственниковъ невесты, весьма не многіе холостые парни изъ любопытства и то очень мало. Напротивъ того женщины, оставляя всѣ, даже нужныя работы и занятія, идутъ на посѣдку. Дѣвки также. По этому сколько бѣдной

¹⁾ Въ Архангельской губерніи въ деревняхъ еще много черныхъ избъ, въ которыхъ потолокъ закопченъ дымомъ.

невѣсты стоить труда переплакать съ каждою порознь, отъ чего и посѣдка продолжается болѣе полъ-дня. Мнѣ кажется надобно имѣть особенное здоровье, чтобы вынести весь этотъ тягчайшій церемоніаль.

Нужно родиться для этого. Я былъ свидѣлемъ этой мучительной сцены и, признаюсь, пробывъ не болѣе $\frac{1}{2}$ часа, не могъ болѣе оставаться отъ спертаго воздуха, по причинѣ множества народа, крика невѣсты и я, пожалѣвъ несчастную страдальцу, ушелъ, пожелавъ ей отъ души силы и крѣпости перенести этотъ обременительнѣйшій обрядъ благополучно: на лицѣ ея видно было сильное изнуреніе; слезъ уже не доставало оплакивать еще многихъ зѣвая; голосу не было для припѣванія плача и онъ обращался въ какой то страшный и даже страшный вой для непривычнаго его слушать. Она этимъ во всемъ и всхлываніемъ рукъ заглушала всѣхъ подголашницъ, жалобно и умильно поющихъ плачь. Во время плача жемчугу она должна ходить по комнатѣ, «расшибаться»¹⁾ и кланяться во всѣ стороны; подголашницы же въ это время стоять на одномъ мѣстѣ и поютъ, а мать ея при этомъ плачь должна быть непременно. Имъ и оканчивается посѣдка и всѣ расходятся по своимъ домамъ, а остаются однѣ подголашницы и родня.

Съ этого дня и до самаго вѣнца невѣста уже не перейдетъ ни одного порога, не перекрестившись. Въ день посѣдка вечеромъ всѣ гости ѣздить по городу или по деревнѣ и поютъ пѣсни.

На другой день посѣдка невѣста ѣздитъ ко всѣмъ своимъ роднымъ плакать въ сопровожденіи подголашницъ на двухъ или на трехъ саняхъ зимою, а лѣтомъ ходить пѣшкомъ, особенно къ кому не такъ далеко, и обыкновенно, начинаютъ съ близкихъ родственниковъ; а если нѣтъ отца или матери, то прежде всѣ ѣздить на могилу, гдѣ и плачутъ:

1327.

Я зайду многокручиннал
Въ божью церковь соборную²⁾,
Помолюсь я угоднику,
Николы Святителю.
И пойду я на колоколенку,
И ударю трижды въ колоколъ,
И побужу своего родителя!

¹⁾ Расшибаться значитъ всхлывывать руками и кланяться.

²⁾ Нижняя церковь въ соборѣ во имя Николая Чудотворца.

«Разступися, мать сыра земля,
Расколися, ты гробова доска,
Раздерися полотно бѣлое!
Вы растворитесь, очи ясныя!
Разомкнитесь уста сахарныя,
Раскатысь вы, руки бѣлыя.
Меня парадить, млада, есть кому,
А благословить меня пекому,
Нонь при нынѣшнемъ времени.»
Благословляетъ молодешеньку,
Благословленной мой батюшко,
Родимой мой братежко (или кто другой)

Съ могилы—къ родственникамъ и въ каждомъ домѣ опять плачуть со всѣми съ мала до велика, также какъ и на посѣдѣ, не смотря на то, что уже плакала на ней со многими изъ нихъ.

Въ этотъ день всѣ родственники приготовляютъ угощеніе, зная, что невѣста придетъ плакать; а эта послѣдняя должна въ каждомъ домѣ обѣдать или по крайней мѣрѣ сидѣть за столомъ пока не переноситъ всѣхъ кушаній. По выходѣ изъ-за стола опять плачутъ, благодаря за хлѣбъ за соль:

1328.

Слава Господу Богу,
Пресвятой Богородицѣ!
Отпала млада, откушала
Послѣдошно, остапѣшно
У честныхъ своихъ родителей.
Вамъ челомъ бью, да благодарствуй
За хлѣбъ за соль великій,
На частыхъ большихъ перемѣнахъ.
Вы гостите, мои родители,
На крѣпко мое зарученье,
На плотно мое рукобитье
Со всѣмъ домою да богатнымъ.

У нѣкоторыхъ подаютъ и чай болѣею частію до обѣда, а прощаясь, невѣста кланяется во всѣ углы и стороны. Дорогою же отъ одного дома до другаго всѣ ея спутницы поютъ свадебныя пѣсни, а невѣста не поетъ и не плачетъ, а сидитъ покрыта большимъ платкомъ. А потому никто изъ ходящихъ на улицѣ не можетъ ее видѣть въ лицо. Всѣ взрослые дарятъ невѣсту по своимъ средствамъ. Если же родственники живутъ далеко, напримѣръ, верстъ за пять, то къ нимъ не ѣздить.

Рукобиты¹⁾).

На другой день послѣ этой ѣзды или на третій день посѣды бываетъ рукобитье. Въ этотъ день еще рано утромъ готовятъ баню. Отправляясь, въ нее, плачутъ:

1329.

Вы родны мои родители, благословите
Въ умыльную да парну баню —
Помитесь и попаритесь
Въ послѣдошно, останюшно
Дѣвицей-душой красной!

И возвратясь также плачутъ:

1330.

Челомъ бью, да благодарствуй,
Честны мои родители,
На умыльной да парной банѣ, —
Умылась и упарилась.

Баню готовятъ двѣ дѣвицы изъ числа подругъ невѣсты и ни на минуту не оставляютъ ее не замкнутою, тщательно сберегая у себя ключъ отъ нея. Это дѣлается въ предосторожность отъ злонамѣренныхъ людей, чтобы они не сдѣлали какого либо зла силою вѣдѣнія или колдовствомъ, за что невѣста по выходѣ изъ бани благодаритъ дѣвицъ приготовившихъ ее:

1331.

Ужъ вы, бѣлы мои лебеди,
Челомъ бью, да благодарствую, —
Вы истопили мнѣ
Умыльную да парну баню!

Въ баню ходитъ вмѣстѣ съ подголосницами. Передовница замѣчаетъ вѣникъ невѣсты, кладя на него примѣтку, и та изъ дѣвицъ, которая возметъ его, будетъ первая выдана замужъ.

¹⁾ У насъ: большое смотрѣнье.

Отобѣдавши послѣ бани, невѣста плачетъ за убраннымъ столомъ, если нѣтъ у ней отца или матери, а также и восприемщиковъ:

1332.

Ужъ я стапу среди полу дубоваго,
Среди стола убранаго
Погляжу я кругомъ свѣтлу свою свѣтлицу,
Кругомъ нову свою горницу,
Не ходитъ ли, не подчуе ли,
Не собираетъ ли срядныхъ дубовыхъ столовъ.
Не могла я усмотрѣть,
Не могла я углядѣть
Схожа красна своего солнышка,
Родителя батюшка.
Онъ не ходитъ, не подчуе
Собранныхъ дорогихъ гостей
И не собираетъ у брачныхъ дубовыхъ столовъ.

Обращаясь къ брату:

1333.

Единокровный, одноутробный
Ты родимой мой братею,
Младъ ясенъ соколъ!
Выйди-ко на улицу на широкую,
На дорожечку на проѣзжую,
Да послушай, младъ ясенъ соколъ,
Нѣтъ ли посвистовъ да молодецкихъ,
Нѣтъ ли понопу да лошадиного,
Не идетъ ли ко мнѣ
Родимой мой батюшко
На крѣпко мое рукобитье,
На плотно мое зарученье.
Охъ-те-мнѣ-чипыко, тошпехопыко,
Мнѣ ждаты да дожидатися
Родимаго моего батюшка
Со родительскимъ благословеніемъ.
Со того то свѣту бѣлаго
Нѣтъ ни выходца, ни выѣзда,
Ни письма пѣту, ни грамотки,
Ни словеснаго челобитыца.

Послѣ этого плача уходитъ въ другую комнату, а если у кого нѣтъ ея, то въ *сомыши* или заборку, а у многихъ вмѣсто заборки занавѣсь отдѣляетъ часть избы у печки, причитая: «понесите поги рѣзвы изъ за срядныхъ да дубовыхъ

столовъ, а тамъ плачеть съ тѣми родственниками, у которыхъ она не была по отдаленію. Случается такъ, что женихъ прѣдетъ, а она еще плачетъ. Къ прѣзду ихъ стараются, чтобы ворота были заперты.¹⁾ Прѣхавши, свать стучится, хотя бы ворота и не были заперты. Тогда дѣвки запоютъ: «Колотится свать у воротъ и проч.», а отецъ невѣсты отворивъ ворота, приводитъ поѣзжанъ въ тотъ покой, гдѣ убранны столы и сидятъ въ лучшихъ своихъ нарядахъ, дѣвки, которыя тотчасъ по приходѣ ихъ, уходятъ и составляютъ вечереньку, а женщины съ ними и невѣста выходятъ на повѣти смотрѣть жениховъ, ибо не рѣдко невѣста въ первый разъ его тутъ видитъ. Отецъ невѣсты проситъ поѣзжанъ садиться, что они и исполняютъ, садясь, зная каждый свое мѣсто, не выше, не ниже въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ сидѣли у жениха, передъ выѣздомъ къ невѣстѣ. Въ первомъ мѣстѣ сидитъ священникъ, подлѣ котораго *въжливой*²⁾, потомъ отецъ жениха, тысячкой и женихъ, а далѣе сидятъ по степени близости родства. Надобно замѣтить, что въ этомъ поѣздѣ женщины почти не бывають, кромѣ самыхъ близкихъ родственницъ и то не болѣе двухъ или трехъ. Столы убираются такимъ образомъ: прикладываются столъ къ столу, какъ обыкновенно вездѣ дѣлають, и покрываются скатертью. Число столовъ должно быть достаточно для помѣщенія всѣхъ поѣзжанъ, конхъ бываетъ до 40 и даже до 50 человекъ. Родители невѣсты знаютъ, хотя приблизительно, число поѣзжанъ своего жениха. Накрывши столы скатертью, кладутъ на нихъ въ трехъ мѣстахъ по два ржаныхъ хлѣба, одинъ на другомъ, изъ конхъ на верхнемъ кладется по солоницѣ соли, потомъ часто кладутъ ломти ржаного же хлѣба, прямо на салфетку безъ всякихъ тарелокъ, перпендикулярно къ линиямъ столовъ, а на нихъ изъ ячменной муки пироги, а наверхъ этихъ—пироги съ крупой; но какъ тѣ, такъ и другіе кладутся какъ бы параллельно линиямъ столовъ, значить крестообразно, съ ломтами хлѣба и такъ, чтобы концы одной пары пироговъ соединялись съ концами другихъ двухъ паръ на ту и другую сторону находящихся.

Когда всѣ, по окончаніи описанной церемоніи усядутся, то отецъ невѣсты подаетъ на подносѣ, а перѣдко, за немѣніемъ его, и на тарелкѣ, по стакапу пива и рюмкѣ воды, начиная съ большаго угла, говоря «покорно про-

симъ» и кланяется въ поясъ. Послѣ отца подноситъ мать точно также, а за нею братья невѣсты, если есть. У нѣкоторыхъ, побогаче, бываетъ и чай, который подносятъ братья, какъ бы вмѣсто воды и пива. За этимъ угощеніемъ отецъ и мать благословивъ дочь и вмѣстѣ со сватьею выводятъ ее, какъ говорится, на ставку. Сватья и невѣста кланяются въ поясъ. Отецъ невѣсты спрашиваетъ у жениха: на той ли сватался? Онъ отвѣчаетъ утвердительно. Отецъ продолжаетъ: любя ли?—Любя. Потомъ невѣста, также какъ отецъ и мать подноситъ по стакапу пива и рюмкѣ воды сперва родственникамъ жениха, кланяясь каждому въ поясъ вмѣстѣ со сватьею и взявши обратно рюмку и стакапъ, также обѣ кланяются въ поясъ, отошедши къ столу. Женихъ, выпивши рюмку кладетъ въ завернутые въ бумажку деньги по состоянію своему, самобѣднѣйшіе кладутъ не менѣе 20 коп. серебромъ, а богатые кладутъ даже и по червонцу. Который не пьетъ воды, а пиво, кладетъ въ стакапъ. Прочіе же не кладутъ. Лишь только женихъ поставитъ рюмку, невѣста тотчасъ подноситъ ему платокъ на подносѣ или на тарелкѣ, кланяясь въ поясъ и также вмѣстѣ со сватьею. Онъ, взявши платокъ, опять даритъ деньги, кладя ихъ на подносъ, а оберши губы платкомъ, кладетъ его въ карманъ; а она подноситъ остальнымъ поѣзжанамъ. Послѣ этого обпоса отецъ спрашиваетъ: «Всѣмъ ли было, всѣ ли довольны?» Они, вставъ съ своихъ мѣстъ отвѣчаютъ: «Всѣ довольны, всѣмъ было». Потомъ невѣста подноситъ своимъ родственникамъ не только тѣмъ, которые тутъ стоятъ, но даже приводятъ изъ другаго покоя или сѣней, которыя тамъ паходятся по причинѣ невѣстности въ избѣ, или въ томъ покоѣ, гдѣ женихъ; а дѣвицъ даже и съ вечериньки, которыя по немѣнію мѣста въ домѣ невѣсты, бывають и у сосѣдей.

По окончаніи описанной церемоніи подвѣнечная сватья уводитъ невѣсту въ сопровожденіи пѣвнѣй:

1834.

Отвороцю я лицо бѣлое
Отъ срдныхъ дубовыхъ столовъ
Отъ зныи то зныи холодныя,
Отъ тяжкихъ плящихъ морозовъ.

Въ ту же компану, а за немѣніемъ ея въ солнышъ, откуда приводили; а мать ея начинаетъ дарить всѣхъ поѣзжанъ платками, а у бѣдныхъ по недостатку ихъ дарятъ

1) Женихи прѣзжаютъ очень поздно вечеромъ, обыкновенно—часовъ въ 11-ть пополудни, а иногда даже въ 3-мъ часу пополудни.

2) колдунъ, оберегающій свадьбу отъ другихъ колдуновъ.

нѣкоторыхъ ситцомъ, разрѣзывая его на малѣйшіе кусочки. «Вѣжливой» всѣхъ болѣе выигрываетъ: онъ получаетъ двойные дары, т. е. два платка, одинъ дарится какъ поѣзжающему, а другой какъ вѣжливному. Надобно замѣтить, что вѣжливному особенной платы не бываетъ а дѣйствуетъ онъ за великую честь, какую ему оказываетъ каждый, преимущественно предъ всѣми, за всевозможное угощеніе, а потому онъ пресыщается и уливается сколько его душѣ угодно и наконецъ—за двойные дары съ обѣихъ сторонъ. Вѣжливыя бываютъ всегда со стороны жениха, для безопасности съ обѣихъ сторонъ. Въ то время когда мать невѣсты даритъ, получившіе дары уминаютъ. Число перемѣлъ не велико и качество ихъ довольно простое: треска, палтусина и каша—одного или двухъ родовъ, а въ скоромной день сверхъ этого бываетъ иногда и птица, и у богатыхъ немного деликатнѣе, развѣ одной семгой. Перемѣлы эти подаютъ на столъ на 3-хъ или на 5-ти большихъ блюдахъ, смотря по количеству поѣзжанъ, которые раздѣлись произвольно на части по числу блюдъ и каждая изъ перемѣлъ больше достается тому изъ нихъ, которое ближе находится и всѣ вмѣстѣ, перекрестясь ѣдятъ съ него безъ церемоніи, просто безъ вилочекъ, несмотря на то, что у нѣкоторыхъ руки не совсѣмъ опрятны, а кашу разумѣется хлѣбають деревянными ложками, также каждая часть изъ своей общей чаши.

Одаривъ всѣхъ и кланяясь, мать спрашиваетъ: «Всѣмъ ли было, всѣ ли довольны?» при этомъ вопросѣ всѣ встаютъ и кланяясь отвѣчаютъ: «всѣмъ было, всѣ довольны.» Въ это же время отецъ невѣсты ведѣтъ жениха здороваться къ невѣстѣ, которая тогда опять плачетъ съ подголашницами пришедшими къ ней съ вечеренки. При входѣ жениха къ невѣстѣ, она стоитъ и плачетъ, склонившись. Женихъ беретъ ее за косу и приподнявъ голову, ее цѣлуетъ, между тѣмъ ногою пастунаетъ ей на ногу, а затѣмъ даритъ деньги, какъ говорится у нихъ,—на бѣлила. Въ это время невѣста плачетъ:

1335.

Вы родны мои родители!
Не подходите, да не подводите
Вы чужого ко мнѣ чужепина
И незнаемаго человѣка.

Потомъ:

1336.

Охъ-те мнѣ-чипько!
Пристыдилъ мое лицо бѣлое,
Приззорилъ мои очи ясныя,

Присквернилъ мои уста сахарныя—
При родныхъ моихъ родителяхъ,
При любимыхъ моихъ подружечкахъ,
При сосѣдкахъ приближенныхъ!
Не въ пору, не во время,
При зарѣ да при вечернѣи.
Приутихли вѣтры буйныя,
Приутихла заря вечерняя,
Приумолкли да птицы райскія,
Приуснули люди добрые,
Всѣ сосѣдки да порядовыя,
Порядовыя да приближенныя.

Минуть черезъ 10 женихъ опять приходитъ такимъ же образомъ прощаться и снова даритъ ее. Невѣсту выводятъ *на ставку*¹⁾ въ самомъ лучшемъ платьѣ, набѣленную и парумяненную, что въ Пинегѣ еще въ большемъ употребленіи. Немедленно, по отбѣздѣ жениховъ домой, невѣста плачетъ отцу:

1337.

Схожо красно мое солнышко,
Родитель мой батюшко!
Чего я у тебя попрошаю,
Я не съ хитрости и не съ мудрости, —
Съ дѣвья глупаго ума-разума.
Да приходилъ ты, солнце красное,
Со грозой со великою,
Да приказалъ мнѣ, солнце красное,
Вѣлехопько да умываться,
Наряднехопько да наряжаться.
Это что же у васъ да, солнце красное,
Что за праздники за большіе,
Что за гости за частые?
Вы куда меня выводили,
Да передъ кого меня становили?
Хотѣ не скажешь, солнце красное,
Я сама про то разумѣю:
Выводили да становили
Передъ чужого да чуженина,
Передъ незнаемаго человѣка.

Послѣ этого плача всѣ свадебники невѣсты кромѣ ея самой, отца и матери идутъ въ домъ жениха пѣть ему и невѣстѣ пѣсни. Приѣхавши къ жениху, поютъ ему:

1338.

Княгиня первобрачная
Приказала кланяться,

¹⁾ Выводитъ на ставку значитъ: выводитъ нарядно одѣтую и, обыкновенно, заплаканную невѣсту изъ комнаты, называемой *дѣвичникъ*, къ жениху и гостямъ на осмотръ. Слов. Подвысоцкаго.

Не велѣла надѣяться,
Велѣла искать повую да молодую,
Получше и покраше,
Цвѣтнымъ платьемъ побогаче.

Отецъ и мать и самъ женихъ обносятъ всѣхъ по рюмѣй воды и стакану пива; а десертъ, состоящій изъ какихъ либо орѣховъ и припущенныхъ закусокъ, стоитъ на столѣ безъ употребленія. При походѣ домой женихъ высыпаетъ его въ платокъ одной дѣвицы, которая относитъ его невѣстѣ, а она уже даетъ своимъ подружкамъ. Пришедши домой, всѣ встаютъ передъ невѣстой и кланяются, поя:

1339.

Дѣвица красная, княгиня первобрачная,
Молодъ князь поклонъ послалъ,
Велѣлъ низко кланяться,
Велѣлъ готовиться идти и ѣхать
Ко соборной Божьей церкви.

Въ этотъ день всѣ свадебники, какъ жениха, такъ и невѣсты, прѣзжая на свадьбу, привозятъ приносъ, называемый «хлѣбиной», который состоитъ изъ разнаго рода пироговъ изъ ячменной муки. Весьма немногіе приносятъ хлѣбъ изъ крупичатой муки, что чрезвычайно рѣдко случается. Кромѣ этой «хлѣбины» никакихъ подарковъ при ней не носятъ.

На другой день рукобитья, т. е. въ день свадьбы, невѣста и всѣ подголашницы встаютъ рано и только что умоются, начинаютъ плакать, такъ называемую у нихъ, «красоту». Заплакиваютъ также какъ и на посѣдѣхъ, а потомъ плачутъ такъ:

1340.

Позовите мою сестрицу родимую!
(сестра подходитъ).

«Ты поди, моя лебедь бѣлая,
Ты, сестрица родимая,
Ко сряднѣмъ да дубовѣмъ столамъ,
Ты сдими, моя однокровна, единоутробна,
Свои руки бѣлыя на мою буйну голову.
И ты сойми мою дѣвью красоту!
И ужъ ты спречь, моя лебедь бѣлая,
Во погребы во глубокіе.»
Я пойду, млада многокручинная,
Подойду, млада, послушаю:

Не плачетъ ли, не кичетъ ли
Дорога моя дѣвья красота
О моей буйной головы?
Какъ услышали уши чудныя,—
Она расплакалась дѣвья красота.
Я возьму, многокручинная,
Дорогу свою дѣвью красоту,
Я снесу, многокручинная,
Во лѣса во темные,
Во темные дремучіе,
За болота дыбучія.
Я повѣшу ей, многокручинная,
На березу на бѣлую
И отойду, млада, послушаю:
Не плачетъ ли, не кичетъ ли
Дорога моя дѣвья красота
О моей да буйной головы?
Не услышали уши чудныя,
Не плачетъ и не кичетъ
Во дали отдаленныя.
И распростила я, многокручинная,
Со своей дѣвьею красотою.

Во время этого плача сестра невѣсты спинаетъ съ головы ея повязку. А снявши, плачетъ:

1341.

Сестрица моя родимая!
Ужъ какъ у тебя поднялись руки бѣлыя
На мою на буйну голову,
На мою-то на дѣвью красоту?
Не убоилась, да не утратилась
Снетъ съ моей да буйной головы
Дорогу мою дѣвью красоту?

Надобно замѣтить, что при этихъ двухъ плачахъ бываетъ много слезъ, рыданій и всхлипываній руками. Крѣпко прижимаютъ одна другую съ такою чувствительностію, что можно подумать, что они навѣчно разстанутся, даже всѣ постороннія дѣвицы, собравшіяся провожать невѣсту, весьма слезно плачутъ.

За этимъ плачетъ одна изъ ближнихъ подружекъ:

1342.

Люба милая подружечка,
Свѣтъ (имя и отчество)
Подойди-тко да подстуни

Ко мнѣ, многокручинной!
Ты расплети мою трубчатую косу —
Потихошеньку да помалехоньку.

Когда та расплететь, то она ей причитаетъ:

1343.

Ужъ какъ у тебя поднялись руки бѣлыя
На мою да трубчатую косу? п. т. д.

Затѣмъ:

1344.

Люба милая подружечка,
Свѣтъ (имя и отчество)!
Подойди-ко да пооступи
Ко мнѣ, многокручинная!
Да расчеши мою буйну голову
По единому да русу волосу,
По моимъ да могучимъ плечамъ —
Послѣдошние, остатошние
Душой красной дѣвицей.

По расчесаніи головы причитаетъ:

1345.

Ужъ какъ у тебя поднялись руки бѣлыя
На мою буйну голову,
На мои русы волосы?

По окончаніи этого начинаютъ зашивать банникъ¹⁾. Это есть обязанность матери крестной. Для зашиванія его берутъ одну большую нитку, такъ чтобы хватило зашить весь банникъ, а другой нитки никогда не вдвигиваютъ. Если же не хватитъ одной, то остальное скалываютъ булавками. Когда его зашиваютъ невеста плачетъ:

1346.

Родитель мой, батюшко!
Родимая матушка!
Въ день денная печальщица,
Въ ночь почная богомольщица!
И крестова моя матушка,
Крестовая восприемная,
Всѣ родны мои родители!

¹⁾ Банникъ значитъ хлѣбъ, зашитый въ скатерть, который возятъ въ церковь, когда вѣнчаютъ.

Вы куда меня сряжаете,
Во котору путь дорожечку,
Съ хлѣбомъ-солью великимъ,
Съ двумя ложками со красными²⁾?
Али въ матушку во славну Москву,
Али въ батюшко Петербургъ-городъ;
Али во славной городъ Архангельской?
Хоша вы мнѣ не скажете,
Я сама да знаю вѣдаю,
Молода да догадаюся —
Ко чужимъ роднымъ родителямъ,
Ко чужимъ, дальнимъ, незнакомымъ.
Ты крестова моя, восприемная!
Про тебя, моя крестова,
Лежить славушка хороша
Во всѣ стороны четыре, —
Внизъ до города до Архангельска,
Вверхъ до самой до Кевролы³⁾.
Ты горазна, моя крестова, шить,
Брати краснымъ золотомъ,
Пошивать да чистымъ серебромъ.
Ужъ ты вышей, моя крестовая,
На всѣхъ углахъ четырехъ:
На первомъ углу вышей
Красно солнце съ моревами,
На второмъ углу вышей —
Свѣтлый мѣсяцъ со звѣздами,
А на третьемъ углу вышей —
Синне море со волнами,
На четвертомъ углу вышей —
Чисто поле со звѣрями,
А на середкѣ вышей Божью церковь
Со крестами, со чудными образами.
Охъ-те мнѣ-ченько, тошнехонько!
Дѣвья жира⁴⁾ да коротается,
Бабы старость да приближается,
Тягота моей буйной головы,
Торна крѣпка русымъ волосамъ,
И передъ вами, мои бѣлы лебеди,
Всѣ гульбы мои проклады
Дѣвья жизнь да лебединая.

Во время этихъ церемоній приѣзжаютъ друзья съ пряникомъ, который называется «утренной, бу-
жалной *передатью*»⁵⁾ и спрашиваетъ невесту, къ

²⁾ Ибо въ банникъ зашиваютъ хлѣбъ-соль и двѣ деревянныя ложки.

³⁾ Кеврола — большая деревня вверхъ по рѣкѣ Пинежѣ, въ 140 верстахъ отъ города.

⁴⁾ Жира — спокойное, привольное житіе. Слов. Подвысоцкаго.

⁵⁾ *Передать* — первый гласный подарокъ жениха невестѣ, наканунѣ свадьбы. *Будильную передать* (пряникъ, цвѣты) женихъ посылаетъ черезъ дружекъ, а *наряжальную* (остальное) привезетъ самъ. Слов. Даля.

которой ихъ ведетъ ея мать. Они, отдавъ приныкъ невѣстѣ, говорятъ: «послѣшайте, женихи ѣдутъ». Принявши приныкъ, невѣста даритъ дружекъ платками; а дѣвушки прикалываютъ имъ на плечи по одинаковой лептѣ: старшему на правое, а младшему на лѣвое. Тогда дружки уѣзжаютъ.

Вскорѣ по отѣздѣ ихъ пріѣзжаетъ женихъ въ сопровожденіи этихъ же двухъ дружекъ, тысяцкаго и близкихъ родственниковъ, но не жещинъ. Они привозятъ съ собою пиво, водку, пряникъ, колачи, зеркало, чулки и башмаки. Это называется «наряжельною передатью», всѣ ся принадлежности долженъ привозить каждый женихъ богатый и бѣдный, разность въ добротѣ вещей. Самые бѣдные берутъ нѣкоторыя изъ этихъ вещей у другихъ, возвращая ихъ послѣ свадьбы. Пріѣхавши къ невѣстѣ, дружки обращаются къ ея матери, которая ведетъ ихъ къ ней. Они даютъ приныкъ съ зеркаломъ и прочими вещами, ей слѣдующими, тогда плачутъ:

1347.

Не приходите, да не приносите
Отъ чужого да чуженина.
Я ничѣмъ была не жадна и не щадна,
Всячиной была довольна
У своихъ честныхъ родителей.

А потомъ и приметь. А женихъ съ прочими идетъ въ другую комнату, гдѣ онъ подноситъ каждому изъ свадебниковъ и свадебницъ невѣсты по стакану пива и рюмкѣ воды, кладя на тотъ же подносъ по нѣскольکو колачей и мелкихъ пряниковъ, послѣднее, т. е. колачи и пряники даются не каждому свадебнику, а по семействамъ, а потому и кладется ихъ не поровну, а соображаясь съ числомъ членовъ семейства и по степени родства, для чего приводятъ всѣхъ ихъ къ жещинѣ¹⁾ и одинъ изъ нихъ беретъ пряники и колачи, выпивши пиво и водку, если пьетъ, а прочимъ только подносится пиво и водку безъ пряниковъ и колачей, которые даетъ имъ тотъ, который взялъ.

Когда раздадутъ всю, такъ называемую «наряжельную передать», сестра невѣсты даритъ жениха платкомъ, а онъ ее деньгами. Потомъ выходитъ подвѣнчанная сватья и, кланяясь во всѣ стороны, говоритъ: «Примите въ товарищи!» а они отвѣчаютъ: «Милостя просимъ!» Она уходитъ и тотчасъ съ отцомъ и матерью приводятъ невѣсту. Отецъ идетъ напередъ, неся образъ, передъ которымъ горитъ свѣча, потомъ мать, неся хлѣбъ, на

1) Это называется: приводить къ стакану.

конецъ солопица съ солью, что вмѣстѣ съ хлѣбомъ бываетъ всегда завернуто въ салфетку или полотенцо, а невѣста идетъ со сватьею, прикрываясь платкомъ, пришедши въ комнату, открывается и кланяется вмѣстѣ со сватьею; выходятъ женихъ и становятся по правую сторону²⁾ невѣсты, подлѣ нея. Тогда ихъ благословляютъ: сперва отецъ образомъ жениха и дочь, а мать хлѣбомъ, не развертывая его изъ полотенца. При этомъ надобно замѣтить, что отецъ и мать даютъ жещинѣ и дочери, благословивъ ихъ, по нѣскольکو денегъ, кладя имъ тайно въ руки. Если у невѣсты есть восприемники, то и они ихъ благословляютъ и также даютъ деньги, замѣчая, что отъ этого будутъ жить богаче. Послѣ благословенія женихъ, взявши невѣсту за руку, идетъ съ нею за столъ, гдѣ онъ становится на правую руку и тотчасъ бросаетъ невѣстѣ на голову платокъ, который называется *гумулькою*³⁾, такъ чтобы онъ закрылъ и лицо ея. Тогда жещинины поютъ:

1348.

Пала гумулька на буйную главу,
Ее дождинкомъ не смочить
И вѣтеркомъ не сдуетъ.

А женихъ, взявши невѣсту за руку, ведетъ ее въ сани или телѣгу, гдѣ она садится со сватьею, а онъ садится въ другіе сани вмѣстѣ съ тысяцкимъ и ѣдутъ въ церковь въ такомъ порядкѣ: впереди дружки, за ними женихъ съ тысяцкимъ, затѣмъ сватья съ невѣстой, закрытой гумулкою. Дѣвцы къ вѣнцу не ѣзжаютъ.

Вѣнчаются большею частію до полудни, а рѣдко послѣ полудни, а потому часто пріѣзжаютъ въ церковь, особенно въ праздничные дни, во время литургіи и даже еще до ея пачала и до самаго таинства брака стоятъ въ трапезѣ и невѣсты не раскрываютъ. При началѣ обряда сватья снимаетъ гумульку.

Невѣста одѣвается къ вѣнцу въ самое лучшее платье, въ штофномъ полушубкѣ и юбкѣ, а у кого есть — и парчевыхъ. На головѣ *чебакъ*⁴⁾ зимою и лѣтомъ, не смотря на то, что это зимняя одежда, но онъ снимается вмѣстѣ съ гумулкою и она стоитъ подлѣ вѣнцомъ съ распущенною косою.

Послѣ вѣнца жещинины, родственницы жениха

2) съ этого времени онъ во всѣхъ случаяхъ занимаетъ мѣсто по правую руку, а она по лѣвую.

3) По слов. обл. архангельск. нарѣчія Подвысоцкаго: *гумулька* — большой платокъ, даримый женихомъ невѣстѣ передъ отѣздомъ къ вѣнцу.

4) *Чебакъ* — крытая парчою и опушенная мѣхомъ женская старушечья шапка съ наушниками. Слов. Подвысоцкаго.

крутить пивъсту въ трапезѣ, т. е. заплетаютъ двѣ косы и падѣваютъ на голову повойникъ и косынку, при чемъ молодая плачетъ, а женщины шумить, говоря: «Христосъ на головку, не плачь». Тутъ мужчины не бьются, кромѣ одного брата (шафера)—а стоять въ той же трапезѣ поодаль. Съ пивъстной стороны бываетъ три брата (шафера) двое какъ обыкновенные шафера, а третій ѣздитъ къ вѣнцу, съ такъ называемою *коробьюю*, въ которой находится подножникъ, повойникъ, косышка, платокъ къ замку¹⁾ и колачи, называемые «кручальными», которые бросаетъ молодой по дорогѣ, ѣдучи отъ вѣнца—для проходящихъ. Нѣкоторые бросаютъ закуски и даже деньги. Окрутивши, сватья, опять накрываетъ молодую гумушкой и вмѣстѣ съ третьимъ братомъ (шаферомъ) выводятъ къ новобрачному ея мужу, который, взявши жену свою за руку, ведетъ въ санн или телегу, куда и садится она со сватьею, а онъ уходитъ къ другому такому же экипажу и садится вмѣстѣ съ тысяцкимъ и тогда ѣдутъ въ домъ жениха въ такомъ же порядкѣ, какъ ѣхали въ церковь и въ продолженіе всего пути молодая вмѣстѣ со сватьею *откладываютъ* низкіе поклоны²⁾, хотя бы имъ шло и не встрѣчался. Это, я думаю, потому что молодая непременно должна всякому кланяться, а какъ она подъ закрывкою ничего и никого не видитъ, то и кланяется непрерывно³⁾.

Когда дружки пріѣдутъ въ домъ молодого, отецъ его съ образомъ, а мать съ хлѣбомъ встрѣчаютъ молодыхъ на улицѣ и заведши въ покой, гдѣ никого нѣтъ, ибо всѣ выходятъ встрѣчать молодыхъ,—тотчасъ запираютъ двери и благословляютъ, а всѣ свадебники стоятъ на повѣти или въ сѣняхъ. Послѣ благословенія отворяютъ двери и ведутъ молодыхъ за столъ, уже убранный. За ними идутъ всѣ свадебники и садятся по чинпоположенію, молодой на правой рукѣ, а молодая на лѣвой. Съ пивъстою пріѣзжаютъ братья и сватья. Молодой, тысяцкой и братья сидятъ, а молодая и сватья стоятъ и кланяются. Между тѣмъ свекровь, взявши два пирога и приложивъ одинъ къ другому такъ, чтобы дно ихъ были порознь и завернувъ въ салфетку или полотенце и согнувъ головы молодыхъ, обводитъ кругомъ ихъ трижды и отдавъ ихъ молодой, снимаетъ съ ней гумушку. Тогда приносятъ на столъ тетеру, а постороннія женщины, собравшіяся смотреть, въ это время поютъ:

1349.

Тетера на столъ прилетѣла —
Молода спать захотѣла.

Тетеры какъ и предъидущихъ перемѣнъ не разрѣзываютъ и не ѣдятъ. Потомъ приносятъ кашу, а тѣже зѣваки поютъ:

1350.

Каша пошла въ колупанье,
А молодая пошла въ цѣлованье.

Молодой, почерпнувъ на ложку, сколь можно больше каши, кладетъ молодой на пирогъ. Молодая, перекрестившись, беретъ ложку съ кашей и ѣстъ, а сватья прикрываетъ ее платкомъ. Когда молодая съѣстъ почерпнутую ей кашу, тогда отецъ и мать молодого, тысяцкой и сватья ведутъ молодыхъ на подѣлѣть въ сопровожденіи священника, если онъ есть на свадьбѣ. Съ ними идетъ и братъ, пріѣхавшій съ коробьюю. Здѣсь молодая даритъ свекру рубашку и подштанникъ, свекрови рубашку и повойникъ, а родственникамъ чего либо также на повойникъ, что называется *скройкомъ*⁴⁾ и по колачу, а родственникамъ по платку. Дарятъ только близкихъ родственниковъ, а дальнимъ молодые подносятъ только по рюмкѣ водки и стакану пива. Когда подарятъ всѣхъ родственниковъ, которые и уходятъ опять за столъ, молодые остаются, тутъ приносятъ имъ ѣсть, ибо они до того времени ничего не ѣдятъ. Послѣ обѣда сватья укладываетъ ихъ спать, а свадебники закусываютъ. Это называется малый столъ. За нимъ цѣлаго кушанья не начинаютъ, а ѣдятъ уже початня. Часа черезъ два и менѣе, смотря по времени, сватья съ родственниками молодого ходятъ будить молодыхъ. Молодые выходятъ, а сватья выносятъ полотенца, зеркало, гребень и мыло. Молодые кланяются въ ноги отцу и матери и близкимъ родственникамъ, а прочимъ только кланяются просто. Молодая обнимаетъ всѣхъ и говорятъ имъ: «Начовали здорово». Это и называется «начовала давать». А сватья все принесенное отдаетъ матери молодого, которая и развѣшиваетъ по лотенца на гвозди или спички, а зеркало и прочее кладетъ на столъ. Богатые выносятъ до 10-ти полотенцевъ, а бѣдные два или три. Одно полотенце молодая держитъ въ рукахъ и со сватьею кланяются сперва свекру и свекрови,

¹⁾ такъ называется платокъ, который даютъ дѣвчкѣ или пономарю, пріѣзжая къ вѣнцу.

²⁾ и въ церковь ѣдутъ съ такими же поклонами.

³⁾ Во время вѣнца привозятъ къ молодому приданое и постель.

⁴⁾ *Скроекъ*—небольшой отрѣзокъ какой-нибудь ткани. Слов. Подвысоцкаго,

говоря: «Покорно просимъ помыться», а потомъ просить и родственниковъ также влапаясь. Свекоръ, свекровь и родственники моются и вытираются полотенцемъ, а некоторые чешутъ волосы и смотрятся въ зеркало, а иные избѣгаютъ этой церемоніи,—не моются, ибо при этомъ не мало бываетъ и шалостей—мараются сажей и т. п.

Послѣ этого молодыя уходятъ одѣваться, ибо черезъ недолгое время приѣзжаютъ и родственники молодой на *госбѣ* и сватя съ блинами. Они всѣ собираются для этого въ домъ родителей молодой, и оттуда всѣ вмѣстѣ ѣдутъ къ молодымъ на *госбѣ*¹⁾. Приѣхавши къ молодымъ, ихъ тотчасъ садятъ за столъ, тутъ едятъ и молодые и всѣ родственники молодого. Столы также убираются какъ и на рукобитыѣ, только хлѣбовъ не бываетъ. Вмѣсто салфетокъ употребляютъ полотенца. Число перемѣнъ на этой *госбѣ* больше нежели въ предыдущіе столы и они въ лучшемъ видѣ. Когда подаютъ на столъ сладкой пирожекъ, то молодые выходятъ изъ за-стола и подносятъ каждому по рюмѣ водки и стакану пива. При этомъ прежде клали на подносъ или на тарелку деньги; а нынѣ это уже выходитъ изъ употребленія.

Послѣ этого стола свадебники уѣзжаютъ домой довольно веселы; а другіе даже и весьма. Нѣкоторые родственники молодого остаются и почевать.

На другой день свадьбы, утромъ молодая *нашетъ*²⁾ полъ, а оставшіеся свадебники на выпавшее мѣсто сплели перье. Тутъ молодой подноситъ имъ по рюмѣ водки, а молодая приносить подносъ колачей и закусокъ и они болѣе уже не мѣшаютъ ей доканчивать своего дѣла. За этимъ свекровь выноситъ ковригу, т. е. *банникъ* и разбиваетъ его при родственникахъ, которые, отобѣдавши, уѣзжаютъ домой.

Въ этотъ день шафера шуточно готовятъ баню, истопивъ ее двумя или тремя вѣшниками. Въ эту баню они возятъ на боронѣ свекра и свекровь, а молодая имъ приготовляетъ по вѣшнику, обвертывая комли ихъ платками, которые и идутъ имъ въ подарки, а бѣднее и холостомъ. Разумѣется они въ такой банѣ не моются.

Черезъ нѣсколько дней у родителей молодой бываетъ подобная *госбѣ*. Нѣкоторые дѣлаютъ ее вскорѣ, какъ говорятъ на тѣхъ же *ошуркахъ*³⁾, а побогаче черезъ недѣлю или около того, приготовляя все снова.

Зап. учитель Степанъ Пругавинъ въ 1850 г. Изъ архива И. Р. Геогр. Общ.

¹⁾ Это называется поѣздомъ.

²⁾ мететь.

³⁾ *Ошурки*—остатки кушаньевъ, лакомствъ и питей, послѣ званнаго пиршества. Слов. Подвысоцкаго.

1351.

Той же губ., Шенкурскаго у.

Когда расплетаютъ косу.)

Ты красное мое солнышко,
Ты, родная моя матушка!
Принеси мнѣ дорогую дѣвью красоту!
Мнѣ покрасоваться еще съ дѣвѣй красотой,
При милыхъ своихъ подруженькахъ,
На золотомъ принеси на блюдецкѣ;
Я прижму ко сердцу своему ретивому,
Я вздыну выше своей буйной головы.
Моя дѣвья, дорогая красота!
Она раститъ крылья лебединыя,
Улетѣть хопѣтъ съ моей буйной головы.
Мнѣ куда съ ей будетъ дѣваться?
Мнѣ какъ съ ей будетъ разстатися?
Она красила меня, дѣвья красота.
Я снесу свою дѣвью красоту,
Улею я въ чисто поле,
Я на яблонѣ снесу на кудрявую,
И на бѣлуду на березыньку;
Я отойду, млада, послушаю:
Не кукуетъ ли въ полѣ сѣра кукушница
О своемъ о тепломъ гнѣздущекѣ?
И не плацѣтъ ли моя дѣвья красота?
Плацѣтъ, плацѣтъ, дѣвья красота
О моей буйной головѣ.
Дай ена въ уголь за мной все гонится.
Вороцуюсь я, бѣдна дѣвица,
Я возьму на руцѣхъ опять на бѣлня,
Ко сердцу прижму да ко ретивому,
Я вздыну буйную голову:
Красота ты моя великая!
Мнѣ куда съ тобой дѣваться?
Мнѣ какъ же съ тобой разстатися?
Я снесу тебя на Вагу рѣку,
На тихія я снесу на волны,
Ко бѣлымъ ко лебедушкамъ,
Што еще пушай же дѣвья красота,
Пушай съ нма красуется,
Съ бѣлыми съ лебедушками.
Отойду я, лягу, послушаю:
Не кичѣтъ ли лебедь бѣлая,
Не плацѣтъ ли дѣвья красота,
О моей буйной головѣ?
Кичѣтъ, кичѣтъ, лебедь бѣлая,
Плацѣтъ, плацѣтъ, дѣвья красота
О моей буйной головѣ;
Она въ уголь за мной гонится.
Вороцуюсь я, бѣдна дѣвица,

⁴⁾ Приводимъ здѣсь эту прическу какъ болѣе интересный и полнѣйшій вариантъ къ напечатанному выше № 1340, III.

Возьму я на ручьи свои на бѣлья,
Прижму ко сердцу своему ретивому:
Охти мнѣ, молодой, тошпехонько!
Призывать стану сестру свою родимую:
«Ты, сестрица моя одноутробная!
Ты подойди ко мнѣ, голубушка!
Есть у меня дума съ тобой подумати,
У меня съ тобой тайное мое молвити:
Я тебѣ сдавать стану волю большину,
Дорогую дѣвью красоту.
Ты красуйся, сестра родимая,
Въ дорогой снаряжайся красотѣ!
Тебя знать станутъ люди добрые,
Почитать станутъ честны родители,
Похвальба про тебя пойдетъ хорошая.
Ты береги своей дѣвией красоты,
Отъ вѣтру береги, отъ буйнова,
Отъ цыстыхъ мелкихъ дожжицьковъ!
Ты красуйся, сестрица моя родимая!
Есть у батюшки за пещнымъ столбомъ,
Злодѣйка сидитъ, бабья красота.

Што житье бабѣ позорливое,
Опо позорливо житье бабѣ, попецальное,
Попецально житье бабѣ, вѣковѣцное,
Опо на вѣкъ на меня навяжется,
Все я буду подъ грозой жити, подъ велпкою,
Во пещали житье поидеть, не въ радости.
Што злодѣйка, бабья красота,
Она сидитъ у матушки за пещнымъ столбомъ,
Она сидитъ все и топорщится,
Роститъ крылья ястребиныя,
Роститъ когти совинныя,
Налетѣтъ ходѣтъ, напорхнути,
На мою на буйну голову:
Она вѣщитъ хоцѣтъ когти вострые
Въ мои русы волосы.
Да и охъ! порудитъ хоцѣтъ дѣвью красоту.
Охти мнѣ, молодой тошпехонько!
Она на вѣкъ на меня навяжется, —
Мнѣ куда теперь дѣватися?

Сообщ. А. А. Котляревскимъ.

II. Вологодской губерніи.

1352.

Свадебныя причитанія и пѣсни.

(На дѣвишникѣ, собравшимся съ жениховой стороны невеста причитаетъ).

Дорогіи гости, гости милые,
Побѣжана вы хорошіе!
Ужъ ты дружка съ полудруженьемъ,
Ты душа добрый молодецъ!
Погляжу я, молодешенька,
Во середнее окошечко.
Какъ у нашей свѣтлой свѣтлицы,
Какъ у дому благодатнаго,
Не купцы-купцы наѣхали,
Не палатки понзставили, —
Побѣжана наѣхали
Со добрымъ да добрымъ молодцемъ
Что ко мнѣ молодешенькѣ.
Благослови меня, Господи,
Пресвятая Богородица!
Мнѣ садиться, молодешенькѣ,
Во мѣстечко во упальное
Со своимъ со подруженькамъ —
Причитать мнѣ, молодешенькѣ,
Что послѣднее то времечко,
Мнѣ послѣднюю-то поченьку
Со своимъ со подруженькамъ.

1353.

(Невеста къ подружкамъ).

Вы послушайте, подруженьки,
Я объ чемъ вамъ буду говорить.
Какъ придесть добрый молодецъ
Со своимъ цвѣтнымъ платьемъ,
Какъ надѣнетъ добрый молодецъ
На меня, молодешеньку,
Свое цвѣтное платьецо,
Зазнобитъ ретиво сердце
Своимъ цвѣтнымъ платьемъ,
Со чужой дальней стороны
Со злодѣйки незнакомыя;
Что гораздо мои голубушки,
Ужъ вы милыя подруженьки,
Что у васъ сердца каменны:
Промѣняли, мои матушки,
На чужого на молодца
Вы меня, молодешеньку.
Какъ надѣлъ добрый молодецъ
Свое цвѣтное платьецо,
Зазнобило ретиво сердце
У меня молодешеньки.

1354.

(Невеста къ жениху).

Благодарствуй, добрый молодецъ,
На твоёмъ цвѣтномъ платьецѣ.

Ты прими, добрый молодецъ,
Мои дары непасёные.
Я жила, молодёшенька,
У кормильца-то у батюшка,
У родимой-то у матушки,
Я жила, не паслась въ люди,
На чужу дальню сторону,
Ко чужому отцу-матери.
Благодарствуй, добрый молодецъ,
На яствахъ на сахарныхъ,
Одномёдныхъ-то на пряникахъ,
Что на яблочкахъ садовыхъ,
На орѣхахъ на калѣйныхъ.
Что не честь, добрый молодецъ,
Что не честь честоватися,
Принародно цѣловатися.
Обезчестилъ, добрый молодецъ,
Ты мою дѣвью красоту,
Ты мою красовитую.
Не спасибо тебѣ, сватушка,
Не спасибо тебѣ, друженька,
Тебѣ свать перелестничекъ!
Ужъ какъ дай бы тебѣ, Господи,
Тебѣ щами подавитися
И ланшой захлебатися:
Ты просвѣталь молодёшеньку
На чужу дальню сторону,
Ко чужому отцу матери,
Что сдался кормилецъ батюшка
На твои да слова ласковы.
Поглядите, люди добрые!
Вы сосѣди и сосѣдушки,
Ужъ вы милыя подруженьки!
Не ровнѣи со мной ровняется,
Не верста со мной верстается.
Молодымъ я молодёшенька
И глупымъ-то я глупёшенька,
Зеленымъ я зеленёшенька.
Ужъ я какъ да ни подумаю,
Ужъ я какъ да ни погадаю
Что своимъ-то глупымъ разумомъ:
Какъ наѣхали чужіи люди
Со чужой да дальней стороны,
Какъ у дружка да полу-дружка,
У нихъ возжи-то наёмныя
И дуги у нихъ еловыя,
А поддѣвки-то рогозьяны.
Какъ поѣхали чужіи люди
На свою на дальнюю сторону,
Ужъ какъ дай бы вамъ-то, Господи,
Во стѣнахъ-то насидѣтиса
И въ водѣ-то захлебатися.
Не доѣхать тебѣ, друженька,
До своей-то свѣтлой свѣтлицы,
До прекрасной повой горницы.

Ужъ какъ дай бы, дай бы Господи,
Что душѣ-то добру молодцу
Во стѣнахъ не насидѣтиса,
Во рѣкахъ не захлебатися,
Что доѣхать бы до свѣтлицы,
Доѣхать съ благополучіемъ,
Какъ бы лечь со Божьей милостью
Почевать послѣднюю почепьку.
Мнѣ теперь, да молодёшенькѣ,
Мнѣ вставать съ этого мѣстечка,
Мнѣ вставать со печальнова.
Ужъ мнѣ лечь, молодёшенькѣ,
На кроватушку тесовую,
На перицушку пуховую.
Мнѣ послѣднюю-то почепьку
Почевать во свѣтлой свѣтлицѣ,
Во столовой повой горницѣ.

1355.

Ты садися, добрый молодецъ,
Не со спесью, не со гордостью,
Ты со Божьей со милостью.
Не засѣживай, добрый молодецъ,
Моего платья цвѣтнаго,
Моего подвѣнчнаго,
Моего вѣковѣчнаго.
Чтобы жить мнѣ, молодёшенькѣ,
На чужой на дальней сторонѣ,
Чтобы жить мнѣ, не каяться,
Въ чужихъ людяхъ не маяться, —
Безъ кормильца безъ батюшка,
Безъ родимой своей матушки.
Ты послушай, сударь батюшка,
И родная моя матушка,
Я объ чемъ буду вамъ говорить,
По-низку вамъ низко кланяться,
Отъ бѣлова лица до земли,
Ниже шелкового поясу.
Ты на что-же распростижался
На меня, молодёшеньку,
На меня, зеленёшеньку?
Не слуга-ли была вѣрная,
Не посылка тебѣ скорая?
Что пропиль, кормилецъ батюшка,
Ты меня, молодёшеньку,
На чару зелена вина,
На стаканъ пива пьянаго.
Ты польстился, сударь батюшка,
На деньги, золоту казну!
Ты послушай-ко, голубушка,
Ты любезна мила сестрица,
Я объ чемъ те буду говорить,
По-низку тебѣ кланяться.

Не прогибайся, голубушка,
Ты любезна мила сестрица,
Что ужь я тебя не встрѣтила
Среди-то поля чистого,
Среди улицы проѣзжія,
Среди мостика калинова,
Среди лѣстницы брущатой,
На скобу руки не палѣжала,
На пѣту дверь не отворила,
Въ честно мѣсто не посадила,
Въ честно мѣсто подь окошечко,
Подь окошко подь косящатое,
Осерѣдь да свѣтлы свѣтлицы.
Погляди-ка ты, голубушка,
Ты голубушка, мила сестра,
На меня, молодѣшеньку:
У меня, молодѣшеньки,
Топерь много больно горюшка,
Ровно три поля настѣяны
И кручиной огорожены,
Горючимъ слезамъ поливаны.
Ужь ты ѣхала, моя голубушка,
Ты голубушка, мила сестра,
Ужь ты ѣхала полямъ чистымъ,
И дугамъ-то ты зеленымъ,
Не попала те (в)стрѣча первая,
Стрѣча первая, хорошая —
Что моя да дѣвья красота,
Что моя да красовитая?
Прививалась дѣвья красота
Ко сухому да ко дереву.
Какъ сухое-то дерево
Не бываетъ двѣю зелено,
Прививалась дѣвья красота
Ко зеленой ко травпочкѣ.

1356.

Не отъ свѣчки, не отъ скѣрники.
Шпрокъ дворъ-отъ загорается,
Не отъ Божьей-то милости,
Дѣвій вѣкъ коротается.
Божій судъ совѣщается,
Надо мпой совершается.
И не гуси, не лебеди
Своимъ крыльемъ захопали,
Не стѣна бѣлокаменная
По-за-мпѣ раскатилась.
Раскатилось горе-кручинушка
Въ мою свѣтлую свѣтлицу,
Во столу нову горницу.

1357.

Что не ключики брякнули,
Не замочки щельнули, —

По рукамъ-то ударили.
Запоручилъ сударь-батюшка,
Да кормилица матушка
За поруки-то за крѣпкія,
За замки вѣковѣчные.
Посадили сударь батюшка
Меня въ куть подь окошечко,
Во упальное мѣстечко,
Подь топкеде полотепечко,
За убрѣду за навѣсочку.

1358.

Вы глядите ясны очи
По всей свѣтлой свѣтлицѣ
По столовой по горницѣ!
Во слезахъ да умыться.
Посмотрите ясны очи
На родимую матушку,
Ты послушай, кормилица,
Ты кормилица матушка,
Я о чемъ буду прошати,
Я о чемъ буду кланяться,
Не со спесью, не со гордостью
Не съ весельемъ, не со радостью.
Я прошу тебя, матушка,
Со своимъ горючимъ слезамъ.
Ты гостей-то приѣзжихъ
Ты поклономъ уклаивай,
Ты словами уговаривай:
«Не прогибайтесь, чужі люди
У насъ на честныхъ дарахъ.
У насъ пѣвѣста-то не взрослая
И дары не пасѣные.
Они не тонко нарядены,
Не бѣло они убѣлены.»

1359.

Я подумала, молода,
Я подумала, зелена,
Что къ моей свѣтлой свѣтлицѣ
Не было пути-дороженьки,
Ни лѣтнія тропиночки.
Не ходили, не ѣздили,
Ни конные, ни пѣшіе.
Что вокругъ свѣтлой свѣтлицы
Все лѣса были дремучіе
Да болота топучіе.
Что въ сегодняшний день
Отчего это случилось,
Что пролѣгла дороженька
И пришли къ намъ, приѣхали
Чужі люди незнамые
По меня молодѣшеньку?

1360.

Не велѣлъ сударь батюшка
Далеко мнѣ расхаживать,
Широко мнѣ разглядывать.
Мнѣ отведъ только батюшка
Опъ единую полѳвочку —
Отъ печи только дѳ-кути.
Ужъ мнѣ не далъ сударь батюшка
Со годами посверстатися,
Мнѣ съ умомъ посверстатися,
Мнѣ съ умомъ пособратися,
До любви-то пагулятися
Во своей дѳвѣй красотѣ.

1361.

Мнѣ почесъ, молодѣшенькѣ,
Мнѣ почесъ мало спалоса,
Мнѣ во спѣ много видѣлось.
Мнѣ привидѣлось молоденькѣ,
Все горы-то крутыя,
Все рѣчки-то быстрыя,
Все лѣса-то тѣмныя,
Все звѣри-то лютые.
Что горы-то крутыя —
Мое горе-кручиннушка,
Что рѣки-то быстрыя —
Мои горючі слѣзы;
Что лѣса-то тѣмныя —
Чужа дальня сторона,
Что звѣри-то лютые —
Чужи люди незнамыя.

1362.

Залетала же пташечка
Ко соловьюшкѣ въ кѣлочку,
За серебряну рѣшеточку.
Залетавши, стосковалася:
«Охъ, тошнѣшенько, тошнѣшенько
У соловья сидѣть въ кѣлочкѣ,
За серебряной рѣшеточкой,
Безъ травы да безъ шелковой,
Безъ воды безъ ключовыя,
Безъ ишона сорочинскаго!»
— Заходила-то дѣвушка
Ко молодичку въ горницу,
Заходивши, стосковалася,
Стосковавшись, заплакала:
«Охъ темнѣшенько!
Жить тошнѣшенько!

У молодчика жить въ горницѣ,
Безъ родимаго батюшки,
Безъ родимыя матушки!

1363.

У моихъ то подруженекъ —
У нихъ буйныя головы,
У нихъ гладко причесаны,
Что у нихъ-то на русыхъ косахъ,
Что на каждой волосинчкѣ
По жемчужной бисеринчкѣ.
Что на ихъ-то дѣвьи красоты,
На нихъ крѣпко привязаны.
У меня-то, у молоды,
Что моя дѣвья красота
Не крѣпко привязана, —
Что по верху-то буйной головы.

1364.

Ты не дружка привѣтливый,
Ты не дружка очесливый,
Ты не правъ поклонъ
Со чужой дальней стороны,
Отъ чужаго отца-матери,
Отъ чужа сына отецкаго,
Отъ красы молодецкыя.
Ужъ какъ этотъ то поклонъ
Познобилъ лицо бѣлое
Безъ морозу студенаго;
Подкосило ножки рѣзвыя,
Опустились бѣлы ручки,
Покатилась буйна голова.

1365.

Ужъ я что же засидѣлася,
На кого я заглядѣлася?
Чужихъ басень послушалася,
Во весельи во радости, —
Не въ горѣ, не въ кручиннушкѣ,
Не въ тоскѣ непомѣрной.
У меня-то, у молоды,
Много горя кручиннушки
Все тоски да великыя.
Три поля горя насажено,
Три города накачено.
У меня-то на русой косѣ
Что на всякой волосинчкѣ
По горючей по слезинчкѣ.

1366.

Благослови, Боже Господи!
Мнѣ вставать приподиятися
На свои поги рѣзвыя,
На чулочки бумажные,
На башмачки сафьянные,
Мнѣ итти, молодёшенькѣ,
Вдоль свѣтлыи свѣтлицы
Ко чужому чужевину,
Чужу сыну отцовскому
По его по гостинчики.
Не стоять поги рѣзвыя,
Не глядеть очи ясныя,
Не берутъ руки бѣлыя
Отъ чужова чужевина
Его сладныхъ гостинчиковъ.

(Всѣ 15 причетовъ Грязов. у.).

1367.

(Послѣ заповроченія, невѣста причитаеть):

Благослови, Христосъ истинный,
Душу красную дѣвицу
На сегодняшній бѣлый день!
Мнѣ-ка сѣсть, молодёшенькѣ,
На печальное мѣстечко!
Не съ весельемъ, не съ радостью,
Со горемъ, со кручиною,
Со печальемъ великимъ,
На сегодняшній бѣлый день
Нападала роса мѣдвяна;
Не роса въ лѣси нападала,
Нападало горе кручинушка
На меня молодёшеньку.
Горе, мука ознобила,
Ознобила ретиво сердце
Безъ морозу студёнова.
Ознобила сударь батюшка
Мое сердце ретивое.
Далъ правую рученьку
Отъ чужимъ добрымъ людямъ,
Отпаялъ волю великую
У души красной дѣвицы.
Мнѣ сказалъ сударь батюшка:
«Не ходи, дочи, на улицу,
На мосты на калиновы.»
Посадила сударь батюшка
Меня въ куть за запавѣсу.
Я взведу очи ясныя
По всей свѣтлой свѣтлицѣ,
По столовой по горницѣ.
Гдѣ стоитъ моя матушка?

У печки-ль у ясныя,
У шесточка кирпичнаго,
Поджавъ бѣлы рученьки,
Повѣся буйну голову,
Потупя очи ясныя?
Она стоитъ, убивается,
Слезамъ умищается.
«Отойди, моя матушка,
Отъ печки отъ ясныя,
Отъ шесточка кирпичнаго
Ко мнѣ въ куть да запавѣсу,
Сядь подѣ правую рученьку,
Разложимъ горе-кручинушку!
Ты возьми, моя матушка,
На бѣлы свои рученьки,
Прижми къ сердцу ретивому,
Приложи ко бѣлу лицу.
Я пытала тебѣ кланяться:
«Продержи годокъ поры времечка,
Хоть одно лѣто теплое,
Хоть еще весну красную!
Я не хуже тебѣ, матушка,
Козачихи вселѣтницы,
Козака полулѣтника;
Скорая была посылочка,
Надѣюшка крѣпкая.
Было словушко тайное,
Тайное, безвыпѣсное.
Да хошь найметъ сударь батюшка
Казака полулѣтника,
Козачиху вселѣтницу, —
Не скорая посылочка,
Не надѣюшка крѣпкая,
Поплѣте, не дождетесь,
Хоть *отдаси*, моя матушка,
Во чужіе во добры люди
Отъ ся прочь да неподалеку.»
Прибрала ты мнѣ-ка, матушка,
Изъ мѣсть мѣсто хорошее,
За дѣтину не одиновое,
Мѣстечко не окупленное,
Нонче годы потрусливые,
Люди все яросливые;
Господа немилосливые.
Да мутятъ люди добрые
На чужова чуженина,
Ознобятъ ретиво сердце
У меня, красны дѣвицы
Безъ морозу студёнова,
Безъ вѣтру, безъ вихорю,
Безъ частова безъ дождичка.
Не осуди, моя матушка,
Что не жалко упримѣтала,
Не слезно ушлакала, —
Надо мнѣ приуплакати,

Жалобно упритнати
Государя то батюшка:
«Подойди въ куть запавѣсу,
Утоли горе-вручипушку,
Уйми слёзы горючія.
Я спрошу тебя, батюшка:
Ты куды паряжаешься?
Не ко церкви ли божественной?
Не на торги ли на ярмонки?
Вы поймите меня съ собою,
Ты сряжайся-ко, батюшка,
Со всѣмъ родомъ и съ племенемъ
Пропивать да просватывать
Душу красную дѣвицу.
Не покинь, сударь батюшка,
На чужой-то на стѣопѣ
Вѣковѣва укорица
Вѣковѣва упрекъца.

1368.

(Причетъ невѣсты передъ самымъ прїѣздомъ
поѣзжанъ).

Что не гуси, не лебеди
Въ чистомъ полѣ укрываются,
Не вода-матка вешняя
Кругомъ двери облиліяла,
Что не вѣтромъ, не вихоремъ
Ворота растворилися,
Не льдомъ да не шорохомъ¹⁾
Подворотечку вышибло, —
То мои свѣтъ бѣли лебеди,
Мои милыя подруженьки,
Души красныя дѣвицы.
Вы послушайте, голубушки,
Кто у окошка колотится?
Не торгованы ли паѣхали,
Не съ бѣлплатъ ли, со мазильщикамъ,
Не съ хрустальнымъ ли чернильницамъ?
Вы послушайте, голубушки,
Видно, — дружка княжая
У окошка колотится,
Со молитвамъ Иисусовымъ,
Со поклонамъ низкими.
Государь сударь батюшка,
Всхожай красное солнышко!
Ты приставь, сударь батюшка,
Къ воротамъ приворотничковъ,
Ко крыльцу-то крылешничковъ,
Ко дверямъ-то придверничковъ,

¹⁾ Шорохъ — мелкій, осенній ледъ, идущій по
рѣкѣ, сало. Слов. Даля.

Чтобъ не пришелъ дружка княжая.
Что не плотны у батюшка
У ворота приворотнички,
У крыльца все калымнички,
У дверей все табашнички.
Приведи, сударь батюшка,
Человѣка ученаго;
Отъ кого править друженька
Челобитье великое?
Токо править дружка княжая
Отъ родни отъ родимыя,
Отъ милена жалостливаго.
Ты возьми правой рученькой
Просмотри челобитьецо.
Видно править дружка княжая
Отъ чужого чуженина?
Ты возьми лѣвой рученькой
Зашиби челобитьецо
О кирпичную средѹ²⁾.
Ты возьми дружка за ворота,
Поведи его за двери,
Укажи путь дороженьку.
Вы мои свѣтъ бѣли лебеди,
Души красныя дѣвицы!
Не убойтесь, голубушки,
Этого дружки княжаго.
Какъ подойдетъ дружка княжая
Со всѣмъ княжымъ со поѣздомъ
Дорожите (?), голубушки
Свѣтлое подокошечко,
У насъ столъ-отъ во сто рублей
Скатерки въ пятьдесятъ рублей,
Хлѣба-соли на тысячу,
Питья, яс(т)вы и счету нѣтъ.
Охти мнѣ да тошнѣшенько,
Что пришла дружка княжая
Со княжымъ со всѣмъ поѣздомъ;
Привезла дружка княжая
Намъ ушатъ пива пѣпаго,
Намъ ведро зеленѣ вина,
Намъ купатцо (?) меду сладкаго,
Коробокъ сладкихъ пряничковъ,
Сто рублей золотѣ казны.
Да умѣетъ ли чужой чуженинъ
Ко столу приступатися,
Да по-низку покланѣйтися?
Удалой добрый молодецъ
Не добръ пдѣтъ, не хѣробро
За столы за дубовые.
Не побей дубова стола, —
У насъ столъ отъ во сто рублей
Скатерка въ пятьдесятъ рублей.
Ты, удалый добрый молодецъ,

²⁾ Печь.

Правда-ль хвасталъ, пахвастывалъ:
Приберу я себѣ княжой поѣздъ, —
Ужъ я молодца къ молодцу,
Молодцы всѣ во единый ликъ.
Армяки одноцвѣтные,
Кушаки однотравчатые,
Шапочки все бобровые,
Рукавицы замшеоныя,
Копи все одношерстные,
Сапоги-то сани-дубовыя,
На сапяхъ почети (?) зеленяя,
Всѣ уздацы тасмѣяныя;
У ихъ возжи всѣ моржовыя,
Въ ручкахъ платки шелковые.
А какъ тысячкой-отъ сидитъ
Ровно красное солнышко.
А какъ большой-отъ бояринъ —
Ровно свѣтелъ мѣсяцъ во небѣ,
А какъ меньшіе то бояра
Умные да разумные,
Конюха да повозники —
Будто частыя звѣзды во небѣ.
А какъ свахонька княжала
Будто гостиница гостейка
Изъ Сибири паѣхала.
Ужъ какъ чужой-отъ чуженинъ,
Удалой добрый молодецъ,
Будто темная почепька,
Темна почка, почъ осенняя,
Да повѣся буйну голову,
Да потуля очи ясныя.
Ты скажи, добрый молодецъ:
Развѣ я красна дѣвица
Не по уму не по разуму
Тебѣ не на вѣкъ досталася?

1369.

(Передъ поѣздомъ къ вѣнцу).

Какъ моя-то Богородица
Изъ кіоточки выпята.
Поставлена Богородица
На стѣну бѣлокаменну,
Что прилѣплена къ Богородицѣ
Свѣча бѣла воску ярова.
Я молитву ли сотворю
Съ поклоненіемъ Іисусову;
Перекрещу лицо бѣлое.
Я земной поклонъ положу
За гору за высокую,
За мать церкву божественну,
За Николу милостливу,
За поповъ да за дьяконовъ,
За миленькихъ подбечковъ,

Да еще поклонъ положу
За царей милосливныхъ,
Да еще поклонъ положу
За государя за батюшка,
За родимую матушку;
Да еще поклонъ положу
За голубчиковъ милыхъ братцевъ,
За сестрицъ бѣлыхъ лебедей;
Да еще поклонъ положу
За хрѣстную матушку,
Да за всю родню родимую;
Да еще поклонъ положу
За себя, молодѣшеньку.
Во сегодняшній бѣлый день
Поѣду къ церкви божественной,
Ко Николу милостливу,
Подъ вѣнцы подъ злащѣныя.
Да отъ церкви божественной
На чужую на сторону.
Сохрани, Христосъ истинный,
Отъ врага супостателя,
Отъ злыхъ, отъ лихихъ людей,
Кто на меня лихо думаетъ,
Не попусти, Христосъ истинный.
Слава Христу, слава небесному!

1370.

(Иногда этотъ причетъ поютъ какъ семейную пѣсню женщины несчастныя въ замужествѣ).

Свать-отъ сватался, да порасхвастался:
Что изба-то у насъ пятнадцатая,
Что дворъ-то у насъ на семи верстахъ,
Что скотиноушки у насъ полно въ дворъ,
Среди-то двора шатеръ стоитъ.
Три поля у насъ хлѣба пахано,
Частымъ дождичкомъ поливано,
Все весельемъ огорожено.

Обманулъ меня бѣдную:
Что изба-то — безугольная,
Что дворъ-отъ на семи шагахъ,
Что скотиноушки — одна коза,
Среди двора пестерь ¹⁾ стоитъ;
Три поля горя пахано,
Горячимъ слезамъ поливано,
Все кручиной огорожено.
Я пойду съ горя въ темныя лѣса, —
Я хожу въ лѣсахъ, аukaюсь.
Никто въ лѣсѣ не отъѣзняется,
Что ни батюшка, ни матушка,
Ни соколы братцы милые,

¹⁾ Пестерь — плетенный изъ береста корбъ для собиранія ягодъ, грибовъ и т. п. Слов. Подвысоцкія.

И голубушки бѣли сестры.
Чуть подносить голосъ матушки:
«Ты родное мое дитяте,
Не въ лѣсу ли заблудилося,
Не въ травѣ ли заплеталося,
Не въ росѣ ли замочилося?»
— «Ты родимая моя матушка!
Заблудилась я въ чужихъ людяхъ,
Заплелась я въ горѣ-кручинушкѣ,
Обмочилась въ горючихъ слезахъ.»
«Ты родное мое дитяте!
Ты носи платье, не складывай,
Ты терпи горе, не сказывай.»
— «Ты родимая моя матушка!
Понося-то платье, сложится,
Потерпи горе да скажется.»

1371.

Ужъ я шла чистымъ полемъ,
Шла широкимъ раздольемъ,
Шла улицей широкой.
Мнѣ почулось, слышалось,
Во лѣсу-то въ темномъ
Скоковала кокушечка.
Я сама догадалася,
Я, млада, домекнулася.
Сидитъ красная дѣвица
Во високомъ во теремѣ
У родимаго батюшка,
У родимыя матушки,
У соколовъ милыхъ братьевъ,
У голубушекъ милыхъ сестеръ.
Не прогнѣвайся, голубушка,
Что тебя я не встрѣтила
У воротъ да на улицѣ,
На ступчатой на лѣсенкѣ,
На калиновомъ мостикѣ,
У дверей я не стѣла,
Я дверей-то не отвѣрила,
За бѣлыя руки не приняла,
Въ честно мѣсто не посадила,
Дубовымъ столомъ не задвинула,
Браныхъ скатертей не раскинула,
Яствы сахарны не наставила,
Я челомъ не ударила,
Ниже толкова пояса,
Золотыя перевязочки.
На меня да не спесь взошла,
Да не гордость великая,
Не богатство меня изняло, —
Меня изняло, молодцу,
Меня горюшко великое,
Подступить-ка мнѣ, молодѣ,

Въ кутъ подъ окошечко,
За браную запавѣсочку,
Подъ тонкое подотепечко,
Не велѣлъ-то мнѣ батюшка
Далеко ходить расхаживать,
Не велѣла мнѣ матушка
Широко глядѣть разглаживать.
Что мнѣ далъ родной батюшка?
Даль единое мѣстечко —
Отъ кутъ да до печи,
Что дала мнѣ родна матушка —
До воды до ключовыя,
До полотепечка бранаго.
Ужъ вы сидѣте-ка, голубушки,
Подъ мою руку правую,
Поучите-ка, голубушки,
Ко уму меня къ разуму
И ко вѣдву ¹⁾ хорошему.
Ужъ какъ я, молодѣшенька,
Ужъ какъ я, зеленѣшенька,
Несозрѣлая ягодка,
Не наливчатой яблочекъ,
Я въ чужихъ людяхъ не бѣвала,
Я чужихъ людей не видала.
Какъ мнѣ будетъ, молодѣшенькѣ,
На чужой дальной сторонѣ,
Ужъ мнѣ какъ привыкать будетъ
У чужого отца-матери,
У чужого-то чуженна,
Чужа сына-то отецкаго,
Грозы-то молодецкія,
У чужого роду племени?

1372.

Ты сударь кормилецъ батюшка,
Ты родимая матушка!
Я о чемъ вамъ побую челомъ,
По-пизку да буду кланяться:
«Не оставь, сударь батюшка
И родимая матушка
Моя просьбы великия,
Моего докучающаго,
Слѣзнаго причитающаго.
Во первой-отъ разокъ и въ послѣдній
Ты свези, сударь батюшка,
Ко Николѣ-то святителю
Мою дѣвью-то красоту,
Положи дѣвью красоту
На престолъ Богоматери.
Какъ придутъ люди добрые,

¹⁾ наука, знаніе.

Они станут дивоваться:
Это чья дѣвья красота?
Она честно-то пошена,
Она къ мѣсту положена,
За престолъ Богоматери.

1373.

(При отправленіи отца въ церковь для молеб-
ствія и по возвращеніи).

Спасибо тебѣ, батюшка
И родимая матушка,
Что послушалъ, сударь батюшка
Ты меня, молодѣшеньку.
Ужъ я думала, мѣлода,
Ужъ я думала, зелена,
Что помпигуетъ Господи
Отъ чужія дальни стороны,
Отъ злодѣйки проклятыя,
Отъ чужого отца-матери,
Отъ чужого чуженина
Отъ чужа сына отецкаго,
Отъ грозы-то молодецкія,
Отъ чужого рода-племени.

1374.

(Къ брату передъ поѣздомъ въ церковь).

Ты кормилецъ, соколъ, милый братъ!
Я объ чемъ да побью челомъ,
По-низку да буду кланяться
Ниже шолкова пояса,
Золотія перевязочки.
Не оставь ты, соколъ, милый братъ,
Слезинѣва причитаньеца!
Не пускай ты, соколъ милый братъ,
Что чужого-то чуженина,
Чужа сына отецкаго,
Ты грозу-то молодецкую.
Не сдавайся, соколъ, милый братъ,
На пивные стакачичи,
На вишнія рюмочки,
На слова то ласковыя,
На поклоны-то низкіе,
На злато, на серебро.

1375.

(Къ жениху, потомъ къ свахѣ и къ родителямъ).

Ты садись-ка, добрый молодецъ,
Не со спесью, не со гордостью,
Со божьей-то милостью —
По мою-то руку правую,
Какъ зима со морозами;
По мою-то руку лѣвую
Морозы трескучіе.
Ужъ ты, сваха пріѣзжая,
Ты скоро опознаешься,
Зъ русу косу хватаешься.
У меня-то во русской косѣ
Три пожа-то булатные,
Три сабельки вострыя.
Ты обрѣжешь, сваха пріѣзжая,
Свою руку-то бѣлую.
Ты попустишь кровь урѣзную
По моему платью цвѣтному,
Цвѣтному, подвѣнчному.
Супротивъ меня, мѣлоды,
Стоять лѣса-то темныя,
Лѣса-то дремучіе.
Не съ ума я слово молвила,
Не съ великаго разума,
У меня-то, у мѣлоды,
Во устахъ рѣчь мѣшается,
Супротивъ меня, мѣлоды,
Сидятъ гости пріѣзжіе.
Ужъ ты потчевай, батюшка,
Всѣхъ гостей-то пріѣзжихъ,
Одного гостя всѣхъ больше.
Ты дари-ка, родна матушка,
Ты дари гостей, ударивай,
Одного гостя всѣхъ больше,
Чтобы не было мнѣ, мѣлоды,
Укору-то великаго
Отъ чужого чуженина,
Отъ чужа сына отецкаго,
Отъ чужого роду-племени,
Отъ грозы то молодецкія
На чужой на сторонущей,
На злодѣйки проклятой.
Ты прости, сударь-батюшка,
Ты родимая матушка,
Соколы-то, вы милы братья,
Голубушки, милы сестры,
И дядюшки и тетюшки,
И подружки голубушки,
Вы сосѣди и сосѣдушки,
Вы сосѣдски малы дѣтушки,
Ты родимая сторонущка!
Подымись ты, туча грозная,
На своемъ-то широкѣмъ дворѣ

У родимого-то батюшки,
У родимой-то матушки;
Ты убей-ка, туча грозная,
Меня, молодёшеньку,
Меня, зеленёшеньку,
На родимой сторонущей.

1376.

(Причетъ невѣсты-сироты передъ отъѣздомъ къ
вѣнцу).

Благослови меня Господи!
Пресвятая Богородица!
Мнѣ садиться, молодёшенькѣ,
Мнѣ садиться, зеленёшенькѣ,
Подъ среднее окошечко
Со своимъ со подруженькамъ;
Мнѣ съ нимъ думушку подумати,
Мнѣ съ нимъ думушку-то крѣпкую.
Я сижу, молодёшенька,
Я сижу, зеленёшенька,
Сирота горе-великая;
Я сижу да призадумалась,
Я чужихъ басень заслушалась.
Не со мной да люди говорятъ,
Не моихъ басень слушаютъ.
Хорошо тому басни слушати,
У кого горя нѣтъ.
У меня, молодёшеньки,
У меня, зеленёшеньки
Много горя-кручинушки,
Что кручинушки тяжеля.
Вы послушайте, подруженьки,
Вы, подружки задушевные,
Вы сосѣди и сосѣдушки,
Про меня, молодёшеньку,
Сироту горе-великую!
Ужъ какъ я ни подумаю,
Ужъ какъ я ни погадаю
Что своимъ глупымъ разумомъ,
Что своимъ неразсудливымъ, —
Не пора бы мнѣ, не времечко
Что сидѣть въ этомъ мѣстечкѣ,
Не съ ума я слово молвила,
Не съ ума да не со разуму, —
Со великія со глупости.
Я польстилась, молодёшенька,
На слова-то на ласковы,
На его золоту мѣлодца,
На его золоту казну,
Какъ польстилась кормилица,
Моя родная матушка,
На его золоту казну,

Золоту казну добра мѣлодца.
Продала моя кормилица
Что меня, молодёшеньку,
Сироту-горе-великую,
На чужу дальню сторону,
На злодѣйку незнакомую,
Ко чужому отцу-матери,
Ко чужому роду племени,
На чужой на дальней сторонѣ —
Тамъ березы-то кужлявыя,
Тамъ и люди-то лукавыя,
Тамъ дуга-то кочеватые,
Тамъ и люди ломоватые.
Не привыкнуть мнѣ, мѣлодѣ,
Не привыкнуть бѣдной-горькой
У чужого отца-матери
Со своей родимой стороны,
Съ моего-то житья дѣвчья!
Я жила, молодёшенька,
Сирота горе-великая,
У своей то я у матушки,
Я ложилась, молодёшенька,
Что ранѣмъ-то ранёшенько,
Я вставала, молодёшенька,
Что позднѣмъ-то позднёшенько,
Умывалась, молодёшенька,
Я мылами все янтарными,
Утиралась, молодёшенька,
Полотенечкомъ мѣлкѣлымъ,
Я содѣлась, молодёшенька
За столы-то за дубовые
И за скатерти за бранныя
И за яства за сахарныя.
На чужой-то дальней сторонѣ
Наглядѣться молодёшенькѣ
Напроситься бѣдной-горькой
Ужъ мнѣ куса-то поданова,
Поданого да окурёнаго.
Вы послушайте, подруженьки,
Мои милыя голубушки,
Я объ чемъ вамъ буду говорить:
Ужъ не годикъ мнѣ годovati,
Не недѣлюшку недѣлывать
И не почва почевати,
Однихъ часикъ часовати
Во своей-то свѣтлой свѣтлицѣ,
У родимой-то у матушки.
Я спала-то, молодёшенька,
Я послѣднюю-то почёшеньку,
Я спала больно худёшенько.
Ужъ какъ мнѣ, да молодёшенькѣ,
Больно сонъ худой привидѣлся:
У родимой-то у матушки
Всѣ заборы раскатились,
Переводы развалились,

Ужъ какъ я да ни подумаю,
Ужъ какъ я да ни погадаю
Что своимъ-то глупымъ разумомъ,
Погляжу я бѣдна-горькая
На сосѣдей, на сосѣдушекъ
И на милыхъ-то подруженекъ: —
Ужъ какъ всѣ люди собралися,
Всѣ сосѣди и сосѣдушки
И подруженьки голубушки,
Всѣ и дядюшки и тетюшки,
Одного гостя, всѣхъ больше, нѣтъ —
Что родимова-то батюшка.
Снарядить-то меня есть кому,
Благословить-то меня некому.
Ты послушай, соколъ, милый братъ,
Я объ чемъ те буду говорить,
По-низку-то низко кланяться:
Ужъ ты съѣзди, соколъ, милый братъ,
Ко Николѣ ко Святителю,
Ко Успенью Божьей матери;
Ты возьми-ка, соколъ милый братъ,
Отъ самой церкви золоты ключи,
Ты ударь-ка, соколъ милый братъ,
Что во самый большой колоколъ:
Не поднимутся-ль вѣтры буйные?
Не разступится-ль мать сыра-земля?
Не откроется-ль гробова доска?
Не развернется-ль золота парча?
Не возстанетъ-ли кормилецъ батюшка
На свои-то рѣзвы поженъки?
Не благословить-ли меня бѣдную,
Сироту горе-великую,
Изъ своихъ-то рукъ бѣдныхъ?
— Ужъ я какъ да ни подумаю,
Отъ сухова-то отъ дерева
Не бываетъ отростѣлка, —
Съ того-то свѣту бѣлаго
Не бываетъ сюда выходцевъ.
Ужъ мнѣ жить, молодѣшенькѣ,
На чужой на дальней сторонѣ,
Ужъ мнѣ вѣки да и по вѣки.

1377.

(Невѣста къ отцу, отданному въ солдаты).

Ты кормилица матушка,
Ты соколъ, мой милый братъ,
У васъ что это за праздничекъ?
Всѣ-то гости собираются,
Одного-то гостя нѣтутка, —
Родимова мово батюшка.
Ужъ вы свѣтъ, мой голубушки,

Приближенный сосѣдушки,
Вы названы тетюшки!
Пособите-ка, голубушки,
Вы мнѣ горя-то поубавити,
Горючихъ слезъ поронити
И голосу повынести
Изъ высокаго терему.
Подхватите вы, буйны вѣтры,
И спешите вы, буйны вѣтры,
Голоса то великіе
Далеко по святой Руси,
Высоко противъ небесу,
За рѣки-то за быстрыя,
За моря-то за синія,
Въ города-то во дальніе,
Во службу-то царскую,
Во неволю государскую.
Ты пришелъ бы, сударь батюшка,
При послѣднемъ порѣ времечкѣ,
При послѣднемъ свиданьцѣ,
При послѣднемъ разставаньцѣ.
Да принеси, сударь батюшка,
Мнѣ свое благословеньце,
Мать Божью Богородицу.
Какъ твое благословеньце
И спасетъ и помилуетъ
Изъ силъ моря вынесетъ.

1378.

(Невѣста къ теткѣ).

Ты голубушка тетушка!
Ты скажи-ка, голубушка,
Ужъ ты какъ разставалася;
Со родимымъ-то батюшкой,
Со кормилицей матушкой,
Съ соколомъ милымъ братомъ,
Со голубушкой милой сестрой,
Со тетушкамъ, со бабушкамъ,
Со подружкамъ голубушкамъ,
Со душамъ краснымъ дѣвушкамъ,
Со дѣвчѣй-то красотой,
Со дѣвичьимъ украшеньемъ?

1379.

(Тетка къ невѣстѣ).

Я скажу тебѣ, голубушка:
Тяжело я разставалася,
Разставалася я, бѣдная,

Оставалась я, горькая!
 Не помню я, молодая,
 На ногах-ли меня вывели,
 На руках-ли меня вынесли.
 Тяжело да разставатися
 Со родимым-то батюшкой,
 Со родимой-то матушкой,
 Со своим-то родом-племенем;
 Какъ еще того тяжѣлье,
 Какъ со дѣвѣй-то красотой,
 Со дѣвичьимъ украшенъемъ.
 Какъ еще скажу голубушка
 Про чужую дальнюю сторону,
 Про злодѣйку проклятую:
 Тяжело, моя голубушка,
 Тяжело жить на чужой сторонѣ,
 Тяжело жить въ чужихъ людяхъ.
 Надо жить-то умѣючи,
 Говорить разумѣючи.
 Надо старого звать дядюшкой,
 А старую-то звать тетюшкой,
 Молодыхъ-то по имени,
 Величать по отчеству.
 Какъ родимая-то матушка
 Во первой-отъ разъ побудитъ,
 По головушкѣ погладитъ.
 «Ужъ ты спи, мое дитятко,
 Ужъ ты спи, мое милое!»
 Какъ второй-отъ разъ побудитъ,
 Куньей шубкой окутаетъ,
 Какъ въ третей-то разъ побудитъ:
 «Ты вставай, мое дитятко!
 У меня все дѣло сдѣлано
 И работа наработана!»
 Ужъ я встану, молодѣшенька,
 Ключевой водой умоюся,
 Полотенечкомъ утруся.
 Все дѣло-то сдѣлаю,
 Вся работа приработана.
 У родимой-то матушки,
 У родимаго-то батюшки
 Я не знала, молодѣшенька,
 Гдѣ восходить-то солнышко,
 Закатается красное.
 На чужой-то на сторонѣ
 Я спознала, молодѣшенька,
 Гдѣ восходить красно солнышко,
 Гдѣ оно закатается.
 На чужой-то на сторонѣ
 На злодѣй-то проклятой,
 У чужого отца-матери —
 Какъ ходить чужая мать
 По повѣтямъ то скрипучимъ,
 По переводамъ-то зыбучимъ:
 «Ты вставай, споха сонливая,

Ты вставай, снова дремливая!
 Я все дѣло-то придѣлала,
 Всю работу приработала.»
 Ужъ я встану, молодѣшенька
 Горючимъ слезамъ умоюся,
 Я рукавчикомъ утруся.

1380.

Что не ключики-ли брянули?
 Не замочки ли щелкнули?
 Не меня-ли запоручили
 За поруки за крѣпкія,
 За писма-то за мелкія?
 Выручать меня—не выручить,
 Выкупать-то—не выкупить
 Ни златомъ, ни сѣребромъ
 Ни своей золотой казной.

1381.

Наложить мнѣ руку правую
 На кутнее окошечко,
 Отворить бѣдной горькой
 Мнѣ окошечко малѣшенько,
 Опустить бѣдной горькой
 По локоть руку правую.
 Упадн, мое колячушко,
 Покатись, мое колячушко,
 По большой по дороженькѣ;
 Не сворачивай, колячушко
 Ни пѣшему, ни конному;
 Прикатись, мое колячушко,
 Ко Ивану-то Предтечѣ,
 На честные монастыри.
 Возвейся, колячушко,
 Выше церкви божественной,
 Выше крестнаго знамени!
 Да ударься, колячушко,
 О могилушку высокую!
 Расшибись, мое колячушко
 О матушку сыру-землю:
 Ты разсыпался, мать сыра земля
 На всѣ четыре стороны,
 «Ты раскройся, гробова доска,
 Распахнитесь тонки саваны,
 Разожмись руки бѣлыя,
 Отъ сердца-то отъ ретиваго;
 Разожмись очи аспія,

Распечатайтесь, уста сахарны!
Промолви, родимая матушка,
Ты единое словячушко!
И возстань, возстань, родимая
На свои-то рѣзвы пожепыи,
И зайдемъ, родимая матушка
Во церкву во божественну,
Да отроемъ, родимая матушка,
Три молебна заздравны.»

1382.

Ужъ мнѣ повѣшпій годочекъ
Не пилось и не ѣлось,
Во гостяхъ не гостилось,
Въ посидѣнкахъ не сидѣлось,
Во гулянкахъ не гулялось:
Тосковалось молодѣшенькѣ.
Я ложилась, молодѣшенька,
Вечеромъ позднимъ позднѣшенько,
Я вставала, молодѣшенька,
По утру раннимъ ранѣшенько;
Умывалась, молодѣшенька,
Я водицею ключовою;
Утиралась, молодѣшенька,
Тонкимъ бѣлымъ полотенецкомъ.
Я брала же, молодѣшенька
Свои точенныя плечка,
Я садилась, молодѣшенька,
Подъ переднее окошечко;
Отворяла, молодѣшенька,
Я окошечко малѣшенько;
Я глядѣла, молодѣшенька,
Я на улицу широкую,—
Что летитъ стадо гусиное,
И говорятъ гуси сѣрые
Человѣческимъ голосомъ:
«Ужъ какъ этому-то терему
Ему быть растворенному,
Ужъ какъ здѣшнему хозяину—
Ему быть раззоренному;
Ужъ какъ этой красной дѣвицѣ—
Ей быть расквиленной.»

1383.

«Ужъ ты что же засидѣлася,
На кого же заглядѣлася?
Не въ саду ли загулялася?»
— «Не на садъ я заглядѣлася,
Не на яблонцы, кужлявыя,

Засидѣлася молодѣшенька
Во высокомъ-то во теремѣ,
У родимаго у батюшка,
У родимыя у матушки,
Со подружкамъ голубушкамъ.
Что сидятъ мои подруженьки,
Души красныя дѣвицы,
Опѣ сидятъ-то по старому,
Говорятъ все по-прежнему,
Не повѣся буйну голову,
Не потуя очи ясны.
У ихъ буйныя головы—
У ихъ гладко учѣсаны,
У ихъ русыя косоньки—
Во узоръ косы заплѣтаны;
У ихъ дѣвья-то красота—
По корень косы заплѣтана,
Да на каждой волосиночкѣ
Посажено по бисеріпочкѣ.
Ужъ какъ я, молодѣшенька,
Я сижу-то не по-старому,
Говорю не по-прежнему;
У меня буйна голова—
Не гладко учѣсана,
У меня руса косонька,—
Не въ узоръ она заплѣтана,
У меня дѣвья-то красота—
По конецъ въ косы влѣтепа,
А на каждой волосиночкѣ
По горючей по слезиночкѣ.

1384.

Я ходила, молодѣшенька,
На свой на широкой дворъ,
Я глядѣла, молодѣшенька,
Я во заднее окошечко,
Тамо стоять три деревушка:
Первое-то—береза бѣлая,
А второе—яблонца кужлявая.
Ужъ какъ третье-то деревушко—
Оспишука горькая,
Ужъ бѣлая-то березонька—
Она съ яблонцой свивается,
Какъ оспишука-то горькая—
Она прочь удаляется.
Ужъ какъ бѣлая березонька—
Это мой родимый батюшка,
Ужъ какъ яблонца кужлявая—
Это родимая матушка;
Ужъ какъ осина-то горькая—
Это я бѣдна-горькая.

1385.

Призагуйте, призамолените
 На широкой-то улицѣ
 Всѣ и гуси и лебеди!
 Во высокомъ-то теремѣ —
 Всѣ и гости и гостейки,
 Всѣ сосѣдушки голубушки,
 Мои милыя подруженьки!
 Что же мнѣ это почудилось:
 На конѣ ровно подѣхало,
 У калиточки постукалось,
 У колячушка побрякалось,
 Что крылечко отворилось,
 Вереюшки поматѣлись,
 Часта лѣсенка разсыпалась,
 Двери на пату отворилися;
 Что идетъ ко мнѣ и жалуетъ
 Дорогая честна гостейка.
 Добро птти да жаловать,
 Ты родимая матушка
 На мою *сварбу* бѣдную,
 На мою *сварбу* спротскую!
 Что несетъ родима матушка
 Во правдѣ-то во рученькѣ
 Пресвятую Богородицу,
 Благословенъце великое;
 Во другой несетъ во рученькѣ
 Несетъ свѣтлое платьецо,
 Цвѣтное да подѣвешное,
 Несетъ шубу соболиную.
 Я не знаю, бѣдна-горькая,
 Мнѣ за что будетъ братися:
 За цвѣтное ли платьецо,
 За шубу ли соболиную,
 За Пресвятую Богородицу?
 Пресвятая-то Богородица —
 Благословенъце великое,
 Меня спасетъ и помилуетъ,
 Изъ синя моря повынесетъ,
 Изъ темна лѣса повыведетъ.

1386.

Какъ вчера объ эту пору,
 Поранѣ малѣшенько,
 Пролеталъ младъ ясенъ соколъ
 Мимо батюшкова терема,
 Мимо матушкиной горенки,
 Мимо кутняго окошечка.
 Говорилъ младъ ясенъ соколъ:
 «Не плачь, красная дѣвица!
 Тебѣ плакать-то нѣ объ чемъ,

Причитать-то тебѣ нѣ по комъ.
 На чужой-то дальней сторонѣ
 У чужого-то чуженина
 Три поля шена насѣяны,
 Частымъ дождичкомъ поливаны,
 Радостью да обгорожены.»
 Какъ вчера объ эту пору,
 Поранѣ малѣшенько,
 Пролетала лебедь бѣлая
 Мимо батюшкова терема
 Мимо матушкиной горенки,
 Мимо кутняго окошечка;
 Надломла право крылышко,
 Надѣстила красной дѣвицѣ:
 «Ты поплачь-ка, красна дѣвица,
 Тебѣ плакать-то есть объ чемъ,
 Причитать-то тебѣ есть по комъ:
 На чужой-то дальней сторонѣ
 Три поля горя насѣяны,
 Горючимъ слезамъ поливаны,
 Кручиной то обгорожены,
 Печальей-то исподпираны.»

1387.

Ужъ вы свѣтъ, мои подруженьки,
 Души красныя дѣвицы!
 Я объ чемъ васъ буду просити,
 Объ чемъ буду говорить.
 Все пройдетъ и все минуется
 Вся волна проволнуется,
 Всѣ и гости разѣдутся,
 И пройдетъ это времячко,
 И придетъ лѣто теплое
 И святыхъ воскресеньца,
 Придутъ празднички веселые,
 Вы пойдите, голубушки,
 Мои милыя подруженьки,
 На гулянье веселое,
 Ступите-ка, мои голубушки,
 Во мою-то ступенечку¹⁾,
 Вспомните-ка, голубушки,
 Мои милыя подруженьки,
 Вы меня, молодѣшеньку,
 На чужой дальней сторонѣ,
 На злодѣюшкѣ незнамоѣ,
 Какъ у меня, молодѣшеньки,
 Пройдетъ первый день праздничка:
 Онъ пройдетъ въ празднованьцѣхъ.
 Какъ другой-отъ день праздничка —
 Онъ пройдетъ во чесаньцѣхъ,

¹⁾ слѣдъ.

А какъ третій день празднича —
Онъ пройдетъ въ снаряжанъецѣ.
Снаряжусь я, молодёшенька,
На гулянце веселое.
Ужъ я выйду, молодёшенька,
На широкую улочку,
Погляжу я, молодёшенька,
Я на всѣ четыре стороны:
На закатѣ красно солнышко,
На расходѣ люди добрые.
Ворочусь я, молодёшенька,
Въ нелюбимую горенку,
Я ударюсь, молодёшенька,
О свой окованъ сундукъ,
Я сниму свѣтло платьецо;
Я повѣшу свое платьецо
Выше буйныя головы,
Наревлюсь я, молодёшенька,
Въ нелюбимой-то горенкѣ.
Я пойду, молодёшенька,
Къ богоданной-то матушкѣ,
Ужъ я сяду, молодёшенька,
Подъ кутне окошечко.
Станетъ спрашивать у молодёшеньки
Богоданная матушка:
«Нагулялась-ли, гулливая,
Наболталась-ли болтливая,
Наслонилась-ли, слонливая?»

1388.

Я жила, красовалася,
Я жила, наряжалася
Родимаго батюшки,
Родимыя матушки.
Я спала, высыпалася,
Я спала, проклаждалася
На тесовой кроваточкѣ,
На мягкой постелюшкѣ,
На высокомъ зголовьцѣ,
Подъ теплымъ одялечкомъ.
Ужъ какъ ходитъ родна матушка,
Она ходитъ по малёшеньку,
Говоритъ потихошеньку,
Подойдетъ она, послушаетъ,
Отойдетъ она, окутаетъ:
Ужъ ты спи, моя работливая,
«Ужъ ты спи, моя заботливая!
Не взшло красно солнышко,
Въ поляхъ люди не пахутъ,
Во лугахъ люди не косятъ,
Во лѣсахъ роса не опала.»

Ужъ я встала, молодёшенька,
Я умылась, молодёшенька,
Ключовою водицею,
Утиралась, молодёшенька,
Тонкимъ бѣлымъ полотенецкомъ,
Выходила, молодёшенька,
Я на свой на широкой дворъ;
Я смотрѣла, молодёшенька,
На широкую улицу:
Что взшло красно солнышко,
Во поляхъ-то люди пахутъ,
Во лугахъ-то люди косятъ,
Во лѣсахъ роса опала.
На чужой на дальней сторонѣ
Я спала, не высыпалася
На мягкой перинушкѣ,
На высокомъ зголовьцѣ,
Подъ теплымъ одялечкомъ.
Ужъ какъ ходитъ богоданная,—
Она ходитъ по гусиному,
Говоритъ по жаравлиному,
Подойдетъ она, постукаетъ,
Отойдетъ — меня раскутаетъ.

1389.

Я возьму свою красоту
Во свои руки бѣлыя,
Я снесу свою красоту
Во лѣса во дремучіе,
Повѣшу свою красоту
Я на бѣлую березоньку.
Тутъ не мѣсто ей, не мѣстечко:
Какъ придетъ зима холодная,
Нападутъ снѣги бѣлые,
И придутъ люди добрые
Съ топорами со вострыми,
Подсѣкутъ бѣлу березоньку,—
Упадетъ моя красота
На снѣги-то на бѣлые.
Какъ придетъ весна красная,
Какъ растаютъ снѣги бѣлые,
Потекутъ рѣки быстрыя,
Унесутъ мою красоту
Во луга во зеленые,
На травѣ на шелковья,
На цвѣтѣхъ на лазоревы.
И придетъ лѣто теплое,
И пойдутъ люди добрые
Со косами со вострыми,
Подкосятъ люди добрые
Тѣ травѣ-то шелковья,

Упадетъ моя краса
 Что на щету колючую, —
 Тутъ не мѣсто ей, не мѣстечко.
 Я спесу свою красоту
 Ко Ивану Предтечѣ,
 Положу свою красоту
 За престолъ Божьей матери.
 И придутъ люди добрые
 Во церкву божественну,
 И увидятъ люди добрые
 Мою дѣвью-то красоту:
 «Ужо чья это краса?
 Она красно красовалася,
 Она баско наряжалася
 У родимаго батюшки,
 У родимой-то матушки.»

1390.

Мое сердце испугалось,
 Рѣзвы поженъки подогнулись,
 Бѣлы рученьки опустилися.
 У меня ли, синей пташечки,
 Горе-горькой сиротинушки,
 Голова съ плечъ покатилося,
 Во устахъ рѣчь помѣшалася.
 Запоручилъ милый дядюшка
 И кормилица тетюшка
 За поруки-то за крѣпкія,
 За замки вѣковѣчные.
 Отъ замковъ ключи потеряны,
 Во синѣ-море опущены.
 Ты взойди, красно солнышко,
 Обсуши ты синѣ-море!
 Ужъ вы свѣтъ мой подруженьки,
 Мои милыя голубушки!
 Вы сходите на синѣ море,
 Пощите золотыхъ ключей.

1391.

(Подружки къ невѣстѣ).

Ужъ ты свѣтъ наша голубушка,
 Дорогая ты, Татьянушка,
 Наша милая подруженька!
 Что сухому ли то дереву
 Не бывать два раза зелены,
 И тебѣ, наша подруженька,
 Ужъ не быть во красныхъ дѣвушкахъ.

(Всѣ причеты начиная съ № 1367 записаны
 въ дер. Яковлевскомъ, Фетиньинской
 вол., Вологодскаго у.).

1392.

(Невѣста къ теткѣ).

Ужъ ты свѣтъ моя голубушка,
 Моя милая тетюшка!
 Поднялися, моя голубушка,
 На меня-ли то на бѣдную,
 Сироту-то горе горькую —
 Что твои-то руки бѣлыя!
 Такъ не жаль тебѣ, кормилица,
 Что мою-то буйну голову
 И дѣвичью мою красоту!

1393.

(Тетка къ невѣстѣ).

Ужъ ты свѣтъ моя голубушка,
 Моя милая племянница!
 Кабы былъ у тя, голубушка,
 Твой родимый-то батюшка,
 Да родимая матушка,
 До любви бы пасидѣлася,
 До охоты пагулялася,
 Со своимъ-то подружками,
 Со товарищи дѣвками.

1394.

(Невѣста къ умершимъ родителямъ).

Я сидѣла ли бѣдная
 За столами за дубовыми,
 За скатертями за бранными,
 За яствами сахарными!
 Я смотрѣла по свѣтлицѣ
 Своихъ милыхъ родителей,
 Не стоятъ мои родимые
 У стола у дубоваго
 И не потчуютъ дорогихъ гостей.

1395.

(Невѣста къ теткѣ).

Богъ тебѣ судья, голубушка,
 Дорогая моя тетюшка!
 Что прикрыла сиротинушкѣ
 Половину свѣта бѣлаго.
 Не велишь теперь мнѣ, тетюшка,
 Широко ходить-раскашивать,

Далеко глядѣть-разглядывать.
Только дали сиротинушкѣ
Половинчки три единныя:
Отъ кутн да до кадушечки,
Отъ кадушечки до полотенецка,
И отъ печи до голбчика.
Научи же меня, тетуська,
Уму-разуму степенному
И обычаю хорошему: —
Какъ мнѣ жить на дальней сторонѣ
У чужого-то чуженина,
У чужого отца-матери,
У чужого роду-племени.

1396.

(Тетка къ невѣстѣ).

Ужъ ты свѣтъ мое солнышко!
Ты дити благословенное!
Ты живи, моя голубушка,
Моя милая племянница,
На чужой-то дальней сторонѣ,
Семьянничкой скромной горлицей;
Ужъ ты будь, моя голубушка,
Буйной головой поклонлива,
Ретивымъ сердцемъ отходчива;
Рѣзвы поженъки съ подходами,
Бѣлы рученьки съ подпосами.
Ты здоровайся, голубушка,
Что со старымъ и со малымъ,
Называй-ка ты, голубушка,
Что холѣстова по имени,
А старѣва по отчеству.

1397.

(Невѣста къ замуженной подругѣ).

Ужъ ты свѣтъ моя голубушка,
Моя старая подруженька!
Ужъ я буду тебя спрашивать,
Ты начини-ка мнѣ рассказывать.
Ты скажи-ка мнѣ, голубушка,
Моя прелезняя подруженька,
Какъ сама ты разставалася
Со своимъ милымъ родителямъ,
Со всѣмъ своимъ родомъ-племенемъ,
Со подружками голубками,
Со своей ли волей-вольною,
Со своей дѣвичьей красотой?

Я еще спрошу, сиротинушка,
Я еще спрошу горе-горькая:
Ты повѣдай мнѣ, подруженька,
Хорошо ли во чужихъ людяхъ
У чужого отца-матери?

1398.

(Молодая баба къ невѣстѣ).

Ужъ ты свѣтъ моя голубушка,
Моя прелезняя подруженька!
Тяжело да разставатися
Со своимъ-то отцомъ-матерью,
Со дорогими-то сестрицами,
Со всѣмъ милымъ родомъ-племенемъ.
А еще того тяжѣлье
Разставатися съ вольной волею,
Со дѣвичьей своей красотой.
Не запомнила, младешенька,
Разставанья я тяжелаго, —
На рукахъ-то меня вынесли,
На коняхъ-то меня вывели
Ко матушкѣ Божьей церкви,
Подъ вѣнца подъ золоченые,
Отъ вѣнца отъ золоченаго
На чужую дальню сторону;
Увели меня, подневольную,
Ко чужому-то чуженину.
Что хвалить-то чужу сторону, —
Мое сердце не воротится,
А что хаять чужу сторону —
Твое сердце испугается.
Ужъ ты свѣтъ, моя подруженька!
Тяжело жить во чужихъ людяхъ,
У чужого отца съ матерью,
У чужого сына отцакаго,
У грозы-то молодцакаго.
Ты живи, моя голубушка,
На чужой дальней сторонѣ
Остороженько, умѣючи,
Говори да разумѣючи.
Не держи на чужой сторонѣ
Ты подружки задушевныя;
Ты держись, моя голубушка,
Все подушечки пуховыя:
Что подруженька голубушка
На чужой на дальней сторонѣ
Тебя выдастъ да и высмѣетъ,
А подушечка пуховая
Твоихъ жалобъ не повѣдаетъ,

1399.

(Невѣста къ дѣвушкамъ на дѣвишникѣ).

Во шуму я не услышала,
Во слезахъ я не увидѣла,
Что идутъ ко мнѣ да жалуютъ
Мои милыя подруженьки,
Души красныя дѣвушки.
Не прогибайтесь, пожалуйста,
Мои милыя голубушки,
На меня на сиротинушку,
Что не вышла, васъ не встрѣтила,
Широко дверей не растворила,
За бѣлыя руки не приняла,
Въ честно мѣсто не посадила,
Въ честно мѣсто, подъ окошечко,
На тесовую на лавочку.
На меня, мои подруженьки,
Что не спесь нашла великая,
Не богатство одолжило,
Извело меня, младешеньку,
Горе лютое, неутѣшное:
Отдають меня, бѣдную,
Что кормилецъ-то дядюшка
И голубушка тетушка
Противъ воли во замужество,
Молодымъ-то моладешеньку,
Зеленымъ-то зеленешеньку.
Вы послушайте, голубушки,
Какъ у моего-то у дядюшки
Веселое-то пированьецо,
А у меня у сиротинушки
Что не радостная свадьба.
Что не свѣтелъ день безъ солнышка,
Не свѣтла ночь безъ мѣсяца,
Не славна свадьба сиротская
И судьба ея не радостна.

1400.

(Невѣста къ тѣмъ же подружкамъ).

Вамъ спасибо, подруженьки,
Мои милыя голубушки,
Что на вашихъ на подарочкахъ!
Кабы эти да гостинички
Кабы въ пору были, во-время,
Да по ранѣе малѣшенько,
По своей-то вольной волюшкѣ,
Во своей-то дѣвчей красотѣ,—
Я бы съѣздила съ подружками
Въ города да и во ярмонки,
Я зашла-бы, моладешенька,

Къ молодому купцу въ лавочку,
Я купила-бы алу ленточку,
Золотую перевязочку.
Лентой косу бы украсила,
Перевязочкой повязочку.
А теперь что мнѣ въ подарочкахъ?
Въ рукахъ держать—потерять могу,
Къ лицу поднести—все обмочатся,
Ко сердцу прижать—заржавѣютъ.
Положу ваши гостинички
Я къ себѣ да въ окованъ сундукъ,
Увезу ваши подарочки
На чужую дальнюю сторону.
На постылой на сторонущей
Растоскуется сердечушко,
Тутъ зайду я, моладешенька,
Въ нетопленную-то хатипу;
Отопру тогда тихошенько
Свой дѣвичій окованъ сундукъ
И возьму ваши гостинички
На свои-то руки бѣлыя;
Подыму ваши подарочки
Выше буйныя головы,
Выше бабьяго новояничка,
Ужъ я буду похваляться:
У меня эти гостинички
Со родимой со сторонущей,
Отъ голубушекъ подруженекъ,
Ужъ я буду ими хвастаться
Что и старому и малому,
Холостому и женатому.

1401.

(Тоже).

Ужъ вы свѣтъ мои голубушки,
Мои милыя подруженьки
И родная моя тетушка,
Вы сосѣди и сосѣдушки,
У сосѣдей малы дѣтушки!
Призамолените, пожалуйста,
На единую минуточку!
Ужъ и что-же мнѣ почудилось:
У окошечка постукалось,
У калитки кольцо брякнуло,
У дверей да возмолилось?
Двери на пяту растворились:
Какъ идетъ ко мнѣ батюшка
И родимая матушка.
Что песеть ко мнѣ батюшка
На своей на правой ручекѣ
Благословеньеце великое —

Пресвятую Богородицу,
А родимая-то матушка
Цвѣтно платье подвѣщное.
Я взялась, молодѣшенька,
Не за цвѣтное платьецо,
Я взялась горе-горькая
За святую Богородицу.
Ужъ какъ ихъ благословеньцо
Что спасетъ меня, помилуетъ
На чужой дальней сторонѣ.
Ужъ я глупая, перазумная,
Голова моя песмышлѣная,
Развѣ могутъ съ того свѣта
Появляться сюда выходцы!
Ни письма оттоль, ни грамотки,
Ни словеснаго челобитьца!
Отъ сухого-то отъ дерева
Не бывать, видно, отросточкамъ,
Изъ подъ снѣгу изъ подъ бѣлаго
Не растеть да шелкова трава,
Не цвѣтутъ цвѣты лазоревы.
Такъ съ того свѣта божьего
Не придутъ мои родители
На мое на нпрываньецо,
На мою свадьбу сиротскую.

1402.

(Невѣста, когда прѣѣхалъ женихъ).

Ужъ вы свѣтъ мой голубушки,
Мои милыя подруженьки!
Ужъ вы станьте-ка, голубушки,
Что стѣною бѣлокаменной,
Не пускайте-ка, голубушки,
Вы чужого-то чуженина
Со чужой-то дальней стороны.
Благослови, Боже Господи!
Пресвятая Богородица!
Ужъ мнѣ встать да подняться
На свои ноги рѣзвыя,
На чулочки на бумажные.
На башмачки сафьянные.
Что не гнитесь вы, полѣвочки,
Не ломайтесь переводники!
Что по вамъ-то не медвѣдь идетъ,
Не медвѣдница-то лютая,
Идетъ красная дѣвица.
Не тяжѣль я прежняго,
Отчего-жъ это случилось:
Рѣзвы поженъки подогнулись,
Бѣлы рученьки опустились,
Голова съ плечъ покатила,

Во устахъ рѣчь помѣшалася?
Ужъ спрошу я, сиротинушка,
У всего-то роду племени,
У милыхъ своихъ подруженекъ,
Что позволять-ли голубушки
И прикажетъ-ли мнѣ дядюшка
И кормилица тетушка
Принимать мнѣ гостипчички
Отъ чужого-то чуженина
Отъ чужа сына отцовскаго?

1403.

(Невѣста къ свату).

Хочу встану, хочу — не встану,
Хочу пойду, хочу не пойду
Передъ сватомъ подхалюзникомъ;
Передъ сватомъ переметникомъ
Не статья мнѣ слезно плакаться.
У меня у молодѣшеньки
Не захвачена воля вольная.
Все ходилъ ко мнѣ свать сводничекъ,
Все ходилъ онъ, подхалюзничекъ,
И позднимъ ко мнѣ позднѣшенько,
И раннимъ ко мнѣ ранѣшенько,
Все торилъ ко мнѣ дороженьку.

1404.

(Подруженъ къ свату).

Ужъ тому-ли свату-своднику
На печи бы заблудиться,
Сквозь напыльничъ провалиться,
Киселемъ бы подавиться,
Подъ шестое бы закатиться,
Чтобъ клюкой грести, не выгрести,
Помеломъ мести, не вымести!
А еще бы свату-своднику
Три бы чирья ему въ бороду,
А четвертый-то подъ горлышко,
Вмѣсто краснаго солнышка.
Ужъ ему ли свату своднику
Мы дадимъ-же провожатаго —
Таракана-то рогатаго,
Еще мышъ полосатую.

1405.

(Невѣста, припавъ отъ жениха подарен).

Не коря, я покорилася,
Не склоня, я поклонилася
Передъ добрымъ-то молодцемъ.

1406.

(Подружки къ невѣстѣ).

Что не честь красной дѣвицѣ,
Не хвала раскрасавицѣ
Принимать эти гостинички
Безъ своихъ-то ей родителей
Отъ чужого-то чуженина.

1407.

(Невѣста передъ уходомъ въ баню).

Попрошу я, сиротинушка,
 Попрошу я, горе-горькая,
 У кормильца своего дядюшки
 И кормилицы тетюшки
 Благословенья великаго
 Что во баню во парусу,
 Во теплу подвѣнешную.

1408.

(Невѣста, возвращаясь изъ бани).

Ужъ тебѣ бы, банѣ парусѣ,
 По бревну-бы раскатиться,
 По кирпичику развалиться.
 Ужъ какъ баня-то паруса
 На лютыхъ-то звѣряхъ возжена,
 На лихо мѣсто поставлена.
 Ужъ ты свѣтъ, кормилецъ дядюшка
 И кормилица тетюшка,
 Ужъ вы встрѣтите меня, бѣдную!
 Ужъ вы дайте мнѣ, родимые,
 Ключевой воды напиться!
 Подойди, кормилецъ дядюшка,
 И кормилица тетюшка,
 Вы ко мнѣ къ сиротинушкѣ.
 Посмотрите-ка, родимые,
 На мое лицо блѣлое, —
 Какъ берѣстечка блѣвлое,

Зла тоска на немъ написана;
 Какъ мои щеки алма —
 Что листочки лежалые.
 Я немного попарилась,
 А ужъ много съ себя спарила
 Что своей-то дѣвѣй красоты.

1409.

(Невѣста раздаетъ подарен подружкамъ).

Подойди, моя голубушка,
 Моя милая подруженька,
 Ты Варвара свѣтъ, Ивановна!
 Ты спиши, моя голубушка,
 Что мою-то дѣвѣю красоту
 Со моей-то буйной головы!
 Ты носи ту дѣвѣю красоту
 Съ головы да не снимаючи,
 И меня-то вспоминаячи.
 Вспомини меня ты, бѣдную
 Хотя въ три денька одинова.
 Если часто покажется —
 Въ три педѣлки хоть одинова,
 Можетъ часто покажется, —
 Такъ въ три года одинова.
 Что моя-то дѣвѣя красота
 Никому она не надобна.
 Я снесу да дѣвѣю красоту
 Во лѣса-то во темные,
 Я повѣшу дѣвѣю красоту
 Что на бѣлу березоньку.
 Что придутъ люди добрые
 Съ топорами со острыми
 И подрубать березоньку,
 Что березоньку кужлявую.
 Упадетъ да дѣвѣя красота
 Что на матушку сыру землю,
 На траву да на шелковую,
 На цвѣты да на лазоревы.
 Подкосятъ траву шелковую
 Что косами-то острыми.
 И осудятъ люди добрые,
 Когда будутъ сходиться,
 На мою красу дивитися:
 Она честно изношена,
 Да не къ мѣсту положена.
 Тутъ моей дѣвѣй красотѣ
 Ей не мѣсто, не мѣстечко,
 Не житье вѣковѣчное.
 Понесу я дѣвѣю красоту
 Ко матушкѣ церкви божіей
 За престолъ Богородицы.
 Что придутъ люди добрые,

И восхвалять люди добре:
«Это чья же дочка умная
Ужъ и чья она разумная?
Ужъ ея да дѣвья красота
Опа съ честью изпощена
И ко мѣсту положена.
Тутъ ей мѣстечко угожее
И житье ей вѣковѣчное.»

1410.

(Невѣста къ теткѣ въ день свадьбы).

Ужъ ты свѣтъ, моя голубушка,
Ты родная моя тетушка!
Ужъ ты дай, моя голубушка
Огонька одну мнѣ искорку!
Я скажу тебѣ, голубушка,
Что какой мнѣ сонъ привидѣлся:
Ко мнѣ, горькой сиротинушкѣ
Приходила дѣвья крѣпота,
Буйну голову погладила,
Азу ленточку поправила.
А ужъ я-то ли, бѣдная,
Ничего ей не отвѣтила.
И пошла вопъ дѣвья красота,
На меня-то разсердилася.

1411.

(Невѣста къ брату).

Ужъ ты свѣтъ да соколъ, милый братъ!
Я объ чемъ буду просить тебя,
Просить буду, низко кланяться:
Ты сходи-ка, соколъ, милый братъ,
На свой то на широкой дворъ;
Обуздай ты ворона копя,
Запряги ты разудалова
Во дубовы новы саночки;
Съ сиротой со мной поѣдешь ты
Ко приходу-то господнему,
Къ отцу нашему духовному.
Мы попросимъ золотыхъ ключей
Отъ матушки церкви божіей
И взойдемъ съ тобою, милый братъ,
На високу колоколенку,
И ударимъ, соколъ, милый братъ,
Въ заушнвой большой колоколъ,—
Чтобы звонъ-то перекатами
Разбѣжался по святой Руси
И пропикъ бы во сыру землю:

Не разступится-ль мать сыра земля,
Не раскроется-ль гробова доска,
Не распахнется-ль тонко илотно,
Не отведутся-ль руки бѣлыя,
Ко груди плотно прижатия,
У моего отца съ матерью,
И не вымолятъ ли горькой мнѣ
Благословенья великое
На чужую дальню сторону.

1412.

(Невѣста по возвращеніи съ кладбища къ дядѣ или къ теткѣ).

Ужъ я ѣздила, сиротинушка,
Ко приходу ко господнему,
На могилушку къ родителямъ;
Не могла я ихъ дозваться,
Не могла добудиться
Своего кормильца батюшку
И родимую матушку
На мою свадьбу сиротскую!
Не отвѣтили они, бѣдной мнѣ,
Ни единова словечушка.
Будьте вы, мои родимые,
Мнѣ на мѣсто отца-матери
Что на томъ ли на вѣчаньцѣ
Горемичной моей свадебѣ.

1413.

(Невѣста къ брату).

Ужъ ты свѣтъ да соколъ, милый братъ,
Ты мое да красно солнышко!
Я еще-ли, сиротинушка,
Объ одномъ буду просить тебя:
Осѣдай ты коня вѣрона
Во черкасское сѣделечко;
Ужъ ты съѣзди, соколъ милый братъ,
На чужую дальню сторону,
Ко чужому-то чуженину.
Ты повзсмотри тамъ, милый братъ,
Что согласно-ли въ семьѣ живутъ,
Что одинъ ли хлѣбъ-соль кушаютъ,
Одного ли въ домѣ слушаютъ?
Не насидѣтся бы молодѣшенькѣ
По копецъ стола дубоваго,
Не пасмотрѣтся бы зеленѣшенькѣ
Что куса-то мнѣ поданаго.

1414.

(Невѣста передъ выѣздомъ въ церковь).

Попрошу у тебя, дядюшка,
 И родимая тетушка
 Благословеніа великаго.
 Подъ вѣнцы подъ значенны,
 На чужую дальню сторону.

1415.

(И когда подъѣзжаетъ поѣздъ).

Не отъ вѣтра, не отъ вихора
 Шумъ по улицѣ разносится, —
 То чужаки появились
 Со чужой-то дальней стороны,
 Со злодѣйки проклятыя.
 «Ужъ ты свѣтъ, родимый дядюшка,
 Не пускай-ка ты чужихъ людей!
 Ты приставъ, кормилецъ дядюшка,
 Ко калитей-то придверничковъ,
 А къ воротамъ приворотничковъ.»

1416.

(Тоже).

Богъ судья тебѣ, милый братъ!
 Не послушался просьбы велика;
 Ты прельстился золотой казной
 И чужими рѣчьми сладкими.
 Ужъ ты продай меня, милый братъ,
 На чужую дальнюю сторону,
 Ко чужому ко чуженни.
 Какъ на васъ теперь, подруженьки,
 Вся надежда моя крѣпкая:
 Вы не выдайте, родимы
 Горе-горькую сиротинушку.

1417.

Мои милыя подруженьки;
 Мои милыя, любимыя!
 Допустили вы, подруженьки,
 До меня до сиротинушки
 Вы чужова-то чуженниа.

1418.

(Къ жениху).

Такъ садись же, добрый молодецъ,
 Не со спесью, не со гордостью,
 А со божіей милостью!
 Ты бери-ка мою рученьку,
 Ты бери-ка потихохоньку,
 Ты не жми-ка праву рученьку
 Ко перстнямъ своимъ значенымъ.

1419.

(Подружки къ свахѣ).

Ты садись, сваха пріѣзжая,
 Не со спесью, не со гордостью,
 А со божіей со милостью!
 Ты спимай-ка потихохоньку
 Съ головы ея платокъ цвѣтной,
 Выплетай-ка пологохоньку
 Изъ косы-то алу ленточку,
 Ея честну дѣвью красоту.
 Какъ въ ея да во русской косѣ
 Есть два пожитка булатные;
 Не обрѣжь, сваха пріѣзжая,
 Ты ножами своихъ бѣлыхъ рукъ.

1420.

(Подружки къ невѣстѣ).

Ужъ ты свѣтъ, наша голубушка,
 Наша милая подруженька,
 Дорогая ты Варварушка!
 Ты скажи-ка, не утай отъ насъ,
 Что чужой-то добрый молодецъ
 Не засѣлъ ли цвѣтно платьецо
 И не жметъ ли руки правыя
 Ко своимъ перстнямъ значенымъ?

1421.

(Невѣста къ подружкамъ).

Ужъ вы свѣтъ, мои голубушки,
 Мои милыя подруженьки!
 Не могу теперь судачить я
 Про чужого-то чуженниа;
 Не присѣлъ онъ цвѣтно платьецо
 И не жметъ руки онъ правыя
 Ко перстнямъ своимъ значенымъ.

1422.

(Подружки къ невѣстѣ).

Ужъ ты свѣтъ наша голубушка,
Наша милая подруженька!
Ужъ ты скоро обпадѣлась
На чужого на чужепина,
На чужа сына отцовскаго.
Ужъ ты скоро расположилась
На его на рѣчн сладкія,
На его да на коварныя.

1423.

(Подружки къ невѣстѣ).

Ты воскликни лебедь бѣлая,
Что весною на проталинкѣ!
Ты восплачь, наша голубушка,
Наша милая подруженька,
За дубовымъ столомъ сидючи!
Али плакать тебѣ не объ чемъ,
Причитать ли тебѣ нечего?
У тебѣ ли горя нѣту-ти?
У тебѣ, наша голубушка,
Нѣтъ родимаго батюшки
И родимыя матушки;
На твоей на свадьбѣ горькой,
На твоей на сиротской
Не стоитъ родимый батюшка
Со твоей-то милой матушкой
У стола да у дубоваго
И не потчуютъ дорогихъ гостей.

1424.

(Невѣста къ дядѣ и теткѣ).

Ужъ ты свѣтъ родимый дядюшка
И кормилица тетушка,
Я о чемъ буду просить тебя,
По низку да буду кланяться:
Ужъ ты потчуй дорогихъ гостей,
Не жалѣй имъ зеленъ вина,
Чтобы пили да позанили,
Меня бѣдную позабыли
На своей-то на родной сторонѣ,
У своего-то роду-племени.

(Всѣ причеты, начиная съ № 1392 записаны
въ Янгосарѣ, Волог. у.).

1425.

Благослови Боже Господи,
Пресвятая Богородица!
Ужъ мнѣ сѣсти, молодѣшенькѣ,
На брусчатую лавочку,
Мнѣ запѣть, молодѣшенькѣ,
Непѣвалую пѣсенку,
Не съ веселья, со радости,
Съ горя, со кручиннушки.

1426.

Сторона-ли наша сторонка,
Сторона-ли моя веселая!
Она всѣмъ-то изукрашена:
И церковью божественной,
И звонамъ колокольнымъ,
И большой-то дороженькой,
И озерами широкими
И рѣчкой то быстрою.

1427.

Ты красуйся, моя красота,
Веселись буйна гдлова,
Радуйся, сердце ретиво!
Тебѣ не долго красоватися:
Не зиму зимовати,
Не весну красоватися,
Не лѣто парятися,
Не осень работати, —
Одна ночка ночевати,
И та коротѣшенька, —
Не знать — хдѣ проходить,
Не знать — сиди просидѣти,
Не знать — Богу помолитися.
Мнѣ ходить — не находитися,
Мнѣ сидѣть — не пасидѣтися.
Вскорѣ Богъ не помилуетъ,
Государь не пожалуетъ,
Какъ не жалостливъ родимый,
Не жалостлива родимая,
Только жалуютъ родимые
Чужой дальней сторонущей,
Да еще добрымъ молодцомъ.
Того пуще тяжелѣе —
Меня кѣйкой-то бѣлою:
Вложатъ кѣйка-то бѣлая
Сухоту въ ретиво сердце
Желтѣзну во бѣло лицо.
Какъ по счастью достанется —

Веселить буйну голову,
Радует ретиво сердце;
Она утѣха лспымъ очамъ
И веселье чернымъ бровямъ.
И несчастно достанется —
Щемить ретиво сердце,
И томить очи ясныя,
И навѣса чернымъ бровямъ,
И клонить буйну голову;
Мои рученьки не машутся,
Мои пожепки не движутся.

1428.

Ужъ ты свѣтъ, сударь батюшка,
Ужъ ты пой да упайвай
Ты своихъ дорогихъ гостей;
Одного не упайвай
Ужъ ты свата разлучника,
Живого перелестника:
Все ходилъ сватъ потихошеньку,
Колотился по малёшеньку.
Поднеси свату-ворогу,
Ты воды-то болотныя;
А какъ мало покажется,
Ты смолы-то кипучія.
Ты родимая матушка,
Ты дари-ка, ударивай
Твоихъ дорогихъ гостей;
Одного не ударивай
Ужъ ты свата-разлучника,
Живого перелестника.
Подари свату-ворогу
Ты онучу-то черную.
Токо мало покажется —
Судомойку рогозѣцу.
Ужъ какъ свату-то ворогу —
Ему три чирья въ бороду,
А четвертый подъ горлышко,
Вмѣсто краснаго солнышка.
Ужъ какъ свату-то ворогу
На печи заблудиться,
Сквозь напыльничъ провалиться,
Столбу поклониться,
Молокомъ захлебаться,
Киселемъ подавиться!
Мы возьмемъ свата подъ-руки,
Повалимъ свата на-дровни,
Мы свеземъ свата на гору,
Мы спехнемъ свата подъ-гору,
Принесемъ часту бороду,
Мы расчешемъ свату бороду,
Сыновей-бы не жёпывать,
Дочерей не отдаивать!

1429.

Не отъ вѣтру, не отъ вихорю
Воротечка отворилися,
Верейшка пошатилася,
На дворъ гости прѣхали.
Не видала красна дѣвица,
Какъ пришелъ добрый молодецъ,
Разудалый во горницу
Въ мою свѣтлую свѣтлицу, —
Тутъ дѣвица испугалася,
Изъ глазъ слезы покатилися,
Во слезахъ она слово молвила:
«Вонъ идетъ погубитель мой,
Вонъ идетъ расплетай-косу!»
Добрый молодецъ отвѣтъ держалъ:
«Не я погубитель твой!
Погубитель твой — батюшка,
Раззорительница — матушка,
Расплетай-косу — свахонька,
Потеряй-косу — дѣвица.

1430.

Ужъ вы свѣтъ, мои подруженьки,
Мои милыя голубушки!
Ужъ я что буду говорить,
Объ чемъ вамъ стану показывать:
Какъ пройдетъ зима холодная,
Какъ растають снѣги бѣлые,
Вы пойдите, голубушки,
Во луга во зеленыя,
Вы замѣйте, голубушки,
Три цвѣтка, да три лазоревы.
Что первой-отъ цвѣтъ лазоревой —
Онъ безъ вѣтра шатается,
Что другой-отъ цвѣтъ лазоревой —
Онъ безъ солнышка вянетъ,
Что третьей-то цвѣтъ лазоревой —
Онъ безъ дождика вянетъ, —
Это я, молодёшенька,
На чужой дальной сторонущей.
Какъ придетъ первый праздничекъ
Во моемъ-то прощаньецѣ,
Какъ придетъ другой праздничекъ
Во моемъ отпущаньецѣ,
Что придетъ третей праздничекъ
Во моемъ спаржаньецѣ.
Спаряжусь я, молодёшенька,
Не въ пору да не во-время,
На закатѣ красна солнышка,
На расходѣ добрыхъ людей.
Ужъ я выйду, молодёшенька,

На утишнику тихую,
Погляжу, молодёшенька,
Я на всѣ четыре стороны:
Что пойдутъ люди добрые
Со гулянья веселаго.
Ворочусь я, молодёшенька,
Не въ любимую сторону;
Я приду, молодёшенька,
Не въ любимую горешку;
Я сниму платье цвѣтное,
Я возьму его въ руки бѣлыя,
Я прижму платье цвѣтное
Ко сердцу ретивому,
Отъ сердца ретиваго
Ко лицу ко бумажному ¹⁾.
Подниму я платье цвѣтное
Выше буйныя головы,
Заложу платье цвѣтное
Во свой оковаль ларецъ,
А сама стану говорить:
«Ужъ ты свѣтъ, платье цвѣтное,
Цвѣтное да подвѣшенное,
Не счастливое купилось,
Не таланливо сошлось.
Какъ приду я, молодёшенька,
Во свою свѣтлу свѣтлицу,
Въ нелюбимую горницу,
Ужъ мнѣ скажутъ молодёшенькѣ:
«Нагулялась ли, гулявша,
Нашаталась ли, шатальна?»
Ужъ я выйду, молодёшенька,
На утишнику тихую,
Гдѣ бы вѣтры не вѣяли,
Добры люди не слышали
И плачусь, молодёшенька.

1431.

Провожатые хорошіе,
Провожатые пригожіе,
Проводите меня, бѣдную,
Ко церкви ко божіей,
Ко честному ко Здвиженью,
Ко святой Богородницѣ,
Ко вѣнцу ко злачёному,
Ко перстню обручальному;
Отъ вѣнца отъ злачёнаго,
Отъ перстня обручальнаго
На чужу дальнюю сторону.

¹⁾ т. е. бѣлому, какъ бумага.

1432.

Не прогнѣвайся, сударь дядюшка,
На меня, молодёшеньку,
Что не вышла, не встрѣтила
У воротъ да на улицѣ,
Я дверей не отворила
Широко двери на пятау,
За бѣлы руки не приняла,
Я челомъ не ударила
Да шелковаго поясу,
До башмачнаго чоботу;
Въ высокъ теремъ не ввѣдила,
Что не спешь меня взяла
И не гордость великая, —
Обуяло меня, молоду,
Меня горе великое:
Не велѣлъ сударь батюшка
Подалёку расхаживать;
Не велѣла мнѣ матушка
На бѣлой свѣтъ посматривать,
Призакрѣла, да закурѣла
Половину свѣта бѣлаго.

1433.

(Невѣста, когда ей подають подарки).

Те спасибо, сударь дядюшка.
На твоёмъ на подарочѣ,
Тебѣ на златѣ, на яхонтѣ
И на гривнѣ серебряной!
Мнѣ твои-то подарочки
Ужъ и милы и дорожи,
Однимъ они не милы, —
Что спонять меня, молоду,
На чужу дальнюю сторону.
Положу свои гостинички
Въ сундукъ я окованный.
На чужой, на дальней сторонѣ,
Когда скучно покажется, —
Я пойду, молодёшенька,
По сараю зибучему,
По мосту по скрипучему
Я въ пустую хоромину,
Сиплюмъ что называется, (?)
Я возьму твои гостинички
На свои руки бѣлыя,
Я прижму твои гостинички
Ко сердцу ретивому,
Ужъ какъ эти-то гостинички
Родимаго дядюшки!
Ужъ какъ ты-то, мой дядюшка,
Помани меня молоду

На чужой дальней сторонѣ
Въ три денёчка одинова.
Токо часто покажется,
Такъ въ недѣлку одинова,
Токо часто покажется —
Такъ въ годочекъ одинова.

1434.

Моя милая матушка!
Ты садн да усаживай
Моихъ милыхъ подруженьекъ
За столы за дубовые,
Да за скатерти бран(н)ныя!
Ты давай-ка, моя матушка,
Братынъ пива пьянаго,
Да стакапъ зеленъ вина.
Вы покушайте, подруженьки,
Вы братынъ пива пьянаго,
Вы стакапъ зеленъ вина;
Вы покушайте, голубушки,
Моего-то хлѣба соли!
Не глядите, голубушки,
На меня, молодёшеньку,
На меня, зеленёшеньку, —
Ложка въ ложкахъ замѣшалася.
Посмотри, моя матушка,
На меня, молодёшеньку,
На меня, зеленёшеньку,
Каково я нарядилася,
Каково я набѣлилася:
Ко стану-ли цвѣтно платьце?
Ко лицу-ли дѣвья красота?

1435.

Ужъ мнѣ сѣсти, молодёшенькѣ,
На дубовую лавочку,
Подъ косящато окошечко,
Подъ хрустальное стоколышко.
Благослови, Боже-Господи,
Мать божья Богородица!
Ужъ мнѣ встать, молодёшенькѣ,
На башмаки-то сафьянные,
На чулочки бумажные, —
Не грузиѣ я прѣжняго.
Вы не гнитесь, полдвочки,
Не ломитесь, переводники:
Ужъ мнѣ сѣсти, молодёшенькѣ,
На переднюю лавочку.
Благослови Боже-Господи,

Мать божья Богородица!
Ужъ мнѣ встать, молодёшенькѣ,
На свои рѣзвы поженьки.
Разодвиньтесь-ка, сосѣдушки,
Всѣ вы малыя крошечки,
Вы дайте ка, кормилицы,
Вы единую половочку,
Походить, покрасоватися
Что своей дѣвьеи красотой,
Золотою перевязочкой,
По свѣтлицѣ, поной горницѣ!
Вы ходите, ноги рѣзвыя,
Вы машитесь, руки бѣлыя,
Вы смотрите, очи ясныя
Что во всѣ четыре стороны.
Государь, кормилецъ-батюшка,
Государыня рѣдн-матушка!
Отпустите-ка, молодёшеньку,
Вы во поле-то чистое.
Далеко-то вамъ покажется,
Широко-то вамъ поглянется —
Отпустите, молодёшеньку,
Меня съ миленькимъ подруженькамъ
На широкую улицу.
Далеко-то вамъ покажется,
Широко-то вамъ поглянется, —
Отпустите молодёшеньку
Со милымъ-то подруженькамъ
На сарап-то тесовые.
Далеко-то вамъ покажется,
Широко-то вамъ поглянется, —
Отпустите молодёшеньку
По своей свѣтлой свѣтлицѣ:
Не посетѣли-ли бѣлыишки,
Не полиняли-ли мазилочки?
Я не знаю, куда дѣвати
Свою красоту красную,
Золотую перевязочку.
Отдамъ красоту красную
Золотую перевязочку
Своей милой подруженькѣ
Свѣтъ Натальѣ Ивановѣ.
«Ты носи, милая подруженька,
По господнимъ носи праздничкамъ,
По христовымъ воскресеньцамъ,
По веселымъ по гуляньцамъ.
Помяните-ка, голубушки,
На веселыхъ на гуляньцахъ!
Тутъ не мѣсто ей, не мѣстечко,
Не мѣсто не прекрасное.
Я полдужу дѣвью красоту
На престолъ Богородицы, —
Тутъ не мѣсто, тутъ не мѣстечко,
Не мѣсто не прекрасное.
Какъ увидятъ люди добрые,

Такъ спибутъ люди добрые
Со престола со божія;
Я спиму дѣвью красоту,
Золотую перевязочку
Со престола-то божія,
Я спесу дѣвью красоту,
Золотую перевязочку
Во лѣса во дремучіе,
Во травы во шелковья,
Я полѣжу дѣвью красоту,
На березу кужлявую.
Какъ придутъ люди добрые
Съ топорами со вострыми,
Срубить бѣлую березоньку, —
Повалится дѣвья красота,
Золотая перевязочка,
Какъ придутъ люди добрые
Со косами со вострыми,
Подкосять дѣвью красоту,
Золотую перевязочку.

1436.

Не морозы крещенскіе
За скобу принимались,
Двери на пята растворялись,
На пату на дубовую,
На брусѣ положѣнную, —
Поглядѣть молодѣшенькѣ
По своей свѣтлой свѣтлицѣ.
«Подойди, мила подруженька,
Ты ко мнѣ, молодѣшенькѣ,
Ты скажи, мила подруженька:
На который теремъ ходила?
Коему Богу молилася?»
— «Я на тотъ бы теремъ сходилла
Тому Богу помолилася:
Не помилуетъ ли Господи
Отъ чужія дальни стороны,
Отъ чужого отца-матери,
Отъ удала добра молодца?»
— «Поскажи, мила подруженька,
Про чужую дальню сторону:
На чужой-то дальней сторонѣ
Каково те поглянулося
У чужого отца-матери,
У удала добра молодца?»

1437.

(Подружка отвѣчаетъ).

Не могли ты меня спрашивать, —
Не могу я тебѣ сказывать

Про чужую дальню сторону,
Про чужого отца съ матерью,
Про удала добра молодца:
Намъ все да полюбилось,
Намъ все да поглянулося
На чужой дальней сторонѣ.
Ты живи-ка, наша матушка,
На чужой-то на сторонѣ,
Почитай отца съ матерью,
Да удала добра молодца.

1438.

Не отъ вѣтру, не отъ вихорю,
Не отъ краснаго солнышка,
Не отъ частаго дождичка
Пошатилася верёвочка,
Воротѣча отворялися, —
Вонъ идетъ-то моя тетушка.
«Подойди-ка, моя тетушка,
Ко мнѣ ко молодѣшенькѣ,
Да не забудь, мила тетушка,
Меня на чужой сторонѣ.
Какъ житье будетъ хорошее,
Я и встрѣчу тебя, тетушка,
Среди-то поля чистаго.
Какъ житье будетъ среднее,
Ужъ я встрѣчу тебя, тетушка,
Среди улицы широкия;
Какъ житье будетъ неражее,
На взъѣздѣ у воротечекъ.

1439.

Призатихните, голубушки,
Мои милныя подруженьки!
Ужо что-то мнѣ слышалось:
Подъ окошечкомъ постукалось,
За колечушко побрякалось.
Что ко мнѣ идетъ да жалуется
Дорогая честна гостейка,
Моя сестрица родимая.
«Подойди, моя голубушка,
Ты ко мнѣ, молодѣшенькѣ,
Не убойся, родимая,
Моего горя лютаго.
Мое горе-то лютое
Отъ меня не отвяжется,
Къ тебѣ горе не привяжется.
Тѣ спасибо, голубушка,
На твоёмъ на подарочекъ,

Что на златѣ, на сѣребрѣ,
Да на гривнѣ серебряной.
Что твои-то подарочки
Мнѣ и любви и дороги.
Что однимъ они не любви,
Однимъ тяжёленьки, —
Что прогонять меня, молодцу,
На чужую дальнюю сторону.
На чужой дальней сторонѣ
Надо жить тамъ умѣючи,
Говорить разумѣючи;
У чужого отца-матери
Безъ вины виноватая,
У чужого чуженица
Безъ причины буду битая.

1440.

(Гостья отвѣчаетъ).

Ты не бойся, голубушка,
Чужо-дальнѣя сторонѣ;
На чужой дальней сторонѣ
У чужого отца-матери
И гроза еси и милости.
Какъ ты будешь послушная,
Какъ ты будешь покорная,
Будутъ любить тебя, жаловать.

1441.

Благослови, сударь батюшка!
Ужъ мнѣ встать, молодешенькѣ,
Со брусчатыхъ лавочки,
Изъ за темнаго скутничка,
Изъ за браной занавѣсочки,
Да итти мнѣ, молодешенькѣ,
Во теплую парусу,
Во теплую, подвѣшешную.
Благослови меня, матушка!
Что итти мнѣ, молодешенькѣ,
Не ступить бы мнѣ, зеленѣ,
Во коневье коньтечко,
Не сропнуть бы мнѣ, зеленѣ,
Съ себя дѣвѣй-то красоты.
Что пошла я, молодешенька,
По свѣтлой-то свѣтлицѣ,
По столовой-то горницѣ.
Отворила я, молодца,
Ужъ я дверь да дубовую, —
У пятъ да ободѣрины

Что сидитъ кика бѣлая!
Она въ лапти обувается,
Во обору увивается,
Со мной въ баню собирается.
Тутъ я испугалася,
Тутъ я перепалася:
Что итти ли мнѣ, молодѣ,
Во теплую-то парусу?
Ужъ вы, свѣтъ мой подруженьки!
Отгоните кика бѣлую
Со пути-то со дороженьки!
Что итти мнѣ въ теплу парусу.

1442.

(По возвращеніи изъ бани).

Я не долго попарилася,
Ужъ я много съ себя спарила:
Ужъ я смыла съ себя, молодца,
Свою дѣвѣю-то красоту.
Вы садитесь, подруженьки,
Кругъ стола да на лавочки!
Ты стели-ка, родна матушка,
Скатерти-то бранны;
Стапови-ка, родна матушка,
Питья, яса сахарныя,
Угощай, моя родимая,
Ты подружекъ голубушекъ,
Не въ первыя, да въ послѣдныя.
«Вы покушайте, голубушки,
Мои милыя подруженьки!
Когда Господи сподобитъ
Ужо жить мнѣ, молодешенькѣ,
На чужой дальней сторонѣ, —
Помяните меня, молодцу,
Въ три денѣчка одипово.»
Тѣ спасибо, сударь батюшка,
Налилась я, налилась,
Въ честномъ мѣстѣ пасидѣлася,
Насидѣлася съ подружками
Со мной милымъ голубушкамъ.

1443.

Благослови Боже Господи!
Ужо встать мнѣ, молодешенькѣ,
Со постелюшки мягкой,
Со подушки пуховыя, —
И итти мнѣ умыватися.
Я умыла лицо бѣлое
И утѣрла полотечкомъ.

Ужо встать мнѣ, молодёшенькѣ,
Середь свѣтлыи свѣтлицы
И столовыи горницы,
Помолиться мнѣ, молодѣ,
Ко святымъ ко иконушкамъ:
Я первой поклонъ положу
За Царя благовѣрнаго,
Я другой поклонъ положу —
За царицу благовѣрную;
Я третей поклонъ положу
За царевыхъ малыхъ дѣтушекъ.
Я еще поклонъ положу
За родимаго батюшку,
За родимую матушку.
Я еще поклонъ положу
За своихъ родныхъ брѣтлковъ,
За сестрицъ за голубушекъ.
Я еще поклонъ положу
За себя, молодёшеньку.
Я еще поклонъ положу
За чужу дальню сторону,
За чужого чуженина,
За его семью великую.
Ужо сѣсти молодёшенькѣ,
На брусчатую лавочку.
«Подойди-ка, родна матушка,
Ты ко мнѣ, молодёшенькѣ!
Растолкуй, моя родимая,
Ужо что-то мнѣ приснилось,
Мнѣ во снѣ да показалося:
Ужъ я шла, молодёшенька,
Я по полюшку хлѣбному,
Да по лѣсу дремучему.
Тамъ по полюшку чистому
Я увидѣла, молодца,
Непокрытую хатину,
Пустую хоромину.
Я зашла, молодёшенька,
Я въ пустую хоромину:
Что въ углу да на лавочкѣ
Тутъ сидитъ да сизой орелъ,
По полу ходитъ бѣла лебедь,
На окошкахъ сизы голуби,
А по лавочкамъ ласточки,
На печѣ у напыльника —
Тутъ сидитъ сова пестрая,
Да ворона крылатая,
А поддалъ на лавочкѣ —
Тутъ сидитъ младъ ясень-соколъ.
Онъ глядитъ да въ окошечко,
Изъ окошка хочетъ вылетѣть,
Онъ меня да съ собой манитъ.
Тутъ я испугалася,
Ото сна пробуждалася.»
— «Ужъ ты свѣтъ, мое дитятко!

Этотъ сонъ тебѣ привидѣлся,
Скоро въ яво покажется:
Что пустая-то хоромина —
Чужедальная сторона,
Во углу сидитъ сизой орелъ —
Это твой свекоръ батюшка;
По полу ходитъ бѣла лебедь —
То свекровь твоя матушка.
По окошкамъ сизы голуби —
То дѣверья братцы милые.
А по лавочкамъ ласточки —
То золовки голубушки,
На печѣ сова пестрая —
Это ихняя баушка,
А ворона крылатая —
Это тетка богатая.
Что поодоль на лавочкѣ
Тутъ сидитъ младъ ясень-соколъ —
Это твой лада милый.
Онъ тебя да съ собой манитъ,
Отъ семьи онъ отдѣлится.

1444.

Какъ вечеръ, моя матушка,
Прилетала кукушечка,
И садилась кукушечка
На кутнее окошечко.
Говорила кукушечка
Человѣческимъ голосомъ:
«Ужъ ты плачь, красна дѣвица,
Уливайся, дочь отецкая!
На чужой-то на сторонѣ
Три поля горя пасѣяны,
Печальей-то огорожены,
Горячимъ слезамъ поливаны.
Течетъ рѣченька слезная,
По ей жилочка кровяная»,
А сегодня вотъ, матушка,
Прилеталъ младъ ясень-соколъ, —
Что садился младъ ясень-соколъ
На переднее окошечко;
Говорилъ младъ ясень-соколъ
Человѣческимъ голосомъ:
«Ты не плачь, красна дѣвица,
Веселись, дочь отецкая!
На чужой дальней сторонѣ
Три поля пшена пасѣяны,
Весельемъ да обгорожены,
Радостью да исполиваны.
Течетъ рѣченька медовая,
По ей жилочка золотая.»

1445.

«Тѣ добро да итти жаловать,
Наша милая подруженька,
Душа красная дѣвица!
Тѣ добро да итти жаловать
Что во теплую-то парущу,
Во теплую-то подвѣнешную.
Какъ у насъ во теплой парущѣ —
У насъ каменка жемчужная,
Полочки тамъ хрустальныя
И вѣничекъ-то полковный.»
— «Ужъ вы свѣтъ мой подруженьки,
Мои милыя голубушки!
Ужъ вы дайте молодешенькѣ
Мнѣ поруку великую.»
«Ужъ ты свѣтъ наша голубушка,
Наша милая подруженька,
Мы поруку дадимъ великую
Тебѣ крестную матушку.»
— «Ужъ вы свѣтъ, мой подруженьки,
Мои милыя подруженьки,
Ужъ вы дайте мнѣ поруку-то —
Мать божью Богородицу.»

1446.

Благослови, Боже Господи!
Мнѣ повѣйти, повмѣстунити
На широкую улочку.
Ты свѣти-ка, свѣтѣль мѣсяцъ,
Освѣщай путь дороженьку.
Не ступитъ бы молодешенькѣ
Мнѣ на коню ступенечку,
Не сронитъ бы, молодешенькѣ,
Дѣввей-то красоты.

1447.

На обманъ дѣло дѣлали,
Я недолго попарилась,
Съ себя много я спарила:
Я спарила, молодешенька,
Съ себя дѣвью-то красоту.
Вамъ покорно благодарствую,
Вамъ, родимый батюшка
И родимая матушка,
На теплой-то парущѣ!
Дайте хлѣба мнѣ на ужинну,
Не въ первыя, въ послѣдныя,
Со подружкамъ голубушкамъ
Провести ужинъ въ послѣдныя.

1448.

Мнѣ не честь, красной дѣвицѣ,
Провожать добра молодца!
Да не боря, я покорилася,
Не кланяясь, поклонилася
Я чужому-то чужденцу,
Удалу добру молодцу.
Я сидѣла, молодешенька,
За столами за дубовыми,
За скатертями за брачными,
И за лѣтвами сахарными
Со чужимъ людямъ добрымъ.
Того пуще, тяжѣлѣе —
Съ удалымъ добрымъ молодцемъ,
И съ грозой молодецкою.
Я не смѣла молодешенька,
Ни съ кѣмъ слова-то вымолвить —
Не съ роднымъ, не съ дворянскимъ;
Того пуще, тяжѣлѣе —
Со подружкамъ голубушкамъ.

1449.

Ужъ вы, свѣтъ, мои голубушки,
Мои милыя подруженьки!
Я объ чемъ буду говорить,
Я объ чемъ буду наказывать:
Какъ придетъ гдѣто теплое,
Придутъ лѣтніе празднички,
Лѣтніе да гулящія,
Вы пойдите, голубушки,
На гуляночку веселую;
Ужъ вы вспомните, голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Вы меня, молодешеньку,
Хотя въ день вы одиножды.
Если часто покажется, —
Такъ въ педѣлку одиножды,
Если часто покажется, —
Такъ въ годочекъ одиножды.
По тяжелому вздохнется
На чужой дальней сторонѣ,
Какъ подумаю бѣдная:
Поминули меня молодую
На своей-то сторонущѣ.

1450.

(Невѣста къ родителямъ, передъ отъѣздомъ ихъ
на сватовство).

Ты не ѣзди, родимый батюшка,
На чужую дальнюю сторону,

На злодѣйшку незнамую;
Не кидайся, родимый батюшка,
На хоромы-то высокія,
На запоры-то крѣпкіе,
На самовары-то чистые,
На скотинушку рогатую,
Того пуще, тяжелѣе —
На удала добра молодца.

1451.

Ты не послушался,
Родимый батюшка,
Ты не послушалась
Родимая матушка,
Моего наказаньяца,
Слезянова причитаньяца;
Вамъ-то тамъ полюбилось,
Вамъ-то тамъ поглынулося:
Тамъ хоромы высокіе,
Самовары-то свѣтлые,
И запоры-то крѣпкіе,
И скотинушка рогатая,
И удалой доброй молодецъ.
Не пожалѣлъ, родимый батюшка,
Ты меня, молодешеньку!
Промѣнялъ, родимый батюшка,
Ты на винную чарочку,
На пивную братишечку.

1452.

Приотереть молодешенькѣ
Мнѣ платочка малешенько,
Мнѣ повыше очей асыныхъ,
Да пониже бровей черныхъ,
Да поглядѣть молодешенькѣ
По своей свѣтлой свѣтлицѣ,
По столовой-то горницѣ,
На родимую матушку,
«Подойди, моя голубушка,
Ты родимая матушка,
Ко кутней-то кутницѣ,
Къ забраной запаваеочкѣ,
Ты ко мѣсту упалому,
Къ человѣку печальному,
Ты ко мнѣ, молодешенькѣ!
Не убойся, голубушка,
Ты родимая матушка,
Моего горя кручинушекъ.
Что мое горе-кручинушка

Отъ меня не отвязется
И къ тебѣ не привяжется.
Сядь, родимая матушка,
По мою руку правую;
Поучи меня, голубушка,
Ты родимая матушка,
Какъ мнѣ жить, молодешенькѣ
На чужой дальней сторонѣ. —
На чужой дальней сторонѣ —
Тамъ ужъ люди ученые,
Тамъ ужъ люди торѣнные.
Какъ сама про ся подумаю —
Я дитя-то неученое,
Я дитя петорѣное.
На чужой дальней сторонѣ
Надо голову поклонливу,
Ретиво сердце покорное.
Какъ придетъ пора-временчко,
Увезутъ молодешеньку
На чужу дальнюю сторону,
На злодѣйшку незнамую. —
Ужъ ты сдѣлай, родна матушка,
Безъ дороженьки дороженьку,
Безъ пути перепутьецо.
Ты провѣдай, голубушка,
Свѣтъ-родимая матушка;
Какъ житье будетъ хорошее,
Я ти встрѣчу, голубушка,
Свѣтъ-родимая матушка,
Среди поля чистаго,
Среди луга зеленаго.
Какъ житье будетъ по-среднему, —
Я ти встрѣчу, голубушка,
Свѣтъ родимая матушка,
Середь улицы широкія.
Какъ житье будетъ послѣднее, —
Я ти встрѣчу, голубушка,
Свѣтъ родимая матушка,
У шесточка кирпичнаго.
Подожду, молодешенька,
Свои рученьки бѣлыя
Ко сердцу ко ретивому.
Не промолвлю я, молода,
Съ тобой, родимая матушка,
Ни одинаго словечушка.

1453.

Ужъ ты свѣтъ родимый батюшка
И родимая матушка!
У васъ что же за праздничекъ?
У васъ что за весельецо?
У васъ всѣ гости съѣзжаются,

У васъ всё собираются
И родны и двоюродны;
Одного гостя нѣтутеа —
Соколочка братца милого.
Ужъ мы съѣздимъ-ка, батюшка,
Во торги да во ярмонки,
Да купимъ, родимый батюшка,
Мы тамъ гербовой грамотен,
Напишу я, молодешенька,
Не перомъ, не чернилами,
А своимъ горючимъ слезамъ;
Отошлемъ письмо-грамотку
Мы во дальніе города,
Во полки-то военные,
Во казармы казенныя,
Къ соколочку братцу милому.
Какъ получить братецъ миленькой
На свои руки бѣлыя,
Распечатаетъ миленькой
Опъ руками-то бѣлыми,
Прочитае-то миленькой
Опъ устами сахарными,
Что зовутъ-то на свадьбу, —
И пойдетъ братецъ миленькой
Во казармы казенныя,
Ухватитъ братецъ миленькой
Ружьецо-то булатное,
Растоскуется сердечушко
У соколочка, братца милого.
Ужъ какъ строгіе начальнички
Ужъ какіе немилосливы(е)
И сердцамъ-то не жалосливы!

(Всѣ причеты, начиная съ № 1425 записаны
въ разныхъ селеніяхъ Вологод. у.).

1454.

Что не свѣтъ свѣтается,
Не заря запымается, —
Тутъ идетъ, подымается
Родимой-отъ батюшка,
Кирило Ивановичъ.
Ты дойди, дойди, достуни
До куті, до занавѣсы,
До тонкой до полотняной,
До шитой перебраной.
Есть въ куті за занавѣсой
Кручинная дѣвица,
Со печали надсѣлася,
Хлѣба-соли лишилася.
Я прошу тебя, батюшка,
Не ради-го дѣрвца¹⁾,

¹⁾ подарка.

Только ради свиданьца,
Мнѣ свидѣться хочется,
Свидѣться проститися
На вѣку-то не впервые,
Въ дѣвѣй красотѣ вполсѣдніе.

1455.

Вы помойте, подруженьки,
Вы помойте, голубушки,
Мою-то дѣвью красоту
Мою-то ли красовитую
Во чистой-то парущѣ,
Въ достальныя послѣдніе.
Какъ во чистой-то парущѣ
Три окошка косищатыхъ:
На первомъ-то окошечкѣ —
Все мазла румяныя,
На второмъ-то окошечкѣ —
Все бѣлилка бѣлыя,
А на третьемъ окошечкѣ —
Моя дѣвья красота.
Тутъ не мѣсто ей, не мѣстечко,
Не мѣсто вѣковѣчное.
Возму-ка я красоту
Со окошка косищата,
Положу-ка я красоту
На березу кужлявую,
Что придутъ люди добрые
Со топорами со вострыми,
Что сорвутъ они красоту
Со березки кужлявыя.
Положу-ка я красоту
На травку шелковую,
На цвѣточки лазоревы,
На кусточки ракизовы.
Что придутъ люди добрые
Со косами со вострыми
И скосятъ дѣвью красоту,
Мою красовитую, —
Тутъ не мѣсто ей, не мѣстечко,
Не мѣсто вѣковѣчное.
Положу-ка я красоту
На сестрицу голубушку, —
Тутъ и мѣсто ей и мѣстечко,
И мѣсто вѣковѣчное.
Ты возьми, мила сестрица,
Мою дѣвью-то красоту,
Мою красовитую,
Со окошка косищата!
Береги же ты, сестрица,

Мою дѣвью-то красоту,
Береги же, не снашивай
И, посивъ, не изнашивай!
Береги же ты, сестрица,
Мою дѣвью-то красоту
Отъ дождика частова,
Отъ солнышка яснаго.

1456.

(При выходѣ изъ бани всѣ дѣвицы хоромъ поютъ).

Раскатысь-ка ты, камешка,
До едінова камушка,
Развались-ка ты, бапенка
До едінова брѣвнышка!

1457.

Сиду-ка я, мѡлода,
Въ куть подѣ окошечко,
На кручинное мѣстечко,
На дубовую лавочку.
Ничего мнѣ тутъ не виси́дѣть,
Ни въ кутѣ подѣ окошечкомъ,
Ни въ почетномъ (углу) на лавочкѣ,
Ни у батюшки, ни у матушки.
Лучше встану я, мѡлода,
Лучше встану я, зѣлена,
На свои рѣзвы поженъки,
Во обновѣй пригоженькой,
Вы идите, рѣзвы поженъки,
Ко родимымъ отцу-матери.
Живучи вы не подгибывались,
Живучи вы не подламывались.
Протянитесь рѣзвы рученьки,
Обнимите отца-матушку!
Живучи вы не согнибывались,
Живучи вы не ломались.
Вы глядите, очи ясныя, —
Во слезахъ вы не мутитесь!
Не клонись-ка ты, головонька,
Не ломись, переводника!
Не тяжѣлѣй я прежняго,
Не дурнѣе я стараго.
Развѣ тѣмъ я тяжѣлѣе —
Своимъ горемъ-кручинною.
Ужъ мнѣ дайте увидѣти,
Ужъ мнѣ дайте усмѣтрѣти

Моего батюшку родимаго,
Мою матушку сердечную.
Ну, спасибо тебѣ, батюшка,
И спасибо великое
На хлѣбѣ и на соли,
На твоей добродѣтели!
Что твоя хлѣбъ-соль сладкая,
Слаще меду медвѣнаго;
Добродѣтель — сердечная
Доброхота великаго.
Не жалѣлъ же ты, батюшка,
Для меня, молодешеньки,
Ни платья-то цвѣтнаго,
Ни башмачковъ сафьянныхъ,
Ни чулочковъ бумажныхъ,
Ни поясъ-то тканыхъ,
Что ни колѣцъ-то, ни серегъ,
Ни мѣховъ-то собольихъ.
Не спрошу теперь у батюшки
Ни платья-то цвѣтнаго,
Только спрошу у батюшки
Благословенъя родительска
Отъ сердца ретиваго
Ко вѣнцу ко злеченому.

1458.

Поншу-ка я, горькая,
Поншу я, злосчастная,
Доброхота великаго
Во своей тѣмной тѣмницѣ,
Во столовой во горницѣ.
Не могу я увидѣти,
Не могу я усмѣтрѣти
Доброхота великаго.
Какъ почувлось-послышалось —
У окошка постукалось.
Ужъ какъ мнѣ показалося
Что родимова батюшки
Голосочекъ послышался.
Ужъ пойду же я, горькая,
Ужъ пойду я, злосчастная,
Ужъ я встрѣчу же, горькая,
Родимова-то батюшку
Со широкой со удачи.
Нѣтъ и пѣтъ, не случается —
Отъ сухова-то дерева
Не живетъ ¹⁾ отростѣльца,
Что отъ тѣла-то мертваго

¹⁾ т. е. не бываетъ.

Не живетъ благословенъца.
Что оставилъ мнѣ батюшка
Одно примѣтное мѣстечко,
Да дубовую лавочку.

1459.

Проводите-ка, подруженьки,
Проводите, голубушки,
Вы меня молодешеньку,
Вы меня зеленешеньку, —
Со бесѣды смиренныя,
Въ достальныя послѣдніе.
Со подружкамъ голубушкамъ
Не бывать молодешенькѣ,
Не бывать зеленешенькѣ
Ни въ бесѣдѣ смиренной,
Ни въ гуляньяхъ веселыхъ,
Не водить на нихъ красоты.

1460.

Ты свѣти, свѣтель мѣсяцъ,
Во всю ночьку темную,
Во всю ночь осѣнную
Надъ моей свѣтлой свѣтлицей,
Надъ столовою горницею,
Надъ моей дѣвѣй красотою,
Надъ моей красовитою,
Надъ моей любовитою!
Ужъ ты встрѣть меня, батюшка,
Ужъ ты встрѣть меня, матушка,
Со подружкамъ голубушкамъ,
Со послѣдней бесѣдушки,
Со бесѣды смиренныя,
Въ достальныя послѣдніе.
Не бывать ужъ мнѣ, молодѣ,
Не бывать ужъ мнѣ, зеленѣ,
Со подружкамъ голубушкамъ
Во своей дѣвѣй красотѣ,
Во своей красовитой,
Во своей любовитой
Во бесѣдѣ смиренной.
Отказали мнѣ батюшка
И родимая матушка
И подружки голубушки
Отъ бесѣды смиренной.

1461.

Ты красуйся краса
У родимого батюшки
У родимыя матушки
Въ достальныя послѣдніе,
У соколиковъ, родныхъ братцевъ,
У сестричекъ голубушекъ
Во своей свѣтлой свѣтлицѣ,
Во столовой во горницѣ.
Запримѣть же ты, батюшка,
Запримѣть же ты, матушка,
Мою дѣвѣю-то красоту
Въ достальныя послѣдніе.
Погляди-ка ты, батюшка,
На подружекъ голубушекъ:
У подружекъ голубушекъ
Русы косы заплетены,
Что на каждой волосиночкѣ
По жемчужной бисериночкѣ.
У меня то молодешеньки,
У меня то зеленешеньки —
Плотно косонька не плѣтется.
У меня-то, молодешеньки,
У меня-то, зеленешеньки,
На каждой волосиночкѣ
По горючей по слезиночкѣ.

1462.

Расплетите, подруженьки,
Вы мою дѣвѣю красоту,
Вы мою красовитую
Въ достальныя послѣдніе.
Не бывать-то мнѣ, молодѣ,
Не бывать-то мнѣ, зеленѣ,
Со подружкамъ голубушкамъ
На веселыхъ гуляньяхъ.
Какъ о лѣтнихъ о праздничкахъ
Гуляли мы, молодцы,
По травкѣ по шолковой,
По цвѣточкамъ лазоревымъ.
Подъ намъ травка не маялася,
Цвѣточки не ломалися,
Надъ намъ люди дивовалися:
«Это чьи идутъ дѣвицы?
Это чьи раскрасавицы?
Не родимыя ли сестрицы,
Не одной ли мати дочери?»

1463.

Что на стулѣ на рѣшѣщатомъ,
Противъ зеркала нѣмецкаго,
Тутъ сидѣла красна дѣвица
И чесала русы косопыки.
Что чесала, приговаривала:
«Завивайтесь, русы кудерки,
Къ моему-то лицу бѣлому,
Ко моимъ щекамъ румянымъ!»

1464.

(На это подружки поютъ):

Ты послушай, подруженька,
Ты послушай, голубушка!
Привыкать теперь подруженькѣ
Къ молодцу-то разуму.

1465.

(Невѣста падаѣтъ передъ хозяйкой).

Спасибо же, хозяйюшка,
Тебѣ на тихой бесѣдѣ,
Что закладывалась, хозяйюшка,
За меня молодешеньку,

(Всѣ 12, начиная съ № 1454 зап. въ Тотем. у.).

1466.

Что не свѣтъ свѣтаѣтся,
Не зоря занимается,
Что не ласточка касаточка
Съ тепла гнѣздышка снимается, —
Душа красная дѣвица
Ото сна пробуждается.
«Мнѣ итти, молодешенькѣ,
Во свѣтлую свѣтлицу;
Умываться, молодешенькѣ,
Свѣжой ключевой водой,
Утираться молодешенькѣ
Тонкимъ бѣлымъ полотенечкомъ,
Помолиться, молодешенькѣ,
Мнѣ Спасу Пречистому,
Пресвятой Богородицѣ.
Я первой поклонъ положу
За царя благовѣрнаго,
Я второй поклонъ положу

За царицу благовѣрную,
Я третьей поклонъ положу
За царевыхъ за дѣточекъ,
Четвертый поклонъ положу
За родимаго батюшку;
Я пятый поклонъ положу
За родимую матушку,
Я шестой поклонъ положу
За свою буйну голову,
Чтобы далъ-то мнѣ, Господи,
Великое повѣтріе
Ко церкви божественной,
Ко вѣнцу ко злащеному,
Ко перстню обручальному, —
Отъ вѣнца отъ злащенаго
На чужу дальню сторону,
Во часы-то во добрые,
Да въ минуты веселыя.

1467.

Благослови, Боже Господи,
Мать божья, Богородица!
Ужъ мнѣ сѣсти, молодешенькѣ,
На брущатую лавочку,
Мнѣ запѣть, молодешенькѣ,
Невеселую пѣсенку.
Не съ веселья со радости —
Съ горя со кручинушекъ,
Со печали великия,
Со причетамъ со жалостнымъ
Со слезами горячими.

1468.

Ужъ когда та пора прошла,
Когда время миновалось,
Когда я красовалась!
Ровно не живано-бывано,
Ровно не хождено-гуляно,
Ровно во снѣ младѣ привидѣлось,
Въ сновидѣньѣцѣ показалося
Мнѣ свое житіе дѣвичье,
Своя воля великая.
Мнѣ изъ воли-то воли была,
Мнѣ изъ нѣгѣ-то нѣгѣ была,
Изъ прохладѣ была прохладушка.
Пожила, поерасовалася,
Погуляла, понаряжалася
У родимаго батюшка

У родимыя матушки:
Я сама въ гости гостила,
Я къ себѣ гостей водила,
Своихъ милыхъ подруженекъ.

1469.

Красота-ли моя красота,
Красота моя хорошая,
Красота моя пригожая!
Такъ растить моя красота
Золотое себѣ крылышко,
Такъ и хочеть улѣтѣти
Со моей буйной головы
На пине на горы,
На сибирскія утѣсы,
За моря за глубокія,
За озера широкія,
За рѣченки быстрыя,
За грязи за черныя,
За лѣса за дремучіе.
Сядетъ моя красота
На березоньку бѣлую,
Придетъ весна красная,
Придутъ люди добрые,
Мужики деревенскіе,
Сѣкутъ бѣлую березоньку.
Такъ упадетъ моя красота
На травы шелковыя,
На цвѣты на лазоревы.
Придетъ лѣто жаркое,
Придутъ люди добрые
Съ косами со острыми —
Подкосятъ мою красоту:
Упадетъ моя красота
На щетку колючую.
Я пойду, молодешенька,
Во луга во зеленые,
Я возьму, молодешенька,
Свою дѣвью-то красоту
На свои руки бѣлыя,
Да сама стану говорить:
«Тутъ моей красотѣ
Ей не мѣсто, не мѣстечко,
Не мѣсто вѣковѣчное.»
Я снесу свою красоту
За престолъ Богородицы,
Сама стану говорить:
«Тутъ моей красотѣ
И мѣсто и мѣстечко
И мѣсто вѣковѣчное!»

1470.

(Подружки поютъ за дверью).

Мы возьмемъ двери за скобу,
Мы отворимъ двери пѣ-пату:
Ты не гнись-ка полѣвочка,
Не ломись, переводница,
Не убойся, красна дѣвица.
Не звѣрье къ тебѣ идетъ,
Къ тебѣ идутъ да жаждутъ
Твои милыя подруженьки —
Звать во теплую парусу,
Во теплую подвѣшную,
Не въ первыя, въ послѣдныя.
Ужъ что теплая паруса
Очень ясно топила,
Что во теплой-то парусѣ
Стоитъ камешка жемчужная;
Среди-то теплой паруси
Стоять три чары золоченны,
Что во первой-то чарочкѣ
Твои бѣлыя бѣлылица,
Во второй-то во чарочкѣ
Румяныя мазилица
Что во третьей-то чарочкѣ —
Твоя дѣвичья красота.
Что во теплой-то парусѣ
Стоять двери стеклянныя,
Подворотечки хрустальныя.

1471.

(Невѣста отвѣчаетъ).

Ужъ вы, свѣтъ, мои голубушки,
Мои милыя подруженьки!
Не на обманъ ли дѣло сдѣлали?
Не на проводку-ли проводите?
Ужъ вы дайте мнѣ, голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Мнѣ поруку-то крѣпкую.

1472.

(Подружки).

Мы даемъ тебѣ, голубушка,
Наша милая подруженька,
За поруку-то крѣпкую
Твоего родима батюшку
И родимую матушку.

1473.

(Невѣста).

Не теперь же пзувѣрилась,
Я въ родимомъ сударь батюшкѣ
И родимой-то матушкѣ.
Ужъ вы дайте мнѣ, голубушки,
Мои милыя подруженьки
Мнѣ поруку-то крѣпкую.

1474.

(Подружки).

Мы дадимъ тебѣ, голубушка,
Наша милая подруженька,
Мы поруку-то крѣпкую —
Ужъ мы Спаса Пречистаго
Пресвятую Богородицу.

1475.

Невѣста встаетъ передъ иконами и причитаетъ:

Благослови, Боже Господи,
Мать Вожья, Богородица!
Мнѣ итти молодѣшенькѣ
Во теплую парушу,
Во теплую подвѣнешную,
Не въ первыя, въ послѣднія,
Во дѣвичей-то во красотѣ.

1476.

Тутъ двѣ подружки берутъ невѣсту подъ руки,
а третья мететъ вѣшникомъ дорогу и ведутъ ее
въ баню. Невѣста въ это время причитаетъ.

Ты свѣти-ка, свѣтель мѣсяцъ,
Освѣти-ка путь дороженьку;
Не ступить бы молодѣшенькѣ
Во коневыя копытца,
Не сронить-бы, молодѣшенькѣ
Своей дѣвчѣй-то красоты!

1477.

Послѣ бани невѣста продолжаетъ.

Мои милыя подруженьки
На обманъ дѣло сдѣлали,

На проводку проводили.
Я не долго попарилась,
А я много съ себя спарила,—
Ужъ я спарила, молодѣшенька,
Свою дѣвчѣй-то красоту.

Когда невѣста входитъ въ домъ, мать встрѣ-
чаетъ ее съ пряженикомъ и съ пивомъ. Невѣста
закусываетъ, пьетъ пиво и идетъ отдыхать. При
наступленіи вечера ее зовутъ на смотрины.

1478.

(На смотринахъ невѣста кидается на грудь отцу
и причитаетъ).

Не выходи, сударь батюшка,
Ты на свой на широкой дворъ,
Не встрѣчай, сударь батюшка,
Ты своихъ дорогихъ гостей!
Не води дорогихъ гостей
Во свой во высокъ терѣмъ!
Не коли ретивъ сердца,
Не клони буйныя головы,
Не запоручивай, родимый,
Ты меня, молодѣшеньку,
На чужу дальнюю сторону!

1479.

Подружки берутъ невѣсту подъ руки, ведутъ
умываться и причитаютъ:

Красна дѣвица снаряжается,
Бѣлымъ мыломъ умывается,
Въ чисто зеркало смотрится,
Красотѣ своей дивуется:
«Красота ли моя, красота,
Красота моя хорошая,
Красота моя пригожая!»

1480.

Когда подружки убираютъ голову невѣсты, она
причитаетъ.

Ужъ вы свѣтъ мой голубушки,
Мои милыя подруженьки!
Расплетите русу косоньку,
Вы вплетите алу ленточку,

Не въ первѣе, въ послѣднѣе,
Въ мою дѣвичью красоту.
Ты катайся, руса косонька,
По моимъ могучимъ плечикамъ
Со правова да на лѣвое,
Со лѣвова да на правое.
Закатись, моя руса коса,
Мнѣ всочь¹⁾, во ясны очи;
Мнѣ въ запасъ бы наглядѣться,
Мнѣ въ запасъ насмотрѣться
На свою русу косоньку.

1481.

Нарядившись, невѣста проситъ благословенія у
отца и матери.

Ужъ ты свѣтъ сударь батюшка
И родимая матушка!
Ужъ вы дайте, родимые,
Благословеньеце великое,
Ужъ вы Спасомъ пречистымъ,
Пресвятой Богородицей.

1482.

Когда невѣста получить благословеніе, подружки
причитаютъ.

Ты красуйся, голубушка,
Наша милая подруженька,
Во дѣвичьей во красотѣ!
Тебѣ не годъ годовати,
Не зима зимовати,
Одна ноченька ночевати
Во дѣвичьей во красотѣ,
Да и та коротѣшенька;
Не знать, хѳдя проходить,
Не знать, сѳдя просидѣти,
Не знать, Богу молитися,—
Вскорѣ Богъ не помилуетъ,
Государь не пожалуетъ.

1483.

Невѣста отвѣчаетъ:

Меня батюшка жалуетъ
Не великою радостью —

¹⁾ въ лицо.

Удалымъ добрымъ молодцемъ.
Меня матушка жалуетъ
Невеликою радостью —
Меня кѣкой-то бѣлою.
Ужъ какъ кѣка-то бѣлая
Влагаетъ желтизну въ лицо,
Сухоту въ ретивѣ сердце.
Ужъ какъ дѣвичья красота
За сто верстъ она слышна,
Ужъ какъ кѣка-то бѣлая
Со печи не видна
И за порогъ не слышна.

1484.

Невѣста садится за столъ съ подружками и
причитаетъ.

Благослови, Боже Господи,
Мать Божья Богородица!
Ужъ мнѣ сѣсти, молодѣшенькѣ,
На брусчатую лавочку,
За столы за дубовые,
И за скатерти бранны,
И за яства сахарныя,
И за пѣтъ медовыя.
Подойдите, родимыя,
Ко столу ко дубовому
И ко мнѣ, молодѣшенькѣ.
Вы отеройте, родимыя,
Вы платочка малѣшенько,
Посмотрите, родимыя,
Мнѣ всочъ во ясны очи:
Я бѣло ли набѣлилася,
Румянѣ ли наруманилася,
Не въ первѣе, — въ послѣднѣе
Во дѣвичьей-то во красотѣ?

1485.

Ужъ ты свѣтъ сударь батюшка!
Ужъ какъ я тебѣ говорѣла,
Ужъ какъ я тебѣ наказывала!
Не послушалъ, сударь батюшка,
Моего наказаньяца,
Запоручилъ, сударь батюшка,
Ты меня, молодѣшеньку,
За поруки за крѣпкія,
За пѣсьма вѣковѣчныя.
Выкупать, да не выкупить,
Выручать, да не выручить,

Съ чуже-дальнія стѣроны.
Не коня вѣдь ты запродалъ,
Не шеницу бѣлоярую.
Я гораздо, сударь батюшка,
Я много надосадила,
Живучи напрокучила.
Ужъ я, кажется, батюшка,
Слуга была вѣрная
И посылочка скорая,
Я дѣло-то дѣлала,
И работу работала.
Я гораздо, сударь батюшка,
Не сусѣкъ хлѣба выѣла,
Не колодезь воды выпила;
Ужъ я, кажется, батюшка,
Я жила, молодѣшенька,
Потише воды великія,
Пониже травы шолковыя.

1486.

(Причетъ по умершемъ мужѣ).

Ты оставилъ меня бѣдную,
Ты оставилъ меня горькую,
Сироту горемычную
Со маленькимъ крошечкамъ!
Какъ мы жить-то будемъ, бѣдные,
Безъ тебя, красно солнышко,
Моя милая ладушка!
Какъ придетъ пора времечко,
Придетъ лѣто-то красное,
И пойдутъ люди добрые
Со косами со острыми,
Не будетъ у насъ бѣдныхъ
Ни девцова работница,
Ни почнова попечельщика.
Ты куда же снарядился,
Ты куда-же сподобился,
Мое красное солнышко,
Моя милая ладушка?
Не въ торги, не во ярмонки,
Не на гуляночки веселныя,
Снарядился, моя ладушка,
Ко церкви божественной,
На житье вѣковѣчное,
Ужъ намъ ждать—не дожидатся,
Глядѣть—не наглядѣтиса
Ни съ которой сторонюшки
На тебя, милу ладушку!

(Всѣ причеты, начиная съ № 1466 зап. въ Волог. у.).

1487.

Тысяцкой неумоя,
Сватушка кукомоя,
Сунься въ лоханку, умойся,
На тебѣ рогозку, утрися,
На тебѣ лопату, помолися.

Или.

1488.

Сваха неряха,
Немытая рубаха,
Не колоченная,
Не молоченая.
Свахоньку
Надо выколотить,
Свахоньку
Надо вымолотить.
Надо рожи наростить,
Надо пива наварить,
Надо сваху напоить.
Выпустимъ kota
Изъ за задняго хлѣва,
Обдеретъ онъ тебя,
Ровно сковороду.

1489.

Къ жениху.

Князь молодой, развернися,
Съ нами гостями обойдися.

1490.

Вы подруженьки голубушки,
Сидите призадумались,
Чужихъ басень заслушались.
Будто пѣть у насъ нечего,
Припѣвать будто некого?
Припоемъ мы подруженьку,
Анну Степановну.
Я прошу тебя, подруженька,
Не ради дѣрзеца,
А ради свиданьца:
Мнѣ свидѣться хочется,
Свидѣться, проститися
На вѣку-то не въ первыя,
Въ дѣвѣй красотѣ въ послѣдніе.

1491.

Когда гости жениха соберутся, тогда, помолвившись Богу, они отправляются къ невѣстѣ, что бываетъ всегда вечеромъ. Отѣхавъ темного, весь поѣздъ останавливается, а дружка три раза дѣлаетъ окликъ: «всѣ-ли бояре въ скопѣ?» и каждый разъ получаетъ утвердительный отвѣтъ, послѣ чего поѣздъ отправляется далѣе. Приѣхавъ къ дому невѣсты, послѣ того какъ гости выйдутъ изъ саней или телѣгъ, дружка говоритъ:

«Господи Иисусе Христе, сыне божій, помилуй насъ!
Ѣхали мы бояре
Чистыми полями,
Зелеными лугами,
Дремучими волоками.
Подлѣ стога на угорѣ
Стоитъ большой огромный дубъ,
Изъ подъ того дуба выпалъ куній слѣдъ.
Мы ударились по куньему слѣду:
Куна шла темными лѣсами,
Зелеными лугами,
Дремучими волоками.
Мы ѣхали на своихъ лошадяхъ-лихачахъ
По пеньбамъ, по колодишкамъ, —
Все пенье приломали,
Колодникъ припинали,
За намъ сдѣлался какъ московской трактъ.
Попали намъ два старика усаты,
Два бѣло-бородаты;
Мы спросали ихъ:
Та-ли дорога, та-ли широка
Къ нашей княгинѣ молодой?»

(Приѣхавшіе гости отвѣчаютъ «Та»).

Мы доѣхали,
Стоитъ деревня, какъ городъ,
Домъ какъ теремъ.
Мы не сами узнали,
Намъ люди сказали.
Говорятъ: есть у насъ хорошій товаръ,
А есть при васъ первой гильдинъ купецъ?
Есть у насъ кунницы, лисицы,
Заморскія соболицы,
Красныя дѣвицы.
— Отдайте намъ кунницу!
Не отдадите кунницы,
Отдайте лисицу,
Отдайте заморскую соболицу,
Не отдадите заморской соболицы,
Отдайте красную дѣвицу.
Не отдадите красной дѣвицы —
Отдайте сто рублей штрафу,

Не отдадите сто рублей штрафу,
Отдайте красную рубаху,
Я и съ той домой уѣду.

1492.

(Послѣ этого женихъ и всѣ его гости идутъ къ крыльцу дома, а дружка говоритъ):

Господи Иисусе и проч.
Къ этому дому,
Къ высокому терему
Лѣсенки точены,
Ступеньки золочены.
На первую ступеньку ступлю,
Свято проговорю:
Господи Иисусе и проч.
У молодой княгини
Есть ли отецъ-мать—родители?
Кто поилъ, кормилъ,
Обувалъ, одѣвалъ,
На ноги подымалъ,
Также бы теперь мнѣ и ворота отпиралъ,
Встрѣчалъ бы меня дружкѣ передоѣзжаго,
Со своимъ молодымъ подружьемъ,
Со всѣмъ честнымъ поѣздомъ.

1493.

(Случается, что когда поѣзжане подойдутъ къ дверямъ, то онѣ оказываются запертыми. Дѣвушки въ сѣняхъ поютъ пѣсни и кто нибудь изъ сѣней задаетъ вопросъ):

— У насъ на запорѣ медвѣдь спитъ.

(Дружка возражаетъ):

У нашего князя молодого
Есть ружья турецки,
Замки нѣмецки,
Стрѣлки молодецки;
Будутъ стрѣлять и палить,
Медвѣдю на запорѣ не улѣжать.
— Къ невѣстѣ-то рѣка широка.
— У нашего князя молодого
Есть лодочки самоходочки,
Гребцы молодцы, —
Не удержать рѣкѣ широкѣ.
— Кто тамъ пищитъ?
Не комаръ-ли, не муха?
Аминь Святого Духа.

1494.

(Двери отворяются и всё поѣзжане входятъ въ особую избу. Дружка беретъ приготовленные на поднось для невѣсты подарки: чулки, башмаки, платокъ, зеркало, бѣлила, румяна и положенный поверхъ всего этого пряникъ и отправляется съ ними въ избу невѣсты. Какъ только переступить порогъ, пачинаетъ говорить):

Господи Исусе и проч.
Сватъ да сватья!
Выпрягайте нашихъ лошадей-лихачей!
Дугъ не ломайте,
Оглобли подымайте,
Давайте сѣна до коѣна,
Овса до щетки.
Если нѣтъ сѣна,
Нѣтъ-ли трясѣнки;
Нѣтъ трясѣнки —
Нѣтъ-ли овсянки;
Нѣтъ овсянки —
Нѣтъ-ли ржанки.
Нѣту ржанки —
Нѣтъ ли осиповыхъ дровъ:
Наши кони погложутъ, попинаютъ,
И то по сорокъ верстъ убѣгаютъ.
Господи Исусе и проч.
Сватъ да сватья!
Есть-ли ѣры собаки?
Ярыхъ собакъ садите на цѣпь,
Стариковъ-коздуновъ,
Пѣтуховъ-клевуновъ,
Бабъ бранливыхъ
Пихайте на печь.
Есть ли малыя ребята —
Пихайте ихъ на полати.
Вы ребята, полати не трясите,
Соломенки не уроните,
Миѣ, дружкѣ, головы не проломите,
Подарочки не осрамите!
Господи Исусе и проч.
Во свѣтлой свѣтлицѣ,
Во столовой горницѣ,
Въ благодатномъ домѣ,
У молодой княгини
Есть-ли полати
Скласти халаты?
Есть-ли полицы
Скласть рукавицы?
Есть ли грѣдки
Скласти шапки?
Есть-ли спички точены
Свѣсить плетей строчены?
Господи Исусе и проч.
Иду я, дружка молодой передоѣзжій,

Съ ноги на ногу поступаваю,
Сапогъ о сапогъ поколачиваю,
Къ молодой княгинѣ наворачиваю.
Каково у васъ молодая княгиня,
Живетъ-здравствуетъ?
— У насъ князь молодой
Хорошо живетъ-здравствуетъ,
Въ чистомъ полѣ гуляетъ,
Какъ соколъ летаетъ,
Шелковой плетью пощелкиваетъ,
Сапогъ о сапогъ поколачиваетъ,
Къ молодой княгинѣ навораживаетъ.
Господи Исусе и проч.
Вы тетень-молоден,
Разступитесь на четьре сторонки;
У васъ платьеца красны,
Сапожки мои грязны.
Надо вамъ на ногу не наступить,
Платьеца не замарать,
Васъ не посрамить,
Самому себя не пристыдить.
Господи Исусе и проч.
Иду я дружка молодой,
Передоѣзжій
Къ молодой княгинѣ съ дорогимъ подаркомъ:
Съ бѣлиламъ, съ румянамъ,
Зеркало пѣмецко,
Чулочки бѣленьки,
Башмачки черненьки.
На этихъ подаркахъ лежитъ пряникъ.
Онъ широкъ и дологъ,
По серѣдѣ жолобъ,
Какъ Архангельска посѣдина¹⁾,
Есипленскій лугъ²⁾,
Не съѣсть его вдругъ.
Господи Исусе и проч.
Ты, молодая княгиня,
Встань на куньи,
Подростутъ собольи,
Прошу подарки принять,
Поднось голый не отпускатъ:
Рюмку водки подать,
Поздороваться.

1495.

Женихъ съ родней и гостямъ приѣзжаетъ въ домъ невѣсты. Когда всё гости заняли мѣста, по еще не сѣли, дружка говоритъ:

Господи Исусе и проч.
Во свѣтлой свѣтлицѣ,

¹⁾ Скотный выгонъ; городьба вокругъ выгона.
²⁾ Лугъ близъ Устюга.

Во столовой горницѣ,
Въ благодатномъ домѣ,
У молодой княгини
Есть-ли попы-дьяки?
— Нѣтъ поповъ-дьяковъ.
Нѣтъ-ли людей грамотныхъ?
— Нѣтъ людей грамотныхъ.
Нѣтъ ли людей старыхъ-памятныхъ,
Кто-бы за хлѣбомъ-солью
Свято проговорилъ?

1496.

(Когда гостямъ разносятъ дары, дружка говоритъ):

Господи Иисусе и проч.
Наша-то невѣста
Въ теремѣ сидѣла,
Въ бутѣ за занавѣсой,
Подъ кутнымъ околечкомъ;
Тонко прѣла,
Звонко ткала,
Бѣло бѣлила,
На быстрой рѣчкѣ мыла,
На сѣромъ камешкѣ колотила,
На красномъ солнышкѣ сушила,
По зеленому лужку волочила,
На дубовомъ столнкѣ катала,
Въ корбеечку клала,
Корбеечку запирала,
Ключи въ карманѣ убирала,
По зеленому лужку гуляла,
Ключики потеряла.
Ключики нашла,
Сама замужъ пошла.
А у меня, подносчика,
Ножки съ подходомъ,
Ручки съ подносомъ,
Голова съ поклономъ,
Языкъ съ приговоромъ,
Ретиво сердце съ радостью.
Прошу покорно,
Князь молодой,
За подарочки приматься,
Надо мной не ломаться;
Не я прятъ, не я ткалъ,
Не я мочилъ, не я волочилъ,
Только въ томъ согрѣшилъ,
Что я подносилъ.

1497.

(Передъ отправленіемъ къ вѣнцу, дружка говоритъ):

Господи Иисусе и проч.
Во свѣтлой свѣтлицѣ,
Во столовой горницѣ,
Въ благодатномъ домѣ,
У молодой княгини
Есть ли отецъ-мать—родители?
Благословили бы свое дитя
Ко злату вѣнцу ѣхать.

1498.

(Затѣмъ дружка зоветъ гостей на свадебный пиръ).

Господи Иисусе и проч.
У нашего князя молодого
Есть яства медовыя,
Питья сахарныя,
Просимъ покорно
Къ намъ на свадьбу,
Попить, поужать.

1499.

(Послѣ вѣнца передъ дверьми):

Господи Иисусе и проч.
Скидайте запоры дубовы,
Отворяйте ворота тесовы,
Выставляйте подворотенки кленовы,
Встрѣчайте свое дитя
Съ хлѣбомъ да съ солью,
Съ таланомъ да учасью
Съ божьей милостью.

(Всѣ причеты, начиная съ № 1487 зап. въ Устюг. у

1500. 1)

Кунья шуба, не попѣхивай,
Иванъ господниъ, не повздѣхивай:
Наша-то Наташа не хуже тебя:
Она ростомъ поменьше,
Умомъ подороже;
Она костью поскладнѣе тебя,
Бѣлымъ лицомъ побѣлѣе тебя,

1) Съ этого № идутъ собственно свадебныя пѣсни,
въ перемежку съ причетами.

Ягодницы ¹⁾ ровно маковъ цвѣтъ.
Наша-то Наташа не пара тебѣ,
Тебѣ-то пара—во дворѣ свинья,
Полосатая, съ поросятами.

1501.

По лугамъ, лугамъ зеленымъ,
По цвѣточкамъ лазоревымъ
Разливалась вода вешняя,
Вода вешняя, холодная.
Посылали Дунашенъку
На Дунай рѣку по воду,
Восу, не обутую,
Нагу, не одѣтую.
Налетѣли гуси сѣрые,
Возмутили воду свѣжую.
Какъ вода-то устоялася,
А я, млада, подрожалася.
Какъ случилось Дунашенъкѣ
Мимо батюшкина дома итти,
Мимо матушки высока терема, —
Тутъ стоитъ родной батюшка
На красномъ на крылечекѣ.
«Ты куда, мое дитятко?
Ты пошто воротился?»
— «Позабыла я, батюшка,
Три ключика мѣдные:
Первый ключъ отъ ящика,
Другой ключъ отъ короба,
Третій ключъ отъ терема.»
«Позабыла ты, дитятко,
Волю-то батюшкину
Да пѣту-то матушкину,
Третью дѣвью красоту.
Какъ дѣвья-то красота
На блюдецкѣ полѣскана,
На тарелочкѣ колѣчена,
На солнышкѣ сѣшена.
А какъ бабья-то красота
На болотѣ полѣскана,
На кочкѣ колѣчена,
Черезъ дымникъ сѣшена.»

1502.

У родимой-то матушки
Я жила, красовалася,
Не слыхала, когда пѣтухи поютъ,
Не слыхала, когда матушка встаетъ.

¹⁾ Щекп.

Встаетъ она, не стучаетъ,
Говоритъ она, не гаркаетъ;
Она семь разъ подойдетъ,
Да одинъ разъ старкаетъ:
«Ты вставай, мое дитятко!
Умывайся бѣлѣшенько,
Принимайся за работушку,
За работушку тяжелую:
За шитье да за брѣянце.»
У богоданной-то матушки
Услыхала, когда пѣтухи поютъ,
Услыхала, когда матушка встаетъ.
Встаетъ она, стучаетъ,
Говоритъ она, гаркаетъ,
Она семь разъ старкаетъ,
Да одинъ разъ подойдетъ.
«Ты вставай, моя сношенька,
Принимайся за работушку,
За работушку легкую:
За толченье, молоченье.»

1503.

Во Китаѣ было городѣ,
Во палатѣ бѣлокаменной,
На стулѣ на раменцѣ,
Противъ зеркала пѣмецкаго.
Тутъ сидитъ-то добрый молодецъ;
Чешетъ русые кудеречка.
Онъ-то чешетъ, приговариваетъ:
«Привосватайтесь, русы кудерцы,
Ко моему лицу бѣлому,
Ко моему лицу румяному.
Привыкай-ка ты, Дуношка,
Къ моему-то уму разуму,
Ко поступу молодецкому!»
Привыкать-то не хотѣлося,
За досаду показалося,
За досаду за великую.

(Коренево, подъ Тотьмой. Поется на
дѣвишникѣ.).

1504.

Не вьютъ надъ водой извивается, —
То Ивалъ у воротъ убивается.
Онъ у чьихъ у воротъ?
У Виеторовыхъ.
Проситъ онъ свою суженую,
Проситъ онъ свою ряженую
Запорученную,

Запросватапную.
 Ему вывели коня въ сѣдлѣ,
 Во сѣдлѣ, въ золотой уздѣ.
 «Это не моя, это не суженая,
 Не суженая и не ряженая,
 Не запорученная,
 Не запросватапная.»
 Вынесли ему коробку съ бѣльемъ,
 А другую съ дарамъ.
 «Это не моя, это не суженая,
 Не суженая и не ряженая,
 Не запорученная,
 Не запросватапная.»
 Выносили ему птицу на бѣлыхъ рукахъ.
 «Это не моя, это не суженая,
 Не суженая и не ряженая,
 Не запорученная,
 Не запросватапная.»
 Вывели ему Поликсенушку,
 Поликсенушку, свѣтъ Викторовну.
 «Это моя суженая: —
 Это моя ряженая, —
 Запорученная,
 Запросватапная.»

(Волог. у.).

1505.

«Ужъ вы гуси да лебеди,
 Вы далѣко ли лѣтали?»
 — Ужъ мы лѣтали, лѣтали
 Съ моря на море.
 «Ужъ вы что тамъ видѣли?»
 — Ужъ мы видѣли, видѣли
 Бѣлу лебедь на заводѣ.
 «Для чего вы ее
 Съ собой пѣ взяли?»
 — Хотя мы ее пѣ взяли,
 Мы ее запримѣтили,
 Право крылышко залѣмили.
 «Вы бояра, бояра,
 Вы далѣко ли ѣздили?»
 — Ужъ мы ѣздили, ѣздили
 Съ городу на городъ.
 «Ужъ вы что же тамъ видѣли?»
 — Ужъ мы видѣли, видѣли
 Красну дѣвицу въ теремѣ.
 «Для чего вы ее
 Съ собой пѣ взяли?»
 — Хотя мы ее пѣ взяли,
 Мы ее запоручили,
 За поруки за крѣпкіе
 За замки да за вѣрныя.

1506.

Не шолкова ленточка
 Къ стѣпкѣ льнетъ,
 Ивалъ-то Поликсену
 Къ сердцу жметъ.
 Жметъ, прижимаетъ,
 Спрашиваетъ:
 «Скажи, Поликсена,
 Кто тебѣ милъ?»
 — Милъ-то мнѣ милъ
 Батюшка родной.
 «Это, Поликсена,
 Неправда твоя
 И не истинная.
 — Мила-то мнѣ, мила, —
 Матушка родная.
 «Это, Поликсена,
 Неправда твоя
 И не истинная.
 — Милъ-то мнѣ милъ
 Ты, господинъ!
 «Это, Поликсена,
 Правда твоя,
 Правда истинная.»

1507.

Ты соколъ, ты соколъ,
 Перелетной соколъ!
 Не летай высоко,
 Не садись близко,
 На мое платѣ!
 Не ступай ногой,
 Не ломай башмака. —
 Мнѣ не ты платѣ купишь,
 Не ты заводилъ.
 Родной батюшка купишь,
 Я сама завела.

1508.

Ваня ходитъ по двору,
 На немъ кунья шубонья,
 Люди-то спросить:
 «Чей ходитъ такой?»
 Батюшка-то скажетъ:
 «Мой сынъ родной.»
 Матушка-то скажетъ:
 «Я родила.»
 Брателко-то скажетъ:

«Я коня сѣдлалъ,
Сестрица-то скажетъ:
«Я кудри завилалъ»
Поликсена скажетъ:
«Мой господинъ!»

1509.

Ты послушай, Поликсенушка,
Дѣвичій-то наказъ:
Что тебѣ дѣвушки говаривали?
Что тебѣ красавицы наказывали?
«Не ходи-ка, Поликсенушка,
Въ зеленъ садъ гулять!
Ты не слушай, Поликсенушка,
Ивановыхъ гуслей!
У Ивана гусли переманчивые,
Переманять тебя гусли
На чужую сторону!»

1510.

Не трубочка трубитъ
Рано по утру:
Поликсена плачетъ
Рано по косѣ:
«Свѣтъ ты моя косонька,
Русая коса!
Вечеръ тебя, косонька
Дѣвушекъ плелъ,
Завтра тебя, косонька,
Сваха расплетѣтъ.
Сваха расплетѣтъ,
На двѣ заплетѣтъ.»

1511.

У Виктора на дворѣ,
На широкомъ на дворѣ,
Тутъ стояло деревцо.
Сверху пливовое,
Снизу вызлащено.
Что на это деревцо
Все слетались соколы;
Что подъ это деревцо
Ставились бояра,
Соколы-то щекотать;
А бояра говорить:

«Ужо кто къ намъ ѣдетъ
Къ Виктору на дворъ?
Ужо кто же войдетъ
Къ Поликсенѣ во терѣмъ?»
Что Иванъ господинъ
Таки рѣчи говорить:
«Ужъ какъ самъ-то я въѣду
Къ Виктору на дворъ,
Ужъ самъ-отъ я войду
Къ Поликсенѣ во терѣмъ.
Ужъ я самъ уведу
У Виктора дочь,
У Марьи дитя.
Я не честию возьму,
Не хвалой уведу!»

1512.

Ты не стой древо надъ рѣкой,
Не рони-ка листье на воду,
Ты не плачь, не плачь, Поликсенушка,
О родимой о сторонущей,
О родимомъ о батюшкѣ,
О кормилицѣ матушкѣ.
Ты стой древо надъ рѣкой,
Ты рони листье на воду.
Ты расплачься, Поликсенушка,
На чужой на дальней сторонѣ,
У чужова отца-матери,
У чужа сына отецкаго.

1513.

Благослови, Господи,
Свадѣбу играть!
Благослови, Боже, насъ
Свѣчи засвѣчать,
Намъ Ивана-то женить,
Свѣтъ Ильича.
Благослови, Господи,
Поликсену выдавать,
Свѣтъ Викторовну!

1514.

Вы цвѣты-ли мои цвѣтики,
Вы цвѣты мои лазоревы!
Много васъ было посажено,
Васъ немного уродилось, —
Много насъ было подруженекъ,

Насъ немного оставалось.
Изъ насъ не было измѣнницы,
Что одна-то проявилась,
Что душа-то красна дѣвица.
Что сказала: «я замужъ не иду,
Замужъ не иду, въ монастырь пойду,
Въ монастырь я во плуменьи.»
Наконецъ-то она замужъ пошла.
На кого душа польстилась?
Молодца она добила,
Молодца она хорошаго,
Что и роду благороднаго,
Отца-матери почетнаго.
Ты польстилась, красна дѣвица
Что на сладкіе прянички
На сахарныя конфетны!

1515.

Ужъ вы бояра, бояра,
Вы Ивановы бояра!
Вы долго собираетесь,
Вы долго наряжаетесь,
Поглядимъ мы, какъ пойдете:
Вы дворомъ-то ступицею,
Чистымъ полемъ вереницею.
Ужъ вы встаньте, бояра,
Во чистомъ полѣ подь вербою.
Ужъ вы вербу-то заломите,
Красну дѣвицу посмотрите.

1516.

Князь молодой хорождхонекъ,
Князь молодой пригождхонекъ!
Не бѣлплечкомъ набѣлился,
Не румянчикомъ румянился, —
Таковѣва мать спорѣдила,
На бѣлой-отъ свѣтъ опустила
И на свадьбу снарядила.

1517.

Въ лѣсѣ калина
Красна хороша.
Краше того
Иванъ молодець!
Онъ завилъ кудри,
Расчесалъ волоса.
Мать его уговаривала:

«Ты пойдешь, дитя,
На чужу сторону,
Поднесутъ тебѣ, дитя,
Чару полную вина, —
Ужъ вылей, дитя,
Коню-то въ гриву.
Эта бы грива
Колесомъ завила.
Ты другую-то вылей
Во право коньто,
Чтобы твой-отъ конь
Поступистей былъ.»

Всѣ 13 Грязовецк. у.

1518.

Какъ во теремѣ, теремѣ
Сидятъ красныя дѣвушки
Веселымъ веселѣшеньки.
У ихъ буйныя головы
Очень гладко причѣсаны,
У ихъ русыя косопыки
Алымъ лентамъ заплѣтаны.
Что одна сидитъ не весела,
Буйну голову повѣсила:
Голова не причѣсана
И коса не заплѣтена.
Подходила къ ей матушка,
Подходила государыня:
«Ужъ ты свѣтъ мое дитятко!
Что сидишь ты не весело,
Буйну голову повѣсила?»
— «Государыня матушка!
Мнѣ къ чему веселиться
Да къ чему же смѣяться?
Надо мной туча грозная,
Подо мной вся земля дрожитъ:
Отдають меня, молодцу,
На чужу дальнюю сторону.
На чужой дальней сторонѣ
Надо жить тамъ умѣючи,
Говорить разумѣючи,
Голова держать поклонная,
Ретивѣ сердце покорное,
Назвать всякого по имени,
Звеличать по отечеству.»

1519.

Не значилъ перстень по горнищѣ катался, —
Нашъ Иванъ-то жениться собирался.
Ему матушка голову чесала,

По три волоса въ кудринку завивала.
Ему, Иванушку, да показала:
«Тебѣ станутъ красны дѣвушки пѣсни пѣти,
Свѣтъ Полисенушку принѣвати,
Свѣтъ Викторовой величати, —
Ты дари же красныхъ дѣвокъ по рублникѣ,
Токо много показалось по рублникѣ —
Ты дари же красныхъ дѣвокъ по полтиникѣ,
Токо много показалось по полтиникѣ —
Ты дари же красныхъ дѣвокъ по поклопу,
Еще праничковъ дари ты по подолу.

1520.

Иванъ входилъ къ Полисенѣ
За занавѣску за тонкую;
Онъ бралъ ее за правую руку.
Я не смѣю сказать тятеньѣ,
Доложитья родной маменьѣ.
Я брала, брала золотые ключи,
Отпирала свой окованъ сундукъ,
Вынимала сукно бархатное,
Я крону да выкраивала
Свѣтъ Иванушку зеленъ кафтанъ,
Во подолѣ-то раструбистой,
Во срединѣ перехватистой.
Что бы лѣзя-то добру молодцу
На добра коня садиться,
Къ божьей церкви отправляться,
Съ Полисеною вѣнчаться
Съ Викторовною обручаться,
Да красотой своей мѣняться.

1521.

Вдоль по улицѣ сивонько бѣжитъ,
Сивой гривой потрахииваетъ,
Золотой уздой побрякииваетъ.
Что Иванушко молодку ведетъ,
Что молодку-то молоденькую,
Полисену чернобровенькую.
Его матушка выскакивала,
Что Иванъ ты свѣтъ Ильичъ,
Подними-ка ты златъ вѣнецъ,
Покажи ка Полисенино лицо:
Безъ бѣлилъ она бѣлешенька,
Безъ мазилъ румянешенька.

1522.

Что не пава по сѣпечкамъ ходила,
Не павлиное перье ропяла, —
Поликсена по сѣнямъ ходила,
Викторовна по сѣнямъ гуляла.
Она тихую рѣчь говорила:
«Отоприся замокъ, отоприся,
Кипарисная дверь, отворися!
Отворися, тепла спальня, отворися!
Размахнись, шить-бранъ положокъ, размахнись!
Пробудися, родной батюшка, пробудися,
Ты проснись, родна матушка, проснись!
Мнѣ не годы у васъ годовати,
Одна ночка у васъ почевати,
Да и та на молитвѣ простояти.»

1523.

Ужъ какъ по мосту-мосту
Карета стучала,
Золотая брэнчала.
Что во той во каретѣ,
Во той золоченой
Бѣхала Полисена,
Бѣхала Викторовна, —
Въ рукахъ держитъ ларчикъ
Златой окованный,
Къ ларцу припадаетъ,
Къ дарамъ причитаеъ:
«Ужъ ты ларчикъ мой, ларчикъ,
Златой окованный!
Я не годъ тебя конила,
Не два собирала.
Какъ пришла воля Божья
Иванова женитьба,
Да Ильича свѣта, —
Въ одинъ часъ раздарила:
Ужъ я батюшку свекру —
Соболей на шубу,
Матушкѣ свекрови —
Сантетѣру на платьѣ,
Братцамъ девѣрьямъ —
Сукна на сюртуки,
Сестрицѣ золовѣ —
Изъ русой косы ленту.
«Ты красуйся, сестрица,
Красуйся, голубушка,
Какъ я красовалась.
А какъ я красовалась,
Все село любовалось.

1524.

Какъ изъ терема, терема
Золотые были выходы.
Что по тѣмъ ли по выходамъ,
Шла душа красна дѣвица —
Поликсена свѣтъ Викторевна.
Ей на встрѣчу добрый молодецъ,
Свѣтъ Иванъ Ильичъ.
«Ты душа красна дѣвица,
Намъ куда-же съ тобой итти?»
— «Ты удалъ добрый молодецъ,
Ты ума у меня выпрашиваешь,
Или свой въ безумьи отдаешь?
Всѣ пути — по чистымъ полямъ,
А броды — по быстрымъ рѣкамъ,
Во высокъ теремъ — лѣстница,
Такъ туда намъ съ тобой итти.»
Отъ сахарнаго дерева
Такъ сахарныя отрасли.
Что отца-то она умнаго
И матери-то разумныя,
Такъ умѣла отвѣтъ держать
Удалому добру молодцу.
Онъ возьметъ за бѣлы руки
И введетъ къ себѣ во теремъ.
«Вотъ изволь, сударь-батюшка,
Государыня матушка,
Вѣковѣчная вамъ ключница.»

1525.

Ужъ какъ съ воды на воду
Тутъ летали гуси сѣрые.
Приставала лебедушка
Ко стадику сѣрыхъ гусей.
Не умѣла лебедушка
По-гусиному кричати,
Ее стали гуси щипати.
«Не щипайте, гуси сѣрые!
Не сама я къ вамъ залѣтѣла, —
Занесло меня погодою.»
Какъ изъ улицы въ улицу
Ходятъ красныя дѣвицы.
Отставала Поликсенушка
Отъ подружекъ-голубушекъ,
Приставала Викторевна
Къ удалому добру-молодцу,
Ко Ивану свѣтъ Ильичу.
Не умѣла Поликсенушка
На головушекъ оправити,
Ее стали бабы бранити.
«Не браните меня, молодцу,

Не сама я къ вамъ залѣхала —
Завезли кони добрые
Ивана свѣтъ Ильича.»

1526.

По полю полю гулялъ молодецъ,
Нашъ Иванушка свѣтъ Ильичъ.
На встрѣчу ему олень золотые-рога:
«Я тебя, оленюшка, подстрѣлю,
Золотые рога отрублю.»
— «Не стрѣлай меня, молодецъ
Не въ кое время тебѣ пригожусь:
Станешь жениться, на свадьбу приду,
Золотымъ рогамъ весь дворъ освѣщу,
Всѣхъ я гостей твоихъ развеселю,
Больше всѣхъ я пѣвѣсту твою,
Поликсену душу Викторевну.»
Приѣхали гости съ чужой стороны,
Подломилъ сѣни повня,
Разступилъ чашу золоту,
Выпустили соловья изъ садку,
Расклевили красну дѣвицу-душу.
Негдѣ взялся Иванъ свѣтъ Ильичъ.
Унималъ да разговаривалъ:
«Поликсена, не плачь, Викторевна!
Новыя сѣни я самъ срублю,
Золоту чашу передѣлить отдамъ,
Мѣсто соловья я самъ побужу.»

1527.

Расплаталася грушница,
Передъ яблонцой стоючи, —
Расплакалася дѣвица
Передъ батюшкой стоючи:
«Ужъ ты свѣтъ, сударь-батюшка!
Ты на что же пиво варишь,
На что гляди, гостей зовешь?»
— Ужъ ты свѣтъ, мое дитятко,
Моя дочка родимая,
Я хочу тебя замужъ отдать.
«Ужъ ты свѣтъ, сударь батюшка,
Не можно-ли того сдѣлать —
Моя свадьба отложить?»
— Ужъ ты свѣтъ мое дитятко,
Моя дочка ты милая!
У насъ дѣло-то сдѣлано,
По рукамъ сватамъ удѣлено
И дарамъ-то задѣлено.
Попы письма написали,

Дяки руки приложили.
Выкупать, да не выкупить,
Выручать, да не выручить.

Всѣ 10 Вологодск. у.

1528.

Накапунѣ свадьбы для невѣсты топить баню
избранныя ей подруги и ходятъ съ ней мыться;
передъ выходомъ въ баню онѣ причитаютъ ро-
дителямъ невѣсты:

Благослови, Боже Господи!
Во дворѣ вечеряется,
Божій судъ совершается;
Не палата бѣлокаменная
Надъ дѣвицей разсыпается.
Насидѣлась у матушки
Въ новой рубленой кѣлочкѣ,
Находилась у батюшки
По калиновымъ мостикомъ.
Нагулялась красна дѣвица
Во зеленыхъ лугахъ.
Я пошла красна дѣвица
Во высокой новой теремъ,
Я ступила красна дѣвица
Правой ногой.—
Поперекъ меня подхватили
Красны дѣвицы полюбовные,
Повели во высокъ теремъ;
Посадили красну дѣвицу
На брусовую лавочку,
Подъ косящато окошечко,
Подъ стекло подъ нѣмецкое.
Отмахну, я красна дѣвица,
Тонко бѣло полотенишко
Отъ своего лица бѣлаго,
Подыну брови черныя,
Обведу очи ясныя:
Есть ли въ высокомъ теремѣ
Мой кормилецъ-то батюшка?
Откажи, родной батюшка,
Чужому человеку.
Увезутъ красну дѣвицу
За лѣса-то за темные,
За грязи за черныя,
За болота за зыбучія,
Не въ большую деревеньку.
Зашумятъ шишки еловыя,—
То звонъ колокольные.

Послѣ этого невѣста такимъ же причитаніемъ
спрашиваетъ: есть ли въ теремѣ родимая ма-

тушка? Причитальщицы дѣлаютъ небольшой
интервалъ, а затѣмъ причитаютъ брату. Начало
этого причитанія одинаково съ предыдущимъ:

1529.

«Отмахну-ли я» и проч.

Еще есть ли во теремѣ
Родной братецъ? (имя?)
Наряжу я тебя, родной братецъ
На дѣла и на работушку,
На работушку тяжелую —
Топить банюшку парную.

Опять небольшая пауза; затѣмъ причитаніе се-
стрѣ невѣсты; начало его тоже.

1530.

Наряжу я родна сестрица
На дѣла и на работушку —
Затопи-ка парну банюшку,
Нацѣди-ка щелоку
Изъ семера пепелу
Изъ ивова, коньковова (?)
Коньковова, березовова,
Изъ баталожнова, изъ осиновова,
Изъ ольхова изъ пихтовова.
И пошли мы, красны дѣвицы,
Къ первой бѣлой березонькѣ
Ко березонькѣ по вѣшечкѣ.
Перва бѣла березонька
Со корня посыхала,
Со вершины позябала.
Пошли мы, красны дѣвицы
Ко другой бѣлой березонькѣ,—
Сидитъ горька кукушечка
Что по утру ранѣшенько
Горюетъ-кукушечка
Вечеромъ-то позднѣшенько.
Ронитъ горючи слезы
На мелкія вѣточки.
Мы отъ той бѣлой березоньки
Прочь назадъ пошли.
Пришли красны дѣвицы
Ко третьей бѣлой березонькѣ:
Прутья вѣтвы шелковые.
Наломали, полѣжили,
Благословясь, красны дѣвушки,
Мы на правыя рученьки.
Понесли красны дѣвушки

Во парную банюшку,
Пошли красныя дѣвушки
По святу воду ключовую.
Пришли красныя дѣвушки
Ко первой быстрой рѣченькѣ, —
Стоять матери солдатскія,
Пошли красныя дѣвицы
Ко другой быстрой рѣченькѣ —
У другой быстрой рѣченьки
Сидятъ вдовы солдатскія.
Отъ той быстрой рѣченьки
Назадъ заворотилися.
Пришли красныя дѣвушки
Ко третьей быстрой рѣченькѣ.
У пей донышко серебряное,
Берега позолочены.
Благословясь почерпали
Во ветляной ушатечекъ;
Понесли красныя дѣвушки
Во парную банюшку.

Тѣ дѣвушки, которыя понесли воду въ баню,
подходятъ къ невѣстѣ, берутъ ее подъ руки, ве-
дутъ въ баню, а сами причитають:

1531.

Повели красну дѣвушку
Во парную банюшку,
Умылася красна дѣвица,
Умыла я буйну голову
Не подѣ бѣлый почелочекъ
Подѣ *шамшуру*¹⁾ великую.
Умыла могучи плечи
Не подѣ наряды шелковые,
Подѣ работы тяжелыя,
Умыла грудь бѣлую
Не подѣ поцѣпки злеченныя.
Умыла груди бѣлыя
Не подѣ хрѣсты животворящія,
.....²⁾
Умыла руки бѣлыя
Не подѣ перстни злеченныя —
Подѣ работу тяжелую
Ко корыту ко бушному³⁾.

При возвращеніи невѣсты изъ бани, дверь сѣ-
ней запирается; невѣста обращается съ просьбой,

¹⁾ *Шамшаръ, шамшура* — особый головной уборъ
замужнихъ женщинъ.

²⁾ Тутъ не достаетъ стиха.

³⁾ Въ которомъ *бучатъ* бѣлье.

чтобы ее пропустили въ избу; дѣвицы въ это
время причитають:

1532.

Сохрани, родитель батюшка,
Отъ темныя ночи,
Отъ лютаго звѣря,
Отъ тучи, отъ грому.

Послѣ этого отворяются двери и отецъ не-
вѣсты выходитъ встрѣчать ихъ съ яндовой пива,
которую и подаетъ дочери; послѣдняя надувши-
ваетъ пиво, передаетъ своимъ подругамъ и въ
сопровожденіи ихъ идетъ въ избу.

(Всѣ 5 Сольвыч. у., Гавриловской вол.).

При выходѣ замужъ невѣсты сироты, обязан-
ности причитальщицъ принимаютъ на себя ста-
рухи. Наканунѣ свадьбы для невѣсты топятъ
баню и ближайшія подруги невѣсты водятъ ее
мыться въ сопровожденіи причитальщицъ. Пе-
редъ тѣмъ, какъ идти въ баню, послѣднія при-
читають.

1533.

Ужъ ты свѣтъ родимый дядюшка!
Ты поруби дровецъ березовыхъ
Для банюшки парушки,
Для тепла подвѣвечнаго.
Ужъ ты свѣтъ родимая тетуська!
Ужъ сходи-ка истопи-ка
Сиротинушкѣ банюшку
Горегорькой подвѣвечную.

Баню для невѣсты топятъ ближайшіе родные.
Когда она готова, невѣста обращается черезъ
причитальщицъ къ подругамъ съ просьбой про-
водить ее:

1534.

Вы сводите-ка, подруженьки,
Вы меня, сиротинушку,
Во теплую банюшку!
Вы сводите, голубушки,

Меня горегорькую
Во теплую подвѣнчную.

При последнемъ словѣ къ невѣстѣ подходятъ двѣ близкія ей подружки, берутъ ее подъ руки и ведутъ въ баню. Остальныя подружки идутъ сзади. Голова невѣсты покрыта фатой и она плачетъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону. Въ баню невѣста входитъ съ тѣми подружками, которыя вели ее, а прочія остаются и играютъ до выхода невѣсты изъ бани. Тогда всѣ идутъ въ избу въ томъ же порядкѣ, причемъ причитающіе:

1535.

Ужъ тебѣ бы, банѣ парущѣ,
По бревну бы раскатиться,
По кирпичу развалиться!
Ужъ ты, банюшка паруща, —
На лютыхъ звѣряхъ вожена,
На лихо мѣсто ставлена.

Невѣста, дошедши до дома, поднимается вмѣстѣ съ провожавшими ее подружками на помостъ крыльца и останавливается, а старухи причитаютъ:

1536.

Ужъ ты свѣтъ родимый дядюшка
И родная моя тетюшка!
Ужъ вы встрѣтите сиротинушку,
Ужъ вы встрѣтите горегорькую
Со пивной-то чашечкой,
Со винною со чарочкой.
Ужъ вы дайте сиротинушкѣ
Ключевой воды напиться.
Я не долго въ банѣ парилася,
А много съ себя спарила.
Ужъ я стала, сиротинушка,
Хуже листика лежалова,
Хуже бересточка бѣлова.

Навстрѣчу имъ выходятъ дядя невѣсты съ ядовомъ пива, а тетка въ рукахъ съ подпосомъ, на которомъ стоять два стакана, наполненные водкой. Дядя племянницу, а тетка ее подружку, потчуютъ, а потомъ всѣ входятъ въ избу. Дѣ-

вушекъ кормятъ ужиномъ, причемъ всѣ близкія подружки невѣсты сидятъ за столомъ «во святомъ углѣ».

(Всѣ 4 Сольвыч. у., Верхотомской вол.).

Во время пріѣзда жениха, невѣста сидитъ разряженная въ «кутномъ углѣ» за занавѣсой, причитальщицы причитаютъ:

1537.

Не отъ вѣтру, не отъ вихорю
Вереюшки пошатились,
Воротечка растворились,
Кони-те на дворъ заѣхали,
Удалые на широкой дворъ,
Тутъ гость ступилъ въ горенку,
Да княземъ во свѣтлицу.
Полна горница столовъ стоитъ,
Полна свѣтлица гостей сидитъ.
Тутъ Марьюшка испугалася
Со бѣла лица перемѣнилася,
Бѣлы рученьки попустилися,
Рѣзвы поженьки подкосилися,
Изъ глазъ слезы покатилися,
Въ устахъ рѣчь помѣшалася;
Во слезахъ я слово молвила,
Во слезахъ рѣчь говорила:
«Вонъ идетъ погубитель мой,
Вонъ идетъ раззоритель мой,
Вонъ идетъ расплетай-косу,
Вонъ идетъ потерай красу!»
Тогда Павлушко слово молвилъ,
Свѣтъ Ивановичъ рѣчь говорилъ:
«Не я погубитель твой,
Не я раззоритель твой.
Твой раззоритель родной брателко,
Раззорительница сношенька,
Расплетай-косу — свашенька,
Потерай красу — подруженька.

(Сольвыч. у., Верхотомской вол.).

Женихъ сидитъ за столомъ въ ожиданіи невѣсты, а причитальщицы причитаютъ:

1538.

Ужъ ты свѣтъ родимый дядюшка!
Какъ придетъ лѣто красное,

Лѣто красное, лѣто теплое,
Ты пойдешь, родимый дядюшка,
На работушку тяжелую,
Ты на жатѣ, на сѣнокосѣ,
Ты на тканье, на прядедьѣ
Ты помянешь сиротинушку,
Помянешь горе-горькую.

Затѣмъ къ подругамъ:

1539.

Ужъ ты милая подруженька,
Ты (имя) свѣтъ (отчество)!
Подойди ко сиротинушкѣ;
Подойди-ка къ горегорькой.
Я желаю тебя видѣти,
Съ тобой рѣчи говорити.

При послѣднемъ словѣ подруга подходитъ къ невѣстѣ; невѣста встаетъ, обнимаетъ ее за шею руками, цѣлуетъ и кланяется ей въ ноги; это повторяется три раза съ каждой. Послѣ этого молодые ребята бросаютъ въ дѣвокъ калачами домашняго печенія, причемъ соблюдается строгій порядокъ, чтобы дѣвушка не получила двухъ калачей. Онѣ всѣ встаютъ и кланяются находящейся въ избѣ молодежи. Причитальщицы продолжаютъ:

1540.

Ужъ ты свѣтъ соколъ милый братъ
Ты двоюродный братанушко,
Ты осѣдай-ка коня
Во черкасское сѣделишко,
Во шелковую уздочку,
Запряги новы саночки.
Мы съѣздимъ ко святой церквѣ;
Мы попросимъ, соколъ, милый братъ,
У отца нашего духовнаго —
Мы попросимъ золотыхъ ключей;
Отопрѣмъ-ка, соколъ, милый братъ,
Высокую колоколенку;
Мы ударимъ въ большой колоколъ,
Чтобы звонъ былъ съ перекрѣстами,
Прошелъ бы во сырѣ землю,
Къ моему отцу съ матерью.
Ужъ ты свѣтъ, родимый батюшка
И родная матушка!

Ужъ вы встаньте, родимые,
На свои рѣзвы поженьки.
Ужъ вы дайте сиротинушкѣ
Благословеніе великое, —
Ко злату вѣнцу ѣхати,
Златъ вѣнецъ приплати.

1541.

Далѣе причитаютъ братану.

Ужъ ты свѣтъ соколъ, милый братъ,
Осѣдай коня вѣрона
Во черкасское сѣделишко,
Во шелковую уздочку!
Ты съѣзди, соколъ милый братъ,
На чужу дальню сторону
Ко чужому чуженину;
Ты повысмотри, соколъ, милый братъ
У чужого чуженина:
Каково во семьѣ живутъ,
Одинъ хлѣбъ-ли-соль кушаютъ?
Одного ли въ домѣ слушаютъ?
Не насидѣлся бы молодешенькѣ
По концу стола дубоваго,
Не наглядѣлся бы зеленешенькѣ
Куска подавнаго, ожурѣннаго.

1542.

Ты рѣка, рѣка Сухона!
Ты течешь, течешь рѣчка,
Назадъ не воротисься,
Ты течешь, не колебнешься.
Ужъ ты свѣтъ, Александрюшка,
Ты стоишь не трепещешься,
Говоришь рѣчи — не усмѣхаешься.
— Что надъ чѣмъ было смѣяться мнѣ?
Полна горница столовъ стоитъ,
Полна горница гостей сидитъ.
Я пойду по всѣмъ горницамъ,
Посмотрю по всѣмъ свѣтлицамъ
За столами дубовыми
За тонкими скатертами.
Осмотрю я всѣхъ милыхъ гостей.
Что всѣ милые гости есть какъ есть,
Одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ.
Что нѣтъ гостя милаго,
Нѣтъ батюшки рѣдова.
Я пойду въ нову горницу,
Я возьму золоты ключи,
Отопру я сундукъ новѣй,

Новый серебромъ окованный,
Я возьму золоту трубу,
Я пойду на круту гору,
Стану въ трубоушку трубить:
«Разступись, мать сыра земля,
Ты раскройся, гробова доска,
Ты возстань, родна матушка,
Ты возстань, возстань родимая,
На свои рѣзвы поженьки,
На злаченне гвоздички.
Ты дай, родимая матушка,
Мнѣ-ка, сиротинушкѣ
Благословеньце великое, —
По златъ вѣнецъ вѣхати,
Съ нареченнымъ обвѣнчатися,
Златымъ кольцомъ обручатися.

Невѣста раздастъ «дѣвью» или дѣвичью красоту своимъ подругамъ на память. Раздача красоты состоитъ изъ различныхъ вещей, какъ-то: ленточекъ, перлицевъ и другихъ недорогихъ вещей. Невѣста беретъ одну изъ вещей, кладетъ себѣ на голову, сама плачетъ, а старухи причитаютъ:

1543.

Подойди ко мнѣ, подруженька,
Александра свѣтъ Степановна!
Ты сплени съ меня дѣвью красоту!
Помяни меня, сиротинушку,
Хоть въ три денька одинъ разокъ,
Если часто покажется, —
Такъ хоть разъ въ три недѣлюшки.
Часто можетъ показется,
Такъ хоть въ три годка *одинокжды*.
Тутъ моей дѣвией красотѣ
Не мѣсто не мѣстечко,
Не житѣе вѣковѣчное.
Я пойду ли, сиротинушка,
Я пойду-ли, горе-горькая,
Я спесу дѣвью красоту
Во лѣса во дремучіе,
Я повѣшу дѣвью красоту
На березоньку бѣлую.
Какъ придутъ люди добрые
Подрубить бѣлу березоньку
Топорами они острыми, —
Упадетъ бѣла березонька
Что на сыру землю.
Тутъ ей не мѣсто, не мѣстечко,
Не житѣе вѣковѣчное.
Я возьму ли дѣвью красоту,
Я спесу во зеленъ лугъ,

Положу я дѣвью красоту
На цвѣты на лазоревы.
Какъ придутъ люди добрые
Со косами со острыми,
Покосятъ травку шелковую,
Упадутъ цвѣты лазоревы.
Ужъ какъ станутъ люди добрые
..... сходитися,
На мою красу дивитися:
«Это чья-же дѣвья красота?
Съ честью она изношена,
Да не къ мѣстечку положена.
Ужъ тутъ дѣвией красотѣ
Не мѣсто не мѣстечко,
Не житѣе вѣковѣчное.
Я возьму ли дѣвью красоту,
Я снесу ее ко матушкѣ,
Ко святой божьей церкви.
Я положу дѣвью красоту
На престолъ Богородицы, —
Ужъ тутъ-то моей красотѣ
Мѣсто ей мѣстечко
Тутъ житѣе ей вѣковѣчное.

Подружки, получивши отъ невѣсты на память «дѣвью красоту», отправляются играть на улицу, а невѣсту уводятъ за столъ къ жениху, гдѣ ужинаютъ. По окончаніи стола, но не выходя изъ за него, начинаютъ «перепиваться». Невѣста беретъ подносъ со ставками, а женихъ бутылку съ водкой и начинаютъ угощать подходящихъ къ столу родныхъ обѣихъ сторонъ, причемъ молодая чета каждому подходящему кланяется. Послѣ этого дѣвушки снова собираются въ избу и садятся по лавкамъ. Невѣста встаетъ изъ за стола и уходитъ въ кутъ за занавѣсу, а ей причитаютъ:

1544.

Ужъ ты свѣтъ, родимый дядюшка!
Подойди ко мнѣ, сиротинушкѣ,
Горе-горькой за занавѣсу, —
Мы съ тобою попрощаемся.
Я пойду ко святой церкви,
Ко златому вѣнцу,
Отъ златого вѣнца
На чужу дальню сторону,
Ко чужому чуженину.

Дядя идетъ въ кутъ. При его появленіи невѣста встаетъ, обнимаетъ дядю за шею, затѣмъ кланяется ему въ ноги три раза, причемъ каждый

разъ обнимаетъ его за шею, потомъ прощается съ теткой и другими родными такимъ же образомъ. Невѣсту опять уводятъ за столъ и сажаютъ подлѣ жениха. Ей подаютъ подносъ съ рюмками; она встаетъ; тетка наполняетъ рюмки какимъ либо слабымъ напиткомъ и невѣста угощаетъ имъ своихъ подружекъ; а сама плачетъ. Въ это время причитальщицы причитаютъ:

1545.

Ужъ вы милыя подруженьки!
Ужъ вы пейте-ка зелено вино,
Вы пропейте меня, сиротинушку,
На винной-то на чарочкѣ,
На пивной то братиночкѣ,
Вы возьмите во послѣдній разъ
Изъ моихъ-то бѣлыхъ рукъ.
Вѣдь памъ больше не сживати,
На гулянецѣ не игривати,
Разбѣгунечкой не бѣгивати.

Послѣ этого дѣвушки уходятъ домой, а невѣста проситъ благословенія у дяди. Старухи причитаютъ:

1546.

Ужъ ты свѣтъ родимый дядюшка,
Подойди-ка къ дубовымъ столамъ,
Ко тонкимъ брапымъ скатертямъ.
Ужъ ты дай мнѣ, сиротинушкѣ,
Благословеньеце великое.
Дай мнѣ подъ златъ вѣнецъ ѣхати,
Мнѣ златъ вѣнецъ принять,
На чужу дальню сторону
Ко чужому чуженну.

Дядя, а потомъ тетка, берутъ икону и благословляютъ племянницу. Послѣ благословенія женихъ беретъ невѣсту за руку и уводитъ одѣваться. По приѣздѣ отъ вѣнца пируютъ, а на другой день молодая раздаетъ дары мужниной роднѣ. Дня черезъ два молодые ѣдутъ къ дядѣ на «хлибины», гдѣ и пируютъ два дня.

(Всѣ 10 Сольвычегодск. у., Верхотомской волости).

Во время приѣзда жениха съ родными къ невѣстѣ на «сватанье», дѣвицы, подружки невѣсты, сидятъ въ кутномъ углу и поютъ пѣсни.

1547.

Ахъ ты дружина
Ты храбрая дружина,
Ты Василій свѣтъ
Сударь Васильевичъ!
Не ступай, хоробра дружина,
За дружиной тысяцкой,
Большой человекъ,
За тысяцкимъ князева свахенька,
За князевой сватьюшкой
Большіе бояра;
За большими боярами
Князевы поѣзжана.

(Сольвыч. у., Березониволоцкой вол.).

Женихъ угощаетъ своей водкой, которую онъ привезъ съ собой, невѣстину родню, а дѣвицы поютъ:

1548.

Ты родимый мой батюшка
Свѣтъ Гаврило Ивановичъ,
И родимая матушка,
Свѣтъ Марья Григорьевна!
Ужъ вы пропили свою доченьку
На винѣ да на стаканчикѣ,
Не за ровню не за ровнюшку,
Не за цвѣтное платѣце.
Во послѣдніе отужинала
У родимаго батюшки,
У родимой у матушки.

Невѣста обращается къ отцу съ просьбой, чтобы онъ пришелъ въ кутъ. Дѣвицы поютъ:

1549.

Ужъ ты свѣтъ, родимый батюшка,
Гаврило сударь Ивановичъ!
Ты удалый добрый молодецъ,
Да удале молодецкое!
У тебя поступка бурладеая.
Ты даешь свою любиму доченьку,

Свѣтъ Анну Гавриловну,
 На чужую дальню сторону,
 На чужую, незнакомую,
 Не за разумъ, не за ровнюшку.
 Не пора бы, не времечко!
 Молода еще молодѣшенька,
 Не находилась, не пагулялася,
 Ума мало поковпила.
 И вотъ родимый батюшка
 Выходи изъ за берчатыхъ *хридошекъ*, (?)
 Ты дойди да достуни
 До родимой своей доченьки,
 До Анны свѣтъ Гавриловны.
 Распростись со своей доченькой.

Отецъ подходитъ къ невѣстѣ; она обхватываетъ
 его руками за шею и плачетъ, а дѣвнцы поютъ:

1550.

Не прощу у тя, кормилецъ мой,
 Я ни злата, ни сѣребра,
 Я прощу у тя, родной батюшка,
 Благословенъца великаго.
 Ужъ я первую ступень ступила —
 Волю свекрову заступила.
 Ужъ другую ступень ступила —
 Волю суженаго заступила.
 Не кунница тутъ катается,
 Красна дѣвица подрывается.

(По выходѣ отца изъ кутн, дѣвнцы опѣвають
 жениховыхъ родственниковъ и его самого):

1551.

а) Свѣтъ ты Иванъ Ивановичъ,
 Удалой доброй молодецъ,
 Да удале молодецкое,
 Головушка у тебя учесана.
 Учесала твою головушку
 Свѣтъ родимая матушка,
 Парасковья Ивановна,
 Своей правою рученькой,
 Завивала русы кудри,
 Понизѣшенько кланилась.
 У тебя поступка бурлацкая,
 Да посвистка богатырская.
 Ты хорошій и пригоженькой,
 Да удале молодецкое.
 Ты берешь свою сужену
 Свою сужену, красну дѣвицу,

Анну свѣтъ Гавриловну;
 Она хороша и разумная.
 Свѣтъ ты Иванъ Ивановичъ!
 Ты примаи дары, не *крятайся*, ¹⁾
 Бери за разъ, не *котдсайся*, ²⁾
 Во городъ не ворочайся;
 Не дивуй на мои хитры дары.
 Не вамъ дары были дажены,
 Да до вась долежался,
 До удалаго добра молодца,
 До Ивана свѣтъ Ивановича.

А слушалъ ли Иванъ,
 Слушалъ ли свѣтъ Ивановичъ,
 Что про тебя, что про тебя,
 Въ кутъ за занавѣсью,
 Пѣсню поемъ, пѣсню поемъ,
 Тебѣ честь воздаемъ?
 Будешь дарить, будешь дарить, —
 Мы тебя будемъ хвалить,
 А не будешь дарить,
 Мы тебя будемъ бранить,
 Не-добро говорить.

1552.

б) Что сидятъ, сидятъ бояра,
 Да все князевы,
 А лучше всѣхъ, а лучше всѣхъ,
 Да и вѣжливые,
 Богатѣ, тороватѣ....
 Назовемъ-ка его по имени,
 Извеличаемъ его по извотчинѣ:
 Свѣтъ Иванъ Ивановичъ,
 Удалой доброй молодецъ,
 Да удале молодецкое,
 Насвистка богатырская,
 Да поступка бурлацкая,
 Наливнал ты ягодка!
 Учесала у тя головушку
 Свѣтъ родимая матушка
 Своей правою рученькой,
 Завивала русы кудри,
 По головушкѣ гладила.

А слышалъ ли, слышалъ ли,
 Иванъ свѣтъ Ивановичъ
 Что про тебя говорить?
 Мы пѣсню поемъ,
 Тебѣ честь воздаемъ,
 А честь добра,
 До тебя, свѣтъ, дошла,
 Свѣтъ Ивана Ивановича.

¹⁾ Капризничать.

²⁾ Ломаться, упрямиться.

Какъ не будешь дарить,
Тебя будемъ корить,
Не-добро говорить.

Опѣвши жениха и прочихъ, дѣвушки получаютъ
отъ жениха въ подарокъ 3, 5 или 10 в. дѣль-
гами, которые опускаются въ пиво. Выпивши
пиво, онѣ поютъ:

1553.

Ужъ мы пиво-то выпили,
Ужъ мы мѣдну гривну выняли.
Спасибо тебѣ да спасибо
На златѣ на серебрѣ,
На честномъ припошеельцѣ!
Не велико твое золото,
Да велико имя царское
Велико имя государское.
На могилѣ ты ихъ выплакалъ.
Не людьми засылаешься,
А ты самъ подымаешься.
Спасибо тебѣ, спасибо,
Свѣтъ Иванъ да Ивановичъ,
Удалой доброй молодецъ!

Когда женихъ придетъ въ домъ отца за не-
вѣстой къ вѣнцу, дѣвнцы поютъ:

1554.

Затоплялася банюшка
Разгоралася каменка
До одинаго камешка.
Расплавалася Марьюшка
Передъ своимъ роднымъ батюшкой:
«Ты родимый батюшка,
Не ходи къ дубову столу,
Не примай золотой чары,
Ты не пей зеленъ вина,
Не пропей меня молоду
Мою русую косоньку,
Мою дѣвью-то красоту
На чужу дальню сторону
Ко чужому чуженину!
Какъ чужой онъ чуженинъ
Безъ плеточки выучить,
Безъ морозу сердце выгнобить.
У родимаго батюшка
У его сердце каменно,

Въ золото сковано,
Въ булатъ сварено.
Онъ сходилъ къ дубову столу,
Онъ припалъ золоту чару,
Онъ выпилъ зелено вино,
Онъ пропилъ меня молоду
На чужу дальню сторону.

(Всѣ 7 Сольвычег. у., Ильинскоподомск. вол.).

Невѣста, сидя въ кутномъ углу, поетъ:

1555.

Похожу я по терему,
Пошу роду-племени.
Неужели я безродная?
Неужели безплеменная?
Еще есть роду-племени,
Еще есть родимый батюшка,—
Подойди въ кутъ за запавѣсу!
Не прошу у тя, родимый батюшка,
Ни злата, ни серебра,
Ни села, ни вотчинки,
Ни великаго приданого,—
Прошу у тебя, батюшка,
Благословеньца великаго
Ко злату вѣнцу ѣхати
Со своимъ мнѣ суженымъ.

Невѣста садится за столъ съ женихомъ.

1556.

Мы тебѣ, Марьюшка, показывали,
Мы тебѣ, Васильевна наговаривали:
Не выходи изъ за запавѣсочки,
Не выступай изъ за берчатою,
Не садися въ *сутки*¹⁾ въ уголъ,
Подъ образа подъ святые,
Подъ воску ярова свѣчи,
Подлѣ дюжа мужика.
Онъ тебѣ не братъ, не свать,
Не свой человекъ.

1557.

Какъ со вечера родна матушка
Новъ корабль она строила,

¹⁾ *Сутки* — красный уголъ, передъ.

Какъ со полуночи матушка,
Новъ корабль она грузила,
На восхожемъ красномъ солнышкѣ
Новъ корабликъ спускала.
Оставалась родна матушка
На крутомъ берегу;
Говорила родна матушка:
«Ты постой-ка, постой
Родное дитятко!»
— «Мы простились съ тобой,
Родимая матушка.

Ужъ я рада бы постоять,
Да корабликъ-то не стоитъ,
Ужъ я рада бы слово вымолвить,
Да суженый не велитъ.»
«Ты постой, постой, дитятко,
Я забыла слово выговорить.»
— «Ужъ я рада-бы постоять,
Корабельщики не стоятъ,
Уключинки прирасхотились,
Веселыиши приразмахались.»
— Оставалась родна мамеыка
На крутенькомъ берегу.

1558.

Ужъ мы что чуяли, видѣли?
Ужъ чуяли мы видѣли
Бѣла рыбонька
Къ камению припадаючи,
Да батюшку напеляючи:
«Тебѣ Богъ судья, батюшка,
Отдаешь молодѣшеньку.

Ужъ вы бояра,
Вы куда, бояра, ѣздили?»
— Ёздили мы ужъ ѣздили
На высокія на горы,
Привезли красну дѣвушку.
«Ты родимый батюшка,
Люба ли тебѣ красна дѣвица?»
— «Ты родимое дитятко,
Тебѣ любя,
А намъ давнымъ давно хороша.

1559.

Изъ кутн по лавочкѣ
Гости сидятъ все хорошіе,
Но лучше всѣхъ сидитъ, (имя рекъ) —
Шапка на немъ обломн-голова,
Крестъ на груди въ пятьдесятъ рублей,
На рукахъ рукавы барановы,

На пожкахъ сапожки зеленъ сафьянъ.
Ты возстанъ-ка возстанъ,
Да поклопъ воздай.
Настъ-то чѣмъ будешь дарить?
Мы будемъ хвалить.
Не будешь дарить, —
Мы будемъ бранить.

1560.

Я пойду вдоль по рыночку,
Я найду на колоколену,
Созвоню въ большой колоколъ,
Подамъ вѣсть родну-батюшку.
Разступись, мать сыра земля,
Ты раскройся, гробовъ доска,
Распахнитесь, бѣлы саваны,
Отойдите, бѣлы ручеыки
Отъ ретиваго сердечюшка!
Вы взгляните, очи ясныя,
Сговорите, уста сахарныя.
Ты взвернись легкой пташечкой,
Прилети на окошечко,
Посмотри свое чадушко,
Каково оно снаряжено,
Каково за столъ поставлено
Со своимъ-то суженымъ
Удалымъ добрымъ молодцемъ.

1561.

Во полѣ во полѣ,
Во чистомъ во полѣ,
На крутой на горѣ,
На зеленомъ на лужкѣ,
Возлѣ рѣчушку,
На желтомъ на пескѣ,
Чей-то дворъ стоитъ,
Чей высокъ теремъ?
Дворъ-отъ стоитъ
Спиридона молодца,
А высокъ теремъ
Палагеюшки,
Со крытымъ краснымъ крыльцомъ,
Со косячатымъ оеномъ,
Со хрустальнымъ со стекломъ.
А во томъ терему
Есть вровать тесовъ,
Перипушка пуховъ,
Изголовье парчевъ,
Одѣялышко тепло,
Оно бобромъ пушено,

Шелкомъ въстрочено,
 Билъ въвожено.
 А на той на кровати
 Что не кумъ съ кумой, —
 Господинъ съ госпожей,
 Спиридонъ съ Палагеей.
 Промежду ими катался
 Золочёнъ перстень.
 Не значенъ перстень катался. —
 Дума крѣпкая, дума крѣпкая,
 Да слово вѣрное.
 Они думали, гадали,
 Черна соболя сряжали,
 По поднебесью пушали.
 Черный соболю-отъ идетъ,
 Соболять стадо ведетъ.
 Спиридону молодцу
 Онъ на шапочку
 На бухарочку, —
 Палагеюшкѣ душѣ
 Онъ на шубочку
 На кошулочку.
 Они думали, гадали
 Да бѣлу лебедь сряжали,
 По поднебесью пушали.
 Что бѣла лебедь летитъ,
 Лебедей стадо ведетъ
 Спиридону молодцу
 Да на кушанье,
 Палагеюшкѣ душѣ
 Да на рущенье.
 Они думали, гадали,
 Да червленъ кораб(л)ъ спашали,
 На спне море спущали.
 Что червленъ корабль идетъ
 Живота много песеть
 Спиридону молодцу
 На житье да на бытъ,
 Спиридоновой женѣ —
 На богатство.

(Тотемск. у.).

Приговоры дружки.

1562.

— Миръ вамъ, мы пріѣхали къ вамъ!
 Здравствуйте, господа!
 Мы пріѣхали сюда
 Погулять, повеселиться,
 Съ вами познакомиться.
 Княгиней передображной разжиться,

Послѣ того будемъ молитву читать.
 А вы можете-ли «аминь» отдать?

Отв. Можемъ.

— Господи Іисусе Христе
 Сыне Божій, помилуй насъ!
 Есть-ли супротивъ нашего князя
 Молитву сотворить, «аминь» отдать?

Отв. Аминь вашей молитвѣ!

Что вы люди за люди,
 Зачѣмъ къ нашему дому пріѣхали?

Дружка. — Мы люди божіе, государевы,
 Два посла-посланника
 Отъ князя передображного,
 Двѣ дружки передоѣзжіе.
 Ъхали мы къ вашему дому,
 Пріѣхали не сильно, не нахально,
 Не остохвально, по первому зву,
 По сватовству;
 По другому — данъ рукоданъ,
 По третьему зву — рукобитье.
 Еще же вы господа
 Мы ѣхали сюда
 Не путемъ, не дорогой,
 Лѣсами дремучими,
 Болотами зыбучими,
 Водами вязучими,
 Горами высокими,
 Полями широкими.
 Горы высоки, поля чисты,
 Рѣки быстры.
 Еще же вы, господа,
 Мы ѣхали сюда
 На добрыхъ коняхъ,
 На красныхъ саняхъ,
 Подъ синими полстями.
 Ъхали, скакали,
 Къ вашему дому прискакали.
 Нашъ князь передображный
 Такъ говорить, что у нашей
 Княгини передображной надо быть
 Ворота и двери полны,
 Столы готовы.
 А сверхъ того увидали
 Ворота заперты, двери затворены,
 Столы неприготовлены.
 Съ какого вы позволенія
 Ворота запираете,
 И двери затворяете,
 Столовъ не готовляете?

Отв. Потому мы ворота запираемъ
 И двери затворяемъ,
 Столовъ не готовляемъ,
 Что думаемъ у васъ сей день
 Бракъ не сочинился,

То вы должны заплатить
За всё трезвости и волокиты,
Что нашъ хозяинъ потребуеть.

Вопр. Послушай, господинъ хозяинъ!
Мы ѣхали сюда горами высокими,
Ручьями глубокими,
Моста рябиновы, калиновы,
И съ тѣхъ мостовъ ѣхали улками,
Улками, переулками.
Искали купицы, лисицы.
Не нашли ни кунницы, ни лисицы,
Только нашли одинъ куній слѣдъ.
Тѣмъ куниннымъ слѣдомъ ѣхали,
Гонили изъ Москвы до Сибиря,
Своихъ коней пригнали,
Молодцовъ притомили.
Доѣхали до вашего
До высокаго патра,
До господскаго двора,
Есть ли въ вашемъ домѣ господинъ-
хозяинъ?

Отв. Есть.

Вопр. Какъ же ты, господинъ-хозяинъ,
На сегодняшній день не хотѣлъ
Воротъ отпирать,
Дверей отворять,
А нынѣ же ты ворота заперъ,
Двери затворилъ,
Столовъ не приготовилъ.
Съ какого позволенія?
Кто тебѣ приказалъ?

Отв. Потому ворота запираю,
Двери затворяю,
Столовъ не готовлю,
Что вашъ княжескій молодецкій поѣздъ
Въ одномъ мѣстѣ ожидаютъ.

Вопр. Все это ваши педоговорки!
А нашъ княжескій
Молодецкій поѣздъ
Не въ рассорки,
Для чего вы ворота запираете?

Отв. Потому ворота запираю,
Двери затворяю,
Что свою передображную княгиню
Отъ лихихъ людей оберегаю.

Вопр. Послушайте, господа
Нашъ князь передображный
Далеко остановился
Въ чистомъ полѣ,
Въ зеленыхъ лузяхъ,
По край пути и дорожки,
Подъ краснымъ солнцемъ,
Подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ,

Подъ частыми мелкими звѣздами,
Со всѣмъ княжескимъ
Молодецкимъ поѣздомъ,
Со сторожемъ, со тысященъ
Со сватовьемъ, съ нами,
Людьми передоѣзжими.
Послалъ насъ, пословъ,
Ясныхъ соколовъ,
Удалыхъ добрыхъ молодцевъ.
Послушай господинъ хозяинъ:
Мы ѣхали, скакали,
Издалека увидали,
Что стоятъ дома широки,
Ворота рѣдкі, запоры крѣпки.
Теперѣ давай отвѣтъ: —
Обыскался у васъ кунинной слѣдъ?

Отв. Былъ тотъ куній слѣдъ
Передними воротыма зашелъ,
Задними вышелъ!

Вопр. Хорошо господинъ хозяинъ,
Мы со своихъ коней слѣзали,
Вторично вашъ домъ объѣзжали,
Нигдѣ куньяго слѣда не разыскали.
Опять же къ тѣмъ воротамъ прискакали.
Послушай господинъ хозяинъ!
Мы пріѣхали къ вамъ
Не по розѣ, не по пшеницу,
Не по кунцу, не по лисицу,
А по красную дѣвицу.
Куній слѣдъ отводи,
Либо красную дѣвицу выводи.
Какія на вашей красной дѣвицѣ примѣты?

Отв. Она сидитъ въ высокомъ терему,
Въ бабей бесѣдѣ,
Въ дѣвьемъ порядкѣ,
Во брусовой лавкѣ,
Подъ бѣлымъ полотномъ,
Подъ колоднымъ окномъ,
Подъ бѣлобисернымъ почелкомъ,
Подъ шитымъ бранымъ платьемъ,
Подъ черной фатой;
Ручками помахиваетъ,
Головкой покачиваетъ,
Своихъ родителей почитаетъ,
Насъ молодцевъ
Съ пути и дорожки ожидаетъ.
Есть ли у васъ такія?

Отв. Есть.

Вопр. Есть ли у васъ у воротъ придворники,
У дверей придверники,
У стола пристольники,
У пива наживники,
У печи стряпни,
Люди также и коней караульщики?

Отв. Избери, изладь, изъ своихъ приставъ.

Вопр. Также бы коней караульщики
Ворота отпирали
Подворотницы вымали,
Чтобы наши кони шли шелкали,
Копытъ не заломали,
Подъ колѣнъ погъ не переломали,
Завертокъ не оборвали,
Святьей не потеряли;
Честь, красота, отпирай ворота!

1563.

Къ хозяину.

Здравствуй, господинъ хозяинъ!
Ладьте же теперь нашимъ конямъ
Сѣна зеленого, овса ядренаго, —
Сѣна до колѣна, овса до глазъ.

Отв. Есть про вашихъ коней
Солома ржаная,
И та гнилая.
— Ну хорошо, мягче стоять.
За скобу руками,
За молитву зубами,
За высокой порогъ
Едва свои ноги переволокъ.
Здравствуй, господинъ хозяинъ,
Съ хозяйкой, съ приходящими гостями
Своихъ гостей пой, корми,
Насъ молодцовъ не забывай!
Здравствуй, стряпца ты стряпка!
Отъ печки бросилась,
На курищемъ говнѣ раскатила.
Ты пасъ не ругайся,
Сама себя остерегайся!
Здравствуй, господинъ хозяинъ!
Нашъ князь передображный
Велѣлъ спросить про вашу
Княгиню передображную:
Здорова ли, можетъ ли съѣздить
Къ Божьей церкви, къ отцу духовному,
Припять законный бракъ?

Отв. Можетъ.

Вопр. Еще нашъ князь передображный
Велѣлъ спросить:
Желаете ли пасъ въ гости къ себѣ въ домъ?

Отв. Милости просимъ.

Вопр. Если желаете къ себѣ въ домъ,
Поставовите столы дубовые,
На столы растилайте
Скатерти шелковыя,
Наносите на столы
Хлѣба ситнаго, перемѣны часты,
Осетра рыбу свѣжую,
Гуса да лебеда жаренаго,
Чашки, блюда, ложки, вилки,
Тарелки фарфоровыя,
Рюмки хрустальныя,
Вина цѣльный штофъ,
Да сладкой водки полиштофъ,
Молосной каши горшокъ,
Сметаны три паса,
Пудъ толокна, бочку кислаго молока;
Мы цѣлыя сутки не ѣдали,
Вашего обѣда дожидали.

Къ дѣвицамъ.

1564.

Здравствуйте, красныя дѣвицы!
Краснымъ дѣвицамъ
Всѣмъ по низкому поклону,
Молодымъ молодыцамъ
Всѣмъ по жидкой вѣщѣ.

Къ свахамъ.

1565.

Здравствуй, сватья!
Наша сватья вашей сватьѣ
Велѣла встрѣтить
На чистомъ полѣ.

Всѣ причитанія, пѣсни и приговоры изъ
разныхъ мѣстъ Вологодской губерніи
сообщ. Н. А. Иваничкимъ.

III. Вятской губернии.

Крестьянскія свадьбы въ Елабужскомъ уѣздѣ.

Бракъ для крестьянской молодежи Елабужскаго уѣзда есть рѣшительно неволя, вызываемая со стороны родителей жениха необходимостію заставить молодца жить такъ, «какъ живутъ добрые люди», т. е. завестись хозяйкой, скотникомъ и принадлежностями необходимыми въ крестьянскомъ быту, ради того въ особенности, «какъ парень-отъ совѣтъ не избаловался». Отецъ и мать тамъ считаютъ еще для себя грѣхомъ дать своему сыну волю выбрать для себя невѣсту по праву, на томъ основаніи, что сынъ еще не жилъ столько лѣтъ на бѣломъ свѣтѣ, сколько прожили они и потому онъ-де и не разумѣетъ, какая невѣста лучше, какая хуже. Иногда женихъ и не знаетъ, что за невѣсту выбрали ему его родители и безпечно гуляетъ себѣ со своей братьей—молодежью, пока не объявятъ ему въ какое нибудь воскресенье, что сегодня-де будутъ смотръ и чтобы онъ заранѣе парадился и сходилъ къ невѣстѣ съ гостинцами, т. е. съ длинными четвертинными пряниками, пазываемыми въ простонародіи «сосульками», кедровыми и грецкими орѣшками. Тогда только онъ спохватится, что дѣло-то не совѣтъ ладно, что его хотѣтъ связать по рукамъ и ногамъ. Но дѣлать печего, парень, почесавши затылокъ, скажетъ матери «ай, мамка, — не охота мнѣ жениться-та» и потомъ съ благоговѣніемъ покоряется волѣ родительской. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ-же не пригорюниться молодому дѣтнѣ, считавшему себя дотошъ вольнымъ казакомъ, привыкшему кутить беззапретно иногда цѣлыя ночи на пролетъ и дѣлать все, что ни вздумается его молодецкой волѣ, лишь бы только не прогнѣвить Бога да родителей. До того времени онъ часто гулялъ по улицамъ съ гармоникой и, ни о чемъ не думая, распѣвалъ свои молодецкія пѣсни, въ родѣ:

Мнѣ буйну голову на плечахъ не сдержать.

Да отъ дѣвушекъ нехочется отстать.

А тутъ вдругъ скажутъ ему, что пора-де ему перестать шалить. И вотъ надѣваютъ на него праздничный кафтанъ, велятъ ему казаться «человѣкомъ» и сидѣть дома до тѣхъ поръ, пока не споятъ ему съ невѣстой «Исаіе лнгу». Съ тѣмъ вмѣстѣ, впрочемъ онъ, какъ будто выходя изъ-подъ опеки родителей, пріобрѣтаетъ право и не слушаться ихъ, такъ какъ обзаведясь хозяйкой и хозяйствомъ, получаетъ полное право жить особнякомъ, какъ лицо совершенно постороннее въ

отношеніи къ родителямъ и уже самъ приглашаетъ ихъ къ себѣ въ гости «пить пива и вина». Такого рода понятія глубоко вкоренились почти между всѣми старожилами Елабужскаго уѣзда, исключенія остаются только за тѣми изъ крестьянъ, которые переселились сюда изъ-подъ города Вятки и изъ другихъ губерній и у которыхъ по этому есть свои особенныя перенесенныя изъ прежняго мѣста жительства привычки, понятія, нравы и обычаи.

Говоря вообще о здѣшней зависимости женитьбы парней отъ воли родителей, должно замѣтить, что она еще болѣе зависитъ отъ воли священника, такъ что несогласіе или отсоединеніе послѣдняго считается для родителей жениха закономъ, нарушить который они не считаютъ себя въ правѣ, хотя бы предполагаемая женитьба совершенно согласовалась и съ ихъ собственными выгодами и съ видами ихъ сына. Женитьба здѣсь составляется очень просто и заурядъ по почину родителей. Отецъ и мать родили, выкормили, одѣли и обули сына, поэтому они же обязаны и женить его, безъ всякаго согласія съ его стороны, лишь бы ему выбрать въ жены работницу да здоровую дѣвку. Красота въ здѣшнемъ уѣздѣ играетъ второстепенную роль, а ужъ онъ въ свою очередь обязанъ научить еѣ уму разуму, т. е. говоря правильнѣе, колотить ее чуть не каждый Божій день, заставлять раздѣвать и разувать иногда пьянаго мужа и не прекословить ему ни въ чемъ, хоть бы онъ былъ совершенно не правъ. Методъ такого наученія основывается на томъ пельюмъ и почти общеприятномъ здѣсь мнѣніи, что женщина вмѣсто души имѣетъ голіе, что жена создана не разсуждать, а во всемъ повиноваться своему мужу, а потому-де и пельза ее не колотить, коли хочешь сдѣлать изъ неѣ порядочную хозяйку.

За педѣлю или за двѣ до свадьбы, родители позволяютъ своему сыну покутить еще разокъ и угостить своихъ товарищей «порядкомъ», а самъ между тѣмъ призываютъ къ себѣ сваху, какую нибудь причетницу, Оеклу Александрову, (въ здѣшнемъ уѣздѣ свахами большею частію бывають причетницы), угощаютъ ее иногда въ продолженіи цѣлыхъ четырехъ дней чаемъ, раза по четыре въ день, пивомъ и виномъ и всякими сластями, съ условіемъ: смекать ихъ сыну подходящую дѣвку, въ случаѣ-же не удачнаго въ какомъ нибудь отношеніи выбора сваха впоследствии

лучше и не попадайся на глаза. Тотчас послѣ того какъ сваха, обпадеживъ родителей, отправляется на поиски, отецъ жениха идетъ къ мѣстному священнику, объясняетъ ему свое предположеніе и проситъ на это его согласія, за что впоследствии, если Богъ дастъ здоровья его скотика, онъ непремѣнно прислать ему жирную ножку баранники. Сваха между тѣмъ въ какой нибудь день по утру приходитъ разъ къ родителямъ жениха, напивается здѣсь еще разъ до-пьяна, беретъ у нихъ и у самаго жениха руки, говоря «съ доброй руки выбрать мнѣ невесту хорошую» и прямо оттуда сѣвшитъ, не оглядываясь, къ пзвѣстной ей невестѣ. Вообще нужно замѣтить, что свахи въ Елабужскомъ уѣздѣ не пользуются почетомъ и уваженіемъ, какъ въ другихъ уѣздахъ нашей губерніи. Ее обыкновенно пазываютъ здѣсь свахой обманщицей, потому самая должность палагаетъ на нее обязанность обманывать сватываемую ею невесту, чтобы уговорить ее выдти замужъ за рекомендуемаго ею парня. Въ случаѣ, если сватавшая ея чета будетъ жить между собою не согласно, то вся вина падаетъ на сваху, какъ на единственную виновницу ихъ недружелюбной жизни, чѣмъ и колютъ ей глаза при всякомъ удобномъ случаѣ.

Пришедши въ пзбу будущей невесты, сваха становится сначала у порога и кланяясь и приговаривая: «здорово живете, можете» садится на лавку противъ матицы, а (если) матицы нѣтъ — къ столу. Родители невесты, разумѣя уже, что за птица сидитъ подъ матицей, молча здороваются со свахой и садятся рядомъ съ ней на лавку.

«У насъ купецъ — у васъ товаръ — давайте родниться, свататься, говорить сваха подпершишь рукою въ подбородокъ и глядя на матицу.

— «Благодаримъ, свахонька, на добромъ словечкѣ съ поклономъ отвѣчаетъ ей отецъ и мать. Нѣтъ, ужъ какъ ни дорогопекъ твой женихъ, а мы немножко подумаемъ: вдругъ-отъ памъ несподручно».

«Это папастъ какая! Долго-ли мнѣ ходить къ вамъ? Я и безъ того ужъ пороги всѣ отбила, ходила, да ходила.»

— «Ну, свахонька, что дѣлать-то: походи маленько; за то вѣдь ты получишь ногѣ коты, а не то и ситцу на рукава.»

Наконецъ, когда уже отецъ и мать обдумаютъ и взвѣсятъ въ своемъ умѣ всѣ выгоды отдачи своей дочери за какого-нибудь «Микитку Байгулова» они тотчасъ-же призываютъ къ себѣ сваху и пачинаютъ ее спрашивать о будущемъ женихѣ и его состояніи; чей онъ такой, много ли у его отца душъ, много ли коровушекъ, овецъ,

поекъ, лошадокъ и каковъ домъ, да еще пригожъ ли самъ женихъ? Сваха, конечно, по ударить себя лицомъ въ грязь: расхваливаетъ жениха на чемъ свѣтъ стоитъ (на то она и сваха, чтобы всѣхъ обманывать) вычисляетъ по пальцамъ всѣ бывалыя и небывалыя его добродѣтели, — однимъ словомъ она такъ краснорѣчиво рисуетъ родителямъ невесты жениха, что они сами и ихъ дочь, нисколько не сомнѣваясь въ справедливости похвалъ жениху, скажутъ свахѣ «да въ што, коли нѣтъ ладно», какъ бы невольно изъявляютъ согласіе на ея предложеніе. Иногда, впрочемъ, видя, что сваха больно ужъ завралась въ расхваливаніи достоинствъ жениха, родители сомнѣваются въ ея словахъ; но сваха и тутъ умѣетъ найтись: она съ азартомъ скажетъ имъ, что ей, поди-ко больно нужно, коли не вѣрятъ, что она, слава Тебѣ Господи, живетъ шестой десятокъ на бѣломъ-то свѣтѣ и вотъ просватала ужъ восемь невестъ, да што никого не обманывала, никто охулки на ея голову не положитъ, у пей, пожалуй, есть на примѣтѣ, много невестъ до десятка и они-де не вашей чета; и она вамъ не поклонится». По неволѣ соглашаются при подобномъ краснорѣчьи свахи. Отказы бывають только въ томъ случаѣ, когда съ какой либо стороны мало предлагается приданого, преимущественное же вниманіе обращается на то, хороша ли невеста? умѣетъ ли работать? не лѣнива ли она въ работѣ? и проч. Если всѣ эти качества у невесты есть, свадьба непременно состоится.

Невеста со времени своего просватанья становится въ домѣ своемъ совершенной гостьей, ничего педѣлающей, обязанной казаться грустною и пить только для своего жениха полотенцы съ красными каймами. Во все это время женихъ ходитъ къ пей съ толпою молодѣжи съ гостинцами. Пѣсень въ это время никакъ не поется, а молодѣжь, поплясавши и поигравши на гармоникѣ, скоро уходитъ выѣсть съ женихомъ домой. Вскорѣ послѣ третьяго прихода жениха съ гостинцами бывають «смотри», или что тоже «сговоръ». На него собирается вся родня жениха и невесты и всѣ званые и незваные гости. Дѣвушки собираются первыя, наряжаютъ невесту въ подвѣлечный сарафанъ, который ей шьютъ по два: одинъ до «смотровъ», а другой послѣ. Затѣмъ ее садятъ въ чулапѣ, гдѣ по обычаю, заводится оффиціальное вытѣе. Этому вытѣю дѣвки учатся еще въ дѣтствѣ, и весьма плохой и безпутной считается та дѣвка, которая, выходя замужъ, не умѣетъ выть на разные лады. По почитіямъ бабъ и дѣвокъ та и дѣльна и хороша невеста, которая при изученіи искусства выть отличается бойкостью, со всѣми старается быть

запанибрата и, въ случаѣ какой нибудь ссоры съ подружками или съ кѣмъ бы то ни было, умѣетъ вслѣдствіе разругать своего противника. Такая «дѣвка—молодецъ» получаетъ, такъ сказать, дипломъ умной и дѣльной. Отличающіяся же скромностію и степенностію характера дѣвки, напротивъ слывуть «безпутными» невѣстами, негодными ни для какой работы, хоть бы они въ дѣйствительности совсѣмъ и не заслуживали такой репутаціи.

Родственники жениха и невѣсты идутъ къ невѣстѣ на смотри въ слѣдующемъ, по старшинству, порядкѣ: напередъ всѣхъ сваха, за нею слѣдомъ тысяцкій (крестный отецъ жениха) съ женихомъ; потомъ дружка, полудружбе, большой и малый бояринъ, кумовья и кумушки и наконецъ шестіе это заключаетъ шумная толпа мальчишекъ, которая всегда помѣщается по казенкамъ, по грядкамъ и палицамъ. Этотъ походъ даетъ ихъ пирующимъ матерямъ случай покричать, боясь, чтобы ихъ «углянены» не полетѣли кубаремъ къ пизу.

«Мишка! упадешь ле ты оттолева!» кричитъ чья нибудь мать на сидящаго гдѣ либо на грядкахъ сына.

— «Да тебѣ бають, што пѣтъ! такъ чаго она раздѣвалась: ужъ замаялась»,—отвѣчаетъ чумазый Мишка своей матери.

Подходя къ избаннымъ дверямъ, тысяцкій, крестясь трижды и вслухъ произноситъ молитву: «Господи Іисусе Христе, Боже, помилуй насъ!» За дверями сватъ отвѣчаетъ: «аминь», и тотчасъ же отворяетъ дверь, встрѣчая прихожихъ съ ведромъ вина. Вино ставятъ подъ столъ, а женихъ и прочіе поѣзжае становятся вокругъ стола, не садясь до самаго появленія невѣсты.

— «Ну-ко, сватушко, свахонька, пожалуйста, не томите-ко насъ долго-то! наше глядите, а свое-то кажите», говоритъ сватъ отцу и матери невѣсты. Сваха невѣсту выводитъ подъ руки, становится еѣ по срединѣ избы и приказываетъ ей напередъ отпѣрить «всей честной компаніи» по три поцѣльных поклона, а потомъ поцѣловаться трижды съ женихомъ и сватомъ. Послѣ этого невѣста опять уходитъ въ чуланъ къ дѣвкамъ, а отецъ ся подходитъ къ свату и даетъ ему свою руку, завернувъ ее въ полы своихъ азымовъ, означая этимъ, что у будущей молодой четы также будетъ толсто въ рукахъ всякаго богатства, какъ велики и толсты азымы ихъ отцовъ. Въ это время тысяцкій, сидѣвшій до сихъ поръ въ молчаніи, громко возглашаетъ всей честной компаніи: «Нуте-ко, сватушка, свахонька, не пора ли намъ приниматься, благословясь, (при этихъ словахъ всѣ присутствующіе крестятся) за

пированье, за веселье?» и тотчасъ же, посадивъ своихъ гостей «рядъ по ряды», беретъ изъ передняго угла большую каменную миску и начинаетъ наливать въ нее ковшомъ водку, ежеминутно до-полняя еѣ спова, по мѣрѣ того, какъ она мало по малу будетъ убывать въ крѣпкія желудки мужиковъ и—во все вмѣщающія утробы бабъ. Первый стаканъ вина подносится отцу невѣсты. При этомъ сидящія въ чуланѣ дѣвки воютъ:

1566.

Забренчали винны чарочки,
Зашумѣло зелено вино:
Подпосать родимому батюшку.
«Не примай-ко, родный батюшка,
Хмѣльнаго зелена вина!
Гораздо тебѣ, батюшка, зелено-то вино
Кажется слаще меду, слаще сахару!

Эту же пѣсню воютъ и тогда, когда подпосать вино матери невѣсты. Далѣе вино подается, смотря по степенямъ родства, родственникамъ жениха и невѣсты. Между тѣмъ какъ мужики и бабы пьютъ пиво и вино, дѣвки поютъ пѣсни, сначала грустныя и печальныя:

1567.

Сборы, вы сборы Аннушкины!
Сбирала Анпушка всѣхъ подругъ,
Садила подруженекъ рядъ по ряды,
Сама то садилась повыше всѣхъ,
Задумала думушку повѣрнче всѣхъ:
«Какъ то мнѣ назвать свекра батюшку?
Свекромъ те назвать—такъ осердится.
Батюшкомъ назвать—такъ не хочется.
Убавлю я себѣ спеси, гордости,
Прибавлю себѣ ума разума:
Назову свекра батюшкомъ.

или:

1568.

При вечерѣ, вечерѣ,
При Анпушкинымъ дѣвишникѣмъ—
Не веселъ соколъ летѣлъ высоко,

Высадился на окошечко,
На серединное косячетое.
Увидала его матушка,
Говорила своей дочери,
Аннѣ Михайловнѣ:
«Ты родимое дитятко,
Ты дитя мое милое!
Приголубь себя голубица,
Яснаго сокола залетнаго!
Добраго молодца заѣзжаго!»
— «Я бы рада приголубить его,
Да бѣлы ручки опустилися,
Рѣзвы пожеи подогнулись,
Очи ясны помрачилися,
Голова съ плеч покатилася.»

Тотчасъ-же по окончаніи печальной пѣсни,
мать невѣсты подходитъ къ ней и начинаетъ
утѣшать и уговаривать, чтобы она не была, а
лучше бы «приголубила яснаго сокола залетнаго».
На эти утѣшенія матери невѣста ничего не отвѣ-
чаетъ и снова обнявшись съ четырьмя своими
подружками, начинаетъ вѣтъ:

1569.

Соловей ты мой соловеюшко!
Не взвивайся ты высокохопько,
Выше садика зелѣнаго.
Ты взовьешься—опустишься,
Отшибешь ты право крылышко,
Правое крылышко, павинопое!
— Ужъ родимый батюшка!
Не прймай-ка зелена вила,
Не пропей-ка свою милую дочь!
Ужъ ты дочь пропейшь—не выкупишь.
Ты пропей лучше широкій дворъ:
Ты дворъ пропейшь—выкупишь,
Дочь пропейшь—не выкупишь!

Невѣста въ это время какъ бы въ послѣдній
разъ еще пытается освободиться отъ своего
горя—замужества, для чего она становится по-
средн избы противъ матери и начинаетъ ее умо-
лять пѣніемъ, въ которомъ ей помогаютъ и по-
дружки:

1570.

Перекатная чесна звѣзда
Перекотила зорю утренню,

Что другую зорю вечернюю,
Оставалась *супроть* мѣсяца,
Супроть мѣсяца, красна солнышка.
Дорогая наша гостейка,
Аппушка Михайловна!
Перешла она стѣпы повья,
Перекладечки дубовья,
Становилась супротивъ батюшки,
Супротивъ батюшки родимаго,
Супротивъ матушки родимья,
Говорила своему батюшкѣ родимому,
Своей матушкѣ родимой:
«Ужъ ты батюшка родимый!
Ужъ ты, матушка родимая!
Что пельзы ли этому горю пособить,
Что меня замужъ не выдати,
За удалаго добра молодца?»
— «Ужъ ты дитятко родимое,
Моя дочь милая
Что пельзы этому горю пособить,
Чтобы тебя замужъ не выдати:
Зелено вино распито,
Что топки дары раздарены,
По бѣлымъ рукамъ ударено,
Мое дитятко запоручено,
За удалаго добра молодца,
За Егора-то свѣтъ Иванныча.»

Мать невѣсты, уже порядкомъ въ это время
подгулявшая, обнимаетъ дочь и начинаетъ падъ
ней голосить. Сватъ, тоже пьяный, принимается
въ свою очередь утѣшать сваху:

— «Ну штой-то, свахонька, Господи Исусе!
ли мы первы, ли мы послѣдны.... Въ Польшѣ, кто
пастъ больше? Вѣстимо никто. Такъ чего *горю-*
нить-то. Все единственно—уладимъ»....

— Нѣтъ, ужъ нѣтъ, сватушко! свое дѣтушко
не выдамъ, вотъ-те Христосъ! не выдамъ...» голо-
ситъ ему сваха.

Въ это время, глядя на плачущую, мать не-
вѣсты, и прочіе, сидяція по лавкамъ бабы начи-
наютъ всхлипывать, а молодежь обыкновенно при
этомъ смѣется, и чтобы какъ нибудь утѣшать
свахоньку, одинъ какой нибудь дѣтина, тоже
подъ хмѣлькомъ, вдругъ браво выбѣгаетъ на
средину избы и начинаетъ отхватывать трепака,
припѣвая:

1571.

Какъ на горѣ, на горѣ,
На высокой на крутой,
Кабачекъ стоитъ повой,

Какъ во эвтомъ кабакѣ,
Что Исковскіе¹⁾ пируютъ.

При этой пѣснѣ всѣ хохочутъ. Плачъ свахи также переходитъ въ смѣхъ, причемъ она не преминетъ сказать, хлопая по своимъ бокамъ: «ахъ вы озорники, озорники эдакіе, дуй васъ горой-то! Ну ужъ исполать, нечего сказать, умѣютъ развеселять».

Послѣ печальныхъ пѣсенъ дѣвки поютъ веселыя. Сначала поются величання, а потомъ плясовыя:

1572.

Величанье жениху.

Какъ во пинѣшнемъ во славномъ во году
Уродилось много розановъ въ саду.
Тутъ ходилъ, гулялъ прекрасный кавалеръ,
Подходилъ онъ къ розѣ, къ розову кусту,
Онъ садился подъ розовый кустокъ,
Сорываетъ съ розы розовый цвѣтокъ.
Онъ цвѣтку, цвѣтку дивуется,
Красотѣ своей любитъся:
Сколько ты, цвѣточекъ, пѣжель и хорошъ,
А я, молодецъ, холостъ не женатъ.
А еще я былъ во Питерѣ, Москвѣ, —
Не нашелъ таки певѣсты по себѣ.
Во соборъ я взойду, Богу помолюсь,
На всѣ стороны четыре Богу поклонюсь:
«Мнѣ создай, Боже, Господи!
Мнѣ певѣсту хорошенькую,
Со большимъ со приданнымъ,
Со златомъ со серебромъ,
Съ молодой вдовой со ключницей,
Со молодичкомъ со сговорщицомъ».

Во время величання женихъ долженъ взадъ и впередъ ходить по избѣ, и въ то время, какъ дѣвки поютъ: «сорываетъ съ розы розовый цвѣтокъ» женихъ срываетъ съ плечъ своей певѣсты платокъ и начинаетъ ею и собою любоваться.

¹⁾ Село Исковое—Устье на правомъ берегу Камы, въ 40 в. отъ Елабужск. уѣзда. Читателямъ Вятскихъ Губ. Вѣд. уже извѣстны, общія черты изъ быта и характера этого селенія по статьѣ въ 88 №—1860 г.

Величаніе дружѣ.

1573.

Долinna, долннашка,
Раздолье широкое!
Ай люли, ай люли! раздолье широкое.
(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго двухъ стиховъ).

Приволье хорошее.
Ходилъ, гулялъ молодецъ,
Андреюшка Яковлевичъ,
Повѣсилъ головушку
На праву сторонушку.
Увидала матушка
Изъ висока терема
Изъ косящаго окна.
«Дитя мое дитятео
Дитя, чадо милое!
Что ходишь не весело!
Гуляешь не радостно?»
— «Мати моя, матушка
Мати, государыня!
Какъ мнѣ ходить весело,
Гуляти мнѣ радостно?
Всѣ люди женятся,
А я холостъ не женатъ»
— «Женю, женю, дитятео,
Возьму, возьму дитятео
У богатаго купца дочь, —
Умную разумную,
Да тиху рѣчь политичную,
Отъ людей отличную».

Величаніе каждому гостю по одиночѣ.

1574.

Какъ во садѣ, какъ во садѣ,
Винограднымъ саду,
Летѣлъ голубъ, летѣлъ сизой —
Со голубушкою.
У голубя у сизаго
Золотая голова,
У голубушки у сизой
Да позолоченная.
Ему братья, ему братья
Позавидовали:
«Исполать братъ, исполать братъ,
Хороша у тѣ жена!
Кабы-жа, кабы-жа
У меня была жена —

Умѣлъ бы я, умѣлъ бы я
Надъ ней честь вести:
Я бы лѣтомъ, я бы лѣтомъ
Во колясочкѣ каталъ,
А зимою холодною
На очаговскихъ саняхъ,
На своихъ-же лошадяхъ:
На извожикѣ кафтанъ
Васильковаго сукна.
Да Питербургскаго шитья.

Когда всѣхъ присутствующихъ гостей пере-
величаютъ, то снова начинаютъ величать же-
нху съ невѣстой вмѣстѣ.

Величаніе жениху и невѣстѣ.

1575.

Какъ во садѣ было во садикѣхъ
Во зеленомъ во вишневомъ, —
Тутъ ходилъ, гулялъ молодецъ,
Егоръ-отъ, свѣтъ Ивановичъ,
Онъ чесалъ буйну головушку.
Онъ чесалъ, приговаривалъ:
— «Разсыпайтесь мои волосы 2
По моимъ плечамъ могучимъ! 2
Прилегайте, мои волосы, 2
Къ моему лицу бѣлому, 2
Ко моимъ щекамъ румянымъ, — 2
Привыкай, красна дѣвица, 2
Свѣтъ Анна Михайловна,
Къ моему уму разуму,
Да ты ко праву молодецкому. 2
— Мнѣ-ка умъ-отъ не гланется 2
Мнѣ-ка нравъ-отъ вашъ не правится. 2
Раскаталоса вишенья,
Передъ яблonoю садовою, 2
Передъ грушею зеленою. 2
Вотъ расплакалась дѣвица
Предъ батюшкѣмъ родимымъ, 2
Предъ матушкой родимой. 2
«Ты, родимый мой батюшка,
Ты родимая матушка!
Что нельзя ли этому горю пособить?
Эту думу передумать,
Меня замужъ не выдать,
За удалъ-добра молодца?»

Если у жениха или невѣсты нѣтъ отца или
матери—дѣвки поютъ:

1576.

Много, много во винной рѣкѣ
Много золота, много серебра, 2
Много скатнаго жемчугу. 2
Только во винной рѣкѣ 2
Нѣту самоцвѣтнаго камушку, 2
Самоцвѣтнаго лазореваго. 2
Много, много, у Еньюши, 2
Много роду, много племени, 2
Много ближнихъ и пріятелей 2
Только у нашей Еньюши,
У молоденькой свѣтъ Ивановны,
Нѣту родимаго свѣту батюшки: 2
Снарядить-то еѣ есть кому, 2
Благословить-то еѣ пекому. 2
Осударь родимый братенько! 2
Егорушко, свѣтъ Ивановичъ!
Ты поди-ка на конюшенъ дворъ, 2
Выбирай-ка коня лучшаго! 2
Мы поѣдемъ ко Божьей церкви, 2
Привяжи коня къ колоколенѣ, 2
Ты ударъ въ большой колоколъ, 2
Заунывнымъ голосомъ: 2
Не разступится ли мать земли сырал? 2
Не раскроется ли гробова доска? 2
Не развернется ли дорога парча? 2
Не возстанетъ-ли родной батюшко? 2
Не благословить-ли меня горькую, 2
Мнѣ подъ златъ вѣнецъ вѣхати! 2

Въ то время, какъ дѣвки поютъ эту пѣсню,
сидящая въ избѣ съ прочими гостями молодежь
и бабы, вѣроятно для подавленія въ себѣ груст-
наго впечатлѣнія, произведеннаго этою пѣсню,
начинаютъ пѣть между собою другую пѣсню, ве-
селаго содержанія, какъ на примѣръ:

1577.

Сидитъ Ваня на диванѣ,
Чай остатки допиваетъ,
Не допивши Ваня по стакану,
Самъ за дѣвицей пошелъ.
«Ты дѣвица-красавица,
Объясни свою судьбу!
Я любилъ тебя три года,
Всѣ за умъ, за красоту,

Я любить тебя не буду,
Всё за грубость за твою.....
На Кавказъ пѣшкомъ пойду.
Во Кавказѣ, во трактирѣ,
Много денегъ, тысячь девять, —
Остается рублей сто.
На остаточны деньги
Найму тройку лошадей —
Разночальскихъ, разсудерскихъ,
Воронныхъ пару себѣ.
—Понесли его лихѣ
Вдоль дорожки столбовой,
Мимо матушки родной....
Какъ у Ицкаго селенья
Деревенька небольшая.
Какъ во этой деревенькѣ
Стоитъ кучеръ молодой.

Молодецкая пѣсня, которою парни разгоняютъ грустныя впечатлѣнія заунывнаго пѣнія, до того развеселяетъ и разшевеливаетъ дѣвокъ и бабъ, что котораянибудь изъ послѣднихъ, будучи не въ состояніи усидѣть на мѣстѣ, какъ бы невольно, соскакиваетъ съ своего мѣста и пускается плясать. За нею поднимаются и прочія бабы, при чемъ одинъ изъ парней много отъ куда-то достаетъ двухструнную балалайку или гармоньку и, приплясывая ногою въ тактъ съ бабьей пляской, ухарски на пей подыгрываетъ, а другой, сказавши игроку: «пу-ко, Мамушко, трахни комаринскую» выступаетъ на средину избѣ съ какоюнибудь пойманной имъ дѣвкой, начинаетъ плясать въ присядку. Въ избѣ въ это время нельзя бываетъ различить ни одного слова: все сливается въ несвязный, противный для слуха шумъ и гулъ, прерываемый изрѣдка тяжелыми вздохами старухъ и словами: «Матушка! Царица Небесная, согрѣшили мы грѣшныя». Дѣвки въ припадѣ общей веселости, поютъ въ это время веселыя пѣсни, которыя продолжаются уже до самаго окончанія смотровъ.

1578.

Всѣ угары зашумѣли въ головѣ,
Самовары закипѣли на столахъ,
Чайны чашки забренчали во шкафахъ.
Чайны чашки паливались,
Тутъ дѣвцы забавлялись.
Вдоль по улицѣ молодецъ идетъ,
Вдоль по широкой удаля голова,
Онъ ударился махать алымъ платкомъ.
«Не угодно ли со мной погулять,

Во единый рядъ товаровъ закупать?
Изъ цвѣтовъ, цвѣтовъ лазоревыхъ цвѣтовъ,
Выбирай, милая, на платице себѣ,
Голубой-отъ цвѣтъ не правится,
Алой-розовой-отъ—солнышко горитъ,
А малиновый совѣтъ полинялъ.
Ужъ и всѣ ситцы не правятся,
Што всѣ скоро мараются.
Купи, миленькій, черной парчи.»
—«Мнѣ монашенкой покажешься,—
Я монашенку на смерть не люблю.
Куплю лапушкѣ бѣлой кисей,
Въ бѣло платице парядишься,
Мнѣ-ка барышней покажешься.
Ужъ я барышню люблю, 2
Я со барышней гулять пойду.»
Добрый молодецъ младъ да удалъ,
Черезъ высокія заплотники скакалъ,
У тулупу праву полу оборвалъ.
Праву полу починаю я, починаю,
На дѣвицу шаль терновый наложу,
Я дѣвицу по горницѣ провожу,
Поздороваюсь—назадъ отойду.

— «Ну-ка, дѣвоньки, бабоньки, не пора ли ужъ, приниматься за свое дѣло!» громко возвышаетъ свой голосъ среди гула пѣсенъ чуть живой свать, сядищій за столомъ. Пляшущая и поющая толпа умолкаетъ и садится по своимъ мѣстамъ.

— «Ай да молодцы, молодцы, умѣли насъ стариковъ утѣшить», восклицаетъ также, чуть живой, отецъ жениха, и въ доказательство того, что молодцы его весьма утѣшили, начинаетъ мурлыкать про себя какуюнибудь пѣсню собственной фантазіи:

Какъ за это утѣшеніе
Куплю сахару, меду
Всѣ дѣвицамъ подарю,
А молодчикамъ янтарю и пр. ч.

Подъ конецъ смотровъ все почти бываетъ перебито и валется гдѣ-нибудь въ углу, то бутылка съ остаткомъ вина, то конецъ рыбнаго пирога, на который, ходя по избѣ, какаянибудь пьяная баба, наступитъ ногой и со злостью проговоритъ: «да какая тутъ комуха, прости меня грѣшную валется!» причемъ какой-нибудь мальчишка скажетъ ей съ палатей: «это, бабушка, безпримѣнно сусѣдка», а баба ему въ отвѣтъ погрозитъ и прибавитъ: «я ти дамъ, сусѣдка». А тѣ изъ бабъ, которыя еще немного могутъ говорить, сплетничаютъ о своихъ сосѣдяхъ, если-же, сами они не въ состояніи уже продолжать какого-ни-

будь разговора, ничего не говорят, а только изрѣдка крестятся и охаютъ, приправляя свои охи и кресты словами: «не бай, дѣвка, мать пьяна!», и маленькіе мальчики, сидѣвшіе до сихъ поръ на палатахъ и на градкахъ, видя уже, что любопытнаго для ихъ наблюденія остается мало, безпрестанно начинаютъ торопить своихъ отцовъ и матерей домой: «мамка-ли, молъ, айда, домой — спать хочу!»

— «Иду, иду, батюшко... сейчасъ иду», отвѣчаетъ обыкновенно мать своему сыну, нисколько не думая еще подниматься съ мѣста. На прощаньи дѣвки и бабы поютъ еще:

1579.

На морѣ лебедь воду пила,
Напившись воды, на берегъ взошла,
На берегъ взошла — сама сплакала:
«Какъ то я съ морюшкою разстануся?»

Придетъ зима да студеная,
Выпадутъ снѣга глубокіе,
Западутъ слѣды да лебедушкины, —
Тутъ то я съ морюшкою разстануся.
— Въ теремѣ высокою красна дѣвица дары шила,
Шила дары, слезно всплакала:
«Какъ-то съ матушкой разстануся?
Первые растаніи — середь горницы,
Другіе растаніи — на новомъ крыльцѣ,
Третьи растаніи — за воротами,
Тутъ-то я съ матушкой разстануся!»

По мѣрѣ того, какъ въ пѣснѣ упоминаются «растаніи» мужики, бабы и дѣвки постепенно прощаются съ матерью жениха и невесты (если только они не лежатъ уже гдѣ-нибудь на казеннѣ пьяные) сначала у избныхъ дверей, а потомъ за воротами, взявъ впрочемъ другъ съ друга слово — непременно придти попривѣтствовать и на свадьбу. Нѣкоторые изъ гостей, уже черезчуръ отуманенные винными парами, домой не уходятъ, а гдѣ сидятъ, тутъ и спятъ до утренняго похмѣлья, которое мало по малу доводитъ ихъ до того же состоянія. Это «похмѣливанье» продолжается иногда цѣлую недѣлю. Послѣ смотровъ до свадьбы время обыкновенно проводится въ шитьѣ невестѣ подѣвничнаго сарафана и въ приготовленіи даровъ поѣзжанамъ. Свадьба же откладывается, смотря по обстоятельствамъ родителей жениха, до болѣе удобнаго времени. Время отъ смотровъ до свадьбы иногда проходитъ болѣе мѣсяца, и въ продолженіе его женихъ съ невестой не должны видѣться между собой,

за исключеніемъ, конечно, печальной встрѣчи въ церкви. Невѣста, какъ водится, отъ самихъ смотровъ до свадьбы кажется печальною, давая тѣмъ знать, что ее выдаютъ за немилую и что ей теперь не мѣсто веселиться, когда родители рѣшаютъ ея судьбу. Родители жениха и невесты проводятъ это время болѣею частію въ пированьи, рассказывая всѣмъ и каждому, что вотъ-де и мы сына женимъ или дочь выдаемъ. Не мѣшаетъ здѣсь, между прочимъ, замѣтить, что если послѣ смотровъ въ домѣ жениха или невесты, кто-нибудь умретъ или просто случится какое-нибудь несчастіе, то свахи обыкновенно толкуютъ, что молодые будутъ жить несчастливо, потому что, по ихъ понятію, это безпремѣнно что-нибудь да не ладно. Въ день, назначенный для свадьбы, дѣвки раннимъ-рано собираются еще въ послѣдній разъ къ невестѣ и до самаго прихода жениха кажутся печальными, патирая иногда, за отсутствіемъ дѣйствительныхъ слезъ, глаза лукомъ, въ ознаменованіе ихъ глубокой дружбы и жалости къ невестѣ. При входѣ жениха въ избу, дѣвки начинаютъ выть:

1580.

Почила я, да выспалася,
Ждала я, да дождалася,
Я отъ батюшки — слова ласкова,
Я отъ матушки — пробужденьца,
Я отъ братишки — мыла бѣлова,
Я отъ сестрицы — ключевой воды,
Отъ невестушки — полотеньца.
Не могла то я дожидатися
Я отъ батюшки слова ласкова,
Я отъ матушки пробужденьца.

«Ну, ужъ дѣвки-голубушки! проститесь-ко со своей-то подруженькой, пора ѣхать въ Божью церковь къ вѣнцу», — говоритъ обыкновенно мать невесты къ воющимъ дѣвкамъ. Услышавъ эти слова, дѣвки начинаютъ голосить еще пуще прежняго, давая тѣмъ знать, что вотъ какъ намъ дорога наша старая подруженька. Между тѣмъ женихъ съ невестой, отецъ жениха и съ дружкой садятся за столъ, на который тотчасъ же кладутъ *разноный* пирогъ съ воткнутыми въ его верхнюю корку елочками и разными фигурками. Этотъ пирогъ долженъ весь съѣсть дружка, послѣ чего молодые должны непременно отпривѣстись къ вѣнцу. На порогѣ у избныхъ дверей отецъ и мать невесты благословляютъ ихъ — первый иконой, и мать короваемъ хлѣба и накрыв-

ваютъ невѣсту красной шелковой фатой, подъ которой она должна ѣхать до самой церкви, наклонивъ голову впередъ. Всѣ поѣзжане и погоныи ѣдутъ на пиръ съ колокольчиками и перемѣнно свѣсивъ съ экипажа одну погу. Дружка на всякій случай беретъ съ собою косушку вины, затыкаетъ ее въ голенище своего сапога и въ случаѣ, какъ говорятъ дружки, попадетъ недобрый человѣкъ, онъ отдаетъ ему тотчасъ эту косушку. Тотчасъ послѣ обвѣнчанья свахи уводятъ молодую въ церковную сторожку и тамъ заплетаютъ ей двѣ косы, которыя она и должна носить до самой смерти. Оттуда поѣздъ ѣдетъ къ жениху, гдѣ молодая, при входѣ въ избу, должна положить по поклоу отцу и матери мужа въ знакъ ея покорности волѣ родителей. Отецъ благословляетъ молодыхъ иконою, а мать, взявши большой бѣлый хлѣбъ, сначала надамываетъ его надъ головой сына, а потомъ уже и вовсе переламываютъ его надъ головою невѣсты и раздѣляютъ эти половинки имъ обоимъ, а они должны свито хранить ихъ до самой смерти. Дѣвушки на послѣ-свадебномъ пиру уже не бѣгаютъ, пируютъ здѣсь бабы, мужики и молодежь. До пріѣзда отца, матери, братьевъ, сестеръ и другихъ родственниковъ невѣсты, молодая чета должна сидѣть въ особомъ чухаѣ, куда приглашаются къ нимъ священники и только самыя главныя лица села или деревни. Здѣсь молодая сидитъ въ безмолвіи, а женихъ и дружка готовы ужинать, за которымъ впрочетъ молодые ѣсть не должны. Для родни со стороны молодой накрывается столъ въ избѣ и до самаго ихъ пріѣзда ни игоръ, ни пѣсней не бываетъ. За ними обжовенцо посылаютъ раза два и три. По пріѣздѣ ихъ женихъ и невѣста встрѣчаютъ ихъ виномъ еще во дворѣ и не ранѣе впускаютъ ихъ въ избу, какъ подавши имъ напередъ по стакану вина. Потчивашье невѣстныхъ родственниковъ во дворѣ означаетъ то, что они какъ будто пріѣхали съ намѣреніемъ отпять у молодого его жену; потому-то молодой и обязанъ въ предупрежденіе отбоя жены, задобрить ихъ виномъ. Родни молодой примиряется, уступаетъ жену молодому и хлопнувши по рукамъ, входятъ въ избу. Въ это время обжовенцо свать долженъ дарить всѣхъ родственниковъ, причтъ и нѣкоторыхъ изъ поѣзжанъ и погоныхъ, и потому, когда всѣ присутствующіе размѣстятся по своимъ мѣстамъ, дружка, какъ бы желая намекнуть объ этомъ свату, говорить, какъ будто шутя:

— «А ай, сватушко, надо бы полотнышко: не чѣмъ утереться». Свать на шутку дружки обыкновенно отвѣчаетъ такую-же шуткою.

— А вотъ на крюкѣ, што два висятъ.....

— Да на крюкѣ то черно; а мнѣ бы надо бѣлинько....

Перекрестившись трижды и ничего не говоря, свать (отецъ молодого) вынимаетъ изъ лубяной коробки дары: сапоги, коты, десяти-копѣчныя платки и полотенцы, кладетъ ихъ на подносъ, на которомъ еще стоятъ стаканъ пива и рюмка водки и все это подноситъ сначала священнику, а потомъ и прочимъ поѣзжакамъ и погоникамъ. Въ это время бабы поютъ священнику величанье:

Величанье священнику:

1581.

У батюшки борода,
У батюшки русая!
Вотъ эту бородушку царь любить,
По бородушкѣ царь гладить,
Приближенною называетъ:
Приближенный царю—воевода!
Слышишь ли, батюшка,
Тебѣ пѣсни поемъ,
Тебя величаемъ?
Какъ бы ты слышалъ,
Такъ насъ, пѣвнцъ подарить, —
Не рублемъ, не полтиною,
А золотой казной!
Намъ, молодушкамъ, много надо:
На пряники, на орѣшки,
Не черныя черпичи,
На бѣлыя на бѣлшны,
На твою матушку,
Съ городами вѣнокъ,
Съ пригородками;
На твоего сына милаго, —
Добра коня.
Конь подъ нимъ —
Ровно лютый звѣрь.
Самъ на конѣ —
Какъ соколъ на лету.
На твою, батюшка, дочь милую,
Полояпской платъ,
Позолоченной!

Если священникъ и вообще тотъ, кого величаютъ подарить этихъ «пѣвнцъ», — они поютъ:

1582.

Исполать тебѣ, батюшко!
Исполать тебѣ, отецъ Николай!

Исполать со матушкой Сидоровпой,
Исполать со дѣтушками со маленькими!

Величание свату:

1583.

Ты, сватушко, молодой,
Наливай корецъ медовой!
Чтобы весела наша бесѣда
Радозна была.
Не пчелыньки летѣли,
Къ шатру прививались.
Шатерь ты мой, шатричокъ!
Во этомъ во шатрикѣ Иванушко лежитъ.
Онъ лежитъ, ухмыляется,
Своей женой похвывается:
«У меня жена умная,
Свѣтъ Анна-та Марковна!
Своему дому хозяйшка,
Своимъ дѣтушкамъ матушка!...

Величание свахъ:

1584.

На твою, Оеклуша, шубу;
Поволока гремитъ,
Пуговки бречать.
Слышишь ли Оеклуша,
Слышишь ли Александровна,
Тебѣ пѣсни поемъ,
Тебя величаемъ?
Кабы ты слышала,
Такъ насъ, пѣвицъ, подарила
Не рублемъ, не полтиною,
А серебряной гривной!

Во время даренья прочихъ погонихъ, бабы поютъ разныя пѣсни, въ которыхъ вообще восхваляются добродѣтели и внѣшнія отличія того, кого величаютъ. Большою же частію поютъ слѣдующую пѣсню:

1585.

Во горенькѣ во новой,—2
Что за пужда во новой

(Эти слова прибавляются къ каждому послѣднему слову новой строки).

Стоитъ столникъ кедровый. 2
На столникѣ набрано,
Графинъ водки ставлено.

Свѣтъ-Андрей-отъ господинъ. 2
По горенькѣ проходилъ,
Рюмку водки наливаль, 2
Свѣтъ Михайловнѣ подноситъ:
«Александра, жизнь моя!
Выпей рюмку отъ меня,
Отъ Андрея сокола!
Я за эту тебѣ услугу
Нитку жемчугу подарю.
Носи жемчугъ, не жалѣй, 2
Корми сына, пѣжь, дѣлай!»....

Пѣнье величальныхъ пѣсень прекращается голосомъ свата: «Ну-те-ко, молодцы, не пора ли ужъ вамъ покончить дѣла-то? дѣло-то мы начали, такъ надо покончить, а то (обращаясь съ усмѣшкой къ молодымъ) и у васъ не будутъ покончены.»

— «Ну-ко, батюшко, благослови-ко, наши-тѣ лства и научи-ко насъ, какъ добры-то люди пиръ ведутъ»—говоритъ въ свою очередь сваха, подходя къ столу со стаканомъ вина и подавая его священнику. Священникъ читаетъ молитву: «Отче нашъ», садитъ всѣхъ гостей «рядъ по рядъ» и принимаетъ стаканъ вина, въ который онъ обязанъ по крайней мѣрѣ хоть обмакнуть свои губы. Нужно впрочемъ замѣтить, что крестьяне сочли бы гордецомъ того священника, который бы не отвѣдалъ на свадьбѣ, хотя немного простой сивухи; они бы всегда о такомъ священникѣ говорили бы такъ: «что у насъ батько-то, хоть и умеетъ, да не изволитъ съ нами грѣшными и вина то испить..... али мы не люди? Богъ съ нимъ!» Этотъ свадебный пиръ, какъ водится, продолжается до самого утра. Женихъ, по обыкновенію, во все продолженіе пира ничего не говоритъ и ограничивается одними только цѣлованьями съ невестой, поощряемыми криками поѣзжающихъ и погонихъ: «горько, горько!» Какойнибудь сидящій на полатяхъ мальчишка, грызя орѣхи, тоже кричитъ: «горько!» Женихъ каждого крикуна непременно долженъ удовлетворить, а то бы сейчасъ отнесли это неудовольствіе къ нелюбви его къ своей суженой. Випо въ это время покупается ведрами, особенно, если родня молодой люди богатые. Иногда дѣло доходитъ и до того, что сватовъ въ случаѣ недостатка въ деньгахъ закладываютъ свои азамы или что нибудь изъ своихъ домашнихъ вещей, увѣряя всѣхъ и каждого (вѣроятно, изъ боязни унижить свое достоинство) что, «право, оно деньги-то и есть, достало бы и дворецъ откупить, да деньги-то лежать далеко» или, «что цѣловальникъ не дастъ на 50 рублевую.» На эти увѣренія сватовей, присутствующіе махнутъ рукой и прибавятъ: «все едино: была честь прило-

Тойже губ., Слободск. у.

жена». Не описываемъ здѣсь подробностей шумной свадебной оргіи, потому что эти оргіи имѣютъ характеръ общій со всѣми другими крестьянскими пирами, и болѣе или менѣе извѣстны читателю сколько нибудь знакомому съ крестьянскимъ бытомъ. Скажемъ только, что этотъ свадебный «пиръ-горой» кончается ни чѣмъ инымъ, какъ отсутствіемъ, вслѣдствіе большого пріема горячительной влаги, почти всякой дѣятельности всѣхъ человѣческихъ членовъ: на погахъ остаются только пѣ-оторыя молодухи, да часть молодыхъ ребятъ. Дружка, впрочемъ до такого положенія не напивается, потому что ему непременно нужно по окончаніи пира увести молодую чету на подельеть и дать жениху пѣсколько паставленій. Когда иные гости уже захрапѣли и сидящіе впереди женихъ съ невѣстой пачпуть также дремать, дружка и сваха выводятъ ихъ изъ-за стола, благословясь и провожаютъ до *подклета*¹⁾, кладя имъ подъ кровать, неизвѣстно для какой цѣли *ба-стрыгъ*, хомутъ и возжи и совѣтуя имъ спать крѣпко. Предъ отправленіемъ на ложе гимнеей, женихъ и невѣста должны сами потчивать провожавшихъ ихъ священника, дружку и сваху, рюмкой водки, при чемъ послѣдніе должны пожелать имъ «всякаго счастья и всѣхъ земныхъ благъ». Наконецъ и женихъ обязанъ поднести своей жепѣ тоже рюмку водки, приговаривая: «кушай-ко, Анна Михайловна, коли меня любишь». Невѣста, поднося жениху, также говоритъ: «кушай-ко Егоръ Ивановичъ, коли меня любишь».

На другой день, ранымъ-рано, сваха и дружка топятъ баню, въ которую прямо съ постели отправляютъ молодыхъ при громѣ разныхъ побрякушекъ. Въ ихъ отсутствіе пирующие поѣзжане считаютъ своею обязанностію перебить всю домашнюю посуду и *перелукать* съ полатей всѣ корчаги, если только хозяева не позаботились заранее кое-что поѣбнѣе припрятать. Въ этотъ же день вечеромъ молодые ѣздятъ въ гости ко всѣмъ родственникамъ, гдѣ ихъ подчуютъ чаемъ или пивомъ, блинами и рыбнымъ пирогомъ, предлагая при этомъ «подымающимъ поѣздъ» дары, состоящіе изъ плохонькаго платка и полотенца, за что погонихи должны въ свою очередь отдать молодыхъ «серебряннѣй гривной».

На третій день молодая принимается за исполненіе всѣхъ обязанностей хозяйки, памятуя однако, долгъ — быть во всю свою жизнь послушною свежрови и покорною своему мужу.

Изъ рукоп. сборника Н. А. Александрова.

Свадьба составляетъ важную эпоху въ жизни нашего крестьянина. Ничто такъ не сокрушаетъ его, ничто столько не приноситъ ему хлопотъ, какъ свадьба его сына. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта же самая свадьба есть для него и величайшій праздникъ. Иной крестьянинъ еще года за два — за три готовить для свадьбы своего сына пѣ-сколько десятковъ рублей денегъ; и хотя бы у этого крестьянина дома печего было нѣтъ, хотя бы у него изба совсѣмъ валялась, — онъ ни за что не рѣшится поправить свое состояніе, покуда не сыграетъ свадьбы. Спросите его, хотъ изъ любопытства, отчего у него изба плоха, и отчего онъ ее не поправитъ, между тѣмъ какъ онъ могъ бы имѣть хорошую избу? Крестьянинъ вамъ всегда отвѣтитъ такъ, особенно если есть у него въ семьѣ сынъ или два: «Э, да вѣдь у меня есть сынъ; а я его ошто не женилъ, а вотъ жепю, такъ тошно избу поставлю». Это кажется намъ очень понятнымъ, если мы припомнимъ, какое понятіе соединяютъ наши крестьяне со словомъ свадьба. Обыкновенно, свадьба для нихъ есть почти ничто иное, какъ большая пирушка, или какъ говорятъ сами крестьяне: «пропивки», на которыхъ пропиваютъ невѣсту. И если мужикъ сыгралъ свадьбу на славу, то о немъ всегда отзываются съ похвалою, ему во всю жизнь бываетъ большой почетъ, говори, что «это добрая душа, какой и на свѣтѣ не отыщешь». И горе напротивъ тому мужику, который сыгралъ свадьбу своего сына не на славу, т. е. если у кого на свадьбѣ вина и пива было мало. Подобную свадьбу всегда станутъ звать похоронами, и отецъ жениха надолго будетъ пользоваться репутацией скупца. Конечно въ такомъ случаѣ всякій старается устроить свадьбу порядкомъ, потому что, какъ говорятъ наши мужики, это дѣло взаимное. Нечего говорить, что эта попойка продолжается иногда болѣе недѣли, на томъ основаніи, что если какой нибудь напр. Семенъ Ахтямовъ женилъ сына, — слѣдовательно и всякій крестьянинъ того села или деревни въ правѣ пировать, хотя бы и болѣе недѣли, сколько его душевнѣе угодно²⁾. Такъ разсуждаютъ и такъ дѣлаютъ почти всѣ наши крестьяне.

Мы должны были предпослать эти строки нашему очерку для того, чтобы показать, какъ понимаютъ крестьяне Слободскаго уѣзда свадьбу и какое значеніе она имѣетъ въ ихъ жизни. Теперь приступимъ къ дѣлу.

Крестьянинъ задумалъ женить своего сына и онъ самъ не въ правѣ объявить свою волю сыну, потому что ему было бы неприлично вмѣши-

¹⁾ Подклетъ, подклетъ и подклетье — исподній ярусъ дружилой избы. См. словарь Даля.

²⁾ Тутъ какая-то недомолвка.

ваться не въ свое дѣло. И вотъ отецъ гдѣ-нибудь на работѣ мелькомъ намекаетъ своему сыну объ этомъ полшутя: «Эхъ Митька, Митька! Ишь жениться сбирается, а не умѣетъ и стога хорошенько сметать.....». При чемъ сынъ на шутку отца улыбнется и тотчасъ же въ оправданіе свое прибавитъ: «со всѣмъ пѣтъ.... я рази тибѣ баялъ?...» или что-нибудь въ этомъ родѣ. Долго продолжается это отцовское псушеніе сына. И наконецъ, когда сынъ окончательнѣе сообщитъ о своемъ намѣреніи матери, то мать уже говоритъ объ этомъ его отцу, и опять такъ какъ-нибудь сбоку (отецъ жениха не долженъ знать, что сынъ его хочетъ жениться, пока послѣдній самъ не скажетъ объ этомъ матери). Тогда мать при случаѣ скажетъ: «вотъ-де мнѣ куда какъ тяжело стало работать и править одной домою, помощницы никакой нѣтъ.» Потомъ начинаетъ какъ-нибудь хвалить своего сына: а ий, сынъ-отъ у насъ больно работящъ, ужъ не порали намъ его женить?» и т. п. Въ домѣ послѣ подобныхъ объясненій со стороны и матери и отца жениха, въ какой-нибудь праздникъ или воскресенье отецъ и мать садятся со всей семьей за столъ обѣдать, жениха садятъ впередъ и здѣсь-то мать объявляетъ во всеуслышаніе о своемъ намѣреніи женить своего сына. Дѣло мало по малу слагивается, конечно, не обходится и безъ того, чтобы не поспорить отцу и матери въ выборѣ невѣсты сыну. Тотчасъ же посылаютъ за какой-нибудь свахой, Вахрамѣвной, съ приходомъ которой начинается въ честь будущаго муженька порядочная пирушка. На просьбы матери и отца и на просьбы самаго жениха о присланіи ему хорошей невѣсты сваха обѣщается высватать пригожую да черноглазую дѣвку, при чемъ женихъ, въ случаѣ успѣха въ этомъ дѣлѣ, обѣщается купить ей ситцу на рукава или на сарафанъ. Сваха въ свою очередь проситъ жениха не забывать ея и послѣ: «помянуть добрымъ словомъ». Порѣшивши со свахой, отецъ приказываетъ сыну-жениху запретъ пару лошадей, на которыхъ сваха и отправляется, обыкновенно съ мѣстечка къ извѣстному ей крестьянину сватать невѣсту, на дѣвши предварительнѣе на руки *шубенки*¹⁾ а на ноги лопотки.

Во время дороги сваха ни съ кѣмъ не должна говорить ни слова, хотя бы кто ее и спрашивалъ о важномъ дѣлѣ: она или махнетъ на вопросы рукой или просто смолчитъ, потому что по понятіямъ свахъ, въ противномъ случаѣ свадьба бы не сыгралась, а молодые не были бы умны:

¹⁾ Въ Оп. обл. великор. слов. — «шубенки»: рукавицы изъ овчиннаго мѣха. У Даля этого слова нѣтъ.

«стали бы говорить тамъ, гдѣ не спрашиваютъ». Подѣхавши къ дому будущей невѣсты, сваха еще на бѣгу лошади соскакиваетъ съ телѣги и бѣгомъ отправляется въ избу невѣсты, означая этимъ, что и родители невѣсты также скоро сложатся на ея сватовство. По понятіямъ свахъ, когда она ѣдетъ къ дому невѣсты, то дѣтотъ въ колесахъ непремѣнно горячій, а у санией—полозья; слѣдовательно и лошади также бываютъ горячи и легки. Потому-то сваха и должна соскакивать съ телѣги на бѣгу, чтобы и ей скорѣе и горячѣе покончить это дѣло. При входѣ въ избу невѣсты сваха въ шубенцахъ становится не на долго на порогѣ и въ это время, по словамъ свахъ, никакой еретикъ не въ состояніи придти въ избу и испортить невѣсту. Потомъ сваха становится на средину избы, противъ матицы, чѣмъ представляетъ себя покупателю, а отца и мать представляетъ купцами, подобно тому, какъ въ лавкѣ покупщикъ не въ правѣ зайти далѣе прилавка.

«Свать со сватьей сядемъ на брукъ да положимъ ноги на очоцъ,—говоритъ сваха, обращаясь съ поклонами къ отцу и къ матери невѣсты: отдайте свою дочь.... У васъ товаръ, у насъ купецъ,—не убудется, дѣло сбудется.»

— «Ладно, ладно свахоныка», отвѣчаютъ ей въ свою очередь родители невѣсты, «благодаримъ на добромъ словцѣ; удостоили чести, такъ приводи купца и посмотрите товарецъ.»

Если же родители невѣсты почему-нибудь не соглашаются отдать свою дочь за рекомендуемаго свахой жениха, то сваха начинаетъ ихъ уговаривать, говоря: что дѣвкѣ-то и не увидишь какъ годы то мипутъ, что коли дѣло сподручно, такъ завсегда можно отдать». При этомъ сваха, конечно, коснется и жениха, что «этакое красавча работающаго и по всему свѣту искать такъ не найдемъ». Послѣ разныхъ споровъ и похвалъ съ той и другой стороны и послѣ согласія невѣсты, сваха, сказавъ еще на дорогу: «не убудется, дѣло-сбудется», тотчасъ удаляется. По уходѣ свахи въ домъ невѣсты тотчасъ же поднимается вой. Мать уводитъ невѣсту куда-нибудь въ чуланъ и, если приучилась съ дѣтства выть, тутъ то начинается выть: «родимое ты, наше дитетко! покидаешь ты насъ отъ дому родительскаго, оставлень ты насъ одѣхъ горе мнѣать! Не увидимъ мы твои очи ясныя, не обмолвимъ ты насъ болѣ словомъ ласковымъ» и проч., и проч.

На другой день женихъ выѣзжаетъ съ отцомъ и матерью и со всѣми своими родственниками отправляется къ невѣстѣ на *смотрины*. Пришедши въ избу невѣсты, женихъ и сопутствующая ему толпа родни не садятся на лавки до тѣхъ поръ,

пока не увидать невесты, послѣ чего всѣ уже садятся по степенямъ родства. Между тѣмъ какъ гости сидятъ за столомъ и поглядываютъ на рыбный пирогъ, приготовленный на этотъ разъ самой невестой, невеста уходитъ съ своими подружками въ чуланъ, одѣвается тамъ въ новый сарафанъ, въ которомъ и выходитъ къ гостямъ вмѣстѣ съ матерью, держащую въ рукѣ подносы, съ наполненными пивомъ стаканами. Мать обноситъ пивомъ гостей; а невеста, раскланявшись съ гостями на всѣ четыре стороны, опять уходитъ въ чуланъ. По вторичномъ уходѣ невесты, гости начинаютъ толковать о красотѣ и достоинствахъ невесты, спрашиваютъ для шутки жениха, согласенъ ли онъ взять эту невесту, при чемъ женихъ отвѣчаетъ имъ, что «эта невеста лучше сладкаго меда для него».

Долго не выходитъ невеста къ гостямъ въ третій разъ, и это долгое отсутствіе позволяетъ отцу жениха три раза сдѣлать невестѣ приглашеніе, приговаривая при этомъ, что «въ давни поры и мы жили и у насъ были дочери, да ужъ экъ долго не были; а ужъ нынче видно времена такіа, что невеста долго воетъ». При этомъ выходитъ изъ чулана мальчикъ, братъ или какой нибудь родственникъ невесты и садится на лавку къ столу, прося у жениха выкупъ за невесту; «а то», говоритъ онъ, «ни за что не выйдетъ и она не будетъ ваша». Отецъ жениха начинаетъ сначала мальчика страшать, грозитъ обрѣзать ему уши, если онъ не приведетъ невесты и наконецъ, послѣ долгихъ угрозъ и отказовъ онъ даетъ мальчику мѣдный пятакъ, — мальчикъ убѣгаетъ. Выходитъ невеста и даритъ жениха платкомъ, цѣлуя его при этомъ трижды; а женихъ, въ свою очередь, даритъ ей разныхъ пряниковъ и башмаки, а матери невесты платокъ, за что она его благодаритъ слѣдующими словами: «дай Богъ вамъ жить, да быть, добра наживать на вѣки вѣчные». Послѣ этого всѣ гости встаютъ, молятся Богу и начинаютъ ѣсть; состряпанный невестою огромный рыбный пирогъ. Сваты обыкновенно при этомъ замѣчаютъ, что чѣмъ пирогъ состряпанъ лучше, акуратнѣе и чѣмъ онъ вкуснѣе, тѣмъ невеста должна быть трудолюбивѣе и тѣмъ согласнѣе будетъ жизнь молодыхъ.

Эти смотры обыкновенно называются еще *протисками*.

Послѣ пропивока къ невестѣ, въ продолженіе трехъ или четырехъ дней, ходятъ подружки и шьютъ ей вѣнчальный сарафанъ или пригото-

вляютъ приданое. Въ продолженіе этого шитья дѣвки поютъ пѣсни, а невеста потчуетъ ихъ пряниками, которые всегда покупаются женихомъ. Пѣсни въ это время поются слѣдующія:

1586.

Съ лѣсу на лѣсъ роса падетъ,
Съ терему во теремъ красны дѣвки шли,
Промежу собой Анну вели,
Они Анну вели, свѣтъ Марковну.
На ней башмачки, на ней сафьянны:

Козлѣ, да козлѣ покатиться хотятъ 2
Подвели ей коня батюшкова;
Батюшковъ конь не ступилъ, не пошелъ, —
Въ чисто поле ушелъ.

Съ лѣсу на лѣсъ роса падетъ
Съ терему во теремъ красны дѣвки шли,
Промежу собой Анну вели,
Они Анну вели, свѣтъ Марковну.
На ней башмачки на ней сафьянны:

Козлѣ, да козлѣ покатиться хотятъ. 2
Подвели ей коня Иванушкова,
Иванушковъ конь онъ ступилъ и пошелъ,
Къ Божьей церкви ушелъ,
Ихъ вѣнчаться увелъ

или:

1587.

Шла наша Аннушка темнымъ лѣсомъ,
Крыла лѣса алымъ бархатомъ,
Путь катила золотымъ кольцомъ, —
Прикатила ко снѣгу морю,
Воскричала бѣлой лебедью:
«Кто бы меня перевезъ на ту сторону?»
Воскричалъ ей да Иванъ господишъ:
«Не кричи, Аннушка, не кричи Марковна!
Я за тобой корабль пошлю боярина.»
— «Не посылай, не посылай ты за мной корабля
боярина:

Вашъ бояра насмѣшливые,
А я дитя у батюшки стыдливая.»

или:

1588.

Вью, вью, вью и лелю!
Перехожай звѣздошка и свѣтлое солнышко,
Вью, вью, вью и лелю!

(Повторяется послѣ каждого стиха).

Переходила Анпушка изъ терема въ горницу,
Изъ высокаго во новую,
Приходила ко матушкѣ:
«Охъ ты родимая матушка!
На что рано пиво варишь?
Ты на что рано бѣлье мнѣ кроишь?»
— «Я тебя въ замужъ выдаю».
Испугалася Анпушка,
Воротилась назадъ, пошла,
Закрылась шелковымъ платкомъ,
Пришла домой повалилась на дубовый столъ,
Сама слезно плакала,
Во слезахъ слово сказала:
«Отошли мои красны днѣ,
Отошли мои радостныя!»
Пришла мнѣ разлука теперь
Съ родной матушкою,
Съ братомъ и сестрицей,
Съ дѣвоньками, съ подруженьками,
А пристала я къ свекру, къ свекровѣ,
Къ молодымъ молодущечкамъ.

или:

1589.

Динь, динь перепѣлка!
Какъ вѣчоръ перепѣлка
Долго вѣчору щекотала,
Какъ вѣчоръ къ перепелкѣ
Соколы прилетали,
Перепелку поймали,
Соколу въ руки дали,
Да ему начитали:
«Охъ ты, соколъ, соколичекъ!
Не давай ее въ обиду
Никакимъ большимъ птицамъ,
Ни орламъ, ни орлицамъ.»
Какъ вѣчоръ у насъ Анна
Долго вѣчеромъ сидѣла,
Какъ вѣчоръ у насъ къ Аннѣ
Молодцы наѣзжали,
Они Анну въ руки брали,
Молодцу въ руки дали,
Да ему начитали:
«Охъ ты молодецъ, молодецъ!
Не давай ее въ обиду
Никакимъ большимъ людямъ,
Ни свекру, ни свекровѣ,
Ни деверю, ни золовкѣ,
Ни снохамъ колотовкамъ.»

Во время пѣнья этихъ пѣсень невѣста дол-
жна сидѣть пригорюнившись. Иногда въ это

предсвадебное время приходятъ къ невѣстѣ старухи—молодость помянуть и на дѣвушекъ по-
любоваться. Невѣста должна угощать ихъ пивомъ
и выпомъ, но не пряниками, «потому что имъ,
какъ говорятъ сами старухи, не чета ѣсти то,
что любить молодость».

Презъ нѣсколько дней послѣ смотровъ или
пропивокъ бываетъ «сговоръ», на который собира-
ются одни только сватовья, свахи, ближайшіе
сосѣди, родственники жениха и невѣсты, преиму-
щественно бабы и старики. Свахи въ это время
толкуютъ о томъ, сколько тестъ возьметъ съ зятя
подмоги, чей долженъ быть *моршокъ* для невѣсты,
чьи должны быть дары, состоящіе большею ча-
стію изъ бѣлаго холста, аршинъ 6 и дешевень-
кихъ платковъ. Обязанность же бабъ состоитъ
въ приготовленіи стряпни (въ сговоръ всегда
стряпаютъ бабы, а въ дѣвичникъ дѣвки) и въ
мытьѣ посуды; а остальная часть до вечера про-
водится, такъ сказать, въ переливаніи изъ пу-
стаго въ порожнее. Къ вечеру всѣ бабы расхо-
дятся по домамъ, а перерядившись въ чистые
сарафаны, опять являются въ домъ невѣсты, гдѣ
они уже сидятъ весь вечеръ гостями. Женихъ
между тѣмъ въ это время до вечера ѣздитъ въ
село или городъ, закупаетъ тамъ пряниковъ и
орѣховъ и все это уноситъ на вечеринку къ не-
вѣстѣ, приказавъ предварительно дружкѣ сходить
къ священнику, съ тѣмъ, чтобы пригласить его
«посѣтить и благословить вечеринку». Когда всѣ
гости соберутся женихъ выходитъ вмѣстѣ съ не-
вѣстой съ нагруженными подносами пряниковъ
и орѣховъ и подносятъ все это подъ благосло-
веніе священника, послѣ чего опять начинается
потчиванье и ужинъ съ невѣстными пирогами.
Послѣ ужина священникъ читаетъ молодымъ
обручную молитву и гости разъѣжаются по
домамъ.

Но вотъ приходитъ и дѣвичникъ. Съ самаго
утра подружки невѣсты начинаютъ перебирать
изъ ея сундука все ея имущество и перекладыва-
ютъ его въ другой сундукъ, толкуютъ о томъ,
какъ лучше принарядиться невѣстѣ подъ вѣнецъ
и что ей въ этомъ случаѣ дѣлать иногда отъ не-
чего дѣлать и повоюютъ, если есть еще время
до прихода гостей. Къ вечеру собираются гости.
Дѣвки завязываютъ свои головы бѣлыми плат-
ками по наколку, наряжаютъ невѣсту и начина-
ютъ официальное вытье:

1590.

Какъ во чорномъ во морюшкѣ
Сѣра утица купалася;

Какъ во високомъ во теремѣ
Красна дѣвка наряжалася,
Красна дѣвка, Анпушка,
Надъ нею дѣвушки дивуются.
«Не дивуйтесь-ко, дѣвушки,
Не дивуйтесь, подруженьки,
Не сама я собой наряжаюсь, —
Заставляетъ батюшка,
Да родимая матушка.
Самой мнѣ не весело;
Мнѣ отъ батюшки и отъ матушки
Отдати не хочется,
А отъ васъ, отъ подружекъ — не подумается.
Отдають меня силою,
Отдають не за молодца, —
Отдають за Иванушку.

По окончаніи этой пѣсни мать невѣсты ставитъ на средину стола коровай хлѣба, съ поставленною на верхъ его сдѣланицею съ солью. Дѣвки опять поютъ.

Если жениха еще пѣтъ, то уже не поется ни одной пѣсни до его прихода и лишь только увидать, что онъ вѣбзжаетъ въ невѣстину дворъ, дѣвки начинаютъ пѣтъ:

1591.

Вьютъ на рѣкѣ пзвивается,
Петръ у воротъ убивается,
Проситъ свое суженое ряженое:
«Дайте мое, дайте мое суженое,
Дайте, дайте, мое ряженое!»
Вынесли ему сундукъ окованъ.
«Это не мое, это не мое, — это приданое».

Вьютъ на рѣкѣ пзвивается,
Петръ у воротъ убивается
Проситъ свое суженое, ряженое:
«Дайте мое, дайте мое суженое, мое ряженое!»
Выводили ему Анну душу, свѣтъ Марковну.
«Это мое, это суженое, мое ряженое!»

1592.

Ой горе да ладу мою!
Изъ за облакъ мѣсяць, —
Ой горе да ладу мою!

(Припѣвъ повторяется послѣ каждого стиха).

Изъ за свѣтлаго ѣдетъ, —
Зять къ тещѣ ѣдетъ:

Онъ во нарядѣ, онъ во хорошомъ,
На маленькой лошадеѣ
Въ коришневомъ кафтанѣ,
На рукахъ алы ленты,
На головѣ картузникъ.
Теща испугалась:
«Мнѣ некуда зятя садити!
Посажу я во горницу,
Подарю я новинами.»
Зять дары не приметъ,
За дары не похвалитъ.
«Эти дары приданы».

Изъ за облака мѣсяць,
Изъ за темнаго свѣтитъ,
Зять къ тещѣ ѣдетъ.
Онъ во нарядѣ, онъ во хорошомъ,
На маленькой лошадеѣ,
Во коришневомъ кафтанѣ,
На рукахъ алы ленты,
На головѣ вѣночкѣ.
Теща испугалась:
«Некуда зятя посадити!
Посажу я во свѣтлицу.»
Зять дары принимаетъ,
За дары величаетъ.
Ой горе да ладу мою!

Во время пѣнья этой пѣсни будущій зять стоитъ по срединѣ избѣ; къ нему подходитъ теща и начинаетъ водить его по избѣ, какъ бы отыскивая ему мѣсто, гдѣ бы его посадить. Въ то же время подходитъ къ нему сваха съ дарами, которыя она приказываетъ ему взять и раздарить ихъ кому слѣдуетъ. Будущій зять сначала не беретъ, отказывается, говоря, что ему не дѣло этимъ заниматься, а что онъ пришелъ къ своей суженой, съ ней посидѣть въ честной компаніи, но потомъ при концѣ пѣсни беретъ ихъ отъ свахи и одариваетъ ими тестя, тысяцкаго, дружку и проч. А когда молодые, сидя въ переднемъ углу, мѣняются между собою кольцами, въ знакъ того, что ихъ души взаимно между собою соединились, дѣвки поютъ:

1593.

Не долго вѣночку на столнѣхъ лежать,
Не долго Анпушкѣ во дѣвушкахъ сидѣть,
Не долго Марковнѣ въ красныхъ жить:
Русыя кудри за столъ пошли.
Русую косу за собой повели,
Съ правой руки кольчико спадиваетъ,
А Иванъ у Анны выпрашиваетъ:

Скажи-ко мнѣ Аннушка, скажи-ко Марковна:
«Кто тебѣ изъ роду милъ?»
— «Милъ мнѣ милешенекъ—батьшко родной.»
Ахъ ты Анна душа, свѣтъ Марковна!
Это ужъ Аннушка, это ужъ Марковна,
Не правда твоя, што не правда твоя!
Свое сердце, Аннушка, тѣшишь ты,
А мое гнѣвишь, што мое-то гнѣвишь!
— Недолго вѣнчочку на столнѣхъ лежать,
Недолго Аннушкѣ во дѣвушкахъ сидѣть,
Недолго Марковнѣ во красныхъ жить:
Русыя кудри за столъ пошли,
Русую косу за собой повели.
Съ правой руки кольчишко спадываетъ,
Иванъ Анну, Гаврилычъ Марковну выпрашиваетъ:
«Кто тебѣ изъ роду милъ?»
— «Милъ мнѣ милешенекъ—Иванъ господинъ,
Иванъ господинъ, да Иванъ господинъ.»
«Это ужъ, Аннушка, правда твоя истинная!
Свое сердце тѣшишь ты, а мое веселишь.
А мое веселишь, да веселишь!»

Дѣвки начинаютъ упрекать невѣсту, зачѣмъ она разлучилась со своими подружками и во время ихъ игоръ, они просятъ ее попросить позволеніе у отца и ея жениха поиграть и поплясать вмѣстѣ съ ними. Невѣста на ихъ упреки отвѣчаетъ, что она вѣдь не знала, чтобы выдти ей замужъ и отказаться отъ ихъ сообщества:

1594.

Я не знала, не вѣдала, —
Ко мнѣ сватья прѣхала:
Молодая, хвастливая
Она хвастала, хвастала.

(Сваха прерываетъ ихъ пѣнье словами: — «не правда, не правда, дѣвоцки! Я не хвастывала и не говорила».) Дѣвки продолжаютъ пѣть:

Чужу сторону похваливала:
Наша сторонущка, —
Весела путь дороженька,
Какъ паша сторонущка
Виноградомъ посаженная,
Черносливомъ утыканая,
Она сахаромъ посыпаная,
Сытою поливаная.
— Какъ у нашего Иванушки —
У него домъ и широкій дворъ
На семи верстахъ выстроенъ....

Сваха опять возвышаетъ свой голосъ: «Стыдно вамъ, дѣвки, врать. Я никогда не говаривала, что

у Ивана Гаврилыча на семи верстахъ домъ, а я толчки говорила: «У Ивана домъ басокъ¹⁾ и великъ.» Дѣвки продолжаютъ:

На семи съ половиною,
Крыша желѣзная,
Шоколя-то мѣдная,
У воротъ столбы каменные,
Воротечки рѣшетчатые,
Подворотенка стекольчатая,
У воротъ кольцо серебряное,
Извитое золоченое.

Тотчасъ же по окончаніи этой пѣсни невѣста выходитъ изъ за стола и начинаетъ играть и плясать вмѣстѣ съ своими подружками. Дѣвки опять поютъ:

1595.

Какъ не пава, какъ не пава,
Не пава по сѣнямъ ходила,
Не павина шестала, —
Тутъ ходила, тутъ ходила,
Тутъ ходила, гуляла Анна, —
Да Анна по сѣнямъ ходила,
Какъ Марковна по повымъ ходила.
Приходила, приходила,
Приходила она къ чулану,
Ко дверямъ она принадлежала,
Ко дубовымъ она прилежала:
«Отворитесь, вы двери дубовы!
Отопрись, ты пѣмецкій замочникъ!
Распахнися, шпшой-браной положечникъ!
Пробудися, родной батюшко,
Встань-ко ты, батюшка родной!
Ужъ ты встань-ко да посиди-ко!
Мнѣ не годъ ужъ у тебя годовати,
Не недѣлку у тѣ мнѣ жити, —
Мнѣ едва поченку почевати,
И ту почку не сыпати,
Съ подруженьками горевати

1596.

На спнемъ морюшкѣ
Плыветъ лебедь бѣлая
Со своими дѣтками-лебедками.
Негдѣ взялся добрый молодецъ,
Петрушенька Кировичъ, —

¹⁾ Красивъ.

Убилъ убилъ лебедь бѣлую, —
Разбрызналъ кровь по снѣгу морю,
Развѣять пухъ по чистымъ полямъ.
Негдѣ взялась красна дѣвица,
Ошто Анпушка Марковна:
Вереть перье, беретъ перье,
Вереть перье лебединое,
Кладеть въ шапку соболѣную.
Негдѣ взялся доброй молодецъ, —
Все Иванушко, все Иванушко,
Все Иванъ-отъ Гавриловичъ.
«Тебѣ Богъ помочь, красна дѣвица,
Ошто Анпушка Марковна,
Тебѣ братъ перье лебединое,
Тебѣ класть въ шапку соболѣную!»
Она ему ни словечка не сказала.
«Ужъ ты дѣвица, красавица,
Теперь ты со мной ломаешься,
Ошто будетъ-то за мной пойдешь,
Ошто будетъ-то будетъ у кровати стоять,
Ошто будетъ-то станешь разувать меня.»
Отвѣчала ему красна дѣвица:
«Ошто этого не будетъ никогда,
Чтобы стала разувать я тебя.
У тебя, у гада, — поги гризныя,
У меня — у млада, руки бѣлыя,
У меня — у млада на рукахъ перстни златыя.
Кто то меня утѣшитъ, бѣдную?
Утѣшитъ, не утѣшитъ родной батюшко.
Его утѣшеньце не вѣчное,
Не вѣкъ съ нимъ жить.
Кто меня утѣшитъ, бѣдную?
— Утѣшитъ, не утѣшитъ родна матушка?
Ея утѣшеньце не вѣчное
Не вѣчное, полувѣчное —
Полвѣка съ ней жить.
Кто-то меня утѣшитъ, бѣдную?
Утѣшитъ, не утѣшитъ Иванъ господинъ:
Его утѣшеньце вѣчное
Вѣчное, на вѣки вѣчное
Вѣкъ съ нимъ жить.

1597.

Не началъ-то батюшка во вѣкъ любить,
Избылъ 2 батюшка минутой часомъ.
Прошилъ 2 меня батюшко на горькомъ на винѣ,
Прошила-то меня матушка на сладкой водочѣ —
винцѣ;
Прошилъ меня братъ съ сестрой
На сладкихъ пряничкахъ-жомкахъ.
Отдалъ, отдалъ тебя Анпушка.
«Когда ты, Анпушка будешь въ гости къ намъ?»
— Охъ ты, батюшко, отецъ родной!

Я буду, я буду въ гости къ вамъ —
Не лѣтомъ, не зимой
Не осевью, не весной;
Прилечу я къ тебѣ, батюшко,
Черезъ двадцать пять лѣтъ.
Сяду я, сяду я на зеленъ твой садокъ,
Оболью я у тебя, батюшко,
Зеленой твой садъ горючими слезами,
Обсую у тебя, батюшко, твои яблонцы въ саду,
Не скажу я тебѣ, батюшко, про свое житье
молодучье.

Эту пѣсню поетъ невѣста вмѣстѣ съ прочими
дѣвками, жалуясь на свое горькое и безутѣшное
житье, которое она должна испытать въ заму-
жествѣ.

Если у невѣсты нѣтъ отца или матери, —
дѣвки поютъ:

1598.

Какъ на рѣчущей на быстрый
Много *дразну* и *дудору*¹⁾, —
Какъ у насъ во высокомъ теремѣ
Много гостей и дѣвушекъ.
Сидѣла тутъ Евленьюшка,
Сидѣла тутъ Ивановна.
Тутъ всѣ сидятъ весело,
Всѣ говорятъ радостно;
У насъ Евленьюшка сидитъ невесело,
Говоритъ она не радостно.
Подходили къ ней дѣвушки,
Милыя подруженьки:
«Катерина Григорьевна,
Анна Семеновна,
Марья Михайловна.
Толи мнѣ да не тошно!
Толи мнѣ да не горько!
Отстаю я отъ батюшки,
Отстаю я отъ двухъ братьевъ,
Да отъ васъ — отъ подружекъ.
Толи мнѣ да не тошно!
Толи мнѣ да не горько!
Всѣ гости здѣсь съ нами,
Одной гости нѣту здѣсь,
Одной гости малыя —
Моей матушки родимыя.
Охъ вы, дѣвушки подруженьки!
Пойдемъ-те-во, войдемъ-те-во
На красно крыльцо батюшково,
Поглядимъ-те на владычице

1) Въ слов Даля: *дудора* ж. собир. — хламъ, ша-
рабара, дрянные пожитки.

На ея на моплушку,
На ея высокъ памятникъ.
На что стоитъ памятникъ?
Для насъ—дѣтей, для родныхъ ея.

или:

1599.

У скрипучаго деревца, золотыя вершинишки,
Много на немъ листу и подлисту,
И много листу зеленого.

Какъ у пашей у Анпушки
Много роду и племени,—
Нѣту роднаго батюшки.
Охъ вы, дѣвушки подруженьки,
Собирайтесь въ одну горпицу,
Пойдемъ-те-ко ко Божьей церквѣ.
Мы сойдемъ-те-ко на колокольню,
Ударимъ во большаго колокола:
Не подымется ли сильная погодушка?
Не раздуетъ ли листики?
Не разступится ли сырая земля
Во все четыре сторонки?
Не откроется ли гробова доска?
Не состоится ли родной батюшка?
«Охъ ты, батюшко, благослови меня!»
— Охъ ты, Анпушка, мое дитятко!
Мои бѣлыя руки не сдвигаются,
Очи ясны не вскрываются.
Охъ ты, Анпушка, мое дитятко!
Благословяй тебя чужаи люди:
Опроси нынѣ Ивановна съ Иваномъ Иванычемъ,
Съ добрымъ молодцомъ Иванушкоймъ.

1600.

На горѣ то стоитъ ёлочка,
Подъ горой стоитъ свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ стоитъ столничекъ,
За столничкомъ сидитъ Анпушка.
Приходить къ ней батюшко;
Звалъ, звалъ Анпушку съ собой:
«Ты пойдешь, Анпушка, со мной?»
— «Я пойду, батюшко, съ тобой:
Ночи темны, не мѣсячны;
Лѣса густы, караульщики пѣтъ;
Рѣчки быстры, перевозчики пѣтъ,—
Насъ съ тобой не переведутъ.»
На горѣ стоитъ ёлочка,
Подъ горой стоитъ свѣтелочка,

Во свѣтелочкѣ бесѣдушка,
Во бесѣдушкѣ Анпушка.
Приходить къ ней Егорушко,—
Звалъ, звалъ Анпушку съ собой:
«Ты пойдешь, ты пойдешь, Анпушка, со мной?»
«Пойду, пойду Егорушка съ тобой
Ночи свѣтлы мѣсячны,
Лѣса рѣдки—караульщики есть,
Рѣчки тише перевозчики есть,—
Насъ съ тобой перевезутъ,
На бѣлыхъ рукахъ перенесутъ.»

Во время пѣнья этой пѣсни все гости дѣлятся на двѣ партіи; въ первой изъ нихъ стоятъ отецъ и родственники невѣсты, а во второй женихъ и прочіе гости. Невѣста въ это время стоитъ въ сторонѣ съ нѣсколькими своими подружками, и когда отецъ вмѣстѣ съ ея родственниками зоветъ ее идти съ собой, невѣста отговаривается отъ нихъ приглашенія, говоря, что ночи темны, лѣса густы и проч., но лишь только начиняется звать ее съ собой женихъ, невѣста охотно съ своими подружками присоединяется къ жениховой партіи и тотчасъ же цѣлуется съ женихомъ трижды. Потомъ женихъ садитъ невѣсту къ себѣ на колѣни; къ нимъ подходитъ теща, держа въ рукахъ подносъ, на которомъ лежитъ шаль, съ тою цѣлю, чтобы женихъ передалъ ее своей суженой. Женихъ беретъ эту шаль правой рукой и даритъ ее своей суженой, которая тутъ же надѣваетъ ее на свою голову. Между тѣмъ дѣвки поютъ:

1601.

Какъ березникъ не великъ круглелестъ,
Какъ Иванъ-отъ грубелестъ;
Опъ и Анпу полюбилъ,
На колѣни посадилъ,
Шаль въмецку подарилъ,
Шаль въмецкая алая,
У насъ Анна бравая.

Долго гости пируютъ на вечеринкѣ невѣсты и наконецъ, наэлектризованные выпивками парами и утомленные продолжительною пляскою и пѣньемъ пѣсень, они съ пѣснями отправляются по домамъ, общаясь на другой день непременно побывать и на свадьбѣ. Женихъ на прощаньи съ невѣстой считаетъ своимъ долгомъ пригласить ее на слѣдующій день къ себѣ; при чемъ невѣста отказывается, говоря, что она все еще «подпальная».

На пропонпахъ.

1602.

Зеленешенька смородина
На дорожкѣ ли стояла,
Молодешенька заломана,
По пруточку разщипана,
По листочку разстилана.
Какъ по этой дороженькѣ
Ѣхали, проѣхали молоды сваты,
Они Марьюшку сватали
За Андрея, свѣтъ, Яковлича;
Марьюшку сватали,
Андреюшку выхвалявали:
«Какъ не отдать за него?
Онъ не ходитъ въ царевъ кабакъ,
Онъ не пьетъ зелена вина,
Не куритъ дымовой табакъ;
Онъ не пьетъ меда сладкіе,
Не играетъ семи картами.

Еще кто проигрался у насъ?
Проигрался Марьюшка,
Проигрался Степановна,
Проиграла русу косищуку,
Проиграла Андреюшку.
Марья поплакиваетъ,
Андрей потравливаетъ.

1603.

Родимый мой брателко!
Пой-ка бояръ до пьяна,
Корми коней до сѣна!
Чтобъ добры кони бояръ разбили,
А меня бы горькую оставили,
Оставили въ родномъ гнѣздышкѣ,
Подъ крылышкомъ у матушки.
Хотѣлъ ты меня, брателко,
Посадить во зеленый садъ;
Посадилъ ты меня, брателко,
Къ чужему чуженину.

1604.

Не пей-ка мой, родимый батюшко!
Не прймай-ка золоту чару,
Не пей-ка зелено вино!
Зелено вино обманчиво,
Что обманчиво, что *припойчиво*!
Родимый мой батюшко!

Не пускалъ ты меня во пиры,
Не пускалъ во бесѣдушки,
А теперь меня, батюшко,
Посадилъ за столы дубовы,
За скатерти бранны,
За питья хмѣльцы-пьянцы,
Со чужимъ чужениномъ.

1605.

Родимый мой батюшко!
Что у тебя за пиры были,
Что за бесѣдушки?
Что за купцы были,
Что за торговые?
— Ужъ сама я знаю, вѣдаю,
Ужъ сама-то я догадалася:
Торговали, закупали
Буйцу мою головушку.
Освѣтилъ ты меня, свѣтель мѣсяць,
Отогрѣлъ, красно солнышко,
Отпоилъ, откормилъ родной батюшка,
Отдѣлялъ родимый мой.
А теперь, что вздумалъ, что вытѣялъ?
Отдать меня въ дальнюю сторонушку.

Передъ вѣнцомъ.

1606.

Скрипъ воротечки, морозъ на дворѣ,
«Есть ли у друженьки черкасское сѣдло?»
Былъ бы здоровъ князь молодой,
Будетъ у друженьки черкасское сѣдло.
Скрипъ воротечки, морозъ на дворѣ,
«Есть ли у друженьки чесменская узда?»
— Былъ бы здоровъ князь молодой,
Будетъ у друженьки чесменская узда.
Скрипъ воротечки, морозъ на дворѣ,
«Есть ли у друженьки шелковая плетъ?»
— Былъ бы здоровъ князь молодой,
Будетъ у друженьки шелковая плетъ.
Скрипъ воротечки, морозъ на дворѣ,
«Есть ли у друженьки выкупъ денежной?»
— «За эфтимъ, дѣвки, дѣло не стоитъ.»
«Отворяйте-ка ворота широки,
Отворяйте полотенца дубовы,
Дубовыя кленовыя, скрипучи!
Разбудите-ка подруженьку свою,
Выдайте намъ ее буйну годову.»

1607.

Родимая моя матушка!
Пройдетъ зима студѣная,
Настанетъ лѣто тёплое,
Поростетъ въ лугахъ зелена трава,
Разцвѣтутъ цвѣты лазоревы, —
Пойдутъ мои подруженьки,
Пойдутъ мои задушевные,
Задушевные, полюбовные,
Во зеленые луга гулять,
Сорвутъ онѣ по цвѣточку,
Совьютъ онѣ по вѣночку.
Мой цвѣточекъ при путѣ стоитъ,
При путѣ стоитъ, при дороженькѣ:
Никто его не сорветъ,
Никто вѣнка не советъ,
Онъ и сохнетъ, посыхаетъ, —
Мое сердце занываетъ
На чужой дальней сторонущей,
У чужаго отца-матери:
Чужой-отъ отецъ-мать
Чомилы, спѣсивы и гордивы
Они любятъ *чомы* и *ломы*,
Да пренизки поклоны.
А я-то горе-горькая,
А я-то горемычная,
Не умѣю нмѣ поклониться,
Не умѣю нмѣ покориться.
А я-то у тебя, родима матушка,
Была дитя нѣжное.
Не знаю-то я ни чомовъ, ни ломовъ
Не знаю я низенхъ поклоновъ.

1608.

Не вылетай, утица, изъ за острова,
Не вылетай, сѣра, изъ за чистова!
Увидить утицу младъ ясенъ соколъ,
Побьетъ утицу середъ поля середъ чистова,
Кровь прольетъ во сыру землю,
Пухъ пустить по чисту полю.
Не выходи, Парасковья изъ за занавѣки,
Не выходи, Михайловна, изъ за брани!
Увидить Парасковьюшку лютой свекоръ,
Запроситъ дары великіе,
Дары великіе, дары тонкіе.
«Я дары плю, сама пейду;
Хоть пойду я, не поклонюся,
Хоть поклонюся, да не до низка,
Хоть и до низка, да не отъ радъ-сердца.»

1609.

Родимый мой брателко!
Выйди-ка во чистое поле,
Въ широко раздольице,
На большую дороженьку!
Посмотри-ка, брателко,
На всѣ четыре сторонущи!
Не летитъ ли гдѣ ясенъ соколъ?
Попроси-ка, брателко,
У сокола крылышки
У сизаго правилишки!
Прилети-ка, брателко,
На часъ на минуточку,
На свою родиму сторонущку,
Ко батюшкѣ на широкій дворъ,
Ко матушкѣ въ пову горепку.
Ужъ я бы вышла на красно крыльцо,
Вышла, его встрѣтила,
Взяла бы за бѣлы рученьки,
Увела бы въ пову горепку,
Посадила бы на бѣлу лавочку.
Гораздо у тебя, брателко,
Ретиво сердце каменно,
Горючи слезы жемчужныя,
Въ булатѣ сердце заковано,
Тремя замками золотыми, —
Что ты моего голоса заунывнаго
Не чуешь, не слушаешь.

1610.

Ахъ, вы гуси ли, гуси сѣрые!
Воспойте, пѣтухи ранніе!
Разбудите-ка моего батюшка!
Спала-то я горе-горькая,
Спала-то я горемычная,
Спала-то я просыпалася,
Дожидалася отъ батюшки пробужденьца:
Не пробудитъ ли меня батюшко?
Не пошлетъ ли меня на работушку?
А родимый сказалъ: «мило дитятко,
Работушка у ты съ сего дня,
Съ сего дня на чужомъ дворѣ,
На чужомъ дворѣ, во чужихъ людяхъ.»

1611.

Среди было царства, середъ Полянъ ¹⁾
Среди Полянъ стояла палатушка.
Во каменной во той, во палатушкѣ

¹⁾ Названіе села.

Все столы стоятъ, все дубовые.
 На столахъ то яства сахарныя,
 Яства сахарныя, питья медвяныя,
 За столами-то сидятъ бояра-князя,
 Они пьютъ, ѣдятъ, проклаждаются,
 Промежу собою похваляются.
 Одинъ князь, онъ не пьетъ, онъ не ѣстъ,
 Онъ не пьетъ, онъ не кушаетъ,
 Онъ головушку держитъ пониже всѣхъ,
 Держитъ въ правой рукѣ гусли звончаты,
 Играетъ пѣсенку заунывную.
 На ту пору Пашенька сѣни мела,
 Стала послушала, сѣла, подумала:
 «Охъ ты воля, воля ли батюшкина!
 Охъ ты пѣга, пѣга ли матушкина!»
 Подумавши да заплакала;
 Ахъ не будетъ мнѣ тоя волюшки,
 Тоя волюшки во чужихъ людяхъ.
 Хоть куда поди-спросися,
 Хоть откуда приди-скажися.

1612.

Затыню ли я, затыню ли я,
 Затыню ли я рѣчку быструю тыномъ, 2
 Заманю ли я, заманю ли я,
 Заманю ли я голубя со голубушкою. 2
 Голубъ-ѣтъ у насъ, голубъ-ѣтъ у насъ,
 Голубъ-ѣтъ у насъ—Александрюшка, 2
 Сизой-ѣтъ у насъ, сизой-ѣтъ у насъ
 Сизой-ѣтъ у насъ—Михайловичъ, 2
 Голубушка при немъ, голубушка при немъ,
 Голубушка при немъ—Парасковьюшка, 2
 Сизая при немъ, сизая при немъ,
 Сизая при немъ Иванова. 2
 Свидятся они, свидятся они,
 Свидятся они, поклонятся,
 Сойдутся они, сойдутся они,
 Сойдутся они, поцѣлуются. 2
 Разойдутся они, разойдутся они,
 Разойдутся они, низко поклонятся. 2
 Имъ ровня, имъ ровня,
 Имъ ровня сравнялася;
 Имъ люди, имъ люди,
 Имъ люди дивовалися, 2
 Три раза, три раза,
 Три раза цѣловалися.

1613.

Родимая моя сестрица
 Покрасуйся-ка у родимаго батюшки,

Полюбуйся-ко у родимой матушки
 Вставай-ка ранѣшенька,
 Чеши буйну головушку
 Частымъ гребнемъ костянымъ!
 Заплетай русу косу,
 Вплетай алу лепточку,
 Кисточку златую шелковую.

1614.

Какъ по полю, полю,
 Широкому раздолью,
 Летѣли двѣ птички,
 Собою невелички.
 Гдѣ они летѣли,
 Тутъ люди глядѣли,
 Гдѣ они сажались,
 Всѣ люди дивились.
 Какъ по саду, саду,
 Саду зеленому,
 Парасковьюшка гуляла,
 А Павлушка ходитъ
 Свѣтъ Ивановичъ ходитъ,
 Да Михайловну водитъ,
 Ей и рѣчь говорить:
 «Роди-ка ты сыпа,
 Какъ бѣлаго сыра,
 Роди-ка мнѣ дочку,
 Бѣлаго спѣзочку.
 За первую услугу
 Куплю кунью шубу,
 За другу услугу
 Куплю лисью шубу.

1615.

И то не пава по сѣнямъ ходила,
 Не павины перушки ронгла:
 По горенкѣ гуляла ходила
 Свѣтъ душа, Парасковьюшка;
 Ко кровати подходила,
 Родного батюшку будила:
 «Ахъ ты, батюшка, пробудися!
 Не годъ мнѣ у тя годовати,
 Не недѣлюшку гостити;
 Одну ноченьку ночевати;
 И та пройдетъ во тоскѣ во кручинѣ.

1616.

Подымайтесь, вѣтры буйные,
 Со всѣхъ четырехъ сторонъ!

Разнесите желты пески!
Подымися, громъ да молнія!
Пусться, калена стрѣла,
Разбей гробову доску,
Гдѣ лежитъ родной батюшко!
Раскройся черна парча,
Откройтесь, очи ясныя,
Распечатайтесь уста сахарны,
Отойдите отъ ретива сердца,
Отъ ретива сердца бѣлы рученьки,
Встань, пробудись, родной батюшко!
Подъ златъ вѣнецъ меня благослови вестн.
— Нарядить меня есть кому,
Благословить меня некому.

1617.

Бьются у Михайловыхъ воротъ,
Бьются женихи у воротъ;
Просять свое, свое суженое,
Свое суженое, свое ряженое.
Вынесли жениху сундукъ съ бѣльемъ.
«Это не мое, — что не суженое,
Что не суженое, что не ряженое.
Просять свое, свое суженое,
Свое суженое, свое ряженое.
«Выведите мнѣ мое суженое,
Мое суженое, мое ряженое.»
Вынесли ему сундукъ съ платьемъ,
Сундукъ съ платьемъ, со всѣмъ животомъ.
«Это не мое — что не суженое,
Что не суженое, что не ряженое.
Выведите мнѣ Прасковью душу,
Свѣтъ Михайловну.
Вывели ему Прасковью душу,
Свѣтъ Михайловну.
«Это мое — мое суженое,
Мое суженое, мое ряженое.»
Взялъ онъ ее за бѣлы ручки,
За златые перстни
Поведъ онъ ее
Что подъ златъ, подъ вѣнецъ.

(Ср. выше № 1591.)

ВЕЛИЧАЛЬНЫЯ.

Женатому.

1618.

Какъ по меду, по меду по сыченому,
По сыченому подмоложеному,
Плавала чарка серебряная, —

Что серебряная, позолоченая.
Кто эту чарку перейметъ?
Перейметъ-то нашъ Селифонъ господинъ,
Селифонъ господинъ, свѣтъ Яковлевичъ,
Самъ изопьетъ и женѣ поднесетъ:
«Пей-ка, жена молодая моя!»
— «Прочь, не хочу! прочь не хочется!
Ужъ мнѣ же, младенцѣ, пемпошко спалось,
Немножко спалось, много видѣлось:
Быдо у насъ на широкомъ дворѣ
Выростала шелкова трава, —
Шелкова трава, полумшелковая.
Разцвѣли же цвѣточки лазоревы,
Ходитъ сизый павлинь да и съ павушкою.
— А я тебѣ, милая, сонъ разсужу:
Сонъ разсужу, по словамъ разскажу:
Этотъ сизый павлинь, — то и я господинъ,
Сизая павушка — ты у меня,
Голубые цвѣточки — то наши сыпочки,
Розовые цвѣточки — тѣ наши-те дочки.
Слышишь ли Селифонъ и проч.

1619.

Леталь голубь, ворковаль,
Ко терему припадалъ.
Кто во теремѣ сидитъ
Очень громко говоритъ?
Вотъ Семень-отъ со женой,
Феклистовичъ со душой
Маша скажетъ: мой соколъ,
Слышишь ли Василий сударь?
Величаемъ тебя,
Слышишь ли Ивановичъ сударь?
Тебѣ пѣсни поемъ и проч.

Отцу и матери жениха.

1620.

Стой мой теремъ златоверховатъ!
Во томъ теремѣ тесовая кровать;
На той на кровати перина лежитъ,
На той на перинѣ зголовье стоитъ,
На томъ на зголовьѣ подушка лежитъ,
На той на подушкѣ, подъ одѣломъ, —
Подъ одѣломъ Иванъ свѣтъ лежитъ,
Иванъ душа лежитъ, свѣтъ Ивановичъ,
Бѣлая лебедка Степаховька,
Бѣлая лебедка Игнатъевна.
Межъ ними-то вьется не златъ перстень, —

Златъ Павелушко перстень,
Златъ перстень да Ивановичъ.
— Слышишь ли Иванъ-сударь?
Величаемъ тебя, —
Слышишь ли Ивановичъ
Тебѣ пѣсни поемъ?
Слышишь ли Степафонъба (х)
Величаемъ тебя?
Слышишь ли Игнатьевна
Тебѣ пѣсни поемъ
Вамъ честь воздаемъ? и проч.

Жениху.

1621.

Какъ у свѣтлаго мѣсяца
Часть были звѣздочки,
Какъ у краснаго солнышка
Золоты были лучицы,
Золоты, позолочены. —
Какъ у добраго молодца,
У Павла у Иваныча
Въ три ряда кудри завивались,
Всѣ бояра дивовались.
«Не дивуйтесь, бояра,
Не дивуйтесь, большія!
Я не самъ голову чесалъ,
Я не самъ кудри завивалъ, —
Чесала голову матушка,
Завивала кудри сестрица,
Завивала, приговаривала:
Служить бы тебѣ, брателко,
При полку да полковничкомъ,
При сепатѣ сепаторичкомъ,
При губери губернаторомъ.
Ты поѣдешь, мой брателко,
По сужена свое ряжено,
Не оставляй коня среди пути,
Среди пути, середь дороженьки.
Взѣдешь, брателко, къ тестю на дворъ,
Къ тестю ко боярину,
Ко боярину, къ большому барину, —
Ты отдай коня конюхамъ,
Накормили бы ишеницею,
Напоили бы сытицею.
Ты взойдешь на красепъ крылецъ
Ты взойдешь во новы сѣнники, —
Обтирай рѣзвы поженъки,
Объ ковры-то шелковые.
Ты взойдешь во нову горенку,
Ты ли визко Богу молишься?
Ты ли низко тестю кланяешься,
Да не ниже того тещенькѣ?

Ты взойдешь за запавѣсочку, —
Ты узнай сужено ряжено.
Твое сужено ряжено
Во прѣтномъ платкѣ шелковомъ,
Во шелковомъ подвѣнчаннымъ.
Слышишь ли, женишекъ
Величаемъ тебя?
Слышишь ли, хорошенькій,
Тебѣ пѣсни поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ?
Во всю бесѣдушку смиренную
Всѣ гости званые, небывалые.
Во платкѣ гривна шевелится,
На ребрышкѣ стапоится,
Къ намъ, дѣвкамъ, *нарохтитя*¹⁾.
Еще намъ деньги надобны,
Намъ на бѣлыя на бѣллы,
Намъ на алыя на румяны,
Намъ на черныя на сурмыны.

Тысяцкому.

1622.

Тысецкой, тысецкой,
Ты честной человекъ!
Слышишь ли, разумѣешь ли,
Мы про тебя пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ?
Честь и хвала — право лучше всего.
Васильюшкомъ называемъ,
Иванычемъ величаемъ.
У тебя жена умная, —
Умная Авдотьюшка, разумная,
Она тебѣ сына породила, —
Сына, какъ ясна сокола,
Свѣтъ Петрушеньку.
И еще дочеръ породила, —
Дочеръ, какъ бѣлу лебедь.
Что ты, тысяцкой,
Слышишь ли, разумѣешь ли,
Мы про тебя пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ?
Честь и хвала — право лучше всего.
Ты Васильюшко здогадайся,
На рѣзвѣ пожеи становися!
У тебя гривна шевелится,
На ребрушка становится,
Къ намъ, ко пѣвицамъ, катится.
Настъ-то пѣвицъ немножео —
Сорокъ пѣвицъ со пѣвицей,

¹⁾ Въ слов. Даля: *нарохтитя* — порываться, хра-
бриться, собираться на какое дѣло.

Пятьдесятъ молодицъ съ молодницей,
У пастъ горлы пересохли.
Пойдемте пѣвницы на рѣчу,
Изопьемте пѣвницы водицы,
Студенныя воды ключевыя!

(Тысецкой идетъ поить ихъ пивомъ.)

Какъ у тысяцкаго борода!
Какъ у тысяцкаго голова!
Какъ за эту за голову царь любить,
По этой головкѣ царь гладить,
Приближоннымъ называетъ:
Приближенный воевода
Охочь воевать на добромъ конѣ,
Аль нѣда рѣчь замолвить путемъ,
Путемъ — разумомъ подъ ладъ и подъ стать.
Слышишь ли Тысецкой
Тебѣ пѣсню поемъ?
и т. д. (какъ въ предыдущей).

Большому боярину.

1623.

У нашего крестьянина;
У большаго боярина
Сыновья его хороши,
Дочери его пригожіе.
Дай ему, Господи,
Большаго сына женити,
Большую дочь замужъ отдать.
У внязя молодого, у княгини молодой
Что большой бояринъ:
Слышишь ли и разумѣешь ли
Мы про тебя пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ;
Честь и хвала,
Право, лучше всего и т. д.

Большой бояринъ идетъ и поить ихъ пивомъ.

Свахъ.

1624.

Не взбушуй, холодець вѣтерокъ!
Не раскачай звонкій колоколь!
Не разбуди у Ивана жену,
Не разбуди у Панфила жену!
Вечоръ она во пиру была,

Съ пиру то пришла, сына родила.
Бабушка была съ повивальнаго двора,
Кумъ то былъ — офицерскій сынъ,
Кумушка была — офицерская жена,
Свахонька пригоженька!
Столь хорошо не приѣзживала.
У свахоньки личико — спѣгу бѣлаго,
У свахоньки щеки — маку краснаго,
Маку краснаго, огороднаго.
Слышишь ли, свахонька?
Тебѣ пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ;
Честь и слава — право лучше всего
и проч.

Это же величаніе припѣваютъ и всѣмъ замужнимъ женщинамъ, — гостямъ на большихъ смотрахъ.

Дружекъ.

1625.

Не ходи ка ты, друженька,
Не ходи дружка хорошенькій,
По новымъ сѣнямъ,
По новымъ сѣнямъ рѣшетчатымъ!
Не бери-ка, друженька,
Свою огненицу серебряну!
Не подпаливай, друженька,
Не подпаливай русу косу,
Русу косу Агафьину!
Ты былъ, дружка, на пожгу лежокъ,
На пожгу лежокъ, на посылочку:
Куда дружка повернется —
Все тутъ медъ и патока.

Холостому.

1626.

Кто изъ пастъ лучше,
Кто красовитѣй?
— Николай изъ пастъ лучше,
Лукичъ красовитѣй:
Личико бѣлаго спѣгу
Щечки-то алны,
Алѣй маку алаго,
Алѣй огороднаго;
Походка павлиная,
Рѣчь лебединая.

Свѣтъ ты Николенька,
 Дукичь свѣтъ хорошенкый!
 Взять бы тебѣ женушку
 Изъ Москвы бѣлокаменной,
 А съ пей теремы серебра
 Да бугры живота:
 Слышишь ли, Николай сударь?
 Слышишь ли, разумѣешь ли?
 Тебѣ пѣсню поемъ,
 Тебѣ честь воздаемъ;
 Честь и хвала — право лучше всего.

1627.

Во теремѣ дѣвки сидѣли,
 Дѣвки орѣшки щелкали,
 За окошко скорлупки бросали,
 Молодымъ парнямъ пазолу давали.
 Да и Григорій сударь хорошенекъ,
 Да и свѣтъ Ивановичъ пригоженекъ;
 Его матушка породила,
 Его сестрица хорошила,
 По пуховой перницѣ катала,
 Гребешкомъ кудри чесала.
 За то его дѣвки любили,
 Во теремъ его вводили,
 Калачемъ его накормили,
 Да сытой его напоили.
 Изъ терема его проводили,
 На добра коня посадили,
 Шелковую плетъ въ ружьдали,
 Со двора его проводили,
 Да во слѣдъ ему поклонились.

Слышишь ли, Григорій сударь,
 Слышишь ли, разумѣешь ли?
 Тебѣ пѣсню поемъ,
 Тебѣ честь воздаемъ;
 Честь и хвала,
 Право, лучше всего, и проч.

Если кто нибудь не дастъ денегъ за величанье, — пѣвицы продолжаютъ:

Мы не хаемъ тебя, величаемъ,
 По имени называемъ,
 По отечеству величаемъ.
 Вотъ поѣхалъ Григорій воевати
 По чисту полю, по подполью,
 Разбилъ горшки да корчаги,
 Иступилъ опъ булатный мечъ,
 Булатный мечъ о черенъ,
 Натянулъ опъ тугой лукъ,
 Пустилъ калену стрѣлу,
 Калену стрѣлу въ вучу *назъму* ¹⁾.

Изъ рукописи сборника Н. А. Александрова.

¹⁾ Набѣзу.

Той же губ. Глазовскаго уѣзда, село Ухтымское.

Свадебный обрядъ.

Въ назначенный день брака поѣзжане собираются въ домъ жепиха. Жепихъ съ родными и поѣзжанами, помолились Богу, падаетъ въ ноги отцу, матери и всѣмъ лицамъ участвующимъ въ свадьбѣ. Родители благословляютъ сына своего иконою, изображая оною падъ головою его крестное знаменіе, и черезъ голову передаютъ икону дружкѣ. Дружка получа икону, кричитъ: «Господи Іисусе, помилуй насъ. Отецъ Богомъ данный, мать богоданная! умѣли свое дитя вспоить, вскормить, умѣйте благословить, подѣ злати вѣнцы поставить. Чѣмъ благословите? Хлѣбомъ, али солью, добрымъ словомъ, златомъ, серебромъ, али св. иконою?» Отецъ отвѣчаетъ: всѣмъ благословляю: «хлѣбомъ и солью и добрымъ зловомъ, златомъ, серебромъ и святой иконою.» При выходѣ поѣзжанъ изъ дому дружка обращается къ неодушевленнымъ вещамъ и маленькимъ дѣтямъ, прося у нихъ благословленія:

Благословляйте: Кутяна, полотяна, середяна, маленькіе робенки, синіе пунки, свиные желудки!

Дружка отпавившись съ поѣздомъ за ворота дома, встаетъ на ноги (въ телѣгѣ или на саняхъ) скидываетъ шапку или шляпу (шапки должны скидывать всѣ поѣзжане) и кричитъ: «Господи Іисусе, помилуй насъ! Князь молодой, тысяцкой, поневи-сепка, большіе бояре, малые бояре, дружье, подружье, запятнищен, всѣ ли въ скопу, всѣ ли въ сборѣ? все ли взяли, чего не забыли ли? Думайте. Благословите меня, дружку, впередъ ѣхать, путь-дорожку править!» — «Богъ благословитъ!» отвѣчаютъ. — Дружка всегда ѣдетъ впереди поѣзда, держа икону въ рукахъ, и бываетъ постоянно изъ числа кондуновъ (пухтаревъ) и заговаривается при всякой встрѣчѣ: «отъ бабы самокрутки, отъ дѣвки пуствоволоски, отъ двоежена простека, отъ краснаго и рыжаго, отъ еретика, клеветника и русова попа, отъ прычницъ, озѣвищъ, уроковъ» и проч.

По приѣздѣ въ невѣстѣ, въ сѣняхъ, стоя у запертыхъ дверей избы, дружко кричитъ: «Сватъ да сватъ! ждете ли свадьбу? — Ыдемъ на нашемъ подѣ, на нашихъ коняхъ, подѣ коврами, подѣ черными соболями. Кони вороные, сани дубовые, запятнищен молодые — ѣдутъ къ свату въ ограду, вяжутъ коней къ дубову столбу, къ золоту кольцу. Сватъ да сватъ! на нашихъ коняхъ сѣна по копитъ, овса по *зобитъ* ²⁾. Этими же конямъ сѣна зелѣнова, овса толчѣнова, хлѣба печенова;

²⁾ Плетенка, кошель, кузовокъ, лукошко. Слов. Дала.

копьямъ — копия, къ дверямъ — придверника, къ заслопу — запешпова, къ столу — столыпка, на столъ — скатерочки переборчатая, ставящи рѣшчататы, ложечки кленовыя, полотенца шелковыя.»

Послѣ такого воззванія отпирается дверь съ радушиемъ привѣтомъ: «Милости просимъ, заходите въ избу.»

Если дружка по какому-либо случаю, забудетъ прочесть означенное *присловіе*, то свать не позволяетъ давать лошадямъ поѣзжать ни овса, ни сѣна, хотя бы лошади полдни и больше не принимали нища, и воспрещаетъ домашнимъ имѣть приемотръ за ними, хотя бы кто изъ недоброжелателей украсть даже лошадь со двора, — хозяинъ не подлежитъ отвѣтственности.

Невѣста въ сопровожденіи поповѣстницы выходитъ съ *середы* (мѣсто въ избѣ противъ печки), униженно кланяясь поѣзжанамъ. Безъ церемоній, безъ приговорокъ, женихъ, невѣста и поѣзжане несалятся за покрытый столъ. Зажегши свѣчу передъ иконой, встаютъ всѣ и молятся Богу при чтеніи дружкой молитвы: Отче нашъ... потомъ снова садятся на мѣста. Отецъ и мать поповѣсты, стоя на ногахъ, позади поѣзжанъ, непременно обязаны первые вкусить, въ постный день, по три куска рыбы, а въ скоромный — студень съ квасомъ. Свать да сватья, исполнить необходимую обязанность, кланяются гостямъ и просятъ ихъ обѣдать: обѣдайте гости. Женихъ и невѣста до совершенія брака не вкушаютъ нища.

Послѣ обѣда дружка съ жениховымъ пивомъ, а отъ невѣсты избранный родственникъ съ дарами, подходятъ къ жениху, подносятъ стаканъ пива и дарятъ его поповѣстнымъ платкомъ, приговаривая: «Нашъ князь повобрачный бѣется хлѣбомъ солью и добрымъ словомъ: испей пивца, не истомя, излюбя, отъ нашего князя повобрачного и подарки прими!» Поѣзжанъ дарятъ лоскуткомъ холста. — Дружка, предъ каждымъ изъ нихъ во время принятія подарковъ, читаетъ молитву: Господи, Іисусе помилуй... и слѣдующее *присловіе*: Наша княгиня не по лѣсу ходила, не лыка крала, не лапти плела, — пряла да ткала, дары смышляла: тонко пряла, зvonko ткала, бѣло бѣлила, за коонецъ волочила, поѣзжанъ снарядила.»

Получа подарки, всѣ садятся на лавки, потомъ встаютъ и тихо молятся Богу. Помолвившись родители благословляютъ поповѣсту иконой. Дружка, принявъ икону черезъ голову поповѣсты изъ рукъ отца ея и матери, читаетъ: «Господи Іисусе помилуй насъ! Отецъ Богомъ даанный, мать богоданная, умѣли свое чадо воспитать, вскормить, умѣйте благословить, подъ златы вѣнцы поставить. Чѣмъ благословите свое чадо, хлѣбомъ, али солью, добрымъ словомъ, али св. иконой, али златомъ и

серебромъ?» — Отецъ и мать отвѣчаютъ: «всѣмъ благословляемъ: хлѣбомъ и солью и добрымъ словомъ и св. иконой и златомъ и серебромъ». — Послѣ сего поѣздъ отправляется. Отъѣхавъ немного отъ дома, дружка встаетъ на ноги, снимаетъ шапку и читаетъ: «Господи Іисусе помилуй насъ! Всѣ ли въ скопу; всѣ ли въ сборѣ? по што пріѣзжали, то не забыли ли? Тысяцкой, поповѣсенка, большіе бояра, малые бояра, дружбе подружье запятники! зачѣмъ пріѣзжали, то не забыли ли? Благословите меня, дружка, напередъ ѣхать, путь дорожку править!» Дружка снова возвращается въ домъ свата съ приглашеніями: «Свать, да сватья! пожалуйте къ намъ на свадьбу, на нашего князя посмотрѣть и молодую княгиню!» За приглашеніе свать подаетъ дружкѣ рюмку вина и стаканъ пива.

Послѣ брака отецъ и мать жениха встрѣчаютъ повобрачныхъ у крыльца съ рыбнымъ пирогомъ и пивомъ. Повобрачные по три раза откусываютъ пирога и запиваютъ пивомъ. При входѣ въ избу, при горячей свѣчѣ предъ иконой молятся Богу и садятся за покрытый столъ. Отецъ и мать жениха снимаютъ со головы молодой ширинку (большой платъ), покрываютъ и обертываютъ ею головы повобрачныхъ и ударяютъ голову молодого объ голову молодой. Послѣ такого обряда начинается обѣда. — Послѣ обѣда, помолвившись Богу, дружка читаетъ молитву: «Господи Іисусе, помилуй насъ! и затѣмъ говоритъ: Отецъ Богомъ даанный, мать богоданная, благослови свое чадо на подѣлѣть свести и опоченуться. Передьяна, середьяна, кутьяна, полотьяна, мѣй приказано каждова звать, а и кому падо стыдъ звать.» На подѣлѣть пируютъ. При окончаніи пира повобрачные подносятъ отцу, матери и поѣзжанамъ стаканъ пива и рюмку вина, и кланяются въ ноги. — Каждый обязанъ дать имъ на поднось по грошу и по два въ подарокъ. — Поѣзжане возвращаются въ избу. — Снова начинается пиръ. Дружка открываетъ его, поднося каждому изъ поѣзжанъ стаканъ пива и предъ каждымъ изъ нихъ долженъ приговаривать: «Ножки съ подходомъ, ручки съ подносомъ, голова съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ: испей пивца яснаго молодца прекраснаго, города Ростова, барина Толстого. Поѣхалъ за море торги торговать — по атласъ, по бархатъ и на пемъ шубка соболья, сапожки козловы, рукавички рогозы; ходитъ — пошками потопыиваетъ, рукавомъ похлопываетъ, глазкомъ помигиваетъ. Дай тебѣ, Господи, дваста бы конь, полтора стабы мершновъ, семьдесятъ барашковъ все скакуновъ, на полѣ прпосотъ, на гумѣ — примолотъ, на мельницѣ примолотъ, въ квашнѣ — спорнишя; сажала бы *нетъ*, выпяла бы *шесть*».

Невѣста въ день брака падѣваетъ на себя двѣ сорочки (рубахи), на верхнюю накладываетъ скатерть и подвязываетъ шерстянымъ поясомъ, одну изъ нихъ должна готовить на смерть; поясомъ опоясываютъ перваго поворожденнаго младенца, въ надеждѣ на долгую его жизнь; скатерть кладутъ подъ голову болящему младенцу отъ *уроковъ*; За пазуху невѣсты полагаютъ: мыло отъ болѣзни глазъ, шерсть, чтобъ множились овцы, — ленъ, чтобъ родился долгой, деньги жить богато, — калачъ и гребень, — гребнемъ молодая расчесываетъ голову послѣ брака, а калачъ съѣдаютъ повобрачные.

Этотъ свадебный обрядъ вполне исполнялся прихожанами села Ухтымскаго, при каждой свадьбѣ, — безъ этого была свадьба не въ свадьбу; по нимъ по настоянію священниковъ, совершенно оный прекращается, такъ что чрезъ нѣсколько времени забудется самими тѣми лицами, которые мнѣ передали въ томъ видѣ, въ какомъ мною описанъ.

Зап. свящ. А. П. — Изъ матеріаловъ архива И. Р. Геогр. Общества. Списано мною въ 1868 г.

IV. Олонецкой губерніи.

Пудожскаго уѣзда.

Послѣ просватанія невѣсты:

1628.

Мнѣ сидѣть мнѣ-ка не высидѣть,
Одпой думишки не выдумать,
Скрось потай мнѣ словъ не высказать,
Съвозъ рукавъ да слезъ не выронить.
Какъ повмстать красной дѣвушки
Мнѣ на рѣзвѣе на пожевыки,
На софьяны башмачечки,
На бумажны чулочечки, —
Какъ пойти мнѣ красной дѣвушки
По полаты граповитой,
По усадьбѣ красовитой, —
Ошибилася, проступилася,
На словѣ проговорилася.
Какъ усадьба красовитая, —
У царцы въ зеленомъ саду,
Какъ полата граповитая, —
Во матушкѣ въ каменной Москвѣ.
Какъ пойти мнѣ, подневольницы,
По высокой повой горницы: —
«Отодвиньтесь, люди добрые,
Отшатнитесь православные,
Дайте мѣстечка немощечко,
Мнѣ пройти до красной дѣвушки
Со бажоней ¹⁾ дорогой волей!»
— Плясуны да на новы сѣпц:
Кто играть да костью, картами, —
Тотъ къ сусѣдушку въ бесѣднушу:
Кто пьетъ да зелено вино, —

Тотъ къ братцу на вольчужной дворъ.
Красны дѣвушки по лавочкамъ,
А молодцы по скамеечкамъ.
Какъ сказали красной дѣвушкѣ, —
Какъ въ почотномъ большемъ углу
Сидятъ гости незнакомые,
Всѣ гости, купцы торговые,
Какъ торгуютъ дорогу волю
У кормильца, свѣта батюшка,
У добротушки у матушки.
Какъ свѣтло-ли свѣчи топилися?
Какъ слезно-ль Богу молилися?
На пробитѣ дорогой воли?
Ужъ какъ всѣ-ль были святители?
Во дому-ль были родители?
Пробивать да дорогой воли
Какъ за этого чужанина,
За млада сына отцаго? —
Отвернуться красной дѣвушки
Ко кирпичной бѣлой печенкѣ,
Ко муравленому жарничку, ²⁾
Какъ спросить да красной дѣвушкѣ
У муравленаго жарничка:
Кто огню былъ выдувальщикомъ?
Кто свѣчи былъ зажигающимъ?
— Сама знаю, сама вѣдаю:
Выдувала огонь матушка,
Зажигала да свѣчку батюшка.
Еще какъ ручки здымались,
Въ ручкахъ пальчики сгибались,
Зажигать да восковой свѣчи
Пробивать да дорогой воли».

¹⁾ Божанный — желанный, милый. Слов. Даля.

²⁾ Въ слов. Даля: жарникъ — большой огонь въ полѣ, особенно по ночамъ, при осенней молотбѣ.

Во свѣчу-ль огни задуваны?
 Аль въ лучинучку зажиганы?
 Ужъ какъ этаи лучиночка
 По три года была возжепа,
 По три года она щипала,
 Къ той поры она бережена,
 Выдуть да огни пляшя ¹⁾,
 Зажигать свѣчу восковую,
 Пробивать да дорогу волю.—
 Отвернуться красной дѣвушки
 Во почетной во большой уголь,
 Помолиться, поклониться
 Пресвятой да Богородицы
 За кормильца, свѣта батюшки,
 За добротушку за матушку.
 Самому да свату большому
 Во кисель да задавиться,
 Въ молоко да захлебнуться!
 Какъ ступень ступить—пога сломить,
 Какъ другой ступить—друга сломить!
 Оттяните стола за стѣну,
 Какъ возьмите гостя за руки,
 Отведите гостя за двери.—
 Еще гдѣ есть у бѣднушки
 Какъ кормилецъ свѣтъ-то батюшко,
 И сердечные родители?
 Вы что ходите, скрываетесь,
 На глаза мнѣ, не являетесь?
 Ужъ какъ увидѣла оббѣрѣла
 Сквозь туманъ, да горючи слѣзы,
 Сирось великую обидушку
 Своего кормильца батюшку,—
 Какъ спрошу, бѣдна горюшница,
 У кормильца, свѣта батюшка,
 У добрушен у матушки:
 Какъ зачнемъ волю неволили,
 И головушку заботили,
 Какъ за этого чужанина
 За млада сына отцекаго?
 Какъ у этаго чужанина
 Нѣтъ не стоговъ перегодныхихъ,
 И засѣковъ безызводныхихъ.
 Ужъ какъ этотъ чужъ отцекой сынъ,—
 Онъ играть да костью, картами,
 Онъ ужъ пьетъ да зелено вино,
 Онъ бутылкамъ Богу молится,
 Полштофамъ поклопается,
 Да со рюмкой забавляется.
 Ужъ какъ повѣбрали родители,
 Какъ не франта Петербургскаго,
 Да не щеголя Московскаго,—
 Ужъ какъ кабацкую потпорыпу,
 Подорожную калужину.

¹⁾ пылающіе.

Ужъ мнѣ падо, красной дѣвушкѣ,
 Держать очи во чистомъ полѣ,
 Бѣлы руки на заложечки.—
 Надоѣла напрокучила
 Какъ сердечнымъ родителямъ,
 Вѣрно поючись да кормячись,
 Бѣлы плечка одѣвачись,
 Рѣзвы пожки обувачись,
 На вечерочку спускаючи,
 Мнѣ ворота отложаячи
 Со весѣлой со бесѣдушки.
 Еще гдѣ есть у бѣднушки,
 Мои сродцы, мои сродники:
 Братецъ, красно мое солнушко,
 Братецъ, бѣло мое свѣтушко,
 Братецъ, яблонька кудрявая,
 Братецъ, грушница зеленая!
 Ужъ вы что за мной прослышали:
 Аль худу славушку завѣдали?
 Аль пусто-славца заслышали?
 Жопаты-ль мною похваляли?
 Аль холостые насмѣялися?
 Какъ пѣволить дорогу волю?
 Какъ за этого чужого,
 За млада сына отцекаго,
 Не пойду да не подумаю
 За млада сына отцекаго,
 И пикого я не послушаю.

Утромъ передъ дѣвичникомъ собираются родственники и подруги невѣсты.—Мужчины послѣ завтрака—(или угощенія). Они должны ѣхать зазывать гостей на свадьбу, потому они называются зазывателями,—а дѣвушки съ невѣстой ѣдутъ съ добровтоля, т. е. собирать дары у родни.

Отпускъ зазывателей. Невѣста садитъ ихъ за столъ и причитаетъ:

1629.

Вы поѣште да покушайте,
 Вы любезны мнѣ дядевья,
 Какъ безъ гуся да безъ лебеда,
 Безъ сѣрой да малой утушки,
 Безъ трепущей свѣжей рыбушки.
 Какъ по моему счастьючу,
 Не словилъ кормилецъ батюшко:
 Какъ вода съ пескомъ смутилася,
 Рыба въ глубъ да обрядилася,
 Оружье не разрядилоса,
 Пороха не загорѣлся,
 Не стрѣлилъ до сѣрой утушки.
 Ужъ вы сѣздите, пожалуста,

Ко всемъ сродцамъ, ко всемъ сродникамъ;
Ко сердечнымъ родителямъ
На Михайловскую буевку ¹⁾.
Не поспѣли ко плотному рукоблѣю,
Такъ поспѣй ты креспя матушка ²⁾.
Ко коспому расплетаньцу.
Поспѣвала красна матушка
Ко купели ко святой воды,
Такъ поспѣй-же ты божатушка ³⁾,
Ко разлѣки дорогой воли,
Ко теплой да парной баенки.
Обращаясь къ родителямъ причитають:

1630.

Еще гдѣ есть у бѣднушки
Какъ кормилецъ свѣтъ-то батюшко,
Да добрушка матушка.
Еще дайте, пожалуста,
Мнѣ лошадушекъ устанныхъ,
Во первыхъ да во послѣднихъ, —
Сходить, съѣздить прокатится
Со бажопой дорогой волей.
По всему да роду племени.

Послѣ этого всѣ выходятъ; мужчины садятся
на однихъ лошадей, — а невѣста съ подругами
особенно — и отправляются всѣ на кладбище, —
гдѣ невѣста приглашаетъ усопшую родню на
слезливую свою свадьбу, причитая очень мало.

Оттуда мужчины уѣзжаютъ приглашать на
свадьбу и встрѣчая по дорогѣ кого нибудь, кла-
няются, приговаривая: «Къ князю молодому хлѣба
соли кушать». — А невѣста отправляется съ по-
другами, которые поютъ различные пѣсни, въ
другую сторону за сборомъ даровъ и прѣѣзжая
подъ крыльцо, причитають:

1631.

Вы устойтесь, добры кони,
Удержите-ко, извозники.
Вѣрно рады меня бѣднушку.
И бажопу дорогу волю.
Какъ стрѣчай, сестрица милая,
Не впервыхъ да не в послѣднихъ

¹⁾ Кладбище.

²⁾ Здѣсь у невѣсты не было крестной матери, —
а если изъ родственниковъ кто — нибудь умеръ — то
ихъ вспоминаетъ невѣста: неспѣли къ рукоблѣю
такъ поспѣй ты, милый дядюшка, — дорога — тетюшка
и т. д.

³⁾ Крестная мать.

Помолиться, да поклониться
Пресвятой да Богородицы.
Сбереги, сестрица милая,
Какъ отъ этого чужаппа,
Отъ млада сына отецкаго.
Ты во домъ возьми работницей,
А во хлѣвъ возьми коровницей,
На гумно да замолотчицей:
Пора времячко оттянется,
Я во дѣвушкахъ остануся.
Отрѣжь косу по пастушьему,
Ходить буду по старушьему.
Ужь ты приди, сестра милая,
На веселую мою свадьбу,
Ко теплой да парной баенкѣ,
Ко коспому расплетаньцу,
Какъ по вечеру по позднему.

Отвѣтъ сестры невѣсты.

1632.

«Ты поди, моя голубушка,
Во почетной во большой уголъ,
Со подружками драгими!
Стапу ставить столы дубовые,
Стлатъ скатерти камчатные,
Носить ѣствица сахарній,
Ставить пѣтыца медовые
Кунью шубу соболѣнную
Снесу въ клѣтъ да въ коробеечку.
Дамъ работу не тяжѣлую,
Дамъ-те пядушка точонные,
Шить узоры немудренныя.
Пора времячко оттянется,
Ты во дѣвушкахъ останешься.
Ты скажи, моя голубушка,
Ты, сестрица моя милая!
Кто неволилъ дорогу волю?
Ты-ль сама волю неволила,
И головушку заботила,
Какъ за этого чужаппа,
За млада сына отецкаго?
Онъ играть да костью, картами,
Онъ ужъ пьетъ да зелено вино.
Какъ сама волю неволила,
Буди проклять, красна дѣвушка —
Воля лѣтнее гуляницѣ,
Воля зимнее катанницѣ, —
На головушкѣ легошенько,
На сердцѣ да веселешенько.

(Подаетъ подарокъ).

Ты прійми, моя голубушка,
Небольши мои подарочки!

Невѣста беретъ подарки и причитаетъ:

1633.

Какъ покорно благодарствую,
Ты сестрица моя милая!
Какъ чесно даришь, жалуешь,
Всѣмъ подруженкамъ позавидаешь,
Добрѣмъ людямъ на дивованье.
Еще гдѣ есть у бѣднушки
Братецъ, красно мое солнушко,
Красно бѣло мое свѣтушко—
На слезную мою свадьбу,
Какъ по позднему по вечеру,
За мной слѣдъ да провожатимъ,
Ко теплой да парной баенкѣ,
Ко косному росплетаньцу, —
Приходи ты красно солнушко.

Послѣ этого невѣста, сядя за столъ, причитаетъ:

1634.

Какъ пойти мнѣ, красной дѣвушкѣ,
На бросову бѣлу лавочку,
Не впервыхъ да не в послѣднихъ,
Подъ косящето окошечко?
Какъ которое окошечко
Сберегало меня дѣвушку
Въ лѣтню пору отъ прохожаго,
Въ зимню пору отъ проѣзжаго.
Не сбережетъ-ли меня, дѣвушку,
Какъ отъ этого чужанина,
Отъ млада сына отецкаго?

Закусивъ, невѣста встаетъ со стола и причитаетъ:

1635.

Какъ покорно благодарствую,
Какъ на кушаньяхъ сахарнѣхъ,
Да на питыцахъ мѣдвянѣхъ!
Какъ гостите-ко, пожалуйста,
За мной слѣдъ да проводницей,
На веселу мою свадьбу,

Помолитесь да поклонитесь
Пресвятой да Богородицы.

Послѣ этого уходятъ. Тоже самое причитается и у другихъ родственниковъ, только вмѣсто сестры—тетка—сватья и т. д.

Возвращаясь съ *добровта* невѣста причитаетъ у родителей:

1636.

Вы устойтесъ, добры кони,
Удержите-ко, извошники,
У перѣнаго крылечушка!
Ты встрѣчай, родитель батюшко,
Ты встрѣчай, родима матушка!
Ужъ я ѣздила каталася
По всему да роду племенн
Со бажоной дорогой волей;
Нигдѣ гостя не упимано,
Кушья шуба не скидывана,
Во тѣмну влѣтъ не снесено,
Въ коробеечку не зампута.
Прошла ѣскопытъ конниная,
Прошла събѣгъ да лошадиная
Проѣзжалъ да чужъ — отецкой сынъ,
Я отъ страха ужаснулася, —
Мною дѣвушкой похвастьвалъ.
Ужъ я ѣздила, каталася,
На Михайловску на улличку,
На Михайловску на *буевку*,
Какъ ко кресной своей матушкѣ,
Какъ просила прощеньица,
И большаго благословеньица.
Ужъ какъ ихнее прощеньице —
Есть большо благословеньице.
Изъ подъ камешка повыздыпетъ,
Изъ снѣга моря повыкынетъ,
Во Литвы жить за бояриномъ
Во Сибирь за татаринкомъ.
Приходи ты, красна матушка,
По вечеру по поздному,
На слезливую мою свадьбу,
Ко теплой да парной баенкѣ,
Ко косному росплетаньцу.

Во время вечеринки, т. е. дѣвичника, дѣвушки поютъ различныя плясовые пѣсни. Когда дѣвичникъ кончается, тогда невѣста причитаетъ:

1637.

Ужъ вы послушайте, пожалуйста,
Вы подружки мои любушки,

Ужъ въ ключницы ларечницы,
Дорогой воли наслѣдницы!
Отыщите-ко, пожалуста,
Какъ сердечныхъ родителей,
Моего кормильца батюшку
И добротушку матушку.
Еще гдѣ есть у бѣднушки
Какъ кормилецъ свѣтъ-то батюшко;
Какъ на такомъ страху не бѣвано,
Такова страха не видано,
Какъ севодняшняго денечка:
Какъ по позднему по вечеру,
Пристыдилъ да чужъ отецкой сынъ,
При всѣмъ родѣ, при всемъ племени,
При сердечныхъ родителяхъ,
Цѣловаль да во бѣлу щеку,
Прижималь да за бѣлу руку,
Много грозъ онъ мнѣ угроживаль,
Да страстей онъ *задавалъ*:
«Какъ возьму я молодую жену —
Ужъ я ее да повымучу,
Я ее да повышколю.»

Отъ того страху великаго
Тонка бѣлинка рубашечка
По уточкамъ разтыкалася.
Какъ цвѣтныя мои платица, —
Всѣ по швамъ да росшивались,
Крупны скачны мои жемчуги —
По поламъ да розсыпалися.
Послѣ этакой обидушен
Мнѣ-ка много людей надобно:
Ужъ какъ первы люди надобны —
Соткать топеньку рубашечку,
Ужъ какъ други люди надобны, —
Сошить цвѣтны мои платица.
Ужъ какъ третьи люди надобны —
Собрать крупны скачны жемчуга.

На этомъ кончается дѣвичникъ.

На другой день невѣста, вставъ со сна, при-
читаетъ:

1638.

Еще гдѣ есть у бѣднушки —
Какъ кормилецъ, свѣтъ батюшко,
Да добротушка матушка
И подружки мои любушки.
Ужъ ты подай, кормилецъ батюшко,
Мѣдной тазъ да съ ключевой водой,
Бѣло мыло съ умываньями, —
Мнѣ повымыть, красной дѣвушки,
Мнѣ ужъ грязь да со бѣла лица,

Мнѣ ужъ сынъ да со ясныхъ очей.
Какъ почеса мнѣ мало спалося,
Мнѣ во сняхъ много казалось:
Какъ въ крутомъ моемъ зголовницѣ,
Какъ стоитъ гора великая,
Какъ во рѣзвяхъ во поженкахъ
Проросла трава шелковая,
Какъ по правую сторонушку
Наставала туча тѣмная.
Ты скажи, кормилецъ батюшко,
Ужъ мнѣ кто сонъ порѣсудить,
Вси причины порѣскажетъ?
Вси причины есть великіе.
Ужъ ты създи, пожалуста,
За три поля, за три чистыхъ,
За три морюшка глубокихъ,
Какъ за Іосифомъ Прекраснымъ
За деннымъ разсудителемъ,
За почнымъ предводителемъ.
Ужъ онъ сонъ мнѣ поразсудить,
Всѣ причины повьскажетъ.
— Ужъ не ладно приуладила,
Да не хорошо придумала,
Какъ лошадушки усталые,
Стали братьяца упрямые, —
Не пойдутъ, не послушаютъ
Какъ за Іосифомъ прекраснымъ.
Я сама да сонъ поразсужу,
Вси причины повьскажу:
Надъ крутымъ моимъ зголовницею
Какъ стоитъ гора высокая, —
То судимая сторонушка,
Какъ у моихъ ногъ у рѣзвяхъ
Проростала трава шелкова, —
То мужъ удала головушка;
Какъ со правой со сторонушен,
Наставала туча тѣмная, —
То свекровь, змѣя лютая.
Помолиться да покланяться
Пресвятой да Богородицы.
Ужъ я первый поклонъ положу —
За кормильца, свѣта батюшки,
Ужъ я другой поклонъ положу —
За родимую свою матушку,
Я еще да поклонъ положу —
За царя за благовѣрнаго;
Я еще да поклонъ положу —
За царину милосердную,
Я еще да поклонъ положу —
За братцевъ ясныхъ соколовъ,
Я еще да поклонъ положу —
За сестрицъ своихъ голубушекъ;
Я еще да поклонъ положу —
За подружекъ своихъ любушекъ;
Я еще да поклонъ положу —

За солдатшекъ военныхъ:
Можетъ будуть всѣ защитники,
За мою волю заступники.

Послѣ этого входятъ дѣвушки и зовутъ пе-
вѣсту въ баню и причитаютъ:

1639.

Ты пойдѣ, наша голубушка,
Во теплую парну баенку,
Во бѣлую умываленьку!
Изъ лучины баня топлена,
Со колодезь вода пошена,
Со двѣнадцати колодезь:
Какъ со перваго колодца —
Со дому подугольнаго,
Какъ со другаго колодца —
Отъ Ивана Волосатаго,
Какъ со третьяго колодца —
Со рѣки Твери свирѣзня,
Какъ со четвертаго колодца —
Отъ Іоны Преподобнаго,
Какъ со пятаго колодца —
Отъ Макарья Многоплостиваго,
Какъ съ шестаго колодца —
Со шумячаго Онегушка,
Какъ съ седьмаго колодца —
Со Иматрушки гремущей
Какъ съ осмага колодца —
Что отъ Іосифа Прекраснаго,
Какъ съ девятаго колодца —
Отъ Корнелѣя Полеостровскаго,
Какъ съ десятаго колодца —
Со бѣла моря глубокаго,
Какъ двѣнадцатаго колодца —
Отъ океанъ моря широкаго.

Затѣмъ невѣста причитаетъ такъ:

1640.

Еще гдѣ есть у бѣднушки
Какъ кормилецъ свѣтъ батюшко,
Да добротушка матушка.
Ужъ подай, родитель матушка,
Мѣдный тазъ да съ ключевой водой,
Бѣло мыло съ умываньями.
Еще дай, родитель матушка,
Тонку бѣлую рубашку,
Какъ которая рубашечка

По три ночи была спжена,
По три строчки была строчена:
Перва ноченька—Христовская,
Друга ноченька—Иванская,
Третья ноченька—Петровская.
Еще родитель матушка
За мной слѣдь да провожатныхъ
До теплой до парной баенки,
До бѣлой до умываленьки. —
Перву ротушку—солдатшекъ,
Другу ротушку—матросушекъ,
По бокамъ да воронныхъ коней,
По заду да добрыхъ молодцевъ,
Во передъ да красныхъ дѣвушекъ.

Въ банѣ невѣсты расплетаютъ косу и обдаютъ
ее водою (наколдованной отъ призора). — Выйди
изъ банѣ, невѣста причитаетъ:

1641.

Послѣ моего бываньяца,
Послѣ моего хоженьяца, —
Раскатись-ка, парпа баенка,
Какъ по одной мостовиченькѣ,
По единой половиченькѣ.
До бѣла я не намылася,
Только съ волей разлучилася.
Какъ на полочкѣ воли бросалася, —
Бѣлой лебедью казалася;
Какъ на камени бросалася, —
Бѣлымъ паромъ оказалась,
Во корытушко бросалася, —
Сѣрой утешкой казалася
На овно воли бросалася, —
Уснулъ (?) соволомъ казалася;
По окну воли шелнула, —
Стала волюшка свиватися,
Меня, дѣвку, прилепнатися:
«Какъ умѣла красоватися,
А не умѣла разставатися;
Какъ съумѣла волю вырастить,
А не съумѣла воли выпустить.
Буди проклята красна дѣвушка!»

Послѣ этого невѣста возвращается домой и
причитаетъ у родителей:

1642.

Погляди, кормилецъ батюшко,
Да родитель, моя матушка,

На меня, красну дѣвушку,
На бажону дорогу волю:
Такова-ль была снаряжена,
Во теплу баню отпущена?
Я до-бѣла не намылася,
Только съ волей разлучилася,
Худы даны провожатин
Ко теплой да парной баенки,
Ко бѣлой да умывальни. —
Мимо теплу да парну баенку
Проѣзжалъ да чужь отецкой сынъ,
Прошла ископытъ копинная,
Прошли сбѣги лошадинные, —
Торговаль да дорогу волю
Какъ у вашихъ провожатинхъ.
Много давалъ злата серебра,
Много крупныхъ скачныхъ жемчуговъ,
Тридцать ведръ за зелена вина,
Сорокъ ведръ да нива пьянаго.
Я стояла, не стыдилася,
Въ тонкой бѣленькой рубашечкѣ,
Говорила, не боялася:
«Отѣзжай да чужь отецкой сынъ,
Отъ теплой да парной баенки,
Отъ бѣлой да умывальни!
Мои дядевья не пьяницы,
Мои братья не бражники,
Красны дѣвки не распутницы;
Намъ не надо зелена вина,
Намъ не нужно пива пьянаго,
Крупныхъ скачныхъ твоихъ жемчуговъ.»
Какъ послѣ этой поры времени
Стали дѣвушки разбойницы,
Молодцы да подорожники,
Мои дядевья пьяницы,
Мои братья стали бражники,
Какъ силомъ волю обсищали,
Грабежомъ волю ограбили
У теплой да парной баенки.

Послѣдняя причта передъ вѣнцомъ, когда не-
вѣста отдастъ свою волю: т. е. ленту съ головы.

1643.

Какъ пойти мнѣ, красной дѣвушкѣ,
По высокой новой горницы,
Во почотной во-большой уголь?
Какъ положить да дорогу волю
Пресвятой да Богородицы?
Дорога моя басуется ¹⁾.
Полетай, бажена волюшка,

Какъ ко солнцу въ бесѣдушку,
Ко лунѣ на утѣшенце.

Ужъ я не ладно приуладила,
Да не хорошо придумала:
Образа съ волей не водятся. —
Положу я дорогу волю
Выше плечъ да на головушку, —
Пусть-ка волюшка по старому,
Дорога моя по прежнему

Еще гдѣ есть у бѣдушки
Какъ родитель, моя матушка,
Красно тепло мое солнышко?
Ты возьми-тко дорогу волю,
Неси по годовымъ праздникамъ,
Въ воскресенье ко обѣдену, —
Еще вѣкъ того не водится.
Отдана бабы дорога воля. —
Ужъ я кладу да дорогу волю
На свою буйну головушку, —
Еще гдѣ есть у бѣдушки
Какъ сестрица моя милая,
Ужъ какъ ключница ларечница,
Дорогой воли наследница: —
«Ты возьми-тко дорогу волю
На свою буйну головушку!»
— Ужъ я не ладно приуладила,
И не хорошо придумала:
Что у дѣвушки двѣ волюшки.
Я кладу да дорогу волюшку, —
Еще гдѣ есть у бѣдушки
Какъ подружки мои любушки.
Какъ отдамъ дорогу волю
Я подружкамъ потаеннымъ.
— Ужъ я не ладно приуладила,
Да не хорошо придумала:
Что у дѣвушки двѣ волюшки. —
Еще гдѣ есть у бѣдушки
Братецъ, красно мое солнышко.
«Братецъ, бѣло мое свѣтушко,
Братецъ, грушница зеленая!
Ты возьми дорогу волю
На буйну свою головушку.»
— Ужъ я не ладно приуладила,
Да не хорошо придумала:
Молодцамъ воля не надобна,
По проспектамъ будутъ ходить,
Дорогой волей потряхивать,
Мною дѣвушкой похващать.
Положу я дорогу волю
Выше плечъ да на головушку: —
Пусть-ко волюшка по старому,
Дорога моя по прежнему. —
Положу я дорогу волю
Какъ на стѣнушку лицевую,
Да на стопочку точеную.

¹⁾ Отъ слова баско—красиво, басуется красуется.

Какъ я не ладно приуладила,
Да не хорошо придумала:
Какъ поѣдетъ чужь отецкой сынъ, —
Ужъ онъ схватитъ дорогу волю,
Будетъ волей потряхивать,
Мною, дѣвкой, похвастовать.
Еще гдѣ есть у бѣднушки
Какъ кормилецъ мой-то батюшко,
Красно тепло мое солнушко:
«Ужъ ты прійми дорогу волю
Выше плечъ да на головушку!
Ужъ какъ стумѣлъ волю выростить,
Ну стумѣй-же въ люди выпустить.
Еще дай-ко мнѣ прощеньице,
Да большо благословеньице
На судимую сторонушку,
Какъ съ богоданнымъ родителемъ.
На судимой на сторонушки
Веселой быть не смѣяться,
Набъ скоро ходить не бѣгати,
Кручиной быть не заплакати.
Ужъ какъ часъ къ часу минуется,
Скоро време коротается,
Я со волюшкой разстануся,
Съ подъ неволюшкой спознаюся. —
Какъ бажена дорога воли
На головушки легешенько,
На сердцѣ да веселешенько: —
Ужъ какъ проклята подневолица
На головушки тяжелешенько
На умѣ не веселешенько. —
Какъ во почетномъ во большемъ углу
Сидитъ гостя незнакомая.
Отодвиньтесь, люди добрые,
Разшенитесь, православные,
Не въ первыхъ да не въ послѣднихъ!
Какъ пройти да красной дѣвушкой
Со баженой дорогой волей:
«Ты вставай *брюдга* ¹⁾ на ноги!
Еще когда меня повучишь, —
Я напередъ тебя повышколю.

(Брюдга встаетъ и кланяется невѣстѣ).

Брюдга на честь накупалася,
Брюдга Богомъ заклиналася,
Брюдга братомъ похвалялася:
Что не пьетъ да зелева вина,
Не играть да костью, картами,

¹⁾ Брюдга — женихова сестра.

Не ходить къ сусѣдушки въ бесѣдушку,
Не сидитъ да до полуночи.
Отодвинь стола дубоваго
Откиннь скатерть повобрапную, —
Принимай да дорогу волю,
Предъ иконой предъ священной.
Отвори, брюдга, окошечко.
Пусть летитъ да дорога воля
Какъ ко солнушку въ бесѣдушку,
Ко луны во утѣшеньца.
Какъ возьмешь, брюдга, повучишь,
Молоду жену повышколишь.

Кладетъ ленту, т. е. *свою волю*, на столъ и три раза кланяется брюдгѣ. — Послѣ этого невѣсту одѣваютъ къ вѣнцу, — затѣмъ всѣ садятся за столъ, въ ожиданіи поѣзда жениха, — и когда увидятъ, что ѣдутъ за невѣстой, тогда дѣвушки поютъ:

1644.

Изъ за лѣсу лѣсу темнаго
Наставала туча грозная,
Со дождемъ туча, со молніей
Съ великой Вожіей милостью.
Воно ѣдетъ погубитель нашъ,
Воно ѣдетъ разоритель нашъ!

(Жениховы дружки входятъ и отвѣчаютъ за жениха).

Какъ не я ли погубитель вашъ,
Какъ не я ли разоритель вашъ, —
Разоритель вашъ, — батюшко,
Погубительница — матушка,
Расплетай косу — свашенька,
Увози съ двора — друженька.

Послѣ этого выкупаютъ невѣсту — даютъ матери *качальную* полтину, — а дѣвушкамъ бросаютъ, торгуясь, деньги, на пряники. — Тутъ невѣста кланяется всѣмъ въ ноги и испросивъ у родителей благословенія, уѣзжаютъ къ вѣнцу.

Запис. бывшимъ студентомъ Петербургскаго университета дворяниномъ Витебской губерніи Феликсомъ Осиповымъ Слезіеръ.

V. Новгородской губерніи.

Свадебный обряд и пѣсни въ Крестецкомъ уѣздѣ
въ с. Ватагинѣ.

Послѣдовательность эпизодовъ изъ свадебной процедуры записана со словъ *Аграфены Петровой Сонатики*. Ею же диктованы всѣ слова за исключеніемъ приговоровъ дружка, которые сообщены *Павломъ Галстовымъ*, свадебныя же пѣсни записаны со словъ *Петра Алексѣева* и дѣвухекъ на пѣсѣдѣ. Въ прозѣ трудно было удержать языкъ и слогъ передававшей, приходилось переспрашивать и паводить, при объясненіяхъ. На пѣкотырые вопросы я не могъ добиться объясненія, поэтому въ пѣкотырыхъ мѣстахъ замѣтны пропуски. Разсказывавшимъ казалось, что я долженъ самъ знать всѣ мелочи и что послѣ чего слѣдуетъ. Останавливать же на долгіе промежутки времени было неудобно, такъ какъ замѣчалось, что передавашіе отъ этого путались. Въ причитаніяхъ невѣсты, напр. можно смѣло сказать, что многіе мѣста были тутъ же сочинены самой Аграфеной Петровой. Это видно во 1-хъ изъ того, что пѣкотырыи мѣста растянуты и повторяются, а во 2-хъ изъ словъ другихъ крестьянъ села Ватагина, знавшихъ, что Аграфена Петрова диктуетъ мнѣ и сказавшихъ: «Она тебѣ насочинитъ: первая мастерица у насъ. Что позабудетъ, сама павретъ. Чудашна!» Это явленіе обыкновенное. Кому часто приходится причитывать надъ покойниками и въ др. подобныхъ случаяхъ, тѣ уже наловчаются (какъ выражаются крестьяне) въ этомъ, и въ случаяхъ забвенія старыхъ, заученныхъ словъ, вставляютъ свои. Такъ Галстовъ, исправляющій на селѣ всегда роль дружка, при диктованіи часто вставлялъ фразу: «скажемъ такъ напримѣръ». Диктовать вообще трудно. Они забываютъ слова, которыя при дѣйствительной надобности сами рождаются у нихъ. Севершено вѣрны слова П. В. Шейна: «Онъ (т. е. народный пѣвецъ) обыкновенно поетъ ее (т. е. пѣснь) полу-безсознательно, почти какъ птица въ лѣсу. Пѣсня живетъ и держится въ его памяти, преимущественно силою однообразнаго мотива.» Тоже самое, сказанное о народномъ пѣснѣ, можно примѣнять къ причитыванію, выкрывчанію. Когда причитающій говоритъ, рѣчь льется у него плавно, въ ней слышна даже гармонія звуковъ. Онъ забывается, закрываетъ глаза, подтираетъ рукою щеку или расчесываетъ бороду

(если то субъектъ мужскаго пола), какъ бы самъ упивается, вдохновляется своею рѣчью. Произнося же медленно, онъ какъ бы коффузится, старается придать этому родъ шутки, не стоющей вниманія. Эта глубокая, психологическая черта въ народныхъ отношеніяхъ къ намъ, интеллигентнымъ лицамъ. Я позволю себѣ высказать свое объясненіе этому. Мнѣ кажется, что придавая шутливый характеръ своей пѣснѣ, причиту при диктованіи или пересказѣ лицу другого класса общества, народный пѣвецъ какъ бы инстинктивно старается огородить свое дѣтище отъ насмѣшекъ, отъ обиды. Зналъ, что для насъ его размыренная рѣчь ничто чуждое, незнакомое, онъ боится насмѣшки пасть собой и вотъ онъ самъ придаетъ, навязываетъ намъ шутливый взглядъ. Онъ какъ бы даетъ формальную санкцію на иронию. Пожалуй тутъ играетъ пѣкотырую роль самолюбіе — съ одной стороны, съ другой — желаніе въ формальныхъ отношеніяхъ подладиться подъ васъ. Это своего рода замаскировываніе, довольно тонкая игра. Фактъ почти признанный, что народъ относится къ намъ недоверчиво. Къ чему же и тутъ раскрывать свою душу? Вѣдь странно, да и непонятно для него, что мы только за послѣднее время послѣ столь долгой отчужденности начали вдругъ изучать, отыскивать свой народъ. Будто открываемъ Америку! Народъ знаетъ, что мы его не знаемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасно знаетъ, что онъ знаетъ и понимаетъ. Ему пока только не понятно, почему это мы вдругъ вспомнили объ немъ, объ его бытѣ, его пѣсняхъ. Въ сущности онъ нѣсколько косится на это записываніе его пѣсней, онъ недоверяетъ этому (см. Некрасова «Пьяная ночь») и вотъ онъ пробуетъ насъ, зондируетъ почву. «Нѣтъ ли тутъ посягательства? Не надругаются ли?» И вотъ онъ самъ надъ своею же пѣсенью смѣется, разсуждая, «если вы надсмѣетесь, то повѣдайте другимъ, вашимъ, что мы тоже смѣемся». А это въ переводѣ будетъ значить — «не забирайтесь въ нашу душу, не пытайтесь понять, какъ дорого намъ то, надъ чѣмъ вы смѣетесь. Знайте насъ съ ложной, казовой стороны, какова бы она ни была, и довольны съ васъ».

Вмѣстѣ съ этимъ конечно ему и смѣшно, съ чего это вдругъ вздумали записывать. «Дурачатся баре отъ ничего недѣланья. Времени, видно, много свободнаго!»

Что касается до меня лично въ данномъ слу-

чаѣ, то я пользовался и находился въ исключительномъ положеніи. Семья, въ которой я жилъ зимою, когда я записывалъ пѣсни очень близко стоитъ къ пародной жизни. Нѣтъ рѣзкой грани между усадьбою и селомъ. Молодые люди, господа, въ очень хорошихъ простыхъ сношеніяхъ къ деревенскимъ парнямъ, изъ которыхъ нѣкоторые, благодаря близости къ барскому дому, получили возможность обстоятельнаго разясненія, для чего я записываю, съ какою цѣлью и были очень польщены даже, когда я сказалъ, что можетъ быть, нѣкоторыя пѣсни будутъ напечатаны. Оттого такъ охотно мнѣ и диктовали на посѣдкахъ всѣ гурьбою. Я съ своей стороны сообщалъ имъ знакомыя мнѣ пѣсни, училъ нѣкоторыхъ пѣть. Грустное впечатлѣніе производило то обстоятельство, что они особенно падки на скабрезныя (пахабныя) пѣсни. Чуть начнемъ записывать, сейчасъ предлагаютъ грязь. Конечно, это особенно замѣтно среди молодежи, которая приставала и ко мнѣ, чтобы я съ своей стороны сообщалъ имъ мнѣ знакомыя нецензурныя слова. Долгъ платежомъ красенъ! Для сохраненія вполнѣ равныхъ отношеній я говорилъ имъ ихъ, но избѣгалъ случая записывать такіа пѣсни для нихъ. Этого сорта пѣсни много записаны и приложены въ концѣ моего сборника. Пріятно было только видѣть, что они дорожатъ въ особенности въ серьезномъ разговорѣ, при оцѣнѣ старыми пѣснями, хотя «по слабости» (какъ они говорили) падки на новѣйшія фабричныя, солдатскія съ пустымъ содержаніемъ, вычурными словами и звонкой рифмой. Пріѣхавъ въ Петербургъ, я поспѣшилъ выслать Василію Иванову, мужику грамотному и великому любителю пѣсенъ христоматію....., что было мною сдѣлано по его убѣдительной просьбѣ подарить хорошихъ стишковъ, чтобы и самому научиться и сынишкѣ научить. Вылины ему очень понравились. Онъ собирался ихъ заучивать. Не знаю только, исполнилъ-ли свое благое желаніе.

Сватанье¹⁾.

Парень приходитъ къ отцу и говоритъ ему: «Батюшка, я жениться хочу». — «Женись, съ Богомъ, сыночекъ, коли желанье есть; но откуда же ты, сыночекъ, хочешь невѣсту брать?» — «Да у меня уже невѣста выбрана, уже три года, какъ я съ нею знакомъ.» — «Да любя ли она тебѣ, понрави-

лась?» — «Да лучше ее въ свѣтъ нѣтъ. Такъ ступай же, батюшка, сватайся.»

Отецъ пошелъ ее вѣчоронній день сватать. Пришелъ онъ къ невѣстину отцу и стоитъ у порога, Богу помолвившись. — «Здравствуйте». А невѣстину отецъ отвѣчаетъ: — «Здравствуйте». Объ чемъ вы такъ ходите, садитесь на лавку. — «Я пришелъ не кумиться, не брататься, а пришелъ я къ вамъ вашу дочь посватать. У меня есть сынъ Иванъ, у васъ есть дочь Марья, у моего сына есть врючекъ, у вашей дочки петелька, такъ нельзя ли ихъ въ кучу свести». — «Можно, мы очень рады, что вы пришли нашу дочь сватать. Посовѣтуемся, какъ намъ свадьбу дѣлать. Черезъ шесть дней къ пребудущему воскресенью готовьтесь, а черезъ три дня, попережь воскресенья, въ четвергъ будемъ мы нашу дочку поручать. Пріѣзжайте съ женихомъ, мы хотимъ жениха посмотрѣть. Пусть самъ ся покажетъ и невѣсту посмотритъ. Привезетъ онъ пусть невѣстѣ что обуть — башмаки и чулки. Мы бѣсу ее не отпустимъ, фунтъ конфетовъ, пряничковъ, мыла фунтъ. А ежели не привезете что обуть, то она уйдетъ въ этотъ день за грибами. Пуцай отецъ жениха везетъ мнѣ на угощеніе полштофа водки.

Проходитъ три дня, ѣдутъ они (сваты, женихъ и родня) поручать съ колокольчиками. Услыхали невѣстину родные и бѣгутъ къ ей, говорятъ ей: «Ѣдетъ женихъ поручать тебя». Это невѣста спужалась, упала на полъ и начинаетъ плакать²⁾.

1645.

Не хватайся, кормилецъ батюшка,
И родная матушка
Выдавать меня во чужіе люди,
Во великую горюшку,
За чужого-то за чужапина,
За чужого-то за супостателя!
Побоялся ты, кормилецъ батюшка,
Да и родима матушка,
Что просижу я у васъ дубовыя лавочки,
Что протопчу я кирпичный полъ,
Позавѣшу вамъ очи ясныя.
Я не думала, молодешенька,
Ты кормилецъ, желанный батюшка,
Ты родима матушка,
Не начитала я, молодешенька,

¹⁾ Текстъ записанъ со словъ Аграфены Петровой. Г.

²⁾ Этотъ плачъ иная произноситъ, когда ей объявляютъ только о сватовствѣ. Дѣло вкуса. Г.

Что вы рачите меня, молодехоньку.
 Отдавать во чужі люди,
 Ко чужому отцу, матери,
 Ко чужому-то ко чужанину.
 Вѣдь вы знаете, кормилецъ батюшка,
 И родима матушка,
 Что я молодистая—молodeхонька,
 Что я не исполнивши ростамъ полная,
 Какъ травинушка я недорослая,
 Не скопившая смогутной силы,
 Какъ ягодиночка недозрѣлая,
 Молодая я молодехонька,
 Не накоплено могутной силы!
 Вѣдь ты знаешь, кормилецъ батюшка,
 И родима матушка,
 Что не пожалѣютъ меня, молодехоньку,
 Во чужихъ людяхъ, во чужой-то во работушкѣ:
 По утру будить ранымъ ранехонько,
 Ввечеру позднымъ позднехонько;
 Не попаровать меня, молодехоньку,
 Кусочкомъ-то сахарнымъ;
 А попаровать меня, молодехоньку,
 Тяжелый работушкой.
 Вѣдь ты знаешь, родимый батюшка,
 Что у меня, во горюшницѣ
 Поясница худехонька,
 Бѣды ручки тонехоньки,
 Могутной силы у меня малехонько.
 Я не думала, горюшница,
 Что вы рачите отдать меня, молодехоньку,
 Отдать во чужіе люди,
 Что на горюшко на великое.
 Не пожалѣютъ меня во чужихъ людяхъ!
 А ты знаешь, родима матушка,
 Каково жить во чужихъ людяхъ.
 Во чужихъ людяхъ много горюшка!
 Какъ чужая дальняя сторонущка,
 Она горюшкомъ засѣяна,
 Горячимъ слезамъ поливана,
 Горячимъ слезамъ сиротскимъ.
 Не читала я, горюша бѣдня,
 Что вы рачите меня отдать во чужі люди,
 На чужую-то на сторонущку!
 Я, вѣдь, думала, молодехонька,
 Что ты, кормилецъ батюшка,
 И родима моя матушка
 Продержите меня подъ правымъ крылышкомъ.
 Вѣдь вы знаете, кормилецъ батюшка
 И родима матушка,
 Что не полюшко дѣтей у васъ посѣяно,
 Не сады у васъ посажены.
 Я, вѣдь, думала, молодехонька,
 Что я у васъ однимъ то одиныхонька,
 Что вы не рачите меня отдать во чужі люди,
 На великую во горестъ, на великую заботушку,

Не къ родному отцу, къ матери
 Ко чужому, ко чужанину,
 Ко чужому супостателю.
 Покулъ я жила у васъ, кормилецъ батюшка,
 И родима матушка,
 И была я умная, разумная,
 И была работлива,
 И была почетлива.
 А, вѣдь, ты знаешь, родима матушка
 Каково жить во чужихъ людяхъ
 За чужимъ-то за чужениномъ!
 Какъ я жила-то у тебя, кормилецъ батюшка,
 И родима матушка,
 Я не слышала худого словечка грубаго.
 Вы ласкали меня, молодехоньку,
 Что своимъ то ласковымъ словомъ,
 Вы держали меня, горюшу бѣдную,
 У своей у бѣлой груди,
 У своего у ретива сердца,
 Вы ласкали меня, горюшу бѣдную,
 Угощали меня, горюшу бѣдную, чаемъ, кофеемъ,
 И кусочкамъ сахарнымъ,
 Я была бѣдна молодехонька,
 Завсегда сытымъ сытехонька,
 Довольнымъ довольнехонька;
 Вы родители мои родимые,
 Одѣвали вы меня во свѣтло платьеце,
 Хорошили меня хорошихонько.
 Я ходила, горюша бѣдная,
 Что настоящая барыня,
 Окрученная, снаряженная
 Въ свѣтломъ платьецѣ,
 Я ходила, горюша бѣдная,
 Въ башмачкахъ завсегда козловыхъ,
 Въ чулочкахъ то *костровыхъ* (?)
 На мнѣ, горюшницѣ, цвѣтно платье
 Что жаръ горитъ,
 На головушки у меня земчуги,
 Ретиво сердце у меня завсегда веселехонько,
 Въ бѣломъ личикѣ у меня румянчики,
 Въ буйной головушкѣ было у меня завсегда
 весельеце,
 На ретивомъ сердцѣ хорошо *умныице* (?)
 А какъ выдадите меня во чужі люди,—
 Все минется, все потеряется:
 Съ буйной головушки весельице,
 Съ бѣла лица потеряются румянчики,
 Съ бѣлой груди хорошо умныице,
 Нападетъ на меня на горюшницу,
 Что заботушка великая,
 Пообможутъ меня милы дѣтушки,
 Мнѣ-но некогда будетъ, горюшницѣ,
 Что проспаться темну ноченку;
 Нападетъ-то на молодехоньку,
 Нападетъ-то зима холодная

На мое-то на ретиво сердце.
 Да, вѣдь, ты знаешь, родима матушка,
 Какъ жить-то за чужимъ, за чужаниномъ?
 Не пожалѣть меня, горюшницу,
 Что чужой то чужанинъ,
 Не приласкаетъ меня словомъ ласковымъ.
 У чужого-то у чужанина
 Слово ласково все матернымъ,
 Приглубить-то плетъ шелковая;
 Ужъ онъ взглянетъ на меня по звѣриному,
 Ужъ онъ выкрикнетъ по *порозину* (?),
 Я спугаюсь, горюша бѣдная:
 Какъ сподломатся скоры ноженки,
 Поупустятся бѣлы рученки,
 Ужаснется мое ретиво сердце!
 Я и скажу, бѣдная горюшница,
 Что, охъ! родимая моя матушка,
 На что на горе ты меня зарѣдила
 На злодѣй на горюшко великое?
 Не могла ты меня, родима матушка,
 Со малымъ-то со малехонько
 Въ своей утробушкѣ позадушить:
 У бѣлой груди бы позасоспла,
 Во парной банькѣ позапарилабъ,
 Позамыла бъ меня студеной водой:
 Мнѣ ко легче было бъ, горюшѣ бѣдной!
 Хотъ вы выдали, кормилецъ батюшка
 И родима матушка
 За чужого за чужанина,
 За чужого то супостателя,
 Не пришло мнѣ, горюшѣ бѣдной,
 Что великаго-то счастьяца!
 Что моя судьба самая несчастная,
 Не такая, какъ добрымъ людѣмъ.
 Видно я, горюша бѣдная,
 Не тому я Богу молилася,
 Что которому люди добрые;
 Видно я молилася, горюша бѣдная,
 Что я лѣсамъ-то темнымъ
 Да тому-то Богу, кой не милуетъ,
 Въ своей судьбѣ несчастной.
 Ты подумай, родна матушка,
 Кормилецъ батюшка,
 Я не сплю, бѣдная горюшница,
 Я не сплю-то всѣ темны ночицы,
 Какъ чужой-то да чужанинъ
 Надругается надъ горюшницей,
 Надъ моимъ то тѣломъ бѣлымъ:
 Я стою, бѣдная молодешенька,
 У его у кровати у тесовой,
 На своихъ-то на колешенькахъ¹⁾,
 Я на мелкихъ на камышкахъ.
 Ужъ какъ ввезилъ онъ свои рученки

¹⁾ колѣняхъ.

Ужъ мнѣ вытаскалъ всѣ желтые кудри,
 Какъ избилъ онъ мое тѣло бѣлое,
 Не бѣлѣ черна чернаго.
 Ну, я, вѣдь, думаю, горюша бѣдная,
 Что ты, родимая моя матушка,
 Ты кормилецъ мой, желанный батюшка,
 Прилятите ко мнѣ, ко горюшницѣ,
 На чужую то на сторонущу,
 Вы возьмите, мой кормилецъ батюшка,
 И родима моя матушка,
 Навяжите на меня, на горюшницу,
 Что на буйную головушку,
 Навяжите камень бѣленькій
 И поищите, мои родители,
 Поищите глыбокой рѣченки
 Вы по чистоемъ по полюшкѣ,
 Гдѣ горы есть высокія,
 Гдѣ рѣки есть глыбовыя,
 И что которая есть всѣхъ поглыбѣе,
 Со глыбовымъ-то со омутомъ.
 Что со этимъ бѣлымъ камышкомъ
 Опустите меня въ быстру рѣку,
 Въ оута-то во глубокіе:
 Мнѣ-ко легче будетъ, горюшницѣ,
 Со своей судьбой несчастной!
 Видно, я молилася, горюша бѣдная,
 Лѣсамъ-то темнымъ,
 Ужъ я темнымъ огромнымъ,
 Что моя судьба несчастная
 Не такая, какъ добрымъ людѣмъ.
 Ужъ ты послухай, кормилецъ батюшка,
 И родима матушка,
 Какъ пройдетъ зима холодная,
 Какъ настанетъ весна красная,
 Зацвѣтутъ цвѣты лазуревы,
 Какъ прилягать всѣ птички-ласточки,
 Какъ разогрѣтъ лѣто теплое,
 Какъ прилягать сѣры кукушечки,
 Полячу я, горюша бѣдная,
 Со чужой-то я со сторонущи,
 На зоренькѣ я на утренней,
 Къ тебѣ, кормилецъ батюшка,
 Къ тебѣ, родима матушка,
 Что во вашъ-то я во зеленый садъ.
 Вы послушайте, мои родители,
 Закукую я, горюша бѣдная,
 Закукую я кукушкой сѣрой
 Обливаясь¹⁾, горюша бѣдная,
 Обливаясь я горячимъ слезамъ.
 Ужъ какъ вышла родима матушка
 Въ новыя-то во сѣнушки,
 Ужъ какъ свой-то во зеленый садъ;

¹⁾ Это слово произносилось неясно, нельзя было разобрать, говорить ли она обливаясь или обливаюся, Г.

Она признала мой звонкой голобъ,
Облилася она горячимъ слезамъ,
Она промолвила слово ласково.
Заклибло у ней ретиво сердце.
Она промолвила, сиротинушка:
«Охъ! ты сѣрая кукушечка,
Ты залетная мала пташечка,
Я послушаю, сиротинушка,
Ты кукуешь, ты ласковешенько,
Я, вѣдь, думаю, сиротинушка,
Что ни мое ли прилетѣвши мило дитятко
Со чужой-то со сторонущи?»

Она пришла-то въ нову горенку:
«Ужъ ты, мужъ, ты мой любименькій!
Ты ходи въ новы сѣнечки,
Ты взойди-ка во зеленый садъ,
Ты послушай, мой любимый мужъ,
Какъ поетъ тамъ птичка-ласточка
И кукуетъ сѣра кукушечка!»

Я послушала, сиротинушка, —
Заклибала моя кровь горячая,
Заболѣло мое ретиво сердце,
Облилася я горячимъ слезамъ:
Причитаетъ она ласковешенько,
Обливается она горячимъ слезамъ.
Я, вѣдь, думаю, сиротинушка,
Что не наше ли мило дитятко?
Прилетѣла она, горюшница,
Со чужой-то со сторонущи,
Отъ чужаго-то отъ чужашина,
Попросила она, поклонялася,
Покорилась она ласковымъ словамъ:
— Ужъ ты, мужъ, ты мой любименькій,
Ты пусти меня, горюшу бѣдную,
Къ своему кормильцу батюшкѣ
И ко моей родимой матушкѣ.
Что-то у меня, у бѣдной горюшницы,
Заболѣло мое рѣтиво сердце.
Не посплю-то я, горюша бѣдная,
Темной-то ночью!
Не пожалѣю я своихъ скорыхъ поженекъ.
Ты пусти-ка, мой любимый мужъ,
Опроваждать кормильца батюшку
И родиму мою матушку:
Они старымъ-то старешеньки!
Ты послушай, мой кормилецъ батюшка.
Какъ расцвѣтутъ цвѣты лазуревы,
Зазеленятъ лужки зеленые,
Прилячу я, горюша бѣдная,
На кудрявую я на яблоньку,
Солячу я, горюша бѣдная,
Я на травушку на шелковую,
Ужъ я сяду, горюша бѣдная,
Подъ листочекъ по-подъ шелковинный.
Ты придешь, кормилецъ батюшка,

Косить траву шелковую,
Не сподрѣжь меня, бѣдной молодехоньки,
Мои скорыя то поженьки,
Ужъ ты срѣжь, кормилецъ батюшка,
Мою буйную головушку.

Я прилетѣла, горюша бѣдная,
Со великимъ-то горюшкомъ:
Позабылъ ты кормилецъ батюшка,
И родима моя матушка,
Меня, бѣдную несчастную,
На чужой-то на сторонущи.
Заклевали меня воробушки!
Вѣдь, вы знаете, мои родители,
Что залатавши я, горюша бѣдная,
Я дальнимъ то далекохонько —
За озера-то я за синія,
За Невомъ-то за глубокимъ
Я по край-то свѣту бѣлаго,
По конецъ-то моря синяго.

— «Охъ! ты милое наше дитятко!

Мы не думали, несчастные,
Что твоя будя судьба горя горькая!
Кабы мы знали да мы вѣдали,
Мы-бъ не отдали тебя, мило дитятко,
Что на горюшко-то на великое.
Вѣдь мы думали, побѣдные,
Что чужая-то сторонущи, —
Что садамъ-то она понасажена,
Что медамъ-то она поливана.
Она чужая-то сторонущи, —
Она горюшкомъ понасажена,
Горячимъ слезамъ поливана!
Охъ! ты милое наше дитятко,
Ты несчастная у насъ зарожена.
Видно, зародили тебя, наше дитятко,
Въ несчастный-то день, во пятницу,
Въ пятницу, въ темну ноченку.
Видно, падѣлили мы тя, наше дитятко,
Несчастьемъ-то великимъ,
Что твои то судьба несчастная,
Она несчастная, горя горькая!
Изушила ты, наше дитятко,
За кажинну-то пору—времячко.
Мы не спимъ-то темну ноченку
Все мы думаемъ по бѣдной,
Объ тебѣ, наше дитятко,
Объ твоей судьбѣ несчастной.
Ты подумай, наше дитятко,
Что объ насъ-то ты бѣдныхъ,
Что мы старымъ-то старешеньки —
Кормилецъ твой батюшка,
Родная твоя матушка.
Мы надѣлялись на тя, наша дочечка,
Что ты не бросишь насъ, несчастныхъ,
При великой-то при старости.

Мы не дюжи-то теперь, побѣдны,
 Что работать-то тяжелую работуху.
 Ина ктоже теперь будя несчастныхъ,
 Ина будетъ теперь понтъ-кормить?
 Мы не спимъ-то да темпу ноченьку,
 Мы не спимъ, да все думаемъ,
 Ина какъ будя намъ несчастнымъ?
 Мы старые теперь и дряблые!
 Намъ кормиться будя побѣднымъ
 По чужимъ-то людямъ добрымъ
 Христовымъ-то имячкомъ.
 Пожалѣй ты, насъ, мило дитяtko,
 Ты не брось насъ несчастныхъ!
 Ты подумай, наша сердечная,
 Объ насъ бѣдныхъ, несчастныхъ,
 Что мы старые-то, дряблые!
 Уговори ты своего мужа любимого,
 Не сожалеетъ ли твой мужъ любимый
 Насъ, бѣдныхъ, старыхъ,
 Не дастъ ли намъ кусочка сахарнаго?
 Вы подумайте, наше дитяtko,
 Какъ мы сохли по вамъ, по несчастнымъ,
 Теперь мы просимъ насъ, наше дитяtko,
 Не бросьте насъ подъ старости,
 Что намъ не на что таперъ надѣяться,
 Что ты одно у насъ, мало дитяtko,
 Одно у насъ сердечное.
 Вѣдь, ты знаешь, мила доченка,
 Что мы живемъ теперь не богатые,
 Мы не имѣемъ-то золотой казны,
 Ни мѣдныхъ, ни серебрянныхъ.
 Кабы мы были люди богатые,
 Намъ бы не было горя великаго!
 Поистеряли мы свою силу великую —
 Таперъ не можемъ во тяжелой во работухѣ
 Скоротать денечка краснаго:
 Намъ работуха теперь не подъ силушку!»

Вотъ она плакала и омертвѣла, и ее подруги
 холодной водой оттирали, уговаривая. «Что же
 ты такъ спужалася своего суженаго?» Вотъ ю
 оттерли холодной водой. «Отчего же ты, наша
 подруга, не могла скрѣпить себя?» Она отвѣ-
 чаетъ: — «Милыя подруги, видно судьба моя
 несчастна, что сердце мое замерло, не могла
 сама себя скрѣпить. Вѣрно, мой пареченный либо
 пьяница будетъ, либо блядунъ, съ чужими женами
 будетъ заниматься, а меня бить и не будетъ
 любить». Ейна мать замѣтила, что она мертвая
 лежитъ и мать ейная на нее глядя тоже упала,
 омертвѣла. Отецъ ейшій надъ ними стоитъ, уго-
 вариваетъ. «Что же вы такъ слабо себя спустили,
 что омертвѣли, не могли сами себя содержать?
 Вѣдь, я тебя не поневолѣ отдаю, сходились вы
 съ согласіемъ съ своимъ женихомъ, а теперь ты

этакъ плачешь. Когда этакъ плачешь, то я могу
 отказать». — «Какъ же, тятенька, это можно
 отказать—дорого намъ это стоитъ. Они столько
 урону сдѣлали, изъяснились, женихъ-то мой.
 Также и мы изъяснились—дары покупали. Подвѣ-
 нечное оу мнѣ платье купилъ, шелковое, под-
 вѣнечное въ 70 руб. (?) женихъ мнѣ далъ 50 руб.
 на свадьбу, на дары, а также мы, тятенька,
 сколько своихъ стратили! Это намъ не честь!»
 «Изъяснь изъясномъ, уронъ—уропомъ! Это мы сами
 себя очень конфузимъ, если свадьбу разорить.»
 Такъ, тятенька, что я у васъ дочь Марья сла-
 вушная и одежда на мнѣ хорошо сдѣлана и хо-
 рошій мнѣ женихъ у васъ нашелся, такъ я-то
 полагаю, батюшка, что мы цѣны хорошей стали,
 а женихъ еще болѣе насъ стоитъ и богатѣе,
 такъ нельзя этакъ сдѣлать, что свадьбу разорить.
 А какъ завели мы тятенька кашу, такъ не жалѣй
 масла. И кончайте на томъ, что непременно въ
 воскресенье свадьба, и мы приготавимся, и пусть
 они готовятся свадьбу хорошо править. Я желаю,
 чтобы оу ко мнѣ на вечеринку пріѣхалъ, вече-
 ринку сидѣть.»

Невѣста жениха стрѣтила, благородно при-
 няла, сидѣли, танцовали съ прочими дѣвуш-
 ками. — «Я - жениха для того пригласила, что
 желательно для себя, а что гостинцевъ привезъ
 и подарковъ, я и подругъ угостила этимъ гостин-
 цамъ». Она его проводила и она тутъ цѣловала
 его при всѣхъ и сказала, чтобы пріѣзжалъ поутру,
 что она приготавится къ свадьбѣ. Наканунѣ
 свадьбы невѣста идетъ въ баню париться. Ея
 подруги готовить баню и поютъ при этомъ:

1646.

Топись, топись баненька,
 Кались, кались камешка!
 Распарись Марья душа,
 Умойся Алексѣевна
 Что во этой парной баненки,
 Не сумеете черной гризи,
 А смоете красу красоту
 И всю дѣвшину вольну волюшку.
 Со-бѣла лица смоете всѣ румянчики,
 Со ретива сердца все весельюшка....
 (далѣе словъ диктовавшая не знала ¹⁾).

¹⁾ Дѣвушка тоже отговорила не знавшею.

Стопавши баю, они идутъ за невѣстою и въ сѣняхъ поютъ:

1647.

Мы идемъ, бѣдны молодецъныи,
По повымъ по сѣнничкамъ;
Не скрипите, повы цоловниченки,
Не спугайте вы нашей подруженьки,
Мы наложимъ руку на скобу,
Распахнемъ мы двери на пятау.
Не скрипи-ка, дверь дубовая,
Не спугайся, наша подруженька:
Мы не воры идемъ, не разбойники,
Твои труднечки идемъ, не разбойнички;
Мы стопили тебѣ парну баенку,
Мы безъ чаду безъ земнаго,
Мы нагрѣли воду теплую —
Безъ камня безъ каенаго ¹⁾.

А невѣста-выходить и поеть: ²⁾

1648.

Вамъ спасибо, мои подруженьки,
Что стопили парну баенку!
И не спасибо, мои подруженьки,
Что, вѣдь, эта парна баенка
И угарна и обманчива:
Она не вымоетъ черной грязи
А только вымоетъ дѣвничью красоту
Всю дѣвничью волю волюшку:

Послѣ бани она приходитъ въ отцу и пла-
четъ:

1649.

Обманули меня подруженьки;
Не обмыли черной грязи,
А обмыли красну красоту,
Да дѣвничью волю волюшку,
Зазнобили ретиво сердце.

Все время до обвѣнчанія, когда подруги соби-
раются у невѣсты, онѣ поютъ разныя свадебныя

¹⁾ Поется ли это когда невѣста уже выпарилась
или до этого? не знаю. Г.

²⁾ Когда—тоже не знаю. Г.

пѣсни. Привожу здѣсь тѣ, которыя удалось
записать, но это далеко не весь обширный ре-
пертуаръ. Я не могъ записать больше, потому
что дѣвушки отговаривались незнапиемъ и запа-
мятованіемъ.

1650.

Что при вечерѣ вечеръ-вечерить
У Марьи на вечорочѣ,
У Алексѣевны на веселой.
Приляталъ тутъ молодой
Ясень соколъ золотой,
Добрый молодецъ заѣзжій,
Николай Ивановичъ.
Онъ садился на окошечко,
На точеную на рамочку,
На точену золотую,
Что никто-то не видитъ сокола.
Увидала Марьиная матушка:
«Ужъ мое дитя, дитятко,
Приласкай ты ясна, сокола,
Ясна сокола залетнаго,
Добра молодца заѣзжаго!»
— «Ужъ ты, родима моя матушка!
Рада-бъ рада приласкать его, —
Упустились бѣлы рученьки,
Сподомкнулись скоры ноженьки,
Ужаснулось ретиво сердце.

1651.

Изъ-за горь-то, горь высочинхъ,
Изъ-за тѣсу тѣсу темнова,
Изъ-за садика зеленого
Вылетало стадо гусиное,
А другое лебединое
Отставала лебедушка
Отъ стада лебединого,
Приставала лебедушка
Ко стаду ко сѣрымъ гусямъ.
Не умѣла лебедушка
По гусиному кричать,
Стали ю щипать и рвать.
«Не щипите, гуси сѣрые!
Не сама я залетѣла къ вамъ,
Залетѣла я неволею,
Запесло меня погодою,
Что погодою, буйнымъ вѣтромъ,
Буйнымъ вѣтромъ,
Частымъ дождемъ.
Отставала Марья

Отъ стада дѣвичьяго,
Приставала Марья
Ко стаду молодочьему.
Не умѣла по горенѣхъ ходить,
Со семейшкой говорить,
Начали ея журить, бранить.
«Не брани-ка, свекоръ батюшка,
Не жури, свекровь матушка:
Не сама себя заѣхала,
Не своей я волюшкой,
А завезли меня добры кони,
Что добры кони Николаева,
Николая-то Иваныча.

1652.

На горѣ на глинистой
Стояла часовенка.
Во этой часовенкѣ
Ясно свѣчи топятся,
Ясно разгораются.
Жалобненько поны поютъ,
Иванъ Богу молится,
Низко Христу кланится,
Пришла къ нему матушка:
— «Сердечно мое дитятко,
О чемъ Богу молишься?
Объ чемъ низко кланяешься?»
— «Ты, родима моя матушка!
Какъ же мнѣ Богу не молиться,
Низко Христу не кланяться?
Ѣхать за суженой,
Что за суженой, снаряженой,
За Марьей Алексѣвной.
Дороженька дальняя,
Дальняя раскатиста,
Глубока, ухабиста.
Раскаты широкіе,
Ухабы глубоки.
Мнѣ ѣхать за суженой,
Мнѣ ѣхать за ряженой,
За Марьей Алексѣвной, —
Пушкамъ камни стѣны пробивать
И свою сужену добывать,
Брать ея за праву руку,
Вестъ ея въ Божью церковь,
Въ Божью церковь въ матушку,
Златнымъ перстнемъ обручатся,
За золоты вѣнцы приниматся.
Приведъ я ко батюшкѣ,
Приведъ я ко матушкѣ:
«Любо-ль вамъ голубушка?»
— «Голубушка Аннушка,

Сердечно наше дитятко!
Было-бъ тебѣ любо,
А намъ любо любошенька,
Какъ свѣжожъ бѣлешенька.»
«Кормилецъ мой батюшка,
Родимая моя матушка!
Берегите, жалуйте
Этого-то чужо дитя
Со чужой сторонюшки,
Отъ чужаго отца, маверя.»

1653.

Дѣвицы, вы дѣвицы! 2
Вѣны великія — 2
Сергѣя молодца!
Виномъ папѣбили,
На коня посадили,
Шелковую плетъ подали.
Завезъ яго добрый конь,
Конь къ тестину двору,
Ко тещину крыльцу,
Къ Марьѣ въ теремецъ,
Къ Алексѣвнѣ въ высокой.
Марья спужалася,
Въ крути свилася;
Свиниши полатѣла.
Коню (?) — звѣздою
Ко свѣтлому ко мѣсяцу.
«Разсвѣтись, свѣтель мѣсецъ,
У свекра на дворѣ,
У свекровки въ теремѣ,
У Сергѣя въ пологѣ
И Дмитрия въ браномѣ —
На рукѣ на правой
У сердца ретиваго.

День выпчани.

Женихъ готовится тѣмъ временемъ, приглашаетъ 1) дружку, 2) подружью, 3) шапошника (пашъ шаферъ) 4) кузбурака — промешъ погъ бурча вина (?), 5) одного со общами¹⁾ (кто несетъ гостинцы) и водкой. Последніе двое должны угощать задерживающихъ ихъ во время поѣзда.

Собрали свадьбу, пужно отправляться. Нашего князя (женихъ) поставили за столъ и дружка выкликаютъ родныхъ благословить жениха ѣхать за невѣстой.

¹⁾ Обои — деревенскіе свадебные крендели.

«Господь Иисусъ Христосъ, сынъ Божій нашъ, насъ помилуй! Зачади́лъ Господь Богъ *Савалофъ* пѣбу, землю, части звѣзды, сини ходячи облака, ключи кипучіе, рѣки такучія, ручьи поточники, больша озерка, маленьки пригорки. Приосновалъ Господь Богъ Савалофъ на трехъ китахъ рыбныхъ, на трехъ рыбныхъ, на трехъ китеныхъ землю. На трехъ китеныхъ вся земля при основаніи стоитъ, и украсилъ Господь Богъ Савалофъ мать сыру землю краснымъ солнцемъ, свѣтлымъ мѣсяцемъ, горамъ сорочинскимъ, древамъ кипариснымъ, темнымъ лѣсамъ, зеленымъ лугамъ, шелковымъ травамъ, буйнымъ вѣтрамъ, вольнымъ воздухомъ, святымъ духомъ. Зародилъ Господь Богъ Савалофъ двухъ *илефъ* (?) чело́вѣческихъ — Адамъ и Еву. Пошла отъ нихъ крѣстьянска плоть, отъ черной грязи — тѣло, отъ камня — кость, отъ *бѣлачана* (?) — буйна голова, отъ капустнаго листа — уши, отъ чиста пеньки — суставы — кость, отъ текучей воды — горяча кровь, отъ яснаго мѣсяца — очи во лбу, отъ св. Духа — душа, отъ вѣтра — умъ! Есть ли во этой свѣтлой свѣтилицѣ нашего князя молодого (имя рекъ) крестный батюшка, крестна матушка, кормилецъ батюшка и родима матушка? Какъ же вы имѣли зачадить, спородить и 40 недѣлей во утробѣ посили, потомъ спородили, въ парной баенѣ топили, бабушекъ призывали, шелковымъ вѣничкомъ потирали, бѣлымъ вытирали, отца духовнаго призывали, въ купеляхъ купали, пменемъ нарекали, потомъ въ колыбеляхъ качали, бѣлой грудью воспитали. Могли вспоить, вскормить, великимъ вырастить. Стоитъ нашъ князь молодой, вамъ сынъ родной, на кирпичномъ полу, передъ великимъ образомъ, евангеліемъ, припачалившись, приунывши, слезно плачетъ; не просить отъ васъ, кормилецъ батюшка и родима матушка, крестный батюшка и крестна матушка, ни серебра, ни скатнаго жемчуга, а просить онъ отъ васъ благословеньца, которо на вѣки непарушимо. Благословляйте, крестный батюшка и крестна матушка, родный батюшка и родима матушка, званы гости и не званы гости — не всѣхъ поимянно, а всѣхъ поголовно! благословляйте нашего князя молодого ѣхать во путь во дорожку, въ дальнюю, не ближнюю, выйти изъ двора во дворъ, изъ воротъ въ ворота и по частнымъ ступенечкамъ выйти на широкую улицу, братъ своихъ добрыхъ коней за шелковы поводы, садится въ сани раскатыя, братъ во правую руку шелковую плетъ, во лѣвую руку возжи шелковыя, ѣхать, махать, ископытъ-емъ ¹⁾ озера, рѣки зарывать, подъ части звѣзды

¹⁾ копытами или землею, пылью, которая поднимается отъ ударовъ копытъ.

подѣзжать, подъ сини-ходячи облака, подъ красное солнце, пушки ядромъ свинцовымъ заряжать, стѣну каменну пробивать, за столы дубовые, за скатерти за брашны, за питія медвяныя, за ѣтвы за сахарныя ставать, золотой казной выкупать, затѣмъ ѣхать къ звону церковному, ко отцу ко духовному, ко церкви ко Божіей мати, златъ вѣнецъ принимать, чудецъ крестъ цѣловать, свою сужену обручать и потомъ свою сужену принимать. Благословляйте, крестный батюшка и крестна матушка, кормилецъ батюшка и родима матушка! Благословляйте всѣ добры молодцы, удалы головушки, званы гости, незваны гости! благословляйте нашего князя молодого! Кто нашего князя молодого не благословитъ, тому сыновей не женить и дочерей замужъ не отдать: надуеъ горой, поставитъ кверху дырой!

Живучи старушка не благословила, полъ п.... ослизло, на печку пошла — у ней вся ушла. Она схватилась да поздно! ²⁾

Родители отвѣчаютъ: «Богъ благословитъ!» Тогда дружка выкликаеъ сусѣдей и сусѣдокъ: «Сусѣдки и сусѣды, сусѣден малы дѣтки, молоды молодухи, старухи ³⁾ станухи! благословляйте нашего князя!

Старуха старухи, сеяныя станухи, благословляйте нашего князя!

Малые ребята, голопунчики! Зеленые возри! ⁴⁾. Всѣ крикнули въ одинъ голосъ! «Богъ благословляетъ во путь наставляетъ и мы тоже»!

Вотъ они поѣхали. Въ кажиной деревнѣ ихъ останавливають и просятъ обобщей. Завѣдующій обобщами надѣляетъ всѣхъ. Ёдетъ свадьба, деревня услышала стонъ, звонъ, дѣвушки встрѣчаютъ и поютъ:

1654.

Соколы Соколовычъ,
Романъ Григорьевичъ

²⁾ Последнія слова говорятся для потѣхи публики, чтобы разпотѣшить пригорюнившихся родныхъ и жениха. Весь монологъ говорится очень скоро съ особенными удареніями на рифмованныхъ послѣднихъ словахъ. Диктовалъ Павелъ Ивановъ Галистовъ. Г.

³⁾ Диктовано Аграфеной Петровой. Г.

⁴⁾ *Возри* — въ Арханг. губ. — сопли.

Ляталъ по вишенью,
Прѣзжалъ къ Марѣ душѣ,
Прѣзжалъ къ Алексѣевнѣ.
Изымалъ Марью,
Марью Алексѣевну,
Привелъ ко батюшкѣ,
Ко Григорью Миевину:
«Кормилецъ батюшка,
Родная матушка!
Люба-ль вамъ голубушка.
Марья Алексѣевна?»
«Сердечно наше дитятею, —
Романъ Григорьевичъ!
Была бѣ тебѣ любо,
А намъ любимъ любешенько.»

«Прѣехали и пристали у знакомыхъ сосѣдей.
Женихъ сидитъ здѣсь, а дружка, подружье и ша-
пошникъ идутъ къ невѣстѣ узнать, готова ли
она? Имъ отвѣчаетъ невѣстинъ отецъ: «Наша
невѣста еще не готова: ушедши въ лѣсъ за яго-
дамъ». Дружка даетъ роднымъ по поясу, а тѣ
говорятъ: «можете черезъ часъ приходить». Они
возвратились къ сусѣду, тамъ посидѣли и снова
идутъ: «Что наша невѣста готова?» — «Наша не-
вѣста еще не готова: пойдеть въ лѣсъ оборо-
рикиты¹⁾ драть, потому что женихъ обуви не
принесъ, а потомъ пойдеть на сучи (т. е. обди-
рать и собирать сучья). Пускай женихъ прине-
сетъ ей мыла вымыться». Ихъ снова одарили
дружки по платку. Въ третій разъ прѣзжаютъ и
приносятъ обувь и мыло. Въ тую же минуту не-
вѣсту сготовили, выкутили.

Дружки водятъ невѣсту по горницѣ, и она
приговариваетъ:

1655.

Покрасуюсь, я молодешенька,
У своего кормильца батюшки,
И у своей родимой матушки,
Я во батюшкиномъ во стараницѣ,
Я во матушкиномъ благословеньцѣ.
Гляди-ка, кормилецъ батюшка,
Погляди, родима матушка,
На меня-то на молодехоньку,
На меня, на горюшу бѣдную.
Какъ травинушка я недорослая,
Какъ ягодиночка я незрѣлая.
Не сгибайтесь вы, перекладнички,

¹⁾ кору.

Не пертнитесь вы половничекки!
Не князюня²⁾ ходитъ, не боярыня, —
Ходитъ бѣдная спорученая
Спорученая, сговореная.
Погляди, кормилецъ батюшка,
И родима моя матушка,
На меня-то на горюшницу!
Что мнѣ не долго-то, бѣдной молодехонькѣ,
Что во нашемъ теплымъ гнѣздышкѣ,
Не годочекъ мнѣ годовати,
Не недѣлюшкѣ недѣлевати,
Только красоваться мнѣ, молодехонькѣ
Что одинъ-то часокъ минутенькій.
Все минуется, все потеряется!
Погляди, кормилецъ батюшка,
Какъ поблело свѣтло платьеце,
Послиняли алы лепточки
Во моей-то во русой косѣ.
Все минувалося, потерялося:
И въ бѣломъ личикѣ потерялись румянчики.
На ретивомъ сердечкѣ потерялось все весельеце,
И хорошо умѣньеце,
Погляди, кормилецъ батюшка,
И родимая матушка,
Какъ на мопхъ-то на подруженькахъ,
Цвѣтно платьеце цвѣтитъся,
На головушкѣ у нихъ лучи горятъ,
Въ бѣломъ личикѣ у нихъ играютъ румянчики,
На ретивомъ сердцѣ у нихъ весельеце.
Ты кормилецъ, желанный батюшка,
Ты родимая моя матушка!
Не съ умомъ вы думу сдумали,
Не съ разумомъ вы дѣло сдѣлали:
Отдаете меня, молодешеньку,
Я не сполнивши ростомъ полнымъ,
Не накоплено смогутной силы.

И подвели ее къ отцу и матери. Она благо-
даритъ ихъ, въ ноги кланяется со словами:

1656.

Ты спасибо, кормилецъ батюшка
И родима матушка,
Что снарядили меня, молодешеньку,
Окрутили во цвѣтное платьеце,
И не пожалѣли вы золотой казны.
Не спасибо тебѣ, кормилецъ батюшка,
Что не далъ допоситъ мнѣ
Свѣтлаго платица,

²⁾ княгиня.

Поневолилъ ты меня, горюшечку,
Что великою-то неволюю,
Что отдаешь меня, молодешеньку.¹⁾

«Дружка ставить подругъ и родныхъ кругъ
невѣсты плетнемъ и одариваетъ ихъ деньгами, а
женихъ стоитъ и смотритъ. Послѣ того, какъ
одаренныя дѣвушки уходятъ и около невѣсты
остается только одна родня женскаго пола, на-
чинается выкупъ невѣсты. Невѣста пригола-
шиваетъ:

1657.

Ужъ ты, крестная моя матушка!
Не мѣняй меня, молодешеньку,
На чужую-то золотую казну,
И сестрицы мои родныя!
Не бросайте меня, молодешеньку,
Не мѣняйте-то на чужую золотую казну
У чужого-то у чужанина
Со всего міру казна собираеа —
По грошу, по копѣчкѣ.

«Однако тѣ промѣнивають и она остается
одна у стола. Она плачетъ:

1658.

Промѣняли-то меня, молодехоньку —
Сестрицы мои ласочки
И крестная моя матушка
И мои милыя подруженьки!
Я осталася, горюша бѣдная,
Что однимъ-то одиухонька,
Что сѣрая кукушечка.

Затѣмъ дружка разсыпаетъ деньги на 3 кучки.
«Братя невѣстны! берите сколько хотите,
уступите мѣсто жениху.

А сестра—невѣста плачетъ:

1659.

Братя вы мои дорогіе!
Не мѣняйте вы меня

На чужую на золотую казну.
У нихъ казна со всего міру собираеа —
По грошу, по копѣчкѣ.

«Братя промѣняли ее на деньги. Дружко
стоитъ возлѣ ей и вызываетъ крестныхъ и род-
ныхъ отцовъ и матерей: «А есть ли во этой
свѣтлой горенки крестный батюшка и крестная
матушка, родимый батюшка и родная матушка?
Сами ли станете руку вручать невѣстину или
намъ прикажете?» И они отвѣчаютъ: «Богъ васъ
благословляетъ руку вручать».

Дружко сажаетъ на подушку жениха и не-
вѣсту и вручаетъ невѣстину руку жениху. Же-
нихъ принимаетъ руку, жметъ ее и наступаетъ на
ногу²⁾. Невѣста отъ боли плачетъ:

1660.

Отступитесь люди добрые,
Пропустите кормильца батюшку
И родиму матушку!
Какъ чужой-то да чужанинъ,
Что во нашемъ тепломъ гнѣздышкѣ
Надругается надъ молодехонькой:
Какъ *сжанулъ* онъ бѣлу рученку,
Наступилъ на сѣору ноженку,
Ужъ пролилъ кровь горячую!

«Дружко услышалъ, что она это приголаши-
ваетъ, пошепталъ жениху и онъ послабже сжалъ
руку и ногу. Своихъ родныхъ и свадебныхъ же-
нихъ вокругъ стола посадилъ, а дружко вызы-
ваетъ невѣстныхъ родныхъ:

«А есть ли во этой п. т. д.

«Нашъ женихъ и невѣста слезно плачутъ и
просятъ васъ всѣхъ ко обошамъ.»

Всѣхъ родныхъ вызываетъ. Они подходятъ,
поздравляютъ молодыхъ, пьютъ водеу, берутъ
закуску. За ними слѣдуютъ сосѣди.

Подносятъ угощеніе (щей) свадебникамъ, они
не ешуютъ, говоря: «Руки горятъ—даровъ хо-

¹⁾ Повидимому эта сцена происходитъ въ при-
сутствіи жениха, собравшихся гостей, что видно изъ
дальнѣйшаго. Г.

²⁾ Къ чему послѣднее?—я не могъ получить объ-
ясненія. По замѣчанію рассказчицы другой такъ на-
стываетъ на ногу, что кровь идетъ. Это озарничество,

тять». Тогда сваха¹⁾ одариваетъ всѣхъ отъ лица невесты платками, а жениху подноситъ самый лучший. Затѣмъ невестинъ отецъ, подноситъ жениху водки, но онъ отказывается, не пьетъ, такъ какъ передъ вѣнцомъ не полагается ничего ни есть, ни пить. Остальные все пьютъ. Потомъ подають щи и разныя перемѣны кушаньевъ (яичницу, бѣлую рыбу, пироги, мясо, пиво и др.). Женихъ угощаетъ невестину родню, а дружка женихову. Дѣвушка, что баню топили, подносятъ жениху молоко; онъ не пьетъ, а пьютъ замѣсто его свадебники. Пустой чашки дѣвушки не берутъ, тогда всѣ кладутъ туда деньги, а женихъ больше всѣхъ. Послѣ обѣда начинаютъ собираться. Дружко ставитъ молодыхъ рядомъ, передъ ними кладетъ подушку, а подъ нею шубу и вымываетъ родныхъ:

1661.

Отцы крестные и матери крестныя,
Отцы родные и матери родныя!
Проходите за столы за дубовые;
За скатерти за бранныя,
За *иста* (яства) за сахарныя,
Нашего князя благословить
И съ *князиной* своею дорогой
Во путь дороженку.

Отцы и матери выходятъ въ шубахъ, вывороченныхъ шерстью вверхъ, берутъ скатерть, на которой хлѣбъ и невестинъ жениха, два образа, одна солонка, двѣ ложки, два пирога и троекратно касаются коленнопреклоненныхъ, плачущихъ молодыхъ. Затѣмъ молодые уѣзжаютъ. Родные схватываютъ въ охапку молодую и спѣшатъ ее первую посадить въ сани. А женихъ смѣется, зная, чтобы тамъ не дѣлали, а все же верхъ его будетъ. Дружко съ скатертью въ охапку окрещиваетъ плеткой дорогу, тоже дѣлаетъ вслѣдъ за нимъ топоромъ подружка. Затѣмъ дружко даетъ поцѣловать всѣмъ свадебникамъ Боженку. Родители въ вывороченныхъ шубахъ остаются дома. Дружко по дорогѣ, не далеко отъ дома *выроняется*, возвращается въ избу, получаетъ отъ родныхъ по поясу и догоняетъ поѣздъ. Послѣ обряда вѣнчанія новобрачные заѣзжаютъ къ попу въ гости. Тамъ молодую причесываютъ побабьи и надѣваютъ

¹⁾ Эта личность здѣсь въ первый разъ появляется. Рассказчица ее совершенно опустила въ предыдущихъ дѣйствіяхъ. Г.

повойникъ. Иногда для потѣхи свадебныя дѣвушки накрутятъ узлами волосы невесты такъ, что она не можетъ ихъ распутать и только, давъ за это свахѣ денегъ, съ ея помощью распутываютъ узлы.

По приѣздѣ домой молодую ставятъ за столъ съ закрытымъ платкомъ на головѣ. Дружко закрываетъ въ опустившійся конецъ платка пирожокъ, открываетъ платокъ и кричитъ: «Хороша молодая?» Затѣмъ снова окручиваетъ головы и жениха и невесты, а присутствующіе кричатъ:

«Хороша молодая!»

Потомъ дружко ведетъ молодыхъ въ клѣть; тамъ ихъ кормить, при чемъ онъ плетью все бьетъ по полу.

Возвратившись послѣ кушанья, новобрачные кланяются въ поясъ жениховой матери и просятъ ее помочь раздать жениховой роднѣ дары. Сваха приноситъ эти дары въ рѣшетѣ, а дружко привязываетъ каждый подарокъ къ кнутовищу и выкликаетъ:

1662.

Есть ли во этой и т. д.
Становись на лыжи,
Двигайся поближе,
Къ нашему князю молодому.
У насъ стоитъ князь и княгиня молода,
И сватушка дорога,
И просятъ васъ къ дарамъ.

Всѣ поочередно подходятъ, снимаютъ подарокъ съ кнутовища и цѣлуютъ молодыхъ.

Начинается пирушка. Дружко и сваха уводятъ молодыхъ спать. Первую ночь молодая сохраняетъ свою невинность, такъ какъ на слѣдующій день ей и ея молодому мужу придется сидѣть подъ образами, а потому нельзя оскверниться. Въ противномъ случаѣ, пришедшая поздравить ихъ утромъ сваха и узнавши о несоблюденіи обычая, разглашаетъ это и молодые подвергаются насмѣшкамъ.²⁾

Зап. Б. Б. Глинскимъ.

²⁾ Почти все со словъ Аграфены Петровой. При скоромъ записываніи нельзя было въ подлинности удержать ея рѣчи. Г.

Той же губернии, Бѣлозерск. у., с. Антушево.

НА РУКОВИТЬ.

1663.

Чего вѣкъ-то я не думала,
Отъ родесъ¹⁾ своихъ не чаяла,
Что во эту студену зиму
На меня повывадесть невзгодушка . . .
Не изъ тучи грома грянули,
Не съ небесъ снѣга повывали
На мою на буйну голову,
На мою на красу красоту.²⁾
Я не знаю да не вѣдаю,
Вы на что, мои родители,
Разсердились да разгнѣвались.
Кажется, я, красна дѣвица,
Не жалѣла могучи-силы
Я не въ лѣтней-то работушкѣ,
Я не въ зимнемъ обряжаньицѣ,³⁾
Я слуга была всѣмъ вѣрная,
Была вѣрная я ключница.
Вотъ уже мои родители,
Вы посхватитесь, поскаетесь.
Пора время приобойдется,
Народъ, люди всѣ разойдутся,
Со двора гости разойдутся,
Съ терема гости разойдутся.
Какъ пройдетъ зима студеная,
Какъ настанетъ весна красная,
Какъ поспѣютъ всѣ работушки.
Всѣ отхожія тяжелыя,
Какъ пойдутъ да люди добрые
На отхожую работушку,
Со семьями, со артелями,
Съ козаками, съ козачихами,⁴⁾
Съ дочерями, бѣлыми лебедями.
Ужъ какъ мой кормилецъ батюшко
И кручинная моя матушка
Пойдутъ один-то одинешеньки
На отхожую работушку.
Государыня, моя матушка,
Ты повыйди на крылечушко,
Какъ пойдутъ милы подруженьки,
Запоютъ-то звонки пѣсенки, —
Ты послушай, кручинна матушка,
Моего то зычна голоса,
Какъ по старому, по прежнему.
Ты вспомни, да повепомани

На чужой меня сторонушкѣ, —
Мнѣ ѡчнется⁵⁾ легошенько,
Мнѣ вздохнется тяжелешенько.
Хоть говорить-то мнѣ будетъ некогда,
Такъ сама себѣ подумаю,
Что вспоминаетъ кручинна матушка
На родимой на сторонушкѣ,
Тамъ запѣли милы подруженьки
Заунывныя-то пѣсенки.
По зарѣ-то по вечерней
Не могла моя матушка
Не учуть да не услышати
Моего то зычна голоса.
Какъ кручинная-то матушка
Обольется горючимъ слезамъ,
Меня вспомнила, молодешеньку,
На чужой на сторонушкѣ.
Ты подумай, тепла пазушка,
А въ чужихъ людяхъ не бываючи,
Чужихъ людей не выдаючи.
Я жила-то, красна дѣвица,
У вась, мои родители,
Я жила да красовалася,
Мое сердце радовалось,
Какъ пчела въ меду купалася.
Я не знала, красна дѣвица,
Какъ ни ранняго вставаньца,
Какъ ни позняго лежаньца,
Ни грубова побужденьца;
Ты побудишь, кручинна матушка,
Истиха-то, по легошеньку:
«Ты вставай-ко, мое дитятко,
Ты вставай-ко, мое милое!
Всѣ дѣла у насъ не дѣланы,
Всѣ работы не работаны.»
— Ужъ я встану, молодешенька,
Я со мягкой-то постелюшки,
Со высокова сголовица,
Погляжу я, красна дѣвица, —
Всѣ дѣла у ней придѣланы,
Всѣ работы приработаны.
Какъ подумаю, красна дѣвица,
Про чужую-то про сторонушку —
Сердце кровью приобльется,
Животъ камнемъ перевернется.
А просплю-то, красна дѣвица,
Со дѣвичьей волн вольныя
До зари-то до бѣлаго дня,
До восхода красна солнышка.
Какъ заходятъ злы чужи люди,
Заеричать-то по звѣриному,
Зашипять-то по змѣиному:

1) Отъ роду.

2) Головной уборъ, въ видѣ коронки.

3) Уходъ за скотомъ.

4) Съ работниками, работницами.

5) По повѣрью кого вспоминають, тотъ ѡчнется.

«Ты вставай, вставай, сонливая,
Пробужайся-тко, дремливая,
Всѣ дѣла у насъ придѣланы,
Всѣ работы приработаны!»
— Какъ я встану, молодешенька,
Я со мягкой со постелюшки,
Со високова сголовица,
Приумою лице бѣлое
Не водой да не ключевою,
А своимъ-то да горючимъ слезамъ,
Я утру-то лице бѣлое.
Погляжу я, молодешенька,
У себя-то въ честномъ дому,
У кормильца-то, у батюшки,
У родители, у матушки:
Не волна-ли то взволновалася?
Чужи люди взбунтовались . . .
Какой шумѣть сватъ, злодѣй большой,
Со кормильцемъ-то, со батюшкой,
Со кручинною, со матушкою;
У нихъ сватовство заводилося,
Рукобитыце сучинилося.
Не спѣши, кормилецъ, батюшко,
Засвѣчать-то воскову свѣчу,
Подавать-то руку правую
За столы да за дубовые,
За скатерти-то браные,
За яства-то сахарныя,
За питья-то медвяныя . . .
Погляжу-я, молодешенька,
За столы да за дубовые
Во батюшкову сторонушку:
Всѣ ¹⁾ то да родни нѣтутъ
Пропивать-то буйну голову,
Запоручивать красну-красоту;
Мнѣ ²⁾ дай да красной дѣвицѣ
Да повѣдти, да повѣстунити
На широкую, на улицу,
Опустити да свой зычень голосъ
Что на всѣ четыре стороны.
Надо мнѣ собрать вси родня свол,
Вся природа-то сердечная
На ручное рукобитыце.
Богъ судья вамъ, столы дубовые,
Да и вамъ, скатерти бранныя,
Не могли столы отодвинуться,
Браны скатерти завернутися
Богъ судья вамъ, хлѣбъ ситнѣе,
Не могли вы откатитися.
Богъ судья свѣча восковая,
Не могла ты закратитися.

¹⁾ Всей.

²⁾ Мнѣ.

НАКАПУНѢ СВАДЬБЫ.

1664.

Благослови-ка, Боже Господи,
Душечку да красну дѣвицу,
Ночи спать мнѣ, красной дѣвицѣ,
Встать со лавочки дубовыя,
Со брусничей кленовыя!
Я пойду да молодешенька,
Что по свѣтлой по свѣтлицѣ,
По високой новой горницѣ,
По батюшкову по строеньицу
По одной да половичникѣ,
Не впервые, но послѣднѣе
Душечкой да красной дѣвицей
Во своей волѣ вольнею,
Въ дѣвичей-то красотѣ своей.
Погляжу я, красна дѣвица,
Во косячатое окошечко, —
Волюшка-то разсердилася,
Что со мною-то не простилася,
Посередѣ поля становилася,
Во всѣ стороны поклонилася:
«Прощай, веселое весельице,
Прощай, хѣтнее гуляльнице!»
Какъ повышла воля вольная
За славное чисто поле, —
Ей попали три дороженьки,
Везуть неволюшку великую.
Какъ спросила воля вольная
У великой-то неволюшки:
«Ты куда ѣдешь неволюшка?»
Отвѣчала ей неволюшка:
«Ѣду къ душечкѣ, красной дѣвицѣ.»
Тутъ-то волюшка призадумалася:
«Я напрасно разсердилася
На душечку, красну дѣвицу.
И пошла — съ ней не простилася,
Я, волюшка, отъ ней пѣшкомъ ушла,
А неволюшку на конѣ везуть.
Охъ-ти мнѣ-то, мнѣ, тошпехолько!
Погляди, кормилецъ батюшко,
И кручинная моя матушка:
«Я во эти двѣ недѣлюшки ¹⁾
Въ могучихъ плечахъ узешенька,
Въ животѣ стала тонешенька,
Со бѣла лица бѣлешенька!
Богъ судья, мои родители,
Вы на что да разсердились,
Мнѣ не дали, молодешенькѣ,
Со годами соверстатися,
Со могутою сокопитися,
Да со разумомъ собратися;

¹⁾ Со дня сватовства.

Мнѣ не дали, молодешенькѣ,
Бѣлаво лица дополнити,
Русы косы дордстити
До шелкова до пояса.
Не тощимъ бѣлымъ плотепцемъ
Рукавомъ своей рубашечки.
Погляжу я, молодешенька,
У злодѣевъ-то чужихъ людей, —
Всѣ дѣла у нихъ не дѣланы,
Всѣ работы не работаны.
Тутъ повспомню да повспомяну
Батюшкину волю вольную,
Матушкину дроку ¹⁾ дрючую.

Утромъ въ день свадьбы.

1665.

Наша миленькая подруженька,
Долго спишь да засыпаешься,
Въ крѣпкой сонъ-то задаваешься.
Пора встать да пробудитися,
По дворамъ-то *тлунь* поють,
По садамъ то соловьи свивутъ,
По избамъ-то печи томятся,
По чуланамъ дѣвки моются,
По клѣткамъ ужъ наряжаются,
Въ избахъ печи истопились,
Всѣ большухи обрядились,
Всѣ подружки сокоцились.
Ты вставай, мила подруженька,
Во сегодняшний, во бѣлый день.
Тебя не будить кормилецъ батюшка
И кручинная твоя матушка,
У нихъ дѣла не случилось,
Всѣ дѣла у нихъ придѣланы,
Всѣ работы приработаны.
Отказали тебѣ родители
И отъ хлѣба, и отъ соли,
И отъ дѣла, отъ работушки.
Нынѣче встану молодешенька
Я со мягкой со постелюшки
Со высокаго сгодовъница.
— «Ты, кручинная моя матушка,
Ты сходи-жь въ три поля,
На три рѣдичка.
Принеси, кручинна матушка,
Ключевой воды студенныя
Мнѣ-то посмыть со бѣла лица,
Мнѣ горючую слезиночку,
Отъ ретива сердца кручинушку.

¹⁾ Холя.

Нипче, слава тебѣ Господи,
Я умыла лице бѣлое.
Стану Господу молиться,
Чтобы Господи помиловалъ,
О злодѣяхъ о чужихъ людяхъ,
О злодѣйцѣ чужой сторонѣ.
Какъ пойду я, молодешенька,
По свѣтлой-то по свѣтлицѣ.
Я ударю челомъ по низку
Своему кормильцу батюшкѣ:
«Мой кормилецъ, сударь батюшко!
Я учула да услышала,
Говорять мнѣ подруженьки,
Что со лѣтнюю сторонушку
Не погода подымается,
Вѣлы снѣги завиваются.»
— Сама знаю, сама вѣдаю:
Не погода подымается,
Не бѣлы снѣги извиваются, —
Чужи люди подвигаются.
Мой кормилецъ, сударь батюшко,
Ты запри-ко сѣни новыя
Да воротечка тесовые
На запоры-то на крѣпкія,
На замки-то на пѣмецкія!
Не пускай ты чужихъ людей.
Охти мнѣ-то, мнѣ тощенько!
Видно обошлись ²⁾ чужи люди
Со кормильцемъ-то, со батюшкой.
Онъ впустилъ зиму студеную,
Ознобилъ онъ красну дѣвицу
Безъ зимы-то безъ студенныя,
Безъ морозу безъ трескучаго.

Послѣ призыва въ баню.

1666.

Ты, кручинная моя матушка,
Мой кормилецъ, сударь батюшка,
Можно чуть да можно слышать:
Приходили мои подруженьки,
Меня звали, дозывались,
Идти въ баню, идти въ паруну,
Во честную не угарную.
Совсѣмъ баенка истоплена,
Какъ совсѣмъ понзготовлена,
Посогрѣта ключева вода,
Сварены да слизки щолоки.
Мой кормилецъ, сударь батюшка,
И кручинная моя матушка!

²⁾ Поладили.

Мнѣ дайте, красной дѣвицѣ,
Тонку бѣлую рубашечку,
Сарафанецъ семишолковый.
Какъ еще кормилецъ батюшка,
Собери-ко красной дѣвицѣ
Проводничковъ низкопоклопичковъ.
Ты кручинная моя матушка,
Мнѣ ты дай-ко, молодешенькѣ,
Посажоную-то свахоньку!
Какъ еще, кормилецъ батюшко,
Дай-ко мнѣ благословеньице
Идти въ баню, идти въ парущу!
Вы пойдемте, мои подруженьки,
На шпроку на улицу:
Становитесь, милы подруженьки,
Кругомъ бани, кругомъ парущи,
Вы стѣной да бѣлокаменной,
Караульте красну красоту!
Какъ пойдетъ-то красна красота
Во трубу то бѣлымъ дымякомъ,
Во двери то пойдетъ парикомъ,
Во окопце пойдетъ жарикомъ, —
Посхватайте, милы подруженьки,
Мою красную-то красоту,
На послѣдню вечериночку.

По возвращеніи изъ подвѣнечной бани.

1667.

Вамъ я много благодарствую
На банѣ-то на парущѣ!
Богъ судья, милы подруженьки!
На обманъ-то дѣло сдѣлали:
Насказали да нахвастали
Не беретъ-то баня паруща,
Какъ не дани, да не пошлщины,
Ни оброку, ни подушщины, —
А взяла-то баня паруща
Больши дани, больши пошлщины,
Взяла красоту-то красную,
Всю дѣвичью волю вольную.
Какъ пошла-то красна красота,
Я просила васъ, подруженьки:
«Задержите красну красоту!»
Какъ ушла-то красна красота
Чистымъ полемъ, бѣлымъ заюшкомъ,
По залѣсью горностаюшкомъ:
Ушла красная-то красота
На рѣку-то да на быструю,
На воду да на чистую;
Поплыла-то красна красота
Со гусямъ она со лебедямъ,
Да со сѣрымъ-то со утицамъ;

Такъ я только, молодешенька,
Посхватила красну красоту
На послѣдней вечеринущѣ.
Охти-мнѣ-то тошпененько!
Говорятъ мои родители
Вся родня-то *притуманная*:
Надо снять то красну красоту
Со моей-то буйной головы.
Я не знаю, молодешенька,
Какъ мнѣ съ нею раставатися:
Какъ водой ли разливатися?
Ли травкою растилатися?
Ли конемъ то разѣзжатися?
Камешкомъ ли разсыпатися
Со своей-то красной красотою?
— Охти мнѣ тошпененько!
Не спѣшите, мои родители,
Разлучать-то съ красной красотою!
Какъ ушла-то красна красота
Къ красну солнцу на гуляньице,
Къ свѣтлу мѣсяцу на бесѣдушку,
Къ частымъ звѣздамъ на думушку.
Стану ждать да дожидатися
Я свою-то красну красоту:
Отъ краснаго солнышка съ гуляньица,
Отъ свѣтла мѣсяца съ бесѣдушки,
Отъ частыхъ-то звѣздъ со думушки.
Я не чула да не слыхала:
Не ногамъ пришла красна красота,
Не рукамъ она положена
На мою-то буйну голову,
На мои-то русы волосы, —
Прилетѣла птичкой птачечкой.
Сама знаю, сама вѣдаю,
Хоть не долго красоватися,
Со красотою разставатися.
Прибери, кормилецъ батюшко,
Человѣка мнѣ надежнаго,
Мнѣ оставить красну красоту.
Государюня, моя матушка!
Буде подымутся бѣлы руки,
Посогнутыя тонки пальчики
На мою-то буйну голову,
На мою-то красну красоту
Поспими ты красну красоту.
Сама знаю, сама вѣдаю:
У тебя, кручинна матушка,
Не подымутся бѣлы рученьки
У меня снять красну красоту.
Ты, кручинная моя матушка,
Прибери, моя родимая,
Человѣка-то надежнаго
Мнѣ оставить красну красоту.
Поручу я волю вольную
Своей крестной-то я матушкѣ.

«Моя крестная ты матушка!
Подыми свои руки бѣлыя
На мою на буйну голову,
На мою на красну красоту.
Богъ судья-те, кресна матушка,
Остыдила, обезчестила
При народѣ, при добрыхъ людяхъ.
Поспала ты красну красоту.
Погляжу я, молодешенька,
На столы-то на дубовые, —
Тамъ сидить-то красна красота
Покраснѣ красна солнышка,
Посвѣтлѣ свѣтла мѣсяца,
Въ *полуность*-то не изношена,
Въ *полудержъ* то не издержана,
Что повимъ-то она новешенька.
Я послала красну красоту
По гуляньямъ да по праздничкамъ,
Берегла я красну красоту,
Запирала во коробочку.
Государонь, моя матушка,
Мнѣ тоской-то встосковалоса
О своей то красной красотѣ!
Подойду я, красна дѣвица,
Ко столу да ко дубовому
Ко своей-то красной красотѣ,
Стану звать да дозывать:
«Ты иди-ко, воля вольная,
На мою-то буйну голову:
Мнѣ тоской-то встосковалоса
Безъ тебя-то, красна красота!»
— «Отойди прочь, красна дѣвица!
Голова твоя неучесана,
Волоса твои неуглажены»
Обращусь я, красна дѣвица,
Ко кручинной ко матушкѣ:
«Ты, кручинная моя матушка!
Учеши-ко буйну голову,
Приуглади русы волосы.»
Нынѣ пойду я, красна дѣвица,
Ко своей-то красной красотѣ.
Стану звать да дозывать:
— «Ты иди ко мнѣ, красна красота,
На мою-то буйну голову,
На мою-то русы волосы!»
Отвѣчаетъ красна красота:
«Отойди прочь, красна дѣвица,
Голова твоя запросватана,
Коса русая запоручена.»
— «Охти мнѣ-то, мнѣ тошнехонько!
Не сердися ты, не гнѣвайся,
Что голова-то запросватана,
Руса коса запоручена.
Ты иди ко мнѣ, красна красота,
Не надолго поры времячка!»

Говорить-то красна красота:
— «У тебя и руки-то не вымыты.»
— «Моя крестная ты матушка.
Мнѣ подай-ко ключевой воды
Мнѣ повимпть руки бѣлыя.
Мой кормилецъ, сударь батюшко,
Ты подай мнѣ, красной дѣвицѣ,
Подай чашу пива пьянова
И скляницу зелена вина.
Мнѣ повимкупить красну красоту.»
Подойду я красна дѣвица
Къ соколочку, братцу милому:
«Соколочекъ, братецъ миленькой,
Тебѣ чаша пива пьянова
И скляница зелена вина. —
Ты отдай мнѣ красну красоту
На мою на буйну голову.»
— Нынѣ пойду я, красна дѣвица,
По своей по свѣтлой свѣтицѣ,
Во своей-то красной красотѣ.
Не сидить-то красна красота
На моей на буйной головѣ.
На головѣ то извивается,
На бѣлы руки бросается.
Говорить-то красна красота:
«Мнѣ тутъ не мѣсто да не мѣстечко,
Голова твоя запросватана,
Коса русая запоручена.»
— Я не знаю да не вѣдаю,
Какъ сдержатъ мнѣ красну красоту?
Отнесу я красну красоту
Во поля-то да во чистыя,
Во дуга-то во зеленые,
Какъ во травоньки шелковныя.
Тутъ не мѣсто ей, не мѣстечко,
Тутъ пойдеть-то чужой чуженинъ
Со косою-то траву косити,
Подсѣчетъ онъ красну красоту, —
Мнѣ-то жаль будетъ тошнехонько.
Я снесу же красну красоту
На рѣку снесу на быструю,
Какъ на воду-то на чистую,
Опущу я красну красоту,
Со гусями ее со лебедамъ,
Со сѣрымъ ее со утицамъ.
Сама знаю, сама вѣдаю,
Что не мѣсто тамъ ей, не мѣстечко.
Какъ охочь ходить чужой чуженинъ
Со ружьемъ ходить за охотою, —
Онъ подстрѣлитъ красну красоту.
Мнѣ-то жаль ее тошнехонько.
Нынѣ снесу я красну красоту,
Во Божию церковь соборную,
Положу я красну красоту
За престоломъ Богородицы.

Сама знаю, сама вѣдаю,
 Что ей не мѣсто тутъ, не мѣстечко:
 Тутъ охочь да чужой чуженикъ
 Ходить во церковь-то молитися, —
 Тамъ увидить красну красоту,
 За престоломъ Богородицы, —
 Онъ повыкупитъ красну красоту
 На свою-то золоту казну.
 Мнѣ-то жалъ будетъ, тошненько.
 Такъ оставлю я красну красоту,
 Я кручинной моей матушкѣ:
 «Положи, кручинна матушка,
 Мою красную-то красоту
 Во свою то теплу пазушку.»
 — «Государонь моя матушка
 Сама стала старешенька,
 Поясокъ носить слабешенько,
 Потеряетъ красну красоту.
 Такъ оставлю волю вольную,
 Я сестрѣ-то голубушкѣ:
 «Ты носи, сестрица милая,
 Черезъ-будни да по праздничкамъ
 По частымъ по воскресеньцамъ,
 Съ головы-то не снимаючи,
 Съ бѣлыхъ ручекъ не спускаючи,
 Все меня-то воспоминаючи
 На чужой то на сторонушкѣ.
 Нынѣ сестрица моя милая,
 Учески-ко буйну голову,
 Приглади русы волосы,
 Наложь ты красну красоту.
 Мнѣ не долго красоватися,
 Хоть сидитъ моя красна красота
 Не по старому, не по прежнему,
 По конецъ буйной головы.»

Зап. П. Г. Вересовымъ.

Бѣлозерск. у., д. Буерино.

1668.

Первый причетъ въ руковиѣ или въ первый
 день за причетомъ.

Господи Боже, благослави мепя
 На день, да на севоднешней,
 Въ добрый часъ да во топерешной
 Бѣлой лебедѣ възгърчати,
 Что на славномъ да на синемъ морѣ,
 На горючемъ синемъ камешкѣ
 Мнѣ красной дѣвицѣ заплакати
 Во высокомъ новомъ теремѣ,
 На дубовой сидитъ лавочкѣ.

Опустите мнѣ звонки голоса
 По батюшкову широку двору,
 По матушениной новой горницѣ
 Объявить мнѣ горе на люди,
 Обронить да слезы на землю.
 Доходите звонки голоса
 До моихъ родныхъ родителей,
 До моего кормильца батюшки
 И до родителей-то матушки.
 «Мои родные вы родители:
 Ужь ты мой, кормилецъ батюшка,
 И кручинна моя матушка!
 Вы мнѣ дайте благословеньице
 Съ чиста сердца и со радости
 Опустить да звонки голоса.
 Я не смѣю млада осмилиться
 Безъ вашево благословеньица —
 Объявить да горе на люди
 И обронить да слезы на землю.
 Нонеча, слава тебѣ Господи,
 Я учула и услышала
 Отъ своихъ родныхъ родителей
 Я отъ ихъ благословеньице
 Съ чиста сердца и со радости.
 Доходите, звонки голоса,
 До моихъ до моихъ братьицей
 И сестрицъ моихъ голубушекъ
 И до всево до роду племени.
 — Мои родные вы родители!
 Вы мнѣ дайте благословеньице
 Съ чиста сердца и со радости.
 Нонѣ сидитъ мнѣ не отсидитися,
 Сиди думы не придумати,
 Моего сердца неутѣшивати,
 Свое родни мати не разслезивати.
 У меня родня стала неслезливая,
 До мнѣ не жалосливая
 Мнѣ отплатить свои могучія плечи
 Отъ стѣны да тесу бѣлова,
 Стать со лавочка дубовая,
 Со брусаночки кленовыя,
 Стать на ноженьки томленные,
 На чулочки на гумажныя,
 На башмачки стать сафьяныя,
 На гвоздѣ на полушѣнные
 Походить покрасоватися
 Пока до злодія свата большова —,
 До чоснохвалыиныхъ коровоиницы.
 Мои родные вы родители,
 Ижь ты мой кормилецъ батюшка
 И родитель моя матушка!
 Вы послушайте родители
 Въ чемъ я попрошу васъ, красна дѣвица,
 До поры да и до времечки
 Пока до злодія свата большова,

Вы парядите слугу вѣрнова
Своева да сына милова,
Моева братца любимова,
Ево пошлите во темны лѣса —
Пуцай засичеть да въ лѣсѣ засѣку,
Чтобы пельзя (было), да пекакъ не можно
Ни пройти да ни проѣхати,
Чтобы злодію да свату большому.
Да еще мои родители вы накажите сыпу милому,
Чтобы поперекъ пути дороженьки
Прорыль копавы-тѣ глубокія,
Чтобы пильзя, да пекакъ не можно
Ни пройти, ни проѣхати было
Злодію, свату большому,
Чтобы со дороги воротилися,
Отъ миня прочь отступилися.
Я тебя, родитель-матушка,
Я попрошу да молодешенька,
Чтобы нарядила слугу вѣрную,
Свою дочь-то любимую,
Мою сестрицу-то любимую,
Чтобы заперли да вси вороточки,
Золотыя подвороточки.
Не допускайте злывъ чужывъ людей
До двора да до Маркова
До терема да до высокова
И до миня до красной дѣвицы.
Какъ ужъ вы, мои родители,
Откажите да злывъ чужывъ людей
Отъ миня да молодешеньки
Послѣ тѣе до поры-времечки.
Я у васъ, мои родители,
Буду жить да лучше старова,
Работать да лучше прежнева.

1669.

Сидеть домой да злодій большой свать
Противъ семьи разнехвалется,
На меня да роспеняется:
Коль хитра да мудра дѣвица,
Коль проворны милы братьяца.
Въ лѣсахъ засичи засичены,
Во поляхъ рвы глубокія прокопаны,
Ворота да крѣико заперты,
Подвороточки заложены
И приворотнички поставлены.
Вокругъ еѣ да красной дѣвицы
Стоять любимыя подруженьки —
Миня не допустили добра молодца
До души да красной дѣвицы.
Топерь пойду я, красна дѣвица,
Я по свѣтлой-то по свѣтлицѣ

И по высокой повой горинцѣ
На весельѣ и на радостяхъ
Я нарядила слугу вѣрнова
И послала посла скорова,
Соколка да мила братечко,
Мою просьбу-то исполнити.
Я буду ходить до ни бояючи,
И говорить ни опасючи.
Охъ-ти мнѣ, минѣ тошнѣшенько!
У миня да красной дѣвицы
Растосковалося сердечушко,
Разгоревалося ретивое,
Разболѣлась буйна голова
И заплакали очи ясны
Потекли да горючи слезы.
Я не знаю да ни вѣдаю
Надо мной што случается:
Видно слышитъ ретиво сердце
Эту пивзгоду-то великую.
Я сама да знаю вѣдаю,
Что злые люди коль наенливы,
Коль наенливы, нахратливы,
Они нахратливы, напрасливы:
Отъ миня да не отступятся,
Назадъ домой не воротятся,
Разсѣкутъ да въ лѣсѣ засѣку,
Завалятъ да рвы глубокія,
Замостятъ да мость калиновой,
Да створятъ всѣ воротечка,
Выставятъ да подвороточку,
Оттолкаютъ приворотничковъ
Отъ дверей да всѣ въ придверничковъ,
Отъ миня милы въ подруженекъ.
Я сама да знаю, вѣдаю
Что минѣ певношко¹⁾ поры времечка
До злодія, свата большова,
Походить, покрасоватися,
Съ вольюшкой порадоватися,
Пока во своей да волѣ вольнею,
Пока со миленькимъ подруженькамъ.
Какъ погляжу я, красна дѣвица,
Я на свои въ милы въ подруженекъ:
«Вы мои миленькія подруженьки,
Вы коль счастливы и таланливы!
Отъ васъ женихи да воротилися,
И сваты да въ Весь²⁾ уѣхали
На славутную на ярмонку.
Какъ моему да свату большому
Ему ни открыло свѣту бѣлову,
Нигдѣ славутныя тѣ ярмонки,
Только открылось свѣту бѣлово
Ко минѣ да красной дѣвицѣ.

¹⁾ Немножко.

²⁾ т. е. въ Весьгонскѣ уѣздный городъ Тверской губерніи. III.

Миня разлучили красну дѣвицу
 Со своей-то волюшкой-то вольнею
 И со вамъ, милые подруженки.
 Какъ я погляжу, да красна дѣвица,
 Я на васъ, милыя подруженки:
 Вы идете — буди трава растеть,
 Вы сидите — буди цвѣты цвѣтуть,
 Вы говорите — буди рублемъ дарите,
 Буйны головы учесаны,
 Русы косы заплетены,
 Въ косу кустышки привязаны
 И красны красоты наложены.
 Какъ у миня, у красной дѣвицы,
 Хоть буйна голова чесана
 И русая коса заплетена
 И въ косу кустышки привязаны,
 И красная красота наложена,
 Только не по старому, не по прежнему,
 Моя красная ты красота,
 Моя прикраса лицу бѣлому!
 Чесъ хвала да роду племени!
 У миня да красна красота,
 Она въ дешовыя годы куплена,
 А въ дорогу цѣну поставлена.
 Какъ моя да красна красота
 Девять сотъ да рублей стоила.
 Какъ на первую на сотенку—
 Брала кумачу да Ярославкова,
 На вторую-то на сотенку—
 Брала бархату Ростовкова,
 Какъ на третью на сотенку—
 Брала шолку нелинючева,
 Какъ на четвертую на сотенку—
 Брала мелкивъ частывъ бледочекъ,
 Какъ на пятую на сотенку—
 Брала пасыпнывъ жемчужнывъ запанковъ,
 На шестую-то на сотенку—
 Брала зергальнывъ свѣтлывъ ставочекъ,
 На семью-то на сотенку—
 Брала жемчугу для поднизъ,
 На восьмую-то на сотенку—
 Брала драгоцѣннава-то каменья,
 А девятую-то сотенку—
 Оддала швеѣ да самоглавною:
 Мою шили красну красоту,
 Суряжали волю вольную
 Во Москвѣ да двѣ боярени,
 Двѣ купеческія дочери
 По тую раннія заутренни,
 По тую позныя обиденки.

1670.

Вы, (в)ставляйте-тко сонливныя,
 И пробужайтесь дремливыя

По дворамъ да пѣуны поють,
 По избамъ да печки топятъ,
 По горницамъ дѣвки моются.
 Вы, мои миленькія подруженки,
 Минѣ скажите, бѣлы лебеди,
 Какъ почесъ да въ темну почепку
 Вамъ спалоса ли, дремалоса
 И во снахъ ли что приснилося?

Какъ минѣ да красной дѣвицы,
 Минѣ почесъ да въ темну поченку
 Мало спалоса и дремалоса,
 А во снахъ много приснилося.
 Минѣ, приснилося, молодешенькѣ:
 Будто у окна поколотилоса,
 У воротъ да въ кольцо брякнуло,
 У дверей да попросилоса.
 Я (в)ставала, молодешенька,
 Со кроваточки тесовыя,
 Со перицушки пуховыя
 И со кручинново изголовьяца,
 Я отворяла двери на пятау,
 И дубовую доску на стѣну,
 Я запускала волю вольную.
 Она середѣ поля остановилася,
 Господу Богу помолилася,
 Побнису минѣ поклонилася:
 «Здрастуй, милая подруженка,
 Моя сестрица, ты голубушка!
 Минѣ попеяли да посудачили.
 Тибѣ Богъ судья, мила подруженка,
 Ты какъ посиѣшила, поторопилася,
 Миня отказала волю вольную
 Отъ себя да молодешенки.
 Моя пошла да воля вольная
 Отъ миня да молодешенки,—
 Она со мной да ни простила
 И назадъ ни воротилася.
 Ужъ я вышла, красна дѣвица,
 На широкую-то улицу,
 Я погледѣла, красна дѣвица,
 Вслѣдъ за волюшкой-то вольною,
 Куда пошла да воля вольная,
 Моя дѣвичья дрока дровна
 Во далечи во темны лѣса.
 Моя сѣла воля вольная
 Она на елку на кузлявую.
 Я подходила, молодешенька,
 Къ своей волюшкѣ-то вольною,
 Хотѣла взять ее волю вольную,—
 Какъ пылезя, никакъ не можно:
 Вѣдъ зелена елка *подкарзяна*.
 Я пошла прочь, слезно заплакала.
 Какъ и еще да сонъ привидѣла:
 Я выходила, красна дѣвица,
 На круто красно крылечушко,

Изъ подъ высока нова терема,
Изъ подъ крута красна крылечушка,
Изъ подъ кроваточки тесовыя,
Изъ подъ перинушка пуховыя,
Изъ подъ кручинново изголовьяца
Протекала ричка быстрая.
Что по этой быстрой риченькѣ
По пей плыветъ да легка лодочка;
А во той ли легкой лодочкѣ
Есть сидитъ да красна дѣвица,
Въ рукахъ держитъ красну красоту.
«Вы, народъ да люди добрые,
Все сусиди порядовные.
И мои любимые подруженки,
Вы разгадайте да раздумайте
Этотъ сонъ къ чему да сонъ привидѣлся.»

Хоть вы молчите, мнѣ не скажете,
А я сама да знаю-вѣдаю,
Что къ чему да сонъ привидѣлся:
Изъ подъ кутя красна крылечушка,
Изъ подъ кроватушки тисовыя,
Изъ подъ перинушки пуховыя
Протекала быстра риченька —
Это мои слезы горячія.
А какъ плыветъ да легко лодочка, —
Это гульба-игра веселая,
А какъ сидитъ да красна дѣвица, —
Это воля моя вольная,
Въ рукахъ держитъ красну красоту, —
Мою просѣвную ленту шитую
Со жемчужной-то со поднизью.
Мнѣ еще во снѣвъ приснилось,
Какъ ровно въяво показалося
Я выходила красна дѣвица
На широкую на улицу —
Будто у насъ да во чистомъ полѣ
Есть крутая гора высокая,
Какъ на этой на крутой горѣ
Лежитъ звирь да со звириную,
А подъ крутой горой высокою
Лежатъ змѣи со змѣятами.
И по среди да поля чистова
Стоитъ столбъ да новоточеной —
Колется да расколется,
Онъ горитъ да разгоряется.
«Мои любимыя подруженьки,
Мнѣ скажите, бѣды лебеди,
Этотъ къ чему да сонъ привидѣлся?»
— Я сама да догадалася,
Дѣвушка я домекнулася,
Что къ чему мнѣ сонъ привидѣлся:
На крутой горѣ высоко лежатъ
Не звирь да со звириную,
А лихой свежоръ со свежорвою;
Подъ крутой горой высокою

Лежатъ не змѣи со змѣятами, —
То деверья со золовками,
Во широкомъ во чистомъ полѣ
Стоитъ не столбъ да новоточеной —
Не колется ни расколется
Не стогна да разжигается, —
Это чужой да доброй молодецъ,
До поры онъ да до времечки
Мной дѣвицей похваляется.
Во севоднишней во бѣлой день
У моего кормища батюшка —
Быть двору да растворенному,
И тыну да розваченному,
Мнѣ дѣвицѣ да увезеною.

По умершихъ родителейъ.

1671.

Во севоднешней во бѣлой день
Я (в)ставала, сиротиночка,
Утромъ рано поранешеньку,
Выходила, горе-бѣдная,
Я на широкую на улицу,
Брала росы съ травы зеленыя,
Обмывала лицо бѣлое;
Миня обдули вѣтры буйныя
И обсушило красно солнышко,
Я наряжалась, сиротиночка,
Во нарядъ-платье кручинное,
Пошла ко церквѣ ко соборною,
Ко молебну-то заздравному.
Я (в)ставала, сиротиночка
Въ рядъ со миленькимъ подруженькамъ,
Я глядѣла да смотрѣла
По народу, по добрымъ людямъ,
Я свои въ родны въ родителей,
Своего кормища батюшка,
По наряду-платью цвѣтному,
По ево да по русымъ кудрямъ.
Я ни могла ево увидѣти
Во Божьей церквѣ соборною.
Какъ пошли народъ, — добры люди,
Домой изъ церквы-то соборныя, —
Я (в)ставала, сиротиночка,
Ко дубовымъ широкимъ дверямъ,
Все глядѣла да смотрѣла
Во народъ во добрыхъ людей
Своего кормища батюшка. —
Я не могла ево увидѣти
И во слѣдъ да по походочкѣ.
Я пойду нонь, сиротиночка,
На круту гору высокую
И на площадь на широкую,
На могилоньбу глубокую.

Я припадала, сиротиночка,
Я ко матушкѣ сирой землѣ,
Я опускала звонки голоса
Высоко да по поднебесью,
Широко да по бѣлу свѣту,
И глубоко во мать сыру землю,
Къ своему кормилицу батюшку:
«Ужъ ты, мой кормилецъ батюшка,
Мое красное ты солнышко!
Ты послушай, красно солнышко,
Чего я спрошу да сиротиночка:
Ты придешь ли, родитель батюшко,
Ко мнѣ, да сиротиночкѣ,
Хоть не надолго поры времечка,
На одинъ малелькой минутой часъ —
Съ нами думушки подумати,
Тоски сердцу прибавити?
Кабы ты, мой кормилецъ батюшко,
Посулился красно солнышко
Ко намъ да сиротиночкамъ,
Я бы горькая несчастная,
Бѣдная да сиротиночка
Тибя середи бы поля стригила,
Черезъ риченьку увидѣла,
Черезъ темный лѣсъ поголчила;
Я бы розказала, сиротиночка,
Про свое горе великое
Какъ живемъ мы горьки-бѣдныя
Безъ тибя, кормилецъ батюшко,
Мы нажылися, сиротиночко
По привногимъ по чужимъ людямъ.
Какъ у насъ, кормилецъ батюшко,
Безъ тибя, да красно солнышко,
Проливѣ не живетъ полно,
Отданное не воротится,
Назадъ слово не размолвится.
Мы безъ тибя, кормилецъ батюшко,
Какъ подемъ мы, сиротиночки,
Во привногіе чужіе люди,
Малые и недорослые,
Глухие и неразумные.
Нашъ кормилецъ, родитель батюшко,
Ты послушай красно солнышко!
Я розкажу да сиротиночка
Какъ во привногивъ во чуживъ людявъ,
Надо жить въ людявъ умѣючи,
И говорить да разумѣючи:
По утру (в)ставать ранешенько,
Вечеркомъ легчи поздешенько.
Какъ во привногивъ во чуживъ людявъ
Слатко кормятъ, — горько чуется,
Глатко бають, — грубо кажется,
Мягко стелють — спать колъ жестоко.

Зап. крестьянской дѣвушкой Гликерей Тмаковой,
научившейся грамотѣ въ Антушевской народной
школѣ. Дост. учит. нар. уч. П. Г. Вересовымъ.

Той же губ. и уезда, другой волости.

Въ тотъ день, когда просватають дѣвушку,
на бесѣдѣ ей пропоють пѣсню «отставала лебе-
душка», а потомъ причитають «зорепьку»:

1672.

Ты заря ли моя зорепька,
Ты заря моя вечерняя,
Скоро рано да потухать стало,
Прежде закагу да красна солнышка,
Прежде восхода да свѣтла мѣсяца.
Наша, миленькая подруженька (имя и отчество),
Коль ты скоро рано открасовалася,
Прежде сестрицъ ты своихъ голубушекъ,
Прежде миленькихъ подруженекъ:
Развѣ въ дѣвушкахъ тебѣ присидѣлося?
Развѣ волюшка тебѣ напрокучила?
Развѣ дрокушка да напосадила?
Голова тебѣ причесалася?
Руса косынька призаплеталася?
Въ косу кустышки да привязалися?
Развѣ во бесѣдѣ съ нами да присидѣлося?
Бесѣдныя пѣсни припѣлися?
Шутки, дворки¹⁾ пришутилися?
Цвѣтно платье да приносилося?
Красна красота да напрокучила,
Простѣнная да лента шила,
Со жемчужной-то со поднечью?
Развѣ въ жароводахъ тебѣ пригулялося,
Тебѣ со миленькими подруженькамъ?

Въ отвѣтъ на это пѣвѣста причитаетъ:

1673.

Мои, миленькія подруженьки,
Можно знать вамъ да можно вѣдати,
По себѣ вамъ можно повѣрити:
Что въ дѣвушкахъ-то мнѣ не присидѣлося,
Волюшка не напрокучила,
Дрокушка не напосадила,
Голова не причесалася,
Руса косынька не призаплеталася,
Въ косу ленточки не привязалися,
Во бесѣдѣ съ вами не присидѣлося,
Бесѣдныя пѣсни не припѣлися,
Шутки дворки съ вами не пришутилися,
Цвѣтно платье не приносилося,
Красна красота не напрокучила,

¹⁾ Дворка — балагурство, острота. Дополн. къ Ол.
обл. великор. слов. У Даля этого слова нѣтъ.

Просѣнная-то лента шитая,
Со жемчужной-то со поднизью,
Въ короводахъ не пригулялася,
Короводны пѣсни не приѣлиси,
По гостямъ не приходилоя,
Гостейкой не присидѣлося,
У своихъ родныхъ родителей.

Приходитъ на бесѣду за невѣстой сестра и причитаетъ, обращаясь къ подружкамъ:

1674.

Вы, мои миленькіе подруженьки,
Вы не бойтесь, да бѣлы лебеди,
Вы меня-то да молодешеньку
Я не сидѣть иду да не бесѣдовать,
Иду за сестрицей своей голубушкой.

Потомъ она подходитъ къ сестрѣ и причитаетъ:

1675.

Ты, сестрица моя голубушка,
Я скажу тебѣ, молодешенька,
Скажу вѣсточку тебѣ не радостную,
Что приказали тебѣ родны родители,
Что тебѣ распрощаться, красной дѣвицѣ,
Со бесѣдушкой смиренною,
Со гульбой-игрой веселою,
Что тебѣ со миленькими подруженьками,
Съ удакою да добрымъ молодцамъ,
Тошнѣе того да и обиднѣе—
Со всей волюшкой-то вольною,
Со дѣвочьей волей гульливою.

Невѣста спрашиваетъ у сестры:

1676.

Ты скажи, сестра голубушка,
По чьему пришла позволеньцу,
По чьему да приказаньцу.
Разлучаешь меня, красну дѣвицу,
Со всей волюшкой-то вольною,
Со дѣвочьей волей гульливою?
Богъ судья-то вамъ, мои родители,
На чего вы рассердилися,
На меня-то на красну дѣвицу?
Что мнѣ какъ бы не хотѣлося

Разлучаться съ волей дѣвчичьей
И съ бесѣдушкой смиренною.
Прости, бесѣдушка смиренная,
Прости, гульба игра веселая,
Простите, миленькія подруженьки,
Удалые да добры молодцы,
Прости, бесѣдная хозяйюшка!
Меня извините, красну дѣвицу,
Что я суровая была несмирная,
Почасту я, съ вами бранилася,
Не по-долгу только сердилася.
Моя любая у васъ была бесѣдушка,
Почасту къ вамъ сидѣть ходила,
По-долгу у васъ сидѣла,
Въ лавкѣ мѣстечко просидѣла,
Всѣ окошечка проглядѣла,
У воротъ-то пята вытерла,
У дверей-то скобы вырвала,
Прости, бесѣдушка смиренная!
Мнѣ не бывать больше, не сиживать
Душечкой да красной дѣвицей.
Прости, желанная хозяйюшка!
Дай Богъ счастливо оставатися,
Да богато разживатися!

Вслѣдъ за этимъ причетомъ невѣста выходитъ съ бесѣды съ подружками на улицу и идетъ къ дому; въ это время она съ подружками причитаетъ:

1677.

Улица моя улица,
Улица ты моя широкая,
Протянися ты, моя улица,
На сто верстъ да и на тысячу;
Я плу-то, да красна дѣвица,
Не по старому-то, да не по прежнему,
Иду со миленькими подруженьками.
Мои рѣзвы поженъки подрѣзало,
Бѣлы ручки опустилиса.
Подхожу я, красна дѣвица,
Къ батюшкову широку двору,
Къ матушенину да нову терему,
Какъ погляжу я, красна дѣвица,
Какъ у насъ во свѣтлой свѣтлицѣ,
Какъ зима то у насъ студеная,
Да отнимье да студеной зимы,
Какъ примногіе злы чужіи люди.

Невѣста заходитъ въ это время въ домъ, подходитъ къ отцу и причитаетъ:

1678.

Богъ судья тебѣ, кормилецъ батюшка,
И кручинной моей матушѣ,

Что вы пригадали, что придумали,
 Меня отдавать то да запросватывать,
 Меня въ эту зимоньку-то студеную;
 Видно, не любая была я работница,
 Не бѣла была платомойница,
 Не вѣрна, видно, слуга вѣрная,
 Меня какъ-то ужъ не хотѣлося
 Въ эту-то вечериночку
 Разлучаться-то красной дѣвицѣ
 Со всей волюшкой-то вольною,
 Со дѣвичьей волей гульливою,
 Со бесѣдушкой смиренною,
 Со гульбой-игрой веселою,
 И со миленькимъ подруженькамъ.

Наканунѣ дѣвичника бываетъ рукобитье. Отъ жениха привозятъ «каравой», т. е. бѣлый хлѣбъ, украшенный конфетами и лепточками. До приѣзда родныхъ жениха съ кароваемъ ей причитаютъ:

1679.

Ахъ-ти мнѣ, мнѣ тошнехонько!
 Я не знаю, красна дѣвица,
 Передъ чѣмъ да взвеселилася,
 Я чему обрадовалася,
 Коль я баско набасилася,
 Хорошо да нарядилася,
 Во уборъ да платьѣ цвѣтное,
 Во нарядѣце хорошее,
 Что зачула я, слышала,
 Я ко Господнему ко праздничку,
 Ли въ обидѣ пресвященной,
 Ко молебну я заздравному,
 Ли на бесѣдушку смиренную,
 Я со миленькими подруженьками?
 Я сама знаю, сама вѣдаю,
 Въ эту пору, въ это времячко,
 На слуху да пѣту праздничка,
 Во торгахъ да пѣту ярмарки,
 По церквамъ пѣту обѣденки,
 Въ деревняхъ пѣту бесѣдушки.
 Я погляжу да, красна дѣвица:
 У меня сидятъ милы подруженьки
 На дубовой то на лавочкѣ.
 Во сегодняшний во бѣлый день,
 Я наряжалась въ платьѣ цвѣтное,
 И надѣвала красну красоту.¹⁾
 Не по старому, не по прежнему,
 Не на веселье, не на радости,
 Меня принуждали, приневолили,

¹⁾ Коронку.

Всѣ мои родни родители,
 Меня обманули, красну дѣвицу:
 «Наряжайся, красна дѣвица,
 Во нарядъ во платьѣ цвѣтное
 И надѣвай да красну красоту:
 Пойдешь на гулянье веселое.»
 Приказали мнѣ родители,
 Не далеко ходить разхаживать,
 Не широко глядѣть, разсматривать.
 Приказали мнѣ родители
 Сѣсть на мѣсто-то на кручинное,
 Повѣсить-то буйну голову,
 Мнѣ потупить да очи ясные.
 Тужить да вѣдать плакать
 Объ дѣвочьей-то волѣ вольной,
 Опустить мнѣ свой зыченъ голосъ
 Мнѣ по свѣтлой-то по свѣтлицѣ,
 По высокой-то новой горницѣ,
 По пароду да по добрымъ людямъ.
 Доходите вы звоны голоса
 До моихъ-то родныхъ родителей,
 До кормильца до батюшки,
 До кручинной до матушки.
 «Вы, родные мои родители,
 Вы мнѣ дайте благословеньце,
 Я не смѣю, да красна дѣвица,
 Безъ вашего благословеньца
 Объявить свой голосъ на люди,
 Обронить свои слезы на землю.»

Если невѣста сирота еще прибавляется:

Ахъ мнѣ, мнѣ тошнехонько,
 Коль гораздо мнѣ обиднехонько,
 Моему-то да ретиву сердцу:
 Ужъ я просила благословеньца,
 У своихъ я родныхъ родителей,—
 Я не слышу, красна дѣвица,
 Ихного благословеньца:
 Видно во дому ихъ да не случилось,
 Въ терему моемъ не сгодилося.
 Видно моихъ-то родныхъ родителей
 Нѣтъ во живой-то живности
 Какъ во добромъ-то во здоровьѣ:
 Только имячко ихъ да называется,
 Очество только величается.
 Мнѣ не даютъ они благословенія,
 Будто я безродная родилася,
 Безплеманная крестилася;
 Видно отъ камешка родилася,
 Отъ крутой горы откатилася.
 Какъ разгадаю сама, раздумаю:
 Есть у крутой горы пригорочекъ,
 Есть у камешка то дресвиночку.
 Тутъ-то я, видно, сиротиночка.
 Какъ у меня-то, у сиротиночки,

Нѣтъ родныхъ-то моихъ родителей.
Деннаго-то нѣту заступника,
Нѣтъ кормильца то батюшка,
Ночныя то нѣтъ богомольцу,
Нѣтъ кручины-то матушки,
Нѣту слезки то горячія;
Хоть есть у сиротинушки
Соколучки милыя братица,
Есть сестрицы мои голубушки,
Хоть имъ и жалъ меня, младешеньку,
Да не противъ моихъ родителей.

Потомъ невѣста начинаетъ ходить по полу;
въ это время причетница причитаешь:

1680.

Мнѣ сидѣть да не отси́дѣться,
Сидя сердце не утѣшити,
Своей родине не прослезити:
У меня родня-то не слезливая,
До меня-то не жалостливая,
Отшатнуть мнѣ могучи плечи
Отъ стѣны да тесу бѣлаго,
Отъ косерчатого окошечка,
Отъ стеколычатыхъ окошечки.
Благослови-ко меня, Господи,
Встать со лавочки дубовыя,
Со брусиночки кленовыя,
Встать на поженъки на рѣзвыя,
На чулочки на бумажные,
На башмачки на сафьянные,
На гвоздѣ на полушеное,
Мнѣ походить-то покрасоватися,
Съ волюшкой-то порадоватися,
По свѣтлой-то по свѣтлицѣ,
По высокой новой горницѣ,
По одной менѣ половочекъ.
Ты не гнишь, не гнишь, половочка,
Не ломися, переводочка.
Отчего половики гнутися,
Переводочекъ ломитися?
Что не звирь да по тебѣ идетъ,
Не змѣя да извивается, —
Идетъ душечка да красна дѣвица,
Будто ниточка тонешенька,
Будто личка легонешенька,
Какъ травинка подбошенная,
Какъ сѣнница подсушенная.
Меня подкосилъ кормилецъ батюшка,
Соколучки милыя братица,
Меня подсушила кручинна матушка,
Сестрицы мои голубушки,

Въ эту зимоньку студеную,
Посковали мои рѣзвы поженъки,
Завязали буйну голову,
Мои призакрыли очи ясныя,
Мое подсушили ретиво сердце.
Обратиться мнѣ, красной дѣвицѣ
Ко своимъ роднымъ родителямъ:
Буду убиваться, красна дѣвица,
Какъ ластушка вокругъ гнѣздушка,
Какъ касатушка вокругъ теплаго,
Вкругъ родныхъ своихъ родителей.
«Вы, родные мои родители!
Вы пожалѣйте красну дѣвицу,
Вы не разлучайте красну дѣвицу
Со всей волюшкой-то вольною,
Со дѣвичьей волей гульливою.
Вы не допускайте свата большаго
До двора-то да до широкаго,
До терема-то до высокаго,
До меня-то, до красной дѣвицы.
Вы откажите свата большаго,
Чесну хвальную корованницу.
Буду жить у васъ лучше прежняго,
Работать буду лучше стараго,
Буду слуга то я вамъ вѣрная,
Я на васъ буду надѣяться,
Держать надеженьку великую.»

Тутъ пріѣзжаютъ съ короваемъ и причетница
причитаешь:

1681.

Ахъ-ти мнѣ, мнѣ тошнехенько,
Меня испугали, красну дѣвицу.
Какъ мнѣ, дѣвушкѣ, слышалось,
Иль мнѣ въ-яво показалось,
Какъ дубовые сани скрипнули,
Шелковая плетка свиснула,
Прозвонило колокольчико,
Пробѣжала лошадь добрая?
Какъ пріѣхалъ злодѣй большой свать,
Честно-хвальная корованница.
«Мои миленькіе подруженьки!
Встань-те стѣной да бѣлокаменной
Вкругъ меня да красной дѣвицы!
Не допускайте свата большаго,
Честно-хвальную корованницу.
Охъ-ти мнѣ, мнѣ тошнехенько,
Какъ во мою то свѣтлу свѣтлицу,
Какъ нанесло да снѣгу бѣлаго,
Какъ зашелъ да злодѣй большой свать.»

Въ это время коровайница подходит къ невѣстѣ, причитаютъ:

1682.

Ужъ вы, глухие придвернички,
Ужъ вы неразумные приворотнички!
Что вы сами гостей не встрѣтили,
И мнѣ, дѣвушкѣ, не сказали?
Хоть бы я вышла да красная дѣвица,
На широкую на улицу.
Меня извините, гости, пожалуйста,
Что я васъ не знала да и не вѣдала,
Я не вышла да васъ не встрѣтила.
Чесно-хвальная коровайница:
Ты подошла ко мнѣ, красной дѣвицѣ,
Со словами да со лестливыми,
Со поклонами да со низкими,
Вы со привозными подарочкамъ;
Ужъ вамъ можно знать, да можно вѣдати,
Что я дѣвица-то да не безродная,
Красная, не безплемянная:
У меня есть родные-то мои родители.
Быде прикажутъ мнѣ, красной дѣвицѣ,
Принимать ваши подарочки.
Благослови да Боже Господи,
Мнѣ поднять да руки бѣлыя
На привозные подарочки.
Когда принуждали меня родители,
Мнѣ какъ да не хотѣлося,
За ракишъ кустъ хвататися.
Мнѣ со вамъ, да родня, знатися.

Принявши коровай, она обращается къ свахѣ.

1683.

Ты пріѣзжій да большій свать,
Чеснохвальная коровайница,
Вы извольте-ко извѣстатися:
Перво мѣстечко возлѣ меня,
Друго мѣсто супротивъ меня,
Третье мѣсто гдѣ полюбится.
Пріѣзжій, да злодѣй большій свать!
Чеснохвальная коровайница!
Чего я у васъ буду спрашивать?
Вы извольте-ко мнѣ сказывать
Про вашу чужую дальню сторону,
Какъ про вашу семью большую:
У васъ здорово ли во дому живутъ
Богоданной мой батюшка,
Богоданная-то матушка?
Здоровъ-то ли чужой чужанъ?

Съ весела ли-то пиръ заводится?
Съ весела ли у васъ пиво варятъ?
Съ весела ли у васъ вино курятъ?
Съ весела ли меня въ гости ждуть?

Я сама знаю, сама вѣдаю,
Ждутъ не въ гости меня и не въ гостейки,
Во рабы меня, во работницы,
Во бѣлое платомойшницы.
Ты пріѣзжій, да большой свать!
Чеснохвальная поровайница!
Что сторопой-то я чула, слышала,
Про вашу чужую дальню сторону,
Про злодѣйку-то незнакомую:
Что сторона у васъ невеселая,
И угода у васъ пехоршая,
И семья-то у васъ несогласная.
Лѣсъ съ лѣсомъ-то не склонится, —
Люди съ людьми не сходятся,
И сойдутся, не поклопятся.

Въ это время бьютъ по рукамъ и родители невѣсты съ сватомъ молятся Богу; а невѣстѣ причитаютъ:

1684.

Не спѣшите, мои родители,
Не зажигайте восковой свѣчи,
Не молитесь Богу Господу,
Не ударите да по бѣлымъ рукамъ,
Не запросивайте буйну голову,
Не заporучьте да русу косыньку,
За поруки-то за крѣпкія,
Что злодѣю свату большему:
Вы мнѣ дайте находитися,
Пока во своей-то я волѣ вольной,
Во дѣвичей волѣ гульливой.

Рукобитыя кончатся и свату даютъ полотенце. Онъ уѣзжаетъ домой, а невѣста послѣ него причитаеть:

1685.

Соколѣчикъ мой, братецъ миленькій!
Запряги-тко доброво коня
Во саночки самокаточей;
Нагопи-тко свата большого,
Отними да рукобитной платъ, (т. е. полотенце)
Вороти-тко мою волюшку.

На другой день послѣ рукобиты бываетъ дѣвичникъ, при этомъ причитаютъ.

1686.

Благослови-тко, Боже Господи!
Меня на день да на сегодняшний,
Меня во часть да во теперешній,
Бѣлой лебеди возгыргати,
Что на славномъ на синемъ морѣ,
На горячемъ синемъ калишѣ,
Мнѣ красной дѣвицѣ заплакати,
Во высокомъ повоиѣ теремѣ,
На дубовой-то на лавочкѣ.....

Въ дѣвичникъ невѣсту подружки и родные дарятъ деньгами, за это имъ причитаютъ:

1687.

Вы, милые подруженьки,
Дарите казной несчетною!
Вамъ можно знать, да можно вѣдать;
Мнѣ не пужна золота казна,
Ни на платице-то цвѣтное,
Ни на красную-то красоту,
И неволю выкупать буду,
Не отъ неволюшки откупатися.
Вы скажите мнѣ, милы подруженьки,
Куда издержать да золоту казну?
— Я сама, дѣвушка, догадлива;
Я пригадала да придумала,
Куда издержать да золота казна;
Мы сей ночи да въ темну ноченьку,
Мы не поспимъ да ночки темные,
Запряжемъ да доброго коня,
Ужъ мы съѣздимъ въ городъ Вологду,
Мы розыщемъ фотографію,
Снимемъ патреть да съ себя карточку
Съ моего да лица бѣлаго,
Пока душечной я красной дѣвицей,
Пока съ вами я подруженьки;
Обойдется пора времячко,
И я буду подъ неволюшкой,
Какъ тоской-то мнѣ стоскуется,
Объ дѣвочьей волѣ дѣвичьей,
Погляжу я, красна дѣвица,
На свой патреть да карточку;
Какъ припомню, и припаячу,
Когда была душой дѣвицей.

Передъ вѣчаньемъ невѣста ходить въ баню. Впередъ идетъ ея братъ съ пикой, за нимъ ея мать крестная размечаетъ вѣничкомъ дорогу до

бани.¹⁾ На водѣ, которою въ банѣ оканиваютъ невѣсту, творять пироги. Утирается невѣста бѣльемъ, которое предназначено жениху. Потомъ воду протираютъ солью и рыбой, которая и входитъ въ составъ пироговъ. Пироги эти отсылаются къ родителямъ жениха для того, чтобы ее, невѣсту, любили въ новой семьѣ.

Невѣста приходитъ изъ бани, одѣвается въ праздничное платье и начинаетъ ходить по полу, подружки въ это время причитаютъ:

1688.

Пораздвиньтесь-ко, добры люди,
Вы мнѣ дайте, красной дѣвицѣ,
Хоть единую половочку.
Походить, покрасоватися,
Послѣ бани, послѣ парущи
Будто ласточкѣ пролетати,
Какъ касатущѣ пропорхнути.
Вы, родны мои родители,
Поглядите, мои родители,
Какъ у васъ во свѣтлой свѣтлицѣ,
Что тамъ ходитъ за дѣвица,
Что ходитъ за красная?
Ходитъ дочерь-то поповская,
Ходитъ дочерь-то куценкая?
— Вы, родные мои родители,
Ходитъ ваша это родная дочь,
Послѣ бани, послѣ парущи,
Во нарядѣ, въ цвѣтномъ платьицѣ,
И во красной-то во красотѣ,
Только не во своей-то волѣ вольной,
Не въ дѣвочьей волѣ гульливой,
Обрала да баня паруща
Волушку вольную.
Богъ судья вамъ, подруженьки,
Вы на обманъ-то дѣло сдѣлали,
На проводъ дѣло проводили,
Меня обманули, красну дѣвицу,
Меня звали вы во парущу,
Во честную подвѣнечную,
Насказали да нахвастали:
«Не беретъ да баня паруща.
Она не дана да не пошлины,
Не сниметъ да баня-паруща
Съ тебя волушки-то вольныя,
Дѣвочьей воли гульливой,
Съ головы да красной красоты.»
— Обрала да баня паруща
Мою волушку то вольную.
Только упросила я красну красоту,

¹⁾ Въ это время дѣвушки поютъ № 1666 см. выше стр. 507.

Просѣкную то волю ¹⁾ шитую
 Не на долго пору-времячко,
 На одну только вечериночку.
 Я просила у бани паруши,
 Чтобы отпустила она волюшку
 Ко мнѣ-то, ко красной дѣвицѣ,
 На одну только вечериночку,
 На слезяной горькой дѣвичничекъ,
 Слезыныхъ моихъ пѣсень слушати.
 Мои, миленькіе подруженьки,
 Вы послушайте, бѣлы лебеди,
 Объ чемъ я-то вамъ побью челомъ,
 Красна дѣвица, я покучуся:
 Вы подите, да бѣлы лебеди,
 На широкую на улочку,
 Стерегите, милы подруженьки,
 Мою волюшку-то вольную:
 Какъ пойдетъ моя воля вольная
 Она изъ бани-то изъ паруши,
 Вы не отпустите ее на бесѣдушку;
 Какъ пойдетъ моя воля вольная,
 Душечкой пойдетъ красной дѣвицей,
 Остановите ее, подруженьки,
 Приведите-ко волю вольную,
 Приведите-ко мнѣ въ теремъ.
 Я хожу-то да и красуюся,
 Я сама-то да радуюся,
 Что я жду да ожидаюся
 Свою волюшку я вольную,
 Свою дѣвочью волю гуляливую.

Въ это время двѣ дѣвушки приносятъ разу-
 крашенную елку и останавливаются среди пѣбъ;
 невѣста кланяется елкѣ ²⁾, а въ это время причет-
 ницы причитаютъ:

1689.

Здравствуй, милая подруженька,
 Мой волюшка ты вольная,
 Дѣвочья воля гуляливая!
 Измѣшайся, моя воля вольная,
 Въ большомъ мѣстѣ въ переднемъ углу.
 Я пойду, да красна дѣвица,
 По свѣтлой-то по свитлицѣ,
 На весельѣ и на радостяхъ.
 Я дождалася, красна дѣвица,
 Свою милую подруженьку,
 Волюшку вольную.
 Находитесь, мои рѣзвы поженъки,

¹⁾ Воля — коронка, она же красота.

²⁾ Олицетвореніе воли въ коронкѣ, а за послед-
 нее время также и въ елкѣ. В.

Намашитесь, бѣлы рученьки,
 Наматайся, буйна голова,
 Накрасуйся красна красота,
 На моей да буйной головѣ!
 Нарадуйся, ретиво сердце,
 При своей да волѣ вольной!

Въ это время братъ невѣсты снимаетъ съ
 головы ея коронку.

1690.

Я не долго пагулялася,
 Немного накресовалася,
 При своей да волѣ вольной,
 Не глава да изматалася,
 Не кресты да повалилися,
 Изматалася красна дѣвица,
 Повалилася красна красота,
 Съ моей да буйной головы.
 Я не видала, красна дѣвица,
 Какъ подлѣтъ да младъ ясенъ соколъ,
 Подходилъ да братецъ миленькій,
 У меня снялъ да красну красоту
 Съ моей да буйной головы;
 Меня пристыдилъ, да красну дѣвицу
 Принародно при добрыхъ людяхъ,
 И при миленькихъ подруженькахъ,
 Пуще при вольной-то волюшкѣ

(Воля—т. е. елка ставится на столѣ).

Сокolocекъ, братецъ миленькій,
 Ты скажи мнѣ, красной дѣвицѣ,
 По чѣму да позволенъцу,
 По чѣму да приказанъцу,
 Меня пристыдилъ, да красну дѣвицу,
 Принародно, при добрыхъ людяхъ,
 При волюшкѣ-то вольной.
 Развѣ позволялъ кормилецъ батюшко,
 Приказала кручинна матушка,
 Пристыдить меня, красну дѣвицу?
 Ты скажи мнѣ, милый братецъ,
 Куда снесешь ты мою красоту:
 Али во торги ее снесешь, во ярмарки,
 Продавать будешь ее, красоту?
 Не продавай мою красну красоту
 И не дорого и не дешево.
 Какъ моя-то красна красота
 Въ дешевые годы куплена,
 Въ дорогу цѣну поставлена,
 Девять сотъ да она стоила.
 Ты отдай-ко лучше, братецъ миленькій,
 Какъ обратно мнѣ, красной дѣвицѣ.

Полно стыдить меня, безчестити,
Припародно да при добрыхъ людяхъ,
При волюшкѣ-то вольной.
Вы, родные мои родители,
Варено ли у васъ пиво пьяное?
Курено ли зелепо вино?
Вы мнѣ дайте, красной дѣвицѣ,
Склиницу дайте зелена вина.
Напоимъ-ко мы, брата, допьяна, —
У пьяного-то можетъ выпросимъ.
Мою красну то красоту.

Подходить съ впомъ къ брату:

1691.

Соколѣчекъ ты, братъ миленькій,
Тебѣ рюмочка зелена вина;
Ты выпей-ко на здоровице,
Въ буйну голову весельице.
Ты отдай мнѣ мою красоту!
Безъ нее-то мнѣ стосковалося,
Много времечка показалося,
Безъ своей мнѣ красной красоты.

Въ это время братъ возвращаетъ ей коронку,
а за безчестье кладетъ въ ленту деньги.

1692.

А теперь-слава тебѣ, Господи,
Я получила красну красоту
На свои то на бѣлы руки.
Я не знаю-то, красная дѣвица,
Куда положить свою красну красоту,
Дайте въ очи видѣти кручинную матушку.

Мать невѣсты подходитъ къ ней.

1693.

Ты, кручинная моя матушка,
Ты возьми мою красну красоту!
Ты снеси мою красну красоту,
Во отхожую хоромишку,
Положи мою красну красоту
Въ окованъ-то ларецъ, коробочку,
Почасту-то ходи, провѣдывай
Послѣ меня-то, красной дѣвицы!
Какъ потемнѣетъ красна красота,

Потемнѣе будетъ ночи темныя,
Почернѣе грязи черныя, —
Такъ мнѣ во примногихъ-то чужихъ людяхъ
Будетъ житье-то нехоршее.
Если посвѣтлѣетъ красна красота,
Посвѣтлѣе свѣтла мѣсяца,
Покраснѣе красна солнышка, —
Мнѣ-во примногихъ-то чужихъ людяхъ
Житье то будетъ хоршее.
Ты, кручинная моя матушка!
Тутъ не мѣсто моей красотѣ,
Тутъ не продуютъ вѣтры буйныя,
Не печетъ да красно солнышко, —
Залежится моя красота.
Ты положи да красну красоту
Ты во теплую-то пазушку,
За тонку бѣлу рубашечку,
Ко сердечку ко ретивому,
Ко жалнью ко великому.
Тутъ и мѣсто моей красотѣ,
Будетъ печи да краснымъ солнышкомъ,
Будетъ свѣтитъ да свѣтлымъ мѣсяцемъ,
У меня матушка старешенька,
Поясокъ носитъ слабешенько,
Потеряетъ красну красоту,
А найдетъ ее тутъ чужой чужанинъ —
Ее снесетъ да во царевъ кабакъ
И пропьетъ ее, мою красоту.
Тутъ не мѣсто красной красотѣ.
Кручинная моя матушка!
Ты отдай мнѣ назадъ красоту.
Я сама, да красна дѣвица,
Приберу ей сама мѣстечко,
Гдѣ не найдетъ и чужой чужанинъ
Я снесу да мою красоту
Да во теплыя-то стороны,
Положу ее на яблоньку садовую
И на грушницу зеленую.

Съ этими словами невѣста кладетъ коронку
на столъ, на коровай хлѣба, противъ елки, а по
сторонамъ ставятъ свѣчи.

1694.

Посторонъ да красной красоты
Я посажу да лебедь бѣлую,
Да по другую гуся сѣраго,
Напротиво волю вольную.
Какъ я, дѣвица, обрадовалась,
Что прибрала я волѣ мѣстечко
И своей я красной красотѣ —
Мѣстечко да и красивое:

Не найдеть да чужой чужанинъ.
Я отойду да сама посмотрю:
Не проложила ли я прослѣдыца,
Не проторила ли я тропинишки? —
Не дошелъ бы чужой чужанинъ
По моей пути тропинишкѣ.
Вслѣдъ за мной да красной дѣвицей
Вся трава да поднимается,
Всѣ цвѣты да разцвѣтають, —
Тутъ воля красота осталася.
Охъ-ти мнѣ, мнѣ тошнехонько!
Отъ людей я чула слышала,
Что ушелъ да чужой чужанинъ
Онъ съ ружьемъ да за охотою,
Онъ во тепле-то стороны,
Подстрѣлилъ да мою красоту
На мѣсто гуся, на мѣсто лебедя,
Повалилась моя красота
Со яблонь то бузявыя
На траву да на шелковую,
На цвѣты да на лазоревы,
Подхватила ее воля вольная,
Принесла ее ко мнѣ, дѣвицѣ,
Попеязла, посудачила:
«Богъ судья, да красна дѣвица,
Что ты смѣхомъ насмѣялася,
Надъ своей да волей красотой.»
Я не знаю теперь, дѣвица,
Куда снести мнѣ мою красоту,
Гдѣ прибрать ей будетъ мѣстечко,
Чтобы не нашелъ да чужой чужанинъ?
Какъ пригадала, да придумала,
Гдѣ прибрать да волѣ красотѣ
Мѣстечко да понадежнѣ:
Ты поди, да воля красота,
Выше лѣсу по поднебесью,
Къ частымъ звѣздамъ на бесѣдушку,
Свѣтлу мѣсяцу на думушку,
Красну солнцу на подмогушкѣ¹⁾
Тутъ и мѣсто да и мѣстечко:
Тутъ не найдеть да чужой чужанинъ.
Ты поди да красна красота
Ко мнѣ, ко красной дѣвицѣ,
На мою да на бѣлы руки,
На мою на буйну голову,
Хоть на одну на вечерипочку,
И на раннюю утриночку!
Охъ-ти мнѣ, мнѣ тошнехонько!
Отказала мнѣ красна красота:
«Поди прочь ты, красна дѣвица,
У тя бѣлы руки не мытыя,
Голова да не учесана,
Руса коса не заплетена.»

¹⁾ на помощь посвѣтить; она такъ блестяща. В.

— «Вы, мои милы подруженьки,
Принесите ключевой воды
Да и мыло бѣло-пѣнисто,
Тонкое да полотеничко.
Вы помойте бѣлы ручки,
Учешите буйну голову,
Заплетите русу косыньку,
Я созову тогда красоту:
«Ты погляди теперь, красота,
На меня, на красну дѣвицу,
У меня рученьки повымыты,
Буйна голова учесана,
Руса косынька заплетена,
Ты поди, да красна красота
На мою-то буйну голову
Хоть на одну вечерипочку
Да на раннюю на утринку!
Ты не бойся, красна красота,
Не задержу тебя, красоту.»

Беретъ коронку въ руки.

1695.

Теперь слава тебѣ, Господи,
Я созвала да красну красоту
Ко себѣ, да красной дѣвицѣ.
«Мои милые подруженьки,
Наложите красну красоту
На мою да буйну голову!»

Надѣвають ей коронку на голову, а елку упо-
сать изъ избы, невеста ей кланяется и причи-
тають:

1696.

«Посиди, да воля вольная,
У меня, у красной дѣвицы,
До зари да ранней утрепней,
До примпонихъ злыхъ чужихъ людей:
Мы съ тобой вмѣстѣ подумаемъ.»
— Нѣтъ, пошла да моя волюшка
Отъ меня, отъ красной дѣвицы.
«Ты прости да, моя волюшка,
Ты приходи, да воля вольная,
Съ утра рано по ранешеньку!»
Охъ, да мнѣ, молодой, тошнехонько!
Я совсѣмъ да обтерлася
Я безъ волюшки гульливя.
«Мои миленьки подруженьки,

Вся лучинка изсвятилася,
Всѣ подружки притомилися,
И мнѣ спать захотѣлося.»

Этимъ дѣвичникъ кончается. На другой день
послѣ дѣвичника, въ день свадьбы, утромъ пе-
вѣста рассказываетъ сны:

1697.

Вы, родные родители,
Мои милые подруженьки,
Вамъ почесъ-то въ темну почепьку,
Вамъ спалось ли да дремалось?
Что во снахъ-то вамъ привидѣлось
Вы скажите мнѣ, красны дѣвицы.
Какъ минѣ-то да красной дѣвицы
Не спалася почка темная,
Я заснула на минуточку, —
Мнѣ во снѣ много привидѣлось:
Мнѣ привидѣлось, что у окна поколотилось,
У воротъ да кольцо брянуло,
У дверей да попросилось.
Я вставала, красна дѣвица,
Отворяла двери на пята,
Запускала красну дѣвицу,
Заходила красна дѣвица —
Моя волюшка-то вольная;
Середь полу становилася,
Богу Господу помолилася,
По низку мнѣ поклонилася:
«Здравствуй, милая подруженька!»
Подходила воля волюшка
Ко кроваточкѣ тесовой,
Ко перинушкѣ пуховой,
Ко кручинному столовицу,
Мою голову погладила,
Русу косыньку поправила,
Алы ленточки расправила,
Попеняла мнѣ, посудачила:
«Богъ судья тѣ, красна дѣвица!
Ты поспѣшила да поторопилася,
Отказала да волю вольную
Отъ себя то, отъ красной дѣвицы:
Видно надоѣло жить при волюшкѣ.
Погоди-тко, красна дѣвица,
Послѣ схватисься, наплачешься
О своей-то волѣ дѣвичьей.»
—Какъ пошла моя воля вольная,
На меня она разсердилася,
Со мной пошла не простилася,
И назадъ-то не воротилася.
Я выходила-то, красна дѣвица,

Вслѣдъ за вольной-то волюшкой,
Поглядѣла я, красна дѣвица,
Куда пошла да моя волюшка.
Пошла далеко-то, во темны лѣса,
Она сѣла-то на елочку,
И на елочку на зеленую.
Подходила-то красна дѣвица
Къ этой елочкѣ зеленой.
Какъ подняла да свои бѣлы руки,
Хотѣла спать свою волю вольною,
Тутъ зелена елка *окарана* ¹⁾
Тутъ моя волюшка осталася.
Какъ другой-то сонъ привидѣлся:
Выходила я, красна дѣвица,
На широкую-то на улочку,
На круго красно крылечушко.
Изъ подъ нашего нова терема
Течетъ да рѣчка быстрая,
Что плыветъ да легко лодочка,
Тутъ сидитъ да красна дѣвица,
Во рукахъ держитъ красну красоту,
Просѣвную да ленту шитую.
Вы скажите, мои родители:
Мнѣ къ чему да сонъ привидѣлся?
Вы молчите да и не скажите,
Я сама знаю, вѣдаю:
Мнѣ къ тому да сонъ привидѣлся, —
Тутъ не рѣчка течетъ быстрая,
А мои да горючи слезы.
Тутъ не лодка плыветъ легкая, —
Все тоска моя кручинушка.
Сидитъ не душа да красна дѣвица —
Моя волюшка гуляивая,
Во рукахъ держитъ красоту
Просѣпку-то ленту шитую.
Во третьихъ-то видѣлось:
Выходила красна дѣвица
Во широко во чистое поле.
Среди да поля чистаго
Стоитъ горюшенька высокая,
На горѣ лежитъ звѣрь со звѣриною,
Змѣя лежитъ да со змѣятами.
Среди горы высокіе стоитъ столбъ
Да новоточенный;
Онъ горитъ да разгорается,
Кругомъ искрами обсыпается.
Вы скажите вы, подруженьки,
Ужъ къ чему да сонъ привидѣлся?
Да и сама знаю, сама я вѣдаю,
Что не гора стоитъ высокая, —
Тутъ чужая дальна сторона,
Злодѣйка незнакомая.
Лежитъ не звѣрь да со звѣриною, —

¹⁾ вѣтви обрублены снизу, не могла достать. В.

Лихой свекоръ со свекровкою;
 Лежать не змѣи со змѣятами, —
 Тутъ деверья со золовками;
 Стоять не столбъ да новоточенный, —
 Тутъ гроза стоитъ молодецкая,
 Не горить, не разгорается,
 До поры да похвалется.

Послѣ сновъ ей причитають:

1698.

Ужъ вы дайте въ очи видѣти
 Мнѣ кручинную-то матушку!
 Подойди, кручинна матушка,
 Ко мнѣ, ко красной дѣвицѣ,
 Да при многихъ-то чужихъ людей;
 Ты возьми да руки бѣлыя,
 Положи да въ теплу парушку,
 Посограй да руки бѣлыя.
 Ты мнѣ на путь да на дороженьку,
 Да при многихъ-то чужихъ людей,
 Чтобъ мои-то руки бѣлыя
 На чужой на дальней сторонѣ
 Да морозу не боялися.
 — Благодарю да низко кланяюсь
 Что сограбъ руки бѣлыя.

Наканунѣ вѣпчанья, за торжественнымъ ужиномъ, поютъ жениху, — если онъ сирота:

1699.

Ты рѣка моя рѣченька,
 Ты рѣка моя быстрая, —
 Быстрая, бережистая!
 Во тебѣ, мой рѣченька
 Много цвѣтнаго камня
 И съ обручелью (?) и со яхонтомъ,
 Одного камня нѣтъ, какъ нѣтъ.
 У Василья гостей много,
 У Григорьевича ихъ примножилося, —
 Одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ:
 Нѣтъ кормильца-то батюшки.
 Сподоблять свадьбу некому,
 Снаряжать — неподумати.

Если матери нѣтъ, то поется:

1700.

Нѣтъ родимой да матушки и т. д.
 Нѣтъ соколочка мила брателка,

Осѣдлатъ коня некому,
 А запечь — и не подумати.

Невѣста сидитъ въ это время на главной лавкѣ, окруженная подружками и плачетъ:

1701.

«Свѣтъ мои сестрицы,
 Вы сестрицы, голубушки,
 Схороните меня за себя!
 Вонъ идетъ разоритель мой,
 Вонъ идетъ погубитель мой,
 Вонъ идетъ расплети-косу,
 Вонъ идетъ потеряй-красу.»
 Василий возговорилъ,
 Григорьевичъ промолвилъ:
 «Не я разоритель твой,
 Не я погубитель твой.
 Разоритель твой — сватъ большой,
 Погубитель твой — тысяцкій,
 Расплети-косу — свахонька,
 Потеряй-красу — друженька.»

Тутъ слѣдуетъ такъ называемая «продажа невѣсты». Братъ ея садится съ ней за столъ: онъ въ шапкѣ, она въ коронкѣ. Кромѣ ея за столомъ никого нѣтъ, хотя онъ и накрытъ для гостей. Дружка жениха насыпаетъ на подносы серебряныя и мѣдныя монеты, владеть, если богатый — кредитки, даже золото и трясетъ ихъ на подносы, приговаривая: «Бьетъ челомъ намъ князь молодой златомъ, серебромъ, драгоценнымъ камнемъ.»

Передъ вѣнчаньемъ женихъ прѣзжаетъ за невѣстой. При его входѣ въ избу ему поютъ. Здѣсь дружка невѣсты загадываетъ загадки дружкѣ жениха, прежде, чѣмъ отпустить невѣсту къ вѣнцу. Это называется «продать невѣсту».

Дружка жениха, обращаясь къ дружкѣ невѣсты, спрашиваетъ:

«Чѣмъ торгуете? купцами, али лисцами, али красными дѣвцами?»

Дружка невѣсты:

— «Мы торгуемъ не купцами, не лисцами, а красными дѣвцами. Есть у нашей княгини молодой па морѣ па океанѣ, па островѣ па буяцѣ двѣнадцать дѣвицъ, родныхъ сестрицъ: всѣ онѣ набѣлены, намазаны и къ дубу привязаны, подите и выбирайте изъ нихъ.»

Дружка ж.: «Мы ѣдемъ не по море-окиянъ, не на островъ буянь, а мы ѣхали за молодой княгиней, Александрой Ивановной.»

Дружка п.: — «Ѣхали вы путемъ-дорогой, какъ проѣхали вы мои три заставы? 1) Гора съ горой столкаючи, 2) огненная рѣка протекаючи, 3) на сорокъ верстъ войска разставлены.»

Дружка ж.: «Первую заставу конями топтали, другую заставу бичемъ расхлестали, а отъ третьей заставы — хлѣбомъ солью боронились.»

Дружка п.: — «Гляжу на васъ и удивляюсь, что вы за люди сюда наѣхали: съ моря ли ловцы, съ лѣсу ли вы стрѣльцы, или съ канавы лопатники?»

Дружка ж.: «Нѣтъ, мы не съ моря ловцы и не съ лѣсу стрѣльцы и не съ канавы лопатники, а мы иноземные купцы и пріѣхали сюда за молодой княгиней, Александрой Ивановной.»

Дружка п.: — «Сталъ я слѣпъ, подайте мнѣ свѣтъ!» (Подаютъ свѣчу). «Дайте мнѣ краше краснаго солнца, свѣтлѣе свѣтлаго мѣсяца!» (Подаютъ икону). «Дайте мнѣ посошокъ я и пойду подъ соштокъ». Ему подають рюмѣю водки.»

Онъ уходитъ. На его мѣсто садится женихъ со свадебными чинами: тысяцкимъ, дружкой, свахой и другими.

Женихъ садится съ невѣстой за столъ, пмѣ поютъ:

1702.

Какъ сказали, что Василій не гулялъ, —
Въ эту зиму заходилъ онъ, гулялъ,
Заѣзжалъ онъ во высокій во теремъ,
Ай къ Авдотѣ-то за занавѣсъ,
Ай къ Ивановѣ за браный;
Онъ садился бочекъ о бочекъ,
Ужъ онъ бралъ да ручку объ ручку,
Прижималъ онъ да руку до больна,
Приломалъ онъ все злачены перстни.
Какъ Авдотья-то расплакалася,
Ивановна расеудачилася:
Какъ да сказать батюшкѣ,
Доложить да родной матушкѣ?
Она брала три золоты ключи,
Отпирала она кованы ларцы,

Вынимала гармазинное сукно.
Василью то кафтанъ кроила,
Григорьевичу примѣривала,
Чтобы не дологъ, не коротокъ былъ,
Въ подолѣ былъ раструбистый,
Въ животѣ да былъ подхватистый,
Рукава съ накулашниками,
Чтобы не стыдно добру молодцу
На добра коня садитися
Во Божью да церковь ѣхати,
Златъ вѣнецъ да принимаючи
Чуденъ крестъ да цѣловаючи.

Жениху.

1703.

Не тесанъ теремъ да не тесанъ. —
Сказывали Василій не учень.
Онъ выучепъ, онъ выучепъ
Ко тещѣ въ гости ходючи,
Къ Авдотѣ гостинцы пошучи.
Гостинечки, сладки прянички,
Изюмъ ягодки да во бумагѣ,
Сладки прянички да во карманѣ.
Ай, сборы, сборы Авдотьины,
Соберала подружекъ ко себѣ,
Садил подружекъ за столы
Сама она садилась выше всехъ,
Думала думу крѣпче всехъ.
Ай ну-те, подружки, горевати,
Какъ лихого свекра называти?
Звать, аль нѣтъ мнѣ свекра батюшкой.
Свекровушку звать ли матушкой,
Деверьницей звать братцами,
А золовушекъ звать сестрицами,
А милую ладѣ, ладушкой,
По имени звать Василюмъ,
По отчеству величать Григорьевичемъ.

Невѣсть.

1704.

Не тошно ли тебѣ да, Александра,
Не обидно ли тебѣ, да свѣтъ Ивановна,
Какъ чужая то родня да кругомъ сѣла:
Ужъ какъ дружка со подружкой съ чужой свахой,
Ужъ какъ тысяцкѣй да со боярами,
А свать большой да съ поѣзлянами,
Ужъ какъ князь молодой да со всемъ поѣздомъ?
Александра брату говорила,

Ивановна родному наказала:
«Поѣзжай ты, братецъ во торжочекъ,
Купи ты, братецъ соловейко,
Посади мѣ мы соловья за рѣшетку,
Прикуемъ мы рѣшетку ко кровати,
Пусть поетъ соловей распѣваетъ,
Меня, молодую, утѣшаетъ
На дальней чужой сторонѣ,
У чужого отца и у матери,
У чужого-то сына у отцаго,
У Василья-то свѣта у Ивановича.

Покончивъ завтракъ, ѣдутъ къ вѣнцу. Женихъ и невѣста въ телѣгахъ, запряженныхъ парами лошадей, къ дугамъ этихъ экипажей прииваютъ по два колокольчика къ каждой; въ гривы лошадей вилетаютъ разноцвѣтные ленточки.

Выходя изъ-за стола, чтобы ѣхать къ вѣнцу, невѣста тащитъ за собою со стола за уголъ скатерть, для того, чтобы всѣ подружки вышли замужъ вслѣдъ за ней. Послѣ благословенія женихъ быстро старается вывести невѣсту изъ дому, чтобы она по домѣ не скучала, а подружки въ свою очередь стараются удержать ее. Къ вѣнцу невѣсту ведутъ закрытою, а женихъ, напротивъ, долженъ ѣхать всю дорогу безъ шапки. Передъ выѣздомъ свадьбы изъ воротъ дружка очерчиваетъ по землѣ или по снѣгу (если зимою) крестъ.

Если невѣста или женихъ были болѣе чѣмъ пибудь, то родные, во время вѣнчанья ударяютъ три раза въ колоколъ, языкъ котораго обертываютъ полотенцемъ, чтобы хворость завѣнчалась. Если же брачующіеся были подвержены до брака припадкамъ, то тотчасъ же послѣ вѣнчанья они проводятся священникомъ черезъ трое дверей храма, хотя бы двери были и не на пути. Тогда, полагаютъ, припадки не повторяются.

Когда молодыхъ поведутъ кругомъ палоя, невѣста должна посмотреть на царскія врата, потому на жениха, чтобы дѣти были здоровы.

Послѣ вѣнчанья молодые ѣдутъ въ домъ молодого. Какъ только ихъ поѣздъ остановится у подъѣзда, дѣвушки поютъ.

Въ дверяхъ дома ихъ встрѣчаетъ свекоръ съ пивомъ, а свекровь съ вѣкомъ, т. е. съ рѣшетомъ, въ которомъ лежитъ хлѣбъ и соль и подаетъ молодой, а та старается какъ можно смѣлѣе положить вѣко на столъ и осматриваетъ домъ смѣло и весело. Потомъ она съ мужемъ кланяется въ ноги родителямъ, а тѣ поздравляютъ ихъ съ законнымъ бракомъ. Затѣмъ она умываетъ, ее парятъ въ ковшникъ, «окручиваютъ».

Начинается торжественный пиръ, во время котораго поются пѣсни.

Молодые стоя, въ рукахъ съ подпосомъ, на которомъ находится рюмка съ водкой и стаканъ съ пивомъ, чередуясь другъ съ другомъ, подносятъ, кланяясь низко, сначала гостямъ, а затѣмъ всѣмъ находящимся въ избѣ. Отпивъ немного изъ рюмки, гости говорятъ: «горько!» Молодые цѣлуются, *подсловаютъ*. Затѣмъ гость допиваетъ рюмку и кладетъ на подносы монету. Надаренныя гостями деньги поступаютъ въ личное распоряженіе невѣсты. По окончаніи пиря невѣста даритъ жениха и его родственниковъ рубашками, полотенцами, платками, кланяясь каждому въ ноги и поднося на подносы вмѣстѣ съ подаркомъ рюмку водки. Принявшіе подарки въ свою очередь дарятъ невѣсту деньгами. Эта церемонія называется «даровицею». По окончаніи «даровицы» дружка жениха подымаетъ съ полу то одѣяло, на которомъ стояла невѣста во время церемоніи, трясетъ его и говоритъ въ слухъ: «всѣмъ ѣзда, одному . . . да».

Потомъ отводятъ молодыхъ «на подклѣтъ» — обыкновенно — въ клѣть или другую избу. Когда ихъ уложатъ спать на одну постель, дружка жениха ударяетъ кнутомъ молодую спрашивая: «съ ѣмъ спишь?» Она отвѣчаетъ имя и отчество жениха. Тоже онъ продѣлываетъ и съ молодымъ. Наконецъ молодыхъ оставляютъ однихъ.

Состоятельный женихъ устраиваетъ на другой день утромъ «княжескій столъ». На этотъ пиръ приглашаются родители невѣсты особымъ церемониаломъ. Женихъ въ сопровожденіи своихъ друзей лично ѣдетъ ихъ звать. Теща устраиваетъ ему завтракъ: подаетъ яичницу и замѣчаетъ, какъ зять будетъ ее разрѣзывать. Если молодая была дѣвственница, то онъ рѣжетъ яичницу крестообразно, если же нѣтъ, то вырѣжетъ кругъ на средникѣ.

Еще нѣкоторые суевѣрные обряды и примѣты, относящіеся къ описанію свадьбы той же мѣстности.

Когда отправляются сватать, то вся семья въ домѣ жениха садится на дальнюю скамью на нѣсколько минутъ, потомъ встаетъ и молится Богу, послѣ чего сваты выходятъ изъ избы и хозяинъ на проводы ударяетъ ихъ шапкой по спицѣ, чтобы сватовство было удачно. Выходя изъ избы послѣ неудачнаго сватовства, главный сватъ ударяетъ каблукомъ въ порогъ, чтобы никто въ этомъ году сватать не пріѣзжалъ.

Во время свадьбы ничего никому взаимно не дается. Въ дни свадьбы жениху и невестѣ, а иногда и всѣмъ участвующимъ на пиру кладутъ въ сапоги льняное сѣмя, монеты и пр., чтобы колдуны не испортили здоровья вѣнчающихся и присутствующихъ.

Съ этой же цѣлью опоясываютъ молодыхъ мережкой, состоящею изъ девяти ячей, или нитью съ девятью узлами.

Особенно распространено привязываніе къ шейному кресту лоскутка бумажки, на которомъ написанъ псаломъ «Да воскреснетъ Богъ». Въ узелокъ вмѣстѣ съ молитвой кладутъ разныя травы—и все это противъ козней дьявола. Такіе узелки носить всѣ члены семьи какъ жениха, такъ и невесты. Какое значеніе придаетъ всему этому народъ видно изъ слѣдующаго случая: Женился сынъ церковнаго старосты (Антушевской церкви). Онъ грамотей; члены семьи предложили ему написать для каждаго изъ нихъ молитву «да воскреснетъ». Женихъ былъ въ ссорѣ съ женой брата. Онъ роздалъ по клочку написанной бумаги всѣмъ членамъ семьи, въ томъ числѣ и нелюбимой невестѣ. Прошло много времени, случилась свадьба у сосѣда, который обратился къ вышеозначенной женщиной съ просьбой уступить ему молитву. Она спала мѣшочекъ, который послала со дня свадьбы на шею, какъ святыню, вынула бумажку и подала деверю. Каково же было ея изумленіе, когда ей прочли на бумажкѣ вмѣсто: «да воскреснетъ Богъ», въ родѣ слѣдующаго: «чтобы околѣть коломъ, чтобы *ойнѣва* (горячка) забрала, чтобы змѣя груди насосала, чтобы высохла въ тонкую соломинку и т. п. проклятія.

Противъ порчи колдуновъ практикуютъ еще слѣдующее: берутъ, отъ колдуна же «огорода» (мнимую защиту отъ злыхъ духовъ), который онъ нашептываетъ, большей частью, на соль, завязанную въ тряпку.

Невеста не перемѣняетъ бѣлья съ самого дня просватанія вплоть до вѣнчанія, хотя бы этотъ промежутокъ продолжался цѣлые мѣсяцы.

Зап. П. Г. Вересовымъ и М. П. Вересовой.

Той же губернии, Валдайскаго уѣзда, села Гоголева.

Въ сваты выбирается братъ, или ближній родственникъ жениха. Онъ отправляется въ домъ невесты; при входѣ въ избу крестится и кла-

дается на всѣ четыре стороны. Тутъ отецъ невесты, или кто другой изъ старшихъ въ домѣ, проситъ свата садиться, а онъ отвѣчаетъ: «Садиться не годится, и стоять не хорошо. Пришелъ я не кумиться, пришелъ я не свататься, а пришелъ побрататься: у тебя есть невеста, а у меня женихъ. Нельзя ли свести ихъ въ одно мѣсто?» Если согласны отдать дѣвушку замужъ, то отвѣчаютъ: «Невеста согласна, и мы отдаемъ.»

Черезъ нѣсколько дней назначаются «смотрины». Женихъ къ этому времени приготовляетъ невестѣ въ подарокъ чулки, чуни, мыло и связку кренделей.

Когда начинаются смотрины, то при входѣ жениха въ избу, его встрѣчаетъ невеста: онъ отдаетъ ей названные подарки, а она ему даритъ платокъ и тотчасъ же уходитъ за занавѣсь. Женихъ и свать входятъ, садятся за столъ, на который ставятъ съ собой принесенную водку и крендели; потомъ свать, стоя за столомъ, начинаетъ выливать къ водкѣ и закусѣ, сначала всѣхъ родственниковъ невесты, словами:

«По новой по горенѣ, по свѣтлой свѣтлицѣ,— къ винной чарѣ (нимъ рекъ).»

А послѣ призыва родственниковъ женихъ самъ начинаетъ выливать невесту:

«По повой по горенѣ, изъ-за задняго угла, изъ-за занавѣси круглой, изъ-за молодыхъ молодичъ, изъ-за красныхъ дѣвицъ,— ко винной чарѣ, къ золотой казны! Сама себя покажи, и насъ посмотри!»

Невеста молча выходитъ изъ за занавѣси, поклонится жениху, подастъ образа и уходитъ опять за занавѣсь. Женихъ и свать уходятъ въ сѣни, и черезъ нѣсколько минутъ возвращаются въ избу. Ихъ встрѣчаетъ невеста съ умывальникомъ и полотенцами, и подаетъ имъ мыться. Жениху и свату она даритъ по полотенцу. Затѣмъ женихъ, свать и другіе гости садятся за столъ и начинается ужинъ, а невеста въ это время опять уходитъ за занавѣсь. Послѣ ужина свать и гости уходятъ въ сѣни, а женихъ къ невестѣ за занавѣсь и окончательно ее сговариваетъ. Потомъ онъ беретъ невесту за руку, прощается съ ней, она его провожаетъ до сѣней и онъ уходитъ. По его уходѣ дѣвушки начинаютъ пѣть:

1705.

Ужъ какъ Мароушка измѣнища:
Измѣнила всѣмъ подруженькамъ,

Ужь сказала, что я замужъ не пойду,
А сама-то спохваталася.

Невѣста отвѣчаетъ:

1706.

Сестрицы, голубушки!
Отъ чего же мнѣ не йти замужъ?
Снарядиться мнѣ есть во что,
Благословить-то меня есть кому.»

Обнимая мать, она начинаетъ плакать въ
голосъ:

1707.

Прошила меня, родима матушка,
Что за винную за чарочку! и т. д.

Съ этими же словами она по очереди обра-
щается къ каждому изъ членовъ своего семейства
и затѣмъ садится на лавку и причитаетъ:

1708.

Ужь я сяду, молодешенька,
На свою тесову лавочку,
Подъ круглое окошечко;
Я пуцу-то гулы звонкіе,
Недалеко, по поднебесью:
«Вы слетите, гулы звонкіе,
Вы слетите въ чужу сторону,
Ко мнѣ-то ко милымъ сестрамъ!
Пусть постоскнутъ, погруснутъ,
Пусть прилетятъ на легкихъ крылушкахъ,
Что ко мнѣ-то, молодешенькѣ,
Со чужой-то со сторонушки
Поразмыкати кручипушку!»
— Я спрошу у милыхъ сестеръ:
Какъ мнѣ жить будетъ, молодешенькѣ,
Во чужой во сторонушкѣ,
Со чужимъ со чужаниномъ,
У чужаго отца съ матерью?
Какъ *упаковать*, ¹⁾ улаживать на нхъ,
На своего-то супостателя?

¹⁾ Угодить, принаровиться, примѣниться. Слов.
Далъ.

Замужнія сестры невѣсты, если находятся
тутъ, то поютъ:

1709.

Ужь мы не будемъ тебѣ сказывать,
Какъ жить на чужой сторонушкѣ,
Какъ упаковать, улаживать
На чужаго отца съ матерью:
Ты узнаешь, мила сестра,
Какъ поживешь сама съ ними.
Не держи, наша мила сестра,
Ни подружекъ, ни милыхъ сестеръ:
Какъ подруженьки и милы сестры
Поосудятъ и осмѣютъ тебя.
А коль задумаешь, мила сестра,
Крѣпку думушку подумати,
Ужь ты выйди во чисто поле,
Припади ты къ бѣлу камушку:
Бѣлый камушекъ не просудливый,
Не просудливый, не пасмѣшливый.

Этимъ кончаются смотринны. Дѣвушки про-
щаются съ невѣстой и расходятся по домамъ.
Во время смотринъ, съ общаго согласія, назна-
чается день свадьбы. Невѣсту въ продолженіе
этого времени навѣщаютъ всѣ знакомые. Дѣ-
вушки помогаютъ ей шить приданое, утѣшаютъ
ее, и всегда поютъ пѣсни, болѣе обыкновенныя,
напримѣръ, слѣдующія:

1710.

Дочь отъ матери уѣхала,
Уѣхала, не простилася,
Съ соловьями думу думала:
Соловьи ли вы, соловьюшки!
Не съ одной ли вы сторонушки?
Вы снесите моей матушкѣ,
Моей матушкѣ пиздой поклонъ,
Моему батюшкѣ челобитьице:
Не ждала бы меня родна матушка,
Ни къ обѣду бы меня, ни къ ужину,
Ни къ поздому меня завтраку,
Ни къ честному меня празднику.

1711.

Много, много, у сыраго у дуба,
Много листьевъ, много подлистьевъ,
Только нѣту у сыраго у дуба,
Золотой его вершиночки.

Много, много, у Анны души,
Много сродства и прітелей,
Только нѣтъ у Анны души,
Что кормильца, родна батюшен:
Благословить-то ее некому
На чужую на сторопушку,
Ко чужому, ко чужанину,
Ко чужому отцу, матери,
А проводить-то ее есть кому,
Есть и братья, и милы сестры,
Есть и милыя подруженьки.

1712.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за садику зеленого,
Вылетало стадо лебединое,
А другое стадо гусиное;
Отставала лебедушка
Что отъ стада лебединого,
Приставала лебедушка
Что ко стаду, ко сѣрымъ гусямъ.
Не умѣла лебедушка,
По гусиному кричати,
Ее стали гуси щипати:
Не щиплите меня, гуси сѣрые,
Не сама я къ вамъ залетѣла,
Занесло меня погодою,
Что погодою осеннею.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за садику зеленого,
Выходила толпа дѣвушекъ,
А другая шла молодухекъ;
Отставала Марья душа
Отъ толпы отъ красныхъ дѣвушекъ,
Приставала Марья душа
Ко толпы ли да молодухекъ,
Не умѣла Марья душа
На головушекъ оправити, —
Ее стали люди ханити,
Ужъ какъ Марья стала плакати:
«Вы не хайте, люди добрые!
Не сама я къ вамъ заѣхала,
Завезли меня кони добрые, 2
Что Василья Аванасьевича.»

1713.

Охъ ты волюшка вольная,
Воля вольная, пезаемная!
Не на вѣкъ ты намъ доставалася,
Доставалася волюшка, доставалася вольная,

Краснымъ дѣвушкамъ до замужества:
Замужъ вышедши, ни въ чемъ воли нѣтъ,
Ни въ житьѣ-бытьѣ, ни въ богатствѣ,
Только есть она во тяжелой работухѣ;
А одинокимъ добрымъ молодцамъ до женитьбы,
А женатымъ, семейнымъ, до солдатчины.

1714.

По борамъ, по борамъ, по борочкамъ,
Убита дорожка ковричкомъ:
Кто-жь эту дорожку ковромъ убивалъ?
— Убивалъ эту дорожку Арсеній князь,
Ходючи и смотрячи Аграфену душу.
На бору, на бору, на клену,
Виситъ колыбелька на шелку,
Въ колыбельки лежитъ Аграфена душа,
Аграфена душа, свѣтъ Максимовна;
Приходитъ къ ей Арсеній князь,
Возговорилъ ей Михайловичъ:
«Слуги мои, слуги мои, дѣвушки,
Мои вѣрныя служаночки!
Качайте колыбель позыбчѣй,
Чтобъ увидѣть ей свекровь дворъ
И свекровушкинъ теремъ!»
Какъ увидѣла Аграфена душа,
Очень она возрадовалась,
Увидавши свекровь дворъ;
А еще она возрадовалась,
Что увидѣла она князя Арсенія,
Арсенія свѣтъ Михайловича.

Наканувъ свадьбы назначаются вечеринны.
Передъ вечеринками ведутъ невесту въ баню; за
невестой приходятъ дѣвушки и начинаютъ звать
ее въ баню:

«Просимъ милости пожаловать, во парну во
баенку, подъ шелковый вѣнчечекъ, подъ бумажный
листочекъ!»

Невеста обращаясь къ отцу причитаетъ:

1715.

«Благослови-ко, родной батюшка,
Мою ластовку, милу сестру,
Порасплетъ мою русу косу,
По одному по волосу;
По могучимъ моимъ плечикамъ!»

Сестра начинает расплетать, а невеста не дает ей и говорит:

1716.

«Погоди, моя мила сестра,
Расплетать мою русу косу:
Пусть моя коса покрасуется,
Что во красной во мнѣ, дѣвушкѣ!»

Послѣ этого невеста сама же начинает просить, чтобы ей расплели косу, причитая въ голосъ:

1717.

« Попрошу я, вамъ покланяюсь:
Расплетите мою русу косу,
Что русу косу, красу дѣвичью;
Вы возьмите, мои подруженьки,
Что мою ли косу дѣвичью,
И все красное дѣвичество!»

Та, которая заплетаетъ ей косу, отвѣчаетъ:

1718.

«Мнѣ не падоть, моя подруженька,
Мнѣ не падоть твоя руса коса:
Я возьму, снесу, русу косу,
Что во полюшко во чистое,
Во лузги-то во зеленые,
Да во травушки шелковыя,
Во цвѣтѣ-то во лазоревы:
Всѣ алы цвѣтики алѣются,
А моя коса увивается,
Во лазоревыхъ цвѣтахъ заплетается.
Какъ пойдетъ твоя родима матушка!
Во поля-то да во чистыя,
Во дуга-то во зеленые,
Да увидить твою русу косу,
Позавѣрнется ейно ретиво сердце,
Позавѣрнется крѣпче камушка.»

Невеста остается съ распущенными волосами, пока не обвѣнчается. Только что расплетутъ

косу, къ невестѣ пойдетъ или сестра, или подруга, звать ее въ баню, и причитаютъ:

1719.

Подымись, моя родна сестра,
Что ити-то въ парцу баенку,
Что смывать-то волю вольную,
Да красу-то свою дѣвичью!

Невеста встаетъ, подходитъ къ отцу и причитаетъ:

1720.

Благослови, кормилецъ батюшка,
Что ити-то въ парцу баенку,
Что смывать свою волю вольную,
Да красу-то свою дѣвичью!

Съ этими же словами она обращается и къ матери. Сейчасъ же послѣ этого дѣвушки покрываютъ невесту платкомъ, ведутъ ее въ баню и поютъ:

1721.

Растопися, парна баенка,
Раскалися въ банѣ каменка,
Поразсыпся крупной жемчугъ,
По столамъ, столамъ дубовымъ!
Порасплачъся, невеста душа,
Передъ своимъ кормильцемъ батюшкой!
«Ты кормилецъ, родной батюшка,
Для чего ты рано по утру встаешь,
Для чего ты пиво пьяное варишь?»
— «Для того я по утру рано встаю,
Для того я пиво пьяное варю,
Что твоихъ-то поѣзжанъ понтъ,
Что твоего-то свѣта суженаго.»

Невеста въ это время тихо плачетъ. Въ банѣ она угощаетъ подругъ лакомствами. По выходѣ изъ бани, только что невеста станетъ подходить къ дому, не входя въ него, останавливается со своими подругами и начинаетъ плакать въ голосъ:

1722.

Я иду, родимый батюшка,
Со своимъ милымъ подруженькамъ,

Ужъ по новымъ-то по сѣнечкамъ;
Я вхожу, кормилецъ батюшка,
Что во новую во горенку,
Что во свѣтлую во свѣтлицу
Я изъ парной только баенки,
Пообмывши волю вольную,
Порастерявши красу дѣвичью,
По полямъ-то да по чистымъ,
По лужкамъ-то по зеленымъ.

Входя въ избу, вмѣстѣ съ подругами, невѣста, поклонившись отцу, причитаетъ:

1723.

Тебѣ спасибо, родимый батюшка,
Что за парную баенку!
Лишь попеняю тебѣ, батюшка:
Какъ здыпулись твои рученьи,
Благословить меня, молодешиньку?
Теперь благослови меня, родный батюшка,
Что садиться за дубовый столъ,
Со своимъ милымъ подруженькамъ!

Невѣста входитъ за столъ и опять причитаетъ:

1724.

Благослови, родный батюшка,
За столы-то за дубовые,
Что за скатерти за баринны!

Отецъ благославляетъ невѣсту и столъ, и всѣ садятся. Передъ каждой перемѣной блюдо невѣста говоритъ:

1725.

Вы покушайте, мои подруженьки,
Что со мной-то, молодешинькой,
Мои послѣднія послѣдущи,
Мои остатніе остаточки!

Послѣ ужина невѣста обращается къ отцу и матери и благодаритъ ихъ словами:

1726.

Тебѣ спасибо, родный батюшка,
И родимая моя матушка,

Что накормили меня ситешинько,
Что напоили меня пьянешинько,
Да со милымъ подруженькамъ!

Затѣмъ дѣвушки начинаютъ пѣть пѣсни. Невѣста садится въ передній уголъ, т. е., подъ образа, и задумывается. Немного погодя, дѣвушки ей запоютъ:

1727.

Не печалься, Марѳа душа,
Не печалься, свѣтъ Ивановна!
Мы тебя не полонить хотимъ:
Не одну тебя во чужие люди отдаемъ,
А дадимъ тебѣ еще свахеньку,
Да еще-то дадимъ кучера.

На эту пѣсню невѣста молчитъ, а дѣвушки за нея отвѣчаютъ:

1728.

Всѣ кучера поразѣдуются,
Всѣ свахеньки поразобѣдуются,
Одна я, млада, остануся,
У чужого у чужанина,
У чужого отца матери.

Тутъ дѣвушки начинаютъ пѣть разныя пѣсни, и въ числѣ ихъ: «Теща про зятя пироги пекла», и пр. См. выше стр. 251—252.

При пѣніи этой пѣсни дѣвушки пляшутъ. Невѣста же ходитъ по избѣ и приговариваетъ:

1729.

Похожу я, молодешинька,
Что по новой своей горенкѣ,
Что по новой своей свѣтлицѣ,
Понизу я красы дѣвичьей,
А еще погляжу я, молодешинька,
На своихъ милыхъ подруженекъ:
У ихъ буйны головы причесаны,
Алымъ лентамъ приувязаны,
Золотымъ булавкамъ приуколоты,
А у меня, у молодешиньки,
Али лепточки растеряны,
Булавочки пораскиданы,
Буйна головушка растрепана,

Краса дѣвичья порастеряна.
Какъ поншу я своей красы дѣвичьей,
Что по всѣмъ ли четыремъ угламъ,
Да во новой нашей горенкѣ:
Не нашла я красы дѣвичьей,
Ни въ которомъ-то уголушкѣ!

Въ это время прѣзжаетъ женихъ. Его встрѣчаетъ невеста. Они садятся рядомъ въ передній уголь, а дѣвушки имъ запокуютъ:

1730.

Кто же у насъ умный,
Кто-жь у насъ разумный?
Арсеній у насъ умный,
Михайловичъ разумный:
На коня садится,
Подъ нимъ конь веселится,
Къ саду подѣзжаетъ,
Садикъ разцвѣтаетъ.
«Аграфена, выходи,
Свѣтъ Максимовна, выходи!»
— Аграфена выходила,
За бѣлы руки Арсенія брала,
За дубовый столъ сажала,
Чару воды наливала,
Арсенію подавала,
Усердно просила:
«Выкушай, Арсеній князь!»
— «Я не пью вина хмѣльнаго,
Я не пью вина зеленого;
Я дарю, семь разъ поцѣлую,
Что ни свѣтъ душу, Аграфенушку.

По окончаніи этой пѣсни женихъ и невеста встаютъ, благодарятъ дѣвушекъ за пѣсню. Дѣвушки поздравляютъ невесту съ женихомъ, а жениха съ невестой. Женихъ прощается и уходитъ. Дѣвушки тоже начинаютъ расходиться, а невеста имъ причитаетъ:

1731.

Погодите, мои подруженьки,
Погодите, мои голубушки!
Мнѣ не долго, молодешинькѣ,
Провести часы, минуточки,
Что со вамъ, милы подруженьки,
Что со вамъ, мои голубушки;
Мнѣ не годикъ съ вами годовати,
Одну почку темну почевати,

У своего кормильца, батюшки,
У своей ли родимой матушки.

Этимъ кончаются вечеринки. Дѣвушки расходятся по домамъ, а невеста плачетъ въ голосъ:

1732.

Охъ, рожденна моя матушка!
Какъ на чужой дальней сторонѣ,
Налетятъ ли черны вороны,
Забодутъ быки некладеные,
По утру станутъ будить ранешенько,
Въ вечеру будутъ класть позднешенько.
Я не знаю, молодешинька,
Ни обыча его, ни норову,
Ни ума его, ни разума.
Я о чемъ, мои подруженьки,
Попрошу васъ, да вамъ поклоняюсь:
Какъ пойдете вы, подруженьки,
На веселое гуляныце,
А моя ли то краса дѣвичья,
За вами погонится,
За тошкой рукавъ ухватится, —
А возьмите, да мои подруженьки,
Да мою-то красу дѣвичью,
И вяжите въ алы ленточки,
Пускай съ вами покрасуется!
А еще, мои подруженьки,
Попрошу васъ, да поклоняюсь:
Какъ прѣдутъ мои недруги,
Мои недруги, разлучники,
Не мечитесь вы, подруженьки,
Что на ихну золоту казну,
Не отдавайте меня, молодешиньку!

На другой день назначается свадьба. Невеста встаетъ раньше всѣхъ, готовится къ вѣнцу, а совсѣмъ одѣвшись, садится и плачетъ въ голосъ:

1733.

Я встаю-то, молодешинька,
Что ранѣмъ-то ранешинько,
Что умоюся бѣлешинько,
Что умоюся не ключевой водой,
А умоюся горючимъ слезамъ;
Я спрошу-ко, молодешинька,
Поспало-ль ли родной матушки,
Проспала-ль она эту поченьбу?
А какъ мнѣ ли, молодешинькѣ,

Не спалась мнѣ темна ночинька,
Не спала я, думу думала:
Подожли-то морозы лютые,
Озпобили мое ретиво сердце.

Тутъ къ невѣстѣ начинаютъ собираться дѣвушки. Мать приготовляетъ столъ, такъ называемый «Княжій». Когда дѣвушки соберутся, то започнуютъ:

1734.

Вереюшки пошатнулись,
Вороточки распахнулись,
Къ намъ наѣхалъ полокъ дворъ гостей;
А ужъ Аграфепушка не вѣрила,
Свѣтъ Ивановна не чаяла,
Какъ женихъ-то въ пову горенку вошелъ,
Ужъ какъ Аграфепушку за рученьку беретъ,
Свѣтъ Ивановну за правенькую:
У ней пошки подкосились,
Бѣлы ручки опустилися,
Ужъ какъ Аграфена ужаснулася,
Свѣтъ Ивановна испужалася.

Въ это время приѣзжаютъ дружки и, не входя въ избу, останавливаются у дверей, а невѣста, завидѣвъ ихъ, начинаетъ прищипать, обращаясь къ брату:

1735.

Попрошу я тебя, мой родимый братъ,
Ты возми-съ-ко-ся саблю вострую,
Засѣки пути, дороженьки,
Чистымъ ельничкомъ, березничкомъ,
Да еще горькимъ осинничкомъ,
Чтобы не напали мои подруги:
Разлучать они меня, молодешеньку,
Со всѣмъ роднымъ со племенемъ,
Да и съ милымъ подруженькамъ.

Братъ идетъ къ порогу, за которымъ стоятъ дружки, и спрашиваетъ:

«Что вы за люди?»

Дружки. — Мы дружки, вѣрные служки, отъ князя молодого, отъ Арсенія Михайловича.

Братъ. «Просимъ милости войти!»

Дружки. — Намъ некогда: мы приѣхали узнать, готова ли невѣста?

Братъ. «Готова.»

Дружки прощаются и уѣзжаютъ, а черезъ нѣсколько времени опять приѣзжаютъ со всѣмъ поѣздомъ и, не входя въ избу, останавливаются у порога, а дѣвушки въ это время стоятъ около стола.

Дружки. «Есть ли въ этомъ домѣ хозяинъ?»

Дѣвушки. — Есть.

Дружки. «Дайте намъ дубоваго стола, поставьте нашего князя подъ святыя образа.»

Обращаясь къ дѣвушкамъ: «Что вы за люди?»

Дѣвушки. — Молодой княгининъ вѣрный служачокъ.

Дружки. «Гдѣ же княгиня? Отъ чего она не снаряжена и за столъ не посажена?»

Дѣвушки. — Наша княгиня въ парной баенѣ, подъ шелковымъ вѣнчикомъ.

Дружки. «Опростайте намъ квартиру: что надо, то и заплатимъ.»

Дѣвушки. — Дайте намъ золотой казны!

(Дружки кидаютъ мѣдныя деньги.)

Дѣвушки. — «Наша княгиня больше этого стоитъ. Выкупите намъ хоть мѣленькихъ да бѣленькихъ: мы баню топили, столъ паръ башмаковъ износили, косу княгини расплетали. Если у васъ сыщется золотой казны, тогда и невѣсту возьмите; а коли не сыщется, то ваша невѣста въ зеленый дубъ посажена, золотыми ключами замкнута; эти ключи далеко спрятаны: намъ не сыскать, и вамъ не найти.»

Дружки высыпаютъ на столъ серебро.

Дѣвушки. — «Нашей княгини руса коса стоитъ больше этихъ стеколъ (выкидывая золотую монету, или мѣдную пуговицу); у нашей княгини вотъ какія деньги есть, а за эти ваши стекла не отдадутъ невѣсты.»

Дружки прибавляютъ еще серебра. Дѣвушки, поблагодаривъ, спрашиваютъ: «покажите намъ кто краснѣ красна солнышка, кто свѣтлѣ свѣтла мѣсяца.»

Дружки выводятъ жениха на середину пазы.
Дѣвушки. — «Дайте намъ море воды, кучу ржи,
да копя ѣхать со двора!

Дружки даютъ имъ пирогъ, чашку пива и мѣдную денгу и говорятъ: «Дайте намъ стола, у насъ хлѣбъ-соль своя». Съ этими словами они сажаютъ жениха за столъ въ передній уголъ, вмѣстѣ съ невестой, ставятъ на столъ съ собой принесенную закуску и водку и угощаютъ тѣхъ, которые съ ними въ поѣздѣ, а потомъ и невестинныхъ родныхъ. Когда они кончаютъ, то невеста говоритъ:

«Невестина хлѣбъ-соль тоже не поганая!» И подаетъ три какія-нибудь блюда, а четвертое: пряженники, которые раскладываютъ передъ каждымъ, и всякій, кто ихъ ѣстъ, обязанъ положить денегъ на блюдо. Дѣвушки, выйдя изъ-за стола, поютъ величальныя пѣсни жениху, невестѣ и поѣзжанамъ, сидящимъ за столомъ. Женихъ и невеста сами ничего не ѣдятъ, а просятъ другихъ кушать. Въ это время дѣвушки поютъ:

1736.

Да ужъ кто-жъ тебѣ, Арсеній князь,
Чесаль буйну голову,
Завиваль тебѣ русы кудри?
— Чесала родная матушка,
Завивала кудри мила сестра,
Что во путь-то, во дороженьку,
По свою ѣхать по сужену,
Что по сужену, снаряжену,
По Аграфену-то Максимовну. —
Съ Богомъ, съ Богомъ, мое дитятко,
Со Христомъ, мое рожденное!

Женихъ благодаритъ дѣвушекъ за пѣсню, и даетъ имъ денегъ. Онѣ опять запоютъ:

1737.

Вдоль по улицѣ молодецъ идетъ,
Вдоль по широкой удаленькій.
Онъ загуливалъ во высокой во теремъ,
Да за запавѣсь заглядываль,
Все за шитую, за браную,
Онъ высматриваль, выглядываль,
Душу красну дѣвушку, Аграфенушку;
Онъ сталъ ей бѣлы рученьки сжимать,
Онъ сталъ ей золоты перстни ломать.

Говорила Аграфена душа,
Говорила свѣтъ Максимовна:
«Ты Арсеній, свѣтъ Михайловичъ,
Не сжимай моихъ бѣлыхъ ручекъ,
Не ломай моихъ золотыхъ перстней!
Вѣдь не ты мнѣ золоты перстни купилъ,
Да не ты и золотые золотилъ:
Мнѣ купилъ ихъ родной батюшка,
Золотила родна матушка.

Женихъ опять благодаритъ дѣвушекъ, и онѣ снова запоютъ:

1738.

Тебѣ спасибо, князь молодой!
Тебѣ спасибо, Михайловичъ!
Не успѣли мы слова выговорить,
Не успѣли мы пѣсни спѣть —
Отъ тебя дары пошли,
Отъ тебя великіе,
Съ поклономъ съ низкімъ,
Съ словомъ со ласковымъ.

Послѣ этой пѣсни сваха владываетъ руку невесты въ руку жениха и ноги жениха въ ноги невестѣ. Это дѣлается для того, чтобы свадьбу не могли испортить.

Когда отобѣдаютъ, дружки говорятъ отцу и матери невесты:

«Умѣли дитя вскормити, умѣйте и благословити!» и обращаясь къ всѣмъ, онѣ продолжаютъ:

«Званные, избранные, благословите!»

Невеста при этихъ словахъ заплачетъ въ голосъ:

1739.

Не прошу, кормилецъ батюшка,
Я ни злата у тебя, ни серебра,
Ни имѣнія, ни богатства;
 Попрошу я, кормилецъ батюшка,
Что великаго благословеньца:
Благослови, кормилецъ батюшка,
Что во путь-то, во дороженьку,
На чужую на сторонушку,
Ко чужому отцу матери!

Невеста и женихъ становятся передъ отцомъ на колѣни: отецъ ихъ благословляетъ и даетъ цѣловать образъ.

Послѣ благословенія, женихъ уводитъ невѣсту въ сани, чтобы ѣхать въ церковь, а дѣвушки запоютъ:

1740.

Не спи, не лежи,
Поповъ сынъ въ городѣ!
Ударъ во колоколъ
Да съчастый,
Чтобы услышала
Аграфена матушка,
Услышавши, заплакала:
«Ко мнѣ сваты ѣдутъ,
Мое дитю берутъ,
Дитю рожденную;
Отъ меня дары везутъ,
Да дары все шитые,
Скатерти бранныя.
Не спи, не лежи,
Поповъ сынъ въ городѣ!
Гриударъ во колоколъ,
Да во звончастый,
Чтобы услышала
Арсеньева матушка,
Услышавши, возрадовалась:
«Ко мнѣ сноху везутъ,
Ко мнѣ ларцы несутъ,
Со златомъ, со серебромъ,
Со крупнымъ со жемчугомъ,
Со шитымъ шитьемъ,
Со браннымъ со скатертямъ.

По окончаніи этой пѣсни поѣздъ отправляется въ путь: впереди ѣдутъ дружки, за ними женихъ съ посаженнымъ отцомъ, который называется тещинымъ, въ третьихъ саняхъ ѣдутъ бояре, а сзади всѣхъ невѣста со свахой. Невѣсту везетъ кучеръ, который называется «возилой». Когда выѣдутъ за ворота, возила говоритъ: «У саней завертки лопнули: привязать не чѣмъ!» Невѣста даетъ ему полотенце. Это повторяется нѣсколько разъ, и каждый разъ невѣста должна дарить полотенца. Мальчишки, и даже взрослые мужики, загораживаютъ путь поѣзду, и дружки, чтобы ихъ пропустили, бросаютъ имъ орѣхи.

Обвѣнчавшись, молодые ѣдутъ въ домъ жениха. Тамъ ихъ сейчасъ же сажаютъ на лавку. Невѣста въ это время находится все еще подъ покрываломъ; тутъ выходитъ теща съ пирогомъ, которымъ закрываютъ молодую. Бабы, поспоривъ

нѣкоторое время съ мужиками: кто лучше, женихъ, или невѣста, запоютъ извѣстную уже пѣсню:

1741.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за садику зеленаго,
Вылетало стадо лебединое и т. д.

А за ней поютъ слѣдующую:

1742.

Нѣ шелкова ниточка къ стѣнѣ лѣнетъ,
Михайлычъ Максимовну къ сердцу жметъ:
«Ты скажи, скажи, Аграфенушка,
Кто-жъ тебѣ отъ роду милъ?»
— «А милъ мнѣ, миленецъ, родной батюшка,
Помилѣ того родна матушка.»
— «А это, Аграфенушка, неправда твоя,
А это, Максимовна, не истинная.
Скажи, скажи, Аграфенушка, правду всю,
Скажи, скажи, Максимовна, истинную!»
«Я скажу, младешенька, правду всю:
Только мнѣ милъ одинъ Арсеній свѣтъ,
Милъ, милешенецъ, Михайловичъ!»
— Вотъ это Аграфенушка, правда твоя!
Вотъ это, Максимовна, все истинная.

Затѣмъ молодыхъ сейчасъ же поведутъ спать въ кѣлье, а сваха и свекровь начинаютъ смотрѣть сундукъ съ дарами молодой. Дары состоятъ изъ шитыхъ полотенецъ, скатертей и т. п. Когда молодые вернутся изъ кѣльи, то свекровь начинаетъ раздаривать изъ сундука дары роднымъ, а невѣста, кланяясь, проситъ ихъ принять.

Тутъ начинается пиръ, какъ обыкновенно бываетъ вездѣ. На другой день, утромъ, свекровь печетъ блины, а молодую посылаютъ за водой, и всѣ ее провожаютъ до воротъ. Когда она принесетъ воды, то всѣ родные стараются этой водой облить другъ друга три раза, и молодая должна сходить за водой три раза же. Когда она принесетъ въ послѣдній разъ воду, ее ставятъ мѣсть избу, и въ это время бросаютъ ей деньги.

Этимъ кончается свадьба. Всѣ разъѣзжаются.

Собщ. мѣст. помѣщикомъ К. М. Шашкинымъ.

VI. Псковской губерніи.

а) Свадебный обрядъ въ городѣ Псковѣ.

Лѣтъ 30 назадъ ¹⁾ купцы и мѣщане во Псковѣ справляли свадьбы по старинѣ: съ хоромъ дѣвицъ, пѣснями, плясками, праздновали на распаху, нѣсколько дней сряду, и угощали званыхъ и незваныхъ «сахарными» яствами. Бѣднякъ не отставалъ въ этомъ отношеніи отъ богача: онъ такъ же нѣбось могъ попраздновать на своей свадьбѣ на счетъ своихъ же гостей, потому что каждый гость присылалъ бѣдняку, по возможности, съѣстные припасы и другія угощенія.

Когда добрый молодецъ задумывалъ, бывало, жениться, онъ долженъ былъ прийти къ отцу, къ матери, поклониться имъ въ ноги и объявить, «что, молъ, батюшка и матушка, вотъ такъ и такъ, хочу я жениться, на такой-то дѣвицѣ». А иногда случалось, что отецъ съ матерью сами предлагали сыну жениться. Какъ бы тамъ ни было, только, со стороны родителей, посылалась ближняя ихъ родственница, а иногда и сама мать ходила къ родителямъ невѣсты. Сваты обыкновенно рѣчь заводила издали: спрашивала о здоровьѣ дочери-лебедушки; говорила, что дѣвы — ворота, а времена-то, вишь, какія: того и смотри, какъ нибудь проступится, отцу съ матерью глаза занавѣситъ. А отецъ съ матерью уже съ первыхъ ея словъ смекали, на что бьетъ сватьяшка, потчивали ее кофеемъ да сладкой водочкой. Потолковавши такимъ образомъ и отвѣдавши кофейку и сладкой водочки, сватья приступала къ дѣлу: «У васъ товаръ, а у насъ купецъ, добрый молодецъ, Иванъ Ивановичъ, съ краснаго ряду, сынокъ-соколовъ Ивана Карпыча, дѣтина — кровъ съ молокомъ, смиренный, послушанный и достатку имѣетъ.» И поидетъ размазывать, только слушай. «Коли есть ваше согласіе, такъ позвольте намъ посмотреться!» Отецъ и мать невѣсты благодарили обыкновенно сватью за честь, и просили дать время подумать, хотя бы и рады-радешеньки были отдать дочку за такого жениха, но приличіе требовало не сейчасъ соглашаться на предложеніе. «Вѣдь она намъ не чужая (говорятъ отецъ и мать), а своя родная, поена и вскормлена, не наскучила она намъ: пусть живетъ себѣ съ Богомъ! да и сродственники есть у насъ! нужно посоветоваться, да и у добрыхъ людей пораспросить... а мы пришлемъ тебѣ вѣсточку.» И отправляется сватья къ жениху, и считаютъ дѣло уже конченнымъ. Если же

случалось, что родители невѣсты не думаютъ отдавать дочери за предлагаемаго жениха, то вотъ какъ они отдѣлываютъ сватью: «Да ты, матушка, туда ли зашла? Не заблудилась-ли?» — «Я то, батюшка, слава Тебѣ Господи, не рехнулась еще ума-разума», отвѣчаетъ сватья. — «То-то, голубушка: сдается, что не туда попала». — «Власть ваша, а честь не безчестье вашей дочушки... затѣмъ и прощенія просимъ!» И идетъ скопфуженная сватья, и на чемъ свѣтъ стоитъ ругаетъ гордеца челкопера.

Родители невѣсты, получивъ предложеніе отъ сваты, созывали своихъ родственниковъ и разсуждали съ ними: стоящій ли человекъ женихъ, или нѣтъ. Если рѣшеніе было въ пользу жениха, то вскорѣ же ему давалось знать, что онъ можетъ прийти на «сгляднины», т. е., посмотреть невѣсту. Женихъ отправлялся къ невѣстѣ со сватьей, родителями и старшими родственниками, обыкновенно, — вечеромъ. Невѣста выходила къ гостямъ вскорѣ послѣ прихода ихъ, съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ была поставлена водка, потчивала прежде жениха, и при этомъ-то женихъ долженъ былъ хорошенько разсматривать будущую свою сожительницу и вывѣдывать ея умъ-разумъ. Онъ отказывался отъ водки, говорилъ, что не пьетъ, а если пьетъ, то самую малость, да и то теперь не хочетъ, потому что пилъ недавно; невѣста, бывало, его упраниваетъ и не отойдетъ до тѣхъ поръ, пока женихъ не приметъ рюмку. Потомъ невѣста обносила всѣхъ прочихъ гостей, и затѣмъ потчивала кофеемъ, чаемъ, вареньемъ, или плодами, и при этомъ повторялась та же исторія, какъ и съ водкою: женихъ и гости отказывались, а невѣста упранивала. Попотчивавши гостей, она ни минуты не оставалась съ ними, такъ что женихъ видѣлъ ее только съ подносомъ въ рукахъ. Занимать гостей должны были родители невѣсты. Послѣдѣвши нѣсколько времени, женихъ, не попрощавшись съ хозяевами, выходилъ со всѣми родственниками въ сѣни передать свое мнѣніе о невѣстѣ; если она понравилась, то вся компанія возвращалась въ горницу, и сватья, выступивши впередъ, говорила невѣстиннымъ «родителямъ»: «Ну, съ нашей стороны все, слава Богу! какъ съ вашей?» Если и со стороны невѣсты также — слава Богу, тогда начинались «смовины» и назначался день для «положенія» или рукобитія. Но когда невѣста не понравится жениху, онъ, потолковавши въ сѣняхъ со своими родственниками, прямо отпра-

¹⁾ Эта статья написана въ концѣ 50-хъ годовъ. III.

влялся домой; а если жених не понравился невестѣ, то родители объявляли, что нынѣшній годъ, они раздумали отдавать замужъ свою дочку; или: что они еще не справились и т. п. Впрочемъ, рѣдко случалось, чтобы свадьба разстроивалась послѣ «сглядни».

Въ промежутокъ времени отъ помолвки до вечеринокъ, невеста отъ скуки, сидеть, бывало, на лавкѣ въ переднемъ углу съ подружками, и поютъ:

1743.

Свѣтъ мой, родной батюшка!
Государыня, родная матушка!
Благословите мнѣ звать дорогихъ гостей:
Своего крестнаго батюшку,
Свою крестную матушку,
И своихъ всѣхъ сродцевъ пріятелей!
Сударь мой, родной батюшка,
Пожалѣй меня, молодешеньку!
Не пожалѣй своихъ добрыхъ копей,
Дай погулять мнѣ красной дѣвушкѣ,
Александръ Ивановичъ!

Отецъ не отказывалъ, давалъ лошадей. Невѣста съ подружками выѣзжали за околицу; дорогой онѣ пѣли:

1744.

Поля ли мои, поля чистыя,
Лужи мои зеленые,
Травушки шелковые,
Цвѣты мои лазоревые!
Любила я по вамъ гулять,
Я по вамъ гулять, красоватися,
Своей путевой косой выхвалитися;
Ужъ одна была у меня коса,
Да двѣ волюшки,
Двѣ волюшки, и обѣ вольныя;
Хоть двѣ у меня будутъ косы,
Да одна волюшка,
Одна волюшка, и та невольная.

Заѣдутъ звать гостей. Когда впускать ихъ въ сѣни, онѣ кланялись за порогомъ и пѣли:

1745.

Покорно благодаримъ Т. Осиповна,
Что отперла скоро намъ новую горенку,

Не познобила меня съ милымъ подружкамъ,
Съ милымъ подружкамъ во новыхъ саняхъ!
Назябнусь я, молодешенька, у чужова батюшки,
У чужова батюшки, у чужой матушки.

Войдя въ избу онѣ пѣли хозяйкѣ:

1746.

Позволь, свѣтъ Т. Осиповна,
Къ моему батюшкѣ на бесѣдушку,
Ко мнѣ, къ дѣвушкѣ, къ дубову столу.

Хозяйка падѣляла невесту повоемъ. Тоже пѣли вездѣ, куда заѣзжали. Сирота ѣздила *по матку* и *по батку* на погостъ. Пойдутъ въ церковь, помолятся, а потомъ идутъ на могилку: невеста плачетъ голосно, что придетъ на умъ, а подружки поютъ:

1747.

Вы завѣйте, вѣтры буйные,
Вы развѣйте всѣ желтыя пески!
Ты раскройся, мать, сыра земля,
Отворися гробова доска!
Ты возстань, мой родной батюшка,
На свои на скоры поженъи!
Ты раскрой свои очи ясныя,
Погляди ты на меня, сиротинушку,
Своимъ очамъ яснымъ!

На вечеринкѣ, какъ только, бывало, дружка посадить жениха за столъ, дѣвушки запоютъ:

1748.

Боже, благослови, Христось,
Игру заигрывать,
Игру свадебную!
Боже, благослови, Христось,
Столы разставляти!
Боже, благослови, Христось,
Скатерти разстилать!
Боже, благослови, Христось,
Хлѣбъ-соль на столы нести,
Ѣства сахарныя, меды обарныя!

Затѣмъ садилась за столъ невѣста съ подружками, крестной матерью и гостями и пѣвицы начинали пѣть по порядку величальныя пѣсни:

Жениху.

1749.

«Дородный молодецъ, Михаилъ Андреевичъ!
Скажи, пожалуй, намъ про свою про матушку.
Про свою про матушку, про свою родимую:
Какъ зовутъ по имени, величаютъ по отчичъ,
Величаютъ по отчичъ, по великому чину?»
— «Зовутъ ее по имени да Александрю,
Величаютъ по отчичъ да свѣтъ Яковлевной:
У ней тѣло бумажное, кости лебединая,
Жемчуги скатные голову обломилъ,
Сережки яхонтовы—лицо разгорѣлося,
Самоцвѣтны каменья—весь теремъ освѣтили,
Монисты золоты—бѣлу шею ломили,
Башмачки парчевы, скобки золочены;
Ковали скобушки въ Ярославль городѣ,
Золотили скобушки посередь красной Москвы,
Во Псковъ привозили, въ ряды выносили,
Въ ряды выносили, цѣну накладали;
Никто на скобушки цѣны не паложилъ,
Только цѣну паложилъ мое милое дитятко:
Даетъ за скобушки и сто, и тысячу,
И сто и тысячу, и стольные города,
И это тыи скобушки моей родной матушки,
Моей родной матушки, Александры Яковлевны:
Пусть, пусть, красуется моя родна матушка
По пирамъ, по бесѣдамъ, по дѣвичьимъ вечерамъ,
Пусть, пусть, дивуются всѣ князи и бояре,
Всѣ князи, бояре, всякіе люди розныя!»

Родной сестрѣ.

1750.

«Скажи мнѣ, пожалуй-ста, наша мила подружка,
Наша мила подружка, наша лебедь бѣлая,
Про свою сестрицу, про свою родимую:
Какъ зовутъ по имени, величаютъ по отчичъ,
Величаютъ по отчичъ, по великому чину?»
— «Зовутъ ее по имени Авдотьюшкой,
Величаютъ по отчичъ Ивановой:
У ней тѣло бумажное, кости лебединыя,
Походка кункина, поговорка бѣлкина,
У ней слово сто рублей, а другое тысячу,
Жемчуги скатные голову обломилъ,
Сережки яхонтовы — лицо разгорѣлося».

(Продолженіе какъ въ предыдущей).

Невѣсть.

1751.

Наша княгиня душа, Агафья Ивановна!
У нашей княгини души, Агафьи Ивановны,
Сережки яхонтовы—лицо разгорѣлося,
Монисты золоты—шею обломилъ;
У нашей княгини души, Агафьи Ивановны,
Тѣло бумажное, кости лебединыя,
Со бровей соболю бѣжить, со очей соволъ летить,
Повздоханье бѣлкино,—поговорка кункина,
Повздохнеть—въ сто рублей,
Проговорить—въ тысячу.

Батькѣ крестному.

1752.

Наша княгиня душа,
Агафья Ивановна!
Скажи намъ про батюшку,
Про слово про крестнова.
— «У меня свѣтъ батюшка,
Петръ Семеновичъ,
По любви позванъ,
Во чести посаженъ
За дубовы столыки,
За скатерти бранныя,
За питье медовое,
За ѣства сахарныя».

Передъ входомъ дружки и жениха.

1753.

Не буйны вѣтры понавѣяли, —
Незнакомые гости понавѣхали,
Новыя сѣни пообломилъ.
Чѣмъ-то мнѣ, молодешенькѣ,
Гостей потчивати?
Нѣтъ у меня пива, вина,
Меду ставленова.

Когда невѣста дарить гостей.

1754.

Пахала ¹⁾ Александра душа да троп сѣни:
«Не боюсь я гостей изъ Новогорода,

¹⁾ Мела.

Сидишь во большомъ углу, съ дороднымъ
молодцомъ;
Надъ вамъ Божія милость, подъ вамъ шптой
коверь;
Шила, вышивала, душа красна дѣвица. —
Кабы знала да вѣдала, что дородну молодцу,
Я-бъ шелковъ убавила, золотца прибавила.

1762.

Не продавай, братецъ, дорогой сестры!
Прости за сестрицу и сто, и тысячу,
И сто, и тысячу, и стольные города!
Здравствуй, братецъ свѣтъ, да продавши сестру,
Съ главнымъ городомъ, да съ шелашкою,
Съ добрымъ домикомъ, да съ дубиною!

1763.

По сѣнямъ было, по сѣнничкамъ,
По частымъ переходничкамъ,
Да тутъ ходила, гуляла,
Тутъ гуляла красна дѣвица
Она ходючи, погуливала,
Своего дружка побуживала:
«Ахъ ты встань-ко, проснись, молодецъ,
Пробудись душа, отецкй сынъ!
Оторвался твой добрый конь
Отъ тово столба точенова,
Отъ колечка серебренова,
Отъ витова, позолоченова;
Онъ ворвался въ зеленой садъ,
Притопталъ онъ въ саду травушку,
Все зеленую муравушку,
И калину со малиною;
Черну ягоду смородину.» —
— «Ты не плачь, моя душенька:
Если Богъ насъ помилуетъ,
Государь насъ пожалуетъ,
Наживемъ сады зеленые,
И калину со малиною,
Черну ягоду смородину.»

1764.

Въ Окянѣ-городѣ трое новые ворота,
Къ тѣмъ ко воротничкамъ приходила дѣвица,
Приходила дѣвица, Авдотья Ивановна:
«Сторожа-ль вы, сторожа, сторожа молодые,
Пропустите меня, дѣвицу, къ Окяну-городу,
Къ Окяну-городу, за лѣса дремучіе,

За лѣса дремучіе, да къ Акаю-мѣсяцу,
Къ Акаю-мѣсяцу, да къ орлу подъ крылышко!»
У орла подъ крылышкомъ душа красна дѣвица.
«Сторожа-ль вы, сторожа, сторожа молодые,
Закладайте повозки, догоняйте корабли!
Вотъ вамъ по колечку, вотъ вамъ по доброму:
Первый корабличекъ со скатнымъ жемчугомъ,
А другой корабличекъ со златомъ, серебромъ,
А третій корабличекъ съ душой красной дѣвицей;
Вы злато, серебро, по себѣ раздѣлите,
Вы скатны жемчуги по женамъ развѣсите,
А душу красну дѣвицу вы мнѣ пожелайте!»

1765.

Мила теща мила зятя у себя ночевать унимаетъ:
«Есть у меня кроваточка тесовая,
Кроватка тесовая и перинка пуховая,
Перинка пуховая, одѣяло собольное.»
— «Не почую, не почую: меня матушка ожидаетъ,
Меня матушка ожидаетъ, широки ворота
отворяетъ,
Широки ворота отворяетъ, пухову перину
растилаетъ.»

1766.

«Княгиня молодая! Скажи намъ, пожалуй-ста,
Про своево про братца, про своево вѣнчальнаго,
Какъ зовутъ по имени, величаютъ по отчнѣ,
Величаютъ по отчнѣ, по великому чину?»
— «Зовутъ его Михайломъ, величаютъ
Алексѣвичемъ.»

Зашла туча да сахарная,
Выпала роса среди терема,
Среди терема свѣтъ Александрина,
Слышучи холостова братца, не женатова:
«О чемъ ты, братецъ свѣтъ, да не женишься?
Или твоя богосужная да не выросла?
Или у тебя бѣлоярый хмель да повывелся?
Или у тебя солоды да не выросли?
Или росли, росли, да переросли?»
— «Росла богосужная, да и замужъ пошла. —
Остались у насъ дѣвушки что ни лучшія.
Зайди ты къ намъ, братецъ свѣтъ, за завѣсу,
Выбери изъ сорока что ни лучшую,
Какъ тонка, висока, какъ бѣла, румяна,
Какъ очамъ быстра, какъ бровямъ черна,
А обычай, разума, мы не вѣдаемъ.
Охвочъ ты, братецъ, да во рынкѣ гулять,
Зайди ты, братецъ свѣтъ, во шелковый рядъ,
Купи ты, братецъ свѣтъ, шелковую плетъ,

Устегни ты богосуженую по бѣлу тѣлу,
Обичья, разума, ты ея увѣдаешь.
Благодарствуй, братецъ свѣтъ, на твоихъ
подарочкахъ,
Намъ не дороги дары, намъ дорога честь твоя,
Поклоны низкіе, словеса пріятны.
В' умнаго батюшки и дитя умно:
Научивши дитя и въ пиръ пустилъ.»
— Не успѣли пѣсни спѣть, намъ дары песуть,
Намъ дары песуть, намъ величіе.

Опѣвають холостого.

1767.

«Молодая барыня, Александра Яковлевна!
Скажи мнѣ, пожалуй-ста, про своево про братчика,
Про своево про братчика, про своево вѣнчальнаго:
Ево какъ по имени величать, по отчинѣ,
Величать по отчинѣ, по великому чину.»
— «Вовутъ его по имени Иванъ Васильевичъ.
Взошла туча да сахарная,
Выпала роса среди терема,
Слышучи холостова братца, не женатова:
«Отъ чего ты, братецъ свѣтъ, да не женишься?
Жаль намъ тебя—изгуляешься:
Сиръ молодой да по блюдечкамъ,
Сладкій медъ да по бутылочкамъ,
Зелено вино да по шляпочкамъ,
Винны ягоды по тарелочкамъ.
Или твоя богосужная да не выросла,
Иль росла, росла, да переросла?»

(Окончаніе какъ въ предыдущемъ №).

Въ концѣ овѣда жениха, когда подадутъ гуся и об-
носятся виномъ гостей.

1768.

Ягода со ягодой сокатила.

..... 1)
Александра душа, да гдѣ-жь ты была? —
Яхонтѣвъ, Василій князь, во твоёмъ саду,
Виноградъ щипала въ твою шапочку.
Дѣвицы-игрицы, души красны дѣвицы!
Или вы не знаете, кто возлѣ меня,
Кто стоитъ возлѣ меня да по правую сторону?
Стоитъ возлѣ меня дорожный молодецъ,
— Дорожный молодецъ, Иванъ Васильевичъ,
Онъ по улущей идетъ, что буетъ вѣтеръ вѣть.

1) Записавшій, видно, пропустилъ здѣсь цѣлый стихъ.

1769.

Катился виноградъ да по загородью,
Дружка ведетъ молодова князя да по застолю,
Вевши его, да на мѣсто сажалъ,
На мѣсто сажалъ, серебромъ надѣлялъ,
Серебромъ надѣлялъ, Божьей милостью.

1770.

Сиди ты, мила подружка, остереживайся!
Возлѣ тебя сидитъ сорви-вѣнокъ,
Сорви-вѣнокъ и згай-голова
Згай-голова и разсыпъ-коса.
Не держи, князь молодой, снѣгу за рукавами,
Не осыпай головушки Агаѣиной:
Была головушка, какъ масть черна,
Стала головушка, какъ снѣгъ бѣла.

1771.

Тихо вы, бояре, снаряжаетесь,
Позднего вечера дожидаетесь,
Ночь темна, да не мѣсячна;
Не портьте, бояре, типариса дерева,
Типарису дереву три угоды надобны.

1772.

Выйду-ль я, сирота, на крутой крылецъ,
Обопрусь я, сирота, объ перилочки,
Я крикну, сирота, громкимъ голосомъ,
Отголоски я пушу въ темны лѣса,
Изъ темныхъ лѣсовъ пушу ко Божьей церкви,
Что къ родимому, родному батюшкѣ,
Чтобъ снѣжили ко мнѣ на сиротину свадьбу.

1773.

«Не сиди, матушка, у долгова ипра!
Снаряжай свадьбу Михайлову!»
— «У меня свадьба сонаряжена:
Сорокъ варей пива сварено,
Сорокъ курей вина скурено,
Сорокъ печей пироговъ спечено,
А что больше того, мелкихъ пражнецъ.»

На могилѣ.

1774.

Вы развеите, вѣтры буйные,
Разнесите вы, пески желтые,
Ты раздуйся, мать, сыра земля,
Разшенися, гробова доска,
Размахнитесь, ручки бѣлыя,
Прогляните, очи ясныя!
Я пришла къ тебѣ просить не имѣньяца,
Не имѣньяца, не богатства, —
Я пришла къ тебѣ просить благословенія:
Благослови меня, батюшка, ко суду Божию пойти:
У суда Божья мнѣ стоять страшишенько,
У золота вѣнка скоры ножки ломаются,
Ретиво сердце ужахается.

1775.

Вдова молодая, жена богомольная,
Охвоча вдовушка къ заутренѣ ходить,
Ко заутрени ходить и Богу молиться:
Первый разъ я молилась о своемъ здоровьи,
А второй разъ молилась о любимыхъ дѣтушкахъ:
Создай, Господи, много Божьей милости,
Много Божьей милости супротиву добраго!
Не крапъ, не крапъ, дождецъ маленькой!
Не обмочи шубы соболиныя на вдовѣ молодой!
Благодарствуй, матушка, на твоихъ подарочкахъ!

Вѣнчальнымъ отцу и матери.

1776.

«Княгиня молодая! Скажи намъ, пожалуй-ста,
Про свою батюшку, про свою вѣнчальнаго,
Какъ зовутъ по имени, величаютъ по отчичѣ,
Величаютъ по отчичѣ, по великому чину?»
— «Зовутъ Дмитріемъ, величаютъ Семеннычемъ:
Онъ по удушкѣ идетъ, какъ буетъ вѣтеръ вѣетъ,
У воротъ колотится, будто туча грозная,
По круту крыльцу идетъ бѣлымъ горностаюшкомъ,
Въ новы сѣни идетъ дорожнымъ молодцомъ;
Противъ раю раменье, растворилась горница,
Растворилась горница—дубовая столовая.
Выходила изъ горницы его молодца жена,
Молода боярыня, Марья Семеновна,
За ручку принимала, въ уста цѣловала,
Въ уста цѣловала, душой называла,
Душой называла, сама слово молвила:
«Поди, мой душенька, дородный молодецъ,
Дородный молодецъ, Дмитрій Семеновичъ!

Куда же ты ѣздишь, куда Богъ носилъ?»
— «Ѣздишь я, душенька, съ города да по городу,
Закупалъ я, душенька, куницы да соболи,
Куницы да соболи и бобры осистые,
И бобры осистые, кораблями по морю.
Я за стрѣчу добрую сошью тебѣ кунью шубу,
Я за слово ласково сошью тебѣ златъ перстень.»
— «Я за тотъ золотъ перстень рожу сына съ дочерью;

Надо сыну съ дочерью колыбель зыбучую,
Колыбель зыбучую, на цѣпяхъ бревучую.»
— Благодарствуй батюшка на твоихъ подарочкахъ:
Намъ не дороги дары, дорога честь твоя,
Поклоны низкіе, словеса привѣтливы.

Сиротѣ.

1777.

Рѣчен-ль мой, рѣчущи!
Вы течете, не сколыхнетесь,
По бережку не разлѣтятся.
Съ желтымъ пескомъ не размутитесь.
Наша мила подружка сидитъ не улыбнется. —
Глядитъ—не усмѣхнется.
Отъ чего мнѣ смѣяться?
У меня полонъ дворъ да каретъ стоитъ,
Полна горница да гостей сидитъ,
А всѣ у меня гости званые,
Родимые, любимые,
И всѣ званые, родимые,
Одного лишь гостя нѣтъ, какъ нѣтъ,
Одного гостя любимова,
Мово батюшки родимова.
Вы, сестрицы мои, ластушки!
Вы пойдете-ко Божьей церкви,
Вы ударьте трижды въ колоколъ
Побудите мово батюшку,
Вы скажите мому батюшкѣ,
Что не красна моя свадьба:
Отпустить-то меня есть кому,
Надѣлать-то меня не кому.

Когда повѣзжане привѣзжаютъ къ невѣстѣ.

1778.

«На чемъ ты, друженька, поле ѣзжалъ?»
— «Изъѣзжалъ я, красны дѣвушки, на добромъ
Конь подо мною да въ сто рублей, [копѣ].
Плеть да узда—что въ тысячу,
А самому друженькѣ цѣны нѣтуту.

Если хорошо дарить за величанье.

1779.

Благодарствуй, друженька, на твоихъ подарочкахъ:
На сладкихъ пряничкахъ, на сахарныхъ яблочкахъ,
На сахарныхъ яблочкахъ, на орѣшкахъ

шелканцахъ;
Намъ не дороги дары, дорога намъ честь твоя,
Поклоны низкіе, словеса привѣтливыя:
Сулишь алтынами, даришь полтинами,
А намъ гривна-золота дѣвкамъ на бѣлилички,
А другая серебра дѣвкамъ на румянички.

Если худо дарить за величанье.

1780.

Вечеръ ты, друженька, у насъ ночевалъ,
У насъ ночевалъ, да блинъ укралъ.
Ты блинъ укралъ, да жены сослалъ.
Не подымай, друженька, высоко головы,
Не считай ты, друженька, на печи пироги!
У насъ пироги не про васъ печены,
Печены пироги да про своихъ гостей!
Благодарствуй, друженька, на твоихъ подарочкахъ:
Сулишь полтиной, даришь алтыномъ;
Ужъ тебѣ тыи деньги да не скопите,
И жепѣ ферезей да не купите,
И жепѣ ферезей да не носите.

Когда невѣста сидитъ за столомъ до вѣнца.

1781.

Расплаталась въ саду грушенька,
Какъ расплакалась Авдотья душа,
Передъ матушкой стоячи:
«Ты, родимая матушка!
Что пельзя-ль думу отдумати?
Что меня замужъ не выдати!»
— «Мнѣ пельзя думу отдумати:
По рукамъ у насъ ударено,
Въ росписяхъ у насъ написано.

Когда отецъ и мать крестные невѣсты чешутъ
ей голову.

1782.

На синемъ на морѣ двѣ утки плавали, —
Въ высокомъ теремѣ двѣ сестрицы плакали,

Александра плакала, а Марьюшка тѣшила:
«Не плачь, сестрица душа, не плачь, родимая!
Ты снеси свою красу на березу бѣлую,
На березу бѣлую, на кудряво дерево!»

Когда мать чешетъ голову невѣсть.

1783.

Государыня ты, родимая матушка!
Учеши мою буйную головушку! —
Учесала-бъ я сама буйную головушку,
Я-бъ сама заплела русу косу:
Мои бѣлыя ручки не здымаются,
Ретивое сердечушко ужахнулося,
Слышучи невзгоду великую.

1784.

Жемчужное челушко¹⁾ за шею гоняется,
За шею гоняется, за косу хватается,
Кругъ частая коса: ужо-ль ты моя? —
— «И то я не твою, а Божью да матушкина.»

1785.

Спасибо тебѣ, сестрица лебедушка,
Что учесала ты мнѣ буйну головушку,
И заплела ты мнѣ русу косу,
И заплевиши, мнѣ насмѣялася,
Будто я не умѣю головы чесать!

За столомъ, когда распустятъ косу невѣсть.

1786.

Вы раздайтесь, расшепитесь, люди добрые,
Что на всѣ ли, на четыре, на сторонушки!
Вы снесите мою красу да въ чисто поле,
Вы повѣсьте мою красу на березу бѣлую,
На березу бѣлую, на кудряво дерево:
Пускай-пустъ, красуется береза бѣлая,
Береза бѣлая, кудряво дерево,
Пускай дивуются всѣ князи, бояре,
Князи, бояре, господа посадскіе,
Господа посадскіе, господа купечество,
Господа купечество, господа приказные,
Господа приказные, и вси люди разныя!

¹⁾ Лента.

Женихъ ведетъ невѣсту къ вѣнцу.

1787.

Увели, увели, нашу милу подружку,
Нашу милу подружку, нашу лебедь бѣлую,
Нашу лебедь бѣлую, дитю береженую,
Дитю береженую, калачомъ вскормлену,
Калачомъ вскормлену, и сытой выпоену.
Береги ты, князь молодой, нашу подружку,
Нашу милу подружку, дитю береженую,
Дитю береженую, калачомъ вскормлену,
Калачомъ вскормлену, и сытой выпоену:
Не давай печалиться, не давай кручиниться!

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

б) Деревенская свадьба Псковскаго уѣзда.

Рукобитые тоже, что и въ городѣ: также ставятъ на вывороченную шубу въ большомъ углу, благословляютъ и дарятъ. Во время сватовства отецъ невѣсты выговариваетъ у родственниковъ, или отца жениха, на покруту, т. е., на одежду невѣсты, рублей десять ассигнаціями; деньги эти привозитъ женихъ на рукобиты и отдаетъ отцу невѣсты. До рукобитья бываютъ «сгляднины». Прежде отъ рукобитья до свадьбы не было вечеринокъ, а нынѣ заводятся. На рукобиты женихъ привозитъ гостинцы: водку, пироги и проч.

Чины свадебные.

Дружка, со стороны жениха, всегда съ плетью подъ кушакомъ на правой сторонѣ, черезъ плечо утиральникъ. Это лицо завѣдываетъ свадебнымъ обрядомъ.

Тысяцкий — почетное лицо, вся обязанность его состоитъ въ томъ, что онъ ѣздитъ съ дружкой.

Вѣнчальный батѣка, вѣнчальная матка, сестры жениховъ и невѣстины. Батѣка съ маткою держатъ вѣнцы. Батѣка жениховъ долженъ заплатить за свѣчи, — невѣстинъ за вѣнчаніе. Матка вѣнчальная владетъ въ церкви подъ ноги молодыхъ, если богата, платокъ, а не то — поясъ, или кусокъ холстины. Послѣ вѣнчанья все поступаетъ въ пользу дьячкова.

Братъ жениха и невѣсты. Обязанность ихъ поднимать молодыхъ, когда они кланяются въ ноги, а сестры сидятъ около молодой, или молодого, и поютъ.

Со стороны невѣсты также бываетъ дружка,

который только отпуститъ невѣсту, а самъ остается дома.

Въ день свадьбы женихъ, имѣя на лѣвой рукѣ платокъ, подарокъ невѣсты, пріѣзжаетъ со всѣми гостями къ невѣстѣ; дружка впереди. Дружка жениховъ со всѣми поѣзжаками входитъ на крыльцо, а дружка невѣстинъ запираетъ дверь стѣной изнутри.

Дружка жениха стучится въ дверь и спрашиваетъ:

«Есть ли въ домѣ хозяинъ?»

Дружка невѣстинъ:

— На что тебѣ хозяинъ? Что вы есть за люди?

Др. ж.: «Мы люди пріѣзжіе, хотѣли здѣсь въ хозяйна лошадей покормить.»

Др. н.: — У насъ лошадей кормить негдѣ, а вотъ на краю деревни есть мужикъ богатый, Степанъ Кривой, у него дворъ большой, тамъ есть гдѣ покормить, а у насъ есть княгиня молодая: мы ждемъ князя молодого.

Др. ж.: «А мы тыи самые люди и есть: у насъ князь молодой, пріѣхалъ съ княгиней молодой повидаться.»

Др. н.: — А наша княгиня молодая по сипю морю гуляла и въ море золотые ключи опустила, отпереть-то двери нечѣмъ.

Др. ж.: «А нашъ князь молодой рыбку ловилъ и золотые ключи въ тенета поймалъ и къ невѣстѣ привезъ. Посмотрите-ко не ваши ли?»

Дружка невѣсты отпираетъ дверь и говоритъ: «Ну, показывайте-тка ключи!» Дружка жениха показываетъ бутылку съ водкой. Тутъ дружки пѣлуются, всѣ здороваются и на порогѣ пьютъ; дружка невѣсты также почтуетъ поѣзжаковъ водкой. (При поѣздѣ лошадей покрываютъ простынями, привязываютъ къ дугамъ колокольчикъ, а также убираютъ лошадей платками).

Входятъ въ избу. Въ избѣ столъ стоитъ поперекъ, т. е., противъ дверей, подъ краснымъ окомомъ, за столомъ сидятъ на лавкѣ, на подушкѣ, невѣста, по бокамъ ея двѣ подружки. Надъ невѣстою, на стѣнѣ виситъ образъ наѣвѣнный, передъ нимъ свѣчка, вокругъ образа повѣшено полотенце на гвоздикахъ.

Подружки невѣсты поютъ свадебныя пѣсни.

Въ день вѣнчанья.

Дружка, обращаясь къ подругамъ невѣсты, говоритъ: «Вы, дѣвушки, опорожните мѣсто, выдайте намъ молодую!»—«У насъ молодая дорога, стоитъ сто тысяча».—«У насъ не за деньгами дѣло»; вынимаетъ деньги и кладетъ на блюдо, или на столъ.—«Нѣтъ, этого мало!» Дружка прибавляетъ денегъ. Когда торгъ конченъ, дружка подноситъ дѣвушкамъ водки и даетъ на закуску пряниковъ. Дѣвки возьмутъ деньги, потомъ охватятъ молодую, поютъ и плачутъ, цѣлуются и прощаются. Послѣ этого дѣвки отходятъ въ сторону. Дружка впередъ ведетъ жениха по лавкѣ за руку, а братъ его несетъ, также по лавкѣ, подушку, а сзади ихъ по лавкѣ скачутъ. Невѣста встаетъ и стоитъ за столомъ, а отецъ ставитъ жениховъ образъ къ невѣстному и зажигаетъ свѣчи. Дружка беретъ отъ брата невѣсты подушку, кладетъ ее на невѣстницу, и садится на эти подушки. Тутъ отецъ невѣсты долженъ попотчивать его водкой, при чемъ онъ встаетъ, бьетъ плетью крестообразно подушки три раза и сажаетъ на нихъ жениха и невѣсту. Выѣхавъ съ тѣмъ все гости садятся за столъ, предварительно подымаясь и опускаясь три раза. Тутъ ихъ потчуютъ водкою, пирогами, пивомъ и чѣмъ Богъ послалъ; дѣвки поютъ и опѣваютъ, сперва жениховыхъ поѣзжанъ, а потомъ и прочихъ гостей.

Женихъ расплетаетъ косу (узы), снимаетъ ленту-косоплетку, кладетъ ее на блюдо. Старшая подружка поситъ красу три раза взадъ и впередъ къ двери и потомъ отдаетъ ее родной матери. Кто нибудь изъ родственницъ подноситъ дары невѣстныи жениху и всемъ его поѣзжанамъ по очереди, говоря: Вамъ вершокъ, а намъ корешокъ, забираетъ все блюда, каждый кто беретъ назначенный подарокъ, кладетъ деньги.

По окончаніи этой обрядности дружка выводитъ жениха, а женихъ невѣсту къ образамъ, молится Богу, благодаритъ хозяйина за хлѣбъ-соль. Дружка ведетъ жениха и невѣсту подъ полку, ставитъ ихъ лицомъ къ двери, самъ становится противъ нихъ и бьетъ въ полку плетью и говоритъ: «Во свѣтлой свѣтлицы, во столовой горницы, за дубовыми столами, за брашными скатертями, за ѣствами сахарными, за медами обарпыми, есть ли у нашей княгини молодой батюшка родной (имя)? Отецъ откликается: «Есть!»—Дружка: «Батюшка (имя) родной! Могъ ты своего милаго дитя воспоить и воскормить и пуму-разуму научить, то мого теперича простить и благословить и золотой казной надѣлать, и въ дальню путь-дороженьку отпустить, со своимъ богосуженымъ къ золоту вѣнцу!» Отецъ выходитъ, бе-

ретъ хлѣбъ съ солью, а также образъ невѣстникъ, и благословляетъ жениха и невѣсту. Они перекрестившись, цѣлуютъ образъ, кланяются отцу и матери въ ноги и цѣлуются. Мать беретъ хлѣбъ-соль и кладетъ въ сундукъ съ приданнымъ. (Приданое везетъ братъ, или кто нибудь изъ родственниковъ невѣсты, когда невѣста съ женихомъ поѣдутъ къ вѣнцу). Они садятся на сундукъ, приѣзжаютъ къ дому жениха и не отдаютъ приданого, пока ихъ не попотчуютъ. Дѣвки опѣваютъ ихъ.

Женихъ и невѣста выходятъ, дружка сажаетъ ихъ на сани и они выѣзжаютъ за околицу. Дружка оставляетъ ихъ и всехъ поѣзжанъ въ полѣ съ батькой, или тысяцкимъ, а самъ поворачиваетъ свою лошадь назадъ, приѣзжаетъ къ свату (отцу невѣсты) и проситъ его и *кошниковъ* (слѣпыхъ) въ гости къ жениху: «Просимъ покорно къ нашему князю молодому хлѣба-соли покушать, бѣлаго лебеда порушать». Дружку и батьку потчуютъ водкою. Тогда дружка возвращается къ поѣзду, обходитъ три раза вокругъ своего поѣзда и, подойдя къ своей лошади, вырываетъ изъ гривы клочекъ волосъ, плетью креститъ три раза дорогу и кладетъ клочекъ волосъ подъ жениха. Во время ѣзды бабы поютъ. Въ деревняхъ, гдѣ поѣздъ проезжаетъ запираютъ ворота, дѣвки деревенскія опѣваютъ жениха, имъ даютъ деньги, а мужикамъ водку, чтобы отворили ворота (на дорогѣ вѣники, солома, огонь). Дружка вводитъ въ церковь жениха, а женихъ невѣсту. Послѣ вѣнчанья matka родная повязываетъ невѣсту повойникомъ въ церкви, или въ хатѣ за занавѣсомъ, а женихъ въ это время сидитъ на лавкѣ. Затѣмъ ѣдутъ домой.

Жениха и невѣсту дѣвки встрѣчаютъ съ пѣснями, отецъ и мать встрѣчаютъ молодыхъ съ образомъ, въ вывороченныхъ шубахъ, отворяютъ ворота, выпускаютъ во дворъ, осыпаютъ жениха, невѣсту и поѣзжанъ хмелемъ и житомъ. Молодыхъ ведутъ въ подѣзбицу, или во хлѣвъ, гдѣ приготовлена постель: тамъ ихъ кормятъ. Гости же садятся за столъ, и въ половинѣ стола дружка приводитъ жениха и сажаетъ его за столъ на мѣстѣ, надъ которымъ висятъ надѣльные образа и горятъ свѣчи, и говоритъ: «Батюшка и матушка! Любо ли вамъ приведеніе мое?» Отецъ жениха говоритъ: «Мнѣ любо, но нужно посмотреть». Дружка: «Право имѣешь посмотреть». Отецъ беретъ кнутъ, снимаетъ кнутомъ покрывало, обводитъ его три раза вокругъ головъ молодыхъ и бѣжитъ съ платкомъ за двери. Гости стараются отплатить платокъ. Если это имъ удастся, то отецъ долженъ ихъ попотчивать, и тогда ему отдаютъ платокъ. Дѣвки начинаютъ опѣвать молодыхъ и по-

бѣжать невѣстныхъ. Одна дѣвка подходитъ къ опѣтому съ блюдомъ. Тотъ говоритъ: «Надо по-ровнять полъ». Дѣвка одна, или съ кѣмъ либо изъ гостей, пляшетъ; потомъ опѣтый даетъ деньги; его снова опѣваютъ съ благодарностью, или брабью, смотря по количеству денегъ. По окончаніи стола дружка ведетъ молодыхъ въ опочивальню. Баба, которая стлала постель, ложится туда сама и не пускаетъ молодыхъ, пока молодая не подаритъ ее чѣмъ либо. Молодая разуваетъ мужа, тотъ не даетъ спимать сапоговъ (загнетъ пальцы вверхъ); она кланяется ему въ ноги.

Утромъ молодыхъ будятъ, къ перехватѣ, потчуютъ всѣхъ блинами, печъ которые заставляють молодую. Она кланяется свекрови, или невѣстѣ, въ ноги, чтобы та спекла, и даритъ ей за это повойникъ. Затѣмъ молодая ходитъ за водой. Ей проливаютъ воду,—она отдаривается. Поѣвши блиновъ, дружка поставитъ молодыхъ подъ полку на солону, лицомъ къ столу, беретъ плетъ, а братъ жениха становится съ тарелкой, а кто либо изъ родственниковъ съ пивомъ, или съ водкой. Дружка колотитъ плетью объ полку и призываетъ отца женихова. Отецъ входитъ. Дружка: «Батюшка родной (имя)! У нашего князя повобрачнаго и княгини повобрачной головка съ низкимъ поклономъ, пожен съ подходомъ, ручки съ подносомъ (кто держитъ, наливаетъ водку, или пива): просимъ покорно рюмочку принять и выкупать и донушко позолотить». Отецъ беретъ рюмку, прикушаетъ и говоритъ: «Ребята, горько!». Молодые цѣлуются: «Дай-ко и мнѣ помолодѣть». Молодые цѣлуютъ и его, кланяются въ ноги и лежатъ. Дружка спрашиваетъ у отца: «Не было-ль у тебя какого-гору?» Отецъ рассказываетъ, какъ ѣздилъ къ отцу невѣсты сватать, какъ доставалъ деньги у С., какъ упрасивалъ попа, потомъ, въ заключеніе, говоритъ: «Больше не было горя: вставайте, молодые!» Они встають. Онъ кладетъ деньги въ рюмку; братъ вытряхиваетъ деньги на блюдо. Потомъ дружка призываетъ такимъ же образомъ и мать, и гостей, изъ коихъ каждый поступаетъ такимъ же образомъ. Когда всѣхъ выклипнутъ, братъ отдаетъ всѣ собранныя деньги жениху, или невѣстѣ. Потомъ слѣдуетъ обѣдъ (поклонный столъ), по окончаніи котораго всѣ разѣзжаются по своимъ домамъ. За поклоннымъ столомъ, на отца или мать, крестныхъ надѣваютъ хомутъ; родные отецъ и мать здѣсь не бывають.

Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы молодые съ родными своими ѣдутъ къ отцу молодой. За обѣдомъ последнее кушанье, яичница, ставится передъ молодымъ, и если молодая оказалась нечестною, то онъ вырѣзаетъ посрединѣ

этой яичницы дырку, въ которую и плюнетъ. На другой день молодые возвращаются съ родными невѣсты къ молодому на «переводнищъ», гдѣ и пируютъ весь день, иногда и почуютъ.

Свадебныя пѣсни той же губ., разныхъ уѣздовъ.

1788.

Боже благослови, Христосъ,
Игру заигрывать,
Игру свадебную,
И хлѣбъ-солъ на столъ нести,
И князя за столъ вести!

За столомъ, на сговоръ.

1789.

Не ешь въ бору зашаталася,—
Дочка къ матери снаряжалася,
Она тремъ мыламъ вымывалася,
Первымъ мылчicomъ
Со бѣлплчicomъ,
Вторымъ мылчicomъ
Со румянчicomъ
Третьимъ мылчicomъ
Со горячимъ слезамъ.

Въ домъ жениха.

1790.

Родимый батюшка!
Приманись къ сыну своему родному,
И учеси его гладкую годовушку!
У меня ли, у молодца,
Руки не здымаются,
Сердце ужахается.

Всѣ 3 деревни Остенко, Пск. у.

1791.

«Дородень молодецъ,
Нашъ князь молодецкій!
Смѣть ли у тебя спросить,
Изволишь ли говорить,
Про свою братца вѣнчальнаго?
Какъ звать по имени,
Взвелчтать по отчипѣ?»
— «Его зовутъ Петръ Ивановичъ.»

Когда жениха благословляют его родители.

1792.

Благословлялось солнышко
У свѣтла мѣсяца, —
Благословлялся князь молодой
У родного батюшки.

Обѣ прихода Кривичи (Псковск. у.).

Въ домѣ жениха, передѣ тѣмъ, когда вхаты за
пѣвѣстой въ церковь, дружка говорить тѣмъ дѣ-
вицамъ, которыя собравшись опѣвать:

1793.

Въ чесномъ дому,
Въ чесномъ пиру,
Въ чесномъ пированьи,
Во свѣтлой свѣтлицѣ
И во свѣтлой горницѣ,
Вы, красныя дѣвицы,
Хорошія пѣвицы,
Пирожныя мастерицы,
Не шумите,
Не гамоните,
Потихоньку говорите!
Дай мнѣ, дружкѣ,
Вѣрному служебѣ,
Слово вымолвить.

(Тамъ же).

Когда женихъ уже на дворѣ невѣсты.

1794.

Вскочила и выбѣгла
Теща ласковая,
Вынесла братишку¹⁾
Пива пѣпаго:
Вылей пиво,
Копю на гриву!

Когда женихъ входитъ въ избу.

1795.

Почернѣлъ на головушкѣ,
Золотой вѣнокъ²⁾

Алы ленточки.

Они слышучи непогодочку:
Что быть моей головушкѣ
Расчесанной,
А русой косѣ
Поразсыпанной.

Когда женихъ идетъ въ сѣни дома невѣсты.

1796.

Матушка! Бьется соколъ,
Въ избу летучи,
Съ горенки до горенки,
Переходы лежатъ,
По этѣмъ переходичеамъ
Бояре ишли, все бояре,
Все бояре молодые,
И молодежь все хорошая:
Бояре въ бархатѣ,
Самъ князь въ золотѣ.

Когда женихъ входитъ въ избу, невѣста съ по-
дружками плачетъ слѣдующими словами:

1797.

Не гости къ намъ идутъ и не пріатели,
Идутъ къ намъ злодѣи и разлучники,
Разлучаютъ меня съ отцомъ съ матерью,
Съ отцомъ, съ матерью, съ родомъ племенемъ,
И увозятъ меня невѣдомо куда.

Въ домѣ невѣсты.

1798.

Не стой, друженька, долго въ терему!
Не зноби друженька, бояръ во полѣ!
Намъ не жалъ бояръ во полѣ,
Только жалъ молодого князя:
Нашъ князь перезябъ, передрогъ,
А княгиня наша переплакалась.

1799.

Не видали-ль дѣвушки,
Какъ соколъ тучей влетѣлъ,
Сободемъ по лавкѣ ишелъ,
Молодцомъ на мѣсто сѣлъ?

Всѣ 6 Псковскаго уѣзда, прихода
Кривичи.

¹⁾ Чару, большую кружку.

²⁾ Лента съ газомъ: ее носить въ Псковскомъ
уѣздѣ всякая дѣвица крестьянка.

1800.

На горѣ лужокъ зеленешенецъ,
У меня дружокъ молодешенецъ;
Пойдемъ, дружокъ, веселимъ дружокъ:
Ты со гуслими, а я съ ладушками:
Не быть гуслимъ противъ ладушекъ,
Не быть свекру противъ батюшки.

Деревня Остенко.

1801.

Быль бы за завѣсой,
Цѣловаль боярыню,
Цѣловаль боярыню
Въ лѣву сторону:
Воротися, князь молодой,
Поцѣлуй во правую!

Талабской островъ.

1802.

Дородный добрый молодецъ!
Не дари меня, молодешеньку, дорогимъ даромъ.
Боюся принимать роднаго батюшки,
Онасаюся родной матушки.

Тамъ же.

1803.

Не пей, ты милая подружка, княжова меду!
Княжовъ медъ обманчивъ живетъ;
Лучше пропей свой золотъ вѣнокъ:
Золотъ вѣнокъ мы опять наживемъ,
А тебя, милой подружки, намъ и вѣкъ не пажить.

Псковскаго уѣзда.

1804.

Не въ золоту ли трубочку я трубила?
Свекоръ батюшка по снѣчкамъ гуляетъ,
Любиму невѣстущку свою пробуждаетъ:
«Пора тебѣ, невѣстущка, вставати,
Пора, время, бѣлый день полоти!»
— «Полоть мнѣ, батюшка, не съ кѣмъ:
Тебя ли позвать, ты не пойдешь,
Хоть и пойдешь, ничего не наработаешь
На межушекъ больше ты пролежишь.

Тамъ же.

1805.

Не стой, друженька, долго въ терему,
Не здымай, друженька, высоко головы,
Не мечай, друженька, пироговъ на печи:
У насъ пирога не про васъ печены,
Не про васъ печены, а про своихъ гостей.

Когда молодые ѣдутъ съ погоста.

1806.

Потихоньку, бояры,
Съ горы спускайтесь:
Не споткнулся бы конь вороной,
Не свалился бы князь молодой,
Не свалился бы шапочка
Съ буйной головушки,
Не уронилъ бы плетушки
Съ правой руки.
Мой братецъ миленькій,
Голубчикъ бѣленькій!
Возьми правую возжу,
Возьми въ лѣвую руку,
Приударь добраго коня,
При пути-дороженьки,
При широкой улицы,
Чтобы добрые копи разбѣжались,
А люди бы сдивовались!

Когда молодые придутъ ко двору.

1807.

У нашего князя
Дворы широкіе,
Терема высокіе;
У нашего князя
Много пива варено,
И вина накурено.
«Любо-ль тебѣ, матушка,
Приведенье мое?
Любо, такъ на дворъ пусти,
А не любо, назадъ отошли!»
— На жениховомъ дворѣ
И черна смородушка:
Налетать лебедушки,
И клюють смородушку;
Одна лебедушка
Не клюетъ смородушки;
Пала лебедушка
Въ тоску, кручиннушку,
По своей по волюшкѣ,
По родимой сторонущкѣ,

Когда молодые входят на крыльцо и ихъ осматриваютъ житомъ.

1808.

Дружка идетъ,
И князя ведетъ;
Князь идетъ,
И княгиню ведетъ;
Позади княгини
Посыпальня сестра,
Сыплеть она,
Посыпаетъ она,
И житомъ, и хмелемъ:
Пусть отъ жита—
Житъе доброе,
А отъ хмеля—
Весела голова!

Когда молодыхъ вводятъ въ избу, дѣвицы поютъ молодой:

1809.

Поди-тка нѣженка,
Поди-тка дrochenка,¹⁾
Нѣжѣха батюшкина,
Дроchѣха матушкина!
Ужо-ль ты выпнѣжелась?
Ужо-ль ты выдрочелась?
Про тебя, про нѣженку,
Трои жерны новыя,
Про тебя, про дrochenку,
Ведры дубовыя.

Выпчальному брату, если онъ не женатый.

1810.

Зашла туча сахарная,
Пала роса среди терема,
Слышати братца не женатаго:
«Что ты братецъ долго не женишься?
Ты даромъ сгуляешься;
Или у тебя богосуженой нѣтъ?
Росла твоя богосуженая,
Росла и переросла,
И замужъ пошла.
Зайди, завернись, къ намъ,
Во дѣвичій рядъ,
И выбирай изъ насъ,
Изъ сорока, самолучшую!»

¹⁾ Глаженая, ласковая.

1811.

На дворѣ матушкинъ что ни дождь, ни роса,
Въ теремѣ мила теща бояръ дарила,
Бамкой, тафтой, золотой парчой,
Милаго зятя вѣковѣчнымъ даромъ,
Вѣковѣчнымъ даромъ своей дочерью!

Тамъ же.

1812.

Нашъ князь молоденькой!
Скажи намъ про своего братца,
Про братца, про гостиньку,
Что-жъ холостъ и долго не женишься?
Али тебѣ, молодцу, жена не выросла?
Приходи къ намъ за завѣсы,
Мы дадимъ тебѣ красавицу;
А какъ въ твое братца
Голова кудрявая,
Вилися кудерцы
Черезъ право плечико.

Тамъ же.

Когда просватанная дѣвушка идетъ на могилу
родительскую со своими подружечками.

1813.

Ахъ, вы свѣтъ, мои сестрицы,
Милы подружки!
Мы пойдемъ-те-ка, сестрицы,
Да на улупку!
Вы идете-ка, сестрицы,
Не спѣшитесь,
Вы слѣдочки-то кладите
По частешеньку,
Засыпайте вы слѣдочки
Злой кручинушкой,
Заливайте вы слѣдочки
Горючимъ слезамъ!
Мы пойдемъ-те-ка, сестрицы,
Ко Божьей церкви,
Мы помолимъ-те-ся, сестрицы,
Всѣмъ святителямъ,
Мы поклонимъ-те-ся, сестрицы,
Всѣмъ родителямъ,
И государю моему,
Родному батюшкѣ.

Когда дружка покупаетъ невѣсту у ея брата.

1814.

Ты не плачь, не тужи, мила подружка,
Не плачь, не тужи, наша лебедь бѣлая!
Въ тѣ поры наплачешься,
Когда будетъ братъ коня сѣдлатъ,—
Тогда плачь, приплаживай,
Ко стременамъ припадывай:
Ты, мой братецъ миленькій,
Сизъ голубчикъ бѣленькій!
Не продавай, братецъ, дорогой сестры!
Проси за сестрицу и сто и тысячу,
И сто, и тысячу: и столичны города!
Не мечись, братецъ, на орѣшки щелканцы,
На орѣшки щелканцы, на червивыя яблочки.

Когда братъ продаетъ сестру дружке, последний
сажаетъ ее съ женихомъ, а дѣвушки поютъ:

1815.

Здравствуй, братъ дорогой,
Продавши сестру,
За орѣшки щолканцы,
За червивыя яблочки,
Со кривымъ конемъ,
Со дубиною!

1816.

Вейся, капуста,
Завивайся бѣла, зелена!
Вечеркомъ на капусту,
Съ утра рано на бѣлую, на мою
Частый дождикъ нападаетъ,
Бѣлую, зеленую, ломаетъ.
Молодецъ дѣвицу выбираетъ,
Выбираетъ, вызываетъ.
У нашей Дуни много думы,
У красавицы заботы,
Гдѣ-бъ съ милымъ повидаться,
Чтобъ на вѣкъ съ нимъ не разстаться.

1817.

Стояли комони, ¹⁾ пошибши головы,
Не ѣли комони сѣна зеленого, овса ядренаго,
Не пили комони воды студеной:
Слышали комони дальнюю дорожку,
Повозку тяжелую съ душой красной дѣвушкой,

¹⁾ Лошади.

Потихоньку, бояры, съ горы спускайтесь,
Не поломайте, бояры, кипарисна дерева!
Въ кипарисѣхъ деревцѣхъ было три угодійца:
Первое угодье—трое пчелы ярыя,
Другое угодье—звончатые гусельцы,
Третье угодье—душа красна дѣвица.
Съ душой красной дѣвицей мнѣ вѣкъ вѣковать,
Съ душой красной дѣвицей темну ночь коротати.

1818.

По лугу, лужочку, по крутому бережочку,
Ходила, гуляла, тамъ вдовушка молодая,
Она плакала, рыдала, сама слезно причитала,
Глядѣла, смотрѣла, на свои высокія хоромы:
«Хороши хоромушки, развысокіе теремушки!
Что-жь все хоромушен, непокрытыя стоите?
Аль вамъ, хоромушки, хозяйина нѣтъ?
А мнѣ молодой вдовы пѣту милаго дружка!
Росла въ саду ягода, все калина со малиной:
Не быть той калинушкѣ сопроти ягоды малины,
Не быть чужому батюшкѣ сопроти своего
родимова.

1819.

Ясный соколъ,
Не летай высоко!
Не бери рука въ руку,
Не сжимай перстовъ,
Не ломай перстневъ!
Не ты мнѣ купишь,
Не ты золотишь,
А мнѣ батюшка купишь,
Мнѣ родимый золотишь.

Всѣ 8 Островскаго уѣзда.

1820.

Гдѣ ты, хмелекъ, зимоваль,
Что не развивался?
Гдѣ ты, парень, ночеваль,
Что не разувался? —
Ночеваль я, моя мать,
Въ зеленой лѣсинѣ,
Загадываль разувать
Молодой дѣвчнѣ;
Зеленая лѣсинишка
Всею почъ прошумѣла,
Молода дѣвчнуншка
Разуть не хотѣла.

Опочковск. у. Сообщ. М. И. Семеvскимъ.

в) Свадебныя пѣсни той-же губ., Великолукск. у.,
въ с. Оедорцовѣ.

На дѣвичникѣ, во ожиданіи жениха, поютъ:

1821.

У воротъ береза стояла,
По двору княгиня гуляла,
Верхи съ березы ломала:
Ты постой, береза, безъ верха,
Поживи, матушка, безъ меня,
Когда я тебѣ *напрокутила* ¹⁾
Своимъ подружкамъ дѣвушкамъ,
Своимъ умомъ, разумомъ,
Своей красотой дѣвичьей,
Своей косой русою.

1822.

Помнишь ли ты, Дарьюшка,
Помнишь ли ты, Антоновна,
Какъ тебѣ казивали?
Не ѣставай, Дарьюшка,
Не ѣставай по утру рано,
Не чеши буйну голову,
Не плети ² да русой косы,
Не выходи на крутой крылецъ,
Не слушай ² звончастыхъ гуслей:
Эти гусли ² переманчивати,
Переманють ² на чужу сторону,
Къ чужому батюшку, къ чужой матушкѣ.

1823.

Ай военъ, военъ Иванъ же князь! ²
Енъ одинъ на войну не ѣзживалъ, ²
Енъ усѣ со дружьямъ со боярами,
Енъ усѣ со князьямъ со товарищамъ ²
Енъ постѣкъ березу при пути,
Прокошилъ медню при лузи,
Побралъ ягоду въ сиромъ бору,
Енъ не далъ березы раскинуться,
Енъ не далъ медни разцвѣсти,
Енъ не далъ ягоды дозрѣть,
Енъ не далъ княгини дорости,
Дорости княгинѣ за мной молодцомъ,
За мной молодцомъ, за моей красотой.

¹⁾ Напроказила, наскучила.

1824.

Какъ во сиромъ бору пролегала дороженька,
Дороженька широкая, раскатистая,
По той по дорожнѣ сиволивый конь бѣжитъ,
Въздушку срываючи, сѣдельце сбиваючи,
Впереди коня идетъ молодая княгинюшка,
Во сугонъ гонится да Иванъ Васильевичъ,
Енъ кричалъ, восклицалъ, своимъ громкимъ
голосомъ,
Своимъ громкимъ голосомъ, молодецкимъ
посвистомъ:
«Дарья Антоновна, перейми доброва коня!
Не давай узды снимать, не давай сѣдла сбивать,
Вуздущка тесмянная, да сидельце черкасское! ²—
— Иванъ Васильевичъ, я бы рада перенять, —
Я боюсь роднова батюшки, тулюсь родной
матушкой.»
— «Ты не бойся, Дарьюшка, не бойся своего
батюшки,
Ты не бойся батюшки, не тулися родной матушки,
Ты побойся молодца, Ивана Васильевича.
Какъ и есть у меня, молодца, шелковая плеточка,
Шелковая плеточка погрознѣй твоею батюшки,
Погрознѣй твоею батюшки, потульнѣй твоей
матушкой.»

Въ самый день свадьбы въ домъ жениха всѣ
гости съ утра усаживаются за столъ, дружка бе-
ретъ два ржаные пирожка въ обѣ руки и, при-
хлопывая одинъ о другой, поетъ слѣдующую
пѣсню:

1825.

а) Благослови меня, Боженька, ¹⁾
Свадебку начать!
Благослови меня
На весело утро,
Подъ на помочъ
Свадбу играть-начинать!
Скуй ³ намъ,
Крѣпко на крѣпко,
Крѣпко на крѣпко,
Твердо на твердо:
Люди судють,
Не разсудють;
Вѣтромъ вѣетъ,
Не развѣетъ;
Дождичкомъ мочить,
Не размочить.
Ай далеко, въ чистомъ полѣ,
Протекала рѣка,

¹⁾ «Боженька» повторяется послѣ каждого стиха.

Какъ за той быстрой рѣкѣ
Три Апостола:
Первый Апостолъ —
Сама Мать Богородица,
Другой Апостолъ —
Воскресенье Свѣтлое,
Третій Апостолъ —
Кузьма и Демьянъ.
Яры свѣчи топятся.
Люди Богу молятся.

1826.

б) Далеко, во чистомъ полѣ,
Протекла быстра рѣка,
За той за быстрой рѣкой,
Крутая гора,
На той на крутой горѣ,
Божья церковь,
Во той во Божьей церкви,
Три Апостола:
Первый Апостолъ, Боженъка,¹⁾
Воскресенье Свѣтлое
Второй Апостолъ —
Кузьма Демьянъ,
Третій Апостолъ —
Лука Святой.
Воскресенье Свѣтлое —
Быть на свадьбѣ,
Кузьма, Демьянъ —
Быть на свадьбѣ;
Скуй намъ свадьба,
Крѣпко, твердо,
Вѣковѣчно,
Долговѣчно:
Люди судють,
Не засудють;
Вѣтромъ вѣять,
Не развѣять;
Солнцемъ сушить,
Не разсушить;
Дождемъ мочить,
Не размочить.

1827.

в) Благослови, Боженъка,¹⁾
Свадьбу играти!
Воскресенье Свѣтлое,
Будь на свадьбу къ намъ!

¹⁾ Слово «Боженъка» и тутъ повторяется послѣ
каждаго стиха.

И сама Мать Богородица,
Будь на свадьбу къ намъ!
И Лука Святой,
Будь на свадьбу къ намъ.
Солучи два младениша:
Перваго парожденнаго,
А другого сужденнаго!
И Кузьма Святой,
И скуй намъ свадьбу,
Крѣпко на крѣпко,
Твердо на твердо:
И люди судють,
И не разсудють;
И солнце сушить,
И не разсушить,
И дождемъ мочить,
И не размочить.

Затѣмъ онъ одинъ пироги отдаетъ пѣвицамъ-
игрицамъ, а другой оставляетъ себѣ, причемъ онъ
говоритъ: «игрицы-перицы, красныя дѣвицы, изъ
двухъ пировъ выбирайте любой! У меня се-
мейство большое, дорога худая, мосты плохія,—
надо мосты мостить, работниковъ нанимать, мнѣ
больше надобно, а вы-то дома останетесь». Пи-
роги тутъ же съѣдаются. Когда молодой со свѣмъ
готовъ, чтобы ѣхать къ невѣстѣ, дружко, обра-
щаясь ко свѣмъ собравшимся, говоритъ: «Есть ли
въ этомъ дому, въ этомъ терему, въ бѣлыхъ камен-
ныхъ палатахъ, батюшка зачуденный, матушка
порожденная, батюшка крестный, матушка крест-
ная, и родъ и племя, и его поколѣнія, и сестры
и братья, и гости званые и незваные, отъ Господа
Бога созданные, и кого Господь залучилъ? Бла-
гословите младаго князя за столы дубовые, за
скатерти бранныя, за напитки пьяныя, за ѣства
сахарныя! Благословите, честная кумпанія, подъ
Спаса Бога, подъ чудны образа, подъ яры свѣчи,
и суженую свою за руку взять!» Тогда садятся
за столъ, и пойдеть надѣлъ, т. е., угощеніе бра-
гой и виномъ. Каждый изъ гостей кладетъ на та-
релку (а на тарелкѣ закуска) въ даръ по нѣ-
сколько копеекъ, приговаривая: «Вотъ надѣлю
васъ златомъ, серебромъ! Моя копейка съ коп-
емъ, а вамъ жить съ добромъ!» Послѣ этого свѣмъ
поѣздомъ отправляются за невѣстой. Приѣхавши
туда, поѣздъ останавливается передъ воротами,
въ сѣняхъ запирается дверь. Дружко стучится
въ дверь и спрашиваетъ: «Кто этому дому хо-
зяинъ?» — Хозяинъ отворяетъ дверь и выходитъ
на улицу къ поѣзжанамъ: «Кабы нашимъ ко-
нямъ стежокъ сѣнца, да засѣкъ овсеца!» Хозяинъ
отворяетъ дверь въ сѣни. Тутъ дружко жениха
подходитъ къ дружку невѣсты и между ними за-
вязывается слѣдующій разговоръ:

Др. ж. «Здравствуй, друженько, отецкий сынт!
Не можете ли себя потѣснить и насъ помѣстить?»

Др. н. — «Я давно васъ дожидаль: у меня есть
гордыя барыньки — какъ они васъ пу-
стятъ?»

Др. ж. «Здравствуйте, гордыя барыньки! Не
можете ли вы себя потѣснить и насъ помѣстить?»

Боярки. «Мы давно дожидали васъ; только у на-
шей невѣсты одна бровь сто рублѣвъ, а
самой — смѣты нѣтъ.»

Др. ж. «Что же вы отъ насъ желаете: денеж-
ной платы, али хлѣбнымъ даромъ?»

Боярки. — «А мы, дѣвки погостки, а дочки по-
повски, хотимъ хорошо ходить, золото
носить». Тутъ дружно подносятъ имъ
деньги и говорить: «Вотъ шапочка наша
на шапочки ваши!» Боярки (т. е. дѣвицы-
пѣвицы) берутъ щепочку и покопаютъ,
говоря: «Намъ хотѣ маленькихъ, да
только бѣленькихъ.»

Др. ж. — «Гордыя барыньки! Сколько моихъ
средствъ есть и подношу.» — Когда онѣ
деньги возьмутъ и поклонятся, то дружно
черезъ нихъ закинетъ перчаткой и ска-
жетъ: «Ну, гордыя барыньки, теперь я
купила невѣсту и все, что есть подѣ
невѣстой.»

Боярки. — «Ну, дружинька, гдѣ будемъ молодыхъ
сводить: подѣ краснымъ солнцемъ, ай
подѣ яснымъ мѣсяцемъ, ай подѣ за-
крытіемъ?»

Передѣ тѣмъ, какъ ѣхать къ вѣнцу.

1828.

«Бѣленькой, хорошенькой, Василь Ивановичъ!
Хто тебе во пирѣ справлялъ, хто тебе во
бесѣдушку?» —

— «Я скажу вамъ, жонушки, молодая молодухи:
А справлялъ во пирѣ меня родной батюшка,
Во эту во бесѣдушку родная матушка.»

«Ты скажи, Иванушка, ты скажи, Васильевичъ!
Хто тебѣ голову чесалъ, черны кудри завивалъ?»

— «Я скажу вамъ, жонушки, молодая молодухи:
Мнѣ чесала головушку государыня матушка,
Завивала кудеришки черезъ правое плечо,
Черезъ правое плечо, на мой зеленъ кафтанъ,

На мой зеленъ кафтанъ, да на мой сырцовъ кушакъ,
На мой сырцовъ кушакъ, на мой сафьянъ сапогъ:
Шиты, шиты, сапоженьки въ Ярославль городѣ,
Подбиваны да сапоженьки середѣ красной Москвы,
Надѣваны сапоженьки на Ивановы ноженьки.»

1829.

Какъ нашей дѣвушкѣ темной ночи не спалось
Темной ночи не спалось, много во снѣ видѣлось:
Кабы въ избищѣ старыя углы прочѣ отбивались,
По той по избушкѣ шла гусыня сыпучая,
На столбѣ сидѣлъ котиче усатый,
Въ передѣ на лавицѣ два ясныхъ сокола,
У судахъ на окошечкѣ двѣ косатки косатыя,
На кроваткѣ во углубкѣ двѣ лебедки бѣлыя.
Будила, побуживала родная матушка:
«Вставай, мое дитятко, встань ранешенько!
Встань ранешенько, умойся бѣлешенько!
Я твой сонъ весь разсужу, пословесно разскажу.
Избища старая — то чужая сторонущка;
Углы прочѣ отвалилися, — незнакомые людишки,
Гусыня сыпучая, — то свекровь лихучая;
Котиче усатый, — то свекрище старый,
Ясные соколы, — деверь пресмѣшливые,
Косатки косатыя, — то золовки щекатые,
Лебедушки бѣлыя, — то невѣстки бѣдныя!»

1830.

Ходилъ Иванушка, рассказывалъ,
По своимъ новымъ сѣнямъ;
Енѣ кричалъ, восклицалъ,
На своихъ на слугъ вѣрныхъ:
«Охъ вы, слуги вѣрные,
Холопы новоборные,
Подведите да подѣ молодца
Сиза ворона коня,
Подѣ жену мою боярыню
Карету кованную,
Подѣ няюшекъ-лялюшекъ
Трое саней новыя,
Подѣ малехенькихъ дѣтушекъ
Колыбель зыбучую,
Колыбель зыбучую,
На ремняхъ скрыпучую!»

1831.

Да чьи-жъ это бѣмони 2
Рано въ путь попущены? 2
Тремъ шелкамъ попутаны, 2

Серебромъ запузданы? 2
Стоять эти комони,
Пошибши головы, —
Шелковой травы не ѣдятъ,
Ключевой воды не пьютъ, 2
Вотъ и слышать комони,
Путь дорожку дальнюю,
Да путя неближня:
Во Рязань—по золоту,
Въ Казань—по серебру,
Въ Великіе Луки—по красну дѣвушку,
По Дарью по Антоновну.

1832.

На морѣ вуточка купалася,
На морѣ сизая купалася;
Скупавши, вуточка вострепечулася,
Слышавши погоду да ненастную. 2
Ты раскинься, береза сѣченна,
Ты разцвѣти, медына кошенна,
Вотъ созрѣй, ягода бранная,
Слышавши морозы да Крещенскіе!

Ажно тамъ Дарьюшка дары мыла,
Ажно тамъ Дарьюшка Антоновна.
Мывши дары, слезно плакала:
«Вохъ-ти мнѣ тяжелешенько
На чужой ли дальней на сторонущѣ,
Во чужова батюшки и у чужой матушкѣ.»

Когда молодыхъ кладутъ спать.

1833.

У насъ на свадьбѣ хмель да дуда, 2
Хмель говорить: «Гуцъ, гуцъ, гуцъ!»
Дуда говорить: «Ду, ду, ду!»
Дубовая бочечка, бочечка,
Не верченная дырочка, дырочка!
Кто вертѣлъ,—тотъ потѣлъ, тотъ потѣлъ,
А кто глядѣлъ,—тотъ хотѣлъ, тотъ хотѣлъ.
Женихъ вертѣлъ, ѣнъ потѣлъ, ѣнъ потѣлъ,
Дружко глядѣлъ, ѣнъ хотѣлъ, ѣнъ хотѣлъ.

Зап. мною отъ старой кормилицы Г-дѣ Се-
мевскихъ.

VII. Рязанской губерніи.

Зарайскаго уѣзда.

Запой.

Пріѣзжаетъ женихъ съ отцемъ и сватомъ къ невестѣ и привозитъ боченокъ браги, ведро вина, говядины, шпепччи, творожники, пироговъ десятокъ, уложившихъ въ судницѣ. У воротъ свать невестинъ ихъ встрѣчаетъ. Жениховъ отецъ идетъ впередъ, за нимъ женихъ, за женихомъ всѣ гости. «Здравствуй, свать! радъ ли гостямъ?» говоритъ онъ идущему ему на встрѣчу свату. — «Очень радъ, любезный сватушка, добро жаловать!» Всѣ входятъ въ избу, помолятся Богу и становятся у порога. Жениховъ отецъ: «Ну любезный сватушка! Сажай своихъ любезныхъ гостей, кого знаешь, за нашу хлѣбъ-соль.» Невѣстинъ отецъ тотчасъ сажаетъ своихъ гостей въ передній уголъ. Пріѣзжій свать кладетъ все привезенное на столъ, подчуевъ всѣхъ виномъ, брагой. Когда невестинъ отецъ доволенъ, то выльзетъ изъ-за стола, а за г-мъ всѣ гости, а если недоволенъ,

то говорить: «сватушка! подчуи еще виномъ.» Тутъ женихъ пойдетъ къ невестѣ, а за столъ садится жениховъ отецъ съ своими гостями. Повторяется таже исторія. Во время столовъ итрицы-пѣвницы стоятъ у порога и *обыгрываютъ* ¹⁾ гостей.

Женихову отцу.

1834.

Звонкое деревцо купарисовое!
Звончѣй его въ бору нѣту.
Умная головушка Иванъ сударь Федоровичъ!
Умнѣй его въ роду нѣту:
Бражки не пьеть, винца въ ротъ не беретъ;
Рѣчь у него соболиная,

¹⁾ Величаютъ. Глаголь *обыгрывать*, *обыграть* въ данномъ значеніи сроденъ глаг. *опыгать*.

Слѣды его лебединые:

Тихо пришелъ, хорошо посидѣлъ.

Вотъ Ивану пѣсенька,

Вотъ Федоровичу свѣту!

Бѣлому лебедю, со бѣлою лебедушкой,

Съ Марьею Микитишной!

Подари миленькій, подари хорошенькій:

Не рублемъ—полтиною,

Золотою гривною.

Жениховой матери:

1835.

Пріѣзжая сватенька,—

Марья Микитишна,

Черезъ три поля ѣхала

На черныхъ соболяхъ.

На ей шуба новая,

Опушка бобровая,

Сама чернобровая.

Вотъ и Марья пѣсенька

Вотъ Микитишнѣ свѣту,

Бѣлой лебедушкой,

Со бѣлымъ, со лебедимъ,

Съ Иваномъ Петровичемъ.

(припѣвъ тотъ же).

Брату женатому.

1836.

Какъ пойду я, молоденька.

Въ зеленую рошу,

Сломлю-ка, молоденька,

Тоненьку гладеньку,

И сдѣлаю, молоденька,

Звончатая гусли.

Кому въ гусли играть?

Кому поплясать?

— Василью играть,

Аннѣ плясати.

Какъ сказали, перказали:

Василій изъ Москвы ѣдетъ,—

Не успѣла свѣтъ Анна

Кунью шубу взять,—

За рукавъ шубу схватила,

Середъ двора вдѣла, 2

Василья она встрѣла.

«Поди, поди, мой хорошій,

Поди, поди, мой пригожій!

А вотъ твоему коню сѣна,

А тебѣ постеля» —

Постелюшка пуховая,

Взголовье высокое.

(припѣвъ тотъ же).

Снохъ.

1837.

По сѣнямъ ли сѣнямъ новымъ,

По новымъ сѣнямъ рѣшетчатымъ,—

Тутъ ходила, выгуливала,

Молодая жена, душа добрая,

Что и Анна Николаевна.

Она будила и пробуживала

Своего-ли друга милова,

Что Василья Андреевича:

«Ты возстань, возстань,

Мой милый другъ!

Оторвался твой воропій конь

Отъ того столба дубовова,

Отъ колечка позлаченного,

Онъ ворвался во зеленый садъ,

Поломалъ *свѣты* лазоревыя,

И калину со малиною,—

Черну ягоду смородину.»

Брату неженатому:

1838.

На комъ, на комъ кудри русы?

Ай на комъ, на комъ по плечамъ висять?

По плечамъ висять, словно жаръ горять?

Словно жаръ горять, разгораются,

И никто къ кудрямъ не приступится.

Приступилася родна матушка:

Начала кудри *часать гладити*,

Часать гладити, масломъ мазаги.

Разъѣзжаются по домамъ. Невѣста прощается съ женихомъ и цѣлуются. Женихъ даетъ ей 20, 25 копѣекъ и болѣе.

На другой день у жениха начинается *брага*. Игрицы ходятъ подъ окна изъ дома въ домъ и склоняются: «идите затирать брагу къ жениху!» Всѣ собираются, вынимаютъ изъ печи чугуны съ водой, вносятъ вадушеу. Женихова мать беретъ весло или веселку, сыплетъ муку, льетъ воду и, сказавши: «Господи благослови! Кузьма Демьянъ!

скай намъ свадьбу!» «Какая блага сладкая, такіе молодые,» начинаютъ затираеть и загрывать пѣсню:

1839.

Рай мой, рай!
(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждого стиха).

У Ивана на дворѣ,
У Ѳедоровича.
Выростало деревцо
И тонко и высоко
А листомъ широко.
Ужъ какъ къ тому деревцу
Соѣзжались *господины* 2
Соѣзжались большіе.
Они думали думу:
«Ужъ и какъ же намъ быть?
Ужъ и какъ намъ подступитъ.
Ко Степанову ¹⁾ двору
Ко Марьиному терему?»
Выбрался такой—
Что смѣлой человекъ,
Что Иванъ ²⁾ господинъ.
Ужъ дайте я пойду,
Ужъ дайте подступлю,
Ко Степанову двору
Ко Марьиному терему.

(Эту пѣсню поютъ во все продолженіе времени пока мать у кадки затираеть брагу).

Пѣвицы, получившія въ награду отъ родителей жениха нѣсколько денегъ, расходятся по домамъ.

Наканунѣ свадьбы, утромъ кто-нибудь изъ родни жениха обойдетъ своихъ знакомыхъ, приглашая ихъ на свадьбу слѣдующими словами: «Милости просимъ каравай сажать!» Приходятъ посаженные отецъ съ матерью—мужъ съ женою, живущіе въ совѣтѣ и согласіи, съ хлѣбомъ-солью. По ихъ приходѣ имъ подаютъ лотокъ, а на лоткѣ тѣсто для короваи и чашка; въ чашкѣ крестъ. Посаженная мать пачинаетъ переваливать тѣсто и *загряетъ* пѣсню, другія подхватываютъ:

1840.

Валю, валю сыръ каравай
Съ правой руки на лѣву,
Съ лѣвой руки на праву,—
По золоту лоточку 2
По серебрянному блюдечку.

¹⁾ Отецъ невѣстинъ.

²⁾ Имя жениха

Тутъ она кладетъ сваленное тѣсто въ чашку и идетъ къ дверямъ, взлѣзаетъ съ чашкой на лавку, обходитъ ее кругомъ, перепрыгивая съ пожки на пожку и продолжая пѣть:

1841.

Каравай на лавку взлѣзъ,
Каравай по лавкѣ пошелъ,
Каравай на полку сѣлъ,
Каравай на печку взлѣзъ, 2
Каравай съ печки слѣзъ.

Во время пѣнья она ставитъ чашку съ караваемъ на полку, а сама сидитъ на печку, а мужъ беретъ чашку съ караваемъ и подаетъ ей на печку, откуда она ее опять передаетъ ему, кругомъ печнаго столба, что повторяется до трехъ разъ. Затѣмъ посаженный отецъ съ матерью становятся къ лопатѣ, лежащей на загнеткѣ и кладутъ каравай на лопату, продолжая пѣсню слѣдующими словами:

Каравай на лопату сѣлъ,
Каравай въ печку глядитъ.

Потомъ оба берутся за лопату съ караваемъ и до трехъ разъ дѣлають движеніе въ печь и изъ печи, въ третій разъ оставляють тамъ коровай, а лопату кладутъ опять на загнетку. Тутъ имъ подаютъ по стакану вина, которыми они обмѣшиваются до трехъ разъ черезъ лежащую лопату и затѣмъ только всякъ выпиваетъ свой стаканъ и пѣлуются подпрыгивая до трехъ разъ, причемъ замѣчаютъ: кто выше прыгнетъ; тотъ *большинство* возьметъ. Затѣмъ посаженная мать запоетъ:

1842.

Пекись, пекись сыръ каравай,
Дерись, дерись сыръ каравай,
Выше дуба дубовѣ,
Выше матицы яловой,
Ширше печи кирпичной!

Когда каравай спечется совсѣмъ, то посаженная мать его вынетъ, обернетъ холстиной и обвяжетъ суконной пичкой и выносятъ его въ горницу до вѣнца. Садятся обѣдать. Послѣ обѣда

женихъ идетъ собирать родныхъ, дружку, сваху, и всѣ, за исключеніемъ матери жениха отправляются къ невѣстѣ. Тамъ ихъ встрѣчаютъ у воротъ невѣстинъ отецъ. Сама же невѣста въ это время сидитъ за столомъ, кругомъ ея дѣвки. На столѣ стоитъ елка, украшенная лентами и поставлена въ бутылѣ. Гости входятъ, — въ это время дѣвки бьютъ бутылкой объ столъ, *играютъ пѣсню*:

1843.

а) Ой, яблонь моя, кудрявая,
Скора¹⁾ золотая!
А Иванъ сударь съ Марьюшкой
Скору собирала.
Андреевна съ Иванычомъ
Золоту сымала.
Она тѣмъ золотомъ 2
Коверъ вышивала, 2
Она тѣмъ ковромъ 2
Свекра дарила, 2
Подаримши ему, 2
Рѣчи говорила.

Свекрови:

1844.

б) Яблонь моя кедровая и т. д.
(повторяется перв. 8 стих.).

Она тѣмъ золотомъ
Чепецъ вышивала, 2
Она тѣмъ чепцомъ 2
Свекровь дарила.

Жениху:

1845.

в) Яблонь кудрявая и т. д.
(тоже повтореніе перв. 8 стих.).

Она тѣмъ золотомъ
Кисетъ вышивала,
Она тѣмъ кисетомъ
Ивана дарила. 2

¹⁾ Скора — шукура, скорлупа.

Вышедшіе гости во все время стоятъ у стола, по окончаніи же пѣсни дружко говоритъ: «Мы народъ заѣзжій, долго ѣхали. Дѣвушки: «Зачѣмъ бы вамъ нужно ѣхать сюда!» — «Мы слышаны: тутъ продается кунница, красная дѣвица, а намъ она надобна.» Дѣвушки: «Какую?» — Марья Ивановна. — Дѣвушки: «она тутъ съ нами.» — Дружко: «Вотъ это слава Богу, намъ этого нужно. Вамъ продать, намъ купить. Давайте сторгуемся. — «Что вы хотите за нее взять?» — Дѣвушки: «Четыре угла, четыре рубля, на середину золотой, полштофа вина, часть говядины (ф. 3) да пирога.» — Дружко отдаетъ требуемое. Дѣвушки берутъ елку съ бутылкой и выходятъ изъ-за стола, оставляя невѣсту одну. Женихъ подходитъ къ ней, беретъ ее за руку, здоровается съ нею. Подаютъ гостинцы: пряники, орѣхи. Невѣста водить жениха въ особую горницу, а дѣвушки уходятъ за ними. Дружко проситъ: «Свагушко! сажайте своихъ гостей за женихову хлѣбъ-соль.» — Сватъ садится за столъ, въ передній уголъ, съ своими гостями. Дружко начинаетъ подчивать: кладетъ пирогъ на столъ, говядину, пшеника, четвертную, начинаетъ ихъ обносить кваснымъ стаканомъ и всѣ пьютъ до тѣхъ поръ, пока не напьются пьяными — и тогда только сватъ выѣзаетъ изъ-за стола съ своими гостями и проситъ за столъ жениховыхъ гостей и тѣмъ же порядкомъ напоить ихъ до пьяна. Дѣвушки въ горницѣ въ это время поютъ:

1846.

Во спромъ бору на клену
Виситъ колыбель на шелку,
На шелковомъ поясу.
Во колыбели дѣвушка,
Кругомъ ея подружки,
Любимыя сеструшки:
«Размахните меня высоко,
Чтобы видно было далеко,
Увидать бы мнѣ Ивана;
Что онъ тамъ дѣлаетъ?» —
На добру коню ѣздить.

1847.

По лугу трава 2
Растилается, 2
По морю вода 2
Разливается. 2

А вьюнъ надъ водой 2
Возвивается, 2
А конь на горѣ 2
Спотыкается. 2
Иванъ у воротъ, 2
Федоровичъ у новыхъ,
Федоровичъ у новыхъ
Убивается.
Избилъ ворота,
Изщиплялъ вереву,
Онъ просить свою,
Свою суженную,
Свою ряженную:
«Въдайте мою,
Мою суженную,
Мою суженную,
Мою ряженную!»
Какъ тестъ идетъ,
Ворона коня ведетъ,
А теща идетъ,
Душу Марьюшку ведетъ.
Вотъ это мое,
Мое суженное,
Вотъ это мое,
Мое ряженное.

1848.

Летѣли тутъ голуби черезъ дворъ,
Ударили тутъ крыльями объ терѣмъ,
Спросили про Марьюшку: дома-ли, пѣтъ?
Мы сказали ба ей вѣсточку,
Да что у Ивана-то на умѣ?
Онъ сидитъ на ворономъ конѣ.
У него ли матушка спрашивала:
«Куды мое дитятко собрался?»
— «Собрался я, матушка, въ дорогу,
Пожалуй мнѣ, матушка, подмогу:
Сорокъ, сорокъ лошадей воронныхъ,
Пятьдесятъ человекъ верховыхъ,
Четыре каретушки золотыхъ.
Поѣду я, матушка, жениться,
Заѣду я, матушка, къ тестю на дворъ,
Зайду, зайду я, матушка, къ тещѣ въ терѣмъ,
Спрошу, спрошу я, матушка, про Марьюшку.

1849.

Ой доли, доли долами, —
Устлана дорожка коврами.
Кто эту дороженьку устилалъ?

— Устилалъ дороженьку Иванъ государь,
Онъ все ходилъ къ Марьюшкѣ,
Дорогихъ гостинечекъ посуки:
Первый гостинецъ — изюмецъ,
Другой гостинецъ — виноградецъ,
Третій гостинецъ — самъ Иванъ на дворъ,
Самъ Иванъ на дворъ, сударь Федоровичъ.

1850.

Ой сборы, сборы, сборы Марьины!
Сбирала дѣвушекъ къ себѣ въ домъ,
Сажала она дѣвушекъ всѣхъ за столъ,
А сама садилася выше всѣхъ,
Клоняла головушку ниже всѣхъ,
Думала думушку крѣпче всѣхъ:
«Ужъ вы, дѣвушки, подружки мои!
Вы придумайте, пригодите мнѣ:
Ужъ какъ мнѣ быть въ чужіе люди идтить?
Ужъ какъ же мнѣ будетъ привыкать?
Чужого отца мать да какъ мнѣ называть?
Ватюшкой мнѣ называть — мнѣ не хочется.
А по имени называть — онъ осердится.
Спеси гордости убавлю, ума разума прибавлю:
Назову свекра — батюшкою,
А свекровушку — матушкою,
Ужъ я деверя — по отчеству,
А золовушку я по имени.»

1851.

Ты звѣзда ли моя звѣздущка, 2
Высоко звѣзда восходила, 2
Выше лѣса, выше темнова, 2
Выше садика зеленова, 2
Выше терема высокова.
Какъ во этомъ ли во теремѣ
Тамъ сидѣла красна дѣвушка,
А не то ли, что свѣтъ Марьюшка.
Она шила коверъ золота,
Не дошивша, коверъ бросила,
А сама слезно заплакала.
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Возрыдастъ какъ волна бьется,
Проклинаетъ чужу сторону:
«Раззлодѣй, злодѣй чужая сторона! 2
Какъ чужой-то отецъ съ матерью 2
Нежеланны уродились, 2
Посылаютъ меня молоду.
На Дунай рѣку съ ведромъ по воду.
Налетѣли гуси лебеди, 2
Возмutilи воду свѣжую.

Ужъ и я ли, млада, безъ воды пришла.
Свекоръ батюшко журить меня бранить,
Свекры матушка побить велить.
Одна милая золовушка
За меня слово молвила:
«Ужъ ты глупая невѣстуха
Какова вода не смучена была,
Ты тая-бъ вода домой несла,
Опа бѣ въ ведрахъ устоялася,
Свекрови сердце утѣлилось бы,
Свекры матушка умилилась бы.»

Гости выѣзжаютъ изъ-за стола, благодарятъ и отправляются домой.

На другой день рано утромъ женихъ ходитъ по деревнѣ, собираетъ поѣздъ изъ родныхъ и знакомыхъ. Каждый изъ приглашенныхъ приходитъ съ приносомъ, съ хлѣбомъ-солью и еще чѣмъ нибудь (съ курицей, десяткомъ яицъ и т. п.). Когда все соберутся, поѣзжане садятся за столъ и обѣдаютъ. Берутъ каравай, кладутъ его на столъ и ставятъ два штофа вина. Послѣ обѣда дружка съ гостями выходитъ на дворъ, гдѣ лошади запряженныя стоятъ кругомъ, посреди котораго онъ разставляетъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: дружка беретъ образъ, а за нимъ полудружье обходитъ весь кругъ спаружи, а затѣмъ внутри, вокругъ гостей и говорятъ: «Благословите православные!» Тѣ отвѣчаютъ: «Богъ васъ благословилъ!» Затѣмъ садятся въ повозки въ слѣдующемъ порядкѣ: женихъ съ отцомъ крестнымъ (тысяцкимъ), дружка съ подружьемъ, а остальные кто съ кѣмъ, только одна сваха ѣдетъ позади всѣхъ въ повозкѣ, запряженной тройкой, назначенной для невѣсты. Въ концѣ деревни собравшіеся мужики бросаютъ поперегъ дороги колъ, палеу и т. п. Дружка останавливается, даетъ имъ вина, пироги, говядину. Приѣхавши къ невѣстѣ, поѣздъ останавливается у воротъ. Въ это время родители благословляютъ невѣсту и она кричитъ:

1852.

Кормилецъ мой батюшка!
Не прошу я у тебя ни злата, ни серебра, —
Прошу одного—Божьяго благословенья!
Благослови ты меня горькую, въ чужіе люди!
Кормилецъ мой батюшка,
Не покинь ты меня горькую!

Наконецъ поѣзжане входятъ. Помолившись Богу, начинается выкупъ невѣсты, которая си-

дитъ рядомъ съ плаксою (подъ образами) и подъ ними вмѣсто подушки—шуба вверхъ шерстью; подъ конецъ стола сидитъ братъ со скалкой. Дружка при входѣ ударяетъ объ столъ плетью, говоря: «Что за человекъ не въ свое мѣсто сѣлъ?» А братъ ударяетъ скалкой и говоритъ: «Я поставленъ къ доброму товарищу.» Дружка: «намъ это и нужно, мы за этимъ товаромъ и пріѣхали, намъ цѣну объяви, мы ничего не пожалѣемъ.»—Братъ: «Четыре угла, четыре рубля, а по серединѣ золотой.» Дружка, обращаясь къ своимъ: «Ну, слава Богу, это сходный человекъ.» Вынимаетъ и кладетъ, что можетъ: по семитѣ, или по гривеннику, смотря по состоянію. Потомъ говоритъ: «Ну, сваха, ступай въ добрый часъ!» Сваха взлѣзаетъ на лавку, беретъ женуха за руку и ведетъ за собою къ невѣстѣ, подходитъ къ плаксѣ, сходящей рядомъ съ невѣстой и говоритъ: «Ну, сватенька, подвинься немножко, я тутъ сяду, ты здѣсь не на своемъ мѣстѣ сидишь.»—Нѣтъ, я давно тутъ сижу, вы хотите меня согнать отсюда, я не пушу.»—«Давай мы съ тобою выпьемъ и закусимъ, авось согласимся.»—«А вотъ это хорошо.» Сваха при этомъ вынимаетъ косушку вина и калачъ, отдаетъ плаксѣ и цѣлуются. Плакса-то и отодвинется. Тутъ сваха садится на ея мѣсто, а женухъ возлѣ невѣсты. Затѣмъ садится весь поѣздъ. Обѣдъ начинается. По окончаніи его отправляются къ вѣнцу. По возвращеніи оттуда молодыхъ сажаютъ обѣдать отдѣльно въ клѣтѣ, съ ними садятся дружка, сваха и плакса. Въ это время крестный отецъ съ матерью ложатся *грѣть* постель молодыхъ и притворяются спящими. Дружка со свахою и молодыми подходятъ и будятъ ихъ съ разными прибаутками. А крестные между тѣмъ *играютъ* пѣсню:

1853.

Коровать, короватуха,
Коровать моя тесовая!
Ой люди, ой дещеньки!
Коровать моя тесовая, 2
Перипушка ты пуховая.
Какъ на той на перинушки
Лежалъ добрый молодецъ,
Иванъ, сударь, Ѳедоровичъ,
Онъ всѣхъ бабъ корить.
Одноѣ бабу хвалить:
«Какъ моя-то Марьюшка —
Она лучшая всѣхъ 2
Она при(а)детъ тонешенькѣ,

Натачеть гладешенькѣ,
Какъ сошьеть рубашечку
Со косымъ вороточкомъ,
Со витымъ со шнурочкомъ.

Дружко: «Опорожните» мѣсто молодому князю со княгиней! Тѣ всѣ молчатъ. «Постойте! я скорѣе съ нимъ слажу, дайте мнѣ вина.» Онъ наливаетъ имъ стаканъ браги. Крестные выпьютъ и слѣзаютъ съ кровати, приговаривая: «Дай Богъ лечь вамъ двоимъ, встать троимъ, на первую дочку сына да дочку!» и т. д. Молодой садится на кровать, а молодая его разуваетъ. Въ саногѣ непременно положена какая нибудь монетка. Дружко и сваха, уложивши молодыхъ спать, уходятъ. Пріѣзжаютъ *вечеровые* (родные невѣсты), привозятъ ей постель, сундукъ и курицу (послѣдняя сидитъ на сундукѣ). Выходитъ дружко и поѣзжане, просятъ у нихъ сундукъ и курицу. — «Мы не отдадимъ никому, окромѣ молодому князю со княгиней.» Тѣ просятъ: «отдайте, мы вамъ винца поднесемъ, мы его подданные. Мы затѣмъ приставлены, чтобы все у васъ взять, отдайте намъ курицу, — курица дороже всего.» — «Стало, съ вами печего дѣлать, надо идти за княземъ.» Уходятъ, поднимаютъ молодыхъ и выводятъ на дворъ. Тутъ вечеровые шумятъ: «Вотъ нашъ хозяинъ, вотъ кому велѣно отдать курицу. «Хотѣли ее у насъ отнять, мы въ обманъ не давались.» Тутъ отдаютъ курицу молодому въ руки и поздравляютъ «съ законнымъ бракомъ и жить, богаты, а тебѣ, княгинюшка, спереди *горбатить!*» Поѣзжане (жениховы), берутъ сундукъ, постель, дружко благодаритъ за привозъ приданнаго, а больше, за курицу. Подносятъ вина и тутъ ихъ просятъ въ избу къ молодому князю брагу пить. Садятся за столъ, на которомъ коровай лежитъ. Сестра невѣсты или другая близкая родня покрываетъ коровай платкомъ. Дружко крестится, беретъ коровай, а платокъ кладетъ себѣ въ карманъ, коровай разрѣзаетъ на мелкіе кусочки. Подаютъ чашку, куда всыпаютъ всѣ парѣзанные куски и становятся ее середъ стола. Молодому подаютъ штофъ съ виномъ, а молодой стаканъ. Всѣ гости сидятъ за столомъ, а молодые стоятъ. Дружки подкликаютъ отца жениха къ короваю: «Родимый батюшко! подойди къ намъ, погляди на насъ, а мы на васъ. Просятъ васъ дѣти съ сыр-караваемъ. Сыр-каравай примѣ, золотую гривну положи. Наше дѣло на новѣ, всего много надобно: на тенцы веретенцы, на тонкіе полотенцы, — надоть козла купить, воду возить, старика панать, дрова колоть, старуху панать — баню топить — молодому князю съ княгиней париться ходить, —

помощь по силѣ, положьте рублика четыре, а будетъ ваше чести — положьте рубликовъ шесть.» Отецъ беретъ кусокъ коровай, а молодые ему подносятъ стаканъ вина и говорятъ: «родимый батюшко, изволь выкупать!» Онъ беретъ стаканъ, отопьетъ пемного и скажетъ: «горько!» Молодые цѣлуются. Тутъ онъ поздравляетъ ихъ съ законнымъ бракомъ и даетъ наставленіе, чтобы другъ друга любить. «А ты, сынокъ, люби жену, какъ душу, тряси ее какъ грушу. Сѣй лепъ конопей, спрашивай рубашку и порты.» Съ этими словами онъ выпиваетъ вино и кладетъ оупу: «Вотъ тебѣ, невѣстка, на каравай. Овечка твоя, япятки мои, шерстка твоя.» Она благодаритъ. Затѣмъ дружко подзываетъ съ тѣми же приговорками жепихову мать: «Родная матушка подойди къ намъ!» Та подходитъ, кладетъ сарафанъ, совѣмъ спитый. За ней подходятъ по очереди вся родня, сперва женихова, потомъ невѣстины и всякій даритъ что нибудь на коровай, а дружко при этомъ отпускаетъ разныя шутки. Во все это время вечеровые сидятъ за столомъ, кушая только то вино, которое при короваѣ. По окончаніи церемоніи они выѣзжаютъ изъ-за стола. Тутъ начинаютъ пѣть, плясать. Нѣсколько время спустя садятся ужинать. Послѣ стола въ скоромъ времени опять садятся за столъ, ѣдятъ, что послаже: курицу, ветчину, яблоки, пряники. Затѣмъ вечеровые уѣзжаютъ домой. Когда наступитъ ночь молодыхъ положить спать и расходятся по домамъ.

На другой день дружко со свахой приходятъ раньше всѣхъ подымать молодыхъ. Дружко въводитъ ихъ въ избу, бьетъ горшокъ, а сваха пляшетъ по черепкамъ. Всѣ родные бросаютъ деньги. Свекровь отправляетъ молодую съ молодымъ съ ушатомъ за водою. Дружко идетъ возлѣ съ нимъ, сваха съ закуской, поѣзжане окружаютъ ихъ, кто пляшетъ, кто поетъ. Воду наливаетъ сваха. Когда налѣетъ полный ушатъ, дружко подноситъ брагу, кому угодно. Какъ подымутъ ушатъ и понесутъ, тутъ многіе стараются его вылить, поѣзжане стараются не допускать этого, по все-таки находятъ смѣльчака, которымъ это удается, даромъ что поѣзжане будто изъ всѣхъ силъ бьются защищать молодыхъ. Тутъ обыкновенно произойдетъ порядочная суматоха. Дружки обливаютъ сваху и другихъ и толкаютъ ихъ въ воду, гдѣ они волей-неволей, выкупаются. Бабы обыкновенно ужъ заранѣе одѣваются въ платье похуже (пошеное). Наливаютъ снова ушатъ и покрываютъ его новымъ платкомъ, (который послѣ отдается дружкѣ) и понесутъ въ домъ молодого. Свекровь встрѣчаетъ молодую такъ: «Вотъ, слава Богу, дождалась переменъ.» Тутъ молодые пойдутъ въ вѣтъ. Затѣмъ пріѣзжаютъ родные не-

вѣсты къ обѣду, послѣ чего ближніе родные и молодые уѣзжаютъ къ тещѣ.

Зап. мною на 3 недѣлѣ великаго поста 1876 г. отъ бывшей дворовой Оеклы, женщина лѣтъ подъ сорокъ восемь, не глупая, умѣетъ немного читать и была, какъ видно, большая мастерица въ заправленіи свадебнаго обряда.

Той же губ., Данковск. у., въ деревняхъ Красной слободкѣ и Урусовѣ.

1854.

Не было вѣтру, вдругъ павѣнуло,
Не было гостей, вдругъ наѣхало,—
Половъ дворъ, полна горница:
Наступили на новы сѣни,—
Обломили сѣни новыя,
Раздавили чару золоту,
Упустили соловья изъ саду.
Восплакалась свѣтъ Марьюшка:
«Свѣтъ-то моп, сѣни новыя!
Свѣтъ-то моя, чара золотая!
Свѣтъ-то, мой соловей изъ саду!
Кто жъ меня рано будить буде?
— «Рано будить, поздно утѣшать,
Да я у тебя, соловей, на руцѣ,
Я у тебя, Иванъ Васильевичъ!
Я тебя буду рано будить,
Я тебя буду поздно утѣшать!»

1855.

Подливали гуси, лебеди,
Подъ крутые берега:
Мы думали, гуси, лебеди,—
Иванъ сы боярами,
Авдотьюшка со свахамъ;
Иванъ сталъ на бережень,
На бѣломъ на камушки,
Онъ пишетъ письмо-грамоту,
Ни перомъ и не чернилою,
Своей горячей слезой;
Онъ и шлетъ къ своему батюшкѣ,
Къ родной матушкѣ:
«Государь ты батюшка!
Государыня ты матушка!
Люба ль вамъ невѣстуха?»
— «Дитѣ ли, мое дитятко,—
Дитѣ ли мое милое!
Намъ давно полюбилася,
За тебя взять хотѣлося,
За такого за барина,
За Ивана Павловича.»

Когда невѣсту ведутъ въ баню.

1856.

Растопись, банька,
Разгорись, каменка,
Разсыпись, крупень жемчугъ,
Не по атласу, не по бархату,
По серебряномъ блюдечку!
«Ты расплячься, Марьюшка,
Передъ своимъ роднымъ батюшкой,
Передъ своей родной матушкой:
Ты, родимый мой батюшка,
На что ты пиво варишь? 2
На что зелено вино куришь?
Али хочешь себѣ сына женить? —
— «Ты, дитѣ ли, мое дитятко!
Я хочу тебя замужъ отдать,
Ни за князя, ни за барина,
За такова же крестьянина,
За Василья Васильевича.»

1857.

Какъ Марья у матушки
Дорогая гостила,
Золотой метелочкою
Мела, повымела,
Мела, повымела,
Трое сѣни новыя,
Только одной не вымела,
Гдѣ сидитъ лютя свекровь, 2
Съ тремя своимъ дочеремъ:
Ѣны судили, баяли,
Про чужую дитятку, 2
Про свою невѣстуху:
«А не толь ѣна сонливая,
А не толь ѣна дремливая:
Солнышко еще за лѣсомъ,
А невѣста спать идетъ;
Солнышко на ўсходѣ,
А невѣстка со спальни идетъ.»

1858.

Вѣнули вѣтры по чисту полю,
Заиграли гусли во высокомъ терему,
Продли слезы по бѣлому мису:
«Съ кѣмъ мнѣ будетъ думушку эту думать?
Думать мнѣ думушку съ батюшкой»
— Та ли мнѣ дума, не крѣпка, не вѣрна,
Тѣ ли мнѣ словеса не побычились.

Вѣнули вѣтры по чисту полю;
Занграли гусли во високомъ терему,
Пролили слезы по бѣлому лису:
«Съ кѣмъ мнѣ будетъ думушку эту думать?
Думать мнѣ думушку со милымъ дружкоймъ —
Та мнѣ дума и крѣпка и вѣрна.»

1859.

Не бушуй, холодень вѣтеръ!
Не распатай во бору сосну,
Не разбуди у Ивана жену!
Какъ вѣчоръ во пиру была,
Съ полуночи сына родила:
Кумъ былъ Долгоруковъ сынъ,
Кума была Шереметьева двора.

1860.

Ужь вы сборы, мои сборы!
Собирала дѣвушка къ себѣ въ домъ,
Сажала дѣвушка за свой столъ,
Сама сѣла выше всѣхъ,
Склонила головушку ниже всѣхъ,
Думала думушку крѣпше всѣхъ:
«Думаю, подумаю: какъ мнѣ быть?
Какъ въ свекору, въ чужой домъ, притить?
Какъ мнѣ будетъ свекра называть?
Назову я свекра батюшкой;
Назову я молодова: милый другъ!
Спеси, сгордости, убавлю,
А ума-то, разума прибавлю.»

1861.

Ай, рано, рано, по зарѣ,
Поймалъ соловей кукушечку.
По ей дѣтушки плакали;
Не сизу кукушечку, краспу дѣвицу,
По ей дѣвушки плакали,
По ей красныя плакали:
«Вы не плачьте, красны дѣвушки!
Мы давно соловья знаемъ:
Енъ не сизой соловей, —
Енъ удалый молодецъ;
Мы въ одномъ садикѣ гуляли, 2
Мы въ одномъ теремѣ сизивали, 2
Мы за однимъ столикомъ кушивали, 2
Мы съ одной рюмочки водеу пили.

На дѣвичникѣ дѣвушки поютъ невѣсть:

1862.

Куковала кукушечка,
Во сырѣ борѣ летаючи:
Плакала Марьюшка,
Къ столику припадаючи,
Батюшку величаючи:
Матушки причитаючи:
«Государь мой батюшко!
Напиши мое личико
На дубовомъ столикѣ!
Государыня матушка!
Набери мою красоту,
На бранной скатерти,
Когда столикъ подвините,
Про меня вспомните,
А скатерть ўскроете,
Три раза восплачете:
«Какъ-то наше дитятко
На чужой сторонущѣ 2
У чужова батюшки!»

1863.

Въ отхожей новой горенкѣ
Восковая свѣча топится,
А Константинъ свѣтъ Богу молится,
Самому Христу печалится.
Приходила къ ему матушка:
«Сердечное ты мое дитятко!
Ты о чемъ Богу молишься,
Самому Христу печалишься?»
— «Родимая моя матушка!
Какъ же мнѣ Богу не молиться,
Самому Христу не печалиться?
Какъ по утру вставать мнѣ ранешенько,
Свою головушку чесать гладешенько,
За своей-то мнѣ ѣхать суженой,
За своей за снаряженой.
Растеряютъ мою молодость
По ухабамъ и раскатамъ,
У насъ кони будутъ ренскіе, 1)
А поѣзжане будутъ пьяные.

1864.

Много, много, у сыраго дуба,
Много листьа и пахистья,
Только пѣтъ у сыраго дуба

1) Очень бойкіе.

Золотой его вершиночек.
Много, много, у Пелагеи души,
Много сродцевъ и пріятелей,
Только нѣтъ у Пелагеи у души,
Что кормилица, своею батюшки,
И родимой своей матушки.

1865.

Какъ Марьюшка голубушка,
Въ добрый часъ породилась,
Межъ обѣдней и заутреней,
Вы саду подъ яблонькой,
Въ зеленомъ подъ кудрявенькой:
Малиной банила, калиной парила,
Рѣчью приговаривала:
«Будь ты, мое дитятко,
Безъ учбы будь умненько,
Безъ бѣлилъ будь бѣлешенко,
Безъ сурмятъ брови черныя,
Безъ румянъ румянешенка!»

1866.

Звонили звонны въ Данковѣ городѣ,
Звончѣй того въ селѣ Знаменскомъ;
Звонила звонны свѣтъ Марья душа,
Мимо ѣхалъ Иванъ господинъ;
Звону ея онъ заслушался,
Красоту ея онъ засмотрѣлся,
Пріѣхалъ домой, выхваляться сталъ:
«Матушка! Видѣлъ я свою суженную,
Свою суженную, свою ряженную:
Ростомъ она и тонка и высока,
Лицомъ она бѣла и румяна,
Бровью она и черна и сурмяна.»

1867.

Я не знала млада, не вѣдала,
Ко мнѣ сваха пріѣхала,
Молодая, спесивая,
Гордая, томливая:
На сѣнюшки ступила,
Ничего не молвила,
Подумавши, молвила:
«Собирайся ты, умница,
Снаряжайся, разумница,
Ко суду Божію ѣхати,
Ко суду Божію, ко златому вѣнцу!»

— «Поди прочь, свашенька,
Отступишь, подговорщица:
Мнѣ безъ тебя-то грустнехонько!»

1868.

Кого это величаемъ?
По отчеству называемъ?
Дари игрецъ, не скупися,
Золотой гривной разступися!
Намъ игрицамъ много надо,
На бѣлые на бѣлилы,
На черные на сурмилы.
(Тутъ гости кладутъ деньги на тарелку).
Спасибо, друзья братья,
Мы пиво твое выпили,
Золотую гривну вынули.

1869.

Иванъ ходя по двору,
Кобы¹⁾ на немъ шуба до земли,
Соболья на немъ шапка до верху,
Божья на немъ милость до вѣку.
Какъ люди скажутъ: «Чей это такой?»
Дарьюшка скажетъ: «мой господинъ!»
Да мнѣ съ господиномъ вѣкъ вѣковать,
Да мнѣ съ господиномъ домъ наживать,
Да мнѣ съ господиномъ дѣтей воспитать.»

Женихову отцу съ матерью.

1870.

Угрюмъ, угрюмъ, ходить
Марьянъ батюшка:
Угрюма, угрюма, ходить
Марьяна матушка:
Мела свой высокъ теремъ,
Потеряла свой золотъ перстень,
Не золотъ перстень потеряла.
Потеряла свое дитятко,
Потеряла свое милое,
Марью Андреевну.
— Весель, весель, ходить
Васильевъ батюшка;

¹⁾ т. е. кунья.

Весела, весела, ходить
Васильева матушка:
Мела свой широкій дворъ
И свою новую горницу,
Нашла золотъ перстень
Съ дорогимъ съ камешкомъ.
Не золотъ перстень нашла, —
Нашла себѣ дятяко,
Нашла себѣ милую,
Марью Андреевну.

1871.

Летѣли голуби черезъ теремъ,
Вдарили крылами объ теремъ,
Думали думушку: «Дома ли Марьюшка?» —
Мы бъ ей сказали добрую вѣсть,
Что у Ивана въ домѣ есть:
У него въ домѣ кони вороные,
Онъ самъ собрался на коню,
Собрался на коню, какъ соколъ;
Его батюшка спрашиваетъ:
«Ты куда, дитѣ, собрался?»
— Въ дорогу, батюшка, въ дорогу;
Ты пожалуй-во, батюшка, подмогу:
Тридцать человѣкъ пѣшковыхъ,
Пятьдесятъ коней верховныхъ,
Двѣ каретушки золотыя,
Двѣ свашеньки молодыя.

1872.

Вечоръ съ вечеру,
Да трое куръ пѣли,
Четвертая вскрикнула:
Иванъ сударь въ теремѣ,
Русы кудри чеше!
Про свою Авдотьюшку
Онъ и трехъ пословъ послалъ,
Четвертый самъ пошелъ:
Я не йду и не слушаюсь,
Я теперича не твоя:
Судьба Вожья—батюшкина
Порожденьице—матушкина.

1873.

Марья пѣсенку небезчестно слышати,
На дѣвичьемъ вечерѣ съ князьями, со боярами,
Со любовными свашеньками.

1874.

Какъ сказали:
«Иванъ изъ Москвы ѣдетъ!»
Не успѣла свѣтъ Марьюшка
Купить шубу вздѣтъ—
За рукавъ шубы схватила,
Среди двора вздѣла,
За воротами устрѣла,
И падуетъ, и милуетъ,
А правды не скажетъ.
— «Скажу тебѣ правду:
Рожу тебѣ сына,
Какъ бѣлаго сыра;
Рожу тебѣ дочку,
Какъ бѣлаго груздочка.
Какъ сына-то качаю,
Перемѣны себѣ чаю;
Какъ дочерю качаю,
Перепутье себѣ чаю.

1875.

Соколъ соколовичъ,
Иванъ Андреевичъ,
Онъ гулялъ по садику,
Гулялъ по зеленому,
Искалъ себѣ соколушку,
Лебедушку бѣлую,
Марью Андреевну;
Взялъ ее за рученьку,
Взялъ ее за правую,
Повелъ ее по садику,
Повелъ ее по зеленому,
Сталъ ее выпрашивать,
Изъ ума вывѣдывать:
«Гдѣ же ты, Марьюшка, была?
Гдѣ же ты, Андреевна, росла?»
— «Росла-то я, росла, у батюшки,
Летѣлася у матушки.»
«Да что жъ ты пила, ѣла?»
«Я медъ, вино пила,
Сахаръ, изюмъ, ѣла.»

1876.

«Соколы, соколы, куды жъ лѣтали?»
— «Мы лѣтали съ моря на море.»
«Да что жъ вы видѣли?»
— «Мы видѣли утену на морѣ.»
«Да что жъ вы ее не взяли?»
— «Хотя мы ее не взяли
А крылушки оцпиали,
Горячу кровь пролипли.»

1877.

Какъ за нашими широкими воротами
Сннее море разливалось,
Бѣлорыбца встрепахталась.
Рыболовцы по бережку ходили,
Бѣлой рыбицѣ говорили:
«Бѣлорыбца, берегись!
Ужь и хочуть тебя, бѣлорыбца, уловить,
Ужь и хочуть на мелкія части разрубать,
На серебряной тарелкѣ раскладывать,
Во высокъ теремъ носить,
На дубовой столъ становить,
Свѣтъ Марьюшку кормить.»

Какъ за нашими широкими воротами
Разыгрались ребята молодые,
Распутались кунцы холостые,
А свѣтъ Марьюшен подружки говорили:
«Берегись, свѣтъ Марьюшка!
Ужь и хочеть тебя Иванъ сударь поцѣловать.»
«Догадалась, подруженьки, догадалась.»

1878.

Надъ рѣкою сосенка зелена стоитъ,
По той сосенки бѣлая лава лежитъ,
На той лавицѣ Марья сидитъ,
На той лавицѣ да Ивановна,
Чешется, гладится, русу косу плететь;
Вьмося¹⁾ шелъ, вьмося шелъ, родной батюшка:

«Дитяте Марьюшко, пойдемъ домой!
Дитяте Ивановна, пойдемъ домой!»
Охти мнѣ, батюшка, я не хаживала,
— Охти мнѣ, родной, я не хаживала:
Ночь темная, да не мѣсячна,
Рѣки глубоки — переходу пѣтъ,
Горы высоки, да юсхода пѣтъ.»

Надъ рѣкой сосенка зелена стоитъ,
По той сосенки бѣлая лава лежитъ,
На той лавицѣ Марья сидитъ,
На той лавицѣ да Ивановна,
Чешется, гладится, — русу косу плететь;
Вьмося шелъ, вьмося шелъ, милый другъ:
«Душечка Марьюшка, пойдемъ домой!»
— «Охти мнѣ, готовешенька:
Ночь видна и мѣсячна,
Рѣки мелки и переходъ есть,
Горы высоки и юсходъ есть.»

1879.

Какъ по погребу боченочекъ катается,
Какъ Иванъ сударь надъ женою надругается:
«Ты и Марьюшка разуй, ты Егоровна разуй!»
— «Я бы рада разула, я не знаю, какъ назвать; 2
Я къ сосѣдушкѣ пойду, я спрошу, какъ назвать. 2
Я и поженьку разула, я Иваномъ назвала, 2
Я другую-то разула, я Степановичемъ назвала.

Всѣ 26 зап. мною.

VIII. Тульской губерніи.

Новосильскаго у., въ селѣ Верхней Залегощи.

Отдѣлавшись отъ работъ, убравши свой хлѣ-
бушко, крестьянинъ, если есть у него сынъ
взрослый, смышляется женить его (по большей
части въ деревняхъ свадьбы бывають осенью).
Начинается выборъ неvěсты, лучшія качества
которой состоятъ въ томъ, чтобы она была ра-
бочая, сильная и дородна собой. Кромѣ того
ищутъ, чтобы отецъ неvěсты былъ побогаче,
чтобы было гдѣ поить, да погулять. Тутъ уже
большую частью дѣло обходится помимо жениха
и неvěсты, а родители, замѣтивъ дѣвушку, кото-
рая пришлась имъ по праву, или даже только

прослышавъ о такой дѣвушкѣ, засылають къ отпу-
елъ сходаго свата или сваху. Сваха, съ длинной
палкой въ рукахъ, приходитъ въ домъ неvěсты,
молится Богу и говоритъ: «Здорово живется!»—
«Здорова, здорова, Миентишна,» привѣтствуетъ хо-
зяйка, садъ, садъ, Миентишна, ты уморилась!»—
«И то уморилась, жадная моя,» и сваха садится на
полу (возвышенное мѣсто, въ избѣ, подлѣ печки).
«Штой-то ты къ намъ пришла, Миентишна?»
Спрашиваетъ хозяйка. — «Да што, сударини жалкая,
уѣ въ тутъ ѣмѣся. Прослышали мы, што у
васъ есть товаръ, а у насъ купецъ.» — «Чей жа
это у васъ купецъ-то Миентишна?» спрашиваетъ
хозяйка. — «Да вонъ, сударинь мой, Зосимушка
Радюнинъ хоча сына жанить.» — «О, о, да милости
просимъ! Сватъ ни сватъ, — добрый чловѣкъ,» —

¹⁾ т. е. много.

говорить хозяйнѣ. Сваха продолжаетъ: «Да туды ежели не отдавать, сударикъ мой, кудыжъ и отдавать-то? Самъ ѣнъ мужикъ хороший, вина почитай ни пьеть и буянства отъ него нивода ни буваа ѱ міру».

— «Да право! Асимья-то ихъ», продолжаетъ сваха, *сунетная*, (?) да сукромная и у пяти сель такой не найдишь, опять свикровья смѣреная, да она, будя продумши мѣстичко сажать свою нявѣску-то. И съ мѣста ни сойти!» божится она. — «Да это хощь правда, Микитишна,» говоритъ хозяйнѣ, люди хорошіе, покорить не чѣмъ.»

— «Ну, а какъ чайшь, Микитишна, у солдаты-то ни поидеть, малый-то?» спрашиваетъ мать невѣсты. — «И-и, любазная моя! да вишь ѣнъ у нихъ самай большипыкий. Ну идѣшь видано да слыхано, штобы большого сына брали ѱ солдаты? Другой можетъ и поидеть, а этотъ нѣтъ, этотъ останитца.» — «А малый-то,» продолжаетъ сваха, такъ, любочка моя, настоящаѣ баряны! А умница одна ѱ міра! Да, тамъ дитѣ, тамъ дитѣ и говорить нечего! и земля мало родить такихъ».

— «Да про малаго мы знаемъ, тутъ по чужомъ сялѣ,» говоритъ отецъ невѣсты, и то сказать ѱ кого жъ яму и плохому то быть? Вѣдь што отецъ, што мать, хорошіе люди, а вѣдь яблочко отъ своей яблонки не далеко падая, такъ и дитѣ.»

— «Правда твоя, сударникъ, правда, замѣчаетъ сваха. А ѱ дому-то у нихъ чго только нѣту!» продолжаетъ она, «хлѣбушка ишшо старого два скирда стоять, своя маслица, скотины тожъ много: двѣ коровы съ молокомъ, ѱ чичваромъ лошадей ѣзжалыхъ, жеребеноекъ, овецъ боля 20-ти, а овцы то настоящія конны! свиней однихъ што! ветчины-то у анбара машты гнутца, трихолѣтишная чутъ есть ишшо. Да тамъ усячины и докону нѣтъ, и докону нѣту!»

— Знамо дѣло, Микитишна, мы знаемъ, што ѣнъ хорошо живетъ, ѱ люди ни зачѣмъ ни ходя, говоритъ хозяйнѣ. — «Нѣтъ, нѣтъ, сударникъ! Ну штожъ вы мнѣ скажита-то?» Да вотъ што, Микитишна, до вечера подумаемъ мы со старухой, да съ роднею побалакаемъ, а у вечера опять къ намъ милости просимъ, приходите.» — «Ну штожъ, родимый подумайта, сая, хощь у добрыхъ людей успросита, ни хто худа ни скажа, разя только по ненависти. Да то-то они пристали ко мнѣ: сходи, да сходи! ишь дюжа полюбилась имъ дѣвочка-то ваша, да люди-то вы ни таковскіи, а ѣсе у васъ по божьему. Я молъ, отчего-жъ не сходить, я схожу, побалакаю,» говоритъ сваха, вставая съ полу. «Ну прошайта-жъ, жалкаи, такъ до вечера?» спрашиваетъ она уже, выходя. «До вечера, Микитишна, до вечера!» «Ну прошайта!» — «Поди сая съ Богомъ!» И сваха уходитъ.

Вечеромъ приходитъ сваха съ сходатымъ сватомъ, Аксенычемъ, хотя этого Аксеныча и зовутъ обыкновенно Мистеркой, на этотъ разъ его величаютъ по батюшкѣ. Аксенычъ войдя въ избу, молится Богу и говоритъ: Здорово были!» — «Здорово, здорово родимый!» Никитишна садится на полу, а Аксенычъ на коникѣ. Аксенычъ, обращаясь къ отцу невѣсты, спрашиваетъ: «Ну Гурьяновичъ, сдумали, штой, вы отдавать-то?» — «Да кто ее зная, старуха ѣсе какъ то жалѣя.» — «Штожъ жалѣтъ? жалѣтъ нечего, вѣдь это товаръ не береженный, надо-жъ отдавать коли-нибудь дѣвку, а мѣсто хорошее.» — «Знамо дѣло, Аксенычъ, объ мѣсту мы не толкуемъ,» — говоритъ хозяйка, — да жалъ-то, дюжа, ужъ у мина и разумъ разступился, и не придумаю я што и дѣлать! Дѣвочка то молода ишшо.» — «Да што вы толкуйта? вить это товаръ не береженный, а мѣсто хорошее и малый ужъ одно слово хотъ куды! Ну штожъ тутъ разгадывать?» А невѣста въ это время сидитъ за кожухомъ на печкѣ. Да про малаго мы знаемъ: тутъ ню чужомъ сялѣ, усянды на глазахъ,» — говоритъ отецъ невѣсты. «Ну штожъ, старуха, какъ ты думаешь?» спрашиваетъ онъ жену свою?» А я и сама не знаю, и разумъ у меня разступился.» — «А я вотъ што скажу табѣ!» — продолжаетъ отецъ невѣсты, вить ужъ кода-нибудь надо отдавать дѣвку, безъ этаго нельзя.» Мать молчитъ. «Вястимо, при сая ни продержимъ, замѣчаетъ Никитишна. «Нечего долго толковать,» — говоритъ сходатый, — скажита: дай Богъ часть, да и за виномъ прямо поидемъ!» — «Ну, а уговоренаго-то штожъ вы дадите нашей нявѣстѣ?» спрашиваетъ хозяйка. — «Да это мы не постоимъ, вотъ питарикъ ей прямо хощь ѱ руки.» «И-и, штожъ это вы гуторнита! Ну штожъ тутъ питарикъ? а вотъ дисянку ежели дадите, тогда дай Богъ часть и за виномъ,» — говоритъ мать невѣсты. — «Штожъ ты сая, Яхимовна, сдумала это? вить это для насъ дюжа обидно, право, дюжа чижало будя! Ну што ты гонисса за уговорнымъ нишь у тѣе *холечовъ* (?) мало? Ни парядитъ штой бонесса?» — «Да этаго то родимый, слава тѣе Господи, хватя усячины. Вить ты думаешь мнѣ твои деньги дороги? мнѣ честь дорога своему дитишту, а то люди скажутъ: «вотъ, молъ, не чаяла съ рукъ сохнута и уговорнаго мало ѣзнала. Ну вотъ ишшо цальковый! Ну по рукамъ штой?» — «Ну ужъ сватъ, ни сватъ, добрый чилаеъ, прибавъ видно што одинъ, да и дай Богъ часть, я ужъ ня буду торговатца долго-то: это вить ня лошадь.» — «Да цу на, дяржи, ужъ Богъ съ тобою! мы тожъ не таковскіе, долго калѣвать ня будимъ. Ну за виномъ, штой? Ну, видно, дай Богъ часть,» говоритъ отецъ невѣсты.

Черезъ полчаса сходатые уже приходятъ съ отцомъ жениха, ставятъ на столъ четверть водки. «Ну, теперь помолимся Богу! Дай Господи, што задумали, загадали соваршить ў добромъ здоровьи!» Тутъ все молятся Богу, потомъ садятся за столъ. Сходатый наливаетъ стаканъ вина и, поднося отцу невѣсты, говоритъ: «Ну-ка сваточикъ!» тотъ говоритъ: «Твоему здоровьицу!» Сходатый поднося стаканъ ко рту и кланяясь всемъ, говоритъ: «Ну будьтѣ ўсѣ здоровы! Ты сваточикъ, сватунька, ты Зосимъ Мистѣрычъ, и ты Микитишна! Пошли Господи намъ, што задумали, загадали, соваршить ў добромъ здоровьицу!» Все кланяются и повторяютъ: «Пошли Господи, пошли Господи!» Потомъ по очереди пьютъ все, послѣ чего сходатый зоветъ невѣсту: «Ну-ка, Акулипа Яхимовна, выдѣ суды, насъ погляди, а сіе окажи!» Невѣста сходитъ съ полу и кланяется всемъ. Сходатый подноситъ ей вина; она взявъ въ руки стаканъ, опять кланяется: прежде своему будущему свекру, потомъ сходатымъ и своимъ роднымъ и почти шепотомъ говоритъ: «будьтѣ здоровы», прикоснется губами къ стакану, поклонится и опять уходитъ на полъ; въ ней подходитъ мать и начинаетъ голосить:

1880.

Милая-жъ моя дѣточка,
Любязнал-жъ моя дочичка,
Дочичка Акулюшка!
Да какже такъ, дочичка,
ў чужіе люди пойти будя?
Да какже таё, любочка,
Чужимъ людямъ угодить будя?
Какъ чужому батюшкѣ съ матушкою,
Какъ дочичка удобривать будя?

Тутъ свать и сходатые уходятъ, а отецъ невѣсты посылаетъ собирать сосѣдей и родственниковъ, и затѣмъ они отправляются къ жениху «колушекъ глядѣть». Мать невѣсты со своими родственниками продолжаетъ голосить:

1881.

Да какъ же мнѣ, горькай,
Какъ же мнѣ горямыкой,
Какъ же свою дочичку,
Дочичку Акулюшку,
Охъ да съ своего подворьяца,
Какъ мнѣ проводить будя?

Да какъ же мнѣ спустить будя,
Какъ же тая дочичка
Охъ да дѣвичью волюшку
Охъ-да позабыть будя?
Ты вить, моя дочичка,
Ишшо молодехунья,
Охъ-да зилепѣхунья.
Была-жъ моя дочичка,
Была-жъ ты у меня проворна,
Была-жъ угодлива.
Какъ я, дочичка,
Охъ-да твои слядочки
Какъ буду ухаживать?
Какъ же теперь я горька
Охъ да твою работку
Какъ буду уработывать?

У жениха же въ это время сидятъ за столомъ цѣлая толпа уже пьяныхъ мужиковъ, но хозяинъ еще подноситъ имъ водки. Сюда же собрались дѣвушки и молодайки—«игрицы», онѣ обыгрываютъ пришедшихъ сватовъ и пляшутъ подъ пѣсни. Вотъ одна изъ нихъ запѣваетъ:

1882.

Во горенкѣ, во новинькѣй ходя голубъ съ
голубушкою,
Во голубя во сизаго золотая голова.
У кого-жъ у насъ братцы молодая жена?
У Яхима, у Яхима, молодая жена,
У Мистеровича её молодинькая,
Яму друзья, братья, товарищи позавидовали:
«Кабы эта, кабы эта да моя шельма жена,
Я бы лѣтомъ, я бы лѣтомъ въ колясочкахъ возилъ
А зимою, а зимою да во новыхъ козыряхъ¹⁾»

По окончаніи пѣсень одна изъ молодежь подходитъ къ величаемому гостю и подставляя горсть, проситъ за обыгрыванье денегъ. Тотъ кладетъ ей копѣйку или двѣ, а остальные игрицы начали уже обыгрывать другого.

1883.

Вы города лобода, 2
Ой лобода, лобода! 2
Ну що-жъ эта привада, 2
Ой привада, привада! 2
Аляксѣй жану привада, 2
Ой привада, привада! 2

¹⁾ «Козырь»—головки саней, загнутая къ верху часть. Слов. Дала.

Енѣ ни пивомъ, ни виномъ, 2
Ой ни виномъ, ни виномъ! 2
Своимъ бѣлымъ животомъ, 2
Ой животомъ, животомъ! 2

Опять отправляется сборщица за деньгами и получаетъ опять копѣйку. И такимъ образомъ перевеличаютъ онѣ всѣхъ, а мужики-сваты, по выходѣ изъ за стола, въ свою очередь затигиваютъ пѣсни: «На горѣ былка стояла,» «Ягоравы копечки,» или «Скуковалая моль кукушечка». И такъ они кричатъ во всю дорогу до самаго дома невѣсты.

Затѣмъ отецъ жениха идетъ къ попу сказывать, что онъ сосватался. «У кого-жъ ты сосватался, Зосимъ?» спрашиваетъ священникъ. «Да вонъ, батюшка у Яхима Васютиноча.»—«Что же родства нѣтъ между вами?» «Какъ нѣтъ, батюшка, какое-жъ сродство? А тамъ кто знай? вамъ виднѣя.»—«Ну хорошо, пріѣзжай завтра съ хлѣбомъ-солью, а въ воскресенье я повѣнчаю свадьбу.»—«Батюшка, явля божескую милость! перевѣнчайте у пятницу, потому ежели долго откладывать, такъ черезъ это будутъ лишнія траты, чижало дюжа будя.»—«Нельзя! понимаешь ты: въ воскресенье нужно будетъ сдѣлать оглашеніе въ церкви. Вѣдь вотъ ты не знаешь навѣрно, есть ли родство между вами или нѣтъ?»—«Да нѣтъ, батюшка, нѣтъ, я доподлинно знаю, потому ни я у него ни христілъ, ни енѣ у меня, вотъ кумовства и нѣтъ и сватовства тожь-жа!» «Да я хотя и знаю это, да форма того требуетъ,»—прибавитъ священникъ, какъ бы про себя. Крестьянинъ стоитъ, почесывая затылокъ. «А то нельзя-ли какъ, батюшка, у пятницу-то? Я бы табѣ таво, поросеночка бы принесъ отдѣльно и ништобъ на свѣдалъ про то.»—«Иди! говорятъ тебѣ, что нельзя никакъ безъ оглашенія! Да чѣмъ же для тебя будетъ тяжело, если въ воскресенье играть свадьбу?»—«Да какъ же, батюшка, все лишнія траты, то-бы я вотъ ниня собрался къ завтраму къ образованью, да и будя, а то вить до воскресенья-то чуть ни каждыи день будутъ ходить-то охмѣляться, то нявѣсту кормить, анъ и чижало!»—«Ишь вѣдь какой ты скупой, Зосимъ, не хватить чтоль у тебя для этаго?»—«Да оно ничаго; ну видно, такъ тому дѣлу и быть!» И онъ почесывая затылокъ, уходитъ. На другой день бабы, четыре или пять, ѣдутъ отъ невѣсты рубаху мѣрить жениху; везутъ онѣ съ собой холста три льняныхъ для рубашекъ жениху. По пріѣздѣ въ домъ жениха этихъ бабъ, опять собираются игрицы. Бабы садятся за столъ и, попросивъ у хозяйки рубашку жениха, мѣряютъ по ней холстъ, скроютъ рубашки двѣ-три и опять завертываютъ холстину

въ свои платки; хозяйка начинаетъ ихъ подчивать харчю, хозяинъ водкой, а игрицы обыгрываютъ ихъ пѣснями. Вотъ онѣ поютъ и пляшутъ:

1884.

По рѣчушкѣ утѣнушка плавала, плавала,
Плавала, плавала!
По сѣпичкамъ Хавроньюшка ходила, ходила!
Ходила, ходила!
По новенькимъ Мистѣровна гуляла, гуляла!
Гуляла, гуляла! и т. д.

Потомъ отпочеванныя бабы выходятъ изъ за стола и тутъ пачинается пляска подъ пѣсни, которыми величаютъ жениха съ невѣстой. Сначала запѣваетъ одна; потомъ подхватываютъ всѣ:

1885.

Да ну чей такой по улицѣ конь играѣ,
Ну чей такой по широкой шурмувалъ?
Ой, лей ляли, али лей ляли шурмувалъ!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыя двухъ стиховъ, съ повтореніемъ послѣдняго слова 2-го стиха).

— Усе это Ягоровъ конь играя,
Усе это Зосимовича шурмунъ,
Енѣ выскочилъ во зеленой садъ погулять,
Енѣ пристопталъ зилану мяту илюмжу:
Увидѣла Акулинушка, смолчала,
Увидѣла Яхимовна—ничаго,
Увидѣла Абулинина матушка,
Ни сломила съ калина куста вѣточку,—
Ударилъ ворона коня по бедру,
Захватила Ягорушку по лицу—
Захватила Зосимовича по бяломъ.
Ну будь же ты Ягорушка бѣль-руменъ—
Ну будь же ты, Зосимовичъ, чернобровъ,
Чашіи кудри, чашіи русы ниже бровъ
Ой лей ляли, али лей ляли! ниже бровъ.

Потомъ онѣ поютъ еще нѣсколько пѣсень: изъ числа которыхъ приводимъ слѣдующія:

1886.

«Перепелка, перепелка,
Перепелушка молодая!

И куда ж ты, я куда ж ты,
 Я куда летала?
 — «А летала, а летала
 Ва зилений садъ винограда,
 Обивала, обивала золотыя крыльцы
 На пиринцы.
 А ни ласка, а ни ласка,
 А ни ластушка прилетала,
 Она вѣску, она вѣску
 Она вѣстушку припосила,
 Она вѣску, она вѣстушку,
 Она вѣстушку слизавую.
 То Марья, то Марья
 По сѣнюшкамъ ходила;
 Дочь Филиппевна
 По новенькимъ гуляла.
 На гуляла, на гуляла,
 Свою батюшку пробужала,
 Свою роднова пробужала:
 Што ни батья, што ни батья:
 Што ни батья пробудися,
 Што на родничей ошнися:
 А ни годъ мнѣ, а ни годъ
 Ва тѣ годовати,
 Ни нядѣлю, ни нядѣлюшку
 Ва тѣ гостовати.
 Одну почку, одну почушку
 Ва тѣ почевати,
 Одну темную коротати.
 Ни тае мнѣ, ни тае мнѣ
 Съ тоски во слезахъ невидати.

1887.

Ужъ ты голъ ли, мой голъ, голъ голочникъ
 Ой ляли, а ляли, голъ голочникъ!
 Ужъ ты ясный мой соколочникъ, —
 Ой ляли, а ляли соколочникъ!

(Такимъ образомъ припѣвъ повторяется послѣ
 каждаго стиха, т. е. съ повтореніемъ послѣдняго
 слова).

Ой, бывалъ ли ты, голъ, 2, на Волгѣ?
 Ой, видалъ ли ты, голъ, голъ гомолку?
 — «И ну какъ мнѣ на Волгѣ не бувати?
 И какъ мнѣ гомолку не видати?
 Она изъ луга въ лугъ перелетала, —
 Шелковая травушка зашумѣла,
 Съ колокольчикомъ крылья зашумѣли.
 «И ну кто жъ у насъ бѣлый кудреватый?»
 — У насъ бѣлый кудреватый — нашъ Андрея.
 Сколь далеко Андреюшка заѣхалъ, —

На чужую на дальнюю сторонку,
 За Пагоштинскую на слободку.
 «Ой бывалъ ли, Андреюшка ва тестя?
 Да ва ласковой привѣтливой ва тешни?
 Ой видалъ ли, Андреюшка, Ахимью?»
 — «И ну какъ мнѣ ва тестя ни бувати!
 И ну какъ мнѣ Ахимью не видати!
 Она изъ терема ва теремъ приходила,
 Пуховыя ирини припосила,
 На ней твѣтная платья зашумѣла,
 Въ косѣ алая лента заалѣла, —
 Ой ляли, а ляли, заалѣла.

Бдуть и во всю дорогу кричать пѣсни; маха-
 ютъ платками и подплясываютъ, стоя на телѣгѣ.
 Послѣ этого отъ жениха столько же бабъ бдуть
 кормить невѣсту; онѣ везутъ ей блюдо напол-
 ненное лепешками, курицей и еще какимъ либо
 мясомъ, горшочекъ каши отъ жениха отдѣльно,
 баранокъ около фунта, груздиковъ или пряниковъ
 намочныхъ и яблокъ. У невѣсты, эти бабы на-
 пившись до пьяна, бдуть обратно съ пѣснями;
 и стоя на телѣгѣ, машутъ платками и подпля-
 сываютъ. Вотъ одна, точно какъ въ изступленьи,
 бьетъ въ ладоши и кричитъ пискливымъ голо-
 сомъ:

И-и-и! Годъ ну! годъ ну!
 А ну-нута! — тутъ! тутъ!
 Другая кричитъ:
 Ай ишшо! ай ишшо! ишшо! ишшо!

Наканунѣ свадьбы какъ у жениха такъ и у
 невѣсты собираются всѣ родственники и сосѣди.
 Въ домѣ жениха дружка становить послѣдняго
 посреди избы на посланную къ верху шерстью
 баранью шубу; отецъ съ матерью берутъ съ бо-
 ницы икону и благословляютъ сына. Потомъ
 ставятъ на телѣгу сундукъ, наполненный харчю
 и коровайцами и длинный обозъ съ народомъ
 съѣзжаетъ со двора; они бдуть на *образование*
 къ невѣстѣ.

Въ домѣ невѣсты въ это время толпится на-
 родъ въ катѣ, въ сѣняхъ и на дворѣ сюда при-
 бываетъ еще человекъ 50 съ сватовой стороны.
 Дружка вводитъ жениха, ставитъ его подлѣ по-
 рога и говоритъ: «Здравствуйта, сваточен, сва-
 туньби!» — «Здорово, здорово, сваточникъ!» отвѣча-
 ютъ тѣ. Потомъ входятъ въ избу всѣ гости и
 здороваются.

Около невѣсты, на полу, биткомъ набито дѣ-
 вушекъ — «дѣвишницъ», разряженныхъ конечно,
 какъ макъ цвѣтущихъ. Невѣста тоже наряжена,
 въ аломъ съ золотомъ платѣ, на косѣ и на пле-

чахъ лентъ навѣшено аршинъ десять, юбка и рукава рубашки тоже красные, только и бѣлѣется станъ рубашки.

Вотъ подлѣ пола стелятъ къверху шерстью баранью шубу; дружка ставитъ на нее жениха рядомъ съ собою, противъ пола и вызываетъ невесту:

«Акулина Яхимовна! Извольта на винную чару сойтить!»

Дѣвушки съ полу отвѣчаютъ:

«Извольта нашу Акулину Яхимовну окупить,— не рублемъ,— полтиною, золотомъ гривною, и склянницей вина!»

Дружка подаетъ имъ бутылку вина, накрытую мѣдной гривной или пятикопѣечной монетой. Дѣвушки, замѣтивъ, что бутылка не полна, говорятъ:

«Э, дядюшка, штожь это ты на полну намъ даваншь? Это у нашей Акулины Яхимовны глаза такъ-то уволютца!»

— «Набось, у насъ ни уволютца!»—говоритъ дружка.

«Нѣтъ, нѣтъ, дядичка, долѣй, а то мы невесту на спустимъ съ полу!»

Дружка доликаетъ бутылку и отдаетъ дѣвишницамъ. Дѣвишницы уходятъ распивать бутылку или въ горницу, или къ сосѣду, а съ невестой остаются только двѣ дѣвушки, которыя будутъ сводить ее съ полу. Теперь дружка научаеъ жениха звать невесту, такъ же какъ онъ звалъ. Женихъ, потупивъ голову, тихо говоритъ:

«Акулина Яхимовна, извольта на винную чару сойтить!»

Съ полу сходятъ: впередъ двѣ дѣвушки, а сзади невеста, онѣ становятся на шубу, кланяются прямо, потомъ направо и палѣво и уходятъ опять на полъ. Женихъ, принуждаемый дружкой, опять зоветъ невесту:

«Акулина Яхимовна, извольта на винную чару сойтить!»

И на этотъ разъ дѣвушки сходятъ съ невестой, кланяются въ три стороны и опять уходятъ на полъ. Въ третій разъ женихъ зоветъ невесту:

«Акулина Яхимовна, извольта на винную чару сойтить!»

Опять дѣвушки сходятъ съ невестой, кланяются и на этотъ разъ ужъ не уходятъ на полъ, а становятся въ рядъ подлѣ пола. Дружка ставитъ жениха съ правой стороны подлѣ невесты и дѣ-

вушки, которыя сводили съ полу невесту становятся: одна подлѣ жениха, а другая подлѣ невесты. Тутъ отецъ и мать жениха берутъ икону и благословляютъ жениха съ невестой, потомъ передаютъ икону отцу и матери невесты, тѣ тоже благословляютъ ихъ.

Потомъ дружка даетъ жениху стаканъ съ виномъ и велитъ передать его невестѣ, причемъ спрашиваетъ: «Кому даешь?» Женихъ отвѣчаетъ: «Акулинѣ Яхимовной.» Дружка спрашиваетъ невесту: «Отъ кого берешь?» Невѣста отвѣчаетъ: «Отъ Ягора Зосимовича.» Потомъ дружка передаетъ жениху бутылку съ водкой. Послѣ этого начинаютъ подходить подлѣ «поцаловки». Подходить по двое: мужчина съ женщиной, т. е. мужъ съ женой или съ родственницей. Подходяще, указывая на бутылку въ рукахъ жениха и на рюмку въ рукахъ невесты, говорятъ: «За которую намъ браться?» Дружка отвѣчаетъ: «За которую намъ будетъ угодно! вотъ эта стоитъ тысячу рублей», указывая на бутылку, «а вотъ эта полтысячи!» указывая на рюмку. «Видно надо браться за ту, которая подешевле», и каждый беретъ рюмку изъ рукъ невесты и говоритъ:

«Ну, будьтѣ здоровы, молодой князь со княгиней!»

Женихъ съ невестой кланяются въ поясъ и такъ остаются нагнувшись, пока привѣтствовавшій прикушавъ вина не скажетъ: «горько!» Тутъ они поднимаются и три раза цѣлуются. Цѣлуется и подошедшая пара. Потомъ мужикъ, прикушавъ вина опять говоритъ: «Ишшо погорѣло!» Опять обѣ пары цѣлуются по три раза, послѣ чего женихъ съ невестой еще наклоняются, а мужикъ въ третій разъ прикушиваетъ вина и восклицаетъ: «Штожь, свать, такого вина горькаго купилъ? Ай ужъ насорилось што у стаканъ съ потолка?» и глядитъ на потолокъ.

«Нѣтъ, сваточикъ, я чисто обметала», говоритъ приспѣшница (стряпуха). Снова обѣ пары цѣлуются и женихъ съ невестой опять нагибаются; тутъ онъ выпиваетъ всю рюмку и говоритъ: «сладко!» Молодые выпрямляются. Мужикъ цѣлуетъ жениха три раза и говоритъ: «укажи дорожку!» Женихъ цѣлуетъ одинъ разъ невесту, потомъ три раза цѣлуетъ ее и этотъ мужикъ, дальше онъ цѣлуетъ двухъ дѣвушекъ, которыя стоятъ по сторонамъ жениха и невесты, причемъ одна дѣвушка, что стоитъ съ правой стороны жениха, держитъ блюдо съ шприками (съ холщевыми продолговатыми платками), поцаловщикъ беретъ одну шприку, утираетъ губы и доставъ изъ кармана мѣдную монету, кладетъ ее на блюдо. Теперь начинаетъ повторять вышеописанную

главную, пустую формальность, женщина, которая до того стояла только и цѣловалась, затѣмъ ея роль принимаетъ на себя ея супругъ, или родственникъ, или знакомый. И такимъ образомъ, пока всѣ жениховы родственники и знакомые подойдутъ парами подъ *поцаловки*, женихъ съ невѣстой во все время наклоняются и цѣлуются. По окончаніи этой церемоніи жениха съ невѣстой сажаютъ на полу, гдѣ поставленъ для нихъ столъ, на которомъ угощаютъ ихъ ужиномъ. Жениховыхъ родныхъ и знакомыхъ тоже сажаютъ за столъ и тутъ начинается ужинъ. Дѣвушки въ это время въ сѣняхъ величаютъ жениха съ невѣстой или, выпросивъ лошадь съ телѣгой, ѣдутъ кататься по селу. Насажавшись на телѣги или на двухъ, онѣ ѣдутъ и кричатъ пѣсни.

Въ избѣ же за столами тоже слышится крикъ нѣсколькихъ голосовъ, такъ что за однимъ дотягиваютъ пѣсню, а за другимъ запѣваютъ. Тутъ сливаются въ одинъ гулъ и пѣсни и говоръ: вотъ одинъ кричитъ: «Сваточки! сваточки! да ну! выпилъ ты отъ мене! да ну, сватокъ! Исдѣлай такую милость!» А вотъ слышится женскій протяжный голосъ: «кушайтя, сваточки любезнан, съ сахаромъ у душку!»—«Спасибо, спасибо, сватунья! Много довольны!» Когда кончается этотъ ужинъ, то жениховы родные сажаютъ за столы невѣстныхъ родныхъ и знакомыхъ, вынимаютъ изъ сундука свою харчъ, коровайцы, хлѣбъ и водку и угощаютъ ихъ. Послѣ этого ужина сваты съ женихомъ уѣзжаютъ съ крикомъ пѣсенъ.

За столъ сажаютъ теперь уже дѣвишницъ, съ ними садится и невѣста; ихъ угощаютъ также виномъ и ужиномъ. Послѣ каши, онѣ сидя за столомъ «кажутъ» спасибо всему семейству. Одна изъ нихъ запѣваетъ:

1888.

«И спасибо Яхимуше!»

Всѣ подхватываютъ:

«И спасибо Мистеровичу!

За любовь, за соль, за хлѣбъ за вино!»

Потомъ всѣ вмѣстѣ, сидя за столомъ наклоняются до самого стола, хозяйка также стоитъ у конца стола и послѣ каждого «спасибо» кланяется имъ, причемъ опять поютъ:

«И спасибо Хавропьюшкѣ,
(матери невѣстной).

И спасибо Патреевнѣ!
За хлѣбъ, за соль, за любовь за іѣ!»

Затѣмъ поютъ: «спасибо» невѣстѣ.

«И спасибо Акулинушкѣ!
И спасибо Яхимовнѣ!
За хлѣбъ, за соль, за любовь за іѣ!»

И такимъ образомъ поютъ они «спасибо» всему семейству», даже до маленькаго ребенка, а послѣ всѣхъ поютъ:

1889.

«И спасибо столу и скамѣечкѣ,
И спасибо ўсей да семеечкѣ!
За хлѣбъ, за соль, за любовь за іѣ!»

По выходѣ изъ за стола невѣста становится на средину избы и тоже на распѣвъ «кажетъ спасибо» всему семейству, причемъ сама плачетъ. Начинаетъ она со старшихъ, напр. съ дѣда.

1890.

«И спасибо сирдоболу дѣдушкѣ—
Мистеру Ивановичу
За хлѣбъ за соль,
Што мою бясѣду
Хорошо суебасялъ,
Ничѣмъ ни обзодолялъ!»

Тутъ она послѣ каждаго возгласа кланяется. Потомъ поетъ она «спасибо» бабушѣ, если она жива, а если умерла, то поетъ:

«И спасибо бабушѣ!
У праведныхъ родителяхъ!
За хлѣбъ, за соль,
Што мою бясѣду
Хорошо суебасила
Ничѣмъ ни обзодолила!»

Потомъ отцу:

«И спасибо сирдоболу батюшкѣ!
За хлѣбъ, за соль,

Што мою бясѣдушку
Хорошо сукрасял!
Ничѣмъ ни обязодлял!

Затѣмъ кажется она спасибо матери, братьямъ, если есть дядямъ и всѣмъ, всѣмъ. Родные и по-други плачутъ, слушая ее, потому «дюжа ужъ жалобно кажа».

На другой день къ жениху ѣдутъ охмѣлять одни мужчины; ихъ какъ и прежде обыгрываютъ игрицы. Оттуда они возвращаются пьяные и кричатъ во все горло пѣсни величальныя, тягольныя, напр. «На горѣ была столла», «Ягоровы копечки» и «Скуковалася моль кукушечка».

У невѣсты за столомъ сидятъ дѣвишницы, свѣшать допивать приданое и величаютъ невѣсту. Въ половинѣ дня дядьки, (братъ невѣсты и еще парня четыре) собираются ѣхать къ жениху; невѣста ихъ провожаетъ, кланяясь каждому въ ноги и цѣлуетъ по три раза, послѣ чего дядьки уѣзжаютъ.

Попрѣздѣвъ жениху ихъ тамъ сажаютъ за столъ вмѣстѣ съ поѣзжаньемъ, которое состоитъ человѣкъ изъ 20-ти; съ ними садится и женихъ. Тутъ подають обѣдъ, на этотъ разъ постный, это было и въ воскресенье. Подается капуста съ квасомъ, картофель съ масломъ, похлебка со шпеномъ и каша съ постнымъ масломъ. По окончаніи обѣда подлѣ пола разстилають шубу кверху шерстью, на нее становится женихъ и предъ иконой, которую держатъ отецъ съ матерью, кладетъ три земныхъ поклона и потомъ, по наущенію дружки, цѣлуетъ у бабушки руку и самого батюшку; потомъ икону беретъ мать и также благословляетъ сына. Послѣ этого поѣздъ длиннымъ обозомъ съ колокольцами и бубенчиками, съ крикомъ свадебныхъ пѣсень отправляется за невѣстой. У воротъ двора невѣсты ихъ встрѣчаютъ посторонніе мужики съ кольями, дубинами и т. п. орудіями и не пускають взѣхать на дворъ, а требуютъ полштофа воды; тѣ, послѣ долгихъ споровъ, наконецъ отдають требуемое и взѣзжаютъ на дворъ. Дружки и по-дружки оставляють жениха на дворѣ, а сами идутъ въ избу, молятся тамъ Богу и говорятъ: «здравуйте сваточки, сватуньки».

— «Здорово, здорово, сваточки!» отвѣчаютъ тѣ.

— «Ну, штожь, готовы ль вы, сватуньки?» — спрашиваетъ дружка.

— «Сейчасъ, сваточникъ! вотъ невѣсту нарядимъ!»

— «Поскорѣе, пожалуйста!»

Тутъ дружка, взглянувъ за столъ и увидѣвъ что по лавкамъ на подушкахъ сидятъ небольшіе ребятишки вооруженные, — кто полонкомъ (разли-

вальная ложка), кто весломъ, кто дубинкой, держа оружія свои кверху концами, достигающими почти до потолка, — закричалъ на нихъ строго:

«Откуда вы понаѣзли суды! Вонъ пошли!»

Но ребятишки не трусили, а наученные старшими, они только сказали:

— «Нѣтъ мы ни падѣмъ! а давай намъ по тринѣ (по копѣйкѣ), да по стакану вина, тамъ мы и пустимъ васъ!»

Дружка еще долго страдалъ ихъ. Ребятишки начинали уже терять храбрость; но тутъ имъ на помощь стали являться ихъ сердобольныя бабушки и матушки.

— «Што ты, што ты, сваточникъ! Ничъ такто можно? Да таки, какъ добрые люди, одѣли ихъ по тринчѣ, да поднеси винца по стаканчику, они и пойдутъ сая!» «Ты поглянька» продолжаютъ бабы, «на какихъ они надушкахъ-то сидятъ, ня грѣхъ и по смеркѣ одѣлать!»

Дружка сдается, подноситъ ребятишкамъ вина и даетъ пятачекъ на всю братію.

Ребятишки сначала напуганные строгостью дружки, а потомъ обрадованные наградой, высыпають градомъ изъ за стола. А на полу свахи и дѣвишницы одѣвають невѣсту: сначала онѣ ее обуваютъ, причемъ кладутъ ей въ сапогъ серебрянный гривешикъ для того, чтобы богато жила, потомъ надѣвають на нее все, причемъ ея мать всходитъ и крестить каждую принадлежность костюма; голову вмѣстѣ съ лицомъ накрываютъ кпсейнымъ полотенцемъ; въ пазуху кладутъ ей кусочекъ мыльца, рябиновыхъ и яблонowychъ листиковъ для того, чтобы не испортили злые люди. Потомъ всходитъ братъ невѣсты, садится и расплетаетъ ей косу, а она нагнувшись и прижавъ платокъ къ глазамъ, плачетъ и голосить:

1891.

Расплати, братяцъ!

Косу росу! (русу)

Ужой моя косочка

Открасовалася!

Удолъ по спинуншкѣ

Отлежалася!

Какъ же мнѣ, горькая,

Ў чужіе люди пойтить!

Какъ же мнѣ, горямыкай,

Чужимъ людямъ угодить?

Тутъ братъ невѣсты уходитъ, а мать, обнявъ свою дочь, голосить вмѣстѣ съ нею. Къ нимъ

пристаютъ еще разныя тетки и сестры и всѣ оглашаютъ избу заунывной голосъбой. Но вдругъ раздается голосъ дружки: «Ну, ну, сватуньки! будя вамъ! сходите-ка суди! пора!»

Невѣсту сводятъ съ полу, сажаютъ на лавку у конца стола, на которомъ лежитъ *корвега*, обшитая холстиной. Тутъ дружка подходит и наклоняетъ голову невѣсты на эту корвегу; потомъ подводитъ къ ней жениха и говоритъ: «Ну-ка, погляди-ка! твоя ли это?» Женихъ поднимаетъ голову невѣсты, цѣлуетъ ее и садится на правую сторону. Дружка замѣчаетъ:

«Ишь ты, свое-го узналъ, не ошибся!»

Затѣмъ подходитъ мать невѣсты, беретъ за головы жениха и невѣсту, прислоняетъ ихъ другъ къ другу, обводя ихъ три раза вокругъ шириной, послѣ чего эту ширинку засовываетъ за пазуху жениху и уходитъ. Все поѣзжанье садятся за столъ; имъ подають обѣдъ, опять постный. Женихъ съ невѣстой не ѣдятъ, а только цѣлуются, когда кто говоритъ: «горько». Въ это время посреди избы *двучиницы* обыгрываютъ сначала жениха съ невѣстой, а потомъ и всѣхъ поѣзжающихъ. Послѣ обѣда все поѣзжанье выходитъ на дворъ, а дружка ставитъ жениха съ невѣстой опять на шубу, посланную кверху шерстью, отецъ и мать «баславляютъ» ихъ иконой, при чемъ всѣ, не исключая и невѣсты, опять оглашаютъ избу жалобной голосъбой. Дружка силою отрываетъ рыдающую невѣсту отъ матери и ведетъ ее на дворъ вмѣстѣ съ женихомъ. Подводитъ ее къ будкѣ (бричкѣ), она взлѣзаетъ на телѣгу и стояклянется на всѣ четыре стороны и садится въ будку. Поѣздъ съ пѣснями съѣзжаетъ со двора и направляется къ церкви.

Послѣ вѣнца молодую чету везутъ въ домъ свекра. Тутъ на дворѣ толпится народъ, изъ среды котораго выдѣляется одна баба, одѣтая въ вывернутую баранью шубу, съ громадной мохнатой шапкой на головѣ, держа въ рукахъ блюдо съ овсомъ; только что молодые покажутся въ воротахъ, она беретъ горсть овса и бросаетъ молодымъ прямо въ глаза, что она продолжаетъ до тѣхъ поръ, пока они не подойдутъ къ отцу съ матерью, которые у дверей встрѣчаютъ ихъ съ иконой и съ хлѣбомъ-солью. Тутъ эта баба въ шапкѣ и посторонніе молодайки и дѣвушки поютъ встрѣчную пѣсню:

1892.

Стривай, мати, сына! 2
Твой сынъ-соколъ ѣдя! 2
Пирамѣнушку везетъ, 2
Пирамѣннаи ручьи! 2

Вошедши въ избу, молодые и все поѣзжанье садятся за столъ и ужинають, но молодые не

ѣдятъ. Тутъ каждый, кто только возьметъ въ руки стаканъ съ виномъ, прикушавъ, говоритъ: «горько!»

Молодые теперь уже считаютъ себя обязанными цѣловаться и цѣлуются обыкновенно по три раза. И рѣдко кто скажетъ горько одинъ только разъ, а то все по два, да по три раза и все съ разными шуточками: то скажетъ, что вино насорено сажей съ потолка, то, обращаясь къ молодой, говорятъ: «пу-ка, Акулюшка, подсласти ты ишшо!» и молодая первая подставляетъ свои губы для поцѣлуя своему мужу. Или вдругъ одинъ мужикъ, не допивъ полрюмки вина, выплескивая его подъ потолокъ, говоритъ: «молодымъ на кудирцы!» Другой точно также выплескивая вино, восклицаетъ: «шобы наши молодые тахта попрыгивали!»

Послѣ этого ужина молодыхъ сажаютъ за столъ, на полу и «кормятъ» послѣ чего дружка съ подружкомъ ведутъ молодыхъ въ *хизокъ*¹⁾ на дворъ, хотя бы то было среди зимы и въ лютый морозъ. Въ хизкѣ молодые остаются до утра.

На другой день отецъ молодого посылаетъ подружку позывать сватовъ на каравай. Подружка, войдя въ избу свата, здоровается съ ними и говоритъ: «Милости просимъ, сваточки, сватуньки, къ намъ ѣ гости, провѣдать молодого князя съ княгиней!»

Приглашенныя, собравшись всѣ (человѣкъ 50), ѣдутъ длиннымъ поѣздомъ «каравай кронть». На одной телѣгѣ везутъ сундукъ съ приданнымъ молодой.

Весь этотъ длинный поѣздъ съ народомъ ѣзжаетъ на дворъ къ свату, всѣ сходятъ съ телѣгъ, входятъ въ избу. Тутъ вокругъ стола сидятъ бабы, старики и каждый не безъ дѣла: одинъ старикъ длинной палкой третъ табакъ въ горшкѣ, другой со свалкой въ рукѣ починиваетъ старый лапотъ; одна баба прядетъ веретенномъ хлопья, другая шьетъ и т. д. Вошедшіе, помолясь Богу, говорятъ:

«Здрастуйте! добранъ люди! Помогай Богъ работѣ вашей!»

— «Спасибо, спасибо» отвѣчаютъ тѣ, стараеся быть серьезными.

«Что это вы къ намъ пришли?»

— Да ишь што пришли, ярочка у насъ пропала, такъ не болтается ли у васъ какая чужая?

«Нѣтъ, жалкан! у насъ нѣту! Какая жъ ваша ярочка-то?» спрашиваетъ старуха.

— Да бѣленькая съ хвостикомъ (съ косой бывшая невѣста, а теперь она въ вичкѣ).

«Нѣтъ жалкан, такой мы не видали и нѣту у насъ» отвѣчаетъ старуха.

¹⁾ Этого слова у Дая нѣтъ, а есть: «*хиза*», — старин. и *хизина*, прк. хижка, хижина.» Съ Оп. обл. велкор. слов. значитсѣ: *хиза* — шалаши въ лѣсу.

— Да, можетъ, вы и не разглядѣли, какъ она учира ѳвечира, ѳскочила къ вамъ и заночевала. Семъ-ка мы, поладимъ по двору-то.

«Што глядѣть?!» кричитъ старикъ сердито и выходитъ изъ за стола. Сказано нѣту, да и шабашъ! Ишь вѣдь тутъ болтаются!» продолжаетъ онъ, горячась, работали-бы вы лучше дома и добрымъ людямъ не мѣшали бы!»

— «Ну, ну, старичокъ, ни сирчай! Чаго жъ ты сирчаешь? Ну и поладѣли-бъ мы, твоихъ вѣдь не поведемъ! А нѣту и нѣту, ну и ня нужно!»

«То-то! Вѣдь я вамъ толкомъ говорю, што нѣту,» говоритъ старикъ смягчаясь.

Въ концѣ концовъ они мирятся. Дружко вводитъ молодыхъ, становить подлѣ пола; сваха стоитъ рядомъ съ молодыми и держитъ въ рукахъ блюдо съ дарами. Начинаютъ подходить подлѣ *поцаловки*: прежде подходятъ вмѣстѣ отецъ съ матерью молодого, или, если есть дѣдъ съ бабкою. Тутъ продолжается часа три та же церемонія, что была и на образованьѣ.

Послѣ *поцаловокъ* молодыхъ и гостей посадили за столъ. Дружко взялъ корвегу хлѣба, наклонилъ головы молодыхъ, держа корвегу на головахъ, а подружко разрѣзалъ ее пополамъ; въ этомъ именно и состоитъ *кроеніе каравая*. Потомъ начинался обѣдъ, но молодые и тутъ не ѣли, а только какъ кто выпьетъ вина, да скажетъ «горько», они опять вынуждены были цѣловаться и все по три раза.

За столами происходилъ говоръ или послѣ какаголибо кушанья затягивали пѣсню: за однимъ кончаютъ пѣсню, а за другимъ запѣваютъ, а потомъ этотъ гулъ сливается вмѣстѣ. Приспѣшницы подаютъ на столы: одна въ смѣшномъ колпакѣ, а другая въ тряпкахъ, до безобразія увернутыхъ вокругъ головы. По окончаніи обѣда шумъ, говоръ и пѣсни еще усилились и тутъ, какъ говорится, дымъ поднялся коромысломъ: всѣ и молодые и старые закричали пѣсни и заплясали. Вотъ бабы пошли плясать по лавѣ конике, приспѣшница въ колпакѣ вскочила на скамейку, и заголосила:

1893.

Хата моя, хата моя,
Хата моя выновая,
Хата моя выновая!
Ва тый хата, ва тый хата
Ва тый хата доска лижала 2
Ляжить доска, ляжить доска,
Ляжить доска, тонка, хлеска, 2

По тый доскѣ, по тый доскѣ,
По тый доскѣ свекоръ ходя, 2
Свекоръ ходя, свекоръ ходя,
Свекоръ ходя, жура броня; 2
Жура броня, жура броня,
Жура, броня ни за дѣло,
Ни за дѣло, ни за дѣло,
Ни за дѣло, за бяздѣля: 2
Гулять пошла, гулять пошла,
Гулять пошла, ню спросилась 2
Съ гульбы пришла, съ гульбы пришла
Съ гульбы пришла ня бѣявила. 2

Затѣмъ стали пѣть величальныя пѣсни.

Въ хизѣ въ это время переодѣвали молодую: свали съ нее дѣвичью юбку, полотенецъ съ головы, а надѣвали паневу, голову убирали въ кичку, подзатылень и сороку съ опушками.

Сваты между тѣмъ уѣзжаютъ къ себѣ и опять во всю дорогу кричатъ пѣсни и пляшутъ на телегахъ. По приѣздѣ они сейчасъ набрали столы, какъ тамъ было, поставили на нихъ изъ тѣста ржаные прѣсные пироги и штофа по три на каждый столъ водки, и все это сверху закрыли скатертями. Хозяинъ посылаетъ приглашать въ *отводы* сватовъ. Собравшись человекъ 50, они всѣ, вмѣстѣ съ молодыми, уѣзжаютъ туда. А тутъ за столъ, какъ и у свата, было усѣлись старики и старушки съ домашней работой. И также какъ на короваѣ послѣ шуточныхъ переговоровъ и ссоръ мирятся. Молодыхъ и всѣхъ гостей сажаютъ за столъ и также шутовски наряженные приспѣшницы подаютъ обѣдъ. Подается, какъ у тѣхъ сватовъ свиная голова съ квасомъ; затѣмъ подаютъ на каждый столъ по курицѣ, — тоже съ квасомъ, потомъ окорокъ вареной ветчины или свѣжины со щами, далѣ говядину или баранину обжаренную, потомъ по гусю или по индѣйкѣ, тоже обжаренные, а тамъ жаренато поросенка, жареную ржаную лапшу и наконецъ кашу съ саломъ. Передъ каждымъ кушаньемъ подносятъ каждому по два стакана вина и каждый, какъ только пьетъ говоритъ: «горько» и молодые цѣлуются. На этотъ разъ за столомъ молодые уже и ѣдятъ и пьютъ, какъ и другимъ подносятъ водки. Молодая въ домѣ отца дѣлается смѣлѣе и потчуетъ своего свекра, свекровь и другихъ родныхъ: такъ, напримѣръ, поднося стаканъ водки свекру она говоритъ: «На, батюшкѣ, выпай!» — «Да ну, Акулюшка, выпай сабѣ сама-то!» — «Нѣтъ, нѣтъ, батюшкѣ, выпай ты, да ну, пожалуйста, пожалуйста, выпай!» Свекоръ беретъ стаканъ и пьетъ, а молодая встанетъ и руками взявшись за дно стакана

опрокидываетъ его насильно въ ротъ своему батюшкѣ. Или начнутъ подкладывать кушанья своимъ близкимъ, новымъ родственникамъ, а то встанетъ, поклонится всѣмъ гостямъ и говоритъ: «кушайте, кушайте, мои дорогіе гостечки любимыя!» А тамъ свахи, да прислѣшницы кричатъ попеременно: «кушайте сваточки, сватушки! Съ сахаромъ ѣ душку!» Въ половинѣ обѣда гости, насытившись и подъ влияніемъ выпитой водки, опять начинаютъ за столомъ кричать или лучше сказать ревѣть пѣсни, особенно если пѣсни тягольные, то это пѣніе очень похоже на ревъ звѣрей. Заалилываютъ, бьютъ въ ладоши подпоясывая, а послѣ обѣда — все закружилось, залясало: крикъ, топотъ, хлопанье ладошъ все заглушило. Тутъ и старушки, что говѣютъ каждый постъ и исповѣдаются и которыя за тысячу рублей не дадутъ оскоромиться въ среду или пятницу даже трехлѣтнему своему внуку, а сами лучше дадутъ свою голову на отсѣченіе, нежели дадутъ себя оскоромить», какъ говорятъ они сами, — эти набожливныя старушки за столомъ въ ладоши бьютъ и пѣсни кричатъ своимъ старческимъ дребезжающимъ голосомъ.

Долго, до глубокой полночи кричить, кружится эта толпа пьянаго православнаго люда, потрясая крикомъ и шумомъ это бѣдное закомѣнное зданіе деревенской хаты.

Наконецъ все нѣсколько утомилось и длинный обозъ потянулся со двора, поѣхалъ и скрылся изъ вида, но крикъ пѣсень все еще доносился до слуха.

Молодые здѣсь остаются ночевать. Подъ утро все утихаетъ и засыпаетъ крѣпкимъ пьянымъ сномъ подъ покровомъ темной осенней ночи.

На другой день эти два свата съ гостями, по заведенному, позовутъ другъ друга на разгулки, попируютъ какъ и вчера. Затѣмъ опять потечетъ будничная жизнь ихъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Зап. учительн. народн. училища г-жей М. Кириловой.

Того же уѣзда, деревня Подъяковлева.

(Разсказъ очевидца).

Женился въ этой деревнѣ крестьянскій паренъ на крестьянской же дѣвушкѣ. Пропой невѣсты или, что то же, предварительная помолвка, происходитъ у нихъ обыкновенно, какъ и вездѣ почти въ крестьянскомъ быту. Наканунѣ ихъ свадьбы, въ домѣ невѣсты было празднество, подъ названіемъ «дѣвичникъ». Празднество это состояло въ слѣдующемъ: Невѣста, нарядившись

еще въ сумеркахъ, въ ожиданіи своего жениха, сѣла на лавкѣ верхняго пола. Нарядъ ея состоялъ: въ головной повязкѣ платкомъ по лбу и части головы такъ, что макушка вся была открыта. Изъ подъ платка видѣлась на лбу мишурная узкая бахрама, а заплетенная коса, окапчивающаяся вилетенною въ нее широкою шелковою, коричневаго цвѣта, лентою, лежала вдоль спины. Одѣта была невѣста въ пунцовомъ, съ большими цвѣтами, сарафанѣ, а посверхъ него теплая, на ватѣ, нацѣвая, синяго цвѣта, поддѣвка съ фалдами, со сборками пазади и отъ лифа и, сверхъ сего, покрыта бѣлымъ полотномъ. Подлѣ невѣсты усѣлись: мать ея и замужняя сестра, которыя, до прибытія жениха, при появленіи какого либо посѣтителя голосили, оплакивая дѣвичью жизнь своей дочери-невѣсты. Между тѣмъ подружки невѣсты, разряженныя также въ сарафанахъ, сидя за накрытымъ бѣлою скатертью столомъ, пѣли:

1984.

Пыль, пыль по дорожкѣ, 2
Туманъ, туманъ по дубравкѣ.
Да по этой-то дорожкѣ, 3
Да по этой-то широкой, 3
Андреянъ сударь ѣдетъ; 3
Онъ плеткою машетъ: 3
«Догадайся, Авдотья! 3
Промети дороженьку, 3
Вистели полотнами, 3
Шитыми ручниками! 3
Заглянь во чисто поле, — 3
Андреянъ сударь ѣдетъ: 3
Подъ нимъ конь играетъ, 3
Что соколъ летаетъ; 2
На ѣмъ кунья шуба 2
Слѣды заметаешь, 3
На ѣмъ сафьянъ сапогъ, 2
Что травушка вянетъ, 2
На руѣ золотъ перстень. 3

1895.

Не во трубушку трубить,
Рано по зарю, 2
Авдотьюшка плачетъ
По русой по косѣ: 2
«Ой свѣтъ, моя косушка,
Коса русая! 2
Да вечеръ мою косушку

Дѣвушки плели, 2
Золотомъ, серебромъ,
Косу обвили, 2
Алую ленточку
Въ косу уплели. 2
Богъ судья Андреянь Васильичу,
Васильевичу, Васильичу:
Прислалъ ко мнѣ свашеньку,
Не милосливу, не жалосливу:
Стала мою косушку
Чесать и трепать, 2
Золото, серебро,
Рвать и бросать, 2
Алую ленточку
У ногамъ топтать.» 2

1896.

Тихая Волга на Дунай течетъ,
Смирная Авдотья на думахъ сидитъ,
Думаетъ Авдотья думу ерѣвную,
Думаетъ Никитична думу ерѣвную:
Какъ-то мнѣ быть, 2
Во чужд люди итти! 2
Какъ привыкать 2
Ко чужой семьѣ! 2
Какъ назвать 2
Свекра батюшкой! 2
Какъ назвать 2
Свекры матушкой! 2
Свекоромъ назвать, — 2
Будетъ гнѣвъ дуржать, 2
Батюшкой звать, — 2,
Мнѣ не хочется;
Быть склонить 2
Сердце дѣвичье: 2
Быть назвать 2
Свекры матушкой. 2

1897.

Соловьяшка, соловей,
Отлетная пташечка!
И ой яли, али лай,
Али, али, али лай!

(Повторяется послѣ каждаго двустихія).

Куда летать, отлетать? —
Я изъ саду да у садъ,
Зеленый садъ, виноградъ.
Да кто жъ у насъ не женатъ?
Да кто жъ у насъ холостой?

— Андреянь сударь не женатъ,
Васильевичъ холостой.
Онъ и ѣздилъ, отъѣзжалъ,
Отъ села до села,
До тѣстина до двора,
До тѣстина терема,
До дѣвичьей комнаты,
До Авдотьиной кровати:
«Авдотьюшка, выди вонъ!
Никитична, выступи!»
— «Я бы рада вышла вонъ,
Мово батюшки дома нѣтъ, 2
А матушка во пиру, 2
А брать съ сестрой во торгу,
Золотыхъ ключей не пайду.»
Андреянь сударь поѣхалъ,
Поѣхавши, заплакалъ.
Авдотьюшка вышла вонъ,
Никитична выступила:
«Андреянь, сударь, воротись!
Васильевичъ, оглянься!» —
— «Я бы радъ бы воротился:
Мой воронъ конь не стоитъ,
Буень вѣтеръ шלאпу рветъ,
Ясно солнце лицо жжетъ, 2
Дробень дождикъ въ лицо бьетъ.»

1898.

Рано въ воскресенье 3
Синее море играло, 3
Авдотья потопала, 3
Ручки подавала: 3
«Да кто жъ меня вынетъ, 3
Изъ снаго моря,
Изъ великаго горя?» 3
Кидался, бросался 3
Старый старичица, 3
Сѣдая бородачица. 3
«На дно моря тону, 3
За тебя замужъ не йду.
Рано въ воскресенье и т. д.
Кидался, бросался, 3
Андреянь съ поѣздомъ, 3
Васильевичъ со большимъ, и т. д. 3
«Съ dna моря выду, 3
За тебя замужъ пойду.» 3

1899.

Андреянь ѣхалъ мимо тѣстева двора,
Онъ ударилъ копьемъ въ ворота:
«Дома ль, дома ль, Авдотьюшка душа?

Если спать — не будите вы ее!
А не спать — высылайте ко мнѣ!
Вышла, выходила, Авдотьюшка душа,
Вышла, выходила, Никитича душа,
Ставовилась на повое на крыльцо,
Простудила свое бѣлое лицо,
Воскричала громкимъ голосомъ своимъ:
«Вы сестрицы, подруженьки,
Ужъ вы бѣлыя голубушки!
Вы берите мои золотыя ключи,
Отпирайте кованныя сундуки,
Вынимайте разноцвѣтное сукно,
Вы и сшейте Андреяну кафтанъ,
Чтобъ не дологъ, не коротокъ былъ,
Во подолъ по разширѣтъ,
Ретиву сердцу прижмистѣтъ!»

Наконецъ послышался звонъ колокольчиковъ: это былъ поѣздъ жениха со своею роднею и вообще съ поѣзжанами, въ томъ числѣ съ отцомъ и матерью крестными жениха и сватомъ; послѣдняго величаютъ еще и дружкомъ. Сватомъ выбирается лицо распорядительное, на обязанность котораго возлагается угощать гостей виномъ.

Услышавши звонъ колокольчиковъ, посторонніе зрители, находившіеся въ домѣ и сѣняхъ, вышли посмотрѣть на поѣздъ жениха, всѣ же остальные остались въ горницѣ. Мать обняла невѣсту руками и громче прежняго начала голосить и причитывать; ей вторила замужняя дочь. Отецъ невѣсты, сидя на скамьѣ, задомъ къ столу, погрузился въ какую-то думу, а подруги, по прежнему, пѣли пѣсни. Три только человѣка изъ числа родственниковъ невѣсты вышли на дворъ.

Наконецъ подѣхалъ и весь поѣздъ жениха къ воротамъ дома невѣсты. Изъ числа поѣзжанъ дружка, съ кнотомъ въ рукѣ, сталъ крѣпко стучать въ ворота, крича: «Хозяинъ, отвори! Пусти почевать! Мы перемерзли.» Стоящіе на дворѣ, не отворяя воротъ, спрашивали: «Да кто же вы такіе?» — «Мы (отвѣчаетъ свать) — охотники: ѣздили ловить лисницъ, перепелицъ и красныхъ дѣвицъ, да вотъ и запоздали, а между тѣмъ намъ показалось, что сюда будто бы шарнула лисичка, вотъ подѣ эти ворота, въ этотъ дворъ!» — «Мы (отвѣчаютъ стоящіе на дворѣ), хотя и давно стоимъ въ этомъ урочищѣ, но никакой лисички не видали: поищите скорѣй у сосѣдей!» — «Нѣтъ (говоритъ свать), зачѣмъ у сосѣдей? Мы хорошо видѣли, что сюда моргнула.» — «Ну, да пожалуй, мы пустимъ васъ почевать: не будетъ ли отъ васъ что нибудь за это?» — «Я (говоритъ свать) за цѣною не постою, лишь бы отыскать краснаго звѣрка; будетъ при этомъ и выпивка и закуска.» При этихъ словахъ ворота немного отворились,

и стоящіе на дворѣ высунулись впередъ и потребовали обѣщанной платы. Свать вынулъ изъ одного кармана своего дубленнаго полшубка бутылку вина, а изъ другого стаканъ, и сталъ ихъ угощать: поднесъ имъ по два стакана. Ворота отворились пастежъ, и поѣздъ двинулся на дворъ и остановился при входѣ въ сѣни. Свать отправился въ домъ осматривать помѣщеніе, а женихъ и всѣ, при немъ находившіеся, остались на своихъ мѣстахъ. Свать, войдя въ домъ и видя, что дѣвицы поютъ пѣсни, ударилъ по столу кнотовищемъ и загорланилъ: «Это что за пародъ? Пошли вонъ изъ-за стола! Да гдѣ же хозяйникъ?» Хозяинъ, отецъ невѣсты, сталъ передъ сватомъ: «Для чего я тебѣ, голубчикъ, пужень?» — «Какъ, для чего? Развѣ ты не понимаешь? Пустить насъ ночевать; говорилъ, что будетъ просторно и покойно, а между тѣмъ у тебя полонъ домъ пароду?» — «Кто (отвѣчаетъ хозяйникъ) обѣщалъ тебѣ просторъ и покой, съ того и взискавай, а я тебѣ о томъ ничего не говорилъ. Да, впрочемъ, что о томъ толковать? Попроси-ка лучше вотъ ихъ (указывая на дѣвицъ): онѣ тоже пародъ заѣзжій, можете быть и уступить вамъ свои мѣста, и тогда вамъ будетъ просторно и спокойно.» — «А что (говоритъ свать): и впрямь, не лучше ли съ ними обойтись поласковѣе и поторговаться, а натурой, пожалуй, ничего не возьмешь.» Вслѣдъ за тѣмъ, обратясь къ дѣвицамъ, онѣ сказали: «Красны дѣвицы, перепелицы, сладкія пѣвицы! Уступите намъ свои мѣста: мы народъ заѣзжій, перезябли и нуждаемся въ покоѣ.» — «Пожалуй (отвѣчаютъ дѣвицы): что же намъ за это будетъ?» — «За цѣною (говоритъ свать) не постою и, кромѣ того, будетъ выпивка и закуска.» — «Если все это будетъ, то мы тотчасъ же и уступимъ.» Свать, вышедши къ поѣзжанами, взявъ у нихъ все, что нужно для угощенія дѣвицъ и, возвратясь, поставилъ на столъ три ржаныхъ пирога на деревянномъ блюдѣ, часть убойны, крупной коровы на деревянной тарелкѣ и гривну денегъ; потомъ, доставши изъ за пазухи стаканъ и штофъ вина, сталъ подносить имъ вино. (Всѣхъ дѣвицъ за тремя столами сидѣло 20 человѣкъ, между ними было 5 молодыхъ женщинъ). Это угощеніе продолжалось довольно долго, такъ какъ ни одна изъ дѣвицъ не отказывалась отъ вина и, кромѣ того, взявши стаканъ, кланялась свату. Выпивши, дѣвицы взяли пироги и убойну, корову и деньги, и пошли черезъ сѣни на другую половину дома. Свать же отправился на дворъ за женихомъ и, взявши за руку, ввелъ его въ домъ, гдѣ они вмѣстѣ помолились Богу, поклонились присутствующимъ и прошли въ бутъ, гдѣ женихъ сѣлъ на лавкѣ. Мать

жениха и прочіе родственники принесли въ коробахъ съѣстные припасы, которые поставили на лавку, гдѣ сидѣлъ женихъ. Потомъ мать поставила на столы два крупчатыхъ круглыхъ пирога, служащихъ для украшенія стола и вмѣстѣ символомъ соединенія жениха и невесты. Эти пироги всегда должны стоять для украшенія, а съѣдаются только на 2-й день брака, на *княжскомъ* обѣдѣ. Когда пироги были поставлены, свать выдвинулъ жениха впередъ и усадилъ его на скамью, задомъ къ 1-му столу, а невесту свела съ верхняго пола замужняя сестра и поставила ее противъ жениха. Отецъ невесты заговорилъ: «Ну дѣти! васъ слѣдовало бы свести чрезъ благословеніе отца духовнаго, но какъ его здѣсь нѣтъ, а образомъ вы уже благословлены, то повѣдайтесь вы между собою, и Богъ васъ тѣмъ благословитъ». Послѣ этого они поклонились другъ другу въ поясъ, поцѣловались и опять поклонились. Потомъ женихъ, взявши за руку невесту свою, отправился на другую половину дома, такъ называемую холодную, гдѣ они и усѣлись на весь вечеръ, до самаго разъѣзда гостей. Затѣмъ начались обѣды, которыхъ бываетъ обыкновенно на *дѣвичникѣ* три: 1-й столъ отъ жениха, для угошенія родственниковъ и гостей невестинныхъ; 2-й столъ отъ невесты, для угошенія родственниковъ и гостей жениха, и 3-й общій, для угошенія общихъ родственниковъ и почетныхъ лицъ. Столъ у нихъ состоялъ большею частью изъ навареннаго разныхъ сортовъ мяса: начинался студнемъ и оканчивался крупнымъ короваемъ. За столомъ сѣли въ слѣдующемъ порядкѣ: по одну сторону мужчины, по другую сторону женщины, а въ вышкахъ, подъ божницею, крестные отецъ и мать невесты. Когда всѣ усѣлись, зажгли передъ образами 2 восковыхъ свѣчи, и затѣмъ всѣ встали, помолились и опять сѣли. Между тѣмъ свать началъ подносить гостямъ вино, поочередно, начиная съ крестовыхъ отца и матери. Дѣвицы, стоя посередъ избы, величали, сначала сидящихъ за столомъ, а потомъ находящихся въ избѣ. При каждой перемѣнѣ блюда свать обязанъ былъ подносить вино всѣмъ, сидящимъ за столомъ, а иначе они и не приступили бы къ ѣдѣ поданнаго блюда; на коровайцы же, которыми оканчивается столъ, ставятъ стаканы съ виномъ, каковое непременно, не въ очередь, долженъ выпить рѣзака, безъ чего онъ и не смѣетъ приступить къ *расчестванію*.

За столомъ поются слѣдующія величальныя пѣсни:

Женатому величаніе.¹⁾

1900.

А кто жъ у насъ большой, набольшой,
И кто жъ у насъ воеводою?

Лѣхъ, алп, алп лѣй

Алп, алп, алп, лѣй:

(Повторяется послѣ каждого двустипія).

Вадимъ сударь большой, набольшой,
Васильевичъ воеводою,
Собирается въ свою вотчину,
Въ свою вотчину, во приданую:
«Ой, Авдотьюшка, убрирай меня!
Дочь Григорьевна, снаряжай меня!»
— Ой Авдотьюшка поупрямилась,
Дочь Григорьевна поспесивилась.
«Ты напои коня изъ ведѣрочки,
Наорми коня изъ кошолочки!»
— Ой, Авдотьюшка поупрямилась,
Дочь Григорьевна поспесивилась.
Повели коня на синее море:
Синее море сколыхалось,
Вѣлая рыбаца встрепенулась,
Вороны кони испужались,
Во чисто поле разбѣжались.

1901.

Ой во садикъ, садикъ,
Во зеленомъ виноградникъ,

Ой ля, ой ля, ой ля,

Алп ля, алп ля, алп ля!

(Повторяется послѣ каждого двустипія).

Тутъ ходила, погуливала,
Молодая боярыня, 2
Авдотья Григорьевна,
Сорывала два яблочка,
Два яблочка садовыхъ, медовыхъ;
Она клала на блюдечко,
Возносила на высокій на теремъ,
Становила на дубовый столъ;
Дубовый столъ раскачается,
Два яблочка разшатаются.
Вадимъ сударь велпчается
Надъ своею молодой женой,
Надъ своею боярыней,
Надъ Авдотьею Григорьевной:

¹⁾ Поющія «Величальныя пѣсни» во время столовъ на дѣвичникѣ, въ домѣ невесты, называются: «дѣвицами пѣвицами», и на княжескомъ обѣдѣ въ домѣ жениха: «женщинами игрицами».

«Авдотьюшка, разобуй, разодрѣй,
Григорьевна, распояшь ты меня!»
— Не хотѣлось бѣлыхъ ручекъ валить,
Не хотѣлось золотыхъ перстней ломать. —
Ужъ я роду купческаго,
Я люблю сына отческаго, 2
Вадима Васильевича!

1902.

Ой па горекѣ, на горочкѣ,
На правой на сторонушкѣ,

Ой ля! (3)
Али ля! (3)

(Повторяется послѣ каждаго двустипіа).

Тутъ сидѣли два голубя,
Два голубя, да всѣ снзие,
Промежъ себя рѣчи говорятъ,
Про такого удалого молодца, 2
Михайла Ѳедотовича:
«Онъ богатъ, онъ богатѣй человекъ,
Да богатѣй его нѣтути.
Онъ съ гривенки на гривенку стуналь,
Полтинами по городу шибаль, 2
Рублемъ ворота запираль, 2
Изъ пеголи сиротъ выпускаль:
«Вы сироты, сироты мои,
Помолите Христа Бога обо мнѣ,
Обо мнѣ, объ удалой головѣ,
Объ Михайлѣ Ѳедотовичѣ!»

1903.

У насъ въ городѣ конопля росла, конопелюшка,

Ля али, али, али,
Али, ля, али, али!

(Повторяется послѣ каждаго двустипіа).

Конопелюшка — красная дѣвушка,
Красная дѣвушка, Гарафенушка,
Гарафенушка, дочь Васильевна.
Она звала братца играть на улицу:
«Братецъ миленькій, голубчикъ бѣленькій!
Мы пойдемъ съ тобой играть на улицу:
Вы съ гусями, а я съ ладонями.
Да не быть гусямъ звончѣй ладоней,
Не быть свекру милѣй батюшки,
Не быть свекру милѣй матушки.

1904.

Стелѣтся, вѣется,
По лугамъ травка зеленая:
Андрей жену цѣлуетъ,
Васильевичъ мнлуетъ:
«Душа моя, Авдотьюшка,
Сердце мое, Никитична!
Роди жъ ты мнѣ сыночка,
Роди сына у меня,
А дочерю у себя!
Учи сына грамотѣ,
А дочерю шелкомъ шить!»

1905.

А и кто жъ у насъ на коню проѣзжалъ?
А и кто жъ у насъ на ворономъ коню? —
Кузьма сударь на коню проѣзжалъ,
Пантелѣевичъ на ворономъ коню.
Авдотьюшка у веревушки стоять,
Дочь Ивановна по правой сторонѣ:
«Ой, Авдотьюшка, прими мово коня,
Ивановна, коня воронова!» —
— «Не примаю, не примаю, другъ, коня,
За великую за грубость за твою:
Часто ѣздишь ты у гости безъ меня,
А постелюшка простыла безъ тебя,
Возголовнице заиндивѣло,
Подушечки потонули у слезахъ!

1906.

«Александръ Петровичъ, свѣтъ,
Не ходи кругъ бережку!
Ли, али, али, али,
Али, ля, али, али!

(Повторяется послѣ каждаго двустипіа).

Не ходи кругъ бережку,
Не срони съ себя шапочку!
Во твоей во шапочкѣ
Да семьсотъ золотничковъ, 2
Во четыре ягоди, 2
Дорогія каменья!
Александръ Петровичъ, свѣтъ!
Кто тебя шапкой дарилъ? 2
Кто тебя пожаловаль?»
— «Ужъ я самъ въ войну ходилъ,
Ужъ я самъ царю служилъ,
Царскаго дитя качалъ
Въ золотой у люлечкѣ, 2
Въ шелковой пеленочкѣ.

1907.

У воротъ орѣшина,
У воротъ зеленая,
 Ли, али, али, али,
 Али, ля, али, али!

(Повторяется послѣ каждаго двустипія).

А на той орѣшинѣ
Колыбель повѣшена;
Во той колыбели
Качался боярскій сынъ, 2
Михайлъ Ѳеодоровичъ.
«Вы, братцы родные,
Ступите поближе, 2
Смахните повыше, 2
Чтобъ видно было далече!»
Въ зеленомъ садочку 2
Татьяна гулила, 2
Цвѣты сорывала, 2
Вѣночекъ свивала,
На головку вдѣвала,
Себя украшала.

1908.

Подъ калинкою,
Подъ малинкою,
 Ай, али, али, али
 Али, ля, али, али!

(Повторяется послѣ каждаго двустипія).

Спать, поконится
Добрый молодецъ, 2
Александръ Петровичъ.
У ногахъ стоятъ
Слуги вѣрные, 2
Дѣвки сѣнныя.
Будють, побужають,
Добраго молодца, 2
Александра Петровича:
«Ты ўстань, ўстань,
Добрый молодецъ, 2
Александръ Петровичъ!
Ты охочь ходить
Во чисто поле, 2
На синее море,
За кунницами,
За лисицами,
Все за красными
За дѣвицами.

1909.

Спасибо, Александру Петровичу,
На твоёмъ большомъ дару, ¹⁾
На твоёмъ большомъ дару,
На твоёмъ на жалованьи!
Ой да спасибо тому,
Кто хозяинъ въ дому.
Спасибо Михайлу Ѳеодоровичу,
За хлѣбъ за соль, за привѣтъ его!
То-то пили, то-то ѣли,
Душа сахарилась;
А закусочки у него
Да все сахарилы!

По окончаніи стола женихова и по выходѣ изъ-за стола родственниковъ невестинныхъ, заняли ихъ мѣста родственники жениха, а столъ пошелъ отъ невесты.

Обстановка стола одна и таже. Разница только въ томъ, что, при послѣднемъ блюдѣ, отецъ невесты вызвалъ ее съ жепухомъ передъ всѣми и сказалъ: «Дочъ! Когда-то ты будешь хозяйкой, а теперь иди-ка ты торговать виномъ и собирать на мохорчики!» При этомъ онъ далъ жениху штофъ вина, а невестѣ тарелку съ поставленнымъ на ней стаканомъ; женихъ наливалъ вино въ стаканы, а она подносила гостямъ, какъ сидящимъ за столомъ, такъ и всѣмъ, находящимся въ домѣ, и гости, выпивши вина, клали на тарелку деньги.

По окончаніи стола невестина, пошелъ столъ общій, послѣ котораго начались со стороны невесты подарки родственникамъ жениха, за что тѣ отдаривали ее деньгами. Подарки эти состояли въ полотенцахъ и бумажныхъ посовыхъ платкахъ.

Послѣ подарковъ послѣдовалъ разъѣздъ гостей. Провожая жениха, дѣвицы запѣли:

1910.

Ой пбѣць, пропоець, 2
Авдотинъ батюшка!
Пропилъ свою дочку 2
За винную бочку;
Пропилъ свою чаду 2
За винную чару;
Прѣлъ свою дочку 2
На сладкомъ кусочку.

¹⁾ Припѣвъ тотъ же, что и въ предыдущей пѣснѣ.

На другой день по дѣвичникъ.

Часовъ въ 9 утра дружка отправляется со штофомъ вина опохмѣлять невѣстныхъ родителей, а между тѣмъ на дворѣ жениха начинается приготовленіе къ поѣзду въ церковь для вѣчанія.

Передъ отъѣздомъ всѣ садятся, потомъ встаютъ, молятся Богу, отправляются въ пуньку купать жениха. Сватъ съ образомъ идетъ впереди, потомъ дядька, держа за руку жениха, а потомъ и прочія лица. По окончаніи купанья пьютъ вино. Потомъ возвращаются въ хату и садятся на прежнихъ мѣстахъ. Отецъ жениха, съ образомъ въ рукахъ, выходитъ на средину избы; женихъ дѣлаетъ три земныхъ поклона, цѣлуетъ образъ и говоритъ: «Благослови, батюшка, въ Божій Судъ пойти, златъ вѣнецъ получить!» Отецъ отвѣчаетъ: «Богъ тебя благословитъ!» и затѣмъ благословляетъ его образомъ, который, для той же цѣли, передается всѣмъ роднымъ жениха.

Затѣмъ слѣдуетъ, такъ называемый, отпускной столъ. Разсаживаются, какъ и при прежнихъ обѣдахъ; потомъ, на чайномъ блюдечѣ, подносятъ свахѣ масло коровье. Она встаетъ и говоритъ: «Батюшка родной, матушка родная! Благословите молодому Князю голову помаслить!» и, не ожидая отвѣта, продолжаетъ: «Батюшка крестный и матушка крестная! Благословите молодому князю голову помаслить! Дружка, поѣзжане и всѣ званые и незваные! Благословите молодому князю голову помаслить! И вы игрицы-пѣвицы! Благословите молодому князю голову помаслить!» растираетъ масло и мажетъ имъ голову жениха. При этомъ онъ поетъ:

1911.

Благослови, Господи, Кузьма Демьянъ!
Ладо мое!

(«Ладо мое» повторяется послѣ каждого стиха).

По сѣнямъ ходила,
На гвозди сбирала,
А на свадьбу ковала,
Для двухъ молодцевъ:
Первый молодецъ —
Андрейнъ молодецъ,
Другой молодецъ —
Авдотьюшка.
У нашего Андреяпа
Да три сестры:
Первая сестра —
Голову маслить,

Вторая сестра —
Голову чесеть,
А третья сестра —
Хмелемъ осѣваетъ.

Затѣмъ сваха мажетъ волосы всѣмъ сидящимъ за столомъ поѣзжанамъ, но не поетъ, а поютъ ту же самую пѣсню игрицы.

Помазавши волосы, беретъ гребень и причесываетъ жениха, а потомъ и прочихъ поѣзжанъ.

Послѣ того начался столъ. Всѣ, кромѣ жениха, ѣли и пили, а женихъ только приподнималъ поданное блюдо и просилъ гостей кушать. Кромѣ того, женихъ и дядька кланялись въ поясъ каждому, кому отецъ подносилъ вино.

По окончаніи стола всѣ вышли на дворъ. Впереди сватъ съ образомъ, за нимъ сваха съ хмелемъ, далѣе женихъ, дядька, поѣзжане и родственники. Всѣ поѣзжане стали около своихъ лошадей, держа въ рукахъ шапки. Сватъ, съ образомъ въ одной и съ кнутаомъ въ другой рукѣ пошелъ около приготовленныхъ въ путь лошадей, а за нимъ шла сваха и осыпала ихъ хмелемъ, а поѣзжапамъ клала хмель въ шапки. Этотъ обрядъ повторялся три раза. Потомъ всѣ разсѣлись и поѣхали къ невѣстѣ. Невѣста, уже приготовленная къ отъѣзду, сидѣла на перине; съ нею рядомъ сѣлъ и женихъ. Посидѣвши немного, они встали, вышли на дворъ, чтобы сѣсть на повозки и ѣхать въ церковь. Дѣвнцы схватили перинку и унесли ее на верхній полъ, гдѣ и запѣли:

1912.

Дружки, подружки,
Забыли подушки.
Дружокъ безтолковый,
Подай намъ цѣлковый!
Дружокъ дубинникъ,
Подай намъ полтинникъ!
Постой-ка кобыла,
Постой голубая;
На грядѣ другая;
Постой ты третья,
На грядѣ веретя.

Услыхавъ это, сватъ вернулся въ домъ и, возвратясь къ игрицамъ, сталъ съ ними торговаться за подушку. Онъ сперва требовалъ рубль, потомъ полтинникъ и сошлись наконецъ на двугривенномъ и штоффъ вина. Получивши перину, сватъ положилъ ее въ повозку невѣсты.

Потомъ всѣ сѣли по своимъ мѣстамъ и поѣхали въ церковь.

Послѣ бракосочетанія жениха съ невѣстой зашли въ церковную караулку. Тамъ сваха сняла съ невѣсты головной уборъ, и заплегла ей волосы на двѣ косы; при этомъ показала, какъ надобно повязывать платокъ.

По приѣздѣ домой жениха съ невѣстой, слѣдовали обѣдъ. Обрядъ обѣденный одинъ и тотъ же; разница только въ томъ, что женихъ съ невѣстой цѣлуются каждый разъ, когда отецъ подноситъ кому либо изъ гостей рюмку вина. Иногда пьющій говоритъ: «Горько!» и это значитъ, женихъ долженъ поцѣловаться съ невѣстой.

По окончаніи стола молодыхъ ведутъ въ клѣтъ. При чемъ игрицы поютъ:

1913.

Меня младу ў клѣтку ведутъ,
Меня младу отъ стѣнки кладутъ;
Не шолкова нитка къ стѣнѣ льнетъ
Андрей въ Авдотьюшку къ сердцу жметъ,
Андрей въ Авдотьюшку спрашиваетъ:
Кто тебѣ Авдотьюшка, изъ роду милъ? —
Милъ мнѣ, милешенькѣ, батюшка,
Мила мнѣ, милешенька, матушка.
(не конченная).

Въ клѣтѣ устроена для молодыхъ постель, передъ постелью столикъ. Туда имъ подають разныя яства и питье, но предварительно подается жаренная курица, у которой одно крылышко надрѣзано. Эта курица назначена «къ разорву». Молодые берутся руками за крылышко и разрываютъ курицу. При этомъ у молодой остается только одно крылышко, а у молодого осталась часть курицы, которая ими и съѣдается. Потомъ имъ подаются и другія блюда. Послѣ стола дядька и сваха выходятъ изъ клѣтѣ, а дружка остается, чтобы уложить молодыхъ въ постель, приказывая имъ раздѣваться какъ слѣдуетъ. Потомъ кладетъ молодую къ стѣнѣ, а молодого рядомъ съ нею, но такъ, чтобы молодая легла на руку молодого, и на оборотъ, переплетается имъ ноги и выходитъ изъ клѣтѣ. При этомъ дѣвицы, стоящія у входа въ клѣтъ, поютъ:

1914.

Куры на насѣсточку хотятъ
Цѣлушечку распѣваетъ,
Туда жъ поспѣваетъ.

Пропѣвши это, всѣ уходятъ въ домъ, оставивъ молодыхъ въ клѣтѣ. На другой день, утромъ, дружка и сваха поднимаютъ молодыхъ съ постели и, одѣвши ихъ, приводятъ въ домъ, гдѣ ихъ поздравляютъ съ благополучнымъ препровожденіемъ ночи. Молодая даритъ гостямъ полотенца.

Потомъ слѣдуетъ «Княжой обѣдъ», послѣ котораго всѣ гости разъѣзжаются по домамъ.

На другой день, молодая, вставши съ постели, беретъ вѣникъ и мететъ избу. Мать молодого при этомъ говоритъ:

«Избу мети, мети,
И соръ подъ порогъ гнети,
И въ сору добра гляди!»

И потомъ ей объясняетъ, чтобы она не выносила на улицу (не рассказывала людямъ) того, что дѣлается въ домѣ.

Прежде метенія пола кто либо изъ семейства бросаетъ въ соръ деньги и вещи, чтобы узнать характеръ невѣсты: объявитъ ли она о своей находкѣ, или нѣтъ?

Если невѣста объявляетъ о своей находкѣ, то все найденное остается въ ея пользу, потому что всѣ отказываются отъ потери, говоря, что это ея счастье.

Въ первые дни послѣ бракосочетанія занятіе невѣсты состоитъ въ метеніи пола и приносеніи воды и дровъ. Далѣе жизнь молодыхъ идетъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Зап. А. П. Чулковскій въ 1862 г.

Той же губерніи, Епифанскаго уѣзда.

(Со словъ крестьянки деревни Оедосовки).

На пропой и на дѣвичникъ невѣсту посадятъ отдѣльно одну куда нибудь; дѣвушки сидятъ за столомъ, приходитъ женихъ. Жениховы родные и гости кланяются на всѣ четыре стороны и сваты жениховы говорятъ: «Что вы сказали: просторная квартира, а потомъ занятая?» Сваха, или свать, невѣсты отвѣчаетъ: «Можно съ нимъ садиться: онъ пустатъ!» Тутъ гости сважутъ дѣвушкамъ: «Пустите насъ! Вы ужъ согрѣлись, здѣсь давно, а мы иззябли.» Тѣ говорятъ: «Намъ самимъ нужна квартира!» Гости: «Мы васъ впустомъ!» Тутъ запоютъ:

1915.

Ты дуракъ, дружокъ,
Ты дуракъ, курвинъ сынъ!
Голова гладка
Какъ у выблядка,
А зубы рѣдкы
Какъ у чорта дѣтны!
Дѣвки дружка били,
Подъ печкой забили, 2
Ступой заваляли, 2
Толкачами забили.

«А у насъ скалка готова!» (постукивал ею).
«Нельзя ли намъ, дѣвушки, сойтись?» и съ этими
словами ставятъ имъ на столъ водку, пироги и
говядину. Дѣвушки тотчасъ ототкнувъ полштофъ
и бросаютъ пробку.

Гости тутъ кладутъ денегъ на всѣ четыре угла
стола и посередъ стола.

Полштофъ они закрываютъ деньгами. Дѣвушки
собираютъ со стола все и уходятъ, благодаря,
въ другую комнату. Тамъ онѣ пьютъ и ѣдятъ
принесенное гостями. Сваты между тѣмъ садятся
за столъ, сажаютъ родныхъ пѣвѣсты.

Тутъ они подносятъ вино хозяевамъ и род-
нымъ пѣвѣстамъ. Начинается обѣдъ.

Послѣ обѣда выводятъ къ нимъ пѣвѣсту. Она
здоровается съ женихомъ и со всѣми его род-
ными. Немного посидѣвъ, женихъ съ пѣвѣстой
выходятъ изъ-за стола. Жениху даютъ штофъ
вина въ руки, пѣвѣстѣ подносы и рюмку. Женихъ
наливаетъ въ рюмку вина, а пѣвѣста обноситъ
такимъ образомъ всѣхъ гостей, изъ которыхъ
каждый кладетъ на подносъ деньги, а родные
пѣвѣсты дарятъ родныхъ жениховыхъ платками,
полотенцами, за что тѣ опять дарятъ деньгами.
Женихъ съ пѣвѣстой выходятъ въ другую гор-
ницу, тамъ ихъ сажаютъ за столъ и ставятъ имъ
закуску. Посидѣвъ немного, гости разѣзжаются
по домамъ, женихъ тоже уходитъ, прощаясь и
цалуясь съ пѣвѣстою и со всѣми родными, и
уѣзжаютъ домой. Дѣвушки остаются ужинать у
пѣвѣсты, но, поужинавши, и онѣ уходятъ домой.

На стоворѣ, когда пріѣдетъ женихъ, дѣвушки
поютъ:

1916.

Какъ у насъ по саду рѣка текла,
По изюму разливалась,
Берега были хрустальные,
Желты пески виноградные.
Какъ у насъ въ городѣ Епифани,

Въ каменныхъ было палатахъ,
Противъ столика убраннаго,
Противъ дерева краснаго,
Противъ зеркала хрустальнаго,
Здѣсь чесалъ молодецъ русые кудри,
Онъ чесалъ, приговаривалъ:
«Прилегайте, мои кудри,
Къ моему лицу къ бѣлому!
Привыкай, Авдотья Михайловна,
Къ моему уму, разуму,
Ко здраву молодецкому!»

1917.

На маковѣй соловей,
Онъ весь мажъ приловокъ;
Миколой Александровичъ
Онъ по за рѣку гулялъ, 2
Передъ зеркаломъ стоялъ, 2
Волоса свои чесалъ.
Расчесавши свои волосы,
Заставлялъ ихъ цѣловать:
«Палагея Ивановна, поцѣлуй,
Радость моя, поцѣлуй!»
Миколой Александровичъ!
— «Когда жъ тебя цѣловать?
Меня милыя подружки
Въ садѣ гулять меня зовутъ,
Подъ грушицей зеленой
Оставляютъ меня одное.
Не шуми ты, груша зеленая,
Не шуми ты надо мной!
Ежели будешь ты шумѣть,
Засушу, груша, тебя;
А не будешь ты шумѣть,
Сваряжу, грушу, тебя:
Куплю лентъ алыхъ, голубыхъ,
А по лентончкамъ жемчугу.»

1918.

Кустикъ, кустикъ, вустовой,
Ракитовой, листовой!
А кто у насъ холостой,
Да кто жъ у насъ не женатъ?
— Андрей сударь холостой,
Ивановичъ не женатъ,
На ѣмъ кафтанъ голубой,
Шапочка плисова,
Въ шапочки три узла:
Первый узелъ—гардамонъ,
Другой узелъ—любовъ цѣтокъ,

Третій узелъ,—василекъ.
«На что жъ тебѣ гардамонъ?»
— «Чтобы мальчикъ гордень былъ.
«На что жъ тебѣ василекъ?»
— «Чтобы мальчикъ веселъ былъ»
«На что жъ тебѣ любъ цвѣтокъ»
— «Чтобы дѣвки любили,
Молодушки хвалили.»

1919.

Подари, Алексѣй сударь, подари!
Аль у тебя, сударь, денегъ нѣтъ?
Займи у товарища, друга милова,
Займи у свѣтъ Марьюшки!
Аль тебя дѣньга родила?
Аль тебя подушка вскормила?
Подари, сударь Алексѣй, подари,
Не рублемъ, полтиною,
Полтиною, золотою гривною,
Отъ гривны, что пожалеешь!

1920.

У насъ на горѣ стоитъ елочка,
Подъ горой свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ свѣтъ Марьюшка сидитъ,
Приходить къ ней батюшка,
Онъ звалъ свѣтъ Марьюшку съ собой:
«Пойдемъ, пойдемъ, Марьюшка, со мной!»
— «Я не йду, не слушаю тебя:
Ночи темныя, не мѣсячныя,
Лѣса глухіе, караула нѣтъ,
Рѣки быстрыя, перевозу нѣтъ.»

У насъ и т. д.
Приходила къ ней матушка,
Она звала свѣтъ Марьюшку съ собой:
«Пойдемъ, пойдемъ, Марьюшка, со мной!»
— «Я не йду, не слушаю тебя» и пр.

У насъ и т. д.
Приходилъ къ ней Алексѣй государь,
Онъ звалъ Марьюшку съ собой:
«Пойдемъ, пойдемъ, Марьюшка со мной!»
— «Я йду, йду, послушаю тебя:
Ночи видныя, мѣсячныя,
Лѣса глухіе, караула есть,
Рѣки быстрыя, перевозу есть.»

Когда прїѣдетъ женихъ, онъ закунаетъ у дѣ-
вушекъ мѣсто, за которое владеть на столъ отъ

двухъ до трехъ рублей. Всѣ разсѣдуются вокругъ
стола: женихъ съ невѣстой сядутъ рядомъ и па-
чипается угощеніе. Потомъ дѣвушки поютъ:

1921.

Какъ во горенкѣ пластовой
Сидятъ дѣвушки съ покоемъ;
Сидитъ молодецъ съ дѣвицей,
Какъ молоденькій паренекъ,
Точно ясный соколъ,
Какъ Иванъ у насъ дѣтиска,
Точно ягода малинка:
По горенкѣ пройдетъ,
Точно лава проплыветъ,
Станетъ рѣчи говорить,
Точно лебедь прокричитъ:
Встань, Авдотьюшка, душа,
Встань, Михайловна, душа!
Я впервой въ гости пришелъ,
Семь подарочковъ принесъ:
Я принесъ тебѣ подарокъ,
Штучно платье со каймой,
Съ золотою бахромой,
Какъ во ушки сережки жемчужные,
А на шею-то платокъ,
Точно аленькій цвѣтокъ.

1922.

Стелется, вьется,
По лугамъ трава шелковая,
Цѣлуешь, мнуешь,
Иванъ душу женушку,
Семеповичъ подушку:
«Душка моя, женушка!
У насъ съ тобой животы
Съ тоски не дѣлены.
Какъ пойдемъ мы съ тобой,
Во зеленъ садъ гулять,
Сорвемъ мы съ тобою
Два аленькихъ цвѣточка,
Пошлемъ мы съ тобою
Ко батюшкѣ гостинцы:
Ужъ эти ли наши гостинцы
Въ честь пошли и въ славу!

1923.

Какъ у рюмочки у серебряной,
Золотой у нея вѣничекъ, —

Какъ у Михайла у Ивасовича,
Дорогой у него разумъ:
Гдѣ ни пьеть, гдѣ ни кушаетъ,
Ночевать домой ѣдетъ.
Какъ сказали Авдотѣ,
Какъ сказали Михайловнѣ:
«Сердечный другъ ѣдетъ.
Авдотья, встрѣнь!
Михайловна, встрѣнь!»
— «Мнѣ некогда встрѣтить:
Я сына качаю, 2
Дорогова качаю, 2
Перемѣны себѣ чаю;
Я дочерю качаю,
Дорогую качаю, 2
Перемѣны себѣ чаю:
Куда я ни поѣду,
Все къ дочери заѣду,
Ужъ отсюда ни поѣду,
Невѣстка встрѣчается.»

1924.

Какъ у Авдотьи во горенѣхъ,
У Михайловны во спаленѣхъ, —
Розанъ, розанъ, во горенѣхъ,
Очень рано на зарѣ.
Здѣсь игралъ, гулялъ,
Молодецъ въ гусли,
А дѣвушки подпѣвали,
Розанъ, розанъ, подпѣвали —
Очень рано на зарѣ.
Авдотья танцовала,
Михайловна танцовала,
Танцовала, приустала,
Розанъ, розанъ, приустала, —
Очень рано на зарѣ.
Приустала, приустала,
У Ивана на колѣна,
У Семеновича на колѣна, —
Розанъ, розанъ, на колѣна.
Очень рано на зарѣ.
Иванъ Авдотью пробуждалъ,
Михайловичъ пробуждалъ:
«Встанъ, Авдотья, проснись!
Розанъ, розанъ, проснись,
Очень рано на зарѣ!
Встанъ, Михайловна, проснись!
Отецъ и мать не чужіе,
А все-таки же родные, —
Розанъ, розанъ, родные,
Очень рано на зарѣ!
Они хотя увидать,

Никому не скажутъ,
Они хотъ побранятъ,
Да опять примолвятъ, —
Розанъ, розанъ, примолвятъ,
Очень рано на зарѣ!»

1925.

Какъ на дубчикѣ два голубчика сидятъ,
Межъ собою разговариваютъ:
«Кто жъ у насъ молодчикъ молодой?
Кто жъ у насъ удалая голова?»
— «Алексѣй у насъ молодчикъ молодой,
Петровичъ у насъ удалая голова:
Онъ съ гривны на гривну переступаетъ,
Онъ рублемъ ворота запираетъ,
Онъ полтинникомъ отпираетъ,
Сотнями по городу швыряетъ,
Изъ неволи сиротъ выпускаетъ:
«Вы сироты, вы мои сироты!
Помолите Христу Богу обо мнѣ,
Объ моей объ удалой головѣ!»

1926.

«Кто жъ у насъ лебединъ?
Кто жъ у насъ соколинъ?»
Лебединъ мой, лебединъ,
Лебедушка бѣлая. —

(Этотъ припѣвъ повторяется гдѣ черезъ 2, гдѣ
черезъ 3 стиха).

— «Иванъ у насъ лебединъ,
Семеновичъ соколинъ:
Онъ по садикѣ гулялъ,
Сапожкомъ травку топталъ, 2
Путь дорожку искалъ,
Путь дорожки не нашелъ, 2
Самъ заплакалъ да пошелъ, 2
Къ Авдотѣ зашелъ,
Къ Михайловнѣ зашелъ:
«Постой часикъ у воротъ,
Я сбѣгаю въ огородъ:
Не поспѣлъ ли виноградъ,
Не пора ли его брать,
На серебряный подносъ класть?»
— Какъ Иванъ Михайловичъ,
Да Авдотѣ Семеновнѣ,
На серебряномъ подносѣ, 2
Виноградъ ей поднесъ.

1927.

Соловейка моя молодая
Весь маё притоптала.
Какъ Иванъ Васильевичъ
Передъ зеркаломъ стоялъ, 2
Русы кудри чесалъ.
Опъ, расчесавши русы кудри,
Просилъ Авдотью цѣловать,
Михайловну миловать.
— «Иванъ Васильевичъ,
Мнѣ не время цѣловать:
Мои милны подружки
Отпросили меня въ садъ гулять.
Во зеленомъ во саду,
Оставили меня одною
Подъ грушей зеленой.
«Ахъ ты груша зеленая!
Не шуми ты надо мною:
Если будешь ты шумѣть,
Засушу, грушу, тебя;
А не будешь ты шумѣть,
Снаряжу, грушу, тебя:
Три аршина лентовъ алыхъ,
По вѣточкамъ жемчугомъ.

1928.

«Сударыня моя, маменька!
Ты построй мнѣ повъ высокъ теремъ
Съ тремя окошками,
Съ окошками прекрасными:
Какъ первое окошечко
На чистое поле смотрѣть,
А второе окошечко
На зеленый садъ смотрѣть,
А третье окошечко
На синее море смотрѣть.
Какъ на синемъ морѣ,
Три корабли плыли:
Какъ первый корабль—
Съ дорогими съ товарамъ,
А второй корабль—
Съ брѣвьянтами, конями,
А какъ третій корабль—
Съ удалымъ молодцомъ, 2
Съ Иваномъ Семеновичемъ.
Сударыня маменька,
Поймай ты мнѣ тотъ корабль
Со удалымъ молодцомъ,
Съ Иваномъ Семеновичемъ!»
— «Дитѣ ль мое, дитятко,
Дитѣ мое милое!
Когда пора, время, придетъ,
Самъ корабль къ берегу приплыветъ,

Иванъ сударь Семеновичъ
Съ корабля долой сойдесть, 2
Во высокъ теремъ зайдетъ,
И тебя за ручку возьметъ.»

1929.

На комъ, на комъ, кудри русы,
На комъ, на комъ, по плечамъ лежать,
По плечамъ лежать, словно жаръ горять,
Словно жаръ горять, словно полныя?
Со Москвы купцы соѣзжались,
Они тѣмъ кудрямъ дивовались:
Ужъ чье это дитя, чье порождено, 1)
Въ чистотѣ дитя все положено? —
На Алексѣй кудри русые,
На Михайловичъ по плечамъ лежать,
По плечамъ лежать, словно жаръ горять,
Словно жаръ горять, словно полныя.

1930.

Какъ по лугу, лугу, по зеленому лугу,
Ходилъ голубь, ходилъ снѣжъ, со голубушкой:
Какъ у голубя сизова золотая голова,
У голубушки головушка серебрянная; 2)
У Алексѣя молодая жена,
Молодая жена, что честная госпожа.
Всѣ товарищи его позавидовали:
Кабы это да мой, братцы, жена 3)
Я не билъ бы, не журилъ,
Я бѣлилъ, румянилъ, купилъ, 2
Набѣлился бъ ей велѣлъ:
«Набѣлился, моя милая,
Нарумянялся, душа! 2 4)
Тогда будешь хороша.
Я бы лѣтомъ, я бы лѣтомъ
Во колясочкахъ возилъ,
А зимою на расписанныхъ саняхъ,

Вар.

- 1) Ужъ и гдѣ эти кудри уродились?
Ужъ кому эти кудри чесать, гладить будетъ?—
Что свѣтъ Агаѣвъ Оаддѣвнѣ.
Ужъ брала кудри на бѣлыя руки,
На бѣлыя руки, на златыя перстни.
- 2) У голубушки золотая голова,
У голубушки позолоченная,
- 3) Какъ пришелъ къ нему товарищъ,
Позавидовалъ ему.
- 4) Нарумянялся, Василиса,
Набѣлился, Ивановна!

На расписанных саияхъ,
На ямскихъ лошадяхъ»
Конн, кони, вороные,
Извозчики молодые, 2
Въ рукахъ плети шелковые:
Они ѣдутъ, погоняють,
Сами пѣсепки поють, 2
Молоду жену везуть.

1931.

Не красенъ депъ безъ красного солнышка,
Не красна свадьба безъ родимой маменьки,
Родимый ты мой батенька!
Выйди на широкую улицу,
Посмотри на всѣ четыре стороны:
Не идетъ ли, не летитъ ли,
Моя родимая маменька?
Родимый мой батенька!
Родимая моя маменька!
На великое вы меня горе зарѣдили,
Худую долей меня надѣлили,
Худымъ счастьемъ наградили:
Ни въ чемъ мнѣ счастья нѣтъ.
Что жъ я такая за горькая,
Что жъ я такая за несчастная зародилася?
Ужъ куда я ни повернуся,
Ужъ куда я ни оглянуся,
Все вокругъ меня никого нѣту,
Никто около меня не убивается,
Никто около меня не убивается.
Кабы ты была, моя родимая маменька,
Ты бы вокругъ меня убивалася,
Ты бы вокругъ меня убивалася,
А то—безъ тебя мнѣ плохо,
А то—безъ тебя мнѣ худо!
Разступися, мать, сыра земля,
Расколися, гробова доска,
Ужъ вы раскройтесь, бѣлыя полотна
Возстань-ка, моя родимая маменька,
Ты возстань, пробудись,
Приди, приди, провѣдай
Меня горькую, несчастную!
Ужъ какъ я здѣсь горе терплю,
И больше перетерплю.

Когда начнутъ убирать пѣвѣсту къ вѣнцу,
отецъ беретъ образъ; невѣста, на колѣняхъ, мо-
лится Богу и голоситъ:

1932.

Благослови меня, родимый батенька!
Я не прошу у васъ ни злата, ни серебра,
Я васъ только прошу благословеньца.

Потомъ мать беретъ образъ: тѣ же самыя
слова и передъ матерью; тѣ же и отцу крестному;
потомъ сажаютъ ее за столъ съ дѣвушками, ко-
торыя запоютъ:

1933.

Во полѣ лебедушка кричала,
Въ теремѣ Авдотья плакала,
Во высокомъ Михайловна рыдала,
Жалобу на батюшку клала:
«Богъ судья тебѣ, родимый батенька!
Вы меня, молоду, въ чужія руки отдаете,
Счастье съ любовью со двора вы долой шлете;
Засохнетъ, заблекнетъ, зеленый садъ безъ меня,
И засохнутъ два аленькихъ свѣточка.
Родимый мой братецъ, ты вставай пораньше,
Ты вставай пораньше, поливай ихъ почаще:
Какъ первый-то свѣтъ—родимый мой батенька,
А другой-то свѣтъ—родимая моя маменька.»

1934.

Не тесанъ ли теремъ, не тесанъ,
Только хорошо теремъ сограшенъ,
Разными красками расписанъ.
Не учень Федоръ Алексѣевичъ, не учень,
Только хорошо снаряженъ.
Снарядила его матушка,
Отпускала его къ тещѣ въ домъ,
Чтобы его теща приняла,
Большимъ подаркомъ подарила.
Я тотъ подарокъ принимала,
Низкой я поклонъ отдавала.

1935.

Заря ли моя, зорюшка,
Ой ляли, ой ляли!
(Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждого
стиха).

Зорюшка вечерняя,
Солнышко восхожее,
Высоко восходило,
Далеко освѣтило,
Черезъ лѣсъ, черезъ поле,
Черезъ синее море. 2
Черезъ быструю рѣчку, 2
Положи, милый, дощечку,
Чтобъ по той дощечкѣ

Никто не хаживалъ, 2
Никого не важивалъ.
Перешелъ Федоръ-сударь,
Перешелъ Алексѣевичъ,
Перевелъ певѣсту, свѣтъ Марьюшку,
Перевелъ Васильевну,
Переведемши, онъ
Ее цѣловалъ, миловалъ.
Цѣловавши, миловавши,
Крѣпко къ серецу прижималъ:
«Другъ ты мой, свѣтъ Марьюшка,
Радость моя, Васильевна!
Ты меня состарила,
Безъ ума поставила,
Отца съ матерью забыла,
Меня молодца полюбила,
Во высокъ теремъ водила,
Чаемъ, кофеемъ, поила,
Всѣ конфеты становила,
Рубашечкой подарила:
Рубашечка полотняна,
Моя Марьюшка молодая.»

1936.

Зеленая сосенка, желтый цвѣтъ!
Почто тебя, Федора Алексѣевича, долго нѣтъ?
Ждала я тебя день—тебя нѣтъ,
Ждала я другой—не бывалъ.
Писала бъ я письма—не умѣю,
Писарей просить—не смѣю,
Сама бъ я пошла—боюсь,
Родного батюшки стыжуся,
Родной матушки боюсь.

1937.

Не разливайся, мой милый Дунай,
Не выливай ручья въ чистомъ полѣ!
Въ чистомъ полѣ ковыль трава,
Во той ли травушкѣ бѣлый олень,
Бѣлый олень, золотые рога.
Мимо тутъ ѣхалъ Алексѣй Федоровичъ,
Стегнулъ оленюшку плеточкою.
Что ему возговорить бѣлый олень,
Бѣлый олень, золотые рога:
«Не стегай ты меня плеточкою,
Не въ кое время пригожусь я тебѣ:
Станешь жениться, на свадьбу приду,
Золотыми рогами весь дворъ освѣчу,
Весь дворъ освѣчу, гостей твоихъ взвеселю,
Какъ большую гостью,—Марью твою!»

Чтобъ Марья не плакала,
Чтобъ не слезила бѣлаго лица.»

1938.

На морѣ утушка купалася, полоскалася,
Всполохнувши, сѣрая утка вскрикнула:
«Придутъ морозы крѣпкіе, спѣга глубокіе,
Выгонять утушку изъ синя моря,
Изъ синя моря, изъ крутыхъ береговъ.
Какъ мнѣ съ синимъ моремъ разстаться?
Съ крутыхъ бережковъ подыматься?»
—Въ теремѣ Марьюшка убиралася,
Въ теремѣ Васильевна снаряжалася,
Снаряжалась Марьюшка, всплакнула:
«Какъ мнѣ съ дѣвушками разстаться,
Разстаться, распротиться?
Прійдетъ Алексѣй сударь съ большимъ поѣздомъ.»

1939.

Катились игрушки съ верхушки,
Покинули подружки Марьюшку:
«Ворочусь я, игрушки подберу,
За подружками побѣгу.»
—«Некогда игрушки подбирать,
Некогда подружекъ догонять.»

1940.

Какъ у насъ въ бору на клепу
Виситъ колыбель на шелку,
На золоченомъ на крюку,
На серебрянномъ на кольцу.
Въ той колыбели Алексѣй спитъ,
Спать не спитъ, только такъ лежитъ:
«Размахните меня, братцы,
Во Лотовинскую улицу,
Прямо къ Марьюшкѣ въ горницу!
Что моя Марьюшка дѣлаетъ?
—Подъ окномъ сидитъ, чванится,
Мною молодцомъ хвалится!»

1941.

Городомъ я шла зарею,
Ко бору пришла тучею,
Ударила въ ворота бурею,
Пустила по двору сильный дождь,

Сама я поплыла уткою,
На крыльцо я взшла павою,
Воковы ворота лебедкою,
Во высокъ теремъ дѣвушкой,
Садилась за столъ съ молодцомъ,
Съ молодцомъ, со дружиномъ,
Съ Алексѣемъ Федоровичемъ,
Махнула платкомъ черезъ столъ:
«Встаньте, бояре, къ одной сторонѣ!
Слушайте, бояре, что я стану говорить:
Сулилъ-то мнѣ, батюшка, семь городовъ,
Потомъ, родимый, не далъ ни одного.
Сулила мнѣ матушка семь сундуковъ,
Потомъ родимая—нѣтъ ни одного.

1942.

Охъ ты елка, ты елка, сосенка!
Всѣ ли на тебѣ, елка, сучья, вѣточки?
Всѣ ли на тебѣ тросточки? —
Всѣ ли на мнѣ сучья, вѣточки,
Только нѣтъ одной макушечки.
Всѣ ли у Марьи Васильевны,
Всѣ ли у тебя гости созваны?
За столомъ посажены. —

(Если нѣтъ отца):

Нѣтъ у меня батюшки,
Благословить меня некому,
А спарядить меня есть кому.
Вы дружки, полудружки,
Запрягайте своихъ вороныхъ коней!
Вы ступайте ко Божьей церкви:
Вы взойдите на высокую паперть,
Ударьте въ большой колоколъ,
Пробудите моего батюшку:
Разступись, мать, сира земля!
Расколнись, дубовая доска,
Ты встань, проснись, мой батюшка!
Или сударыня, моя матушка!
Благословите меня горькую,
Меня горькую къ суду Божьему,
Къ суду Божьему—золотому вѣнцу!

1943.

Во горенкѣ во новой
Стоитъ столнѣ дубовой,
На столнѣ, на столѣ,
Стоитъ чара золота,
Полна меда налита:

Кому жъ эту чару пить?
Кому ее подносить? —
Тимоеѣю чару пить,
Егоровичу подносить. —
«Роди сына, что въ меня,
А дочерю во себя!
Учи сына лапти плести,
А дочерю шелкомъ шить;
Она у насъ золото.

Плачь невѣсты.

1944.

Красота ль моя, красота, красота дѣвичья!
Родимый мой батюшка, родимая моя маменька?
Заключили вы мою головушку во чужіе люди,
Во чужіе люди, во незнамые,
Къ чужому отцу и въ чужой матери:
Какъ чужой отецъ—не родимый батюшка,
Какъ чужая мать—не родимая матушка.

Когда расплетаютъ косу.

1945.

Не въ трубушку мы трубимъ рано на зарѣ,
Авдотья плачетъ Михайловна по русой по косѣ:
«Коса ли моя, косынька, русая коса!
Вечеръ эту косу дѣвушкой плелъ;
Пріѣхала сваха немилосливая,
Начала эту косу рвать и метать,
И рвать и метать, на двѣ заплетать.

1946.

Расплеталась руса коса,
Руса коса Софьяна,
Выпадала лента алая. 2
Тутъ шли, прошли, два молодца,
Подымали эту ленту алую,
Подавали свѣтъ Софьюшкѣ:
«Ты прими, свѣтъ Софьюшка!
Не твоя ли лента алая?»

Когда расплетутъ невѣстѣ косу, ее сейчасъ же посадятъ за столъ, гдѣ стоитъ хлѣбъ-соль. Посидѣвши немного, она выходитъ помолиться Богу и идетъ въ баню съ дѣвушками.

Дорогой онѣ поютъ:

1947.

У воротъ банюшка стояла,
Жарко каменка горѣла,
Ай люли, люли, горѣла!

(Этотъ припѣвъ, съ повтореніемъ послѣдняго слова предыдущаго стиха, повторяется послѣ каждого двустихія).

Тутъ расплакалась Марьюшка,
Передъ батюшкой стоячи:
«Государь ты, мой батюшка!
Подержи меня хоть годокъ,
Подержи меня хоть другой:
Я по улицѣ похожу,
Травку муравку потопчу,
И золотъ перстень поношу,
Ненавистниковъ подражаю,
Ненавистниковъ молодыхъ,
Все ребятшекъ холостыхъ.

Въ деревнѣ Бучалкахъ, когда женихъ подѣдетъ во дворъ, дѣвушки поютъ:

1948.

Долго, долго, соколъ не летить,
Долго, долго, Иванъ не ѣдетъ,
Долго, долго, Михайловичъ не ѣдетъ:
Знать нашъ соколъ за лѣса залетѣлъ,
За лѣса залетѣлъ, за лѣса дремучіе.
Иванъ пріѣхалъ, Михайловичъ подѣхалъ.

(Входитъ въ горницу):

Не сбун (?) вѣтры понавѣли,
Не званые гости на дворъ взѣхали,
Подломили сѣни новыя,
Сѣни новыя съ переходами, —
Раздавили чару золоту,
Выпугнули соловья изъ тепла гнѣзда.

Когда повезутъ невесту къ вѣнцу, дѣвушки поютъ:

1949.

Какъ передъ нашими широкими воротами
Разлилося, разлѣлялось, спнее море,
Унесло, улегло, со двора три корабли:

Какъ первый то корабль съ красной дѣвицей
душой,
А другой-то корабль съ перинами, съ подушками,
А третій-то корабль съ кованными сундуками.
Какъ выходила ея родимая маменька,
Какъ вскричала громкимъ голосомъ своимъ:
«Дитѣ мое, дитятко, дитѣ мое милое!
Позабыла ты у меня, дитятко,
Позабыла ты трое ключей, три золотыхъ,
Позабыла ты у меня три волюшки:
Какъ первая-то воля—дѣвчья,
А другая воля—родимаго батеньки,
А третья воля—родимой маменьки.

Когда привезутъ отъ вѣнца:

1950.

Какъ шелковая ниточка къ стѣночкѣ льнетъ,
Какъ Иванъ Авдотью къ сердцу крѣпко жметъ:
«Ты скажи мнѣ, Авдотья, ты скажи мнѣ,
Михайловна!
Кто жъ тебѣ, мой свѣтъ, изъ роду милъ?»
— «Мнѣ милъ-милехонецъ, родимой батенька,
Родимый мой батенька и родная маменька. —
— «Ты неправду говоришь и не рѣчь ты кажешь.
«Какъ шелковая ниточка и пр.
Ужъ мнѣ милъ-милехонецъ — мой милый другъ
Ужъ мнѣ милъ мой милый другъ.»
— «Ты, Авдотья, правду говоришь и рѣчь ты
сказываешь.»

1951.

Дунули вѣтры по чисту полю,
Заиграли гусли во высокомъ терему,
Пролилися слезы по бѣлому лицу,
Что по бѣлому по Прасковинѣ.
Взговорила Прасковья душа:
«Съ кѣмъ же мнѣ думушку думать и гадать?
Вздумаю-ка думушку съ родимымъ батюшкою. —
Та ль мнѣ дума не вѣрна, не мила;
Вздумаю думушку съ родимой матушкою, —
Та ль мнѣ дума не вѣрна, не мила;
Вздумаю-ка думушку съ Иваномъ Михайло-
вичемъ —
Та мнѣ дума и вѣрна и крѣпка.

Когда подружки вудятъ молодыхъ:

1952.

Дѣвушки, подружки мои!
Вы вставайте рапеховѣю,

Умывайтесь вы бѣлехонько,
Вы чешите голову гладехонько,
Надѣвайте вы платья цвѣтныя,
Вы берите ведра новыя, дубовыя,
Вы ступайте на Дунай рѣку,

Вы поливайте крутыя горы,
Чтобъ Ивану не пройти,
Семеновичу не проѣхать!

Зап. мною отъ мѣстной крестьянки въ
1862 г.

IX. Калужской губерніи.

Малоярославскаго у., с. Костино.

Наканувъ свадьбы, на дѣвичникѣ, въ домѣ
пѣвѣсты ставятъ на столъ, елку обвѣшанную леп-
тами, шелкомъ и свѣчками, и поютъ:

(Если пѣвѣста сирота).

1953.

«Ужъ ты ель моя, елушка,
Зеленая сосенушка!
Всѣ ли на тебѣ сучки вѣточки?
Всѣ ли на тебѣ верхушечки,
Золотыя макушечки?»
— «Всѣ на мнѣ сучки, вѣточки,
Одного сучка только нѣтути, —
Самой верхушечки,
Золотой макушечки.»
«Ты Ѳеодосѣя Никифоровна!
Всѣ ли у тебя гости собраны?
Всѣ ли они у тебя посажены?»
— «Всѣ у меня гости собраны,
Всѣ у меня они посажены.
Одного гостя нѣтути,
Что родимой матушки.»

1954.

Что летѣлъ соколъ изъ Новгорода,
А другой летѣлъ изъ Кіева,
А третій летѣлъ изъ каменной Москвы.
Они крылушками машутъ: «отворяй ворота!»
Ѳеодосѣя по сѣнюшкамъ похаживаетъ,
Шелковымъ платочкомъ помахиваетъ:
«Бояре, вы бояре, вы въ одной сторонѣ!
Станьте, бояре, вы въ одной сторонѣ!
Слушайте, бояре, что я буду говорить:
Сулил мнѣ батюшка семь городовъ,
Повадавши, батюшка, — пѣтъ ничего.

1955.

Ай на морѣ утушка умывалася,
Свѣтъ сѣрая полоскалася,
Что чернилами начернилася,
Что смуглилами пасмуглилася.
Во теремѣ дѣвушка полоскалася,
Свѣтъ красная полоскалася,
Что бѣлилами набѣлилася,
Что румянами нарумянилася,
Нарумянившись, слезно плакала,
По повнымъ сѣнямъ похаживала:
А и свѣтъ-то мой, сѣни новыя,
Сѣни новыя съ переходами!
А и свѣтъ-то мой, воля вольная,
Воля вольная, нѣга матушенина!
А и свѣтъ-то мой, соловей въ саду,
Соловей въ саду, — онъ рано вставалъ,
Онъ рано вставалъ, голосисто пѣвалъ,
Голосисто пѣвалъ, меня младу разбужалъ.

Зап. Е. Г. Дурново.

Той же г., Калужск. у., с. Ахлебино.

1956.

Я въ высокомъ теремѣ сижу,
Я далече по зарѣ слышу, 2
Какъ соколъ лебедушку кличетъ, 2
Ты, лебедушка луговая, 2
Полети ко мнѣ поскорѣй, 2
У меня приволье, доволье: 2
У меня луга зеленые, 2
На лугахъ трава шелковая, 2
На травѣ цвѣты голубые, 2
На цвѣтахъ пташки садовыя, 2
Онѣ поютъ, поютъ, распѣваютъ 2
Свѣтъ Катериноушку взвеселяютъ, 2
Чтобъ Катериноушка не тужила, 2

Григорьевна не горевала, 2
Изъ лица красы не теряла, 2
Она изъ глазъ слезы не роняла.

1957.

Во теремъ свѣтушко не жарко горитъ,
Ни жарко, ни ярко, ни вспыхиваетъ,
Высоко, печально свѣтъ Анна сидитъ,
Высоко, печально Никифоровна сидитъ.
Свое тѣло бѣлое уронивала,
Всѣхъ матушекъ, нянюшекъ укладывала:
Вы нянюшки мамушки ложитесь спать,
Ложитесь спать, вамъ некого ждать,
А мнѣ, красной дѣвушкѣ, всю ночь не спать,
Всю ночь не спать, коверъ вышивать,
Коверъ вышивать, мила друга ждать,
Мила дружка ждать, авось подѣдетъ, подойдетъ.
По улицѣ ѣдетъ, шумно вѣтеръ шумитъ,
Къ крылечку подходить, сапожки сверкать,
На крылечко всходить, колечко стучитъ.
Ступнулъ я колечкомъ, грянулъ серебрянымъ,
Екнуло сердечушко да у Катеринышки,
У избу ѡсходеть, Богу молится,
Богу молится со всѣми здоровится:
«Здравствуй, здорово и тесть, и теща,
А еще здорова, свояченица!»

1958.

Била, била на Волгѣ вода,
Била, била влючевая, 2
Шила, шила свѣтъ Анна коверъ, 2
Вышила на коня хвору:
Разсерчалъ Тихонъ сударь,
Разсерчалъ свѣтъ Васильевичъ,
Перескочилъ черезъ тынъ на огородъ, 2
Разломалъ весь желѣзный тынъ, 2
Поломалъ калину съ малиной,
Черную ягуду самороднику, 2
Выпужнулъ изъ саду соловья. 2
Да восплакнула свѣтъ Анна душа: 2
«Да и кто-же будетъ рано мене будить?
Да и кто по зорямъ веселить?»

1959.

«Давно-жъ тебѣ, Катериношка,
Давно говорили,
Ой ляли, ай ляли, ляли!
Давно говорили.
(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ
двухъ стиховъ съ прибавленіемъ послѣдняго
стиха).

Давно-жъ тебѣ, Григорьевна,
Давно голосили.
Пойди, выйди Катериношка,
За новы ворота.
Глянъ-ка, глянъ-ка, Григорьевна,
Во чистое поле.
Въ чистомъ полѣ, въ спнемъ морѣ
Дѣвки воду посятъ.
Онѣ посятъ, онѣ посятъ
Коромысло гнется.
«Что-жъ ты, коромыслецко,
Долго не ломилось?»
— «Спроси, спроси Катериношка,
У своего Николая.
«Что-жъ ты, что-жъ ты
Николай, сударь
Долго не женился?
Кого-жъ, кого-жъ
Никитовичъ,
Кого дожидался?»
— «Тебя мой другъ, Катериношка,
Тебя дожидался:
Пушай, моя Катериношка,
Пушай возрастаетъ,
Пушай, моя Григорьевна,
Дары вышиваетъ.»
— «Не гнѣвайся, Николай сударь!
Куды дары шила.
Куды дары шила,
Скоро поспѣшила,
Скоро поспѣшила
Даровъ не нашла.

1960.

Не долго вѣночку на ступкѣ висѣть,
Не долго Авдотьюшкѣ въ дѣвушкахъ сидѣть,
Не долго Васильевичъ русу косу плести.
Вечеръ мою косушку дѣвушки плели,
Плели, плели косушку, золотомъ вили,
Вили, вили золотцемъ, жемчугомъ низали.
Плакала Авдотьюшка по русской по косѣ:
«Коса-ль, моя косушка, русая коса!
Бывало, я тебя, косушка, часто гладила,
Бывало, я тебя, русая, мелко плетала,
А теперь, косушка, у годъ одна.

Во трубушку трубили рано на зарѣ,
Рано-то, рашенька, свашенька пришла,
Пришла, пришла свашенька не милостлива,
Начала мою косушку и рвать, и метать,
Начала мою русую на двѣ заплетать,

Плесть, не плесть мою косушку—все на двѣ косы,
Вить, не вить мою русую, кругомъ—головы,
Быть, не быть Авдотьишкѣ,—Павловой женой.

1961.

Вился, вился кочепочекъ,
Миленькій дружечекъ.
Милъ по улицѣ гуляетъ
Ипу излюбяетъ.
Опъ иную излюбяетъ,
Меня спокпдаетъ.
Я во горенѣ спдѣла,
Въ окошечко глядѣла.
Я въ окошечко глядѣла,
Мпѣ зазорно стало.
Мпѣ зазорно, перезорно,
Очень не пріятно.
Какъ сказали: въ Петербургѣ
Дорогъ, дорогъ перевозъ.
Какъ Николай свѣтъ Катериноушку
На рученькахъ перенесъ.
Перенесъ, перескочилъ,—
Ничего не намочилъ.
Ничего не намочилъ,—
Вашмачекъ съ ножки скочилъ.
Какъ Катериноушка на бережку
Расплакалася.
Свѣтъ Григорьевна на крутенькомъ
Раскуражила.
Какъ и Николай сударь
Ее уговаривалъ:
«Ты не плачь, свѣтъ Катя,
Не плачь, душечка моя:
Я во славушку пойду,
Вашмачки тебѣ куплю,
Вашмаки дѣтскы,
Пятки зашитыя.

Невѣсть.

1962.

Какъ при вечерѣ, вечерѣ,
(Каждый стихъ поется два раза).
При послѣднемъ часу вечера,
При свѣтъ—Катериноушкѣ дѣвичникѣ
Прилетали ясны соколы,
Ясны соколы залетные.
Одинъ садился подъ окошечко,
На серебряну рѣшоточку,

На золочену причаленку,
Причаленка сколыхнулась,
Ясенъ соколъ вострепенулся,
Вострепенулся, полетѣлъ.
Мимо садика зеленого,
Мимо терема высокаго.
Что узрѣла, что увидѣла
Ее родная матушка,
Говорила своей дочерн:
«Ты дитя-ль мое дитятко,
Ты Катерина Григорьевна,
Ты *прійи*-ко ясна сокола,
Ясна сокола залетнаго,
Добра молодца заѣзжаго!»
Ты, родимая матушка,
Я бы рада его пріела,—
Мое сердце не оборотится,
Животъ кровью обливается,
Рѣзвы ножки спотыкаются,
Бѣлы ручки опускаются,
Съ плечъ головушка скатилась.
Ты, родимая матушка!
Разсуди ты мой дивный сонъ,
Что я понче во снѣ видѣла:
Будто у нашихъ у шпронихъ у воротъ
Сине море разливается,
Сизый селезень купается,
Сѣра утка окунается.»
«Ты дитя-ль мое, дитятко,
Ты Катерина Григорьевна;
Сине море—подворьнице твое,
Сѣрая утица—свашенька
Сизой селезень—суженый твой.»

Величальная до свадьбы ¹⁾.

1963.

Какъ сказали: Павелъ грозень,
Опъ грозень, грозень, не милостивъ:
Опъ садился на ворона коня,
Опъ поѣхалъ мимо тестева двора,
Становился противъ краснаго огня,
Опъ ударилъ копьемъ въ ворота.
«Дома-ль тесть? дома-ль теща моя?»
Дома-ль грозная сволочница?
Дома-ль жизнь, радость Авдотьюшка душа?
Если дома, — еѣ вышлите ко мнѣ,
Если въ людяхъ, — сходите за ней,
Если спить, не будите еѣ.
Я и самъ до Авдотьюшки дойду,
Про себя, Васильевну, разбужу.»
Услыхала Авдотьюшка душа,

¹⁾ Т. е. до вѣнчанья.

Закричала громнымъ голосомъ своимъ:
«Ужъ вы няньки, вы мамы мои,
Вы сестрицы-подруженьки!
Вы сходите къ моей матушкѣ,
Вы возьмите золотѣе ключи,
Откройте дубовѣе сундуки.
Внимайте, что нѣтъ лучшаго сукна,
Шейте, кройте Павлу кафтанъ,
Чтобъ не длиннѣе, не короткобъ быть,
Чтобъ по самымъ пяточкамъ.»

1964.

Ужъ вы дѣвки, вы дѣвушки,
Ваши горкія сѣмена,
Васъ немножко посѣяно,
Отъ Москвы да до Кіева, 2
Да до Тульского города.
— Разлилась, разлетѣлась,
По лугамъ вода вольная,
По кустамъ по рабитовымъ,
По цвѣтамъ по лазоревымъ,
Унесло, улетѣло со двора,
Со двора три кораблеца:
Какъ первый-то корабль поплылъ,
Съ сундуками съ дубовыми,
А другой корабль поплылъ —
Со перинами со пуховыми,
Какъ и третій корабль поплылъ —
Со душой красной дѣвушкой,
Со Наталіей Павловной.
Ворочалъ её батюшка,
Среди двора стоячи:
«Воротись, мое дитятко!
Позабыло ты дитятко,
Свои золоты ключи,
На шелковомъ поясѣ,
На дубовомъ на столикѣ.»
— «Я не ключики забыла,
Позабыла волю батюшкину,
Позабыла пѣгу матушкину.»

Сваха.

1965.

Я не знала, не видала,
Ко мнѣ сваха пріѣхала, 2
Молодая спесивая, 2
Потому все журливая,
Подъ святые сѣла на лавочку.
Она не пьетъ, не ѣстъ, не кушаетъ,

Только рѣчи выговариваетъ,
Чужу сторону выхваливаетъ:
Какъ чужая сторонущка —
Она сахаромъ усѣяна, 2
Она сытою улитая.
— «Не рассказывай, свашенька!
Я сама знаю и вѣдаю:
Какъ чужая сторонущка —
Полнымъ поле усѣяно, 2
Горячими слезами улитая.»

Если сваха не щедро дарить пѣвицъ, то онѣ
поютъ ей слѣдующее.

1966.

Околѣть тебѣ, свашенькѣ,
Подъ угломъ, подъ балею
Безъ свѣчей, безъ ладона, 2
Безъ попа, безъ дякона,
Поминать тебѣ, свашенька,
Молодой кобылятинкой.

1967.

«Соколы мои соколы,
Соколы мои ясные, 2
Вы куда соколы летали?» 2
— «А мы летали, летали,
Съ моря на море летали.»
«А вы чтожъ, соколы, видали?»
— «А мы видѣли, видѣли,
Сѣрю утицу на морѣ, 2
Сизокрылую на синемъ.
«Да и что-же вы ее не поймали?»
— «Мы хотя её поймали,
Крылья, перья повищивали,
На синѣ море бросили:
Поплыви-ко-ся, утица,
Вдоль по морю по синему. 2
Къ селезенюшкѣ сѣрому, 2
Къ хозяину прежнему. 2
— «Вы купцы, добрые молодцы,
Вы, калужскіе щегольцы, 2
Вы беды, куды купцы ѣздили? 2
— «А мы ѣздили, ѣздили.
Съ городъ на городъ ѣздили.»
«Да и что-же вы, купцы, видѣли?»
— А мы видѣли, видѣли
Красну дѣвушку во теремѣ, 2
Раскрасавицу во новенькомъ.»
— «Да и что-же вы ее не возмнили?» 2
Мы хотя ее и возмнили,

По рукамъ насъ ударили, 2
Караулъ приставили. 2
Караулы-то крѣпкіе,
Перемѣны рѣдкія.

1968.

Ой, отъ горницы до горницы,
Да до горницы.
Ой, лежать ковры, лежать ковры
Да все шелковые.
Ой, по тѣмъ коврамъ, по тѣмъ коврамъ
Шла свѣтъ Аннушка душа.
Ой, въ рукѣ несетъ, въ рукѣ несетъ
Зеленое вино,
Ой, въ другой рукѣ, въ другой рукѣ
Меда стойные,
Ой, подъ тасикой (?), ой подъ тасикой
Бѣлъ крупичатый пирогъ.
Ужъ ты—стой постой, ты—стой постой,
Свѣтъ Аннушка душа!
Ой, дай испить, ой дай испить
Зеленое вино!
Ой, дай скушать, дай скушать
Меда стойные!
Ой, дай скушать, дай скушать
Бѣлъ крупичатый пирогъ!
— «Я не для тебя, не для тебя —
Я пирогъ пекла,
Я не для тебя, не для тебя —
Становила меды,

Я не для тебя, не для тебя —
Пирогъ пекла.
Я пекла пирогъ, пекла пирогъ —
Ради матушки своей,
Становила меды, становила меды —
Ради батюшки своего,
Я курила вино, курила вино —
Ради братца своего.

1969.

Ой на морѣ—тамъ досточка лежала,
Ой ляли, ой ляли, ляли!—лежала.

(Такимъ образомъ припѣвъ повторяется послѣ
каждого стиха, съ прибавленіемъ къ нимъ по-
слѣдняго слова).

На досточкѣ Катериноушка стояла,
Бѣлешенька рубашеньки мывала,
По бережку Николай сударь гуляетъ,
За утками, за лебедками стрѣляетъ:
Что не разъ стрѣлнеть,—лебедушку ушибеть,
На бѣлую Катериноушку взираетъ.
«Куда-жъ, моя Катериноушка хороша!
Куда-жъ, моя Григорьевна пригожа!»
— «Николай сударь! мой батюшка былъ хорошъ,
И въ матушку хорошая родилась,
Тебѣ, мой другъ, Николай сударь, годилась—
У лебеди лебедушка подъ крыломъ.

Зап. М. А. Баскаковой.

Х. Смоленской губерніи.

Юхновскаго уѣзда, на границѣ Дорогобужскаго, при
рѣкахъ Уфѣ и Гордотѣ, д. Сорокино.

Задумалъ крестьянинъ Василій женить своего
сына и выбралъ для него невѣсту въ Никитинѣмъ
дворѣ; дали знать въ тотъ дворъ, что въ такой-то
день придутъ сваты. Вотъ въ назначенный день яв-
ляется Василій въ Никитинъ дворъ, входитъ въ
избу, молится образамъ, потомъ садится на кор-
точки посреди избы, а въ углу подъ образами
сидятъ отецъ и мать. Столъ накрытъ бѣлой ска-
тертью, на немъ положена коврига хлѣба, стоитъ
солопка и полштофъ водки. Сидя на корточкахъ

Василій обводитъ вокругъ глазами и говоритъ:
«Хочу я женить сваво Иванушку, пришелъ вашу
дѣвку смотрѣть, говорятъ, что она, и коса, и
хрома, и собой певзрочно да и дѣлать ничего не
умѣетъ; не годится она мому ясному соколу Ива-
нушкѣ.» На это мать съ отцомъ отвѣчаютъ:
«Что-жъ ты дѣвку нашу корпишь, аль никогда ее
не видалъ? Видь-ка, Прасковьюшка, покажи свои
ясные очиньки.» Невѣста выходитъ пѣз-за пере-
городки, беретъ со стола водку и подноситъ Ва-
силью. Отецъ и мать приговариваютъ: «Встань-ка
Васильюшка, посмотри на дѣвку нашу, какова
она.» Василій встаетъ, вынимаетъ стаганъ водки

и говорить: «Нѣтъ, не хороша ваша дѣвка, не годна она мому молодцу, да и водка дурная.» Съ этими словами онъ направляется къ двери, падѣваетъ шапку и не поклонивши никому, уходитъ. Черезъ нѣсколько времени входитъ въ избу жена Василья со свахою и сзади—самъ Василій, который останавливается у порога, а жена молится Богу, кланяется всѣмъ, и приговариваетъ: «Не слушайте его, добрые люди, что коритъ онъ вашу дочь, онъ у меня слѣпъ, не видалъ ясныхъ очей Прасковьюшкыныхъ; онъ у меня глухъ, не слыхалъ медовыхъ ея рѣчей, я пришла къ вамъ поклониться: отдайте вашу дочку за мово сыночка, у мово-ли у Иванушки русы кудри выются, по плечамъ розсыпаются, очи ясные, какъ у сокола, уста сладкіе, сахарные, любя ему ваша Прасковьюшка, будетъ любить ее, миловать, а васъ чествовать.» Отецъ съ матерью встаютъ со стола, кланяются, цѣлуются, подводятъ невѣсту, которая пизко кланяется и подноситъ водку; всѣ садятся за столъ—это называется «лады.» Родные съ обѣихъ сторонъ собираются, пируютъ и говорятъ, что уже «дѣвку пропели.» Назначаютъ день свадьбы, а до того времени каждый день къ невѣстѣ по вечерамъ собираются дѣвки-подружки, помогаютъ ей шить приданое, готовить «дары», поютъ пѣсни, а женихъ прѣзжаетъ навѣщать невѣсту и привозить гостинцевъ.

Наканунѣ свадьбы идетъ пиръ въ обонхъ дворахъ. Къ жениху собирается вся его родня; онъ сидитъ подъ образами, рядомъ съ нимъ его «дружка»; на столѣ угощеніе—водка; въ другомъ противоположномъ углу сидятъ бабы «игрицы» и поютъ:

1970.

А у мѣсяца золоты рога,
А у солнышка очи ясные;
У Иванушки кудри русые
По плечамъ лежать,
Словно жаръ горять
Чы-жъ ефто были вымыслы,
Чтобы Ванюшку женить?
— Ефто были вымыслы
Родной матушки
Сидя въ горенкѣ,
Подъ вакошечкомъ 2
Подъ хрустальненькимъ
И подъ стѣблышкомъ.

Затѣмъ онъ обращаются къ жениху и произносятъ слѣдующій приговоръ: «Иванъ Васильевичъ! пѣсенку вамъ спѣли, словно яснаго со-

кола, свеличали, любо—примите, не любо—назадъ отошлите» и подаютъ ему стаканъ (пустой). Женихъ говоритъ: «Нѣтъ, ничего не слышу, мои уши¹⁾ мятелью замело; еще пѣсенку сыграйте, тады, можетъ и послушу.» Игрицы опять поютъ:

1971.

«Мы пройдемъ по горенкѣ,
Мы пройдемъ по новенькой;
Мы найдемъ хорошаго,
Мы найдемъ Иванушку.
Хорошъ Иванушка,
Хорошъ Васильевичъ;
Хороша бесѣдушка,
Хороша веселая,
Хорошо въ бесѣдѣ сидитъ,
Хорошо игрицъ даритъ,
Не рублемъ, полтиною
Золотомъ гривною.»

Подходить опять игрица, подноситъ стаканъ и говоритъ: «Слышавъ Иванушка, тебѣ пѣсенку сыгралъ, словно ясна сокола свеличали, любо—прими, а нелюбо—пазадъ отошли.» Женихъ кладетъ нѣсколько денегъ въ стаканъ, наливаетъ въ него воды, подаетъ игрицамъ и приговариваетъ: «Игрицы—поигрицы, пироженны мастерицы, долги ваши нитки, голые ваши лытки, малый даръ примите, а на большой не взыщите, а посудинку назадъ отошлите.» Игрицы теперь поютъ дружѣ:

У голубя, у голубя золотая голова
Вой люли, вой люли золотая голова.
Приходилъ къ нему товарищъ—позавидовалъ ему,
и т. д.

Еще жениху.

1972.

Изъ подъ града, изъ подъ Нова
Сыпъ на матушкѣ пахать выѣзжалъ
Вой люли! пахать выѣзжалъ
(Такимъ образомъ этотъ припѣвъ повторяется и далѣе послѣ каждого стиха).
Родну матушку въ корень запрягалъ,
Родну матушку въ корень запрягалъ,

¹⁾ Наши крестьяне утверждаютъ, что людей уши, а у животныхъ вуши.

Молоду жапу въ пристяжечку,
Молоду жапу въ пристяжку гоняль,
Родну матушку плетью стебаль,
Молоду жапу возжей тряхнулъ.
«Молода жапа, ты не рви живота!
Я казаль батькѣ: продай матку!
Человѣкъ старый пропадетъ даромъ.
Мы за денежки купимъ дѣвушку,
За полущечку купимъ душечку!
За полущечку купимъ душечку
Свѣтъ Прасковьюшку, свѣтъ Никитушку
Вой люли, вой люли! свѣтъ Никитушку.

Послѣ этого опять подносятъ стаканъ воды
женуху и онъ приговариваетъ 1-й причетъ и
отсылаетъ стаканъ; игрицы величаютъ его опять и
опять подносятъ стаканъ, онъ вливаетъ воды,
кладетъ деньги и произноситъ 2 приговоръ.

Такимъ порядкомъ долго *играютъ* пѣсни и
угощаютъ другъ друга. Наконецъ дружно встаетъ
и говоритъ: «Чтожъ мы засидѣлись, да заговорились,
чай, Прасковьюшка ждетъ, что Иванушка
не ждетъ и даровъ не несѣтъ, пора въ путь до-
роженьку. Собирай-ка, матушка, своего сына!
благословляй его къ невѣстушкѣ!»

Всѣ встаютъ; мать съ отцемъ берутъ ковригу
хлѣба съ вырѣзаннымъ въ ней четверугольной
ямочкой для соли, на ковригу насыпаютъ соль и
ставятъ образъ. Сынъ кланяется въ ноги роди-
телямъ и потомъ становится передъ нимъ на ко-
лѣни; отецъ съ матерью держатъ надъ нимъ ко-
вригу и благословляютъ; мать приговариваетъ:
«Поди-жъ, мое дитятко, поди-жъ, мое милое, у Бо-
жій храмъ; проси-жъ, мое дитятко, проси-жъ мое
милое и долю и счастье у Господа Бога.»

Послѣ благословенія воютъ и провожаютъ его
къ невѣстѣ. Между тѣмъ у невѣсты идетъ своя
шуршечка. Подъ образами накрытъ столъ бѣлой
скатертью, на столѣ стоитъ *курникъ* (курица за-
печеная въ тѣстѣ, въ который воткнутъ сукъ
яблони, обернутый въ разноцвѣтныя бумажки и
обвѣшенный золотыми листиками и лентами).

Невѣста сидитъ на первомъ мѣстѣ, вокругъ
нея подневѣстница и подруги. Подруги поютъ:

1973.

«Не поле, поле запылелось,
Не туманъ съ моря подымается,
Со сна моряшка, на озерѣ, —
Подымался гусь сѣрый.
«Чаво жъ вы ихъ ня поймали?»
— Мы всѣхъ ня поймали, мы одному палѣлици,

Быстры крылушки поотрѣзали,
На силѣ море пораспустили.
Вы, боярушки наши, уборные!
Вы съ *ваткель*, далечаль фхали?»
— «А мы фхали съ Новгорода на вотчину.
«Кабы што жъ вы тамъ чули-видѣли?»
— А мы видѣли красну дѣвушку во теремѣ.
Что жъ вы ее тамъ не *возмели*?
— «Мы ее не возмели, такъ намѣтили,
Русу косыньку рѣсплели,
По бѣлымъ плечамъ роспустили.»

1974.

У воротъ трава росла,
У воротъ шелковая.
Ой-ли, ой-ли, ой люленьки люли!

(Послѣ каждого одного стиха повторяется этотъ
припѣвъ; «ой-ли, ой-ли» и т. д. съ повтореніемъ
второго стиха).

Кабы кто траву потоптали,
Кабы кто притаптывали.
Потоптали, притаптали богатые сватовье.
Яны травушку топтали,
Яны дѣвушку нымали.
Свѣтъ Прасковьюшку, свѣтъ Никитишну.
«Ты не плачь, Прасковьюшка,
Ты не плачь, Мавитишна.
Мы дадимъ приданого — гусака чубарова,
Гусака чубарова и гусыню сѣрую,
И гусыню сѣрую, и село съ деревнею,
И село съ деревнею и кабакъ съ харчевнею.

Понафхали бояры
Все на вѣроныхъ конѣхъ.
Яны въ бѣлыхъ балахонахъ,
Черны шапочки съ вуглами.
И головушка съ кудрями,
И бородушки съ вусами.

Женухъ вѣзжаетъ во дворъ, ему загоражи-
ваютъ ворота, пьютъ водеу; въ это время дѣвки
слышать шумъ и поютъ:

1975.

«Во теремѣ свѣчка не ярко горитъ,
Не ярко, не жарко, не вспыхиваетъ,
Яраго воска вытаетъ.
Въ теремѣ Прасковья печально сидитъ,

Горючія слезы выраниваетъ,
Часто у вакошко посматриваетъ.
Чтожъ долго, чтожъ поздно соколъ не летишь?
Погоди немножко соколъ съ крутогоръ,
Погоди маленько — Иванъ къ памъ во дворъ.
На дворъ възъзжаетъ, весь дворъ освѣтилъ.
На крыльце ступаетъ, крыльце зыбится,
У сѣни всходитъ, сѣни ломлются,
Въ избу входитъ, Богу молится.
«Здравствуйте, здоровенькиль скрасны дѣвушкы.
Жива-ли, здороваль княжна моя?»
— «Успъ живы здоровы, красны дѣвицы
Одна нездорова Прасковья твоя.»

Входитъ женихъ и дѣвки поютъ:

1976.

«Поглядите-ка подружки
Ти ня свѣтъ-ли?
Ой, люли, палюли! 2
Поглядите у вакошко:
Ти ня дождь ли?
Ой люли, палюли!
Поглядите-жъ на Ивана:
Ти ня слѣпъ-ли?
Ой люли, палюли!
Посмотрите-ка на Ивана,
Ти ня хромъ-ли?
Ой люли, палюли!
Посмотрите на Ивана:
Не горбать-ли?
Ой люли, полюли!
Не горбать-ли?»

Начинается обрядъ выкупа невесты; ее за-
раживаютъ подружки и не даютъ жениху къ ней
подойти; онъ проситъ денегъ. Женихъ кладетъ
нѣсколько мѣдныхъ монетъ; подружки пригова-
риваютъ:

1977.

«Эту-то мѣдь
Кошка на печи гнѣтъ ¹⁾
Что черепковъ пакидали?
Изъ подъ печи посбросали.
Дайте хоть маленькихъ
Да бѣлиньныхъ.»

¹⁾ Не надо выговаривать какъ букву «ё».

Еще поютъ:

1978.

На горѣ дубочикъ пошумливаетъ,
Бѣлую березу поколыхиваетъ:
«Бѣлая береза наклонись ко мнѣ!»
— «Рада-бъ я, дубочикъ, наклонулася,
Сѣрые корни въ землю вросли.»
По двору Иванушка да поѣзживаетъ,
Красную Прасковью да поклониваетъ:
«Красная Прасковья, ты поди ко мнѣ?»
— «Рада бы я, Иванушка, пошла къ табѣ,
Я боюсь, страшусь рѣдна батюшкы,
Опасуюсь рѣдной матушкы.»
— «Ты не бойся, не бойся, Прасковьюшка,
Рѣдна батюшки, не пасайся ты,
Бойся ты только одного Иванушку.»

Опять женихъ требуетъ невесту; дѣвки отвѣ-
чаютъ: «Чтожъ ты, Иванушка, своей невестѣ при-
везъ? Какими дарами ты будешь ее дарить? Ка-
кую цѣпу за нее давать?»

Женихъ подаетъ невестѣ гостинцы: зерцальце,
мыло, конфеты, а дѣвкамъ кладетъ опять мѣдь.

Дѣвки опять загоразиваютъ невесту и поютъ:

1979.

«При долинь, при широкой
Дѣвки ячень жалы;
Яны жалы, выжинали
По дномъ косочку.
У эфту пору, у эфто время
Иванушка ѣхаль.
«Можноль, дѣвицы, Ванюшкѣ
До пору доѣхать?
Можноль, можноль Васильчу
Пряничковъ купить?
Прасковья твоя, Микитишка,
Она воду носитъ,
На плечушкѣ, на плечушкѣ
Коромыселъ гнется.
Прасковьюшка слезамъ
Сердечная льется.
«Чаво-же ты, коромыселъ,
Долго не сломился?
Чаво-же ты, Иванушка,
Давнѣй не жанился?»
— «Отъ тогожь я не жанился
Что тебя Прасковьюшка
Долго дожидался.»

Наконецъ женихъ кладетъ серебро и дѣвки отдаютъ ему невѣсту, а онъ угощаетъ ихъ водкой! Присутствующіе кричатъ: «Наши дѣвки тарары, пропилы Прасковью за чарки!»

Потомъ невѣсту съ женихомъ сажаютъ на первое мѣсто, прочіе же гости разсаживаются по чинамъ, а дѣвки уходятъ въ противоположный уголъ и поютъ:

1980.

«Ктожъ у насъ холостъ, холостъ?

Ой-ли, люли, холостъ, холостъ!

Ктожъ у насъ не женатъ, не женатъ?

Ой-ли, люли, не женатъ, не женатъ.

(Такимъ образомъ повторяется припѣвъ послѣ
каждаго стиха).

Иванушка холостъ, холостъ.

Васильевичъ не женатъ, не женатъ,

Въ его рукахъ былъ платокъ,

А въ томъ платкѣ три вузла, три вузла:

Въ первомъ вузлѣ висилекъ, висилекъ,

Въ другомъ вузлѣ маковъ твѣтъ,

Въ третьемъ вузлѣ любостаръ, любостаръ,

«На чтожъ табѣ василекъ, василекъ?»

— «Чтобъ я веселъ былъ, веселъ былъ.»

«На чтожъ табѣ маковъ твѣтъ?»

— «Чтобъ твѣтепъ былъ, твѣтепъ былъ.»

«На чтожъ табѣ любостаръ, любостаръ?»

— «Чтобы дѣвушки любили, любили.

Въ высокъ теремъ водили, водили,

Медомъ-пивомъ поили, поили»

Въ продолженіе того, какъ поютъ, невѣста обдариваетъ всю родню. Дары состоятъ изъ полотенецъ, разукрашенныхъ вышивками ея работы. Полотенцы песетъ сваха, а невѣста беретъ по одному, кладетъ на деревянную чашку и съ поклономъ подноситъ роднѣ, а они опускаютъ въ чашку деньги. Обдаривъ всѣхъ, невѣста опять садится къ жениху.

Дѣвки продолжаютъ пѣть:

1981.

«Ельничекъ частоватый,

Иванушка не женатый.

Ой-ли, ой люли!

Иванушка не женатый.

Ему мати говорила:

«Чаво, дитѣ, не женился?»

— На что мати мнѣ жапиться?

Меня и такъ дѣвки любятъ,

На высокъ теремъ водятъ,

Полотенцами дарятъ.

1982.

Леталъ соколъ по крутымъ по горамъ,

Искалъ соколъ лебединый стада.

Какъ пашель-же соколъ, лебединый стада,

Всѣхъ лебедей розогналъ,

Одною только поймалъ,

За правое крыло, за павлиное перо.

Просилася лебедушка у сокола полетать:

«Пусти, пусти, соколики,

Меня къ лебедамъ полетать!»

— «Тогда, лебедушка, я табѣ пушу,

Когда всѣ перушки общиплю.»

Вздилъ Иванъ по чужой сторонѣ,

По Сорокинской слободѣ.

Искалъ Иванъ дѣвокъ короводъ.

И нашёлъ Иванъ короводъ:

Коль Миентинныхъ воротъ

Стоитъ дѣвокъ короводъ.

Всѣхъ дѣвушекъ розогналъ,

И всѣхъ красныхъ распужалъ,

Одною только поймалъ

Енъ за правую руку,

За золотый перстепекъ.

Просилася Прасковьюшка

У Ивана погулять:

«Ты пусти меня, Иванъ,

Къ краснымъ дѣвкамъ погулять!»

— «Я тогда тебе пушу,

Когда косу росу расплету

По плечушкамъ распущу.»

Гуляютъ до утра и разѣзжаются, а дѣвки остаются у невѣсты почевать.

Утромъ жениха благословляютъ, съ причинаньемъ, снаряжаютъ и отправляютъ за невѣстой, чтобы вести ее въ церковь. А въ это же время дѣвцы въ домѣ невѣсты встаютъ, убираютъ ее, расплетаютъ ей косы и поютъ:

1983.

«Не въ трубушку трубили рано по зарѣ,

Росплакалась Прасковья по русой по косѣ:

Коса-ль, моя косылька, коса-ль моя русая!

Вечеръ мою косыньку дѣвушки плели,

Жемчужными камушками увязывали,
Шелковыми плётушками уплётывали.
Прислалъ Иванъ ко мнѣ сватушку
Немилостивую, нежалостливую:
Начала она косыньку рвати, метати,
Шелковые плётушки выплётывати,
Жемчужные камушки вынизывать,
Роспустила мою косыньку по бѣлымъ плечамъ,
Розлила мои слезыньки по румянамъ щекамъ.

Женихъ въѣзжаетъ во дворъ, дружко потчу-
етъ всѣхъ водкой, очищая дорогу въ избѣ, такъ
какъ ее загораживаютъ мужики—родня, а пѣвицы,
увидавъ жениха во дворѣ, поютъ такіе же пѣсни,
какъ и на дѣвишникѣ, при встрѣчѣ жениха. Не-
вѣста воетъ, подружки ее унимаютъ, уговариваютъ.
Отворяется дверь, входятъ отецъ невѣсты и отецъ
жениха, въ рукахъ у нихъ по хлѣбу и они на-
чинаютъ мѣрить чей хлѣбъ выше и наконецъ
отецъ жениха беретъ верхъ. Дружко подводитъ
жениха къ невѣстѣ, а другіе взлѣзаютъ на печь.
Жениха ставятъ на одной половникѣ съ невѣстой,
лицомъ къ лицу, чтобы они поглядѣли другъ на
друга, потомъ соединяютъ ихъ руки, заставляютъ
жениха обнять невѣсту, поцѣловать и, связавъ
ихъ полотенцемъ, перекручиваютъ три раза. Въ
это время съ печи кричатъ:

1984.

«Ты кузьма Демьянъ
Скуй свадьбу
Крѣпко на крѣпко,
Долго на долго!»

Крики продолжаются до тѣхъ поръ пока отецъ
невѣсты не прикажетъ: «Подайте пирога, чтобъ
Иванъ Прасковью берѣгъ» и тогда пирога, пиво,
вино и деньги подають черезъ брусъ на печку.

Когда всѣ успокоются, то растилаютъ на полу
шубу мѣхомъ вверхъ, ставятъ на нее невѣсту съ же-
нихомъ и начинается благословеніе, сначала со
стороны невѣсты, а потомъ со стороны жениха,
затѣмъ усаживаютъ невѣсту съ женихомъ въ са-
ни. Въ это время жениху поютъ:

1985.

«Въ насъ на горочкѣ на пригорочкѣ,
Тамъ стояло два зелененькихъ дубца.
На дубочкахъ два голубчика сидятъ,

Промежъ собой яны рѣчи говорить,
Добра молодца не журуютъ, не бранятъ.
«Добрый молодецъ Иванушка,
Добрый молодецъ Васильевичъ!
Онъ съ гривенки на гривенку ступалъ,
Бумажками дворъ застилалъ,
Полтинами ворота запиралъ,
По пяти рублей Шашурочкамъ давалъ,
Изъ неволюшки сиротъ вынималъ:
«Вы сироты, вы сироты мои!
Помолитесь вы Богу за меня,
За меня-ли за вдалова молодца,
За Ивана за Васильевича.»

Невѣстѣ:

1986.

«Заходила туча грозная,
Выпадали снѣги бѣлые
На мою ли русу косыньку.»

(продолженія недостаетъ).

1987.

«Прасковьюшка со двора съѣзжала,
Верхъ съ березы сорвала.
«Стой, моя береза безъ верха!
Живи моя матушка безъ меня,
Безъ моей безъ русской косы!
Выплету я уплетъ съ русскихъ косъ,
Повѣшу уплетъ я на приклѣтъ,
Куда моя матушка въ клѣтъ ходитъ:
Яна въ клѣтъ идетъ, заглянетъ,
Изъ клѣтки пойдетъ, заплачетъ,
Взглянетъ да и скажетъ:
«Ефто моей дочушки,
Моей милой уплетушки.»

Жениху.

1988.

«У насъ въ огородѣ
Ни хмель, ни росада,—
Пахучая мята
Вся переломата,
Въ пуки повязата,
За тѣмъ побросата.»

Ему-жѣ:

1989.

«А кто-жѣ у насъ холостъ?
А кто-жѣ у насъ не жапаты?»
— Ивапушка холостъ,
Васильевичъ не жапаты.
Онъ хброшо ходитъ,
Матѣро ступаетъ,
Сапогъ не ломаетъ,
Чулокъ не мараетъ.
На коня садится,
Подъ нимъ конь бодрится,
Онъ плѣточкой машетъ,
Подъ нимъ кони пляшутъ,
Со двора съѣзжаетъ,
Мати провожаетъ:
«Поди, мой хорошій,
Поди, мой пригожій,
Холостъ не жапаты,
Бѣлый, кудреватый.
Къ лугамъ подѣзжаетъ,—
Луги зеленѣютъ,
Къ рѣкамъ подѣзжаетъ,—
Рѣки разливаются;
По улицѣ ѣдетъ,—
Вся улица стогнетъ,
Къ дворамъ подѣзжаетъ,—
Народъ весь встрѣчаетъ.»

Жениху и невѣстѣ:

1990.

«Ивапушка грозенъ, Васильевичъ грозенъ!
Онъ грозенъ, грозенъ не милостивъ.
Онъ въ конюшенку пошелъ,
Ворона коня браталъ,¹⁾
Ворона коня браталъ,
Онъ засѣдывалъ.
Онъ вдарить, не вдарить —
Ко тестевому двору.
Онъ гранетъ, не гранетъ,
Въ тестевы ворота,
«Когда спитъ моя Прасковья,—
Не будите её,
А не спитъ моя Прасковья,—
Не пужайте её.
А моя-ли то Прасковья—
Яна вумна, хороша,
По новымъ сѣнямъ прошла,
Золотыми каблучками
Дубову доску лопила,

¹⁾ вм.: оброталъ.

Яна подружекѣ всѣхъ будила:
«Вставайте-ка, сестрички,
Берите-ка ключи,
Отпирайте-ка, подружки,
Дубовые сундуки,
Вынимайте-ка, сестрички,
Вы пѣмекое сукно,
Вы сомейте-ка, сестрицы,
Мому Ванюшкѣ кофтапъ,
Толькобъ въ пору яму сталь.»

При выѣздѣ изъ воротъ поютъ:

1991.

«У Мякитѣ во дворѣ
Подымалася война,
У Василя на дворѣ,
Опускалася война.
У Мякитѣ во дворѣ
Стоять кони во сѣдлахъ,
Во наборныхъ, во плеяхъ,
И въ серебряныхъ вуздахъ,
И въ урѣзанныхъ сапѣхъ.
«А подкуйте-ка, вы слуги,
Воронаго вы коня.
Столяному пожу —
Здѣсь на столикѣ лежать,
Вороному коню —
По дороженькѣ бѣжать,
По дороженькѣ бѣжать,
Къ свѣтъ-Прасковьюшкѣ душѣ.»

Цѣлымъ поѣздомъ ѣдутъ въ церковь; на пути
въ каждой деревнѣ имъ загораживаютъ дорогу и
они должны поить виномъ каждого встрѣчнаго.

По окончаніи вѣнца изъ церкви заходятъ
или къ дьячку, или въ сторожку, гдѣ причесываютъ
волосы молодой: съ одной стороны плететъ косу
сваха, съ другой женихъ. Потомъ косы эти об-
матываютъ вокругъ головы и повязываютъ моло-
дую платкомъ, какъ посятъ женщины. Затѣмъ
ѣдутъ во дворъ жениха, гдѣ свекровь встрѣчаетъ
ихъ одѣтая въ шубѣ, вывороченной вверхъ
шерстью и ей бабы поютъ:

1992.

«Выйди-ка, свекровья горбатая,
Стрѣнь-ка невѣстѣу богатую!
Выдь-ка, свекровь сопливая,
Стрѣнь-ка невѣстѣу щастливую!»

Свекровь встрѣчаетъ молодыхъ съ хлѣбомъ-солью, благословляетъ ихъ на порогѣ на вывернутой шерстью вверхъ шубѣ, осыпаетъ хмѣлемъ и сажаетъ подъ образа; около нихъ садятся дружка, сваха и вся родня; начинаютъ пить и поздравлять молодыхъ, а бабы поютъ слѣдующія пѣсни:

1993.

Кто-жъ у насъ лебединъ?
Гдѣ-жъ у насъ лебединъ?
Лебединъ мой лебединъ,
Лебедушка бѣлая!
По новымъ снѣгѣмъ прошелъ,
Чеботомъ доску пробилъ,
Соловьишкомъ просвисталъ,
Красныхъ дѣвушекъ искалъ.
Красныхъ дѣвокъ не нашелъ,
Самъ заплакалъ да пошелъ.
«Прасковьюшка душечка,
На личушкѣ мушечка!
Сыми мушку съ себе,
Посади мушку на мене,
Чтобъ я лучше былъ табѣ.»

1994.

Коло тыну хожу,
Рамонъ сажу;
Рамонъ сажу,
Приговариваю:
«Рости рамонъ
Съ тыномъ равнѣ!»
— Не быть рамону
Со тыномъ равну, —
Не быть свекру
Что родному батюшкѣ.
Родной батюшка
Рано спать владеть;
Рано спать владеть,
Поздно возбуживаетъ:
«Вставай, дятятко,
Вставай, милое!
Хата вытоплена,
Сѣни выметены.
Голову чеши буйную,
Плети косыньку,
Плети русую.»

1995.

Закачалася завалилася
Иванова голова

Подъ Прасковьинымъ вокошкомъ.
«Ты, Прасковьюшка дружечикъ,
Твой малиновый душечикъ,
Ты отерой-ка мнѣ вакошко,
Покажи лице немножко.»
— «Я жъ бы рада показала,
Въ меня мачиха лихая,
По три прутка вязала,
За калитку не пушала.»
— «Прасковьюшка, отойди,
Желаппая, покажись!
Я пришелъ къ табѣ не рано,
Я принесъ табѣ не мало:
Съ молодыхъ ярокъ-поярокъ,
Еще гривенный же пряникъ
На три денежки баранокъ, —
Вотъ табѣ и весь подарокъ.»

1996.

По лугамъ, лугамъ по зеленымъ лугамъ —
Тамъ ходитъ гуляеть сизоглинистый голубокъ
Енъ кличитъ выкликаеть сизоглинистую галубку:
«Подъ-поди сюда, сизоглиниста голубка!
Яжъ тебе люблю за полеточку твою.»
— По двору, двору, по широкому двору —
Тамъ ходитъ гуляеть свѣтъ Иванушка душа,
Кличеть выкликаеть свѣтъ Прасковьюшке душу:
«Яжъ тебе люблю за походочку твою:
По двору идешь, словно павушка плывешь,
По снѣгамъ идешь, словно маковъ твѣтъ твѣтешъ.»

1997.

Ковопелька добрая,
Былинка зеленая, —
Ой-ли лели, лели
Былинка зеленая,
Короватъ тесовая
Перина пуховая,
Подушка шелковая,
Одѣянье было теплое,
Ониманье ¹⁾ было крѣпкое
Цѣлованье было сладкое.

1998.

Виноградъ разтвѣтаетъ,
А ягоды поспѣваютъ:
Виноградъ — Иванъ
Виноградъ — Васильевичъ,
А ягода — Прасковьюшка,

¹⁾ Т. е. обниманье.

Слѣлая—Микитична.
Всѣ люди дивуются,
Что пригоже цѣлуются.
«Не дивитесь люди, не дивитесь,
Вы сами такіе уродитесь.»

Свахѣ.

1999.

Какъ на нашей-то сватьѣ
Да новая шуба,
У правой полѣ шубы
Заморскія птички,
А въ лѣвой полѣ шубы—
Ясный мѣсяцъ свѣтитъ,
Воспойте, воспойте,
Заморскіе птички,
Завеселите, завеселите
Сватью во бесѣдѣ.

2000.

Иванъ чванится, своей жѣнкой хвалится:
«Моя же-то жепочка, моя же боярыня
Ничего не пьетъ, не ѣстъ, ничего не кушаетъ:
Ни вина зеленого, ни яства сахарнаго.
Только яна взлюбила у Ивана на ручкѣ спать;
На ручкѣ на правенькой, на сердцѣ на
здравенькомъ.
Другъ, моя Прасковьюшка, другъ, моя Микитишна!
Когда спишь, Богъ съ тобой, а не спишь говори
со мной:
Про свое житіе бытѣ, про свое богатство.»

2001.

Рюмочка ты серебряная,
Ты Иванушка, свѣтъ Васильевичъ!
Дорогой-ли твой обычай:
Гдѣ ни пьешь ни гуляешь, —
А домой почевать
На тесову кровать,
На перину пуховую,
На подушку шелковую
Всегда возвращаешься.
— Какъ сказали свѣтъ-Прасковья,
Что Иванъ съ Москвы ѣдетъ, —
За рукавъ шубу схватила,
На порогѣ вздѣла.

На порогѣ шубу вздѣла,
Середѣ двора стрѣла.
«Ты чаво, Прасковьюшка,
Меня не встрѣчала?»
— «Отъ того не встрѣчала,
Дитю колыкала,
Я дитю-ли колыкала,
Перемѣны ждала.

2002.

Во саду подѣ грушею,
Припаду послушаю,
Какъ Иванъ жену училъ:
«Моя-то боярыня,
Прасковья Микитишна,
Ўстаетъ ранешенько,
Мыется бѣлешенько,
Прядетъ тонешенько,
Выткетъ частешенько,
Выбѣлитъ бѣлешенько.
Яна сошьетъ рубашечку
Во четыре полотнища.»
— «Рубашка бѣлѣтся,
Мой милый милѣтся.»

2003.

«Ты поѣдешь, мой милый
На чужу сторону, —
На чужой сторонѣ
Не застѣивайся,
На хорошихъ, на пригожихъ
Не заглядывайся.»
Хороша пригожа —
Свѣтъ-Прасковья душа,
За ворота выходила,
Путь указывала,
Черну шляпу выносила,
Пухъ ъстрахивала.

2004.

Черемуха густенькій кустокъ!
На черемухѣ яленькій твѣтокъ,
Далеко твѣтокъ ялѣтся,
Ялѣтся голубѣтся.
Кабы хто-жъ у насъ
На воробномъ коню,
Хто-жъ у насъ на осѣдланомъ?
— Иванушка на воробномъ коню,

Иванушка на восёдланномъ,
Подъѣзжаетъ ко широкому двору,
Урошил онъ черну шляпу съ головы.
«Подыми шляпу, немилая жена!»
— «Мнѣ поднять шляпу не хочется,
Покориться не желается,—
За вчерашнюю за грубость за твою:
Что не ходишь на постелю ты мою.
Безъ тебя мой другъ, постеля холодна,
Одѣялице зашпдѣвало,
И подушечки потопули въ слезахъ,
Тебе, дружокъ мой, дожидаясь,
Свою долю проклинаячи:
«Доля моя, долюшка!
Несчастлива я на свѣтъ рождена!»

2005.

Соловьишка перелеталъ,
Молоденькій перелеталъ
Изъ садика-то садочка
Съ зеленого вишня.
Иванушка прѣѣзжалъ,
Васильевичъ прѣѣзжалъ
Изъ Питера да въ Москву,
Къ высокому терему.
Стуки, грюки во ворота
Серебрянымъ кольчикомъ:
«Прасковьюшка отойди,
Микитишна не сердись!»
— «Я бы рада отворила,
Буень вътеръ ленты рветъ,
Краснымъ солнцемъ лицо жжетъ.»
Иванушка розсердился,
На добра коня садился

На добра коня садился
Отъ воротъ прочь отѣѣзжалъ.
Прасковьюшка услышала,
Ко повымъ сѣнямъ бѣжала, 2
Новы сѣни растворила, 2
Громко молодцу кричала,
Громенымъ голосомъ кричала,
Ивану ворочала:
«Иванушка воротись!
Васильевичъ не сердись!»
— «Я бы радъ былъ воротиться,
Добрый конь мой не стоитъ,
Буень вътеръ шляпу рветъ,
Краснымъ солнцемъ лицо жжетъ.»

Во время пира, каждый изъ присутствующихъ,
когда подносятъ ему вино, прежде чѣмъ пить,
оглядываетъ его и говоритъ: «Что-жъ это у васъ
вино такъ сорно, мутно» (молодые въ это время,
взявъ за уши другъ друга, цѣлуются) «не крѣпко,
горько», (молодые цѣлуются три раза) «ну теперь
хорошо.» Каждый это говоритъ и молодые должны
поминутно цѣловаться.

Въ избѣ столько народу, что не только сидѣть,
но и стоять тѣсно; не смотря на это весельчакъ
все таки паходитъ довольно мѣста, чтобы поплясать
подъ звуки скрипки и гармоніи.

Къ ужину пиръ во всемъ разгарѣ: пѣсни,
пляска, музыка, говоръ, хохотъ сливаются въ
одно; духота страшная, почти всѣ пьяны; за
ужиномъ величаютъ каждого и всѣ владутъ
деньги пѣвцамъ. Только передъ свѣтомъ гости
разѣѣзжаются и наконецъ даютъ молодымъ от-
дыхъ, а въ другой избѣ ужинаятъ «пѣсельники» —
молодые бабы. Этимъ и кончается свадьба.

Зап. учен. IV-го класса Калужск реальн. училища
Ив. Лутонинъ.

XI. Орловской губерніи.

Малоярхангельскаго уѣзда, село Каменки.

Дѣвишникъ.

Дѣвишникъ начинается утромъ. Невѣста уже
заранѣе выбираетъ изъ своихъ близкихъ родныхъ
или любимыхъ подругъ 4 *звальщицъ*. Въ утро
дѣвишника звальщицы приходятъ къ невѣстѣ и
она передаетъ имъ рубаху, которую она сшила
для своего жениха. Звальщицы ходятъ по всей

деревнѣ и созываютъ всѣхъ подругъ невѣсты.
Сами онѣ ѣдутъ къ жениху съ рубашкой, а дѣ-
вушки идутъ къ невѣстѣ. При входѣ ихъ невѣста
поетъ (плачетъ):

2006.

«Лебедушки подружки,
Подите покрасоваться ко мнѣ!»

Затѣмъ обращаясь къ косѣ, она продолжаетъ:

«Покрасуйся, моя руса коса,
У своѣ-то кормильца-батюшки.
Красовалась-то я, горькая, отгулялася,
Отчесала-то я свою буйную головушку,
Пледа-то я свою мелку косу,
Отпосила въ косѣ ленту алую.»

Ей начинаютъ расплетать косу; она поетъ:

2007.

«Лебедушка моя подруженька!
Какъ-то твои рѣзвы поженъки
Ко мнѣ, горькія, подступалися?
Какъ-то твои бѣлы ручки
На мою буйную головушку,
Какъ приподнялися,
За мою-то русу косу взялися?
Отрасовалася моя руса коса, отгулялася
По улицѣ по широкой
Со лебедушки-подруженькой.»¹⁾

Затѣмъ она обращается къ отцу:

2008.

«Кормилецъ мой, желанный батюшка!
Знать я вамъ, горькая, надоѣла, надоскучила?
Знать-то я вамъ не слуга была?
Знать-то я вамъ не посоль была?
Вдругъ-то я вамъ теплымъ гнѣздомъ оттѣснила,
Хлѣбомъ-то я солю васъ обездолила,
Цвѣтнымъ-то платьемъ я васъ обносила.
Знать-то я вамъ была во чистомъ полѣ не
работница,
Въ теплымъ-то гнѣздѣ не буювница?»

Обращаясь къ отцу и къ матери, она поетъ:

2009.

«Желанные мои, батюшка и матушка,
Вдругъ-то вы на меня распротѣвлялись:
Заключили-то вы мою буйную головушку,
Запоручили-то вы мою русу косу,
Запечатывали-то ретиво сердце,
За поруки-то за крѣпкія,
За печати-то вѣковѣшныя,
Не дали-то вы мнѣ на рѣзвы ноги подняться,

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ косу расплетаютъ въ день свадьбы.

Со лебедушки-подружки соровнятися,
Съ умомъ-то съ разумомъ собратися.
Заключили меня, молодехоньку, зеленехоньку.»

Отецъ беретъ образъ и благословляетъ не-
вѣсту; она продолжаетъ:

«Не прощу-то я у тебя ни злата, ни серебра,
Прошу-то я у тебя благословеньца.»

Дѣвки садятся за столъ; невѣста поетъ матери:

2010.

«Желанная моя матушка!
Лебедушекъ-подруженекъ сажай-ка,
Сажай-ка ты ихъ не по выбору,
Не по выбору, не по выгладу,
Чтобы онѣ на меня, на горькую,
Не прогнѣвались.»

Сидя за столомъ, невѣста ничего не ѣстъ.
Она поетъ:

2011.

«Родимая моя матушка!
Поди-ка ты ко столу своему дубовому,
Взглянь-ка ты за свой за дубовый столъ,
На мои лебедушки-подруженьки!
Мои-то лебедушки подруженьки
Собраны, соряжены,
Буйныи-то головушки причесаны,
Русы-то косы заплетаны,
Въ косѣ-то у нихъ ленты вязаны.
Я сижу, горькая, не собрана, не соряжена,
Буйная-то головушка у меня не причесана,
Руса коса растрепана, ленты не вязаны.»

По окончаніи обѣда она продолжаетъ:

2012.

«Желанный мой батюшка,
Родимая ты матушка!
Спасибо-то вамъ на хлѣбъ, на соли,
Напоили-то вы меня, накормили,
Со лебедушки-подруженьки.
Лебедушки вы мои подруженьки!
Не прогнѣвайтесь на меня, на горькую,
Какова-то хлѣбъ-соль случилася
У мово-то кормильца-батюшки,
Къ этому часу, ко времячку.»

Дѣвушки послѣ обѣда идутъ гулять по деревнѣ, а невѣста со своею семьею садится за столъ и ѣсть вмѣстѣ съ ними. Приходятъ сродники. Каждый изъ нихъ приноситъ «ковригу» (круглый черный хлѣбъ); на ковригу обыкновенно кладутъ деньги, либо 3 копейки, либо пятачекъ, и т. д. Если родня женщина, то вмѣсто денегъ она часто приноситъ невѣстѣ вмѣстѣ съ ковригой «рукава».

Невѣста имъ поетъ:

2013.

«Поди-ка ты ко мнѣ, дорога гостя,
Спасибо тебѣ, моя лебедушка, мила сестра,

или:

Спасибо тебѣ тетушка, (или крестовая матушка)
На хлѣбѣ, на соли
А на томъ тебѣ нѣтъ спасибо:
Не пришла ты къ намъ спозараньца,
Спозараньца въ дороги гости;
Мого батюшку не уговаривала,
Родимую-то матушку не разговаривала:
Заключили-то мою головушку,
Запоручили-то русу косу,
Запечатывали-то ретиво сердце,
За поруки-то за крѣпкія,
За печати-то вѣковѣщныя.
Покрасуйся, руса коса!»

Въ такихъ словахъ она благодаритъ всѣхъ сродниковъ. Потомъ они передъ божницею зажигаютъ свѣчу и говорятъ на растѣвѣ:

«Желанный ты мой батюшка,
Засвѣчай-ка ты свѣчу воску яраго!»

Сродниковъ сажаютъ за столъ, а дѣвки, возвратившись съ гулянья, берутъ невѣсту и ведутъ ее въ баню, къ сосѣду.

По дорогѣ туда она поетъ:

2014.

«Покрасуйся, моя руса коса,
По улицѣ по широкой,
По мураву по зеленому,
Со лебедушки подруженьки.»

Подходя къ дому сосѣда, хотя бы онъ былъ ей и совсѣмъ чужой, она поетъ:

2015.

«Желанный ты мой дядюшка!
Встрѣчай-ка ты меня, горькую,
Къ себѣ въ дороги гости
Со лебедушки со подруженьки.»

Покуда она въ банѣ, сродники отобѣдаютъ. Уже настаетъ вечеръ. Сродники расходятся по домамъ; невѣсту ведутъ домой. Она, прощаясь съ сосѣдомъ, поетъ:

2016.

«Прощай-ка ты, мой желанный дядюшка,
Не погнѣвайся ты на меня, на горькую,
Что я васъ въ теплымъ-то гнѣздѣ оттѣснила
Со лебедушки-то со подруженьки.»

Въ избѣ невѣсту раскрываютъ (въ прочее время она сидитъ закрытая). Дѣвушки поютъ пѣсни, между прочимъ слѣдующую:

2017.

«Рѣка-ли моя рѣченька!
Не тошно-ли тебѣ, рѣченькѣ,
Не тошно-ли тебѣ по лужкамъ текучи,
По кустамъ разливаючи,
Съ бережками разсталаючи
Съ синимъ льдомъ разрушаючи?»
«Не тошно-ль тебѣ, Пелагеюшка,
Не тошно ли, за столомъ сидючи,
За столомъ за дубовымъ,
За скатертью за бранною
За явствомъ, за сахарнымъ,
За виномъ, за зеленымъ?»

Вечеромъ, послѣ захода солнца, невѣста поетъ:

2018.

«Сижу-то я день до вечера,
На роботушку-то вы меня не посылаете,
Не посылаете-то вы, не наряжаете,
Безъ меня-то у васъ роботушка приработана.»

Дѣвушки садятся ужинать; невѣста сидитъ одна, поодаль. Послѣ ужина дѣвки ложатся

спать, и невеста, поужинавъ съ семьей, идетъ также ложиться.

Свадьба.

Утромъ, въ день свадьбы, невеста должна встать раньше всѣхъ и перебудить спящихъ. Прежде всѣхъ она будить отца, плача!

2019.

Желанный мой, кормилецъ батюшка!
Вставай-ка ты по утру, по ранехоньку,
Обувайся-ка ты гладехонько,
Умывайся-ка ты бѣлехонько,
Утирайся-ка ты тонкимъ, бѣлымъ полотномъ,
Молись-ка Богу плавнехонько,
Клади-ка ты поклоны низехоньки,
Жди-ка ты къ себѣ дорогихъ гостей,
Монихъ-то разлучниковъ:
Разлучать-то они меня, горькую,
Со всѣмъ-то родомъ племенемъ,
Со отцомъ и съ матерью.»

Съ тѣми же словами она обращается сначала къ матери, потомъ къ сестрамъ и подругамъ. Потомъ плачетъ къ себѣ:

2020.

«Я-то, горькая, встала-то я ранехоньки,
Умывалася горячими слезами
Утиралася своей русой косой.»

Послѣ этого она начинаетъ спаряжаться къ вѣнцу. Надѣваетъ самый лучший сарафанъ и бѣлую сорочку (въ случаѣ-же, если рубашка цвѣтная, то рукава все-таки должны быть бѣлыми). На шею ей не надѣваютъ ни бусъ, ни лентъ, потому что говорятъ: «къ вѣнцу, словно на смерть собираешься.» Когда невеста «соберется», дѣвки сажаютъ за столъ и всѣ ждутъ жениха.

Наконецъ прѣзжаетъ женихъ. Самъ онъ остается на улицѣ, а дружка входитъ въ избу и велитъ дѣвкамъ вылѣзть изъ за стола. Дѣвки требуютъ отъ него мыла. Онъ подаетъ имъ $\frac{1}{2}$ фунта мыла и бутылку воды. Тогда онъ проситъ его показать имъ жениха. Дружка вводитъ жениха. Отецъ невесты беретъ его за правую руку

и соединяетъ съ правой рукой дочери. Невѣста же плачетъ:

2021.

«Желанный ты, кормилецъ батюшка!
Не сажай-ка ты подлѣ меня добра молодца,
Не давай-ка ты ему мою правую руку,
Не ломай-ка ты моихъ золотыхъ перстней
Не пугай-ка ты моего ретива сердца;
Такъ-то оно у меня испугалось,
Безъ огня-то оно загорѣлось,
Безъ полымя-то у меня сотлѣло.»

Потомъ она обращается къ жениху.

2022.

«Ты-то ли, добрый молодецъ!
Не бери-ка ты мою правую руку,
Не ломай-ка ты моихъ золотыхъ перстней,
Не пугай-ка ты моего ретива сердца;
Не твой-то отецъ меня воспоилъ, вскормилъ,
Не твоя-то мать меня воздѣляла;
Воспоилъ-то, вскормилъ меня кормилецъ батюшка,
Воздѣляла-то меня родимая матушка.»

Отецъ крестный невесты отводитъ дружку въ сторону «продавать косу». Ему даютъ большую кружку съ виномъ, Онъ ее покрываетъ рукой, при чемъ они торгуются. Дружка опускаетъ въ кружку либо 20, либо 30 копѣекъ, смотря по состоянію (эти деньги предназначаются невестѣ). Невѣста-же плачетъ, обращаясь къ своему крестному отцу:

2023.

«Желанный ты мой, крестный батюшка!
Не пей-ка ты зелена вина,
Не бери-ка ты золотой казны,
Не пропивай-ка ты мою русую косу.»

Обращаясь къ дружкѣ:

Желанный ты мой дядюшка!
Не бери-ка ты золоту чару,
Не пушай-ка ты злата серебра.
Не дорога-то мнѣ ваше злато-серебро,
Не дорога-то мнѣ ваша золотая гора,
Дорога-то мнѣ своя русая коса.»

Послѣ продажи косы «поѣзжане», т. е. состоящіе при поѣздѣ жениха, садятся за столъ. Невѣста поетъ:

2024.

«Не спѣли-то меня обѣяли,
Не вѣтры-то меня обвѣяли,
Не морозы-то меня заморозили,—
Обѣяли-то меня добрыи люди,
Добры-то люди, незнамые.
Покрасуйся, моя руса коса,
Во дѣвичьей, во красотѣ,
Въ первые и во послѣдніе!»

Обращаясь къ дружкѣ, предлагающей ей въ подарокъ мыло, она продолжаетъ:

«Не дари-ка ты меня, молода дружка со подружкою,
Безъ мыла-то я бѣленехонька,
Безъ румянъ-то я руменехонька.»

Теперь отецъ невѣсты начнетъ пѣть поѣзжанъ обнавивать виномъ. Невѣста плачетъ («къ дарамъ»):

2025.

«Желанный ты мой, кормилецъ батюшка!
Неси-ка ты зеленымъ виномъ, не обнавивай,
Меня-то, горькую, не обращай (едай).»

Сноха ея или сестра даритъ всѣхъ поѣзжанъ по платку, а свахамъ (свахъ же бываетъ двѣ: одна жениха, другая невѣстина) даритъ «рукава». Невѣста продолжаетъ свой плачь къ дарамъ:

2026.

«Лебедушка, моя мила сестра!
Дари-ка ты, не обдаривай,
Большаго-то барина съ меньшимъ,
Дружку-то со подружьемъ,
Молоду-то сваху со повозникомъ.»¹⁾

Послѣ краткаго отдыха невѣсты, приносятъ «сальникъ», (т. е. крупяную кашу). Она плачетъ, обращаясь къ сальнику:

¹⁾ Повозникъ — это тотъ, который везетъ свахъ.

2027.

«Желанный ты, мой батюшка!
Ходи-ка ты потихоньку,
Неси-ка ты зеленымъ виномъ рѣдехоньки,
Тяни-ка ты день, до вечера.»

Къ матери:

2028.

«Желанная ты моя, родная матушка!
Ходи-ка ты потихоньку,
Станови-ка ты яства рѣдехоньки,
Тяни-ка ты день до вечера.
А мнѣ-то, горькія, у васъ покравоватися,
Не годъ-то мнѣ у васъ годовати,
Не недѣлю-то мнѣ у васъ гостявати,
Одинъ-то мнѣ часъ часовати,
За столомъ-то за дубовымъ
Во первые-то, во послѣдніе.»

Когда поѣзжане отобѣдаютъ, невѣсту начнутъ благословлять. Благословляютъ обыкновенно отецъ и мать, родные и крестные. Она плачетъ:

2029.

«Желанный ты мой, кормилецъ батюшка!
Не прощу-то я у тебя ни злата, ни серебра,—
Прошу-то я у тебя благословеньца,
Къ Божьей церкви ѣхати,
Подъ золотымъ вѣнкомъ стояти,
Законъ-то Божій принять.»

Съ такими же словами она обращается къ матери, къ отцу крестному и крестной матери. Потомъ обращаясь къ себѣ:

«Отъ золота-то вѣнка голова болитъ,
Отъ перстня-то рука горитъ,
Отъ подножья¹⁾ ноги ломитъ.»

Къ косѣ:

«Покрасуйся моя руса коса,
У свою-то кормильца батюшки,
У родимой-то матушки,

¹⁾ Холстины кусокъ въ 2 аршина, на которомъ женихъ и невѣста стоятъ въ церкви.

(когда есть братья)

У милыхъ то братцевъ, ясныхъ сокольниковъ!
Отрасовалась я, отгулялась,
Отчесала-то я свою буйную головушку,
Отплела-то я свою мелку косу,
Относила-то въ косѣ ленту алую.»

Приготавливаются ѣхать въ церковь. Братъ родной надѣваетъ на нее новый дубленный полушубокъ (даже лѣтомъ); ей повязываютъ платокъ назадъ и надѣваютъ «покрывъ», т. е. кусокъ кисеи въ 3 аршина длиною. Его спускаютъ на лицо, а концы сзади скрещиваютъ и оставляютъ распушенными. Она плачетъ къ брату:

2030.

«Голубчикъ ты мой, милый братъ!
Не одѣвай-ка ты меня во цвѣтно платье,
Во цвѣтно платье, во печальное.
Во печальное, во вѣнчальное.»

Ее выводятъ на улицу; а отецъ и мать остаются въ избѣ,—садятся за столъ и имъ подають водку. Выходи на улицу, невѣста поетъ:

2031.

«Первую то ступень ступила,
Изъ батюшкиной-то воли выступила;
Другую-то ступень ступила,
Изъ матушкиной-то пѣги выступила;
Третью-то ступень ступила,
Изъ дѣвичей-то красоты выступила.»

На улицѣ:

2032.

«Желанная ты моя матушка!
Поглянь-ка ты въ окошечко:
Не яблоня-то стоитъ кудрявая,
Не яблочки-то съ нея катятся,—
А стоитъ-то ваше дитя милое
Горючн-то слезы у ней катятся.»

Ее сажаютъ на повозку съ обѣими свахами. Повозка обыкновенно не убирается цвѣтами и лентами. Просто ставятъ въ нее «будку», куда кладутъ подушку, на которую и сажаютъ невѣсту. Правитъ «повозникъ». Женихъ ѣдетъ от-

дѣльно, посреди двухъ дружекъ. Лошадью правитъ дружка. Въ это время сродники невѣсты «подымають добро» ея и везутъ его въ домъ жениха, гдѣ ихъ встрѣчаютъ родители жениха и угощаютъ. Когда невѣсту сажаютъ на повозку (а на повозку ее сажаютъ обыкновенно или зять или братъ), она голоситъ:

2033.

«Желанный ты мой дядюшка!
Не сажай-ка ты меня на вороныхъ коней:
Чужн-то кони быстрые—
Увезутъ-то они меня далекохонько,
На чужую-то на сторонушку,
Ко чужому-то отцу съ матерью,
Ко чужому-то роду племени.»

Къ косѣ:

2034.

«Покрасуйся, моя руса коса,
По улицѣ-то по широкой,
Во первые-то во послѣдніе!
Отрасовалась-то я, отгулялась,
Отчесала-то свою буйную головушку,
Отплела-то я свою мелку косу,
Относила въ косѣ ленту алую.»

Приѣзжаютъ въ церковь. Женихъ слѣзаетъ первый, ссаживаетъ невѣсту и ведетъ ее въ церковь. Совершается обрядъ вѣнчанія. Есть примѣта, что если во время вѣнца невѣста станетъ первая на «подножье», то она будетъ старшая надъ мужемъ; и наоборотъ. По окончаніи обряда ее «оправляютъ въ кокошникъ». Ее повязываютъ платкомъ, надѣваютъ «подзатыльникъ» (нѣчто въ родѣ золотого платка, который надѣвается на затылокъ, чтобы прикритъ волосы молодой), надѣваютъ на лобъ «поднизокъ» изъ бисера и кокошникъ золотой съ рогами (волосъ совершенно не видно).

Оправляютъ молодую свахи. Затѣмъ везутъ къ жениху. Отецъ и мать жениха встрѣчаютъ молодую съ хлѣбомъ-солью, ее сажаютъ за столъ и раскрываютъ.

Отецъ жениха обноситъ всѣхъ виномъ. При этомъ каждый говоритъ, что вино горько и проситъ его «подсластить». Молодая цѣлуетъ мужа въ глаза, въ уши, въ макушку, и въ душу. Онъ же долженъ цѣловать ее три раза въ уста.

Послѣ обѣда, который длится очень долго и за

которымъ поютъ, свищутъ и пляшутъ, молодыхъ укладываютъ спать.

Записано В. Н. Харузиной въ 1893 г.
Сообщ. Этногр. Отд. И. Об. Л. Е. А. и Э.

Той же губ., Елецкаго уѣзда.

2035.

Какъ за рѣчушкой свободушка стоитъ,
На свободушкѣ молода вдова живетъ.
У вдовиньки дочь хорошая растетъ,
Про нее слава, рѣчь порядочно идетъ,
У нее личико точно бѣленькій снѣжокъ,
Щечки алы—въ саду розовый твѣтокъ,
Брови черны, развеселые глаза,
Рѣчь хороша, разумильны слова:
«Ужъ, ты миленькій, возлюбленный дружокъ!
Ты спиши со личушки потретъ
Намъ не долго жить, бесѣдовать съ тобой.
Пойду, выйду на парадный, на крылецъ,
Погляжу я въ подзорную трубу:
Въ чистомъ полѣ два шатрика стоятъ,
Въ шатрикѣ два разбойничка сидятъ,
Про Дуняшу рѣчь хороша говорятъ,—
Не велятъ, мнѣ на улицу ходить,
Не приказываютъ мнѣ молодчиковъ любить.
«Ужъ вы, братцы, товарищи мои,
Вы не скоро-ли поѣдете домой?
Вы скажите моей маминьки поклонъ,
Особенно Сашуринькѣ милой,
Чтобъ не ждали бѣ по тепло лѣто домой,
Чтобы ждали по холодную зиму,
Когда рѣчушки закроются ледкомъ.»¹⁾

2036.

Маленька птичка, маленька,
Садилась на ракиту, садилась,
Хотѣла она, хотѣла она
Ракиту подломати, ракиту подломати.
Не подломила, не подломила,
Къ землѣ приклонила, приклонила.
Умная наша Авдотьюшка,
Разумная Ивановна,—
Хотѣла она, хотѣла она
Батюшкѣ развеселити,—
Не развеселила она,
Лишь больше огорчила.
Дѣвочки идутъ, вѣночки вѣють,

¹⁾ Эта пѣсня собственно изъ разряда любовныхъ, но вездѣ на свадьбахъ, въ промежуткахъ времени, свободныхъ отъ обрядностей, дѣвки поютъ и такія и другія подобныя. III.

Тебя поджидаютъ.

— «Хуть жди, не жди.

Я къ вамъ вѣкъ не буду.

Буду-ль я, не буду—къ милому другу,

Къ Ивану Петровичю.»

2037.

Вы саду было, вы саду,
Вы зеленомъ виноградику,
Здѣсь катались два яблочка,
Два яблочка, два садовня,
Садовня, медовня.
Врозь по берегу катались,
Словно сахаръ разсыпался:
Что и первое яблочко —
Иванъ Петровичъ,
А второе что и яблочко —
Авдотья Ивановна.

2038.

Какъ изъ улицы метелица мететь,
Изъ шпрокой перепархиваетъ.
За метелицей Иванъ сударь идетъ,
За собою ворона коня ведетъ,
За тѣ поводы, за шелковые,
За тѣ удила серебрянные.
Оборвались шелковые повода,
Распались серебряны удила,
Иванъ-сударь упустилъ свою коня,
Петровичъ свою воронова.
Авдотьюшка у веревочки стоитъ,
Ивановна у тесовыхъ, у воротъ.
«Авдотьюшка, перейми мово коня,
Ивановна, перейми воронова!»
— «Похожую я, Иванъ сударь, перейму,
Не похожую—прочь пойду,
За твою-ль, другъ противни слова,
Часто ходишь мимо мово двора,
Ты не зайдешь, не провѣдаешь меня.
Ты ходи, другъ, почаще,
Неси прянички послаще,
Неси прянички жамочки,
Неси орѣшки каленные!»

2039.

Передъ нашими широкими воротами,
Разливалось синее море,

Люли, люли, разливалось,

(Припѣвъ: «люли, люли» поется послѣ каждой строчки съ прибавленіемъ послѣдняго слова стиха).

Рыбца бѣла разыгралась.
 Какъ по берегу охотнички ходили,
 Охотнички бѣлый рыбицы говорили:
 «Берегись, бѣлая рыбца, берегись,
 Хотятъ тебя, бѣлу рыбицу, поймать,
 Въ шелковые невода посадить,
 На двѣнадцать частей разрубить,
 На двѣнадцать столовъ становить,
 И двѣнадцать молодцовъ будутъ кушать.
 Промежъ себя рѣчь говорили:
 Къ Авдотьюшкѣ подруженьки приходили,
 Авдотьюшкѣ подруженьки говорили:
 «А хотятъ тебя, Авдотьюшку сговорить,
 Хотятъ тебя, Ивановна, замужъ отдать,
 За такова-ль, за дѣтину, за Ивана,
 За его-ль честь фамилію Петровича.»
 — «Я сама-ль, подруженька, догадалась,
 Я изъ горницы въ горницу металась,
 Я холодной водой умывалась,
 Тонкимъ бѣлымъ полотенцемъ утиралась.

2040.

При дѣвичью было вечеру,
 При Авдотьюшениномъ дѣвичнику,
 При Ивановѣ печальюшѣ,
 Пролеталъ младъ ямень соколъ,
 Онъ садился на высокъ теремъ
 И спущалъ ножку на подножку,
 На золотую причалиньку.
 Причалинька обломилась,
 Ямень соколъ встрепенулся,
 Онъ же правымъ крылушкомъ, перушкомъ,
 Правымъ крылушкомъ рябимъ
 Ни по атласу, ни бархату, —
 По Авдотыну лицу бѣлому,
 По Ивановному румяному.
 Никто этого не увидѣлъ, не усмотрѣлъ,
 Усмотрѣли родной батюшка, родна матушка.
 «Ты, дитѣ-ль мое милое,
 Приголубь яснаго сокола къ себѣ!
 Яснаго сокола залетнаго,
 Добраго молодца заѣзжаго.»
 — «Государь, ты, мой родной батюшка,
 Государыня, ты, моя родная матушка,
 Мое сердце не воротится къ нему,
 Мои очи и смотрѣть не хотятъ.
 Ужъ и есть не ямень соколъ,
 Ужъ и есть мой разлучничекъ, —
 Разлучить меня съ отцомъ, съ матерью,
 Съ отцомъ, съ матерью, съ родомъ-племенемъ
 И съ любезными подружками.

2041.

Въ темныхъ лѣсахъ кукушечка куковала,
 Въ теремѣ Авдотьюшка плакала,
 Въ высокомъ Ивановна рыдала,
 Слезно свое батюшку просила:
 «Ни отдавай, мой батюшка, отъ себя,
 Остается зеленой садъ у тебя,
 Въ томъ саду три цвѣтика разцвѣли:
 Алый цвѣтъ и лазоревый, голубой.
 А станешь-ли, мой батюшка, цвѣтики поливать?
 Цвѣтики поливать утренней, вечернею порою? 2
 Свѣжею ключевою водою?»
 — «Стану я, мое дитятко, твои цвѣтики поливать,
 Утренней, вечерней зарею —
 Своею горячею слезою.

2042.

А у терема, терема,
 У високова нова
 Золотые были выходы,
 А ступенцы серебряны.
 Какъ по этимъ ступенцамъ,
 Здѣсь ходила, выгуливала,
 Молодая здѣсь барыня.
 Она будила, пробуживала
 Свою дитятку милую,
 Свою дочку любезную:
 «Ужъ ты встань, проснись, дитятко!
 Пробудись, мое милое!
 Отдаю тебя, дитятко,
 Отдаю тебя, милое,
 Ужъ я съ рукъ тебя на руки, —
 Ко Ивану-то на вѣки,
 Отдаю и призываю:
 «Ужъ, зять, ты, мой зятюшка,
 Ты, родимой мой батюшка,
 Ужъ ты нѣжь мою дитятку,
 Ты лелѣй мою милую,
 Какъ и я ее нѣжила,
 Какъ и я ее лелѣяла,
 Я отъ вѣтру въ горницу,
 А отъ дождю во свѣтлицу,
 А отъ солнца во зеленый садъ.»
 Изъ зеленого садика,
 Здѣсь лежала дороженька,
 Далекимъ далекошенько.
 Какъ по этой по дороженькѣ
 Дочь отъ матери ѣхала,
 Дочь по матери плакала,
 Съ соловьемъ думу думала:
 «Соловей мой, соловьюшекъ,

Соловей вольна пташечка!
Полети-же ты къ матушкѣ,
Утѣшай-же ты матушкѣ.
Чтобъ она по мнѣ не плакала.

Сообщ. г-жею Великолѣповой, мѣстною
уроженкой.

Той же губернии, Орловскаго уѣзда.

Когда женихъ прѣзжаетъ къ невѣстѣ на *лады*.
Ладѣ состоятъ въ томъ, что женихъ прѣзжаетъ
со свахами для рѣшенія своего сватовства.

Подѣзжая къ воротамъ, свахи жениха поютъ:

2043.

У тестевыхъ воротъ
Все горы крутые,
Морозы лютые.
Хоть дорого взять,
Казаковъ нанять,
Горы ѹскопять —
У тестя побывать,
Апросинью увидать.
У тестя по двору
Дѣвки танки водать, —
У круга Апросиньюшва
У рукахъ шерстиночка,
А на щекѣ слезиночка.
«Не плачь, Апросиньюшка,
Не плачь, Антоновна!
У насъ на дворѣ колодець,
На волахъ воду возять.»
— «Не обманывай, Иванушка,
Не обманывай, Егоровичъ!
У васъ на дворѣ скотинушка,
У васъ подъ горой колодець,
На плечахъ воду носить.»

2044.

Вьюнъ на водѣ увивается
Зять у воротъ убивается:
«Тесть мой тесть
Тесть ты мой ласковый,
Тесть привѣтливый,
Дай мой даръ, дай мой суженый,
Дай мой ряженный!»
Вывелъ тесть коня въ сѣдлѣ.
«Это не мой даръ, это не мой суженый,
Не мой ряженный.»
— Вьюнъ на водѣ увивается
Зять у воротъ убивается:

«Теща моя теща ласковая;
Теща привѣтливая!
Дай мой даръ, дай мой суженый,
Дай мой ряженный!»

Вывесла теща суплукъ съ добромъ.
«Это не мой даръ, не мой суженый,
Не мой ряженный.»

— Вьюнъ на водѣ увивается
Зять у воротъ убивается:
«Тесть мой, тесть,
Тесть мой ласковый,
Тесть привѣтливый,
Дай мой даръ, дай мой суженый,
Дай мой ряженный!»
Вывелъ тесть Аксинью.
«Вотъ мой даръ, вотъ мой суженый,
Вотъ мой ряженный.»

Подружки невѣсты поютъ за воротами на
дворѣ.

2045.

Не было вѣтру понавѣяло,
Не было гостей понавѣхало,
Все нежданное, незнакомое,
Поломали сѣни новыя, съ переборами,
Выпужнали, выпужнали соловья изъ саду.
Тутъ Аксиньюшка встужилася:
«Кто же у меня теперь соловей у саду?
Кто жъ меня теперь будить будетъ?»
Отвѣчаетъ ей Иванушка:
«Я теперь соловей у саду
Я тебя рано ѹбужу.»

Ворота отворяются и подружки невѣсты поютъ

2046.

«Не уздальца колечушки звякнули,
Все жъ-таки Апрасиньюшка за тобой,
Все жъ-таки, Антоновна, для тебя.»
«Постойте, князья, бояре, на дворѣ!
А я пойду, своему батюшкѣ доложу,
Кунью шубу доношу.»

Свахи жениховы продолжаютъ:

Апросинья Антоновна
У тебя есть меньшая сестрица,
Она пойдетъ — батюшкѣ доложить,
Кунью шубу доносить.
— «Не уздальца колечушки звякнули,

Все жь-таки, Апрасиньюшка, за тобой,
Все жь-таки, Антоновна, для тебя.»
— «Постойте же, князья, бояре на дворѣ,
Я пойду своей матушкѣ доложу,
Цвѣтныя платья доношу!»
— «Апросинья Антоновна,
У тебя есть твоя меньшая сестрица,
Она твоей матушкѣ доложить,
Цвѣтныя платья доносить.»

Вводятъ въ домъ жениха, садятся рядомъ съ
невѣстой и всѣ вмѣстѣ поютъ.

2047.

У голубя голубушка подѣ крыломъ,
У сизаго, косатушка подѣ правомъ,
У Иванушки Апросиньюшка подѣ бочкомъ,
У Егоровича Апросиньюшка подѣ правомъ.

Дѣвушки величаютъ невѣсту.

2048.

Какъ на морѣ, тонка жердочка лежала,
На жердочкѣ, Апросиньюшка стояла,
Бѣлешеньки рубашечки мывала.
По берегу Иванушка гуляетъ,
За утками, лебедками стрѣляетъ.
Что не разъ стрѣляеть,
Лебедушку ушибеть.
Все жь такъ на Апросиньюшку взглянуть:
«Я мѣтилъ, что лебедушка бѣлая,—
Ажпожь, Апросиньюшка честная.
Она тѣмъ честна, она тѣмъ хвальна,—косою.
А ѣ косушки ѣ русенькой косничекъ,—
Подвернулся Иванушка подѣ бочекъ,
Вывязывалъ шелковый косничекъ,
Уплетывалъ шелковую плеточку,
Что бь было чѣмъ коня подогнать,
Что бь было чѣмъ Апросиньюшку ѣзбудить.
«Вставай, Апросиньюшка раненько,
Чени, чени, головушку гладенько!
Ѣвоскресный день Апросиньюшка родилась,
Ѣ золото, ѣ серебрѣ увилась,
А мѣ, молодцу Иванушкѣ, досталась.»

Всю ночь они поютъ; утромъ когда дѣвушки
чешутъ невѣсту къ вѣнцу, то поютъ.

2049.

Зимой, лѣтомъ сосенушка зелена,
Зеленешенька ѣ сыру бору стояла.

Ѣ пятницу Апросиньюшка весела,
Ѣ субботу русу косушку чесала,
Въ воскресный день къ вѣнцу шла,—плакала:
«Не жалостливъ, не милостивъ сударь батюшка
до меня,

Отдаетъ молодешеньку отъ себя,
Остается мой зеленый садъ увесъ тебѣ.
Ѣ садику три цвѣтика разцвѣли,
Мой аленькій, мой бѣленькій,
Лазоревый василекъ.
«Вставай, вставай, мой батюшка, раненько,
Поливай, поливай мой цвѣтики частенько,
И утренними и вечерними зарями,
А послѣ того горючими слезами.»
— «Буду, буду мое дидятко вставать,
Твои цвѣтики поливать,
И утренними и вечерними зарями,
А послѣ того горючими слезами.»

Затѣмъ братъ невѣсты продаетъ ея косу
дружку жениха.

Дружекъ: «Ты что, молодецъ, сидишь?»
Братъ ея: — «Я купецъ, русой косы продавецъ.»
Дружекъ: «Сколько-же тѣбѣ за косу?»
Братъ: — «Ступу денегъ, рѣшето вина.»

Дружекъ наливаетъ стакань вина и кладетъ
туда деньги. Братъ выпиваетъ, беретъ деньги и
уступаетъ мѣсто жениху.

На ладахъ и на вечерникѣ дѣвушки еще
поютъ слѣдующія пѣсни:

2050.

Съ горъ, горы мятелица заметаеть,
Съ другой горы дружинишка съѣзжаетъ,
Онъ шапку снялъ, коня держалъ да слушалъ;
Онъ мѣтилъ, что Апросиньюшка играетъ,—
Ажно это ранняя-ль сваха голосить.
«Голоси, голоси ранняя сваха,
До утренней до поры,
До вечерней до зари.»
Съ горъ, горы мятелица заметаеть,
Съ другой горы дружинишка съѣзжаетъ,
Онъ шапку снялъ, коня держалъ да слушаетъ
Онъ мѣтилъ, что ранняя сваха играетъ;—
Ажно-ль Апросиньюшка голосить.
«Голоси, голоси Апросиньюшка
До утренней до поры,
До вечерней до зари.»

2051.

На долинушкѣ бѣлый лентъ вѣтеръ повѣваетъ,—
 Что-жъ наша Апросиньюшка унываетъ?
 Или наша Апросиньюшка свекру не по обычаю?
 — «Дѣвушки, голубушки! аль вы не угадали,
 Неправду вы сказали, менѣ¹⁾ свекръ,
 Менѣ свекръ, что родимый батюшка.»
 — На долинушкѣ бѣлый лентъ вѣтеръ повѣваетъ,
 Что-жъ наша Апросиньюшка дюже унываетъ?
 Или наша Апросиньюшка свекрови не по обычаю?
 — «Дѣвушки, голубушки, аль вы не угадали?
 Неправду вы сказали, менѣ свекровь
 Менѣ свекровь, что родимая матушка.»
 — На долинушкѣ бѣлый лентъ вѣтеръ повѣваетъ,
 Что-жъ наша Апросиньюшка дюже унываетъ?
 Или нашей Апросиньюшки Иванъ не по обычаю?
 — «Дѣвушки, вы голубушки, аль вы не угадали?
 Неправду вы, неправду вы сказали:
 Менѣ Иванъ, мене Антоповичъ, что родной братецъ.»

2052.

«Что гоголь мой, гоголечекъ?
 Былъ ли, ты гоголь мой, на морѣ?
 Видѣлъ-ли ты, гоголь, гоголку?»
 — «Былъ я на морѣ, видѣлъ гоголку,
 Видѣлъ гоголку, золотую головку.
 Только на море взлетаю,
 А она съ току на токъ перелетала;
 За ней четки въ три ряда,
 Галки въ четыре ряда.»
 — «Былъ-ли ты, Иванъ, у тестя?
 Видѣлъ-ли ты Апросинью?»
 — «Только я на дворъ взъѣзжаю,
 А она съ терема ў теремъ переходила;
 За ней дѣвушки, въ три ряда,
 А молодушки ў четыре ряда.»

2053.

Свѣтель мѣсяцъ дороженьку освѣтилъ,
 Буенъ вѣтеръ, воротушки растворилъ.
 Иванушка у Апросиньюшки успросилъ:
 «Апросиньюшка Антоновна, милая!
 Кто тебѣ изъ двухъ, изъ трехъ милѣй?»
 — «Мила-то мнѣ милешенекъ матушка,
 Неправду ты, Апросиньюшка, говоришь,
 Неправду ты, Антоновна, сказываешь.»
 — Свѣтель мѣсяцъ, дороженьку освѣтилъ,
 Буенъ вѣтеръ, воротушки растворилъ,
 Иванушка у Апросиньюшки успросилъ:
 «Апросиньюшка, Антоновна милая!
 Кто тебѣ изъ двухъ, изъ трехъ милѣй?»

¹⁾ Т. е. мнѣ.

— «Милъ-то мнѣ милешенекъ батюшка.»
 «Неправду ты, Апросиньюшка, молвишь,
 Неправду ты, Антоновна, говоришь.»
 — Свѣтель мѣсяцъ, дороженьку освѣтилъ,
 Буенъ вѣтеръ, воротушки растворилъ.
 Иванушка у Апросиньюшки успросилъ:
 «Апросиньюшка, Антоновна милая!
 Кто тебѣ изъ двухъ, изъ трехъ милѣй?»
 — «Милъ ты мнѣ милешенекъ, Иванушка.»
 «Правду ты, Апросиньюшка, молвишь,
 Правду ты, Антоновна, говоришь.»

Когда женихъ уѣзжаетъ съ вечеринки, то его
 свахи поютъ:

2054.

«Бѣлыя лебедки! гдѣ-жъ вы бывали?
 Что-жъ вы видали?»
 — «Мы были, побывали
 На синемъ на морѣ.»
 «Что-жъ вы увидали?»
 — «Мы видѣли, увидали
 Бѣлую лебеду.»
 «Чего-жъ вы не взяли?»
 — «Хотя мы не взяли,
 Мы знакъ положили,
 Сытой, водой ключевой напоили.»
 — «Молодые вы свахи
 Гдѣ-жъ вы бывали?
 Что-жъ вы видали?»
 «Мы видѣли, видали
 Умную Апросинью»
 «Чего-жъ вы не взяли?»
 — «Хотя мы не взяли,
 Мы знакъ положили,
 Виномъ напоили.»

2055.

Пойду я вдоль по улицѣ,
 Черезъ три двора минуючи,
 Третій послушаю,
 Что люди говорятъ:
 Они судятъ-то, ридятъ,
 Про Апросиньинаго батюшку:
 «Онъ пойца, пропойца,
 Пропилъ свою дочку
 На сладкомъ медѣчку;
 Пропилъ свою чаду
 За винную чару.
 Винная чара
 Весь міръ припоила»

А умная Апрасинья
Весь поѣздъ придала.

На вечеринкѣ продають косу невѣстину дружку
жениха, который торгуетъ ее у брата невѣсты.

Въ день свадьбы, когда женихъ ѣдетъ за не-
вѣстой, у нея дѣвушки поютъ.

2056.

Долга темна осенняя почушка —
Прождалась соловьиная матушка:
«Что-жъ такого-жъ соловьюшки долго нѣтъ!
Или ему случилось мимо сада летѣть,
И его черныя галки сманули,
У зеленый садъ водили?
Иль они его пшеницей кормили?
Иль они ключевой, святой водицей поили?
Иль они его черной галкой дарили?»
— Долга темна осенняя почушка, —
Прождалась Иванкина матушка:
«Что-жъ такого-жъ Иванушки долго нѣтъ!
Иль случилось ему мимо терема ѣхать,
Иль его красны дѣвушки сманули?
Иль они его у высока теремъ водили?
Иль они его виномъ, чаемъ поили?
Иль они его бѣлымъ хлѣбомъ кормили?
Иль они его Апросиньешкой дарили?»

2057.

«Милый другъ мой, Иванъ,
Моя надежда, пробудись!»
— «Я скажу-ль тебѣ, дѣвица,
Диво дивно дивованье:
Оторвался конь вороной
Отъ мого столба точенаго,
Отъ серебряна колечка,
Отъ золочена другаго.
Не тужи, моя умница,
Дорогая ты разумница!
Поживемъ мы годокъ,
Поживемъ мы другой
Наживемъ мы садокъ,
Наживемъ мы зеленый
Со калиной, со малиной,
— Черну ягоду смородину.»
Она рано поломана,
Во пучечки связана,
При дорожѣ положена.

2058.

Ты заря-ль моя зорюшка,
Зорюшка вечерняя,
Солнышко усхожее!
Высоко усходило,
Далеко освѣтило —
Черезъ лѣсъ, черезъ море,
Черезъ синее поле.
На томъ синемъ морѣ,
Лежала досточка.
Какъ по той по досточкѣ,
Никто не хаживалъ
Никого не важивалъ.
Перешель переѣхалъ
Валерьянъ молодой,
Красавецъ удалой,
Съ собою перевелъ,
Боярскую молодую
Дарью Ивановну.
Онъ взялъ ее за ручку,
Перевелъ на свою сторону,
На свою сторонку, —
Цѣлуетъ и милуетъ,
Милымъ другомъ называетъ:
«Милый другъ ты мой, Дарюшка!
Ты меня состарила,
Безъ ума поставила
Тихими походами,
Низкими поклонами.
На улицу не ходи,
Худой славы не владѣ;
У меня молодца,
Подворье широкое,
Горница тесовая,
Короватъ еловая,
Перина пуховая,
Изголовье высокое,
Одѣяло шитое,
Башмачки сбитые.»

2059.

Заря, моя зорюшка,
Заря моя бѣлая,
Солнце ясное, —
Дѣвица красная!
Даря слезно плакала.
Слезы катятся.
Играть не велятъ,
Играть хочется,
Все мнѣ претятъ;
Все заказываютъ,

Все заговариваютъ.
Заказываетъ сударь батюшка,
Заговариваетъ сударыня матушка.
Я утрадуся, наиграюся,
Увернуся, нацѣлуюся,
Тинкомъ, лужкомъ,
Со милымъ дружкомъ, —
Со Ванюшей, подъ грушей,
Я подъ грушей подъ вудрявой.
По мосту, мосту по калиповому,
По другому мосту по малиновому,
А по третьемъ мосту,
Купцы ѣхали, ѣхали,
Иванушку встрѣтили:
«Продай кудри черпше!»
— «Мои кудри не продажны,
Моимъ вудрямъ есть участница, —
Дарьюшка половинница.»

На вечерникѣ когда жениха ждутъ.

2060.

Не разливайся мой тихій Донъ,
Не заливай зеленые луга!
На тѣхъ лугахъ лежитъ бѣлый олень,
Бѣлый олень, золотые рога.
Мимо проходилъ Иванушка,
Взялъ плетку, стегнулъ оленя.
«Не смѣйбай меня, добрый молодецъ!
Я тебѣ впередъ гожусь:
Будешь жениться, на свадьбу приду,
На дворъ взойду, весь дворъ освѣщу,
Въ горницу взойду, гостей развеселю,
Больше всѣхъ Авдотьюшку.»

2061.

Какъ при вечерѣ, вечерѣ,
При Ульянпномъ дѣвишникѣ,
Ульянушка спать легла,
Нехорошій сонъ увидѣла:
Со крутой горы ручей течетъ
Съ тепла гнѣзда соколъ летитъ,
Онъ садился на окошко,
На серебрянну причаленку.
А причаленка отломилась,
Младъ соколъ вострепещался.
Какъ увидѣла, усмотрѣла,
Ульянушкина матушка:
«Ты дитѣ-ль мое, дидятко,

Приголубъ ясна сокола,
Ясна сокола залетнаго
Добра молодца заѣзжаго!»
— «Государыня матушка,
Я бы рада приголубила, —
Рѣзвы пожеи поддомлились,
Бѣлы руки опустились,
Златы перстни посвалились,
Ясны очи заслезпились,
Съ плечъ головушка скатилась.»

По приѣздѣ жениха дѣвушки сажаютъ пивѣсту
за столъ, рядомъ съ женихомъ и поютъ:

2062.

Авдотьины сборы, сборы!
Собирала дѣвокъ на сговоры,
Сажала красивыхъ за свой столъ,
Сама садилась выше всѣхъ,
Голову клонила ниже всѣхъ,
Думала думу крѣпче всѣхъ:
«Сестрицы мои, подруженьки!
Придумайте мнѣ, пригадайте:
Ужъ какъ-то мнѣ быть,
Въ чужихъ людяхъ мнѣ жить?
Какъ мнѣ люта свѣкра называть?»
— «Сестрица паша, Авдотья,
Убавь ты спеси, гордости,
Прибавь ты ума-разума!
Назови ты свекра батюшкой,
Свекровь люту матушкой,
Иванушку назови Михайловичемъ.»

2063.

На улицѣ крикутъ кричитьъ,
Крикуютъ кричитьъ, — боярскій сынъ,
Всѣ дѣвушки на улицѣ,
Одной нѣту, Александрюшки,
Сидитъ она во теремѣ,
Работаетъ работуюшу,
Платочекъ шьетъ — весь золотомъ,
Плеть плететъ шелковую,
Узду шьетъ жемчужную.
Мимо шель Иванушка:
«Богъ помочь тебѣ, Александрюшка,
Платочекъ шьешь мнѣ въ карманъ,
Плеть плетешь мнѣ въ руки,
Узду плетешь моему коню.»

2064.

Яблоня моя садовая, кора золотая,
Мимо шла Варварушка, кору колупала,
Кору колупала, золото снимала.
Тѣмъ золотомъ коверъ вышивала,
Тѣмъ ковромъ коня одѣвала,
Тѣмъ конемъ свекра дарила:
«Прими, батюшка, не гребуй¹⁾ мною,
А я тобой, твоей буйной головою.
— Яблоня моя яблоня садовая, кора золотая,
Шла Варварушка мимо, кору колупала,
Кору колупала, золото снимала,
Тѣмъ золотомъ чупичникъ вышивала,
Тѣмъ чупичникомъ свекровь дарила:
Прими матушка, не гребуй мною,
А я тобой, твоей буйной головою.»
— Яблоня моя садовая, кора золотая,
Шла мимо Варварушка, кору колупала,
Кору колупала, золото снимала.
Тѣмъ золотомъ жилетъ вышивала,
Тѣмъ жилетомъ жениха дарила.

2065.

Воскупила кукушка въ лѣсу,
Восплавила Александра за столомъ:
«Не жалостливъ сударь батюшка до меня,
Отдаетъ меня замужъ далеко,
Остается мой зеленый садъ тебѣ.
Вставай, мой батюшка, раненько,
Поливай мои цвѣтики частенько,
Утреннею, вечернею зарею.»
— «Буду буду, мое дитятко, вставать,
Рано цвѣтики поливать,
Утренними, вечерними зрями,
Послѣ того горячими слезами.

2066.

Летѣли голуби черезъ теремъ,
Ударили крыльями о теремъ,
Сказали Анпушкѣ добру вѣсть,
Что у Степанушки въ домѣ есть:
Есть у Степанушки воронъ конь.
Собрался Степанушка въ дорогу:
«Пожалуй, батюшка, подмогу,—
Сорокъ коней на перевозъ,
Четыре каретушки золотыхъ.
Въ первую карету самъ сяду,
Въ другую Анну посажу,

¹⁾ Не гнушайся, не брезгай.

Въ третью карету свашеньку
Въ четвертую карету матушку.
— «Вотъ тебѣ, дитятко, подмога,
Сорокъ коней на перевозъ,
Четыре кареты золотыхъ,
Двѣ свахи молодыхъ.»

2067.

Хожу, гуляю,
Купину копаю,
Набѣлмися, наруманимся,
Сядемъ подъ окошко;
Люди скажутъ:
«Хорошъ дружко,
А сваха лучше,
Щеками поалѣй,
Бровями почернѣй.»
Хожу я гуляю,
Купину копаю,
Набѣлмися, наруманимся,
Сядемъ подъ окошко,
Люди скажутъ:
«Хорошъ Стефанушка,
Лучше же Аннушка,
Щеками поалѣй,
Бровями почернѣй.»

2068.

Летить, летить,
Черная галка низенько,
Оглянулась, оглянулась,—
Ясный соколъ близенько:
«Отвернись, отвернись,
Ясный соколъ отъ меня!
Ищи, ищи ты,
Такой галки, что меня,—
Галушку черную, одноперую.»
Бѣжить, бѣжить,
Александрюшка рѣзвенько,
Оглянулась, оглянулась,—
Иванушка близенько.
«Отвернись, отвернись,
Иванушка, отъ меня!
Ищи, ищи ты
Такову дѣвку, что меня,—
Бѣлую, румяную,
Александрю Семеновну.»
— «Ужъ я сколько-сколько,
Сѣлъ, городовъ проѣзжалъ,
Такой дѣвки не встрѣчалъ.»

2069.

Журилась галушка въ саду:
«Кто у меня въ саду побывалъ?
Кто мои вишни поклевалъ?
Кто мою галку оцпалъ?»
Пролеталъ ясный соколъ:
«Не журись, галушка!
Я у тебя въ саду бывалъ,
Твои вишни поклевалъ,
Твою галушку оцпалъ.»
— Журилась, Аннина матушка, въ теремѣ,
«Кто у меня въ теремѣ бывалъ?
Кто мои столышки поломалъ?
Кто мою Анпушку цѣловалъ?»
Приходилъ Иванушка:
«Не журись, Аннина матушка!
Я у тебя въ теремѣ бывалъ,
Я твои столышки поломалъ,
Я твою Анпушку цѣловалъ.»

2070.

Просилась галушка у ясна сокола,
На волю полетать,
Въ галочьемъ стадѣ побывать.
— «Пустить тебя галушка, —
Ты не будешь,
Меня, ясна сокола, забудешь.»
— «Не буду, соколушка, не буду!
Тебя, ясный соколъ, не забуду?
Отошедши галушка смѣялась:
«Не соколы у тебя ухватюшка,
Не соколы, а вороны,
Не съумѣлъ ты черну галку удержать,
Крылья, перья оцпнать.»

Попросилась Анпушка у Степанушки,
На улицѣ погулять,
Въ дѣвичьемъ хороводѣ побывать:
«Тебя, Анпушка, пустить,
Ты не будешь, ты не будешь,
Про меня, добра молодца, забудешь.»
— «Стефанушка! не буду, не буду,
Тебя, добра молодца, не забуду.»
Отошедши, Анна насмѣялась:
— «Не молодецка у Степанушки ухватка,
Не молодецка, а ребячья.
Не съумѣлъ красной дѣвки удержать,
Кольца серьги посмѣять.»

2071.

Хвалилась калина,
За рѣчкою стоя:
«Никто меня не срубить,
Безъ стуку, безъ грюку,
Булатнаго ножа.»
Хвалился поручикъ,
Молодой дружиннушка:
«Ужъ я те срублю,
Безъ стуку безъ грюку,
Булатнаго пожу.»
Хвалилась Александра,
У батюшки сидя:
«Никто меня не возьмѣтъ.
Безъ пива, безъ меда,
Безъ зелена вина.»
Хвалился Иванушка:
«Ужъ я тебя возьму,
Безъ пива, безъ меда,
Безъ зелена вина.»

Зап. Е. А. Цуриковой.

XII. Курской губерніи.

Тимскаго уѣзда.

Поютъ на сговорѣ.

2072.

Я не думала, не вѣдала,
Ко мнѣ сваха пріѣхала.
Она не нашего города,

Не по пашаму убрана.
Она ходя тихохонька,
Кланяется низехонька.
Она хваля свою сторону:
«Какъ наша сторопушка
Она вѣдомъ усажена,
Виноградомъ обгорожена,
Сытою поливана,

А тавтою покрывана».
— «Отойди прочь, обманишница,
Отойди прочь, подговоришница!
Ужъ я знаю чужу сторону!
Ужъ ваша сторонущка,
Она горямъ усажена,
Печалью обгорожена,
Тоскою покрывана,
А слезами поливана.»

Величаютъ женатыхъ во время шитья приданого.

2073.

Да по рѣчушки селезенюшка
Запывалъ, 3
У глазюшки утенушки
Заглядалъ: 3
«Да что моя утенушка
Хороша 3
Да чиго моя, ой, сѣрай
Пригожа!» 3
— «Ой днй тебе, селезенюшка,
Хороша, 3
Ой, днй тебе, касатенькей,
Пригожа.» 3
Да по сѣнюшкамъ Иванушка
Заходилъ, 3
У глазюшки, ой Анпушка,
Заглядалъ: 3
Да съ чиво моя, ой Анпушка,
Хороша? 3
Да съ чиво моя Ивиповна
Пригожа?» 3
— «Да днй тебе, ой, Ивипушка
Хороша 3
Ой, съ днй тебе, Васильевичъ
Пригожа. 3

Дер. Борзенково, отъ Натальи Бѣл-
киной.

Покуютъ въ дѣвншннѣ.

2074.

Какъ при вечерѣ, вечерѣ,
Охъ, при Марьиномъ дѣвншннѣ,
Прилетаетъ тамъ ясемень соколъ,
Онъ садился на окошечко,
На серебряну рѣшоточку,
На позлащенную причалинку.
Рѣшоточка сподломила

Ясемень соколъ стрепенулъся, полетѣлъ.

Охъ какъ и Марьиная матушка
По новымъ сѣнямъ похаживала,
Яснаго сокола прибаивала:
«Охъ, ты, дитя, мое дитятею,
Ты, дитя мое милое!
Ты сойди съ высокаго терема,
Ты прими яснаго сокола,
Яснаго сокола залетнаго,
Добра молодца заѣзжаго,
Ивана свѣтъ Ивановича.»
— «Охъ, родимая матушка,
Рада бы сошла съ терема, —
Рѣзван ножки сподломилися,
Вѣлан ручки спустилися.
Буйная головка съ плечъ свалилася,
Яснаи очушки совсѣмъ не глядятъ.

Дер. Борзенково, отъ Марьи Валадовой.

На дѣвншннѣ, когда дѣлаютъ каравай.

2075.

Валю, валю каравай
Сы правой руки на лѣвой!
Изъ недѣли ѣ недѣлю годника,
Собиралася Авдотьиная родинка,
Привозила три пуда пшеницы на каравай, —
Хвалю Бога! пошеничный мой каравай.

Валю, валю каравай
Сы правой руки на лѣвой!
Изъ недѣли ѣ недѣлю годника,
Собиралася Авдотьиная родинка,
Привозила три пуда соли на каравай, —
Хвалю Бога! соленый мой каравай.

Валю, валю каравай
Сы правой руки на лѣвой!
Изъ недѣли ѣ недѣлю годника
Собиралася Авдотьиная родинка
Привозила три пуда яицъ на каравай.
Хвалю Бога! яичный мой каравай.

Валю, валю каравай
Сы правой руки на лѣвой!
Изъ недѣли у недѣлю годника,
Собиралася Авдотьиная родинка,
Привозила три пуда масла на каравай, —
Хвалю Бога! масляной мой каравай.

Когда сажаютъ каравай въ печь.

2076.

Нашъ каравай ѣ печку пошелъ, 2
Нашъ каравай было ножки пожегъ, 2

Заюшка по загнетѣхъ ходя,
Сѣренъкій у печь заглядая
Нашъ каравай и т. д.

Во время пѣнія мужъ и жена непременно перебѣгаютъ чрезъ печку и каждый спѣшитъ захватить первый стоящую на каменѣхъ рюмку съ водкою; кто успѣетъ первый захватить, тотъ и выпиваетъ. Остальные мѣшаютъ огонь на загнетѣхъ, который готовится изъ соломы, называемой *засветка*.

Тамъ же, отъ Анны Лупѣхиной.

2077.

Прилетѣла пава,
Середь двора пала.
Середь двора пала,
Косу потеряла.
Дѣвка ваша, —
Коса наша.
Дай полтину,
Я косу покину.
Дружка богатини!
Не умѣя дружка
Свататься
Краснымъ дѣвкамъ
Кланяться.

Тамъ же, отъ Анны Лупѣхиной.

Величаютъ холостого во время шитья приданного.

2078.

Викторъ Николаевичъ!
Не ходи кругъ бережку, 2
Не клони ты головушку, 2
Не срони съ спице шапочки.
Твоя шапка дорога:
На пятьсотъ рублей дана, 2
Восемьсотъ да золотничковъ.
Ой, Викторъ Николаевичъ!
Хто тебе шапкой дарилъ,
Ой, и хто шапкой дарилъ, 2
— «Братцы, мои товарищи,
Я и самъ во царя былъ, 2
Самому царю служилъ, 2
Во царя дѣтей качалъ, 2
Во серебряной люлечкѣ.»

Тамъ же, отъ Натальи Бѣлкиной.

Величаютъ сваху.

2079.

Сватюшка молодая да купину копала,
Купину копала, зорюшку ломала,
Откуда не взялся да сходатай свать,
Онъ шапку снялъ, да коня унялъ
Низко поклонился: «Богъ на помочь,
Моя сватюшка, да купину ¹⁾ копати,
Да купину копати, зорюшку ²⁾ ломати!
Да поѣдимъ жа, моя сватюшка да къ торгу, базару!
Да купимъ жа, моя сватюшка, мыло, бѣло умываться.
А намъ будутъ, намъ будутъ люди дивоваться:
«Што хорошъ, пригожъ сходатай свать,
А сватюшка лучше, а сватюшка лучше.»
— «А чѣмъ она лучше, а чѣмъ пригожѣ?»
«Она личикомъ побялѣе, бровью почернѣе.»

Поютъ у жениха, когда собираются ѣхать къ невестѣ.

2080.

А летѣли голуби черезъ дворъ,
Ой, ле-ли, ле-ли, черезъ дворъ ³⁾
Ударилъ крыльями объ теремъ,
Прилетѣли, сказали добрую вѣсть,
Што в' Алексѣюшки въ домѣ есть:
Тамъ есть в' Алексѣя воронъ конь,
Да на ворономъ кони што соколъ.
Да не соколъ летая, — младъ Алексѣй.
Алексѣй по двору да гуляетъ,
Ворана коня сѣдлаетъ,
Его матушка спрашиваетъ:
«Куда, мое дитятко, собралси?»
— «Матушка моя, въ дорогу,
Дай мнѣ, матушка, подмогу:
Семеро коней вороныхъ,
Двѣ каретушки золотыхъ,
Да двѣ сватюшки молодыхъ,
Приведу, матушка, сужаная,
Ой, Евгеньюшку молодую.»

Дер. Верхополье, отъ Анисьи Михотиной.

¹⁾ Ландышъ. Сл. Даля.

²⁾ Въ сл. Даля: Заря, заря — растение *Ligusticum leristicum offic.* — «любиста, любистокъ, любимъ» и т. д.

³⁾ Припѣвъ: «ой, ле-ли» съ прибавленіемъ двухъ послѣднихъ словъ стиха повторяется до 8 стиха; а съ 8-го стиха къ припѣву прибавляется одно слово.

Совираясь ѣхать за невѣстою, что-бы съ нею
отправиться въ церковь, поють:

2081.

За перкваю.
Ладо, ладо!

(Припѣвъ: «ладо, ладо» послѣ каждого стиха).

За вѣнешною
Слеталися
Семьсотъ голубей.
Всѣ голуби, всѣ сизай,
Всѣ сизай.
Они пьютъ и елюють,
Веселая сидятъ.
Какъ одинъ голубь,
Какъ одинъ сизай,—
Онъ не пьетъ, ни елюетъ,
Ни веселая сидитъ,—
Пригорюнивши, 2
Призадумавши, 2
Увѣ отлетѣть летѣтъ, 2
По голубушкѣ. 2
— У Ивана на дворѣ
Сѣзжались
Семьсотъ бояръ. 2
Всѣ бояря, всѣ бояря,—
Всѣ чеснаи, всѣ чеснаи.
Они пьютъ и ѣдятъ, 2
Веселыя сидятъ. 2
Какъ одинъ Василій,—
Онъ ни пьетъ, ни ѣстъ,
Не веселой сидитъ, 2
Призадумавши — 2
Увѣ отъѣздѣ ѣхать
По бѣлаю, по бѣлаю, —
Все по Дарюшкѣ.

Поють (если невѣста сирота) когда ее одѣваютъ
къ вѣнцу.

2082.

Много, много во сыромъ дубу
Много вѣтвявъ, павѣтвявъ,
Толька нѣту во сыромъ дубу
Золотой вѣрхушачки.
Много у Аннушки,
Много роду-племени;
Толька нѣту у Аннушки
Родимаго батюшки.
Снарядить иѣ есть кому,
Благословить иѣ некому.

У ей батюшки нѣту-ти
Къ суду кы божьему,
Кы храму, кы господняму,
Кы вянцу позлащенному.
— «Сестрицы подружаньки,
Мы ўстанемъ ранешунька,
Мы умьемся бѣлешунька,
Мы пойдемъ рано къ утрени,
Мы ударимъ вы большой колколь:
«Разступися, мать сыра земля,
Расколися гробова доска,
Подымися, родной батюшка,
Бласлави меня, дѣвушкѣ,
Кы суду, кы Божьему,
Кы храму, кы Господнему,
Кы вянцу позлащенному!»

Поють, когда ведутъ къ вѣнцу.

2083.

Тамъ, тамъ за рѣкою,
Тамъ, тамъ за быстрою,
Тамъ старъ старый ходя,
У рукахъ коня вода,
Онъ свѣшши, гуляя.
Никто не слышши,
Толька слышши
Дуброва зеленая,
Да яблонь садовая.
Идѣ она стояла,
Вѣтвя опустила,
Листочки сронила.
— Тамъ, тамъ за рякою,
Тамъ, тамъ за быстрою,
Тамъ младъ Игнатъ ходя,
У рукахъ коня вода.
За шелковой поводъ.
Онъ свѣшши, гаркая,
Никто не слышши. —
Толька слышши
Авдотья молодая.
Идѣ она стояла,
Руки опустила,
Перенечки сронила.

Послѣ вянца.

2084.

Охъ и што-жѣ у насъ во садикѣ летая?
Ле ли а ле дели! летая.¹⁾

¹⁾ За каждой строчкой слѣдуетъ припѣвъ «ле ли а ле дели» съ повтореніемъ послѣдняго слова стиха.

Охъ, и што-жъ у насъ во зеленомъ порхая?
 Соловей за кукушкою летая,
 Молодой за рябою порхая,
 А кукушка отъ соловья отлетая.
 «Хоть ты порхай, не порхай—быть за мною,
 А што слыть тебѣ, рябая, мною,
 Мною, мною соловьиною женою.»
 — Охъ и што-жъ у насъ во теремѣ шумѣла,
 Охъ и што-жъ у насъ у высовомъ гремѣла?
 Тамъ Иванъ да за Марью гуляя,
 Онъ изъ ступочки во ступочку ступая,
 Охъ и Марья отъ Ивана отбѣгая.
 «Ой, ты бѣгай, не бѣгай,—быть за мною,
 А што слыть тебѣ, Марьюшка, мною,
 Мною, мною, охъ Ивановой женою,
 Охъ, женою, женою молодою.

Послѣ вѣнца величаніе женатому.

2085.

Какъ ѱсходя свѣтель мѣсяцъ
 Передъ зорюшкою,
 Величается Василій
 Передъ женушкою,
 Передъ Марьюшкою,
 «Марьюшка, разодѣнь,
 Петровна свѣтъ, разобуй!»
 — «Ужъ я бы рада разобула,
 Чимо вить ¹⁾ добре обулъ,
 Я не знаю, какъ зовуть.
 Подить было къ сосѣду,
 Успросить, какъ зовуть.
 Сосѣда сказали:
 Васильюшкою зовуть,
 Другіе сказали:
 Петровичемъ.
 А мнѣ стать разувать,—
 Бѣлаи ручки помарать,
 Золотыи кольца поломать.
 — «Марьюшка дружокъ!
 У насъ свои кузницы,
 У насъ свои златари,
 Сами скуютъ,
 Сами сольютъ,
 Сами вызолотють.
 Пойдемъ рядомъ 2
 По боярамъ,
 Найдемъ гостя дорогова,
 Степанушеу молодого.
 То-то, гостинь Степанушеа!

¹⁾ Дюже гордъ.

То-то, гостинь, Васильевичъ,
 У выпечкахъ сидить.
 Ославился Степанушка
 Подъ Москвою—
 Хлѣбомъ-солью.

Всѣ 4 зап. тамъ же, отъ Аписыи Лу-
 пѣхиной.

Послѣ вѣнца.

2086.

Охъ вы озѣры, озѣры глубокія
 Ой, лѣли алелѣй! глубокія.

(Припѣвъ «ой лѣли алелѣй» послѣ каждого стиха).

Подѣзжали къ озѣрамъ рыболовы,
 Да рыболовы,—охотнички молодые,
 Запускали невода шалковья,
 Они рыбушку ловили все бялугу,
 На двѣнадцать частей разрубали,
 На двѣнадцать тарелокъ раскладали,
 На двѣнадцать столовъ дубовыи:
 «Да вы кушайте, бояре, поскорѣя,
 Выводитъ да Марьюшку съ подъ навѣсу!
 Съ подъ навѣсу золотыи перени порвалися,
 Марьюшку подружаньки прождалися.
 Догадайся, Марьюшка, догадайся:
 Хоча тебе Иванушка спадманути,
 Хоча тебе Трохвимовичъ цѣловати,
 Черезъ твѣтныя платя парчевая,
 Черезъ бѣлая земчужно-й-ожерелья.»
 «Я давно ли подружанька догадалась,
 А я твѣтныя платя поскидала,
 Я земчужно-й ожерелье оборвала.»
 — Не по стѣнюшкамъ вотъ Марьюшка гуляла,
 Она каленаи орѣшки шелкала,
 У вокоушко шалушицы бросала,
 У Ивановы кудерки попала,
 А Иванушка оглянулеи, усмѣхнулеи:
 «Отсмѣю табѣ, Марьюшка, осмѣшки,
 За тван ли за каленаи орѣшки.»
 — «Позабудешь, Иванушка, позабудешь,
 За своею за большою суютою,
 За своею молодецкою красотою.

с. Мандрова, отъ Пелагеи Калышевой.

2087.

Какъ подъ небесью ямень соколъ летая,
 Сы полету черныхъ галокъ выбирая,
 Ле-ли а ле-ле! выбирая.

(Послѣ двухъ строкъ припѣвъ «ле-ли, а ле-ле» по-
 вторяется съ послѣднимъ словомъ стиха).

Онъ и выбралъ себѣ галушку любуй,
Онъ любуй, любуй, молодуй.
Какъ проспался галушка на волю,
Она на волю, на волю погуляти,
У родимаго стадика побывати,
«Отпустить тебе галушка,—не будешь,
Про мене, яснаго сокола, забудешь»
— «Право буду, я смею соколъ, не забуду!»
Какъ по улицѣ Иванушка гулял.
Съ корогоду красныхъ дѣвокъ выбирал,
Онъ и выбралъ себѣ дѣвушку любуй,
Онъ любуй, онъ Марьюшку молодуй,
Посади онъ Марьюшку подъ неволю.
Какъ проспался Марьюшка на волю,
Она на волю, на волю погуляти,
У родимаго батюшки побывати,
«Отпустить тебе, Марьюшка,—не будешь,
Про мене, добраго молодца, забудешь»
— «Право, буду, Иванушка, не забуду, 2
Право буду, Иванушка, я усомню.

2088.

Охъ у нашихъ 2 у воротъ,
А-ля а-ле-ля-ли! у воротъ,

(Припѣвъ: «А-ля а-ле-ля-ли» поется послѣ каж-
даго стиха, при чемъ присоединяется конечная
часть стиха отъ 3 до 5 слоговъ включительно).

Охъ, у нашихъ 2 у широкихъ
Разливались разливы широкия,
Широкия разливушки, глубокія.
А по тѣмъ по разливамъ а бѣлая рыба.
Приѣзжали по рыбушку рыболовы,
Рыболовы охотнички молодые,
Привозили они невода шелковые,
Они глубока сугробы прогребали,
Они шелковы неводья запушвали,
Они бѣлаю рыбицу ловили,
Они рыбицу платвыцу:
На двѣнадцать частей разрубали,
На двѣнадцать тарелокъ раскладали,
На высока хоромы ўзносили,
На твѣчапаи столы ставилили,
Они нашихъ бояръ потшивали:
«Ужъ вы кушайте, баяря, поскорѣя,
Поскорѣя, да боярушки, посмѣлѣя.
Выпушайтя вы Дарьюшеу съ подъ навѣса,
Выпушайтя Стефанову съ парчеваго,
Съ занавѣсы алаи ленды порвалися.»
Вотъ Дарьюшку подружаньки прождалися.
«Догадайся вотъ, Дарьюшка, догадайся!
Изумись, Стефановна, изумись!»
«Догадалась, сестрица моя, догадалась,

Изумилась, подруженьки, изумилась,
У ватхожаю горенку сходила,
Твѣтнан платя пометала»
Она злмчужна жарелѣя поборвала,
Усею почушку Дарьюшка не спала,
Сваи рѣзан ножки пристояла,
Сваи черная брови приморгала,
Сы поклоновъ головушка заболѣла,
Сы поцалововъ Васильюшки помилѣла,
Помилѣла Ивановичу, пожалчѣла.

с. Княжая, отъ Дарьи и Натальи Шепелевыхъ.
Всѣ пѣсни записаны дѣйствительн. студент.
Моск. университет. Е. И. Томилинымъ.

Той же губ., Рыльского у.,

Когда учиняють коровай.

2089.

Пшеничная опара
На припечѣ стояла,
Шептала, говорила,
Што быть караваю,—
А у квѣточки съ барвеночки.

Когда мѣсятъ коровай.

2090.

Карвайницы воры
Все тѣсто покрали, 2
Въ карманы поклали,
Имъ на бѣду пошло:
Все тѣсто зъ кармана ушло.

Когда лѣпятъ коровай, то дѣлають три ко-
вриги, одна другой меньше и украшаютъ ихъ
сверху полосками тѣста, вырѣзанными, нарочно
сдѣланнымъ для этихъ случаевъ рѣзцомъ и квѣт-
кой, которая состоитъ изъ вѣтви съ тремя от-
ростками и обвитыми полосками изъ тѣста.
Сверхъ того коровай украшаютъ еще боченоч-
ками и голубками, сдѣланными также изъ тѣста;
и при этомъ поютъ:

2091.

Што это во полѣ загорѣлося,
Во теремѣ засвѣтилося?
Тамъ свашенька карвай лѣпитъ.

Приходить къ ней дружиннушка:
«Покинь, сваха, карвай дѣлать!
Пойдемъ съ тобой во зеленый садъ.»
— Сваха дружины не послушала,
Карвай дѣлать не покинула,
Соловьевъ во садъ не пошла слушать.

2092.

Цвѣли, цвѣли цвѣтики
Алыми цвѣтами.
Опадали цвѣтики
Тихими зарями,—
Али! Али! Лешеньки!
Тихими зарями.
На твою Гапульку
На русую вѣсу,
На твою Ивановну.
Али! Али! Лешеньки!
Жить было у батюшки,
Да тихо ходити,
Носить было ключики,
Ими не звонити,—
Али! Али! Лешеньки!
Ими не звонити,
Молодого Петруню
Не приучати,
Али! Али! Лешеньки,
Не приучати.
— «Сестрицы подруженьки,
Все ваше неправда.
Али! Али! Лешеньки!
Все ваша неправда.
Жила я у батюшки,
Тихо ходила,
Носила я ключики,
Ими не звонила,
Молодого Петруню
Не приучала.
Али! Али! Лешеньки!
Да не приучала.

2093.

Яблонь моя садовая
Кора золотая!
Красная Гапуля
По саду гуляла,
По саду гуляла,
Яблонь подсакала,
Яблонь подсакала,
Кору колупала, 2

Злата выбирала,
Ляли, ляли, лешеньки!
Злата выбирала,

(Такимъ образомъ припѣвъ повторяется послѣ
каждыхъ двухъ стиховъ съ повтореніемъ втораго).

Ковры вышивала,
Свекру отсылала:
«Свекоръ 2 мой, батюшка,
Принимай мои дары!
Принимай мои дары,
Дары мои небольшіе,
Дары мои небольшіе,
Ковры золотые!
Я за тѣми за коврами
Сама скоро буду,
Ляли, ляли, лешеньки!
Сама скоро буду.
Сама скоро буду
Скоро скорешенько,
Скоро скорешенько:
По первомъ путечку,
По первомъ путечку.
По бѣломъ спѣжочку.
Какова хлѣбъ-соль покажется, —
Я ночь започую
Какъ свѣкоръ покажется
Я годъ загодую.
Я годъ загодую, —
Каковъ женихъ приглянется,
Я вѣкъ завѣкую.
Ляли! Ляли! Лялешеньки!
Я вѣкъ завѣкую.

2094.

На взлѣску на перелѣску
Тамъ свашенька, тамъ ранняя
Купену конала,
Ляли! Ляли! Лялешеньки!
Купену конала 2
Гори-цвѣтъ ломала.
Приходить къ ней 2
Хоробрый дружина:
«Покинь, свашенька,
Покинь ранняя,
Купену копати, 2
Гори-цвѣтъ ломати!
Пойдемъ мы, 2
Ко новому торгу,
Купимъ мы, 2
Мыла-бѣлила.
Ой, будемъ мы, 2
Бѣло умываться,

Ой, будутъ намъ, 2
 Люди дивоваться:
 «Дружко хорошъ! 2
 А свашенька лучше!»
 — «Чѣмъ же она лучше?» 2
 Лицемъ побѣлѣе,
 Брови почернѣе.
 — Выѣздитъ дружинишка,
 Все поле чисто.
 А все поле, поле чистое,—
 Не нашелъ дружинишка,
 Не нашелъ хоробренькѣй,
 Гдѣ коня накормити,
 Воронаго напоити.
 Завидѣла, слышала
 Ранняя свашенька:
 «Сюда, сюда, да дружинишка,
 Сюда, сюда да хоробренькѣй!
 Здѣсь коня накормишь,
 Воронаго напоишь,
 Здѣсь вода ключевая,
 Здѣсь трава шелковая.»

2095.

У пасъ за горою, да за вишневымъ садомъ
 Тамъ куковала рябая кукушка,
 Къ ней выходила ранняя свашенька.
 «Снажи, скажи, рябая кукушечка,
 Когда ко мнѣ дружинишка хоробрый пріѣдетъ?»
 — «Ой жди-пожди, ранняя свашенька,
 Ой жди-пожди сей день до вечера,
 Тогда къ тебѣ дружинишка будетъ,
 Тогда къ тебѣ хоробрый пріѣдетъ.»

Тоже повторяется и въ невѣстѣ, съ обозначеніемъ имя невѣсты.

2096.

Въ пятницу невѣстущка весела была,
 Въ субботу невѣстущка русу косу чесала,
 Въ воскресенье невѣстущка къ обѣднѣ шла,
 Плакала невѣстущка:
 Ой жа, кобы мой батюшка у тебя!
 Отдастъ меня, молодешеньку, отъ себя
 Остаются мои всѣ цвѣтики у тебя:
 Рутва мята, пахучіе васильки.
 Вставай жа ты, мой батюшко, раненько,
 Поливай жа ты мои цвѣтики частенько.
 — «Буду я, буду я, мое дитяте, вставати,
 Буду я, буду я, твои цвѣтики поливати
 И утреннюю и вечернюю росой,
 А росы не станутъ—горячею слезою.»

2097.

Вечоръ ко мнѣ, Гапуля,
 Незванный гость приходилъ,
 Онъ подарокъ приносилъ,—
 Подарокъ не большой,
 Съ руки перстень дорогой.
 Не знала я, молодешенька,
 На какой рукѣ носить:
 На правой рукѣ носить—
 Роднаго батюшку гнѣвить.
 На лѣвой рукѣ носить,—
 Самой молодой сухота,
 Подруженьки подарить,—
 Петруня свѣтъ не велить.
 Пойду, молода, по воду,
 Брошу перстень на воду:
 «Золотой мой перстенецъ
 Что не тонешь, не плавнешь,
 Прочь отъ бережку нейдешь?»
 Петруня траву косить
 Гапуля воду носить.
 Косилъ, косилъ,—запотѣлъ,
 Испить воды захотѣлъ.
 Гапуля не смѣла,
 Испить воды не дала.
 Осмѣлилась своротила,
 Петруню напоила.
 «Петруня свѣтъ, лебедь бѣлый,
 Что ты холостъ, не женатъ?»
 — «Гапуля душенька!
 Сама жъ мнѣ не велѣла,
 За меня замужъ хотѣла,
 За вдалого молодца
 За Петруню кунца.»

По окончаніи мѣшенія корова, ставятъ дежку, въ которой его мѣсили, посреди хаты, облаживаютъ ее соломой и зажигаютъ. А дружка съ внутомъ въ рукахъ гоняетъ сваху вокругъ горящей соломѣ. Въ это же время выметають печь для корова, при чемъ поютъ:

2098.

Шелковое помело
 Печь мело,
 Желѣзная вочерга
 Жаръ гребла,
 Дубовая лапата
 Каравай сажала.

Во время этой пѣсни дружка говорить: «Отецъ посаженный, мать посаженная и отецъ нароженный, мать нароженная, благословите сырачистый ка-

равай въ печь посадить» первый и второй разъ отвѣчаютъ: «Богъ благословить» въ третій разъ отвѣчаютъ: «Божье благослови, все Божіе творить.»

Затѣмъ кладутъ дружку на голову *вѣко* и на него кобрегу коровай, который онъ долженъ пестить въ прищипку отъ стола къ печи. При этомъ поютъ:

2099.

Дружко карвай песеть,
Кудерцами тресеть.
Хоть треси, не треси
Каравай въ печь песи.
Онъ еще понесется,
Еще потресется.

Когда коровай положить на лопату, поютъ:

2100.

Печь-мать гогочетъ,
Карваю хочетъ;
Припечки смѣются.
Шипечки пекутся.

Посадивши коровай въ печь, приглашаютъ гостей садиться за столъ и подаютъ ужинъ. При этомъ поютъ:

2101.

Вздогонулись сѣни,
Какъ бояре сѣли.
Не такъ вздогнуты,
Какъ меду напьются,
Вина паберутся:
Меду солодкого,
Вина зеленого.
А у квіточки съ баравеночки:
Первая квіточка Гапуля,
Вторая квіточка Петруня.

2102.

«Бояре! бояре!
А гдѣ вы бывали?
Что вы видали?»
— «Были мы, были мы
На рыночку

Пили мы, пили мы
Горѣлочку;
Ладо! Ладо!

Горѣлочку.
Сколько мы пили, —
Не платил.
Шипкарочку сподманули,
Ладо! Ладо!

Сподманули.
Шипкарочка-ранняя сваха,
Випомъ-медомъ
Торговала,
Випомъ-медомъ,
Сладкимъ пивомъ,
Ладо! Ладо!
Сладкимъ пивомъ.

Тѣже слова повторяются и пѣвѣсты, пазывал ее по имени.

2103.

«Бояре! Бояре!
Гдѣ вы бывали?
Что-же вы видали?»
«Видѣли, да повидѣли
Сѣрую утку на озерѣ.»
«Чего жъ вы не взяли?»
— «Хотя мы не взяли,
Мы знакъ положили,
Перья оцципали:
Перьяца на подушечки,
Сѣру утку на юшечку.»
— «Бояре! Бояре!
Гдѣ вы бывали?
Что-же вы видали?»
— «Видѣли повидѣли
Красну дѣвушку во теремѣ.»
«Чего-жъ вы не взяли?»
— «Хотя мы не взяли
Мы знакъ положили, —
Мы знакъ положили, —
Косу растрепали, 2
По плечамъ расклали.»

Эта пѣсня поется на дѣвичникѣ, передъ отправленіемъ поѣзда къ выѣзду.

2104.

Долго, долго соколъ не летитъ,
Долго, долго ясмѣнь не летитъ.
Галочка вдохъ (вдоволь) продолжалася,

Черная вдоль печалилась:
«Или соколъ во лѣса полетѣлъ,
Или ясенъ во лѣса темные?»
— Долго, долго Петруня нѣтъ
Гапуля прождалася,
Ивановна печалилась.
Или Петруня во грады дальнія,
Во грады дальніе, отъѣзжіе.
Погода маленько, Петруня ѣдетъ;
Вдарилъ копьемъ въ тесовы ворота:
«Дома ли, нѣтъ, Гапулечка свѣтъ?»
Когда дома—не пугайте ея,
Когда спитъ—не будите ея,
Когда въ гостяхъ—не ходите за пей,
Я самъ пойду, да я самъ разбужу:
«Изволь встать, Гапулечка свѣтъ,
Изволь встать, Ивановна!»
— «Отойди прочь, Петруня,
Отойди прочь, Степановичъ.
«Право жѣ я всю ночь не спала,
Шила коверъ твоему коню,
Твоему коню да на честь на хвалу.»

Эта пѣсня поется на дѣвичникѣ въ то время,
когда прѣзжаетъ туда женихъ съ своими пріате-
лями по окончаніи коровая у жениха, гдѣ лѣняютъ
такой же коровой и съ тѣми же самыми обря-
дами и пѣснями, какъ и въ домѣ невѣсты и въ
тоже время оставшіеся у него гости поютъ:

2105.

Темная невѣстная почюшка!
Прождалася Палагея матушка.
«Ой что-жъ моего Петруни долго нѣту.
Или Петруня въ дальніе города поѣхалъ?
Ой тамъ же его красныя дѣвки погубили,
Ой жъ его на высокъ теремъ водили,
Ой жъ его за тесовый столъ сажали,
Ой жъ его зеленымъ виномъ поили.
Ой жъ его калачами кормили.
У Петруни золотой перстень на ругѣ,
Торговали красныя дѣвки:—«Не продамъ,
Я своей Гапулечки даромъ-дамъ,
Ой, даромъ дамъ, ой, даромъ дамъ,
Ой, даромъ, безденежно подарю.»

На другой день являются опять подруги и
начинаютъ убирать коровай, а по окончаніи
уборки поютъ:

2106.

Рутва, рутва! желтый цвѣтъ!
Что тебя Петруня долго нѣтъ?

А уже тебя, Гапуля, прождалася.
Написала бѣ письмо—не умѣю,
Послала бѣ посла—не смѣю:
Я своего батюшки боюсь,
Да я добрыхъ людей стыжуся.
А у квѣточки съ борвеночки:
Первая квѣтка Гапуля,
Вторая квѣтка Петруля.

2107.

Летѣли пчелы,
Ой ладо!

(Припѣвъ повторяется послѣ каждого стиха).

Пчелы яровныя,
Крылья золотыя.
Сѣли пали пчелы
У батюшки на дворѣ,
У матушки на кутѣ,
У Гапулѣ на косѣ.
Стали косы трепать
Косу русую, косу русую,
Красу дѣвичью.
«Ой, торгуйся, братецъ,
Торгуйся!
Да проси за меня
Сто рублей,
За косу мою
Тысячу рублей,
За красу мою—
Смѣты нѣтъ.

Въ это же время ѣдетъ по улицѣ поѣздъ, на-
правляясь въ дому невѣсты и поѣзжане поютъ:

2108.

Чей это поѣздъ по улицѣ проѣзжаетъ,
Никто его на дворъ не впускаетъ?
Гапуля въ окно поглядываетъ.
«Мой батюшко, впускай моихъ гостей!
Мои гости не навѣкъ достались:
На одинъ денекъ, на одинъ часокъ,
На одну минуточку.

Эта пѣсня поется раньше предъидущей: именно
когда поѣзжане садутъ за столъ и откупаютъ
невѣсту, въ отвѣтъ на (эту) первую пѣсню, при
торгѣ за косу, поютъ:

2109.

Не гнися дружок, не гнися
Вотъ тебѣ лавочка садися,
Вотъ тебѣ помон-умойся,
Вотъ тебѣ помело-утрися,
Вотъ тебѣ заслонка-молися?

Тутъ дружокъ кладетъ какую нибудь неболь-
шую монету за невѣсту, и подружки послѣдней поютъ:

2110.

Сказали: дружокъ старъ, старъ, —
А онъ молодецъ,
Кофтавъ зелененецъ,
Лычкомъ подпоясанъ,
Соломою борода сшита,
Обручемъ голова сбита.
Дѣвки дружокъ били,
Подъ печь подсадили,
Ступой завалили,
Блохами стравили.

Затѣмъ онъ кладетъ другую (серебрянную)
монету, тогда поютъ:

2111.

Спасибо дружинишко,
Спасибо хоробренькій,
Что хорошо приицъ даришь!
Дружинишко хорошенькій,
Дружинишко пригоженькій!
Гдѣ-то ты хорошился:
Чи въ меду, чи въ патоцѣ,
Чи въ наливномъ яблочѣ?
Подари, дружинишка,
Подари, хоробренькій,
Не рублемъ, полтиною,
Золотою гривною.

Этимъ и кончается обрядъ выкупа невѣсты.
Затѣмъ дружокъ беретъ кнутъ и выгоняетъ изъ-
за стола подружекъ невѣсты, которыя въ это время
спѣвають проститься съ ней и, выходя изъ избы,
поютъ:

2112.

Катились грушки съ верхушки,
Покинули Гапулю подружки,
Обѣла тебя чужбина,
Вся Петрунина родина.

2113.

Ой мгла и мгла
По полю легла,
Красная Гапуля
Къ столу прилегла,
Къ столу прилегла,
Къ бѣлой скатерти.

При этой пѣснѣ невѣста садится за столъ,
кладетъ голову на сложенные руки и плачетъ,
не глядя ни на кого.

2114.

«Воробичикъ, воробичикъ!
Зачѣмъ это ты прилетѣлъ
Да на наше чистое поле,
Да на овесъ на гречиху,
На яру пшеницу?»
«Колибъ моя не воробушка,
Колибъ моя да не сизая,
Я сюда бы не прилетѣлъ.»
«Молоденькій Петруня!
Зачѣмъ ты приѣхалъ
На нашъ широкій дворъ, 2
Да на высокъ теремъ?»
«Колибъ моя не Гапуля,
Колибъ моя не Ивановна.
Никогда бъ сюда я не заѣхалъ.»

Этимъ временемъ отецъ и мать невѣсты берутъ
икону и благословляютъ ея новобрачныхъ. За-
тѣмъ эта икона передается въ руки невѣсты, и
остается съ нею во все время до вѣнчанія.

2115.

«Медовая моя рѣчущка!
Какъ тебѣ не тяжело 2
Промежъ бережочковъ?»
— «Красная Гапуля!
Какъ тебѣ не тяжело 2
Съ батюшкой ростишься?»
— «Столикомъ заставляюся,
Ковромъ застѣлюся, 2
Съ батюшкой прощуся.»

2116.

Поѣхала Гапуля со двора,
Сломала березеньку съ верхѣ.

«Стой, моя береза, безъ верха,
Живи, мой батюшка, безъ меня,
Безъ красной дѣвушки, безъ Гапулечки!»

2117.

По сѣнюшкамъ голубецъ ходитъ,
По свѣтлицѣ голосокъ водитъ.
Петруня съ тестемъ говоритъ:
«Ты тестюшко, ты мой батюшко!
Пушай-же насъ, не задерживай:
Дороженьки наши дальнія,
А коники приутомлены,
Повознички перепоены,
А свашенька перепелушка, —
Она пѣсень перепѣлала.
Свѣтлочка перезаблала
А невѣста переплакала,
Ивановна перенѣжилась,
Предъ отцемъ, предъ матерью,
Передъ родомъ, передъ племенемъ.»

Затѣмъ сваха накладываетъ въ узелъ хмелю *сыма* и орѣховъ, дружка беретъ въ руки кнутъ и три раза гоняетъ вокругъ повозокъ сваху, которая въ это время обсыпаетъ и дружка и всѣхъ поѣзжанъ хмелемъ, сѣменами и орѣхами, послѣ чего всѣ садятся въ повозки и ѣдутъ въ церковь. При этомъ поютъ:

2118.

Ой поле, поле,
Батька нашъ!
Отвори ты церкву
Противъ насъ,
Совѣчай ты, свадебку
Въ Божій часъ.

Когда ѣдутъ изъ церкви поютъ:

2119.

Мы у Бога были, —
Мы Богу молились,
Кресту поклонились:
«Ой дай же памъ, Боже
Съ тѣста паленицу,
Съ дѣвки молодицу.

Когда подъѣзжаютъ къ дому отца жениха, мать послѣдняго надѣваетъ шубу и шапку на выворотъ, беретъ въ руки ковригу хлѣба и солонку соли, а отецъ икону и становится на порогѣ. Предъ ними ставятъ на землю хлѣбную дежку на *положенную кирпичами* рюмку и бутылку. Въ воротахъ кладутъ кучу соломы и зажигаютъ ее. Черезъ этотъ горящій костеръ долженъ непремѣнно переѣзжать весь поѣздъ. Когда поѣздъ подъѣдетъ къ крыльцу, невѣста и женихъ слѣзаютъ съ повозокъ и три раза поднимаютъ вмѣстѣ поставленную около крыльца дежку. Затѣмъ дружка подноситъ жениху стаканъ водки, а женихъ, прикушавши немного, бросаетъ эту рюмку черезъ плечо назадъ, и кто ее поймаетъ, тому подносятъ также стаканъ водки. Послѣ этого женихъ и невѣста кланяются въ ноги отцу и матери, цѣлуютъ икону, принимаютъ хлѣбъ-соль и идутъ въ горницу. Это дѣлается такъ: дружка беретъ новобрачныхъ за руку, останавливаетъ ихъ въ сѣняхъ передъ растворенными дверями и громкогласно говоритъ: «Отецъ посаженный и мать посаженная, отецъ *нарощонный* и мать *нарощоная*! благословите, сестрицы-игрицы, красныя дѣвицы, коровайныя мастерицы, князя со княгиней въ отеческій домъ ввести, благословите за столъ завести!» Это приглашеніе повторяется всѣми три раза. На первые два вопроса отвѣчаютъ: «Богъ благословить!» а на третій: «Богъ благословить, все Божіе творить». Послѣ этого дружка обводитъ новобрачныхъ три раза вокругъ стола, убраннаго короваемъ (поднимаясь даже на лавки), сажаютъ ихъ на кутъ, подставивши подъ нихъ шубу шерстью къверху и накрываютъ голову невѣсты платкомъ, подходитъ свекоръ, беретъ качалку и говоритъ: «Дайте посмотреть, что это привезено: ни хрома-ли? ни слѣпала-ли?» Затѣмъ поднимаетъ платокъ (покрывало) и перекрестившись, говоритъ: «Слава тебѣ, Господи! все хорошее и все доброе». Затѣмъ объявляетъ новобрачнымъ, что слѣдуетъ получить жениху отъ отца въ наслѣдство. Послѣ этого начинается ужинъ и *вечеря*, т. е. (постельницы) не принадлежащія къ поѣзжанамъ, готовятъ постели.

2120.

Догадайся, Петруня, догадайся!
Завей чеботокъ за пошку,
Возьми Гапулю за ручку.
Желтая пташечка коростель,
Пора тебѣ, Петруня, на постель.

2121.

Повели дѣвку въ вѣтку
Повѣсили плетку.
Скажи, скажи, дѣвка,
Съ кѣмъ ягоды рвала, 2
Калину ломала?

2122.

Прекрасное наше дерево калина!
Сокрасила калинушка два луга,
Два луга, третью зелену дубраву.
Прекрасная наша Гапуля!
Сокрасила Гапуля два дома:
Первый-то домъ свекровь,
А другой-то домъ батюшкинъ.

Когда повобрачныхъ поднимутъ съ брачнаго
ложа, ихъ ведутъ къ колодцу и тамъ обливаютъ
водою не только невѣсту, но и всѣхъ приходи-
щихъ, затѣмъ наберутъ пару ведеръ воды, дадутъ
молодой коромысло и заставляютъ ее нести воду
въ домъ свекра. При этомъ поютъ:

2123.

Бѣль, бѣль камень,
Въ студеномъ колодцѣ.
Гапуля воду брала,
Въ свой край поглядѣла:
«Сны мои два голубочка!
Полетите въ мою сторону,
Накажите моему батюшкѣ,
Сударинѣ, родной матушкѣ,
Что я, молода, завоевана!
Ни съ кѣмъ не знаюся,
Всякому кланяюся, —
Старому и малому,
Молодцу Петрунѣ.

Пришедши въ домъ, раскладываютъ *каминку*¹⁾,
начинаютъ бить горшки, плясать и пѣть различ-
ныя пѣсни, до тѣхъ поръ пока свекоръ и свекровь
не поставятъ на столъ ведро вина. Послѣ этого
молодая перевязываетъ дружка и подружье по-
лотенцомъ. Затѣмъ дружка садитъ всѣхъ гостей
за столъ, а невѣстину мать на кушъ съ подру-

¹⁾ т. е. брачную рубашку со слѣдами невинности
молодой. III.

гамн. Коровай и пожикъ обертываютъ платками
и дружку, неспросивъ у посаженныхъ родителей
благословенія, разрѣзываетъ коровай и даетъ
молодой тарелку, на которую ставятъ рюмку съ
водкою, кладутъ кусокъ коровай, да свернутую
въ трубку свитку съ рубахой и шелковымъ по-
ясомъ и все это она подноситъ свекру съ све-
кровью, отвѣсивъ имъ предварительно по по-
клону. Тѣ поздравляютъ ихъ, надрѣзаютъ рубахи
и подпоясываются поясами. При этомъ поютъ:

2124.

Сказали у Гапули
И льны не вродились, —
Она даритъ подарочки:
Первая квітка Петрунѣ,
Вторая квітка Гапули.

Послѣ этого сваха поетъ:

2125.

Погуляйте сваты, погуляйте,
Да бѣлыя лавочки помарайте!
Наша Гапуля умненька:
Встанетъ она раненько
Помоетъ лавки бѣленько.
У квітокъ съ барвепочекъ:
Первая квітка Петрунѣ,
Вторая квітка Гапуля.

Во время этой пѣсни свекоръ и свекровь и
всѣ поѣзжае пляшутъ на лавкахъ:

2126.

Ой, на хатѣ зелье,
А въ хатѣ веселье,
И пьютъ и льютъ,
И въ бубны бьютъ.
А малыя жалобаечки:
Ти-ли-ли, ти-ли-ли,
Ти-ли-ли дешеньки.

Сообщ. мѣстнымъ помѣщикомъ Ив. Д.
Саларевымъ.

XIII. Тверской губернии.

Кализинского уѣзда.

Въ настоящей статьѣ я хочу рассмотреть народную свадьбу въ Кализинскомъ уѣздѣ. Какъ ни узка рамка нашего очерка, по всѣмъ и тутъ, быть можетъ, намъ удастся найти нѣчто оригинальное.

Вслѣдствіе историческихъ причинъ все население Кализинскаго уѣзда разбивается на двѣ части, существенно отличающіяся одна отъ другой: съ одной стороны существуютъ крестьяне казенные, нѣкогда бывшіе монастырскими (принадлежавшіе Кализпу—монастырю и Троицко-Сергіевской Лаврѣ), а съ другой стороны—временно-обязанные, бывшіе крѣпостными у помещиковъ. Жизнь и обычаи тѣхъ и другихъ во многомъ разнятся между собой.

Приступая къ описанію народной свадьбы, мы имѣемъ въ виду это различіе, а потому сначала рассмотримъ народную свадьбу у казенныхъ крестьянъ, а потомъ дополнимъ ее нѣкоторыми чертами, взятыми изъ свадебныхъ обычаевъ у бывшего крѣпостнаго населенія.

У казенныхъ крестьянъ не сохранилось праздниковъ древнѣйшаго происхожденія, какъ-то: «Семикъ», «Красной горки» и т. п. Что же касается барскихъ крестьянъ, то мы здѣсь еще встрѣчаемъ довольно интересное явленіе. Такъ, въ семиковый четвергъ, дѣвушки и молодцы отправляются въ рощу, гдѣ украшаютъ лентами и цвѣтами березку, завитую еще въ Вознесенскъ день, а потомъ срубаютъ ее; самый лучшій паренъ беретъ эту березку въ руки и становится съ нею впереди хоровода. Затѣмъ запѣвается пѣсня, паренъ пляшетъ съ березкой въ рукахъ, и въ такомъ видѣ хороводъ направляется въ деревню. Нельзя не усмотрѣть въ этомъ торжествѣ историческаго элемента. Очевидно, это праздникъ въ честь весны, и березка изображаетъ собой, какъ самую весну, такъ дѣвичью красоту, которую съ расцвѣтеніемъ весны, завладѣваетъ добрый молодецъ. Пѣсень, свидѣтельствующихъ объ «умыканіи» пѣвѣтъ, въ нашихъ памятникахъ не сохранилось. Правда, есть косвенные намеки на то, что когда-то и въ нашей мѣстности существовали умыканія. На эту мысль наводятъ народные гулянья, устраиваемыя въ рощахъ, близъ рѣкъ. Мы знаемъ нѣсколько такихъ гуляній въ Кализинскомъ уѣздѣ, напримѣръ,—гулянье близъ деревни Юркина, въ 10 верстахъ отъ Кализина, близъ деревни Подолы, въ 46 верстахъ отъ Кализина и др. Какъ извѣстно умыканія пѣвѣтъ

происходили въ лѣсахъ, и вообще въ мѣстахъ уединенныхъ, а потому и празднества, свидѣтельствующія объ этихъ умыканіяхъ, совершаются также въ лѣсахъ, близъ рѣкъ. Красная горка, гдѣ она сохранилась, всегда празднуется въ лѣсу.

Въ Кализинскомъ уѣздѣ, хотя и не существуютъ народныхъ празднествъ, прямо свидѣтельствующихъ объ умыканіяхъ, тѣмъ не менѣе самыя гулянья въ лѣсу можно понимать какъ отдаленнѣйшее послѣдствіе тѣхъ же умыканій. Съ другой стороны подобныя гулянья наводятъ еще на нѣкоторыя другія соображенія. Для примѣра мы рассмотримъ Бердовскія гулянья (близъ села Крутца, въ 17 верстахъ отъ Кализина), гдѣ 17 тому назадъ переведенныя въ эту деревню съ луговой поляны, гдѣ они доселѣ происходили. Эти гулянья начинаются послѣ Пасхи и происходятъ каждое воскресенье, оканчиваясь крапивнымъ воскресеньемъ передъ Покровками (въ заговѣнье). Еще на нашей памяти гулянья эти носили характеръ единственно смотра пѣвѣтъ. Родители жениховъ расхаживали около стоявшихъ совершенно неподвижно, подобно статуямъ, дѣвушекъ, внимательно разсматривали ихъ со всѣхъ сторонъ, даже поворачивали ихъ головы, удостовѣряясь не кривошея-ли така-то дѣвка, не кривая-ли, не косая-ли? Иногда они отходили немного поодаль, смотрѣли, прищуриваясь, шептались, какъ бы оцѣнивая товаръ; все это говоритъ о существовавшей нѣкогда куплѣ пѣвѣтъ.

Съ недавняго времени характеръ Бердовскихъ гуляній измѣнился совершенно: дѣвцы начали прохаживаться, къ нимъ пристають кавалеры—и, такимъ образомъ, поговаривая и посмѣиваясь, въ настоящую пору движется эта масса разряженнаго люда. Отцы съ матерями теперь являются на гулянья, единственно какъ праздные зрители. Въ самые послѣдніе годы появились хорошенькіе тарантасики съ запряженными въ нихъ конями, на этихъ тарантасикахъ начали кататься тутъ же, на гуляньѣ, мѣстные аристократы, щеголяя качествомъ своихъ копей. Съ каждымъ годомъ гулянья разрастаются и, быть можетъ, со временемъ примутъ характеръ шумныхъ увеселеній съ пѣснями и музыкой. Увеселяютъ же себя тѣже парни и дѣвушки въ зимнее время «кадрилями» подъ звуки гармоникъ.

Народныя свадьбы въ описываемой нами мѣстности происходятъ почти исключительно весной и совпадаютъ со временемъ гуляній: очевидно, что прежде и то и другое имѣло самую тѣсную связь. Во время гулянья высматривалась и облю-

бывавалась невеста, къ которой потомъ сватались, а въ болѣе отдаленное время — которую покупали.

Свадебную церемонію у казенныхъ, бывшихъ монастырскихъ крестьянъ, можно раздѣлить на три отдѣльныя части: 1) дѣвичникъ, 2) передачу и 3) свадебный поѣздъ.

Дѣвичникъ устраивается за нѣсколько дней до свадьбы. Въ домъ невесты къ вечеру созываются ея подруги, угощаются виномъ, при чемъ предлагается и закуска. Послѣ закуски невеста, или, какъ ее здѣсь называютъ, *сговоренка*, садится на лавкѣ, среди подругъ, и затягиваетъ причитанія:

2127.

Ужъ голубушки, вы мои подруженьки,
Ужъ заводите-ка пѣсню горемычную
Разгрустите-ка вы родимаго батюшку
Со радѣльницей то-ли съ родимой матушкой.

Дѣвки начинаютъ заплетать сговоренкѣ косу и при этомъ поютъ:

2128.

Не въ трубку ли трубили рано, по росѣ,
Ужъ и плакать ли Катеринушки (имя невесты)
по своей косѣ:
Съ измладочка ль эту косынку матушка плела,
А на возрастѣ косынку она сама плела.
Какъ теперича косынку подруженьки плетутъ,
А на утро косынку свахи разобьютъ,
Раздѣлуютъ ее, косынку, на шесть долей,
Заплетутъ ее, косынку, на двѣ косы,
Обовьютъ ее, русую, вокругъ головы,
Надѣнутъ Катеринушкѣ бабій сборничекъ:
«Красуйся, Катеринушка, въ бабьемъ сборничекѣ!
Ужъ и бабья краса—ее за стѣной не чутъ,
А дѣвичья краса—ее за сто верстъ слыхать.»

Въ это время, когда подруги невесты, заплетаютъ косу, поютъ эту пѣсню, сговоренка между тѣмъ причитаетъ:

2129.

Ужъ радѣльникъ ты, родимый батюшка!
Ужъ погляди-тко ты на мою веселую бесѣдушку,
Погляди-тка ты въ остаточки на моихъ
подруженекъ:

Ужъ какъ сидятъ-то онѣ изуряжены,
Алыми лентами изукрашены.
Ужъ погляди-тко ты на меня-горькую,
Сижу то-ли не уряжена, не украшена;
Изуряжена я пустыми рѣчами,
Изукрашена я горячими слезами.

Здѣсь кончается первая серія причитаній. При этомъ считаю не лишнимъ замѣтить, что слѣдуетъ строго отличать причитанія отъ пѣсн. Последнюю поютъ подруги, первую же *вывапливаетъ* невеста. О невестѣ обыкновенно говорятъ въ народѣ: она *кричала* всѣхъ родныхъ, ревѣла съ *причетомъ*. *Причетъ* и *причетникъ*—одно и тоже и употребляются безразлично.

Вышеприведенный причетъ и пѣсня поются печальнымъ длинногласнымъ напѣвомъ. Ниже приводится короткоголосая, веселая.

Невеста снова начинаетъ причетъ:

2130.

Ужъ голубушки, вы мои подруженьки,
Ужъ запойте-ка вы пѣсеньку веселую,
Взвеселите-ка-те радѣльника, родимаго батюшку
Со радѣльницей-то со родной матушкой.

Подруги поютъ:

2131.

Вотъ при вечерѣ, вечерѣ,
При Катериномъ дѣвичникѣ,
Собирались красны дѣвушки.
Возвивался-ль младъ ясенъ соколъ
Выше дѣса, выше темнаго,
Выше садика зеленаго,
Выше терема высокаго,
Ужъ садился-ль на окошечко,
На серебряной пробоникѣ,
На спозлоченной причелинѣ.
Какъ никто не вздогадается.
Вздогадалась ея матушка,
Авдотья Михайловна,
Говорила своему дитятку:
«Ты, родимо мое дитятко!
Приголубь яснаго сокола,
Яснаго сокола залетнаго,
Добраго молодца заѣзжаго.»
— Ужъ радѣльница, родима матушка!
Ужъ рада бы приголубила, —
Скоры поженьки подогнулися,

Бѣлы рученьки опустили,
Очи ясны прослезились,
Голова съ плечъ покатила.

Невѣста кончила свои причеты и въ это время сидитъ среди подругъ, молчаливая и грустная, одѣтая въ темное и прикрытая шалью.

Подруги запѣваютъ новую пѣсню:

2132.

На улицѣ дождичекъ накрапываетъ,
Катерина Васильевна въ окошечко поглядываетъ,
Михайло Васильевичъ по улицѣ похаживаетъ,
Къ ея окошечку подхаживаетъ,
Катерину Васильевну выпрашиваетъ:
«Ужь и скажи-ка ты мнѣ, Катеринушка,
Кто тебѣ изъ роду милъ?» и т. д.

Этими пѣснями и причетами кончается дѣ-
вишникъ и подруги вскорѣ расходятся.

На слѣдующій день устраивается *передать*,
черезъ день или черезъ два пріѣзжаетъ и сва-
дебный поѣздъ за невѣстой. Мы для краткости
и ясности соединимъ вмѣстѣ обѣ эти отдѣльныя
части свадебной церемоніи, тѣмъ болѣе, что
ипогда, при скорости свадьбы, онѣ соединяются
и на практикѣ.

Невѣста *заваливаетъ* причетъ:

2133.

Ужь радѣльничъ ты, родимый батюшка!
Погляди-теа ты въ красное окошечко,
Погляди-тео ты во чисто поле:
Ужь и что это за пылъ пылить?
Ужь и что это за колясочка катить?
Во колясочкѣ-то что за князь сидитъ?
Ужь радѣльничъ ты, родимый батюшка!
Отыщи-тка ты свою слугу вѣрнаго,
Моего брата любезнаго,
Что и Степана-то Васильевича (имя брата).
Вы сходите-тео на широкій дворъ
И возьмите тамъ золоту узду,
Сбродите-ка ворона коня,
Заложите его въ колясочку,
Ужь и съѣздите въ темный лѣсъ,
Нарубите тамъ ельничку-березничку,
Завалите всѣ пути-дороженьки:
Никому бы ни пройти, ни проѣхать,
Къ моему широкому двору подѣхати.

Ужь радѣльничъ ты, родной батюшка!
Запри-тка ты свой широкій дворъ,
Не пушай-ка-те вы чужихъ людей.

Въ это время въ избѣ раздаются крики: «Бдуть,
бдуть . . . подѣхали!» Отецъ и другіе певѣ-
стны родственники идутъ на дворъ встрѣчать
сватовъ и гостей съ «*передатю*»¹⁾. Но прежде
всего запираются ворота. Невѣстины сваты со
двора спрашиваютъ:

«Съ чѣмъ вы, сватушки, пріѣхали?»

Жениховы сваты отвѣчаютъ:

«Съ лисей шубой . . . лиса бѣжала, намъ слѣдъ
показала, у воротъ вашихъ стала. Либо слѣдъ
отведите, а не то ворота отоприте!»

Ворота отпираются и входятъ въ избу сваты
съ женихомъ. Женихъ здѣсь является въ первый
разъ среди свадебной церемоніи и является онъ,
какъ и слѣдовало, съ подарками. Впередъ идетъ
сватъ съ сундукомъ и узломъ, за нимъ *гвоздарь*²⁾
съ кувшиномъ пива, затѣмъ женихъ и другіе
гости. Сватъ посрединѣ избы, гости прежде всего
молятся иконамъ и почтительно кланяются хо-
зяевамъ и всѣмъ присутствующимъ въ избѣ. По-
томъ начинается выкупъ невѣсты. Сватъ беретъ
стаканъ, въ него гвоздаръ вливаетъ пива—и это
пиво подносится прежде всего невѣстиннымъ отцу
съ матерью со словами: «Пивца стаканчикъ вы-
кушайте, а намъ распорядиться прикажите!» За-
тѣмъ подходятъ къ невѣстиной свахѣ:

«Свахонька любезная!» говоритъ жениховъ
сватъ, подавая стаканъ пива, «стаканчикъ-то вы-
кушайте, а что привезли съ рукъ нашихъ счи-
тите, а Катерину-то Васильевну намъ ослобо-
дите. Въ зеркало-то бы вы поглядѣлись, бѣльи-
цемъ-то побѣлились, румянцемъ-то порумянились,
мыльцемъ-то помылись, утиральникомъ-то утер-
лись, а невѣсту-то нашу въ башмачки обуйте!»
При этихъ словахъ сватъ подаетъ узелъ съ по-
нимепопанными подарками и отдаетъ свахѣ. Сваха
начинаетъ развязывать, вдвое или втрое закру-
ченный узелъ и говоритъ: «Ну, сватушка, руки-то
не развязываютъ!» Сватъ опускаетъ въ стаканъ
мѣдную монету. Сватья беретъ деньги и опять
говоритъ:

«Сватушка! первый-то узелъ развязала, а дру-
гой-то опять не могу». Сватъ опять кладетъ се-
ребряную монету. Сватья беретъ деньги, развя-
зываетъ узелъ и выпиваетъ пиво.

¹⁾ По словарю Даля: *пéредать* им. сущ. первый
гласный подарокъ жениха невѣстѣ на канунѣ свадь-
бы, и т. д.

²⁾ «*Гвоздарь*, гвоздочникъ, отъ гвоздя въ бочкѣ,
назывался завѣдывающій напитками во дворцѣ или
въ барскомъ домѣ». Слов. Даля.

Между тѣмъ, пока идетъ такая торговля, не-
вѣста причитаетъ:

2134.

Ужъ и голубушка моя, сватьяшка, (пѣвѣтушка
чаще)

Не принимай-ка ты свѣтлое зеркальцо,
Ужъ не развязывай-ка ты два узла нѣмецкіе,
Не принимай-ка ты подарочки,
Не обувайте-ка вы меня въ башмачки...

Затѣмъ свать обращается къ пѣвѣстнымъ
подругамъ и говорить, поднося пиво:

«Голубушки, подруженьки! стаканъ-то выку-
шайте, а мѣстечко намъ освободите, а Катерину-
то Васильевну отыщите.»

Подруги заслоняютъ собою невѣсту и, обра-
щаясь къ свату, говорятъ:

«Сватушка любезный! мы за это (за такую
плату) не согласны; теперича лѣто, не зима, те-
перича работницы дороги. Ушла въ лѣсъ невѣста
за малиной,—у нея и слѣдъ завалило. Мы за это
искать несогласны.» Свать кладетъ въ стаканъ
полушку. Подруги, увидя это, говорятъ: «Сва-
тушка любезный. Михайло ты Васильевичъ! не
по міру ли ходилъ, да не слѣпыхъ ли водилъ,
такихъ денегъ собиралъ? Эту казну свою взадъ
возьмите, а намъ Катерину Васильевну оставьте:
на этомъ мы будемъ согласны.»

Свать прибавляетъ въ стаканъ денегъ. По-
други опять говорятъ:

«Намъ, сватушка, изъ мѣди-то не сошни ко-
вать, да не землю орать; мы люди-то не бѣдные,
намъ не нужны деньги мѣдные. Намъ, сватушка,
хоть маленькихъ, да бѣленькихъ.»

Свать прибавляетъ еще серебряную монету.
Подруги при этомъ говорятъ:

«Вы пиво-то не наливайте, а намъ казны-то
прибавляйте!»

Наконецъ пакладено денегъ чуть не цѣлый
стаканъ, дѣвки выпиваютъ пиво и цѣлуютъ свата.

Послѣ покупки пѣвѣсты у подругъ, нужно
откупить ее и у родного брата. Вотъ къ нему-то
теперь подходитъ свать и начинаетъ прежнюю
процедуру со стаканомъ пива. Невѣста хватается
брата за карманъ, сжимаетъ послѣдній руками и
причитаетъ:

2135.

Ужъ голубчикъ ты мой, любезный братъ!
Не сдавай-ка-съ ты на золотую казну:
Золотая казна—обманчива,
Для тебя, голубчика, прелестлива.
Голубчикъ ты мой, любезный братъ!
И я ли у васъ была не работница?
И я ли у васъ была не заботница?
Ужъ прощай-ка ты, мой любезный братъ!
Не помни ты моей грубости.
Прощай-ка ты въ первые—въ остаточки,
Ужъ прощай-ка ты въ моей дѣвичьей красотѣ.

Братъ продаетъ сестру. Онъ вытѣзаетъ изъ-
за стола, за которымъ сидѣлъ и на свое мѣсто
пускаетъ заѣзжаго добраго молодца. Къ этому-
то послѣднему теперь обращается причетъ пе-
вѣсты:

2136.

Ужъ заѣзжій ты, добрый молодецъ!
Ходилъ ты, гулялъ по запольцу,
А теперь тебя ведутъ по застольицу.
Ужъ радѣльничъ ты, родимый батюшка
Со радѣльницей родной матушкой!
Погляди-тко-те на меня на младую:
Ужъ у меня ли у молодой
По правую сторонушку
Стоитъ зима холодная.
Подвалился ли ко мнѣ бѣлъ горючъ камень?
Холоднымъ-то онъ холоднехонекъ,
Зазнобитъ онъ мое ретиво сердце
Съ молодыхъ годовъ до старыихъ,
А по лѣвую сторонушку—лѣто теплое,
То стоятъ голубушки-подруженьки.

Въ это время отецъ беретъ пѣвѣсту за руку
и хочетъ обручить кольцами сговоренныхъ. Не-
вѣста не даетъ своей руки и продолжаетъ причетъ:

2137.

Ужъ радѣльничъ ты, родимый батюшка!
Не обручай-ка ты мою правую рученьку
Съ заѣзжимъ добрымъ молодцемъ.
Моя рука не пѣжная,
Моя рука рабочая.
Ужъ и я ли для васъ была не работница?
И я ли у васъ была не заботница?
Ужъ радѣльничъ ты, родимый батюшка!

Не покидай ты меня въ чужой сторонѣ
Со съѣзжнмъ добрымъ молодцомъ.

Въ концѣ концовъ, какъ видно изъ причета, отцу удалось обручить свою дочь съ ѣзжнмъ добрымъ молодцомъ. Невѣста теперь обращается въ сторону жениховыхъ гостей и причитаетъ:

2138.

Ужъ радѣльничъ ты, родимый батюшка
Съ радѣльницей родимой матушкой!
Ужъ сажайте-ка вы гостей прѣзжпхъ,
Напойте-ка вы ихъ пивомъ пьянымъ,
Пивомъ пьянымъ, виномъ зеленымъ!
Они бы у васъ позѣпили,
Меня младую позѣбыли.
Ужъ сажайте-ка вы свата ходатаго
Положите вы ему въ чашку бездонную,
Дайте ему ложку безчерепную, —
Ходилъ бы онъ, не прихвастывалъ,
Не хвалилъ бы чужую сторону,
Чужаго отца съ матерью,
Заѣзжаго ли добраго молодца.
Ужъ чужая сторонуща
Облита слезами горючими.

Затѣмъ невѣста становится лицомъ къ отцу съ матерью, которые, въ свою очередь, стоятъ передъ ней съ образами.

Ужъ радѣльничъ ты родимый батюшка
Со радѣльницей родимой матушкой!
Не прощу я у васъ злата-серебра, —
Прошу чистаго благословенія.

Отецъ съ матерью благословляютъ свою дочь, обливающуюся горькими слезами, ѣхать подъ вѣнецъ. Послѣ благословенія, выходя изъ подъ отцовскаго крова, невѣста прощается со всѣмъ окружающимъ и причитаетъ:

2139.

Прощай, ты нашъ высокъ теремъ
Съ широкиимъ подворьцемъ!
Прощайте, сосѣдъ-сосѣдущка,
Прощай, широкая улица!
Прощайте, голубушки подруженьки!

При этихъ словахъ невѣста садится въ повозку свадебнаго поѣзда. При этомъ окружаютъ

ее подружки, обращаясь съ своей послѣдней пѣсней къ доброму молодцу:

2140.

Ужъ поѣзжай ты, добрый молодецъ!
Сбереги ты намъ голубушку подруженьку,
Сбереги ее отъ чужихъ людей,
Отъ чужаго отца съ матерью!
Не давай на нее вѣтру дунути,
Чужимъ людямъ зыпути!

Невѣста между тѣмъ уже сѣла въ свою повозку рядомъ съ женихомъ, лошади дернули, помчались, колокольчики-бубенчики зазвенѣли, и свадебный поѣздъ скрылся изъ глазъ провожавшихъ гостей и подругъ. Онъ мчится теперь къ церкви, гдѣ жениха и невѣсту ждетъ священникъ съ крестомъ.

Такова предсвадебная церемонія у казенныхъ крестьянъ Калазинскаго уѣзда. Пѣсни и обычаи, приведенные нами выше, записаны мною въ такъ называемой Кутетчинѣ, мѣстности лежащей отъ Калазина верстахъ въ 15—18. Теперь перешагнемъ, за 25 верстъ отъ описываемой нами мѣстности, по большой Московской дорогѣ, къ селу Яренскому (отстоящему отъ г. Калазина около 40 верстъ) и прилежащимъ къ нему деревнямъ. Эта мѣстность барская, принадлежащая роду Ртищевыхъ и др. Повидимому, какъ незначительно разстояніе Яренщины отъ Кутетчины, тѣмъ не менѣе и здѣсь и тамъ много своихъ особенностей, хотя въ основѣ содержаніе церемоній одно и то же. Нѣкоторыя изъ пѣсенъ, а въ особенности многіе изъ причетовъ, доселѣ поющихъ въ Кутетчинѣ, въ Яренщинѣ не слышны. За то здѣсь есть пѣсни и причеты свои, неизвѣстные Кутетчинѣ. Свадьбу барскихъ крестьянъ мы не будемъ описывать въ подробности, а укажемъ только на нѣкоторыя особенности и сдѣлаемъ нѣкоторыя дополненія.

Предбрачныя церемоніи раздѣляются также на три части: 1) дѣвишникъ, 2) заплетаніе косы и пирогъ; 3) свадебный поѣздъ.

Барскій дѣвишникъ тѣмъ отличается отъ предыдущаго, что на немъ, кромѣ подругъ невѣсты, присутствуетъ и женихъ, который все время сидитъ рядомъ съ невѣстой. Кромѣ этого, здѣсь невѣста не причитаетъ, а поютъ пѣсни подружки. Первая пѣсня, которую онѣ запѣвають, это приведенная выше: «При вечерѣ, вечерѣ». Затѣмъ поются еще слѣдующія пѣсни:

2141.

Разсыпался крупной жемчугъ,
Не по плису, не по бархату,
По серебряному блюдечку, —
То Катеринушка расплакалась:
Ты радѣльникъ мой, родимый батюшка!
«Ты почто, къ чему пиво варишь?
Ты почто, къ чему гостей зовешь?»
— Ты, родимо мое дитятко!
Ты не знаешь, не вѣдаешь, —
Мы вѣчоръ тебя сговорили¹⁾
Рука объ руку ударили,
За такого за хорошаго,
За такого за пригожаго,
Что и за Михайла-то ли Васильича.

2142.

Не послѣдній ли годикъ мнѣ въ дѣвушкахъ
сидѣть?
Не послѣднее ли лѣтчко мнѣ у батюшки
работать?
Не остатнюю ли весну мнѣ у матушки погулять?
Какъ у батюшки работанье очень легко?
А у матушки вѣшнее гулянье вольно.
Задумали меня родители замужъ отдать,
Съ веселой компаньей меня разлучать.
Если разлучать, я не чаюсь живою быть.
Жива буду, не забуду во вѣкъ дѣвичье жительство.

2143.

Кто у насъ холостъ, не женатъ?
— Михайло-то холостъ,
Васильевичъ не женатъ.
Время ему жениться
На добраго коня садиться,
Къ тестю въ гости ѣхать,
Ко тестеву ко двору,
Ко тещину терему.
Онъ къ воротечкамъ подъѣзжаетъ,
Съ добра коня слѣзаетъ,
Въ крылечко стучитъ,
Онъ Катеринушку вызываетъ:
«Катеринушка, выходи,
Воротечка отопрѣ!»
— «Я бы рада отперла, —
Буйный вѣтеръ очень вѣетъ,
Съ головушки жемчугъ рветъ,

¹⁾ Вар. Мы тебя просватали.
Не за князя, не за барина, —
За Яренскаго крестьянина,
Что и за Михайла-то ли Васильевича.

Меня грусть-тоска беретъ:
Меня батюшка браить,
Идти замужъ не велитъ.

2144.

«Не тошно ли тебѣ, Невя рѣка
Съ вѣшнимъ ледкомъ разстатися?»
— «Кабы не тошно было,
Я бы шла, рѣка, не шумѣла бы,
Крутые берега не портила.»
«Не тошно-ль тебѣ, Катеринушка,
Съ отцемъ съ матерью разстатися?»
— «Кабы не тошно было,
Шла бы я, не плакала,
Горючи слезы не роняла.»

Остальныя пѣсни, поющіяся на дѣвишникѣ,
принадлежать къ циклу обычныхъ.

Наканунѣ вѣнца устраивается торжественное
заплетеніе подругамъ невѣстиной косы. Встрѣчая
ихъ у крыльца, невѣста причитаетъ:

2145.

Ужъ вы голубушки—подруженьки!
Вы простите меня, что васъ не встрѣтила
Среди пути—дороженьки,
Среди моста калиноваго:
Скоры поженьки подломилси,
Вѣлы рученьки опустилися.

(Обращаясь къ любимой подругѣ):

2146.

Ты голубушка-подруженька!
Потрудись-ка ты, пожалуйста,
Причешь ты мнѣ буйную головушку,
Разбери-ка ты мнѣ русу косу,
Разбери мелко на мелко,
Заплети-ко ты мнѣ часто на часто.
Посреди моей русой косы
Вплети мнѣ два пожечка булатные,
Два замочка полузонные.
Во конецъ моей русой косы
Вплети ленту алую.
Завяжи ее въ три узла,
Въ три узла пѣмецкіе:
Не распалась бы моя руса коса,
Не потеряла бы красу дѣвичью.

(Провожая обратно подругъ).

2147.

Вы голубушки, мои подруженьки!
Ужъ придетъ ли къ вамъ весна красная,
Весна красная, лѣто теплое,
Ужъ пойдете вы, голубушки,
На гуляньице веселое,
Пойдете во чисто поле,
Во чисто поле, во зелены луга,
Стапете вы рвать цвѣтки,—
Вы сорвите и мнѣ цвѣтокъ,
Ужъ и стапете вить вѣнки —
Свейте и мнѣ вѣнокъ,
Ужъ несутъ-ко-те его впередъ себя
Не давайте-ко вы ему отъ вѣтра вянуть,
Отъ краснаго солнышка сохнути¹⁾.

2148.

— Ужъ радѣльничъ ты, родной батюшка
Со радѣльницей родной матушкой!
Ужъ и что это въ нашемъ подворьницѣ,
Что за садъ стоитъ, что за вишенъ?
Въ саду-то ли во вишенѣ
Не бѣлая-то ли лебедь возгаркнула,
Не я-то ли, горюша горькая,
Передъ подружками восплакнула?
— Вы голубушки подруженьки,
Прощайте-ка впервые—въ остаточекъ,
Не попомните моей гордости,
Моей досады великой!

(Простясь съ подругами и возвращаясь въ избу):

Отставала лебедь бѣлая
Отъ стада лебединого,
А дѣвица красная
Отъ своихъ подруженекъ.
Ты радѣльничъ, родной батюшка
Со радѣльницей родной матушкой!
Не помысли-ль, не подумали-ль,
Что пойду-ли со гуляница,
Съ работы тяжелой?
А я, горюша горькая,

¹⁾ Очевидно, здѣсь говорится о «семикѣ», когда каждая дѣвушка завиваетъ для себя вѣнокъ и примѣчаетъ, что если онъ скоро вянетъ, то и ея дѣвичья жизнь скоро завянетъ. Поэтому-то невѣста проситъ хранить ея вѣнокъ, чтобы ея дѣвичья жизнь не завяла. Н.

Попрощалася съ подружками.
Ужъ и что вы на меня прогнѣвались?
Ужъ и не дали вы цвѣтку выпцѣсти,
Не дали яблочку повызрѣти?
Сгубили буйную головушку,
Молодохоньку, зеленехоньку.

Вечеромъ въ тотъ же день въ невѣстинъ домъ
прѣзжаетъ свать отъ жениха съ пирогомъ. Отецъ
невѣсты съ своими домочадцами садится за столъ,
напротивъ него садится жениховъ свать и кла-
детъ на столъ пирогъ. Отецъ невѣсты въ свою
очередь кладетъ свой пирогъ и такимъ образомъ
происходитъ бесѣда. Въ знакъ единенія нѣсколько
разъ касаются они однимъ пирогомъ о другой и
бьютъ рука объ руку. Невѣста въ это время
сидитъ въ сторонѣ и причитаешь:

2149.

Ужъ радѣльничъ ты, родной батюшка!
Ты не бей-ка пирогъ объ пирогъ,
Не ударий-ка рука объ руку!
Ты бей-ка, да воздерживай,
Говори рѣчь, да посмалчивай,
Добрныхъ людей повыспрашивай,
Чтобы тебѣ бить—не каяться,
А мнѣ жить—не мантись.
Запоручили мою буйную головушку
За поруки ерѣпика,
За замочки за нѣмецкіе.

Дальнѣйшій причетъ зависитъ отъ способности
импровизаціи каждой невѣсты и не представляетъ
особаго интереса.

Свадебный поѣздъ у барскихъ крестьянъ на-
чинается нѣсколько иначе, чѣмъ у казенныхъ.
Первоначально къ невѣстиной избѣ подъѣзжаютъ
только два жениховыхъ дружка, здороваются со
всеми въ избѣ, и говорятъ:

«Сватушка и свахонька и все гости пріятели,
смотрѣльнички, глядѣльнички, благословите за кня-
земъ ѣхать! Нашъ князь во чистомъ полѣ, во зе-
леной дубровушкѣ, подъ чистымъ небомъ, подъ
темными облаками, подъ яркими звѣздами.»

Дѣйствительно свадебный поѣздъ стоитъ въ
это время за деревней, и только, спустя нѣ-
сколько времени, подъѣзжаетъ къ невѣстиному
дому. Въ то время, когда женихъ подъѣзжаетъ
и входитъ въ избу, невѣста причитаешь:

2150.

Не павинька по заполью летала,
Павинья перья роняла, —

Не я ли, горюша горькая,
По застольицу ходила
Горючія слезы ронила.
Не во саду-то меня посадили,
Не во садѣ, не во вишенѣ,—
Посадили меня, горюшу горькую,
За столы за дубовые,
За скатерти самобранныя.

Потомъ, обращаясь къ отцу, матери и ко
всѣмъ близкимъ, она опять причитаетъ.

2151.

Закачите-ко катомъ улицу,
Защитите-ко щитомъ ворота!
Вы поставьте у воротъ привратничковъ,
У дверей придверничковъ,
Не пушайте-ко вы чужихъ людей.

(Когда женихъ входитъ):

Всѣ каты откатилися,
Всѣ щиты отщитилися,
Придвернички отшатнулися,
Чужи люди въ дворъ въѣхали.

А между тѣмъ входящаго жениха встрѣча-
ютъ подружки невѣстины своей пѣсней:

2152.

«Во полѣ бояре стояли,
Не свѣдали, не провѣдали, —
На дворъ бояре въѣхали.
Полонъ дворъ гостей наставили,
Поломили сѣни новыя.
Князь въ теремъ всходитъ,
Богу молится.
Катериушка сторонится,
За подруженекъ хоронится.
«Вы голубушки подруженьки,
Схороните вы меня за себя!
Онъ идетъ—погубитель мой,
Онъ идетъ—разоритель мой,
Онъ идетъ—расплетн-косу,
Онъ идетъ—потерял-красоту.

2153.

Какъ не пава по двору ходить,
Не павлинья перья ронить,—

Какъ ходила, какъ ронила
Катериушка горючія слезы,
Припадала къ пугряному замочку:
«Отопрись, отложись, пугряпой замочекъ!
Пробудись, мой батюшка родимый!»¹⁾

Послѣ этихъ пѣсень происходятъ, описанный
выше, выкупъ невѣсты у подругъ, у брата и т. д.;
между прочимъ здѣсь мы встрѣчаемъ нѣкоторую
особенность, именно *невѣстиной красоты*. По-
этому случаю еще заранѣе готовится ке-
дровая вѣтвь (изъ барскаго сада), утверждается
на какой-нибудь подставкѣ и становится на
столѣ, затѣмъ украшается дѣвичьями лентами и
цвѣтами. Это-го изукрашенная вѣтвь и служитъ
эмблемой дѣвичьей красоты, которую выкупаютъ
сваты у подругъ.

У барскихъ крестьянъ, кромѣ выкупа, женихъ
даритъ еще невѣстинихъ подругъ деньгами, за
это онѣ поютъ ему пѣсни:

2154.

Ужъ ты, князюшка хорошенькій,
Ужъ ты, влязюшка, пригоженькій!
Ужъ ты умная головушка,
Пресмиренная бесѣдушка!
Ужъ сидишь ты статпехонько.
Ужъ и слышишь ли: тебѣ мы пѣсню поемъ,
Пѣсню поемъ, тебѣ честь воздаемъ.
Пора тебѣ дѣвицъ подарить,
Пора тебѣ пожаловать.

(Въ это время женихъ даритъ).

Благодарствуй тебѣ, князюшка,
На твою большую дару,
На твою-то сладкую меду!
Ужъ медъ-отъ мы исповынили
Золоту казну исповыбрали, —
Тебѣ поклонъ воздаемъ.

¹⁾ Въ связи съ предыдущей эта пѣсня наводитъ
на мысль о похищеніи невѣсты: отецъ ея спитъ, въ
это время неожиданно входитъ *князь*, котораго дѣ-
вушка называетъ погубителемъ дѣвической красоты,
прихода котораго страшно испугалась. Она хва-
тается за послѣднее средство—припадаетъ къ пу-
гряному (потасенному) замочку, за которымъ спитъ
ея батюшка и старается разбудить послѣдняго, что-
бы онъ спасъ ее. Н.

Затѣмъ мать невѣсты дарить жениха полотенцемъ, при этомъ невѣста причитасть:

2155.

Родная, родимая матушка!
Не даромъ ты подарила, —
Подарила своимъ чадомъ милымъ.

Далѣе одною изъ подругъ расплетается невѣстичья коса, накапунѣ заплетенная. Невѣста причитасть:

2156.

Ужъ ты, голубушка бѣлая!
Потруди-ка, пожалуйста,
Расплети-ка мнѣ русу косу,
Расплетай-ка, да поберегись.
Въ мой-то въ русой косѣ
Вилетены два ножечка булатные,
Два замочка полуженные.
Не обрѣжь-ка свои руки бѣлыя,
Не завровяни-тко мои плечи могучія.

Здѣсь мы закончимъ изложеніе предсвадебной церемоніи у барскихъ крестьянъ. Считаемъ при этомъ не лишнимъ упомянуть, что здѣсь фигурируютъ слѣдующія должностныя лица: *тысяцкий*, — самое близкое и важное лицо при женихѣ: онъ выводитъ его съ невѣстой изъ избы и сажаетъ на коней: *воздарь*, какъ мы говорили выше, завѣдующій пивомъ и виномъ, *сваты*, *сватыи*, *дружки*, *подруженья*, *бояре-гости*.

Когда поѣздъ прѣзжаетъ послѣ вѣнца изъ церкви въ домъ жениха, молодыхъ на порогѣ встрѣчаютъ съ хлѣбомъ-солью отецъ съ матерью, какъ жениха, такъ и невѣсты и ведутъ по подостланной подъ ноги повинѣ. Затѣмъ молодыхъ уводятъ въ особое помѣщеніе позади сѣней — *горенку*, гдѣ предлагают имъ обѣдъ. На этотъ обѣдъ допускаются только самые близкіе къ молодымъ лица.

Когда молодые окончатъ свой обѣдъ, ихъ вводятъ въ избу, гдѣ всѣ гости уже усѣлись за большой *княжій* обѣдъ. Молодыхъ сажаютъ за столъ среди гостей, но они здѣсь уже не ѣдятъ, а только потчуютъ другихъ, кланяются и цѣлуются подъ крики: «горько, горько!»

Пиръ въ домѣ жениха продолжается до полупочи. Молодыхъ укладываютъ спать ранѣе гостей, для чего уводятъ ихъ въ ту же *горенку*, гдѣ приготовлена имъ бываетъ постель. Первымъ раздѣ-

вается и ложится подъ одѣяло молодой мужъ, а молодуха все это время стоитъ у постельнаго изголовья. Когда мужъ ляжетъ, жена подходитъ ближе къ нему и спрашиваетъ: «Михаилъ Васильевичъ! прикажете мнѣ раздѣваться и ложиться съ вами, или же стоять у вашего изголовья?» И только тогда молодуха ложится, когда мужъ пригласитъ ее на постель.

Утромъ на другой день молодыхъ поднимаютъ съ брачнаго ложа, когда уже всѣ встали.

Часовъ съ 10-ти утра происходятъ въ домѣ жениха свадебныя игры и шутки.

Вотъ въ короткѣ ихъ содержаніе.

Тысяцкій обращается къ жениховой матери со словами: Не все тебѣ, Целагея Степановна, самой печку-то топить, и кушанья варить, теперь и молодая истопитъ». Другіе гости, въ отвѣтъ на это, кричатъ: «Надо испробовать, умѣетъ ли молодуха-то печку топить. Пушай-ка за дровами сходить!» Невѣста выходитъ изъ избы за дровами, при чемъ сватья съ ея стороны указываютъ ей хозяйскую полѣнницу, а женихова сватья сбиваетъ ее и ведетъ къ чужой дальней полѣнницѣ. Здѣсь молодуха набираетъ охапку дровъ и несетъ ихъ въ избу. Гости увидѣвши, что молодуха набрала чужихъ дровъ, кричатъ: «Дура, дура, молодуха-то, дура!»

Внесши дрова въ избу, молодуха обращается лицомъ къ порогу и молится на него. Гости изумляются и кричатъ по прежнему, а молодуха между тѣмъ два полѣна кладетъ по краямъ божницы, даетъ по полѣну свекру со свекровью и другимъ гостямъ. Раздаются оглушительные крики: «Дура, дура, совѣтъ дура!»

— Умѣетъ ли она прясть-то? — Подаютъ молодухѣ гребень. Она взлѣзаетъ на столъ, ставитъ на немъ гребень шиворотъ на выворотъ, и садится на гребенку, а вмѣсто льну навертываетъ соломы и разбрасываетъ ее по избѣ. «Дура, дура!» раздаются крики.

Одинъ изъ дружекъ наряжается теленкомъ, котораго молодуха должна поить молокомъ. Вмѣсто молока подается шайка воды; молодуха начинаетъ поить теленка, — послѣдній брыкается, выкидываетъ разныя штуки. Гости хохочутъ, а молоко разливается по полу и выливается на теленка.

«Дура, дура, молодуха-то! Гдѣ свать? Онъ со-сваталъ, онъ и въ отвѣтъ. Его надо наказывать; надо его пороть!»

Одинъ изъ дружекъ наряжается палачемъ, обвиняетъ вокругъ своего туловища кнутъ, свитый изъ соломы. Всѣ гости идутъ на улицу, куда съ барабаннымъ боемъ въ заслонъ выводится свать для наказанія кнутомъ. Впередъ его несутъ сва-

мейку, на которую онъ долженъ быть разложенъ. Скамейка становится посреди улицы, а между тѣмъ свать вырывается и бѣжитъ; его ловятъ. Свать забирается на крышу, но его оттуда воловуть къ мѣсту наказанія. Отовсюду сбѣгаются смотрѣльщики-глядѣльщики. Это своего рода для нихъ театральное представленіе. Свата называютъ удары: разъ . . два . . три. Свать въ изнеможеніи, безъ чувствъ валится со скамейки, но въ это время на улицу выходятъ молодые. Мужъ несетъ вино, а жена закуску, сзади отецъ — ковшъ вина. Изнеможенному свату молодой вливаетъ въ ротъ стаканъ вина; свать открываетъ глаза и начинаетъ шевелиться.

«Хорошъ молодой дохтуръ!» кричатъ гости. «Свату полегчалося. Ну-ка, дохтуръ, еще!»

Свату поднесется еще стакана два, и онъ совершенно оживаетъ.

Затѣмъ тутъ же, среди улицы, угощаются виномъ и пивомъ всѣ гости, всѣ смотрѣльщики-глядѣльщики, рѣшительно всѣ находящіеся на улицѣ, кончая послѣднимъ нищимъ. Это одна изъ торжественныхъ минутъ деревенской свадьбы. Женихъ съ невестой, разодртые, выкланиваются предъ всѣми съ доброй привѣтливой улыбкой и потчуютъ.

Гости устраиваютъ на улицѣ хороводы, впрочемъ совершенно повѣйшаго характера. Нѣкоторые изъ болѣе пожилыхъ располагаются на травѣ и затаиваютъ свои старинныя. И все это происходитъ подъ открытымъ небомъ, подъ лучами весенняго солнышка, которые играютъ на непокрытыхъ, лоснящихся головахъ мужчинъ.

Въ этотъ день цѣтъ и гуляетъ на свадьбѣ не только вся деревня, но даже нерѣдко вся округа. Веселье продолжается за полночь. Когда послѣдняя покроетъ землю, гости утихаютъ и располагаются спать, гдѣ кому Богъ приведетъ: кто въ сараѣ, кто въ овинѣ, а кто просто чуть не среди дороги. Много въ этотъ день бываетъ вина и пива выпито.

Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы устраивается *спознать*, т. е. полая родня перегащивается между собой: тутъ бывають только самые близкіе родичи. Для *спознати* стараются лучше, чѣмъ для самой свадьбы.

Такимъ образомъ кончается деревенская свадьба, послѣ чего пачинается обыкновенная будничная жизнь. Описанныя нами выше свадебныя церемоніи во всей полнотѣ, конечно, выполняются только у самыхъ зажиточныхъ крестьянъ. Что же касается причетовъ и пѣсенъ, то очень часто они также не исполняются вполне: это зависитъ отъ характера невесты и подругъ.

П. Новоселовъ. Тверской Вѣстникъ 1880 г. № 15, 16, 17 и 19.

Той же губернии, Новоторжскаго уѣзда.

Клануть и день брата.

Наканунъ брака, когда съѣдутся всѣ гости, бываетъ выборъ поѣзжанъ, который происходитъ слѣдующимъ образомъ: Женихъ (князь) съ подвняземъ, стоя за столомъ, кланяется всѣмъ, а отецъ поднося гостямъ вино и пиво, выбираетъ въ тысяцкіе, потомъ *свацию* (мать крестную), *большого барина*, меньшаго барина и двухъ дружковъ.

Должность *тысяцкаго* или отца крестнаго состоитъ въ томъ, что онъ выкунаетъ невесту и раздаетъ за нее дѣвушкамъ-подружкамъ елорѣхи. *Бояре* — только записываютъ одно почетное званіе, дружки же обязаны раздавать орѣхи, мило и проч., принимать молодыхъ, ухаживать за ними и класть въ постель.

Послѣ выбора свадебныхъ чиповъ готовятся къ поѣзду; садятся за столъ, молятся Богу. Въ это время отецъ жениха стоитъ съ образомъ, а мать съ хлѣбомъ и солью. Женихъ, помолвившись Богу, кланяется отцу въ ноги, а дружки поддерживаютъ его за руки и не даютъ ему кланяться до земли. Отецъ благословляетъ его и затѣмъ выходитъ на дворъ, запрягаетъ лошадей и всѣ поѣзжане выѣзжаютъ съ двора въ слѣдующемъ порядкѣ: впередъ ѣдутъ дружки, за ними — тысяцкій съ женихомъ, далѣе — бояре. Отъѣхавши нѣсколько сажень, дружки возвращаются назадъ, благодарятъ отца и мать жениха за угощеніе и доносятъ имъ, что внязь выѣхалъ со двора благополучно. Послѣ отправленія поѣзда въ домъ жениха *трутень* или кормовой идетъ въ конюшню къ овцамъ, гдѣ и готовитъ постель для молодыхъ.

Подъѣзжая къ дому невесты, дружки останавливаются передъ воротами и спрашиваютъ ея отца: «готова-ли княгиня?» Если готова, то ихъ принимаютъ въ домъ, если же нѣтъ, то ворота не открываются и имъ отвѣчаютъ: «княгини дома нѣтъ: ушла въ лѣсъ по грибы!» Весь же поѣздъ между тѣмъ стоитъ на дорогѣ въ ожиданіи отвѣта дружекъ и когда они, объявляютъ, что все готово, то весь поѣздъ ѣдетъ къ воротамъ невестинаго дома и прямо на дворъ, гдѣ сватья невесты потчуетъ пивомъ свацию жениха. Вошедши въ избу, всѣ здороваются со сватомъ и со всѣми родными, невеста же въ это время сидитъ въ заднемъ углу, окруженная дѣвушками-подружками. Тысяцкій подходитъ къ нимъ и проситъ отпустить невесту. Дѣвушки просятъ выкупа. Тысяцкій предлагаетъ имъ деньги и если мало, то дѣвушки ихъ бросаютъ ему назадъ. Тысяцкій понемногу все прибавляетъ до тѣхъ поръ пока

сторгуются. Тогда дружки передают невѣсту жениху. Женихъ же, взявъ ее за руку паступаетъ ей три раза на погу (чтобы не была сердита). Затѣмъ тысяцкій беретъ за руку жениха, ведетъ за столъ и сажаетъ его на парочно приготовленномъ для него мѣстѣ, т. е. на подушку, рядомъ съ невѣстой. Но прежде, чѣмъ молодымъ сѣсть совѣтъ дружки ихъ три раза поднимаетъ съ подушекъ и опять сажаетъ на нихъ. Послѣ этой церемоніи начинается угощеніе и дары со стороны жениха. Угостившись вдоволь, всѣ выходятъ изъ-за стола и ѣдутъ въ церковь. Дружки и на этотъ разъ, отѣхавши немного, возвращаются назадъ въ домъ невѣсты, благодарятъ свата за угощеніе и зовутъ къ себѣ въ гости. Сватъ же, т. е. отецъ невѣсты, предлагаетъ имъ садиться, но они не садятся. Сватъ угощаетъ дружекъ пивомъ и даетъ имъ пироги. Они же, взявъ пироги, отламываютъ отъ него только краешекъ, но не ѣдятъ. А между тѣмъ во время этого угощенія запираются ворота. Дружки выходятъ изъ избы, глядятъ—ворота закрыты. Они опять входятъ въ избы и просятъ у свата пива. Тогда всѣхъ, кто только стоитъ около воротъ, угощаютъ пивомъ и даютъ закусить пирогомъ. И только послѣ всей этой церемоніи имъ отпираютъ ворота и они выѣзжаютъ со двора, догоняютъ поѣздъ и вмѣстѣ съ нимъ ѣдутъ въ церковь.

Сообщ. въ 1853 году свящ. Рожкинского погоста, отцемъ Георгіемъ.

2157.

Что были за гости, за пріатели?
Проникъ ты меня, родной батюшка
За стакапъ пива пьянаго,
За рюмку вина зеленого.
Продумалъ ты меня, родной батюшка,
Продалъ ты меня во чужіе люди,
Во чужіе люди незнакомые.
Ужъ какъ-то мнѣ жить будетъ?
Ужъ какъ-то мнѣ упаковать ¹⁾ будетъ?
На чужаго отца съ матерью?
Что чужой отецъ съ матерью
Безъ желанья уродились:
Въ вечеру кладутъ спать позднихонько,
По утру будють вставать ранехонько:
«Вставай-ко, дитя немилое,
Немилое, перодное,
Нероженное, нехоженное!
Ступай-ко на работушку!»

¹⁾ По слов. Дали: упаковать — угодить, приноровиться, примѣниться, уноровить.

— А работушка мнѣ не подь силушку.
Обольюсь я, младшенька,
Своимъ горящимъ слезамъ.

2158.

Расшаталась грушница,
Расшаталась зеленая
Передъ яблонькой стоячи.
Расплакалась Лизавета душа,
Расплакалась Тимофѣевна.
Передъ батюшкой стоячи,
Передъ матушкой возрыдаючи:
«Государь, родимый батюшка,
Государыня, родимая матушка!
Нельзя ли думу отдумати,
Чтобъ меня замужъ невыдати?»
— «Ты, дитя ли мое дитятко,
Ты, дитя ли мое милое!
И нельзя думу отдумати,
Чтобъ тебя замужъ не выдати:
По рукамъ у насъ ударепо,
На словахъ у насъ положено.»

2159.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнова,
Изъ за садика зеленого
Вылетало стадо лебедевъ,
Позади летить гусипое.
Отставала лебедушка
Отъ стада лебединого,
Приставала лебедушка
Ко стаду къ сѣрымъ гусямъ.
Не умѣла лебедушка
По гусиному кликати,
И ее стали гуси щипати.
«Не щипите, гуси сѣрые!
Не сама я къ вамъ залетѣла,—
Занесло меня погодою,
Что погодою, невзгодою.»
— Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго
Изъ за садика зеленого
Выходила толпа дѣвушекъ,
Позади идутъ молодушки.
Отставала Лизаветушка,
Отъ толпы отъ красивыхъ дѣвушекъ,
Приставала Лизаветушка
Ко толпы ко молодушкамъ.
Не умѣла Лизаветушка
На головушку управиться,—
Ипостали люди журити.
Не журите, люди добрые!

Не сама я къ вамъ заѣхала, —
Завезли меня кони добрые,
Что добры кони Захарова.

2160.

Какъ чесалъ Андрей кудри
Костяной новой гребеночкой,
Онъ чесалъ приговаривалъ:
«Прилегайте, кудри русые,
Ко моей буйной головушкѣ,
Ко моему-то лицу бѣлому!
Привыкай-ка, любовь душа,
Къ моему-то уму-разуму,
Къ моему-то роду, племени!»
— «Тяжело мнѣ привыкать будетъ
Къ чужому отцу, матери,
Къ чужому роду-племени.»

2161.

Ну, погоди-ко, мой свѣтель мѣсяцъ!
Затеplай свѣщу воску бѣлова,
Подвигайте столы дубовые,
Разстилайте-ко скатерти бранныя,
Становите ѣства сахарныя,
Нацѣдите пива пьянаго,
Наносите вина зеленаго!

2162.

Не всѣ-то у насъ гости въ собраньицѣ,
Не всѣ они въ стѣзжаньицѣ.
Не тамъ-ли родной батюшка?
Авось ли онъ не подойдетъ ли?
Не подойдетъ ли, не подѣдетъ ли
На мою-то свадьбу на младую,
На младую, на спротскую?
Благослови ты меня, спротипушку,
Ко суду-то Божьему ѣхати!
У суда-то Божья тяжело стоять:
Подломатся мои скоры ноги
Опустятся мои бѣлы руки,
Ужахнется мое сердце,
Ужахнется, испугается.

2163.

Ты рѣка ли моя рѣченька,
Рѣка ли моя быстрая!

Что ты стоишь, не колыхнешься?
Съ берегомъ ты не сравнишься?
Съ желтымъ пескомъ не смѣшаешься?
Что ты, Лизушка, сидишь, не усмѣхнешься?
Говоришь ты, не промолвишься?
— «На что глядя, мнѣ смѣяться?
Полонъ дворъ каретъ наѣхавши,
Полна горница гостей сидя(тъ).
Нарядиться мнѣ кое есть во что,
Отпустить-то мнѣ есть кому,
Благословить-то мнѣ некому.
Ты желанный братецъ, батюшка!
Ты выйди на широкій дворъ,
Ты возьми узду тесменную,
Что тесменную, ремennую,
Обротаи копя что ни лучшаго,
Что ни лучшаго, хорошаго:
Ты съѣзди къ Божьей церкви,
Ты ударь трожды во колоколь,
Ты пусти гуль по всѣмъ церквамъ,
Что по всѣмъ церквамъ, по сырымъ землямъ,
Разбуди кормильца батюшку,
Екима-то Софроновица:
Благослови ты меня, спротипушку,
Къ суду-то мнѣ Божьему ѣхати,
У суда мнѣ Божьяго стоять!
У суда мнѣ тяжело стоять:
Какъ подломатся у меня скоры ноги,
Опустятся у меня бѣлы руки,
Ужахнется мое ретиво сердце,
Ужахнется, испугается,
У суда Божьяго стоящи.

2164.

Какъ леталъ-то, леталъ соколъ,
Съ горы на гору леталъ,
Какъ искалъ-то, искалъ соколъ
Стадо лебединое,
Какъ нашелъ-то, нашелъ соколъ
Стадо лебединое.
Епъ все стадо разогналъ,
Одноѣ лебедушку ухватилъ,
Ахъ что лебедушку душу,
Златокрыльцату свою.
Возмолилася лебедка
Своему ясну соколу:
«Ты пусти, пусти, соколъ,
Въ стадо лебединое!»
Я тогда тебя пушу, —
Сизы перышки оцнилю,
Златы крылушки обобью,
Горячую кровь пролью.

— Какъ и ѣздилъ-то Захаръ-князь
По Слобихину по селу,
Какъ некаль-то, некаль князь
Красныхъ дѣвушекъ толпу.
Епъ всѣхъ дѣвушекъ распустилъ,
Только ее одну ухватилъ
Свѣтъ Лизаветушку свою,
Тимофѣевну свою.
Возмолилася Лизаветушка,
Возмолилася Тимофѣевна
Своему милому-то дружку,
Захару Федоровицу:
Ты пусти, пусти Захаръ-князь,
Ты пусти, пусти Федоровицъ,
Къ краснымъ дѣвушкамъ въ толпу!
— «Я тогда тебя пушу, —
Ко вѣнчаньцу свезу,
Ко вѣнчаньцу свезу,
У вѣнчаньца постоимъ,
Косу русу расплету,
Ее на двое заплету.

2165.

Свѣтъ ты, коса дѣвчья 2, коса русая!
Распелася моя коса, коса русая,
Развился мой шелковый гонтай¹⁾,
Шелковый гонтай съ алой ленточкой!
Свалилася ты съ меня, съ младшеньки,
Вся цѣсть-хвала, воля батюшкина,
Воля батюшкина, пѣга матушкина.
Бывало я, младшенька, — на гулянье пойду,
На гулянье пойду, — не спрашиваюсь,
Съ гулянья приду, — не сказываюсь.
А теперь-то мнѣ, младшенькѣ,
На гулянье-то итить — спрашиваться,
Съ гулянья-то итить, — все сказываться,
У новыхъ-то воротъ понастоишься,
У дубовыхъ дверей понаслушаешься,
И на степеньку-то ступнешь, — оступнешься,
Слово-то молвишь, — обмолвишься.

2166.

Подите вы, подружки-ластухи
Провѣдайте про мое горе,
Про мое горе про великое!
Какъ-то будетъ мнѣ, младшенькой,
Итить будетъ во чужьи люди.
Во чужихъ во людншекахъ

Надо жить умѣючи,
Умѣючи, разумѣючи.
У сѣней-то настоишься,
У дверей-то наслушаешься
За скобу возьмешься — понятишься:
Не про меня ли, молодешеньку,
Чужой отецъ съ матерью говорить?
Не про меня ли говорить,
Не меня ли бравать?

2167.

Не долго вѣпочку на столбикѣ вѣсть,
Не долго Лизаветушкѣ во дѣвушкахъ сидѣть.
Не трубушка трубила рапо по зарю, —
Плакала Лизаветушка по русой по косѣ:
«Ты свѣтъ моя косынька, русая коса!
Сегодня тебя, косынька, дѣвки плетутъ,
На завтра, моя косынька, сватья станутъ плести.
Не та ли сватьюшка прѣзжая,
Прѣзжая сватьюшка, не милосливая.
Станутъ мою косыньку рвать-порывать,
Станутъ мою русую на двѣ заплетать,
Заплетутъ мою косыньку на двѣ косы, —
И весь крупецъ жемчугъ поразсыплется.

2168.

Соколы, соколенка
Залетная пташеца,
Летать по вишенью,
Залетѣль въ зеленый садъ,
Ухватилъ лебедушку,
Лебедушку бѣлую,
Привелъ ее къ батюшку:
«Люба-ль тѣ невестушка?»
— «Родимо мое дитятко!
Люба-бъ тебѣ было,
А мнѣ — послѣ тебя.

(Повторяется все сначала съ обращеніемъ къ
матери, которая отвѣчаетъ тоже самое).

2169.

Ѣхалъ зять мимо тестева двора, —
Опъ стучится у новыхъ у воротъ:
«Дома-ль тестъ, дома-ль теща моя?
Дома-ль душенька, невеста моя?»
Услыхала Анисья душа,
Побѣжала по новымъ по сѣнямъ
Закричала громнымъ голосомъ своимъ:
«Ужъ вы, матушки, нянюшки мои!

¹⁾ Гонтай, гонтанъ — снурокъ, мотовязокъ, особенно, для тѣльнаго креста. Слов. Даля.

Вы берите золоты ключи мои,
Отпирайте кленовые сундуки,
Вынимайте подгребцовое сукно,
Ужъ вы кройте Степану на армякъ
Чтобъ не дологъ, не коротокъ былъ,
Чтобъ пошире, поразмашистѣе,
Чтобъ было ему можно на воропа копя вскочить,
Чтобъ было можно въ стремя ногу положить,
Поскорѣй душу невѣсту увидетьъ,
Да Лизавету да милую свою.

Когда невѣсту ведутъ въ баню.

2170.

Растопнися, баенъка,
Разгорися, каменъка!
Ты разсыпся, крупень жемчугъ,
Что по атласу, да по бархату!
Ты расплачъся, невѣстуха,

Лизавета душа Тимоеѣвна,
Передъ батюшкой стоючи,
Передъ матушкой плакуци,
Благословенъя просюци:
Благослови, родимый батюшка,
Еще родима матушка!
«Благослови меня во цужь люди,
Ко пужому роду племени,
Ко пужому отцу съ матерью:
Безъ жалости уродилися,
Что безъ жалости, безъ милости:
Въ вечеру кладутъ спать поздпехопько,
По утру будятъ ранехонько:
«Ты вставай-ко, дитя переплюе,
Ты вставай-косъ, пероженное!
Ты вставай, сноха приведенная!
Кидай, кидай волю батюшкину,
Бросай, бросай пѣгу матушкину,
Прививай ко работухѣ,
Ко великой ко заботухѣ.»

Всѣ зап. мною въ дер. Карцовѣ.

XIV. Ярославской губерніи.

Попехонск. у., село Козьмодемьянское, на Шекснѣ.

Дѣловая часть брачныхъ обрядовъ, не разъ было мною описано, какъ-то: въ «крестьянской свадьбѣ», напечатанной въ «Трудахъ стат. ком.» такъ и въ статьѣ «село Козьмодемьянское», въ Ярослав. Вѣд.; но остается еще многое дополнить новыхъ обрядностей, а также и позаниматься изъ прежнихъ моихъ писаній. Изъ уцѣлѣвшихъ обломковъ старинныхъ обрядностей при бракахъ, сохранилось и до сихъ поръ не мало такихъ въ Попехонскомъ уѣздѣ, которые указываютъ на давнопрошедшее время, какъ-то: похищеніе невѣсты, которыя и называются: «самеходками», отдавать невѣстой жениху свои наряды — «залогъ», что дѣвушка шла замужъ, если родители его не будутъ согласны на бракъ. «Завалъ дороги», когда повѣздъ ѣдетъ за невѣстой, чтобы везти къ вѣнцу. «Выкупъ», которымъ дружка выкупаетъ невѣсту у подругъ и родни. «Выставка», вина, пива и закуски сосѣдямъ за невѣсту. «Приданое» и «выводъ», приданое выговаривается съ невѣсты, а «выводъ» дается родителямъ невѣсты — отъ жениха 15—30 р., но «выводы», въ послѣднее время

стали рѣдкимъ явленіемъ. Битые посуды, горшочки и проч. когда невѣсту поведутъ на брачное ложе изъ-за стола, а потомъ утромъ — послѣ первой ночи. Свадебныя причитанья, поговорки, загадки, обрядности, суевѣрія свадебныя, — все это описывается по возможности ниже. Все это указываетъ на обломки свадьбы и обычаевъ древнихъ, въ которыхъ много сохранилось достойнаго подражанія; но къ сожалѣнію, годъ отъ года уничтожается, замѣняется болѣе новымъ, иногда пошлымъ и безъ выразительности того типичнаго идеала народа, въ которомъ выражался духовный его чертъ.

Свадьбы въ Попехонскомъ уѣздѣ бывають по большей части въ осеннее и зимнее время. Крестьяне не любятъ отдавать дочерей замужъ весной — лишаться работницы для лѣтнихъ работъ. Каждому началу свадьбы, предшествуетъ «сватанье» невѣсты, къ которой посылаются свать или сваты, для переговоровъ: отдають-ли невѣсту, а затѣмъ и излагаются условія. Сваха или свать, пришедшій сватать невѣсту, не долженъ садиться во время переговоровъ о согласіи, даже и тогда, когда ноги устають стоять, то шутивыя свахи становятся

на колѣни и говорятъ о дѣлѣ. Въ сельской жизни народа, рѣдко случаются браки, такихъ молодыхъ людей, которые бы были незнакомы другъ съ другомъ. Прежде чѣмъ начинаютъ сватать дѣвушку за парня, которые уже знакомы между собой, переговорили не разъ о женитьбѣ, а нѣкоторые знаютъ другъ друга съ дѣтства, нѣкоторые познакомились на гуляньяхъ, въ хороводахъ и въ праздники. Придерживаясь описанію нашей «крестьянской свадьбы», мы будемъ описывать свадьбу того типа, который по нашему мнѣнію разнообразнѣе предъ другими. Намъ приходилось видать и бывать на свадьбахъ въ разныхъ мѣстахъ нашего уѣзда; по характеру почти вездѣ одинъ и тотъ же съ разнообразными измѣненіями, которыя въ послѣдніе 20—30 лѣтъ значительно уничтожили тѣ старинныя обрядности, которыя указывали на давно прошедшія времена. Описаніе наше свадебныхъ обрядовъ и обычаевъ, относится ко времени 40—50 лѣтъ назадъ, — въ то время, нашего дѣтства и юности, намъ приходилось бывать, видать и наблюдать свадьбы, въ волостяхъ: Ериловской, Займищевской, Капуневской, Мусорской, Щетинской и проч. Въ разныхъ мѣстахъ уѣзда называется начало свадьбы очень разнообразно, какъ-то: «Слово дали», «сговорки», «просватанье», «пропиванье» и проч. При «сговоркахъ» бываютъ кромѣ свата и сваты, отецъ жениха и мать, даже иногда и самъ женихъ. Начнемъ же съ описанія «сговорокъ». Сговоркамъ предшествуютъ «смотрины»; но это только у лицъ мало знакомыхъ другъ съ другомъ.

I.

Сговорки.

Когда сваха порѣшитъ дѣло, т. е. уговорится съ родными невесты, на какихъ условіяхъ отдадутъ невесту, съ какими приданымъ, и выводомъ, а также въ какое время придти въ домъ невесты для «сговорокъ». Надо замѣтить, что сговорки или пропиванье или слово даютъ всегда въ домѣ невесты. Когда придутъ сватающіеся въ домъ невесты, то въ это время народу — сосѣдей приходитъ очень много. Когда будутъ молиться Богу, то дверь запираютъ, а всѣ предстоящіе садятся, а потомъ отецъ невесты зажигаетъ свѣчу предъ иконой и молятся. Договорившіеся сватовья садятся за столъ, распивать чай и вино, съ закусками. Невѣста въ это время сидитъ гдѣ нибудь у печки или въ «кутѣ», подъ полатами. Когда собираются молиться, то она стонетъ, плачетъ или причитаетъ, если умѣетъ, причитаетъ сама,

а если же нѣтъ, то приглашается къ ней жепщина — «выльница», умѣющая вѣтъ — причитать, которая и садится съ невестой рядомъ. Вотъ нѣкоторыя причитанья «въ сговорки».

2171.

Не давай, кормилецъ батюшка,
Ты своей-то руки правыя,
Моему-то злому ворогу, —
Свату, къ тебѣ заманному.
Не зажигай-ка, родимая матушка,
Свѣчъ воска ярова,
Не молитесь вы Богу-Господу,
Не сгубляйте красу дѣвичью.
Мало я-то у васъ, желанные,
Пожила, покрасовалася,
Со подружкамъ поводилася,
Мало я у васъ нагулялася,
По темнымъ лѣсамъ дремучимъ,
По полямъ, лугамъ зеленымъ;
Мало я то у васъ порядилася
Въ дорогія платья цвѣтныя.

Когда сватовья и сваты усядутся за столъ, начинаютъ говорить и пропивать. Разговоръ ведется приблизительно такъ:

«Ты, сватьюшка, къ намъ приходила?»

— Приходила.

«Рѣчи наши переводила?»

— Переводила.

«Приходится намъ: ударить по рукамъ, выпить вино, да и слово дать крѣпкое, вѣрное». При этомъ всѣ цѣлуются и поздравляютъ другъ друга, а невеста причитаетъ:

2172.

Не давай, кормилецъ батюшко,
Ты своєю-то слова вѣрнаго,
Не крѣпи-ко меня дѣвицу,
Крѣпко накрѣпко и на вѣки.
Ты не бей-ко рука объ руку,
Не мирися ты съ разлучникомъ.
Не пропивай, кормилецъ батюшко,
За стаканомъ зелена вина,
Ты мою-то красу дѣвичью:
То вино-то изъ слезъ сдѣлано,
Да на слезы сватомъ куплено.
Ужъ какъ мнѣ-то красной дѣвицѣ,
Знать, до сыта будетъ плакаться,
А слезами умыватися.

Сговорки или пропиваеъ бываетъ очень долго: разопьютъ чай и вино, закусятъ, возьмутъ у невѣсты платокъ и кольцо, а затѣмъ сватовья и уходятъ. Народъ же и подруги дѣвушки остаются. Невѣсту приводятъ и сажаютъ въ передній уголъ, за столъ, гдѣ она должна плакать и причитать или вмѣсто ея «выльница», причемъ невѣсту одну или съ выльницей сидищей рядомъ съ нею прикрываютъ большимъ платкомъ, чтобы не видно было лица. За столомъ невѣста причитаетъ:

2173.

Благослови-ка меня, Господи,
Пресвятая мать Богородица!
Благослови, кормилецъ батюшко,
И родимая моя матушка
Мнѣ садится-то, красной дѣвицѣ,
Мнѣ во мѣсто-то во печальное,
Во печальное, да горе-горькое!
Вы, соколки, братцы милые,
И голубушки невѣстуски,
Осердилися, да распрощивалися
На меня, на красну дѣвицу;
Вы пропили меня, желанные,
За стакаеъ за зелена вина!
Знать, не слуга я была, не работница,
Не посылочка была для васъ скорая,
Обносила васъ, желанные,
Обносила платьемъ цвѣтнымъ,
Васъ объѣла кускомъ сахарнымъ.

Всѣ предстоящія и родные плачутъ или говорятъ тихо о доблестяхъ невѣсты, называя ее: смиреницей и руководницей. Невѣста, свои причитанья обращаетъ къ стоящимъ и сидящимъ около ея подругамъ дѣвицамъ, однимъ изъ слѣдующихъ причетовъ:

2174.

Вы, голубушки подруженьки,
Вы лебедушки да бѣлыя,
Вы сосѣдушки болѣзныя,
Что вы долго спаряжались,
Иль посылу дожидались?
Мнѣ послать-то было некого,
Мнѣ самой-то идти не время:
Мнѣ подрѣзали скоры ноженъки.
Не пришли, знать, вы за спесію,
Да за гордостью великою!
Не за спесью, не за гордостью,

А за дѣломъ за домовнемъ.
Не прощѣвайтесь, подруженьки
И сосѣдушки болѣзныя,
Что не вышла, васъ не встрѣтила
Среди улицы широкия,
Среди мостика калиноваго,
Середь дѣсники брусовыя,
Не становилась я, красна дѣвица,
Супротивъ креста поклоннова,
Что поклоннаго, да богомольнаго,
Среди креста дороженьки,
Среди поляныя проѣзжія.
Не смогу встать—приподнятися
Я отъ лавочки-то отъ дубовыя,
Отъ опушки-то отъ кленовыя,—
Скоры ноженъки-то подогнулись,
Бѣлы рученьки-то опустилися,
Ретиво-то сердце испугалось,—
Испугалъ кормилецъ батюшко
И родимая-то моя матушка,—
Испугали меня дѣвицу,
Что чужой злодѣйкой стороной,
И злодѣемъ злымъ чужимъ людемъ,
И дороднымъ добрымъ молодецмъ.

Послѣ причитанія, подруги и сосѣдки начинаютъ уговаривать, чтобы сберегла себя непадрывалась, а затѣмъ прощаются и расходятся. Невѣста оставшись одна или съ задушевною подругой, уходитъ на постель, полатн или печь,—предается тамъ думамъ, отъ которыхъ у нея текутъ горючія слезы. Во все время, когда «сговоренка», просватана до вѣнца, родные ее не заставляютъ дѣлать никакого дѣла. Послѣ сговорокъ каждый день навѣста садится за столъ и плачетъ, причитая разные причеты, которые очень разнообразны. Если входитъ кто нибудь изъ подругъ или сосѣдей, родныхъ, то невѣста и причитаетъ, пачивая: «Что вы долго такъ замѣшкались мои, подруженьки задушевные». или: «Ты болѣзная моя тѣтушка, не придешь ты, не провѣдаешь, меня-то-ли, горюшу горе-горькую». Подруги, почти во все время у «сговоренки» шьютъ приданое, какъ-то: бѣлье и платья.

II.

Рукобитье.

Въ назначенное время, за педѣлю, или для за три—четыре до брака, бываетъ рукобитье. Это первое веселіе—пированіе у невѣсты. Сватъ или сватья съ отцомъ и матерью жениха, въ со-

провождениі родственниковъ, ѣдутъ или идутъ къ отцу и матери невѣсты въ домъ, для пированья на рукобитыѣ. Входятъ въ домъ, молятся Богу, здороваются съ хозяевами, иногда говорятъ: «пришли мы гости, хоша и видавые, да незваные, а обычныя дѣла совершати, просимъ насъ приимати—не брезговати». Пришедшіе по приглашенію хозяина садятся за столъ, покрытый скатертью. На немъ стоятъ на тарелкѣ пирогъ—сгибень¹⁾ и соль. Отецъ невѣсты зажигаетъ передъ образомъ свѣчу, и всѣ въ избѣ встаютъ, а двери запираютъ на крючекъ: крѣпко соблюдается примѣта: чтобы посторонній не пришелъ и не взглянулъ—худымъ глазомъ, дѣла важнаго. Молятся. Потомъ свать или сватья черезъ столъ, а иногда и у стоящихъ одинъ противъ другого сватовъ, беретъ правыя руки—рука въ руку и, взявъ съ стола пирогъ, которымъ обводитъ вокругъ рукъ сватовъ три раза говоритъ: «Дѣло-то сдѣлаю, хлѣбомъ-солью укрѣплено, на вѣки и на вѣки-аминь. Надъ руками пирогъ разламываетъ, а потомъ одну половину отдаетъ отцу жениха, а другую отцу невѣсты. Послѣ излома пирога, сватовъ иногда мѣряютъ, чья половина болѣе правая или лѣвая, правая жениха, а лѣвая невѣсты. Есть примѣта: если которая половина больше, то у того больше силы, счастья, здоровья, долголѣтія и богатства. Переломленный пирогъ долженъ храниться у жениха и невѣсты до дня брака, а послѣ вѣчанія, повобрачные должны съѣсть его прежде всего; но ѣсть пирогъ надо жениху невѣстину половину, а невѣстѣ женихову. Сваты при этомъ паходится и говорятъ: «ѣшьте милые, во славу Божию, во любовь вѣчную, безконечную, яко же едино тѣсто въ пирогѣ, такожде и ваша плоть во единѣ до скопчанія вѣва, неба и земли—аминь». Послѣ переломленія пирога сватовъ садятся за столъ, начинается угощеніе. Во время переломленія пирога невѣсту проводятъ подъ платкомъ, садятъ у печки или у перегородки на лавку, а подруги около нее стоятъ или сидятъ. Если невѣста сама не очень гораздо причитать, въ такомъ случаѣ зовутъ «выльпицу», которая и расцѣваетъ причеты, а невѣста только рыдаетъ или охаетъ. Причеты во время рукобитья бывають нижеслѣдующія:

2175.

Благослови-ка меня, Господи,
Пресвятая Мать-Богородица,
Повыть-то мнѣ, поплакати,

¹⁾ «Сгибень и сибень — пирогъ, обычно согнутый, сложенный вдвое, съ кашей, либо съ ягодами». Сл. Д.

Зычну голосу повыпести,
Слезъ горючіехъ повыронить,
Лицо бѣлое повымочить,
Ретиво сердце повытерзати,
Платье цвѣтное повырудати!²⁾
Голоса-то у меня молодой-младехоньки—
Голоса-то заунывные,
Ретиву сердцу докучные,
А причеты все нескладные.

Невѣста обращается къ отцу, матери, братьямъ и невѣсткамъ, пирующимъ за столомъ.

2176.

Ты послушай-ко, кормилецъ батюшко,
И родимая ты моя матушка,
И соколы да братцы милые,
И голубушки невѣстущки.
Я о чемъ буду рассказывать,
Честью, лестью наказывать,
Попизехонько вамъ буду кланяться,
Горючимъ слезамъ заливатися.

Невѣсту, подруги подводятъ къ отцу, матери и роднымъ, она имъ кланяется въ ноги рыдаетъ. Всѣ поднимая се плачутъ. Потомъ невѣсту опять отводятъ на прежнее мѣсто, а она начинаетъ причитать:

2177.

Ну, Господь же съ тобой, батюшко,
И родимая моя матушка,
И соколики, братцы желанные,
И голубушки невѣстущки!
Не послушались наказу крѣпкаго:
Запоручили вы красну дѣвицу,
За поруки-то за крѣпкія,
За письма-то вѣковѣчныя.
Вы почто такъ разсердились,
Разсердились, распротѣвались?
Запрошу я, красна дѣвица,
У тебя родимый батюшко,—
Я себѣ беру приданое:
Города всѣ съ пригородками,
Всѣ лѣса съ полями чистыми,
Всѣ ключи съ водами чистыми,
Да и рѣченъки-то быстрыя.
Ты подумаль-бы, кормилецъ батюшко,
Я слуга-то была тебѣ и работница,
Я въ семьѣ была покорная,

²⁾ Порудать—затаскать, обносить. Авт.

На работушки дотошная.
Имя честно не безславля,
Красу дѣвичью не винула.
А ты ждалъ мнѣ, кормилецъ батюшко,
Съ умомъ-разумомъ собратися,
Со подружками сверстатися.
Я въ чужихъ людяхъ, младѣхонька,
Отъ работушки замаюся;
За столбомъ я потихохоньку
Отъ чужихъ людей наплачуся.
Ужъ какъ этимъ ли чужимъ людямъ,
Мои слезы сладкимъ кажутся,
Мое горе—имъ весельецо,
Мнѣ кручинушка—имъ радости.

Послѣ этого причитающа, невѣста съ причетами
обращается къ подругамъ:

2178.

Вы подруженьки, вы голубушки,
Задумевныя-то вы сударушки,
Что я, вамъ буду наказывать:
Вы пойдете на гуляньецо,
На гулянье на веселое,—
Меня вспомните, голубушки!
Вы пойдете въ лѣса темные,
Во болотечка во мховыя,
Собирать грибки и ягоды,—
Меня вспомните сердечныя!
Вы пойдете въ пору праздную,
Выводить хороводы веселые,
И игры играть затѣйныя,—
Меня вспомните, болѣзныя!
Вы пойдете во чисты поля,
Въ зелены дуга весенніе,
Работать работы страдныя,—
Вспомните меня, милыя!
На чужой я на сторонущей,
Какъ живу я у чужихъ людей.
Вспомните отъ радѣнъца.
Когда я-то растоскуюся,
Я приду къ вамъ, васъ провѣдаю,
Про свою вамъ жизнь повѣдаю.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Помехонскаго края,
рукобитье бываетъ у жениха; по такіа обычаи
встрѣчаются рѣже. Въ такомъ случаѣ порядокъ
обряда идетъ такъ же, по отецъ жениха, угоща-
етъ на рукобитѣ—отца, мать и родныхъ невѣсты.
Женихъ находится при рукобитѣ и угощаетъ
гостей. Когда отецъ, мать и родные невѣсты соби-
раются на рукобитье, то невѣста провожаетъ
ихъ съ слѣдующими причетами:

2179.

Вы пойдете мои родимые,
На злодѣйку чужу сторону,
На злодѣйку незнакомую,
Не садитесь, мои желанные,
За столы-то за дубовые
И за скатерти-то самобранныя,
Не сдавайтесь на слова сладкія,
На поклоны ихъ на низкіе,—
Ихъ поклоны-то покупленныя,
А слова-то все заученныя.
Питья, яства въ долгъ понабрали,
Платя цвѣтны въ прокатъ завяты.
Не давайте, кормилецъ батюшко,
И родимая моя матушка,
Не давайте руки правыя
Черезъ столы-то, черезъ дубовые,
Черезъ скатерти самобранныя;
Не за поручайте меня дѣвцу
За поруки вы за крѣпкія,
Что за крѣпкія-то вѣковѣчныя;
Чтобы мнѣ, молодой, не плакаться,
Съ вамъ, желаннымъ, не разетатися.

Потомъ невѣста обращается съ причетами къ
невѣстѣ:

2180.

Ты послушай-ко, моя невѣстушка,
Разлюбезная голубушка,
Я о чемъ тебя просить буду:
Попримѣть, моя сударушка,
Ты злодѣйку чужу сторону,
И злодѣевъ всехъ чужихъ людей,
И дородна добра молодца:
Онъ не пьетъ-ли пива пьянаго,
До увалу—зелена вина?

Все родные прощаются съ невѣстой—сгово-
репной, и уѣзжаютъ на рукобитье. Когда же воз-
вращаются съ рукобитья, то невѣста встрѣчаетъ
ихъ нижеслѣдующими причетами:

2181.

Не послушались, мои желанные,
Моего наказу крѣпкаго,
И не сжалились на мои слезы,
Вы на слезы-то горючія,
Запоручили вы дѣвью красу,
За поруки-то за крѣпкія,

И за письма вѣковѣчныя.
Знать, не слуга я была, не работница,
Не посплочка была скорая,
Ваше имя я безчестила?

Послѣ этого, общаго причитанія, невѣста
обращается съ слѣдующимъ причитаніемъ къ
невѣсткѣ:

2182.

Ты голубушка, невѣстуха,
Ты сударушка моя, бѣдѣзна,
Что запримѣтила ты, голубушка,
На чужой-то на сторонушкѣ?
Что по этой-то незнакомой мнѣ,
Каковы тамъ чужіи люди,
И дородный добрый молодець?
Онъ не пьетъ-ли нива пьянаго,
До увалу—зелена вина?
Ты скажи моя бѣдѣзна,
Ничего не опасаячи,
Всея пряды неутаючи?

Послѣ этого причитанія, невѣстка садится
рядомъ съ невѣстой, и въ свою очередь начина-
етъ отвѣчать невѣстѣ слѣдующимъ причитаніемъ:

2183.

Ты родимая моя золовушка!
Я скажу-то правду-истину,
Ничего-то не утаючи,
Никого не опасаячи:
Я примѣтила чужихъ людей,
И дородна добра молодца.
Что они-то все чужіи-люди:
Люди добрые, смиренныя,
Роду честнова, богатова,
Будто яхонтецъ катается,
Ходить поломъ—улыбается,
Будто лебедь—лицо бѣлое,
Очи ясны, какъ у сокола;
Шлетъ тебѣ свои подарочки:
Перстенецъ съ руки золоченый,
Шелковой платокъ со цвѣтками.
Пива пьянаго и въ ротъ не взялъ,
Въ руки бѣлы зелена вина.

Послѣ причитаній, родные много говорятъ и
утѣшаютъ невѣсту, предсказывая хорошее житье.

Послѣ рукобитія, время проходитъ до дѣвишника,
въ разныхъ мѣстностяхъ Помѣхонскаго уѣзда,
очень разнообразно: въ одномъ мѣстѣ женихъ
посѣщаетъ невѣсту ежедневно, а въ нѣкото-
рыхъ мѣстахъ рѣдко, въ однихъ мѣстахъ невѣста
при встрѣчѣ жениха, а также и во все время его
пробыванія не показываетъ лица, сидитъ подъ
платкомъ и причитаетъ, по ее окружаютъ по-
други-дѣвицы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невѣста
встрѣчаетъ жениха, угощаетъ чаемъ, сидитъ за
столомъ, а женихъ приноситъ подарки и закуски,
гостинцы: орѣхи, пряники и конфеты. Дѣвушки
послѣ чая поютъ пѣсни бесѣдныя, которыя по-
мѣщаются въ другомъ отдѣлѣ нашего сборника.
Все такіа посѣщенія женихомъ невѣсты назы-
ваются: «побывашки», «поцѣлуй» и «прощанки». Такъ
продолжаются посѣщенія жениха до дѣвишника,
въ которомъ торжество превосходитъ все посѣ-
щенія, потому что это послѣдній день дѣвичья
жизни-бытия.

III.

Дѣвишникъ.

Дѣвишникъ бываетъ въ нашихъ краяхъ въ
послѣдній день или вечеръ предъ свадьбою. Къ
невѣстѣ, на дѣвишникъ, сходятся подружки, даже
пріѣзжаютъ родныя и знакомыя изъ другихъ се-
леній. Ранѣе жениха и прочихъ гостей пріѣзжа-
етъ отъ жениха сваха съ сундукомъ или коро-
бомъ, въ которомъ пахотятся разныя подарки
невѣстѣ, а также гостинцы, для невѣсты и по-
другъ, послѣдними она одѣваетъ дѣвушекъ, дѣ-
тей и прочихъ зрителей, которыя пришли посмо-
трѣть на дѣвишникъ. Невѣста во все время сво-
ихъ причитаній должна сидѣть за столомъ подъ
платкомъ, съ закрытымъ лицомъ; когда же она
незакрѣпая и не причитаетъ, то она встрѣчаетъ
жениха, одѣтая въ лучшее платье. Какъ въ
первомъ, такъ и въ другомъ случаѣ дѣвушки
поютъ пѣсни. Веселіе бываетъ и во время
причитанія невѣсты. Въ послѣднее время въ
рѣдкихъ случаяхъ и мѣстахъ можно увидать
старые обряды и обычаи свадебные, а потому мы
и придерживаемся обычая свадебныхъ прошед-
шаго времени. Прежде всего невѣста обращается
съ причетами къ подругамъ:

2184.

Не въ саду я загулялася,
Не на вишнѣ засмотрѣлася:
Засмотрѣлася я, дѣвица,

Заглядѣлася я, красная,
 Что на вась, мой подруженьки,
 Что на вась, мой голубушки.
 Вы сидите всѣ веселыя,
 На своихъ мѣстахъ на радостныхъ,
 Вы срядились срядвѣхонько,
 Платье цвѣтно на вась новое,
 И головушки причесапы,
 Въ косахъ лепточкы вилетеныя.
 А вотъ я-то, красна дѣвица,
 Снжу въ мѣстѣ во печальномъ;
 У меня платье измятое,
 У меня буйна головушка,
 Порастрепана, печесана,
 Въ косу лента не вплетена,
 Съ красотой на столѣ положена;
 Вы сидите расцѣваете,
 А я плачу горе-горькая!

Потомъ плачущая невѣста обращается къ красотѣ, которая положена предъ ней на столѣ. Красотою называется повязка изъ парчи, съ подушечками и лентами; эту повязку носятъ (посили прежде) дѣвушки въ праздничное время на гуляньяхъ и въ хороводахъ. Прощаніе съ красотой въ дѣвичникѣ, «спусканіе красоты» предъ вѣнцомъ, — одна изъ трогательнѣйшихъ картинокъ въ свадьбѣ, да и причитанія съ ихъ грустнымъ и поэтически-художественнымъ мотивомъ вызываетъ невольную грусть и слезы. Мы вписываемъ только тѣ причитанія, которые намъ показались болѣе совершенными. Причитаній свадебныхъ много и разнообразны въ варіантахъ. Вотъ одно изъ причитаній невѣсты, обращенное къ красотѣ:

2185.

Ты прости-ко, краса дѣвичья!
 Я на вѣкъ съ тобой разстануся,
 Молодехонька наплачуся.
 Опущу я тебя, красота,
 Опущу тебя со лепточкамъ,
 Во поля, въ дуга широкіе,
 Во лѣса, въ боры дремучіе,
 На быстрые рѣки текучія.
 Погляжу я, красна дѣвица,
 Погляжу на свою красоту,
 Вкругъ чего она обвилася:
 Вкругъ осинушки-ли горькія,
 Вкругъ березоньки-ли бѣлыя,
 Аль вкругъ яблоньки кудрявыя?
 Если ты обвилась, красота,
 Вкругъ осинушки-то горькія, —

Мнѣ житье-то будетъ горькое,
 Мнѣ замужье, красной дѣвицѣ,
 Не хорошее, печальное.
 Если ты обвилась, красота,
 Вкругъ березоньки-то бѣлыя, —
 Мнѣ житье-то будетъ ровное,
 Житье будетъ долговѣчное.
 Если ты обвилась, красота,
 Вокругъ яблоньки кудрявыя, —
 Мнѣ житье будетъ хорошее,
 Развеселое, богатое (счастливое).
 Я возьму тебя-ли, красота,
 На свои на руки бѣлыя,
 Отнесу я тебя, красота,
 Во дуга наши зеленые,
 Положу я тебя, красота,
 На шелковую на травушку,
 На высокую, зеленую;
 Какъ придуть-то люди добрые,
 Въ лѣто тѣплое и красное,
 Во дуга съ косами вострыми,
 Что найдуть-то тебя, красота,
 И возмутъ на руки бѣлыя,
 Вотъ какъ скажутъ: чья-то красота,
 Не на мѣстечкѣ положена,
 Хоть и бережно попошена,
 Тутъ не мѣсто тебѣ, красота,
 Тутъ не мѣсто красоватися!
 Я отдамъ же тебя, красота,
 Что голубушкѣ, милой сестрѣ,
 Поклонюся ей низехонько:
 «Ты возьми, возьми, мила сестра,
 Покрасуйся въ моей красотѣ.
 Ты прости-ко, моя красота,
 Я въ тебѣ покрасовалася,
 Берегла тебя, дѣлѣла
 И отъ солнышка отъ краснаго,
 И отъ вихря—вѣтру буйнаго,
 И отъ дождичка, отъ частаго;
 Ты дороже мнѣ казалася
 Золотой казны разсыпчатой,
 Свѣтлѣй яснаго ты мѣсяца,
 Ярче солнышка ты краснаго.

Сестра, или одна изъ подругъ невѣсты, беретъ со стола «красоту» и уноситъ. Дѣвушки послѣ причитанія поютъ слѣдующія пѣсни:

2186.

При вечерѣ, было вечерѣ,
 При послѣднемъ было вечерѣ.
 (Каждый стихъ повторяется).

У Авдотьи на дѣвичникѣ
Чечевичку дѣвчи варили,
На окошко студить ставили.
Прилеталъ тутъ младъ-ясенъ-соколъ, —
То Иванъ-то свѣтъ Ивановичъ!
Онъ садился на окошечко,
На узорчату подзорнику.
Что нѣкто-то ясна сокола
На окошкѣ не усматривалъ:
Увидала ясна сокола,
Авдотьяна матушка:
«Дорогое мое дитяtko,
Ты Авдотьюшка Васильевна!
Приласкай-ка ясна сокола.»
— «Ты, родимая моя матушка!
Я бы рада приголубила:
Онъ разлука мнѣ великая,
Разлучаетъ съ тобой матушка,
Разлучаетъ съ родомъ-племенемъ
И съ голубками подружками.»

2187.

Цвѣты моц цвѣтики,
Голубые васильковны!
Я немного васъ посылала,
Очень много уродилось.
Много было подругъ дѣвушекъ,
Да одна у насъ измѣнщица,
Авдотья лицемѣрщица,
Говорила, что замужъ не пойду:
«Не иду, не иду, не подумаю!
Въ монастырь пойду, въ мапашенки,
Васъ, подруженьки, съ собой возьму,
А сама буду пугуменьей.»
А теперь-то замужъ идешь, —
Не сдержала слово крѣпкое.

2188.

Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
По низѣхоньку кланялась
Своему-то брату милому,
Ивану Васильичу:
Ты соколъ мой, братецъ миленькой,
«Ты запри крѣпко воротечки
Тремя замками нѣмецкими,
Да запорами дубовыми,
Моему чтобы разлучнику
Ивану Иваничу,
Чтобъ за мной сюда не вѣхати,

На широкій дворъ на батюшкинъ.»
Какъ возговорить Иванъ-то молодецъ,
Какъ возговорить Ивановичъ:
«Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь, душа Васильевна!
Привезу я съ собой слесаря,
Изъ нѣмецкой земли мастера:
Отопретъ замки нѣмецкіе,
Всѣ запоры ваши крѣпкіе.»
Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
По низѣхоньку кланялась,
Говорила рѣчь милой сестрѣ:
«Ты голубушка, мила сестра,
Заплети, мнѣ русу косынку,
И увей мнѣ крѣпче золотомъ,
Моему чтобы разлучнику
Не расплестъ было русой косы.»
— «Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь, душа Васильевна!
Привезу я съ собой свахоньку,
Расплетать твою русу косу,
Разовьѣтъ всё съ косы золото.»

Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
По низѣхоньку кланялась
Подружкамъ голубушкамъ:
«Вы, голубушки-подруженьки,
Вы улейте-ка круту гору,
Чтобъ нельзя было разлучнику
За мной вѣхати на круту гору.»
— «Ты не плачь, не плачь Авдотьюшка,
Ты не плачь, душа Васильевна!
Я оставлю копей подъ горой,
А нѣшкомъ взойду на круту гору
Со друзьями, со товарищами,
И возьму за руки бѣлыя,
Поведу тебя подъ златъ вѣнецъ.»

2189.

Возлѣ рѣченъки на бережѣ,
Тутъ стояла нова свѣтлица,
А во этой новой свѣтлицѣ
Сидитъ дѣвица покрытая,
Печальная, да сговорѣная.
Собирались къ ней подруженьки,
На дѣвичникъ на дѣвическій.
«Ты подруженька голубушка,
Свѣтъ Васильевна Авдотьюшка!
Намъ съ тобой больше не гуливать,
Хороводовъ не вываживать,
Рѣчей тайныхъ не говаривать.

Во лѣса пойдемъ во темныя
Собирать грибки да ягодки,
Вспоманемъ тебя, голубушку.»

Когда сваха отдаетъ подарки и гостинцы не-
вѣстѣ и подругамъ, а также одѣляетъ и предсто-
ящихъ сосѣдокъ и дѣтей, дѣвушки поютъ слѣду-
ющую пѣсню:

2190.

Вечеромъ позднымъ-позднѣхонько
Къ Авдотьицу отцу, къ матери,
Приходила сваха-сводница,
Постучалась подъ окошечкомъ,
Вызвала мать Авдотьицу,
Ей хвалила чужу сторону:
«На чужой дальней сторонущкѣ
Поля сахаромъ засѣяны,
Виноградомъ огорожены,
Мѣдомъ-сытою поливаны,
Середь поля стоитъ горница,
Ровно свѣтлая-то свѣтлица,
Три окошечка косячаты
И карнизики узорчаты.»
— «Соврала ты сваха—сводница!
На чужой дальней сторонущкѣ
Кто живаль, такъ всё извѣдываль:
Тамъ поля горемъ засѣяны,
Да кручиной огорожены,
Горючимъ слезамъ поливаны,—
Середь поля стоитъ килейка,
Какъ конурка—развалилася;
Въ ней одно окно разбитое.
Околѣть бы тебѣ, свахонька,
Безъ родной семьи, безъ сродниновъ,
На тотъ свѣтъ идти безъ савана,
И безъ гроба бы валитися!
Повезли бы сваху-сводницу,
Во лѣса-то во дремучіе,
Да во грязь во тоучіе,
Посвалили-бъ сваху-сводницу,
Не въ могилу—поверхъ матушки
Спрый земли валитися!»

Сваха раздѣливши гостинцы, размахивая ру-
ками и качая головой, говоритъ: «Ну-у, дѣвоныи!
за такую пѣсенку, не стоило-бы вамъ и гостин-
цовъ давать».

По окончаніи дѣвишника, женихъ уѣзжаетъ со
своими гостями, а народъ расходится. Невѣста
окруженная подругами, выходитъ изъ избы, идетъ
по селенію, реветъ «толстымъ голосомъ», и, оста-

повясь подъ окнами, гдѣ живутъ ея родные, при-
читаетъ:

2191.

Чьи это хоромы,
Чьи это высокія?
Въ нихъ живетъ-то
Родной дядюшка
Со болѣзною со тетушкой.—
Вы простите молодѣхоньку,
Въ чемъ сгубила, васъ прощѣвала.

Изъ дому выходятъ дядя и тетка съ плачемъ
на взрыдъ, и, обхвативъ невѣсту, даютъ ей денегъ,
кто сколько при себѣ имѣетъ: гривенникъ, пято-
чекъ,—даже семитку и копѣйку. И такимъ обра-
зомъ невѣста обходитъ всѣхъ родственниковъ,
повторяя тотъ же причетъ, затѣмъ возвращается
домой, но если невѣста изъ села, то она отпра-
вляется на кладбище прощаться съ умершими
родными и тамъ припадая къ могилѣ, причитаетъ¹⁾.

IV.

День брака.

Утромъ рано, къ невѣстѣ приходятъ дѣвицы-
подруги, чтобы собрать ее къ вѣнцу. Въ домѣ
приготавливаются къ пированью брачному, потому
что отъ вѣнца всѣ поѣзжане съ новобрачными
пріѣзжаютъ для пированія въ домъ невѣсты, а
отпировавъ, уѣзжаютъ ночевать первую ночь къ
жениху, на другой же день у жениха бываетъ
княжій столъ. Если же отъ вѣнца привозятъ по-
вобрачныхъ въ домъ жениха, то у невѣсты стола
не бываетъ и свадьба ограничивается однимъ
княжимъ столомъ. Какъ о первомъ, такъ и о вто-
ромъ обычай свадебномъ скажемъ далѣе. Подруги
невѣсты, собравши невѣсту къ вѣнцу, усажива-
ютъ ее на лавку, на которой постигается шуба
къ верху волосомъ,—примѣта сидѣть на волосѣ
шубы—жить богато, а также, чтобы не могли
злые люди испортить молодыхъ. Невѣста сидитъ
за столомъ, покрыта платкомъ, а столы покрыты
скатертью бѣлой съ поставленными на нихъ пиро-
гами. Невѣста, дѣвушки и родные, сидя за столомъ,
ожидаютъ пріѣзда друзей, жениха и прочихъ
поѣзжанъ—«новой родни», которые должны прі-
ѣхать взять невѣсту и увести къ вѣнцу. Въ избѣ

¹⁾ Этого рода причитаній невѣсты нашъ авторъ,
къ сожалѣнію, не приводитъ, хотя въ текстѣ онъ
о нихъ упоминаетъ. III.

въ это время бываетъ очень много народа, который желаетъ видѣть: какъ придутъ за невестой, какъ ее будутъ выкупать, благословлять и провожать къ вѣнцу. Причитанья невесты бываютъ разнообразны и многочисленны во время *сряжанія* къ вѣнцу. Въ некоторыхъ мѣстностяхъ, собирая къ вѣнцу невесту, предохраняютъ ее: отъ лихихъ людей, отъ «порчи», болѣзни и проч. слѣдующими способами, какъ-то: «ноги патираютъ, или всыпаютъ въ чулки *колотина*», въ платье втыкаютъ безголовыя булавы, безухія пглы, осыпаютъ хмѣлемъ, обвертываютъ тѣло мережками. Жениха, идущаго къ вѣнцу, также охраняютъ, — даже кладутъ ему въ карманъ пожикъ, а невестѣ ножницы. Платье какъ у жениха, такъ и у невесты, должно быть новое и лучшее. Вотъ некоторые причитанья невесты въ день брака, до вѣнчанія:

2192.

Вѣтры буйные, разбушуйтеся,
Заметите путь-дороженьку,
Не пройди-бы, не проѣхати,
Что за мной молодой, чужимъ людямъ!
Затворитесь, воротечка,
Вы широки, крѣпко-накрѣпо.
Ты закройся, красно солнышко,
Разбушуйся туча грозная,
Туча грозная да громовитая, —
Напустися ночью темною,
Разсыпайся, крупный дождичекъ,
Разведи ты путь-дороженьку,
Не пройди бы, не проѣхати
Ко мнѣ здѣмъ чужимъ людямъ!

Ты послушай, соколъ милый братъ,
Я объ чемъ тебя просить буду:
Ты сходи-ко соколъ милый братъ,
Во поля, въ дуга во чистые,
Во лѣса-то во дремучіе,
Во дубравушки зеленныя,
Гдѣ сырой боръ съ вѣтромъ спорится,
Тамъ всѣ звѣри люты водятся.
Ты поймай-ка звѣря лютаго,
Звѣря лютаго, идучаго,
Изо рта его — огонь пламенемъ,
Изъ ушей его дымъ столбомъ валить,
Изъ очей его искры сыплются.
Привези ты мнѣ звѣря лютаго,
Привяжи его къ двору батюшки:
Какъ подъѣдутъ-то злы чужіи люди
Къ широку двору ко красному, —
Онъ звѣря-то испугаются,

Отъ мени, молодой, прочь отступятся.
Я еще бы покрасовалася
У кормильца моего батюшки,
У родимыя у матушки,
У сокольниковъ братцевъ милыхъ,
У голубушекъ новѣстусекъ.

2193.

Мнѣ прошедшу тѣмну ноченьку
Не спалось красной дѣвицѣ,
Во просонкахъ много видѣлось:
Будто я-то, красна дѣвица,
Выходила рано въ улицу,
Гдѣ заря-то занимается,
Красно солнце гдѣ красуется.
Тамъ узнала васъ, подруженьки!
Мнѣ навстрѣчу — злы чужіи люди,
Подзывали, силой забрали,
Полономъ-то заплотили,
Увели въ лѣса во темные,
Тамъ мнѣ страшно показалось,
И я съ плачемъ просыпалася.
А другое мнѣ привидѣлось:
У моего кормильца батюшка
Развалилася хоромина,
Середь улицы разсыпалася,
Брѣвна врозь всѣ раскатилися,
Угли прочь поотвалилися.
На трубѣ сидитъ да гаркаетъ
Черный воронъ громкимъ голосомъ;
А па ясно красно солнышко
Тучи темныя подвинулися,
Грянулъ громъ, сверкнула молочья...
Я проснулась, испугалася.¹⁾

Во время причитанія невесты изба бываетъ переполнена пародомъ, который слушаетъ причитанія невесты и поджидаетъ пріѣзда «новой родни — сватовъ» за невестой. Вотъ и слышится говоръ въ народѣ: «Дружка подъѣхалъ ко двору». — Невѣстникъ отецъ долженъ выйти на улицу, встрѣтить дружку «съ поѣздомъ», пріѣхавшимъ за его дочерью, и пригласить въ домъ, при этомъ бываетъ и женихъ. Если онъ беретъ невесту въ другую деревню, въ такомъ случаѣ сосѣди загромождаютъ дорогу, и дружка обязанъ дать имъ, вина, пива и закуски: пироговъ и пряженцовъ. У дому ворота или калитку также затворяютъ: и дружка стучитъ, говоря:

¹⁾ Причитанія невесты много разныхъ по мысли и вариантамъ, а потому и вписутся въ особую статью. С. Дер.

— Господи, Иисусе Христе! (трижды). Есть-ли у этих дверей придверникъ, у воротъ приворотникъ, кто бы намъ эти ворота отворилъ и двери на пяты поставилъ; а пасъ добрыхъ молодцовъ до хозяина допустилъ?

Хозяинъ (отецъ невѣсты) выходитъ растворяя двери, кланяется и пропускаетъ гостей въ избу. Дѣвнцы и предстоящія въ избѣ поютъ пѣсню встрѣчая ей дружку:

2194.

Идетъ дружка пашъ хорошъ,
На лиху болѣсть похожъ!
Друженька хорошенъкій,
Друженька пригоженькій!
Ну-ка, дружка, поскачи,
Вытряхай-ка калачи!
Друженька хорошенъкій,
Друженька пригоженькій!
На тебѣ, дружка, кафтанъ,
Весь по питочкѣ собранъ!
Друженька хорошенъкій,
Друженька пригоженькій!
На тебѣ, дружка, камзолъ,
Съ позолотою узоръ!
Друженька хорошенъкій,
Друженька пригоженькій!
На тебѣ, дружка, штаны,
Черны бархаты!
Друженька хорошенъкій,
Друженька пригоженькій!
Какъ на дружкѣ-то чулки,
Былы шелковы!
Друженька хорошенъкій,
Друженька пригоженькій!
Какъ на дружкѣ сапоги, —
Пряжки свѣтленькія!
Друженька хорошенъкій,
Друженька пригоженькій!
Дружки шляпа со перомъ,
Позументы серебромъ!
Друженька хорошенъкій,
Друженька пригоженькій!
Если дружка хочетъ въ рай,
То съ намъ вмѣстѣ полезай!
Друженька хорошенъкій,
Друженька пригоженькій!
Какъ у насъ дружкѣ въ раю,
Вино съ кланницею!
Друженька хорошенъкій,
Друженька пригоженькій!

У насъ пиво на столѣ,
И пироги на столѣ!
Друженька хорошенъкій,
Друженька пригоженькій!

Дружка низко кланяется и говоритъ: за такую пѣсенку надо и благодарность воздать. Подаетъ вина и пива съ закускою, а потомъ топаетъ ногой и говоритъ:

— Въѣхалъ я, сватушко, къ тебѣ на широкій дворъ, поставилъ я копей среди широка двора, приказывать я объ нихъ никому не приказывалъ, привязывать я ихъ—не привязывалъ. Нельзя-ли къ монѣтѣ копейки сторожа приставить, чтобъ спросить было съ кого?

— Будьте, друженька, покойны! ослаетесь нами довольны, а добрыя кони будутъ сохранны.

Дружка начинаетъ говорить разныя приговоры, вотъ нѣкоторые:

Пришелъ я, дружка легкая пошка, удаля головка, въ теплую хату къ любезному брату, пошку поставилъ за порогъ, другую чуть пероводокъ,—пошкой топнулъ, дверью хлопнулъ, половнички гнутся, хозяйка къ печкѣ жмутся. Возшелъ я, дружка, помолился, добрымъ людямъ поклонился. Здравствуй, добрые люди и всѣ, что есть въ избѣ! Сватушка и сватьюшка, всѣ-ли вы здоровы?—Наши сватъ и сватьюшка остались здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ дружка кланяюсь!

Отправивши поклонъ, т. е. челобитье свату съ сватьей, дружка обращается къ народу, стоящему въ избѣ, и говоритъ:

— Здравствуй, добрые молодцы, удалыя головы, широкія бороды! Всѣ-ли вы здоровы?—Наши молодцы остались здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ, дружка, кланяюсь. Есть у меня наговорецъ про васъ, да не смѣю разсказать при васъ, а если лъзя, да можно, оставлю свои зарокы, разскажу ваши пороки: на васъ кафтаны очень изорваны, четыре полы, а бока голы.

— Здравствуй, красныя дѣвнцы, перожныя мастерицы, горшечныя пагубницы! Всѣ-ли вы здоровы?—Наши дѣвнцы, всѣ здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ, дружка, кланяюсь. Есть у меня наговорецъ про васъ, да не смѣю разсказать при васъ; если лъзя, да можно, оставлю свои зарокы, разскажу ваши пороки: полно вамъ по криничкамъ ходить, сметанку спикать, колобки мѣсить, молодцовъ кормить.

— Здравствуй, молодцы молодушки, покрытая головушки! Всѣ-ли вы здоровы?—Наши молодцы всѣ здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ, дружка, кланяюсь. Есть у меня на-

говорецъ про васъ, да не смѣю разсказать при васъ; если лъзя, да можно, оставлю свои зарокѣ, разскажу ваши пороки: полно вамъ съ мужьями шутить, да ихъ въ обманъ вводить.

— Здравствуйте, малѣя ребята, голѣя пузата! Всѣ-ли вы здоровы?—Наши ребята всѣ здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ, дружка, кланяюсь. Есть у меня паговорецъ про васъ, да не смѣю разсказать при васъ, а если лъзя, да можно, оставлю свои зарокѣ, разскажу ваши пороки: вы на полатахъ-то лежите, да намъ въ чашки соелей не папустите: намъ гостямъ моркотно покажется!

Въ толпѣ слышится говоръ: «За такія шутки друженьки надо спѣть!» и ему пѣсенку запѣваютъ:

2195.

Ой, ты друженька—
Рожѣ прищипцю!
Ой, ты друженька—
Зенка¹⁾ скляпницю!
Ой, у друженьки—
Носъ-то врючкомъ!
Ой, у друженьки—
Голова пестомъ!.... и проч.²⁾

Дружка топаеъ погой и говоритъ повелительно: «Но-о! за пѣсню откупъ—уймитесь!» подаетъ денегъ. Обращаясь къ свату или къ пароду онъ говоритъ:

«Гдѣ бы мнѣ своихъ гостей съ пареченымъ зятемъ усадить за столы за дубовые?»

— Мѣста всѣ запяты, попотчуй насъ, друженька услѣдимъ мѣста.

«Эхъ вы, добрые молодцы, умныя головушки, широкія бородушки! О чемъ надобно,—говорите, что надобно—просите, себя, меня и моихъ поѣзжанъ по пусту не томите. Я, дружка, не Романъ, не сдѣлаю обманъ.»

— Мы тебя, друженька, хотимъ съ дружнымъ чипомъ поздравить.

«Извольте, добрые люди, что дапо ѣсть-пить, кушать, да насъ, добрыхъ молодцовъ, послушать.»

Дружка спрашиваетъ у хозяина, а иногда у свахи: какъ бы на мѣста садиться?—Ему говорить, указывая на сидящаго рядомъ съ пѣвѣстой

«продавца мѣста» (брата ея), что онъ мѣста продаетъ и распоряжается этими дѣлами. Дружка обращается къ продавцу и говоритъ:

«Нельзя-ли намъ, добрый молодецъ, свое мѣстечко уступить для жениха, а насъ добрыхъ молодчиковъ на мѣста, за столы дубовые посадить?»

— Я своего мѣста даромъ не уступаю, а продать—продаю.

«Чѣмъ же ты, добрый молодецъ, торгуешь: лисицами или кунницами? или мѣсто княженецкое продаешь?»

— Я торгую всѣмъ: лисицами, кунницами и мѣстомъ княженецкимъ.

«Сколько же тебѣ надобно, и чѣмъ берешь: золотой казной или чѣмъ пнымъ?—У нашего князя пареченнаго всего достаточно.»

— Когда такъ, что я буду спрашивать, то и подавай, да мнѣ отвѣчай.

«Изволь, молодецъ!»

— Дай мнѣ папочинъ рубликовъ семь, чтобы любо было всѣмъ.

Изволь, обирай.

Дружка вынимаетъ на блюдо поставленное на столѣ, на которое и долженъ выкладываться «выкупъ» за мѣста.

«Давай мнѣ, друженька, что свѣтлѣ солнца, краше неба звѣзднаго?»

— Изволь принимать.

Дружка вынимаетъ изъ-за пазухи образъ-икону и подаетъ. Продавецъ принимая икону, крестится и ставитъ икону на полку въ «божницу» въ углу. Надо замѣтить, что дружка ѣдетъ впередъ поѣзда, а потому у него и образъ.

«Давай мнѣ, друженька: самъ пагъ, а рубашка въ запазухѣ?»

— Изволь принимать.

Дружка подаетъ восковую свѣчу.

«Дай мнѣ, друженька: поле яровое, другое ржапое, а третье паренину.»

— Изволь принимать.

Дружка подаетъ: хлѣбъ, пироги и пряженцы.

«Дай мнѣ, друженька: море на пяти столбахъ, въ дремучихъ краяхъ?»

— Изволь принимать.

Дружка подаетъ пиво въ жбанѣ или ендовѣ. Послѣ этого, когда все спрошенное дружкой дапо,—начинаются между продавцемъ и дружкой загадки, которыя очень разнообразны по мѣстнымъ знаніямъ, складамъ и обычаямъ, зависящимъ отъ знанія продавца и дружки. Вотъ нѣкоторыя изъ загадокъ:

«Чѣмъ ты, друженька, впередъ шедъ?»

— Мыслями съ молитвой.

¹⁾ Въ слов. Даля: «зенко, ср. зеница или зенокъ—зорочекъ, зрачекъ» и т. д.

²⁾ Припѣвы дружкѣ разнообразны и многочисленны, а потому ихъ и впишемъ особо. С. Дер.

«Что такое, друженька: великое поле ирланское, много скота астраханского, а один пастырь, двѣ агницы?»

— Поле великое — небо ясное; скотъ астраханскій — звѣзды; пастырь — мѣсяцъ; двѣ агницы — утренняя и вечерняя зори.

«Стоитъ дубъ, въ дубу тина, въ тинѣ сосна, на верху лёнъ?»

— Дубъ — квашня; тина — тѣсто; сосна — мутовка; лёнъ — покрывало — «востонка».

«Вышелъ изъ земли, какъ Адамъ; взведенъ на колесницу, какъ Илья; посаженъ въ огонь, яко Кирякъ; вышелъ изъ ямы, какъ Иосифъ; кто увидитъ всякъ къ себѣ изъ домъ беретъ?»

— Горшокъ.

«Домъ-то тѣпъ-тѣпъ, въ лѣсу-то липъ-липъ, около тироуценки, а въ среднѣ — тирру!»

— Сито.

«Летитъ птица орелъ, несетъ во рту огонь, а на концѣ хвоста смерть?»

— Ружье.

«Два кума Абакума, двѣ бумы Авдоты, пять Фалелсева, десять Андреева?»

— Дровни.

«Раскину я шашни, вziali толстяка?»

— Лошадь въ оглобли вводится.

«Есть штука, собственная своя; люди корыстуются, да не я?»

— Собственное имя.

«На плѣшъ кануль, о плѣшъ хлопнуль, съ плѣши долой?»

— Блинъ.

«Ползунчики ползутъ, бѣгунчики бѣгутъ, рогульчики везутъ, толстяка колотъ хотятъ.»

— Ползунчики — два полоза у дровней; бѣгунчики — лошади; рогульчики — вилы: толстякъ стогъ сѣна.

«Два стоятъ, два лежать, пятый ходитъ, шестой водить?»

— Дверь.

«Поймаю гуся, пушу его въ воду, буду имъ водить, онъ будетъ говорить?»

— Гусь — перо; вода — чернила; водить — писать; говорить — читать.

«Шелъ я, мимо Поповскаго, видѣлъ диво таковское: брюхо-то рѣжутъ, тѣло въ адъ валить, душу-то въ рай тащатъ.»

— Молотъба хлѣба.

Въ народѣ начинается говоръ: «Дока на доку нашелъ. Ну, полно вамъ торговаться, да перекопаться, — уморите стоячи новую-то, паречепную родню. Вѣ-ли у тебя друженька «заговоры», «приговорены»? — «У меня, сударини, мой есть ихъ цѣлое лукошко бездонное, давеча парочно съ собой захватилъ угостить дорогихъ гостей. Коли

хозяинъ позволить, могу вступить съ продавцомъ въ торги: загадка за загадку, кто не отгадетъ, съ того по рублю на столъ для новобрачныхъ князя и княгини, — не пожелаешь-ли, молодецъ?»

— «Ну, иль спрошу, друженьку, въ послѣдній разъ: дай мнѣ, друженька, чего у нашего хозяина въ домѣ пѣтъ?»

Дружка беретъ за руку жениха, подводитъ къ продавцу мѣста; продавецъ беретъ за руку жениха и сажаетъ рядомъ съ невестой. Прочіе поѣзжане-гости выкупаютъ себѣ мѣста за столъ у сидящихъ дѣвушекъ и садятся.

Въ пѣкоторыхъ селеніяхъ нашего края, столъ пачинается у невестина отца до вѣнчанія, что и пазывается: «дѣвкой столуютъ», а въ другихъ селеніяхъ, поѣзжане пріѣзжаютъ и увозятъ невесту, безъ столованья, къ вѣнцу. Если до вѣнчанія столуютъ, тогда невеста въ продолженіи стола-пированья, сидитъ рядомъ съ женихомъ, покрытая платкомъ и продолжаетъ причитать.

За столъ усаживаются слѣдующимъ порядкомъ: близкая женихова родня по старшинству и первенству занимаютъ мѣста за столомъ. Тысяцкій садится въ самый уголь подъ образа. Тысяцкимъ бываетъ: крестный отецъ (божатко) или родной дядя жениха, или старшій его братъ. «Большой баринъ» садится рядомъ съ тысяцкимъ, это дядя жениха или второй братъ; отъ тысяцкаго садится по другую руку второй баринъ — братъ жениха или второй дядя. Рядомъ съ женихомъ садятся родные его, — братъ или двоюродный, именуется: «Братнее мѣсто». Противъ жениха и невесты садится дружка съ «полудружествомъ», а затѣмъ за столъ садятся прочіе поѣзжане-гости, по родству и старшинству въ родѣ. Когда дружка ведетъ разговоръ съ продавцомъ мѣста, невеста причитаетъ:

2196.

Что это родимый батюшко,
Что у тя за пиръ собирается,
Что за гости къ намъ съѣзжаются?
Собираются на пиръ пировать
Злые вороги, чужіи люди, —
То мои съ тобой разлучники.
Говорила я родимому
И въ упросъ-просила, плакала:
«Не пускай къ себѣ разлучниковъ!»
Не послушался, не сжалился,
На меня млада прогнѣвался.
Знать не долго мнѣ осталось
Посидѣть-то здѣсь, поплакать

У родимыя у матушки,
У кормильца родна батюшка,
У соколовъ-то братцовъ милыхъ!

Когда женихъ садится къ невѣстѣ, то она причитаетъ къ нему слѣдующій причетъ:

2197.

Ты садись-ко, добрый молодецъ,
Поплотнѣ со мной рядышкомъ,
Чтобы вѣкъ-то намъ неразлучатися,
Другъ на друга не пенятися.
Ты садись не съ спесью-гордостью,
А садись съ Господней милостью,
Чтобы жить-то намъ не маяться,
А проживши, не спокаяться.

Послѣ этого причитанья къ жениху, невѣста причитаетъ къ каждому поѣзжащину, когда пьютъ вино и пиво. Это и называется причитающими къ «стакапу вина». За эти причитанья каждый долженъ положить невѣстѣ нѣсколько мѣднхъ или серебряныхъ денегъ на блюдо. Причитанье это слѣдующее:

2198.

Ты изволь-ко, сударь тысяцкій,
Изволь выкупать зелена вина,
Зелена вина размычива.
Зелено вино у батюшка
У кормильца для васъ куплено,
А мовмъ слезамъ разбавлено.

Этимъ причетомъ причитаетъ невѣста къ каждому поѣзжащину, только измѣняя названія. Последнѣе причитаніе къ «стакапу вина», невѣста причитаетъ къ жениху слѣдующими словами:

2199.

Ты изволь-ко, добрый молодецъ,
Ты прими-ко, да и выкушай
Стаканъ пива пьянова,
Пиво пьяное размычивое,
Вѣдь оно тебѣ, надеженька,
Слаще сахара покажется,
Виноградиной подкатится
Къ твоему-ли ретиву сердцу.

Женихъ не встаетъ и не беретъ въ руки стаканъ пива, а невѣста начинаетъ опять причитать:

2200.

Ужъ сударь-ли родной батюшко!
Ты приди-ка къ чужу-чуженину,
Поклонись ему, надеженькѣ,
Чтобы выпилъ пива пьянова,
Отъ меня горюши-дѣвицы.

Отецъ невѣсты подходитъ къ столу, кланяется жениху и проситъ выпить стаканъ пива, но женихъ не встаетъ и не беретъ пива. Невѣста опять начинаетъ причитать слѣдующій причетъ:

2201.

Ты пріятной, желанной батюшко!
Ты какое выбралъ мнѣ чуже-чуженина?
Онъ лонливый-то, да и чемливый-то,
Не беретъ-то онъ пива пьянова,
Отъ меня-то, души дѣвицы!
До поры-то онъ до времени
Надо мпой-то накуражится.
Видно мнѣ-то, красной дѣвицѣ,
Приподняться на рѣзвы ноги,
Поклониться чужу-чуженину.

Невѣста встаетъ на ноги, кланяется, подноситъ жениху стаканъ пива, который онъ и беретъ изъ ея рукъ, а она причитаетъ:

2202.

Ты позволь-ко узнать, добрый молодецъ,
Какъ назвать-то тебя по имени-изочеству?
Чтобы знать съ кѣмъ стоять во Божьей церкви,
Съ кѣмъ я стану подъ златой вѣнецъ.

Женихъ называетъ свое имя и отчество, и оба, поклонившись другъ-другу, садятся. По окончаніи стола, дружка встаетъ первымъ и говоритъ слѣдующій приговоръ:

2203.

Встапу, я добрый молодецъ,
Со лавочки со дубовыя,

Отъ прибойки отъ кленовья,
Изъ-за столика крашеняго,
Изъ-за скатерки самобранья,
Изъ-за яства сахарнаго,
Изъ-за питья медвянаго,
Изъ-за сгнбня сдобленяго.
Будемъ хозяина благодарить,
Да поворечепнаго князя,
И молодую княгиню
Изъ-за стола выводить.
Извольте, сватушко и сватьяшка,
Подъ златъ вѣнецъ благословить —
Свое чадо милое.

За дружкой поднимаются всѣ и благодарятъ за хлѣбъ за соль и угощеніе. Дружка, выводя жениха и невѣсту изъ-за стола, говоритъ:

— Есть-ли у нашихъ новонареченныхъ молодыхъ, князя и княгини, батюшко и матушка, божатюшко (крестный и божатенька? (крестная) — извольте выходить и свое чадо милое благословить подъ златъ вѣнецъ.

Отецъ и мать, крестный-отецъ и крестная мать подходят и благословляютъ жениха и невѣсту, которые цѣлуютъ иконы родителей и кланяются въ ноги. Выходя изъ-за стола невѣста причитаетъ и проливаетъ слезы... Сколько тутъ бываетъ слезъ! Тяжело народу разстается съ милыми и дорогими сердцу. Вотъ одинъ изъ причетовъ невѣсты:

2204.

Ужъ какъ знать-то, красной дѣвицѣ,
Мнѣ сидѣть не отсидѣться,
Горючимъ-то слезамъ не оплакаться.
Мнѣ вставать-то на рѣзвы поженья,
Выходить-то изъ-за стола дубоваго,
Изъ-за питья яства сахарнаго,
Изъ-за снадобья-то матушки...
Раздвигайтесь, столы дубовые,
Собирайтесь, скатерки самобранья!
Благослови-ко меня, кормилецъ батюшко,
И родимая моя матушка,
Отъ радѣнья ретива сердца,
Чтобы жить-то мнѣ не маяться,
На меня бы вамъ не плакаться.
Ваше-то благословеньце
Мнѣ дороже злата серебра,
Кромѣ солнышка мнѣ краснаго:
Я, вѣдь, съ нимъ-то, красна дѣвица,
Буду жить до гробовой доски.
Вы прощайте, мои милые,
Не забудьте меня, бѣдную,

На чужой дальней сторонѣ. —
Въ чемъ сгубила — не прогибвайтесь!
Я была глупа, не вѣдала,
Что придется съ вамъ разстаться.

Послѣ благословенія родителей, крестнаго и крестной, пачинается прощаніе сосѣдей и сосѣдокъ съ невѣстой. При прощаніи невѣста не причитаетъ, а что называется «реветъ толстымъ голосомъ и ойкаетъ». Дружка идетъ и приговариваетъ, потопывая ногой:

2205.

Пошелъ дружка —
Веселая ножка
Изъ дому угощенъ
И хозяиномъ уличенъ.
Накупилъ дружка
И купницъ, и лисницъ,
И красныхъ дѣвицъ.
Дружка на коня садится,
Конь-то веселится,
Къ церкви катится.
Земля дрожитъ...
Шапки долой!
Идетъ князь молодой
Со княжешкой.

Дружка первый садится въ сани, и впередъ всѣхъ идетъ къ церкви; съ нимъ садится рядомъ и полудружье, за дружкой идетъ женихъ съ «братнимъ мѣстомъ» — братомъ, потомъ невѣста съ свахой, а за ними идутъ родные поѣзжане по старшинству и родству. Невѣсту везутъ на парѣ и тройкѣ, — провожаютъ ее дѣвицы отъ дому за овинны родной деревни. Невѣста причитаетъ.¹⁾

2206.

Вы простите-ко, подруженьки,
Мои милыя голубушки,
Въ чемъ сгубила — не прогибвайтесь!
Вы пойдете, мои милые,
На работушку на лѣтнюю,
На гулянья на веселья,

¹⁾ Причитаній въ свадьбѣ у невѣстъ очень много, почти въ каждой мѣстности свои причитанья, или новые варианты. Здѣсь же написаны только тѣ, которыя были мной напечатаны въ 1868 г. въ статьѣ «Крестьянская свадьба». С. Д.

На бесѣдушку на зимнюю,—
Вспомните меня, милія,
Вы, веспой, въ лугахъ зеленыхъ,
Когда будете плести вѣнки
Для меня, для красной дѣвцы.
Голубой вѣнокъ не надобенъ:
Я плела его въ послѣдній разъ
И бросила въ рѣчку быструю,—
Унесло вѣнокъ въ чужу сторону,
Ко снню морю Хвалынскому.

Дѣвушки сидятъ у пѣвѣсты на сапяхъ или тарантасѣ и поютъ слѣдующую пѣсню.

2207.

Отлетала лебедь бѣлая
Что отъ стада лебединого,
Приставала лебедь бѣлая
Что ко стаду гусей сѣрыхъ.
Гуси стали лебедь щипати,
Лебедь пачала крнчати пмъ:
«Не щиплите, гуси сѣрые,
Не сама я къ вамъ, лебедушка,
Залетѣла—не охотою:
Занесло меня погодою,
Что погодушкой ненастною,
Съ люта сѣвера спѣжистаго.
Отъѣзжала красна дѣвица
Отъ своихъ подрутъ, Авдотьюшка,
Въ чужу-дальнюю сторонушку,
Въ чужу-дальню незнакомую,
Ко чужему чуже-чужанину,—
Не своей она охотою:
Поневолилъ ее батюшко,
Повезли еѣ добры кони,
Что добры кони стоялыс
Удалова добра молодца,
Нашей Дунюшки разлучника.

Копчивъ эту пѣсню, дѣвушки прощаются съ пѣвѣстой-подругой, плачутъ и долго-долго стоятъ на дорогѣ, слѣдя за отъѣзжающимъ поѣздомъ къ церкви, а если въ селѣ, то идутъ въ церковь, въ которой смотрятъ на вѣнчаніе подруги.

Въ продолженіе всего просватанья, пѣвѣста сидитъ за столомъ, покрытая платкомъ, и лица постороннимъ людямъ не показывается, на работы домашнія не ходитъ. Въ церковь она ѣдетъ также закрытая платкомъ, и только тогда ей отерываютъ лицо, когда надѣнутъ вѣнцы и обводятъ вокругъ налож. Послѣ вѣнчанія, всѣ слезы и при-

читанья кончаются¹⁾. Новобрачныхъ везутъ въ домъ жениха, отецъ и мать котораго встрѣчаютъ ихъ съ хлѣбомъ-солью и съ образами, благословляя: отецъ иконою, а мать хлѣбомъ-солью и иконою, а затѣмъ новобрачныхъ благословляютъ крестный и крестная жениха, а потомъ ихъ вводятъ въ особую избу или горницу, гдѣ ихъ паскоро кормятъ, а поѣзжаютъ—родныхъ усаживаютъ за столы. Новобрачныхъ усаживаютъ на шубу—шерстью къверху, среди стола, и начинается столованье: пьютъ, ѣдятъ, что называется до увалу; одни новобрачные недожны ни пить и ни ѣсть, а сидятъ за столомъ плотно, рука съ рукой, нога съ ногой, чтобы кошка не пробѣжала. По окончаніи стола, гости бьютъ тарелки и рюмки, а затѣмъ молодыхъ отводятъ спать въ особую горницу или холодную избу, у порога которой бьютъ горшки и прочія. Новобрачныхъ въ спальню провожаетъ сваха, дѣлая разныя наставленія и приговорки непечатныя въ родѣ: «на первую ночку, парнека и дѣвочку». Когда новобрачные остаются одни,—молодая должна разуть мужа, у котораго въ сапогѣ положены деньги. Эти деньги новобрачная беретъ себѣ, благодаритъ мужа, а затѣмъ онъ укладывается на постель, а молодая, раздѣвшись, вскакиваетъ чрезъ мужа къ стѣнѣ на постелю и ложится. Новобрачныхъ укладываютъ въ холодную спальню для того, чтобы дѣти у нихъ были здоровыми и не боялись холода, а молодая скачетъ чрезъ мужа на брачную постель для того, чтобы дѣтей родить легко и благополучно. Деньги мужъ кладетъ въ сапогъ, чтобы они водились у жены во всю жизнь.

V.

Княжій столъ.

Княжій столъ готовится у новобрачнаго на второй день послѣ свадьбы. Утромъ, подгулявшіе еще съ вечера родные—поѣзжане идутъ, «поднимать молодыхъ»; но въ спальню, будить молодыхъ, входитъ одна только сваха. Прочіе же родные стоятъ на повѣти или у дверей горницы, бьютъ горшки, кринки, тарелки и проч., и, при выходѣ новобрачныхъ ихъ поздравляютъ и стучатъ, разбивая посуду. Новобрачные входятъ, послѣ умыванія и парженія въ пазу и ихъ сажаютъ за столъ «княжій», а за новобрачными усаживаются и прочіе родные, а затѣмъ начи-

¹⁾ Народъ вѣритъ, что надо поплакать невѣстѣ за столомъ. «Не поплачь за столомъ,—наплачешься за столбомъ», С. Д.

нается угощеніе—завтракъ. По окончаніи завтрака, новобрачныхъ сряжаютъ въ путь къ тестю и тещѣ и прочимъ роднымъ новобрачной, звать на княжій столъ. Новобрачные уѣзжаютъ одни. У тестя ихъ угощаютъ чаемъ и закусками, приглашая вмѣстѣ съ ними и всю родню на княжій столъ. Новобрачные, пригласивъ тестя и тещу съ новой родней на княжій столъ, возвращаются домой, а за ними тотчасъ же пріѣзжаютъ и званные гости. Всѣ, какъ пріѣхавшіе, такъ и почевашіе тутъ гости усаживаются за столы и начинается княжій столъ. Новобрачные усаживаются по срединѣ стола, а новая родня садится около новобрачныхъ, занимая первое мѣсто къ переднему углу. Отецъ и мать новобрачной должны сидѣть въ переднемъ углу, если нѣтъ на свадьбѣ священника съ матушкой, но когда они тутъ присутствуютъ, то они и занимаютъ первое мѣсто, которое и называется: «попово мѣсто», или «для поповъ и дураковъ». Отецъ и мать повобрачнаго не сидятъ за столомъ, а ходятъ у столовъ и кланяются, угощая гостей, а прочія родня повобрачнаго подаютъ на столы кушанья и напитки. При каждомъ кушаньи поданномъ на столъ, отецъ и мать новобрачныхъ, а также и подающіе говорятъ: «покушайте, гости хорошіе, дорогие!» За княжимъ столомъ новобрачные тоже ничего не ѣдятъ и не пьютъ, а только, если имъ подносятъ вино и пиво, то «пригубливаютъ», т. е. обмачиваютъ только губы. Новобрачныхъ, какъ предъ первымъ столомъ послѣ брака, такъ и передъ княжимъ, чтобы не возбудить у нихъ аппетита, кормятъ отдѣльно въ другой избѣ, что и называется «покормить молодыхъ на особинку». Подгулявшіе повбжане, за княжимъ столомъ, очень часто обращаются къ повобрачнымъ и говорятъ: «Горько, очень горько!» называя новобрачныхъ по имени и отчеству, просятъ: «Нельзя-ли подсластить?» Новобрачные должны встать, поклониться, поцѣловаться «крестъ—на крестъ», сказать: «покушайте, теперь сладко!» Гость допиваетъ изъ стакана или рюмки и говоритъ: «Вотъ теперь очень сладко», а потомъ подходитъ къ повобрачнымъ и цѣлуетъ ихъ. Такимъ образомъ за княжимъ столомъ, только и слышится «горько!» а потому поцѣлуясь и пѣтъ конца. Гости-супруги недовольствуясь «подслащиваньемъ» повобрачныхъ, обращаются съ словомъ «горько», мужъ къ женѣ, а жена къ мужу и тоже «подслащиваютъ»—цѣлуются. Затѣмъ при окончаніи стола, когда подадутъ жаркое, то каждый изъ гостей, встаетъ изъ за стола и съ кусочкомъ почки на вилкѣ, идетъ къ повобрачнымъ, цѣлуется, а затѣмъ подходитъ къ своей женѣ или сватѣ, съ которыми тоже цѣлуется. Этотъ, довольно продолжитель-

ный процессъ цѣлованія приходится весьма по сердцу подгулявшимъ гостямъ. На обязанности дружки лежить: солить, рѣзать кушанье и разрѣзать помелче почку и начинать церемонію съ «почкой» и «горько». На княжій столъ посмотришь приходитъ очень много посторонняго народа. Въ иныхъ мѣстностяхъ и у небогатыхъ домохозяевъ, когда бываетъ одинъ столъ послѣ брака, то княжева стола не бываетъ, по всѣ церемоніи и обычаи происходятъ за первымъ столомъ послѣ брака, какъ и за княжимъ. По окончаніи столованія, подгулявшіе гости поютъ и пляшутъ до полуночи. Нѣкоторые изъ гостей почью уѣзжаютъ по домамъ, а нѣкоторые остаются и почуютъ у повобрачныхъ.

VI.

Третій день.

Изъ повбжанъ и новой родни на третій день остаются очень немногіе. Третій день имѣетъ видъ праздника семейнаго. Утромъ молодую заставляютъ кое-какое дѣло подѣлать около печки, и смотрятъ: умѣетъ-ли она приниматься за стряпню; но преимущественно ее заставляютъ стряпать и выпекать блины, которые она и подаетъ отъ печки на столъ, кланяясь, и проситъ покушать ея печенія. Послѣ обѣда, къ вечеру, къ повобрачнымъ собираются посидѣть дѣвицы, молодые женщины и парни. Молодые люди поютъ пѣсни, заводятъ разныя игры и пляшутъ. При этомъ собраніи—вечеръ повобрачная знакомится съ сосѣдами и потчуетъ ихъ: блинами, пирогами, пряниками и орѣхами.

VII.

Отводины.

Такъ называемыя «отводины», бываютъ чрезъ недѣлю или болѣе, а иногда и менѣе послѣ свадьбы. Отводины дѣлаетъ отецъ молодухи и всѣ прочіе ея родные, бывшіе на свадебномъ пиру. Въ назначенный день для отводины, тесть ѣдетъ звать къ себѣ зятя и дочь, а также и всѣхъ родныхъ зятя. Когда пріѣдутъ молодые къ отцу, и отпируютъ сватъ у свата, а зять у тестя,—тогда приглашаютъ къ себѣ по старшинству и прочіе родные—новобрачной. На отводинахъ, такимъ образомъ молодые ходятъ изъ дома въ домъ родныхъ, у каждаго угощаются: закусками, чаемъ и водкой.

Съ окончаніемъ отводниъ, свадьбу считаютъ оконченной.

Что за названіе: «отводниъ», почему такое названіе и установился обычай?—не извѣстно; но онъ широко распространенъ въ нашемъ краю.

Такъ была обычная свадьба крестьянская въ нашемъ краю 40—50 лѣтъ назадъ; но въ послѣднее время, вся типичность крестьянской свадьбы измѣнилась. Рѣдко увидѣть можно тѣ обрядности, которыя существовали въ быдое время. Мы, современники,—свидѣтели и дѣйствующія лица описанной свадьбы, и теперь при вечерѣ жизни, съ восторгомъ вспоминаемъ то прошлое, въ которомъ было столько радости и задушевности. Не даромъ народъ говоритъ: «бракъ великое дѣло». «Жениться, перемѣняться».

VIII.

Свадебныя суевѣрія.

Когда сватья (сватунья) придетъ сватать невесту, въ ея домъ, то во время разговора не должна садится. Она будетъ говорить много и долго, хвалить жениха и договариваться обо всемъ; по все стоя на ногахъ. Даже и тогда, когда устанутъ ноги, то должна не садится, а стоять на коѣнкахъ. Если же сватья сядетъ, не будетъ пути! Опытная сватья такое правило очень помнитъ, сколько ее не уговариваютъ, чтобы садилась—не сидеть, даже предлагаютъ чай пить или поѣсть—не будетъ. Садится не должно потому: что или дѣло не сладится, или если и сладится, то у новобрачныхъ дѣти будутъ «сѣдунъ», т. е. не будутъ долго ходить, а если будутъ пить, то дѣти будутъ охотники до питья, а если будутъ ѣсть, то дѣти будутъ много ѣсть (многоѣшки).

Сговоренку—невесту закрываютъ платкомъ для того, чтобы не слезили, а потому она до вѣнца и не должна показывать лица. Тѣмъ болѣе, должна она скрывать свой «обликъ»—лицо, во время свадьбы бываетъ много народу, какъ изъ своего селенія, такъ и изъ другихъ, а извѣстно, что у нѣкоторыхъ людей бываетъ дурной глазъ—слезать, а тѣмъ болѣе, что народъ вѣритъ въ знахарей, которые только однимъ взглядомъ въ лицо и могутъ напустить на человека разныя болѣзни, какъ-то: сухотку, чахотку, пыть сердца, порчу, плаксность и проч.

Когда невесту и жениха собираютъ—спаряжаютъ къ вѣнцу—вѣнчаться въ церковь, насыпаютъ имъ въ обувь: хлѣбныхъ зеренъ и денегъ:

первыя для того, чтобы не пуждались въ хлѣбѣ, а вторыя, чтобы онѣ водились,—первыя имѣли хороший урожай на поляхъ, а вторыя легко добывались.

Невестѣ и жениху, идущимъ въ церковь вѣнчаться, втыкаютъ въ платье, въ рубашку, въ воротъ и подолъ, безухія иглы, безголовыя булавки; на тѣло наворачиваютъ обрывки мережокъ. Все это дѣлается для того, чтобы повобрачныхъ во время свадьбы не испортили. Никакому знахарю невозможно испортить человека у котораго есть безухія и безголовыя иглы и булавки, а тѣмъ болѣе, если у него на тѣлѣ находится перелина, на которой безчисленное множество узелковъ.

Новобрачныхъ, за столомъ передъ вѣнцомъ и до вѣнца садятъ на шубу, вывороченную вверхъ шерстью, чтобы ихъ не испортили, да жили богато и водились у нихъ въ изобиліи скотъ.

Во время столованія, какъ за первымъ столомъ, такъ и за княжимъ, повобрачные должны свои погы переплести или поставить нога-на-ногу—для того чтобы между ними не пробѣжала черная кошка. Для этой же цѣли они должны сидѣть плотноме между собой. Если же пробѣжитъ между ними кошка, то молодые будутъ жить не согласно, какъ кошка съ собакой.

Когда жениха и невесту приведутъ на церковную паперть, то они должны взяться за скобу и сказать: «Пусть всѣ наши скорби и болѣзни не пойдутъ съ нами подъ вѣнецъ, а останутся на тебѣ, желѣзной скобѣ». Народъ вѣритъ, что желѣзо притягиваетъ—притягивается къ себѣ всякую болѣзнь, какъ отъ человека, такъ и съ «вѣтра», а въ особенности ржавое желѣзо, которое многіе носятъ на крестѣ—особливо, во время повальныхъ болѣзней. У дверей многихъ домовъ, у пороговъ вбиваются въ половники скобы и подковы, для того, чтобы болѣзни повальныя не входили въ домъ, а оставались на скобѣ или подковѣ у дверей порога.

Когда на брачующихся надѣваютъ вѣнцы, и священникъ говоритъ: «вѣнчается рабъ Божій такой-то», то послѣдній долженъ креститься и говорить тихонько:—«Я, рабъ Божій (имя рекъ), вѣнчаюсь, а мои болѣзни не вѣнчаются.» Народъ вѣритъ, если у брачующихся есть какія либо болѣзни, да съ ними вѣнчаются, тогда ихъ никогда не вылѣчить.

Во время вѣнчанія, когда подъ ноги подстилается ширинка—полотно или платокъ, то, который на нее впередъ ступитъ ногой, тотъ изъ новобрачныхъ и будетъ большимъ—большакомъ въ жизни.

Во время вѣнчанія замѣчаютъ, что, у котораго изъ брачующихся, вѣнчальная свѣча скорѣе сгоритъ, тому прежде и умереть.

Во время вѣнчанія, ни жениху, ни невѣстѣ не слѣдуетъ смотрѣть другъ на друга, а если же будутъ, а въ особенности посмотреть въ глаза, то не возлюбятъ другъ-друга, или который нибудь измѣнитъ въ супружеской жизни.

Если брачующіеся оба или одинъ изъ нихъ пивными вѣнчаются (не познали блуда), тогда (говорятъ) вѣнцы у обонхъ или у одного изъ нихъ сіяютъ отъ свѣта-огня.

Когда отъ вѣнца молодую вводятъ въ домъ къ свекру, то онъ и свекровь встрѣчаютъ повобрачныхъ у калитки, первый изъ нихъ суетъ молодой въ руку скляницу съ виномъ или съ пивомъ, а послѣдняя кладетъ потихоньку въ пазуху повобрачной пирогъ и подъ ноги кидаетъ хмѣлю. Пирогъ повобрачные должны съѣсть пополамъ предъ свадебнымъ столомъ, на «особинкѣ», вино или пиво тоже выпить пополамъ. Это дѣлается для того, чтобы они жили всю жизнь сыто, въ любви и согласіи, а хмѣль разсыпается подъ ноги, чтобы жили вѣкъ весело и въ согласіи.

Когда молодая входитъ въ избу, то ступая ногой за порогъ должна сказать: «я, изъ меньшихъ—большуха,—буду мама, стрипуха».

Когда пріѣхавшихъ отъ вѣнца повобрачныхъ будутъ благословлять, тогда повобрачная послѣ благословленія, кланяясь отцу съ матерью въ ноги, говоритъ потихоньку: «Я-то пришла, меня-то привели не овечку, а волчиху».

Когда повобрачная начинаетъ на «особинкѣ» пить и ѣсть съ новобрачнымъ, то говоритъ тихонько: «пить-бы, да ѣсть до сыта, а дѣтей родить до любви—легко».

Тотъ платокъ, подъ которымъ повобрачная, будучи еще сговоренною, плакала, остается навсегда въ домѣ родителей; его не берутъ въ приданое въ новый домъ, потому, чтобы жить замужемъ не плакаться.¹⁾

Зап. С. Я. Деруновымъ. Сообщ. Отд. Этногр. И. О. Л. Е. А. и Э.

¹⁾ Какъ причитанія, такъ общія положенія и обычаи свадебныя взяты мной изъ «крестьянской свадьбы», напечатанной въ 1868 г. въ V вып. «Тр. Яр. Ст. Ком.»; но съ нѣкоторыми дополненіями и выпусками. С. Д.

XV. Владимірской губерніи.

Юрьевскаго у., с. Шельбово.

О времени свадебъ надобно замѣтить, что онѣ бывають большею частію въ мясоѣдъ отъ святокъ до масленицы, также около Троицкой недѣли—пока еще нѣтъ полевыхъ работъ, и осенью—послѣ работъ.

Въ первый разъ, разумѣется, отъ жениха высылаются къ отцу невѣсты сваха; недостатка въ этихъ особахъ нигдѣ нѣтъ. Она опоясывается веревкой въ ту силу, что этой веревкой она должна опутать дѣло и связать свата. Сладивши дѣло, сваха сводитъ обонхъ сватовъ: они тутъ же молятся Богу и ударяютъ по рукамъ. Послѣ этого бываетъ у жениха два «пропоя»—малый и большой: на маломъ пропой бываютъ одни родственники невѣсты, а на большомъ родные и невѣсты и жениха. На пропояхъ бываютъ обѣды или ужины, гдѣ вино подносится стаканами предъ каждымъ блюдомъ; особенно же усерденъ хозяинъ бываетъ къ тѣмъ, которые тутъ пропиваютъ невѣсту.

На канупѣ свадьбы, по обыкновенію у невѣсты бываетъ *дѣвичникъ*, на который сходятся ея подружки; отсюда начинаются вопли и причитанья. Невѣста къ каждой входящей дѣвицѣ причитаетъ:

2208.

Подруженька моя, голубушка!
Поди-тко, моя родимая,
Не во гнѣвъ ли тебя покажется,
Что я, горькая, тебя не встрѣтила
Среди-то двора широкаго,
Супротивъ-то мосту мощенаго,—
У пазы двери не отворила?
Ужь и рада бы тебя встрѣтила;
Нейдутъ мои ноги рѣзвыя;
Нейдутъ онѣ, подгибаются;
Вѣлы рученьки опускаются;
Буйна головушка съ плечъ скатилася

По самым могучи плеча.
Встрѣчаю я тебя, горькая,
Супротивъ полу широкаго.

Во время дѣвишника невѣста сидитъ съ дѣвцами за запавѣсомъ. Женихъ приѣзжаетъ съ сватомъ и привозитъ огромную «куличку» съ грибенникомъ на ней, валенки и чулки. Вошедши въ избу, онъ такъ выкликаетъ невѣсту: «Марья Петровна! поведи сюда, помыстунъ; мало-то прими, большаго-то подожди». Невѣста выходитъ и беретъ гостинцы. Женихъ садится впереди: тутъ его угощаютъ и дарятъ; также и свата съ нимъ. Даритъ мать невѣсты и, надобно замѣтить, съ особенной церемоніей: подарокъ кладется на блюдо, на подарокъ пшеничная горбушка; тотъ, кого дарятъ, обязанъ перекреститься, и взявъ горбушку, поцѣловать ея, потомъ принять подарокъ, утереться имъ и поцѣловать сваху, которая даритъ. Когда женихъ выходитъ изъ избы, свать говоритъ невѣстѣ: «Марья Петровна, проводи пастъ». Она провожаетъ ихъ на дворъ, прощается и цѣлуется съ женихомъ. Потомъ, войдя въ избу, начинаетъ вопить:

2209.

Невѣстки мои голубушки!

(или родимыя тетуски, кто есть въ семьѣ)

Подымайте столы дубовые,
Стелите скатерти бранны!
Сажайте вы моихъ-то подружечекъ
У родимаго-то у батюшки,
У радельницы у матушки,
У родимыхъ-то у дядюшекъ,
У радельницъ-то у тетусекъ,
У родимыхъ-то у брателковъ,
И невѣстокъ моихъ голубушекъ
Въ останешны и во первые.

(къ подругамъ):

Подружки мои голубушки!
Вы пойте-ко, покушайте,
Моего горя не слушайте,
У родимаго-то у батюшки
У радельницы-то у матушки...

(и такъ далѣе).

Послѣ обѣда, когда подружки пойдутъ вонъ, невѣста завопитъ къ нимъ:

2210.

Вы подружички мои, голубушки,
Вы послушайте, что я вамъ стану говорить,
И говорить, и приказывать:
Ужъ вы пойдете во луга гулять,
Ужъ вы станете твѣтки срывать,—
Сорвите-ко вы и мой твѣтокъ,
Совейте-ко вы и мнѣ вѣночекъ;
Передайте вы родимой матушкѣ,
Положите на косяцето окошечко.

Проводивъ подругъ, она начинаетъ вопить къ родителямъ:

2211.

Ты, родимый мой батюшко,
Ты, радельница матушка!
Не по вашему ли повелѣнью
Приходилъ ко мнѣ чужой чуженецъ,
Чужой чуженецъ—добрый молодецъ?
Подкосилъ онъ меня подъ рѣзвы ноги,
Ужъ онъ снялъ съ меня буйну голову
Какъ по самым могучіе плеча.

Послѣ дѣвишника бываетъ ужинъ, на который сходятся всѣ родные невѣсты. И она къ каждому гостю причитаетъ тоже самое, что причитала къ входящимъ подругамъ, т. е. проситъ у нихъ извиненія, что она ихъ «не встрѣтила среди двора широкаго». Потомъ точно также проситъ ихъ «поѣсть да покушать», какъ просила и подругъ своихъ.

Если нѣтъ отца и матери, то она, во время ужина, такъ обращается къ брату:

2212.

Родимый мой брателко,
Александрушка Петровичъ!
Что я стану тебѣ говорить,
И говорить и приказывать:
Ужъ ты выдь-ко на широкую на улицу,
Ужъ и стань-ко у притворной у веревушки,
Погляди-тко на всѣ четыре сторонушки,
Ужъ какъ больше всего на восходѣ солнца.¹⁾
Нейдетъ-ли родимый мой батюшко,
Не несетъ-ли онъ во бѣлыхъ рукахъ,
Не несетъ-ли чуда-образа,

¹⁾ На востокъ отъ села отведено кладбище.

Благословеньца великаго?
Благословилъ бы онъ меня, горькую,
На чужу дальню сторонушку,
Ко чужьму роду-племени,
Ко чужьму отцу-матери.

Если у невѣсты братъ въ солдатахъ, то она
тогда вопить:

2213.

Поглядите, мои родимые
По всей избѣ, по всей горницѣ!
Ужъ какъ всѣ гости сошлись, съѣхались;
Ужъ какъ пѣтъ у насъ у горькихъ,
Ужъ какъ нѣту-ка дорога гостя,
Родимаго-то брателка!
Ивана-то Петровича.
Родимый мой брателко,
Отставь-ко ты ружье свѣтлое,
Покинь-ко ты службу царскую;
Прилети-ко ты, братецъ-батюшко,
Хоть и яснымъ соколомъ,
Хоть и бѣлинькимъ голубиномъ.

Если братъ въ солдатахъ, и вмѣстѣ она си-
рота, то она прибавляетъ:

На мою то свадьбу горькую,
На горькую на горемышную,
Безъ родимаго-то безъ батюшки,
Безъ радельницы-то безъ матушки.

На другой день — день свадьбы, невѣста
вставъ съ постели, завопитъ:

2214.

Родимый мой батюшко,
Родимая моя матушка,
Спалась-ли вамъ темная ночь?
Ужъ какъ мнѣ горькой не спалось,
Не спалось, много видѣлось,
Будто я хожу по крутымъ горамъ,
Будто я беру черныягоды.

Мать отвѣчаетъ ей:

2215.

Мило мое дитятко!
Круты горы — твое горе,
Черныягоды — горючи слезы.

Потомъ невѣста, когда уже начнеть ей распле-
тать косу сестра или другая въ домѣ дѣвочка,
завопитъ къ матери:

2216.

Родимая моя матушка!
Куда то мнѣ свою красоту дѣвать?
Во луга пустить, — загуляется,
Во лѣса пустить — заллутается.
Пушу-то я свою красоту
По всей избѣ, по всей горницѣ:
«Ужъ дойди-ка ты, моя красота,
До родимия-то до сестрицы,
До Федосьи-то до Петровны.
Носи-тко ты мою красоту,
Носи-тко ты, не жалѣючи,
Съ буйпой головушки не спускаючи,
Изъ русы косы не вывязываючи.

Каждая невѣста передъ вѣнцомъ отпѣваетъ
молебень; въ церковь отправляется на лошади,
а уже никакъ не пѣшкомъ; передъ отъѣздомъ
проситъ у родителей благословенія:

2217.

Родимый мой батюшко,
Радельница моя матушка!
Не прошу-то я у васъ горькая
Ни злата я у васъ, ни серебра:
Прошу-то я у васъ, горькая,
Благословеньца великаго:
Благословите вы меня, горькую,
Во матушку во Божью церкву.

Если невѣста не имѣетъ родителей, то она
послѣ молебна, прямо изъ церкви уѣзжаетъ съ
большимъ въ домѣ на могилу отца и матери.
Какъ скоро выйдетъ изъ церкви, — начинаетъ
вопить, пока ѣдетъ на кладбище:

2218.

Не пчела летитъ, не въ устахъ несетъ,
Не въ устахъ несетъ меду сладкаго...

Пріѣхавъ же на кладбище:

Вы встаньте, вѣтры буйные,
Разбушуйте вы мать сыру землю,

Расколите вы гробову доску,
Распахните вы тонки саваны,
Разложите вы руки бѣлыя!
Ты встань, мой родимый батюшко!
Ты встань, радельница матушка!
Благословите вы меня, горькую,
На чужу дальню сторонушку,
Ко чужому роду племеню,
Къ чужому отцу матери.

Возвращаясь съ могилы, она проситъ своего
отца крестнаго, (съ которымъ большею частію
ѣздитъ неvěста), ѣхать тише, а сама продолжаетъ:

2219.

Ужъ ты родимый мой дядюшко,
По крещеной вѣрѣ — крестный батюшко!
Ты послушай, что я тебѣ буду говорить,
И говорить и приказывать:
Подп-тко ты потихохоньку,
Ступай-ко ты пологохоньку;
Ступи-тко ты во мою ступень,
Дохни-тко ты моимъ сердцемъ.

Подѣзжая ко двору, она завопитъ встрѣча-
ющему ее брату:

2220.

Ты родимый мой, брателко!
Не мети-тко ты широкій дворъ;
Не разбрай-ко ты свѣтлой горницы.
Не явился къ намъ дороги гости,
Ни родимый нашъ батюшка,
Ни радельница наша матушка.

Вошедши въ избу, она, обращаясь къ стар-
шимъ въ домѣ, — къ дядѣ и тетѣ, вопить:

2221.

Ты, родимый мой дядюшка,
И радельница моя тетушка!
Ужъ какъ ходила-то я, горькая,
Въ церьву Богу помолитися, —
Поглядѣла-то я, горькая,
На своихъ-то на подружнecкѣ:
Ужъ какъ стоятъ они изряжены,
Изряжены опѣ, изукрашены,
Буйны головушки ихъ причесаны,

Русы косы приплетены,
Алып лентами изувязаны.
А я-то стою, горькая,
Словно травинька поджошеная,
Черна земля подореная.

Тоже самое припѣваетъ и отцу съ матерью
(если они есть) по приѣздѣ отъ молебна.

Передъ вѣнцомъ съѣзжаются гости, и неvěста
причитаетъ имъ тоже самое, что она причитала,
когда они сходились на дѣвишникѣ.

Передъ одѣваньемъ къ вѣнцу она спрашива-
етъ свою неvěстку:

2222.

Неvěстка моя голубушка!
Скажи-тко, моя родимая:
Каково житіе во чужихъ людяхъ,
Во чужихъ людяхъ, во незнаемыхъ?

Неvěстка отвѣчаетъ ей:

2223.

Ужъ ты, милое наше дитятко,
Милое наше родимое!
Послушай ты, мое родимое,
Что я стану тебѣ говорить,
И говорить, и приказывать:
Ужъ какъ надо жить во чужихъ людяхъ
И умѣючи и разумѣючи, —
Буйной головушкой будь поклончива,
Ретивымъ сердцемъ будь покорчива.

Во время одѣванія неvěсты дружка, подпо-
саный полотенцемъ¹⁾ привозитъ ей отъ жениха
шубу и такъ выкликаетъ сваху — неvěстину
крестну: «Свахынька молодая, глубынька голубая,
изволь-ка ты твѣтно платье примать, часты пу-
говики считать». Сваха возражаетъ дружкѣ: «Есть
ли пуговицы-та? Есть ли чѣмъ застегнуться-то?»
Дружка отвѣчаетъ: «У нашего свата пуговицъ
было сорокъ. И то надо сказать: дорога-та
дальна, она же шибальна; ѣхали мы валялись,
всѣ пуговики посломались. Ужъ на себѣ сдобрѣ!»

Отпустивъ дружку, крестна снаряжаетъ не-
věсту въ шубу, имъ привезенную; накрываетъ

¹⁾ Въ продолженіе всей свадьбы дружки опоясы-
ваются полотенцами съ красными концами; это
главное отличіе ихъ чина и званія.

ее красною шалью, чтобъ не видно было и лица. (Такъ накрытою она бываетъ до вѣнчанья, и послѣ вѣнчанья до того самаго времени, когда начнутъ крутить ее, т. е. убирать ей голову женскимъ уборомъ). Во время снаряжанья къ вѣнцу она причитаетъ къ крестнѣ:

2224.

Ужъ ты по роду мнѣ тетушка,
По крещеной вѣрѣ крестна матушка,
Надѣвай-ка ты на меня твѣтно платье!
Твѣтнымъ оно твѣтнехонько,
Къ ретиву сердцу холоднехонько.

Послѣ одѣванья начнутъ Богу молиться и благословлять невесту. Потомъ крестна поведетъ ее за столъ. Тутъ она завопитъ:

2225.

Коли-то я такова была,
По застольицу я ходила,
За столами я сидѣла
За столами за дубовыми,
За скатертями за бранными
За яствами за сахарными?

По правую сторону невестѣ на мѣстѣ жениха садится мальчикъ — братъ, или племянникъ, или кто другой. Онъ назначается для продажи невесты. Она обойметъ его и поетъ:

2226.

Милое ты мое дитятко!
Послушай, мое родимое,
Что я буду тебѣ говорить
И говорить и приказывать:
Ужъ какъ приѣдетъ грозный дружка,
Ударитъ по столу по дубовому,
По дубовому плетью шелковою:
Сиди-тко ты, не убоючись,
Говори рѣчи, не утаючи;
Не проси-тко ты золотой гривны;
А проси-тко ты коня въ сѣдлѣ
Коня въ сѣдлѣ, въ золотой уздѣ,
Было бы на чемъ мнѣ доѣхать
До матушки до Божьей церкви.

Тутъ приѣзжаетъ поѣздъ, состоящій изъ нѣсколькихъ паръ лучшихъ лошадей, убранныхъ лентами и увѣнчанныхъ бубнами и въѣзжаютъ прямо на дворъ: на первой парѣ дружки, на второй священникъ съ женихомъ, потомъ сваха женихова, за нею тысяцкіе и т. д. Всѣ приѣзжіе медлятъ входить въ избу, а отправляется напередъ дружка выкупать мѣсто для жениха. Входитъ онъ съ грознымъ челомъ, ударяетъ *ременницей* по столу и кричитъ мальчику: «Ступай вонъ! — не твое тутъ мѣсто; это мѣсто Ивана Петровича». — «Нейду вонъ», отвѣчаетъ мальчикъ, дай мнѣ за сестру золоту гривну, коня въ сѣдлѣ, въ золотой уздѣ!»

Дружка молча кинетъ ему грошъ или копѣйку; мальчикъ отталкивается, приговаривая: «У насъ невеста не черна, а бѣла.»

Послѣ этого дружка вынимаетъ пятакъ серебра и отдаетъ мальчику. Мальчикъ, поцѣловавъ сестру, уходитъ. Дружка отправляется на дворъ; за нимъ выходятъ и невестины дружки встрѣчать приѣзжихъ, — а потомъ сваха. На дворѣ начинаютъ разносить гостямъ пиво или квасъ: дружка — дружкѣ, тысяцкій — тысяцкому, сваха — свахѣ. Послѣ входить въ избу: напередъ дружка съ образами, за нимъ священникъ съ женихомъ, далѣе свахи. Тогда невеста встаетъ и вопитъ:

2227.

Не встала бы я, горькая,
Не встала бы я, горемычная,
Супротивъ гостей приѣзжихъ.
Встаю-то я, горькая,
Супротивъ креста животворящаго
Супротивъ батюшки Духовнаго.

Женихъ садится по правую сторону невесты, а по лѣвую сваха женихова. Потомъ начнутъ дарить священника, жениха и другихъ приѣзжихъ. Пока дарятъ, невеста вопитъ:

2228.

Обсѣли меня, горькую,
Обсѣли меня, горемычную,
Не родимые-то братеньи,
Не радѣльницы сестрицы,
По правую по сторонущу
Сидитъ не родимый брателко,
Сидитъ чужой чуженецъ
Чужой чуженецъ — добрый молодецъ.

Зачѣмъ ты ко мнѣ прѣхалъ,
Почему ты меня свѣдалъ?
Не въ дугахъ-то мы съ тобой гуляли,
Не твѣтки-то мы съ тобой срывали,
Не вѣнки-то мы съ тобой свивали.
А по лѣвую-то сторонушку
Сидитъ не невѣстка голубушка,
Сидитъ тутъ сваха прѣзжая.
Зачѣмъ ты ко мнѣ прѣжала,
Почему ты меня свѣдала?
Не въ дугахъ-то мы съ тобой гуляли,
Не твѣтки-то мы съ тобой срывали,
Не вѣнки то мы съ тобой свивали.

Наконецъ поднимаются изъ-за стола. Невѣста причитываетъ:

Не сине море всколыхалось,
Не бѣла лебедь подымалась... и т. д.

Засвѣчается свѣча, поется «достойно есть»; и дѣлается священникомъ отпускъ. Потомъ пачнутъ благословлять невѣсту отецъ и мать, крестный и крестная. Разстилаютъ на полу кафтанъ, на который становятся и женихъ и невѣста; предъ ними становится благословляющій съ образомъ; они даютъ три земныхъ поклона образу, цѣлуютъ его; потомъ кланяются благословляющему въ ноги и поочередно обнимаютъ его и цѣлуютъ. Тутъ-то льются искреннія слезы и вырываются душевные рыданія какъ у благословляющихъ, такъ у благословляемыхъ! Невѣста оставляетъ домъ, въ которомъ она росла съ колыбели, къ которому она такъ привыкла; дочь оставляетъ родителей, которыхъ она такъ любила.

Во время благословенія она вопить:

2229.

Ужъ родимый ты мой батюшка,
Ты радельница матушка,
Не прощу-то я у васъ, горькая,
Ни злата я у васъ, ни серебра.
А прощу-то я у васъ, горькая,
Благословеньца великаго:
Благословите вы меня, горькую,
На чужу дальнюю сторонушку
Ко чужому роду-племени,
Ко чужому отцу-матери.

Надобно замѣтить, что въ этотъ день съ самого утра въ домъ невѣсты почти полна изба и дворъ зрителей: на полу, на лавкахъ, на печи и

на полатахъ другъ друга давятъ: бабы молодя, дѣвицы и маленькія ребятишки.

Когда выводятъ невѣсту изъ избы, она причитаетъ зрителямъ:

2230.

Вы раздайтесь, разступитесь,
Пропустите вы меня, горькую,
Не помарайте вы на мнѣ твѣтно-платье.
Твѣтнымъ оно гвѣтнехонько,
Къ ретиву-сердцу холоднехонько.

Поѣздъ отправляется къ вѣнцу точно въ такомъ же порядкѣ, въ какомъ прѣзжалъ къ невѣстѣ: на первой парѣ дружка, на второй священникъ съ женихомъ, на третьей невѣста со свахами, за нею тысячцы; наконецъ въ заключеніе выѣзжаетъ лошадь съ коробьемъ, — съ приданнымъ невѣсты и отправляется прямо въ домъ жениха.

Отецъ и мать невѣсты остаются дома.

Отправляя жениха и невѣсту подъ вѣнецъ, матушки и болѣзныя сватьюшки кладутъ имъ за пазухи пучечки рябины, «богородицынъ сонъ» (о пемъ послѣ) и втыкаютъ имъ крестъ на крестъ иглы. Это будтобы предохраняетъ отъ колдовства и порчи.

Послѣ вѣнца отправляются въ домъ жениха уже пѣшкомъ: напереди священникъ въ эпитрахили и съ крестомъ, за нимъ молодые въ вѣндахъ. Въ продолженіе всего путешествія поются церковныя пѣсни.

Когда приведутъ новобрачныхъ въ домъ, отецъ и мать молодого, крестный и крестная, ихъ благословляютъ и сажаютъ за столъ. Зрителей полна изба и всѣ ждутъ пока имъ покажутъ молодую въ женскомъ головномъ уборѣ; до тѣхъ поръ она закрыта шалью.

За столомъ свахи должны окрутить ее, т. е. надѣть на голову женскій уборъ. На столѣ на блюдѣ лежитъ или *сорѹка* или повойникъ, покрытый платкомъ. Священникъ снимаетъ платокъ и благословляетъ уборъ. Свахи послѣ этого берутъ его, — снимаютъ съ невѣсты шаль, напередъ такъ, чтобъ никто не могъ видѣть молодой; за углы шали даютъ держать двумъ дѣвочкамъ, нарочно для этого поставленнымъ по сторонамъ невѣсты, и за этой шалью убираютъ ее. Затѣмъ ее опять накрываютъ шалью. Это производитъ ропотъ, между зрителями и они начинаютъ просить, чтобы имъ показали молодую. Тутъ отецъ молодого обязанъ передать сыну своему просьбу отъ лица всѣхъ: «Ну-ка, Иванъ

Петровичъ, заголи молодую-то!» и молодой поднимает пашь, палуется молодую; она кланяется навсѣ стороны, опять цѣлуются. И зрители, вполне удовлетворенные, хлынуть вошь, давая другъ друга.

Послѣ этого выводить молодыхъ на середу (на средину)—кормить: за столъ съ ними садятся и всѣ тѣ, которые говѣли. Это бываетъ всегда почти уже къ вечеру; а потому, послѣ ихъ закуски, отправляютъ молодыхъ въ кѣты для отдыха. Туда ихъ сопровождаетъ священникъ со крестомъ. Между тѣмъ на брачную постель давно уже залегли дружки, у которыхъ молодые обязаны выкупать ее. Это сопровождается разными прибаутками и остротами; дружки дарятъ, пѣютъ водкою, и даютъ закусывать имъ кулички, принесенной невѣстѣ женихомъ. Надобно замѣтить, что этой закуской чрезвычайно всѣ дорожатъ; ее одѣляютъ не всѣмъ и то по маленькому кусочку.

Наконецъ дружки, довольно поломавшись, оставляютъ постель. Молодая обязана раздѣвать молодого. Когда она скидаетъ съ него сапоги, то находитъ въ нихъ деньги—копѣекъ двадцать или пятнадцать. Эти деньги она оставляетъ у себя, такъ какъ молодой нарочно ихъ приготовилъ для своей подруги.

Между тѣмъ въ избѣ продолжается пиръ горой; гости ждуть еще ужина. Уже за полночь, а ужина нѣтъ: еще не встали повобрачные. Наконецъ послѣ небольшого отдыха молодыхъ, ихъ поднимаютъ съ постели, приводятъ въ избу и сажаютъ за столъ.

Передъ ужиномъ невѣстина сваха даритъ всѣхъ жениховыхъ гостей; подарки опять накрываются горбушкой и сопровождаются тѣми же церемоніями, о которыхъ сказано выше. Послѣ подарковъ начнется *здорованье*; оно заключается въ слѣдующемъ:

Передъ молодой четой ставится ведро пива; молодой наливаетъ его въ стаканы, а молодая подноситъ гостямъ, которые получили подарки. Принимающій стаканъ обязанъ поздравить ихъ съ честнымъ и законнымъ бракомъ, обязанъ заставить молодыхъ поцѣловаться или божье разъ поцѣловаться; потомъ выпивъ, положить въ стаканъ денегъ по усердію; наконецъ обязанъ поцѣловать молодого и молодую. При этомъ бываютъ довольно смѣшныя сцены, особенно если стаканъ пива достается шутливому, подвешенному водкой, гостю. Принимая стаканъ онъ начинаетъ цѣлый монологъ съ жестами и прибаутками:

— «Хозяинъ, что у те пиво-то не молодитъ? и хохолка то пѣтъ?»

Тогда молодые обязаны его сдѣлать молодымъ и цѣлуются. Пьющій прихлебываетъ.

Стаканы для питья пива рѣдко употребляются стеклянные, а почти вездѣ деревянные, называемые *ставцами*; и морщится, давая знать, что оно невкусно. Молодые цѣлуются; онъ опять его хлебаетъ.

— «Эхъ, робя, какъ горько! нѣда въ лобъ ударила». Молодые подслащиваютъ—цѣлуются. Онъ опять понюхаетъ, посмотреть въ стаканъ къ свѣту.

— «Э, э, на вотъ! что это? гущи-то, гущи-то... Мать моя! да это въ горло пройдетъ. Нѣтъ, Иванъ Петровичъ, это не дѣло: ты лихъ мыслишь. Пить не хочу».

Молодые опять цѣлуются. Наконецъ пьющій увидѣвъ дно, говоритъ:

«Эхъ, кормилицы, вы мои! Взглянь-ка-те, что на днѣ-то. Поглянь-ка-те, тараканишша-то какой,—съ вершокъ, мужика спибетъ! Знать съ потолка, што-ли ботнухся» и т. д.

Молодые опять цѣлуются; и рады радехоньки, что наконецъ отдѣлались отъ такого гостя. Но тутъ-то было: еще онъ ихъ начнетъ перецѣловывать разъ по двадцати и все съ ужимками да прибаутками.

Вотъ вамъ и *здорованье*.—Послѣ него начинается ужинъ. На этотъ ужинъ разноситъ кушанья дружка; и онъ, подавая блюда, обязанъ говорить: «Ноги съ подходомъ, руки съ подносомъ, голова съ поклономъ, сердце съ покоромъ; гости дорогие, извольте порушить, да покушать!»

На этомъ ужины въ иномъ домѣ послѣднимъ кушаньемъ подаютъ *сальникъ*, называемый *разгоннымъ*. Дружка невѣстникъ отъ досады, что кончается пиръ, послѣ котораго должны всѣ разойтись по домамъ, засучивъ рукавъ, ударяетъ по сальнику; брызги отъ него летятъ въ разныя стороны,—онъ *разгоняетъ* гостей. Послѣ ужина невѣстники родные начинаютъ прощаться и расходиться. Отца и матери невѣсты тутъ не бываетъ: они въ продолженіе всей свадьбы остаются дома. Молодая заводитъ къ братьямъ:

2231.

Родные вы мои, брателки!
Скажите вы родному моему батюшкѣ
И радельникъ моей матушкѣ:
Не ждали бы они меня, горькую,
Со гульбы-то со веселья,
Ждали бы они меня, горькую,
Дорогой гостей съ дорогимъ гостемъ.

На другой день дружка отправляется звать родственниковъ молодой: а сама она съ бабами пойдетъ въ домъ къ отцу за гостями. Отца и

матери опять не приглашаютъ. Опохмѣлившись какъ слѣдуетъ, гости другъ друга мараютъ сажей; повобращая поситъ воду для умыванья. Нѣкоторые изъ гостей затѣваютъ ряженье.

Когда гости и въ этотъ день разойдутся, отецъ повобращной зоветъ уже къ себѣ *на ручки* своего молодого зятя и дочь и родныхъ жениховыхъ; здѣсь родители въ первый разъ видятъ свою дочь уже не дѣвицу. Это послѣднее угощеніе.

Изъ архива И. Р. Географ. Общества.

Свадебные причеты дружки.

Той же гув. и уезда, дер. Снегириха.

У жениха.

2232.

«Здравствуйте господѣ!
Я пришѣлъ къ вамъ сюда, —
Я буду дружеть
А вы будете слушать.»

Они и пододвинутся.

«Шабры и шабрѣнушей,
Приближенные сосѣдушки,
Благословляйте нашего новобрашнаго князя
Къ злату вѣнцу вѣхатъ,
Подъ златымъ вѣнцомъ стоять,
Богу помолитца,
У Звиженя милости попросить!»
«Вы старые старики!
Долблены ваши кадыки,
Винные глоты,
Мирскіе моты,
Долгіе усы,
Табашные носы!
Зачѣмъ вы сюды пришли?
Чего вы здѣсь не видали?
Не ваше дѣло по свадьбамъ ходить,
Не ваше дѣло сварьбы смотрѣть,
А ваше дѣло лыки муочить,
Рогатины точить,
К'шелі плесті,
Въ мнеръ брести,
Мякинки просить,
Какъ бы лѣхче было носить.»
«А вы старые старухи,
Толстыя пѣты,
Косые заплаты,
Шелабошницы,
Кисельные разбойницы!
(Вы) зачѣмъ (сюды) пришли?»

Чего вы не здѣсь видали?
Не ваше дѣло сварьбы смотрѣть,
А ваше дѣло — съ снохой разбранитца,
И на робѣнка сердитца!»

(Эти два стиха, равно и многіе ниже разсказчикъ передѣлалъ, чтобы сказать «почестнѣ».)

На мужиковъ:

«Вы усачи, доброй молодцы,
Зачѣмъ вы сюды пришли и т. д.
.....
Чего вы здѣсь не видали и т. д.
.....
А ваше дѣло въ Москву ходить,
Московскихъ бабъ любить,
Въ полпивной посадѣть,
Пѣсенокъ попѣть,
А какія пѣсенки? —
— «Не бѣли сѣбѣи...» —
А какъ домой идти,
Полку загнужь:
«Подайте батюшки!»

Къ бабамъ:

«Вы тѣтушки-молѣдушки,
Высоки ваши головушки,
Зачѣмъ вы сюды пришли и т. д.
.....
А ваше дѣло съ свекровью разбранитца,
Да на робѣнка сердитца.

—
Вы малые ребѣта,
Вшивые пузѣты!
Зачѣмъ вы сюды пришли и т. д.
.....
А ваше дѣло на лыжи покататца,
Да на кулачки подратца!

—
Вы маненькіе дѣвчѣнки,
Подилетены ваши жѣпѣнки!
Не ваше дѣло и т. д.
(Это я скажу почестнѣ).

.....
А ваше дѣло на лодей покататца,
Да въ снѣгу повалятца.

Приѣзжаютъ въ домъ невѣсты.

«Здравствуйте господѣ!»

Они будутъ отвѣтъ имѣть.

— «Здравствуй господиинъ!» —

Я пріѣхалъ къ вамъ сюда,
Какъ живёте?»

Они отвѣчаютъ:

«Слава Богу! Сватушка,
Какъ вы живёте? —
— А мы живёмъ, славу Богу!
У насъ живы быки и коровы,
Лежать на соломеѣ,
Хвосты на сторонѣ,
Хвостами вертять,
А намъ дружкамъ говорить велятъ.
Ну давай выпьемъ!

Они скажутъ:

Сватушка, просимъ покорно въ гости!
Вотъ идетъ дружка
Хлопотушка
На коротенькихъ ножкахъ,
Въ сафьянныхъ сапожкахъ,
По новѣмъ сѣнничкамъ,
По частымъ ступенничкамъ.

Входятъ въ избу.

«Посторонитесь народъ! 2
Вамъ молодыя молодухи,
Не ухватить бы за жупцу?—
А вамъ красныя дѣвушки,
Не сказать бы словечка.
Шагъ дружка черезъ порогъ!
Съ потолка всю сажу сволбѣ.

Взошелъ въ домъ.

Идетъ дружка по сосновымъ доскамъ
Ко святымъ образамъ

Богу молитца, свату кланяетца:

«Здравствуй сватушка!
Вотъ нашъ свать и сваха—
Приказали вамъ кланятца,
Не велѣли надъ вами чванятца.

Садятся за столъ.

Далѣе не записано. Записалъ П. К. Симони,
въ августѣ 1886 г.

Той же губернии, Судогодскаго уѣзда. 1)

Случай далъ намъ возможность изучить бытъ крестьянина въ Судогодскомъ уѣздѣ и на первый разъ предложить одно изъ нашихъ наблюденій, именно описаніе тамошней свадьбы-событія наиболѣе выдающагося въ жизни крестьянина и стоящаго, по своему значенію, какъ бы особнякомъ отъ прочей вседневной его жизни. Здѣсь крестьянинъ, отстраняя всѣ другія обстоятельства, сыгрываетъ свадьбу по мѣрѣ силъ и возможности, забываетъ постороннюю робость и горестъ и старается какъ можно вѣрнѣе соблюсти искони заведенный обрядъ. Можно смѣло сказать, что нигдѣ такъ строго, какъ въ свадьбѣ, не соблюдается обрядовая часть. Это же самое заставляетъ и насъ отпестить ее къ тѣмъ явленіямъ, которыя должны передаваться во всей ихъ чистотѣ, безъ малѣйшаго нарушенія или искаженія ихъ вида чрезъ произвольное толкованіе и измѣненіе. Пусть каждый самъ угадываетъ по немъ духъ и свойства народныя. Замѣтимъ только, что жители Судогодскаго уѣзда, какъ нѣкоторые смежныхъ съ нимъ рѣзко отличаются отъ жителей другихъ уѣздовъ той-же губерніи: это сторона глухая мало населенная, лишенная большого движенія и большихъ сообщеній, а слѣдовательно и посторонняго прилива; крестьяне твердо держатся старины, усидчивы, занимаются или земледѣліемъ или самими грубыми промыслами, какъ напримѣръ, пилкою дровъ, сдѣлaniemъ смолы и т. п., и замѣчательны по своей первобытной простотѣ. Это такъ называемая лѣсная сторона, въ сравненіе съ которою никакъ нельзя ставить другую сторону — полевою или просто называемую полями, гдѣ совершилось много историческихъ событій древней Руси и гдѣ замѣтно гораздо болѣе жизни, движенія и развитія. Но какъ эта послѣдняя ни превосходитъ первую, однако и первая намъ кажется любопытною и достойною вниманія потому самому, что она глуха, что въ ней сохранилось болѣе старинной народной простоты открывающей болѣе доступа къ изученію первоначальныхъ свойствъ нашего народа.

Современемъ надѣемся представить и другія наши наблюденія надъ крестьянскимъ бытомъ упомянутаго уѣзда, какъ напримѣръ, отложеніе семейныхъ отношеній и права владѣнія земельною собственностію, понятіе крестьянъ о домашней собственності, о заработкахъ, о старшинствѣ; деревенское устройство и взаимныя отношенія односельныхъ крестьянъ и т. п. также

1) Эта статья написана почтеннымъ ученымъ авторомъ въ началѣ 50 годовъ. III.

туземные обряды, обычаи, преданія, повѣрья, пѣсни и т. д., слѣды историческихъ воспоминаній, сохранившіеся не только въ памяти народной, но и связанные съ извѣстною мѣстностью.

Нарѣчіе, которымъ говорятъ Субогодцы, какъ и вся Владимірская губернія есть вообще Новгородское, но и оно имѣетъ здѣсь нѣкоторыя особенности и отгѣнки звуковыя. Но приступаемъ къ нашему описанію.

Сватовство.

Обыкновенно или большею частію крестьянинъ съ восемнадцати лѣтъ начинаетъ тянуть полъ тягла и тянетъ до двадцати одного года; тутъ навидываютъ на него полное тягло, не смотря на то жепатъ ли онъ или нѣтъ. Но такъ какъ тянуть полное тягло не жепатому чрезвычайно трудно, то парни и спѣшатъ жениться, пока еще сидятъ на полтяглѣ. Исключенія бываютъ иногда для очередныхъ, которыхъ помѣщики не жепатъ, чтобы съ ними не потерять крестьянки, дѣлающейся по мужу солдаткою. Получивъ дозволеніе отъ помѣщика, или волостного управленія, отецъ жениха совѣтуется съ женою, сыномъ и шабрами, т. е. ближайшими сосѣдами о выборѣ невѣсты. Когда невѣста найдена по мысли, тогда родители начинаютъ сватовство.

Въ большихъ имѣніяхъ, по крайней мѣрѣ на столько большихъ, чтобы крестьяне не всѣ были переплетены между собою родственными связями, при которыхъ дальнѣйшіе браки не позволительны, сватовство идетъ прежде всего у своихъ, а потомъ, когда невѣсты нѣтъ — на сторонѣ. Но такъ какъ за невѣсту, взятую со стороны, обыкновенно даютъ выкупъ, иногда довольно значительный, то и цѣль помѣщика, чтобы крестьянскій домъ не ослабилъ себя переводомъ въ чужое имѣніе и выгоды самого крестьянина не вносить выкупа за одновотчинную невѣсту, заставляютъ усиливать сватовство у себя дома, въ вотчинѣ. Дѣло обыкновенно улаживается, когда отецъ жениха положить больше денегъ на столъ. Что это означаетъ — увидимъ ниже. Разумѣется у государственныхъ крестьянъ подобныхъ препятствій не встрѣчается, по ихъ многочисленности. Иногда случается, что дѣвка, любимая черезъ-чуръ родителями и избалованная ими, предпочитая дѣвичью нѣгу работѣ, привидывается большою недугомъ и, поглажаемая отцомъ съ матерью, отказывается отъ замужества, и потому парень на полномъ тяглѣ принужденъ оставаться не жепатымъ. Тогда принимаются сильнѣйшія мѣры къ

успѣшному сватовству. Вѣроятно гуманисты ухватятся за эти слова и возопіютъ противъ насильственныхъ браковъ. Но мы отвѣчаемъ имъ: гуманисты не жили по деревнямъ, которыхъ у нихъ большею частію и нѣтъ, а если и жили, въ лѣтнее время для разсѣянія столичнаго сплина, то какъ джентельмены не погружались въ самую среду крестьянскаго быта, не приглядывались съ любовью, безъ предубѣжденія, ко всѣмъ его особенностямъ, условливаемымъ какъ народнымъ характеромъ, такъ и степенью народнаго образованія, не удостоивали его вниманія, какъ истинные Русскіе, либо смотрѣли на него съ теоретическимъ или идеальнымъ взглядомъ заимствованнымъ у чужихъ! Это вырожденіе столичной жизни, безъ практическаго взгляда на сельскій бытъ, съ тѣснымъ, какъ столичный валъ круговоротъ, напитанные при отсутствіи положительности, разными идеями запада, или вовсе не сбыточными утопіями, не допускающіе постепеннаго самобытнаго развитія и требующіе вдругъ различныхъ непримѣнимыхъ и не современныхъ мѣръ, которыя должны привести не къ устройству, а разстройству. Вотъ кого разумѣемъ мы подъ гуманистами, которые, къ несчастію и къ бѣдѣ, расплодился не мало въ столицахъ Россіи, и голосъ которыхъ уже довольно громко начинаетъ раздаваться съ наглою самоувѣренностію. Истинно русскій человѣкъ сближается съ своимъ народомъ и лучше основательнѣе понимаетъ его настоящій бытъ, какъ и существенныя выгоды. Мы не говоримъ о будущемъ, отъ котораго съ пламеннымъ желаніемъ ждемъ успѣховъ при постоянномъ и правильномъ развитіи крестьянскаго быта, какъ съ нравственной, такъ и вещественной стороны съ помощію тѣхъ своевременныхъ мѣръ, которыя истекаютъ непосредственно изъ потребностей народной жизни. Мы говоримъ о настоящемъ и по поводу настоящаго утверждаемъ, что въ крестьянскихъ бракахъ совершавшихся принужденій уже нѣтъ, а если иногда и поручается родственникамъ или старостѣ уладить дѣло, то гдѣ же, въ какихъ сословіяхъ не существуетъ браковъ по расчету? Принужденіе еще не есть принужденіе. Но и смыслъ принужденія ослабѣваетъ при слѣдующихъ соображеніяхъ. Препятствіе почти всегда встрѣчается со стороны невѣсты, но дѣйствительно большую ниету и не станеть понуждать къ замужеству по тому одному, чтобы не навязать лишняго бремени на мужа, которому въ его быту нужна здоровая работница. Во вторыхъ засидѣвшіяся дѣвки не всегда бываютъ безукоризненнаго поведенія, да при томъ еще русскій крестьянинъ смотритъ на любовь иначе, чѣмъ другія сословія: въ немъ,

суда по большинству, еще мало развито чувство чистой идеальной любви. Потому и самыя отношения его къ женѣ не таковы, какъ въ образованныхъ сословіяхъ. Въ крестьянствѣ мало встрѣчается влюбленныхъ. Тамъ даже не существуетъ этого слова, но есть выраженія: полюбиться или понравиться и если какая нибудь дѣвка полюбилась парню и лицомъ и силою и здоровьемъ и смысленностью, то онъ на ней и женится. Жена становится домашнею работницею, поవుнуется мужу, любить его почти безмолвно и чувство въ мужѣ и женѣ не доходитъ до такихъ глубокихъ, страстныхъ ощущеній, которыя въ образованномъ обществѣ или составляютъ высочайшее семейное благо, или производятъ ужасныя катастрофы. Въ крестьянскомъ быту не столько любовь, сколько кротость, покорность и усердная работа жены составляютъ семейное счастье. Впрочемъ мы объясняемъ это явленіе не отсутствіемъ способности къ развитію душевныхъ силъ, ибо видали примѣры и такой любви и высокаго христіанскаго самоотверженія, но историческою судьбою женщины, ибо то положеніе, въ которомъ находится русская крестьянка, ведется изстари и есть древнее, потому то и сохранилось еще въ простонародіи, между тѣмъ какъ въ образованныхъ сословіяхъ развитіе женщины сдѣлало уже нѣсколько шаговъ впередъ и стремится стать въ уровень съ развитіемъ мужчинъ. Въ русскомъ народѣ есть много покорности и эта покорность наиболѣе живетъ въ женщинѣ, сдерживая въ ней чувство и не давая ему переходить въ страсть, отъ которой не далеко и до необузданности. Сюда присоединяется и древнѣйшій взглядъ на права женщины, перешедшій въ народное преданіе, народный обычай и доселѣ сохранившійся въ русскомъ народномъ быту (очень легко можетъ быть, что чувство любви гибнетъ въ душѣ, дѣлаясь безплоднымъ и бездѣйственнымъ среди другихъ отношеній мужа и жены или по крайней мѣрѣ въ большей части народа оно не высказывается такъ сильно, чтобы всѣ другія обстоятельства могли подчиниться ему, а слѣдовательно и подчиненіе къ браку) не можетъ имѣть въ немъ такого значенія и такой силы, которыя ему стали придавать, не зная основательно русскаго крестьянина. Если строго употреблять крестьянскія выраженія, то мы скажемъ, что крестьянинъ выбираетъ себѣ невѣсту не по «сердцу», а по «мысли», это самое выраженіе измѣняетъ нѣсколько смыслъ понужденія, когда онъ является необходимымъ и полезнымъ. Сживется-слюбится, говоритъ пословица и крестьяне никогда не ссорятся между собою и не попрекаютъ другъ

друга изъ за того, что женились не по любви. Иногда бываетъ и такая уловка—невѣста отказывается только потому, что ждетъ понужденія или приказапія, тогда какъ внутренно она согласна выйти за сватающагося парня. Это дѣлается про всякій случай, чтобы обезпечить за собою большую свободу, потомъ и свалить всю вину на родственниковъ или начальство, хотя въ настоящее время она и не имѣетъ никакого дурнаго памѣренія. Наконецъ въ третьихъ если согласится, что въ крестьянствѣ чувство стоитъ ниже расчета, какъ это обыкновенно бываетъ, то при равенствѣ состоянія понужденіе или принужденіе можетъ случиться весьма рѣдко и при томъ оно не такъ чувствительно, если состояніе сватаемыхъ болѣе или менѣе равно. А извѣстно, что въ вотчинѣ или волости самое значительное число крестьянъ имѣетъ почти равное состояніе, въ сравненіи съ конми богача и бѣдняки составляютъ лишь малую долю. Вотъ съ этой стороны свобода брака почти всегда что женихъ и невѣста находятъ себѣ ровню и не находятъ причинъ отказываться отъ брака. Вообще, повторяемъ, гуманисты, схватясь за слово принужденіе или понужденіе и начавъ кричать противъ угнетенія личной свободы, весьма много если только не вовсе ризочаруются, когда пристальнѣе и глубже взглянуть въ крестьянскій бытъ и постараются понять его особенности, которыя дѣйствительно кажутся непонятными, или вовсе неизвѣстными имъ, потому что для точнаго и вѣрнаго узнанія ихъ требуются совершенно нныя отношенія къ своему народу, чѣмъ въ какихъ стоятъ наши доморожденные гуманисты. Все происходитъ отъ того, что мы еще плохо знаемъ свой народъ, чуть ли не плоше, чѣмъ чужіе народы. Уважая въ другихъ народность, мы, не зная своей, не признаемъ ея и требуемъ лишь подражанія чужимъ, забывая что много нашъ народъ, всегда отличавшійся самостоятельною жизнью, сильный своими собственными силами и твердо держащій свою народность, долженъ и развиваться самобытно, постепенно, по началамъ,текающимъ изъ его собственной природы и всей его минувшей жизни, туземныя мѣры должны быть только поощрительныя, способствующія, проводящія, своевременныя, но не насильственныя, пезаимствованныя, не разрушающія и не раппія. Самостоятельно развивающійся народъ всегда сдѣлаетъ своимъ путемъ дойти до человеческого и помпиртъ народное начало со всечеловѣческимъ. Тутъ только дають ему свободный ходъ, но не торопятъ его въ шествіи. За то надобно помнить, что каждый шагъ народа впередъ несетъ за собою забвеніе чего нибудь су-

пещенного въ пародѣ и потому во всякую пору своего развитія народъ достоинъ изученія. И такъ въ настоящее время въ упомянутомъ уѣздѣ сватовство идетъ слѣдующимъ порядкомъ. Замѣтимъ, что при этомъ какъ въ дѣйствіяхъ такъ и словахъ простой народъ любитъ соблюдать строжайшую формальность, выражая чрезъ то взаимное уваженіе. Когда невѣста пайдепа, тогда отецъ жениха засылаетъ сватовъ. Онъ идетъ къ ближайшему родственнику невѣсты и говоритъ, что родственнику его такую-то желалъ бы взять за своего сына, прося уладить сватовство: сходить къ отцу невѣсты и объяснить ему, что такой-то хотѣлъ бы женить своего сына на его дочери. Съ этого времени родственникъ невѣсты, согласившійся начать сватовство, получаетъ названіе свата. Онъ приходитъ къ невѣстину отцу и объясняетъ въ чемъ дѣло, говоря:

«Любезный братецъ (или свать, или кумъ, или какъ иначе) такой-то! Слышно есть у васъ товаръ, чтобы не залежаться ему, нашелся купецъ, человекъ Божій и такъ подумайте со своею сожигательницею, чтобы не упустить его».

Отецъ, какъ бы не понимая рѣчей свата, спрашиваетъ: что же у насъ за товаръ такой и что за купецъ?

На это свать отвѣчаетъ:

«Далеко молодцу за звѣремъ гоняться, далеко дѣвницѣ по грибу ходить. Намъ съ тобой не пристойно околѣсницу нести. У тебя есть невѣста, у меня женихъ».

— Такъ-то, такъ, да дочка наша еще молодѣшенька: не постыло ей еще житье дѣвичье, съ отцомъ матерью. Жалко намъ растаться съ нею. Пусть еще дома поживетъ да понѣжится: бабій вѣкъ долготъ—помается.

«Ну какъ знаете. Я пришелъ къ вамъ не силой отнять вашу дочь, а по чести, да по родству. Только вы знаете, что въ дѣвкахъ не вѣкъ же вѣковать. Она у васъ дѣвка пригожая, разумная: пристроить, такъ и дѣло въ шапелъ».

Узнавши кто такой женихъ, отецъ невѣсты проситъ сроку, чтобы подумать и посоветоваться съ женою и дочерью. По истеченіи срока свать приходитъ вторично, и узнавъ, что родители согласны выдать свою дочь за его жениха, идетъ въ домъ къ послѣднему и объявляетъ о согласіи со стороны невѣсты.

Столъ.

Получивъ черезъ свата согласіе изъ дому невѣсты, отецъ жениховъ беретъ свата и идетъ съ

нимъ къ невѣстину отцу дѣлать условіе о *столѣ*. Дать на столъ «значить» положить на столъ во время пропой извѣстное количество денегъ за выкупъ или выходъ невѣсты и за ея приданое. Дѣло происходитъ между одними отцами въ присутствіи свата. Отецъ невѣсты выражаетъ свое согласіе уступить дочь и спрашиваетъ сколько дадутъ на *столъ*. Отецъ жениха назначаетъ сумму отъ 25 до 50 руб. с. При этомъ большею частію отцы торгуются и наконецъ сдѣлавъ, условливается о днѣ, въ который долженъ быть *запой* или *пропой*.

Пропой.

Родители и свать жениха приходятъ въ домъ къ невѣстѣ, здороваются и садятся за столъ. Къ пропой приглашаются родственники невѣсты, живущіе въ одной съ нею деревнѣ. Женихъ не ходитъ на пропой.

— «Любезный свать, что нами по милости Божьей вздумано, загадано—давайте начинать! говорить отецъ жениховъ. А невѣстникъ отецъ отвѣчаетъ:

— «Богу помоляся, начинайте!»

Тутъ всѣ, находящіеся въ избѣ молятся Богу, и крестясь садятся по мѣстамъ: отцы впереди въ большомъ углу, а прочіе далѣе по лавкѣ. Отецъ жениховъ вынимаетъ выкупныя или столовыя деньги и кладетъ на столъ. Отецъ невѣстникъ беретъ ихъ, кладетъ на блюдо или въ чашу и ставитъ на полицу, гдѣ они и лежатъ до окончанія пропой. Сосѣди, въ особенности дѣвы, званныя и певанныя, собираются въ избу смотрѣть пропой. Въ это время жениховъ отецъ развязываетъ кошелекъ, который принесъ съ собою и вынуть боченокъ или нѣсколько штофовъ съ виномъ, обращается къ невѣстину отцу:

— «Сватушка любезный, пожалуй-ка стаканчикъ!» Когда свать подаль ему стаканъ, онъ наливаетъ вино и подноситъ свату, но этотъ отвѣчаетъ:

«Сватушка любезный! у кого въ рукахъ, у того и въ устахъ».

Отецъ жениха начинаетъ пить, говоря:

Сватушка любезный, дай Богъ, чтобы начатое по милости Божьей, кончить благополучно въ честь и радость. Выпивъ, онъ наливаетъ снова вина и подноситъ невѣстину отцу, который принявъ стаканъ, выпиваетъ его съ тѣмъ же пожеланіемъ. Потомъ жениховъ отецъ посматриваетъ вино всему семейству и, наконецъ, самой невѣстѣ, положивъ на этотъ разъ въ стаканъ нѣсколько серебряныхъ

мопеть. Невѣста, которая до тѣхъ поръ оставалась съ подружками въ заднемъ или въ темномъ углу, т. е. близъ печи, услыхавъ, что ее зовутъ по имени и по отчеству, подходитъ къ столу и беретъ стаканъ съ виномъ, потомъ снова уходитъ въ свой уголъ и, выливъ во что нибудь вино, оставляетъ деньги у себя, а стаканъ относитъ на столъ и, поклонившись, возвращается къ подружкамъ. Сватъ подчуетъ виномъ гостей, а невѣстинъ отецъ ставитъ на столъ закуски. Когда подносятся вино гостямъ, невѣста даритъ будущаго свекра, жениха и свата дарами или платками. Дары подаетъ не сама невѣста, но сваха, т. е. жена свата. Сперва подаетъ она отцу жениха, говоря:

— «Сватушка любезный, дары прими, на большомъ не взмщи, а блюдечко-то позолоти».

Отецъ принимаетъ даръ и отдариваетъ деньгами. Сваха во второй разъ подноситъ ему съ тѣми же словами, прося принять ихъ для жениха. Отецъ принимаетъ дары отъ имени сына и снова отдариваетъ. Потомъ сваха обращается къ мужу:

«Сватушка любезный дарини-то прими, на большомъ-то не взмщи, а блюдечко-то позолоти. Сватъ дѣлаетъ тоже, что отецъ жениха. Послѣ даровъ женихова мать выкладываетъ на блюдо *кокуры*, т. е. ржаныя лепешки, пряничные орѣхи, яблоки, яйца и т. п. и подзывая къ столу невѣсту, говорить ей:

«Сыночекъ такой-то тебѣ кланяется; вотъ онъ прислалъ тебѣ хлѣбъ-соль и Вожью милость, просилъ сказать тебѣ, чтобы ты не плакала, не тужила, а молилась бы Богу.»

Невѣста, взявши блюдо, уходитъ къ себѣ и, сложивши съ него кокуры и прочее, кладетъ на него дары и выноситъ къ будущей свекрови, прося передать отъ нея жениху. Вино все распито, закуска съѣдена и пропой конченъ. Новые сваты въ веселомъ расположеніи духа обнимаются, цѣлуются и разсуждаютъ, когда играть свадьбу. Напоследокъ отецъ и мать жениха уходятъ домой, за ними гости и зрители. Въ избѣ остается невѣста съ своею семьею и подругами. Тогда она начинаетъ вопить надъ матерью:

2233.

«Родима-то моя матушка!
Что у васъ были за пиръ за бѣсѣдушка?
Что у васъ были за люди незнакомые,
Съ чужой дальней сторонѣшки?
Пропили вы мою буйную головушку —
Не за пивомъ, не за браженькой,
А за винною чарочкой.

Пили вы прохлаждалися,
Надъ моей горькой головушкой ломалися.
Я говорила вамъ матушка,
Я говорила вамъ приказывала:
«Не пейте вы зелена вина
Не берите вы золотой казны, —
Золотая казна обманчива,
Зелено вино пьянчиво.»

Точно также вопить она надъ отцомъ, братьями и сестрами. По окончаніи плача подружки выходятъ на улицу и поютъ:

2234.

«Дорогая ты наша гостинька,
Марья Ивановна! (ими невѣсты)
Гости ты въ гостяхъ у батюшки,
И у родимой-то своей матушки!»
— Я радешенько бы погостила;
Не моя-то стала волюшка,
Стала волюшка Иванова,
Что Ивана-то Михайлыча;
Что Иванъ-отъ думушку думаетъ,
Что Михайлычъ думушку крѣпкую:
Какъ на дворъ будетъ въѣхати,
Въѣхати со боярами, поѣзжанами.
Какъ въѣзжаетъ-же Иванушка
Что въѣзжаетъ къ Ивану Петровичу.
Услыхала-же Марьюшка,
Услыхала-же Ивановна,
Испугалась-же и заметалася,
Закричала-же она громнымъ голосомъ:
Что кормилецъ ты мой батюшка
И родимая моя матушка!
Не пушайте-ка вы разорителей,
Не пушайте вы погубителей,
Разорять-то мою головушку,
Погубять-то мою дѣвичью красотушку.»

Дѣвичникъ.

За день до свадьбы бываетъ дѣвичникъ. Передъ дѣвичникомъ невѣста ходитъ въ баню съ любимую подругою. Возвратясь домой, она ждетъ подружекъ и когда онѣ входятъ въ избу, она вопить:

2235.

Вы подите-ка, подруженьки,
Вы подите-ка, лебедушки!

Вы не гнѣвайтесь-ка, подруженьки,
Что я васъ-то не встрѣтила,
Среди-то двора широкова,
Среди-то мосту калинова,
Тяжелыя двери то я не отворила,—
Не за лѣнью-то, не за гордостью
За своимъ-то горюшкомъ великимъ;
Не впачай-то ко мнѣ горюшко прикатилось
Подкосило-то оно мнѣ рѣзвы ноженьки,
Опустило-то мнѣ бѣлы ручепки,
Головушка-то моя съ плечъ свалилася
Со своего-то горюшка великаго.

2236.

Любезныя подруженьки,
Вы любезныя мои бѣлыя!
Что заранѣ въ гости не ходили,
Моего батюшку не журили,
Мою матушку не сговорили —
Какъ прогнѣвался на меня батюшка,
Что прогнѣвалась на меня матушка.
Ужъ я думушку думаю,
Всѣ-то думушки передумую,
Какъ одна-то думушка съ ума нейдетъ,
Какъ съ ума-то нейдетъ, съ разума:
Что прогнѣвался на меня батюшка,
Что осердилась на меня матушка,
Отдають-то меня, молодехоньку,
Молодѣхоньку, зеленѣхоньку.
Ужъ и не дали мнѣ на поги подняться,
Что съ умомъ съ разумомъ собратися,
Отдають-то меня въ чужіе люди,
Въ чужіе-то люди и незнамые
Ко чужому-то отцу съ матерью.
Ужъ и падо-то жить во чужихъ людяхъ,
У чужова-то отца съ матерью.
Чужой-то отецъ — не батюшка,
Чужая-то мать — не матушка.

Потомъ невѣста просить любимую подружку
заплести ей косу. Когда плетутъ, она плачетъ:

2237.

Родимый-то мой батюшка!
Родимая-то моя матушка!
Поглядите вы на дорогихъ гостей,
На лебѣдушекъ подруженекъ:
Убраны онѣ всѣ уряжены,
Одна-то я горькая не убрана и не уряжена,
И моя-то головушка не причесана.

Лебедушка моя подруженька!
Возьми-тко ты чистый гребень,
Расчеши ты мою буйную головушку.
Лебедушка моя подруженька!
Возьми-тко ты шелковъ косникъ
Со лентами со алыми,
Заплети-тко ты русую косу,
Сплети-тко ты мелку на-мелку,
Завяжи-тко мнѣ крѣпкой узелъ,
Чтобъ коса во вѣкъ не разбилася.

2238.

Вы лебедушки подруженьки,
Вы лебедушки мои бѣлыя!
Ужъ придетъ-то къ вамъ весна красная,
Расцвѣтутъ-то и всѣ цвѣтики,
Расцвѣтутъ и всѣ лазоревы,
Вы пойдѣте во зелены луга.—
Вы сорвете-тко всѣ по цвѣтику,
Вы совете-тко всѣ по вѣничку,
Ужъ останется одинъ мой цвѣтникъ,
Ужъ не совется-то одинъ мой вѣничекъ.
Вы лебедушки мои подруженьки,
Вы лебедушки мои бѣлыя!
Вы сорвите-тко и мой цвѣтокъ,
Вы совете-тко и мой вѣнокъ.
Вы пойдѣте-тко по улицѣ,
Вы пойдѣте-тко по широкой,
Вы пойдѣте-тко мимо батюшки,
Мимо-то батюшки, мимо матушки,
Положите-тко вы мой вѣнокъ,
Положите-тко вы къ нимъ на окошечко:
Не ужаснется ли ихъ сердечушко,
Не ужаснется ли ихъ ретивое?...

По окончаніи плача невѣста даритъ подру-
жекъ кобуркою и потомъ начинаетъ снова вопить:

2239.

«Красота-ль ты моя, красотушка,
Красота-ль ты моя дѣвичья!
Покрасуйся ты моя, красотушка,
Покрасуйся ты, моя дѣвичья,
У родимаго-то батюшки,
У родимой-то матушки!
Ужъ не долго-то мнѣ
Красоватися во дѣвичьей красотушкѣ,
Что не годъ то мнѣ, не недѣлюшку
Со своими-то пруженьками,
Со своими-то со лебѣдушками.

Затѣмъ подружки идутъ домой, а невѣста ихъ провожаетъ плачемъ:

2240.

Побесѣдуйте-тко, вы подруженьки,
Побесѣдуйте-тко, вы лебедушки,
У мого-то родимаго батюшки,
У моей-то родимой матушки!
Вы лебедушки подруженьки,
Вы лебедушки мои бѣлыя!
Не попомните-ко вы моей лихости,
Не попомните-ко вы моей грубости,
Не попомните-ко досады моихъ великіихъ.

Простившись съ подружками, она возвращается въ избу, садится на лавку и продолжаетъ вопить:

2241.

Ужо родимый ты батюшка,
Ужо родима моя матушка!
Проводила-то я дорогихъ гостей,
Дорогихъ гостей-подруженекъ,
Проводила-то ихъ въ остаточки,
Ужъ во дѣвичьей красотушкѣ.
Ты родимый мой батюшка!
Не сидите-ко вы долго вечеромъ,
Не жгите-ко вы свѣчу воску ярова,
Не ждите-ко вы меня съ улицы,
Съ веселаго-то гуляныща,
Во дѣвичьей-то красотушкѣ,
Отъ лебедушекъ подруженекъ;
Ужъ и ждите вы меня
Изъ чужихъ людей незнамыихъ,
Ужъ меня со горюшкомъ со великіимъ.

Капунъ свадьбы.

Отецъ жениха обходитъ своихъ родныхъ и знакомыхъ съ приглашеніемъ на свадьбу.

«Прошу пожаловать къ повобращному князю меду пить».

Вечеромъ наканунѣ свадьбы званые гости собираются къ жениху. Собранный гости подносятъ жениху хлѣбъ-соль и деньги, говоря:

«Вотъ тебѣ хлѣбъ-соль и Божья милость».

Садятся за столъ и хозяинъ каждому гостю подноситъ стаканъ браги, прося его быть та-

кимъ-то поѣзжаномъ. Поѣзжане жениховы выбираются и распределяются такимъ образомъ: тысяцкій, которымъ выбирается крестный отецъ, или за отсутствіемъ его, ближайшій и почетнѣйшей родичъ; дружки: первый дружка, второй дружка, третій дружка; бары: первый баринъ, которымъ выбирается свать, усватавшій невѣсту, т. е. родственникъ невѣсты; второй баринъ, третій баринъ. Если родство большое и гостей набѣхало много, то дружекъ и баръ назначается болѣе; сваха—крестная мать жениха; повозникъ—кучеръ свахи. Всѣ эти лица вообще называются поѣздомъ. По окончаніи выборовъ отецъ, а потомъ мать благословляютъ сына-жениха. Послѣ сего тысяцкій или крестный отецъ беретъ жениха за правую руку и садится съ нимъ на лавку. За ними садятся всѣ прочіе. Когда всѣ посадутъ, тысяцкій говоритъ:

«Отецъ, мать и всѣ добрые люди! благословите посадить повобращнаго князя на мѣсто».

Всѣ опять встаютъ, молятся Богу, тысяцкій ведетъ жениха за столъ и сажаетъ на большое или княжеское мѣсто. Начинаютъ ужинать, а послѣ ложаться спать.

Въ тотъ-же вечеръ точно такимъ-же образомъ сѣзжаются гости къ невѣстѣ.

Увидавъ родныхъ, входящихъ въ избу, невѣста вопитъ:

2242.

Вы подите дорогіе гости!
Что за ранне не ходили,
Моего-то батюшку не журили?
Мою-то матушку не сговаривали?
Ужъ прогнѣвался на меня батюшка,
Ужъ прогнѣвалась на меня матушка,
Отдають-то меня, горькую,
Во чужіе люди незнамые,
Ко чужому отцу-матери.

Изъ гостей выбираются, посаженный свать—крестный отецъ невѣсты, дружки для угощенія женихова поѣзда; поваръ, который долженъ ставить кушанье для поѣзжанъ; встрѣчная сваха, вмѣстѣ съ дружками встрѣчающая поѣзжанъ; бражникъ или мѣшатель браги; привратникъ—кто отворяетъ ворота поѣзжанамъ; продавецъ—мальчикъ, преимущественно братъ или родственникъ невѣсты, назначающійся для продажи невѣсты.

Послѣ этихъ разборовъ отецъ, мать, отецъ крестный и мать крестная благословляютъ порознь

невѣсту. Посаженыи свать беретъ невѣсту за правую руку и садится съ нею на лавку; за ними садятся и всѣ прочіе. Когда всѣ сѣли, посаженый свать говоритъ:

«Отецъ, мать и всѣ добрые люди благословите меня повобрачную княгиню на мѣсто посадить». При этихъ словахъ всѣ встаютъ и молятся Богу. Посаженыи свать ведетъ невѣсту за столъ и сажаетъ на большое или княжеское мѣсто. Вскорѣ за тѣмъ пачинается ужинъ, послѣ котораго всѣ расходятся по домамъ.

Утро свадьбы.

Хозяинъ и всѣ гости, вставши отъ сна, по обыкновенію, завтракаютъ, а тысяцкій съ княземъ ѣдутъ въ церковь служить молебень Спасителю и Божьей Матери. Для поѣзда обыкновенно готовятся самыя лучшія лошади и убираются въ лучшую сбрую, съ лентами и бубнами. Когда невѣста снаряжается, братъ обуваетъ ее, а она вопить:

2243.

Родной ты мой братецъ!
Почто ты меня обуваетъ?
Почто ты меня снаряжаешь?
Обуваетъ меня, снаряжаетъ
Во чужу дальнюю сторонушку,
Ко чужому отцу и матери.
«Родимый-то мой батюшка,
Родима-то моя матушка,
Ужъ и всѣ-то дорогіе гости!
Вамъ спалась ли ужъ и темная ночь?
Ужъ а мнѣ-то горькой
Не спалась-то мнѣ вся ноченька,
Что на зоренькѣ мнѣ-ка приуснулось,
И не хорошъ-то мнѣ сонъ привидѣлся:
Будто я гуляла во зеленыхъ лугахъ,
И расплелась-то моя руса коса,
Будто выплелся мой зеленъ косникъ,
Мой зеленъ косникъ ужъ со лентами
Потеряла то я свою дѣвичью красоту.

Потомъ посаженый свать ѣдетъ съ княгиней въ церковь служить обѣдню. По возвращеніи изъ церкви княгиня вопитъ на мосту:

2244.

Ужъ пахаживайтесь, мои поженья,
По подворьницу по широкому,
Ужъ по мосту по калинову.

А вошедши въ избу, она продолжаетъ:

Родимый мой батюшка,
Родима моя матушка!
И ѣхала я чистымъ полемъ,
Чистымъ-то полемъ и темнымъ лѣсомъ,
Не видала я свѣту Божьяго,
Во своихъ-то слезахъ во великихъ.

Когда тысяцкій съ княземъ воротились домой изъ церкви, тогда всѣ поѣзжане собираются ѣхать по невѣсту: заложивъ лошадей и одѣвшись, они садятся предварительно за столъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди на первомъ мѣстѣ князь, по правую его руку тысяцкій, за нимъ—большой баринъ, потомъ второй баринъ, затѣмъ первый, второй и третій дружка и т. д. По лѣвую сторону князя садятся—сваха, а подлѣ свахи—повозникъ. Отецъ жениха подноситъ всѣмъ по стакану вина и ставитъ закуску. Какъ скоро вино поднесено всѣмъ, поѣзжане встаютъ изъ-за стола, молятся Богу и выходятъ на дворъ. Здѣсь каждый становится у своей повозки. Первый дружка беретъ образъ, второй епанчу, и оба три раза обходятъ вокругъ поѣзжанъ и повозокъ, говоря: первый—«Христосъ воскресе», второй—«во истину воскресе!» Кончивъ троекратное обхождение, они вмѣстѣ со всѣми садятся въ повозки и ѣдутъ къ невѣстѣ. Не доѣхавъ съ четверть версты до деревни, гдѣ живетъ невѣста, поѣздъ останавливается. Первые дружки въ одной повозкѣ ѣдутъ въ домъ невѣсты, тогда какъ всѣ прочіе остаются. Въѣхавъ на дворъ—дружки слѣзаютъ съ повозки, крестятся, кланяются съ сосѣдями, пришедшими изъ любопытства посмотреть свадьбу и ждутъ встрѣчныхъ. На встрѣчу имъ выходятъ изъ избы невѣстныи дружки съ виномъ и брагою, здороваются, называя другъ друга сватами. Послѣ взаимныхъ привѣтствій они говорятъ первымъ:

«Сватушки любезные! зачѣмъ вы пріѣхали, просимъ покорно пожаловать къ намъ въ избу». Первый дружка одинъ входитъ въ избу, а прочіе остаются при возѣ. Идя по лѣстницѣ, онъ говоритъ:

2245.

По синимъ сѣнечкамъ,
По частымъ ступенечкамъ
Идетъ дружка пожилой,
Самъ съ сѣдою бородой.

Какъ только переступить черезъ порогъ, онъ говоритъ:

Дружка переступилъ чрезъ порогъ,
Увидѣлъ черный потолокъ,—
На силу поженъки переволокъ.

Продолжая идти отъ порога до переду, онъ говоритъ слѣдующее:

2246.

Красныя дѣвицы,
Пирожныя мастерицы,
Блиныя пагубницы,
Сметанныя лакомицы!
Ваше дѣло не по свадьбамъ ходить,
Не на свадьбы глядѣть,
Ваше дѣло въ клѣтъ залѣзть,
Сметану снимать, лепешки печи,
Подъ заборъ хоронить
Ребятъ кормить.

Молодыя молодницы!
Ваше дѣло не по свадьбамъ ходить,
Не на свадьбы глядѣть, —
Ваше дѣло дома сидѣть,
Веревошки вязать
Ко омету сходить,
Беремя соломы взять,
Постелю мягкую себѣ слать,
Съ хозяйскими крѣпко спать.

Старыя старухи!
Ваше дѣло не по свадьбамъ ходить,
Не на свадьбы глядѣть, —
Ваше дѣло дома сидѣть,
Ребятъ кормить, снохъ смущать:
Чтобы онѣ чаще бранились.

Маленькія ребятки!
Вы съ полатей глядите,
Сопли не уроните,
Клязю новобрачному
Головы не проломите!
Сопли подотрите,
По горохъ подите!

(Ср. выше стр. 669).

По окончаніи этихъ приговоровъ онъ входитъ въ избу. Войдя, онъ крестится и кланяется. Дружки невѣстину приносятъ ему скамейку. Но онъ ласково отговаривается и не садится, потому что это дѣлается смѣха ради. Если же дружка не зная или забывъ этотъ обычай, сядетъ, то на него всѣ со смѣхомъ кричатъ:

«Сажайте дружку на казенку», (т. е. полку приделанную къ печкѣ). Первый дружка обращается къ невѣстину отцу:

«Сватушка любезный, пожалуйста мнѣ стакачнѣ!» Сватъ велитъ своимъ дружкамъ подать стаканъ браги. Получивъ его, первый жениховъ дружка подноситъ его первому невѣстину дружкѣ, приговаривая: «Друженька любезный! вашимъ-же добромъ и вамъ-же челомъ». Стакачнѣ прими да выкушай, а чему я не разумѣю, поучи меня.» Также и прочимъ дружкамъ обноситъ онъ по стакану браги, потомъ самому свату и отцу невѣсты, говоря:

«Сватушко любезный, пожалуйста сюда! Вашимъ же добромъ да вамъ челомъ, стакачнѣ прими да выкушай». За симъ свахѣ или невѣстной матери и наконецъ повару, котораго вызываетъ: «Любезный сватушка, поваръ, поварокъ, пожалуйста-ка сюда». Поваръ выходитъ впередъ, дружка подаетъ ему вино, приговаривая: «Вари кашу крутую, лапшу густую; отъ нашего свата пастъ ѣдетъ 300 пѣшихъ, да 200 конныхъ, было бы что у тебя попить да поѣсть. Вашимъ же добромъ да вамъ челомъ, стакачнѣ прими да выкушай». Поваръ, взявши стаканъ, отвѣчаетъ: «У нашего свата приготовлено всего много, сколько бы васъ не было всего не попьете и не поѣдите. Прошу покорно къ нашему свату». Напоследокъ дружка обращается и къ княгинѣ: «Княгиня новобрачная, пожалуйста сюда изъ-за добрыхъ людей, какъ солнышко, изъ-за темныхъ облаковъ». И самъ подходя къ княгинѣ продолжаетъ: «Нашъ князь стоитъ во чистомъ полѣ подъ бѣлымъ шатромъ, онъ не велитъ тебѣ ни тужить, ни плакать, велитъ Богу молиться. Вашимъ же добромъ и вамъ челомъ, стакачнѣ прими да выкушай»; княгиня, не принимая стакана, плачетъ передъ дружкой:

2247.

Ужъ ты друженька, большой баринъ!
Ужъ почему ты меня знаешь?
И по имени меня называешь,
По отчеству меня величаешь?
Въ зеленыхъ дугахъ я съ вами не гуливала,
Въ темныхъ-то лѣсахъ съ вами не хаживала,
На работухѣ съ вами не работывала,

Во бесѣдѣ съ вами не сживала,
Хлѣба соли съ вами не кушивала,
На широкой-то улицѣ съ вами не гуливала.
Кормилецъ ты мой батюшка!
Кормилица ты моя матушка!
Вы велите ли мнѣ-ка съ мѣста встать?
И велите ли мнѣ-ка стаканъ принять?
Ужъ сердечушко мое не покорчиво,
Мои-то поженки не подходчивы,
Ужъ головушка моя не поклончива,
Мои-то рученьки не примчивы.
Ужъ кормилецъ мой батюшка!
И кормилица моя матушка!
Ужъ сердечушко мое стало покорчиво,
Мои-то пожебенки стали подходчивы,
Моя головушка стала поклончива,
Мои-то рученьки стали примчивы.

Она беретъ стаканъ отъ дружки, но не ко-
спувшись его, отдаетъ назадъ. Дружка самъ вы-
пиваетъ его и садится на скамью, говоря: «Бла-
гословите меня свать, сваха и всѣ добрые люди
за цвѣтнымъ платьемъ итти». И выходитъ изъ
избы къ своей повозкѣ, изъ которой вынимаетъ
шубу, сарафанъ, лапти, зеркало, мыло, бѣлилы и
румяны. Остальные дружки берутъ съ собою
уголья и показываютъ ихъ ради смѣха. Съ выше
упомянутыми вещами, первый, второй и третій
дружка идутъ въ избу, и раскладываютъ ихъ по
лавкѣ говоря:

«Свахоньки любезныя! берите, что вамъ нужно».
Свахи берутъ вещи, а дружки идутъ къ своимъ
поѣзжанамъ, и соединившись съ ними, всѣмъ
поѣздомъ отправляются къ невѣстѣ. Между тѣмъ
невѣста плачетъ:

2248.

Родной ты мой братецъ!
Ты поди-тко на широкій дворъ,
Ты возьми-тко и востеръ топоръ,
И бѣги-тко ты въ темны лѣса,
Ты сруби-тко бѣлую березыньку,
Завали-тко ты путь дороженьку,
Чтобъ нельзя-то было ни пройти, ни проѣхати
Моимъ-то разорителямъ, погубителямъ!
Разлучать-то меня, горькую,
Со батюшкой и со матушкой,
И со всѣмъ-то родомъ племенемъ.

Послѣ этаго отецъ и мать благословляютъ не-
вѣсту, которая вопитъ:

2249.

Разшатнитесь вы добры люди,
Всѣ добрые-то люди и шабрѣнушки,
На всѣ-то четыре сторонушки!
Ужъ дайте мнѣ путь дороженьку,
Какъ пройти-то мнѣ ко благословеньицу!

Послѣ благословенія она продолжаетъ вопить
надъ отцомъ:

Ужъ кормилецъ ты мой батюшка!
Ужъ прошу-то я у тебя, батюшка,
Ужъ ни злата-то ни серебра,
Ужъ прошу-то я у тебя, батюшка,
Ужъ великаго благословеніяца.

За отцомъ благословляетъ мать, надъ которою
невѣста вопитъ:

Ужъ кормилица моя матушка.....
(тоже что и прежде).

Отецъ крестный беретъ невѣсту за руку и
подводитъ къ столу, на которомъ лежитъ хлѣбъ-
соль, а невѣста, стоя плачетъ!

2250.

Ужъ кормилецъ-то крестный батюшка!
Ужъ берешь ты меня за рученьку,
Ужъ взял ты меня за правую,
Ужъ ужаль ты ее крѣпко накрѣпко,
Ужъ повелъ ты меня по застолу,
По застолу по-за дубовому.
Ужъ по-за скатертамъ по за обранымъ,
По за хлѣбу, по за соли.
Ужъ родимый ты мой батюшка!
И родима ты моя матушка!
Ужъ шла то я по за столу,
Ужъ шла то я по за дубовому,
Потеряла я три ключика:
Ужъ первый-то ключикъ — воля батюшки,
А какъ другой-то ключикъ — нѣга матушки,
А третій-то ключикъ — дѣвичья красотушка.
Красота ты моя, красотушка,
Красота ты моя дѣвичья!
Не красуйся, моя буйна головушка,
Какъ во красныхъ во дѣвушкахъ.
Ужъ не долго-то тебѣ красоватися,
Ужъ не долго-то тебѣ радоватися,

У родимаго-то мойго батюшки,
У родимой-то моей матушки.
Ты родимая моя матушка!
Не во садъ ли вы меня сажаєте,
Не во зелены то луга гулять пускаете?
Вы сажаєте меня во неволюшку,
Вы сажаєте во неволюшку во великую.

Невѣста садится на лавку и плачетъ:

2251.

Спасибо тебѣ-ко батюшка,
Что на хлѣбѣ и на соли,
Что на крѣпкомъ-то подержаньицѣ.

За этии словами она встаетъ и кланяется
падъ хлѣбомъ и солью:

Спасибо тебѣ-ко матушка,
Что на хлѣбѣ и на соли,
И на крѣпкомъ на подержаньицѣ!

Опять кланяется и продолжаетъ такимъ же
образомъ плакать падъ вѣждымъ членомъ семей-
ства порознь. Подъ конецъ плачетъ падъ про-
давцомъ, который сидитъ подлѣ нея:

2252.

И родной ты мой братецъ,
Ужъ сидишь ты ни при городѣ, ни при лавочкѣ,
Не торгуешь ты ни шелкомъ, ни бумагой,
А торгуешь ты моей буйной головушкой,
Моей буйной головушкой, дѣвичьей красотушкой.

Отъ этаго плача она переходитъ къ другому:

2253.

Красота ты моя, красотушка,
Красота ты моя дѣвичья!
Не долго тебѣ красоватися
Во красныхъ-то во дѣвушкахъ
У родимаго моего батюшки,
У родимой-то моей матушки,
Ужъ не годъ-то тебѣ годоватися,
Ужъ не недѣлюшку-то тебѣ сидѣти,
Ужъ одинъ-то часикъ часовати.

Родимый батюшка, родимая матушка!
Куда-то мнѣ красоту пустить будетъ?
Во зеленые луга пустить—загуляется,
Во темные лѣса пустить—заплутается.
Поди-ка моя, красотушка, въ кутъ по лавочкѣ,
Въ кутъ по лавочкѣ, по алой лепточкѣ
По алой лепточкѣ, по красной по дѣвочкѣ.
Вы лебедушки мои подруженьки!
Возьмите вы мою дѣвичью красоту.
Любезныя мои подруженьки!
Не давайте вы моей красотушкѣ загулятися,
Загулятися, замататися!...

При послѣднихъ словахъ она кланяется по-
дружкамъ и весь жениховъ поѣздъ вдругъ въѣз-
жаетъ на дворъ. Невѣста перестаетъ плакать. По-
ѣзжане входятъ въ избу, крестятся и садятся за
столъ. Подъ жениха и невѣсту, которые садятся
рядомъ, подстѣпается на лавкѣ епанча. Прежде
всего невѣсту покупаютъ. Старшій дружка, для
примѣра, торгуется съ ея продавцомъ.

«Дай мнѣ рубль!» говоритъ продавецъ.

— «У меня нѣтъ рубля, возьми меньше», тор-
гуется дружка.

— «Если нѣтъ рубля, дай живаго воробья!»

За неимѣніемъ живаго воробья, дружка при-
нужденъ дать денегъ продавцу и невѣста куплена.
Начинается угощенье. Во время пира дѣвки и
молодые бабы поютъ пѣсни про поѣзжанъ. Сна-
чала про князя:

2254.

Ходитъ-же Иванъ по двору, по двору,
У него лисья шубышка до долу, до долу,
Лосинныя рукавицы до локтя, до локтя,
А лисья шапка до верху, до верху,
А божья милость до вѣку, до вѣку,
А люди-то говорятъ: «Чей-то такой? чей-то такой?»
А Марьюшка говоритъ: «Мой господинъ, мой
господинъ!

Нетроньте добры люди—пагуляется, пагуляется,
А онъ придетъ домой—не ломается, не ломается,
Мягкой постели не спрашиваетъ, не спрашиваетъ,
Высоки зголовья не взмскиваетъ, не взмскиваетъ.»

Послѣ князя поютъ тысяцкому:

2255.

Тысячскій, тысячскій, большой человекъ, большой
человекъ,
Любиль-ли ты, тысячскій, землю пахать, землю
пахать?»

— «Люблю-то я люблю: то дѣло мое, то дѣло мое.»
«Тысячскій, тысячскій, большой человекъ, большой человекъ!»

Любишь-ли ты, тысячскій, сыновей жепить,
сыновей жепить?»

— «Люблю-то я люблю: то дѣло мое, то дѣло мое,
Сына-то я женю, сноху проведу, сноху проведу,
А дочь-то отдамъ изъ высокаго терема, изъ
высокаго терема.»

Слышишь-ли ты, тысячскій, пѣсню поемъ, пѣсню
поемъ;

Слышишь-ли ты, тысячскій, честь воздаемъ, честь
воздаемъ.

Тысячскій даритъ деньгами пѣсельницъ, по
если не доволенъ одною пѣсней, то отвѣчаетъ имъ:

«Спасибо на той, другую запой!»

Пѣсельницы поютъ:

2256.

Селезень порѣчелькѣ всплавываетъ, всплавываетъ
На спинушку крылушки вскладываетъ,

А Филиппъ-то Агафьюшку спрашиваетъ,
спрашиваетъ:

«Скажи-ка Агафьюшка, кто въ роду милъ, кто въ
роду милъ?»

А милъ, милешенекъ ты господинъ, ты
господинъ.»

— «То-то-же, Агафьюшка, правда твоя, правда
твоя,

То-то-же, Устиновна, истинна, истинная.

Слышишь-ли ты тысячскій, пѣсню поемъ, пѣсню
поемъ,

Слышишь-ли ты, тысячскій, честь воздаемъ, честь
воздаемъ.

Если тысячскому мало и другой, то поютъ и
третью:

2257.

Шелкова ниточка ко стѣнѣ льнетъ, ко стѣнѣ
льнетъ,

А Филиппъ Агафьюшку ко сердцу жметъ, ко
сердцу жметъ:

Душа моя, Агафьюшка Устиновна, Устиновна,
Родитъ мнѣ сына, что я у тебя, что я у тебя,

И ростомъ доростомъ, умомъ разумомъ, умомъ
разумомъ.

Слышишь-ли ты, тысячскій, пѣсню поемъ, пѣсню
поемъ,

Слышишь-ли ты, тысячскій, честь воздаемъ, честь
воздаемъ.

Если и по третьей пѣсни тысячскій не хочетъ
отдарить пѣсельницъ, то онъ поютъ иную пѣсню:

2258.

Ельпикъ, березникъ, то мнѣ дрова, то мнѣ дрова,
У тебя, Филиппушка, то-ли не жена? то-ли не жена?

Слышишь-ли ты, тысячскій, пѣсню поемъ, пѣсню
поемъ,

Слышишь-ли ты, тысячскій, честь воздаемъ, честь
воздаемъ.

Тѣже самыя пѣсни, только съ перемѣною
именъ, поются каждому поѣзжанину и называются
величаньемъ. Послѣ поѣзжанъ поютъ свахѣ:

2259.

Пріѣхала сваха дорогая, дорогая,
На ней шубонька голубая, голубая,

А фатынька шелковая, шелковая,

Сорочка золотая, золотая.

То-то сваханька убрана, убрана,

То-то сваханька снарядка, снарядка.

Слышишь-ли ты, сваханька пѣсню поемъ, пѣсню
поемъ,

Слышишь-ли ты, сваханька, честь воздаемъ, честь
воздаемъ.

Когда сваха начинаетъ расплетать косу кня-
гинѣ, тогда поютъ про княжну, слѣдующую пѣсню:

2260.

Вострубитъ-же трубонька по росѣ, по росѣ,
Восплачетъ Марьюшка по косѣ, по косѣ:

«Ахъ свѣтъ моя косынька, русая коса, русая коса!
Пріѣхала сваханька съ чужой стороны, съ чужой
стороны,

Пачала-же косыньку рвать порывать, рвать
порывать;

Изъ косы-же жемчужный косникъ выплела,
выплела.

Развила-же косыньку на двѣ косы, на двѣ косы,

[illegible]

Когда это изъ поѣзжанъ, или повозникъ холость, тогда ему поють:

2261.

Поеть хочеть въ предовиньѣ, въ предовиньѣ,
 Подаетъ голосъ Иванушкѣ, Иванушкѣ:
 «Иванушка не женись, не женись,
 Платоничъ не женись, не женись,
 Твоя-то невѣстуха спесивая, спесивая,
 Пѣшечкомъ къ обѣдѣ не хаживала, не хаживала,
 Все-бы она на лошадекѣ, на лошадекѣ,
 Тройка лошадей сѣропѣги, сѣропѣги,
 Извожички молоды, молоды.»
 Слышишь-ли, повозникъ, пѣсню поемъ, пѣсню
поемъ,
 Слышишь-ли, повозникъ, честь воздаемъ, честь
воздаемъ.

Когда величаемый не доволенъ одною пѣсней,
тогда поютъ ему другую:

2262.

Иванушка въ поѣздѣ убирался, убирался,
Платонычъ снаряжался, снаряжался.
Его матушка собирала, собирала,
Сестрица соряжала, соряжала,
Гребешкомъ кудри чесала, чесала,
Жемчугомъ кудри увивала, увивала.
То-то-же Иванушка снаряженъ, снаряженъ,
То-то-же Платонычъ уборенъ, уборенъ.
Слышишь-ли, повозникъ, пѣсню поемъ, пѣсню
поемъ,
Слышишь-ли, повозникъ, честь воздаемъ, честь
воздаемъ.

По окончаніи пированья, отецъ и мать невѣсты благословляютъ образомъ дочь и ея жениха, и когда всѣ поѣзжане выходятъ изъ избы, чтобы ѣхать въ церковь, тогда дѣвки поютъ про княгиню:

2263.

Раззлодѣй, злодѣй, ты Марьюшка,
Раззлодѣй, злодѣй, ты Ивановна!
Какъ ты клялася божилася;
«Право, дѣвушка, замужъ не пойду,
Право, красныя, не подумаю!
Ни за князя, ни за боярина,
Ни за купчика, ни за торговаго.»
Пошла-же ты, свѣтъ Марьюшка,
Пошла-же ты, свѣтъ Ивановна,
Пошла сама первая,
За простаго крестьянина.
А на что ты свѣтъ, понапекнулась?
Али-дому то богатаго?
Али свекора почетнаго?
Али свекровушки разрядливой?
Али молодца парня хорошаго?

СВАДЪБА.

Пригласив невѣстныхъ гостей къ жениху на пиръ, поѣзжане съ парченными ѣдутъ въ церковь для вѣнчанія. Женихъ садится въ повозку вмѣстѣ съ тысяцкимъ, невѣста вмѣстѣ съ своею и жениховою свахами. Повѣнчавшись, ѣдутъ въ домъ къ молодому, куда собираются и всѣ гости съ той и другой стороны. Изъ церкви молодые уже ѣдутъ въ одной повозкѣ и съ ними садится женихова сваха; дружки дорогой поютъ разныя пѣсни. На встрѣчу молодымъ выходить на дворъ отецъ и мать молодой и нѣкоторые гости. Родители благословляютъ повобрачныхъ и когда послѣдніе падаютъ имъ въ ноги, тогда сваха обсыпаетъ голову молодыхъ хмѣлемъ. Какъ только молодые входятъ въ избу ихъ сажаютъ за столъ на первое мѣсто. Тутъ имъ и гостямъ подносятъ вино и предлагаютъ закуску. Немного погодя, сѣзжаются невѣстныя гости. Молодые предъ тѣмъ уходятъ за перегородку или въ горницу и въ ожиданіи гостей переодѣваются въ присутствіи свахи. Когда всѣ гости сѣдуютъ, то начинаютъ просить отца съ матерью показать имъ молодыхъ. Тогда сваха приводитъ молодыхъ и начинается пированье до поздней ночи. Когда гостямъ подносятъ брагу, то каждый изъ нихъ заставляютъ молодыхъ по три разъ цѣловаться, приговаривая, — «горько». Брагу также подносятъ и молодымъ бабамъ. Взявъ ставанъ и передавъ его мужу, жена падаетъ въ ноги мужу и лежитъ до тѣхъ поръ, пока мужъ не выпьетъ. Впрочемъ это дѣлается исключительно въ шутку. Во время пира дѣвки, молодыя бабы и парни поютъ пѣсни,

какія только умѣютъ. Пиръ обыкновенно бываетъ шуменъ и веселъ. Къ почти тысяцкій и сваха отводятъ молодыхъ спать, а прочіе гости съ пѣснями разѣзжаются по домамъ. Ближайшіе родственники остаются почевать у жениха и на утро молодые дарятъ ихъ платками. Черезъ педѣлю у отца не-вѣстина бываетъ «отводный столъ», на который приглашаются и родители молодого. Здѣсь сваты встрѣчаются впервые послѣ того, какъ началось сватовство.

Сообщ. въ 1858 г. А. А. Майковымъ.

Той же гув., Покровскаго у.

На дѣвишникъ.

2264.

Не въ золотѣ трубишка трубитъ по зарѣ,—
Милыя подруженьки тужать по косѣ:
Свѣтъ мой косышка, русая часта!
Вечоръ мою косышку плели,
Алыя ленточки вязывали.
Пріѣхала свахонька немилослива,
Разорвала косышку на шесть прядей.

2265.

Мало цвѣтнковъ посѣяли,
Немножко уродилось,
Немного насъ, дѣвушекъ, водилось,
Немного насъ осталось.
Не было у насъ измѣнщицы,
А топеря проявилось,
А топеря проявилась,
Измѣнщица красна дѣвушка.
Что она клялась, божила, —
Не хотѣла замужъ идти.
А теперь замужъ идетъ —
Не за князя, не за барина, —
За такого же крестьянина.

2266.

Не долго вѣпочку на прутикѣ висѣть,
Не долго подруженьки въ дѣвкахъ сидѣть,
Не годъ, не недѣля, — послѣдній вечерокъ.
Бывало подруженька говаривала:
«Не ходи-ко, батюшко, по честнымъ пирамъ,
Ты не пей, батюшко, зелено вино,

Не пропей ты, батюшко, молоду, меня!
Лучше пропей, батюшко, двадцать пять рублей.
Мы эти денежки годкомъ наживемъ,
Тебѣ меня, батюшко, — по вѣтъ не пажить.
Пойду схожу съ горюшки въ зеленъ садъ гулять,
Сломлю, сломлю, дѣвушка, вербочки сучекъ,
Насажу я вербочку въ зеленомъ саду:
«Рости, рости, вербочка, аршинъ безъ вершка,
Живи, живи, батюшко, весь вѣтъ безъ меня.
Не шей, не шей, матушка, красный сарафанъ,
Не входи, родимая, попусту въ изьянъ.
Родимая матушка, некогда носить».

Когда поѣздъ собирается за невѣстой, дру-
жельники говорятъ:

«Божій милостью, господа собралися мы сюда,
не только пить да проежидаться, а, съ Божьимъ
благословеніемъ, время и за дѣло приниматься.
Выбранъ дружка я, не самъ собой, а вашимъ
общимъ мнѣніемъ, да хозяйскимъ распоряженіемъ.
Выбранъ дружка я, покорнѣйшій вамъ слуга,
покорнѣйшій служитель, по имени сочинитель.
По имени я васъ назвать всѣхъ не знаю, а по-
чтеніе вамъ всѣмъ дѣлать стану. Господа поѣз-
жане, одѣваться не ошибаться, большіе баре,
меньшіе баре, полубаре, простые крестьяне на-
равнѣ съ мужиками! Хочу я вамъ, дружки, при-
казъ отдать — коней заеладать, въ гривы да въ
хвосты ленточки вязать, въ санки ковры разо-
слать, шей платочками обязать и, какъ должно,
нашего новобрачнаго князя благословлять. Мы
всѣ званы и всѣ жданы и всѣ Богомъ собраны.

«Есть между нами дяди, тети, дочери отцеи,
жены молодецки, не помяните нашего новобрач-
наго князя лихости, но благословите его въ ра-
дости по свѣтлой горницѣ пройти, сѣни новы
перейти, на щирокій дворъ сойти, ко конюшнѣ
подойти, двери отворить да молитву сотворить;
своего добраго коня уздечкой обуздать, серебря-
пой хомутикъ надѣвать, въ сани коверъ разо-
слать, шей платочкомъ обязать, въ санки сѣсть, умою
подумать. Взять въ правую руку тесмяныя вож-
жи, а въ лѣвую шелковую плетъ и ударить сво-
его ворона коня по его крутымъ ребрамъ по мо-
гучимъ, чтобы его добрый конь не шатался, не
мотался, не печалился, побольше бодрился и
всѣмъ правился и чтобы онъ не сшибъ нашего
новобрачнаго князя, а нашъ новобрачный князь
не помаралъ бы своего цвѣтнаго платья, чтобы
было ему не безчестно пріѣхать къ своей наре-
ченной».

«Нашъ новобрачный князь будетъ своего коня
ударять, подъ нимъ будетъ конь сердиться, отъ
земли отдѣлаться — повыше лѣсу стоячаго, пониже

облака ходячаго; горы, доли, болота и озёры будутъ онъ хвостомъ застилать, а маленькія рѣчки промежду ногъ пускаты; сухой лѣсъ отъ этого будетъ ломаться, а сырой къ землѣ приклоняться и, нашему повобрачному князю дорога будетъ вездѣ даваться, и онъ этому не будетъ много ужасаться, а будетъ со своимъ конемъ управляться, свой тугой лукъ натягать да калены стрѣлы пускаты, на лету птичекъ, голубушекъ убивать.

«Намъ ихъ не хочется много до смерти убивать, а хоть одну да живеньку поймать. Намъ нужно не сизую голубицу, не бѣлую лебедицу, а намъ нужно красную дѣвицу (имя и отечество) за правую рученьку взять, въ сапожки сажать, къ святому храму подѣзжать; въ святой храмъ вводить, предъ налоемъ на подножье становить, воску ярова свѣчи затеплять, да позолочены вѣнцы надѣвать, перстнями помѣняться, въ уста поцѣловаться, совѣмъ обвѣнчаться, да благополучно опять домой примчаться. Такъ господа, время и собратся да не торопись съ Богомъ въ путь отправляться.»

Когда дружка пріѣдетъ къ невѣстѣ одинъ, онъ говоритъ:

«Здравствуйте, господа! хочу имѣть любовь я съ вами навсегда, а вы со мной никогда. Ъхалъ я, дружка, по вашей широкой и прекрасной улицѣ и видѣлъ двѣ вещицы на улицѣ: пѣтухъ топчетъ молодеку, а за овинномъ воробей—воробѣу. Что они разумѣютъ, да и то себѣ по парочкѣ имѣютъ, а нашимъ молодцамъ, неужели холостымъ ходить? пришло время, надо и ихъ женить.»

«Пріѣхалъ мохнатый звѣрь къ богатому на дворъ, поставилъ своего ворога коня у его широкаго двора; ни къ чему коня не привязывалъ и никому за конемъ смотрѣть не приказывалъ. Стой, мой конь не шатайся, не мотайся, никому въ руки не давайся, но опять меня, дружка, дождайся. Вотъ дружка къ воротамъ подходитъ, Иисову молитву творить. Господи Иисусе, въпередъ меня дружки на дворъ нѣтъ не суйся, а кому угодно, прошу покорно.»

Войдя на дворъ, дружка дружить:

«Эй, сватушка молодой, выдь-ко сюда, повыступи, какъ красное солнышко повыступи, самъ ты покажись да и на насъ посмотри, каковы мы пріѣхали сюда. Вотъ и сватъ новый идетъ, словно уточка плыветъ. Добраго здоровія свату любезному! гдѣ ты тамъ зашатался, завалялся, едва я тебя здѣсь дождался. Почему долго-ко мы не являлись; мы люди посланные, пріѣхали изъ Москвы изъ Посады, изъ Гостиннаго ряда. Пала намъ вѣсть, что у васъ дѣвушка есть, полкомъ она пьетъ и золотомъ гнетъ, а намъ такихъ людей

и нужно, наши купцы у васъ вчера были и этотъ товаръ купили, задатку дали, а меня, дружку, получить послали. И такъ, сватушко любезный! нашъ повобрачный князь, а вашъ названный зять, слава Богу, живъ и здоровъ, здравствуетъ благополучно. Онъ стоитъ со своимъ храбрымъ поѣздомъ въ чистомъ полѣ, въ широкомъ раздолѣ, подъ темными облаками, подъ чистыми звѣздами, подъ краснымъ солнышкомъ, подъ свѣтлыми мѣсяцемъ, конь подъ нимъ и Богъ надъ нимъ; онъ насъ посылаетъ, онъ насъ паряжаетъ, онъ намъ велитъ чисто ходить да рѣчисто говорить. И такъ, сватушка любезный, были бы у тебя дворники постоянные, а горинки похожалыя, были бы у тебя на дворѣ дворники бороды сѣдыя, а въ горницахъ дѣвушки молодыя. За услугу мы твоихъ дворниковъ будемъ награждать, а дѣвушекъ замужъ выбирать, и были бы у тебя столы новыя, ясли точеныя, сѣно зеленое; было бы у тебя сѣно по колѣно, а овса-то по копыта, чтобы было, гдѣ нашему повобрачному князю со своимъ храбрымъ поѣздомъ подѣхаты, стать да своего ворога коня привязать, чтобы его добрый конь копытъ не поламалъ, а нашъ повобрачный князь своего цвѣтнаго платья не помаралъ. Онъ идетъ на коврахъ, на бобрахъ, на черныхъ соболахъ. Сватушка любезный, мы вашихъ дѣловъ не знаемъ, какъ вы кумились, какъ вы любились, въ пустую сходились, по рукамъ били, пиво да вино пили, при этомъ дѣлѣ Богъ да добрые люди были, а меня дружка при этомъ дѣлѣ не было. Какъ ты, сватушка, прикажешь, на сапожки сѣсть да отъ двора отѣхаты или въ хату влѣзть?»

Сватъ приглашаетъ: прошу покорно!

Дружка продолжаетъ:

«Вотъ благодарю, сватушка любезный, за это слово обсыпалъ бы тебя золотой казной, да за малымъ дѣло стало—ее у насъ нѣтъ, въ плотникахъ я, сватушко, не живалъ, въ кровельщикахъ не бывалъ, грѣха стать случится въ твою хату заберешься, врось, пожалуй, разобьешься. Что у тебя, сватушко, за лѣсинки,—ручки ихъ дѣлали, а ножки по нимъ бѣгали.»

«По мосту-мосту, по калинову, идетъ дружка опинается, а самъ къ порогу подвигается. Что у тебя, сватушко, за порогъ, на силу я ноги черезъ него переволокъ, а потолокъ въ избѣ ты вѣрно чернымъ соболемъ оболокъ.»

«Идетъ дружка по дубовымъ доскамъ, подвигается ко святымъ образамъ, дружка Богу помолится, со всѣми поклонится.»

«Добраго здоровья, сватушко любезный! какъ вы живы и здоровы? У насъ всѣ живы и здоровы, быки и коровы, маленькія телята лежатъ на соломахъ, хвосты на сторонахъ, а жь попардываютъ.

Нашъ повобрачный князь меня прислалъ и строго мнѣ приказалъ объ *своемъ* здоровьи сказать, а объ вашемъ спросить. Какъ ваша повобрачная княгиня спала, почивала, утромъ весело вставала, водою ключевой умывалась, тонкимъ полотенцемъ утиралась, къ злату вѣнцу одѣвалась, бѣлками бѣлилась, предъ святой иконой становилась, Богу молилась и сулила всѣмъ божкамъ по сапожкамъ, а мнѣ, дружки, хотъ красную рубашку, я и тѣмъ бы доволенъ былъ.»

Когда женихъ приѣзжаетъ за невѣстой, чтобы ѣхать къ вѣнцу, то подружки невѣсты, провожая ея, припѣваютъ дружку и свату, за что послѣдніе дарятъ имъ гостинцы или деньги.

2267.

Ты, послушай, сватуха названный,
Про тебя мы пѣсню поемъ,
Тебѣ честь отдаемъ!

Сватуха, сватуха, хорошенькій сватуха!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждого стиха).

Какъ у сватуха головушка учѣсанная,
Какъ у сватухи бородака ровно шелковая,
Какъ у сватухи рубашка нова ситцевая.
Намъ давно пала вѣсть, что у свата деньги есть,
Какъ у свата есть деньжоночки серебряныя.

2268.

По народу свать глядитъ,
Хочетъ дѣвокъ подарить.

Ты, сватуха, не скупись,
Пятерочкой разступись;
Если любишь ты, свать, честь,
Подай рубликовъ шесть,
Если по мочи, по силѣ —
Подай рублика четыре.
Ручки въ ручку пожимаетъ,
Дѣвкамъ деньги вынимаетъ.

Если же свать ничего не даетъ пѣвицамъ, то онѣ ему поютъ вотъ какую пѣсню:

2269.

По улицѣ, улицѣ
Ѣдетъ свать на курицѣ.
Какъ у свата на плѣши
Разыгрались бѣлы вши:
Кая скачетъ, кая пляшетъ,
Кая пѣсенки поетъ.
На полати свать взглянулъ, —
Шаль хорошу стянулъ,
А на полку свать взглянулъ, —
Часть говядины стянулъ,
А на печь свать взглянулъ, —
Рукавички стянулъ.
Какъ на сватухѣ шапечка, —
Послѣ дѣдушки чертенка,
Какъ на сватухѣ кафтанъ —
Шутъ по мѣсяцамъ таскалъ,
Какъ на сватухѣ штаны —
Послѣ дѣда сатаны.

Зап. студ. университета Мухановымъ, со-
общ. А. А. Шахматовымъ.

XVI. Костромской губерніи.

Кинешемскаго уѣзда.

Описание свадебныхъ обычаевъ, соблюдаемыхъ крестьянами Кинешемскаго уѣзда Костромской губерніи, живущихъ около города Кинешмы въ верхъ по теченію рѣки Волги верстъ на 25 и внизъ по теченію той же рѣки верстъ на 10.

Крестьянскія свадьбы въ указанномъ мною краѣ, начинаются, совершаются, заканчиваются

почти всегда однимъ обыкновенно принятымъ порядкомъ.

Отецъ жениховъ въ торговый день на Кинешемскомъ рынкѣ, проситъ родственника или знакомаго родителей невѣсты посватать ихъ дочь за своего сына, или по выраженію крестьянъ, по-смутничать, посводничать. Если родители невѣсты согласны выдать свою дочь за предполагаемаго жениха, то, если мѣстожителство ихъ

далеко, приглашают отца женихова и свата в гостиницу, или в питейный домъ, а если жилище ихъ близко, то въ свой домъ для условія, по выраженію крестьянъ: о *выводѣ* за невѣсту. Выводъ состоитъ въ томъ, что отецъ жениха обязывается дать родителямъ невѣсты условленное количество денегъ на наряды своей дочкѣ. Сдѣлавши условіе, родители невѣсты угощаютъ отца женихова и свата, если условіе было въ гостиницѣ—чаемъ и водкою, а если въ питейномъ домѣ, или въ своемъ,—виномъ. Если условіе бываетъ въ домѣ родителей невѣсты, то при семьѣ находятся ихъ родственники. Условіе это у крестьянъ называется *рукобитуемъ*. Тутъ родители невѣсты назначаютъ день, въ который отецъ жениховъ въ ихъ домѣ долженъ угостить ихъ родственниковъ. На этотъ день они обыкновенно приглашаютъ всѣхъ своихъ родственниковъ, которые должны быть на предполагаемой свадьбѣ. На этой пирушкѣ отецъ жениховъ, угощаетъ родственниковъ невѣсты виномъ, пивомъ, калачами и медомъ; тутъ же онъ отдаетъ и *выводъ* за невѣсту.

Наканунъ свадьбы бываетъ еще пирушка, называемая «дѣвишникомъ». На эту пирушку приглашаютъ дѣвокъ; женихъ съ предназначеннымъ дружкой или съ своими братьями также уже прѣзжаютъ и самъ лично даритъ сластями невѣсту, которую онъ въ первый еще разъ теперь видитъ. На этой пирушкѣ женихъ съ невѣстою сидятъ рядомъ; вмѣстѣ съ ними сидятъ дѣвки и дружка или братья жениховы; родители невѣсты всѣхъ угощаютъ; послѣ угощенія невѣста уходитъ за перегородку, или за занавѣсъ; женихъ, благодаривши родителей невѣсты за угощеніе, прощается за перегородкою съ невѣстою, при чемъ она даритъ его платкомъ.

На другой день послѣ дѣвишника бываетъ свадьба, на которую, по приглашенію женихова отца, съѣзжаются родственники или наканунъ поздно вечеромъ, или въ самый день свадьбы рано утромъ. Когда всѣ окажутся въ сборѣ, дружка сажаетъ за столъ жениха, а родственниковъ сажаетъ за тотъ же столъ отецъ жениховъ. Когда всѣ усядутся, то дружка, обращаясь къ отцу жениха, говоритъ:

«Сватушка, пожалуйста тарелочки, а по руски блюдечки!»

Ему даютъ и онъ продолжаетъ такъ:

«У васъ, сватушка въ широкомъ дворѣ, во высокомъ дому, во новомъ терему, во свѣтлой свѣтлицѣ; въ новой горницѣ поставлены столы, на столы на постланы скатерти браны, за столомъ сидятъ гости званы, господа поѣзжаны: въ началѣ тысящій, повобрачный князь, большой

бояринъ, меньшей боляринъ, я—дружка съ полудружьемъ, и свать со свахой и весь нашъ храбрый поѣздъ. Князь на ноги встаетъ и васъ ко столу призываетъ и вамъ низко кланяется: не будетъ ли, сватушко, у васъ усердіе новобрачнаго князя паградить,—золотомъ или серебромъ, или хлѣбомъ да солью, да сверхъ того въ полѣ полосою».

Въ это время по выраженію крестьянъ: «золотятъ мощу», т. е. дарятъ жениха деньгами, которыми онъ въ домѣ невѣсты долженъ дарить того, кто займетъ его мѣсто.

Послѣ сего обращаясь къ родителямъ жениха, дружка говоритъ:

«Сватушка любезный и свахонька любезна! Я на ногахъ стою прямехонько, гляжу на васъ веселехонько, говорю съ вами рѣзвехонько. Хочу къ вамъ попахалиться и понавлянтся: Куда своего чадо милова и новобрачнаго князя собираете? Собираете вы его и насъ въ путь дороженьку, на чужую дальню сторонушку? Не будетъ ли у васъ усердіе насъ попоить или покормить? Или вы согласны насъ такъ проводить?»

Въ это время собираютъ обѣдъ, на которомъ сначала подаютъ студень. Вынувши три куса студень на край блюда, дружка говоритъ: «Поварушко любезный! поступи сюда, пожалуй, кушанье покушай, началъ сотвори, насъ гостей поной да покорми, да попотчуй». Съѣвши три куса студени, стряпка и родители жениха говорятъ: полюбите, покушайте.»

За обѣдомъ предъ каждымъ кушаньемъ гостямъ подносятъ вина; послѣ вина на всѣхъ крестьянскихъ пирахъ подаютъ, въ видѣ закуски, стаканъ пива. Когда дружка поднесутъ первый стаканъ вина, онъ обращаясь къ гостямъ, говоритъ:

«Здравствуйте великадные господа! Али вы не знаете меня? Русскимъ ли вы меня называете? Или иѣмецкимъ поздравляете? Взялъ было я заповѣдь отъ духовнаго отца: не пить винца! Увидѣлъ вино—задрожалъ, заповѣди не сдержалъ,—съ постели вскочилъ... Ахти согрѣшилъ! Житіе мое,—житіе бѣдное: жилъ я вѣкъ, не какъ хорошій человекъ. Много напиралъ скуды и бѣды. Теперь не знаю куды отъ скуды бѣды себя дѣвать. Развѣ глаза завязать да въ дѣсь убѣжать? И тутъ не мѣсто: охотники найдутъ, за мѣсто звѣря убьютъ, кожу мою сдерутъ, а кости на убогій домъ спесутъ. Богатые люди пиво да вино пьютъ, а меня, бѣднаго, только по шеѣ бьютъ: полно тебѣ, полоротъ, стоять у чужихъ воротъ, разниа ротъ!» А меня, доброва молодца горе беретъ. Оставляю я міръ, пойду въ монастырь. И тутъ не безъ труда. Поднять взоръ,—скажутъ «воръ!» Посушить очи,—стало быть: мытары! На-

добно воздохнуть, да чарочку вина помянуть. Наливалась сія чара изъ моря Соловецкова, для здравія моего молодецкова, для пріятелей многихъ, которые съ нимъ за столомъ сидятъ, на меня весело глядятъ, усы расчищаютъ, бороды разглаживаютъ, а мнѣ пить-ѣсть приказываютъ, мнѣ эту чару пить, да пьяному не быть, добро дѣло получить: хозяина съ гостями не разлучить. Сватушко полу чару наливаетъ, а дружка до дна выпиваетъ, вверхъ донизкомъ поворачиваетъ и по донизку поколачиваетъ. Здравствуйте господа сенаторы! Я самъ при томъ изъ конторы. Я не шведскій, не нѣмецкій, — человекъ росскій, отдаю вамъ поклонъ низкій.»

При послѣднихъ словахъ дружка выпиваетъ стаканъ вина.

Послѣ студени подаютъ щи съ говядиною, послѣ щей лапшу со свищиною, наконецъ круглой пирожекъ, который не разрѣзываютъ и не ломаютъ, но берутъ въ гостинецъ къ пивѣстѣ. По окончаніи стола дружка обращаясь къ родителямъ жениха, говоритъ: «Сватушко любезной и сватонька любезна! отъ хлѣба соли мы сыты, отъ перегару пьяны, отъ чести честны, отъ доброва слова хвалны. Величайте хлѣбъ соль!»

Гости встаютъ изъ-за стола. Дружка, обращаясь къ гостямъ говоритъ:

«Гости поѣзжана, сядьте по мѣстамъ, какъ ясны соколы по гнѣздамъ.»

Обращаясь къ родителямъ жениха, къ отцу и матери крестнымъ, онъ говоритъ:

«По Божию велѣнію, по царскому уложенію, какъ Богъ повелѣлъ, царь уложилъ, новобрачному князю заповѣдь положилъ: по полю походить, по тесовому походить, отца и матери почесать, — у ногъ полежать, благословенія попросить. Есть ли у новобрачнаго князя отецъ родной и мать родна? Есть ли отецъ крестный и мать крестна? Благословляйте новобрачнаго князя въ путь ѣхать.»

Обращаясь къ мужчинамъ, которые смотрятъ на предбрачныя приготовленія, дружка говоритъ:

«По полу ходящіе, посреди стоящіе, добрые молодцы, удалые головы, широкія бороды! Кто старъ, кто сѣдъ, — тотъ дѣдушко, кто усатъ да бородатъ, — тотъ дядюшка, кто младъ, тотъ милый братъ. Благословляйте новобрачнаго князя въ путь ѣхать!»

Обращаясь къ женщинамъ, дружка говоритъ: «Молодые молодки, пошатные походки, черные брови, пригожіе взгляды, — благословляйте новобрачнаго въ путь ѣхать.»

Къ дѣвкамъ дружка говоритъ:

«Красные дѣвицы, ему родныя сестрицы, узорчаты мастерицы! тонко прили, звонко талли,

бѣрда ломали, за окошко кидали. Ваше дѣло по крышкамъ блудить, сметанку снимать, колобки мѣсить, подъ застрѣхи хоронить, пастухамъ посылать. Благословляйте новобрачнаго князя въ путь ѣхать!»

Къ старымъ женщинамъ дружка говоритъ:

«Старыя старухи, запешныя грызухи, кисельныя осадчицы, молодымъ людямъ досадчицы, косые заплетки, толстыя запятки! Ваше дѣло на улицу ходить, да про снохъ колотить: у меня сноха такова, сякова, а не подумаетъ старая, какава сама-то была. Благословляйте новобрачнаго князя въ путь ѣхать!»

Обращаясь къ малолѣтнимъ, дружка говоритъ:

«Изъ кути по лавѣ, вдоль по скамейкѣ, съ печи на полати, малые ребята, большіе брюха. Благословляйте новобрачнаго князя въ путь ѣхать.»

Послѣ сего благословляютъ жениха иконою. Отецъ его держитъ икону, а онъ два раза кланяется предъ нею въ поясъ, а въ третій разъ въ землю; вставши, онъ цѣлуетъ икону; затѣмъ онъ кланяется отцу въ землю и вставши, цѣлуетъ его. Точно также благословляютъ жениха мать, отецъ крестный и мать крестная.

По окончаніи обряда, благословенія, дружка обращаясь къ поѣзжанамъ, говоритъ:

«Гости поѣзжана! сядьте по мѣстамъ, какъ ясны соколы по гнѣздамъ!» Когда всѣ усядутся дружка опять говоритъ:

«Гости браны, гости званы, господа поѣзжана! Что вы сидите не веселы, буйны головы повѣсили? Отъ сватушка ли чести не было? Сидѣть намъ не просидѣть, стоять — не простоять. Благословляйте новобрачнаго князя изъ своей новой горницы подняться, по полю идти, по тесовому идти, по мосту идти, по калинову идти, по лѣсенкѣ идти, по брусчатой идти, на широкой дворъ сойти, ко добру коню подойти, во новы Казански сапожки сѣсть, во лѣву руку тесными вожжи взять, а во правую шелкову плеть, ударить коня по крутымъ бедрамъ. Мой добрый конь не стоитъ, разъярится, отъ земли отдѣлается, отъ дубова столба отрывается. Не ясенъ соколъ съ гнѣзда слѣтаетъ, — новобрачный князь со двора съѣзжаетъ. Съѣхать бы намъ съ широкова двора и выѣхать во чисто поле. Въ томъ чистомъ полѣ пріостановиться, на святую церковь Богу помолиться. ѣхать бы намъ путемъ-дорогою, чистыми полями, бѣлыми снѣгами, крутыми горами, быстрыми рѣками, черными грядями, зелеными лугами, шелковыми травами — и выѣхать въ чисто поле. Въ этомъ чистомъ полѣ стоитъ новая горница, свѣтлая свѣтлица. Въ той новой горницѣ сидитъ красная дѣвица, новобрач-

пая княгиня. Намъ бы ее взять и обрядить и за дубовый столнѣе посадить,—за столники дубовы, за скатерти браны, за кушанья сахарны, за питья медовяны. Посидѣвши за дубовыми столами,—сватушку и свахоньку за хлѣбъ и соль поблагодарить, а новобрачную княгиню во новы сапожки посадить,—ѣхать бы ко Божьей церкви Богу помолиться, слово Божіе послушать, святой законъ принять, подъ златымъ вѣнцомъ постоять, одинъ крестъ цѣловать.»

Женихъ и поѣзжане встаютъ съ мѣсть и выходятъ на дворъ, гдѣ уже заранѣе заложены лошади; дружка три раза обходитъ поѣздъ съ иконой; икону эту берутъ съ собой и потомъ выѣзжаютъ со двора. Напередъ ѣдутъ дружка съ полудружьемъ на одной телѣгѣ, или саняхъ, потомъ тысяцкой съ женихомъ, за второй телѣгой или санями,—большой бояринъ съ меньшимъ, за ними свать, который засваталъ невѣсту, со свахою, близкою родственницею жениха; остальные родственники, которые вообще называются поѣзжанамъ, ѣдутъ позади. Выѣхавши въ поле, всѣ молятся Богу или на церковь, если она есть въ виду, или на востокъ, если церкви въ виду нѣтъ.

Не выѣзжая въ селеніе, гдѣ живетъ невѣста поѣздъ останавливается въ полѣ, а дружка съ полудружьемъ выѣзжаютъ на дворъ къ невѣстѣ. Въ это время посторонніе люди заслоняютъ дорогу или запираютъ ворота; для того, чтобы очисти́ли дорогу или отперли ворота, дружка долженъ угостить стороннихъ людей виномъ. Выѣхавши на дворъ, полудружье поворачиваетъ свою лошадь къ тѣмъ же воротамъ, въ которые въѣхали и остается тамъ, а дружка входитъ въ избу и проситъ вывести невѣсту. Ее выводятъ и сажаютъ за столъ; отецъ невѣстинъ приглашаетъ дружку къ себѣ въ домъ со всѣми поѣзжанамъ; въ отвѣтъ на это дружка съ полудружьемъ съѣзжаютъ со двора отца невѣсты и уѣзжаютъ въ поле, гдѣ ихъ дожидается поѣздъ и тогда уже дружка со всѣми поѣзжанамъ выѣзжаетъ на дворъ къ отцу невѣсты. На этотъ разъ уже всѣ входятъ въ избу, гдѣ рядомъ съ невѣстою, покрытою платомъ, сидитъ меньшій братъ ея, или ближайшій родственникъ. Дружка, почерпнувши ковшъ пива, подаетъ жениху, а женихъ поднося брату невѣсты проситъ его выпить и уступить ему мѣсто.

«У нашей сестрицы по тысячѣ косица, по рублю волосокъ. Пожалуйста не рубль, не полтину, а хоть четыре алтына».

Дружка кладетъ въ ковшъ деньги, братъ невѣсты вынимаетъ изъ ковша пиво, беретъ деньги и уступаетъ жениху мѣсто. Женихъ и поѣзжане садятся за столъ; дружка кладетъ на столъ хлѣбъ

съ калачомъ и пирогъ, потомъ надѣляетъ всѣхъ родственниковъ невѣсты орѣхами; при надѣлѣ онъ каждому изъ нихъ говоритъ:

«Сватушко любезный, или свахонька любезная! по имени орѣшки—свахини потѣшки, спасово урожденье, Ильи Великова совершенье. Ноги съ подходомъ, руки съ подносомъ, сердце съ покоемъ, буйна голова съ поклономъ. Милости прошу вамъ подношу.»

Потомъ дружка надѣляетъ орѣхами мужчинъ, женщинъ, дѣвицъ и малолѣтнихъ; при семъ говоритъ тоже, что говорилъ предъ благословеніемъ жениха, только съ тою разницею, что тамъ говорилъ: «благословляйте новобрачнаго князя въ путь ѣхать, а въ это время онъ говоритъ:

«По имени орѣшки, свахини потѣшки и проч.

Послѣ сего бываетъ столъ точно такой же, какой былъ у отца женихова и съ такими же обрядами. Выходятъ изъ дому точно также, какъ изъ дому жениха. Предъ выѣздомъ со двора дружка и здѣсь также, какъ и тамъ, три раза обходитъ съ иконою весь поѣздъ, какъ жениховъ, такъ и невѣстинъ. ѣдутъ въ церковь въ томъ же порядкѣ, какъ и прежде, когда женихъ ѣхалъ къ невѣстѣ, съ тою только разницею, что за женихомъ ѣдетъ невѣста со свахою, и поѣзжане невѣсты ѣдутъ позади поѣзжанъ жениха.

Послѣ вѣнчанья, когда новобрачные и поѣзжане пріѣдутъ на дворъ, отецъ выходитъ встрѣчать ихъ съ иконою, а сваха съ хлѣбомъ съ солью; дружка, высадивши новобрачныхъ, приводитъ ихъ къ отцу. Новобрачные, сдѣлавши передъ иконою два поклона въ поясъ, и третій земной, цѣлуютъ ее, потомъ кланяются до земли отцу и цѣлуются съ нимъ; потомъ кланяются до земли матери, берутъ у нее съ хлѣба соли, вкушаютъ ее и цѣлуются съ матерью, потомъ входятъ всѣ въ избу; молодыхъ новобрачныхъ сажаютъ за столъ. Садится за столъ и всѣ поѣзжане. Тогда дружка говоритъ: «Сватушка любезный. Ѣхали мы путемъ-дорогою, и понала намъ на дорогѣ бѣлая лебедушка, красная дѣвица, новобрачная княгиня; взявъ ее, мы привезли; но только мы въ дорогѣ перезаблѣли, передрогли, перепидеѣли. Не будетъ ли у васъ милосердія обогрѣть пась? Не варили ли кашенъ или не пекли ли прожка?» Стряпка отвѣчаетъ: «Я кашу сварила, горшокъ руки жжѣтъ, полотенца ждѣтъ.» Дружка подноситъ ей въ подарокъ полотенца. Стряпка ставитъ на столъ горшокъ съ кашею, покрытый пирогомъ. Тогда дружка проситъ подать блюдо; призываетъ къ столу отца и мать новобрачныхъ и говоритъ: «Не будетъ ли у васъ усердіе новобрачнаго князя съ княгинею чѣмъ наградить, золотомъ или серебромъ, или

хлѣбомъ да солью, да сверхъ того любовью?» При этомъ отецъ и мать повобрачнаго и всѣ ихъ родственники, по выраженію крестьянъ *скрываютъ*, т. е. дарятъ, кто чѣмъ разсудитъ. Потомъ дружка разрѣзываетъ пирогъ, кашу кладетъ въ блюдо и угощаетъ ею мужчинъ, женщинъ, дѣвицъ и малолѣтнихъ, остальное выкладываетъ въ блюдо и это съѣдаютъ поѣзжане. При чемъ свать угощаетъ всѣхъ виномъ и пивомъ. Съѣвши кашу, поѣзжане благодарятъ за хлѣбъ за соль. Дружка съ иконою отводитъ новобрачныхъ въ особую комнату, гдѣ приготовлена для нихъ постель. Здѣсь свахѣ повобрачной и свату, которые называются посланами, бываетъ угощеніе, а повобрачнымъ обѣдъ; послѣ обѣда новобрачные ложатся въ постель. Въ это время пріѣзжаютъ отецъ и мать невѣсты и прочіе ея родственники и входятъ на дворъ. Свать выноситъ на дворъ столъ и ендову вина и угощаетъ ихъ; потомъ родственники повобрачной входятъ въ избу и садятся за столъ. Свать угощаетъ родственниковъ повобрачной. Послѣ угощенія гости требуютъ, чтобы дружка привелъ новобрачныхъ. Дружка исполняетъ ихъ требованіе и приводитъ ихъ и сажаютъ за столъ и тутъ-то начинается пиръ, называемый крестьянами *почѣсный*. Изъ кушаньевъ на семь столъ бываютъ разные сту-

дени, щи, лапша, жаркое, салыны кашн, свиная голова, ососки, круглый пирогъ. По окончаніи этого пира родственники новобрачныхъ, по выраженію крестьянъ, *кладутъ въ чарку*, т. е. дарятъ новобрачныхъ деньгами. Въ это время новобрачные угощаютъ родственниковъ виномъ; такимъ образомъ: она паливаетъ, а онъ подноситъ своимъ родственникамъ, затѣмъ онъ паливаетъ, а она подноситъ своимъ. Послѣ сего родственники расходятся по квартирамъ, или домой, если близко ихъ дома.

На другой день дружка съ женихомъ зовутъ тещу и всѣхъ родственниковъ къ себѣ на пиръ, такъ называемый *княжбѣй*. Въ это время теща угощаетъ зятя блинами и потомъ даритъ его платомъ; блиновъ теща привозитъ въ домъ зятя и для угощенія его родственниковъ. На *княжбѣи* пиру, блины подаются прежде всего; а потомъ слѣдуютъ тѣже кушанья что и на *почѣсномъ*. Наконецъ новобрачная даритъ родственниковъ своего мужа, которые не были въ поѣздѣ. Послѣ сего всѣ родственники разѣзжаются по домамъ.

Зап. священникомъ села Воздвиженскаго, Крестовоздвиженской церкви, Павломъ Вишневымъ. Изъ матеріаловъ архива Импер. Р. Геогр. Общества № 84, 11 Января 1854 г.

XVII. Нижегородской губерніи.

Ветлужскаго края, Макарьевскаго уѣзда.

По долгу своего бывшаго пастырскаго служенія, мнѣ не рѣдко доводилось наблюдать за свадебными обычаями жителей Ветлужскаго края, Макарьевскаго у., и я рѣшился взять на себя скромную задачу описать эти обычаи.

Насколько я успѣлъ выполнить эту свою задачу, судить, конечно, не мнѣ. Но «не мудрствуя лукаво», скажу, что буду весьма доволенъ, если по содѣйствию со мной найдется другой наблюдатель народной жизни этого края, который, задавшись тою-же цѣлью, т. е. цѣлью этнографическаго описанія этого края, восполнитъ то, что мною было опущено изъ вида, и такимъ образомъ довершитъ начатую мною задачу.

Весна.... Красное солнышко начинаетъ сильно пригрѣвать; изъ земли выходитъ паръ; озими

встрепенулись; въ селѣ видѣются мѣстами зеленныя лужайки; зазеленѣлась и береза. Праздники.... Народъ, и старъ и младъ, повеселился на улицѣ; старики усѣлись на заваленкахъ и бревнахъ; малыя ребята копошатся и тамъ и сямъ, а молодежь водить хоробы: красныя дѣвицы щеголяютъ въ московскія шерстяныя сарафаны, бѣлыя коленкоровыя рукавахъ, плисовыхъ душегрѣйкахъ, изъ подъ которыхъ видѣется конецъ алой или голубой ленты, заплетенной въ длинную косу, и въ щегольскихъ полусапожкахъ, падѣтыхъ на бѣлыя или росписныя чулки; молодые парни тоже, для праздника, приварили въ шерстяныя и кумачныя рубашки, плисовые шаровары, суконные поддевки и черныя съ высокими подборами и мѣдными подковами сапоги. Веселье принимаетъ болѣе и болѣе оживленный характеръ. Мѣстные остряки

не скупаются на каламбуры; дѣвцы то и дѣло хихикаютъ. Но вотъ, среди хоровода показиваетъ статный дѣтина; одной рукой онъ уперся въ бокъ, другой покручиваетъ усики и съ самодовольнымъ видомъ оглядываетъ всѣхъ красивыхъ дѣвушекъ. Это нашъ Чурида Пленковичъ, на котораго, по народной былинѣ:

Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещать,
Гдѣ молодухи глядятъ—оконницы звенять,
А старая старуха костыли грызутъ,
Все глядючи на молода Чурлушку.

Это нашъ деревенскій ловласть, отъ котораго не одно дѣвичье сердце вдоволь пострадалось, не одни алмазны уста горячо воспламенялись и не одни бѣлые груди высоко воздымались. Но ни къ одной изъ нихъ на этотъ разъ не лнуло сердце нашего Чуриды. Лишь одна Тапѣ Большакова подрывала ретивое у молодца Василья Оглоблина. Для нея-то онъ и усики покручивалъ, для нея одной и въ хороводъ пошелъ, на нее лишь одну онъ больше всѣхъ и поглядывалъ. Какъ поглядитъ на нее, та и зардѣетъ, словно маковъ цвѣтъ; какъ улыбнется ей, та и погъ подъ собой не чувствуетъ. А больше всего она полюбилась ему за скромную рѣчь и за тихій нравъ. Всѣ дѣвки такъ и лѣзутъ на парней. Лишь одна Тани Большакова отстраняется отъ долгихъ рукъ парня-нахала.

Между тѣмъ какъ парни и дѣвки ведутъ хороводы, отецъ и мать Василья, сидя у косяцатаго окошка, ведутъ такую промежь себя бесѣду: «А пора-бы, мать, намъ Васютку и поженить; какъ-бы не избаловался; да и тебѣ тяжело управляться одной со всѣмъ хозяйствомъ». — «Какъ знаешь, отецъ, я не противъ этаго». — «А къ кому-бы эдакъ посвататься?» — «Надо сперва его спросить: пѣтъ-ли у него на примѣтъ какой не-вѣсты; вѣдь, пѣтъ-ли не прежнія времена—парни и дѣвки сами себя выбираютъ суженыхъ». — «Да, теперь совсѣмъ ведется не по старому; а прежде на счетъ этаго круто было. Помнишь, какъ твоего-то отца бурмистръ выскѣлъ за то, что онъ не хотѣлъ отдавать тебя за меня?... Да и тебѣ тогда не мало досталось за твое упрямство, однакожь прожили свой вѣкъ, не смѣша людей. А пѣтъ все стали жениться по любви; да что-то эта любовь не очень прочна; полюбятся, потомъ глядишь, жена и шмыгнетъ отъ мужа, или въ свой домъ друга привѣтитъ; и мужъ, глядя на все, тоже сударушекъ заведетъ, и пойдетъ все въ домъ коромысломъ». — «Ну, ужъ ты начнешь причитать безъ пути, безъ дѣла; какъ будто при женитьбѣ безъ любви и не можетъ быть раздоръ

между мужемъ и женой; еще скорѣе отъ нелюбимаго мужа или постылой жены все худое на разумъ пойдетъ.... А я вотъ что тебѣ скажу: давно я замѣчаю, что нашъ Вася сильно засматривается на Тапю Большакову, и иногда думаю своимъ худымъ разумомъ, что эта пара была-бы хоть куда». — «Что-же? Я не противъ Татьяны: дѣвушка она смиренная и работающая; одно немного не ладно, что одетъ мало, да и отецъ крутеекъ; ну, да одежда—дѣло папентое, а отецъ будетъ въ сторонѣ. Надо ужъ покалякать съ сыномъ, а потомъ и сваху пошлемъ къ дядѣ Вавилѣ; кстатѣ теперь лишняя работница намъ очень нужна въ домѣ».... И на другой день въ домѣ Вавилы происходитъ рукобитье, на которомъ окончательно рѣшается участь влюбленныхъ.... Но при другихъ обстоятельствахъ дѣло не такъ скоро дѣлается. Большею частью препятствія бываютъ со стороны отца невесты и самой невесты: отецъ-крестьянинъ смотритъ на свою дочь, какъ на рабочую силу и всегда не охотно съ ней расстаётся, — развѣ ужъ черезъ чуръ она «баловаться» начнетъ или выгодный сватъ присватается. И сама невеста не всегда охотно идетъ замужъ. У отца она живетъ на полной свободѣ; есть у нея и свой возлюбленный, за котораго она рассчитываетъ выйдти замужъ, хотя расчеты ея большею частью и не оправдываются,—особенно если она по неосторожности родитъ. Въ такомъ случаѣ впрочемъ и вообще ей трудно выйдти за-мужъ. Тогда беретъ ее за себя или вдовецъ или бѣднякъ-крестьянинъ, который радъ жениться хоть на какой-нибудь дѣвушкѣ или вдовѣ, лишь-бы имѣть хозяйку въ домѣ. Но если она при всемъ «баловствѣ» не родитъ, что впрочемъ почти постоянно и бываетъ—при помощи нѣкоторыхъ женщинъ, специально занимающихся уничтоженіемъ плода—то можетъ всегда рассчитывать на хорошую партію. И мужъ ее никогда не укоритъ и не будетъ тиранить за то, что она прежде времени лишилась своего дѣвства. Въ Ветлужскомъ краѣ Макарьевского уѣзда вообще на это дѣло смотрятъ весьма снисходительно. «Гдѣ ужъ намъ, батюшка, разбирать честныхъ дѣвокъ, сказалъ мнѣ одинъ крестьянскій паренъ, пожелавшій жениться на одной чуть-ли не публичной женщинѣ; да и гдѣ найдешь честныхъ? Развѣ изъ двухъ-сотъ выберется одна не тропутая, да и то наврядъ; вѣдь они еще съ 13 или 14 лѣтъ начинаютъ съ нами баловаться. Если-бы ты поглядѣлъ, что мы дѣлаемъ по ночамъ въ *бесѣдкахъ*, или когда моемся въ банѣ—не малому диву дался-бы¹⁾». Самому понятію

1) *Бесѣдки* дѣйствительно слишкомъ развращаютъ наше крестьянское юношество. Здѣсь—въ домѣ ка-

«дѣвство» здѣсь большою частью придаютъ одно обширное значеніе, т. е. пока дѣвица не замужемъ, она считается «дѣвственницею». Такое понятіе о дѣвствѣ мнѣ разъ довелось слышать въ домѣ одного священника при слѣдующемъ обстоятельстве. Дѣвушка, дочь одного крестьянина, изъявила желаніе выйти замужъ за одного крестьянскаго парня, съ которымъ она была въ связи и отъ котораго даже находилась въ интересномъ положеніи. Но отецъ той дѣвушки никакъ не соглашался выдать свою дочь за ея любовника. Тогда они попросили священника повѣнчать ихъ тайкомъ. Узнавъ подробно обстоятельства этаго дѣла и справившись, что невѣста достигла уже гражданскаго совершеннолѣтія, священникъ далъ имъ слово повѣнчать ихъ. Между тѣмъ отецъ узнаетъ объ этомъ, приходитъ къ нему просить не вѣнчать ихъ. Священникъ, съ своей стороны, началъ высказывать ему всю неразумность его упрямства и, между прочимъ, напомнилъ, что дочь его въ скоромъ времени будетъ матерью. Тогда, въ порывѣ своего недовольства на священника, за то, что онъ не соглашается на его просьбу, этотъ крестьянинъ сказалъ: «Наплевать мнѣ на то, что она беременна; для меня хоть пять ребятъ принеси,

кой-либо бобылки — проводить почти всю ночь за глазами родителей и, вмѣсто того, чтобы прастъ, предаются всевозможнымъ оргіямъ съ парнями, которые, обыкновенно, приносятъ съ собой кромѣ гостинцевъ, водки и вина. Здѣсь они вмѣстѣ съ падшими дѣвушками, содвоивъ невинныхъ и молодыхъ дѣвушекъ, развращаютъ этихъ послѣднихъ, и число проститутокъ увеличивается; бобылки тоже изъ-за отопленія своей кельи и другихъ мелкихъ корыстныхъ расчетовъ обыкновенно занимаются сводничествомъ для тѣхъ и другихъ. Родители знаютъ, что тамъ дѣлается, и все-таки продолжаютъ смотрѣть на эти рассадники разврата и сифилиса сквозь пальцы. — Оригиналенъ здѣсь обычай и мытья въ банѣ. Самыя бани обыкновенно устраиваются позади селенія съ маленькими окнами безъ стеколъ, а вмѣсто стеколъ, послѣ топки, окна затыкаютъ паклей или тряпками. Моются, при свѣтѣ лучины, безъ мыла и кое-какъ; главнымъ образомъ стараются хорошенько пропариться, чему подвергаютъ и маленькихъ дѣтей, даже новорожденныхъ младенцевъ. Въ нагрѣтую баню идутъ вмѣстѣ, не только родные — мужчины и женщины изъ одного дома, но даже и чужіе. Нерѣдко собираются для мытья въ банѣ парни и дѣвушки совершенно чужіе между собою. И тутъ сальность и цинизмъ не встрѣчаютъ никакихъ препятствій; развѣ только иногда какаянибудь дѣвушка ошпарить горячей водой или вѣникомъ ужъ черезъ-чуръ разшализшагося ловласа; но это тоже даромъ ей не можетъ пройти: ловласъ задуется лучину, и въ темнотѣ произойдетъ тогда полная суматоха.

только дѣвство соблюди»¹⁾. Такимъ его аргументомъ священникъ все таки не удовлетворился, и на другой день влюбленная чета была повѣнчана. Но главнымъ образомъ свадьбы здѣсь часто разстраиваются изъ-за «выговора». Отецъ невѣсты очень много иногда запрашиваетъ съ женихова отца этаго «выговора» и дѣло разстраивается. Самое-же сватовство, обыкновенно происходитъ такимъ образомъ: отецъ жениха, посовѣтовавшись съ женой и сыномъ, приглашаетъ съ собою въ ту деревню, въ которой живетъ невѣста, ближайшаго родственника, или, если родственники бѣдны, богатаго одиодеревенца и ѣдетъ съ нимъ къ отцу невѣсты (въ своей деревнѣ, по родственнымъ и другимъ причинамъ, рѣдко устраиваются свадьбы). Тамъ они останавливаются въ домѣ какого либо родственника со стороны отца невѣсты или вообще своего знакомаго и просятъ его, или жену его, сходить къ отцу невѣсты и сдѣлать предложеніе: не пожелаютъ-ли они выдать свою дочь за-мужъ. Отецъ невѣсты обыкновенно тотчасъ не отказываетъ отцу жениха, если иногда и не желаетъ выдавать свою дочь за-мужъ, а идетъ къ нему для переговоровъ. Въ этомъ случаѣ онъ придерживается извѣстной поговорки: «свать не свать, — добрый человекъ». Иногда, впрочемъ, дѣло устранивается въ первую-же поѣздку, а къ другому отцу приходится съѣздить раза два или три, прежде, чѣмъ онъ окончательно рѣшится на сватовство, причемъ обыкновенно отговаривается тѣмъ, что сначала надо посовѣтываться съ матерью, родными и самой невѣстой. Когда всѣ они посовѣтуютъ выдать невѣсту за-мужъ, объявляютъ отцу жениха, чтобы пріѣзжалъ окончательно свататься и привозилъ вина. При этомъ, если невѣста потребуетъ жениха посмотреть, привезутъ и жениха. Онъ сходитъ въ «бесѣдку», посмотреть на невѣсту и невѣста на него, спросить, согласна-ли она за него выйти замужъ; та скажетъ: «Сватайся къ родителямъ, я противъ ихъ воли не пойду,» — и начинается формальное сватовство. Отецъ жениха съ своей женой и родственниками отправляется къ отцу невѣсты, входятъ въ избу, молятся передъ иконами; ихъ сажаютъ въ передній уголъ. Затѣмъ будущіе сватья, послѣ довольно продолжительныхъ разговоровъ, совершенно не идущихъ къ дѣлу, начинаютъ вести рѣчь и о дѣлѣ. Эта рѣчь обыкновенно ведется такъ: женихова родня говоритъ,

¹⁾ Если-бы эти неосторожныя слова отецъ невѣсты высказалъ передъ какимъ либо средневѣковымъ феодаломъ, то навѣрное, жестоко поплатился-бы за нихъ въ виду того права, которое представляло феодалу *jus primae noctis*.

что у нихъ есть покупатель, у тѣхъ товаръ, и не согласятся-ли они продать свой товаръ; говорятъ, что товаръ ихъ молодъ, необходимъ въ хозяйствѣ, не запасся еще одеждой и т. п., и въ концѣ концовъ дѣло ладится. Порѣшивъ на счетъ товара, т. е. невѣсты, родители ея начинаютъ высказывать свои условія, на которыхъ они согласны выдать свою дочь за-мужъ. Условія эти заключаются въ «выговорѣ» столовыхъ денегъ, которые жениховъ отецъ долженъ выдать передъ свадьбой отцу невѣсты. Выговоръ этотъ простирается отъ 10 до 50 и болѣе рублей, смотря по состоянію тѣхъ и другихъ родителей. Кромѣ денегъ выговаривается еще извѣстное количество пшеничной муки, говядины, солода для невѣстиной родни; если-же невѣста очень бѣдна и не имѣетъ задубленаго или суконнаго полшубка, то отецъ ея выговариваетъ и этотъ полшубокъ; равно рѣчь идетъ и о дарахъ, т. е., всякому-ли свою родню дарить, или жениху—и ту и другую. Покончивъ всѣ эти щекотливые разговоры, засвѣчаютъ передъ образами свѣчку и молятся; послѣ молитвы родители подаютъ другъ другу руки («бьютъ по рукамъ»), посторонній человѣкъ разнимаетъ ихъ, и начинается попойка, на которую обыкновенно приглашается вся невѣстина родня; угощаетъ всѣхъ отецъ жениха. За виномъ назначаютъ и время свадьбы. Въ это-же время отецъ жениховъ спрашиваетъ своего новаго свата, прѣзжать-ли съ гостинцами и будетъ-ли вечеринка (наканунъ свадьбы)? Тотъ соглашается. Рѣдкій изъ нихъ не соглашается, при чемъ обыкновенно говорятъ: «У меня дочь не кошка,—со стола не спехнемъ ее; тоже двадцать лѣтъ она работала у меня,—неужели и стола (вечеринки) не выработала.» Да и не удобно было-бы ему отказать въ вечеринкѣ; послѣ въ семействѣ мужа стали-бы корить его дочь: «Какой у тебя батька: и вечеринки не сдѣлалъ.» Между тѣмъ какъ совершится рукобитье, невѣста, поклонившись отцу и матери въ ноги и сѣвъ за перегородку, тотчасъ-же начинается причитанье, или, по мѣстному выраженію «выть».

2270.

Исполать, мои пріатели,
Что заправдалися пріатели
Отдать меня, младехоньку,
Во тѣ, да во чужіи люди,
Ко чужому отцу-матери.
Ужь да въ васъ, мои пріатели,
Вся правдушка солгалась,
И вся ложность оказалась.
Безъ меня, да молодехоньки,

Не два солнышка свѣтитъ будетъ,
Не два солнца обогрѣютъ васъ;
Не корабль къ вамъ и на дворъ взойдетъ,
Не сундукъ казны откроется.
Работала я, пріатели,
Безо всякія безъ ложности;
То не думала, пріатели,
Дождаться отъ васъ этаго.
Все ходила на работу ужъ я первая,
Знать потомъ, мои пріатели,
Стала я для васъ ужъ лишняя;
Что потомъ, мои пріатели,
Во полѣ не жнея была,
Во лугахъ, да не кошельница.
Что потомъ, мои пріатели,
Подъ окошко вамъ подкипута,
Что потомъ, моя родимая,
Во рукахъ меня не держала,
Въ колыбельюшкѣ не качала.
Ты послушай, моя родная,
О чемъ я стану кучиться,
О чемъ я низко кланяться,
Не рѣчами, уговорами,
Тебѣ низкими поклонами,
Да горячимъ слезамъ¹⁾.
Ты сходи, моя родимая,
Во бесѣдушку веселую
Къ моимъ милымъ подруженькамъ;
Поклоникаси, родимая,
Поклоникаси низехонько;
Позови, моя родимая,
Ты ко мнѣ, да къ молодехонькѣ,
Чтобъ пришли мои любезныя,
Милыя подруженьки
Ко мнѣ, да къ молодехонькѣ,
Къ моему, да ко злодѣй-горю,
Ко злодѣй-горю великому.

По окончаніи этаго причитанья²⁾, мать невѣсты идетъ къ ея подругамъ и приглашаетъ ихъ къ своей просватанной дочери. Тѣ долго ждать себя не заставляютъ, и собравшись на-скоро, идутъ къ своей подругѣ-невѣстѣ. На пути они поютъ пѣсни. Определенныхъ пѣсень на этотъ разъ нѣтъ; поютъ, какую вздумаютъ. Мнѣ нерѣдко доводилось слышать слѣдующую пѣсню:

2271.

Миленькій по горенкѣ похаживаетъ,
Онъ тугой лучокъ натягиваетъ,

¹⁾ Въ Ветлужскомъ краѣ очень часто употребляется дательный падежъ вмѣсто творительнаго.

²⁾ Всякое причитанье сопровождается слезами.

Кленову стрѣлу накладываетъ,
Кленовой стрѣлѣ наказываетъ:
Ты лети, кленовая стрѣла,
Выше лѣсу, выше темненькаго,
Выше садика зелененькаго,
Ты убей, убей, кленовая стрѣла,
Ты убей, убей орлика на лету,
Сбру утицу на Волгѣ на рѣкѣ,
Сиза голубя на каменной стѣпѣ,
Добра молодца на воропомѣ конѣ,
Красну дѣвицу въ высокомъ терему.

Передъ входомъ своихъ подругъ въ избу, не-
вѣста «воетъ»:

2272.

Что-то мнѣ почуялось,
Что-то померещилось;
Посередъ зими студеныя
Что летять да гуси-лебеди.
То идутъ мои подруженьки
Ко мнѣ, да къ молодехонькѣ.
Выйди-ка родимая,
Встрѣть ихъ, подруженекъ,
Середѣ двора широкова,
Ты поставь-ка двери на пяту
Моимъ милымъ подруженькамъ.

При входѣ ихъ въ избу, невѣста продолжаетъ:

Не спасибо вамъ, любезныя,
Милыя подруженьки;
Зачѣмъ васъ долго не было,
За какими недосугами?
Али батюшки и матушки
Васъ ко мнѣ не отпускали?
Знаю, мои милыя,
Буйны головы прочесали,
Рубчатны плетни заплетали¹⁾,
Какъ сбирался, мой милый,
Во смиренную бесѣдушку²⁾.
Поглядите-ка, пріятель,
Что у васъ въ избѣ за садъ стоитъ,
Что въ саду за макъ цвѣтетъ?
То стоятъ мои подруженьки;
Одна маковка да побѣднѣ всѣхъ,
Ее мочить сверху дождичекъ,

¹⁾ Особый видъ плетенія волосъ у дѣвицъ.

²⁾ Въ прежнее время бесѣдки дѣйствительно были смиренныя, и дѣвушки, собираясь для пражки льна, только пѣли тамъ пѣсни и парней никогда къ себѣ не принимали; но теперь бесѣдки совершенно утратили свое первоначальное значеніе и сдѣлались при-
тономъ разврата.

А по правую сторонку
Запекло да краснымъ солнышкомъ.
Попросите-ка, любезныя,
Милыя подруженьки,
У милыхъ моихъ пріятелей,
Чтобъ мою, да дѣвью красоту,
Золотую мою связочку
Ужъ какъ взять, да молодехонькѣ,
Мнѣ ее да во бѣлы руки;
Золотую мою связочку
Какъ прижать, да молодехонькѣ,
Мнѣ ее да къ ретиву сердцу.
Ужъ возьмите-ка, любезныя,
Милыя подруженьки,
Вы упесте-ка, родимыя,
Мою да дѣвью красоту
Во батюшко, во темный лѣсъ.
Вы положите-ка, подруженьки,
Мою да дѣвью красоту,
Золотую мою связочку,
Какъ на то-ли, сухо дерево,
Какъ тому-ли суху дереву
Не бывать да двою зелену;
Ужъ мнѣ, да молодехонькѣ,
Не жывать да въ красныхъ дѣвушкахъ.
Вы послушайте, пріятель,
О чемъ я стапу кучиться:
Посажай, моя родимая,
Что за тотъ-ли за дубовый столъ
Моихъ милыхъ подруженекъ,
За любовь-то ихъ великую,
Что пришли, мои любезныя,
Ко мнѣ, да къ молодехонькѣ.
Ты чести-ка, пуще потчуй ихъ,
Ты напой, моя родимая,
Ужъ тѣмъ да зеленымъ виномъ;
Ты напой, моя родимая,
Ужъ тѣмъ да пивомъ пьянымъ,
Чтобъ запѣли-бы, любезныя,
Милыя подруженьки,
Ужъ ту да пѣсню жалобну,
Въ которой пѣснѣ свадебной
Пѣсню жалобну и свадебну,
Поминается отецъ и мать;
Зазнобили-бы у молодехоньки
Мое сердце ретивое
Отъ нынѣ и до вѣку,
До матушки до гробовой доски.

Дѣвушки поютъ:

2273.

Какъ задумали родители
Меня за-мужъ выдавать,

Отъ бесѣды, отъ подружекъ
Хотятъ млада отлучать.
Какъ меня, млада, отлучать,
Я не чаюсь живой быть.
Я пойду съ такого гора
Въ нову горницу сидѣть;
Ужъ я сяду, пригорюнюсь
У косящата окна,
И тамъ буду слезы горьки
Проливать за то окно;
И тамъ буду я глядѣть
Въ чисто поле далеко,
И тамъ буду я бранить
Чужу-дальну сторону:
«Ты злодѣй, злодѣй, злодѣй
Чужа-дальна сторона,
Разлучила ты меня
Съ отцемъ, матерью родной,
Разлучила ты меня
Съ моимъ миленькимъ дружкоймъ».

Выслушавъ пѣсню своихъ подругъ, невѣста
проситъ своего отца и братьевъ, если они есть,
запрячь для нихъ «ворона коня» и прокатить ихъ
«вдоль улицы широкия». Тѣ исполняютъ ея просьбу.
Послѣ катанья дѣвушки снова поютъ пѣсни въ
домѣ невѣсты; вотъ одна изъ такихъ пѣсень:

2274.

Знала-бы, знала, дура, за-мужъ не пошла
Лучше-бы, я во дѣвушкахъ жила;
Глаже-бы, глаже я головку чесала,
Мельче-бы, мельче русу косу я плела,
Въ русу косу алу ленту вплетала,
Вплетучи, алой лентой увила.
Во бесѣду развеселу ходила,
Противъ милаго на стулѣ сидѣла.
Противъ милаго широкаго двора
Выростала часта роща зелена;
Въ этой рощѣ прелюбезны два древа,
Перво древо—садовая яблонка,
Друго древо—зеленая грушица.
Съ того древа два яблочка сорвала,
Съ того время любить дружка начала.

Дѣвушекъ угощаютъ пивомъ и виномъ. Затѣмъ
они расходятся и въ другой разъ приходятъ къ
своей подругѣ-невѣстѣ уже не званія, а когда
имъ вздумается. Убѣждаетъ домой и отецъ жениха
въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Невѣста
остается одна среди своихъ близкихъ родныхъ,
и снова «воетъ»:

2275.

Послушайте, пріятели,
Родимая матушка,
Со кормильцемъ-батюшкой!
Словно вамъ я не родимая,
Въ утробѣ не пошепал,
У бѣлыхъ грудей не лежала?
Вамъ-ли, мои милые,
Не раба я была, не работница,
Не слуга-то-ли я вѣрная,
Не посыла-то-ли скорая,
Въ полюшкѣ не жнеюшка-ль,
Въ зеленыхъ лугахъ не кошельница?
Не дали грушъ вырасти,
Не дали яблонѣй выпѣсти,
Не дали яблочку вызрѣти;
Не дали мнѣ, пріятели,
На ноги рѣзвы подняться,
Съ годами собраться,
Съ умомъ-разумомъ справиться.
Ужъ какъ отдали вы, пріятели,
Ко тѣмъ, да ко чужимъ людямъ,
Изъ теплыхъ рукъ въ холодныя,
Ко чужому отцу-матери.
А чужая мать—не матушка,
И чужой отецъ—не батюшка.

Своимъ «вытьемъ» невѣста даже нарушаетъ
ночной сонъ своихъ родителей, и утромъ, когда
они еще спятъ, она будитъ ихъ такъ:

2276.

Ужъ какъ снится вамъ, пріятели.
Вся-то матушка темная почъ;
Ужъ какъ мнѣ, да молодецонькѣ,
Не спалось всю темну почъ.
Не спалось да мнѣ видѣлось:
Какъ ходила, молодецонька,
По краю-то рѣчки быстрия,
Оборвалась, молодецонька,
Во ту-ли рѣчку быструю;
Какъ хваталась я, ималася,
За кусты тѣ, за таловые,
За осоку я рѣзучую;
И обрѣзало у молодецоньки
Обѣ руки бѣлыя...
Не въ рѣкѣ я закуталася,
А купалась, молодецонька,
Въ своихъ лишь горячихъ слезахъ;
И хваталась я, ималася
За свое-то горе горькое;

Не осокой мнѣ обрѣзало,
А обрѣзало у молодехоньки
Печалью лютою, великою.

Другой варіантъ:

2277.

Ужо спится вамъ, пріятели,
Вся-то матушка темная ночь;
Ужо мнѣ, да молодехонькѣ,
Все не спятся ночи темныя
Со того, да со злодѣй-горя.
И вставала, молодехонька,
По утру-то я ранехонько,
Умывалась, молодехонька,
Своимъ, да горючимъ слезамъ
Утиралась, молодехонька,
Со правой руки рукавчикомъ.
Сидите, мои пріятели,
За столомъ, да за дубовымъ,
А мнѣ, молодехонькѣ,
За столомъ ужъ нѣтъ мѣстечка;
Какъ спасибо вамъ, пріятели,
За хлѣбъ, за соль, да за старую,
Не спасибо за теперешню.
Хлѣба стопка простояла,
Суха ложка пролежала,
Хлѣба-соли не отвѣдала.
Вы скажите-ка, пріятели.
Моему-то братцу-батюшкѣ,
Чтобъ запрягъ опъ коня добраго,
Посадилъ-бы молодехоньку
На того, да на добра коня.
«Увези-ка, братецъ-батюшка,
Ты меня во темный лѣсъ;
Тамъ я, молодехонька,
Найду себѣ горючъ камень.
Я убьюсь, да молодехонька,
Объ тотъ, да объ горючъ камень.
Какъ пройдетъ, да эта славушка,
Что убилась красна дѣвушка,
Что о тотъ, да о горючъ камень.»
Знать, сама я вѣдаю,
Что это все не сбудется;
Лишь сама себя потѣшила,
Лишь сама себя помравила.

Днемъ, при посѣщеніи родственниковъ или
подругъ своихъ, пѣвѣста тоже воетъ или причи-
таетъ. Если придетъ къ ней подруга, она такъ
причитаетъ:

2278.

Поди-ка, милая подруженька,
Къ моему-то горю-кручину,
Къ печалюшкѣ великой.
Не часешься ты, милая,
На себя-то горя-горькаго,
Не значай горе подкатится....

Если придетъ къ ней крестная мать:

2279.

Поди-ка, крестна матушка,
Къ моему-то горю кручину,
Къ печалюшкѣ великой;
Ты послушай, крестна матушка,
О чемъ я буду кучиться,
О чемъ я буду кланяться,
Надѣли меня, родимая,
Чистымъ благословеньцемъ,
Чистымъ, не рушимымъ,
Какъ того-ли Спаса образомъ.

Если придетъ къ ней дядя, она и дядѣ при-
читаетъ:

2280.

Ты поди-ка, мой кормилецъ,
Мой кормилецъ, милый дядюшка,
Къ моему-то ко злодѣй-горю,
Ко злодѣй-горю великому.
Ты спроси-ка, мой кормилецъ,
Ужо тѣхъ моихъ пріятелей:
Кого ждуть мои пріятели
Къ себѣ, да во любы гости.
Ужъ не тѣхъ-ли милыхъ гостеекъ,
Гостеекъ, да незнакомыхъ.
Я не знаю, молодехонька,
Какъ придетъ пора, да времячко,
Какъ придутъ, да къ молодехонькѣ
Эти гости незнакомые;
Помѣшается у молодехоньки
У меня, да умъ со разумомъ
И со крѣпкою со памятью;
Испугается, да сердце ретивое
При тѣхъ милыхъ при гостейкахъ.
Я не знаю, молодехонька,
Какъ мнѣ ихъ назвать будетъ,
Какъ назвать и возвеличать.

Не задолго до свадьбы родственницы жениха
пріѣзжаютъ къ невѣстѣ съ гостинцами и пере-
даютъ эти гостинцы матери невѣсты. Гостинцы
эти состоятъ изъ конфетъ, пряниковъ, орѣховъ
и сладкихъ пироговъ съ черникой, малиной, изю-
момъ и т. п. Всѣхъ пріѣзжихъ сажаютъ за столъ
и начинаютъ угощать, или, по мѣстному выра-
женію, честить. Честятъ сильно, такъ что передъ
своимъ отъѣздомъ всѣ гости, какъ говорится,
лыка не вяжутъ. Во время пира они, между про-
чимъ, просятъ вывести къ нимъ невѣсту, которая
обыкновенно сидитъ за перегородкой. Въ сопро-
вожденіи своихъ подругъ нарядная невѣста вы-
ходитъ къ гостямъ, наливаетъ пива и вина и
потчуетъ ихъ. Въ тоже время она цѣлуетъ всѣхъ
гостей-женщинъ, а тѣ въ это время ее разсма-
триваютъ. Послѣ того она снова уходитъ за пе-
регородку и начинаетъ вить:

2281.

Не спасибо вамъ, пріатели,
Что вывели младехоньку
На великій стыдъ, безчестіе,
Что по тѣмъ, да по чужимъ людямъ.
Обнесли вы, младехоньку,
Обнесли и обезчестили,
При моихъ милыхъ подруженькахъ.
У меня, у младехоньки,
Скатила со плечъ головушка,
Я на силу вѣдь, пріатели,
Собралася съ умомъ-разумомъ,
Со своей я вѣркой памятю.
Не погнѣвайтесь-же, милія,
Милія мои гостейки:
Надо-бы, мои гостейки,
Васъ честить пуще, потчивать
Ужо мнѣ, да младехонькѣ.
У меня, у младехоньки,
Не стоять поги рѣзвыя,
Не глядять очи ясныя,
Не дѣлають руки бѣлыя
Съ того, да со злодѣй-горя.
Накажу-ка я пріателямъ:
Вы честите-ка, пріатели,
По моей великой просьбѣ
Ужо тѣхъ, да милыхъ гостеекъ.
Кланяйтесь, мои пріатели,
Ужо имъ низехонько;
Говорите-ка, пріатели,
Съ ними по милехоньку.
Ужо знать, мои пріатели,
До поры вы дѣло сдѣлали,
Ужо сильно познакомились;

Знать меня, да младехоньку,
Отдасте вы, пріатели,
Что во тѣ, да во чужіи люди,
Ко чужому отцу-матери,
Какъ изъ теплыхъ рукъ въ холодныя.
Ужъ вы знаете, пріатели,
Мудрено, да мудрепехонько
Жить во чужихъ людяхъ
У чужова отца-матери.
Надо мнѣ, младехонькѣ,
Два ума, два и разума,
Два обычая обонравые.
Какъ придетъ, да младехонькѣ
Та пора, да времячко
Попроситься у пріателей,
У чужова отца-матери.
Ужо къ вамъ, да во любви гости.
Отпустить, да младехоньку
На закатъ да красна солнышка;
И пойду я, младехонька,
За тѣмъ, за полемъ чистымъ,
За тѣмъ, за лѣсомъ темнымъ.
Я зальюсь, да младехонька,
Ужо тѣмъ, да горячимъ слезамъ;
Приду я къ вамъ, пріатели,
Ужо въ гости, во любые,
Ничего-то вамъ, пріатели,
Ничего-то не повѣдаю:
Каково-то жить въ чужихъ людяхъ,
У чужова отца-матери.

Послѣ пирушки гости разъѣзжаются, и въ
другой разъ пріѣзжаютъ къ невѣстѣ уже нака-
нунѣ свадьбы. Въ тотъ день утромъ невѣста
обыкновенно созываетъ своихъ подругъ и про-
сятъ ихъ истопить для нее баню. Тѣ истопятъ и
ведутъ ее въ баню съ пѣснями. Въ рукахъ въ
это время они несутъ вѣнчикъ, увязанный банти-
ками. Баню обыкновенно выбираютъ гдѣ-нибудь
подальше отъ села или деревни, чтобы большее
пространство пройти имъ съ пѣснями. Въ это
время чаще другихъ слышится слѣд. пѣсня:

2282.

Туманъ, туманъ при долині,
Листъ широкій на малинѣ;
Есть пошире на дубочкѣ;
Манилъ молодецъ дѣвочку.
Не свою манилъ, чужую,
Пойдетъ дѣвка, поцѣлюю.
Зачѣмъ чужу цѣловати,
Тоску къ сердцу придавати;
Стала дѣвица рыдати,

Сталъ молодчикъ унимати,
Платкомъ слезы утирати:
«Не плачь, дѣвка, не плачь, красна,
Самъ я холостъ, не женатъ;
Если вздумаю жениться,
Просимъ милости на свадьбу.
У меня на свадьбѣ будетъ
Пива, водки очень много.»
«Мнѣ не диво твое пиво,
Милы твои рѣчи.
Твоя матушка-злѣйша,
Твои сестры-лиходѣйки,
Разлучаютъ насъ съ тобою,
Точно рыбицу съ водою.
Щука рыба живетъ въ морѣ,
А я, дѣвица, на волѣ;
Щука рыба по Дунаю,
А я дѣвка погуляю;
Щука рыба съ карасями,
А я, дѣвка, съ молодцами,
Со такими удачливи,
Съ ребятами холостыми.»

Въ банѣ дѣвушки моютъ и парятъ свою по-
другу-невѣсту тѣмъ разукрашеннымъ вѣпникомъ,
и при этомъ не рѣдко шиплютъ, при чемъ спра-
шиваютъ: какъ жениха зовутъ. При одѣваньи
невѣста воетъ:

2283.

Какъ оставьте-ка, сударини,
Меня въ той банѣ жаркой,
Чтобъ прошла такая славушка,
Что умерла-де красна дѣвушка
Во той, во банѣ жаркой.

Придя въ домъ, она проситъ своихъ подругъ
причесать ей голову:

2284.

Какъ заплетите-ка, сударини,
Мою косу русую;
Какъ вплетите-ка, сударини,
Разноцвѣтну алу ленточку.

Подруги исполняютъ ея просьбу. Она благо-
даритъ ихъ за баню жаркую и сажаетъ за столъ
обѣдать. Сама-же сидитъ возлѣ стола и ничего
не ѣстъ, только причитаетъ:

2285.

Кушайте, мои сударини,
Не дожидайтесь, мои милыя,
Чтобъ честила я васъ, потчивала.
Надо-бъ мнѣ, мои сударини,
Стоять, да на рѣзвыхъ погахъ,
И честить васъ пуще, подбивать,
Чтобъ не сердились вы, не гнѣвались,
На меня, на молодехоньку,
На меня, на зеленехоньку.

По выходѣ изъ-за стола, она проситъ ихъ не
оставить ее на «завтрашній Господень день» и
клапается имъ въ ноги. Подруги уходятъ. Въ
тотъ-же день сестры, тетки и другія родствен-
ницы со стороны жениха приходятъ или приѣз-
жаютъ къ невѣстѣ съ пирогами, и дожидаются
тамъ приѣзда жениха, который на вечеринку при-
ѣзжаетъ вмѣстѣ съ отцомъ и матерью. На ве-
черинку отецъ жениховъ обыкновенно привозитъ
и условленный «выговоръ» за невѣсту, состоящій
изъ денегъ, муки, шубы и проч., а женихъ при-
возитъ своей невѣстѣ платокъ, ситцу на сара-
фанъ, башмаки и т. п. Въ свою очередь и не-
вѣста его отдариваетъ—рубашкой, штанами и
полосомъ. Иногда она даритъ его отца съ ма-
терью: отцу даритъ утирку (полотенце), а ма-
тери—рукава. Отецъ за подарокъ невѣсты пла-
титъ ей отъ 1 до 2 рублей. На вечеринку обык-
новенно собираются и дѣвушки, которыя по-
стоянно поютъ пѣсни, и въ своихъ пѣсняхъ не
рѣдко «срамятъ» жениха. Но если онъ при этомъ
дастъ имъ денегъ (10—20 к.), то начнутъ хва-
лить¹⁾. На вечеринкѣ, между прочимъ, поются
слѣд. пѣсни:

2286.

Грянули весельцы вдоль по морю,
Грянули, раскрашены, вдоль по снѣгу;
Топнули кони во широкі ворота,
Топнули кони во рѣшетчаты.
Дрогнуло сердце у Катюшеньки,
Дрогнуло ретивое у Васильевны.
Какъ мнѣ жить на чужой сторонѣ,

¹⁾ На вечеринкѣ женихъ долженъ сидѣть, повѣся
голову. Если-же онъ вздумаетъ глядѣть бойко и по
сторонамъ, то это въ нѣкоторыхъ селахъ Ветлуж-
скаго края считается неприличнымъ, при чемъ дѣв-
чонки съ печи или съ полатей иногда въ насмѣшку
показываютъ ему кошку, оборотивъ ее къ нему зад-
ней стороной.

Какъ привыкать ко чужой семьѣ;
Какъ назвать свекра батюшкой,
Какъ назвать свекровь матушкой,
Какъ взвеличать свое суженаго?
Отъ горя-горя свекоръ-батюшка,
Отъ горя-горя свекровь-матушка,
Отъ сердца-сердца Николай господинъ,
Сударь мой Михайловичъ.

Или:

2287.

Во горенѣ во новой,
Во новой,
Стоялъ столикъ кедровой,
Кедровой,
Обить парчей голубой,
Голубой,
Серебряной бахромой,
Бахромой,
На столикъ убраннымъ
Убрано,
Графинъ водки ставлено,
Ставлено.
Николай господинъ,
Дворянинъ,
По горницѣ проходилъ,
Проходилъ,
Къ столу подходилъ,
Подходилъ,
Графинъ водки въ руки бралъ,
Въ руки бралъ,
Въ рюмку наливалъ,
Наливалъ,
Катюшѣ подносилъ,
Подносилъ,
Васильевну просилъ,
Онъ просилъ:
«Выпей рюмку отъ меня
Для меня,
Роди сына-сокола,
Сокола;
А тебѣ я подарю,
Подарю,
Куплю нитку жемчугу,
Жемчугу.
Носи жемчугъ, не жалѣй,
Не жалѣй,
Роди сына, да лелѣй,
Ты лелѣй.

Или:

2288.

При вечерней вечерипушкѣ,
У Катюши на дѣвипишкѣ,
Прилеталъ, да младъ ясенъ соколъ;
Онъ садился на окошечко,
На окошечко косяцато,
На серебряную полочку,
На золочену приборинку.
Запавѣску онъ раздернулъ,
Красныхъ дѣвушекъ раздвинулъ
Онъ Катюшу взялъ за ручку,
Свѣтъ Васильевну за праву.

Или:

2289.

Ужъ ты сваха-шаболтошница¹⁾
Ужъ ты сватала, все хвастала:
«У насъ дворъ-то на семи верстахъ,
На семи верстахъ казенныхъ,
Осередъ двора три горницы»
Какъ прѣхали, увидѣли:
У насъ дворъ-то на пяти шагахъ,
На пяти шагахъ, на курочьихъ,
Осередъ двора три банишки.

Или:

2290.

Не чаялась матушка
Молодохоньку избить;
Избыла, родимая,
За единый за часокъ.
Отдала, родимая,
Во проклятый во домокъ,
За того дѣтинушку,
За невѣжу, балунѣ.
Осержусь на батюшку,
Семь лѣтъ въ гости не приду.
На восьмомъ уже годочѣ
Вольной пташкой-прилечу.
Сяду я у батюшки
Во зеленымъ саду
Стану я во садикѣ
Какушкой каковать.
Вольшой братъ возговорить:

¹⁾ Шобонница, заплатница.

Что за птичка во саду?
Средній братъ возговорить:
Пойду птишку застрѣлю.
Меньшой братъ возговорить:
Пойду птишку осмотрю.

Или:

2291.

Твой женихъ не хорошъ, не пригожъ—
На горбу роца выросла;
Въ этой рощицѣ грибы растутъ,
Грибы растутъ березовые;
Въ головѣ же мышъ глѣздо завила;
Въ бородѣ дѣтокъ вывела.

А когда женихъ дастъ дѣвушкамъ денегъ, про-
должаютъ:

Твой женихъ и хорошъ и пригожъ;
Его кудри наложенны;
Черные брови наведены,
Ясни очи, какъ у сокола;
Его щоки—что твой маковъ цвѣтъ,
Его губы—что твой медъ сотовой.

Около полночи всѣ гости разѣзжаются и расходятся съ вечеринки. Уходятъ и дѣвушки. Снова они приходятъ къ невѣстѣ-подругѣ утромъ, въ самый день свадьбы, въ то время, когда топится печь. Тутъ изъ прѣснаго тѣста они дѣлаютъ пироги—короваецъ съ начинкой. Втыкаютъ въ этотъ пирогъ пять лучинокъ и лучинки эти тоже покрываютъ тѣстомъ, а на середину или верхнюю лучинку сажаютъ поросенка, сдѣланнаго тоже изъ тѣста; въ ротъ этого поросенка всовываютъ соломинку; на поросенка прилѣпляютъ пастуха изъ того-же тѣста и даютъ этому пастуху въ руку мочало или нитку въ видѣ вута. Когда пирогъ испечется, его вынимаютъ изъ печи, втыкаютъ въ него прутки съ сучками, обвиваютъ эти прутки разноцвѣтной бумагой и увѣшиваютъ лентами, такъ что изъ-за этихъ лентъ тѣста совершенно не видно, кромѣ поросенка и пастуха. Пирогъ этотъ подаютъ за обѣдомъ послѣ вѣщанія.

Между тѣмъ какъ въ домѣ невѣсты, въ день брака, съ самаго ранняго утра занимаются стряпней, въ домѣ жениха приготавливаются ѣхаль за невѣстой. Снаряжается поѣздъ изъ рождественниковъ жениха. Поѣздъ называется малымъ, когда онъ состоитъ изъ двухъ или трехъ паръ, и больш-

шимъ—когда состоитъ изъ семи, десяти и болѣе паръ. Въ каждомъ поѣздѣ непременно участвуетъ дружка. Дружка этотъ выбирается изъ родственниковъ и изъ постороннихъ лицъ. Большою частью впрочемъ приглашаютъ особаго специалиста по этой части. Специальность-же его состоитъ въ томъ, чтобы онъ всегда находился, что къ чему сказать и что когда сдѣлать. Это—древне-еврейскій архитриелинъ, распорядитель пира, душа общества; онъ-же рѣдучъ или знахарь и въ то-же время противодѣйствующая сила противъ колдуновъ; а подѣ часть онъ разыгрываетъ и роль шута. Безъ этого лица не дѣлается ни одной свадьбы. Свои рѣчи и прибаутки онъ, какъ наслѣдство, передаетъ сыну или другому какому либо ближайшему родственнику, и всегда не охотно говоритъ объ этомъ ремеслѣ своемъ, доставляющемъ ему, кромѣ небольшого вознагражденія, почетъ на свадебномъ пиру и полное раздолье въ пьянствѣ. Дружки на свою профессію смотрятъ вообще какъ на какое-то священнодѣйствіе и всегда исполняютъ свое дѣло съ особенною важною и серьезною фізіономіей, кромѣ особыхъ случаевъ. Не прочь бываютъ они иногда, особенно подѣ пьяную руку, и похвастаться своими чарамъ или заговорами. «Самъ я не умѣю заговаривать, говорилъ мнѣ одинъ изъ второстепенныхъ дружекъ,—а другіе заговариваютъ на свадьбахъ; меня-же разъ чуть самого не заговорили. Былъ я дружкой въ Усикѣ. Стою со стаканомъ въ рукѣ, а хватъ у меня сапогъ и слѣзаетъ съ ноги; смотрю, испугался, и другой слѣзаетъ. Я такъ испугался, что нѣда задрожалъ; но все-таки совсѣмъ не потерялся, а сказалъ: не шутя, а то я такъ спущу, что и не выйдешь отсюда. Смотрю, сапоги опять надѣлись, какъ слѣдуетъ. А въ другой разъ ѣхалъ съ поѣздомъ въ Елѣино. Подѣзжаемъ къ елѣинскимъ воротамъ, вдругъ лошади встали и шабашъ. Били, били ихъ, нейдутъ, да и только. Елѣинскій народъ стоитъ у воротъ да хохочетъ, а я хоть плачь. Бились, бились, на силу взѣхали. Послѣ я узналъ, что нашъ поѣздъ заговорилъ на пустой орѣхъ Степка-хромой. А вотъ нашъ Ефимъ Крюковъ такъ мастеръ былъ на эти штуки. Разъ онъ былъ на свадьбѣ въ Копоруликѣ. Тамъ пьяные надѣ нимъ и стали смѣяться. Онъ взялъ, да и ушелъ безъ шапки домой. А дѣло было зимой. Хорошо-же, говоритъ, не доѣдете до дому, коли вздумали надо мной смѣяться. Тѣ, отпировавши, поѣхали домой; доѣхали до богдановскаго поля и что-же? Бились, бились, такъ и воротились назадъ; цѣлый день тутъ кривуляли, а домой не попали. Послали за нимъ; на силу уломали (уговорили). Приѣхалъ къ нимъ; они попросили у него прощенія; онъ

простили ихъ, и послѣ доѣхали домой благополучно. Въ другой разъ онъ ѣхалъ съ дровами въ Гузнеевъ. Въ это время ѣхалъ свадебный поѣздъ, да и вздумалъ уронить у него возъ. Хорошо же, говоритъ, поднимите. Только поѣзжане выѣхали изъ деревни, какъ у нихъ у всѣхъ лошади сами распряглись изъ оглоблей и понесли въ разные стороны. Какъ ни бились ихъ догонять, такъ и не догнали. А женихъ съ невѣстой сидятъ въ поѣздѣ, да зябнуть. Тогда пошли къ Крюкову, поклонились ему въ ноги и подняли его возъ; выходятъ въ поле, смотрятъ—лошади всѣ стоятъ у оглоблей и ждутъ ихъ.» Подобные рассказы девольно и весьма сильно могутъ вліять на темную и невѣжественную массу народа, и потому, нѣтъ ничего удивительнаго, что этотъ темный народъ всегда старается приглашать на свои свадьбы разныхъ знахарей, въ родѣ дружекъ, оказывать имъ всевозможный почетъ и посылать вознаграждать ихъ, изъ опасенія, чтобы что либо «не попритчилось» жениху и невѣстѣ... Но я нѣсколько уклонился отъ главнаго предмета.

Когда всѣ поѣзжане, родственники женихова отца соберутся въ его домѣ для поѣзда за невѣстой, при чемъ каждый изъ нихъ привозитъ и передаетъ ему каравай хлѣба,—всѣ садятся за столъ. Имъ подають «варево», и они начинаютъ ѣсть. За столомъ вмѣстѣ съ ними сидитъ и женихъ, но онъ ничего не ѣстъ, хотя передъ нимъ лежатъ и хлѣбъ, и ложки. За первымъ варевомъ слѣдуетъ второе варево. Потомъ подають лапшу. Лишь только поѣзжане хлебнуть лапши по три ложки, дружка кладетъ на блюдо съ лапшей каравай хлѣба, разрѣзываетъ его на четыре части и говоритъ: «Кститесь и вставайте». (Отсюда поговорка: «изъ-за лапши женятся»). Всѣ встають. Дружка паливаетъ стаканъ пива и продолжаетъ: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ» (крестится). Есть-ли здѣсь Иванъ Михайлычъ и Феодосія Лазаревна (отецъ и мать жениха)? Встаньте на рѣзвы ноги, покажите ясны очи; въ очи я вижу, погибели не чаю, обоимъ величаю. У меня, у дружки, ноги съ подходомъ, руки съ подносомъ, сердце съ покоромъ, языкъ съ приговоромъ, голова съ низкимъ поклономъ. Я, дружка, чашу паливаю, Спаса призываю; примите чашу для любя, кушайте для здравья; будьте послѣ чаши многолѣтны; у великаго Николы канунъ (медь) пейте, у матери пресвятой Богородицы хлѣбъ кушайте. Умѣли вы своего сына вспомнить, вскорымъ, на рѣзвы ноги поставите; умѣйте, родители, подъ окошко встать, чистое благословеніе дать—ѣхать жениться. Поѣдетъ вашъ сынъ чистыми полями, быстрыми рѣками, темными лѣсами, черными грязями, уѣздными го-

родами. Приѣдетъ вашъ сынъ къ Сіонскимъ горамъ; на этихъ Сіонскихъ горахъ стоитъ высотъ повъ теремъ. Въ этомъ терему сидитъ красная дѣвица, шьетъ она, вышиваетъ бѣлыя полотна; ждетъ, поджидаетъ къ себѣ добраго молодца. Взѣхайте-бы намъ на Сіонскія горы и подѣхайте ко широкому двору, попроситесь у тѣхъ чужихъ людей на широкій дворъ; взѣхайте-бы на добрыхъ коняхъ на широкій дворъ; со широкова двора намъ взойди-бы на рѣзвыхъ погахъ на калиновъ мостъ, со калинова моста въ бѣлу горницу и взятъ-бы ему красную дѣвицу за бѣлы руки, за златы перстни; ѣхайте-бы въ село Воскресенье, а въ селѣ Воскресеньѣ стоитъ храмъ господень. Прийти-бы ему въ храмъ господень, Богу помолиться, къ евангелію приложиться, на одно подножье встать, да златъ вѣнецъ принять». Послѣ этой рѣчи, обращенной къ родителямъ жениха, дружка передаетъ палитой стаканъ женихову отцу, который, въ свою очередь, передаетъ его кому либо изъ поѣзжанъ. Затѣмъ дружка паливаетъ другой стаканъ пива и обращаетъ свою рѣчь уже ко всѣмъ лицамъ, находящимся въ избѣ: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ (крестится). Изъ кута по лавѣ, въ кутъ по скамейкѣ; есть-ли здѣсь маленьки ребятки—свинцыя поросятки, зеленцы сопли, красны дѣвицы—криношны блудницы, стары старушонки—худыя рубашонки, молодыя молодичи—косыя кички, банны затычки, подъ брускомъ лежащихъ, около столбушекъ стоящихъ,—примите чашу для любя, кушайте для здравья; будьте послѣ чаши благолѣтны, у великаго Николы канунъ пейте, у матери пресвятой Богородицы хлѣбъ кушайте. Благословите всѣ добрые люди нашему князю повображному (новобрачному), чего онъ пожелаетъ, то-бы ему получить къ добромъ здоровью». Послѣ этой рѣчи дружка передаетъ палитой стаканъ тому, кто стоитъ около столбушки, у печки, подъ полатами; тутъ-де обыкновенно стоитъ *портинникъ* или колдунъ, и потому надо его задобрить. Вслѣдъ за этимъ вступительными рѣчами дружки, отецъ и мать жениха ставятся у *тѣбла* (ікѣты); отецъ держитъ въ своихъ рукахъ икону, а мать—хлѣбъ съ солью. Женихъ, сынъ ихъ, прикладывается къ иконѣ и хлѣбу, кланяется отцу въ ноги и проситъ у него благословенія. Отецъ говоритъ: «Господь тебя благословитъ; будь на тебѣ мое благословеніе отъ нынѣ и до вѣка». Затѣмъ икону онъ передаетъ матери его, а хлѣбъ беретъ себѣ. Благословляетъ мать, при чемъ сынъ поспуаетъ также, какъ и при благословеніи его отцомъ. Во время этого благословенія избную дверь держатъ, и никого не впускаютъ и не выпускаютъ изъ избы,

опасаясь, съ одной стороны, колдуновъ, съ другой—скандала со стороны подруги жениха, если только она была у него. Потомъ всѣ выходятъ на дворъ. Женихъ встаетъ у своей лошади, три раза крестится и падѣваетъ шапку. Садится. За нимъ садится и весь поѣздъ. Выѣзжаютъ со двора. Здѣсь дружка напоминаетъ жениху, чтобы онъ ни съ кѣмъ не кланялся, что онъ въ точности и исполняетъ. Всѣ ему кланяются, а онъ и до шапки не дотронется. Не пригоже-де князю повображному поклоны воздавать¹⁾.

Между тѣмъ, въ ожиданіи поѣзда съ женихомъ, къ родителямъ невѣсты собираются всѣ званые родственники, и каждый изъ нихъ тоже приносить имъ въ подарокъ каравай хлѣба, а сама невѣста сидитъ съ своими подругами, и по обыкновенію причитаетъ:

2292.

Выйди-ка, братецъ-батюшка,
На улицу широкую;
Погляди-ка вдоль улицы широкой,
Какъ не ѣдутъ-ли чужіе люди.
Ты возьми-ка, братецъ-батюшка,
Въ обѣ руки по топорнику,
Завалий-ка путь дороженьку,
Чтобы не пройти имъ, не проѣхать
Къ нашему, да широку двору.

Напрасная просьба къ брату. Поѣздъ уже стоитъ за деревней, и по деревнѣ ѣдетъ дружка и прямо подъѣзжаетъ къ дому невѣсты. Вотъ онъ уже входитъ въ избу, молится Богу, садится на скамью; хозяинъ подноситъ ему стаканъ водки, онъ выпиваетъ, при чемъ хозяинъ и хозяйку поздравляетъ «съ гостенькомъ полюбивымъ». За первымъ стаканомъ слѣдуетъ второй и третій. Послѣ третьяго стакана дружка встаетъ, творитъ Иисусову молитву и спрашиваетъ: «Кто сему дому въ началѣ?» Хозяинъ отвѣчаетъ: «Господь». — «А кто здѣшнему дому хозяинъ?» — «Я». — «Какъ васъ по имени назвать, по отчеству возвеличать?» — «Сидоръ Карпычъ». — «Быль-ли у васъ Иванъ Михайлычъ?» — «Быль». — «Были ли у васъ съ нимъ рѣчи тайныя, слова полюбивыя, промельъ себя сватовство?» — «Было». — «Быль-ли промежду васъ третій человѣкъ?» — «Быль». — «Затопляли-ли вы свѣчку, молились-ли

Богу?» — «Затопляли и молились». — «Бились-ли вы по бѣлымъ рукамъ черезъ столѣнны дубовыя, черезъ скатерти шелковыя, черезъ питія медвяныя, черезъ закуски сахарныя?» — «Бились». — «Разнимали-ли у васъ бѣлыя руки?» — «Разнимали». — «Было-ли у васъ съ нимъ (отцомъ жениха) условье, чтобы быть сегодня свадьбой?» — «Было». — «Ждали-ли вы сегодня гостей?» — «Ждали». Послѣ этихъ допросовъ дружка продолжаетъ: «Ѣдетъ къ вамъ въ гости князь новображный на семидесяти парахъ; семьсотъ человѣкъ стоитъ съ нимъ въ чистомъ полѣ, въ широкомъ раздолѣ, стоитъ и не унываетъ, отъ васъ вѣсточку выжидаетъ. Дайте ему отвѣтъ: на вашъ-ли княжескій дворъ взѣхаетъ или на взѣзжую квартиру? Если на вашъ княжескій дворъ, то просимъ покорно отворить ворота, въ избу дверь, въ избѣ дать мѣсто, чтобы вашихъ гостей не потѣснить, а нашего князя подъ окошко посадить, и при этомъ просимъ покорно встрѣтить съ хлѣбомъ-солью, съ милостью божьею». Отецъ невѣсты говоритъ: «Милости просимъ». Дружка выходитъ изъ избы, садится на лошадь и, не доѣзжая до поѣзда, спавъ шапку, говоритъ: «Просимъ милости къ нашей княгинѣ новображной». Дружка ѣдетъ впередъ, за нимъ весь поѣздъ, всѣ въѣзжаютъ на дворъ. На дворѣ у крыльца ихъ встрѣчаетъ отецъ и мать невѣсты съ нѣкою и съ хлѣбомъ-солью. Женихъ получаетъ отъ нихъ благословеніе, также, какъ и отъ своего отца и матери родной. Потомъ родители невѣсты приглашаютъ ихъ войти въ избу, при чемъ сами они идутъ впередъ, за ними дружка, за дружкой женихъ, за женихомъ весь поѣздъ. Между тѣмъ какъ происходитъ эта церемонія, невѣста, окруженная своими подругами, сидитъ въ кутникѣ, подъ полатями, или за перегородкой, причитаетъ:

2293.

Что у насъ, мои пріятель,
Вдругъ воротца растворились,
Подворотенка простукнула,
Золото кольцо пробрякнуло?
Выйди-ка, моя сударыня,
Сестрица—лебедь бѣлая,
На тотъ, да на широкій дворъ.
Не осенній-ли ледъ ломается,
Не вода-ль на дворъ вливается.
Ужо ѣдутъ, знать, чужіе люди,
На дворъ ѣдутъ, усмѣхаются,
Въ избу идутъ, похваляются,
Похваляется, да чужой чуженецъ,
Похваляется, да доброй молодецъ,

¹⁾ Кромѣ того, опасаются порчи со стороны лихого человѣка, которую легко-де сдѣлать, если князь новображный скинетъ свою шапку.

Разлучу-де красну дѣвушку
 Со отцемъ, да и съ матерью;
 Да и съ милыми подружками.
 Поглядите-ка, подруженьки,
 Не верба-ли въ избу клонится,
 Не береза-ли Богу молится?
 Не бархатъ-ли по полу стелется,
 Не за столъ-ли жемчугъ сыплется?
 Молится, да покланяется
 Ужо тотъ, да чужой чуженецъ,
 Ужо тотъ, да доброй молодецъ.
 Я сама да знаю, вѣдаю,
 Онъ годамъ меня постарѣ,
 Умомъ-разумомъ исправѣ.
 Ты сходи-ка, братецъ-батюшка,
 Къ тому, да чужу чуженцу;
 Ты сажай-ка, братецъ-батюшка,
 Ужо всѣхъ гостей названыхъ
 Подъ окно, да подъ окошечко,
 Во почетное во мѣстечко.
 Ты поди-ка, братецъ-батюшка,
 О чемъ я стану кучиться
 Тебѣ я, разъясенъ соколъ:
 Послѣдн-ка, братецъ-батюшка,
 Подъ окномъ, да подъ окошечкомъ:
 Что стоитъ у насъ за темный лѣсъ,
 И во томъ лѣсу во темнымъ
 Что стоитъ за яблонею?
 Или такъ мнѣ показалось?
 То стоятъ, да люди добрые,
 То стоятъ, да чужой чуженецъ,
 То стоятъ, да добрый молодецъ,
 Людскихъ басенъ прислушался.

При входѣ въ избу гости не садятся, а сначала подружка (помощникъ дружки) наливаетъ стаканъ пива, дружка произноситъ иисусову молитву и ведетъ такую рѣчь: «Взѣхали мы на вашъ княжечекій дворъ по вашему приказанію,—благословите нашего князя повображпаго и на княжечекое мѣсто сѣсть». Отецъ невѣсты отвѣчаетъ: «Богъ благословить». Затѣмъ подружка снова наливаетъ стаканъ пива; дружка произноситъ иисусову молитву и продолжаетъ: «Просимъ покорно нашимъ конямъ задать корма: хлѣба печенаго, а пѣтъ хлѣба печенаго,—овса молоченаго; пѣтъ овса молоченаго,—сѣна кошеннаго; пѣтъ сѣна кошеннаго,—соломы яровой; пѣтъ соломы яровой,—ржапой; пѣтъ ржапой соломы, и такъ постоятъ, только просимъ приставить къ нимъ караульщика, чтобы все было сохраннымъ въ нашемъ домѣ честномъ». Послѣ того дружка, у котораго всегда «поги съ подходомъ», руки съ подносомъ, сердце съ покоромъ, языкъ съ приговоромъ и который всегда наливаетъ «въ чашу

стеклянну питье медвяно», продолжаетъ такъ ораторствовать: «А ѣхалъ я чистыми полями, быстрыми рѣками, уѣздными городами; мнѣ сказали: у васъ въ избѣ висятъ запавѣски, и за этими запавѣсками сидитъ невѣстка; какъ-бы мнѣ на эту невѣстку посмотреть: обута-ли она, обочена-ли (одѣта-ли); есть-ли у ней на ногахъ сапожки, на рукахъ рукавички; надѣта-ли на ней лисья шуба? Мнѣ-бы ее везти,—да руки-ноги не обморозить, бѣло личико не попортить». Дружка идетъ къ невѣстѣ въ кутъ подъ полати и на тарелкѣ песетъ дѣвушкамъ стаканъ вина, при чемъ столпившейся въ избѣ публикѣ говоритъ: «Отштитесь (постороннитесь) желудки, пузырь ползетъ; какъ-бы мнѣ маленькихъ ребятъ не помять, старыхъ старушекъ не норопять, красныхъ дѣвушекъ за груди не похватать, на молодыхъ тетушкахъ шубы не изорвать; послѣ стапуть дружку бранить-ругать: экой, скажутъ, дружка, экой несъ». Дѣвушки, при видѣ вина, говорятъ дружкѣ: «У насъ и безъ вина горько». Дружка идетъ назадъ къ крестному отцу женихову. Тотъ кладетъ на тарелку темного мѣдныхъ денегъ. Дѣвушки, увидя мѣдныя деньги, говорятъ дружкѣ: «У насъ невѣста бѣлая». Дружка снова идетъ къ крестному отцу, который на этотъ разъ кладетъ на тарелку серебряную монету. Между тѣмъ невѣста причитаетъ своимъ подругамъ:

2294.

Не бросайтесь, милыя подруженьки,
 Вы на пиво пьяное,
 На матушку золоту казну.

Но дѣвушки на этотъ разъ нзмѣняютъ ей,—берутъ деньги, и которая побойчѣе, выливаетъ стаканъ вина. Тогда невѣста надѣваетъ шубу, крестится и говоритъ:

2295.

Благослови меня, Господи,
 Надѣтъ мнѣ шубу теплую.

Если-же она надѣваетъ шубу выговоренную, то замѣчаетъ:

Какъ тепла она и не угрѣвчева,
 Какъ не грѣетъ у молодехоньки
 Сердце ретивое.

Послѣ измѣны своихъ подругъ, невѣста всю надежду возлагаетъ на брата, который выводитъ ее изъ кута или изъ-за перегородки и ведетъ къ столу. Въ это время всѣ гости встаютъ и опра- стиваютъ мѣсто возлѣ жениха. Невѣста причи- таетъ:

2296.

Ты постой-ка, братецъ-батюшка,
Ты бери-ка потихохоньку,
Ты веди-ка помалехоньку.
У меня, у молодехоньки,
Нейдутъ ноги рѣзвыи,
Со того, да со злодѣй-горя.
Ты садись-ка, братецъ-батюшка,
Со мною молодехонькой,
На лавку бѣлолпovu,
Не отдавай-ка, братецъ-батюшка,
Изъ теплыхъ рукъ въ холодныя.

Братъ ея садится возлѣ жениха, а около себя сажаетъ сестру-невѣсту. Его подчуютъ виномъ и пивомъ, осыпаютъ разными пасмѣшками, падѣ- ваютъ бабью кичку (родъ повойника), но онъ все это стончески переноситъ и сдается только тогда, когда крестный отецъ жениха дастъ ему выкупъ за невѣсту (не менѣе рубля). Между тѣмъ его сестра-невѣста продолжаетъ:

2297.

Не сдавайся, братецъ-батюшка,
За стакашъ да пива пьянаго,
За рюмочку да зелена вина.
Пиво пьяное запойчиво,
Зелено вино разборчиво.
Не сдавайся братецъ-батюшка,
На ту да золоту казну;
Золота казна обманчива.
Развѣ пива ты не варивалъ,
Зелена вина не куривалъ,
Золотой казны не считывалъ?
Не спасибо, разъясенъ соколъ,
Что сдался ты, братецъ-батюшка,
На ту да золоту казну.

Въ концѣ пѣсни братъ ея, получивъ деньги, сажаетъ свою сестру рядомъ съ женихомъ, за что въ это время она его и укоряетъ. Сѣвши съ женихомъ, она начинаетъ вѣть дружкѣ—другому

виновнику того, что ей пришлось сѣсть рядомъ съ чуже-чуженцомъ.

2298.

Не спасибо, дружка ласковый,
Дружка ласковый, обманчивый,
Раздробилъ мою головушку ¹⁾
Зазнобилъ, да сердце ретивое.
Поднимаются вѣтры-вихори
Со восточныя сторонушки;
Не погода поднимается,
Не гроза, а чужой чуженецъ,
Не гроза, а доброй молодецъ,
Въ твоихъ очахъ, да не въ твоихъ рукахъ,
Не въ твоей, да волѣ-большинѣ,
Не въ твоей я бѣлой горниці,
У своихъ, да у пріятелей.

Послѣднія слова невѣста поетъ тогда, когда женихъ беретъ ее за руку, и свою ногу закиды- ваетъ за ея ногу; въ это-же время онъ обыкно- венно старается подложить подъ себя конецъ ея шубы, для того, чтобы «волю ея прижать». Между тѣмъ невѣста снова воетъ:

2299.

Погляди, моя родимая,
Что отъ печки отъ кирпичныя,
Отъ залавка бѣлолпова,
Черезъ брусники лежаціе,
Черезъ скамьи-то стоячія,
Черезъ столпки дубовые,
Черезъ тѣхъ, да черезъ добрыхъ людей,
Черезъ скатерти все бранныя,
Черезъ ѣствица (кушанья) сахарныя,
Черезъ питья все медвяныя,
На меня, да молодехоньку:
Нарядно-ли я наряжена,
Возлѣ ровни-ли посажена,
Что не ровня добрый молодецъ,
Не ровня, не верстанничекъ,
Хоть годами-то не старѣе —
Умомъ-разумомъ исправѣе.

Послѣ этаго причитанья невѣсты, дружка про- износитъ иисусову молитву и, обращаясь къ отцу и матери невѣсты, говоритъ: «Прикажите нашего

¹⁾ Въ это время дружка три раза ударяетъ же- ниха и невѣсту головами,—въ знакъ ихъ соединенія.

внзя новображнаго дарить; спасены-ли у васъ дары? Если не спасены (т. е. не припасены), своимъ будемъ дарить». Выходитъ сваха невѣсты. Дружка снова произноситъ Иисусову молитву и, обращаясь къ жепиху, говоритъ: «Встань, государь, на рѣзвы погн, очисти ясны очи; въ очи я васъ вижу, погибели не чаю, чашу вамъ наливаю, Спаса на помощь призываю; чаша стеклянна, въ чашѣ прими для любя, выкушай для здравья (женихъ чашу принимаетъ изъ рукъ дружки). Послѣ чашы здравъ будь, государь мой; отъ великаго Николы капнутъ пей, отъ пресвятыя Богородицы хлѣбъ кушай, отъ княгини новображной дары получай, и княгиню новображную любви, да жалуй, да на добро поучай; чему самъ гораздъ, и ее поучай, а на дары не повѣшуй» (т. е. не взыщи). Послѣ жениха дарятъ и другихъ лицъ; смотря по условію, или невѣста дарить и ту и другую сторону, или же каждая сторона дарить своихъ родныхъ¹⁾. По окончаніи этой церемоніи дружка продолжаетъ: «По всей свѣтлой свѣтлицѣ, по всей бѣлой горницѣ изъ кута по лавкамъ, по залавкамъ, по скамейкамъ, по кривулькамъ, тутъ сидятъ дѣдушки и дядюшки, усаты, бородаты, холосты, не женаты: кто пожилой молодецъ—будь дядюшка; гвоздари, бочкари, малые ребята,—спіе пупки, кривые желудки, зеленые сопки,—кто изъ васъ рѣзвый? Тотъ кушай стакань пива.» Рѣзвый выпиваетъ стакань пива. Затѣмъ зажигается свѣчка передъ иконами; поддружка наливаетъ стакань пива, дружка подаетъ его отцу невѣсты, который, въ свою очередь, передаетъ его тысяцкому (крестному жениха), самъ беретъ икону, а жена его хлѣбъ съ солью. Всѣ встаютъ. Дружка въ то время произноситъ Иисусову молитву и ведетъ такую рѣчь: «Батюшка княгини новображной! Встань, повьступи, прими чашу для любя» и проч... «Умѣлъ ты свое чадо милое на бѣлыхъ рукахъ лелѣять; твое чадо милое сызнова перерождается, въ цвѣтное платьице паряжается, горячимъ слезамъ заливается, шелковымъ платкомъ утирается, во рѣзвыхъ погахъ валяется и проситъ у васъ чистаго благословеньца, пройти по серединѣ пола, войти въ новыя сѣни, сойти на калиновъ мостъ, выйти на широкій дворъ, садиться на добрыхъ копей, брать въ лѣвыя руки тесмяныя возжи, въ правыя руки шелковыя плети, бить намъ добрыхъ копей по правымъ бедрямъ, бить намъ по крутымъ горамъ; бить намъ горами, долами, крутыми бе-

регами, темными лѣсами, топучими грязми, селами, городами, деревнями, слободами, подбѣхать намъ ко Божіей церкви, взойти намъ въ Божью церковь, чудному образу помолиться, въ землю челомъ поклониться, на одно подножье встать, золотыми перстнями помѣяться и на буйцу голову златъ вѣнецъ надѣть и златъ крестъ поцѣловать». Женихъ и невѣста молятся въ землю и получаютъ благословеніе отъ отца невѣсты. Затѣмъ дружка съ тою-же рѣчью обращается къ матери невѣсты, которая, въ свою очередь, также благословляетъ ихъ. Но передъ благословеніемъ родителей, невѣста не опускаетъ случая повѣтъ:

2300.

Ужъ вы дайте-ка, пріятелі,
Благословеніе мнѣ великое,
Что идти, да молодехонькѣ,
Во матушку, да во Божью церкву;
Ужо какъ мнѣ передъ вамъ стоять?
Развѣ золотомъ разсыпаться,
Жемчугомъ да раскатиться.
Положите-ка, пріятелі,
Что во тѣ да во рѣзвы погн
Ужо тотъ да горючъ камень;
И ударюсь, молодехонька,
Я своимъ, да ретивымъ сердцемъ,
Чтобъ прошла да эта славушка,
Что убила красна дѣвица.

Въ это время обыкновенно жепиху и невѣстѣ кладутъ въ карманы по луковичѣ и втыкаютъ въ одежду иглы—для того, чтобы ихъ не испортили. Тѣ-же предосторожности принимаютъ и всѣ поѣзжане. Послѣ благословенія жениха и невѣсты всѣ молятся и выходятъ изъ избы. Во время выхода изъ избы невѣста опять воетъ, и на этотъ разъ не совѣтъ лестно для своихъ родителей.

2301.

Вы живите-ка, пріятелі,
Безъ меня, да молодехоньки,
Вы живите, богатите,
Къ вамъ на дворъ вода волеетъ,
По водѣ суда пойдутъ,
Сундукъ казны откроется;
Два солнца обогрѣютъ васъ,
Два мѣсяца свѣтить будутъ,

¹⁾ Своихъ родныхъ женихова сторона дарить обыкновенно не въ домѣ невѣсты, а въ домѣ жениха; когда послѣ пира пріѣдутъ отъ невѣсты и сядутъ ужинать или обѣдать.

Выживаете, пріятели,
Какъ звѣря стараго изъ лѣса
Меня, младу, вы изъ дома.

Женихъ ведетъ невѣсту за руку на дворъ. На дворѣ ее отнимаютъ отъ него подруги, будто бы для перевязки. Дружка идетъ выручать невѣсту, но отходить отъ дѣвушекъ съ носомъ. Тогда онъ беретъ съ собой жениха. Женихъ дастъ имъ за нее деньги, и они выдаютъ ему невѣсту, заставивъ напередъ назвать ее по имени и отчеству. Послѣ того женихъ сажаетъ ее въ сани. Но и здѣсь дѣвушки не даютъ ему покоя. Они вслѣдъ стараются помѣшать ему усадить свою невѣсту и хватаютъ ее за одежду, за руки, за поги и проч., и если женихъ оказывается при этомъ малосильнымъ, то смѣются надъ нимъ. Между тѣмъ дружка въ это время съ хлѣбомъ, съ солью и мѣднымъ распятіемъ три раза обойти вокругъ поѣзда, отталкивая постороннихъ зрителей въ сторону. Затѣмъ поѣздъ выѣзжаетъ изъ воротъ и, отѣхавъ небольшое пространство, останавливается. Дружка ѣдетъ назадъ къ невѣстину отцу. За нимъ караульный затворяетъ ворота. Онъ входитъ въ домъ и отъ лица жениха приглашаетъ отца, мать и прочихъ родныхъ съ невѣстиной стороны въ гости къ жениху. Приглашеніе свое онъ выражаетъ такъ: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ (крестится). Батюшка княгини повображпой! Встань на рѣзвы ноги, открой свои ясны очи и проч... Просить нашъ князь новображный къ себѣ въ гости. И просить васъ покорно собраться въ гости: противъ тысяцкаго—тысяцкому, противъ бояръ—боярамъ, противъ дружки—дружкѣ, противъ свахъ—свахамъ. Сдѣлайте милость, не вдвое и трое, а въ десятеро пріѣзжайте». Послѣ этого приглашенія дружка проситъ позволенія взять чего нибудь на угощеніе караульнаго или привратника. Ему даютъ стаканъ водки и на закуску кусокъ говядины, что онъ и передаетъ привратнику. Затѣмъ дружка выѣзжаетъ со двора и присоединяется къ поѣзду. Этого приглашенія впрочемъ не бываетъ, если поѣздъ изъ церкви опять пріѣдетъ въ домъ невѣсты. Самый поѣздъ происходитъ въ такомъ порядкѣ. Впереди ѣдетъ дружка, за дружкой женихъ съ крестнымъ отцомъ, за женихомъ невѣста со свахой и братомъ-ямщикомъ, а за невѣстою весь поѣздъ. При выѣздѣ изъ деревни, мужики загораживаютъ дорогу близъ околицы въ воротахъ и пропускаютъ весь поѣздъ только тогда, когда имъ дадутъ водки. Дорогою невѣстину братъ или въ сторону куда нибудь своротить или вывалить невѣсту въ сѣбѣ. Дружка каждый разъ обязанъ къ нему

подѣхать и угостить его виномъ, при чемъ весь поѣздъ останавливается. Дорогою невѣста воетъ:

2302.

Ты горю-ка, горько золото,
По моей да буйпой головѣ,
Ты конецъ да русой косынки;
Ты воюй-ка волю-большину
По конецъ моихъ бѣдныхъ рукъ.

Подѣзжая къ церкви продолжаетъ:

Подѣзжаю, молодецъ
Что ко той Божьей церкви,
Что во той, во Божьей церкви,
Знать принять мнѣ, молодецъ,
Батюшку золотой вѣнецъ.
Ужо встать мнѣ, молодецъ,
На одно-то на подножье;
Ужо возьметъ чужой чуженецъ
Всю съ меня да волю-большину,
Что при тѣхъ да при добрыхъ людяхъ,
При полахъ да при священникахъ,
При дьякахъ да поученикахъ.
Знать, разстаться молодецъ
Со матушкой, да волей-большинной,
Со-матушкой, да дѣвѣй красотой;
Поступить, да молодецъ,
Ко чужому отцу-матери;
Нужно будетъ, молодецъ,
Уважать мнѣ тамъ, да всякому,
Всякому—и старому, и малому.

Подѣхавъ къ церкви, женихъ высаживаетъ невѣсту изъ саней и ведетъ ее въ церковь. Въ церкви послѣ обрученія, каждый изъ нихъ особенно заботится о томъ, чтобы первому встать на подножье—для того, чтобы «верхъ взять» и ихъ послѣднѣе иногда бываетъ довольно курьезна. Послѣ вѣнчанія свахи «окручиваютъ» невѣсту или въ самой церкви или въ церковной караулѣ. Округиваніе это состоитъ въ томъ, что ея волосы (во время вѣнчанія распущенные) заплетаютъ въ двѣ косы и надѣваютъ на голову «сороку» (повойникъ),—въ знакъ того, что она стала уже бабою. Затѣмъ женихъ сажаетъ ее вмѣстѣ съ собою въ сани и поѣздъ ѣдетъ домой въ томъ-же порядкѣ¹⁾. Дорогою невѣста снова воетъ или причитаетъ:

¹⁾ При выходѣ изъ церкви жениха и невѣсты свахи особенно зорко наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы между ними кто либо изъ постороннихъ лицъ не

2303.

Ужо та, да бабья красота
По подлавочью валялась,
И мнѣ, молодой, доставалась.
Ужъ я ѣду, молодехонька,
Тѣмъ да полемъ чистинимъ,
Что ко тѣмъ моимъ пріятелямъ,
Ко чужому отцу-матери,
Ужо къ ихъ, да въ широку двору.
Ты послушай, чужой чуженецъ,
Какъ сказалъ ты, добрый молодецъ,
Ваша та, да бѣла горница
Вся цвѣтами изукрашена.
Какъ подѣхала младехонька,—
Ваша та, да бѣла горница
Злодѣй-горемъ изусыпана.
Вы встрѣчайте-ка, пріатели,
Того гостейка бывалаго,
Меня гостью не бывающую;
Не погнѣвайтесь, пріатели,
Что не ладно съ гори свылоси,
Во печалюшкѣ сказалося.
Я сама, да знаю, вѣдаю,
Гладко бають,—лихо думаютъ,
Мягко стелятъ, жестко спать живеть,
Гладокъ полъ,—да шиповать ходитъ.
Какъ встаю я, молодехонька,
По утру-то я ранехонько;
Умываюсь, молодехонька,
Своимъ, да горючимъ слезамъ.
И спрошу я васъ, пріатели,
На какую, молодехонькѣ,
Мнѣ идти да на работушку,
На работушку разовую?
Вы скажите-ка, пріатели,
Своему-то сыну милому,
Чтобы сѣздили, разнадеженья,
По моихъ-то онъ пріателей.
Знать у васъ, мои пріатели,
Богоданный сударь-батюшка,
Богоданная моя матушка,
Приключилась, молодехонькѣ,
Мнѣ тоска, да несусвѣтнал.
Ужъ я вышла, молодехонька,
На широкую, на улицу,
Все глядѣла, молодехонька,
Во то да во чисто поле,

прошелъ,—иначе-де новобрачные будутъ жить не-счастливо и несогласно. Равнымъ образомъ, когда не желаютъ жениху и невѣстѣ согласія въ жизни, тогда выстригаютъ на лбу у кошки и собаки немного шерсти, запекаютъ эту шерсть въ лепешки и при случаѣ даютъ имъ сѣсть: они-де послѣ того будутъ жить, какъ кошка съ собакой.

На родимую сторонушку.
Ужо ѣдутъ, знать, пріатели,
Родной батюшка со матушкой.
Не могла я слова вымолвить,
Залилася горючимъ слезамъ.
На меня, на молодехоньку,
Что при встрѣчѣ съ роднымъ батюшкой
И при видѣ родной матушки
Залилася горючимъ слезамъ
И ни слова не промолвила.

Эту пѣсню молодая поетъ во всю дорогу, если домъ жениха недалеко отъ церкви, а если далеко, то проѣзжая только села и встрѣчающіяся на пути деревни. Впрочемъ она поетъ эту пѣсню только въ такомъ случаѣ, когда поѣздъ изъ церкви прямо ѣдетъ въ домъ жениха. Но такіе случаи бывають весьма рѣдко, а изъ церкви весь поѣздъ обыкновенно ѣдетъ въ домъ невѣсты. Отецъ и мать невѣсты встрѣчаютъ молодыхъ у крыльца съ иконой и хлѣбомъ-солью. Въ это время молодая поетъ:

2304.

Вы встрѣчайте-ка, пріатели,
Меня, да молодехоньку;
Нездорово, молодехонька,
Ужъ я Богу-то молилась.
Не спасибо вамъ, пріатели,
Кормилецъ ты мой, батюшка,
Со родимую, со матушкой,
Дали вы мнѣ сваху ненадежку,
Устыдила, обезчестила
При полахъ, да при священникахъ,
При дякахъ, да при ученикахъ,
Что сняла да дѣвью красоту
Золотую мою связочку.

Затѣмъ всѣ идутъ въ избу,—сначала отецъ и мать, за ними женихъ съ невѣстой, дружка, за дружкой весь поѣздъ. Дружка сажаетъ всѣхъ за столъ и говоритъ: «Нѣтъ-ли у тебя, свать, другой избы,—молодыхъ увести, да на столъ собрать и покормить—они ѣсть хотятъ. Да и моему храброму поѣзду на столъ собери; нашъ тысяцкій пить-ѣсть хочетъ, и большой бояринъ (дядя жениха), и меньшей бояринъ (тоже ближайшій родственникъ жениха) ѣсть хочетъ, и сваха, и сватъ, и повозникъ и лагушникъ (ѣдущій позади всѣхъ за поѣздомъ), да и я, дружка, съ подружьемъ пить-ѣсть хотимъ. Стряпоники-поварихоньки, поварачивайтесь, пошевельвайтесь, въ правой-то

сторонѣ бочергой загребаите, а въ лѣвой-то помеломъ заметаите,—къ намъ на передній столъ подавайте, да и задній не забываете. (Обращаясь къ отцу невѣсты): у нашего Владимірушки нѣтъ солнышка, у нашего тысяцкаго пересохло въ горлышкѣ, перепялилась капусташка, засѣла костычка». Молодыхъ уводятъ обѣдать въ другую избу или за перегородку; всѣ поѣзжане садятся за столъ и когда выхлебають одно кушанье, дружка говоритъ: «Повары-яворы, перемѣняйте лѣтва сахарны». Послѣ всѣхъ кушаньевъ дѣвушки подаютъ свой изукрашенный лептами пирогъ. Дружка спрашиваетъ стряпца: «Стряпонецъ-поварихонька, сама-ли ты парушишь (разрѣжешь) эту ѣствицу или намъ прикажешь?» — «Не мое дѣло», отвѣчаетъ стряпца, «спросите о томъ дѣвокъ». Дружка обращается къ дѣвушкамъ. Тѣ дозволяютъ свою ѣствицу парушить, но просятъ «красищи озолотить, а середочку осеребрить». Тысяцкій платитъ имъ за пирогъ отъ 20 до 50 и болѣе копѣекъ. Затѣмъ дружка приступаетъ къ срѣзчиванію верхней корки пирога, при чемъ онъ долженъ остерегаться не уронить на столъ ни одного бантика,—иначе за свою пеловкость дѣвушки на него накинута, надѣнутъ вѣчку и сильно сконфузятъ. Когда гости немного поѣдятъ пачинки этого пирога, дружка опять накладываетъ на него верхнюю корку и передаетъ стряпцѣ. Этотъ пирогъ доѣдаютъ дѣвушки, а лучинки съ бантиками уносятъ съ собой домой и хранятъ до чьей либо новой свадьбы. Послѣ разукрашеннаго пирога стряпца подаетъ простой пирогъ, не помазанный масломъ и ничѣмъ не начиненный. Подача его на столъ означаетъ окончаніе обѣда. Всѣ встають и благодарятъ хозяевъ за хлѣбъ, за соль въ «заѣзжемъ дѣлѣ». Послѣ обѣда молодые сажаютъ за столъ вмѣстѣ съ гостями, и начинается попойка (за обѣдомъ вина не пьютъ). Попойка продолжается до самой ночи, часовъ пять. Въ это-же время подружки невѣсты катаются по деревнѣ на тѣхъ разбаченныхъ лошадяхъ, на которыхъ женихъ и невѣста ѣздили въ церковь вѣнчаться. Напировавшись вдоволь, дружка встаетъ и держитъ такую рѣчь: «Вставайте и благодарите здѣшняго хозяина; (обращаясь къ отцу молодой): пу, сватушка, теперь время почное; мы боимся ѣхать одни, дай намъ провожатыхъ». Сватъ спрашиваетъ провожатыхъ, своихъ сродниковъ, которые и ѣдутъ къ жениху, въ томъ-же порядкѣ, какъ и отъ вѣнца, при чемъ сродники невѣсты ѣдутъ позади сродниковъ жениха. На дворѣ отецъ и мать жениха встрѣчаютъ повобратныхъ съ хлѣбомъ-солью и благословляютъ иконою. Всѣ входятъ въ избу. Дружка творитъ Іисусову молитву и, обращаясь къ отцу и матери

молодого, говоритъ: «О чемъ вы намъ бучились (просили), о чемъ кланялись, то мы устроили и обдѣлали; только въ томъ виноваты, что вы насъ посылали за дѣвицей, а мы привезли вамъ молодицу». Ему отвѣчаютъ: «Покорнѣйше благодаримъ». Затѣмъ, по приглашенію хозяевъ, всѣ садятся за столъ. Сваха приноситъ сундукъ съ дарами, дружка паливаетъ пива и вина, выкликаетъ кого сначала слѣдуетъ дарить и подходитъ къ свахѣ съ тарелкой. Та кладетъ ему на эту тарелку даръ указанному лицу, которому дружка и передаетъ этотъ даръ. Но прежде передачи даруемый выпиваетъ пива и вина и затѣмъ уже полученнымъ даромъ вытираетъ свои губы. Послѣ перваго лица дарятъ второе, третье и т. д. Послѣ выдачи даровъ всѣ садятся за ужинъ, за которымъ пьютъ и водею. Послѣ ужина молодыхъ уводятъ въ особую избу или въ сѣнникъ спать. Званые гости остаются почевать въ домѣ молодого, причемъ ихъ шумный говоръ и веселыя пѣсни слышатся далеко за полночь. Утромъ снова начинается попойка, которая продолжается цѣлый день; а молодой въ это время ѣдетъ звать къ себѣ въ гости тестя и тещу, которая у себя въ домѣ кормитъ его блинами. Затѣмъ онъ забираетъ сундукъ своей жены съ имуществомъ и вмѣстѣ съ тестемъ и тещей ѣдетъ домой. Вечеромъ въ тотъ день бываетъ такъ называемый красный столъ, за которымъ происходитъ «поцѣлуй». Столъ ставятъ среди избы. Впереди, возлѣ тѣбла, сажаютъ отца и мать молодого, рядомъ съ ними, на другой лавкѣ — отца и мать молодой. Возлѣ нихъ садятся по лавкамъ всѣ поѣзжане. Молодой съ своей женой стоитъ у стола и паливаетъ въ рюмку вина. Молодая беретъ эту рюмку и подноситъ ее своему свекру. Тотъ беретъ ее, и въ это время молодая падаетъ ему въ ноги и лежитъ до тѣхъ поръ, пока онъ не выпьетъ,—причемъ иногда свекоръ говоритъ: «горько» и молодая должна въ это время поцѣловать своего мужа. Послѣ выпивки отецъ цѣлуетъ свою молодую сноху и даетъ ей денегъ, которые кладетъ въ блюдо, находящееся на столѣ. Если свекоръ богатый, то даетъ 10—20 р., а если бѣдный, то 1—3 рубля. Послѣ свекра молодая со стаканомъ пива подходитъ къ свекрови, подноситъ ей это пиво, цѣлуетъ ее и тоже получаетъ отъ нея или деньги или какой нибудь подарокъ, въ родѣ платка, сарафана или книжки. Затѣмъ молодая беретъ рюмку водки и подноситъ своему мужу, который тоже даритъ ей денегъ, сколько доведется. Послѣ мужа она подходитъ къ своему отцу, матери и наконецъ ко всѣмъ поѣзжанамъ. Всѣмъ она кланяется, всѣхъ цѣлуетъ и отъ всѣхъ получаетъ деньги. Иногда эта процедура повто-

рается до трехъ разъ, и молодая собираетъ деньги отъ 30 до 50 и болѣе рублей, смотря по состоянію родителей и всѣхъ поѣзжанъ. Деньги эти поступаютъ въ пользу молодыхъ. Послѣ всего этого начинается опять пировня, которая иногда продолжается дня два и болѣе. Наконецъ всѣ гости разъѣзжаются и крестьянская жизнь пойдетъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Свадьбы здѣсь болѣею частью играютъ зимой предъ масляницей. Лѣтомъ не до свадебъ, а осенью, когда всего лучше было-бы ихъ играть—по изобилію хлѣба и баранины, придерживаются того предразсудка, что женившіеся въ осеннемъ мясоѣдѣ будто-бы живутъ несчастно, и, кромѣ того, надъ женившимися въ этомъ мясоѣдѣ, обыкновенно смѣются: «вы и женились въ *овечій мясоѣдъ*»¹⁾, говорятъ имъ,—отъ того здѣсь свадьбы осенью и весьма рѣдки. Послѣ свадьбы на масляницѣ всѣ разряженные молодые считаютъ нужнымъ явиться на базаръ въ село Воскресенское, гдѣ молодой обыкновенно закупаетъ для родныхъ своей жены большія ковриги и прочія сладости, которыя и передаетъ имъ въ то время, когда придетъ въ гости къ тестю. Послѣ масляницы на весь великій постъ молодая остается гостить у своихъ родителей и въ это время придетъ для себя лень. Собираясь въ гости къ своимъ роднымъ, она всегда приглашаетъ всѣхъ новыхъ сроднищъ, и замужнихъ и дѣвицъ, къ своей матери, въ гости, въ сборное воскресенье, въ которое всѣ они и являются туда. А въ Оомино воскресенье малые ребяташки приходятъ въ ту избу, гдѣ живутъ молодые (т. е. обвѣнчавшіеся въ томъ году), и говорятъ:

2305.

Молодая молодца,
Подавай наши яйца;
Не отдашь яйца,
Уведемъ молодца,—
Въ хлѣвъ запремъ,
Помеломъ заткнемъ,
Да не выпустимъ.

Молодая раздаетъ имъ всѣмъ прищипки, чѣмъ они остаются очень довольны и затѣмъ уходятъ. Въ нѣкоторыхъ впрочемъ деревняхъ даже мужчины приходятъ къ молодой съ такою угрозою,

¹⁾ Лучшимъ временемъ для случки овецъ дѣйствительно считается октябрь и ноябрь мѣсяцы.

и ихъ обыкновенно она угощаетъ водкой, чѣмъ тоже они остаются весьма довольны. Наконецъ въ Петровъ день (29 іюня), или наканунѣ его, зять отправляется съ своей женой къ ея родителямъ въ гости, и теща, или мать жены его, даритъ имъ въ это время деревянную чашку съ приготовленнымъ въ ней сыромъ, двѣ ложки, солонцу и иногда—молотило, грабли и косу. Этимъ дареніемъ и завершаются всѣ обязательные для той и другой стороны свадебные обычаи.

Но мой очеркъ далеко былъ-бы не полонъ, если-бы я не коснулся въ немъ еще такъ называемыхъ «воровскихъ свадебъ»¹⁾.

Воровскія свадьбы преимущественно устраиваютъ бѣдные крестьяне. Бѣдному родителю жениха негдѣ взять денегъ за «выговоръ» невесты и на свадьбу, и вотъ онъ предлагаетъ своему сыну самому отыскать себѣ невесту. Сыну начинается рыскать по «бесѣдкамъ» и находить. Иногда находятъ скоро, а иногда очень долго странствуютъ изъ деревни въ деревню. Если онъ принадлежитъ къ порядочному дому и красивъ собою, то скорѣе находятъ себѣ невесту, а если черезъ чуръ бѣденъ и особенно не взраченъ на видъ, то не скоро поймаютъ ее. Изъ дѣвушекъ преимущественно тѣ соглашаются «по-воровски»

¹⁾ По-семеновски: свадьбы самокрутки, свадьбы уходомъ, уведомъ, убѣгомъ. Воровскія свадьбы макарьевскаго Ветлужья, описываемыя авторомъ, впрочемъ во многомъ разнятся отъ семеновскихъ самокрутокъ, какъ это можно видѣть изъ сравненія его описанія съ статьей священника А. В. Кордадова «Самокрутка» (Ниж. Сборникъ, томъ III, стр. 139—149),—вотъ, между прочимъ, оправданіе нашего мнѣнія о необходимости такъ сказать примѣненія микроскопа къ этнографическимъ изслѣдованіямъ (стр. IX предисловія къ V тому «Ниж. Сборника») и высказываемыхъ и авторомъ настоящей статьи, въ началѣ ея, положеній, подтверждающихъ выбранный имъ эпиграфъ: «что ни городъ, то норовъ». Кстати здѣсь замѣтить, что воровскія свадьбы также въ употребленіи и у азіатскихъ народовъ; у алтайскихъ племенъ—черневыхъ татаръ и телеутовъ (см. статью князя Н. А. Кострова «Женщина у инородцевъ томской губерніи» въ «Сборникъ историко-статистическихъ свѣдѣній о Сибири», изд. Б. А. Милютинымъ), у кавказскихъ племенъ (см. «Обычное право», Е. И. Якушкина, №№ 1294, 1302, 1304 и 1340), въ олонецкой губерніи (см. «Олонецкій Сборникъ» изд. олон. стат. комитетомъ, подъ ред. А. И. Иванова, статья г. Соколова). Въ видѣ нѣкотораго подобія самокрутокъ начинается входить въ обычаи и у такъ называемыхъ высшихъ слоевъ нижегородскаго общества, стремленіе все чаще и чаще устраивать свадьбы по возможности въ тихомолку, безъ званыхъ гостей, для чего женихъ и невеста вѣнчаются или безъ предварительнаго объявленія дня свадьбы, или даже уѣзжаютъ съ этой цѣлью изъ города, гдѣ живутъ, и гдѣ имѣютъ слѣдовательно много знакомыхъ, въ ближайшее село, или въ Москву.—Ред.

обвѣнчаться, которымъ хочется поскорѣе «прикрыть свою голову», и родители которыхъ изъ-за собственныхъ выгодъ удерживаютъ ихъ, какъ рабочую силу, у себя въ домѣ, хотя имъ уже иногда бываетъ далеко за двадцать. Взявъ съ своей невесты слово гдѣ-нибудь на базарѣ или въ «бесѣдѣ» на дворѣ, — причемъ всегда въ залогъ любви и брачной жизни, кромѣ поцѣлуевъ, они еще обмѣниваются своими крестами, женихъ съ торжествующей физиономіей идетъ къ своему отцу и сообщаетъ ему радостную вѣсть, что онъ нашелъ невесту. Отецъ идетъ къ попу спросить: можно-ли устроить такой бракъ. Попъ сначала «поломается», но въ концѣ концовъ всегда соглашается, когда крестьянинъ выложитъ ему на столъ «красненькую», и поставитъ штофъ водки. Назначается день свадьбы, о чемъ сообщается и невестѣ. Все это дѣлается секретно. Ночью, накануне брака, дядя или старшій братъ жениха запрягаетъ пару лошадей и идетъ съ женихомъ въ ту деревню, въ которой живетъ невеста. Дядя остается въ саяхъ возлѣ деревни, а женихъ идетъ къ невестѣ или къ ея теткѣ, при помощи которой дѣло устроилось. Тетка подходитъ къ окну той избытки, въ которой находится «бесѣдка» и зоветъ свою племянницу домой. Та тотчасъ собирается. Дѣвушки ничего не подозреваютъ и продолжаютъ веселиться и распѣвать свои пѣсни. Между тѣмъ въ это время позади дворовъ по сугробамъ быстро идутъ три тѣни, изъ которыхъ у одной въ рукахъ «куфтырь» или узелъ съ одеждой. Эти три тѣни достигаютъ сани и во весь опоръ мчатся въ село вѣнчаться. Въ большинствѣ случаевъ влюбленнымъ или, вѣрнѣе сказать, сговорившимся, удается повѣнчаться до порога, а иногда они не успѣваютъ, и тогда происходитъ не мало курьезовъ и скандаловъ. Первымъ долгомъ отецъ бѣглянки заявляется къ попу и требуетъ, чтобы онъ не вѣнчалъ его дочь, иначе онъ завтра-же пойдетъ на него жаловаться «анхирею». Попъ начинаетъ уговаривать его. Тотъ въ порывѣ гнѣва называетъ его «блукатымъ» (косматымъ) и идетъ по селу отыскивать свою дочь¹⁾. Иногда онъ ее находитъ, и въ такомъ

случаѣ даетъ ей потасовку, если родные со стороны жениха не защитятъ ее; дочь его обыкновенно при этомъ говоритъ: «Хоть зарѣжь, батюшка, а не поѣду не обвѣнчанная домой; а если силой увезешь, то или утоплюсь или удавлюсь.» Отцу послѣ такого протеста остается только покориться и войти въ какую-нибудь сѣлку съ новымъ непрошеннымъ сватомъ, или плюнуть и уѣхать домой. Въ большинствѣ случаевъ онъ впрочемъ не находитъ своей бѣглянки, и тогда съ другими своими родственниками сидитъ въ церковной караулкѣ, или возлѣ самыхъ церковныхъ дверей, и дожидается того времени, когда приведутъ ее въ церковь. Но вотъ тутъ-то «красненькая» и выручаетъ бѣглыхъ. Изобрѣтательные причетники всѣми силами стараются провести въ церковь невесту. А если имъ это никакъ не удастся, то прибѣгаютъ къ хитрости: или проводить ее въ боковыя двери, которыя зимой ни для кого не отворяются, или одинъ изъ нихъ, въ глазахъ родителей невесты, беретъ ключи отъ напольной церкви — какъ будто для вѣнчанія — и, когда родители уйдутъ въ напольную церковь, спѣшатъ обвѣнчать ихъ дочь въ главной церкви. А однажды, рассказываютъ, былъ такой случай. Зорко слѣдили родители за невестой и не было никакой возможности провести ее въ церковь; между тѣмъ былъ послѣдній день мясоѣда, въ который можно было вѣнчать. Тогда одинъ изъ дьячковъ, одинаковаго роста съ невестой, нарядилъ ее въ свой тулупъ, надѣлъ свою шапку поповскую и отправилъ ее въ церковь, а самъ остался дома. Этотъ костюмированный дьячокъ бойко прошелъ въ глазахъ своихъ родителей въ церковь, гдѣ тотчасъ-же былъ снятъ тулупъ, и началось вѣнчаніе.... Послѣ вѣнчанія всѣ вышли изъ церкви и предложили родителямъ, подкарауливавшимъ свою дочь у церкви, поздравить своихъ дѣтей съ законнымъ бракомъ. Тѣ только руками развели, и хотя мать не удержалась, чтобы не потрепать «молодую за хохолъ», но въ тотъ-же вечеръ сватья помирились и не мало хохотали надъ находчивостью дьячка.

Всѣ эти воровскія свадьбы почти постоянно и

¹⁾ Надобно замѣтить, что духовенство Ветлужскаго края макарьевскаго уѣзда не пользуется въ средѣ своихъ прихожанъ должнымъ уваженіемъ. Причинъ этому много; главные изъ нихъ: по наклонности къ расколу и приверженности къ старымъ обрядамъ замѣтная холодность къ православной вѣрѣ со стороны самихъ прихожанъ; часто бездушное и небрежное исполненіе священниками своихъ пастырскихъ обязанностей, какъ въ церкви, такъ и въ приходѣ; ихъ грубое обращеніе съ своими прихожанами; ихъ чрезмѣрная притязательность, — осо-

бенно при свадьбахъ и похоронахъ; ихъ кляузничество между собою и съ прихожанами; ихъ нетрезвость, — особенно при крестинахъ, молебствіяхъ и крестохожденіяхъ, ихъ скудное матеріальное положеніе и зависимость отъ прихожанъ — отъ клока шерсти и до ложки сметаны или масла, и проч., и проч. Все это можетъ только унижать, а не возвышать духовенство, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что даже дѣти духовные иногда позволяютъ себѣ ругать своего духовнаго отца не только за глаза, но и въ глаза.

оканчиваются мировой сдѣлкой. И я не зналъ ни одного случая, когда-бы родители невѣсты жаловались на священника, обвинявшаго ихъ дочь безъ ихъ дозволенія. Въ этомъ случаѣ оппироводствуются тѣмъ доводомъ, что «хоть жалуйся, не жалуйся, а ужъ теперь самъ царь не развѣнчаетъ; зачѣмъ-же и жаловаться». Послѣ вѣнчанія, на другой-же день, молодые обыкновенно ѣдутъ къ родителямъ невѣсты, валяются у нихъ въ ногахъ и почти всегда получаютъ прощеніе; рѣдкій отецъ не проститъ, особенно, когда молодой зятъ вытащить изъ саеи полведерный боченокъ вина. Другой отецъ впрочемъ поупрямится, таеъ что раза два и три придется къ нему съѣздить на поклонъ, и въ концѣ концовъ все таки проститъ и благословитъ своихъ дѣтей, при чемъ выдастъ дочери и все приданое, заключающееся въ разнѣй одеждѣ.

Въ заключеніе настоящаго очерка считаю нужнымъ сказать еще слова два о статистикѣ браковъ по Ветлужскому краю макарьевскаго уѣзда. Общее число браковъ въ этомъ краѣ каждагодно бываетъ отъ 350 до 400. По народонаселенію Ветлужскаго края (36.000 чел. обоого пола) процентъ этотъ далеко не значителенъ. Причина — бѣдность крестьянъ и дороговизна свадьбъ. Самая бѣдная свадьба обходится крестьянину не менѣе 50 рублей. Другой-бы отецъ и женилъ своего сына, да какъ вспомнить, во что обойдется ему свадьба, и зачешетъ затылокъ.... Большее число свадьбъ приходится на февраль, который во всѣмъ остальнымъ мѣсяцамъ относится какъ 3 : 2. Самое меньшее число браковъ бываетъ въ августѣ: отъ 1 до 5 браковъ на весь край. Самое большее число браковъ въ послѣднее десятилѣтіе, сколько мнѣ помнится, было въ 1865 и 1871 годахъ. И это увеличеніе браковъ въ тотъ и другой разъ зависѣло не отъ естественныхъ, а отъ особенныхъ причинъ. Въ первомъ случаѣ какіе-то злоумышленники распустили слухъ, что всѣхъ дѣвокъ правительство хотеть отослать въ Польшу, къ полякамъ, во второмъ — едва-ли не пьяные волостные писаря, не появившіе какого либо распоряженія правительства или какой либо газетной статьи, распустили слухъ, что всѣхъ дѣвокъ правительство хотеть собрать и отправить въ Москву, учиться акушерству. Въ этомъ году очень многіе родители обращались ко мнѣ за разрѣшеніемъ этаго недоразумѣнія, и мнѣ большого труда стоило разубѣдить ихъ, что этотъ слухъ ложенъ. Большее число браковъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, бываетъ между холостыми и дѣвками. Къ общему числу всѣхъ браковъ, браки между холостыми и дѣвками относятся какъ 4 : 1. Браковъ холостыхъ со вдовами,

вдовыхъ съ дѣвками и вдовыхъ со вдовами бываетъ самый незначительный процентъ. Большее число браковъ заключается моложе 20 лѣтъ, именно: эти лѣта относятся къ остальнымъ лѣтамъ почти какъ 1 : 1. — Съ наступленіемъ всеобщей воинской повинности число это, по всей вѣроятности, измѣнится и большее число браковъ будетъ заключаться между 21 — 25 годами. Старше 65 лѣтъ не женятся и не выходятъ замужъ. Въ эти годы старухи обыкновенно уже дають обѣтъ не ѣсть говядины и стараются уклоняться даже отъ своихъ законныхъ мужей-стариковъ; но старики все-таки продолжаютъ льнуть къ своимъ старухамъ. Природа беретъ свое и «живой о живомъ и думаетъ».

М. М. Поспѣловъ. Изъ Нижегородскаго Сборника А. С. Гапикаго, т. VI, (1877 г.), стр. 108—155.

Той же губ., Сергачскаго у., въ селѣ Пересѣкинѣ.

Половина сентября мѣсяца. Работы полевая почти уже кончены. Недалеко и Покровъ — нашъ храмовой праздникъ. Приходитъ время старшимъ въ семьѣ озаботиться поженить молодыхъ людей своей семьи, давно достигшихъ совершеннолѣтія (нужно замѣтить, что народъ нашъ, по своей бѣдности, не женится ранѣе 20—25 лѣтъ). Пришла трудная забота сватать за холостого молодца невѣсту. Парень уже давно, въ осеннюю или весеннюю гулянку, облюбовалъ себѣ избранную, о чемъ и объявлялъ, къ концу лѣта, своимъ родителямъ. Настало Воздвиженіе (Воздвиженіе, — 14 сентября). И родители, помолившись Господу предъ иконой, избирають изъ среды себя, обыкновенно старшую сноху (если только есть въ семьѣ уже женатая сыпья), а за неимѣніемъ ея, — выданную дочь, или еще кого-нибудь изъ ближайшихъ родственниковъ женскаго пола, и посылають въ домъ невѣсты узнать: «будутъ-ли родители невѣсты согласны выдать свою дочь за предложеннаго жениха?» Тутъ переговоры бывають очень коротки: если согласны, то скажутъ: «милости просимъ», а если нѣтъ, скажутъ: «благодаримъ за честь, но торопиться отдавать еще погодимъ: невѣстѣ еще не охота смѣнять свою свободу». Въ первомъ случаѣ, т. е. когда изъ является согласіе, то по возвращеніи свахи, отецъ и мать жениха (а за неимѣніемъ ихъ — крестный или крестная) помолившись, немедленно отправляются въ домъ невѣсты. Вошедши туда и поздоровавшись съ хозяевами, садятся подъ матку¹⁾.

¹⁾ Матка, — это перекладина, на которой лежитъ потолокъ.

А кони-то всё подь сѣдлами, подь черкасскими.
Подломили кони сѣни новья;
Да разстопилась золота чара,
Выпустили соловья изъ сада.
И расплакалась Анна, душа Васильевна.
Утѣшалъ же её Иванъ-государь:
«Ты не плачь, не плачь, Анна, душа Васильевна!
Сѣни новья я самъ срублю;
А золоту чару златари сохьютъ;
А соловья въ садъ я опять залучу,
А по утру рано я самъ разбужу.»

За нѣсколько дней до брака бываетъ окончательный запой невѣсты. Въ домъ ея собираются опять отецъ и ближайшіе родственники жениха; приносятъ съ собой вино. Сюда сходятся и родственники невѣсты. Помолвившись, всё садятся за столъ и, выпивши вино, узнаютъ окончательно отъ родителей невѣсты, что къ совершенію предполагаемаго брака нѣтъ никакихъ препятствій: въ веселомъ настроеніи расходится по домамъ.

Въ день дѣвичника (который всегда бываетъ наканунѣ бракосочетанія), всё подружки невѣсты и молодыя бабы изъ невѣстина дома приходятъ въ домъ жениха за мыломъ. Встрѣча имъ бываетъ самая радушная и угощеніе весьма обильное: пьющія—напиваются до пьяна, а непьющихъ обливаютъ виномъ съ головы до ногъ. Дѣвицы заиѣваютъ жениху:

2309.

«Кто у насъ уменъ, кто у насъ разуменъ?
Иванъ-отъ уменъ, Петровичъ разуменъ;
По двору ходитъ, маперно ступаетъ:
Сапогъ не ломаетъ, чулокъ не мораетъ.
Сапогъ-отъ сафьянный, чулокъ-отъ бумажный.
По горницѣ ходитъ, головушку чешетъ;
Въ зеркало глядится, самъ себѣ дивится:
«Хорошъ уродился, пригожъ нарядился.
Создай Ты мнѣ, Боже, невѣсту хорошу,
Невѣсту хорошу, Васильеву дочку.
Васильева дочка на рынокъ ходила,
На рынокъ ходила, копя выводила;
Коня выводила, Ивана дарила.

Иванъ-отъ садился:
Подъ нимъ конь веселился.
Онъ плеточкой машетъ,
Подъ нимъ конь-отъ пляшетъ.
Лугами онъ ѣдетъ:
Луга зеленѣютъ,

Цвѣты распѣваютъ, 2
Соловьи распѣваютъ.»

2310.

«На дубчикѣ два голубчика сидятъ,
Промежъ собой рѣчи говорятъ,
Про добраго молодца, про Ивана Петровича:
«Какъ у насъ пѣтъ такого молодца,
Такого молодца какъ Ивана Петровича!
Опъ съ тысячи на тысячу ступаль;
Сотней ворота запираетъ;
По пяти рублей красавицамъ дарилъ;
Изъ пеголошки сиротъ выкупалъ:
«Вы сироты, вы сиротушки мои!
Помолитесь Богу обо мнѣ,
Чтобы Богъ меня помиловалъ,
Государь-меня пожаловалъ.»
— «Слышишь-ли ты, Иванъ-государь,
Тебѣ пѣсенку поемъ?!
Слышишь-ли, Петровичъ,
Тебѣ честь воздаемъ?»

Вечеромъ же этого дня, передъ закатомъ солнца, въ домъ невѣсты собираются всё ея родственники и всё подружки-дѣвицы. Во время пира невѣста сидитъ въ углу, противъ печки, а подружки, сидя за столомъ, поютъ:

Не было вѣтровъ, да повянули; и т. д.
Изъ-за горъ, горъ высокыхъ,
Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Летитъ стая гусиная, и т. д.

Родственники, напившись и паившись, не заспиваются, а дѣвицы-подружки веселятся почти всю ночь.

Въ то время, какъ въ домѣ невѣсты идетъ дѣвичникъ, въ домѣ жениха, въ его присутствіи, идетъ угощеніе родственниковъ.

Въ день бракосочетанія рано утромъ въ домѣ невѣсты, когда еще всё спятъ, она начинаетъ плакать, причитая:

2311.

«Вставайка, родимый мой батюшка,
Вставай, сударыня матушка.
Спалась-ли вамъ, батюшка, темная поченька?
А мнѣ, злыдарушкѣ, не заснулось:

Всѣ-то я думушки передумала.
А заснула я на бѣлой зарѣ.
Привидился мнѣ, злыдарушкѣ,
Нехорошій сонъ:
Будто я, горькая, хожу по крутой горѣ,
По крутой горѣ, по желтымъ пескамъ,—
Желты пески осыпаются:
Мои поженъи подеѣкаются.
Растеряла я, злыдарушка,
Изъ русой косы, алы ленточки.»

Только что ободняетъ, какъ въ домъ священника приходитъ дружка и подружье, т. е. будущіе распорядители свадебнаго пира, и просятъ благословенія собирать свадебный поѣздъ. Получивъ это благословеніе, идутъ въ домъ невесты, неся съ собою для невесты сарафанъ, поддевку и башмаки съ чулками. А къ этому времени къ невестѣ,—которая въ ожиданіи сидитъ у печки,—соберутся уже подруги ея—дѣвицы. Подруги начинаютъ собирать ее къ вѣнцу, расплетать ей косу. Невѣста плачетъ:

2312.

«Любимца мой, подруженьки!
Не расплетайте мою русу косу;
Не розоряйте мою *крѣсу* дѣвичью.»

Затѣмъ на нее надѣваютъ сарафанъ и другую одежду. Она между тѣмъ продолжаетъ свой плачъ такъ:

«Не шубой меня одѣваете,
А морозомъ осыпаете.»

Съ этими словами она идетъ къ столу и плачетъ:

«Пропустите меня, люди добрые,
Изъ кута до пѣреда,
Къ великому благословеньцу.»

У стола она садится къ брату и продолжаетъ плакать:

«Родимый мой, братецъ-батюшка,
Поѣзжай-ка, братецъ, во темныя лѣса,—
Сруби-ка, братецъ-батюшка, берёзоньку бѣлую;
Завали-ка, братецъ-батюшка, путь-дороженьку,
Широкую улицу, къ широкому подворьцу;
Чтобы монимъ-то разлучникамъ, не пройди,
не проѣхати;
Не разлучали-бы меня съ отцомъ, съ матерью.»

Затѣмъ она обращается къ отцу съ матерью съ такимъ плачемъ:

«Кормилецъ мой, батюшка,
И сударыня матушка!
Подойдите къ дубову столу,
Раскройте шелкову фату,
Поглядите на мою крѣсу дѣвичью—
Въ первой и въ остаточки!»

Когда невеста совсѣмъ наряжена къ вѣнцу и поѣзжане готовы—привозятъ въ домъ жениха причтъ церковный. Послѣ угощенія пріѣзжихъ причтомъ служитъ молебень, въ концѣ котораго бываетъ благословеніе жениха. Отецъ и мать становятся въ переднемъ углу (задомъ къ образамъ), держа въ рукахъ икону. Передъ ними, на полу, разстилается зипунъ. Послѣ поясныхъ и земныхъ поклоновъ женихъ падаетъ на полъ ницъ, и родители благословляютъ упавшаго иконою, говоря: «Да будетъ наше родительское благословеніе отнынѣ и до вѣка!» Благословленный встаетъ, цѣлуетъ икону, отца и мать. Потомъ такимъ же образомъ благословляютъ его крестный и крестная. Затѣмъ женихъ, выйдя изъ дому, вмѣстѣ со священникомъ и двумя свахами, садятся на телегу и ѣдутъ въ домъ невесты. Тамъ невеста сидитъ впереди, за столомъ, въ полномъ свадебномъ, подвѣнечномъ нарядѣ, покрытая фатой. Съ лѣвой ея стороны сидитъ крестная, а съ правой родной братъ. Дружка жениховъ проситъ брата невесты, чтобы онъ уступилъ свое мѣсто (близъ невесты) жениху; но братъ требуетъ за невесту выкупа. Дружка наливаетъ ему въ стаканъ воды, или браги и подаетъ, но братъ не пьетъ до тѣхъ поръ, пока въ стаканъ не будутъ положены деньги. По исполненіи его требованія, онъ выпиваетъ стаканъ, цѣлуетъ сестру-невесту и уходитъ изъ-за стола. Женихъ подходитъ къ невестѣ, открываетъ фату и, увѣрившись, что это дѣйствительно его невеста, садится съ пей рядомъ. Причту и поѣзжанамъ подается обѣдъ, послѣ котораго опять служитъ молебень, вслѣдъ за коимъ родители невесты, а также крестный и крестная, благословляютъ жениха и невесту. По окончаніи молебна всѣ выходятъ изъ дома (кромѣ родителей). Впереди идетъ священникъ съ крестомъ, за нимъ дружка съ иконами, далѣе женихъ ведетъ за руку невесту, а за ними идутъ остальные родственники. Женихъ, посадивъ невесту на телегу, самъ идетъ и садится на другую телегу вмѣстѣ съ священникомъ. Дружки въ это время обходятъ съ иконами вокругъ всего поѣзда, послѣ чего всѣ поѣзжане, перекрестившись, пус-

каются въ путь къ церкви. Въ церкви невѣста стоитъ вся украшенная лентами и цвѣтами.

По совершеніи бракосочетанія всѣ выходятъ изъ церкви, переполненной любовитствующимъ пародомъ. Молодой, посадивши на телѣгу свою повобрачную, садится и самъ рядомъ съ нею, а кругомъ ихъ друзья и свахи. Какъ только подъѣдутъ къ дому молодого, отецъ и мать его выходятъ на встрѣчу новобрачнымъ: отецъ съ иконою, а мать съ хлѣбомъ-солью. Молодой прикладывается сначала къ образу, потомъ цѣлуетъ отца и мать, хлѣбъ-соль; тоже дѣлаетъ и молодая; но хлѣбъ, держимый матерью, она покрываетъ шалью, которая и поступаетъ, какъ подарокъ, отъ невѣстки своей свекрови. Войдя въ домъ и, помолвившись на иконы, молодые садятся за столъ. Отецъ и мать поздравляютъ новобрачныхъ, при чемъ, приблизительно, держать такую рѣчь: «Дѣти милыя! Поздравляемъ васъ съ законнымъ бракомъ. Дай вамъ, Господи, всякого счастья! И будетъ вамъ счастье, если станете слушаться и почитать насъ, помогать намъ въ нашихъ дѣлахъ, а—придется, успокоете и нашу старость; мы же будемъ любить васъ, и видя васъ счастливыми, станемъ радоваться.» При этомъ свекръ и свекровь, въ знакъ своего благоволенія, дарятъ молодой невѣстѣ—или овцу, или теленка, а кто улей съ пчелами или деньги. Дарятъ молодую тѣмъ же и нѣкоторые родственники. Потомъ молодая отводится за занавѣсь, къ печкѣ, гдѣ ее ображаютъ въ повойникъ—обязательный, отличный знакъ женщины. А молодой въ это время сидитъ за столомъ. Повязанная молодая опять садится за столъ. Имъ сейчасъ же подають на руки младенца-ребенка одного изъ ближайшихъ родственниковъ. Молодые, подержавъ его недолго, отдають его обратно, при чемъ молодая кладетъ ему подарокъ—рубашку или поясъ. Послѣ этого молодые уходятъ за занавѣсь, къ печкѣ, гдѣ имъ подается хорошее угощеніе, а среди компаніи идетъ между тѣмъ угощеніе ближайшихъ родственниковъ хозяина дома. Дружка первую чарку подноситъ новобрачнымъ, но они *отвертываютъ* (отклоняютъ, направляютъ) сначала къ отцу, потомъ къ матери, а затѣмъ уже и сами принимаютъ и отпиваютъ, сколько могутъ. Когда родственники разойдутся, молодые отводятся свахами въ отдѣльное холодное помѣщеніе (клѣтъ) отдыхать. Отдохнувши, молодые, совместно съ дружкой и свахами, идутъ въ домъ родителей невѣсты, чтобы звать ихъ, вмѣстѣ съ родственниками, на вечерній пиръ—на «горные». Отецъ и мать радушно встрѣчаютъ ихъ и, послѣ небольшого угощенія, отпускаютъ обратно домой. По уходѣ ихъ, они отряжаютъ одного изъ членовъ своей семьи звать своихъ родныхъ на «горные».

Родные очень скоро собираются въ домъ ихъ и, немедленно, всѣ отправляются на пиръ. Подошедши къ воротамъ, останавливаются. Немного погодя, выходятъ встрѣчать гостей молодые. Каждый изъ гостей ихъ поздравляетъ, цѣлуетъ и проводитъ въ домъ. Принявъ поздравленіе и поцѣлуя отъ перваго до послѣдняго, молодые входятъ въ домъ послѣдними. А въ домѣ между тѣмъ уже поставлены столы съ припасомъ всякаго угощенія. Всѣ усаживаются. Подходятъ повобрачные. Съ лѣвой стороны ихъ становятся свахи, держа въ рукахъ подарки для гостей, а съ правой стороны дружка съ бутылкой водки и стаканомъ. Дружка подноситъ наполненный стаканъ первому изъ ближайшихъ родственниковъ молодого, проситъ его выпить и принять предназначенный для него подарокъ. Но онъ (родственникъ) не дотрогивается до стакана, пока молодые не поклонятся ему въ ноги. Тогда только онъ поздравляетъ повобрачныхъ, выпиваетъ стаканъ и беретъ подарокъ, за который кладетъ *отдарокъ* деньгами.

Дружка наполняетъ другой стаканъ и подноситъ его съ такими же просьбами второму родственнику, который тоже выпиваетъ стаканъ только послѣ низкаго поклона со стороны молодыхъ. Всѣ поздравляютъ, выпиваютъ, берутъ подарокъ и отдариваютъ за него, а молодые кланяются въ ноги. Начинается пиръ. Молодые отводятся въ клѣтъ спать. Тутъ пиръ уже въ полномъ разгарѣ: почти всѣ пьяны. Хозяйка и хозяйка дома (родители), обратившись къ гостямъ, весело говорятъ: «А что, гости дорогие, не пора ли ужъ намъ потребовать сюда и молодыхъ?» — «Пора, давно пора!» — громко кричатъ гости. И немедленно къ клѣтѣ отправляютъ свахъ и дружку. Вводятъ новобрачныхъ. На столѣ появляется курникъ (круглый пирогъ), украшенный цвѣткомъ. По рѣчи, которую будутъ держать свахи, всѣ выводятъ заключеніе—цѣломудренной-ли невѣсты шла къ вѣнцу? Всѣ обращаются въ слухъ, а глаза ихъ зорко устремляются на новобрачныхъ. Свахи, въ присутствіи всѣхъ, обращаются къ родителямъ новобрачной съ такой рѣчью: «Спасибо вамъ, дорогие, за то, что вы свою дочку поили-кормили, уму-разуму учили и отъ бѣдъ-счастья сберегли!.....» Дружка въ этотъ моментъ съ силой бросаетъ на полъ какую-либо глиняную посудину, которая съ шумомъ разбивается въ дребезги. Цвѣтокъ съ курника ловко сшибаютъ пожомъ. А все собраніе гостей, съ дикими плясками (и по полу, и по лавкамъ) заѣваютъ слѣдующую пѣсню:

2313.

«Расцвѣли цвѣты лазоревы,
Понесли духи малиновы:
Ужъ я въ той травѣ повьикормлю копл,
Вьикормлю п вьиюю его;
Поведу я коплъ къ батюшкѣ.
Ужъ ты, батюшка, рѣдкий мой,
Восприми-ка слово ласковое,
Восприми слово привѣтливое:
Не отдай меня за стараго замужъ!
Старъ-добре и перовня мнѣ;
Съ перавнюшкой я гулять не пойду,
И постели не стелю, и спать не хочу!...
А отдай меня за ровнюшку,
За веселую головушку:
Съ ровнюшкой я гулять пойду и т. д.

Пиръ продолжается всю ночь. На другой день, поздно утромъ, родители молодой посылаютъ кого-либо изъ своихъ звать повобрачныхъ къ себѣ въ домъ «на блинки».

Вмѣстѣ съ молодыми идутъ и ближайшіе родственники молодого. Попируютъ недолго и уходятъ обратно домой. Затѣмъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, повые сваты, вмѣстѣ съ ближайшими родственниками своими и шабрами (сосѣдями), пируютъ другъ у дружки. Молодые же, ихъ родители и семейные обязательно ходятъ въ гости ко всѣмъ тѣмъ родственникамъ, которые пировали у нихъ на свадьбѣ. Предпочтеніе передъ всѣми на пирахъ отдается крѣстнымъ и крѣстнымъ повобрачныхъ. Свадебныя гулянья продолжаются 3, 4 и даже до 8 дней.

Составилъ священникъ с. Пересѣкина Константинъ Васильевъ Салгинскій. Эта статья, какъ и послѣдующія изъ означенной губерніи сообщены секретаремъ Нижегородск. Духов. Консисторіи М. И. Макаревичемъ.

Той же губ., Лукояновскаго у., с. СтароРождественно (Староселье, Тагаево тожъ).

Свадьбы въ нашемъ селѣ бываютъ въ разное время года, но преимущественно въ октябрѣ и январѣ мѣсяцахъ. Свадебное празднество продолжается отъ 3-хъ до 5-ти дней. Послѣ переговоровъ съ женихомъ и со своими семейными родители помѣчаютъ сыну невесту и приглашаютъ кого-нибудь изъ родственниковъ въ свахи или изъ такихъ женщинъ, которыя занимаютъ сватовствомъ, какъ ремесломъ, а такихъ свахъ въ селѣ всегда пайдется 2—3. Сваха приходитъ, ее

угощаютъ водкой, обѣщаютъ подарки и посылаютъ въ домъ родителей помѣченной невесты. Отправляясь туда, сваха беретъ въ руки ухватъ. Изъ дома жениха вслѣдъ за ней кидаютъ лапти. Войдя въ домъ отца невесты, она молится (кладетъ три поясные поклона) и такъ привѣтствуетъ хозяевъ: «Здорово, сватъ, Иванъ Павлацъ? Какъ живешь можешь?» — «Ничаво, помаленьку.» — «А какъ супружница?» — «Да тожи ничаво!» — «А дѣтки, а Марья Ивановна (невеста)?» Если отвѣтъ получается благопріятный, сваха садится подъ *матку* (матцу), держа въ рукахъ ухватъ, рогами вверхъ и начинаетъ разговоръ въ такомъ родѣ: «У насъ купецъ, удалой молодецъ», и при этомъ пересчитываетъ достоинства этого молодца: работящій, не пьяница, до *чужбинки не охотникъ* (т. е. цѣломудреннѣй), затѣмъ высчитываетъ богатства жениха, конечно все въ преувеличенномъ видѣ: въ анбарѣ-де сусѣки полны, скотнымъ — полонъ дворъ, земли засѣвають много, мясо ѣдятъ каждый праздникъ и пр. т. п. Если родители согласны, то отвѣчаютъ, что они-де не прочь породниться и тогда сваха переходитъ къ столу и начинается торгъ о *кладкѣ* за невестой. Если же несогласны, то покажутъ на образа и на дверь, говоря: «Вотъ Богъ, а вотъ дверь!» Иногда впрочемъ съ перваго раза скажутъ: «Подумаемъ! Приди въ другой разъ.» Бываетъ, что согласіе получается съ одного раза, иногда съ двухъ, а иногда только по третьему разу. Въ послѣднемъ случаѣ сваха приходитъ въ домъ невесты съ отцемъ и матерью жениха, всѣ они садятся по лавкамъ, подальше отъ передняго угла. Дѣйствующимъ лицомъ и на этотъ разъ является сваха. «Вотъ-де купецъ мой», говоритъ она, «вамъ по *ндраву*, а намъ вашъ товаръ по *ндраву*, а потому, сватушка и свахышка, за сколько продадите товаръ молодому купцу?» Начинается торгъ, какъ будто продаютъ корову. «*Кладку*» за невесту даютъ деньгами отъ 10—50 рублей, балахонъ легкій, одну или двѣ овчинныя шубы невесты, балахонъ легкій изъ папки, казину, или сукна, ватошникъ изъ тѣхъ же матерій, вина отъ 3-хъ до 5-ти ведеръ, говядины отъ 2—4 пудовъ, одну мѣру пшена, муки пшеничной, рыбы, валенки невестѣ, лапти, онучи, оборы. Вся свадьба обойдется жениху отъ 80—200 рублей.

Когда торгъ конченъ ударяютъ по рукамъ, берутъ одну четверть водки, позовутъ близкихъ самыхъ родныхъ и садятся за столъ. Отецъ жениха беретъ четверть, паливаетъ, пьетъ прежде самъ, потомъ предлагаетъ свату, свахѣ и пр., а что не допьютъ, плещутъ на потолокъ и говорятъ: «Совѣтъ намъ и любви! Пусть наша молода прыгаетъ до потолка.» Послѣ этого сговора въ пер-

вый праздничный или воскресный день родные невесты идутъ въ домъ къ жениху—домъ глядѣть, но ничего не глядѣть, если только женихъ изъ своего села, а если изъ чужого, то обходятъ амбары, дворъ, свать показываешь сколько у него денегъ. Бываетъ, что деньги свать беретъ на это время на прокатъ у богатаго сосѣда и лошадей лишнюю и коровку и пр. Обсмотрѣвши дворъ, амбары и пр., садятся за столъ и родныхъ невесты угощаютъ виномъ, брагой и ужиномъ или обѣдомъ. Послѣ обѣда (а если послѣ ужина, то на другой день) родные жениха вмѣстѣ съ женихомъ идутъ въ домъ невесты на такъ называемый *запой*. Свать (отецъ жениха) идетъ впередъ съ четвертью вина, а сваха съ короваемъ хлѣба. Входя въ домъ невесты, которая въ это время сидитъ въ куту, садятся за столъ: женихъ впереди у образовъ. Свать отдаетъ четверть вина кому-нибудь изъ близкихъ родныхъ и тотъ всю ее разпоситъ по роднымъ невесты. Когда опорожняютъ всю четверть, изъ-за заставѣса выходитъ невеста и кланяется жениху. Въ это время отецъ ея подноситъ послѣднему стакавъ вина. Женихъ поотвѣдавъ немного, передаетъ стакавъ невестѣ, что онъ повторяетъ до трехъ разъ. Въ послѣдній разъ невеста допиваетъ стакавъ, цѣлуетъ жениха и садится рядомъ съ нимъ. Начинается гулянье. Въ концѣ ужина одна изъ родственницъ невесты подноситъ подарки роднымъ жениха, во время чего подружки невесты собравшись въ кружокъ, поютъ пѣсни. Подарокъ свекру обыкновенно—портки, а на нихъ платокъ. При этомъ дѣвушки поютъ:

2314.

Кто у насъ въ бисѣдушки сидитъ?
Сидитъ умная головушка,
Расширокая бородушка.
Ты не хочешь по пирамъ ходить,
Ты не хочешь дѣвушекъ дарить,
Ты-ба, сватушка, по гумнашкамъ ходить,
Ты-ба, сватушка, по зернышкамъ собирать,
Ты-ба, сватушка, пивнишко сварить,
Ты-ба, сватушка, насъ дѣвицъ попоить,
Насъ дѣвицъ-пѣвицъ немножко сидитъ,
Всего сорокъ съ одной дѣвушкой.

Свать беретъ подарки и кладетъ отдарье на блюдо—отъ 10 к. до 1 рубля, а дѣвушкамъ отъ 2—10 коп. Подарокъ свахѣ—ширинка, *синявка* (головной платокъ), полотенце, или рукава.

Дѣвушки въ это время поютъ:

2315.

По сѣнямъ, сѣнямъ, сѣнюшкамъ,
По новымъ сѣнямъ рѣшетчатымъ
Походила, показивала молода, гарпа боярыня.
«Ты встань, проснись, мой милый другъ!
Пробудись, душа, отецкій сынъ!
Оторвался твой добрый конь
Отъ столба, столба дубоваго,
Отъ колецка сребринова.
Онъ ушелъ, ушелъ въ зелень садъ гулять.
Позомалъ онъ въ саду вишнѣя,
Въ саду вишнѣя, зелепой виноградъ.

При подарки брату жениху, поютъ:

«Какъ на дубчикѣ два голубчика
Обнимались, цѣловались.» и т. д.

Женскому полу поется одна и таже пѣсня всѣмъ—и свахѣ-матери жениха. Свахѣ пожатой, которая сватала невесту, поютъ:

2316.

Какъ у свахѣ глаза масляные,
По палатамъ разбѣгаются
Церствой кашнѣ дождаются,
Церственной кашнѣ не мазаной.

По окончаніи пѣсень роднымъ опять поютъ свату (отцу жениха):

2317.

У нашего свата
Голова космата:
Онъ головкой потрисеть,
Стакавъ водки поднѣсеть.

Послѣ пѣнъ величальныхъ пѣсень разнымъ дарителямъ, дѣвушки берутъ невесту и уводятъ ее съ собою въ кутъ (за заставѣску). Свать идетъ къ нимъ съ водкой, угощаетъ ихъ и выкупаетъ невесту. Гулянье продолжается. Невѣста приглашаетъ жениха въ кутъ, гдѣ они ужинаютъ вдво-

смѣ, при чемъ невѣста должна почаще потчивать жениха. Послѣ ужина женихъ прощается съ невѣстой и она провожаетъ его за ворота. Если женихъ живетъ близко, то она провожаетъ его до воротъ его дома, а онъ отсюда провожаетъ ее обратно до воротъ ея дома. Когда женихъ съ невѣстой ужинаютъ въ куту, то дѣвушки, стоя по эту сторону занавѣси, поютъ имъ обонимъ слѣдующую пѣсню:

2318.

А кто у насъ школень?
Ой люли, люли!

(Повторяется послѣ каждого стиха).

Кто у насъ маперень?
По горенкѣ ходитъ,
Маперна выступаетъ,—
Маперно выступаетъ,
Сапогъ не ломаетъ, 2
Цулокъ не марааетъ?
Сапогъ-то сафьянный,
Цулокъ-то бумажный.

Затѣмъ одной невѣстѣ:

2319.

Ужъ ты Дунюшка обманщица!
Ты обманщица, ты обманщица,
Не хотѣла ты замужъ идти,
А хотѣла въ монастырь идти,
Насъ подруженекъ за собой вести. п т. д.

Послѣ заоя, въ первое воскресенье, а иногда и чрезъ мѣсяцъ, дѣвушки идутъ въ домъ жениха за рубашкой, по образцу которой шьютъ ему новую—къ вѣнцу. Женихъ угощаетъ ихъ виномъ. Рубашку дѣвушки несутъ съ пѣснями и пляской.

Свадебный поѣздъ со стороны жениха состоитъ изъ трехъ друзей, крестнаго, 3—5 свахъ, поѣзжанъ, кучеровъ, снохъ, сестеръ жениха и др. родныхъ, со стороны невѣсты 4—8 свахъ—и только. Невѣсту съ головы до ногъ покрываютъ фатой (впрочемъ въ церкви лицо ей открываютъ). Передъ вѣнцомъ жениха благословляютъ отецъ, мать, крестный, крестная, дѣдушка, бабушка (если живы). Послѣ этого всѣ садятся. Одинъ дружка беретъ икону, другой—жбанъ съ брагой, третій—коровой хлѣба. По выходѣ изъ дома дружка съ иконой трижды обходитъ поѣздъ и затѣмъ всѣ садятся въ повозки и ѣдутъ къ дому невѣсты. Только что туда подъѣдутъ, какъ тамъ посидѣнно открываютъ

ворота и поѣздъ въѣзжаетъ на дворъ. Женихъ съ поѣзжанами входитъ въ домъ невѣсты, которая въ это время сидитъ на лавкѣ и впереди около нея съ правой стороны 4—8 свахъ, а съ лѣвой—мальчишъ (ей братья или племянники). Второй дружка наливаютъ въ чашку брагу, а первый кладетъ въ нее 2—5 коп. и подноситъ мальчику. Мальчикъ выпиваетъ брагу (а иногда—воду), беретъ монету, цѣлуетъ невѣсту и уходитъ, а его мѣсто занимаетъ женихъ. Въ это время третій дружка отрѣзываетъ половинку отъ лежащаго на столѣ невѣстиннаго корова и половинку изъ своего корова и составляетъ изъ нихъ вновь цѣлхъ два: одинъ изъ нихъ оставляется имъ у невѣсты, а другой увозитъ съ собой. По возвращеніи молодыхъ отъ вѣнца родители встрѣчаютъ ихъ въ сѣняхъ,—отецъ съ иконой, а мать—съ хлѣбомъ-солью, сажаятъ ихъ впереди и подносятъ по рюмкѣ вина отцу съ матерью молодой, дружкѣ и свахѣ. Прежде, чѣмъ выпить они произносятъ обычное: «горько» что вызываетъ цѣлованіе жениха съ невѣстой, отца съ матерью, дружекъ со свахами и пр. Молодой тутъ же даютъ на руки мальчика,—чтобы она все мальчишекъ родила. Сваха со стороны невѣсты кладетъ предъ молодыми двѣ ложки.

Обязанность крестнаго состоитъ въ томъ, чтобы проводить молодыхъ въ церковь и изъ церкви, а послѣ вѣнца отводить въ отдѣльную кѣтѣ. На обязанности свахи лежитъ между прочимъ—улаживать молодыхъ на брачную постель, дружки же должны слѣдить за актомъ сонти, послѣ котораго молодая снимаетъ съ себя рубашку и отдаетъ свахамъ. Тѣ съ пѣснями и плясомъ проносятъ ее по двору. Если свадьба бываетъ зимой, то молодыхъ отводятъ въ баню. Если молодая оказалась нечестною, то рубашку у нея не берутъ и молодой въ ноги родителям не клапается. Дружка же молодого въ такомъ случаѣ подноситъ водку родителям невѣсты въ стаканѣ съ просверлиной дырочкой. Также не бьютъ посуду.

На второй день послѣ свадьбы молодую заставляютъ мести полъ, а дружка въ это время подбрасываетъ ей сору. Но если молодая подарила ему платочекъ, или полотенца, то дружка самъ вымететъ полъ. Въ этотъ же день къ молодому приходятъ въ гости родные молодой—горные¹⁾. Звать горныхъ обыкновенно ходитъ

¹⁾ Или отъ слова *гáрный*: дорогой, или *горнъ*, такъ какъ въ присутствіи ихъ бьютъ посуду». Св. Л. Даль же въ св. слов. толкуетъ то слово такъ: «Горные гости,—*гáрные*, гордые, гордые, поѣзжане на другой день свадьбы, за гордымъ столомъ». III.

дружка тотчасъ послѣ супружескаго акта молодой въ клѣтѣ. Если молодой самъ лишилъ невинности своей невесты еще до вѣнца, то онъ прибѣгаетъ къ такому роду хитрости; разрѣжетъ себѣ на ногѣ палецъ и кровью дѣлаетъ знакъ на сорочкѣ молодой, или даже совсѣмъ спрячетъ эту сорочку. Бываетъ, что и сама мать молодой, если она въ секретѣ, прибѣгаетъ къ другому рода хитрости для скрытія грѣхонаденія дочери.

Въ прежнее время на свадьбахъ играли большую роль колдуны, изъ которыхъ одинъ, 90 лѣтній старикъ, живъ и по сей часъ, по роли теперь уже никакой не играетъ. А прежде, лѣтъ 30, 40 тому назадъ, его приглашали на каждую свадьбу и дарили: богатые—золотымъ (въ 7 р. 50 коп.). Колдунъ обыкновенно, бывало, пройдетъ предварительно по той дорогѣ, по которой предстояло пройти свадебному поезду, также наговоритъ вино, которое подносятъ молодымъ, чтобы они дружно жили, нашенчаютъ и брачную постель и пр.

Былъ въ прежнее время еще и слѣдующій обычай. Когда, бывало, сваха придетъ сватать невесту, то послѣдняя влѣзаетъ на лавку, и отецъ ея подходитъ къ ней съ вятелемъ и говоритъ: «Сюкни, доченка!» На что она отвѣчаетъ: «Хочу—сюкну, хочу—пѣть.» И если послѣ трехъ разъ невеста прыгнетъ въ вятель, то это принималось за признакъ, что женихъ ей правится и она за него пойдетъ.

Свадьба незаконнорожденныхъ ничѣмъ не отличается, а свадьба спроть отличается тѣмъ, что дѣвишника не бываетъ, равнымъ образомъ и трехдневнаго послѣ свадебнаго перегула.

Свадьба вдовцовъ отличается тѣмъ, что сватаютъ они сами, *кладки* за невесту не даютъ; не бываетъ также ни запоя, ни дѣвишника. Послѣ вѣнца въ клѣтѣ не отводятъ.

Зап. свящ. Іоаннъ Лавровъ.

Той же губ., Макарьевского у., с. Богородское, на берегахъ рѣки Ветлуги. 2)

По берегамъ р. Ветлуги въ Макарьевск. уѣздѣ Ниж. губ. свадьбы бывають по большей части

1) «Вятель, — пестерь, кошель, сплетенный изъ веревочекъ, изъ лычатъ для перебора сноповъ.» Сл. Даля.

2) Нижеслѣдующія описанія свадебныхъ обрядовъ въ Макарьевскомъ уѣздѣ были получены мною уже по сверсткѣ болѣе обширной статьи и о томъ же изъ того же уѣзда, написанный отцомъ Поспѣловымъ въ 1877 году, вслѣдствіе чего не могли быть помѣщены вслѣдъ за послѣдней. Помѣщая ихъ здѣсь, вѣѣ строгаго топографическаго порядка, я имѣлъ въ виду дать читателю-специалисту возможность сравнить насколько уцѣлѣла свадебная обрядность въ одномъ и томъ же районѣ въ теченіи 20-ти лѣтъ. III.

осенью—послѣ Казанской до Заговѣнья а зимой—предъ Масляной недѣлей. Если гдѣ, то здѣсь свадьбы имѣють очень много особенностей, и что особенно замѣчательно здѣсь свадебный ритуаль полонъ народной поэзіи, сложенной кѣмъ-то, когда-то и въ силу традиціи сохраняющейся и до сего времени. Чтобы ближе познакомиться съ здѣшнимъ свадебнымъ обычаемъ необходимо прослѣдить весь ходъ свадьбы, начиная со сватанья и кончая свадебнымъ пирушканіемъ.

Сватанье обыкновенно бываетъ ночью, въ такъ называемый легкій день недѣли т. е. не въ поне-дѣльникъ и не въ пятницу, которые, почему-то признаются днями тяжелыми для какихъ бы то ни было предпріятій. Въ назначенный вечеръ отецъ жениха съ какимъ-нибудь своимъ родственникомъ отправляется въ домъ къ помѣщенной невестѣ *на гости*. Послѣ недолгихъ обыкновенныхъ разговоровъ съ хозяиномъ дома, заводятъ сейчасъ-же рѣчь на пужную тему и начинаютъ разбирать роды—т. е. своихъ и невестинныхъ родственниковъ. Когда пайдуть, что *роды* соответствуютъ другъ другу т. е. что жизненная среда невесты такая-же почти, какъ и у жениха, тогда начинаютъ рѣшать дѣло и прежде всего родители невесты назначаютъ *запросъ*—т. е. требуютъ за невесту известную, смотря по состоянію, сумму денегъ. За мало-мальски богатую невесту назначаютъ рублей 50—60, за среднюю 25—20, за бѣдную 15—10 р. Когда сойдутся въ *запросѣ*, хозяйка дома подаетъ на столъ хлѣбъ и соль и сама вмѣстѣ съ хозяиномъ садится у *тябла* (передній уголъ, гдѣ стоятъ иконы), а сваты чрезъ хлѣбъ и соль протягиваютъ имъ руки или, какъ говорится, бьютъ по рукамъ, потомъ вмѣстѣ встають и молятся Богу. Послѣ этого выдаютъ на столъ *запросъ*, выговариваютъ пожеланія жениху какіе-нибудь подарен въ родѣ платка или полотенца, назначаютъ день свадьбы, число гостей и потомъ посылають за угощеньемъ, (послѣднее полагается со стороны жениха), и всю почти ночь продолжается пирушка. Это значитъ невесту пропнли, судьба ея рѣшена. Иногда пропнвая невесту помогаютъ родственники послѣдней и даже сосѣди.

И такъ невеста дѣлается сговоренной, которой сужденно здѣсь вплоть до брака оплакивать въ слухъ свое дѣвство предъ подружками и родными, или какъ говорятъ здѣсь, *выть*, и выть такъ, чтобы было складно да по хорошему. Подружки сейчасъ-же узнають о сговоренкѣ и сейчасъ-же съ пѣснями отправляются къ ней; сваты предлагаютъ имъ свою лошадь для катанья, послѣ чего дѣвушки расходятся по домамъ. Съ другого утра подружки опять собираются толпой и идутъ къ сговоренкѣ съ пѣснями такого содержанія:

2320.

Гуси лебеди развивались, —
Ясна сокола испугались.
Разъясень соколъ со гульбы летѣлъ,
Со гульбы, тульбы, со гуляница,
Со веселаго пироваица.
На горѣ, горѣ, на всей красотѣ,
Состоитъ дѣвечко тонко выско,
Стоитъ сосенка подсоеная,
Сидитъ дѣвушка сговореная:
Сговорилъ ея родной тятенька,
Запросватала родима мамынька,
Еще проишли братья родные.

2321.

Калына со малыпой
Рано расцвѣла,
На ту пору времяца
Мать дочь родила,
Не собравшись съ разумомъ
Замужъ отдала,
За такова за дѣтинушку
— Сиротинушку.
Осержусь на мамыньку
На родимую,
Не приду я въ гости къ мамынькѣ
Ровно три годѣ,
На четвертомъ годикѣ
Мташкой прилецу,
Сяду я на яблонку
Въ зеленомъ саду,
Слезамъ я горящимъ
Садикъ потоплю,
Своими прицетами
Зеленъ подсушу. и т. д.

Какъ только войдутъ дѣвушки въ избу, сговоренка садится на лавку и начинаетъ выть, какъ умѣетъ. Плохо той сговоренкѣ, которая не научилась вытью-причетамъ. Чтобы не сконфузить сговореней, родные — мать или снохи, подсаживаются къ ней, подсказываютъ, а иногда — даже и своимъ невѣстнымъ голосомъ повоютъ за нее. Лишь только сговоренка увидитъ своихъ подругъ, завоетъ такимъ образомъ:

2322.

Подѣте-тко ко мнѣ, милые,
Милые мои подруженьки,

Задумевные голубушки!
Что зацѣмъ вы долго не были,
За какими педосугами?
Развѣ мамыньки задержали,
Развѣ вась батюшки да не отпускали?
Да я сама, вѣдь, знаю вѣдаю,
Да вы сами за собой не шли,
Да сохотились мои милые,
Во бѣседу посмиренную,
Во веселую кампаньцу,
Что чесали мои милые,
Вы свои да буйны головы,
Заплетала свои косыньки,
Да что вилетали алы ленточки.

Потомъ сговоренка обращается къ матери и причитаетъ:

2323.

Погляди, моя родимая,
Что у пась да здѣсь за садъ стоитъ,
Что за садъ стоитъ, за маку цвѣтетъ?
А всѣ тѣ маковки алахоньки,
Одна маковка блѣднехонька¹⁾.

На это выть дѣвушки отвѣчаютъ ей пѣсней:

2324.

Не подумвши, слово молвила:
Пожилъ, пожилъ-бы во чужихъ людяхъ,
Пороботалъ-бы на свекора
Да на лилюю свекровь матушку.
На то тятенька осердился:
Взялъ онъ выдать во чужи люди.

(Пѣсню къ сожалѣнію до конца не пришлось узнать).

Если до брака невѣсты остается нѣсколько дней, то выть предъ подругами, продолжается каждый день утромъ и вечеромъ. Въ подобномъ родѣ причетовъ бываетъ очень много. Наконецъ дѣвушки собираются въ послѣдній предъ бракомъ день, топятъ баню для невѣсты и когда истопятъ, приходятъ къ ней съ пѣснями, наряжаютъ вѣнчикъ въ подвѣнечный платокъ шелковый, убираютъ его лентами и ведутъ невѣсту, въ преднесеніи этого вѣнника, въ баню парить — съ пѣснями. Парятъ ее здѣсь въ два вѣнника и спраши-

¹⁾ Этимъ стихомъ она намекаетъ на себя.

вають какъ жениха зовуть. Если сговоренка по-
стѣснится пазвать жениха по имени и отчеству,
ей подбавляютъ пару-жару. Вечеромъ въ этотъ
день въ послѣдній разъ подружки павѣщаютъ
сговоренку. Послѣдняя въ это время проситъ
своихъ родителей угостить своихъ милыхъ по-
друженекъ, — такими причетами:

2325.

Потрудись, сношка голубушка,
Посажай милыхъ подруженекъ
На скаменцеу тесовую!
Ты скажи, моя родимая:
Наварила-ли пива пьнаго,
Поцести моихъ подруженекъ
Въ остальные да въ остальные?
Попрошу да я осмѣлюся
У родимаго у тятеньки
Не рѣчьми, а уговорами,
Я не низкими поклонами,
Еще тѣмъ да горючимъ слезамъ:
«Ты купилъ-ли, родной тятенька,
Да что того-ли зелена вина,
Поцести моихъ подруженекъ
Въ остальные да въ остальные?»

Въ то время, какъ невѣста воетъ, у жениха
идутъ приготовленія къ свадьбѣ — варить пиво,
побукають вина и т. д. Родители жениха поды-
скиваютъ прежде всего дружку (чаще изъ род-
ственниковъ), потомъ зовутъ отца и мать — кре-
стныхъ, просятъ и другихъ родственниковъ по-
мочь сыграть свадьбу. Въ назначенный день
свадьбы всѣ приглашенные родственники съѣз-
жаются къ жениху въ домъ. Здѣсь въ домъ дружка
прежде всего разсаживаетъ всѣхъ по чести, на
приготовленный войлокъ, у *тыбла* сажаетъ же-
ниха, а рядомъ съ нимъ тысяцкаго. Обязанность
тысяцкаго — давать, гдѣ потребуются деньги, от-
туда и самое названіе «тысяцкій», (какъ будто у
него тысяча денегъ). Рядомъ съ тысяцкимъ
дружка сажаетъ большого боярина, потомъ ма-
лаго боярина, сваху съ повозникомъ. Когда уса-
дятся, подаютъ на столъ ланшу и когда ее съѣдятъ,
дружка проситъ перемѣнить блюда такими словами:

2326.

Поваръ-яворъ,
Перемѣнай-ко

Ѣства сахарныи!
Нашъ тысяцкій
Пить ѣсть хочеть.
Большой бояринъ,
Малый бояринъ,
Я дружка съ подругами,
Сваха съ повозникомъ,
Весь нашъ храбрый поѣздъ
Пить ѣсть хочеть.
Что есть въ печи
На столъ мечи!
Кочергой загребай,
Помеломъ заметай,
Все къ намъ
На столъ подавай.

Послѣ этого подаютъ кашу и простой пирогъ,
не отвѣдавши котораго, всѣ выѣзжаютъ изъ-за
стола и благодарятъ хозяйина. Женихъ, по обы-
кновению, въ день свадьбы говѣетъ. Потомъ
дружка обращается къ родителямъ жениха и го-
воритъ имъ: «Умѣли вы своего чада милаго вскор-
мить вспоить, умѣйте и благословенье дать.»
Тогда начинаютъ обычномъ порядкомъ благосло-
влять жениха пѣноой, при чемъ мать держитъ
хлѣбъ съ солью. Пока родители благословляютъ,
дружка держитъ двери, а потомъ опять проситъ
благословить и весь поѣздъ:

2327.

Дайте намъ благословенье,
Ѣхать намъ жепиться
Чистыми полями
Селами, городами,
Деревьями, слободами.
Взять намъ свое суженое,
Взять намъ свое ряженое
Привести бы ея въ Божій храмъ,
Поставить бы ея на одно подножіе
И принять законъ Христовъ.

Послѣ этого всѣ поднимаются, идутъ на дворъ
всѣмъ поѣздомъ, предварительно застраховавъ
жениха отъ всей силы вражіей и отъ худыхъ лю-
дей — *муковичей*, утыканной шоловами. Эту дуко-
вицу женихъ хранилъ у себя въ кармапѣ. Когда
выйдутъ на дворъ, дружка обходитъ съ воскресной
молитвой лошадей, и каждую щупаетъ за гриву.
Выѣзжаетъ сначала дружка, за нимъ женихъ съ
тысяцкимъ вмѣстѣ, потомъ бояре и т. д. Такимъ
порядкомъ мчится княжескій поѣздъ за своей

суженой. Когда ѣдутъ, нельзя — никому ни кла-
паться, ни сворачивать съ дороги.

За пѣсколько сажень разстоянія до суженой,
поѣздъ останавливается, ѣдетъ только одинъ
друга. Подѣхавши, онъ входитъ въ домъ,
по обыкновенію молится и спрашиваетъ нима и
отчество хозяина. У радушнаго хозяина для
дружки-болтушки приготовлено уже угощеніе.
Дружка подходитъ къ столу, паливаетъ себѣ ста-
канъ водки и кричитъ: «Господи, Іисусе Христе,
сыне Божій, помилуй насъ! Хочу я у тебя спро-
сить, добрый хозяинъ: были-ли у тебя сговоры
съ такимъ-то человекомъ? были-ли вы по рукамъ
чрезъ хлѣбъ и соль, чрезъ дубовый столъ?» От-
вѣчаютъ, что все это было. «Когда было такое
дѣло», тараторить дружка:

2328.

Есть у насъ во чистыхъ поляхъ,
Во зеленыхъ лужайкахъ,
Въ обლობархатныхъ шатрахъ
Есть княженецкій поѣздъ.
Ихъ бѣлыми снѣгами задувало,
Желтыми песками замело.

— Прикажи, милостивый государь, князю по-
вобрашному съ его храбрымъ поѣздомъ въѣхать
на твой широкій дворъ! — «Богъ благословитъ»,
отвѣчаетъ хозяинъ, милости просимъ! Тогда
дружка отъ имени хозяина ѣдетъ къ поѣзду и
проситъ ихъ въѣхать. Невѣстный отецъ выходитъ
встрѣчать жениха съ иконой, а мать съ хлѣбомъ
и солью. Дружка подводитъ жениха за руку, оба
крестятся предъ иконой, а потомъ женихъ кла-
няется въ ноги и входитъ въ домъ со всемъ
своимъ поѣздомъ. Дружка впередъ забѣгаетъ съ
войлокомъ, постилаетъ его въ переднемъ углу
для жениха и тысяцкаго. Когда всѣ усядутся за
столъ, дружка паливаетъ себѣ водки и кричитъ
опять: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, по-
милуй насъ!» Милостивые государь! Княгини по-
вображной, батюшка съ матушкой!

2329.

Доступите пожалуйста!
Очистите свой путь,
Окажите свои ясны очи!
Очи ваши увижу
И п(ч)еломъ ударю

И по имени воззвѣщаю.
У меня у дружки
Ноги съ подходомъ,
Руки съ подпосомъ,
Сердце съ покоромъ,
Голова съ низкимъ поклономъ.
Я, дружка, чашу паливаю,
Спаса призываю.
Чашу подпошу
И лица своего не стыжу,
Чаша деревянна,
Въ чашѣ питье медвянно,
Сахаромъ съ виноградомъ уставлена.
Примите для любя,
И выкушайте для здравья.
Послѣ здравья будьте многолѣтны!
У великаго Николи
Кануть пейте
У Пресвятой Богородицы
Хлѣба кушайте.
Прикажите, милостивый государь!
У вашей милости пообѣдать:
Чѣмъ богаты,
Тѣмъ будьте и рады!

На столъ въ это время приготовлена уже ка-
пуста и лапша. Невѣста пока находится за пе-
регородкой доываетъ свою дѣвичью волюшку
такими словами:

2330.

Ты принасъ ли, родной тятенька,
Еще мнѣ да шубу повую,
Шубу повую да къ сердцу темную?

Батюшка приносить ей шубу, она кланяется
въ ноги, а потомъ обращается къ матери:

Принасла-ли, ты родная
Еще мнѣ да цвѣтно платьице,
Цвѣтное да подѣвешное,
Подѣвешно, въковѣшное?

Мать приноситъ ей наряды; дѣвушки начи-
наютъ ее одѣвать. Кладутъ такъ же, какъ же-
ниху, луковницу, патыкаютъ вездѣ, гдѣ можно,
пролокъ. Дѣвушки не торопятся одѣвать свою
подругу. А дружка не терпится. — «Что княгиня

повообрачная, оболчена-ли? обута-ли?» кричить онъ, «если не одѣта, то мы привезли», и кажетъ *куфтырь* (узелъ) съ одежей, которую привозятъ всегда на случай. Дѣвушки съ усмѣшкой отвѣчаютъ дружкѣ, что еще сарафанъ не лѣзетъ. Дружка какъ бы съ обидой на эту пасмѣшку, говоритъ дѣвушкамъ:—«Чего вамъ, милые, еще не хватаетъ?» Дѣвушки требуютъ деньги, тысящій раскошелливается и уплачиваетъ рубль или два за *выкупъ* дѣвицамъ. Последнія, когда одѣнуты невѣсту, отдають ее въ руки брату или кому-либо изъ близкихъ родственниковъ. Братъ ведетъ въ жену невѣсту съ такими причетами:

2331.

Отплатись-ко, князе бояре!
Еще дайте путь дороженьку
Изъ кутн да въ подоконечко!
Не сказали молодецкой,
Что сидитъ родима мамышка:
На лѣвой рукѣ цвѣтно платице,
А во правой Спаса-образа.
Погляжу я, молодецка,
По своей по бѣлой горьницѣ—
Тутъ сидятъ да все цужи люди,
Все цужіе, незнакомые.

Братъ не сразу отдаетъ невѣсту, и когда получить за нее должный откупъ. Тогда дружка сажаетъ невѣсту возлѣ жениха, переплетаетъ у нихъ руки и ноги и ударяетъ ихъ головой о голову три раза. А невѣста въ это время воетъ:

2332.

Не спасибо, дружка ласковый,
Что разшибъ мою головушку,
Изломалъ-ты мои рученьки,
Отнял мою волю-большину.

Потомъ обращается къ своей матери и говоритъ:

2333.

Поглади, моя родимая,
Ты отъ печи отъ кирпичины,
Отъ зааводека порожного,
Изъ подъ брусика висацова

На меня на молодецоньку:
Наряжапа-ли я паряжена,
Да возлѣ ровни-ли посажена?

Послѣ этого обращается и къ своему суженому:

2334.

Что берешь, ты добрый молодецъ,
Что берешь да ты надѣешься?
Меня пошлешь на работушку—
Ничего-то я не сдѣлаю.
Ужъ я сдѣлаю да не по твоему,
Не по твоему, и по своему,
Я уйду да загулянья
Позабуду свое дѣлнчко.

Тогда и женихъ, какъ будто въ отчаяніи, то же захнычетъ. Въ это самое время, поѣзжане закусываютъ предложенную капусту и ланшу. Последнюю ѣдятъ только по одной ложкѣ, а потомъ накрываютъ блюдо короваемъ и вытѣзають изъ-за стола. А невѣста завоетъ:

2335.

Не спасибо, родной тятенька
За сегодняшній за хлѣбъ за соль.
Хлѣба стопушка простояла,
Сухая ложечка пролѣжала.

Дружка начинаетъ ее уговаривать: «Ну полно, голубушка, полно!» Но находчивая невѣста и дружкѣ напоетъ:

2336.

Погоди-ка ты, дружка ласковый,
Ласковый да наговорчивый!
При твоихъ слезахъ,
Да не въ твоихъ рукахъ;
Не на твоей вѣдъ я землѣ стою,
Да и не твой вѣдъ я паземъ топцу.

Еще больше разстраиваютъ дѣвушку-невѣсту ея подружки пзмѣнницы: онѣ всячески начинаютъ просмѣивать ея суженаго и поютъ, что у жениха-то на горбу рожа выросла, на губахъ-то хоть блины пеки, а на лбу-то хоть ланшу мѣси

и т. д. (Пѣсню эту дословно привести не могу). Только тысяцкій да дружка припиками да орѣхами удерживаетъ отъ подобныхъ пѣсень пасмѣшницъ.

Какъ бы то ни было, время идетъ, слѣдуетъ давать благословеніе на отъѣздъ къ вѣнцу. Къ концу подходятъ и вѣтѣ невѣсты. Какъ бы въ довершеніе своихъ причетовъ дѣвушка обращается къ брату съ такими словами:

2337.

Ты сходи-ка, братецъ батюшка,
Да еще въ то-ли во чисто поле,
Припеси-ка бѣль горюцъ камень,
Положи-ка въ ноги тятенькѣ.
Какъ станутъ давать благословеньице,
Да какъ стану въ ноги кланяться,
Распибу свою головушку,
Чтобы прошла такая славушка,
Что убилась красна дѣвица,
У родимаго у тятеньки
Да что въ тѣхъ-ли во рѣзвѣхъ ногахъ.

Однако же и это не помогаетъ; дѣвѣшкѣ обычнымъ порядкомъ благословляютъ и женихъ ведетъ ее усаживать въ повозку. Дѣвушка рвется и воетъ:

Выживають звѣря изъ лѣсу,
Красну дѣвицу да изъ дому.

Подружки, должно быть, не наѣлись еще вдоволь припиковъ да орѣховъ, они и здѣсь продѣлываютъ надъ женихомъ шутку и вырываютъ невѣсту изъ рукъ и требуютъ опять выкупъ. Тысяцкій не жалѣетъ денегъ; лишь бы скорѣе къ дѣлу. Не тутъ-то было—видно скоро хорошо не дѣлается—невѣста еще не садится въ повозку, ломается, падаетъ, а женихъ какъ бы то ни было долженъ усадить ее одинъ безъ помощи другихъ. Нужно себѣ представить положеніе молоденькаго парня въ то время, особенно слабосильнаго, когда ему приходится возиться съ деревенской лепешкой—дѣвкой, чтобы усадить ее въ повозку. Не посадить ее значить показать свое полнѣйшее безсиліе предъ будущей женой своей. И вотъ онъ кряхтитъ, пугается до поту лица и усаживаетъ. Дѣвѣшкѣ окончательнаго смиряется и больше не воетъ. Поѣздъ готовъ къ отъѣзду, слѣдуетъ лишь только уплатить молодымъ ребятамъ на водку за открываніе воротъ. Поѣздъ

мчится, невѣсту везетъ обыкновенно братъ или заступающій его мѣсто родственникъ. Последний, пока невѣста у него въ рукахъ, по дорогѣ къ церкви, не разъ останавливается—то у него сапи приморозить, то лошадь раскуется и т. п., дружка знаетъ чѣмъ поукнуть лошадь невѣсты: подоситъ водки брату и поѣздъ опять мчится своимъ порядкомъ къ церкви. Здѣсь въ церкви вѣнчаніе идетъ обычнымъ ходомъ. Развѣ какъ на особенность можно указать только на то, что каждая невѣста и каждый женихъ удерживаютъ другъ друга, что первому или первой встать на подпожье. отъ этого будто бы будетъ первенство того или другого въ супружеской жизни. Невѣста во время браковѣнчанія стоитъ съ распущенными волосами, а послѣ ее *крутятъ* т. е. залетаютъ двѣ косы и надѣваютъ повойникъ. Когда окрутятъ невѣсту, женихъ выводитъ ее за руки и сажаетъ съ собой рядомъ—обнимаетъ и прикрываетъ ее полой своего тулупа или халата.

Новобрачные ѣдутъ сначала къ невѣстинуму отцу въ домъ. Здѣсь родители невѣсты встрѣчаютъ ихъ съ хлѣбомъ-солью и иконой. По входѣ ихъ въ избу начинается брачный столъ, какъ называютъ его здѣсь, — *красный столъ*; онъ состоитъ непременно изъ 12 блюдъ; пива и водки также запасаютъ вдоволь. Пиръ открываетъ дружка со стакапомъ водки въ рукахъ, — такими словами:

2338.

«Господи Іисусе Христе, Сыно Божій,
Помилуй насъ!
Во всю свѣтлу свѣтлицу,
Во всю бѣлу горницу,
Изъ куты по лавкамъ,
Въ куты по скамейкамъ,
Малые ребята,
Сивы поросята,
Жималостны ноги,
Вострые сопли,
Красныя дѣвицы,
Крѣпостны блудницы,
Молодые молодички,
Кривыя на васъ надѣты еници,
Старые старики,
Почтенные мужики:
Просимъ милости,
Князю съ княгиней новображной
Хлѣба-соли кушать!
У кого волосы плотны,
Да зубы крѣпы,
Просимъ милости кушать!

Да еще прошу васъ, чѣмъ вы богаты, князя съ почетнымъ поѣздомъ подарите.

Хозяева тогда раздають припесенныя подарки и просятъ гостей хлѣба-соли кушать. Угощеніе и обѣдъ идетъ своимъ чередомъ. Какъ на особенность брачнаго стола, нужно указать 10-е кушанье—это короваецъ, утыканный лучинками съ лентами и цвѣтами. Подавая его, стряпка говоритъ: «Корешокъ подрубите, а верхъ не сушите и ленточки позолотите!» Дружка отвѣчаетъ: «Покорно благодаримъ, мы такъ сдѣлать не сумѣемъ.» Тогда стряпка сама беретъ ножъ и срѣзываетъ верхнюю корку; внутри коровайца запечена говядина, которую и начинаютъ кушать; съѣвши говядину и не трогая корокъ, дружка накрываетъ опять верхнюю корку и даетъ самъ деньги, тоже дѣлають и гости. Это уже идетъ въ пользу стряпнѣ. 11-е кушанье—рыбный пирогъ. Передъ нимъ дружка кричитъ, что рыба по суху не ходитъ. «У Владимира Солпышка, продолжаетъ онъ, пересохло въ горлышкѣ!»

2339.

Есть-ли у васъ у боцекъ боцвари
У гвоздей гвоздирь,
А у ведеръ пивоносники,
А у зелена вина хозяева!

Тогда обносятъ послѣдній разъ гостей водкой и пивомъ. Потомъ подають простой пирогъ безъ начинки, его не ѣдятъ уже и выѣзжаютъ изъ-за стола съ обычной благодарностью за хлѣбъ и соль. Всѣ поѣзжане собираются послѣ этого къ жениху въ домъ и просятъ къ себѣ отгачивать невѣстину родню. На поѣздъ отецъ съ матерью невѣсты опять благословляютъ молодыхъ и желаютъ имъ спокойной ночи.

При входѣ въ домъ жениха, родители послѣднего встрѣчаютъ молодыхъ также съ хлѣбомъ-солью и иконой. Невѣста со слезами покорности обращается къ свекру и свекрови съ такими словами: «Богодатные мои, батюшка и матушка! Дайте мнѣ честное благословеніе пройти въ вашу свѣтлу горницу!» По входѣ отырываютъ пиръ для родственниковъ невѣсты; молодые въ это время удаляются за перегородку для ужина, а потомъ дружка отводитъ ихъ на брачное ложе. Гости остаются до тѣхъ поръ, пока сонъ и хмѣль окончательно не осилитъ ихъ.

Утромъ сваха будитъ молодыхъ. Женихъ вставши, тотчасъ, собирается за тестемъ и тещей. По-

слѣдніе пріѣзжаютъ и привозятъ съ собой приданое невѣсты въ сундукъ. Въ этотъ же день бываетъ баня для молодыхъ, послѣ коей сваха приноситъ ночную рубаху невѣсты какъ вещественное доказательство цѣломудрія послѣдней. Если есть это доказательство, гости бьютъ посуду, пляшутъ скачутъ и пр., въ противномъ же случаѣ приносятъ *хомутъ* и надѣваютъ его на шею отцу невѣсты. Тѣмъ дѣло и кончается. — Въ послѣднее время здѣсь вовсе почти не обращаютъ вниманія на цѣломудріе невѣсты. Пиръ продолжается до вечера, гости посѣщаютъ родственниковъ жениха, кои участвовали въ поѣздѣ.

Вечеромъ въ 1-й день послѣ вѣнчанія бываютъ *поцѣлуи*. Молодая обноситъ гостей водкой и потомъ каждого цѣлуетъ. За поцѣлуй ей кладутъ на блюдо деньги. Богатая невѣста надѣляетъ рублей 50 или 40, бѣдная — 5—10 руб. Послѣ поцѣлуевъ брачный пиръ кончается, у рѣдкихъ только онъ продолжается и на слѣдующій день. Свадьбы, пужно сказать, здѣсь очень чувствительны для жениха. Родителямъ послѣдняго, при плохомъ состояніи, приходится издержать рублей 30—40, а богатые тратятъ рублей сто.

Села Богородскаго, священникъ Григорій Гатинскій.

Той же губ. и уѣзда, въ приходѣ с. Воскресенскаго.

Свадьбы бываютъ большею частію послѣ Крещенія Господня, (передъ масляницей), осенью же хотя и бываютъ, но въ маломъ количествѣ. Свадебный пиръ продолжается дня три-четыре: день у невѣсты, а остальные два-три дня у жениха. Днемъ для сватастья главнымъ образомъ выбирается день воскресный, но бываетъ сватастье и въ другіе дни. Самое сватастье обыкновенно происходитъ такимъ образомъ: отецъ жениха, посовѣтовавшись съ женой и сыномъ (женихомъ), приглашаетъ съ собою въ ту деревню, въ которой живетъ невѣста, ближайшаго родственника, или, если родственники бѣдны, богатаго *сусѣда*-однодеревенца и ѣдетъ съ нимъ къ отцу невѣсты. Тамъ они останавливаются въ домѣ какого-либо родственника (если онъ есть) или знакомаго и просятъ его, или жепа его, сходить къ отцу невѣсты и сдѣлать предложеніе: не пожелаютъ-ли они выдать свою дочь замужъ. Отецъ невѣсты въ большинствѣ случаевъ не отказываетъ отцу жениха, а идетъ къ нему для переговоровъ. Въ этомъ случаѣ онъ придерживается извѣстной поговорки: «сватъ не сватъ, — добрый человѣкъ».

Сватанье устраивается иногда въ первую же поездку, а къ другому отцу приходится съѣздить раза два или три, прежде, чѣмъ онъ окончательно рѣшится на сватовство, отговариваясь въ данномъ случаѣ тѣмъ, что-де надо посоветоваться съ матерью, родными и самой невестой. Когда все они посоветуютъ отдать замужъ невесту, тогда уже объявляютъ отцу жениха, чтобы пріѣхалъ окончательно сватать и привозилъ вина. Отецъ жениха со своей женой и родственниками отправляются къ отцу невесты, входятъ въ избу, молятся предъ иконами; ихъ сажаютъ въ передній уголъ. Затѣмъ будущіе сватья, послѣ разныхъ разговоровъ, не идущихъ къ дѣлу, начинаютъ вести рѣчь и о дѣлѣ. Эта рѣчь ведется обыкновенно такъ: женихова родня говоритъ, что у нихъ есть покупатель, а у тѣхъ товаръ, и не согласятся-ли они продать свой товаръ; говорятъ: что товаръ ихъ молодъ, да и имъ больно нуженъ въ хозяйство, да и одежды-то еще мало понашиты и т. п., но въ концѣ концовъ дѣло ладится, но съ условіемъ, чтобы за невесту дали, такъ называемый «выговоръ», который простирается отъ 10 до 50 и иногда болѣе рублей, смотря по состоянію тѣхъ или другихъ родителей. Если невеста очень бѣдна и не имѣется *задубленого* или суконнаго полшубка, то отецъ ея выговариваетъ и этотъ полшубокъ, затѣмъ поговорятъ о дарахъ, которые бывають болѣею частью со стороны невесты, заключающіеся въ томъ, чтобы отрѣзать кому слѣдуетъ и подарить то на фартукъ, то на рукава или же обдарить *утирками* (полотенцами), а жениха подарить—рубашкой и подштанниками. Покончивъ все эти щекотливые разговоры, засвѣчаютъ предъ образами свѣчку и молятся; послѣ молитвы бываетъ «*рукобитье*», т. е. родители подаютъ другъ другу руки, посторонній человекъ разнимаетъ ихъ, и начинается попойка, на которую обыкновенно приглашается вся невестина родня; угощаетъ всѣхъ отецъ жениха. Во время попойки назначаютъ и время свадьбы. Въ это же время отецъ жениховъ спрашиваетъ своего новаго свата, пріѣзжать-ли съ гостинцами и будетъ-ли *вечерина* (наканунъ свадьбы). Тотъ болѣею частью соглашается, чтобы послѣ въ семействѣ ея мужа не стали корить его дочь: «какой у тебя батька и вечеринки не сдѣлалъ». Какъ только совершится рукобитье, невеста, поклонившись отцу и матери въ ноги и сѣвъ за переборку (перегородку), тотчасъ начинаетъ причитать или, по мѣстному выраженію—«*вить*»:

2340.

Исполать, мои пріятели,
Что заправдалися мои пріятели,

Отдать меня, молодехоньку,
Во тѣ, да во чужіи люди,
Ко чужому отцу-матери.
Ужъ да въ васъ, мои пріятели,
Вся правдушка солгалась,
И вся ложность оказалась.
Безъ меня, да молодехоньки,
Не два солнышка свѣтитъ будетъ,
Не два солнца обогрѣютъ васъ;
Не корабль къ вамъ и на дворъ взойдетъ,
Не сундукъ казны откроется.
Работала я, пріятели,
Безо всякаго безъ ложности,
То не думала, пріятели,
Дождаться отъ васъ этого.
Все ходила на работу ужъ я первая,
Знать потомъ, мои пріятели,
Стала я для васъ ужъ лишняя;
Что потомъ, мои пріятели,
Въ полѣ не жила была,
Во лугахъ, да не кошельница.
Что потомъ, мои пріятели,
Подъ окошко вамъ подкинута.
Что потомъ, мои родимая,
О чемъ я стану кучиться?
О чемъ я низко кланяться?
Не рѣчами, уговорами,
Тебѣ низкими поклонами,
Да горючимъ слезамъ,—
Ты сходи, моя родимая,
Къ моимъ милымъ подруженькамъ;
Поклони-ка-си, родимая,
Поклони-ка-си низехонько,
Позови, моя родимая,
Ты ко мнѣ, да къ молодехонькѣ,
Чтобъ пришли мои любезныя,
Милыя подруженьки,
Ко мнѣ, да къ молодехонькѣ,
Къ моему, да ко злодѣй-горю,
Ко злодѣй-горю великому.

Когда окончится это причитанье, мать невесты идетъ къ ея подругамъ и зоветъ ихъ къ своей просватанной дочери. Тѣ тотчасъ же отправляются къ своей подругѣ-невестѣ. Передъ входомъ своихъ подругъ въ избу, невеста «воетъ»:

2341.

Что-то мнѣ почуялось,
Что-то померещилось:
Посередѣ зныи студенныя,—
Что летать да гуси-лебеди,—
То пдутъ мои подруженьки

Ко мнѣ, да къ молодехонькѣ.
Выйди-ка, родимая,
Срѣть-то (встрѣть) ихъ, подруженьекъ,
Среди двора широкова,
Ты поставь-ка двери на пята
Мои мильныя подруженькамъ.

При входѣ ихъ въ избу, пѣвица продолжаетъ:

2342.

Не спасибо вамъ, любезныя,
Милыя подруженьки,
Зачѣмъ васъ долго не было,
За какими недосугами?
Али батюшки и матушки
Васъ ко мнѣ не отпускали?
Знаю, мои милыя,
Буйны головы причесали,
Рубчатны плетни заплетали,
Какъ собирались, мои милыя,
Во смиренную бесѣдушку.
Поглядите-ка, пріятель,
Что у васъ въ избѣ за садъ стоитъ,
Что въ саду за макъ цвѣтетъ?
То стоятъ мои подруженьки.
Одна маковка да поблѣднѣ всѣхъ,
Ее мочить сверху дождичекъ,
А по правую сторонку
Запекло, да краснымъ солнышкомъ.
Попросите-тка, любезныя,
Милыя подруженьки,
У милыхъ моихъ пріятелей,
Чтобъ мою, да дѣвью красоту,
Золотую мою связочку
Ужъ . . . взять, да молодехонькѣ,
Мнѣ еѣ да къ ретиву сердцу.
Ужъ возьмите-тка, любезныя,
Милыя подруженьки,
Вы унесите-тко, родимыя,
Мою да дѣвью красоту,
Во батюшко, во тѣмный лѣсъ.
Вы положьте-тко, подруженьки,
Мою да дѣвью красоту
Золотую мою связочку,
Какъ на то-ли сухо дерево.
Какъ тому-ли сухо дереву
Не бывать да двою зеленоу;
Ужъ мнѣ, да молодехонькѣ,
Не живать, да во красныхъ дѣвушкахъ.
Вы послушайте, пріятель,
О чемъ я стану кучиться:

Посажай, моя родимая,
Что за тотъ-ли за дубовый столъ
Мои мильныя подруженьекъ,
За любовь-то ихъ великую,
Что пришли мои любезныя
Ко мнѣ, да къ молодехонькѣ.
Ты чести-ка, пуще потчуй ихъ,
Ты напои, моя родимая,
Ужъ тѣмъ да зеленымъ виномъ,
Ты напои, моя родимая,
Ужъ тѣмъ да пивомъ пыльнымъ.
Чтобъ запѣли-бы, любезныя,
Милыя подруженьки,
Ужъ ту да пѣсню жалобну,
Пѣсню жалобну и свадебну.
Зазнобили-бы у молодехоньки
Мое сердце ретивое
Отнынь и до вѣку,
До матушки гробовой доски.

Дѣвцы-подруги поютъ:

2343.

Какъ задумали родители
Меня замужъ выдавать,
Отъ бесѣды, отъ подружекъ
Хотятъ млада отлучать.
Какъ меня, млада, отлучать,
Я не чаюся живою быть.
Я пойду съ такого горя
Въ пову горницу сидѣть;
Ужъ я саду, пригорюнюсь
У косащата окна,
И тамъ буду слѣзы горьки
Проливать за то окно;
И тамъ буду я глядѣть
Во чисто поле далеко,
И тамъ буду я бранить
Чужу-дальну сторону:
«Ты злодѣй, злодѣй, злодѣй
Чужа дальна сторона!
Разлучила ты меня
Съ отцемъ, матерью родной,
Разлучила ты меня
Съ моимъ миленькимъ дружкой».

Затѣмъ подруги расходятся по домамъ и послѣ
приходятъ къ своей подругѣ-пѣвицѣ уже какъ
вздумается. Когда пѣвица останется одна среди
своихъ близкихъ родныхъ, то она снова воетъ:

2344.

Послушайте, пріятели,
Родимая матушка,
Со кормилицемъ, со батюшкой!
Словно вамъ я не родимая,
Во утробѣ не пошепала,
У бѣлыхъ груди не лежала?
Вамъ-ли, мои милые,
Не раба я была, не работница,
Не слуга-то ли я вѣрная,
Не посылка-то ли скорая,
Во полюшкѣ не жнеюшка-ль,
Во зеленыхъ лугахъ не кошельница?
Не дали грушъ вырасти,
Не дали яблонѣ выцвѣсти,
Не дали яблочку вызрѣти;
Не дали мнѣ, пріятели,
На погн рѣзвы подвратися,
Съ годами собратися,
Съ умомъ-разумомъ справитися.
Ужъ какъ отдали вы, пріятели,
Ко тѣмъ, да ко чужимъ людямъ,
Изъ теплыхъ рукъ въ холодныя,
Ко чужому отцу-матери.
А чужая мать—не матушка,
И чужой отецъ—не батюшка.

Если придетъ къ стоворенкѣ крестная мать,
то она воетъ такъ:

2345.

Поди-тка, крестна матушка,
Къ моему-то горю кручину,
Къ печалухѣ великой!
Ты послушай, крестна матушка,
О чемъ я буду кучиться,
О чемъ я буду кланяться,
Надѣли меня, родимая,
Чистымъ благословеньцемъ,
Чистымъ, перушнымъ
Какъ того-ли Спаса образомъ.

Не задолго до свадьбы родственницы жениха
пріѣзжаютъ къ невестѣ съ гостинцами и пере-
даютъ эти гостинцы матери невесты. Гостинцы
эти состоятъ изъ конфетъ, пряниковъ, орѣховъ
и сладкихъ пироговъ съ малиной, черникой, изю-
момъ и т. п. Всѣхъ пріѣзжихъ гостей сажаютъ
за столъ и начинаютъ угощать или по мѣстному
выраженію, «честить». Честятъ настолько, что
гости предъ отъѣздомъ домой, какъ говорится,

лика не вьжутъ. Во время пира невеста изъ-за
перегородки выходитъ къ гостямъ, подкуетъ ихъ
пивомъ и виномъ. Въ то время она цѣлуетъ всѣхъ
гостей-женщинъ, а тѣ на нее въ то время при-
стально глядятъ. Послѣ пиршества гости разъѣз-
жаются и въ другой разъ уже пріѣзжаютъ къ
невестѣ наканунѣ свадьбы—на вечеринку. Же-
нихъ на вечеринку пріѣзжаетъ вмѣстѣ съ отцомъ
и матерью. На вечеринку отецъ жениха обыкно-
венно привозитъ и условленный «выговоръ» за
невесту, состоящій изъ денегъ, шубы и проч., а
женихъ привозитъ своей невестѣ платокъ, ситцу
на сарафанъ, башмаки и т. п. Въ свою очередь
и невеста его одариваетъ—рубашкой, штанами
и поясомъ. На вечеринку обыкновенно собираются
дѣвушки-подруги невесты, которыя въ то время,
когда идетъ вечеринка, постоянно поютъ пѣсни, и
въ своихъ пѣсняхъ не рѣдко «срамятъ» жениха.
Но если онъ при этомъ даетъ имъ денегъ, то
начнутъ хвалить. На вечеринкѣ, между прочимъ,
поются слѣдующія пѣсни:

2346.

Во горенкѣ во новой,
Въ новой,
Стоялъ столикъ кедровой,
Кедровой,
Обитъ парчей голубой,
Голубой,
Серебряной бахромой,
Бахромой.
На столикѣ убраннымъ
Убрано.
Графинъ водки ставлено,
Ставлено.
Николай господинъ —
Дворянинъ
По горницѣ проходилъ,
Проходилъ,
Къ столику подходилъ,
Подходилъ,
Графинъ водки въ руки бралъ,
Въ руки бралъ,
Въ рюмку наливалъ,
Наливалъ,
Катюшѣ подносилъ,
Подносилъ,
Васильевну просилъ,
Онъ просилъ:
Выпей рюмку отъ меня,
Для меня,
Ради сына-сокола,
Сокола.

А тебѣ я подарю,
Подарю,—
Куплю нитку жемчугу,
Жемчугу.
Носи жемчугъ, не жалѣй
Не жалѣй,
Роди сына, да лелѣй,
Ты лелѣй.

Или такого рода пѣсни:

2347.

Ужъ ты сваха *шаболтошница*¹⁾!
Ужъ ты сватала, все хвастала:
«У васъ дворъ-то на семи верстахъ,
На семи верстахъ казенныхъ
О середѣ двора три горницы.
Какъ прѣхали, увидѣли:
У васъ дворъ-то на пяти шагахъ,
На пяти шагахъ, на куричьихъ,
Осередѣ двора три баншкы.

Или:

2348.

Твой женихъ не хорошъ, не пригожъ—
На горбу-то рожа выросла
Во этой-то во рошницѣ
Грибы растутъ;
Грибы растутъ березовые;
Въ головѣ-то мышъ гнѣздо свила,
Въ бородѣ-то дѣтей вывела;
А на лбу-то хотъ лапшу сучи,
На бровяхъ-то журавли клюють,
А у глазъ-то хотъ спички сирь;
Въ носу-то хотъ кисель творитъ,
А сквозь зубовъ хотъ кисель цидитъ,
На брѣзгахъ-то хотъ блины пеки.

А когда женихъ дастъ дѣвушкамъ денегъ,
продолжаютъ:

Твой женихъ и хорошъ и пригожъ;
Его кудри наложенны,
Черны брови наведенны;
Ясны очи, какъ у сокола;
Его щоки—что твой маковъ цвѣтъ,
Его губы—что твой медъ сотовой.

Около полуночи всѣ гости разѣзжаются и
расходятся съ вечеринки. Уходятъ и дѣвушки-по-

¹⁾ Отъ слова: шаболтошникъ = баклушникъ; ша-
балда = безтолковый пустомеля, и т. д. Слов. Даля.

други съ вечеринки; но онѣ снова приходятъ къ
невѣстѣ-подругѣ утромъ, въ самый день свадьбы,
въ то время, когда топится печь. Тутъ онѣ пѣ-
прѣснаго тѣста дѣлають короваецъ (бѣлый хлѣбъ).
Втыкають въ этотъ короваецъ лучинки, которыя
покрываютъ тѣстомъ, а на серединую лучинку
сажаютъ, сдѣланнаго изъ тѣста, поросенка; въ
ротъ этого поросенка всовываютъ соломинку; на
поросенка приклеивають пастуха изъ того-же
тѣста и даютъ этому пастуху въ руку мочало
или же нитку въ родѣ кнута. Когда пироги испе-
чются, его вынимають изъ печи, втыкають въ
него прутыки, обвивають эти прутыки разно-
цвѣтной бумагой и *убасяты* т. е. украшаютъ
лептамп. Этотъ пирогъ (короваецъ) подають за
обѣдомъ послѣ вѣнчанія. Между тѣмъ какъ въ
домѣ невѣсты, въ день брака, съ самаго ранняго
утра занимаются странней, въ домѣ жениха при-
готовляются ѣхать за невѣстой. Спаряжается
поѣздъ изъ родственниковъ жениха. Поѣздъ на-
зывается малымъ, когда состоитъ изъ двухъ или
трехъ паръ, и большимъ—когда состоитъ изъ
шести, семи и болѣе паръ лошадей; свадьба въ
последнемъ случаѣ называется «*скрутной*». Въ
каждомъ поѣздѣ непременно участвуетъ дружка,
который выбирается изъ родственниковъ и изъ
постороннихъ лицъ—*сусѣдей*; онъ долженъ быть
мастеръ своего дѣла, т. е. чтобы онъ всегда на-
шелся, что къ чему сказать и что когда сдѣлать.
Дружка воздаётся на свадьбѣ особенный почетъ
и дается полный просторъ *пировать* до сыта.
Свадебный поѣздъ собирается такимъ образомъ.
Поѣзжане родственники жениховы отца собира-
ются въ его домѣ для поѣзда за невѣстой, при-
чемъ иные изъ родственниковъ привозятъ кара-
ваецъ (бѣлый или черный), всѣ садятся за столъ.
Имъ подають «варево», и они ѣдятъ его. За сто-
ломъ вмѣстѣ съ ними сидитъ и женихъ, но онъ
ничего не ѣстъ, хотя передъ нимъ лежитъ хлѣбъ
и ложка. Послѣ перваго варева слѣдуетъ второе,
а затѣмъ подается *лапша*. Лишь только поѣз-
жане хлебнуть лапши по три ложки, дружка кла-
детъ на блюдо съ лапшей короваецъ (бѣлый или
черный хлѣбъ), разрѣзываетъ его на четыре части
и говоритъ: «Креститесь (креститесь) и вставайте».
Всѣ встають. Дружка наливаетъ стакашъ пива и
говоритъ: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій,
помилуй насъ!» (крестится). «Есть-ли здѣсь произ-
носить имя и отчество отца жениха и матери
его? Встаньте на рѣзвы ноги, покажите ясны
очи; въ очи я вижу, погнѣбали не чаю, обоихъ
величаю. У меня, у дружки, ноги съ подходомъ,
руки съ подносомъ, сердце съ поговоромъ, языкъ
съ приговоромъ, голова съ низкимъ поклономъ.
Я, дружка, чашу наливаю, Снаса призываю; при-

мите чашу для любя, кушайте для здоровья; будьте послѣ чашы многолѣтны; у великаго Николы капучъ пейте, у Матери Пресвятой Богородицы хлѣбъ кушайте. Умѣли вы своего сына вспоить, вскормить, на рѣзвы поги поставить; умѣйте, родители, подъ окошко встать, чисто благословеніе дать—хѣвать женатся. Поѣдетъ вашъ сынъ чистыми полами, быстрыми рѣками, темными лѣсами, черными грязями, узкими горами. Приѣдетъ вашъ сынъ къ Сіонскимъ горамъ; на этихъ Сіонскихъ горахъ стоитъ высока повѣ теремъ. Въ этомъ терему сидитъ красная дѣвица, шьетъ она, выпиваетъ бѣлая полотна; ждетъ, ожидаетъ къ себѣ добраго молодца. Взѣхаетъ-бы намъ на Сіонскія горы и подѣхаетъ ко широкому двору, попросится у тѣхъ чужихъ людей на широкій дворъ; со широка двора намъ взойти-бы на рѣзвыхъ погахъ на калиновъ мостъ, со калинова моста въ бѣлу горницу и взять-бы ему красну дѣвицу за бѣлы руки, за златы перстни; хѣвать-бы въ село Воскресенье, а въ селѣ Воскресеньѣ стоитъ храмъ Господень. Приди-бы ему въ храмъ Господень, Богу помолиться, ко Евангелію приложиться, на одно подожье встать, да златъ вѣнецъ принять. Послѣ этого приговора, обращеннаго дружкой къ родителямъ жениха, онъ (дружка) передаетъ налитой стаканъ женихову отцу, который, въ свою очередь, передаетъ его кому-либо изъ поѣзжанъ. Затѣмъ дружка наливаетъ другой стаканъ пива и держитъ свою рѣчь (приговоръ) уже ко всѣмъ лицамъ, собравшимся въ избѣ: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ (крестится). Изъ кута по лавкѣ, въ кутъ ему получить въ добромъ здоровьи.» Послѣ этой рѣчи дружка передаетъ налитой стаканъ тому, кто стоитъ около столбушки, у печки, подъ полатами; тутъ-де обыкновенно стоитъ (по народному предразсудку) портняжикъ или колдунъ, и потому стараются его угостить, задобрить. Затѣмъ отецъ и мать жениха стапоятся у *тябла* (божница); отецъ держитъ въ своихъ рукахъ икону, а мать—хлѣбъ съ солью. Женихъ прикладывается къ иконѣ и хлѣбу, кланяется отцу въ ноги и проситъ у него благосло-

венія. Отецъ говоритъ: «Господь тебя благословитъ; будь на тебѣ мое благословеніе отнынѣ и до вѣка». Потомъ икона передается матери, а хлѣбъ беретъ себѣ отецъ. Благословляетъ мать, при чемъ сынъ поступаетъ также, какъ и при благословеніи его отцемъ. Во время этого благословенія изблюю дверь держать, и никого не впускаютъ и не выпускаютъ изъ избы, боясь, прежде всего, колдуновъ или портняжковъ, а также скандала со стороны подружки жениха, если только она была у него. Потомъ всѣ выходятъ на дворъ. Женихъ стапояется у своей лошади, три раза крестится, надѣваетъ шапку и садится. За нимъ садится и весь поѣздъ; выѣзжаютъ со двора. Дружка напоминаетъ жениху, чтобы онъ ни съ кѣмъ не кланялся, хотя бы ему всѣ кланялись, что онъ исполняетъ въ точности: всѣ ему кланяются, а онъ и до шапки не дотронется. Не пригосе-де князю новобрачному поклоны воздавать. Въ ожиданіи поѣзда съ женихомъ, къ родителямъ невѣсты собираются всѣ званые родственники, и многіе изъ нихъ приносятъ съ собой въ подарокъ коровай хлѣба, а невѣста, сядя съ своими подругами, въ это время воетъ:

2349.

Выйди-ка, братецъ-батюшка,
На улицу широкую,
Погляди-тка вдоль улицы широкой:
Какъ не ѣдутъ-ли чужіе люди?
Ты возьми-ка, братецъ-батюшка,
Въ обѣ руки по топоріку,
Завалий-ка путь дороженьку,
Чтобы не пройти имъ, не проѣхать
Къ нашему, да широку двору.

Поѣздъ съ женихомъ стоитъ при въѣздѣ въ деревню, а по деревнѣ ѣдетъ дружка и прямо подѣзжаетъ къ дому невѣсты. Входитъ онъ въ избу, молится Богу, садится на скамью; хозяинъ подноситъ ему стаканъ водки, онъ выпиваетъ, при чемъ хозяйна съ хозяйкой поздравляетъ «съ гостепымъ полюбивымъ». За первымъ стаканомъ слѣдуетъ второй и третій. Послѣ третьяго стакана дружка встаетъ, творитъ Іисусову молитву и спрашиваетъ: «Кто здѣшнему дому хозяинъ?» «Я».—«Какъ васъ по имени назвать, по отчеству возвеличать?»—«Сидоръ Карпычъ».—«Быль-ли у васъ (имя и отчество отца жениха) такой-то?»—«Быль».—«Были-ли у васъ съ нимъ рѣчи тайныя, слова полюбивныя, промезъ себя сватовство?»—«Было».—«Быль-ли промезъ васъ

третій человекъ?»—«Затопляли-ли вы свѣчку, молились-ли Боги?»—«Затопляли и молились.»—«Вилсь-ли вы по бѣлымъ рукамъ черезъ столы дубовые, черезъ скетерти шелковыя, черезъ питія медвяныя, черезъ закуски сахарныя?»—«Вилсь.»—«Разнимали-ли у васъ бѣлы руки?»—«Разнимали.»—«Было-ли у васъ съ нимъ (отцомъ жениха) условье, чтобъ сегодня быть свадьбѣ?»—«Было.»—«Ждали-ли вы сегодняности?»—«Ждали.»

Послѣ такихъ допросовъ дружка продолжаетъ: А нашъ князь новобрашнѣй и весь храбрѣй поѣздъ Тысяцкѣй, бояринъ большой, бояринъ меньшей, сваха и свахинѣ повозникъ и я дружка со своимъ подруженьемъ, стоять во чистомъ полѣ, въ широкомъ раздолѣ, подъ бѣлымъ шатромъ, подъ краснымъ сушномъ, подъ зеленымъ садомъ, подъ краснымъ солнышкомъ, подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ, подъ мелкимъ звѣздочкамъ, съ холоду позябають, съ голоду умпрають, буйнымъ вѣтромъ задуваетъ, краснымъ солнышкомъ запекаетъ. Благословите намъ вѣхатъ на широкій дворъ, съ широкого двора взойти на калиновъ мостъ, со калинова мосточку войти въ бѣлу горницу. Своихъ-то гостей не потѣсите, А моихъ-то помѣстите; намъ не много мѣста падо: Изъ кутѣ, да подъ окошко и до красного окошка. А мнѣ, дружкѣ, пѣтъ-ли хоть стульчика разѣмнаго? пѣтъ стульчика разѣмнаго—скамеечку расписную, а не расписную, —такъ хоть и простую, а пѣтъ простыхъ, и на ногахъ постою. Люди-то мы не форменные, тулупы на насъ не суконные, —и на простой посидимъ.»

Отецъ невѣсты говоритъ: «Милости просимъ.» Дружка выходитъ изъ избы, садится на лошадь и подоѣзжая до поѣзда, сплавъ шапку, говоритъ: «Просимъ милости къ нашей клягинѣ новобрашней!» Дружка ѣдетъ впередъ, за нимъ весь поѣздъ, всѣ вѣзжаютъ на дворъ. На дворѣ у крыльца ихъ встрѣчаетъ отецъ и мать съ пирогомъ и хлѣбомъ-солью. Женихъ получаетъ и отъ нихъ благословеніе, также, какъ и отъ своего отца родного и матери родной. Потомъ родители невѣсты приглашаютъ ихъ войти въ избу, при этомъ они сами идутъ впередъ, за ними дружка, за дружкой женихъ, за женихомъ весь поѣздъ. При входѣ въ избу гости не садятся, а сначала подружка наливаетъ стаканъ пива, дружка произноситъ Иисусову молитву и ведетъ такую рѣчь: «Взѣхали мы на вашъ княжецкѣй дворъ по вашему приказанію, —благословите нашего князя новобрашнаго и на княженецкое мѣсто сѣсть.» Отецъ невѣсты говоритъ: «Богъ благословитъ.» Затѣмъ подружка снова наливаетъ стаканъ пива; дружка произноситъ Иисусову молитву и продолжаетъ: «Просимъ покорно нашимъ конямъ задать корма: хлѣба печенаго, а пѣтъ хлѣба печенаго, —овса молочнаго;

пѣтъ овса молочнаго, —сѣна кошеннаго; пѣтъ сѣна кошеннаго, —соломы яровой; пѣтъ соломы яровой, —ржаной; пѣтъ ржаной, такъ и такъ постоятъ, только просимъ приставить къ нимъ караульничка, чтобъ все было сохранно въ нашемъ домѣ честномъ...» «Мы тоже прѣехали, продолжаетъ дружка, не такъ какъ иные прочіе: саночки самокаточки, семь жеребцовъ, словно лсныхъ соколовъ; хомуты сафьяновы, уздечки тесняныя, шлейка шелковая, возжи плетеныя, сѣделки точены, дуги позолочены. У нашего князя новобрашнаго: тулупы лсные, воротники купичьи, шапки собольи, верха бархатны; чтобъ нашему князю новобрашнему было во что парядиться, на самокаточкахъ прокатиться. Еще у насъ есть двѣ коробки: одна коробка—серебра, а другая—золота. Мы это золото и серебро не по рублю считаемъ, и не горсточкамъ перегребаемъ; а беремъ совошекъ, насыпаемъ мѣшочекъ, да и распоризаемся.»

Послѣ того дружка, у котораго всегда «ноги съ подходомъ, руки съ подпосомъ, сердце съ покоромъ, языкъ съ приговоромъ» и который всегда наливаетъ «въ чашу стеклянную питье медвяно», продолжаетъ такъ приговаривать: «А ѣхалъ я чистыми полями, быстрыми рѣками, уѣздными городами; мнѣ сказали: у васъ въ избѣ висятъ занавѣски, а за этими занавѣсками сидитъ невѣстка, какъ-бы мнѣ на эту невѣстку посмотреть: обута-ли она, обочена-ли (одѣта-ли); есть-ли у ней на ногахъ сапожки, на рукахъ рукавички; надеты-ли на ней лисья шуба? Мнѣ-бы ее вести, да руки-ноги необморозитъ, бѣло личико не попортитъ.» Дружка идетъ къ невѣстѣ въ кутъ подъ полатни и на тарелкѣ песеть дѣвнцамъ-подругамъ стаканъ вина, при чемъ столпившимся зрителямъ говоритъ: «Отшатнитесь (постаропитесь) желудки, пузырь ползетъ! какъ-бы мнѣ маленькихъ ребятъ не помять, старыхъ старушекъ не доропять, красивыхъ дѣвушекъ за груди не похватать, на молодыхъ тетушкахъ шубки не изорвать; послѣ станутъ дружку бранить-ругать: «экой, скажутъ, дружка, экой пѣсь.» Дѣвушки, видя вино, говорятъ дружкѣ: «У насъ и безъ вина горько.» Дружка идетъ назадъ къ крестному отцу жениху. Тотъ кладетъ на тарелку немного мѣднѣхъ денегъ. Дѣвушки, увидя мѣднѣхъ деньги, говорятъ дружкѣ: «У насъ невѣста бѣлая.» Дружка опять идетъ къ крестному отцу, который кладетъ на тарелку уже серебряшку. А невѣста въ это время причитаетъ:

2350.

Не бросайтесь, милыя подруженьки,
Вы на пиво пьяное,
Ни на магушку золоту казну!

Но дѣвицы-подруги на этотъ разъ ея не слушаютъ,—берутъ деньги, и которая побойчѣе, выпиваетъ стаканъ вина. Тогда невѣста падѣваетъ шубу, крестится и говоритъ:

Благослови меня, Господи,
Надѣть мнѣ шубу теплую.

Если-же падѣваетъ шубу выговоренную, то говоритъ:

Какъ тепла она и не угрѣвчева,
Какъ не грѣетъ у молодѣхоньки
Сердце ретивое.

Затѣмъ братъ невѣсты выводитъ ее изъ кута или изъ-за переборки и ведетъ къ столу. Въ это время всѣ гости встаютъ и опрастываютъ мѣсто возлѣ жениха. Невѣста «воетъ»:

2351.

Ты постой-ка, братецъ-батюшка,
Ты бери-ка потихохоньку,
Ты води-ка помалѣхоньку.
У меня, у молодѣхоньки,
Нейдутъ поги рѣзвыя,
Съ того, да со злодѣй-горя.
Ты садись-ка, братецъ-батюшка,
Со мною, молодѣхонькой,
На лавку бѣлодинову.
Не отдавай-ка, братецъ-батюшка,
Изъ теплыхъ рукъ въ холодныя.

Братъ ея садится возлѣ жениха, а около себя сажаетъ сестру-невѣсту. Его угощаютъ виномъ и пивомъ. Крестный отецъ жениха даетъ ему выкупъ за невѣсту (рубль и болѣе) а между тѣмъ сестра его—невѣста, причитаетъ:

2352.

Не сдавайся, братецъ-батюшка,
За стаканъ, да пива пьянаго,
За рюмочку, да зелена вина.
Пиво пьяное запойчиво,
Зелено вино разборчиво.
Не сдавайся, братецъ-батюшка,
На ту, да золоту казну;
Золота казна: обманчива.

Развѣ пива ты не варивалъ,
Зелена вина не куривалъ,
Золотой казны не считывалъ?
Не спасибо, разъясепъ соколъ,
Что сдался ты, братецъ-батюшка,
На ту, да золоту казну.

Въ концѣ пѣсни братъ ея, получивъ деньги, сажаетъ свою сестру рядомъ съ женихомъ, за что она его укоряетъ. Сѣвши съ женихомъ, она начинаетъ вѣть дружкѣ за то, что ей пришлось сѣсть рядомъ съ чуже-чуженцомъ.

2353.

Не спасибо, дружка ласковый,
Дружка ласковый, обманчивый,
Раздробилъ мою головушку ¹⁾.
Зазпобилъ, да сердце ретивое.
Поднимаются вѣтры-вихори
Со восточныя сторонушки;
Не погода поднимается,
Не гроза, а чужой-чужепецъ,
Не гроза, а добрый молодецъ;
Въ твоихъ очахъ, да не въ твоихъ рукахъ,
Не въ твоей да волѣ-большинѣ,
Не въ твоей я бѣлой горинцѣ,
У своихъ, да у пріятелей.

Послѣднія слова невѣста причитаетъ тогда, когда женихъ беретъ ее за руку, и свою ногу закидываетъ за ея ногу; въ это же время она старается подложить подъ себя конецъ ея шубы, для того, чтобы «волю ея прижать». Между тѣмъ невѣста снова воетъ.

2354.

Погляди, моя родимая,
Что отъ печки, отъ кирпичныя,
Отъ залавка бѣлодинова,
Черезъ брусья лежачіе,
Черезъ скамьи-то стоячія,
Черезъ столпи дубовые,
Черезъ тѣхъ, да черезъ добрыхъ людей
Черезъ скатерти все бранныя,
Черезъ ѣтвица (кушанья) сахарныя,
Черезъ пѣтя всѣ медвяныя,

¹⁾ Въ это время дружка три раза ударяетъ жениха и невѣсту головами,—въ знакъ ихъ соединенія.

На меня, да молодехоньку:
Нарядно-ли я паражена,
Возлѣ ровни-ли посажена,
Что не ровня добрый молодецъ,
Не ровня, не верстапичекъ,
Хоть годами-то не старѣе—
Умомъ-разумомъ исправилѣ.

Послѣ этого причитанья пѣвѣсты, дружка произноситъ Иисусову молитву и, обратившись къ отцу и матери пѣвѣсты, говоритъ: «Прикажите нашего князя повображнаго дарить, спасены-ли (т. е. припасены-ли) у васъ дары? Если не спасены, своимъ будемъ дарить.» Выходитъ сваха пѣвѣсты. Дружка снова произноситъ Иисусову молитву и, обращаясь къ жениху, говоритъ: «Встань, государь, на рѣзвы поги, очисти ясны очи; въ очи я васъ вижу, погибелю не чаю, чашу вамъ наливаю, Спаса на помощь призываю; чаша стеклянна; въ чашѣ прими «для любя», выкушай для здравья (женихъ чашу принимаетъ изъ рукъ дружки). Послѣ чашы здравь будь; отъ великаго Николы капушъ пей, отъ Пресвятыя Богородицы хлѣбъ кушай, отъ княгини повображной дары получай, и княгиню новображную люби, да жалуй, да на добро поучай; чему самъ гораздъ, и ее поучай, а на дары «не повѣщуй» (т. е. не вышши). Послѣ жениха дарятъ и другихъ родныхъ. По окончаніи всей этой церемоніи дружка продолжаетъ: «По всей свѣтлой свѣтлицѣ, о всей бѣлой горницѣ изъ кута по лавкамъ, по залавкамъ, по скамейкамъ, по кривулькамъ, тутъ сидятъ дѣдушки и дядюшки, усаты, бородаты, холосты, не женаты: кто пожилой молодецъ—будь дядюшка. Гвоздари, бочкарни, малые ребята,—синіе пупки, кривые желудки, зеленые сопли,—кто изъ васъ рѣзвый,—тотъ кушай стаканъ вина.» Рѣзвый выпиваетъ. Затѣмъ зажигается свѣчка передъ иконами; подружка наливаетъ стаканъ пива, дружка подаетъ его отцу пѣвѣсты, который этотъ стаканъ передаетъ тысяцкому (крестному жениха), а самъ беретъ пкопу, а жена его хлѣбъ съ солью. Всѣ встаютъ. Дружка въ то время произноситъ Иисусову молитву и начинаетъ ораторствовать такъ: «Батюшка княгини новображной! Встань, повыступи, прими чашу для любя и проч.... Умѣлъ ты свое чадо милое на бѣлшихъ рукахъ лелѣть; твое чадо милое сызнова перерождается, въ цвѣтное платьице паряжается, горючимъ слезамъ заливается, шелковымъ платкомъ утирается, во рѣзвыхъ ногахъ валяется и проситъ у васъ чистаго благословеньца, пройди по серединѣ пола, войди въ повья сѣни, сойди на капиновъ мостъ, выйди на широкій дворъ, садись на добрыхъ коней, братъ въ лѣвыя

руки тесняныя возжи, въ правыя руки шелковыя плети, бить намъ добрыхъ коней по правымъ бедрамъ, ѣхать намъ по крутымъ горамъ; ѣхать намъ горами, долами, крутыми берегами, темными лѣсами, тоучими грязями, селами, городами, деревнями, слободами, подѣхать намъ ко Божіей, церкви, взойти намъ въ Божью церковь, чудному образу помолиться, въ землю челомъ поклониться, на одно подножье встать, золотыми перстнями помѣняться и на буйну голову златъ вѣнецъ надѣтъ и златъ крестъ поцѣловать.» Женихъ и пѣвѣста молятся и кланяются въ землю и получаютъ благословеніе отъ отца и матери пѣвѣсты. Передъ благословеніемъ родителей, пѣвѣста востъ такъ:

2355.

Ужъ-вы дайте-тка, пріатели,
Благословеньце мнѣ великое,
Что идти, да молодехонькѣ,
Во матушку, да во Божью церкву;
Ужо какъ мнѣ передъ вамъ стоять?
Развѣ золотомъ разсыпаться,
Жемчугомъ, да раскатиться.
Положите-тка, пріатели,
Что во тѣ, да во рѣзвы поги,
Ужо тотъ, да горючъ камень;
И ударюсь, молодехонька,
Я своимъ, да ретивымъ сердцемъ,
Чтобъ прошла, да эта славушка,
Что убилась красна дѣвица.

Въ это время обыкновенно жениху и пѣвѣстѣ кладутъ въ карманы по луковницѣ и втыкаютъ въ одежду пголки,—для того, чтобы ихъ не испортили. Это же дѣлаютъ и поѣзжане. При благословеніи жениха и пѣвѣсты всѣ родные молятся и выходятъ затѣмъ изъ избы. Женихъ ведетъ пѣвѣсту за руку на дворъ; на дворѣ ее отнимаютъ подруги. Дружки идутъ выручать пѣвѣсту, но дѣвицы его гонятъ отъ себя. Тогда онъ беретъ съ собой жениха, послѣдній даетъ дѣвицамъ за пѣвѣсту денегъ, и тогда онѣ ему выдаютъ ее. Послѣ того женихъ сажаетъ ее въ сани. Дружка въ это время съ хлѣбомъ-солью и иконой три раза обходитъ вокругъ поѣзда, оттапливая постороннихъ лицъ въ сторону, послѣ чего поѣздъ выѣзжаетъ изъ воротъ и, отѣхавъ недалеко, останавливается. Дружка ѣдетъ назадъ въ домъ къ пѣвѣстѣ отцу. Тамъ за нимъ караульный затворяетъ ворота. Онъ входитъ въ домъ и отъ имени жениха приглашаетъ отца, мать и проч. родныхъ съ пѣвѣстной стороны въ гости къ жениху та-

кимъ образомъ: «Господи Іисусе Христе и проч. (крестится). Батюшка клятиги повобрашпой! Встапъ на рѣзвы поги, открой свои ясны очи и проч.... Проситъ нашъ клязь повобрашпый къ себѣ въ гости. И проситъ васъ покорпо собраться въ гости: противъ тысяцкаго—тысяцкому, противъ бояръ—боярамъ, противъ дружки—дружкѣ, противъ свахъ—свахамъ. Сдѣлайте милость, не вдвое и трое, а въ десятеро приѣзжайте.» Затѣмъ дружка выѣзжаетъ со двора и ѣдетъ вмѣстѣ съ поѣздомъ. Этого приглашенія не бываетъ въ томъ случаѣ, когда поѣздъ изъ церкви опять приѣзжаетъ въ домъ невѣсты. При выѣздѣ изъ деревни, мужчины загораживаютъ дорогу близъ околицы въ воротахъ и пропускаютъ поѣздъ только тогда, когда дадутъ имъ на водку или самой водки. Самый поѣздъ происходитъ въ такомъ порядкѣ: впереди ѣдетъ дружка, за дружкой женихъ съ крестнымъ отцомъ, за женихомъ—невѣста со свахой и братомъ—ямщикомъ, а за невѣстою—весь остальной поѣздъ. Дорогой невѣстинъ братъ или въ сторону куда нибудь своротитъ или вывалитъ невѣсту въ снѣгъ. Дружка каждый разъ долженъ къ нему подѣхатъ и угостить виномъ какъ его, такъ и другихъ поѣзжанъ. Подѣхавъ къ церкви, женихъ высаживаетъ невѣсту изъ саней и ведетъ ее въ церковь. Въ церкви послѣ обрученія, каждый изъ нихъ особенно заботится о томъ, чтобы первому встать на подпоясникъ—(платокъ, кусокъ холста) для того, чтобы въ жизни «верхъ взять». Послѣ вѣнчанія свахи «окручиваютъ» невѣсту или въ самой церкви, а по большей части въ церковной караулѣ. Округиваніе это состоитъ въ томъ, что ея волосы (во время вѣнчанія распущенные) заплетаютъ въ двѣ косы и надѣваютъ на голову, такъ называемую «сороку» (повойникъ),—въ знакъ того, что она уже стала бабою. Теперь женихъ ужъ сажаетъ ее вмѣстѣ съ собой въ сани (или телѣгу) и поѣздъ возвращается домой въ томъ же порядкѣ. При выходѣ жениха и невѣсты изъ церкви сваха беретъ за фалды пубы ее и его и соединяетъ ихъ вмѣстѣ; слѣдятъ зорко за тѣмъ, чтобы между ними кто-либо изъ постороннихъ лицъ не прошелъ, иначе-де повобрашпые будутъ жить несчастливо и несогласно. Равнымъ образомъ, когда не желаютъ жениху и невѣстѣ согласія въ жизни, то выстригаютъ на лбу у кошки и сабаки немного шерсти, заекаютъ эту шерсть въ колобокъ (родъ лепешки) и при случаѣ даютъ имъ съѣсть: они-де послѣ этого будутъ жить, какъ кошка съ собакой. Изъ церкви весь поѣздъ ѣдетъ въ большинствѣ случаевъ въ домъ невѣсты. Отецъ и мать встрѣчаютъ молодыхъ у крыльца съ иконой и хлѣбомъ-солью. Въ это время молодая иногда воеетъ такъ:

2356.

Вы встрѣчайте-тко, пріятели,
Меня, да молодехоньку;
Нездорово, молодехонька,
Ужъ я Богу-то молилась.
Не спасибо вамъ, пріятели,
Кормилецъ ты мой, батюшка,
Со родимою, со матушкой,
Дали вы сваху ненадежну,
Устыдила, обезчестила
При полахъ, да при священничкахъ,
При дьякахъ, да при ученикахъ,
Что сняла да дѣвью красоту,
Золотую мою связочку.

Затѣмъ всѣ идутъ въ избу,—сначала отецъ и мать, за ними женихъ съ невѣстой, дружка, за дружкой весь поѣздъ. Дружка сажаетъ всѣхъ за столъ и говоритъ: «Нѣтъ-ли у тебя, свать, другой пзбы,—молодыхъ увести, да на столъ собрать и покормить—они ѣсть хотятъ. Да и моему храброму поѣзду на столъ собери; нашъ тысяцкій пить-ѣсть хочетъ, и большой бояринъ (дядя жениха), и меньшей бояринъ (тоже ближайшій родственникъ жениха) ѣсть хочетъ, и сваха, и (кто хинъ повозникъ и лагунникъ (кто ѣдетъ въ поѣздѣ позади всѣхъ), да и я, дружка, съ поддружьемъ пить-ѣсть хотимъ. Стряпонецъ-поварихоньки, поворачивайтесь, пошевеливайтесь, въ правой-то сторонѣ кочергой загребайте, а въ лѣвой-то помехомъ заматайте,—къ намъ на передній столъ подавайте, да и задній не забывайте.» Обращаясь къ отцу невѣсты: «У нашего Владимірушки нѣту солнышка, у нашего тысяцкаго пересохло въ горлышкѣ, переялилась капусташка, засѣла костычка.» Молодыхъ уводятъ обѣдать въ другую избу или за перегородеу; всѣ поѣзжане садятся за столъ и когда выхлебаютъ одно кушанье, дружка говоритъ: «Повары-яворы, перемѣняйте яства сахарны!» Послѣ всѣхъ кушаньевъ дѣвушки подаютъ свой изукрашенный лентами пирогъ. Дружка спрашиваетъ стряпцу: «Стряпонецъ-поварихонька, сама-ли ты парушпш (разрѣжешь) эту ѣствицу или намъ прикажешь?» — «Не мое дѣло», отвѣчаетъ стряпонецъ, «спросите о томъ дѣвушекъ.» Дѣвушки дозволяютъ дружкѣ парушпш ѣствицу, но при этомъ говорятъ: «краешки озолоти, а середочку осеребри.» Тысяцкій платитъ имъ за пирогъ копѣекъ 30—50 и болѣе. Затѣмъ дружка срѣзываетъ верхнюю корку пирога, при чемъ онъ долженъ стараться не уронить на столъ ни одного бантика, а иначе дѣвки его будутъ безчестить и надѣнутъ на него «клячу». Гости немного поѣвши начинки этого пирога,

передаютъ его дружкѣ, а дружка — стряпкѣ. Этотъ пирогъ доѣдаютъ дѣвцы, а лучинки съ лептami и баптами уносятъ домой и хранимъ до чьей-либо новой свадьбы. Послѣ разувершеннаго пирога стряпка подаетъ простой пирогъ, не помазаный масломъ и безъ начинки. Послѣ этого гости встаютъ и благодарятъ хозяевъ за хлѣбъ, да за соль въ «заѣзжемъ дѣлѣ». Послѣ обѣда молодыхъ сажаютъ за столъ вмѣстѣ съ гостями, и начинается попойка. Напировавшись до сита, дружка встаетъ и держитъ такую рѣчь: «Вставайте и благодарите здѣшняго хозяина!» Затѣмъ обращается къ отцу молодой и говоритъ: «пу, сватушка, теперь время почное; мы боимся ѣхать одни, дай намъ провожатыхъ.» Сватъ собираетъ провожатыхъ, своихъ родныхъ, которые и ѣдутъ къ жениху, въ томъ же порядкѣ, какъ и отъ вѣнца, при чемъ сродники невѣсты ѣдутъ позади родныхъ жениха. На дворѣ отецъ и мать жениха встрѣчаютъ повобрачныхъ съ хлѣбомъ-солью и благословляютъ ихъ. Всѣ входятъ въ избу. Дружка говоритъ, обращаясь къ отцу и матери молодого: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! и проч. О чемъ вы намъ кучились, о чемъ кланялись, то мы устроили и обдѣляли; только въ томъ виноваты, что вы насъ посылали за дѣвницей, а мы привезли вамъ молодицу». Ему отвѣчаютъ: «Покорнѣе благодаримъ.» Затѣмъ всѣ садятся за столъ. Сваха приноситъ дары, дружка наливать вина и пива, выкликаетъ кого слѣдуетъ прежде всего дарить и подаетъ на тарелкѣ этотъ даръ, предварительно заставивъ выпить. Тотъ выпиваетъ, беретъ даръ и этимъ даромъ вытираетъ губы. Послѣ перваго лица дарятъ слѣдующихъ родныхъ въ извѣстномъ порядкѣ. Послѣ выдачи даровъ всѣ садятся за столъ, пьютъ водку, пиво и ужинаютъ. По окончаніи ужина молодыхъ уводятъ въ особую избу или въ сѣнникъ спать; а остальные гости пьютъ и гуляютъ, поютъ веселыя пѣсни далеко за полночь.

Брачное ложе обыкновенно устраивается въ отдѣльной избѣ, а если нѣтъ отдѣльной избы, то въ холодномъ сѣнникѣ. Доказательствомъ цѣломудренности невѣсты служитъ то, что бьютъ глиняную посуду, а въ домахъ богатыхъ не падать бить все, что попадетъ подъ руку, напр., рюмки, стаканы и проч.; въ случаѣ же нецѣломудренности молодой надѣваютъ иногда хомутъ на тѣста и тещу, кромѣ того — прокусываютъ дыру на лепешкѣ и кладутъ ее на столъ, но за послѣднее время — это уже выводится. Утромъ снова начинается попойка, а молодой ѣдетъ звать къ себѣ въ гости тѣста и тещу, которая у себя въ домѣ кормитъ его блинами. Затѣмъ онъ забираетъ сундукъ съ имуществомъ своей жены и вмѣстѣ съ

тестемъ и тещей ѣдетъ домой. Вечеромъ въ этотъ день бывають, такъ называемыя, «поцѣлупы». Они происходятъ такимъ образомъ: Столъ ставятъ середѣ избы. Впереди, возлѣ *тябла* (божница), сажаютъ отца и мать молодого, рядомъ съ ними, на другой лавкѣ — отца и мать молодой. Молодой съ своей женой стоитъ у стола и наливаетъ въ рюмку вина. Молодая беретъ эту рюмку и подноситъ ее своему свекру. Тотъ беретъ ее, и въ это время молодая падаетъ ему въ ноги и лежитъ до тѣхъ поръ, пока онъ не выпьетъ, — причемъ свекоръ болѣею частью говоритъ: «горько» и молодая должна въ это время поцѣловать своего мужа. Послѣ выпивки отецъ цѣлуетъ свою молодую сноху и кладетъ ей на тарелку денегъ. Если свекоръ богатый, то онъ накладываетъ денегъ рублей до 10—15, а если бѣдный, то 1—2 рубля. Затѣмъ молодая со стаканомъ пива подходитъ къ свекрови, подноситъ ей пиво, цѣлуетъ ее и тоже получаетъ отъ нея или деньги или какой нибудь подарокъ, въ родѣ платка, сарафана или кички. Потомъ молодая беретъ рюмку водки и подноситъ своему мужу, который даритъ ей тоже денегъ. Послѣ мужа она подходитъ къ своему отцу, матери и накопецъ ко всѣмъ поѣзжанамъ; всѣмъ она кланяется въ ноги, всѣхъ цѣлуетъ и отъ всѣхъ получаетъ деньги. Иногда она обходитъ съ поклонами и поцѣлуемъ до трехъ разъ, за что собираетъ денегъ рублей 20—50 и болѣе, смотря по состоянію родителей и всѣхъ поѣзжанъ. Собранные на «поцѣлупы» деньги поступаютъ въ пользу молодыхъ. Послѣ поцѣлуевъ начинается снова пированіе, которая продолжается дня два, а иногда и болѣе. — Свадьбы болѣею частью играютъ зимой — предъ масляницей потому, что въ народѣ есть предразсудокъ что женившіеся въ осеннемъ мясоѣдѣ будто-бы живутъ несчастно, и, кромѣ того, надъ женившимися въ этомъ мясоѣдѣ, обыкновенно смѣются: вы и женились-то въ «овечій мясоѣдъ», говорятъ имъ, — вслѣдствіе этого здѣсь свадьбы осенью сравнительно мало и играютъ. На масляничный базаръ всѣ разряженные молодые считаютъ нужнымъ пріѣхать или пріѣхать въ село Воскресенское, гдѣ молодой обыкновенно закупаетъ для родныхъ своей жены большія пряники и конфеты, которыми даритъ въ то время, когда пріѣдетъ въ гости къ тестю. Послѣ масляницы на весь великій постъ молодая остается гостить у своихъ родителей и въ это время прядетъ ленъ на рубашку и штаны молодому. Собираясь гостить къ своимъ родителямъ, молодая зоветъ золовокъ (если они есть) и другихъ повыхъ сродницъ въ гости на «бесѣдки» въ сборное воскресенье, (первое воскресенье великаго поста), въ которое всѣ

опѣ и являются. А въ «радонницы» (Омицо вос-
кресенье) малыя ребятки приходятъ въ ту
избу, гдѣ живутъ молодые (т. е. повѣнчанные
въ томъ году), и говорятъ:

2357.

Молодая молодца,
Подавай наши яйца;
Не отдашь яйца,
Уведемъ молодца, —
Въ хлѣвъ запремъ,
Помеломъ заткнемъ,
Да не выпустимъ.

Молодая раздастъ имъ всѣмъ яйца, пряники
и по куску кулича. Наконецъ въ Петровъ день
(29 іюня) или пакапунѣ, его зятѣ отправляется
со своей женой къ тестю и тещѣ въ гости, ко-
торые дарятъ имъ (молодымъ) въ это время «ван-
форовое» (мѣстное выраженіе—вмѣсто фарфо-
ровое) блюдо съ приготовленнымъ въ немъ сы-
ромъ, двѣ ложки ¹⁾, солощину, молотилы (цѣпы),
грабли, вилы, вилы, серпъ и косу. Этими подар-
ками и заканчивается всѣ обязательныя для той
и другой стороны свадебныя обычаи.

Означенныя свѣдѣнія собраны мѣстнымъ свя-
щенникомъ, Евгеніемъ Троицкимъ.

¹⁾ «Небольшія, двурогія, тупыя вилы, на току при
молотѣбѣ». Слов. Дали.

XVIII. Симбирской губерніи.

Старинныя свадебныя пѣсни изъ рукописнаго
сборника 1795 года, найденнаго Г. В. Юрловымъ
у одного старика Симбирскаго мѣщанина.

2358.

Какъ во теремѣ дѣвица дары шила,
Тутъ пришелъ прошелъ сынъ дворянскій
Онъ и шедши остановился,
Остановился, поклонился:
«Еще Богъ помощь, дѣвица, дары шить!
Не загадать ли тебѣ дѣвица, шесть
загадокъ?»
— «Загадай, сынъ дворянскій, хоть десятокъ.
«А что у насъ, дѣвица, краше (солнца)
свѣта?»
— Краше свѣта—красное солнце.
«А что у насъ, дѣвица, выше лѣсу?»
— Выше лѣсу—свѣтель мѣсяцъ.
«А что у насъ, дѣвица, чаще роши?»
— Чаще роши—части звѣзды.
«А что у насъ безъ отвѣту?»
— Безъ отвѣту горючь камень.
«А что у насъ безъ умолку?»
— Безъ умолку текутъ рѣки.
«А что у насъ, дѣвица, безъизвѣстно?»
— Безъизвѣстна судьба Божья.
«Благодарю тебя, дѣвица, на отгадкахъ,
На мудреныхъ.

А и быть, дѣвица, за мною
Да и жить со мною.»

2359.

По лугу лужечку
Ѣхала карета
Непростая, золотая.
Въ каретѣ то дѣвица,
Она плачетъ и рыдаетъ:
Ужъ ты даръ ли мой ларчикъ?
Золотой окованъ.
Не годъ тебя копила,
Не недѣлю шила (?)
Единымъ часомъ раздарила:
Свекрови рубашку
Свекору другую,
Деверьямъ-то по платочку,
А золовкамъ по вѣночку,
Доброму молодцу золотъ перстень,
Золотъ перстень обручальный!

2360.

Какъ при вечерѣ при дѣвичникѣ
Прилетѣлъ младъ ясень соколъ
Онъ садился на причемнику,

На серебряну пошесточку,
За шелкову запавѣсочку.
Увидала его матушка
Говорила своему дѣтищу!
Привѣчай ты ясна сокала,
Ясна сокала залетнаго,
Добра молодца прѣзжаго.
Ужъ я рада бы привѣтить молодца
Уста кровью запекаются
Сердце кровью обливается.

2361.

Приставала лебедушка
Къ сѣрымъ гусямъ во стаюшку.
Гуси его стали щипати,
Лебедушка стала крикати:
«Не щипите вы гуси сѣрые!
Не сама я къ вамъ залетѣла
Запесло меня погодою,
Погодой-невзгодой,
Полуденной, полуночной.
Отставала красная дѣвица
Отъ своего ли рода племени,
Приставала красна дѣвица
Къ чужому роду племени
Къ удалому добру молодцу.
Ее люди стали журити.
«Не журите, люди добрые!
Не сама я къ вамъ прѣехала,
Завезли меня добры кони,
Добры кони удала молодца.

2362.

Не шелкова лепточка
Къ стѣнкѣ льнетъ
Удалъ добрый молодецъ
Жепу въ себѣ жметъ.
Кто тебѣ милъ да хорошъ?
Милъ милъ то милехонекъ
Батюшка родной.
Не правда твоя не истинна
А милъ то миленецъ
Я господинъ.

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Симбирской губер-
ніи намъ нѣдавно удавалось слышать на свадь-

бахъ различные рацен и прибаутки дружекъ и
различныхъ доморощенныхъ балагуровъ. Бала-
гуры эти вообще отличаются способностью красно
говорить и являются необходимыми гостями на
крестьянскихъ свадьбахъ. Привожу здѣсь одну
ихъ рацену, какъ образецъ народнаго творчества,
сочиненный, Богъ знаетъ кѣмъ и когда.

2363.

«Слушай, Ванька, кулегина статья,
Съумѣешь ли на вопросъ отвѣчать?»
— «Эко-ста дѣло, чать, съумѣемъ!»
«Ну-ка отгадай,
Только промаху не дай.
— Ну бай,
— Да смотри
— Не плошай!»
«Поѣхалъ я на базаръ купить мѣру гороху.»
— Ну, это хорошо.
«Хорошо да не больно.»
— А что же?
«Да вотъ тоже:
Поѣхалъ я горохъ сѣять, поднялся вѣтеръ
Опъ и уродился рѣдокъ.»
— Ну, это плохо!
«Плохо да не больно.»
— А что же?
«Да вотъ тоже:
Рѣдокъ да стручистъ.»
— Ну, это ладно.
«Ладно да не больно.»
— А что же?
«Да вотъ тоже:
Повадились свиньки, да горохъ съѣли.»
— Ну, это плохо.
«Плохо да не больно.»
— А что же?
«Да вотъ тоже:
Свиней то перебилъ,
Да сохонины насолнилъ.»
— Ну, это ладно.
«Ладно да не больно.»
— А что же?
«Да вотъ тоже:
Повадились сосѣдны кошки,
Да съѣли все сало до крошекъ.»
— Ну, это плохо.
«Плохо да не больно.»
— А что же?
«Да тоже:
Я кошекъ-то перебилъ,

Да себѣ шубу сплелъ.»

— Ну, это хорошо.

«Хорошо да не больно.»

— А что же?

«Да вотъ тоже:

Сосѣдъ-то узналъ

Да съ меня шубу сплелъ.»

— Ну, это плохо.

«Плохо да не больно.»

— А что же?

«Да вотъ тоже:

А взялъ да у сосѣда дочку укралъ,

А попъ то пасъ повѣчалъ.»

— Что ты! Не ужъ то сосѣдова дочь?

(Первый балагуръ указываетъ на певѣсту).

«Глянь-ко слово въту точъ въ точъ!»

Пирующие смѣются.

Является на сцену дружка, записной мастеръ
говорить красно.

Дружка.

2364.

Спасибо вамъ, на словцѣ, господа
Съ самаго пспода!
Гдѣ вамъ черезъ заборъ брагу пить
Да красно говорить!
А ты, дядюшка Тарасъ,
Послушай-ка лучше пасъ!
А то, что, за балагуръ?
Нечего сказать—хорошъ:
Давалъ чортъ грошъ,
Да и тотъ спятился.
А мы не чета ему.
Разскажемъ,
Какъ въ высокѣннѣмъ терему

Сидитъ красная дѣвица,
Собой бѣлолица,
Полна, румяна,
Безъ всякаго изъяна:
Очи орлиныя,
Брови соболиныя,
Руки бѣлыя,
Рѣчи смѣлыя.

Ай ребята!

Кому то дѣвицу,
Лицомъ бѣлолицу,
Полну да румяну,
Безъ всякаго изъяну,
Взять да отвѣдать, —
Да вѣкъ бы не ужинаць
И не обѣдать.

Ну-ка кому?

Видно мнѣ одному.

(Обращается къ стряпкѣ старухѣ).

Ну-ка, стряпнышка, лапынька,
Для добрыхъ гостей
Выпьемъ по всей!
Али у хозяйна вина не стало,
Припасу не достало?
Ну не гляди совой,
Не мотай головой!
Али на тебѣ лѣшій ѣзжалъ,
Въ лѣсу родилась,
Пенькамъ Богу молилась? ¹⁾

Изъ повременнаго изданія: Матеріалы для
Исторіи и Статистики Симбирской губ.
Выпускъ четвертый. Симбирскъ. 1867 г.,
стр. 98—101.

¹⁾ Нельзя не замѣтить, что эти послѣднія причи-
танія принадлежатъ къ числу древнихъ произведе-
ній народнаго творчества. «Пенькамъ Богу молилась»
напоминаетъ вѣнчаніе вокругъ ракитова куста оста-
токъ язычества. В. Юрловъ.

XIX. Самарской губерніи.

Ставропольскаго у., въ дер. Новомъ Украиниѣ.

(Со словъ дружки Агафона Демептьева).

Пріѣзжаютъ сваты сватать (отецъ, мать, либо сродники). Взойдетъ сродственница, садится подъ *матку*. «Вотъ я пришла: не будетъ ли любо, по-сватать дочь». Приглашаютъ отца съ матерью войти. Разговоръ: какъ жениха зовутъ, какъ невѣсту, много ли семьи. «Мы согласны, только жениха не видали». Приводятъ жениха; невѣсту обрядуютъ; она выходитъ, кланяется. Другъ на друга глядятъ; шмъ свѣтять. Долго стоятъ они молча; потомъ невѣста—въ комнату, а женихъ—на дворъ. «Ну что, показалась невѣста?»—Показалась. Сходятся къ невѣстѣ братья, отецъ, спрашиваютъ: «Что показался?»—Показался. «Согласна итти?»—Согласна. Входитъ свать (жениховъ отецъ) и говоритъ съ невѣстинимъ отцомъ: «Ну что, показался ли женихъ нашъ? Намъ невѣста понравилась.»—«Да, наша согласна.» Рядится пачинають.

Отецъ невѣсты говоритъ: «Клади за дочь 60 рублей, шубу, два ведра вина (на запой ведро, да пріѣдетъ когда, ведро)».

Сажаютъ жениха за столъ, посадятъ противъ него невѣсту: онъ на лавкѣ, она—на скамейкѣ. Малость погодя,—рядомъ сажаютъ, угощаютъ водкой. Невѣста и женихъ отказываются; по стакану для примѣра подадутъ. Свать (невѣстинъ отецъ) кладетъ руку на столъ, другой свать кладетъ сверхъ его руки и всѣ сродственники тоже. Посторонній разнимаетъ (это *договоръ*). Водку пьютъ. Договариваются въ ближнее воскресенье *запой* дѣлать; въ *то* воскресенье—свадьба. Послѣ этого у невѣсты дѣвишникъ (у жениха два товарища только). На запой къ невѣстѣ сродники пріѣзжаютъ по вечеру; сажаютъ ихъ за столъ. Невѣсту обрядятъ. Невѣста пачинаетъ женихову родню дарить; платокъ жениху и стаканъ вина; женихова отца съ матерью дарятъ тоже, потчуютъ. Женихъ съ невѣстой въ отдѣльной комнатѣ и угощаютъ ихъ. Жениха невѣста провожаетъ. Свать со сватомъ свадьбу назначаютъ. Жениховъ отецъ отыскиваетъ *дружку* (ловкаго, среднихъ лѣтъ). Дружка пойдеть съ женихомъ созывать сродниковъ своихъ. Посажать ихъ. Женихъ наливаетъ водки и подпоситъ *подружкѣ*, женихъ кланяется ему въ ноги (каждому). Дружка. Кланяется тебѣ *впязь новображній*: стопочку прими,

пойлища выпей, а намъ поработай! (т. е. съѣзди въ подружки).

Всѣмъ это говорятъ (тысяцкому, крестному отцу, подсвату (невѣсту соблюдаетъ, постель стелеть и пр.). Послѣ угощенья идетъ *обѣда*: холодное: рубленая говядина и квасъ со сметаной, яйца, хрѣнь. Горячее: 1) щи, 2) похлебка, 3) лапша; каша съ масломъ; пшепники; жареная часть свѣжины (а то поросенокъ, либо гусь). Курникъ. Еще курникъ (его и не ломаютъ).

Послѣ обѣда поѣзжаютъ вирагаютъ лошадей, съѣдутся къ жениху на дворъ (меньше трехъ паръ не бываетъ). Входятъ въ избу. Жениха впередъ сажаютъ на *войлокъ*. Всѣ присядутъ, какъ передъ отѣздомъ. Дружка крестится и всѣ поднимаются.

Дружка.

2365.

Батюшка, что батюшка!
Благослови свою чада мнлаго:
Намъ ѣхать во путь, во дорогу
До добра коня дойти,
Взять шелковъ поводъ во лѣву руку,
А въ правую руку шелковую плеть
И бить коня по могучимъ плечамъ,
По крутымъ бедрамъ;
Ѣхать намъ черезъ зеленый лѣсъ,
Черезъ быстры рѣки, черезъ круты горы,
Черезъ чисто поле
Ко матушкѣ Божьей церквѣ
Чудѣнь крестъ цѣловать,
Законъ Божій принять.

Отецъ съ матерью благословляютъ жениха. Сажаютъ за столъ.

Дружка опять говоритъ:

2366.

Батюшка, что батюшка,
Посадили мы за столы за дубовые,
За скатерти брачныя,

За лства сахарны
За блюдечко карельцо,
За ложечку весельцо,
За хлѣбъ, за соль,
За Божью милость.

Завесиваютъ, пьютъ водку. Подѣзжаютъ къ невѣстину двору. Невѣстнимъ сродники не пускаютъ у воротъ. Просятъ четверть вина. Отворятъ ворота—ѣдутъ во дворъ. У воротъ водку пьютъ. Сойдутся къ сѣнямъ всѣ поѣзжане. Входятъ дружка со свахой въ избу. Дѣвки около невѣсты. Сидитъ возлѣ невѣсты мальчикъ и держитъ въ рукахъ палку. Дружка ему говоритъ: «Вопъ изъ стола.» Дружка плетью грозитъ, а мальчикъ палкой. Оба хлопаютъ по столу. «Зачѣмъ ты сюда пришелъ?» Дружка кладетъ ему коп. 20. Мальчикъ прощается съ невѣстой и вылазаетъ. Подходитъ сваха и подаетъ дѣвкамъ круглый пирожекъ и гривенникъ денегъ. Потомъ дѣвки всѣ простятся и вылазаютъ. (Невѣста ужъ благословлена). Сажаютъ жениха съ невѣстой рядомъ. Онъ беретъ невѣсту за руку. Поѣзжане выпиваютъ по стакану водки. *Дружка*: «Батюшка, что батюшка» и т. д. Благословляютъ и выводятъ. Подведетъ невѣсту женихъ къ той телегѣ, гдѣ подсватъ и беретъ ее руками сажаютъ (если тяжела то пособляетъ братъ). Дружка три раза съ образомъ поѣздъ обходитъ; за нимъ идетъ *поддружка*. Дружка обойдетъ, зайдетъ встрѣчь и заговоритъ: «Господа поѣзжане будьте всѣ по мѣстамъ, какъ ясны соколы по гнѣздамъ.» Садится на свою лошадь, ѣдутъ со двора. Дружка—передомъ. Нѣсколько сажень отъѣдутъ—дружка назадъ ворочаетъ звать невѣстинныхъ родителей въ гости къ жениху на пиръ. Тутъ и постелю у дѣвушекъ выкупить. Вѣнчаютъ. Домой,—потомъ къ жениху. Тамъ ждетъ у крыльца жениховъ отецъ съ матерью;—благословляютъ; вводятъ въ избу и сажаютъ за столъ. Потомъ уводятъ въ особую комнату. Съ дружкой подсватъ (ихъ кормятъ) постелю стелютъ; со свахой вмѣстѣ молодыхъ кладутъ на нее. Полежать молодые въ кѣтти, ихъ поднимаютъ. Поднявши, дружка говоритъ: «Молодые наши всѣ въ добромъ здоровьи; что не свѣтло, не красно, или меня нѣтъ? Какъ я иду, добры вѣсти несусь: окорокъ капусты, да шилокъ ветчины!» Сваха припасаетъ другу одежду на молодого. Переодѣваютъ при всѣхъ; жениха водой обливаютъ. Молодого вовсе обрядятъ, а молодая въ одной рубашкѣ. Ей даютъ штофъ вина и стакапъ. Она облозитъ всѣхъ. Всѣ по-здравляютъ. Одѣпутъ поведутъ въ избу. Посадятъ въ чуланъ. Невѣстинъ отецъ съ сродниками садится за столъ; на столѣ хлѣбъ парѣзаютъ, да

лукъ. Обнесутъ по стакану вина. Сватъ со свахой молодыхъ выводятъ и подводятъ къ невѣстину отцу съ матерью. Жениховъ отецъ и мать подадутъ пмъ вина (отцу со свахой). Молодые кланяются ему въ ноги. Рубашкой, въ которой молодая спала ее и одѣваютъ. Если она *неблаготолучна*, то свату и свахѣ даютъ худые стаканы: дружка пальцами снизу затѣмъ держитъ горный столъ. Сажаютъ за столъ съ молодыми и подадутъ обряженую свиньину голову (въ бумажныхъ цѣвѣтахъ). Разломать ее и спимутъ это все. Невѣстны сродники пьютъ пивомъ и виномъ. Молодые кланяются въ ноги оба. Пойдутъ гулять по сродникамъ. (Въ другихъ селахъ заставляютъ ведра съ водой носить и въ ведра кладутъ дрянъ всякую и смѣются).

Когда молодыхъ выводятъ изъ подклѣти каждый поѣзжанинъ разбиваетъ горшковъ многое множество: у каждаго горшковъ по пяти.

Причеты дружки за горнымъ столомъ.

Приговоры къ пиву.

2367.

Бочкарп-гвоздари,
Скорее послы подносичен,
Давайте пива!
Дружка пить хочетъ,
А говорить не можетъ.
У дружки брюхо велико;
Изъ семи телятъ шнто,
Восьмимъ покрыто.
Давай двойнаго, либо тройнаго!
Дай ведро, дай другое,
Подерши ушатомъ.

2368.

Изъ кута по лавѣ
Впередъ по скамейкѣ,
Малы робятен,
Спнне пупки,
Стары старухи,
Тащи лапотъ,
Не потеряй опучу!

Повару и поварихѣ.

2369.

Поваръ лебедь бѣлый!
Поварушка матушка!

Шевелись, не лѣнись,
Поворачивайся!
Покажи-ка намъ очн-ясныя.
Челомъ ударимъ,
Челобитье исправимъ.
Подавай намъ сахарны бѣства,
Встань на купы ланки,
Достань до судной лавки,
Погляди-ка на чело:
Не забыла ли чего?
Что есть въ нечи,
Все на столъ мечи,
Оставляй одинъ кирпичи,
Чтобы было намъ на чемъ
Пирожки нечи.

(Кричить громко).

Тамъ-же.

(Съ голоса мѣстныхъ пѣвицъ).

2370.

Какъ по морю, морю
Плыветъ выплываетъ
Селезень сизъ-кисетый.
За нимъ поспѣваетъ
Сѣрая утица.
«Ты постой-ка, подожди,
Селезень сизъ-кисетый!
Ты возьми меня съ собой
На синѣ море водичи испити, —
Водичи испити, песку позобати.»
— По саду, саду тутъ ходитъ гуляетъ
Молодой князь бояринъ,
Андрей Ивановичъ.
За нимъ поспѣваетъ
Молода княгиня,
Марья Степановна.
«Ты постой-ко, пожалуй,
Молодой князь бояринъ,
Ты возьми меня съ собой
Во зеленый садъ гуляти,
Виноградъ поспирати,
Изюму пощипати.»

2371.

«Деревцо, деревцо купарисно!
Гдѣ ты росло, гдѣ ты буяло?»
— «Я росла на крутой на горѣ

Буяло противъ солнышка.»
— «Дѣвица красная, Марія!
Гдѣ ты росло, гдѣ ты пѣжилася?»
— Я росла у батюшки,
Нѣжилася у матушки,
Шла дары въ высокому терему,
Спивши дары, я заплакала:
«Этими дарами мнѣ не батюшку дарить,
Этими дарами и не матушку, —
Дарить дары свекру батюшкѣ,
Дарить дары свекрови матушкѣ,
Дарить дары добру молодцу.»
Свекоръ батюшка лисью шубу мнѣ шьетъ,
Свекровь матушка цвѣтно платье кроетъ,
Добрый молодецъ золотъ перстень мнѣ льетъ.
Лисья шуба—мнѣ удоблена,
Цвѣтно платье—укорочено,
Золотъ перстень по рукѣ пришелъ,
Добрый молодецъ по душѣ мнѣ онъ.

2372.

Какъ по мосту мосту,
Раю, раю!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха).

По калиткову мосту
Тутъ и ѣхала карета,
Что карета золотая.
Подъ ней кони вороные,
Кучера все молодые.
Во каретѣ Марія,
Во золоченой Ивановна.
Не соколъ облетаетъ,
Не крыломъ задѣваетъ, —
То Иванъ объѣзжаетъ,
Катерину утѣшаетъ.
«Ты не плачь, Марія,
Ты не плачь, свѣтъ Ивановна!
Ужъ и дамъ я тебѣ волю,
Ужъ и дамъ я тебѣ пѣгу:
Куда пойдешь—спросишь,
А придеши—мнѣ доложись.»
Какъ возговоритъ Марія,
Какъ возговоритъ Ивановна:
«Ужъ и что это за пѣга?
Ужъ и что это за воля?
Мнѣ у батюшки вохлище,
А у матушки пѣжпѣ:
Я пойду тамъ—не спрошусь,
А приду—не доложусь,

Женатому.

2373.

У пова города
Стоять три ворота:
Троп точення,
Позолочення,
Калина моя!
Малина моя!

(Принѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго чети-
рехъ стиховъ).

Какъ во первы-то вороточки
Соболъ пролеталъ,
Какъ въ другіи вороточки—
Андрей Ивановичъ проскакалъ.
А въ третьи вороточки—
Скоро гонцы бѣгутъ,
Скоро посланцы:
«Воротись, Андрей господицъ,
Воротись, Ивановичъ дворяницъ!
Что у твоей ли Марьи,
У твоей ли Степановны
«Ныпѣ сынъ родился.
— «Ужъ для сына ворочусь.
Ужъ что сыпъ у меня—
Самъ хозяиномъ во дому
Со хозяйшкою,
Со пѣвѣтешкою.

2374.

Какъ сказали про Андрея: «грозецъ!»
Какъ сказали про Иванюча: «грозецъ!»
Онъ грозецъ, грозецъ—не милостливъ,
Онъ для Марьи не жалостливъ,
Онъ сядилъ на вѣрова коня,
Пробѣжалъ онъ мимо тѣсѣва двора,
Онъ ударилъ копьемъ въ ворота:
«Дома-ль, дома-ль тѣсть и тѣща моя?
Дома-ль, дома-ль душа Марья моя?
Если спитъ—не будите вы ее,
Если-жъ пѣтъ—вышла выстрѣтила-бъ меня.
Пробѣжала она по повѣмъ сѣнямъ,
Закричала громкимъ голосомъ своимъ:
«Ужъ вы паяушки, мамушки мой,
Ужъ вы сѣпшия дѣвушки!
Берите золотые ключи,
Отпирайте нѣмецки замки,
Отпирайте кипарисовы сундуки,
Вынимайте сукно англійское!
Ужъ вы шейте милому *сертукъ*,
Чтобъ не длиненъ, не коротокъ ему былъ,
Чтобъ лъзя было на бѣна ему сѣсть,
На лету зайку залавливати.»
— Ужъ и эта ли запѣлка—
Свѣтъ все Марьюшка.

2375.

Ты рѣка ли моя рѣчешка,
Ты рѣка-ль моя быстрая
Течешь, рѣчка, не колыхнешься,
Съ берегами не сравнишься,
Со желтымъ пескомъ не возмудишься.
— Ахъ вы, глупы круты бѣрежки!
Къ чему мнѣ колыхаться?
Къ чему мнѣ волноваться?
Какъ на мнѣ ли на рѣчешкѣ,
Какъ на мнѣ ли на быстрой,
Нѣтъ ни вѣтру, ни вихрю,
Ни порошу снѣгу бѣлаго.»
— Во высокомъ повоѣ теремѣ
Во уборной было комнатѣ,
Что на стулѣ аломъ бархатномъ—
Тутъ сидѣла красна дѣвица,
А вокругъ нея подруженьки.
Какъ возговорять подруженьки:
«Ты душа-ли, красна дѣвица!
Что сидишь ты, не улыбаешься?
Говоришь рѣчь, не усмѣхаешься?»
— Ахъ вы глупы, красны дѣвицы,
Неразумныя подруженьки!
Ужъ чему мнѣ улыбатися?
Чему больно радоватися?
У меня ли, у горькія,
Ни отца нѣтъ, ни матери.
Спарядить-то меня есть кому,
Благословить-то меня некому
Во Вожью церковь выѣхати,
Со добрымъ, добрымъ молодцомъ.
«Разступись ты мать сыра земля!
Ты раскройся гробова доска!
Развернись золота парча,
Встань, проснись, моя матушка,
Благослови ты меня, горькую,
Въ чужу ѣхати сторопушку,
Ко чужому отцу-матери!

2376.

По Московской по улицѣ, —
Тутъ идетъ идетъ удалый молодецъ
Свѣтъ Андрей Ивановичъ,
За собою ведетъ онъ дѣвицу,
Ведетъ дѣвицу красавицу,
Свѣтъ Марью Степановну.
Часто къ дѣвицѣ припадываетъ,
Изъ ума вываживаетъ.
«Скажи, дѣвица, красавица моя:
Неужели ты теперича моя?»
— «Я теперича еще, свѣтъ, не твоя,
Я теперичи, сударь, батюшенна,
Я теперь, свѣтъ, матушенн.»

Зап. Д. Н. Садовниковъ въ 1870-хъ годахъ.

XX. Саратовской губернии.

Свадебные обряды Сердобского уезда.

Немедленно по достиженіи *парень* лѣтъ, въ которыхъ дозволяется ему закономъ вступленіе въ бракъ, семействомъ его посылается въ тотъ домъ, гдѣ прискапа и облюбвана *дѣвка*, одна изъ самыхъ бойкихъ и говорливыхъ бабъ для предложенія о выдачѣ ее въ замужество. Баба эта, называемая *свахой*, снарядясь, отправляется въ назначенный домъ всегда *ночкомъ*, т. е. въ самые поздніе сумерки, ибо въ такую пору никто не перейдетъ ей дорогу, а злой человекъ не замѣтитъ цѣли ея отправления и, слѣдовательно, не помѣшаетъ ея замысламъ. Предложеніе дѣлается *свахой* отъ имени стариковъ, т. е. родителей или старшихъ членовъ семьи «*парня*», *старикамъ* «*дѣвки*». Въ случаѣ согласія сваха не засиживается, а спѣшитъ домой порадовать пріятною вѣстью семью *женыха*, между тѣмъ, какъ невеста¹⁾ начинаетъ обычный *вонъ* или причитанія на разлуку съ родительскимъ домомъ:

Не касаточка, не ласточка,
Ко мнѣ горькой прилетала, и т. п.

Черезъ нѣсколько дней, обыкновенно черезъ недѣлю, послѣ предложенія, сдѣланнаго свахой, старикъ жениховой семьи идутъ для окончанія сватовства въ домъ стариковъ невесты. Войдя въ избу, помолясь и поздоровавшись, пришедшіе гости усаживаются хозяевами за столъ, на который ставятъ принесенные съ собою: штофъ съ виномъ, часть *свѣжины* и *курникъ*²⁾. Затѣмъ, наливъ себѣ въ стаканъ принесеннаго вина и выпивъ его, отецъ жениха вновь наливаетъ въ стаканъ вина и подпоясав его отцу невесты, дѣлаетъ ему вторично предложеніе съ просьбою закончить затѣяннаго сватовства. Отецъ невесты, не принимая вино, спрашиваетъ совѣта у своихъ домочадцевъ: отдавать ли дѣвку или пѣтъ?

¹⁾ *Парень* и *дѣвка*; *женыхъ* и *невеста* суть народные названія холостыхъ, первыя до сватовства, а вторыя послѣ сватовства, на которое со стороны родителей дѣвицы изъявлено согласіе.

²⁾ *Свѣжиною* называется у крестьянъ всякое мясо сырое и вареное, въ противоположность посоленому или *солонитѣ*. *Курникъ* есть круглый сдобный пирогъ изъ пшеничной муки съ начинкою изъ курицы и рубленыхъ яицъ.

Тутъ между членами семьи возникаютъ толки и переговоры, которые оканчиваются тѣмъ, что рѣшеніе отдается на волю отца и матери: «ваше дѣтище, ваша и воля», послѣ чего *старикъ* обращается къ своей старухѣ съ словами: «пу что *мать*³⁾, али отдавать? — «*Воля твоя, отецъ*», отвѣчаетъ всегда покорно у простолюдиновъ жена. «Ну, свать, по рукамъ, знать такъ Богу угодно, берите нашу дѣвку»; заключаетъ отецъ невесты и ударомъ своей руки по рукѣ женихова отца изъявивъ пагладно свое согласіе, беретъ изъ рукъ его стаканъ вина и выпиваетъ. Обрадованный свать обноситъ и поитъ выпомъ всѣхъ родныхъ невесты, изъ конхъ приглашаютъ на этотъ вечеръ только одни кровные да отецъ и мать крестные; сваха потчуетъ ихъ свѣжиною и курникомъ и заводитъ съ ними рѣчи о будущихъ любяхъ и ладахъ, и этимъ заканчивается *рукобитіе и запои невесты*; по въ слѣдъ за этимъ начинается угощеніе отъ самихъ хозяевъ, которые покрываютъ столъ и ставятъ на него свое добро. По уходѣ гостей невеста, сидѣвшая или лежавшая гдѣ-либо не шевелилась, обращается къ своему отцу съ воплемъ:

2377.

Пропилъ ты меня, батюшка,
За выпную чарочку —
Молодехоньку, зеленехоньку!
Не далъ ты мнѣ, батюшка,
На рѣзвы поги подняться,
Съ умомъ разумомъ собратися.

И падалъ ему въ ноги, приговаривая: «Собери жъ меня, горькую, во чужіи люди! Съ этою же просьбою обращается она къ матери и ко всѣмъ роднымъ:

³⁾ Вообще у нашего простонародья мужъ и жена называютъ другъ друга не по имени, а сначала *молдыми*, когда же обзаведутся дѣтьми мужъ зоветъ жену *мать*, а она мужа *отецъ*; когда наконецъ выдадутъ дочь замужъ или женятъ сына, то называютъ другъ друга *старикомъ* и *старухой*, и этимъ названіемъ величаютъ ихъ и вся семья.

2378.

Родимые вы мои сроднишки,
Не помяните моей досады-грубости,
Не я-то вамъ досаждала,
Досаждалъ мой глупый разумъ.

Послѣ запой къ невѣстѣ собираются ея по-
други-дѣвушки, которыхъ она встрѣчаетъ объ-
ятіями и вопомъ:

2379.

Подите-ко вы, мои подруженки,
Къ моему горю великому,
Не погнѣвайтесь, мои подруженки,
Что я васъ не встрѣтила и т. п.

Подружки садятся по обѣимъ сторонамъ не-
вѣсты и записываютъ хоромъ:

2380.

Бѣжить рѣчка по песку,
Во матушку во Москву;
Бѣжить рѣчка не колыхнется,
Желтымъ пескомъ не возмутится:
Сидитъ Надежда не улыбнется,
Сидитъ Ивановна не разсмѣхнется.

Невѣста отвѣчаетъ имъ:

2381.

Охъ, вы дѣвушки, подружки мои,
Вы подумайте сами, пеглуныя —
Да къ чему мнѣ веселиться?
Много увижу людей добрыхъ,
Много встрѣчу гостей хорошихъ,
За то лишуся моего гостя дорогаго,
Моего батюшки роднаго!
Много у сира дуба вѣтвей-повѣтей,
Одной нѣтъ золотой макушки —
Какъ не будетъ у меня горькой
Сударыни-матушки.
Какъ кукушечка въ саду разкуковалася,
Такъ и бѣдная разгоревалася.

Если же невѣста сирота, не имѣющая ни
отца, ни матери, она причитываетъ:

2382.

Охъ вы, дѣвушки, подружки мои,
Вы подумайте сами, пеглуныя,
Да къ чему мнѣ веселиться?
Много людей добрыхъ,
Собрать срядить есть кому,
Благословить то меня некому.
Прошу васъ, дѣвушки: не покинуть меня,
Вы сходите на кладбище къ моей матушкѣ,
Доложите кормильцу моему батюшкѣ,
Что меня горькую безъ нихъ собираютъ,
Во чужіи люди, во незнамы!

Припоминая кого-нибудь изъ родныхъ, нахо-
дящагося въ отлучкѣ, невѣста шлетъ и ему свой
привѣтъ.

2383.

Взвѣйся ты мой дядюшка,
Со чужой дальшой сторонущи
Яснымъ соколомъ
На свою милу родину!
Сядь-ка ты, мой дядюшка,
На посящато окошечко,
Послушай ты моихъ пѣсень горькихъ,
Какъ я несчастная за каждую минуту
Своимъ горемъ убиваюся.

Родные упинаятъ и утѣшаютъ невѣсту, при-
говаривая:

Полно тебѣ, горькая кукушечка, куковать,
Пора и перестати.

Подружки, гостя у невѣсты до самой ея
свадьбы, пособляютъ ей шить приданое. Между
дѣлъ онѣ поютъ пѣсни, извѣстныя здѣсь, какъ
и вездѣ, подъ названіемъ свадебныхъ, принара-
вливая смыслъ и складъ каждой пѣсни къ об-
стоятельствамъ и расположенію невѣсты:

2384.

Звонокъ колоколъ въ Новѣгородѣ,
А звончій въ Подъячевѣ селѣ,
Звопитъ свѣтъ Надеждушка,
Звопитъ свѣтъ Ивановна и проч.

Наканунѣ дѣвичника поется:

2385.

При вечерѣ вечерѣ Надеждиномъ дѣвичникѣ,
Прилеталъ къ ней ясенъ соколъ,
Ясенъ соколъ добрый молодецъ, и проч.

День, предшествующій свадьбѣ, начинается *дѣвичникомъ* и оканчивается *вечеринкой*. Дѣвичникъ заключается въ слѣдующемъ. Дѣвицы, подружки невесты, истопивъ для нея баню, идутъ къ жениху за мыломъ. Онѣ справляютъ ему поклоны отъ невесты, а сватымъ отъ сватьевъ; ихъ усаживаютъ, угощаютъ виномъ, брагою, говядиною и курникомъ. Послѣ угощенія дѣвушки подносятъ жениху даръ невесты¹⁾, а онъ посылаетъ съ ними мясо, даритъ ихъ деньгами, и въ принесенное ими ведро паливаетъ брати, а въ блюдо кладетъ говядину. На прощаньи дѣвушки зовутъ жениха и всю его семью и родныхъ къ невестѣ на вечеринку, и отправясь домой, поютъ дорогою:

2386.

Наливная наша лгодка,
Дорогая наша гостынька,
Погости у насъ малехонько,
На дворѣ у насъ тихохонько, и т. д.

Съ этимъ онѣ входятъ къ невестѣ, которая, встрѣчая ихъ, вопиетъ:

2387.

Не пойте вы, мои подруженьи,
Мнѣ безъ пѣсень тошнохонько;
Запойте вы, мои подруженьи,
Мою пѣсню горькую, и т. д.

Дѣвушки, отдавъ поклоны отъ жениха и сватьевъ, собираются и ведутъ невесту въ баню, припѣвая:

2388.

По двору похаживаю,
Щепочки посбираваю,
Баньку мыльную растапливаю,
Ростопись, моя банька мыльная,
Разгоритесь дубравы дровца;
Разсыпайся бѣлыя жемчугъ,
Не по атласу, не по бархату,

¹⁾ Даръ состоитъ изъ рубахи, портковъ и платка, если женихъ сирота, если же отецъ и мать у него живы, то невеста посылаетъ ему только перчатки и платокъ; но въ томъ и другомъ случаѣ къ подарку присоединяется суровая посконная нитка, о значеніи коей будетъ сказано ниже.

По серебряному блюдечку.
Расплакалась свѣтъ Надеждушка,
Разгрустилась свѣтъ Пвановна
Предъ своимъ роднымъ батюшкою,
Предъ сударыней матушкою:
«Государь ты мой, батюшка,
Про что, почто пиво варишь,
Аль ты хочешь сына жепить?
— Сударыня моя матушка,
Ты на что, про что шпривка²⁾ кроишь,
Аль меня хочешь замужъ отдать?»

Выпаривъ, вымывъ и одѣвъ невесту, дѣвушки чешутъ ей голову и плетутъ косу, а она въ это время вопиетъ:

2389.

Чешите мою головушку
Гладко на-гладко;
Плетите мою русу косу
Мелко на-мелко;
Вплетайте мнѣ шелковъ коспикъ
Крѣпко на-крѣпко.

Заплета косу, дѣвушки ведутъ невесту домой съ пѣсню:

2390.

Я вѣчоръ была на вѣчерѣ,
У Надежды на дѣвичникѣ.
У Ивановны на дѣвичникѣ.
Какъ Надеждиной матери
Нехорошъ сонъ привидѣлся:
Прилетали сизы голуби —
Сизехоньки, милехоньки.
Одинъ голубъ всѣхъ сизѣе
И милѣе всѣхъ.
Онъ садился на окошечко.
На болотную причелинку.
Онъ будилъ, будилъ Надеждушку,
Онъ будилъ, будилъ Иванову:
«Вставай-ка Надеждушка —
Ужъ тебѣ и много надобно —
Ужъ и свекора дарить было бы чѣмъ».
«Ужъ я свекора дарить было бы чѣмъ,
А свекровь рукавочками,
Деверьевъ-то по ширипочкѣ,

²⁾ Шпривка — кусокъ узкаго льнянаго холста, длиною не болѣе аршина, окаймленный у краевъ затканною изъ красной бумаги полоскою.

А золовокъ по косыпочкѣ.
А Александру я сама подарюсь,
А Петровичу я сама подарюсь.

Невѣста, подойдя къ воротамъ своего дома,
вопить:

2391.

Подхожу я къ батюшкинымъ воротамъ,
Стоитъ тутъ озеро-болото,
Въ этомъ же во болотничкѣ
Плаваетъ утка съ утятами:
Неяль, горькая, съ любезными подружками?

Войдя въ избу, надаеъ отцу въ ноги, вопи:

Спасибо тебѣ батюшка,
На пару, на бапюшекѣ,
На дубовыхъ дровцахъ.

Затѣмъ кланяется въ ноги и матери, вопи:

Спасибо тебѣ, матушка,
На пару, на бапюшекѣ,
На шелковомъ вѣпничкѣ,
На цвѣтномъ платицѣ.

Потомъ кланяется и всѣмъ своимъ домашнимъ,
благодаря ихъ за заботы и попеченія объ ней.
Всѣ стараются утѣшить ее и подъ конецъ уса-
живаютъ на кутникѣ, покрывъ ее *фатою* ¹⁾, дѣ-
вушки же помѣщаются около нея, за занавѣсью,
которою онѣ отдѣляются отъ передней части
избы; здѣсь остаются онѣ и на весь вечеръ.

Къ вечеру въ домъ жениха собираются его
родные. Ихъ угощаетъ отецъ жениха и въ тоже
время назначаетъ изъ нихъ *дружку, полдружге,*
коровайника, подсвѣчника, а также, если у же-
ниха отецъ и мать крестные умерли, вмѣсто ихъ
отца и мать посаженныхъ. Въ должность дру-
жекъ, какъ и вездѣ, выбирается мужикъ разбит-
ной, который, какъ говорится, за отвѣтомъ въ
карманъ не полѣзетъ и у котораго всегда въ
запасѣ на языкѣ красное словцо. Полдружге —
помощникъ дружки. Коровайникъ везетъ съ же-
нихомъ коровай хлѣба въ церковь и изъ церкви.
Подсвѣчникъ принимаетъ свѣчи, употребляемые
при вѣнчаньи. Окончивъ выборъ, отецъ и мать
жениховы приглашаютъ всю свою родню къ не-

вѣстѣ на вечеринку и всею толпою, съ жени-
хомъ вперед, отправляются къ ней въ домъ. За-
слышавъ приходъ гостей, дѣвушки запѣвають:

Не было вѣтру, не было буйнаго, и т. д.

Пришедшихъ на вечеринку жениха и его род-
ныхъ хозяинъ (отецъ или родственникъ невѣсты,
выдающій ее замужъ) встрѣчаетъ въ сѣпныхъ
дверяхъ, держа въ рукѣ стаканъ, налитой до по-
ловины брагою; къ нему подходитъ отецъ жениха
также со стаканомъ, наполненнымъ до половины
брагою. На спросъ послѣдняго: «Ждалъ ли гостей?
Радъ ли гостямъ?» хозяинъ отвѣчаетъ: «Милости
просимъ». За тѣмъ оба старика переливаютъ
брагу изъ стакана въ стаканъ до трехъ разъ и,
помѣнявшись ими, брагу выпиваютъ. Какъ скоро
гости входятъ въ избу, дѣвицы затагиваютъ
пѣсню:

Александръ идетъ со дарами,
Петровичъ идетъ со большими, и проч.

Въ избѣ невѣста сидитъ на кутникѣ подъ фа-
тою посреди своихъ подружекъ. Изъ числа го-
стей къ ней подходитъ только сваха жениха,
которая, поцѣловавшись съ нею и спрося ее о
здоровьѣ, ставитъ ей на колѣни блюдо съ частью
свѣжины и курникомъ. Прочіе же гости, уви-
дѣвъ крестныхъ отца и мать невѣсты въ перед-
немъ углу за столомъ, окунаютъ у нихъ это
мѣсто, отецъ жениха у крестнаго отца стака-
номъ вина, а мать жениха у крестной матери
кокуркой ²⁾. Окупивъ мѣсто, гости усаживаются
за столомъ, оставляя почетныя мѣста въ перед-
немъ углу старшимъ. Тутъ свахою выводится
изъ занавѣси покрытая фатою, невѣста, кото-
рая кланяется гостямъ на всѣ стороны. Къ ней
подводятся женихъ, и свахи, откинувъ съ лица
невѣсты фату, подаютъ обомъ по стакану, на-
литому до половины брагой. Эти стаканы же-
нихъ и невѣста подносятъ другъ другу, между
тѣмъ какъ сватья спрашиваетъ жениха: «Знаешь
ли кого потчуетъ?» а свахи тоже самое спраши-
ваютъ невѣсту. Женихъ отвѣчаетъ: «Знаю и пот-
чую Надежду Ивловну», а невѣста: «Знаю и
потчую Александра Петровича», послѣ чего они
переливаютъ брагу изъ стакана въ стаканъ до
трехъ разъ, мѣняются ими, выпиваютъ брагу до
два и цѣлуются. При этомъ вниманіе присут-
ствующихъ обращено на то, кто прежде выпьетъ:

¹⁾ *Фата* — большой шелковый или бумажный пла-
токъ.

²⁾ *Кокурка* — сдобная лепешка съ запеченнымъ
въ ней яйцомъ въ скорлупѣ.

женыхъ, или невѣста? Если невѣста выпьетъ прежде жениха, то со всѣхъ сторонъ сыплются шутки и остроты въ родѣ слѣдующей: «Ну, сватья, жениха то нашего знать волеи съѣли!» Передъ уходомъ невѣсты къ подругамъ, дѣлаются обычные подносы даровъ. Даръ жениху сопровождается извѣстною пѣсню:

Князь молодой,
Ты даръ прими, и проч.

Какъ скоро невѣста возвратится опять за занавѣсь, на кутникъ, подруги ея затягиваютъ пѣсни въ честь жениха и его гостей. Каждому гостю, который величается пѣсню, подносится стаканъ браги, а онъ одариваетъ дѣвушекъ монетою, болѣею частію мѣдною.

По окончаніи пѣсень накрывается столъ и подаются гостямъ всегда только три блюда: студень, щи съ говядиною и лапша со свиною. Послѣ ужина жениху предоставляется самая пріятная обязанность: идти за занавѣсь и въ кругу дѣвицъ, покрывшихся какъ и невѣста большими платками, отыскать свою суженую. Онъ схватывается на угадъ то ту, то другую, и все ошибается. За каждую ошибку онъ платитъ какую нибудь монету, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока не попадется ему невѣста. Налюбовавшись ею и распрощавшись съ нею и хозяевами, женихъ уводитъ всѣхъ гостей къ себѣ на вечеринку. По уходѣ гостей невѣста вопиетъ:

Провожай-ка ты, мой батюшка,
Гостей мнѣ пезеланныхъ,
Моихъ разлучниковъ, и проч.

Вечеринки въ домѣ родителей невѣсты заканчиваются дарами всей ея роднѣ. Каждый изъ гостей, принимая даръ и выпивая подносимый стаканъ браги, одариваетъ невѣсту деньгами. У жениха же гости вновь ужинаютъ и уже въ позднюю почъ расходятся навеселѣ по домамъ.

На другой день всегда бываетъ свадьба. Утромъ этого дня въ домѣ невѣсты ничего не стряпается, и если свадьба играется лѣтомъ, то и изба не топится, а все вниманіе и хлопоты хозяевъ устремлены на то, чтобы успокоить невѣсту, которая, поднявшись отъ сна, начинаетъ тотчасъ вопиеть:

Вставай-ка ты, мой батюшка,
Вставай-ка ты, сударыня матушка
Сначала ли намъ темна поченька, и проч.

Вскорѣ являются дружка и подружье. Вручивъ невѣстѣ даръ жениха ¹⁾ и попросивъ стариковъ попроворить сборами къ свадьбѣ, они уходятъ, и дѣвушки приступаютъ къ одѣванью невѣсты подъ вѣнецъ. Сначала чешутъ ей голову и вмѣсто того, чтобы заплести косу, волосы на затылкѣ, у самого корня, перевязываютъ спуркомъ. Затѣмъ братъ невѣсты, холостой и преимущественно младшій, а если нѣтъ братьевъ, то какой-нибудь мальчикъ изъ родныхъ обуваетъ ее въ чулки и башмаки, при чемъ въ правый башмакъ кладетъ деньги. Между тѣмъ мать невѣсты опоясываетъ ее по голому тѣлу суровою посконною лентою, завязавъ концы ленты узломъ *на отмаши* ²⁾. Окончательнымъ парадомъ распоряжаются опять подруги невѣсты у кутника, если свадьба бываетъ зимою, и въ клѣтѣ, если лѣтомъ. Онѣ надѣваютъ на нее льняную бѣлую съ длинными рукавами рубашку и простой крашепинный сарафанъ. На этотъ сарафанъ надѣвается опять бѣлая кисейная, а иногда цвѣтная ситцевая или красная александрійская рубашка и сверхъ ея французскій ³⁾ или бумажный сарафанъ, если рубашка бѣлая, и китайчатый, если она цвѣтная или красная, съ шелковымъ поясомъ. Покрывъ невѣсту фатою, дѣвушки передаютъ ее свахѣ, съ которою она выходитъ отъ кутника или изъ клѣтки на средину избы, боя:

2392.

Посторонитесь вы, люди добрыя,
На всѣ четыре сторонушки,

¹⁾ Даръ составляютъ: овчинная шуба, нагольная, а иногда крытая нанкою или китайкою, коты, какъ было прежде, а теперь болѣе башмаки и чулки.

²⁾ Нитка эта прядется невѣстою *на отмаши*, т. е. веретено съ ниткою вертится налѣво, притомъ тайкомъ ото всѣхъ и на печномъ столбѣ. Спрявляя нитку, невѣста ссучиваетъ ее также на отмаши и завязываетъ на ней шесть узловъ въ дѣву же сторону. Первые узлы завязываются на порогѣ избы, вторые на порогѣ сѣней, третьи въ воротахъ. За тѣмъ нитка разрывается пополамъ; одну половину съ тремя узлами невѣста оставляетъ себѣ, а другую отсылаетъ жениху. Дѣлается это для того, чтобы отнять у колдуновъ силу ихъ наговоровъ и порчи, при чемъ простой народъ разсуждаетъ такъ: Хоть колдуны и знаютъ всю подноготную, но и имъ можетъ быть не въ домекъ то, что сдѣлано не по пріятному порядку; но еслибъ знахарь и высмотрѣлъ нитку и даже сосчиталъ узлы, да не догадается, что она спрядена и завязана на отмаши, а еслибъ наконецъ и это спровѣдалъ, то ему въ голову не придетъ, что нитка спрядена на печномъ столбѣ, безъ того же, хоть надорвись проклятый, — не испортитъ ему ни дѣвки, ни парня.

³⁾ *Французскимъ* называется у крестьянъ всякій сарафанъ изъ краснаго ситца, съ *мушками* или пятсушками и цвѣтами, хотя бы онъ былъ и русскаго издѣлія.

Пропустите меня къ батюшкѣ
Пропустите меня къ матушкѣ.

Подойдя къ отцу, она падаетъ ему въ ноги,
воя:

Не бѣлая березинька
Ко сырой землѣ приклоняется, и проч.

Получивъ благословенія отца, невѣста обращается къ матери, падаетъ ей въ ноги, и также проситъ у ней благословенія. Мать, взявъ у мужа икону, благословляетъ дочь, и обнимаетъ ее, вкладываетъ ей потихоньку за пазуху маковую головку или кусочекъ бредня ¹⁾. За тѣмъ посаженная крестнымъ отцомъ въ передній уголъ за столъ, невѣста вопитъ:

2393.

Не сажай-ка ты меня, батюшка,
За столъ за дубовые,
За скатерти бранныя,
За яства сахарныя —
Не въ саду то меня сажаешь,
Сажаешь въ горе во великое!

Пока происходитъ это у невѣсты, къ жениху собираются его родственники, разряженные, на отборныхъ лошадяхъ, въ повозкахъ съ бубенчиками. Дружка составляетъ изъ нихъ поѣздъ. Выбравъше имъ *поѣзжане* падѣваютъ крестъ-накрестъ черезъ плечо большіе платки, также привязываютъ къ дугамъ лошадей цвѣтные платки, которые развѣваются какъ флаги. Послѣ благословенія жениха отцомъ и матерью родными и крестными, дружка падѣвается ему на плеча платокъ, складывая его косынкою, точно такъ какъ посятъ платки женщины. За тѣмъ всѣ поѣзжане, равно какъ и остающіеся въ избѣ, присѣвъ на мигу встаютъ, молятся и выходятъ на дворъ. Здѣсь, усѣвшись въ повозки, поѣзжане вновь вѣстятся, падѣваютъ шапки или шляпы ²⁾ и

¹⁾ И маковка и бредень составляютъ камень преткновенія для колдуновъ. Какъ ни хитеръ знахарь, но не скоро пересчитаетъ сколько въ положенной за пазуху маковкѣ зеренъ или сколько на отрывкѣ бредня узелковъ или петелокъ. Ошибись онъ хоть однимъ, и все колдовство пойдетъ не въ прокъ.

²⁾ Но никогда, сколько мнѣ извѣстно, шапка не падѣвается на жениха въ избѣ, какъ описываетъ это г. Леопольдовъ (см. Статистич. описаніе Саратовск. губ., ч. I, стр. 96).

идутъ за невѣстою. Подѣхавъ къ воротамъ невѣстна дома и найдя ихъ, по обыкновенію, запертымъ, они откупаютъ право въѣзда на дворъ стаканомъ вина. Подружки же невѣсты, заслышавъ поѣздъ, поютъ:

Погляди, дитя въ окошечко:
Чьи кони разыгрались?
Разыгрались кони Александровы,
Разыгрались добры Петровича и т. д.

Выкупъ невѣсты дружкой, угощеніе поѣзда и благословеніе невѣсты и жениха родителями первой и ея крестными отцемъ и матерью происходитъ обыкновеннымъ порядкомъ. При выходѣ поѣзда изъ избы особенная забота невѣсты и всѣхъ присутствующихъ заключается въ томъ, чтобы она переступила черезъ порогъ правого ногою ³⁾. Идя избою невѣста вопитъ:

2394.

Первый-то ступень ступлю, —
Прощусь съ батюшкою.
Другой-то ступень ступлю, —
Прощусь съ матушкою.
Третій то ступлю, —
Прощусь съ родомъ-племенемъ!

Между тѣмъ дружка, выкупивъ у подружекъ невѣсты ея приданую постель, выноситъ ее изъ избы и укладываетъ въ повозку, на которой невѣста должна ѣхать въ церковь; а свахи, взявъ обѣ ложки, лежавшія передъ женихомъ и невѣстою на столѣ, увозятъ ихъ съ собою.

На дворѣ дядя или братъ усаживаютъ невѣсту въ сани или телѣгу (смотря по времени года), при чемъ невѣста вопитъ:

2395.

Не сажай ты меня, мой дядюшка,
На вороныхъ коней неѣзжанныхъ.
Эти кони обманчивы,
Не въ саду привезутъ меня веселиться,
А въ горѣ привезутъ, горе великое!

³⁾ Такъ какъ заговоръ о порчѣ дѣлается болѣею частію на порогѣ, то переходъ черезъ порогъ правого ногою признается лучшимъ средствомъ уничтожить такое колдовство — по народному повѣрью, что правая сторона есть сторона благодати, ибо на правомъ плечѣ всегда сидитъ Ангелъ хранитель, а на лѣвомъ дьяволъ.

Закопчивъ этимъ послѣднимъ причитаемъ свой вопль, невѣста, перекрестясь, покрывается фатою и усаживается въ повозку. Рядомъ съ нею садятся: съ правой стороны сваха ея, представительница всей ея родни, остающейся дома, а съ лѣвой сваха жениха. Поѣзжане же усаживаютъ жениха, съ которымъ садится его крестный отецъ. Вообще поѣздъ устраивается дружкой въ общемъ порядкѣ: первую пару лошадей онъ оставляетъ для себя и подружья, вторую для невѣсты и двухъ свахъ, третью для коровайника и подсвѣчника, четвертую для жениха и его крестнаго, а остальные пары для прочихъ родственниковъ-поѣзжанъ. Уладивъ поѣздъ, онъ обходитъ его съ благословенными иконами, творя (во избѣжаніе на дорогѣ порчи отъ колдуновъ и злыхъ бабъ) воскресную, а за неумѣніемъ ея, какую знаетъ молитву. Затѣмъ усаживается онъ съ подружьемъ на свою пару и крикнувъ: «съ Богомъ, поѣздъ честной!» трогаетъ лошадей, при чемъ весь поѣздъ снимаетъ шапки, крестится и выѣзжаетъ за дружкой въ назначенномъ порядкѣ, на улицу. Отъѣхавъ нѣсколько сажень, дружка поворачиваетъ лошадей и скачетъ обратно въ домъ невѣсты. Перемѣня хлѣбъ жениха на хлѣбъ невѣсты, онъ догоняетъ поѣздъ и отдавъ хлѣбъ коровайнику, пускаетъ лошадей во всю рысь, чтобы первому подѣхать къ церкви. Когда же всѣ остановятся у церкви, женихъ высаживаетъ невѣсту изъ повозки, а дружка, отецъ крестный жениха и иные почетные изъ поѣзжанъ ѣдутъ за священникомъ, который ѣдетъ съ поѣзжанами, и вслѣдъ за нимъ женихъ и невѣста вводятся въ церковь. Во время вѣнчанія, при подстилкѣ подъ ноги вѣнчаемыхъ платка, извѣстнаго подъ названіемъ *подножья*, свахи пашептываютъ невѣстѣ, чтобы она встала на него прежде жениха, что сулитъ ей власть надъ мужемъ. По окончаніи церковнаго обряда новобрачная отводится свахами въ трапезу, гдѣ онѣ заплетаютъ ей косу на двѣ половины и укладываютъ ихъ вокругъ головы; на затылокъ подзатыльную *поднизь*, на голову надѣваютъ *наклонку* ¹⁾, спереди подвязываютъ платокъ, шею и грудь украшаютъ борками и гранатками ²⁾, и закрывъ лице молодой фатою, выводятъ ее изъ церкви.

¹⁾ *Поднизь* — прямоугольникъ (четырехъ вершковъ въ ширину и двухъ въ вышину), визанный узорочьемъ изъ цвѣтнаго стекляруса. *Наклонка* тоже, что кокошникъ.

²⁾ Борки состоятъ изъ *пропизокъ*, нанизанныхъ на толстую нитку; *пропизка* же есть цвѣтной стеклярусь съ скважиною пасквозь. *Гранатка* — стеклярусь, подкрашенный подъ цвѣтъ гранаты.

По возвращеніи изъ церкви, когда повобрачные, встрѣченные, по обычаю, родителями молодого съ иконою и хлѣбомъ, въ вывороченныхъ на изнанку тулупахъ, прикладываются къ иконѣ, старики осыпаютъ ихъ хмѣлемъ, приговаривая:

Какъ хмѣль легокъ и веселъ,
Такъ будьте и вы легки и веселы!

Затѣмъ, вводя новобрачныхъ за руки въ избу, отецъ говоритъ молодому:

2396.

Вотъ тебѣ жепя
Богомъ создана.
Люби ее какъ душу,
Тряси какъ грушу.
Живите, богатѣе,
Спереди горбатѣе.

А мать договариваетъ:

2397.

Сколько въ лѣсу пеньковъ,
Столько вамъ сынковъ:
Сколько въ полѣ кочекъ,
Столько вамъ и дочекъ,

И усаживаютъ ихъ за столъ, при чемъ съ повобрачной снимается фата. Тутъ свекоръ, принявъ отъ свекрови коровай ржаного хлѣба съ пшеничнымъ пирогомъ и солонкою съ солью и мѣдной монетою, подноситъ все это повобрачной невѣстѣ, приговаривая:

«Вотъ тебѣ, невѣстунка, одонье ржи, а другое сама пажни, и пастъ при старости корми».

А свекровь вручаетъ молодымъ какого нибудь ребенка, приговаривая:

Вотъ вамъ ребенокъ готовенькой,
А о своемъ сами позаботѣсь.

Новобрачная, принявъ ребенка, даритъ ему, если это дѣвочка, серьги, а если мальчикъ — поясъ: дары эти у ней прицѣплены заранѣе на сарафанной проймѣ.

Между тѣмъ дружка со свахою готовятъ въ чуланѣ, если это время зимнее, и въ клѣтѣ, если лѣто, постель повобрачнымъ, и войдя въ избу,

уводят ихъ съ собою. Въ чуланѣ сваха, накор-
мивъ молодыхъ, снимаетъ съ повобрачной на-
клопку и нарядные сарафанъ и рубашку, послѣ
чего, снабдивъ ее пухлыми совѣтами, уклады-
ваетъ спать, и уходитъ съ дружкой, заперши
напередъ чуланъ. По возвращеніи въ избу они
салятся со всѣми поѣзжанами обѣдать. Пообѣ-
давъ, дружка и сваха подходятъ къ дверямъ
спальни, стучатъ и окликаютъ повобрачную чету:
«Ель, аль сосна»? Если получаютъ въ отвѣтъ:
«Сосна», то отправляются обратно, но пого-
дя немного опять подходятъ съ тѣмъ же, и если
имъ отвѣтятъ: «Ель», то отпираютъ спальню.
Здѣсь сваха снимаетъ съ молодой спальнее бѣлье
и сарафанъ, надѣваетъ нарядные, и взявъ *моло-
дыхъ* за руки, вводитъ въ избу, припѣвая, при-
плясывая и причитая всякій вздоръ, плущій къ
дѣлу. Между прочимъ она поетъ, колотя горшки
и другую посуду, какая попадется ей подъ руку:

2398.

Ай бѣда, бѣда моя немаленькая,
Что зовутъ меня не дѣвушкою! —
Вотъ не дѣвушкою, не молодушкою:
Я со вечера дѣвушка,
Ко полуночи молодушка,
Ко полуночи молодушка,
Черезъ сорокъ педѣль матушка!
Ой бѣда, бѣда моя не маленькая.

Не то бываетъ, когда обнаружится педѣло-
мудренность повобрачной. Тогда дружка вво-
дитъ пристыженную чету безъ пѣсенъ и приба-
утокъ; горшки не колотятся, а случается напро-
тивъ, что опозоренный молодой, чтобъ выме-
стить свою досаду, задаетъ повобрачной *катку* и
потосовку. Да и отцу и матери ея почетъ бы-
ваетъ не равный. Въ первомъ случаѣ самъ моло-
дой съ дружкой, поддружьемъ и свахою ново-
брачной идетъ къ своимъ *тестю* и *тещу* на
личницу, и послѣ вира и ячницы приглашаетъ
ихъ со всѣми родными къ своимъ *старикамъ*, а
дружка и поддружье зовутъ ихъ ни къ молодымъ
князю и *княгини* на *сыръ-коровой* ¹⁾. Встрѣчая
сватъевъ съ виномъ, отецъ молодого говоритъ
имъ: «Умѣли, сватушки, дочку свою воспоить,
воскормить, сѣумѣли и честь ее соблюсти —
такъ просимъ пожаловать на всѣхъ радостяхъ.»
Что касается до отца и матери провинившейся

дочень, то ихъ при встрѣчѣ не благодарятъ, и
подносятъ имъ не *вино*, а *бражку*, да и *ту
ивашку* ²⁾, притомъ въ продыравленномъ снизу
стаканѣ. Поднося стаканъ, дырочку затыкаютъ
пальцемъ, чтобы брага до поры не вылилась.
Старикъ — гость волею-неволею долженъ при-
нять этотъ позорный стаканъ; но онъ лишь возъ-
метъ его, какъ брага со свистомъ выливается
изъ дырочки и старикъ удается только пригубить
стаканъ при злобномъ хохотѣ оскорбленной
семьи. «Что, сватушка, говоритъ старикъ-хозяинъ,
по усамъ телью да въ ротъ не попало; горько —
а дѣлать нечего; ну, да судъ и рядъ не наши, а
Божьи — такъ милости просимъ».

Между тѣмъ какъ гости, размѣстивъ на скамь-
яхъ и лавкахъ по старшинству, угощаются бра-
гою и виномъ, закусывая разставленною по сто-
ламъ говяжиною, бабы-хозяйки и приглашенные
ими присѣшники страшно озабочены пригото-
вленіями къ ужину. Ужинъ этотъ, называемый
горный столъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Сначала
покрываютъ столы скатертями, на нихъ кладутъ
ложки, ломти ржаного и пшеничного хлѣба, раз-
ставляютъ солоницы, ставятъ чаши съ брагою,
съ опущеннымъ въ каждую ковшомъ. За тѣмъ
гости усаживаются по старшинству. Изъ яствъ
подаютъ: первое холодное: *студень* говяжья, раз-
веденная квасомъ съ приправою тертаго хрѣна
и сметаны; второе — *щи* съ накрошенною въ
нихъ свѣжиною; третье — *похлебка* изъ легкаго,
требушины, и проч., приправленная гречневою
крупкою и сметаной; четвертое — *лапша* молоч-
ная, а болѣе мясная изъ свинины; пятое — *пшен-
никъ* съ приправою коровьяго масла; шестое —
курникъ. Всѣ эти яства подаются присѣшникамъ
на столъ въ чашкахъ, прикрытыхъ сверху блю-
дами. Повершивъ горный столъ курникомъ, хо-
зяева кланяются гостямъ, прося не осудить, что
накормили и напоили не вдоволь, а по своей
силѣ-мочи. Гости же, благодаря хозяевъ за хлѣбъ-
соль, поднимаются, стрихнувъ передъ тѣмъ на
столъ крошки, нападвшія имъ на колѣни ³⁾ и
собираются ко дворамъ. Въ это время молодые
подходятъ къ отцу и матери повобрачной и па-
даютъ имъ въ ноги, а дружка подаетъ старикамъ

²⁾ Брага, сильно разбавленная водой.

³⁾ Обычай стряхивать крошки на столъ повсе-
мѣстенъ на Руси и соблюдается крестьянами послѣ
каждаго обѣда, ужина и т. п. Основаніемъ этому слу-
житъ, конечно, глубокое уваженіе простолюдина къ
хлѣбу, какъ къ лучшему дару Божью, который не
долженъ валяться на полу *зря*. Со стола крошки уби-
раются въ какую нибудь посуду и даются скоту или
птицѣ.

¹⁾ Тоже, что *курникъ*. См. выше примѣч. 2.

по стакану вина. Старик дѣлають молодымъ паставленіе какъ имъ жить и любить другъ друга, и попробовавъ вино, словомъ: «горько» даютъ знать, чтобы они подѣловавшись, подсластили его. Тутъ разгулявшіеся старики дарятъ повобрачнымъ на разводъ телку или что другое изъ домашнего скота и толику денегъ. Отблагодаривъ ихъ, молодые кланяются въ ноги отцу и матери крестнымъ, а за ними и прочимъ роднымъ повобрачной, получая отъ каждаго совѣтъ и подарокъ.

На другой день въ домѣ молодыхъ пекутся

блины. Закусивъ ихъ, вся семья идетъ на *блины* къ тестю и къ тещѣ, молодогаго. Отсюда пован родня опять отправляется на обѣдъ къ молодымъ. Такимъ образомъ обѣ семьи, съ ихъ родными, продолжаютъ *гулять*, т. е. переходить изъ дома въ домъ, въ теченіе двухъ или трехъ дней, а иногда и цѣлой недѣли, попивая и приговаривая: «То мы къ тебѣ; то ваша милость къ намъ».

Зап. А. Труворовъ. Архивъ историко-юридич. свѣдѣній, относящ. до Россіи. Н. Калачева. Кн. III, отдѣл. шестое, стр. 27—42.

XXI. Оренбургской губерніи.

Оренбургскаго уѣзда.

I.

Свадьба.

Въ Оренбургскомъ уѣздѣ вступаютъ въ бракъ довольно рано: женятся 17—18, а выходятъ замужъ—16—17 лѣтъ. Если парень женится, беретъ, а дѣвица идетъ, выходитъ замужъ, то есть, если молодые люди вступаютъ въ бракъ,—въ такомъ случаѣ у насъ говорятъ, что они «справляютъ или играютъ свадьбу».

Большинство свадебъ въ Оренбургскомъ уѣздѣ совершается осенью, передъ Покровомъ, зимой—между Рождествомъ Христовымъ и сыропустной недѣлей и весной, вскорѣ послѣ Пасхи. Безъ вина здѣсь ни одна свадьба не обходится, а особенно во время осени и зимы, и, говорятъ, плоха та свадьба, на которой мало вина—3 или 4 ведра, и на которой не пьются до рвоты—блевоты и брани. Какъ ни одна свадьба не обходится безъ вина, такъ же она почему-то не можетъ обойтись и безъ пѣсенъ, даже безъ «похабныхъ», и безъ различныхъ безобразій. При этомъ нужно замѣтить, что весеннія свадьбы гораздо скромнѣе осеннихъ и зимнихъ свадебъ. Осенняя и зимняя свадьбы продолжаются отъ двухъ до четырехъ недѣль, тогда какъ весенняя—всего одну или, много двѣ недѣли.

Свадьба въ здѣшнемъ крестьянствѣ состоитъ изъ цѣлаго ряда пирушекъ или, вѣрнѣе, попойекъ, общихъ, повальныхъ и частныхъ, односемейныхъ, сопровождающихся разнообразными обрядами,

различными безобразіями и разнохарактерными, въ томъ числѣ и «похабными», пѣснями. Каждая *гулянка*, каждый моментъ и обрядъ свадьбы здѣсь носитъ свое отдѣльное названіе. Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ послѣднемъ, я скажу нѣсколько словъ о самомъ населеніи.

Говоря о населеніи Оренбургскаго уѣзда, или начиная говорить о немъ, прежде всего я долженъ сказать, что оно здѣсь настолько разнообразно, разнохарактерно, что, кажется, неужно объѣзжать всей Руси, чтобы описать ее въ этнографическомъ и тому подобныхъ отношеніяхъ: для этого достаточно будетъ объѣхать только одинъ Оренбургскій уѣздъ, имѣющій въ себѣ не только воронежцевъ, кураковъ, орловцевъ, пензенцевъ, рязанцевъ, тамбовцевъ и туляковъ,—этихъ вездѣ сущихъ великороссовъ, но и всѣхъ другихъ представителей «Руси великой». Кромѣ того, здѣсь много татаръ, чувашъ, мордвы, башкиръ, сибиряковъ, есть даже вотяки и калмыки. Всѣ эти люди живутъ вмѣстѣ или рядомъ, бокъ о бокъ, пьютъ частыя и даже постоянныя спосненія, дружатъ и, — словомъ, смѣшались, говорятъ больше однимъ языкомъ—великорусскимъ, на «московскомъ» парѣчѣ, по неперѣменно съ примѣсью всѣхъ остальныхъ парѣчій, говоровъ и языковъ Россіи.

Въ здѣшнемъ уѣздѣ пьются селенія, въ которыхъ не только поселяне и ихъ говоръ, но и постройки разнообразны, такъ что каждый домъ имѣетъ свою особенность. Въ Павловской волости, напримѣръ, есть деревня Холодный Ключъ. Деревня эта небольшая: въ ней всего-навсего—только 43 дома. Изучая эту деревню въ историч-

ческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, я замѣтилъ, что деревни имѣютъ въ себѣ семь особенностей, семь отличительныхъ чертъ во всемъ, положительно во всемъ: и въ постройкахъ, и въ срубахъ, и въ орудіяхъ, и въ утвари, и въ говорѣ, и въ одеждѣ, и въ обуви, и въ обычаяхъ, и въ суевѣріяхъ, и повѣріяхъ.

Спрашиваю объ этомъ ключевцевъ:

— «Почему это у васъ семь особицъ?»

— А потому, — отвѣчаютъ мнѣ, — что мы — па-родъ сбродъ: изъ семи губерпей сошлись...

Это еще не особенно разнохарактерная деревня: здѣсь мнѣ доводилось встрѣчать деревни съ двадцатью и тридцатью особенностями, занесенными изъ двадцати и тридцати губерній!

Однако, несмотря на это послѣднее, оренбургская свадьба имѣетъ въ себѣ и нѣчто общее, а именно: смотрины, сватовство, рукобитье, запой, сговоръ, гарпой, калинку и подворню.

Смотрины, или *поглядники*, — это обычай, привычка. Въ обычай этомъ, на мой простой взглядъ, ничего нѣтъ особеннаго, замѣчательнаго, какъ только одна черта, рисующая, до нѣкоторой степени въ комической формѣ, нашего крестьянина. Крестьянинъ-отецъ, задумавшій женить своего сына и испросившій согласія на женитьбу и выборъ той или иной, понравившейся ему (сыну) невесты, — въ вечернюю пору, когда зажгутъ огни, отправляется смотрѣть «облюбованную» сыномъ дѣвицу: на сколько она дородна, красива, умна, послушна. Смотрѣть облюбованную отецъ или другой членъ семьи идетъ тайно, чтобы никто не зналъ, и смотреть тамъ, гдѣ удастся: подъ окномъ, въ избѣ, на улицѣ, на вечерахъ, на посидѣлкахъ, на попридушкахъ, на обшивалкахъ. Если «смотритель» заявится въ избу, то всегда подъ какимъ-либо инымъ предлогомъ. Обычай этотъ еще имѣетъ смыслъ, когда невеста живетъ въ чужомъ селѣ; но когда облюбованная женихомъ особа находится въ своемъ селеніи и даже въ сосѣдствѣ съ женихомъ, мнѣ кажется, онъ никакого смысла не имѣетъ и держится, вѣроятно, въ силу наслѣдственной привычки, потому что своя сельская знакома жениху и его семьѣ много лѣтъ, «съ пеленокъ», такъ сказать.

Когда невеста «высмотрѣна», облюбована не только женихомъ, но и его родителями, послѣдніе идутъ въ домъ родителей невесты — уже «сватать», то есть просить согласія невесты на выходъ, а родителей ея на выдачу. Родители жениха, — «сходатые сваты», — отправляются обыкновенно поздно вечеромъ, при огняхъ. Входя въ домъ родителей невесты, они со вниманіемъ смотрятъ, нѣтъ-ли въ домѣ постороннихъ лицъ, при которыхъ почему-то ни сватовство, ни рукобитье не

начинаются. Взойдя же въ избу, а затѣмъ помолясь Богу и поздоровавшись съ хозяевами, они, если въ избѣ изъ постороннихъ лицъ никого нѣтъ, садятся подъ потолочную матицу¹⁾ и заводятъ рѣчь обипякомъ, преимущественно такъ:

— «Мы — люди заѣзжіе, захожіе, гости — покупатели: покупаемъ, скупаемъ птицу, больше голубицу, и слышали, что въ вашемъ домѣ есть такая продажная птица».

Хозяева имъ отвѣчаютъ, говоря:

— Есть у насъ птица, только не голубица, а синица, и пужна-ли вамъ такая малая пичужка, — не знаемъ, да и не рѣшили, можно-ли пичужку продать ее.

— «Ваша синица намъ знакома: мы долго ходили, смотрѣли, и узнали, что она лучше иной голубицы. Поэтому мы и зашли къ вамъ».

— Ошиблись вы, добрые люди! Наша синица совсѣмъ не такова: она и летать-то, какъ слѣдуетъ, не умѣетъ.

Такая, окольная рѣчь сватами ведется цѣлый вечеръ, но дѣло въ этотъ разъ между ними кончается ни тѣмъ, ни сѣмъ. Обыкновенно стороны рѣшаютъ дѣло во второй вечеръ. Въ этотъ вечеръ, если они сойдутся, рѣшаютъ взять и отдать, то между ними происходитъ «ряда» или говоръ о «кладѣ».

Кладка, или *камы* (плата за невесту) въ Оренбургскомъ уѣздѣ иногда доходитъ до 100 р.; обыкновенный же размѣръ ея — 25—30 руб. Въ кладку входятъ: деньги, шуба, валенки или ботинки, коша, вино, мясо, хлѣбъ и прочее, смотря по тому, въ чемъ пужаются выдающій и выходящая замужъ.

Послѣ ряда стороны совершаютъ *рукобитье*: ударяютъ рука объ руку, какъ на базарѣ при куплѣ-продажѣ, выпиваютъ пемного вина и значаютъ день «запоя».

Пока въ домѣ происходитъ рукобитье, невеста созываетъ своихъ подругъ, объявляетъ имъ о случаѣ и приглашаетъ ихъ въ «обшивалки», то есть проситъ ихъ помочь ей шить приданое. Конечно, подружки съ радостью соглашаются «обшивать» и тотчасъ же переселяются въ домъ просватапной своей подружки; по прежде, чѣмъ начать работу, онѣ берутъ косу и палку, отправляются на село и обходятъ его съ коснымъ звономъ и пѣснями.

Такиа хожденія обшивалокъ повторяются въ продолженіе свадебнаго обряда до 5—6 разъ. «Обходныхъ» или «обшивалочныхъ» пѣсень поется много. Онѣ мало чѣмъ отличаются отъ прочихъ свадебныхъ.

¹⁾ Потолочная «матица» — обычное и излюбленное мѣсто сватовъ.

Пока продолжаются работы, обшивалки живутъ въ домѣ невѣсты; здѣсь же онѣ и столуются и только въ исключительныхъ случаяхъ, когда невѣста очень бѣдна, ѣдятъ свое, ходятъ домой или же хлѣбъ и прочее приносятъ съ собой.

По окончаніи работъ, обшивалки совершаютъ хожденіе по селу уже «въ нарядахъ», то есть въ жениховыхъ рубашкахъ, которыя невѣста заготовила для своего суженаго.

Запой—это первая общая свадебная пирушка, справляется на счетъ стороны жениха, но почему-то всегда въ домѣ невѣсты, куда, по приглашенію, собираются родные и близкіе знакомые съ обеихъ сторонъ; въ другомъ смыслѣ это есть пѣчто, похожее на объявленіе о томъ, что такіе-то лица вступаютъ въ бракъ.

Кромѣ родныхъ и знакомыхъ, на запой бываютъ товарищи жениха и подружки невѣсты, впрочемъ, тѣ и другія бываютъ въ качествѣ зрителей, присутствуя здѣсь лишь до тѣхъ поръ, пока не совершится обрядъ «помолвки».

Помолвка совершается такъ. Родители выводятъ жениха и невѣсту на средину избы, «на публику», и вручаютъ имъ по рюмкѣ вина. Сначала даютъ рюмку жениху, потомъ — невѣстѣ. Врученными рюмками женихъ съ невѣстой должны помѣяться и, мѣняясь, «помолвиться», спросить другъ друга: «отъ кого берешь?» и отвѣтить, назвавъ: невѣста—жениха, а женихъ—невѣсту по имени и отчеству. Послѣ этого должны «чокнуться» рюмками, «выпить и закусить» — поцѣловаться, при чемъ, если кто-либо изъ гостей скажетъ: «горько» или «попыномъ запахло», то помолвленные обязаны повторить поцѣлуй. Затѣмъ, послѣ поцѣлуевъ, невѣста даетъ жениху свой головной платокъ—въ этомъ случаѣ знавъ окончательнаго согласія на выходъ замужъ. И послѣ этого только начинается самая пирушка — запой, называется также «платкомъ» и «сводами».

По первой рюмкѣ вина здѣсь обыкновенно подносятъ невѣста, конечно, при помощи жениха. Женихъ наливаетъ вино въ рюмки, невѣста подноситъ, при чемъ прежде она подаетъ родителямъ, сначала своимъ, потомъ жениховымъ, а затѣмъ уже остальнымъ, гостямъ.

Поднося отцу, невѣста кланяется ему въ ноги и причитаетъ:

2399.

«Ты, батюшка,¹⁾ пей —
Меня не пропей!

¹⁾ Когда невѣста подноситъ рюмку вина матери, тогда она слово «батюшка» въ причетѣ замѣняетъ словомъ «матушка».

Только пропей,
Только пропей,
Лисью шубу:
Шубу пропьешь,
Шубу пропьешь —
Ее выкупишь;
Меня пропьешь,
Меня пропьешь —
Не выкупишь,
Не выручишь».

Въ этотъ моментъ гости и, вообще, всѣ присутствующіе на запой сидятъ молча, въ глубокой задумчивости, и павѣрное всякій думаетъ о совершающемся, такъ какъ причеты свои невѣста произноситъ навзрыдь со слезами и грустными тихимъ воплемъ.

Кромѣ описаннаго и обыквенной попойки, на запой почти ничего не совершается. Впрочемъ, въ пѣкоторыхъ поселеніяхъ на этой пирушкѣ дѣвушки поютъ пѣсни, воспѣвая въ нихъ жениха, невѣсту и гостей и получая за это съ воспѣтыхъ плату отъ трехъ до 20 коп., по это не общій, не повсемѣстный обычай.

Черезъ педѣлю или, смотря по тому, какъ управятся и условятся стороны, въ домѣ жениха устраивается *сговоръ* — вторая пирушка. На сговорѣ стороны назначаютъ день свадьбы и избираютъ «поѣзжающа»: 1) тысяцкаго, 2) дружку, 3) полдружку, 4) бояръ, 5) боярынь и 6) постельниковъ.

Тысяцкий — старшее почетное лицо въ поѣздѣ; онъ бываетъ избираемъ изъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ, потому что на него возлагается покупка вѣнчальныхъ свѣчъ и плата за вѣнчаніе священнику.

Дружка — второе лицо въ поѣздѣ, человѣкъ весьма важный и знающій всю оборотную сторону крестьянской свадьбы: онъ «можетъ» предупредить вліянія «лихости» и «порчи» злыхъ людей. Безъ дружки и свадьба — не свадьба.

Полдружка — помощникъ и вѣрный исполнитель порученій и приказаній дружки, человѣкъ въ жизни опытный. Безъ полдружки — дружка безъ правой руки.

Бояре, или шафера, — свидѣтели вѣнчанія, люди молодые, изъ холостыхъ.

Боярыни или «свахи» — свидѣтельницы вѣнчанія, молодые особы, по одной съ каждой стороны; на нихъ обязанности лежатъ находиться подлѣ брачующихся.

Постельники — это мужчина и женщина; их обязанность — доставка постели и приданого от невесты до жениха.

Пока происходят «выборы» названных лиц, девушки устраивают «ловлю», угадывают судьбу будущих «молодых».

Ловля устраивается так. Девушки, взяв невесту, на короткое время уходят в отдельную избу или в клѣтъ, чтобы «паридиться», падѣть одинаковыя платья и однообразно покрыть головы одноцвѣтными платками. Побывъ здѣсь минутъ 10—15, паридившись, онѣ составляютъ изъ себя и невесты «гусекъ» или «караванъ» и, затапуть пѣсны:

2400.

«Не скажи, соболю, по горнищѣ,
Не скажи, соболю, по широкой,—
Скажи, соболю, у порога:
Выбрай свою дружишницу,
Выбрай свою молоденьку»...

Возвращаются въ избу, изъ которой недавно вышли, гдѣ женихъ стоитъ у порога, у входной двери, стоитъ съ завязанными или зажмуренными (последнее чаще) глазами и съ терпѣніемъ ждетъ возвращенія гуська или каравана. И какъ только караванъ покажется на порогѣ, онѣ начинаютъ ощущивать его, отыскивать или угадывать въ немъ свою суженую и, ухвативъ ее за руку, произносятъ речитативомъ:

«Вотъ она—моя дружишница,
Вотъ она—моя молоденька!...»

Затѣмъ это повторяется до трехъ разъ. Если во всѣ три раза жениху не удастся «поймать» свою невесту, то, значитъ, онъ беретъ не свою суженую и жизнь его въ супружествѣ будетъ не весела, а если удастся, то, въ такомъ случаѣ, «свою» и жить съ нею будетъ весело и счастливо.

Всѣмъ за выборами и ловлей, невеста съ «ручникомъ», съ полотенцемъ въ рукахъ, обходитъ гостей, «утирая» имъ губы. Подойдя къ гостю, она обращается къ нему, спрашиваетъ: «позвольте утереть ваши губки!» и, получивъ позволеніе, дѣлаетъ примѣръ, что утираетъ; а гость въ это время дѣзетъ въ карманъ, достаетъ изъ него нѣсколько монетъ и вручаетъ ихъ невестѣ за труды — за *утираніе*.

Но вотъ утираніе окончено: невеста усѣлась въ переднемъ углу рядомъ со своимъ женихомъ;

на столахъ появились «яства сахарныя, пнтѣя медовыя», — и началась пирушка — «сговоръ».

«Гости пьютъ и ѣдятъ,
Рѣчи гуторятъ».

А девушки, подружки невесты, — въ сторонѣ, недалеко отъ пирующихъ образовали изъ себя кружокъ, и заливаются, поютъ «сговорныя» пѣсни, величая ими всю компанію, начиная съ жениха и невесты и кончая незамѣтною вдовой, и получая съ воспитыхъ «семинники», «пятаки» и «тривепники».

Сговорныхъ или величальныхъ пѣсень въ Оренбургскомъ уѣздѣ очень много; образцы ихъ я привожу ниже.

Послѣ сговора, наканунѣ свадьбы, въ домѣ невесты справляется дѣвичья пирушка — *дѣвичникъ*. На этой пирушкѣ бывають только одиѣ девушки. Справляется она невестой. Предметы угощенія: хлѣбъ-соль, сласти и вино.

Угощаясь, девушки поютъ пѣсню:

«Отжплася, отпѣжилась» и т. д. (см. выше № 2436)

А невеста, слушая напѣвъ, причитаетъ:

Любезныя подруженьки!
Покрасуйтесь у батюшки,
У государини матушки». (см. № 2437)

Затѣмъ, когда пирушка закончится, пѣвуньи, простившись съ невестой и поблагодаривъ ее «за хлѣбъ за соль», отправляются въ хожденіе по селу и въ это время поютъ пѣсню

«При долинушкѣ калипушка стоитъ.» (№ 2438)

Въ день свадьбы въ домахъ жениха и невесты происходятъ «сборы», отличительная черта которыхъ заключается въ обрядахъ «расплетенія» и «продажѣ» невестиною косы и «родительскомъ благословеніи».

Сборы эти весьма подробно очерчены въ пѣсняхъ и причетахъ, такъ что описывать ихъ я считаю излишнимъ.

Какъ только сборы окончатся, тысящій или дружка беретъ жениха и невесту за руки, выводитъ во дворъ и, указавъ имъ подводы, — «мѣста», произноситъ во все услышаніе: «Господа поѣз-

жапе! садитесь по мѣстамъ, какъ ясные соколы по гнѣздамъ». Затѣмъ беретъ пѣкору и обходитъ съ нею трижды вокругъ «поѣзда», читая молитвы; а за симъ садится на переднюю подводу и обращаясь къ возницѣ, говоритъ: «съ Богомъ, въ добрый путь!» И поѣздъ трогается, а какъ только начнется выѣздъ его изъ воротъ, — «раздаются ружейные выстрѣлы, и заслопочный п коспой звопъ, «на разогнаніе вражьей тѣмы», «печистой силы». «Поѣздъ» ѣдетъ шибко. Поѣзжане все время сидятъ безъ шапокъ и надѣваютъ ихъ только въ исключительныхъ случаяхъ: когда очень холодна или когда всѣ предвартельно, до выѣзда въ церковь, папнутся, по послѣднее бываетъ рѣдко.

Отъ «вѣнца», изъ церкви, поѣздъ съ «молодыми» (повообрачными) направляется въ домъ бывшей пѣвѣты—закусить, а отсюда—къ молодому на гарной (самая большая свадебная пирушка). Здѣсь молодыхъ сажаютъ въ передній уголъ на вывороченную шубу—для плодovitости. Отсюда, «со полушпра» ихъ отправляютъ «на покой».

Передъ отпращиваніемъ, дружка даетъ распоряженіе постельникамъ «уладить» въ надлежащемъ мѣстѣ постель, послѣ чего подружка и сваха берутъ молодыхъ и уводятъ «на свѣканіе», въ помѣщеніе, гдѣ улажена постель. Передъ укладываніемъ, дружка отдаетъ приказъ подружкѣ и одной изъ свахъ «обогрѣть постель», то есть лечь на нее и показать молодымъ примѣръ, какъ имъ должно спать. Затѣмъ дружка заставляеть молодыхъ другъ друга разуть, при чемъ въ сапоги молодого кладетъ нѣсколько копѣекъ денегъ—молодушкѣ за труды, за разуваніе молодого; а когда они разуваются, онъ, при помощи подружки и свахъ, владеть ихъ (молодыхъ) спать, предварительпо давъ имъ «совѣтъ на весь мясоѣдъ», оставляетъ ихъ однихъ, и уходитъ съ подружкой и свахами на пиръ.

На другой день послѣ вѣнца и гарного, гости опять собираются «въ родительскій домъ», къ «молодому», и распиваютъ «калинку».

Прежде всего гости стараются узнать, «какъ живы-здоровы молодые»—князь и княгиня»,—и требуютъ на честный судъ молодуюшкѣ рубашку. Если рубашка окажется «съ краской»,—родителямъ новобрачной воздается честь: ихъ поднимаютъ на ура и потчуютъ калиновою пастойкой, а если же нѣтъ, то въ такомъ случаѣ на нихъ надѣваютъ хомуты и подносятъ уже простое вино въ худыхъ рюмкахъ. Вообще, *каминка*—такая пирушка, на которой творится рядъ безобразій или въ честь, или въ безчестіе родителей новобрачной.

На данной пирушкѣ, молодой бываетъ уже въ

бабьемъ нарядѣ, съ «кнкоболкой», или «новойшникомъ» на головѣ. Наряжаютъ ее еще въ кѣтти, гдѣ она провела первую ночь. Наряжаніемъ заведуютъ свахи (онѣ же показываютъ и рубашку), при чемъ, надѣвая повоинникъ, поютъ:

2401.

«Какъ доселево повоинникъ
По подлавочью валялся,
Никому не пригожался:
Ни старухамъ, ни вдовухамъ..
Пригодился повоинникъ,
Пригодился кумашникъ
Молодой нашей княгинѣ
(Имя и отчество новобрачной),
На буйну ея головку.»

Здѣсь, хотя въ концѣ, считаю не лишнимъ замѣтить, что послѣ наряжанія молодунку стараются папнуть до полуньяна и когда она повеселѣетъ, ее выводятъ на честную публичку. При этомъ, если она была «съ честью»,—родители молодого ей кланяются въ ноги и благодарятъ за соблюденіе чести, и тогда уже начинается настоящій пиръ — «калинка».

Отпировавъ калинку, гости пачинаютъ сиправлять «подворню».

Подворня — это подворняя гуляшка: каждый гость приглашаетъ компанію въ свой родительскій домъ и задаетъ здѣсь пиръ. Гуляшки эти есть не что иное, какъ повальное пьянство со всевозможными безобразіями. Подворня продолжается до тѣхъ поръ, пока не обойдутъ всѣхъ гостей, бывшихъ на предшествовавшихъ пирахъ.

Закапчивая пастоящій очеркъ, я пахожу пужнымъ сказать, что очеркъ этотъ не есть полное описаніе свадьбы крестьянъ Оренбургскаго у.: въ немъ мною описана только сотая часть всего, творящагося при вступленіи въ бракъ молодыхъ людей. Для того, чтобы описать всю оренбургскую свадьбу, пужно очень много времени и не достаточно однихъ моихъ силъ и способностей.

II.

2402.

Разливалось синее море—разливалось
Ой, люли, люли, люли, разливалось!

(Припѣвъ, повторяется послѣ каждаго стиха).

Разыгралось бѣлая рыба—разыгралось.
Рыболовы край бережку ходили;
Они этой бѣлой рыбѣ говорили:
«Берегися, бѣлая рыба,—берегися!
Хотятъ тебя, рыбица, поймать,
На двѣнадцать частей разрубить,
На двѣнадцать тарелокъ разложить,
На двѣнадцать столикковъ ставить;
Какъ на тѣхъ на столики дубовые,
Какъ на тѣхъ на скатерти на браныя...»
Передъ нашими—да широкими воротами
Разыгрались дѣвочки молоды,
Распутились ребята холостые;
Они Алепушкѣ говорили:
«Берегися, Алепушка, берегися!
Хотятъ—хотятъ тебя, Алепушка, поймать
Хотятъ въ уста тебя цѣловать
Черезъ цвѣтное платице парчевое,
Черезъ мелкіе жемчужные борочки.»
— «Я сама, подружки догадалась:
Я цвѣтное платье покидала,
Я жемчужные борочки побросала.»

2403.

У воротъ трава растетъ, —
У широкихъ шелковая.
«Кто, кто траву топталъ?»
— Протоптали травушку
Все сваты сходатые,
Мушкетеры богатые:
Сватались за дѣвушку,
За нашу Алепушку¹⁾.

2404.

Шумитъ, шумитъ зеленая дубрава.
Ой!.. Некому дубраву сѣчь-рубить,
Ой!.. Некому зелену съ корня валить:
Ой!.. Нашего Иванушки дома пѣтъ,
Ой!.. Нашего Иваныча дома пѣтъ.
Поѣхалъ нашъ Иванушка во ялму²⁾—
Обругъ его ялмовочки ялмуютъ —
Дешевыя китапчки торгуютъ.
«Хоть ялмуйте—не ялмуйте, ялмовики,—
Дешевыя китапчки не продамъ, 2
Пріѣхавши, Алепушкѣ даромъ дамъ!»
Не честь была,—ой, Алепушка!—не хвала,

¹⁾ Имена въ свадебныхъ пѣсняхъ, смотря по надобности, мѣняются.

²⁾ Ялма, вѣроятно,—ярмарка, торгъ.

Куда наша Алепушка глядѣла,
Хорошаго Иванушку выбрала.
Хорошъ—хорошъ Иванушка спаряженъ!..
Зеленъ кафтанъ, да зеленъ кафтанъ не его,
А Курскаго губернатора самого.
А Курскій-то губернаторъ самъ Иванъ;
Онъ самъ кузнецъ, самъ швецъ, самъ чеботарь,³⁾
Сомнѣтъ своей Алепушкѣ черевички
И красныя, и атласныя голубыя..
— Обувай—обувай, Алепушка, любил!

2405.

Какъ по круту—круту бережку,
По желтымъ пескамъ сыпучимъ
Развѣзжаетъ добрый молодецъ,
Свѣтъ Иванъ—сударь Ивановичъ.
На своемъ-ли на добромъ конѣ,
На добромъ конѣ бухарскимъ,
На сѣдлицѣ черкасскимъ,
Тесьменной уздой поправиваетъ,
Шелковой плетью помахиваетъ,
На високъ теремъ посматриваетъ, —
На душу-ли мнѣ дѣвицу,
На Алеу-свѣтъ Иванову:
— «Ты, душа-ли, мила дѣвица,
Свѣтъ Алепа—свѣтъ Ивановца!
Либо выдѣ, либо выгяни,
Аль открой, душа, окошечко,
Покажи свое бѣлое лицо,
Бѣло личико румяное.
Если ты да мнѣ покажешься,—
Я тебя-ли за себя возьму,
Ели ты мнѣ не поправишься—
Восхваляю брату-товарищу,
Своему брату названому:
«Ужъ и что-то, братъ, за дѣвица,
Ужъ и что, братъ, за красавица!
Безъ бѣлаго лица бѣлое,
Безъ румяна щекъ алые,
Безъ сурмила брови черныя,
Брови черны—паведеныя!..»

2406.

Какъ по улицѣ метелица мететъ,
За метелицей мой миленькій идетъ,
За собою коня вороны ведетъ,
За собою коня вороного,
Сѣдлице ново ковано,

³⁾ Чеботарь—сапожникъ.

Струмена-то позолочены.

— «Ты, дѣвица, перейми мово коня,
Красавица, коня воропаго!»
— «Ужъ я похочу—коня перейму,
А не похочу—съ дороги сворочу,
За велику за нагрубуну твою,
Что не ходишь, что не жалуешь ко мнѣ.
Безъ тебя, милой, постеля холодна:
Подъ перипушку морозъ подполозъ,
Одѣялице зашпдевлъо,
Подушечки потопули во слезахъ,
Тебя, милый, дожидаячи,
Свою участь проклинаячи.

2407.

По задворьемъ, по задворьемъ,
Водица бѣжала.
Ляли, ляли, лялешеньки!..
Водица бѣжала.

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго
двухъ стиховъ съ повтореніемъ послѣднiго).

Аленушка воду носить —
Коромысли гнутся,
Калиновы гнутся, гнутся,
Да не изломятся;
Сосновы ведерочки, —
Изъ нихъ вода льется.
Иванъ-сударь въ окно смотритъ,
Самъ слезою льется;
Онъ и льется-льется-льется,
Никакъ не уймется:
«Аленушка пойдетъ замужъ, —
Я буду жениться;
Ивановна посулится, —
Я буду собираться..
Пойду, выйду за ворота;
Тамъ дуга, болота:
Дуга зеленые —
Покосы сѣнные...»
Ѣдетъ милъ на конѣ
Въ пѣмцекомъ уборѣ:
Въ пливовой шплетѣ,
Въ розовой рубашкѣ,
Въ панковомъ халатѣ..
Полѣзъ на полати 2
Къ Аленушкѣ спати,
Спати, поспати, —
Поклопъ посылати.
Она поклопъ не принимаетъ, —
Самого желаетъ,

2408.

Какъ на первомъ было вечерѣ,
У Аленушки на запоѣ,
У Ивановны на веселомъ:
Издалече соколикъ прилеталъ,
Изъ-за лѣсу-лѣсу темнаго,
Изъ-за садикъ зелепаго;
Онъ садился на окошечко,
Что на то окно косячато,
На блюдечко на серебряно.
Никто сокола не увидѣлъ,
Увидала его родная сестрица,
Свѣтъ Аксипья Ивановна.
Она сестрицѣ говорила:
— «Приласкайся, родная сестрица,
Къ ясну соколу залетному,
Къ добру молодцу заѣзжому,
Къ свѣтъ Ивану Иванычу.»
Приласкаться-то ей не хочется:
Ей хочется жить у тятеньки,
Красоватися у маменьки
Во высокомъ повомъ теремѣ.

2409.

Прилеталъ сизой голубъ со пной стороны,
Онъ съ пной стороны ко своей голубкѣ;
Передъ нимъ голубушка стояла, ворковала:
— «Ужъ и свѣтъ, сизой голубъ, гдѣ ты посадишь?
Ужъ и гдѣ ты посадишь, чѣмъ и покормишь?
Посажу я сиза голубя въ свою голубятню;
Накормлю я сиза голубя яровой пшеницей:
Напою я сиза голубя ключевой водицей.»
Заѣзжалъ Иванъ Иванычъ со пной стороны,
Со пной-ли онъ стороны ко своей Аленѣ;
Передъ нимъ-ли Аленушка стояла,
Таки рѣчи Аленушка говорила:
— «Ужъ и свѣтъ, Иванъ Иванычъ, гдѣ ты посадишь?
Ужъ и гдѣ ты посадишь? Чѣмъ ты накормишь?
Посажу-ли я Ивана во свой теремъ,
Накормлю-ли Иваныча сладкимъ пирогомъ,
Напою-ли сударика медовой водой,
Медовой-ли водицею—сладкою сытой.

2410.

Кто у насъ хорошій?
Кто у насъ пригожій
Розанъ, мой розанъ,
Виноградъ зеленый!

(Данные два стиха—припѣвъ пѣсни, употребля-
ются послѣ каждаго двустихiя).

Хорошъ Иванушка (или Иванъ-сударь),
Пригожъ Ивановичъ.
На крыльцо выходить,
Къ нему конь подходитъ;
На коня садится,
Конь подъ нимъ бодрится,¹⁾
Плеточкою машетъ,
Конь-отъ подъ нимъ пляшетъ;
По улицѣ ѣдетъ,
Всѣ дѣвицы смотрятъ;
Къ лугамъ подъѣзжаетъ,
Луга зеленѣютъ 2
Болота алѣютъ;
Къ морю подъѣзжаетъ,
Море всколыхалось 2
Рыба испугалась;
Къ дому подъѣзжаетъ,
Матушка встрѣчается, 2
Въ горницу вводитъ;
Въ горницу вводила,
На диванъ садилъ, 2
Дѣвицей дарилъ,
Дѣвицей, дѣвицей
(Имя рекъ) мастерницей:
— «Вотъ тебѣ невѣста,
Вотъ тебѣ хороша.»

Запойныхъ пѣсень, ввидѣ приведенныхъ, въ
уѣздѣ очень много: ихъ только въ моемъ распо-
ряженіи паберется до 45—50 номеровъ.

2411.

Хмѣль, моя хмѣлюшка,
Веселая головушка!
Передайся, моя хмѣлюшка,
На мою па сторонушку.
На моей-ли на сторонушкѣ
Раздолье широкое.
Какъ по этому-ли раздолью
Гулялъ добрый молодецъ,
Иванъ-сударь Ивановичъ.
Какъ Иванъ-сударь Ивановичъ
Связалъ свою голову
Камкою широкою,
Лентою зеленою.
Увидала его матушка
Съ высокаго нова терема.
— «Что ты, мое дитятко,
Шпобко припечалился?
Что ты, мое милое

Очень прикручинился?»
— Родимая матушка!
Какъ мнѣ не печалиться, 2
Какъ мнѣ не кручиниться:
Друзья-братья женятся,
А я не женатъ хожу, 2
А я холостымъ сливу?!
— «Женись-женись, дитятко,
Женись-женись, милое;
Возьми, мое дитятко,
Боярскую доченьку!

2412.

Вотъ сказали, что Иванушка сердитъ:
Онъ сердитъ-сердитъ и милосливъ, —
Часто ѣдитъ мимо тестева двора.
Онъ ударилъ вострымъ кошемъ въ ворота.
— «Если спать—не спать Аленушка душа, —
Возбудите, чтобъ по сѣничкамъ прошла,
Золоты ключи въ рукахъ припесла.»
Ужъ вы, дѣвушки, подруженьки мои!
Отпирайте дубовые сундуки,
Вынимайте вы резетова сукна;
Ужъ вы шейте-ка Иванушкѣ сюртукъ,
Вы не дологъ и не коротокъ ему:
Во плечахъ-то—поплечистѣ,
Во сборахъ-то—посбористѣ.

2413.

Какъ по саду, было садку,
По зеленому виноградику
Ходилъ гулялъ добрый молодецъ,
Свѣтъ Иванъ-сударь Ивановичъ;
Онъ поймалъ себѣ лебедушку,
Что душу-ли мнѣ дѣвицу,
Свѣтъ Алену Иванову.
Ужъ онъ взялъ-ли за праву руку,
Что за тѣ-ли перстни золоты.
За колечушки серебряны,
За другія позолочены;
Онъ повелъ ее ко Божьей церкви,
Ко Божьей церкви, къ золоту вѣнцу,
Отъ Божьей церкви—къ батюшкѣ,
Къ государынѣ матушкѣ.
«Государь мой, родный батюшка!
Государыня матушка!
Что: мила-ли вамъ Аленушка?»
— Ты, дитя-ли, наше дитятко,
Ты, дитя-ли, наше милое!
Была-бы она лишь тебѣ мила,
А памъ-то она милешенька,
Что весьма-ли хорошешенька.

¹⁾ Вариантъ: «Конь-отъ веселится».

2414.

Ты, Алена, обманщица,
Ты, Ивановна, измѣнщица!
Обманула ты отца съ матерью,
Своихъ сестеръ и своихъ подругъ:
Ты сказала: «не пойду замужъ»,
Не пойду, и не подумаю итти,
Чужихъ людей не послушаю,
Я еще-ли годокъ посижу,
На улицу похожу,
Сафьянъ башмакъ изобью,
Вѣлый чулокъ изотру...»
А вчера ты пропила,си,
Добру-молодцу отдала,си,
Назвала его по имени,
Взвеличала по отчеству:
По имени—Иванъ-сударь,
По отчеству—Ивановичъ.

2415.

У насъ пылъ Иванушка почеваль,
Всее почку Алепушку цѣловаль.
За правую за рученьку поведу
Ко лютому свѣкру—ко батюшкѣ приведу.
Лютой свѣкоръ да лютой свѣкоръ—чемавить,
Опъ чемавить, опъ чемавить да былъ спѣсиль:
На пиру-ли, на бесѣдѣ напьется,
Съ пиру ѣдетъ, со бесѣдушки—убьется,
Велить-велить опъ Алепушкѣ совѣтрѣчать,
Велить-велить Ивановиѣ подымать!
Не честь была Алепушкѣ, не хвала,—
Куда наша Алепушка глядѣла,
Хорошаго Иванушку выбрала.

Пѣсни величальныя (на сговорѣ) и другія.

Жениху и пѣвѣсть.

2416.

У насъ на дубочкѣ
Да два голубочка:
У насъ на сговорѣ,
У насъ на веселомъ,
Что и въ самыхъ вышкахъ
Иванъ да Алена.
Они цѣлуются,
Они милуются,
Они все другъ другу
Да такъ отзываются:

— «Ужъ ты, другъ, Алена,
Голубушка сиза!»
— Ужъ ты, другъ Ванюша,
Голубочекъ сизой!
Полетимъ мы въ поле
Пшеницу клевати,
Пшеницу клевати,
Куполь выбирати.»

Тысяцкому.

2417.

Тысяцкѣй, тысяцкѣй—воевода!
Ты поѣдешь въ орду воевати
На добромъ конѣ,—на лопатѣ,
Свое имя вездѣ прославляти
И богатство—добро собирать,
Не бери ты, сударь, бобрами,
А бери, сударь, головами,
Что душами красными дѣвцами.

Ему же.

2418.

Ой, ты, тысяцкѣй!
Догадайся:
За свою мощу
Припнимайся.

Ему же.

2419.

Въ огородѣ-то у насъ не лукъ-ли:
У насъ тысяцкѣй да не глушь-ли!
Въ огородѣ-то у насъ не макъ-ли:
У насъ тысяцкѣй не дуракъ-ли!...

Дружкѣ и полдружкѣ.

2420.

У насъ друженька хорошій,
У насъ друженька пригожій.
Прошу дружку на ручку —
Опъ гоголекъ,
Прошу дружку на грядку —

Опъ соболекъ,
Прижму дружбу къ сердечку—
Опъ животокъ.

Имъ же.

2421.

Друженька хороший,
Друженька пригожий;
Хорошо опъ ходитъ,
Маперпо ступаетъ:
Сапогъ не ломаетъ,
Чулокъ не мораетъ.

Имъ же.

2422.

Какъ на дружкѣ кафтанъ
Чертъ по мѣсяцу таскалъ;
Какъ на дружкѣ сапоги,
Они съ выскорками, 2
Пальцы выскакали.

Вариантъ:

2423.

У нашего дружки
Чирій на макушкѣ
Друженька мой,
Хорошенькій мой!
Какъ на дружкѣ чепанъ
Чортъ по мѣсяцу таскалъ.
Друженька и т. д.
Какъ на дружкѣ сапоги,—
Они съ выскорками.
Друженька и т. д.
Они съ выскорками,—
Ноги выскакали.
Друженька мой,
Хорошенькій мой!

Свахъ со стороны жениха.

2424.

Княжая-то сваха богата:
Она съ гривны на гривну вступала,
Полтипой ворота отворяла,

А рублемъ затворяла;
Она пищикъ, убогихъ падѣляла
И насъ (пѣвицъ) не забывала,
Насъ-то, пѣвицъ, не много:
Всего сорокъ пѣвицъ со пѣвицей,
Всего сорокъ дѣвицъ со дѣвицей.

Свахъ со стороны невѣсты.

2425.

Квягиница-то сваха богата,
Богата и торовата:
Она по улицамъ ходила,
Людей бѣдныхъ падѣляла
Златомъ, серебромъ,
Чистымъ жемчугомъ.

Боярамъ.

2426.

Ужъ какъ нашего боярина
Дѣвушки любили:
За бѣлы рученьки брали,
Въ полу горенку уводили,
За столы его садили,
Цѣловали его, миловали,
Ко сердечку прижимали,
Животочкомъ называли.

Холостому.

2427.

По мосту-мосту калиновому,
По другому по малиновому
Вьется хмѣль со хмѣлишкою,
Со хмѣлишкой на тычинку вверхъ,
На тычинку вверхъ, на боярскій дворъ,
На боярскій дворъ, ко Ивану въ домъ.
На комъ у насъ кудри русыя?
На комъ кудри порасчесаны?
По плечамъ лежать, словно жаръ горять,
Словно жаръ горять, жениться велятъ.
Никто къ кудрямъ не приступитъ;
Приступала бѣла ластушка,
Бѣла ластушка — родна матушка.
Приняла кудри на бѣлы руки,
На бѣлы руки, на златы кольца,

Понесла кудри во высокъ теремъ,
Положила ихъ на дубовый столъ.
Со Москвы бунцы съѣзжались,
Этимъ кудрюшкамъ дивовались:
«Ужъ и честь хвала отцу съ матерью,
Хорошо дѣтя что порождено:
Отъ и чистъ, и рѣчистъ, говорить гораздъ,
Говорить гораздъ со дѣвцами.

Женатому.

2428.

Какъ у (имя и отчество)
Дорогой обычай:
Гдѣ ни ходитъ, ни гуляетъ —
Все домой приходитъ.
Стучить, бренчить во колючко —
(Имя жены его) влечеть:
«Поди, выдь, разлапушка
Поди, выдь и встрѣнь!»
— Нейду-нейду, не встрѣчаю,
Я сына качаю,
Ужъ я сына качаю —
Перемѣны чаю,
Перемѣны себѣ чаю
Споху молодую.

Замужней.

2429.

Какъ по сѣнямъ, по сѣничкамъ,
По чистымъ переходичкамъ,
Тутъ ходила, тутъ гуляла
Дорога душа боярница,
Свѣтъ (имя и отчество);
Она будила, побуживала
Своего друга милого,
Свѣтъ (имя и отчество мужа):
— «Ужъ ты, встань, душа милый другъ!
Пробудися, сынъ отеческій!
Оторвался твой добрый конь
Отъ столба-столба дубовецкаго,
Отъ другого позолоченаго;
Убѣжалъ твой добрый конь
Ко сосѣдѣ во зеленый садъ,
Весь зеленый садъ повытопталъ,
Виноградничекъ сповыломалъ,
Со калиной, со малиною,
Съ черной ягодой смородиной!»
— «Не тужи-ка, моя умная,

Не тужи, моя разумная!
Мы заплатимъ за зеленый садъ
Не монетами—червонцами;
Золотой казной песнѣткою.

Мужу и жене вмѣстѣ.

2430.

Виноградъ разцвѣтаетъ, 2
А ягода, а ягода поспѣваетъ.
Виноградъ—(имя мужа) сударь,
Виноградъ—(отчество его);
А ягода (имя жены, въ ласкат. формѣ),
А ягода-свѣтъ (отчество ея) душа.
Имъ и люди, имъ и люди 2
Дивовались,
Что хороши, что пригожи 2
Уродились.
— Не дивуйтесь, люди добры! 2
Ужъ вы сами таковы.

Имъ же.

2431.

По сѣнюшкамъ свѣтъ Аннушка ходила,
По повымъ Андреевна гуляла,
Изъ карманка орѣшки щелкала,
Въ оконышко шелушки бросала,
Въ Васильевы (примѣрно) кудри руси понала.
Васильюшка оглянулся,
Васильевичъ усмѣхнулся;
Отъ грозилъ грозу свѣтъ Аннѣ:
«Ой, добро-жъ ты, ой, добро-жъ ты, ой, Анна!
Отшучу-жъ я тебѣ, Анна, сею шутку,
Отсмѣю-жъ я тебѣ, Андреевна, насмѣшку:
Приготовлю я плетъ, приготовлю шелковую,
О семи хвостовъ, о семи хвостовъ—лентовую;
Ужъ я буду бить, ужъ я буду бить жену молодую,
Ужъ я буду бить, ужъ я буду бить да не тепере,—
Ужъ я буду бить, ужъ я буду бить вечере,
Да на повои, на тесовой на кровати,
Да на мягкихъ на пуховыхъ на перицахъ;
Ужъ я буду бить, ужъ я буду бить на подушкѣ,
Отзовется-отзовется на женушкѣ.

Вдовцу.

2432.

«Что ты, гусакъ, одишь на Дону?»
«Нѣтъ, зачѣмъ я одишь?—со мной много,

Со мной много гусей, лебедей,
Только нѣтъ одной гусынюшки моей.
Гусыня моя въ тростникъ уплыла,
Въ тростникъ уплыла, гнѣздо свила;
Гнѣздо свила, яиць напесла,
Яиць напесла, дѣтей вывела,
Дѣтей вывела, съ дѣтьми выплыла.
— «Чтожъ ты (имя), одинъ въ пиру?»
«Ну и чтожъ я за одинъ?—со мной много,
Со мной много князей и бояръ,
Только нѣтъ одной хозяйюшки моей.
Хозяйюшка моя во сырой землѣ,
Во сырой землѣ,—въ домовинушкѣ.»

Вдовѣ.

2433.

Много, много у яблони,
Много вѣтей, много павѣтей;
Только нѣту у яблонки,
Нѣту самая вершиночка,
Позолоченой маковочки.
Много-много у (имя),
Много-много у (отчество),
Много роду, много племени;
Только нѣтъ у (имя),
Только нѣтъ у (отчество)
Друга милаго сердечнаго.
Ея милый другъ во сырой землѣ,
Во сырой землѣ,—гробовой доскѣ.

Ей же.

2434.

Не дотолева рыба,
Не дотолева (?) щука:
По озерамъ ходила, —
Всѣ озера мутила.
Какъ и ныть-то рыба,
Какъ и ныть-то щука
Впереди лежитъ на блюдѣ,
Подъ лукомъ, подъ перцемъ,
Подъ нѣмецкимъ шафраномъ.
— Какъ, бывало, свѣтъ Агафьюшка,
Какъ, бывало, свѣтъ Ѳедотьевна
При своемъ господинѣ,
При своемъ дворянинѣ, —
И люди-то ее знали,
Господа-то почитали,

Среди двора встрѣчали,
За бѣлы руки примали,
За дубовый столъ сажали.
А какъ ныть-то Агафьюшка,
Какъ и ныть-то Ѳедотьевна,
Безъ своего господина,
Безъ своего дворянина:
Ее люди-то не знаютъ,
Господа-то не почитаютъ,
Среди двора не встрѣчаютъ,
За бѣлы руки не примаютъ,
За дубовый столъ не сажаютъ.

2435.

Во лугахъ-лугахъ зеленыхъ.
Ужъ и чьи тамъ кони пущены,
Шелкомъ кони перепутаны,
Гривы жемчугомъ унизаны?
Путь-дороженьку слышали:
Во Казань ѣхать за серебромъ,
Во Москву ѣхать за золотомъ,
Въ Петербургъ ѣхать за дѣвицей,
За дѣвицей, за красавицей,
За Аленой Ивановной.
«Ты, Алена, обмалышница,
Ты, Ивановна, измѣньшница!
Не хотѣла ты замужъ итти
За удала, добра молодца,
За Ивана Ивановича;
Ты хотѣла въ монастырь итти,
Насъ, подруженекъ, съ собой взяти.
Ты хотѣла быть игуменьшей,
Насъ хотѣла взять въ послушницы:
Анъ—сегодня ужъ дѣвишникъ твой,
А завтра-то быть золоту вѣнцу.
Твоему-ли обручаньцу.»

2436.

Отжилася, отпѣжилася
Свѣтъ Алена у батюшки,
Свѣтъ Ивановна у роднаго.
Какъ вышла она изъ терема,
Сошла съ крашеннаго крылечушка, —
На встрѣчу ей—батюшка;
На пути останавливалъ,
Унималъ, уговаривалъ:
«Воротись, мое дитятко,
Воротись, мое милое!
Позабыла ты вѣнчикъ зблотно
Во столовой новой горемѣ,

На уборномъ на столнѣ,
На десертной тарелочкѣ,
Что на розовой ленточкѣ.
Не одни ключи позабыла ты:
Позабыла ты волю батюшину,
Развелику нѣгу матушину.»

2437.

Любезныя мои подруженьки!
Покрасуйтесь у батюшекъ,
У государыни матушки;
А ужъ я-то, горькая, отерасовалася:
Отходила я по улицѣ,
Отходила я по широкой,
Истоптала башмачки сафьяповы,
Истерла чулочки бумажные,
Отчесала свою буйну голову,
Потеряла красу дѣвичью,
Потеряла вольную волюшку.

2438.

При долинушкѣ калинушка стоитъ.
На калинѣ соловей-птица сидитъ,
Горьку ягоду-калинушку клюетъ,
А малиною закусываетъ.
Мимо ѣхалъ добрый молодецъ,
Иванъ-сударь, свѣтъ Ивановичъ;
Онъ соловушка выспрашивалъ:
«Соловей-ли, ты, соловушекъ мой!
Не съ одной-ли ты сторонущи со мной.
Ты не знаешь-ли, гдѣ Аленушка живетъ,
Ты не знаешь-ли, гдѣ Ивановна?
Если знаешь, — залетай ты къ пей,
Ты скажи-ка ей низкой поклонъ,
Не тужила-бы, не плакала-бъ она:
Ужъ я самъ скоро за ней буду,
Не одинъ буду — со свахами,
Самъ другой буду — со дружкой,
Самъ третей буду — съ поѣздомъ;
Увезу я душу Аленушку,
Увезу свѣтъ Ивановну
На чужу дальну сторонущу,
Ко чужому роду-племени,
Ко чужому отцу съ матерью.»

Когда невѣстѣ расплетаютъ косу.

2439.

Ты позволь-ка наша, Аленушка,
Расплести твою косу русую,

Расчесати разбумажить!
Во высокомъ новомъ теремѣ —
Тутъ сидѣли красны дѣвушки
Всѣ и веселы, всѣ и радостны:¹⁾
Ихъ головушки причесаны,
Ихъ русы косы заплетены,
Въ косахъ ленточки ввязаны.
Какъ одна изъ нихъ, — душа дѣвица,
Свѣтъ Алена Ивановна
Не весела, не радостна:
Головушка у пей не причесана,
Руса коса не заплетена,
Въ косѣ ленточка не ввязана.
Знать, Аленушка просватана,
Красавица запоручена
За удала добра молодца,
За Ивана-свѣтъ Иваныча.

2440.

Вчера мою косыньку
Подружки плели
Золото и серебро
Въ ленты завили;
Нынѣ-жъ злая свахонька
Пріѣзжала,
Мою косу русую
Расплетала,
Золото и серебро
Побросала!...

2441.

Родимый мой братецъ!
Куда ты меня одѣваешь,
Куда снаряжаешь?
Во далеку-ли сторонущу?
Не въ далеку-ли дороженьку?
Не къ свекору-ли?
Не къ свекрови-ли?

2442.

«Часовая наша гостыюшка,
Наша милая Аленушка!
Ты войди-ка въ нову горенку,
Сядь-ка ты тамъ на лавочку,
Погляди-ка въ окошечко,
Сквозь хрустальное стеклышко,

¹⁾ Варіантъ: радостны.

Сколь великъ, сколь малъ ѣдетъ поѣздъ твой?
Сколь хорошъ, пригожъ твой женихъ сидитъ?»
— «Мой-то поѣздъ великимъ великъ,
А женихъ-то мой хорошимъ хорошъ.
Ужъ на немъ-ли шуба—шуба повал,
Шуба повал, кушакъ шелковый,
На головѣ шапка каракульчата,
А на ножкахъ сапожки сафьяненькіе.»

2443.

Родимый мой братецъ! (имя и отчество)
Не бери ты хрустальную рюмочку,
Ты не пей-ка—не пей зелепа вина,
Не пропей ты за злату гривну меня.
Не продай мою косу русую:
Моя коса недорослая,
Косоплеточка педотрепаная.

2444.

На дворѣ снѣгъ попорашиваетъ,
А я собираюсь, спаряжаюсь
Во дороженьку—великій путь:
Ко Божьей церкви, къ золоту вѣнцу.
Батюшка! Что не унимаешь?
Матушка! Что не уговариваешь?
Мнѣ не вѣкъ вѣковать у васъ,
Мнѣ не годъ годовать у васъ,
Мнѣ не весну красну красоватися:
Мнѣ послѣдніе часы, минуточки
Быть осталось у васъ въ гостяхъ,
Во своей-то вольной волюшкѣ,
Во своей—дѣвѣй красотѣ.
Потеряла я свою волюшку,
Потеряла красу дѣвичью:
Отчесала буйную головушку,
Отплела косу русую,
Растеряла косоплеточку,
Что шелковыя ленточки!
Въ своемъ теремѣ меня не будетъ,
Во высокомъ—меня не стаплетъ;
Соскучится обо мнѣ батюшка,
Сгорюется обо мнѣ матушка.

2445.

Распространитесь, милыя сосѣдушки!
Вы дайте-ка мнѣ путь-дороженьку
Ко Божьей церкви, къ золоту вѣнцу,
Ко великому благословеньцу.

—То не бѣлая береза къ землѣ клонится:
Я клонюсь-клонюсь ко батюшкѣ,
Къ государынь-матушкѣ
Во ихъ рѣзвыя поженьки;
Я прошу-прошу благословеньца:
Благослови меня, кормилецъ батюшка!
Благослови меня, кормилица матушка!
Къ суду Божию, къ золоту вѣнцу.

Если невѣста сирота, то обрядъ благословенія надъ ней совершаютъ ея родственники, а за неимѣніемъ ихъ,—даже сосѣди. Передъ благословеніемъ невѣста-сирота только плачетъ — «вопить», а женскій полъ, присутствующій при совершеніи сего обряда, поетъ:

2446.

Много-много у грушницы,
Много вѣтвей, много павѣтей.
Только нѣтъ у грушницы,
Нѣтъ самыя вершиночки,
Позолоченой макѣвочки: —
Много-много у Аленушки,
Много роду, много племени;
Только нѣтъ у Ивановны,
Нѣтъ родимаго батюшки,
Еще нѣтъ родимой матушки.
Спарядить-то ее некому,
Еще некому бла(го)словить ее.
Снарядятъ ее подруженьки,
Бла(го)словятъ ее чужіи люди,
Чужіи люди—люди добрые,
Приближенные сосѣдушки.

Въ моментъ же благословенія, сиротѣ-невѣстѣ «сосѣдушки» поютъ:

2447.

Ты рѣка-ли, мать рѣченъка,
Ты рѣка-ли, Волга быстрая!
Ужъ какъ много въ тебѣ рѣченъка
Много воды, много холоду,
Самоцвѣтныхъ мелкихъ камешковъ.
— Ужъ какъ много у Аленушки
На пиру да на бесѣдушкѣ
И князей, и бояръ,
Одного лишь гостя нѣтъ у ней,
Что родимаго батюшки.
Вы подуйте-ка, вѣтры буйныя,
Со восточной со сторонушки,

Растворите-ка вы пастежь
Всѣ двери, всѣ воротички!
Вдругъ воротички зашаталися,
Дверюшки отворилися:
И идетъ-то къ Алеѣ, жалуется
Дорогой гость, родной батюшка,
Во устахъ-то онъ несетъ благословеньице,
Благословеньице несетъ великое,
Во рукахъ-то—мать Божью,
Мать Божью—Богородицу!

2448.

Вкругъ широкаго Аленина двора
Разливалась мать вишняя рѣка.
Какъ по этой-то по вишней по рѣкѣ
Разукрашено суденышко плыветъ,
На суденышѣ удалый молодецъ
Прплываетъ ко широкому двору,
Ставится противъ краснаго крыльца,
Выстилаетъ онъ шелковые ковры,
Вызываетъ милу дѣвицу-дшу
Свѣтъ Алену Ивановну:
«Ты Алена свѣтъ Ивановна!
Выходи-ка ты на красное крыльцо,
Посмотри-ка ты на шелковы ковры.
Ужъ я звалъ тебя не коврыи смотрѣть,
Ужъ я звалъ тебя въ шашки играть.»
Алена съ Иваномъ играла—
Отца съ матерью проиграла,
Еще-то она проиграла
Брата со сестрицей,
А еще-то проиграло—
Проиграла своихъ подругъ,
Своихъ кукушекъ, сосѣдушекъ,
Вольную водюшку и красу дѣвью.

2449.

Ты рѣка-ли, Уралъ-рѣка,
Почему ты, рѣка, протекала—
По меду-ли, аль по сахару,
Аль по бѣлому калачику?
Свѣтъ Алена по сѣнямъ шла,
Дочь Ивана по повѣнькимъ;
Она будила, побуживала
Своего друга милаго:
«Ужъ ты встань, пробудись, мой другъ!
Я пришла къ тебѣ не столъ столовать,
Не бесѣду бесѣдовать:
Я пришла къ тебѣ въ шашки играть.»
Они бились о великъ закладъ—

О своихъ золотыхъ перстняхъ,
О буйныхъ своихъ головушкахъ.
Ужъ какъ Вапюшка выигралъ,
Свѣтъ Ивапичъ выигралъ.

2450.

Не знала, не вѣдала,
На дворъ свашенька вѣхала.
На первую ступеньку ступила
По атласу, по бархату;
На другу ступень ступила—
По парчѣ узорчатой;
На третью ступень ступила—
Ни съ кѣмъ слова не молвила,
Только молвила свашенька
Съ душой милой дѣвицей,
Съ Аленой Ивановной:
«Собирайся-ка, умница,
На чужую сторонушку:
Какъ чужая сторонушка—
Она садомъ усажена,
Черносливомъ усыпана.»
— Ужъ ты, злая обманщица,
Ты, лихая измѣйщица!
Какъ чужая-то сторонушка
Она горемъ усажена,
А слезами поливана.

Послѣ вѣнца во дворѣ молодого, когда про-
исходитъ встрѣча и приемъ повобрачныхъ.

2451.

«Соколы, соколы!
Вы куда, соколы, летали?»
— «Мы летали, соколы,
Съ моря на море.»
«Вы кого, соколы, видѣли?»
— «Ужъ мы, соколы, видѣли
Бѣлу лебедь на заводѣ.»
«Вы и чтожъ ее не поймали?»
— «Мы хотя ее не поймали,—
Право крылышко заломили
И соколѣ надѣлили.»
«Вы, бояре, бояре,
Вы куда, бояре, ѣздили?»
— «Ужъ мы ѣздили, бояре,
Съ горы на гору,
Изъ терема въ теремъ.»
«Вы кого, бояре, видѣли?»
— «Ужъ мы, бояре, видѣли

Милу дѣвицу въ теремѣ,
Свѣтъ Алену въ високомѣ.»
«Чтожъ вы, соколы, ее не привезли?»
— «Мы хотя ее не привезли,
Распели косу русую,
Дали въ руки молодцу,
Свѣтъ Ивану Ивановичу.

2452.

Какъ вечеръ-то капареечка
Во саду поздно сидѣла
И звонкія пѣсенки пѣла;
А по утру-то ее не слышно:
Соколы прилетали
И капареечку нашу взяли,
Взяли-взяли, уносили
И сокола надѣлили...
«Ты владѣй-ка—владѣй,
Ясный соколъ,

Своей капареечкой,
Не давай ее въ обиду
Ни ласточкамъ касатымъ,
Ни яснымъ соколятамъ!»
— Какъ вечеръ-то наша подруженька
Вечеру долго сидѣла
И громкую пѣсенку пѣла;
А по утру-то ее не слышно:
Бояры приѣзжали
И подружку нашу взяли,
Взяли-взяли, увозили
И молодчине вручили...
Ты владѣй-ка—владѣй,
Милый сударь (имя-отчество)
Нашей подруженькой,
Не давай ее въ обиду
Ни свекору, ни свекрови,
Ни деверьямъ, ни золовкамъ!

Зап. А. П. Кузнецовъ.

XXII. Иркутской губерніи.

Станица Шерагольская.

Сватовства здѣсь не существуетъ, а молодой парень, сговорившись предварительно съ полюбившейся ему дѣвушкой и заручившись ея согласіемъ, воруетъ ее. Если женихъ изъ другой деревни, то онъ приѣзжаетъ и увозитъ невѣсту на лихой тройкѣ. Отецъ жениха съ какимъ-нибудь старичкомъ-родственникомъ приѣзжаетъ къ родителямъ невѣсты съ виномъ и обращается къ нимъ съ слѣдующими словами: «Сватуха, сватья, пожалуйста, не сердитесь, выкушайте!» И послѣ долгихъ упрашиваній и уговоровъ свать и сватья мирятся и начинаютъ пить вино, т. е. пропивать дочку.

Когда вино выпито, назначаютъ время свадьбы и даютъ свѣдѣнія священнику. А если женихъ изъ одной деревни съ невѣстой, то родители берутъ дѣвушку назадъ. Прийдя домой, она плачетъ, кланяется отцу и матери въ ноги.

Наканунѣ свадьбы, въ полдень у невѣсты бываетъ дѣвишникъ. Сначала невѣсту и пять, или шесть подругъ везутъ кататься по улицамъ деревни,

для чего запрягаютъ пару или тройку лошадей, которыхъ упрягаютъ лентами. Передъ катаньемъ невѣста молится Богу, кланяется въ ноги родителямъ, при чемъ она горько плачетъ. Родители благословляютъ дочь. Пробѣжая по улицамъ деревни, подружки и сама невѣста поютъ свои любимыя пѣсни—заунывно, протяжно. Приѣхавши домой, невѣста и дѣвушки садятся за столъ и поютъ слѣдующія пѣсни:

Гуси летѣли, гоготали,
Въ теремѣ красна дѣвица слезно плачетъ;
Вѣлы лебеди летать и жалко вичуть.

Или:

2453.

Пѣтухи вы раппи утренніе!
Вы не пойте по утру рано,
Не будите моего батюшку

И мою родиму матушку!
Какъ вчера мой-то батюшка
Веселымъ-то былъ веселешенекъ,
И моя родима матушка
Веселымъ-же была веселешенька.
Во печалюшкѣ она во кручинушкѣ,
Во кручинушкѣ частопереча.

Невѣста въ это время жалобно плачетъ и причитаетъ о своей дорогой дѣвичьей волѣ. Про-
пѣвъ эти пѣсни, дѣвушки выходятъ изъ-за стола
и идутъ съ невѣстой въ баню. Дорогой онѣ поютъ:

2454.

Вы ступайте-ка, мои подруженьки,
Помаленечку да потихонечку.
Покатайся ты, руса коса
По моимъ могучимъ плечамъ!
Насмотрись, моя руса коса,
Что на горы, горы крутыя,
На дѣса, дѣса, ты темныя.

Подойдя въ банѣ, невѣста берется за скобку, чтобы отворить дверь, но, внутри бани сестра или сестреница¹⁾ держать дверь за скобу. Дѣвушки при этомъ поютъ:

2455.

Отворяй, ты сестра, дверь дубовую!
Мнѣ помыться, мнѣ попариться,
Побѣлиться, порумяниться,
Со подружками, со голубушками.

Тогда дверь отворяютъ и впускаютъ всѣхъ въ баню. Выходя оттуда поютъ ту же пѣсню. Подходя къ дому и тутъ дверь держитъ братъ невѣсты. Дѣвушки опять поютъ:

2456.

Отворяй-ко дверь дубовую, братецъ милешкій!
Пристоялся мой бѣлы ноженьки,
Опустился мой бѣлы рученьки.

¹⁾ Въ слов. Даля: *сестреница* или *сестриница*—
двуродная, здуродная сестра. *Сестреница*, иногда
сестрична—дочь сестры. Оп. обл. великор. словаря.

Двери отворяются. Дѣвушки входятъ въ избу и садятся за столъ. Мать невѣсты пачинаетъ чесать ей голову. Въ это время невѣста поетъ:

2457.

Учешь-ка ты мнѣ, родима матушка,
Учешь ты мнѣ буйну голову,
Уплети-ка ты мнѣ косу русую,
Что во пятеро, во шестеро,
Во шпенничю мелко зернышко!
Заплети-ко во косыньку
Ленту алу гранитурову.

По заплетении косы дочь клапается матери въ ноги и садится за столъ.

Начинается дѣвишникъ. Низко опустивъ голову съ печальнымъ грустнымъ видомъ, сидитъ невѣста за столомъ, а подружки поютъ про нее.

2458.

Посадила она всѣхъ подругъ за столъ,
Сама сѣла же да повыше всѣхъ, 2
Буйну головушку клонила да пониже всѣхъ, 2
Она думушку думала больше всѣхъ:
«Пособите мнѣ, подруженьки, думу сдумати, 2
Какъ я буду жить во чужихъ людяхъ?
Какъ я буду называть свекра батюшку, 2
Какъ я буду называть свекровь матушку?
Батюшкой называть, такъ не водится,
Матушкой называть—мнѣ не хочется,
Свекровкой называть—такъ не водится.»

2459.

Ужъ вы батюшка и матушка родимые!
Дайте провожатаго мнѣ крѣпкаго
Своего сына любезнаго, моего брата родимаго,
Проводить мою дѣвю красоту
Во чужу страну во дальнюю,
Во чисто поле, во раздольице.

Въ это время дѣвушки такъ горько, такъ жалобно рыдаютъ, что на глазахъ даже совсѣмъ постороннихъ людей показывается невольная слеза и сердцу становится тяжело и больно. Пропѣвши нѣсколько пѣсень, дѣвушки пьютъ чай, а послѣ чаю поютъ еще слѣдующую пѣсню:

2460.

Благодарствуйте, родимый батюшка и матушка,
Что на хлѣбѣ-то, на соли,
На премогихъ вашихъ милостяхъ!
Ты поплѣ, кормилѣ, родной батюшка,
Поплѣ, кормилѣ,—не отказывалѣ.
Чтѣ-жѣ теперь ты мнѣ отказываешь?
Опила-ли я, объѣла я тя?
Износила-ли много допоты,¹⁾
Платѣе свѣтлое, шаль атласную?

Всѣ выходятъ изъ-за стола и подружки уходятъ
домой. Вечеромъ начинается *смотрѣнье*. Въ избѣ
ставятъ въ рядѣ четыре стола, покрываютъ ихъ
чистыми скатертями, наставляютъ на нихъ та-
релки съ орѣхами кедровыми и черемуховыми,
конфетами. На смотрѣнье невеста надѣваетъ
платѣе (а въ обыкновенное время дѣвушки хо-
дятъ въ сарафапахъ), голову убрываютъ цвѣтами.
Приходятъ подружки, садятся за столъ и начи-
наютъ пѣть:

2461.

Дымка, ты Дымка рѣка!
Что по той по Дымкѣ рѣкѣ—
Тутъ бѣгутъ три корабличка.
Что во первомъ-то во корабличкѣ
Большой тысяцкій съ боярами,
Что во второмъ во корабличкѣ—
Тутъ душа красна дѣвица
Со своимъ крѣпкимъ провожатымъ-то,
Со роднымъ-то свѣтѣ братцемъ своимъ.
«Братецъ, крѣпкій провожатый мой!
Проводи меня на дальнюю сторону,
Ко чужимъ людямъ, незнакомымъ все.

Черезъ нѣсколько времени отъ жениха при-
ѣзжаютъ два молодыхъ парня изъ поѣзжанъ и
спрашиваютъ: «Готова-ли невеста?». Отвѣчаютъ,
что готова. Немного погодя приѣзжаетъ со своимъ
поѣздомъ и женихъ. Онъ и поѣзжане вхо-
дятъ въ избу и, помолвившись Богу, здороваются
съ родителями невесты. За столомъ около не-
весты сидитъ его братъ или сестра. Тысяцкій
подходитъ къ столу и спрашиваетъ у брата не-
весты: «Что стоитъ коса его сестры?». Братъ от-
вѣчаетъ, что очень дорого и проситъ за эту
косу—коня съ сѣдомъ или коровку съ серебромъ.

¹⁾ *Допотъ*—1) вообще одежда, 2)—верхняя платѣе,
3)—имущество.

Тогда тысяцкій кладетъ на столъ рубль, или же
50 копѣекъ. Но косу брать не уступаетъ дешево
и говоритъ: «Невеста молода, коса дорога.» Ты-
сяцкій прибавляетъ еще нѣсколько денегъ и брать
уступаетъ косу. Тогда гости садятся за столъ,
дѣвушки выходятъ изъ-за стола и уходятъ на
вечерку. Гостей начинаютъ угощать, сначала
водкой, а потомъ чаемъ. Женихъ съ невестой
пьютъ чай изъ одной чашки и *споняютъ мухъ*,
т. е. цѣлуются.

Посидѣвъ нѣсколько времени, гости расхо-
дятся, женихъ съ невестой уходятъ на вечерку.
На вечерку танцуютъ подѣ пѣсни и рѣдко-рѣдко
случается, если гдѣ-нибудь раздобудутъ балабайку
или бандурку.

На другой день рано утромъ приносятъ мо-
лодой отъ жениха коробку, въ которой заклю-
чается головной уборъ, косынка, зеркало, гре-
бенка, нѣсколько другихъ мелкихъ вещицъ,
копечки не дорогихъ. Невеста, совсемъ готовая
къ вѣнцу, садится съ подругами за столъ и дѣ-
вушки начинаютъ пѣть известную свадебную
пѣсню:

Отставала лебедь бѣлая
Прочь отъ стада лебединаго и т. д.

Приѣзжаетъ женихъ, родители благословляютъ
невесту образомъ и хлѣбомъ-солью и они уѣзжа-
ютъ въ церковь. Дико, бѣшенно мчатся тройки къ
погосту. И черезъ часъ все кончено и дѣвушка
становится уже женщиной.

Изъ записи учительницы Шерагольскаго при-
ходскаго училища, Лидіи Верещагиной. Сообщ.
Главнымъ Инспекторомъ училищъ Восточной
Сибири, И. П. Татлинымъ въ 1896 г.

Той же гув.

Свадебная пѣснь.

Когда женихъ съ своей родней приѣзжаетъ
заручать невесту.

2462.

Я когда была малешенька,
Я когда была глупешенька,
Я ходила вокругъ ступльчиковъ,
Бѣлодубовыхъ лавочекъ.
Приходилъ ты ко мнѣ, родной батюшка,
Свѣтъ (Никита-то Ивановичъ),
Братъ меня ты, родной батюшка,

На свои-то ручки бѣлыя,
На свои перс(т)ни златые,
Подымалъ ты меня, красну дѣвицу,
Выше буйныя своей головушки;
Говорилъ ты, родной батюшка:
«Не отдамъ тебя, родно дитятко,
Ни за князя, ни за боярина,
Ни за гостя-купца торгового.»
А теперь, родной батюшка,
Ты про што на меня разгнѣвался:
Выдаешь меня, красну дѣвицу,
За удалова добра молодца,
За (Ивана-то Никитовича).

Когда пѣтъ въ живыхъ кого-либо изъ родителей.

2463.

Не ясеетъ-то день безъ солнышка,
Не свѣтла-то ночь безъ мѣсяца;
Не весело-то мое свиданье
Безъ батюшки родимова
(Безъ матушки родимья).
Если-бы былъ мой батюшка,
(Если-бы была моя матушка),
Не тужила бы я, не плакала,
Не крушила бы ретиво сердце,
Не мочила бы очи ясныя,
Мнѣ теперича ихъ очей надобно:
Принять благословенье
Ко суду Божью, ко злату вѣнцу.

Если кто-либо не присутствуетъ при сватахъ
изъ родственниковъ невѣсты, то она плачетъ:

2464.

Погляжу я, посмотрю я
По всей свѣтлой свѣтлицѣ,
По столовой новой горницѣ,—
Все то гости званые,
Все то гости почтенные,
Одново то гости не звали,—
Братца родимова
(Имя).

На утро просватахья.

2465.

Пѣтухи мои, пѣтухи,
Пѣтухи рано-пѣвчіе,

Молодые пѣмечки!
Вы не пойте по утру
Рано па-зарѣ,
На всходимомъ краснымъ солнышкѣ,
Не мѣшайте спать батюшку
Со родимой со матушкой.
Какъ вечеръ родной батюшка
Со родимой матушкой
Сидѣли долго вечеромъ —
До самой до полуночи,
Со полуночи до заутрени.
Пріѣзжали ко батюшкѣ,
Ко родимой ко матушкѣ
Все гости незнаемые, незваные,
Сваты все лес(т)ливые п хвас(т)ливые;
Вызывали родна батюшку
На ево сѣни новыя —
На частые переходички;
Они сватались у батюшки
И у родимой моей матушки
На любимой *ихой* дочери
На (имя невѣсты).
Они били руки объ руки
Поднимали чудны образы,
Заручали буйну голову
(Имя невѣсты):
Что ни выеунить, ни выручить
Ни златомъ, ни серебромъ,
Дорогимъ скатымъ жемчугомъ;
Только выеунить, выручить
Удалой добрый молодецъ
(Иванъ-сударь Никитовичъ).
Опъ своей-ли буйной головой,
Молодецкой волюшкой,
Удалою свободушкой,
Какъ отъ свата лес(т)ливава,
Отъ злодѣя хвас(т)ливава-лукавава.
Сыры боры загорались,
Всѣ огни разгарались,
Быстры рѣки всколыхнулись,
Всѣ умы помѣшались —
Все отъ свата лес(т)ливого.

Послѣ просватахья подруги невѣсты собира-
ются у послѣдней и помогаютъ ей шить приданое.

2466.

Ты, родимая матушка!
У тебя сердце каменное,
Во булатѣ сковано,
Во ларецѣ положено,
За тремя замками замкнуто,
За тремя за пѣмечками,

И ключи-то въ море спущены.
Не сплывать-то тѣмъ ключамъ
Со дна моря синева:
Не дожидаться мнѣ-ка жалости
Отъ родимой матушки.
Еще будетъ жалость,
Да будетъ не въ время,
Когда буду жить въ чужихъ людяхъ.

2467.

Какъ у грушницы у зеленой,
Какъ у яблони у кудрявой
Много листу было, много вѣточекъ.
Потянули-то вѣтры буйные
Со восточныя сторонушки,
Обнесло листья кудрявые,
Обломило вѣтки зеленныя,
Приклонило-то грушу зеленую
Ко матушѣ сырой землѣ.

У души-то у красной дѣвицы
Много роду было, много племени:
Много братцевъ, много сестрицевъ,
Много дядюшекъ, много тетюшекъ,
Только нѣту матушки родимыя.
Кабы здравствовала родимая матушка,
Я не такъ бы слезно плакала,
Не мочила бы лицо бѣлое,
Не ропила бы горючи слезы.

Когда дѣвушки-подруги вилетають невѣстѣ
въ косу красоту.

2468.

Зайди¹⁾, солнце красное,
Изъ-за горъ-то высокѣхъ,
Изъ-за лѣсу-то темнова,
Изъ-за батюшка изъ-за снѣга моря,
Изъ-за матушки Москвы каменныя.
Ты дойди-ка, родима матушка,
До стола-то дубовова,
До скатерти шиты-бранныя,
До меня красной дѣвицы.
Потрудись, родима матушка!
Донесу тебѣ докушку
Я чижѣлую работушку:
Заплети-ка мнѣ трубчатую косу
Мнѣ во-пятеро и во-шестеро,
Во мелко пшенично зернышко;

По корень моей трубчатой косы
Вплети мнѣ-ка волю батюшкову,
Посередѣ моей трубчатой косы
Вплети мнѣ-ка нѣгу матушкину,
По конецъ моей трубчатой косы
Вплети ленту шелковую.

2469.

Благодарствуй, родима матушка,
Заплела ты трубчатую косу
Мнѣ во-пятеро и во-шестеро,
Во пшенично мелко зернышко,
По корень моей трубчатой косы
Заплела волю батюшкову,
Посередѣ моей трубчатой косы
Вплела нѣгу матушкину,
По конецъ моей трубчатой косы
Вплела кисть шелковую.

Когда невѣсту ведутъ въ баню (передъ дѣ-
вишникомъ, наканунѣ свадьбы).

2470.

По залѣсью-лѣсью конь бѣжитъ,
По залѣсью вороной летитъ,
Шелковъ поводъ по землѣ тащитъ,
Шелковъ поводъ разстилается,
Шелковъ поводъ развѣвается.
За конемъ-то добрый молодецъ спѣшитъ,
При пути-то красна дѣвица стоитъ;
Опъ кричитъ-то зычнымъ голосомъ,
Молодецкимъ звонкимъ посвистомъ:
«Перейми, красна дѣвица, коня,
Перейми коня, Н душа!»
— «Я еще, сударь, не твоя:
Богомъ тебѣ не даппа,
Золотымъ кольцомъ не обрученная,
Золотымъ вѣнцомъ не вѣнчанная.
Я Божья-то свѣтъ батюшкова.»

2471.

По горамъ я хѣдила,
По крутымъ я гуляла,
Вѣпраманъ сѣяла
Васильчичи сѣдила
Наповадился въ вѣпраманъ гулять
Удалой добрый молодецъ,
Онъ вѣпраманъ вытопталъ,

¹⁾ Вм. взойди.

Васильчики выщипалъ,
Красну дѣвицу высмотрѣлъ,
Отцу-матери высказалъ,
Роду племени выхвалилъ.

2472.

Вы метитесь, улицы,
Вы метитесь, широкія,
И становитесь, города,
Города и съ пригородочками,
Терема все съ притеремочками,
Хоробрѣ ѣздить, сударь-господинъ
Удалой Иванъ, свѣтъ Никитовичъ
На своемъ удаломъ конѣ,
На добромъ-то конѣ на бахмутцѣ;
Коня плеточкой постегиваетъ,
За шелковъ новодъ подергиваетъ;
Конь съ дороженьки сворачиваетъ,
Ко двору приворачиваетъ,
Ко двору ко тестинному,
Къ новой горницѣ ко тещинной,
Къ шитымъ бранымъ,
Ко невѣстнымъ пологамъ:
Къ пологамъ идетъ, спрашиваетъ:
«Дома-ли (имя и отчество невѣсты).

Когда невѣсту выводить изъ бани.

2473.

Насмотрися, коса,
На всѣ четыре стороны:
На батюшковъ высокъ теремъ,
На матушкинъ широкій дворъ.

При входѣ въ домъ невѣста останавливается
предъ входной дверью, стучится и поетъ:

2474.

Пусти, пусти, батюшка,
Пусти, пусти, матушка,
Въ пову горенку погрѣтися!
Ознобила я ножки рѣзвыя,
Ознобила я ручки бѣлыя.

Въ дѣвишникѣ (вечеромъ наканунѣ свадьбы).

2475.

Свѣтъ моя свѣтлая свѣтлица,
Столовая новая горница!

Во сиромѣ-то бору
Лѣсы рѣнены,
На добрыхъ коняхъ
Лѣсы вожены,
На прекрасномъ-то мѣстѣ
Свѣтлица строена:
Прекрасными окошками
Во зеленый садъ,
Широкими воротами
Во чисто поле.
Ужъ чѣмъ ты, моя свѣтлица,
Моя свѣтлица,
Разукрашена?
Какъ во той-то свѣтлицѣ
Стоять гусли самогудия,
За гусли сидить
Добрый молодецъ,
Онъ играетъ въ гусли,
Выигрываетъ
Волю батюшкову,
Нѣгу матушкину.
Приходила гусли слушать
Красна дѣвица душа
(Имя и отчество);
Послушавъ гусли
Она прочь пошла, —
Она прочь пошла
Слезно вслакала:
Оставать-то будетъ
Отъ воли батюшковой, —
Отъ воли батюшкиной,
Отъ нѣги матушкиной,
Приставать-то будетъ
Ко праву (имя жениха),
Приставать-то будетъ
Ко грозѣ, грозѣ-то,
Грозѣ свекровой
И ко свекровиной.

2476.

Какъ не ластка
Какъ не ластка
Не косатка,
Она вилася, увивалася
Кругъ свое тепло гнѣздышка —
Увивалася,
Увивалася (имя) душа
Кругъ високова нова терема
Увивалася:
«Отоменися, отоменися,
Мой витой замочекъ,
Отоменися!

Отоприся, отоприся,
Бѣла дубова дверь,
Отворися!
Распахнися, распахнися,
Шитый брагъ положекъ,
Распахнися!
Разбудися, разбудися,
Родной батюшка,
Разбудися!
Мнѣ не годъ у тебя,
Мнѣ не годъ у тебя
Годовати.
Не студену зиму,
Не студену зиму
Зимовати.
Одну почку,
Одну темпу
Ночевати.
Я не знаю,
Я не знаю,
Какъ ночь проводити:
Не знай ходя,
Не знай ходя
Проходити,
Не знай сядя,
Не знай сядя
Просидѣти;
Не знай съ батюшкой,
Не знай съ батюшкой
Рѣчь говорити,
Не знай съ матушкой,
Не знай съ матушкой
Мнѣ думу думати.

2477.

«Ахъ, ты, ласточка косатая,
Перелетная крылатая!
Ты зачѣмъ рано вылетывала
Изъ своего гнѣзда теплова?»
— Не сама собою вылетывала,
Выживаетъ соловей изъ гнѣзда,
Не дастъ онъ по чисту полю летать,
Не дастъ ключевой воды пить,
Заставляетъ на болотѣ воду пить,
На болотѣ со ржавчиною.

2478.

Какъ по Волгѣ рѣкѣ
Плыветъ корабличекъ;
Какъ во этомъ кораблѣ

Красна дѣвица душа.
Какъ по бережку крутому
Шла матушка родная:
«Ты, дитя-ли, мое дитятко,
Ты забыла отъ шкатулки ключи.»
— Я забыть-то не забыла ключи,
Я забыла взять благословеньце.

2479.

Что у тебя, батюшка, за пиръ во дому?
Что у тебя, свѣтъ-родной, за радости?
Широки воротечки растворены,
Изукрашенъ дворъ каретами,
Прекрасное крылечушко кавалерами,
Тепла спальня свѣщенъками,
Горенка—подруженьками?
Сколь я ти, батюшка, говаривала,
Сколь я ти, свѣтъ, показывала:
Не отдай, батюшка, въ ту сторону,
Та сторона съизмала немилы:
Грязи топучія, рѣки быстрыя,
Лѣса темные, люди незнакомые, —
Правду-неправду—все быль говорятъ;
На жену мужу поговариваютъ:
«Вей мужъ жену, поучи молоду;
Молодая жена волю взяла,
Мужа подъ *голокъ* загнала,
Старая жена мужу покорна была.

2480.

Ужъ ты, свѣтъ наша подруженька!
Измѣнила ты слово вѣрное:
«Что замужъ не пойду я и не подумаю.»
— «Ужъ вы, свѣтъ мои подруженьки,
Не сама я замужъ пду, —
Отдаетъ меня батюшка
Со голубушкой матушкой.
Посовѣтовали люди добрые:
Меня замужъ отдать.

2481.

«Что-жъ ты, соколъ,
Ты одинъ за столомъ?»
— «Я не одинъ: я со батюшкой
Я со матушкой.»
«Что же ты, соколъ
Ты одинъ за столомъ?»

Гдѣ же твоя суженая,
Гдѣ же твоя ряженая.»
— «Гдѣ бы ни была —
Она будетъ моя.»

Утромъ въ день свадьбы:

2482.

Вы вставайте, мои подруженьки,
Вы вставайте, мои голубушки,
Умывайтесь ключевой водой,
Утирайтесь полотенчикомъ,
Одѣвайте меня въ цвѣтно платице,
Въ цвѣтное платице подвѣчное!
Ужъ я спала, высыпалася,
Ждала-то дожидалася
Я отъ батюшки благословеньца,
Я отъ матушки спобужденьца,
Я отъ братцевъ-то слова ласкова,
Отъ сестрицъ-то, бѣлыхъ лебедушекъ,
Слова-то привѣтлива. —
Не могла отъ нихъ дожидатся
Спобужденьца, благословеньца,
Слова ласкова и привѣтлива.
Я вставала красна дѣвица
По утру рано на зарѣ, рано утренней,
На сходимымъ краснымъ солнышекъ;
Умывалась я горючимъ слезамъ,
Утиралась тоской кручинушкой,
Молилась чудному образу,
Будила своихъ подруженекъ:
«Вы вставайте и умывайтесь
Ключевой водой студеною,
Утирайтесь полотенчикомъ,
Молитесь чудному образу,
Чешите свои буйныя головы,
Плетите трубчаты косы,
Заплетайте алы лепточки!
Ужъ какъ я-то красна дѣвица
У своихъ родимыхъ матушекъ,
У ласковыхъ у батюшекъ
Отчесала свою буйную голову,
Отплела трубчату косу,
Открасовалась я въ дѣвѣй красотѣ.»

Невѣста разстается съ своей красотой.

2483.

Красота моя, дѣвѣя красота!
Ужъ она краше-то солнышка,
Краше-то краснова высокова,

Чинше-то она чиста серебра,
Разсыпше скатна жемчуга.
Возлелѣю свою дѣвѣю красоту,
Подниму ее выше буйныя головы,
Опущу я ниже пояса
И прижму ее ко сердечушку.
Возьму свою дѣвѣю красоту
На свои на руки бѣлыя,
На перси златчпыя,
Положу я на блюдечко на серебряное,
На тарелочку на золоченую.
Повесу я свою дѣвѣю красоту
По свѣтлой свѣтлицѣ,
По новой горенкѣ,
По сѣнямъ-то по повеньнымъ,
По крылечушку по красному,
Я по батюшкову широку двору,
За воротнички за широкія,
За веревочки за дубовыя,
Я во далече во чисто поле,
Во раздолѣ широкое,
Во луга-зеленые
И на травы муравыя,
На цвѣты алы-лазореые.
Поставлю свою дѣвѣю красоту
Подъ кусточекъ,
Подъ гнѣздышко соловьиное.
Отойду я отъ своей дѣвѣй красоты, —
Ужъ мнѣ жаль-то будетъ
Своей дѣвѣй красоты.
Оглянусь я на дѣвѣю красоту, —
Побѣгутъ-то мои горючи слезы.
По моему лицу бѣлому,
По платью цвѣтному.
Отойду я къ своей дѣвѣй красотѣ,
Подойду я близешенько
Наклонюся низешенько,
Возьму я свою дѣвѣю красоту
Изъ подъ кустечка,
Изъ подъ гнѣздышка,
Повесу я свою дѣвѣю красоту
Изъ раздолѣя широкова,
Изъ луговъ зеленыхъ,
Со *травовъ* муравныхъ
Со цвѣтовъ алыхъ лазоревыхъ
Я ко батюшкѣ къ широку двору,
Ко матушкиной новой горницѣ,
Ко своей то свѣтлой свѣтлицѣ,
Я поставлю за дубовый столъ,
Подъ Мать Божию Богородицу
Подъ свѣчи воскояровы.
Я не знаю, куда свою дѣвѣю красоту дѣвать?
Возьму свою дѣвѣю красоту
И роздамъ роднымъ сестрицамъ,
И сполубезнымъ своимъ сподруженькамъ;

«Вы красуйтесь въ моей-то дѣвѣй красотѣ!
Ужъ какъ я-то красна дѣвица
Открасовалась въ своей дѣвѣй красотѣ.»

2484.

Зайди ¹⁾, зайди, солнце красное,
Надъ горой зайди надъ высокой.
Ты дойди, дойди, родимая матушка,
До стола бѣла дубовова,
До скатерти шиты бранны,
До меня, красной дѣвицы.
Расплети ты трубчату косу,
Разложи русу косу по могучимъ плечамъ.
Я отдамъ свою красоту
Своимъ милымъ сподруженькамъ,
Свѣтъ своимъ голубушкамъ:
«Вы красуйтесь, мои подруженьки,
Сколько я жила, красовалась
У родимова своего батюшки,—
Что сыръ въ маслѣ каталася.»
Какъ пойдетъ родной братецъ
Въ чисто поле, во раздолье широкое,
Какъ разсѣетъ мою красоту.
Придетъ-то лѣто красное,
Взойдетъ-то моя красота.
Какъ пойдутъ-то мои подруженьки,
Сорвутъ-то они по цвѣтику,
Совьютъ-то они по вѣничку,
Какъ мой-то цвѣточекъ останется,
Онъ посохнетъ, онъ поблѣхнетъ.

2485.

Съ горы на-гору вино течетъ,
Вочки съ медомъ катаются.
Мнѣ теперь не до зелена вина,
Мнѣ теперь не до сладкихъ медовъ;
Мой суженый у воротъ стоитъ,
Мой ряженный у воротъ стучитъ—
Со своимъ-то крупнымъ поѣздомъ
Со своимъ-то гордымъ сватенькой.

2486.

«Ужъ ты, матушка родимая
(Имя отечество)
Вышей мое лицо бѣлое

На скатерти бранны:
У тебя гости будутъ,
У тебя меня спросить,—
У тебя меня нѣту.
Ты на скатерть-то взглянешь,
Ты тогда меня спомынешь.»
«Ужъ ты, батюшка родимый,
Ты срисуй мое лицо бѣлое
На столѣ бѣло-дубовомъ и т. д.

Передъ благословеніемъ къ вѣнцу.

2487.

Что не стрѣлочко стрѣлила
Подъ ретиво сердечушко,—
Отказалъ родной батюшка
Со родимой матушкой
Что отъ хлѣба да отъ соли,
Отъ премногой большой милости,
Отъ цвѣтнова платица,
Отъ цвѣтнова подвѣнечнова.
Ужъ я выйду, красна дѣвица,
На прекрасное крылечушко,
Облокочусь я, красная,
На перила дубовыя
И на баласы точенныя,
Что точенныя золоченныя;
 Попрошу я, красна дѣвица,
У ласточки крылышекъ,
У косатой перышекъ,
У кукушки голоса,
У горюшечки и звончатова.
Полечу я красна дѣвица
Во далече во чисто поле
Во раздолье широкое.
Ужъ я выберу, выйшу
Жировое деревцо,
Сяду, дѣвица, на деревцо,
На деревцо зыбучее,
На зыбучее, скрипучее:
Завоюю кокушечкой,
Загорюю горюшечкой.
Пойдетъ мимо родной батюшка
Со родимой матушкой
Ко Вознесенской заутрени,
Пойдутъ и остановятся,—
Остановятся, послушаютъ:
«Ужъ какъ что же за кокушка во бору?
Ужъ какъ что же за горюшка во сиромъ?
Ужъ какъ не наше ли дитятко,
Ужъ не наше ли родимое
Тужить плачетъ во чужихъ людяхъ,
У чужова свекра батюшка,

¹⁾ Очевидно вм.: взойди.

У чужой свекровки матушки,
У чужихъ деверьсвъ-братцевъ,
У чужихъ золовокъ сестрицевъ,
У чужова то чуженова
У свово-то ряженова?
(Имя отчество жениха).

Когда благословляютъ къ вѣнцу.

2488.

Не верба-то во полѣ качается,
Не зеленая къ землѣ склоняется, —
То красна дѣвица благословляется
Свѣтъ (имя отчество певѣсты)
У свово родна батюшка,
(Имя отчество)
У своей родимой матушки,
(Имя отчество):
«Ужъ вы простите, родимый батюшка,
И родимая матушка!
Простите, родимые братцы,
И любимыя сестрицы,
Дорогой крестнушко и крестнушка,
Родимыя дядюшки и тетушки,
Сродные братцы и сестрицы,
Подруженьки мои голубушки,
Приближенные сосѣдушки!
Отказалъ мнѣ сударь батюшко
Что отъ хлѣба да отъ-соли
Отъ премногой своей милости.
Не отказывай, родимый батюшка,
Отъ свово благословеньца!
Какъ твое то благословеньце
Изъ дна моря вынесетъ,
Изъ темныхъ лѣсовъ выведетъ,
Отъ злыхъ людей выручитъ.»

Когда одѣваютъ къ вѣнцу.

2489.

Кругъ города все новы ворота,
Кругъ терема крута лѣсенка,
У (имя) души новы башмачки,
Малы башмачки, круги коблучки, —
Не можетъ сойти съ крутой лѣстницы,
Просить коня, коня батюшкова, —
Батюшковъ конь не ступистъ, не рыснетъ,
Съ мѣста нейдетъ и къ вѣнцу не везетъ.
Просить коня, коня суженова, —
Суженова конь и ступистъ и рыснетъ,
Онъ рысью идетъ и къ вѣнцу онъ везетъ.

Когда женихъ вѣзжаетъ во дворъ за певѣстой къ вѣнцу.

2490.

Не соколъ залетаетъ,
Не крыломъ замедаетъ,
Свѣтъ (имя) заѣзжаетъ,
Свѣтъ (отчество) заѣзжаетъ,
(Имя певѣсты) забираетъ.
Она плачетъ, рыдаетъ,
Ко столу принадеетъ,
Ко столу бѣлодубову.
Что (имя) плачетъ?
Что (отчество) тужитъ?
Не въ полокъ тебя берутъ,
Не въ полокъ забираютъ;
Какъ отъ батюшки къ батюшкѣ,
Какъ отъ матушки къ матушкѣ,
Отъ братьевъ и т. д.
.....
— «Я сама про то знаю,
Я сама про то разумѣю:
Какъ отъ батюшки къ свекору,
Какъ отъ матушки къ свекровкѣ,
Какъ отъ братцевъ къ деверямъ,
Какъ отъ сестрицъ къ золовкамъ.
Мнѣ не та будетъ воля,
Мнѣ не та будетъ нѣга,
Что у матушки родимой.»

2491.

Вечоръ перепелочка
Во саду шекотала,
Къ утру бѣла свѣта
Ея въ теремѣ не стало.
Знать, къ нашей перепелочкѣ
Соколы прилетали,
Ее съ собой взяли,
Кречету отдавали.
Знать, вечоръ наша подруженька
Въ теремѣ сидѣла,
Да громко рѣчи говорила.
Къ утру до бѣла свѣта
Ея въ теремѣ нѣту.
Знать, къ нашей подруженькѣ
Бояра заѣзжали,
Бояра прѣзжали,
Ее съ собой брали,
Молодую отдавали:
«Вотъ тебѣ, молодецъ,
Красная дѣвица
Съ русою косою,

Съ яснымъ очами,
Съ черными бровями.

Когда невѣста уѣзжаетъ въ вѣнцу.

2492.

Бросила ключи
На дубовые столы,
На скатерти брачныя:
«Я тебѣ, батюшка, не ключница,
Я тебѣ, матушка, не ларешница!
Ключница я свекру-батюшку,
Ларешница я свекровь-матушкѣ.»

По приѣздѣ отъ вѣнца.

2493.

Неужели вы, бояре,
Всѣ въ терему, всѣ по мѣстамъ?
Не ужели васъ, бояре,
Всѣхъ по имени звать-величать?

Тысяцкому.

2494.

У насъ тысяцкій воевода
Опъ ѣздилъ *волгу* (?) воевать
И гусей-лебедей закупать,
Онъ и братья, сударь, не бобрами,—
Душамъ краснымъ дѣвицамъ.
И со дѣвками красотоми.

Боярамъ (холостому).

2495.

(Имя отечество)
У насъ цѣтъ такова молодца!
Онъ и топокъ и высокъ молодецъ;
Онъ съ-бѣла кудреватъ удалой,
У него на буйной головѣ
Въ три ряда кудри завиты.
Завивала родна матушка,

Завивала приговаривала:
«Ты расти, мое дитятко,
Умное разумное,
Счастливо таланливо,
Роду племени на честь, на хвалу
Добрымъ людямъ на завидость!»

Свахамъ.

2496.

Дорогія наши гостейки!
Издалека-ли гости ѣхали?
И на добрыхъ-ли коняхъ приѣхали?
Не въ атласѣ гости не въ бархатѣ,
Не въ камючѣ мелкотравчатой.
Стрѣчайте добрыхъ гостей
Среди двора широкова,
Среди крыльца прекраснова!
Верите дорогихъ гостей
За ручки бѣды, за перси злеченны!
Ведите въ нову горницу
И садите за столы бѣлодубовы,
За скатерти шиты брачныя,
За яства за сахарныя,
За питья медвяныя!
«Кушайте, гости дорогіе,
У любезныхъ свата и сватушен!»

Жениху.

2497.

Леталъ соколъ по вишенью,
Поймалъ себѣ бѣлую лебедушку,
Душу красную дѣвицу
(Имя отечество)
«Люба-ли тебѣ, батюшка, невѣстуха?»
— «Любымъ она любешенька
И хорошимъ хорошеюнька.»

Когда заплетаютъ невѣстѣ двѣ косы и оку-
чаютъ ей голову платкомъ (впичкой).

2498.

Сѣмена-ли вы мои, сѣмены,
Сѣмена вы мои голубиныя!

Вась немножко было сѣяно,
Только два поля чистыиыхъ,
Два раздольица широкія.
Зародилось немножко,
Только два сѣмечка:
Ныпче они за одномъ столомъ сидятъ,
Одну рѣчь говорятъ,
Одну пищу ѣдятъ.
Какъ красна-то дѣвица
Расплакалась, растужилась,
По батюшкѣ, по матушкѣ.
Ей не жаль-то лебедя бѣлова,
Только жаль-то пуху лебяжьева.
Вдвое, втрое растужилась
По своей-то дѣвѣй красотѣ:
Я доселѣ буйну голову
Частымъ гребешкомъ почесывала,
И трубчату мелку косу уплетывала
Во пшенично мелко зернышко;
А теперь раздвоили русу косу на двое,
И заплетали косу во трое,
И кругъ головушки обвили,
Золотую кичу навили
И молодой женою назвали,
Молодой женой хозяйской.
Ужъ какъ жаль-то мнѣ
Дѣвѣй красоты:
Въ сахару-то она купалася,
Во меду-то она полоскалася,
Полотенчикомъ утиралася,
На востокъ Богу молилася,
Къ иконамъ приложилася.
Ужъ какъ бабья-то красота
Во дехту она купалася,
Въ смолѣ полоскалася,
По подлавочью валялася,
Отымалочкой утиралася,
На заслонку Богу молилася,
Къ лопатѣ приложилася.
Ужъ мнѣ не такъ-то жаль
Дѣвѣй красоты,
Ужъ какъ жаль-то мнѣ
Трубчатой косы.

Всѣ эти пѣсни зап. наставникомъ Иркутской учительской семинаріи А. А. Доброхотовымъ съ голоса двухъ старыхъ пѣвицъ: а) П. П. Савицкой урожденной въ с. Култукѣ, находящимся на берегу Байкала Иркутской губ. и б) Е. М. Казанцевой, урожденной въ селеніи Карлукскомъ, той же губ., Урикской волости. Сообщ. тѣмъ же.

Изъ той же губернии ¹⁾.

Величальныя:

Тысяцкому:

2499.

Тысяцкій воевода да воевода!
Ты пойдешь въ орду воевати, —
Ты воюй въ ордѣ не недѣлю,
Ты воюй въ ордѣ да одну почку;
Ты бери въ ордѣ не кунями,
Не кунями и не черными соболями, —
Ты бери въ ордѣ головами,
Со русыми, да сокосами!

Жениху.

2500.

«Травонька трава,
Трава муравая!
Что ты травонька
Приумята лежишь?
Что ты травонька
Сбита лежишь?»
— «Какъ мнѣ травѣ
Да не умятой быть?
Какъ мнѣ травѣ
Не сбитою быть?
Какъ ѣхалъ да поѣхалъ
Изъ Москвы дворянцѣ,
Изъ Москвы дворянцѣ,
Свѣтъ Иванъ господинъ, —
Конь-отъ подѣ нимъ
Какъ лютой звѣрь,
А самъ на конѣ,
Какъ соколъ на рукѣ,
Онъ самъ на конѣ
Потѣшается,
Молодой своей женой
Да похваляется:
«Есть у меня
Да жена молода, —
Она шила коверъ
И вышивала коверъ
Доброму коню
Да на всю красоту,
А мнѣ, молодцу,
На честь и хвалу.»

¹⁾ Ни уѣзда, ни волости не указаны.

Когда женихъ ѣдетъ за невѣстой.

2501.

Соколы вы наши ясные,
Да ясные,
Молодцы вы наши удалые,
Да удалые!
Полетайте вы, наши соколы,
Полетайте!
На чужую дальну сторонушку,
Да сторонушку,
Выше лѣса темнаго,
Да темнаго,

Ниже облака ходячаго,
Да ходячаго,
Ко тестю на широкій дворъ,
Да на широкій дворъ,
Ко тещѣ да на высокъ теремъ,
Да на высокъ теремъ,
Ко братушкѣ во конюшенный дворъ,
Да во конюшенный дворъ,
Ко сестрицамъ въ зеленый садъ,
Да въ зеленый садъ:
Примѣчайте вы да свою суженую,
Да суженную.

Всѣ 3 записаны ученикомъ сельской школы. Сообщ. тѣмъ же.

В. Обряды погребальные и поминальные.

Олонекской губ.

Ежезерскій прих. (Вытегорскаго у., Коштутской в.).

С. Ежезеро — въ 50 вер. отъ г. Вытегры, — на Югѣ, расположено въ дикой, глухой — лѣспотой мѣстности. Мѣстность гористая, рѣкъ нѣтъ, — все озеро. Деревушки 5—6 раскинулись другъ отъ друга на 2—10 верстахъ. Близжайшій почтовый трактъ въ 40 верстахъ (Архангельскій). Окружающіе приходы — Коштуги, Ундозеро и Тагажозеро отъ 15—25 вер. въ разстояніи. Приходъ выдѣлился изъ указанныхъ, въ 60-хъ годахъ, въ видахъ обращенія въ православіе раскольниковъ, чрезъ едиповѣріе. Прежніе жители, — абортіены, были въ большинствѣ разные бѣгле: раскольники, крестьяне помѣщичьи изъ Новгородской губ. (граница въ 20 вер. Вѣлозерскаго уѣзда) и солдаты. Не мало рассказовъ про нихъ сохранилось еще и у настоящаго поколѣнія. Занятія — хлѣбопашество, рыбныя ловли, лѣсные заработки — только на сторонѣ. Кабака нѣтъ, былъ въ видѣ опыта 2 года, но не привился. Школа существуетъ годовъ 10 — церковная. Въ приходѣ много еще раскольниковъ. Народъ великорусскій (О говорѣ см. «Коштутское парфіе»).

венной или какой либо случайной, или даже насильственной, напр. утопулъ человекъ, убить въ дракѣ, задавленъ деревомъ. Горе по умершему выражается различно, т. е. сердечное или показное. Если умеръ мужъ, оставивъ жену съ малолѣтними дѣтьми, жена горюетъ и плачетъ отъ души; умеръ въ семьѣ единственный сынъ кормилецъ, тоже горе у родителей сердечное; умерла мать, оставивъ дѣтей, хотя бы и взрослыхъ, безъ всякаго женскаго (бабки, тѣтки) присмотра — тоже у дѣтей горе не показное. Въ противоположность этому бываетъ, напримѣръ, что умираетъ старикъ или старуха въ семьѣ, уже не приносящей никакой пользы въ хозяйствѣ, — это «лишніе рты», — горя сердечнаго уже не замѣтно; если и поплачетъ напр. невѣстка по свѣкрѣ, то такъ, для людскаго глазу; умираетъ ребенокъ, другой (часто бываетъ при эпидеміяхъ) у бѣднаго крестьянина, родители еще и радуются, выражаясь: «слава Богу, прибралъ хоть Богъ лишнихъ!» Такому отцу сочувствуютъ и посторонніе, «счастливой» — говорятъ, и тутъ, понятно, никакихъ сердечныхъ плачей не бываетъ. Участіе постороннихъ сосѣдей къ больному вообще, и къ тяжело больному въ особенности, выражается въ частомъ его посѣщеніи, бесѣдахъ, при чемъ приносятъ больному кушанья разныя «не поѣсть ли, молъ, больной этого!» У тяжело больного, почти умирающаго, взрослога, обязательно бываетъ кто либо изъ постороннихъ, въ большинствѣ — старушки, въ качествѣ сидѣлокъ. Когда такой человекъ умираетъ, говорятъ: «Господь прибралъ».

Народъ смотритъ на смерть, какъ на «волю Божию», или, какъ выражаются, — «видно ужъ сужено Богомъ умереть» — будь эта смерть естест-

Покойника обмываютъ обыкновенно старушки, въ большинствѣ случаевъ собираются онѣ всѣ изъ деревни; обмываютъ простой водой при чемъ приговариваютъ «Святый Боже». Постель (больного) умершаго выносятся на улицу, вытряхивается солома и затѣмъ, сжигается, вмѣстѣ со щепой и стружками отъ гроба¹⁾. Одѣваютъ покойника — мужчину стараго въ бѣлую новую рубашку и *балахонъ*²⁾, женщины-старухъ — въ сорочекъ, на головы тѣмъ и другимъ надѣваютъ *кукель* (въ родѣ короткаго мѣшка) таеъ, чтобы было закрыто лицо. Молодыхъ же мужчинъ и женщинъ одѣваютъ въ обычное платье, какое вообще носилось ими при жизни. Нѣжее бѣлье, понатно, шьется новое изъ холста; у женщинъ повязываютъ голову платкомъ, у мужчинъ таеъ. Одежду шьютъ для покойника на изгнанку т. е. не къ себѣ задерживаютъ нитку, а отъ себя. По омовеніи покойника кладутъ на левую (правую отъ божицы) лавку, головой къ иконамъ и постилаютъ подъ него солому. Служить панихиду на дому нѣтъ обычая. Обыкновенно старушка показываетъ покойника старинной съ ручкой кадилицей и тѣмъ дѣло кончается. Читать по покойникамъ тоже не водится. Объяснить это можно отчасти почти поголовной безграмотностію взрослыхъ мужчинъ и стариковъ, не говоря уже о женщинахъ. У раскольниковъ есть обычай читать, такъ какъ у нихъ старики больше грамотные. Старушки обычно день и ночь сидятъ у покойника, «одного», говорятъ, «грѣхъ оставлять». Гробы дѣлаются простыя изъ пасленнаго тѣсу, никогда ничѣмъ не красятся и не украшаются³⁾; постилкой служатъ сухой листь отъ вѣшниковъ, подушка — изъ тѣхъ-же листьевъ. Когда покойника снимаютъ съ лавки и положить въ гробъ, то на то мѣсто, гдѣ онъ лежалъ, кладутъ печной крюкъ (кочергу)⁴⁾, чтобы, по народному повѣрью, не было въ избѣ другого покойника. Хоронятъ большей частью на другой или на третій день вечеромъ, при чемъ

¹⁾ Младенцевъ обмываетъ только своя бабушка или какая либо изъ стороннихъ, преимущественно бабушка, — замѣняющая акушерку при родахъ; хоронятъ ихъ на другой же день въ какое бы время дня ни случилось. Никакихъ причитаній по младенцу не бываетъ — говорятъ: «грѣхъ, — ангельская душенька, — ангелы уносятъ сразу же на небо».

²⁾ *Балахонъ* — мужская, лѣтняя, безъ подкладки одежда; шьется изъ довольно грубаго холста; носится лѣтомъ въ жаркое время; шьется безъ подкладки, длиною до колѣнъ.

³⁾ Въ Копчезерскомъ приходѣ, петрозаводскаго у., да и вообще по корелѣ, въ гробу дѣлается у головы окошечко со стеклышкомъ. (Разсказывалъ мѣстный священникъ).

⁴⁾ Въ Коптугахъ, Вышегорскаго у. — квашню хлѣбную, или просто мякушку хлѣба.

обѣденъ не служатъ, кромѣ развѣ у состоятельныхъ людей. При выносѣ покойника изъ дому вслѣдъ за гробомъ идетъ женщина съ вѣшникомъ до порога, брызжетъ водой и затѣмъ метѣтъ пзбу. Оставшіеся дома дѣти, при выносѣ гроба, смотрятъ въ печку, засунувъ голову въ отверстіе шестка (чтобы не видѣть покойника и скоро не умереть). На похороны обычно, кромѣ родни, собирается вся деревня, особенно, если время не страдное — напр. въ началѣ лѣта. На кладбище покойника всегда *везутъ* и при томъ на дровняхъ, хотя бы и лѣтомъ; нести покойника на рукахъ нѣтъ обычая. Вozать и въ лодкахъ, если удобнѣе и ближе, напр. въ сосѣднихъ приходахъ — Ундозерѣ и Куптозерѣ. Когда привезутъ въ церковь, лошадь распрягаютъ и оглобли у дровней вывертываютъ назадъ такъ, чтобы оконечности ихъ приходились назадъ дровней; покойника вносятъ обязательно, даже и у раскольниковъ, въ церковь для отпѣванія⁵⁾. При прощаніи съ покойникомъ въ церкви непременно его цѣлуютъ всѣ въ губы. Послѣ отпѣванія священникъ провожаетъ покойника до могилы (въ другихъ приходахъ это не вездѣ соблюдается). Поминаютъ кушечъ изъ ржи и мѣду, при этомъ бываетъ обычная стряпня: калитки, кѣлобы, рыбники и обязательно *блины изъ житной муки*; все это носится въ церковь: часть выдѣляется духовенству, часть съѣдается присутствующими на могилѣ — поминать. Состоятельные крестьяне приглашаютъ духовенство и на обѣдъ, только по взрослому покойникѣ. Мѣсто для могилы выбирается преимущественно на правой сторонѣ церкви (вѣрованіе, кажется, раскольниковъ «что на страшномъ судѣ будетъ тоже одесную Судіи»). Младенцевъ-выкидышей хоронятъ въ дальнемъ углу кладбища. Могилу облагаютъ дерномъ и никакихъ *избушекъ* не дѣлается, а ставится деревянный, непременно восьмиконечный, крестъ⁶⁾. Поминать въ установленные церковью дни — 3, 9, 20 и 40, по возможности служатъ обѣдн и посятъ указанныя выше кушечья въ церковь; въ большинствѣ же случаевъ старшая хозяйка идетъ съ *хлѣбомъ* на могилу, поплачетъ, помолится, закуситъ (помянетъ) на могилѣ и тѣмъ кончается поминка въ поминальные дни. А стряпню все таки приносятъ на домъ къ духовенству и раздаетъ всѣмъ членамъ причта

⁵⁾ Въ Коптугскомъ приходѣ, гдѣ были селенія за 20—30 вер., (с. Яргозеро), покойниковъ хоронили безъ отпѣванія. Священникъ въ проѣздѣ, спустя недѣли двѣ, а то и болѣе, отпѣваетъ. (Теперь тамъ самостоятельный приходъ).

⁶⁾ Въ с. Ундозерѣ, въ 10 вер., есть избушки на могилахъ — во всю ихъ длину, въ аршинъ вышиною.

по части. Въ 40-й день стараются непременно отслужить обѣдню и, какъ выражаются: «отпустить покойника». Послѣ обѣдни духовенство приглашаютъ обѣдать; въ концѣ обѣда, когда пужно проѣхать «вѣчную память», духовенство выходитъ на улицу (священникъ съ кадиломъ и въ епитрахиль), хозяинъ съ *киселемъ* и *кутей* и здѣсь, обращаясь на церковь, если она въ виду, поется краткая литія; если же церкви не видно, то все таки становятся въ сторону ея и, кадятъ. Въ этомъ и состоитъ отпущъ покойника. Въ избѣ затѣмъ доканчивается обѣда. Если же священника не бываетъ, то въ этотъ день все-таки сама хозяйка выходитъ на улицу съ *кутей* и *киселемъ*, помолиться въ сторону церкви или вообще кладбища, гдѣ похороненъ покойникъ. Въ продолженіе года поминки по усопшемъ совершаются тоже въ установленныя церковью дни. Люди бѣднѣе ограничиваются единственно тѣмъ, что приносятъ на кладбище упомянутую выше стряпню, помянуть на могилахъ, выдѣливъ часть духовенству и этимъ поминка кончается. Панихидѣ служатъ на могилахъ духовенствомъ не принято, кромѣ развѣ могилъ богатыхъ крестьянъ. Никакой траурной одежды по покойнику не носятъ, ходятъ въ обычной одеждѣ. Послѣ похоронъ жизнь въ семьѣ, спустя немного времени, продолжается идти обычнымъ порядкомъ, хотя понятно, въ семьѣ послѣ такого событія, особенно если похоронили хозяина или другое дорогое лицо, затѣмъ довольно долго печальное настроеніе. Особеннаго сочувствія — помочи въ одиосельчанахъ къ вдовѣ и оставшимся сиротамъ незамѣтно; вся тягота по хозяйству и уплатѣ сборовъ лежить всецѣло на матери-вдовѣ; хотя въ тоже время не въ обычаѣ отнимать у такой вдовы земельныхъ участковъ.

Плакать — *причитывать* по умершемъ обязанъ знать всѣ взрослые женщины и дѣвицы; не знать причитывать стыдно предъ людьми и осмѣютъ со стороны. Потому-то, надо полагать, вокруг плачущей женщины, особенно умѣлой, на могилѣ (въ воскресные дни послѣ обѣдни) стоитъ гурьба молодыхъ женщинъ и дѣвицъ, (помимо сочувствія скорѣе всего и сами учатся). Плакать по умершемъ т. е. причитывать полагается только *первый годъ*; плачутъ и причитываютъ обычно сразу послѣ смерти, въ тѣ дни, пока покойникъ дома, особенно сильно при выносѣ изъ церкви и на могилѣ, въ другое же время только по праздникамъ послѣ обѣденъ; въ простые дни плачутъ мало. На могилахъ плачутъ, припавъ головой къ могилѣ, на колѣняхъ ¹⁾. Когда женщины причи-

тываютъ на могилахъ, то часто «обомрутъ», по мѣстному выраженію, отъ сильнаго горя плачущая обмираетъ, т. е. упавъ на могилу мужа лежитъ безъ движенія. Присутствующія здѣсь обычно женщины растряхиваютъ ее, приводя въ сознаніе; а она опять, припавъ къ могилѣ, продолжаетъ причитывать. Такія обмиранія бывають по нѣскольку разъ. Часто впрочемъ дѣлается это и для виду, такъ какъ это дѣлаетъ честь плачущей; ее за это хвалятъ, что «умѣетъ плакать». Плачутъ и сторонніе, особенно тѣ, у кого былъ недавно свой покойникъ. Особыхъ плакальщицъ за плату нѣтъ.

К. Ф. Филимоновъ.

а) Новгородск. губ., Бѣлозерск. у., дер. Гришкино, Антушевской волости.

Тѣло покойника, пока оно еще не остыло умываютъ теплой водою съ мыломъ, волосы причесываютъ и затѣмъ одѣваютъ его въ чистое бѣлье и кладутъ на лавку, которая идетъ вдоль пола, а не поперекъ. Приготавливаютъ гробъ (домовище), скалывавъ его изъ досокъ. Приносятъ чистые березовые вѣтвики, *бруснутъ* съ нихъ листья прямо въ гробъ, накрываютъ ихъ бѣлымъ, чистымъ полотномъ и — постель для усопшаго готова. Въмѣсто подушки кладутъ покойнику подъ голову мѣшокъ, набитый листьями вѣтника; кладутъ еще ему въ гробъ гребень, которымъ расчесывали ему волосы, мыло, которымъ его обмывали, полагая, что эти вещи ему пригодятся въ будущемъ. Впрочемъ эти вещи кладутъ въ гробъ и потому, что ихъ больше употреблять нельзя. Если изъ волосъ мертваго выбредетъ вошь, то ея не убиваютъ. Во все время пребыванія тѣла покойника въ домѣ читаютъ псалтирь. На третій день везутъ покойника на погостъ. Послѣ его выноса изъ дома оставляютъ на столѣ на ночь чашку съ водою, чтобы онъ могъ напиться. Стружки, щепки и остатки досокъ, изъ которыхъ сдѣланъ гробъ выносятъ въ поле, гдѣ ихъ сжигаютъ, при чемъ замѣчаютъ, куда направляется дымъ: если на деревню, то это предвѣщаетъ новаго покойника, а если въ сторону отъ деревни, то это считается хорошимъ признакомъ. Чтобы не бояться мертвеца, садятся на то мѣсто, гдѣ лежало его тѣло. Заглядываютъ въ печь и въ подполье, произнося: «ухъ, пѣту!»

б) Того же уѣзда, с. Замощье, близъ Новозера.

Прежде чѣмъ опустить умершаго въ могилу,

¹⁾ Въ Куйскомъ приходѣ Бѣлозер. у. плачутъ стоя у могилы (самъ очевидецъ).

бросают туда деньги, чтобы купить умершему место.

В первую ночь послѣ похоронъ покойника въ домѣ его раскидываютъ постель, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ гробъ и оставляютъ ее пустою до утра. Это дѣлаютъ для того, чтобы узнать: ходитъ ли умершій домой? Если ходитъ, то онъ ляжетъ на постель и послѣ его ухода на ней окажутся формы его тѣла.

Чтобы покойникъ не ходилъ съ кладбища, то надъ воротами и надъ дверьми дома кладутъ рябиновые прутья. Говорятъ, что покойники боятся этихъ прутьевъ. Для этой же цѣли вѣшаютъ на двери узду съ лошади, на которой еще не ѣздили.

Душа покойника витаетъ около дома 40 дней.

Въ девятый, двадцатый и сороковой дни происходятъ поминовѣнія покойника: служатъ обѣдни, панихиды, послѣ которыхъ (какъ и въ день погребенія) дѣлаютъ поминальные обѣды, на которые приглашаютъ, кромѣ духовенства, всѣхъ родственниковъ, друзей покойнаго и сосѣдей. Предъ каждымъ кушаньемъ поютъ духовныя пѣсни, сидя, а передъ киселемъ поютъ ихъ стоя. Для покойника ставится на столѣ приборъ, кладется ложка. Послѣ киселя выходятъ изъ-за стола, провожаютъ покойника: духовенство съ пѣніемъ священныхъ пѣсней, а женщины-родственницы — съ причетами. Во всѣ дни поминовѣній, а также въ престольные праздники посятъ на могилу пироги, иногда пиво и водку, кутью, собираются родственники и кушаютъ. Собственно для покойника пекутся пшеничныя на скоромномъ маслѣ и яичныя блины. На канунъ сороковаго дня вечеромъ топятъ баню. Отправляясь туда, берутъ съ собою и для покойника бѣлье, мыло и вѣшникъ. А дочь, жена или кто нибудь изъ родственниковъ покойника обращаются лицомъ къ погосту и причитаютъ:

2502.

Ты кормилецъ, сударь батюшка!
Ты приди-ко къ намъ, пожалуста.
Какъ у насъ у сиротинушекъ,
Для тебя, кормилецъ батюшка,
Понстоплена баня-паруша,
Сварены да слизки-щелоки,
Посогрѣта ключева вода
И распаренъ шелковъ вѣшничекъ.

Ты приди, кормилецъ-батюшка,
Безъ большого очуженьица,
Безъ великаго ломаньица.

Войдя въ баню, кладутъ вѣшникъ въ горячую воду, бѣлье — на окно, но сами пока не умываются, чтобы дать время помыться покойнику. По выходѣ изъ бани провожаютъ его причетами, въ родѣ слѣдующаго:

2503.

Не осуди, кормилецъ-батюшка,
Каково баня истоплена,
Каково поизготовлена.
Ты приди, кормилецъ батюшка,
Утромъ рано поранешеньку
Къ намъ на гостьбу на любимую:
У насъ варено да пиво пьяное,
Кулено да зелено вино.

Зап. учит. народн. училища П. Вересовыми.

Въ с. Старосельѣ (Тагаево тожъ) Лукояновскаго у.
Нижегородской губ.

Выносятъ покойника въ церковь непременно въ ворота, а не въ калитку, для того, чтобы открыть ему широкій путь въ небо.

Провожать покойника нужно непременно съ воплемъ, иначе трудно будетъ на томъ свѣтѣ его душѣ.

Если по время выпоса тѣла пойдетъ дождь или пенастье, то это означаетъ что усопшій — праведный, если же солнце сіяетъ, — то грѣшнѣй.

Изъ записи свящ. Г. Лаврова. Сообщ. М. И. Макаревскимъ.

Плачь вдовы по мужъ, какъ только онъ умретъ.

Олонцкой губ., Петрозаводскаго у.

2504.

По сегодняшнему деннику,
По теперешнему времячку,
Ищо што у насъ случилосье:
Какъ пришла да смерть прекрасная,

Голова да не разсудная;
 Подъ окошкомъ не давалася,
 За воротцамъ не стучалася;
 Подошла да потихошненьку,
 Спала душу полегосненьку;
 Я сидѣла горька-бѣдная
 У трудной большой постелюшки,
 У тяжелаго зголовья;
 Караулила я, бѣдная,
 Твою скорую смерѣтушку;
 Я нашла бы бѣдна, горькая,
 Себѣ плотничковъ, работничковъ:
 Нарядила бы я, бѣдная,
 Состроить крѣпости бы крѣпкіи,
 Тыннѣ (заборы) то бы желѣзныи,
 Дѣи (да и) воротечки кленовыи;
 Ко воротечкамъ кленовыи
 Замочки-то булатныи,
 Я поставила бы, бѣдная,
 Ццо (еще) сторожа удалого, —
 Не пустила бы смерть прекрасную
 Во наше витое-то гнѣздышко.
 Тутъ зашла да смерть прекрасная,
 Во наше витое-то гнѣздышко.
 Тутъ зашла да смерть прекрасная
 Голова не разсудная;
 Я бы знала бѣдна-горюша,
 Окупила бы смерть прекрасную,
 Задарила бы златомъ-серебромъ,
 Я бы скатнымъ-то жемчугомъ.
 Какъ на то да не поладилась (согласилась),
 Я бы прибрала бы, бѣдная,
 Во своемъ роду безчастнаѣмъ
 Человѣка бы таковского,
 Ты не видла, смерть прекрасная,
 Взять ни нищаго, ни бѣднаго,
 Ни калики волочащаго
 По подбѣзю просящаго.
 Ты увидала, смерть прекрасная
 Моѣго да милу ладушку,
 Да удалую головушку,
 У моихъ у милыхъ дѣтушокъ
 Ты кормильца-батюшку.

Когда выносятъ покойника изъ дому:

2505.

По сегодняшнему денцу,
 По топерешнему, времячку,
 При пивсиди — поры времячки;
 Погости-ко, красно солнышко,
 Во своемъ да витомъ гнѣздышкѣ,

У меня у молодой жены,
 У своихъ да малыхъ дѣтушокъ.
 Ты, скажи-ко, мила младушка,
 Ты куды да отправляеши?
 Ты куды да снаряжаеши?
 Въ путь во дальнюю-ль дороженьку,
 Въ безызнѣстную-ль сторонушку
 Во вѣковую-ль во жирушку?
 Ты скажи-ко, мила молодушка,
 На кого то пооставилъ нынѣ
 Своихъ роженыхъ бѣдныхъ дѣтушокъ?
 На народъ ли, племя широкое,
 На своихъ ли родныхъ сродничковъ,
 На порядовныхъ сусѣдушекъ?
 Сама бѣдна, сама горькая.
 Ты оставь-ко, мила младушка,
 На самого Христа небеснаго.
 Ты простись-ко, мила младушка,
 Со всими своимъ сродничкамъ;
 Да ицѣ простись-ко, младушка,
 Со рожеными со дѣтушкамъ,
 Со полями со ширѣкими,
 Со лучами со зелѣными,
 Съ порядовыми сусѣдушкамъ
 Со сусѣдскими да дѣтушкамъ!

Когда подвозятъ покойника къ церкви.

2506.

Путь-дорожка показалася, —
 Путь дорожка короталася;
 Не нарадуйсе-ко, Троица,
 Пресвятая Богородица!
 Ужъ везуть-то Теби, Троица,
 Ужъ не пелены церковныи,
 Дѣи не ризы золоченыи;
 Какъ везуть Тебѣ, Троица,
 Моѣго да милу младушку;
 Ужъ везуть-то тѣло мертвое
 Тѣло мѣртво, лицѣ блѣкло.

К. Ф. Филимоновымъ.

Причетъ по умершемъ мужѣ.

Вологодской губ.

2507.

Ты оставилъ меня, бѣдную,
 Ты оставилъ меня, горькую,
 Спроту горемычную,
 Со маленькимъ крошечкамъ!

Какъ мы жить будемъ, бѣдные,
Безъ тебя, красно солнышко,
Моя милая ладушка!
Какъ придетъ пора времечко,
Придетъ лѣтечко красное,
И пойдутъ люди добрые
Со косами со вострыми, —
Не будетъ у насъ бѣдныхъ
Ни денного работника,
Ни ночного попечельщика!
Ты куда же снарядился,
Ты куда же сподобился,
Мое красное солнышко,
Моя милая ладушка?
Не въ торги, не во ярмарки,
Не на гуляночки веселыя, —
Снарядился моя ладушка,
Ко церкви божественной,
На житье вѣковѣчное.
Намъ ждать, не дожидаться,
Глядѣть, не паглядѣться
Ни съ которой сторонки
Тебя, милую ладушку!

2508.

Государь, свѣтъ, мой батюшка,
Ты моя лада милая!
Ты оставила, лада милая,
При великой при бѣдности
Меня горе-горькою
Съ моимъ маленькимъ крошечкамъ.
Токотъ да тѣперече
У тя отпала желанная (?)
Отъ меня горе-горькій,
Отъ маленькихъ дѣтошекъ.
Кажитсѣ да и глечетсѣ,
Не въ пору да не въ время
Создавъ Христосъ истинный
Тебѣ смѣрту-то скорую.
Наприниматьсѣ горе-горькимъ.
Безъ тебя, безъ голубицы,
Много вѣжды да бѣдности,
Холоду да и голоду,
Все пецѣли великіе
Натерпѣтьсѣ же горькій,
Все пустыя — то славушки.
Доживутъ малы дѣтошки
До весны матки красныя,
До лѣта до тѣплова.
Да не выду, горе-горькая,
На широкую на улицу
О годовыхъ песныхъ праздничахъ, —
Назовутъ люди добрые
Сиротъ горе-горькихъ;

«Собаки-ти вольныя,
Вольныя да безотецкіе!»
Захватить же у горькій
Мое сердце ретѣвое.
Погляжу, горе-горькая,
На своихъ-то малыхъ дѣтей.
Они гулеютъ, горе-горькій,
Все съ большимъ упиженецѣмъ,
Съ большимъ съ покорѣнцемъ.
Доживу, горе-горькая,
До годовова цѣса праздниця,
И приду, горе-горькая,
Къ Покрову Богородицѣ,
На святое покладбище, (sic)
Помолюсь, горе-горькая,
На вси четыре стороны.
Вы подуйте, витры буйныя,
Со вси четыре стороны,
Расташшите, витры буйныя,
Вси желтыя песоцики,
Сдунутѣ, витры буйныя,
Тонки бѣли полотенецка
Съ моею ладою милою,
Отожмитесь, руки бѣлыя,
Отъ сердца ретѣова,
Распечетайтѣсь, уста сахарныя!
Ты промолви-ка, лада милая,
Со мной словечко единое.
Ты спроси, лада милая,
Про своихъ малыхъ дѣтушекъ.
Штѣ я глупая, глупая,
Глупая, неразумная!
Съ глупа ума добираюся!
Отъ сухова деревца
Не живѣтъ отростельца,
Отъ тѣла-то мѣртова
Не живѣтъ благословленца.
Тово горце да бѣдце
Какъ доживу, горе-горькая,
До лѣта-то тѣплова.
Пойдутъ люди добрые
На работу на полную
Большимъ-то артилюшкамъ, —
Какъ я про ея подумаю:
Какъ пойду, горе-горькая,
Со своимъ-то малымъ дѣтамъ?
У меня не стало, у горькій,
На постатоцѣхъ восѣцкиа,¹⁾
На полоскѣ-то жнѣцкиа,
Не стало у горькій
Большіе застѣноцкиа²⁾.

Зап. Н. А. Иваничкимъ со словъ крестьянки Кадниковск. у.

¹⁾ Косца.

²⁾ Защиты.

Причетъ жены по мужъ (Послѣ обмывки и обряда покойника).

Новгородск. губ., Кирил. у., Чуженскій приходъ.

2509.

Ужъ ты моя да лада милая!
Ужъ ты куда да спарядилася,
Ты куда да обрядилася
Во матушку да въ сирѣ землю.
Ужъ ты подумай, лада милая,
На кого да оставишь меня,
На кого покидаешь ты свою молодую жену?
Ужъ не создай да Христосъ Истинный
Молодымъ да людямъ вдовить,
Малымъ дѣтушкамъ сиротать.
Ужъ пасловутся малы дѣточки
Вольничей да самоволькою!
Ужъ находится будетъ дѣточкамъ
По міру да по крещеному,
Наживутся малы дѣточки
По чужимъ да по добрымъ людямъ,
По казакамъ да по работникамъ,
По пастухамъ да на все дѣто теплое!
У меня, горюшки бѣдное,
Изболить мое сердечушко,
Да изоржавѣтъ ретивое,
Все объ васъ, малы дѣточки.
Ужъ ты моя да лада милая —
Тебѣ не та да пора-времечко,
Что на тотъ свѣтъ да представлятися.
Ужъ ты моя да лада милая
Тебѣ бѣ жить, Богу молитися,
Попѣть кормить да малыхъ дѣточекъ.
Ужъ мнѣ бѣ лучше, *горю бѣдному*,
Ты лежалъ да лада милая
Во больной да во постеленькѣ,
Ты парилъ да лада милая
Ты своихъ, да малыхъ дѣточекъ
На дѣло и на работушку,
Такъ и меня, горюшу бѣдную.
Вы мои да малы дѣточки
Пожалѣть-то васъ некому,
Приглубить-то не подумати.
Нѣтъ доброхота, свѣта батюшки.
Ты говорилъ, лада милая,
Ты о мнѣ, горюшѣ бѣдной:
«Ты моя, молода жена!
Ты до бѣла не вымывайся,
До баска не наряжайся.
Ты не ходи, да молода жена,
Ты по избамъ да по друго избамъ.
Ты не держи, да молода жена
Семь подружекъ да кумушекъ.

Съ умомъ живи со разумомъ.
Нѣтъ во чистомъ да полѣ пахаря,
Во темномъ лѣсу да дровосѣка.
Какъ доживу, горюша бѣдна,я,
До лѣта до теплова,
До тяжелой работушки —
Всѣ пойдутъ да люди добрые
На тяжелую работушку
Всѣ съ семьями да съ артелями, —
Какъ у меня, горюши,
Малы маленькія дѣточки,
Все не рабы да не работники.
Ты наказати ли, лада милая,
Всѣмъ сусѣдамъ и сусѣдушкамъ,
Ты своимъ да милымъ братьицамъ,
Чтобъ не оставили братьица
Все меня, горюшу бѣдную,
И со малыми-то дѣточками,
Съ сиротами горе-горькими.
Вы богданые братьица! вы наставьте меня,
Бѣдную сироту да горе-горькую.

Когда покойникъ въ гробу.

2510.

Ужъ ты моя лада милая!
Тебѣ состроили свѣтлую свѣтлицу,
Свѣтлую свѣтлицу да и высокую горницу,
Только безъ оконъ да и безъ дверей,
Тебѣ на всѣ да вѣки долгиѣ,
На все житіе да вѣковѣшное,
И на всю жизнь да безконечную.
Сама знаю, сама вѣдаю,
Что со того да свѣту бѣлаго
Нѣтъ ни конпаго, ни пѣшаго,
Нѣтъ ни слуху да и не вѣсточки,
Нѣтъ и скоропечатны грамоты.

Когда покойникъ почуветъ ночь въ церкви.

2511.

Ты моя да лада милая!
Я расскажу, горюша бѣдная,
Я про свое про горе великое:
Какъ сія да темныя ноченьки
Мнѣ не спалось да не дремалось.
Какъ погляжу, горюша бѣдная,
Я на мягкую постелюшку,
Какъ мои маленькія дѣточки,

Малые да не великие,
Глухие да не разумные.
Ужь я ждала да дождалася
Все тебя я, лада милая,
Домой на свою сторону,
Къ себѣ во свѣтлую свѣтлицу.
Все я думала, бѣднѣя,
Что ты придешь, да лада милая,
Что ты нарядишь, да лада милая
Своихъ малыхъ дѣтушекъ на дѣло
И на работушку.

Всѣ три зап. учит. народн. училища О. Ив-
новымъ. Сообщ. инспекторомъ Народн.
училищъ Н. К. Рамзевичемъ.

Причитанье жены по мужѣ.

Ярославской гув., Пошехонск. у.

2512.

Ты послушай-ко меня ясенъ соколъ,
Соколъ ясный, лада милая,
Слово горькое, слово печальное
Черезъ землю сырую матушку,
Черезъ крышу гробову доску,
Черезъ саванъ бѣлый, вышитый,
Моей правой рукой выбранный,
На тебѣ-то мною сложенный!
Тяжело мнѣ молодехонькѣ
Безъ тебя жить, лада милая!
Люди злые молодехоньку
Помыкають, всюду мыкають.
Согрѣбать — млада расплачуся,
Житье вдовье — безъ платка головушка,
Житье вдовье — домъ некутанный,
Житье вдовье не затѣное,
Безъ застоя-то не застойное...
О, охъ, бѣд-на-я!
✓ Ты приди-ко, лада милая,
Ты приди хоть ночью темною —
Хоть во снѣ ты на минуточку,
Ко своей подругѣ-ладушкѣ,
И прижми-ко къ ретиву сердцу,
Ты горюшу крѣпко на крѣпко...
О, охъ, горе, о горь-ка-я!
✓ Прилети-ко яснымъ соколомъ,
Прилети-ко соловеюшкомъ
Хоть на малую минуточку:
Той минутой радость скажется,
Той минутой сердце спрыгаетъ...
О, охъ, я разнесчаст-ная!
✓ Разступися, мать сыра земля, —

Приоткройся гробова доска,
Распахнися саванъ вышитый,
Моей правой рукой выбранный,
Вылетай, мнѣ яснымъ соколомъ,
Пой воспой-ко соловеюшкомъ;
Я взяла бы тебя, пташечку,
На свои на руки бѣлыя,
Приласкала-бы, приложила,
Примочила перья сизыя,
До моря слезами горькими
И спесла бы въ свой во вдовій домъ.
О, охъ, горюша горькая!

Тамъ же.

2513.

Благослови, Боже Господи,
Да и Ты Пресвятая Богородица,
Чтобы проводить мнѣ ладу милую.
Изъ дому-то изъ благодатнова
Во мѣстечко-то вѣковѣчное,
Что во матушку-то во сыру землю.
Посижу-то я, млада младешенька,
Во мѣстечкѣ-то во печальномъ,
Во слезливомъ во сиротскомъ,
Побужу-ко я, горе-горькая,
Моего-то ясна сокола,
Ладу милую-то молчаливую:
«Ты возстань-ко да проснися,
Мой соколикъ, лада милая,
Отъ просонья-то отъ крѣпкова,
Отъ сна-то вѣковѣчнаго!
Ты скажи-ко, вымолви словечушко,
Ты скажи слово по прежнему,
Чтобы сердце мое прыгало
Отъ раденья и отъ радости
Ты лежишь-то безъ словечушка,
Ты не смотришь очьми ясными.
Вѣрно мнѣ, горюшѣ горькоей
Встать-то помолитися,
Поклопитися-то Богу Господу,
Да заступницѣ сиротческой,
Пресвятой-то Богородицѣ,
Да сложить-то тебѣ крестъ по старому,
На бѣлой груди къ сердечушку,
Призакрѣть-то очи ясныя
Отъ раденья ретива сердца.
Ты скажи-ко, лада милая,
Въ кою сторону сподобился,
Снарядившись хорошеюшкѣ
Въ какую путь-сторонушку,
Въ чью сторонушку-то чужедалную,
И на долго-ль отлучаешься?

Ты повѣдай, лада милая,
Въ кое время оборотился?
Ты одинъ плъ съ гостемъ явился?
Стапу я тебя, сердешнова,
Ждать да дожидатися
По утру-то рапымъ рапешенько,
Ко полудню въ обѣдъ, паужинъ,
Вечеромъ въ потемки-темныя,
Въ полуночь при ласкомъ мѣсяцѣ.
Какъ завижу я сердешнова
Выйду встрѣтъ середь улицы,
Устелю весь дворъ широкій я
Новипкою тонко-спряденной,
Хитро въ клѣтки вязью вытканной,
На насту весной бѣленою.
Приведу я тебя, лада милая,
Во новый домъ за бѣлы руки,
Посажу за столъ со лѣтвями,
Да со питьями медвяными
Поклопюсъ тебѣ низехопько,
Ниже пояса къ сырой землѣ,
Я скажу тебѣ, сердешный другъ:
Ты покушай лѣтва сытова,
И отвѣдай питья сладкова!

Оба зап. Я. С. Деруновымъ.

По мужъ.

Псковской губернии, Опочекъ. у.

2514.

Моя милая, удалая головушка!
Посмотри ты на меня, горькую, несчастную,
Посмотри ты на своихъ малыхъ пташечекъ!
Съ кѣмъ ихъ оставляешь, моя удалая головушка?
Попатаются мои малыя пташечки
По всѣмъ по честнымъ людямъ,
Попавидать они много горя великаго!
Къ комужъ они приклонятъ свою буйную голо-
вушку?
Не будетъ имъ теперь ласковаго словечушка
Безъ своего-то роднаго батюшки.
Бѣднешенько мнѣ безъ тебя, моя удалая голо-
вушка,
Что покинулъ ты меня, горемычную!

2515.

Моя удалая головушка, мой милый батюшка!
Встань ты на свои скоры ноженъки,
Размахни ты свои бѣлыя ручушки,
Распечатай ты свои уста сахарныя!
Спогляни ты своимъ очамъ яснымъ,

И пройди ты по своему широкому двору:
Что не по прежнему, моя удалая головушка,
Не по прежнему в' насъ, не по бывалому.
На кого же ты спопадѣлся?
Спокинулъ меня, молодешеньку
Съ маленькимъ моимъ пташечкамъ.
Маленькія мои пташечки!
Упросите вы своего родимаго батюшку,
Чтобъ не видалъ онъ насъ по прежнему,
Что не на кого мнѣ падѣяться,
Что нѣту у меня братцевъ соловешекъ.

Сообщ. М. И. Семевакимъ.

По мужъ.

Той же гув., Островск. у.

2516.

Умильная моя удалая головушка!
Что, объ чемъ ты на меня, сиротинушка, рас-
прогнѣвался?
Али я, сиротинушка, веругъ тебя не увивалася?
Увивалася, сиротинка, со всего радѣнья,
Со радѣйница, съ пожалѣйница.
Что самъ же ты зналъ, моя удалая головушка,
Что не на кого мнѣ, сиротинушка, надѣяться,
Что пѣтъ у меня, сиротинушка, братцевъ-соло-
вешекъ,
А пайаче того ясныхъ соколовъ, родныхъ дѣ-
тушекъ.
Хоть и есть у меня двѣ бѣлыя лебедушки,
Что самъ же ты зналъ и самъ видѣлъ,
Что они еще глупешеньки.
Безъ тебя, меня, удалая головушка,
Навѣются на нихъ вѣтры буйныя,
Попаговорятся про нихъ люди добрые.

Умильная моя удалая головушка!

Что не красный-то день безъ красна солнышка,
Что не весело-то жить безъ удалой головушки,
И тошнешенько и грустнешенько.
Что, бывало, какъ пойдетъ моя удалая головушка
на скору работушку,
А я ходючи, сиротинушка, по новымъ горницамъ,
По свѣтлымъ свѣтлицамъ, посматриваючи въ ко-
сячато окошечко:
Что откудова-то выйдетъ мое красное солнышко?
Какъ бывало, моя удалая головушка, какъ рас-
прогнѣваешься,
Я тебя, сиротинушка, все хожу и упрашиваю,
Что покуда мой батюшка взмилуется.
А теперь-то не могу я, сиротинушка,
Тебя добудиться и допроситься.
Что сѣрѣнлъ ты свое ретивое сердечушко
крѣпше камышка.

Размахни, моя удалая головушка, свои бѣлы ру-
чшки,
И прогляни ты своими очами ясными!
Распечатай ты свои уста сахарныя,
Промолви мнѣ, сиротинушкѣ, хоть единое сло-
вечушко,
Что обрадуй ты мое ретивое сердечушко,
Что обрадуй ты, хоть на единый часъ,
На единый часъ, на одну минуточку!
Умильная моя удалая головушка!
Не забывай меня, сиротинушку, съ своими бѣ-
лыми лебедушками!
Что летай-ка ты къ намъ яснымъ соколомъ!
Что садись-ка ты передъ моимъ окошечкомъ,
А я буду узнавать тебя, сиротинушка:
Что не мой ли это милый батюшка?

Сообщено М. И. Семевскимъ.

По мужъ.

Новгородской гув., Валдайскаго у., с. Гоголева.

2517.

Ахъ ты, удаля моя головушка!
Удала, — хорошая, умная, разумная!
Оставилъ ты меня, сиротинушку,
На злодѣй-горе великое.
Безъ тебя, мой милъ сердечный другъ,
Натерпѣлся мнѣ злодѣй-горя,
Мнѣ холоду будетъ принять и голоду.
А теперь мнѣ, сиротинушкѣ,
Терпѣть отъ родныхъ дѣтушекъ.

2518.

При старой я при старости
Наскиталась, сиротинушка
По чужимъ теплымъ гнѣздышкамъ,
Натерпѣлась я злодѣй-горя.
А безъ тебя, мой милъ сердечный другъ,
Нѣтъ застоюшки и оборонушки,
Никто за насъ не замолвить слово ласковое,
А терпѣть намъ, сиротинушкамъ,
Все злодѣй-горя великое.

Объ зап. мною отъ бывшей дворовой.

Плачь матери по сыну (единственному).

Олонецкой гув., Петрозаводск. у.

2519.

По сегодняшнему деннику и т. д.
Отправляла мати бѣдная

Я роженного-то дитятка,
Да наливчатого яблущка,
Ищю написанного прищичка;
Отправляла я роженного
Я не въ дальней путь дороженьку,
Дый не въ дальни передѣсочки;
(А) въ безизвѣстную сторонку
На вѣковую ль на жирушку.
Я не знала, мати бѣдная,
Велпкой ли да певзгодушки
Надъ своей буйной головушкой.
Я надѣлалася, бѣдная, — (что)
Отъ роженного-то дитятка
Буде хлѣбъ-соль мни прострѣнная
(довольная),
Буде крѣпкая надѣтушка (одежда),
Буде лѣгка перемѣнушка,
Буде печенька-то теплая.
Ты, рожено мое дитятко!
Одѣшь узья то плеченьки,
Обуешь рѣзвья-то поженьки.
Ужъ какъ пынѣчу-топерячу
Потеряла потеряшечку,
Обронила я обронушку, —
Потеряшечку не маленьку,
Обронушку не дешевую —
Своего-то красна солнышка,
Родимого-то дитятка. —
Ужъ какъ пынѣчу-топерячу
Послѣ твоего быванья
Во нашемъ витоѣмъ-то гнѣздышкѣ —
Пустымъ стало пустѣшненько,
Холоднымъ да холодѣшненько;
Послѣ твоего быванья
Забусюютъ наши гнѣздышкѣ,
По стѣнамъ будутъ спѣжочники,
По угламъ да пнеѣшники.

Когда ждуть на домъ духовенство на поминку
въ 40-й день.

2520.

Я пойду, да мати бѣдная,
Во чистое я во полюшко,
На посильную работушку:
Камешковъ насоберяюсе,
Слѣдковъ напримѣчаюсе,
Тебя въ чистомъ поли дожидаячи.
Ты скажи-ко, красно солнышко,
Ты, рожено, мое дитятко;
Когда въ гости ты посулишьсе:
По утру ли ты ранѣшненько,
Въ вечеру ль придѣтъ позднѣшненько,

Среди ль темныя почепьки,
Посередки ль денька бѣлаго?
Стану ждать я, мати бѣдна,я,
У косящата окошечка,
Со которой со сторопушки
Откуль ко мнѣ появишьсе;
Стану я то, мати бѣдна,я,
Держать пошки на порошки,
Ручки бѣлы на заложки,
Стану ждать я, мати бѣдна,я,
На любимое гостищице.
Я поставлю, мати бѣдна,я,
Тебѣ столички дубовыи,
Кладу скатерти-то бранныи,
Кладу кушанья сахарныи
Кладу питица медовыи.
Ты поѣшь-ко, ты, покушай,
Красно, тепло, мое солнышко,
У родители у матушки!

Объ отъ крестьянки П. Мелдовой.
К. Ф. Филимоновымъ.

По сынѣ.

Новгородской губернии, Валдайскаго у., с. Гоголево.

2521.

Припаду я, сиротинушка, ко сирой землѣ,
Побужу я, сиротинушка, свою-то чаду милова,
Разскажу я ему свое злодѣй-горе:
«Какъ живу я, сиротинушка
Со своимъ миломъ дѣтушкамъ.
Ты спроси, чадо родное
Про своихъ малыхъ дѣтушекъ,
Про свою-то молодую жену.
Поразвѣла твоя молода жена
Что твоихъ-то родныхъ дѣтушекъ
По чужимъ-то по сторонущкамъ,
Везъ тебя то, чадо родное.
Ена не хотѣла ихъ поить, кормить.
Ты спроси-ко-сь, мое родное,
Какъ живемъ мы, горьки сироты.
Кто насъ будетъ кормить, поить.
Везъ тебя, мое рожденное?
Не сожалѣла твоя молодая жена
Что твоихъ-то родныхъ дѣтушекъ
Горькихъ сиротинушекъ:
Ена ихъ бинула и бросила
На чужого отца съ матерью.

Зап. мною отъ 70 лѣтн. старухи, бывшей
дворовой.

По дочери.

Олонецкой губернии.

2522.

Была у меня милая дочушка
Я держала крѣпкую надѣю великую.
Я срядила ее и обрядила
Во хорошее платье цвѣтное.
Немнѣшко она походила и поносила.
Не паходилась да не паносилась.
Спросилъ истинный Христосъ да Царь Небесный.
Ходила, моя милая дочушка,
Со кумами ходила, да со подругами,
Со сусѣдками порядовыми.
И встануть въ Воскресенье Христово,
Пойдутъ ко рапней ко утренней ко заутрепи,
Пойдутъ ея подружки возлюбленныи.
И я выйду, горе горькая кукушка,
Поглядѣть на ея подружекъ:
Нейдеть-ли моя дочерь бѣлая
Со своимъ да со кумами и со подругами.
Какъ я ворочусь да кручинная бѣдна,я,
Да соберу ея платье цвѣтное
И сряжу и обряжу, какъ дочь свою
Придетъ ко мнѣ сынъ и скажетъ:
«Вѣдь, это мало живетъ и водится,
Что мертвый съ погосту воротится?
Тошненько сердцу ретивому
Нѣту въ живости дочери голубушки:
Думщица она была да собесѣдница.
Была тайная моя да разговорчица.
Не дивите-ка народъ да люди добрые:
Мнѣ тошненько сердечку ретивому;
Какъ собрались ко мнѣ ея подружки
Да возлюбленныи,—я молилась имъ:
Вы мои кумы да и подруженьки!
Не увидите-ли моей дочери бѣлой голубушки
На гульбищахъ и на играхъ?
Увидите ее—и приведите ко мнѣ».

Зап. учит. Петроз. дух. учил. Л. Малиновскій.

Сообщ. К. Ф. Филимоновымъ.

По дѣтямъ.

Псковской губернии, Островскаго у.

2523.

Милыи вы мои дѣтушки!
Дождались вы меня, сиротинушку;
Я спѣшила къ вамъ скорымъ скоренько.
Я не на конѣ къ вамъ ѣхала,

Я спѣшлася на своихъ скорыхъ поженкахъ.
 Мои скоры поженьки натянутся,
 Мои бѣлыя ручушки не вздымаются,
 Мои очи ясныя не глядятъ на бѣлый свѣтъ.
 Вы завѣйте, вѣтры буйные,
 Вы развѣйте-ко желты пески!
 Вы расколите-тко гробову доску,
 Размахните-тко тонко бѣло полотно.
 Мои милыя дѣтушки!
 Размахните свои бѣлы ручушки,
 Распечатайте вы свои уста сахарныя.
 Разомните вы свои очи ясныя
 Промолвите мнѣ хоть единое словечушко!
 Вы спросите у меня, горькой сиротинушки:
 Что, какъ я живу, сокрушаюсь?
 А мнѣ нѣту скорой послочки,
 А мнѣ нѣту ласковаго словечушка,
 А мнѣ нѣту теплаго завѣтерья.
 Какъ не ясенъ день безъ краснаго солнушка,—
 Мнѣ не весело жить безъ васъ, мои милыя

дѣтушки!

Что сумнилась моя буйная головушка,
 Что сумнилась, сокрушилась:
 Что къ кому я приклоню свою буйную головушку?
 Кто же сложитъ безъ васъ мои бѣлыя ручушки?
 Мнѣ, сиротинушкѣ, нѣтъ крѣпкой надеждушки.
 Я живу, сиротинушка, со чужими людьми,
 Со чужими людьми, съ неродными дѣтьми.
 Чужи дѣтушки нежалостны,
 Чужи люди недогадливы.

Какъ я теперь при старости,
 Что при старости и при хворости
 Мнѣ не съ кѣмъ подумать крѣпкой думушки.
 Я шатаюсь промежъ добрыхъ людей, какъ

травинушка,

Я подумаю своимъ глупымъ разумомъ:
 Есть-ли на свѣтѣ такіе люди безчастные?
 Зародила меня матушка на горе,
 Надѣлила меня частью горькою.
 Ахъ, милыя вы мои дѣтушки сердечныя!
 Я жила съ молодыхъ лѣтъ въ одиночествѣ.
 Я надѣялась на васъ своей крѣпкой надеждушкой,
 Я думала, вы будете мнѣ послочки и

поговорочки,

А я думала: вы будете мнѣ поильцы, кормильцы.
 Ростила я васъ до хорошаго до возраста,
 Сокрушалась я о васъ съ молодыхъ лѣтъ,
Наука я васъ уму-разуму.
 Не судилъ мнѣ Господь Богъ съ вами пожить!
 Вы оставили меня, сиротинушку, скорымъ

скорошешко,

Вы обрадовали меня, да не на долго.
 Миновалась вся жизнь моя хорошая.
 А теперь нависъ я всякой всячины.

Сообщено М. И. Семеvскимъ.

Платье дочери на могилѣ родной матери.

Олонецкой губ., Петрозаводск. у.

2524.

По сегодняшнему денечку
 По теперешнему времячку
 Я ходила, горюша бѣдная,
 Во Божью церковь-во матушку
 Я ко ранней-то ко обидишкѣ.
 Я стояла, горюша бѣдная,
 На лѣвой на сторонущѣ,
 Примѣчала я, горюша бѣдная,
 Я свою родиму матушку
 Не могла примитить, бѣдная,
 Ни по волосу, дыи ни по голосу,
 Ни по цвѣтному по платьицу;
 Выходила я, горюша бѣдная,
 На круто, красно крылечушко
 Да на Спасову площадочку¹⁾;
 Я увидѣла, горюша бѣдная,
 Крутѣ высокую могилушку.
 Вы не вѣйте, вѣйте, витерочки!
 Вы не рвите, витерочки,
 Со ольшинушки вершинушкѣ,
 Со березыньки листочковъ!
 Вы завѣйте, витерочки,
 Изъ тиха да лотихошинуку
 Изъ легка да полегѣшинуку!
 Вы разнесите-тко, витерочки,
 Со могилушки песочники!
 Росколись-ко, мать, сыра земля,
 Покажись-ко, гробова доска,
 Гробова доска да тѣсу бѣлого
 Тесу бѣлого — пилѣного!
 Откройсе, полотѣнышко,
 Покажись-ка тѣло мѣртвое,
 Тѣло мѣртво, лицѣ блѣклое!
 Прилетите-ка съ небесъ ангелы крылатыя,
 Вложите душеньку да во тѣло бѣлое,
 Рѣзвы поженьки — во хоженцы,
 Бѣлы рученьки — во маханцы,
 Очи ясныя во глядѣныцѣ,
 Во уста да говорѣныцѣ!
 Ужь, ты, встань-ко, родитель-матушка,
 Ужь ты, красно мое солнышко,
 Ты великое жаланыцѣ!
 Ты пудѣмъ-ко (пойдемъ), красно солнышко,
 На тихую да на тишину —
 Какъ на малое безлюдцѣ!
 Ужь какъ не быть дѣлу, не статися,

¹⁾ Площадка передъ мѣстнымъ церковнаго Спаса Преображенія.

Остались онъ отъ родимой матушки
Малешеньки онъ и глупешеньки,
Не во полное въ дѣвичьемъ возрастѣ.
Какъ я сяду ко своей матушкѣ,
Сяду я ко сердечку ретивому,
Положу я свои бѣлы бумажны рученьки
Ко ея сердечку ретивому —
И убьюсь я слезами горькими и горе-горькими:
Такъ учули сосѣди порядовные,
Учули и братья да жалостливые —
И пришли къ намъ въ тепловатое гнѣздышко.
Мы бужаемъ свою кормилицу матушку,
Но отпихиваютъ насъ прочь отъ своей да роди-
мой матушки

Свои да сосѣди порядовные.
Я захвачу за шейку свою родитель матушку,
Припаду къ ея устамъ да сахарнымъ,
Но одолѣли ее крѣпкіи сны да забудущіе,
Застыли ея бѣлыя рученьки.
Я отогрѣю ея бѣлыя рученьки,
Какъ положу ихъ во свою-ли да во теплую пазуху.
Не отогрѣть-то ихъ да и не оттаяти
Выпали ручки изъ теплой пазухи
Мы червочкой вокругъ ея да увиваемся,
Косатой ласточкой ея да извивается.
На кого ты держишь крѣпкую надѣю великую,
Что покинула ты малыхъ дѣточекъ?
Отъ кого-то мы станемъ глядѣть доброты
Да ласкоть великія мы — та малыя дѣточки?
Мы паходимся по міру, — народу крещеному,
Насбираемся кусочковъ поданныхъ.

Зап. учит. Петрозаводск. Духовн. училища, Л.
Малиновскимъ.

То же.

Смоленской губернии, Вяземскаго у., с. Рыжово.

2529.

Родимая матушка,
На кого жъ ты мене покинула?
Возьми жъ ты мене, горькую,
Несчастную къ себѣ,
Подъ правое свое крылышко;
Не давай мнѣ много горя мыкать,
Чужимъ людямъ падождать.
Насудются люди добрые,
Наговорятся всячина.
Родимая наша матушка!
Съ какой намъ сторонущи
Тебе ждать будетъ?
Отъ кого мы ласковое слово услышимъ?...

Калужской губернии, Тар. у., с. Маковицы.

2530.

Родимая матушка,
Желанная матушка!
На кого жъ ты насъ (или: мене, горькую),
бросила?

Кто объ насъ обдумаетъ,
И кому мы будемъ нужны,
Кому мы будемъ болѣны,
И кто объ насъ такъ соболѣтсѣ,
Какъ ты была, наша матушка?
Куды мы ни придемъ,
Куды ни прибудемъ,
Ты насъ стрѣчала,
Стрѣчала ты насъ, ласкала;
А теперь мы, горькіи,
Никому не будемъ болѣны
И никому не нужны;
И напоминать про насъ будетъ некому,
И стрѣтитъ некому
И приклониться намъ будетъ не къ кому!

Если дочь замужняя, то она прибавляетъ
слѣдующія три стиха:

(Зарастутъ мои всѣ стѣжечки-дорожечки,
Перестанутъ ходить мои ноженьки
Ко родимой моей матушкѣ).
Я приду къ ея могилушкѣ,
Возбужу свою родимую матушку:
«Встань-ка, проснись, моя матушка,
Воскни ты свои очи ясныя,
Промолви хоть одно словечко
Со мною, горькой сиротою!
Трудно мнѣ, горькою, жить въ чужихъ

людяхъ,

Подумать мнѣ не съ кѣмъ,
И слово сказать некому». дуетъ;
Со всѣхъ сторонущекъ холодной вѣтеръ

Нп съ одной стороны мене не пригрѣтъ.
Возьми меня, родимая матушка,
Къ себѣ подъ правое крылышко.
Не давай-ка мнѣ, горькою,
На свѣтѣ страдать и горе мыкать.

Зап. студент. филологич. факульт. Москов. унив.
Марковымъ. Сообщ. В. О. Миллеромъ.

То же.

Тульской губернии, Епифанск. у.

2531.

Родимая ты, моя матушка,
На горе ты меня зародила!

Пошла я горе безъ тебя мыкать.
Бывало, ты мнѣ все готовила,
Бывало, ты мнѣ все припасала,
А теперь я стану, горькая, горе мыкать,
Никто со мной думушку не подумаетъ,
Тайное словечко никто не промолветъ.
Что ты, моя кормилица,
Крѣпко спишь, не проснись?
Серѣшила ты свое сердечушко
Крѣпче горячаго камышка.
Нигдѣ я тебя не увижу,
Слѣдочка твою не увижу,
Голосочка твою не услышу.

Зап. мною.

Причитанія дочери по отцѣ.

Ярославской губернии, Пошехонскаго у.

2532.

Раступись мать сыра земля,
Приоткройся гробова доска,
Распахнися саванъ вытканый,
На лицо рукой покинутый!
Встань родимой батюшко,
Пробудись отъ сна отъ крѣпкаго
Отъ сна крѣпкаго, вѣковѣчнаго!
Погляди на насъ, желаньечкой!
Поднимись на скоры поженъки,
Приласкай руками бѣлыми
Насъ сиротокъ безпривѣтненькихъ,
Безпривѣтныхъ, горегорькихъ.
Пожалѣй-ко насъ, кормилецъ батюшко,
Отъ радѣнья—ретива сердца.
Ты приди кормилецъ батюшко,
Ты приди—пожалуй роднинькой
Во свой новый, благодатный домъ
На повѣтушки тесовыя,
На дворы свои широкіе,
Во избушечки уютныя,
Отъ морозу—въ зими—теплыя.
Мы возьмемъ тебя за рученьки,
И посадимъ радость милаго,
За столы-то за дубовые,
За скатерки самобранныя;
И сяди-ко ты, кормилецъ нашъ,
На лавочкахъ-то на тесовыхъ,
На пробойникахъ-то на клеповыхъ.
Мы, тебѣ, кормилецъ батюшко,
Всѣ поклонимся низеховько,
Нижѣ пояса-то до сырой земли,
Всякимъ яствами отпочтуемъ,
Наглядимся вдоволь, до сыта.

2533.

Взойди ты, ясное солнышко,
Со восточной-то со сторонушки,
Покажись ярче по небу,
Освѣти ты землю матушку,
Урони лучи ты ясныя
На могилушку бодѣзнова,
Чтобы мой-то родимый батюшко
Не сидѣлъ во тмѣ кромѣшной,
Чтобы ему, родимому, не горевати,
Съ тоской не битися, не тосковати!
Взойди, взойди, свѣтель мѣсяцъ!
Ты взойди ясный со вечера,
Свѣти свѣтлый во всю поченьку,
Освѣти всю землю матушку,
Урони лучи на могилушку
Мово-то кормильца-батюшки
Чтобы свѣтлый-то ему было лежати
Во сырой землѣ, не горевати
По своимъ-то дѣткамъ милымъ.
Вѣтеръ вѣтровичъ, ты буйпенькій!
Ты развѣйся-ко, разбушуйся-ко
Въ темну поченьку до полуночи!
Принеси-ко вѣсточку радостну,
Моему-то кормильцу-батюшку,
Что поемъ-то мы сокрушаемся,
За его-то мы слезно плачемся,
Во слезахъ-то усердно молимся.

2534.

Я сама, млада младешенька,
Безъ ума стала, безъ разума.
Не пойму какъ не сдогадалася,
Што ты къ намъ ужъ не пожалуешь
Въ дороги гости, родиминькой.
Я пришла-то въ свѣтлу свѣтлицу,
Я пришла,— не оглядѣлася,
И глядѣть— не доглядѣтиса
Мнѣ тебѣ во вѣки вѣчныя.
Коли я о чемъ подумаю—
Ты, родимый, мнѣ представившись,
Я залюся горючимъ слезамъ,
Все же пѣть тебя, не выплачу,—
Не вернешься въ свѣтлу свѣтлицу.

Всѣ 3 зап. Дерунинымъ. Сообщ. Этногр. Отдѣл.
И. О. Л. Е. А. и Э.

По отцѣ.
Олонецкой губернии.

2535.

На своей на родимой на сторонущей
Сквозь туманъ да пекетъ красно солнышко;
Заунывъ стоитъ высока горепка;
Призаплакались окошечки косящаты,
Подломлись да новы стѣны рѣшетчаты,
Разсыпалась частоступчатая лѣсенка,
Закатилась да схоже-красно солнышко.
Не дивите-ко, люди добрые,
Да сусѣди порядовные,
На мои стихи, причеты неумильные!
Вѣдь не пекетъ два схожія солнышка,
Не живетъ да два родителя батюшка!
Одна моя стѣна, ограда бѣлокаменна,
Одинъ да доброхотъ — родитель батюшка.
И всего того тошнѣ да обиднѣ,
Что не была у своего родителя у батюшка
Какъ при той порѣ, да времячѣ,
Какъ разставалась душа съ бѣлымъ тѣломъ,
Выкатилось зрѣнье и смотрѣнье
Изъ бѣлыхъ ясныхъ очей.
Это что за чудо за чудное!
Раньше было, какъ на собраньи людей добрыхъ,
Онъ имѣлъ совѣтъ съ господами, купцами и
болярами.

Теперь же что песеть гнѣвъ сердце великое?
— Наѣхали гости къ нему, въ бѣлую палату;
Онъ прежде встрѣчалъ ихъ и честь давалъ,
Теперь, ужъ видно, гости пріѣхали
Не по уму ему, да не по разуму;
Пойдите, дочери — бѣлые голубушки,
Побужайте да родителя батюшка:
Одолѣли тебя крѣпкія сны да забудущіе?
Это мало живетъ да водится,
Что заговорить покойный словечко единое.
Подавай да листъ бумажку гербовую
Ему да во правую рученку!
Напиши, да добрый батюшко,
Свое рукописанье,
Своей да доброй матушкѣ чѣмъ воспитатися
При старости лѣтъ, да и при дряхлости.

Зап. со словъ крест. Дрыгиной учит. Петрозаводск. духовн. училища Л. Малиновскій. Олонецк. Сборн., вып. 2-ой Петрозав. 1886 г.

Той же губ. и у.
(Дополненіе къ предыдущимъ).

2536.

Когда покойника относятъ въ церковь для отпѣванія и когда затѣмъ отпускаютъ его въ

могилу, то причитаютъ слѣдующее причитанье, которое пазывается: *послѣднимъ разставаніемъ*. Оно причитается одинаково какъ по отцѣ, матери, такъ и по мужѣ и другихъ родныхъ, перемѣняя только слова, по комъ идетъ рѣчь.

Во оставное свиданьецо,
Во послѣднее разставаньецо,
Прощайся лада милая!
Не видаться въ вѣки по вѣки!
При послѣднемъ пирѣ-времячѣ,
Ты когда въ гости посулишься:
По утру ли ты ранехонько,
Въ вечеру ли ты позднихонько,
Или ночью близъ полуночи?
Я тогда бы, разнесчастная,
Спать не стала въ это времячко,
Я сидѣла бы, несчастная,
Укосячкота окошечка,
Я глядѣла бы въ сторонущку,
Въ луговую полуденную,
Что ко Дмитрію къ Солунскому.
Я узнала-бы, несчастная
Изъ далека ладу милую,
Середь поля, середь чистаго,
По за рѣченькѣ изгибается,
Въ зеленомъ лугу широкомъ
Подъ туманомъ бы подъ утреннимъ,
Подъ тьмою ли вечернею,
При звѣздахъ ли въ ночку свѣтлую, —
Я узнаю тебя, сокола,
По походочкѣ пошатнутою,
По бѣлу лицу румяному.
Я бы вышла, тебя встрѣтила,
Среди поля широкого,
Среди луга зеленого,
Возлѣ рѣченькѣ на бережкѣ,
Я бросилась бы, несчастная,
На твою на грудь высокую,
Залилась бы горючимъ слезамъ;
Я сказала бы словечушко:
Гдѣ взялась ты, лада милая?
Я взяла бы, лада милая,
За бѣлы тебя, за рученьки,
Привела бы въ сиротскій домъ,
Ко сиротамъ бы, милымъ дѣтушкамъ,
Посадила бы къ окошечку,
Ко переднему, къ косячкотому;
Посадили бѣ рядомъ дѣтушекъ,
Я сама бы сѣла супротивъ,
Передъ очи на скамеечку, —
Залилась бы я, несчастная,
Горючимъ слезамъ, рыдаючи,
Стала бы рассказывать
Про свое житіе, сиротчество...

Нѣтъ! не быть тому, не видывать
Мнѣ во вѣки ладу милую!
Не всплывать камню поверхъ воды,
Не бывать веснѣ середѣ зимы,
Не цвѣсти травонькѣ по снѣгу, —
Моя радость не воротится!
Раньше старость подвигается.
Не придешь ты, ладо-милая,
Ко мнѣ въ гости, молодехонькѣ
И ко малымъ своимъ въ дѣтушкамъ.
Не вставать-то ладѣ милому
Изъ сырой земли-то матушки,
Не видать-то свѣта бѣлаго,
Солнца краснаго весеняго.
— Что изъ той-то изъ сторонюшки
Нѣтъ не выходу, ни выѣзду.

Похоронивъ покойника, родные возвра-
щаются въ домъ, гдѣ готовится обѣдъ. Не-
премѣнною обязанностью считается послѣ смерти
покойника помянуть его хлѣбомъ-солью. Чѣмъ
больше бываетъ за обѣдомъ пароду, тѣмъ лучше.
Иногда у богатаго крестьянина за столомъ на
поминахъ сидятъ все селеніе — малые и старые.
Возвратившіяся отъ свѣжей, могины жена или
дочери умершаго, причитаютъ слѣдующій при-
четъ:

Ты послушай-ко, родимая матушка,
Моя радость ты великая!
Подойди, моя жалапная,
Къ столамъ ты къ дубовымъ,
Ко скатеркамъ самобранымъ,
Ко всемъ сродничкамъ, пріятелямъ,
Ихъ попотчуй-ка, родимая,
Сладкимъ яствами..
Помянули бы, болѣзные,
Мою ладу милую.
Не прогнѣвайтесь, болѣзные,
На меня, на горемычную,
Что не потчую васъ хлѣбомъ-солью, —
Что отъ горя-то отъ великаго
Мои ноги-то подкосились,
Бѣлы руки-то опустились,
Помутился умъ со разумомъ.
Вы подумайте, болѣзные,
Какъ мнѣ жить-то, молодехонькѣ,
Безъ своей-то лады милой,
Со малыми дѣтками съ глухими?
Вѣдь малымъ онѣ малехоньки,
И глухимъ онѣ глухехоньки!
Я открою-ко окошечко:
Не летить ли лада-милая
Перелетной вольной пташечкой,
Иль сизымъ орломъ въ поднебесьи?
Я къ нему бѣ, вдова, заплакала,

Чтобы сѣсть онѣ на окошечко
И послушать, какъ я, горькая,
Слезы лью съ своимъ сиротушкомъ.
Какъ придетъ-то зима вьюжная
Со морозами съ стрекучами,
Со снѣгами-то со бѣлыми —
Наздоблюсь я, лада милая,
Безъ тебя, безъ ясна сокола.
Какъ растаютъ снѣги бѣлые,
Протекутъ-то рѣки быстрыя,
Какъ придетъ-то весна красная,
И придетъ-то лѣто теплое
Съ работушкой съ тяжелою:
Какъ пойдутъ-то люди добрыя
На работушку на страдную, —
Всѣ пойдутъ мои товарочки
Со своими ладами милыми, —
Имъ работушка тяжелая
Не тяжелою покажется.
Я возьму, млада младехонька,
На работу на тяжелую
Своихъ дѣтокъ малыхъ.
На работѣ всѣ товарочки
Веселымъ-то веселехонько,
Я то, горемычная,
Лишь зальюсь горячимъ слезамъ.
Я косить буду, несчастная,
Тупой косою траву шелковую.
Вся трава-то зеленехонька,
Всѣ цвѣты кругомъ алехоньки.
Докошусь я, разнесчастная,
До одного цвѣтка до блѣлаго, —
Я надъ нимъ-то разтоскуюся
И зальюсь горячимъ слезамъ:
Звать-то этотъ блѣклый цвѣточекъ
Не расцвѣлъ, пресохъ безъ времени.
Этотъ цвѣтокъ — лада милая!
Не пора бы, лада милая,
Не пора бѣ тебѣ, не времячко
Умереть лежать въ сырой землѣ.
Я возьму жѣ этотъ цвѣточекъ
На свои на руки бѣлыя,
Принесу его въ сиротскій домъ.

Хоронить покойника слѣдуетъ въ той самой
рубахѣ, въ которой онъ умеръ, или же положить
эту рубашу съ нимъ въ гробъ.

Умершаго обмываютъ водою, причесываютъ,
надѣваютъ на него новое, нарочно сшитое,
бѣлье, которое и называется *бѣлье на смерть*,
поверхъ рубахи надѣваютъ саванъ (изъ полотна),
на ноги надѣваютъ башмаки, сшитые изъ сукна,
или лапти. Если башмаки окажутся широки, или
саванъ длиннымъ, то это предвѣщаетъ новаго
покойника.

Оставшіяся отъ шитья нити и обрѣзки должно положить во гробъ въ покойнику; также кладутъ ему туда въ головы вѣнокъ.

Перваго умершаго въ домѣ покойника слѣдуетъ выносить изъ дома не въ дверь, а въ окно.

Когда покойника выносятъ изъ дому, то впередъ посылаютъ кого-нибудь съ обрѣзкомъ холста или полотна (аршина въ два) и этотъ обрѣзокъ отдаютъ первому встрѣчному, что и называется «первой стрѣчей». Думаютъ будто съ этимъ покойникомъ и встрѣтятся на томъ свѣтѣ принявшій встрѣчу.

Если при отпѣваніи покойника въ церкви, во время кажденія выпадетъ изъ кадила уголь, то быть еще въ томъ домѣ въ скоромъ времени покойнику.

Когда покойника выносятъ изъ дома, то не останавливаются, потому что остановка предвѣщаетъ еще покойника.

Отцу не слѣдуетъ выносить изъ дому своихъ умершихъ дѣтей, потому что тогда ему придется видѣть всѣхъ своихъ дѣтей умершими прежде себя.

По выносѣ изъ дома метутъ избу и соръ весь сжигаютъ въ печѣ, чтобы не бояться покойниковъ.

Если умирающій долго мучится предсмертными муками, то спрыскиваютъ святою Бого-явленскою водою его и все его окружающее, — для того, чтобы дьяволы отлетали прочь отъ умирающаго и не мѣшали ангелу Господня взять его душу.

Душа умершаго человѣка ежедневно посѣщаетъ свое жилище и всѣ тѣ мѣста, гдѣ она бывала и дѣйствовала. Ангелъ ее носитъ и показываетъ ей хорошія дѣла, а дьяволъ худыя. Поэтому въ продолженіе 40 дней и творять поминovenія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уѣзда вывѣшиваютъ изъ окна (въ переднему углу) избы на улицу полотенцо, или просто тряпку, которую, по истеченіи сороковаго дня бросаютъ на воду — въ рѣку или прудъ и т. п. Это дѣлается для того, чтобы душѣ покойника, умывающейся каждый разъ по возвращеніи въ домъ, было бы чѣмъ утѣреться.

По истеченіи сорока дней душа умершаго садится въ уготованное ей на томъ свѣтѣ мѣсто: Если душа была праведная, то она садится въ свѣтлое мѣсто, если же не праведная, — то въ темное.

Въ разные дни года, какъ-то: въ родительскія субботы, въ день смерти, въ день тезоименитства родственники умершаго совершаютъ по немъ поминки: служатъ панихиды, ставятъ свѣчи,

затепляютъ лампы, подаютъ нищимъ пироги и разнаго рода милостыни. Въ эти дни и въ церковь носятъ пироги, которые и отдаютъ церковнослужителямъ. За всѣ подобныя поминанія и подачки покойникъ, если душа его оказалась въ темномъ мѣстѣ, получаетъ отраду и видитъ свѣтъ. Поминаютъ умершихъ особенно за блинами и киселемъ съ медомъ. Безъ киселя и поминки не въ поминки. Поминальныя трапезы по умершимъ весьма распространены въ нашемъ уѣздѣ и очень чтутся народомъ.

Душа утопившагося или удавившаго проваливается въ тартарары.

На могилы умершихъ во время поминанія сыплютъ разныя хлѣбныя зерна, — жита, овса и ржи — для птицъ. Если умершій умеръ насильственной смертью: отравился, удавился или задушился, то птицы не трогаютъ насыпанныхъ зеренъ. Обычай кормить птицъ во дни поминанія усопшихъ тоже весьма распространенъ среди крестьянскаго населенія нашего уѣзда. Многіе говорятъ, что птица небесная лучше помянетъ покойника, чѣмъ человекъ.

Въ заключеніе еще одинъ причетъ по отцѣ дочери, оставшейся съ мачихой.

2537.

По тиху, по позду по вечеру,
Была на милой на сторонущѣ,
У своего да у родителя батюшки.
Сидѣла я на мягкихъ пуховыхъ перинушкахъ
И просила крѣпкаго благословеньца.
Какъ я встала по утру ранешенько, —
Пришла нерадостная вѣсточка,
Нерадостная вѣсточка, не веселая:
«Нѣтъ во живности родителя батюшка!»
По маленьку иду да потпохошеньку
На свою на родиму на сторонущу.
Не гнутся подо мной пожги рѣзвыя,
Не глядятъ мои очи ясныя,
Не вздымаются мои ручки бѣлыя,
Приупивъ стоить высока горница,
Позаплакались окошка косящаты,
Приразсыпалась частоступчатая тѣсепеа.
Взошла я во сѣни во повныя, —
Призаплакались стѣнки сосновыя,
Оглядѣлась на народъ да на крещенный:
Погляжу по повой высокой горницѣ...
Гдѣ же доброхотъ мой, родитель батюшка?
Онъ сряженъ лежитъ, обряженъ

Въ умирально платьѣ цвѣтное.
И я сѣла тутъ къ родителю батюшкѣ
Подъ правое крылышко,
Стала бужать да родителя батюшку:
«Доброхоть да родитель батюшка!
Наказалъ-ли ты молодой женѣ,
Моей-ли чужеспальчивой мачихѣ,
Наказалъ-ли приючать ¹⁾ меня на свою родимую

сторонку

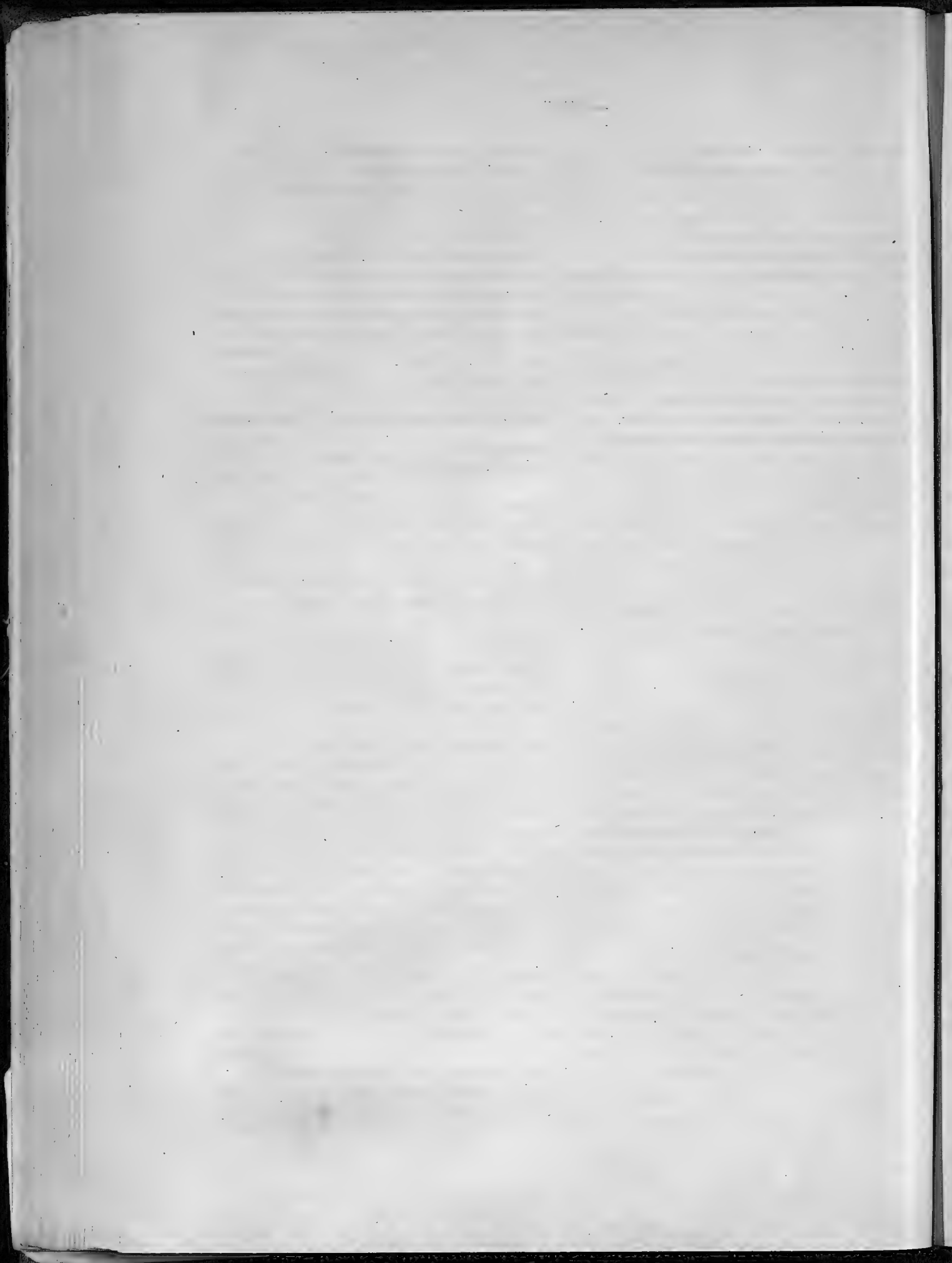
Во свое да тепловатое гнѣздышко?»
Какъ станетъ приючать меня кормилица-матушка
На свою родимую сторонку,
Не заростетъ путь-дорожка широкая
На милую сторонку. —
Есть и малая сестрица родимая —
У насъ съ ней совѣтъ дума да соединяя.
Не стала приючать меня родимая матушка

¹⁾ Принимать, приютить.

На свою родимую на сторону, —
И заросла путь-дороженька
Мелкимъ ельничкомъ и березничкомъ
И частымъ орѣшничкомъ!
Какъ въ веснѣ, по веснѣ красной
Что-то мнѣ почудилось, да послышалось,
Что во темномъ лѣсу, да во березничкѣ,
Во березничкѣ да во орѣшничкѣ:
Тамъ кукуетъ горе-горькая кукушечка,
Тамъ тоскуетъ моя милая сестрица и горюетъ.
Тамъ, видно, стошнило ей по родимомъ
родителѣ;
Видно, не издачна ¹⁾ да чужая сторонка,
Непохвальна неволя великая.

Зап. С. Я. Деруновымъ. Сообщ. Е. И. Якушкинымъ.

¹⁾ Не гостеприимна.



ПРИМѢЧАНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

THE HISTORY OF THE

Вар. къ №№ 26 и 27, стр. 9.

2538.

Новгородск. губ. Кирилловск. у.

«Куколка моховая
Гдѣ почѣсь почевала?»
— Подъ кусточкомъ, подъ березкой.
Шли мужики—скороходы,
Выломли по пруточку,
Сдѣлали по гудочку.
«Вы ли, гудки, не гудите,
Батюшка моего не будите!
Батюшка мой старенецъ,
Матушка молоденька,
Всѣ братья по службамъ,
Всѣ сестры по замужьямъ.
Брата Романа убили,
Подъ колоколь захоронили,
Кадилкомъ покадили,
Просворой поминули.
Некому поплакать,
Некому поваять:
Два вола сѣдатыхъ,
Двѣ свиньи горбатыхъ, —
Тѣмъ нельзя поплакать.

Зап. бывш. ученикомъ Тумбажскаго училища. Сообщ. инспекторъ народн. учил. 5-го района Новгородск. губ. Н. К. Рамзевичемъ.

Достойно вниманія, что во всѣхъ трехъ вариантахъ данной прибаутки, записанныхъ въ мѣстностяхъ, отстоящихъ другъ отъ друга на весьма значительномъ разстояніи, упоминается объ убійствѣ брата и опредѣленно о мѣстѣ его погребенія: по вар. Вадайскаму и Пермскому — подъ колодомъ, т. е. подъ колокольной, а по Кирилловскому: противъ Спаса-Власо-Пряжи, въ Николи на горѣ. Едва-ли можно сомнѣваться, что тутъ кроется намекъ на дѣйствительное событіе, которое своей необычайностью произвело такое сильное впечатлѣніе на народъ, такъ поразило его воображеніе, его нравственное чувство, что онъ поспѣшилъ запечатлѣть его въ своемъ пѣснопѣніи для грядущаго потомства. Надо думать, что прежде, когда-то существовали (а можетъ быть существуютъ гдѣ-нибудь въ захолустѣхъ и донынѣ) отдѣльныя пѣсни, цѣликомъ посвященныя тому кровавому событію, тусклое воспоминаніе о которомъ дошло теперь до насъ въ осколкахъ дѣтской прибаутки. Если изслѣдователи и бытописатели исторической старины найдутъ пелишнимъ принять къ свѣдѣнію согласное упоминаніе нашихъ вариантовъ о сути означеннаго факта, то имъ, быть можетъ, и удастся доискаться до болѣе подробнаго изображенія означеннаго событія.

Вар. къ №№ 102 и 103 (стр. 22), зап. мною въ Твери.

2539.

Бубень, ты бубень!	Какъ поповы дѣти
Отдай свою дочку	Горохъ молотили,
За нашего князя!	Цѣпи поломали,
У нашего князя	За-овинъ поклѣдали.
Трое хоромъ,	Попъ погрозился,
Трое сѣней:	Съ палатей свалился,
Курица ступила —	А поподья съ печки
Сѣни проломили.	Приломила плечки,
Изъ курицы перо,	А пѣтухъ съ полички ¹⁾
Покатилось зерно	Проломилъ галѣчки.
Подъ Иваново село.	
Иванъ съ пестомъ,	
Жена съ шестомъ.	

Вар. къ № 114 (стр. 24). Ряз. губ. Данк. у.

Послѣ стиха:

«Онъ итраетъ во трубу»
продолжаетъ такъ:
Труба тѣченая,
Позолоченная.

¹⁾ «Поличка (отъ сл. *полика*), вообще всякая доска прибитая на ребро къ стѣнѣ или къ поставцѣ, въ шкапу для постановки и поклажи чего». Слов. Даля.

Жена плеточки плететъ,
Свое мужа продаетъ
За лисицу, за тряпичу,
За лысаго кобеля
За медвѣдя п. . . па.

Къ № 117.

Этотъ № состоитъ собственно изъ двухъ прибаутокъ, изъ которыхъ первая оканчивается 7-мъ стихомъ и есть не что иное, какъ припѣвъ при игрѣ «Захарка». Игра эта практиковалась и практикуется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и теперь. Вотъ что говорить про нее Сахаровъ: (стр. 24) (приложение).

«Захарка, — игра дѣтская, веселить дѣтей и изъ ума выжившихъ старушекъ. Не имѣя никакой самобытной идеи, она за то не выражаетъ ни одной любопытной черты изъ семейной жизни. Кажется, что она родилась въ русскихъ селеніяхъ, гдѣ зимними вечерами хижинны поселятъ освѣщаются горящими лучинами. Можетъ быть, предки имѣли свою цѣль, изобрѣтая эту игру, теперь намъ непонятную. Оттого мы въ ней теперь видимъ какую-то безотчетливость, указывающую прямо на дѣтскія наивности и на неосторожную беззаботность дряхлѣющихъ людей.

Старушка въ семействѣ, желая потѣшить дѣтей, беретъ пукъ лучины, сажаетъ ихъ около огня и каждому дитяти даетъ по лучинѣ. Дѣти зажигаютъ концы лучинокъ, махаютъ ими по воздуху, приговаривая за старушкою:

Гори, гори жарка!
Приѣхалъ Захарко,
Самъ на телѣжкѣ,
Жена на кобылкѣ,
Дѣти на санкахъ,
Въ черныхъ шапкахъ.

Всѣ эти слова повторяются до тѣхъ поръ, пока сгорятъ лучины, или пока крикъ дѣтей, обожженныхъ лучинами, произведетъ порядочную суматоху. Въ селеніяхъ бабушки для этого только и собираютъ дѣтей въ зимніе вечера въ одну избу позабавиться «захаркою». Сахаровъ: сказ. р. п. т. I, стр. 84.

Изъ новѣйшихъ этнографовъ Е. А. Покровский въ своей книгѣ: «Дѣтскія игры, преимущественно русскія» (стр. 354) сообщаетъ слѣдующее объ этой игрѣ: «Захарка. Игра ведется почти исключительно въ лѣсныхъ губерніяхъ, между маленькими дѣтьми въ длинныя осенніе или зимніе вечера. Для этого

они собираются въ какую-нибудь пустую избу, въ отсутствіе стариковъ изъ дому, берутъ пукъ лучины, зажигаютъ его отъ свѣтца, т. е. той подставки, въ которой укрѣпляютъ лучину для горѣнія, даютъ каждому по лучинкѣ и каждый, махая по воздуху, сначала горячей, а потомъ превратившейся въ красный уголь, лучинкой, приговариваютъ на распѣвъ: «Гори, гори ярко и т. д. безъ перемѣны. Это повторяется до тѣхъ поръ пока лучинка не превратится въ черно-красный уголь. Затѣмъ и снова зажигаютъ и повторяютъ тотъ-же припѣвъ до тѣхъ поръ, пока вся лучина сгоритъ. Ср. также выше, № 269 описаніе игры «Курилка».

Къ № 118 (стр. 25). По вар. изъ Тульской г., Крапив. у., Ясная Поляна. Послѣ стиха:

«Я по курочкѣ цѣномъ» продолжается такъ:

Она къ верху зобомъ,
Завертѣлась колесомъ.
Воробей пищитъ,
Сто рублей тащить.

Вар. къ № 280. (Изъ с. Вапины, Зарайскаго у. Ряз. губ.)

Около болы. няни играющія дѣти поютъ такъ:

Костромужка Кострома!
«Ай канушь до свѣчи,
Да горячи блины,
Поменишны пироги».

Затѣмъ слѣдуетъ разговоръ такой:

«Живъ-ли Костромужка?»

— Волежь.

Опять сначала и опять:

«Живъ-ли Костромужка?»

— Выздоровливаетъ.

Въ третій разъ на этотъ вопросъ отвѣчаютъ: «всталъ».

Въ четвертый «пошелъ».

Сообщ. учит. народнаго училища Кедровъ. Ср. также описаніе этой игры у Покровскаго «Дѣтскія игры», стр. 197—198.

Во II отдѣлѣ этого сборника (стр. 367—371) читатель вѣроятно уже обратилъ свое вниманіе на подробное описаніе «обычая хороненія Костромы» (въ Муромск. у. Владимирской губ.), откуда онъ могъ увидѣть что загадочная современная дѣтская игра Костромы есть не что иное какъ убогий только обломокъ ритуальнаго обряда глубокой языческой древности.

Въ 1858 г. я записалъ отъ одной няни Корчевск. у. (Тверской губ.) еще слѣдующій вариантъ,

составляющій, какъ видно, только отрывокъ изъ неизвѣстнаго памѣ цѣлаго:

Костромушка, кострома,
Государева жена!
На костромушки блинны,
Блинны съ творожкомъ,
Кисель съ молочкомъ.

—
Ложки крашенны,
Ложки гнуты,
Носъ трясется,
Сердце радуется.

По смыслу здѣсь кострома означаетъ какъ будто какую-то кухонную посуду, въ родѣ сковороды, или кострюльки. Въ Петрозаводск. у., Олонецкой губерніи: «Кострома» — растущая во ржи сорная трава (плевели): «Сей годъ во ржи костромы много.» Дополнен. къ «Опыту великорусскаго областного словаря.»

Постѣдній вар. можетъ служить новымъ доказательствомъ, что пѣсня, разъ вырванная изъ рамки своей исконной обрядности съ теченіемъ времени то и дѣло сокращается, видоизмѣняется до неузнаваемости и наконецъ примѣняется къ обстоятельствамъ далеко ей несроднымъ, что еще болѣе выясняется изъ слѣдующаго примѣчанія.

Къ №№ 222—229 (стр. 38—39).

Въ сборникѣ «Дѣтскихъ пѣсень» Безсонова два варианта этихъ прибаутокъ отнесены къ числу тѣхъ, которыя дѣвочки распѣваютъ, играя въ куклы, и озаглавлены: «Куклы ходятъ въ гости, ихъ потчуютъ.» Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эти же прибаутки поются деревенскими пѣнями при убавливаніи и укачиваніи дѣтей. Но по большинству имѣющихся у меня вариантовъ этихъ прибаутокъ выходитъ, что они практикуются дѣтьми, властвующими уже въ достаточной степени родной рѣчью, при играхъ, въ видѣ жеребьеваго приговора, такъ называемаго *конанья*, почему я ихъ и помѣстилъ въ этотъ разрядъ.

По замѣчанію Н. С. Хомякова въ предисловіи его «Къ русскимъ пѣснямъ изъ собранія П. В. Кирѣевскаго», напечатанныхъ въ I т. Московскаго Сборника (М. 1852 г.) наша прибаутка является пѣсней колыбельною. Замѣчаніе это, интересное само по себѣ, мнѣ показалось такъ поучительнымъ для изслѣдователей русской народной словесности, что считаю необходимымъ привести его здѣсь цѣлымъ, т. е. вмѣстѣ съ относящейся къ нему выноской:

«Самыя юридическія учрежденія старины нашей сохранились во многихъ мѣстахъ въ силѣ и свѣжести и живутъ въ преданіяхъ и пѣсняхъ

народныхъ. Такъ напримѣръ однажды, входя въ комнату, въ которой кормилица, родомъ изъ сельца Солнушкова, Московской губерніи, укачивала мою дочь, я услышала такую колыбельную пѣсню, которая меня удивила. Слова ея мною были записаны, и вотъ ея содержаніе:

Ребенокъ зоветъ другого ребенка играть и веселиться вмѣстѣ:

«Ты куколка, я куколка,
Ты маленькая, я маленькая.
Приди ко мнѣ въ гости.»

Другой отвѣчаетъ:

«Я радешенька-бъ пошла,
Да боюсь тиуна.»

Первый возражаетъ:

«Ты не бойся тиуна, —
Тиуна тебѣ не судья,
Судья намъ Владыка.»

Переданное въ такомъ обрывочномъ видѣ содержаніе этой старобытной интересной пѣсенки весьма естественно вызвало во мнѣ желаніе познакомиться съ нею въ цѣломъ ея составѣ. Это мнѣ удалось только въ концѣ 50 годовъ, благодаря обязательнейшей любезности покойнаго И. С. Аксакова. Какъ я только заговорилъ съ нимъ объ упомянутомъ предисловіи Хомякова, онъ вспомнилъ тотчасъ, что по поводу его ему было прислано изъ Ростова замѣчаніе съ полнымъ текстомъ искомой мною пѣсни для помѣщенія во второмъ томѣ, приготовленнаго для печати (и запрещенномъ цензурой), Московскаго Сборника и съ полнымъ радушіемъ предложилъ мнѣ списать для себя, если желаю, все письмо почтеннаго Ростовскаго купца, но не иначе какъ тутъ же, въ его комнатѣ. Я, разумеется, незамедлительно воспользовался его любезнымъ предложеніемъ. И вотъ это письмо въ пересказѣ редакціи Сборника.

«На дняхъ мы получили — письмо изъ Ростова¹⁾ отъ почетнаго гражданина П. В. Хлѣбникова, который сообщаетъ намъ, что эта пѣсня поется и до сихъ поръ въ Ростовскомъ уѣздѣ, но тамъ она не колыбельная. Тамъ она составляетъ особенный родъ игры, въ которую играютъ маленькія дѣти и преимущественно дѣвушки. Дѣти становятся въ кружокъ, — одинъ изъ нихъ выступаетъ на середину круга и пачинаетъ говорить пѣсню:

2540.

«Ты куколка,
«Я куколка;
«Ты маленькая,
«Я маленькая, —
«Гдѣ ты была?»

¹⁾ Ярославской губ.

— У вечерни пробыла.
«Что ты въ гости не пришла?»
— Боллася теуна.
«Теуна тебѣ не судья, —
«Судья владыка»
Владыковы дѣти,
Хотятъ улетѣти....
Шинель ¹⁾ вышель,
Вонъ пошелъ!

Стоящій въ серединѣ круга при первомъ стихѣ дотрогивается рукою до одной изъ составляющихъ кругъ, при второмъ стихѣ до сосѣда того, до котораго она уже прежде дотронулась и т. д. обходить весь кругъ. Тотъ, на которомъ, при послѣднемъ стихѣ: «вонъ пошелъ» остановится его рука, выходитъ изъ круга. Такъ продолжается игра до тѣхъ поръ, пока въ кругу останется всего одинъ. Этому оставшагося начинаютъ дразнить словами: «Окова продѣта! Окова продѣта!» а она обязана всѣхъ переловить. Пойманный дразнить уже не можетъ. Когда уже будутъ пойманы всѣ, то они вмѣстѣ нападаютъ на ловившаго ихъ, начинаютъ его тормошить и щекотать. Тѣмъ и оканчивается игра.

Примѣчаніе редакціи Сборника:

«Ростовцевъ и до сихъ поръ въ народѣ называютъ въ шутку «*оковниками*». Известно, что въ древнія времена существовала хлѣбная мѣра «*окова*» (отъ оковки желѣзными обручами). Въ Ростовскомъ уѣздѣ, по словамъ г. Хлѣбникова, есть преданіе, будто Ростовцы во время голода, первыя раздѣлили эту мѣру на части: четверть окова составила шестнадцатую четверть, осьмая часть названа осмьюной, а 16 часть — кадью. Впрочемъ, все это не объясняетъ, по нашему мнѣнію, ни значенія словъ: «окова продѣта», ни того, какимъ образомъ попали они въ дѣтскую игру.»

И въ Вологодской губерніи у дѣтей въ ходу эта жерблевая пѣсенка подобнымъ же образомъ. Вотъ какъ объ этомъ сообщаетъ Н. А. Иваничій.

«Весной, какъ только первая лужайка растаетъ, въ какой-нибудь праздникъ, собираются дѣти, становятся въ кругъ, а одинъ въ средину. Этотъ послѣдній поворачивается вокругъ себя, дотрогивается каждому до груди и говоритъ: «ты куколка, я куколка, зачѣмъ долго не была? поболалась тыцуна. Тыцу, тыцу, не судья, ради вошеля, шинель, вышель, вонъ пошелъ.» На кого упало слово: пошелъ, тотъ отходитъ до послѣдняго. Кто остался, тотъ бѣгаетъ за другими и ловить.

¹⁾ Въ Ростовскомъ уѣздѣ употребляютъ иногда въ брани названіе *шинель*. Х.

Кого поймаютъ, тотъ въ свою очередь долженъ ловить, и т. д.»

Матеріалы по этнографіи Вологодской губерніи. Изв. И. Об. Л. Е. А. и Э. Труды Этногр. Отд. т. XX, вып. а, стр. 159.

«Въ заозерномъ селѣ Угодичахъ, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи доселѣ удержался обрядъ завиванія нитокъ, — при чемъ поется пѣсня «Куколка». Правда, въ послѣднее время этотъ обрядъ держится только у малолѣтнихъ дѣвочекъ, тогда, какъ немного лѣтъ тому назадъ, завиваніе нитокъ было обязательно для всѣхъ взрослыхъ дѣвицъ. Обрядъ этотъ совершается теперь въ Угодичахъ слѣдующимъ образомъ: небольшія дѣвочки собираются въ недѣлю Женъ Мѣроносицъ въ известномъ количествѣ въ домѣ одной изъ нихъ и составляютъ изъ известнаго числа нитокъ кольцеобразно «плетеницу», которую украшаютъ различными лентами и сквозь нее онѣ поочередно цѣлуются попарно, каждая съ избранной своей подругой. Это у нихъ называется «Кумиться». Потомъ онѣ вѣшаютъ эту плетеницу — кольцо секретно отъ другихъ, на малиновый или смородинный кустъ, предварительно избравъ изъ среды себя должностныхъ лицъ: *куму*, *подкумье* и *раскумье*. Въ это время каждая пара имѣетъ все общее между собою (?), не исключая и пищи, которую приносятъ онѣ каждая съ собою, потомъ изъ общихъ припасовъ готовятъ для нихъ чай и хорошій обѣдъ и ужинъ. Въ тотъ день, ходятъ онѣ къ обѣднѣ, кромѣ кумы и подкумья, которыя въ это время убираютъ въ тайное мѣсто, известное только имъ двумъ, кольцо-плетеницу. Послѣобѣденное время, до ужина онѣ проводятъ въ разныхъ играхъ, увеселеніяхъ и пѣни пѣсенъ.

«Это первая половина загадочнаго обряда. Вторая половина заканчивается Троицынымъ днемъ; до обѣдни всѣ, кромѣ кумы — ищутъ спрятанную плетеницу, а нашедши, развиваютъ ленты съ нея и украшаютъ ими березку. Потомъ всѣ идутъ къ обѣднѣ, послѣ которой тоже изъ общихъ припасовъ пьютъ чай, затѣмъ обѣдаютъ. Послѣ обѣда кума беретъ плетеницу, а подкумье разукрашенную лентами березку и всѣ гурьбой съ пѣснями идутъ по улицамъ къ озеру, гдѣ расплетаютъ плетеницу, дѣлятъ ее по частямъ между собою и спускаютъ нитки по воду, выводя изъ этого различныя замѣчанія о своемъ будущемъ ²⁾».

«Игры, пѣсни, чай и ужинъ заканчиваютъ этотъ таинственный обрядъ. Замѣчательно при этомъ то, что если которая дѣвица отстанетъ

²⁾ Ср. въ этомъ же сборн. Описанія Вознесенія, Семика и Троицына дня — стр. 342—347.

послѣ первой части обряда и не пожелаетъ участвовать въ другой, то она почитается измѣнницей и въ теченіе всего лѣта имѣютъ ее въ подозрѣніи и не принимаютъ въ свое общество.

Слова пѣсни слѣдующія:

2541.

Куколка, ты куколка!
Не малая — малая.
Зачѣмъ долго не была?
— Боялася тиупа
Тиупъ тебѣ не судья, —
Судья-то владыка.
Владыкины дѣти
Хотятъ улетѣти.
Шышелъ вышелъ, —
Вонъ пошелъ.»

Труды Этнограф. Отд. Общ. Люб. Е., Антроп. и Этн. книга VII, стр. 44—5. Сообщ. д. чл. А. А. Шитова.

Къ №№ 238—248 (стр. 41—45).

«Первенчики», говоритъ Сахаровъ, «игра дѣвухъ невѣстъ, есть въ полной мѣрѣ игра отъ печего дѣлать. Встарь наши бабушки не любили гулять по проспектамъ и бульварамъ, которыхъ тогда и не бывало, а сиживали съ своими внучками въ свѣтелкахъ и вышивкахъ. Когда, въ праздничные дни все покоилось, затворницамъ надобно было дать какое-нибудь занятіе, и вотъ наши бабушки обучали своихъ внучекъ первенчикамъ. Спасибо бабушкамъ и за это утѣшеніе.»

«Четыре и болѣе дѣвухъ садятся на полъ, въ кружокъ. Каждая изъ нихъ владетъ на колѣни въ одной по два пальца. Тогда старшая начинаетъ скороговоркою поговаривать:

Первенчики,
Друженчики,
Трынцы
Волянцы,
Поповы
Ладанцы,
Цыкень,
Выкень!

«Произнося каждое изъ этихъ словъ, она указываетъ на одинъ изъ протянутыхъ пальцевъ, и на который достается слово «выкень», тотъ палецъ и выкидывается. Внимательныя дѣвухи успѣваютъ прятать свой палецъ, прежде нежели будетъ произнесено роковое «выкень!» Отклоняя такимъ образомъ, приговоръ, онѣ мучатъ дѣвуху

надъ одною очередью часа по два и болѣе. Знающіе эту игру, въ одну очередь успѣваютъ отсчитывать всѣ пальцы, и чѣй останется одинъ палецъ, та должна и начинать игру.

«Старушки рассказываютъ, что въ этой игрѣ дѣвухи часто засыпали, вмѣстѣ со своими бабушками. Вѣрно, имъ, бѣднымъ, было устладательно!» Сахаровъ: Сказ. р. н., т. I, стр. 77.

Къ №№ 360—362 у Соболевскаго II, 20—204.
— №№ 401—403 » II, 118—123.
— №№ 410—415 » II, 365—370.
— №№ 412—416 » IV, 122—134.
— №№ 419—421 » III, 274—288.
— №№ 422—424 » IV, 224—225, 286.
— № 425 » IV, 764—771.
— № 433 » I, 166—169.
— №№ 434—436 » I, 51, 54—57.
— №№ 438—443 » II, 561—570. См. также замѣчанія Т. И. Филиппова въ его Сборникѣ, стр. 31—34.
Къ №№ 444—447 у Соболевскаго III, 150—154.

2542.

Вар. къ № 447. Владимірск. губ., Покровскаго уѣзда, с. Арханино.

Разметемъ лужокъ,
Заведемъ кружокъ —
Круги заводить,
Пѣсни запѣвать,
Дѣвокъ выбирать.
Дѣвокъ выбрали,
Коней выдали, —
Моему дружкѣ
Коня не дали.
«Ужъ ты милъ мой,
Милъ душа моя!
Какъ мнѣ жаль тебя,
Все не какъ себя.
Заложь меня,
Да купи коня, 2
Поѣзжай въ службу.
Въ службѣ выслушишь,
Меня выкупишь,
За себя возмешь.»
Всѣ князя-друзья
Съ войны ѣдутъ,
Моего друга
Въ завѣтъ нѣтъ.
Одинъ конь бѣжитъ,
На немъ явь лежитъ, 2
Черна пухова шляпа.
Въ пуховой шляпѣ лежитъ
Мой шелковъ платокъ.
Мнѣ не жаль платка,
Что онъ въ шляпѣ носится

Только жалъ дружка,
Что съ нной онъ водится.
Съ которой водится,
Съ той цалуется.

Зап. С. П. Мухановымъ. Сообщ. А. А. Шахматовымъ.

Къ №№ 452—455 у Соболевскаго. II, 624—632.
Къ №№ 462—463 » I, 51, 54, 55, 57.
Къ №№ 466—473 » II, 493—496.
Къ №№ 549—550 }
Къ №№ 553—554 }
Къ №№ 566—568 » II, 49, 51, 54, 55, 57.
Къ №№ 606—604 » II, 590—599
Къ №№ 612—613.

2543.

Вар. изъ Владим. г. Покровск. у.

Наварю я пива пьяново,
Накурю вина зеленова,
Напою я мужа пьянова,
Поваляю его среди двора,
Завалю его соломой,
Подожгу его лучиною,
Сама выбѣгу на улицу,
Закричу во всю Ивановску:

«Не видали ли, какъ туча шла?
Не слышали ли, какъ громъ гремѣлъ?
Мово мужа убило грозой,
А меня, млада, помпловала:
На печи въ углу валялася
Вся въ сажѣ перемазалася,
Меня туча испугалася,
Назадъ туча воротилася.»

Зап. С. П. Мухановымъ. Сообщ. А. А. Шахматовымъ. Ср. у Соболевск. III, 139—142.

Къ №№ 614—615 у Соболевскаго IV, 157—161.
Къ №№ 627—628 » II, 347—351, 353.
Къ № 692 » IV, 404—409.
Къ №№ 693—694 » IV, 374—382.
Къ №№ 709—712 » II, 205—212.
Къ №№ 730—732 » II, 29—294.
Къ №№ 750—753. Толкованіе смысла этой *канибальской* пѣсни см. въ сочиненіи профессора Л. Воеводскаго: «Канибализмъ въ греческой мифологій», стр. 62—63. При этомъ нужно замѣтить, что въ Тимск. у. Курск. губ. эта пѣсня поется скорымъ темпомъ и подъ ней пляшутъ.
Къ № 755 у Соболевскаго V, 223—231.
Къ №№ 765—766 у Соболевскаго V, 177—183.
Къ №№ 775—777 » III, 500—503.
Къ №№ 778—780 » III, 483—488.
Къ №№ 781—782 » V, 104.
Къ №№ 797—801 » I, 442, 444, 448.
Къ №№ 812—820 » I, 449—463. Сравни также въ моихъ «Матер. для изученія быта и яз. русск. населенія С.-З. края». Т. I, ч. I, 177, и мой же сборн. «Бѣлор. народн. пѣсни». №№ 158 и 159, тамъ же 395.

Къ №№ 821—827, стр. 216—219. (Отравленіе брата) у Соболевскаго т. I, стр. 140—143, 145—146. Вар. бѣлорусск. см. въ вышеуказан. моихъ: «Матеріалахъ» т. I, ч. I, №№ 543—544.

Вар. малорусскія:

2544.

— Ой дівчино, дівчинонько!
— Люби мене молодого:
— Будешъ мати мужа свого!
«Ой якъ мипі тебе любити,
Братъ приїде, то буде бити!»
— Иструй братіка рідного:
— Будешъ мати миленького! —
«Якъ не знаю, коли умру,
«Такъ не знаю, чимъ счарую.»
— Ой у полі калинонька,
На калині гадинонька:
Підставъ, дівко, коновочку
Підъ гадючу головочку.»
Якъ набрала ти чари —
И тимъ брата чаровала.
Еще братікъ у дорозі —
А вже чари на порозі,
Тільки братікъ приїзджає,
Сестра къ брату виходжає.
Братъ до сестри дароньками,
Сестра къ брату чаропьками.
— Ой на, сестро, уберися:
— Иди до саду проходися. —
«Ой папийсь, братку, пива
Що я сама наварила.»
Якъ, братікъ, пива напився —
Зъ кониченька виropого,
Зъ сиделечка золотого.
«Иди, братку, до компати,
Въ білу постіль — ставъ канати.
Стала дівча листъ писати:
«Ой до мене, дворанине!
«Бо муй братікъ марно гине.»
— Дурная дівчина,
— Рідного брата струїла:
— Струїла-сь брата родного,
— Струїшъ мене молодого.
Не пошла дівка за казака,
Тільки пошла за жебрака.
Жебракъ ходить, хліба просить,
А дівчина торбу носить.
Кусокъ хліба вложить въ торбу,
А дівчину вдарить въ морду.
Повій, вітре буйнесенькій,
На мой розумъ дурнесенькій.

Примѣч. Слово *чари* означаетъ часто, какъ и здѣсь, ядъ. Южноруссы думаютъ, что знаніе ядовитыхъ свойствъ вещей приобрѣтается знакомствомъ съ злыми духами.

Народн. пѣсни, собр. въ западн. части Волынской губ. въ 1844 г. Н. Костомаровымъ, напечат. въ Малорусск. Литерат. Сборникѣ Д. Мордовцева 1859 г. стр. 217.

2545.

Минской губ. Пинского у.

«Чому дівче пишно ходиш?
 «Чому ко мни не заходиш?
 — Як же мни виходити,
 — Маю брата, буде бити
 «Счаруй брата, счаруй свого,
 «То матимеш мужа молодого.»
 — Да кабіже я зельє знала,
 — Тобі я его счаровала. —
 «Скажу тобі, дівче, чары:
 «Ой у лузі надь водою
 «Стоить гадюк зь гадиною.
 «Подай, мати, коновочку,
 «На гадину головочку.
 «А як поїде рона зь рота,
 «То и счаруеш свого брата.
 — Нема брата теперь дома,
 — Поїхав гдѣсь у дорогу.
 «Коли нема брата вь дому,
 «Постав чары на порог.»
 Брат зь дороги приїзжає,
 Сестра зь пивомь виходжає, —
 Брат до сестры зь радоньками,
 Сестра кь брату зь чароньками:
 «Гдѣ ты, братко, забавився?
 «Возьми пива напиться,
 «Що я сама наробила.»
 — Випий, випий, сестро, сама,
 — Якъ баюса, кобъ не зрада.
 «Якъ, братко, сама пила,
 «Да-й для тебе оставила.»
 Взявъ братко да и напивса,
 Да-й за серцо ухонивса. —
 Изъ коника извалився
 — Ой що то, сестро, за пиво,
 — Що за сердечко вхонило? —
 Ой лжѣ, браце, и проспился,
 — Проспавшися, ще напийся.
 Ой ще брата не сховала,
 До Свербины листы слала:
 «Ой Свербино, Свербинонько,
 «Возьми мене, дівчиноньку!
 — Я не хочу тебе брати,
 — Коли умѣеш чаровати;
 — Счаровала брата свого,
 — То счаруеш мужа молодого.
 «Повинь, витре, найбуйнійшы,
 Тожъ мой розумъ найдурнійшы!
 Повинь, витре, буйнесеньки,
 Тожъ научивъ дурнесеньки!
 Повинь, витре, найтужышы,
 Бывъ у мене братъ пайвѣрнійшы!
 Ой ни брата, ни козака.»
 Пошла дівче за жебрака;

Жебракъ ходить, жебракъ просить,
 За нимъ дівче торбы носить. —
 Вь ее торбы за плечыма,
 Завше слѣзы подь очыма.

Изъ книги Р. Зенкевича: Piosenki gminne
 ludu pińskiego стр. 330.

Изъ сборника Эрбена: Prostonárodní české písně
 a říkadla, str. 477.

2546.

SESTRA TRAVIČKA.

Stojí hruška v širém poli,
 pod tou hruškou kámen bílý.
 Pod kamenem zlatý prsten,
 skrz ten prsten tráva roste.
 Kdo tu trávu žíti bude,
 zlatý prsten nosit bude.
 Žala ji tam moje milá,
 prstenu přec nenosila.
 Jeli tudy cizí pání:
 «Pojed, holka, pojed' s námi!»
 «Já bych s vámi ráda jela,
 kdybych bratra já neměla.»
 «Bratra můžeš otrávití,
 s námi můžeš předce jíti.»
 «Kterak bych ho otrávila?
 Ját' se tomu neučila.»
 «Idi do háje zeleného,
 najdeš hada jedového.
 Uvař mu ho v teplém mlíce,
 on ti skoná v malé chvílce.»
 Už bratříček z lesa jede,
 javorové dřevo veze.
 «Pojd', bratříčku, k snídaničku,
 přichystala jsem rybičku.»
 «Taká, sestro, to rybička,
 bez hlavičky, bez ploutvička?»
 «Hlavičku já posnídala,
 a ploutvička kočka vzala.»
 A když bylo po snídání,
 bratr má se k umírání.
 «Idi, sestřičko, pro vínečko,
 at' okřeje mé srdéčko.»
 Nabrala mu vody z louže:
 «Pí, bratříčku, to zpomůže.»
 A když bylo po obědě:
 «Běda, sestro, zle je, zle je!
 Podej, sestro, poduštičku,
 at' položím svou hlavičku!»
 Podala mu tvrdý kámen:

«spi, bratříčku, s Kristem pánem!»
 A když bylo po večeri,
 přijeli tam tři lékaři.
 «O vy páni lékařové,
 probodněte srdce moje.
 Tělo dejte pod kamení,
 at' ten oheň více není.
 A z kamení do kostnice,
 at' ta bolest není více.»
 Jeden den ho pochovala,
 a druhý den psaní psala:
 «Přijed', milý bez prodlení,
 už je bratr otrávený.»
 «Když jsi bratra otráвила,
 ani mne bys nešetřila.»
 «Ouvej Bože, jaké hořel
 nemám bratra ani muže.
 Bratra jsem si otráвила,
 a muže jsem nenabyla!»

Z Běrounska.

2547.

Pásla Iuda, pásla pava
 od večera až do rána.
 Přijel-tě k ní šelma Němec:
 «Dej, Iudýtko, dej ten věnec!»
 «Já ti věnec nemohu dát,
 mámť já bratra, ten je voják.»
 Bratra můžeš otrávití,
 mne si za manžela vzítí.»
 «Tak pak bych ho otráвила?
 jáť se tomu neučila.»
 «Idi do lesa jedlového,
 najdeš hada jedového.
 Usekni mu jen hlavičku,
 přistroj mu ho za rybičku.»
 Bratr z vojny domů jede,
 čtyry koně vrané vede.
 «Dej koničky do maštale,
 máš tam ryby přistrojené.»
 «Také, sestro, máš rybičky
 bez hlavičky—bez ploutvičky?»
 «Hlavičky jsem usekala,
 a ploutvičky kočce dala.»
 A když bylo po snídání,
 bratr má se k umírání.
 «Ovej, sestro, hlava bolí!
 vem šáteček, zavaž mi ji.»
 «Kdybych chtěla vázat hlavu,
 nedala bych jídla z hadů.»
 «Podej, sestro, poduštičku,

at' vypustím svou dušičku!»
 Podala mu tvrdý kámen:
 «Umři, bratře, umři na něm!»
 Už bratrovi hrany zvoní,
 a Iudýtku kati honí.
 Už bratříčka k hrobu nesou,
 a Iudýtku kati vedou,
 Už bratříčka ve hrob kladou,
 a Iudýtku kolem lámou.

Z Hradecka.

2548.

Žala holka, žala trávu
 na tom podviničném stavu.
 Ieli tudy cizí páni:
 «Pojed: holka, pojed' s námi.»
 «Iá bych s vámi ráda jela,
 kdybych bratříčka neměla.»
 «Zav se, holka, bratra svého,
 dej mu hada jedového.»
 Už bratříček z vojny jede,
 čtyry koně s sebou vede.
 A pátý hop! na provodě:
 «Iseš-li, sestro, na svobodě?»
 «Isem, bratříčku, na svobodě,
 jako ryba v čerstvé vodě!»
 Na, bratříčku, snídaničku,
 připravila jsem rybičku.»
 «Také, sestro, máš rybičky:
 bez ploutviček, bez hlavičky!»
 «Iá hlavičky sama snědla,
 a ploutvičky kočka zvedla.»
 Po snídání hlava bolí:
 «Pojd', sestřičko, zavaž mi ji!»
 «Kdybych chtěla hlavu vázat,
 nechtěla bych jedu dávat!»
 «Idi, sestřičko, do lednice,
 natoč vína do sklenice.»
 Než sestřička s vínem přišla,
 už z bratříčka duše vyšla.
 «Ouvej, kde jsou moje růže!
 nemám bratra ani muže:
 Bratra jsem si otráвила,
 a muže jsem nenabyla!»
 Rozpletla si dva ruličky,
 vypletla z nich dva nožičky:
 Iedním hrobek vykvpala,
 druhým krček podřezala.

Z Budějovicka. Srov. Čel. II. 49. III. 9, 76, 108; Suš. 167; Kol. II. 32; Žeg. P. 81, 82; Vojc. I. 71, 232, 289; Karadž. I. 215; Kukulj. I. 214; Sachar. IV. 7.

Приводимъ указанный Эрбеномъ вар. изъ В. Караджича, какъ болѣе подходящий къ нашему вар. подъ № 827: Первый, по всей вѣроятности послужилъ канвою для послѣдняго.

Вар. сербск. Караджичъ, т. I, стр. 215.

2549.

СЕСТРА-ОТРАВИТЕЛЬНИЦА.

Солнце закатилось межъ двухъ лѣсистыхъ горъ,
Парень лежитъ между двухъ дѣвушекъ,
Одну онъ цѣлуетъ, а другую не цѣлуетъ.
Но говоритъ краса дѣвица:
«Цѣлуй и меня, парень неженатый!»
Ей говоритъ парень неженатый:
«Ябы тебя цѣловалъ, краса дѣвица,
(Но боюсь твоего брата¹⁾)
«У тебя братъ-большой ссорщикъ (спорщикъ),
«Куда-бы онъ ни пошелъ, онъ начинаетъ ссору.»
Когда услышала это краса дѣвица,
Она пошла въ зеленый лѣсъ,
Тамъ она переворачиваетъ камни и деревья,
Пока ни нашла змѣи-отравительницу (ядовитую),
Заколола (убила) ее золоченымъ перстнемъ,
Наточила полстакана яду,
Остальное наполнила виномъ
И дала его своему родному брату.
Такъ и отравила своего брата
И пошла она къ парню неженатому:
«Поцѣлуй и меня, парень неженатый,
«Я отравила своего брата!»
Но говоритъ парень неженатый:
«Ступай отсюда (вонъ), отравительница!
«Если ты своего брата отравила,
«Отравишь и меня, юпака.» —

Перевелъ съ сербскаго П. А. Кулаковский.

Къ №№ 841—845 у Соболевскаго III, 47—56.

Къ №№ 846—859 » III, 19—32. Срав.
также въ моихъ «Материал.» Т. I, ч. I, №№ 479—485.

Къ №№ 858—864 у Соболевскаго II, 414—420.

Къ №№ 875—886 » I, 25, 27, 29, 37, 42,
44—49.

Къ №№ 888—889 » II, 53, 120—121,
124. Ср. также въ «Материал.» Т. I, ч. I, № 534.

Къ №№ 890—894 у Соболевскаго I, 126—130. Срав.
Шейна «Материалы». Т. I, ч. I, №№ 537—539.

Къ №№ 900—902 у Соболевскаго III, 123—130.

Къ №№ 903—906 » I, 96—121.

Къ №№ 907—909 » I, 96—123.

Къ №№ 910—911 »

Къ №№ 923—926. Ср. въ моихъ «Материалы». Т. I,
ч. I, 646—647. Тамъ же, на стр. 581—583 читатель
найдетъ небольшую историко-литературную за-
мѣтку касательно животнаго эпоса.

¹⁾ Собственно: несмѣю со страха предъ твоимъ
братомъ:

Къ №№ 954—957. Ср. въ тѣхъ же: Материалы т. II,
№ 108 (стр. 221) сказку: «Недовольный мужъ и
хитрая жена.»

Къ №№ 967—970: «Пошла коза по орѣхи.»

О распространеніи сородичей этой пѣсни
среди другихъ европейскихъ народовъ и пѣко-
торія соображенія о ея первоисточникѣ чита-
тель найдетъ въ «примѣчаніяхъ и дополненіяхъ»
ко II тому назван. «Материаловъ».

Вар. къ №№ 971—974.

2550.

Новгород. губ., Кирилов. у., с. Нефедовское.

Козликъ.

У бабушки старушки,
У дѣдушки Варюшки
Быу козелъ.
«Бабушка старушка,
Дѣдушка Варюшка,
Спустишь погулять!
Я вамъ воука убью,
Жеребенка страцю»...
Побѣжалъ козелъ
По борю, по торгу,
По верстеуку.
На стріцію козлу
Бѣло да мохнато,
Глаза выпуціу.
Тутъ испугаѣся козелъ,
Подъ вусточекъ упау:
Головою рветъ,
Ногами тенеть,
Какъ добрый конь.
Вородою мететь
Какъ виницеомъ.
Да вирю, вирю — вирю!
Да лѣжать — не улѣжать,
Да бѣжать не убѣжать.
«Благослови, Боже, звирѣкъ,
У тебя поспрошать:
Не ты ли, жидовинъ —
Овецъ скоть, собацей бѣготъ?»
— «Ой ты, глупый козелъ,
Неразумный козелъ!
Ты въ людяхъ не бывау,
Ты людей не выдау?
Ты въ лисѣ не бывау,
Ты звирей не выдау?
Я заюшко, я билинькой
Пудѣглазенькой.
Опять побѣжалъ козелъ
По торгу, по торгу
По веретеуку.

На стрицю козлу —
Лисо да мохнато.
Тутъ испугаѹсе козель,
Подъ кустинь упау:
Головою рветъ,
Ногами тепётъ,
Какъ добрый конь.
Бородою мететь,
Какъ виницкомъ.

Да вирю, вирю — вирю!
Да лёжать — не улёжать,
Да бѣжать — не убѣжать.
«Благослови, Боже, звирѣкъ,
У тебя поспрошать:
Не ты ли воудецъ жидовинъ —
Овецей скотъ, собацей бѣготъ?»
— «Ой, ты глупый козель,
Неразумный козель!
Ты въ людяхъ не бываѹ,
Ты людей не видаѹ?
Ты въ лисѣ не бываѹ;
Звирей не видаѹ?
— Я лисанька довогфостая,
Кромфостая.»
Опять побѣжаѹ козель
По торгу, по борку,
По веретеѹку.
На стрицю козлу —
Цѣрно да мохнато.
Тутъ испугаѹсе козель,
Подъ кустинь упау:
Головою рветъ,
Ногами тепётъ —
Какъ добрый конь,
Бородою мететь,
Какъ виницкомъ.

Да вирю, вирю — вирю!
Да лежать — не улежать,
Да бѣжать — не убѣжать.
«Благослови, Боже, звирѣкъ
У тебя поспрошать:
Не ты ли, воудецъ,
Не ты ли, жидовинъ,
Овецей-скотъ, собацей бѣготъ?
Ой, ты глупой козель,
Неразумный козель!
Ты въ людяхъ не бываѹ?
Ты людей не видаѹ?
Ты въ лисѣ не бываѹ?
Звирей не видаѹ?
— Я медвѣдушко.»
Опять побѣжаѹ козель
По торгу, по борку,
По веретеѹку.
На стрицю козлу —

Оѣро да мохнато.
Тутъ испугаѹсе козель, —
Подъ кустинь упау:
Головою рветъ,
Ногами тепётъ
Какъ добрый конь.
Бородою мететь,
Какъ виницкомъ

Да вирю, вирю — вирю!
Да лёжать — не улёжать,
Да бѣжать — не убѣжать
«Благослови, Боже, звирѣкъ,
У тебя поспрошать:
Не ты ли воудецъ,
Не ты ли жидовинъ
Овецей скотъ, собацей бѣготъ?»
— Я то и есь!
Сфатиѹ козла да разорваѹ...
Несетъ волеъ козла
Мимо бабинъ домъ,
Мимо дѣвкинъ дворъ,
Бабка-то скацётъ,
Дѣвка-то пляшётъ:
«Нашъ козель воѹка убиѹ,
Жеребенка сратиѹ!..»
День прошоѹ — козла нѣтъ,
Другой-то прошоѹ — козла нѣтъ.
На третій день пошли
Козла искаать, —
Нашли козла подъ кустомъ:
Рога на кусту, борода на шию.

Зап. учит. народн. школы. Сообщ. инспектор. на-
родн. училищъ Новгородск. губ. V-го района Н. К.
Рамзевичемъ.

Что пѣсня о бабушкиномъ козлинь или козлѣ
служила когда-то сатирой на современные нравы
— объ этомъ мы находимъ довольно интересное
указаніе въ книгѣ достопочтеннаго С. В. Макси-
мова «Сибирь и каторга», въ отд. «Тюремныя
пѣсни». Послѣ приведенія имъ тамъ цѣлаго ряда
пѣсень этого рода онъ въ заключеніе сообщаетъ
еще 4 пѣсни сибирскихъ тюремъ и передъ тек-
стомъ послѣдней замѣчаетъ слѣдующее:

«Четвертая сибирская пѣсня, извѣстная подъ
именемъ «заводской» и записанная нами въ Нер-
чинскомъ Большомъ заводѣ со словъ ссыльнаго,
пришедшаго съ Урала (Изъ Пермской губ.) пере-
дана была съ нѣкоторою таинственностью. Зна-
комецъ нашъ придавалъ ей большое значеніе,
какъ бы какой многозначительной загадкѣ и,
проговаривая пѣсню, просилъ разгадать ея
смыслъ. Вотъ эта послѣдняя изъ извѣстныхъ
намъ тюремныхъ пѣсень, знакомая и въ Россіи.

2551.

За рѣвою, за рѣченькою,
Жили были три бабушки:
Три Варварушки,
Три старыя старушки —
Три постриженницы.
У первой, у старушки
Было стадо быковъ,
У второй, у старушки
Было стадо коровъ,
У третьей, у старушки —
Нѣтъ никого:
Одна козушка рязаночка.
Принесла она козла
И съ тѣмъ вмѣстѣ дурака —
Москвитѣнина.

По три годы козель,
По три годы дуракъ
Подъ полатами стоялъ,
Мякишки зобалъ —
Толокончатый,
А помоечки пилъ
Судомойчатый.
Сталь-же козель,
Сталь-же дуракъ
На возрастѣ —
У бабушки, у Варварушки,
Отпращиваться: —
Въ чисто поле гулять.
Помель-же козель,
Помель же дуракъ:
Онъ ножками бьетъ,
Какъ тупицами сѣкеть¹⁾
Глазками глядитъ,
Какъ муравчиками²⁾.
Въ стрѣчу козлу,
Въ стрѣчу дураку
Незнакомый звѣрь:
Сѣренекъ и маленекъ,
Глазки на выпучкѣ.
Обошедши козель кругомъ,
Паль ему въ ноги челою:
Не вѣдаю о чемъ.
«Какъ тебя, сударь, зовутъ,
Какъ тебя, сударь,
По изотчеству? —
Не смерть-ли ты моя,
Да не съѣшь-ли ты меня,
Козла дурака
И Москвитѣнина?»

¹⁾ Въ Россіи вар. Онъ ножками трясеть.
Да мережки плететь. М.

²⁾ Т. е. очень бойко, какъ объяснилъ пѣсель-
никъ. М.

— «Какая твоя смерть!
Вѣдь я зайчика пучеглазенькій:
Я по камушкамъ скачу,
Я осиночку гложу.
Спрошу я тебя,
У козла дурака,
У Москвитѣнина
Про семь волковъ». —
«Я шести не боюсь:
Шесть волковъ
На спинѣ унесу,
Во рту (или въ зубахъ) утащу.
Изъ шести овчинъ
Шубу сошью,
А седьмой овчиною
Шубу опущу.
Отошлю эту шубу
Бабушкѣ Варварушкѣ:
Спать будетъ тепло
И потягаться хорошо».

С. Максимовъ, «Сибирь и каторга», Ч. I,
1871 г. стр. 419—421.

Къ № 976. Отысканный конецъ: послѣ стиха «По-
плыла тревуха» продолжается такъ:

Мимо Бакина двора
Вѣжитъ баба со двора
Съ двумя дочерями,
Съ тремя кочетами.
«Ужъ ты батюшка Матвѣй
Ты, пожалуйста, отбей!
Мнѣ жалъ сына, кобеля
Бѣло-гористаго.
Онъ за зайцами ходилъ,
За лисицами турилъ,
Денежки выручалъ
На солоникѣ проѣдалъ».

Къ №№ 979—981 стр.

2552.

Служилъ я пану
По первое лѣто,
Даль же мнѣ пану
Курочку за это:
5 Моя курочка
Гей, гей, да зюзюлечка,
По двору ходить,
Цыплятъ водить,
Хохолъ надымаетъ,
10 Пана утѣшаетъ,
Курочка!
Служилъ я пану
По второе лѣто,

Даль же мнѣ пану
 15 Уточку за это:
 Моя утка
 Водоплавка,
 Моя курочка
 Гей, гей, да зюсюлечка и пр.
 20 Служилъ я пану
 По третье лѣто,
 Даль же мнѣ пану
 Гуся за это:
 Мой гусь
 25 Подлѣ усь,
 Моя утка
 Водоплавка и пр.
 Служилъ я пану
 По четвертое лѣто,
 Даль же мнѣ пану
 Порося за это:
 5 Мое пороса
 Лежа прося,
 Мой гусь
 Подлѣ усь, и пр.
 Служилъ я пану
 10 По пятое лѣто,
 Даль же мнѣ пану
 Козочку за это:
 Мой коза
 Спала съ воза,
 15 Мое пороса
 Лежа прося, и пр.
 Служилъ я пану
 По шестое лѣто,
 Даль же мнѣ пану
 20 Барана за это:
 Мой баранъ
 По горамъ,
 Мой коза
 Спала съ воза, и пр.
 25 Служилъ я пану
 По седьмое лѣто,
 Даль же мнѣ пану
 Телятко за это:
 Мое теля
 30 Хвостомъ меля,
 Мой баранъ
 По горамъ и пр.
 Служилъ я пану
 По осьмое лѣто,
 Даль же мнѣ пану
 Корову за это:
 Моя корова,
 Будь здорова!
 5 Мое теля
 Хвостомъ меля и пр.
 Служилъ я пану

Девятое лѣто,
 Даль же мнѣ пану
 10 Кобылу за это:
 Моя кобыла
 Черногрива,
 Моя корова,
 Будь здорова! и пр.
 15 Служилъ я пану
 Десятое лѣто,
 Даль же мнѣ пану
 Коника за это:
 Мой конь
 20 Возить въ домъ,
 Моя кобыла
 Черногрива,
 Моя корова,
 Будь здорова!
 25 Мое теля
 Хвостомъ меля,
 Мой баранъ
 По горамъ,
 Мой коза
 30 Спала съ воза,
 Мое пороса
 Лежа прося,
 Мой гусь
 Подлѣ усь,
 35 Мое утка
 Водоплавка,
 Моя курочка,
 Гей, гей, да зюсюлечка,
 По двору ходить,
 Цыплять водить,
 Хохолъ надымаетъ,
 5 Пана утѣшаетъ,
 Курочка!

Изъ «Собр. пѣс.», Новикова. Москва, 1783.

2553.

Służyłem u pana na pierwsze lato,
 Wyłużyłem sobie kokosku za to,
 Moja kura
 10 Żłotopióra
 Po sadzie chodziła,
 Kurczęta wodziła,
 Hej, hej, moja kurycal!
 Służyłem u pana na drugie lato,
 15 Wyłużyłem sobie scygielka za to,
 Mój scygielek dziobie mak,
 Moja kura
 Żłotopióra
 Po sadzie chodziła,
 20 Kurczęta wodziła,
 Hej, hej, moja kurycal!

Služylém u pana na trzecie lato,
Wysłu'yłem sobie kacusie za to,
Moja kacka mówi tak,
25 Mój scygielek dziobie mak,
Moja kura
Złotopióra,
Po sadzie chodziła,
Kurczęta wodziła,

30 Hej, hej, moja kuryca!
Služylém u pana na czwarte lato,
Wysłužylém sobie gaseczke za to,

Moja gęś,
Kuprem trsęs,
5 Moja kaczká mówi tak,
Mój scygielek dziobe mak,
Moja kura
Złotopióra
Po sadzie chodziła,
10 Kurczęta wodziła,

Hej, hej, moja kuryca!

«Piesni ludu Krakowskiego, zebrał J. Konopka».
W Krakowie, 1840, str. 157.

2554.

Изъ сборника Эрбена: Prostonárodní české písně a
řikadla, str. 380.

DEVTTÉLÉTÁ VÝSLUHA

Když jsem já sloužil
to první léto,
vysloužil jsem si
kuřátko za to:
a to kuře krákoře,
běhá po dvoře;
má panenka pláče
doma v komoře.
Když jsem já sloužil
to druhé léto,
vysloužil jsem si
kachničku za to:
a ta kachna jako machna,
a to kuře krákoře,
běhá po dvoře;
má panenka pláče
doma v komoře.
Když jsem já sloužil
to třetí léto,
vysloužil jsem si
husičku za to:

a ta husa chodí bosa,
a ta kachna jako machna atd.
Když jsem já sloužil
to čtorté léto,
vysloužil jsem si
vepřika za to:
a ten vepř jako pepř,
a ta husa chodí bosa atd.
Když jsem já sloužil
to páté léto,
vysloužil jsem si
telátko za to:
a to tele hubou mele,
a ten vepř jako pepř atd.
Když jsem já sloužil
to šesté léto,
vysloužil jsem si
kravičku za to:
a ta kráva mlíko dává,
a to tele hubou mele atd.
Když jsem já sloužil
to sedmé léto,
vysloužil jsem si
volečka za to:
a ten vul jako kůl,
a ta kráva mlíko dává atd.
Když jsem já sloužil
to osmé léto,
vysloužil jsem si
botičky za to:
a ty boty do roboty,
a ten vul jako kůl atd.
Když jsem já sloužil
poslední léto,
vysloužil jsem si
děvčátko za to:
to děvčátko jak poupátko,
a ty boty do roboty,
a ten vůl jako kůl,
a ta kráva mlíko dává,
a to tele hubou mele,
a ten vepř jako pepř,
a ta husa chodí bosa,
a ta kachna jako machna,
a to kuře krákoře
běhá po dvoře:
má panenka stele
postel v komoře.

Z Berounska. — Slov. Suš. 621; kol. II, 49; Ka-
radž. 1, 505; Koryt. II, 98; Ross. Erot.
S. Petersb. III, 173.

Къ №№ 982—983, (стр. 283).

Соображеніе о томъ, на что эта сатирическая пѣсня намекаетъ мы находимъ въ статьѣ свящ. Т. Успенскаго (помѣщ. въ Пермскомъ Сборникѣ), гдѣ онъ сообщалъ о любви мѣстн. стариковъ-крестьянъ старожиловъ къ преданіямъ старины, особенно о «кладахъ», прибавляетъ еще слѣдующее:

«Любятъ еще старики потѣшать себя и молодое племя разсказами о томъ, какъ ихъ отцы и дѣды готовились отражать пугачевскую волость и растоптать ее, какъ грибы. Рѣдкая беседа старыхъ людей обойдется безъ ссылки на ту памятную эпоху. «Я въ Пугачевъ годъ женился, говоритъ одинъ», «а я родился за годъ до Пугачева», говоритъ другой, «а я тогда съ покойнымъ бачкой учился въ цѣль стрѣлять, говоритъ третій». Всѣ же единодушно утверждаютъ, что тогда въ народѣ было сильное желаніе сражаться съ шайкою мятежниковъ; что для этого всякій, у кого было ружье, учился на дворѣ опытнаго стрѣльца-охотника стрѣлять въ цѣль. Для такого ученія ставился на дворѣ учителя столбъ, обращенный въ послѣдствіи въ коновязь, еще не такъ давно стоялъ на дворѣ одного изъ монаховъ прихожанъ. Были, конечно, въ то время и трупы, разбѣжавшіяся по лѣсамъ, когда шайка Пугачева приблизилась къ Долматову и начала громить монастырь. Вотъ еще и любимая старинная пѣсня, сложенная едвали не про ту Пугачевскую эпоху и характеризующая съ нѣкоторой пропѣей героевъ тогдашняго времени:

Какъ вздумалъ грибъ,
Нашъ грибъ-боровикъ
По всѣмъ грибамъ полковникъ,
Подъ дубомъ сточилъ,
На всѣ грибы глядячи,
Повелѣтъ и приказать
На войну идти опенкамъ и т. д.

Изъ ст. священ. Т. Успенскаго «Очеркъ юго-западной половина Шадринскаго уѣзда, Пермск. губ. Пермск. сборн. (М. 1895), кн. I, смѣсь, стр. 37.

Къ № 984. Болѣе исправный списокъ этого сказанія см. въ интересной монографіи г. Хр. Лопарева: «Древне-русскія сказанія о птицахъ», стр. 18. Тамъ же на стр. XXIX и объясненіе этой сатиры. Означенная монографія вышла въ свѣтъ, когда весь текстъ настоящаго сборника былъ отпечатанъ.

Къ №№ 987—997. Ср. у Шейна: «Матеріалы». Т. I, ч. I, 641 (стр. 521).

Къ №№ 998—1000. Ср. тамъ же стр. 632—637.

Къ № 1004: послѣ стиховъ:

Клопы подымали,
Животъ надорвали —

По старинному продолжается такъ:

Посылаетъ вошка блошку
Къ судѣ воеводѣ.
Судья приказалъ,
Воевода наказалъ —
Могилашку рыти,
Вошь хоропити:
Попы—клопы,
Сверчки—дьячки,
Тараканы погребали,
Мухи голосомъ кричали,
Воробы могила об.....

Сообщ. бывшимъ губернаторомъ Вятск. губ. въ 50-хъ годахъ Н. Н. Семёновымъ, помѣщикомъ Рязанск. губ.

Къ № 1009. Вар.

2555.

Новгородск. г. Кирилловск. у.

Злой мужикъ-садовникъ!
Онъ по зеленому саду гуляетъ,
Меня, хмелинушка, провѣдаетъ:
Онъ тычинушку въ сердечушко втыкаетъ.
Ужъ я тутъ-то, хмель, догадался,
По тычинушку къ верху подымался,
Я отростилъ себѣ бумажные листья,
И отростилъ себѣ яровыя шипки.
Ужъ какъ злой мужикъ-садовникъ
По зеленому саду гуляетъ,
Меня, хмелинушка, провѣдаетъ.
Онъ отрѣзалъ мнѣ рѣзвы ноги.
Старики меня, старухи, ощипали,
Во рогожи, во кули зашивали,
По торгамъ по базарамъ развозили,
Богатые мужики да покупали.
Наварилъ мужикъ сладкаго сусла.
Ужъ я тутъ-то, хмель, догадался. —
Во намѣрникѣ да разгулялся.
Богатые мужики да выпивали, —
Тутъ мужикъ съ мужикомъ да разодрался:
Онъ ударилъ о тылъ его головою,
Въ коровье калѣе да бороною.

Зап. учит. народн. учил. А. Разумовскимъ.
Сообщ. инспект. народн. училищъ Новгород. губ. Н. К. Рамзевичемъ. Ср. у Соболевскаго, I. 501—503.

Къ №№ 1048—1051. Ср. у Соболевскаго II, 617.

2556.

Вар. Пермск. губ.

Подъ грушею подъ кудрявою,
Подъ яблонью подъ садовою

Сѣю, вѣю, разсѣваю конопельшко;
А сама коноплю приговариваю:
Взойди, взрости, конопельшко
Ты не низко, не высоко, въ саду съ вишеньемъ

[равно.]

Ахъ всѣ мои подружки на игрище ушли,
А меня, младу младешеньку, свекоръ не отпу-

[скать!]

Заставилъ свекоръ батюшко работу работать,
Работу работать—овинъ сушить;—
А я въ сердце-то войду,—весь овинъ сожгу,
А сама, млада-младешенька, на игрище уйду.

Подъ грушею подъ зеленою,
Подъ яблонью подъ садовою
Сѣю, вѣю, разсѣваю конопельшко;
А сама, коноплю приговариваю:
Взойди, взрости, конопельшко,
Ты не низко, не высоко,—въ саду съ вишеньемъ

[равно.—]

Ахъ всѣ мои подруженьки на игрище ушли,
А меня, младу-младешеньку, свекоръ не отпу-

[скать;

Заставила свекровушка работу работать,
Работу работать,—кросенце ткать.
А я въ сердце-то войду,—кросна изорву,
Я кросна изорву—и челнокъ изломлю,
А сама, млада младешенька, на игрище уйду.

Подъ грушею... и проч.

Ахъ всѣ мои подруженьки на игрище ушли,
А меня, младу-младешеньку деверь не отпускать;
Заставилъ деверинушко работу работать,
Работу работать—коня сѣдлатъ.
А я въ сердце-то взойду—коня въ поле отпущу,
А сама млада младешенька, на игрище уйду.

Подъ грушею... и проч.

Ахъ всѣ мои подруженьки на игрище ушли,
А меня, младу-младешеньку, золовка не пускать;
Заставила золовушка работу работать,
Работу работать—себѣ косу расплетать.

А я въ сердце-то войду,—русу косу оторву,
А сама, млада младешенька, на игрище уйду.

Сообщ. А. И. Соколовымъ

Къ № 1052 Ср. у Соболевскаго. I, 501—503.
Къ №№ 1054—1055 » II, 609—613

Къ №№ 1068—69.

2557.

Вар. Вологодской губ., Повѣн. у.

Вокругъ я келейки хожу,
Вкругъ я повеньки,
Веруъ сосновеньки;
Ужъ я старицу бужу:
Ужъ ты старика, встань,
Спасенная душа встань!
Встань, къ заутрени звонять,
На расходъ говорить!
Люди молятся,
Черти возятся
— «Отойди прочь, пономарь,
Отойди прочь, пустозвонъ!
Не могу я встать,
Головы поднять:
Голова моя болить,
Сердце ключикомъ бинить».
— «Къ тебѣ молодецъ идетъ,
Чаю, кофею несетъ,
Напиться велитъ,
Позабавиться». —
«Ужъ встать было мнѣ,
Походить было мнѣ,
Поломать костей,
Для милыхъ гостей.

Зап. Н. А. Иваницкій.

¹⁾ Вм. отпускаетъ—общепотребительная народная форма. С.

Къ №№ 1241—1242. Ср. у Соболевск. II, 262—268.
Къ № 1243 » IV, 838—840.

Свадьба Нижегородск. губ. въ городѣ Балахнѣ

Въ этомъ городѣ и окрестныхъ его деревняхъ продолжительность свадебныхъ дней бываетъ отъ педѣли и до двухъ. Большей частью здѣсь свадьбы бываютъ осенью и зимою.

Сватанье начинается въ понедѣльникъ или вторникъ. Сваха посланная женихомъ приходитъ въ домъ невесты, становится среди комнаты противъ матицы и проситъ себѣ стулъ. Сѣвъ на него, она обращается къ родителямъ невесты со словами: «такой-то (имя, отчество и фамил. жениха) приказалъ вамъ кланяться и проситъ руки вашей дочери». Сваха не принимаетъ никакихъ угощеній, пока дѣло не пойдетъ въ ея пользу. Если родители изъявляютъ согласіе на всѣ условія, предложенныя со стороны свахи, а именно: о составѣ приданнаго: сколько и какихъ платьевъ, дипломатовъ, шубъ, какое бѣлье, постель? на чей счетъ свадьба и сколько согласны дать жениху денегъ на столъ, то они свои желанія передаютъ своей дочери и, получивъ и отъ нея согласіе, объявляютъ о томъ свахѣ. Последняя или кто другой идетъ въ домъ жениха и приглашаетъ послѣдняго и его близкихъ родныхъ въ домъ невесты, гдѣ совершается рукобитіе. По приходѣ туда, гости усаживаются за столъ по старшинству и родству, молятся Богу и отецъ жениха и невесты (а если кого-нибудь изъ нихъ нѣтъ въ живыхъ, то заступающіе ихъ мѣсто) встаютъ и кладутъ правыя полы своихъ кафтановъ или шубъ пола на полу и даютъ и бьютъ въ знакъ согласія другъ другу правыя руки. Вслѣдъ затѣмъ гости садятся за столъ и начинается угощеніе ихъ чаемъ, водкой и десертомъ. Въ это время приходятъ дѣвицы подружки невесты и начинаютъ пѣть пѣсни.

Эти пѣсни поютъ уже болѣе 100 лѣтъ. — Расходъ на свадебныя приготовленія весьма неодинаковъ. Если невеста бѣдная, то и расходъ небольшой. Если же обѣ стороны исправныя, то кромѣ своего приданнаго, невеста шлетъ жениху вѣнчальную тройку и даетъ ему денегъ: отъ 25 руб. и до 50 руб. и болѣе. Расходъ такого жениха доходитъ до 150 руб. Послѣ рукобитія до дня брака у невесты бываютъ вечера, куда сходятся по приглашенію дѣвицы и кавалеры: поютъ пѣсни и танцуютъ. Наканунъ дня брака бываетъ въ домѣ невесты главный вечеръ, называемый «сговоръ», куда приглашаются родственники жениха и невесты. Родственники жениха собираются сначала къ нему въ домъ и помолившись Богу, пдутъ, предводительствуемые дружкой, къ невестѣ. Если родъ большой, то гостей собирается отъ 20 до 50 человекъ. На

этотъ вечеръ приглашаютъ и священника. Гости жениха садятся на первыя мѣста, а невесты за ними. Ихъ угощаютъ чаемъ, водкой, десертомъ. Затѣмъ бываетъ ужинъ, состоящій отъ 5 до 10 кушаньевъ. Въ селѣ Кубинцевѣ въ этотъ вечеръ, во время ужина, двѣ любимыя подружки невесты входятъ прикрытыя платками, такъ, чтобы ихъ не узнали и дарятъ жениху, невесту и всѣхъ гостей разными бумажными вещичками. Гости въ свою очередь отдаютъ дѣвушкамъ, владѣ на тарелку денегъ, которые идутъ въ пользу дѣвицы. Крестный отецъ и мать благославляютъ нареченныхъ иконами и садятся на первыя мѣста подлѣ родителей. При благословеніи на бракъ предпочтеніе отдается отцу. Если въ день брака случается дождь или снѣгъ, то, по народному повѣрью, молодые будутъ жить счастливо.

Во избѣжаніе дурныхъ послѣдствій нареченнымъ съ перваго же вечера кладутъ въ карманъ по луковницѣ и горсть зеренъ простаго пшена. При входѣ и выходѣ изъ храма дружка предупреждаетъ молодыхъ не задѣвать своимъ тѣломъ косяковъ и дверей храма. Кромѣ этого, невестѣ на гайтанъ¹⁾ напизываютъ двѣ жемчужины, привязываютъ кусочекъ ртути и втыкаютъ нѣсколько иголокъ въ подолъ платья крестъ-на-крестъ. Если-де порча и коснется тѣла, то вреда не будетъ, а спадетъ только одна жемчужина.

Наканунъ брака, невеста съ подругами ходитъ въ баню, гдѣ для пары поддаютъ вмѣсто воды — нивомъ, если явится горечь, то молодые жить будутъ плохо, а если горечи не будетъ, то жить будутъ счастливо. По выходѣ изъ бани дѣвицы на лошадяхъ отвозятъ приданое невесты къ жениху въ домъ. Женихъ даетъ имъ выкупъ кромѣ угощенія сколько нибудь денегъ. Въ этотъ день невеста кланяется родителямъ своимъ въ ноги и благодаритъ ихъ за хлѣбъ, за соль, за воспитаніе и вскормленіе. Вечеромъ приѣзжаетъ женихъ съ дружкой и привозитъ невестѣ ларецъ. Въ самый день брака къ жениху и невестѣ приносятъ изъ храма иконы и затѣмъ бываетъ обѣдъ у жениха, куда приглашаютъ весь причтъ. Вѣнчаніе въ большинствѣ случаевъ назначается въ воскресенье или въ понедѣльникъ. Около 4 часовъ пополудни этого дня родственники жениха, участвующіе въ поѣздѣ, собираются къ нему и отправляютъ одну лошадь за священникомъ. Священникъ прочитаетъ молитву, послѣ чего родители благословятъ своего сына и поѣзжане (дружка, крестный, крестная, свахи, шаферъ) выходятъ и садятся въ повозки: свд-

¹⁾ Снурокъ, на которомъ носятъ тѣльный крестъ. Сл. Далъ.

щенники садятся съ женихомъ на одну. Дружка съ обпаченной головой и съ иконой въ рукахъ три раза обходитъ поѣздъ и затѣмъ велитъ трогать и поѣздъ отправляется въ домъ невѣсты, гдѣ къ этому времени она уже наряжена и благословлена своими родителями. По пріѣздѣ, всѣ поѣзжане садятся за столъ. Къ нимъ выводитъ невѣсту. Въ селѣ Кубинцевѣ сваха со стороны жениха въ это время даритъ родственниковъ невѣсты полотномъ, ситцемъ и мятными вяземскими пряниками. Затѣмъ сваха расплетаетъ косу невѣсты и проситъ подать ей тарелку, на которую и кладетъ всѣ принадлежности дѣвичьей косы, которыми и отдаетъ ихъ матери невѣсты съ словами: «Сваха нынѣ прими — на дѣвичью красу.» Послѣ этого молятся Богу и дружка беретъ подъ руки жениха и невѣсту, выводитъ ихъ на улицу и сажаетъ отдѣльно. Здѣсь дружка снова обходитъ поѣздъ такъ же, какъ и въ первый разъ, — и ѣдутъ въ церковь. По окончаніи бракосочетанія молодыхъ ведутъ въ вѣнцахъ въ домъ жениха, гдѣ приготовленъ для всѣхъ ужинъ, называемый «столъ». При входѣ молодыхъ въ домъ ихъ встрѣчаетъ отецъ и мать жениха: отецъ съ иконой, а мать съ хлѣбомъ и солью. Молодые кладутъ три поясные поклона предъ иконой, цѣлуютъ ее, а потомъ здороваются съ отцомъ, тоже тремя поцѣлуями, затѣмъ прикладываются къ хлѣбу-соли и также здороваются съ матерью и входятъ въ домъ. Ужинъ состоитъ изъ 10-ти или 15 кушачевъ и изъ множества напитковъ. Пирующіе гости расходятся не раньше 1-го ч. ночи. Молодыхъ уводятъ въ другое помѣщеніе, гдѣ устроено для нихъ брачное ложе. На слѣдующее утро снова всѣ гости сходятся въ домъ жениха. Дружка, вооруженный заслономъ и горшкомъ сопровождаетъ молодыхъ до бапи и обратно. Когда молодые на возвратномъ пути изъ бапи вступаютъ на порогъ дома, то всякъ изъ гостей хватаетъ горшокъ или плошку и бьетъ объ полъ; нѣкоторые изъ сватьевъ и свахи напиваются себѣ на одежду ленточки пунцоваго цвѣта, а нѣкоторые вилегаютъ ихъ себѣ въ голову, садятся въ повозки и ѣдутъ по городу, распѣвая пѣсни. Свахи вооружены бутылками, наполненными виномъ, краснаго цвѣта и размахивая ими, пляшутъ. Этими даютъ всѣмъ знать о цѣломудренности невѣсты. Послѣ этого въ домъ жениха бываетъ для всѣхъ гостей обѣдъ, по окончаніи котораго гости расходятся и припасаются къ встрѣчѣ молодыхъ. Молодые съ 2 часовъ дня ѣдутъ по родственникамъ съ визитомъ, гдѣ ихъ дарятъ разными подарками, въ которыхъ чувствуютъ пужду новобрачные. Вечеромъ снова всѣ гости сходятся къ молодому въ домъ, гдѣ уже приготовленъ та-

кой же ужинъ, какъ и наканунѣ. Въ селѣ Кубинцевѣ на второй день послѣ вѣнчанія ужинъ бываетъ и у невѣсты и называется «блинки». Спусти недѣлю молодые приглашаютъ снова всѣхъ родственниковъ, кавалеровъ и барышень и устраиваютъ таццевальный вечеръ.

Этимъ вечеромъ завершается кругъ свадебныхъ празднествъ.

Свадебныя пѣсни.

2558.

Ужъ ты, свѣтъ, паша измѣнница!
Измѣнница, красна дѣвица.
Измѣнила насъ, подруженекъ,
Подруженекъ, красныхъ дѣвушекъ:
Сказала, что «замужъ пойду!»
И говорила: «не подумаю».
Сказала: «въ монастырь пойду,
Въ монастырь пойду, въ игуменьи,
А васъ, дѣвушекъ, съ собой возьму,
Съ собой возьму — въ монашенки».
А теперь же замужъ пошла,
А тепереча и подумала.
На что, душа, прельстилася:
На орѣшки ли, пѣль на прянички?
Или на сахарны сладки яблочек?
Ты скаже, на что прельстилася?
Человѣка ли добила?
Или росту онъ высокаго?
Или роду онъ богатаго?
— Онъ худенешекъ, манешенекъ,
На лично смугленекъ.
Онъ и ходить — запинается,
Говорить рѣчь — *заканьется*,
Самъ подпоситъ — *заливается*.
Онъ цѣлуетъ — *забывается*.

2559.

Высоко солнце восходило,
Выше гѣсу, выше темнаго,
Выше терема высокаго.
Какъ во этомъ новомъ теремѣ
Сидѣла тутъ Аппушка,
Сидѣла она, плакала.
Такъ она плачетъ, — какъ рѣка льется,
Во риданьи какъ волна бьется,
Проклинула она чужу сторону:
«Ты злодѣй, злодѣй, чужая сторопа!
Ты злодѣй, злодѣй — чужой отецъ и мать!
Посылаютъ меня, молоду»
Во глухую полночь по воду.
Ужъ какъ я, млада за водой пошла, —
Какъ подули вѣтры буйные,

Прилетѣли гуси сѣрня
Со родимыя со сторонущи,
Намутили воду свѣжую.
Ужъ какъ я ли безъ воды пришла, —
Свекоръ батюшка журить-брашнить,
Свекровь матушка побить велить,
Девери пасмѣхаются.
Одна милая золовушка,
Ея умная золовушка, —
За меня слово замолвила:
«Не брашн-ко ее, батюшко,
Не жури-ко, родна матушка!
Мнѣ самой идти въ чужіи люди».
— А ты, глупая певѣтушка,
Почеринула бы воды мутныя:
Вода въ ведрахъ настоялась бы,
Сердце свекра уходило бы.»

2560.

Не было вѣтру да павинуло,
Не было гостей, да паѣхало.
Ужъ какъ полонъ дворъ вороныхъ коней,
Полны сѣннички дорогихъ гостей.
Подломали они сѣни новыя,
Разступили они золоту чару,
Золоту чару со феѣсами (?),
Со зелеными изумрудами.
Испугали они соловья въ саду.
Какъ расплакалась душа Аннушка,
Уговариваетъ ее свѣтъ Василька:
«Ты не плачь-ка, не плачь, не вѣдыхай ты-
жело!»

Я сострою тебѣ сѣни новыя,
Я солью тебѣ золоту чару со феѣсами,
Со зелеными изумрудами,
Ужъ я самъ у тебя соловей въ саду.
Ужъ я буду тебя по зарямъ будить,
По зарямъ будить по утреннимъ.

2561.

Ужъ вы дѣвушки подруженьки
Вы придите посидѣть ко мнѣ во останешны,
Во останешны въ послѣдній разъ.
Послушайте голубушки, что я буду вамъ нака-
зывать,

Что наказывать, приказывать:
Придетъ-то весна красная,
Разольется вода-полая,
Расцвѣтутъ лазоревыя
Вы пойдете въ луги гулять,
Ужъ вы будете цвѣточки рвать,
Ужъ вы будете вѣночки вить,
Ужъ какъ мой цвѣточекъ останется.

Опъ останется, расплается,
Ко сырой землѣ приклонится.
Любезная подруженька,
Сорви-ко ты и мой цвѣтокъ,
Завей-ко ты и мой вѣнокъ,
Отнеси ко родной матушкѣ.
Положи-ко на окошечко,
Чтобы матушка увидѣла,
Родимая бы возжалилась,
Возжалевавшись бы, ко мнѣ пришла,
Меня, Аннушку, въ себѣ взяла.
«Родимое мое дитятко!
Что скоро соскучилось?»
— «Родимая моя матушка!
Ты спроси-ко гуси сѣраго:
Не забытъ ли у него поженъи?
А потомъ ты меня спрашивай:
Хорошо ли жить въ чужихъ людяхъ,
У чужаго отца-матери,
У чужаго роду племени?
Чужой отецъ — не батюшка,
Чужая мать не матушка.»
— «Родимое мое дитятко!
Ты убавь-ко своей гордости!
Держи голову поклончиву,
Ретивъ сердце, покорчиво,
Назови-ко свекра батюшкою,
Назови-ко свекровь матушкой!»
— «Родимая матушка!
Мое сердце не воротится,
И назвать мнѣ нехочется.»

2562.

Въ вечеру поздно позднешенько,
Поутру рано ранешенько
Приходила ко мнѣ свахышка,
Стучала подъ окошечко,
Вызывала мою матушку,
Вызывала на красецъ крылецъ,
Кланялась низехынько,
Говорила рѣчь тихохынько:
У васъ есть лебедь бѣлая,
А у насъ есть ясенъ соколъ.
Не можно ли подумати
За Василья Павлыча
Анну (Ивановну) замужъ выдати?
Она сватала, все хвастала,
Восхваляла чужу сторону:
«Чужая-то сторонуща
Виноградомъ пасѣяна,
Черносливомъ обгорожена,
Сытою поливана,
Золотой парчей покрывана,

У (такого-то) широкій дворъ —
 На семи верстахъ съ половиною,
 Среди двора горница —
 Ровно свѣтлая свѣтлица.»
 — «Не жила млада не вѣдала,
 Пожила — все свѣдала:
 Чужая сторонюшка.
 Она горемъ насѣяна,
 Кручиной обгорожена,
 Слезами поливана,
 Печалью покрывана,
 У (такого-то) широкій дворъ
 На семи курныхъ шагахъ.
 Да съ половиною.
 Среди-то двора баннишка —
 Что худымъ-то худешенько,

Всѣ углы-то отвалилися,
 По бревну раскатилися.
 Еще свахѣ-то странницѣ,
 Да ей еще подговорщицѣ —
 Кумаха-бы замучила:
 На печи подъ шубою,
 Подъ двумя бы тулупами,
 Подъ тремя бы одѣлами!
 Умереть бы тебѣ, свахынѣка,
 Безъ гроба и безъ савана,
 И безъ свѣчъ и безъ ладана
 Схоронить бы тебя, сваханька —
 Безъ попа и безъ дьякона.
 Схоронить бы за банею,
 Зарыть бы мякиною,
 Помянуть бы дробиною! ¹⁾»

Примѣч. къ стр. 640, къ концу описанія свадьбы
 въ Калязинск. у. Тверск. губ.

«Разсмотрѣвши внимательно всѣ вышеприве-
 денныя пѣсни и причеты, мы должны придти къ
 заключенію, что въ нашей мѣстности когда-то
 существовала купля невѣсты, на это указываютъ
 вышеприведенныя сцены выкупа невѣсты у по-
 другъ, брата и т. п.

Независимо отъ воли самого народа, по тра-
 диціи, въ причетахъ и пѣсняхъ сохранились
 черты болѣе или менѣе глубокой древности; мы
 можемъ даже, съ болѣе или меньшей вѣроят-
 ностью предположить къ какому именно періоду
 старины относятся тѣ или другія мѣста изъ пѣсенъ
 и причетовъ, если только постараемся ихъ ана-
 лизировать. Прежде всего: какою представляется
 дѣвушка въ причетахъ и пѣсняхъ? Она представ-
 ляется сильно прикрѣпленною къ своей родной
 семьѣ, гдѣ окружена попеченіями своихъ отца
 съ матерью и подругъ: въ этой семьѣ для нея и
 «работаныце очень легко» и «вешнее гуляныце
 вольно». Здѣсь цвѣтетъ и расцвѣтаетъ ея кра-
 сота, здѣсь она среди своихъ подругъ точно ле-
 бедеь среди лебединого стада. Тѣмъ не менѣе
 въ пѣсняхъ случаяхъ дѣвушку не можетъ не
 тяготить совершенная замкнутость женской жизни
 вообще: въ «ея дѣвическую косу вилетаются два
 ножечка булатныя, два замочка полуженныя», ко-
 торыя вынимаются изъ дѣвичей косы только съ
 выходомъ замужъ. Эта замкнутость, конечно,
 скорѣе всего можно понимать въ смыслѣ психи-
 ческихъ потребностей, въ смыслѣ неудовлетво-

ряемыхъ потребностей любви, привязанности и
 т. д. Эти потребности, безъ сомнѣнія, пробужда-
 лись и въ удаленныхъ отъ мужскихъ взоровъ те-
 ремахъ, опѣ и тамъ жгли дѣвичье сердце; по-
 только сама дѣвушка не въ состояніи была даже
 уловить значенія волнованныхъ ея чувствъ, предъ
 ея взорами носился лишь неясный образъ «друга
 милого», въ видѣ яснаго сокола: и только уже
 мать дѣвушки, догадавшись въ чемъ секретъ, со-
 вѣтуетъ дочери «приголубить яснаго сокола». Но
 чувства дѣвушки уже дошли до своего апогея:
 она «рада бы сокола приголубить, только ея по-
 женьи подогнулись, рученьки опустилися, го-
 лова съ плечъ покатилася». Въ этихъ словахъ
 мы видимъ уже изнеможеніе отъ тяжести чув-
 ства, подобно тому, какъ это отобразилась въ
 греческихъ пѣсняхъ Сафо, гдѣ дѣвушка, одер-
 жимая страстью, говоритъ своей матери:

Ниточки рвутся,
 Руки трясутся;
 Милая маменька,
 Дай мнѣ уйти!

Такъ чувство бьется въ дѣвичьей груди и не
 знаетъ себѣ исхода; но вотъ дѣвушка въ концѣ
 концовъ останавливается на «другѣ сердечномъ»
 и произноситъ:

— Милъ-то ли мнѣ милешенекъ,
 Милъ сердечный другъ!..

¹⁾ У Даля этого слова нѣтъ, а есть: «дробило»,
 ср. чекмарь, колотушка для раздробленія сухихъ
 комьевъ на пашнѣ.

Эти чувства къ другу-милому однако страшать молодую неопытную дѣвушку, они представляются ей «бѣлымъ горячимъ камнемъ, который холоднымъ холодешенекъ и который загнобитъ ея ретивое сердце». Вообще чувство любви скорѣе гнобитъ русскаго человѣка, нежели кидаетъ его въ жаръ и волпуетъ кровь, — отсюда и названіе милой въ народѣ «зазноба, зазпобушка». Это чувство подавляетъ его первную систему, заставляетъ опускать руки и подкашивать ноги, а нерѣдко спмаетъ голову съ плечъ. Конечно все это зависитъ отъ тяжелыхъ условій русской жизни.

Замужество для русской дѣвушки вообще не представляетъ выхода изъ ея тяжелаго положенія, потому что не даетъ ей свободнаго выбора, соответственно ея чувствамъ, оно бросаетъ ее по волѣ родителей на чужую сторону, къ чужимъ людямъ: оттого-то столько упрековъ и жалобъ выходить изъ устъ дѣвушки, обращенныхъ къ своимъ роднымъ, оттого она проситъ завалить дорогу, — по которой долженъ ѣхать ея женихъ, — ельничкомъ, березничкомъ, закатить катомъ, а ее отъ жениха защитить щитами; оттого-то столько отчаянія и грусти выпрывается изъ устъ дѣвушки, когда всѣ эти каты откатились, всѣ щиты отщитились и всѣ родные ее продали.

Въ концѣ концовъ русская дѣвушка въ приведенныхъ причетахъ и пѣсняхъ представляетъ «работницей-заботницей»; ея рука не пѣжная, рука рабочая. Какимъ же въ свою очередь представляется въ тѣхъ же пѣсняхъ и причетахъ женихъ?

Онъ представляется добрымъ молодцемъ, который гуляетъ «по запольцу», или же разѣзжаетъ по зеленой дубравушкѣ «въ колясочкѣ», — онъ называется княземъ, который съ подарками и, какъ будто случайно, попадаетъ къ дѣвушкѣ въ домъ, къ которому привела его изъ зеленой дубравушки хитрая лисичка, показывая слѣды.

Вникая въ подробности причетовъ и пѣсень, обрисовывающихъ жениха, мы наталкиваемся на вопросъ о первоначальномъ происхожденіи этихъ народныхъ произведеній. Въ самомъ дѣлѣ: почему женихъ называется заѣзжимъ молодцомъ, княземъ, ѣдущимъ въ колясочкѣ, почему онъ первоначально посылаетъ въ домъ невесты пословъ, а самъ остается въ дубровушкѣ, почему его гости называются «боярами», которые, вѣхавши въ невестинны ворота «половъ дворъ коней наставили и поломали сѣни новы?»

Нельзя ли допустить предположеніе, что всѣ эти свадебныя церемоніи ведутъ свое начало отъ временъ княжеской Руси, когда князья рыскали по дубровушкамъ за охотой, когда они женились или въ сосѣднихъ княжествахъ, или у своихъ

подданныхъ. Съ другой стороны, — при княжескихъ домахъ, во время свадебъ тоже были свои церемоніи, — и не были ли эти церемоніи заимствованы отсюда народомъ, какъ теперь заимствуются деревней разныя обычаи города, — и такимъ образомъ, хотя и въ искаженномъ видѣ, дошли до нашего времени. Интересно было бы собрать, какъ можно болѣе подобныхъ причетовъ и пѣсень и въ самихъ разнообразныхъ мѣстностяхъ: тогда бы по сличенію ихъ, можно было бы дѣлать болѣе обобщенные выводы. Народныя пѣсни и причеты говорятъ не только о настоящей народной психологій, но также о психологій и бытѣ давно прошедшаго, а это очень важно.

П. Новоселовъ.

Тверск. Вѣстникъ 1880 г., № 19, стр. 15 (конецъ ст. Народная свадьба въ Калезин. у.).

Изъ письма А. Кузнецова. Дополненіе къ описанію свадьбы въ Оренбургск. у.

«Въ письмѣ своемъ вы указываете на пробѣлы въ моемъ свадебномъ очеркѣ.

Относительно стоимости свадьбы сообщу, что самая бѣдная крестьянская свадьба въ Оренбургскомъ уѣздѣ стоитъ сторонѣ невесты 40 рублей, а жениховой 80, если не считать пищевыхъ продуктовъ, идущихъ на свадьбу изъ своего хозяйства; богатая же крестьянская свадьба здѣсь только на одно вино требуетъ отъ невестинной стороны 80 р., отъ жениховой 150—200 р. Прошлой осенью, въ селѣ Покровскомъ, гдѣ я въ настоящее время обрѣтаюсь, мой пріятель, богатый мужикъ (Карповъ) выдавалъ замужъ внучку, — и ему свадьба обошлась въ 100 руб., да кромѣ того онъ употребилъ на харчи 2 свиней по 8 пудовъ, 7 барановъ, 15 гусей, 10 утокъ, кадушку масла коровьяго, воза два муки на пироги, да огромное количество (около 2500 штукъ) яицъ да куръ штукъ 50. Женихова сторона (Захаръ Попомаревъ, свать Карпова) израсходовалъ вдвое болѣе невестинной. Нельзя было и не израсходовать: вѣдь на свадьбѣ только однихъ родныхъ было 70 человѣкъ, а кумушекъ да сосѣдушекъ съ шабрами не считали, а то навѣрное насчитали бы столько же, если не больше.

Пріятель мой Карповъ старикъ 75-ти лѣтъ, глава 20-ти головной семьи (въ нашемъ уѣздѣ по рѣдкости семья въ 30—35 человѣкъ). Онъ рассказываетъ, что въ старину дореформенную свадьбу были веселѣе: вина болѣе выпивали, примѣрно, вдвое, «а про харчи — хлѣбъ-соль и говорить нечего... На семейнистой и богатой

свадьбы по 10 барановъ за разъ съѣдали, а про гусей и утокъ, особливо про куръ и яйца, про масло и хлѣбъ не говорить нечего. За то тогда и безобразій было больше. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ старикъ, бывалый и видавшій виды.

О продолжительности свадебныхъ торжествъ, я кажется писалъ въ очеркѣ. Точно опредѣлить продолжительности ихъ очень трудно, потому что они, т. е. празднества бываютъ съ перерывами, съ промежутками—иногда съ недѣльными, иногда больше, иногда меньше. Чѣмъ богаче стороны, справляющія свадьбу, тѣмъ продолжительнѣе празднества—на оборотъ, чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ короче. Безъ промежутковъ мой пріятель Карповъ гулялъ свадьбу двѣ недѣли, а съ промежутками—1½ мѣсяца.

Цѣломудріе у насъ въ уѣздѣ строго соблюдается, въ глухихъ, болѣе отдаленныхъ отъ города селеніяхъ; въ селеніяхъ же близкихъ къ городу и въ такъ называемыхъ селеніяхъ базарныхъ уже не такъ цѣнится и наблюдается. За то въ первыхъ въ большомъ употребленіи «покура» (худой стаканъ родителямъ и хомутъ на шею или вывороченная шуба), а во вторыхъ она бросается. И въ первыхъ «цѣлошная» рубашка выносятся на публичку, на показъ всей честной компаніи, а въ послѣднихъ вмѣсто показыванія рубашки, какъ знакъ цѣломудрія певѣсты устраивается особый пиръ, называемый «Калпикой». Въ знакъ же отсутствія «цѣлки» этого пира у певѣсты не справляется, если молодой не пожелаетъ обнаружить грѣхъ своей суженой, т. е. уже молодухи.

Въ пригородныхъ селеніяхъ послѣ «гарнаго» на другой день утромъ молодой ходитъ въ тещѣ на блины, и если опъ, узнавъ грѣхъ пецѣломудрицъ своей жены въ дѣвкахъ, пожелаетъ его обна-

ружить, то опъ въ поданныхъ блинахъ выѣдастъ только серединки или просто дѣлаетъ въ нихъ дырки (тоже «покура»).

Въ прежнее время, до реформы, по словамъ стариковъ, дѣвки и парни вели себя, въ общемъ, лучше: почти не было случаевъ, чтобы обнаруживалась пецѣломудренность дѣвушки, чтобы, какъ поется въ одной современной пѣсенкѣ:

Дѣвки мелки
Растеряли свои цѣлки.

или:

Какъ мы съ обыскомъ пойдемъ
Одной цѣлки не найдемъ.

Не смотря на то, что парни и дѣвки часто цѣлыми недѣли проводили вдали отъ родителей, на вечеринкахъ, гдѣ устраивались игры и спали вмѣстѣ, или попарно, или же цѣлою вечеринкой на одномъ полу, на однихъ полатахъ, на однихъ печкахъ и т. д. Никѣ родители строго слѣдятъ за дочками, а между тѣмъ нецѣлѣвшихъ выходятъ замужъ больше, а въ пригородныхъ и базарныхъ селеніяхъ встрѣчаются случаи, когда дѣвка имѣетъ дѣтей:

У дѣвушки Любушки
Двѣ дочки голубушки.

Коровай—особый свадебный хлѣбъ существуетъ только въ немпогихъ селеніяхъ, а «курникъ» забылся, а можетъ быть, его у насъ и не было, такъ какъ здѣсь всѣ подъ словомъ «курникъ» разумѣютъ пашкетны (пашкетный) пирогъ, начиненный куриными потрохами и мясомъ.

А. Кузнецовъ.



ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Оканчивая этимъ II-мъ выпускомъ первый томъ настоящаго своего сборника, я нахожу необходимымъ разъяснить въ его заключеніи возможныя со стороны читателей нѣкоторыя недоумѣнія, разрѣшеніе которыхъ они не нашли въ предисловіи къ I-му его выпуску и вмѣстѣ съ тѣмъ представить на судъ ихъ тѣ мысли, которыми я руководствовался при составленіи предлагаемаго выпуска.

Вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ I-го выпуска «Великорусса» однимъ ученымъ рецензентомъ было, между прочимъ, высказано недоумѣніе на счетъ того, что великорусскія народныя пѣсни попали въ Одессу. Это странное недоумѣніе можно объяснить себѣ только тѣмъ, что почтенный ученый въ данномъ случаѣ совершенно упустилъ изъ виду, что въ этомъ многоязудномъ приморскомъ торговомъ городѣ мы встрѣчаемъ не только среди рабочихъ всякаго рода, массу пришлаго православнаго люда изъ ближайшихъ великорусскихъ губерній, но тамъ за городомъ уже много десятковъ лѣтъ существуютъ цѣлыя слободы, населенныя коренными великоруссами, доселѣ весьма ревниво сохранившіе нерушимо свой бытъ, свой родной языкъ, свои обычаи, преданія и пѣсни. Объ этомъ еще въ 40 годахъ писалъ въ «Москвитинѣ» профессоръ Зеленецкій.

Подобное недоумѣніе вызовутъ, пожалуй, и тѣ пѣсни, которыя у насъ помѣчены изъ Харьковской и Екатеринославской губерній. Но дѣло въ томъ, что и эти пѣсни записаны отъ пришлыхъ изъ внутреннихъ губерній русскихъ рабочихъ и ремесленниковъ, по долгу проживавшихъ среди малороссовъ, вліяніе которыхъ, хотя въ слабой степени, не могло не отразиться на ихъ языкѣ.

Затѣмъ можетъ возникнуть еще недоумѣніе относительно встрѣчи однихъ и тѣхъ же пѣсень изъ Вологодской губерніи, за подписью Н. А. Ивапицкаго и въ настоящемъ сборникѣ и въ разныхъ томахъ монументальнаго сборника профессора А. И. Соболевскаго (Великорусскія народныя пѣсни). Для рѣшенія этого, весьма понятнаго недоумѣнія нахожу нужнымъ сообщить слѣдующее: лѣтъ 15 тому назадъ нашъ извѣстный даровитый этнографъ, упомянутый Н. А. Ивапицкій (уже покойный), почтилъ меня своимъ довѣріемъ и передалъ въ полное мое распоряженіе большой рукописный сборникъ пѣсень, записанныхъ имъ въ разныхъ уѣздахъ означенной губерніи. Часть этихъ пѣсень была, какъ онъ объясняетъ тамъ въ предисловіи, напечатана въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ и затѣмъ въ сборникѣ земства, въ крайне несправномъ видѣ. Изъ сказаннаго ясно, что хотя и я и профессоръ Соболевскій черпали пѣсенный матеріалъ по Вологодской губ. изъ одного и того же источника, но въ одинакомъ невѣдѣніи насъ обоихъ насчетъ степени пользованія этимъ источникомъ для своихъ цѣлей каждымъ изъ насъ, такъ какъ наши сборники печатались въ одно и тоже время.

Теперь мнѣ остается отвѣчать еще на одинъ, возможный со стороны читателя вопросъ: почему я выбралъ для настоящаго своего сборника такое многообѣщающее заглавіе?

Выбралъ я это заглавіе во-первыхъ потому, чтобы съ разу отличить его отъ другихъ, ему предшествовавшихъ моихъ сборниковъ по бѣлорусской этнографіи, цѣлый рядъ которыхъ появлялись

въ печати въ теченіе не одного десятка лѣтъ (начиная съ 1874 г.) и пріучили читателей повѣйшихъ поколѣній къ мысли, что всѣ мои этнографическія работы ограничивались и ограничиваются только предѣлами областей бѣлорусскихъ говоровъ. Во-вторыхъ для того, чтобы полнѣе, рельефнѣе выставить на видъ содержаніе предлагаемаго труда, для котораго заглавіе «Русскія народныя пѣсни», подъ которымъ въ 1870 году вышелъ въ свѣтъ первый мой великорусскій сборникъ, далеко не выражаетъ всего объема того, что входитъ теперь въ разнообразный его составъ.

Приведенное объясненіе можетъ, кажется, служить достаточнымъ доказательствомъ того, что даннымъ заглавіемъ я не думалъ, да и думать не могъ представить въ своемъ «Великорусскѣ» полный кодексъ этнографическихъ данныхъ всѣхъ губерній и областей, населенныхъ преимущественно великорусскимъ племенемъ. На такую задачу не хватило бы жизни не только одного человека, но и цѣлаго поколѣнія самыхъ ревностныхъ собирателей, особливо при крайней скудости какъ матеріальныхъ средствъ, такъ и активнаго сочувствія нашего общества въ пользу подобныхъ задачъ.

Но какъ бы то ни было, а разъ выбравши, хотя по необходимости, для новаго своего сборника такой многообъщающій, чуть-ли не рискованный титулъ, я, по мѣрѣ своихъ силъ старался расширить для него (противъ прежняго его изданія), рамки своей программы и пополнить ихъ, какъ можно болѣе разнообразными этнографическими данными въ области слова, обычая, обряда, пѣсни и т. п. Преимущественно же мое вниманіе при этомъ было направлено на пополненіе отдѣловъ по части обрядовъ, сопровождающихъ главные моменты жизни человека на землѣ, каковы рожденіе и крестины, свадьбы и смерть, такъ какъ въ нихъ, вслѣдствіе ихъ ритуальнаго значенія, уцѣлѣли отъ сокрушенія времени вплоть до нашихъ дней крупныя слѣды древняго быта, древнихъ вѣрованій. Труднѣе всего оказалось добываніе матеріаловъ по обрядамъ двухъ первыхъ категорій и потому они и совершенно отсутствуютъ въ этой книгѣ. Однако надѣюсь, что мои дальнѣйшіе поиски по нимъ, если Богу угодно будетъ сохранить еще мнѣ жизнь и здоровье, окажутся не совсѣмъ безуспѣшными и я буду имѣть возможность напечатать ихъ въ приложеніи къ слѣдующему тому. Но за то мнѣ болѣе посчастливилось собрать значительное количество небезынтереснаго матеріала по обрядамъ свадебнымъ изъ 22 великорусскихъ губерній. Разумѣется всѣ эти записи не одинаковаго достоинства, но со стороны хронологіи онѣ представляютъ возможность прослѣдить свадебный ритуалъ исторически, начиная съ 50 годовъ.

Предлагаемое собраніе названныхъ данныхъ, хотя и занимаетъ въ этомъ сборникѣ цѣлыхъ 25 печатныхъ листовъ, едва-ли однако оно составитъ и сотую долю того, что являлось по этой части въ печати въ продолженіе только что истекшаго столѣтія, начиная съ первой его четверти, — преимущественно въ журналахъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ. Отдѣльных же сборниковъ, посвященныхъ исключительно обрядамъ свадебнымъ и погребальнымъ въ нашей этнографической литературѣ почти не существуютъ. И-й т. «Быта русскаго народа» Терещенко, содержащій описаніе этихъ обрядовъ, нельзя принимать въ счетъ, такъ какъ добрая часть его посвящена пересказамъ изъ Одеарія и старинныхъ грамотъ о свадьбахъ русскихъ царей до-Петровскихъ временъ, а затѣмъ перепечаткой изъ соч. Снегирева и отчасти Сахарова.

Мысль о важности приложенія подробнаго предметнаго указателя ко всѣмъ отдѣламъ настоящаго моего сборника, которымъ, лишь себѣ пріятной надеждой, не преминулъ воспользоваться, въ видѣ подспорья, наши ученые этнографы при своихъ изслѣдованіяхъ бытовой народнои жизни, преслѣдовала меня безотлучно въ теченіе многихъ лѣтъ. Но, осуществить эту основательную мысль на дѣлѣ я оказался въ всякой возможности, такъ какъ всю многосложную работу надъ упорядоченіемъ и окончательнымъ приготовленіемъ къ печати громаднаго количества совершенно сырыхъ матеріаловъ по великорусской и бѣлорусской этнографіи я веду совершенно одинъ, безъ посторонней помощи. А для составленія желаннаго указателя, требующаго и, какъ хорошо всѣмъ извѣстно, не мало времени и кропотливаго труда, мнѣ пришлось бы задержать появленія его въ печати еще на неопредѣленно-долгое время, что въ виду преклонныхъ моихъ лѣтъ и сильно надтреснутаго здоровья, было бы не только весьма рискованно, но и досадно и совѣстно передъ самимъ собою и въ особенности передъ моими безкорыстными сотрудниками, разсѣянными почти по десяткамъ губерній Россіи.

Вслѣдствіе всего изложеннаго я рѣшился составить, по крайней мѣрѣ, хоть отдѣльный сокращенный указатель для самаго большаго и вмѣстѣ съ тѣмъ самого содержательнаго отдѣла своего «Великорусса» — т. е. для свадебныхъ обрядовъ, который вслѣдъ затѣмъ и предлагаю:

а) Время для совершения свадебъ не во всѣхъ губерніяхъ, откуда у насъ приведено ихъ описаніе, одинаково. Подробное указаніе на этотъ счетъ читатель найдетъ на страницахъ: 565, 631, 662, 664, 708, 710, 715, 718, 724.

б) Свадебные чины и прочіе участники свадебнаго ритуала.

Кромѣ обычныхъ на всѣхъ русскихъ свадьбахъ чиповъ, какъ напр. *тысяцкій*, дружка, подружье, полудружье, *большей* и *малый бояринъ* и пр., мы въ г. Пинегѣ встрѣчаемъ еще: а) *вѣжливаго*, т. е. колдуна, оберегающаго свадьбу отъ порчи со стороны другихъ колдуновъ: стр. 332—333. и б) *подолошники* — дѣвицы, помогающія невѣстѣ въ причитаніяхъ: стр. 387.

Въ Елибужск. у. (Вятск. г.) *погонихи*: стр. 467.

Въ Крестецк. у. *шапошники*: стр. 500.

Въ г. Псковѣ между свадебными чинами встрѣчаемъ: «въпчальнаго батька» и «въпчальную матку»: стр. 544.

Въ Зарайск. у. (Ряз. губ.) выдѣляются *вечеровья*: стр. 560.

Въ Калыз. у. (Тверск. губ.) между перечисленными свадебными членами (стр. 633) обращаетъ на себя наше вниманіе *ивоздаръ*, названіе, отзывающееся глубокой стариною; о немъ упоминается п. дальше, на стр. 639.

Въ Новоторжск. у. (той-же губ.): одинъ изъ свадебныхъ чиповъ носитъ названіе: *трутень* или *кормовой*, — его обязанностью готовить постель для повобрачныхъ: стр. 640.

Въ Судогодск. у. (Владим. губ.) мы (на стр. 676) находимъ цѣлый рядъ свадебныхъ должностныхъ лицъ, которыхъ мы въ другихъ великорусскихъ губерніяхъ пока не встрѣчали.

Въ Сердобск. у. (Саратовск. губ.) въ числѣ свадебныхъ должностныхъ лицъ мы видимъ *каравайника* (онъ везетъ съ женихомъ коровай хлѣба въ церковь и изъ церкви) и *подсвѣчники*, который принимаетъ свѣчи, употребляемыя при вѣнчаніи: стр. 745.

Въ Оренбургск. у. *постельники*: мужчина и женщина, ихъ обязанность — доставка постели и приданнаго отъ невѣсты до жениха: стр. 753.

Изъ болѣе дѣятельныхъ участниковъ въ свадебной обрядности особенно выдаются: свать, сваха, а еще болѣе — дружка.

О свахѣ, ея приемахъ и рѣчахъ при сватовствѣ, также о взглядѣ на нее мѣстныхъ обывателей см. стр. 470, 536, 539, 565, 566, 662, 742.

Роль свахи въ пныхъ мѣстностяхъ исполняетъ свать. О немъ — стр. 673 и 751.

в) Относительно же дружка и его красноречія считаю нужнымъ сдѣлать болѣе обстоятельное указаніе:

	СТРАН.
Арханг. губ. Рѣчи дружки передъ выѣздомъ въ вѣнцу.....	389
Вологодск. губ. Устюжск. у. Его причеты въ домѣ невѣсты — №№ 1431—1444, 1496—1499.	
Вятск. губ. Глаз. у.....	483—484
Владимірск. г. Юрьевец. у. № 2232.....	669
Судогодск. у.....	677, 678
Покровск. у.....	683—685
Новгородск. г. Крестецк. у.....	501, 505
Бѣлозерск. у. Дружки сторонъ загадываютъ другъ дружекѣ загадки...	524—525
Валдайск. у. Переговоры дружекѣ съ братомъ невѣсты.....	533, 535
Псковск. г. гор. Псковъ. Переговоры дружекѣ.....	544
Рѣчи дружки.....	546
Великолук. у. Пѣсни дружки жениха съ пирогами №№ 1825, 1826 и 1827.	551—552
Рѣчи дружки жениха.....	552
Разговоръ дружки жениха съ дружкой невѣсты съ бо- ярками.....	553
Тульск. г. Новоспльск. у. Переговоры дружки жениха съ подружками невѣсты и съ женихомъ.....	570
Курск. г. Рыльск. у.....	626
Тверск. г. Калыинск. у. Рѣчи свата, замѣняющаго здѣсь, какъ подъ часть и въ дру- гихъ мѣстахъ роль дружка.....	633

	СТРАН.
Ярославск. г. Пошехонск. у. Переговоры, приговоры и загадки дружеск.	654—656
Костромск. г. Кинешемск. у. Приговоры дружеск.	681—688
Нижегородск. г. Макарьевск. у. Рѣчи и приговоры дружеск. 700, 702, 704, 705, 706, 707, 721, 723, 728—730,	733, 734
Симбирск. г. Приговоры и прибаутки дружеск.	736, 737
Самарск. г. Ставропольск. у.	737—738
Характеристика дружеск.	699 и 728

г) Сватовство и малое рукобитье, большое рукобитье.	377
сговоръ	386
смотри и прощивки, сговоръ.	470, 471, 472
Сватанье	494
и смотрины	526, 527, 528
сглядни (смовини и рукобитье)	536
сговоры	565, 566
лады, выкупъ	595, 596, 598
лады	612
сговорки	644, 645
и пропой	662, 673
выводъ, рукобитье	686
рукобитье, выговоръ.	690, 691, 697
кладка.	710, 711, 715
Сватовство.	000
запросъ	718
выкупъ невѣсты и рукобитье (оригинальное)	738
рукобитье	742
смотрины, поглядѣшен, кладка.	751

д) Въ свадебномъ ритуалѣ занимаетъ весьма важное мѣсто обрядъ приготовленія для невѣсты (наканунѣ бракосочетанія) *бани*, проводы ея туда и обратно съ пѣснями. Этотъ древнѣйшій обрядъ сохранился и практикуется до нашихъ дней среди великорусскаго населенія всей Россіи. Въ настоящемъ сборникѣ сообщаются свѣдѣнія объ этой обрядности изъ слѣдующихъ губерній: Архангельскаго, Опежскаго и Кемскаго у.

» г. Пинеги.	391
Вологодск. Тотемск. у.	431—433
» Сольвычегодск. у.	447—449
Олонецк., Пудожск. у. (Причеты).	490—491
Новгородск., Вѣлосерск. у. (причитанія №№ 1666 и 1667).	507—510
» д. Бубрыво (причитанія №№ 1688, 1689).	519—521
» Крестецк. у. (пѣсни №№ 646—1648).	498—499
» Валдайск. у. (причеты и пѣсни №№ 1715—1724).	523—531
Орловск., Малоарханг. у.	606
Владимірск.	674
Нижегородск., Макарьевск. у.	696—697
» » »	719
Саратовск., Сердобск. у.	744—745
Иркутск., стан. Шерагольск.	766
» с. на берегу Байкала.	769—770

е) Еще привлекаютъ наше вниманіе слѣдующіе обряды и обычаи:

1) Давать добровъ.	378
2) Ночивало давать.	337

3) Обрядъ здравствования.....	668
4) Поцѣлуй.....	724
5) Послѣ вѣнчанія молодья изъ церкви отправляются домой въ вѣнцахъ въ сопровожденіи священника.....	667

ж) Свадебные пиры:

Арханг. губ. г. Пинега. Столъ въ день рукобитья. Разстаповка столовъ, ихъ убранства и кушанья.....	392—393
Столъ послѣ вѣнца (церемонія съ тетерей и кашей).....	327
Вятск. г., Елабужск. у. Столъ въ день вѣнчанія въ домѣ невесты.....	466
Псковск. г., г. Псковъ. Повлонный столъ (на другой день послѣ вѣнца).....	546
Тульск. г., Новосильск. у. На дѣвчешники бываетъ три обѣда; ихъ обстановка.....	578, 580
Ярославск. г., Пошехонск. у. Пиръ въ домѣ невесты въ день брака.....	652
Княжій столъ въ домѣ жениха на другой день бракосочетанія.....	659—660
Нижегородск. г., Макарьевск. у. Послѣ рукобитья, не задолго передъ свадьбой пиръ въ домѣ невесты.....	696
» » Столъ у невесты (послѣ бани) для ея подругъ.....	697
» » Столъ въ день свадьбы въ домѣ невесты, пазваніе блюдъ.....	700
» (въ с. Богородскомъ). Столъ въ день свадьбы въ домѣ жениха; отличительныя блюда: лапша, каша.....	720
» » Красный столъ (послѣ вѣнца въ домѣ родителей невесты).....	723
Саратовск. г., Сердобск. у. Столъ въ домѣ невесты наканунѣ дѣвчешника.....	746
» » Горный столъ — ужинъ въ домѣ жениха на другой день вѣнчанія; перечисленіе блюдъ.....	749

з) Свадебный ритуальный хлѣбъ:

Арханг. г., гор. Пинега: <i>банникъ</i>	395, 398
Вятск. г., Елабужск. у. <i>Разгонный пирогъ</i>	466
Новгородск. г., Вѣлозерск. у. Коровай и коровайныя пѣсни.....	516—518
Рязанск. г., Зарайск. у. <i>Коровай</i> , — его производство и пѣсни при этомъ. 556—557, 558, 560	
Тульск. г., Новосильск. у. <i>Корвега</i> . Приглашеніе къ молодому на коровай.....	573
Курск. г., Тимск. у. Пѣсни при печеніи коровай №№ 2075, 2076.....	619—620
» Рыльск. у. Пѣсни при печеніи коровай — №№ 2089—2102.....	623—626
Нижегородск. г., Макарьевск. у., с. Богородск. <i>Короваецъ</i> (10-ое блюдо брачн. стола).....	724
» с. Воскресенское. Описаніе коровайца.....	728

При этомъ нелишне будетъ напомнить, что свадебный хлѣбъ составляетъ предметъ священнаго культа какъ у Вѣлкоруссовъ, такъ и у Вѣлоруссовъ, Малоруссовъ, Галичанъ. См. Труды Чубинскаго, т. IV, стр. 214—248, 560, 570, 584, 601, 634; у Шейна: «Вѣлорусскія народныя пѣсни», стр. 340—343; его же «Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣв.-Зап. края» Т. I, ч. II, стр. 275—280.

Въ Галицкой Руси коровай играетъ важную роль въ свадебномъ ритуалѣ. См. «Галицкія и Угорскія пѣсни Головацкаго — ч. II, стр. 403, 438, 643, — ч. III, стр. 306.

И у литовцевъ свадебныя обрядности не обходятся безъ коровай.

См. Hochzeitsgebräuche der Welonischen Litauer (Karvólus svosidi *), стр. 328—330.

и) Взглядъ народа на цѣломудріе дѣвушекъ и отношеніе его къ проступившимся не вездѣ одинаковъ; также не вездѣ одинаково строги требованія доказательствъ таеъ называемой честности отъ новобрачной. Это видно изъ нижеслѣдующихъ указанныхъ данныхъ:

*) Sonderabdruck aus den Mittheilungen der Litauischen literarischen Gesellschaft Bd. III, Heft 14 S. 134 ff.

Въ Новгородск. г., Крестецк. у. мы находимъ интересное сообщеніе г. Глинскаго на счетъ первой ночи повобрачныхъ.....	504
Въ Псковск. г. Позорный намекъ на пѣломудріе молодой.....	546
Въ Нижегородск. г., Сергач. у. Напряженное вниманіе свадебниковъ къ извѣстію свахи относительно пѣломудрія молодой.....	714
» » Лукояновск. у., с. Старосельѣ, народъ довольно презрительно от- носится къ нечестности молодой.....	717
» » Макарьевск. у. Теперь, въ противоположность прежняго времени, не требуютъ доказательства пѣломудрія молодой.....	724
» » въ с. Воскресенск. мы видимъ тоже самое.....	734
Въ Саратовск. г., Сердобольск. у. Въ предѣлахъ этого уѣзда очень въ недалекомъ про- шедшемъ строго поступали съ молодой, оказавшейся нечестной.....	749
Въ Оренбургск. г. На другой день послѣ вѣнца, утромъ, когда молодые выходятъ изъ кѣлѣи, устраивается для свадебниковъ пирушка подъ символическимъ названіемъ «Калинки», гдѣ гости требуютъ на честный судъ рубашку <i>молодушкину</i>	754
Въ Курск. г., Рыльск. у. Когда молодыхъ уводятъ на брачное ложе и когда ихъ по- дымаютъ, поютъ пѣсни съ упоминаніемъ <i>Калину</i> и самую брачную рубашку тамъ называютъ <i>Калину</i>	629—680

Примѣчаніе. О «калинѣ», какъ объ одномъ изъ значительныхъ отдѣловъ свадебнаго ри-
туала въ Малой и Бѣлой Руси см. Труды Чубинскаго, т. IV, стр. 450, 453—454, «Матеріалы»
Шейна т. I, ч. II, стр. 29 — и его-же «Бѣлорусскія народныя пѣсни, стр. 304, 336 и 352. Три
пѣсни подъ заглавіемъ «калина», поющіяся, когда поднимаютъ молодыхъ и невѣста оказалась
честною. Не лишнимъ считаю привести отсюда одну изъ этихъ пѣсень:

Добрые наши морозы!
Не заморозили намъ розы.
Пусили кѣлѣи по вѣлѣи,
А зялены листокъ подъ мостокъ,
Чирвону калину въ подолокъ.
Тутъ табѣ, калина, развицца,
А мнѣ, молодѣ, развицца,
Тутъ тебѣ, калина, съ вѣтками,
А мнѣ, молодѣ, съ дѣтками.

Ср. мои «Матеріалы» т. I, ч. II, стр. 119 и 327.

i) Касательно стихотворной части свадебной обрядности, болѣе всего привлекаютъ наше
вниманіе такъ называемыя *заплачки, причитанія или причеты*. Мы, правда, ихъ встрѣчаемъ
спорадически въ губерніяхъ центральныхъ или приволжскихъ, но нигдѣ не пользуются онѣ тамъ
такимъ почетомъ, нигдѣ не составляютъ такого необходимаго элемента свадебныхъ торжествъ,
какъ именно въ сѣверныхъ нашихъ губерніяхъ. Тутъ народъ считаетъ причитанія священной частью
этихъ торжествъ, пропускать которыя никакъ нельзя. Невѣста, приступая къ нимъ (въ день, особо
для этого назначенный — вскорѣ послѣ рукобитья), съ первыхъ же словъ обращается къ Богу и
святымъ угодникамъ о дарованіи ей «звучнаго голоса со умильной, со горазной, со причетью»
(№ 1296) и далѣе (въ № 1316, стр. 387), въ началѣ своей причеты также обращается къ Царю
Небесному, Христу Истинному и Св. Богородицѣ съ молитвою: благословить ее

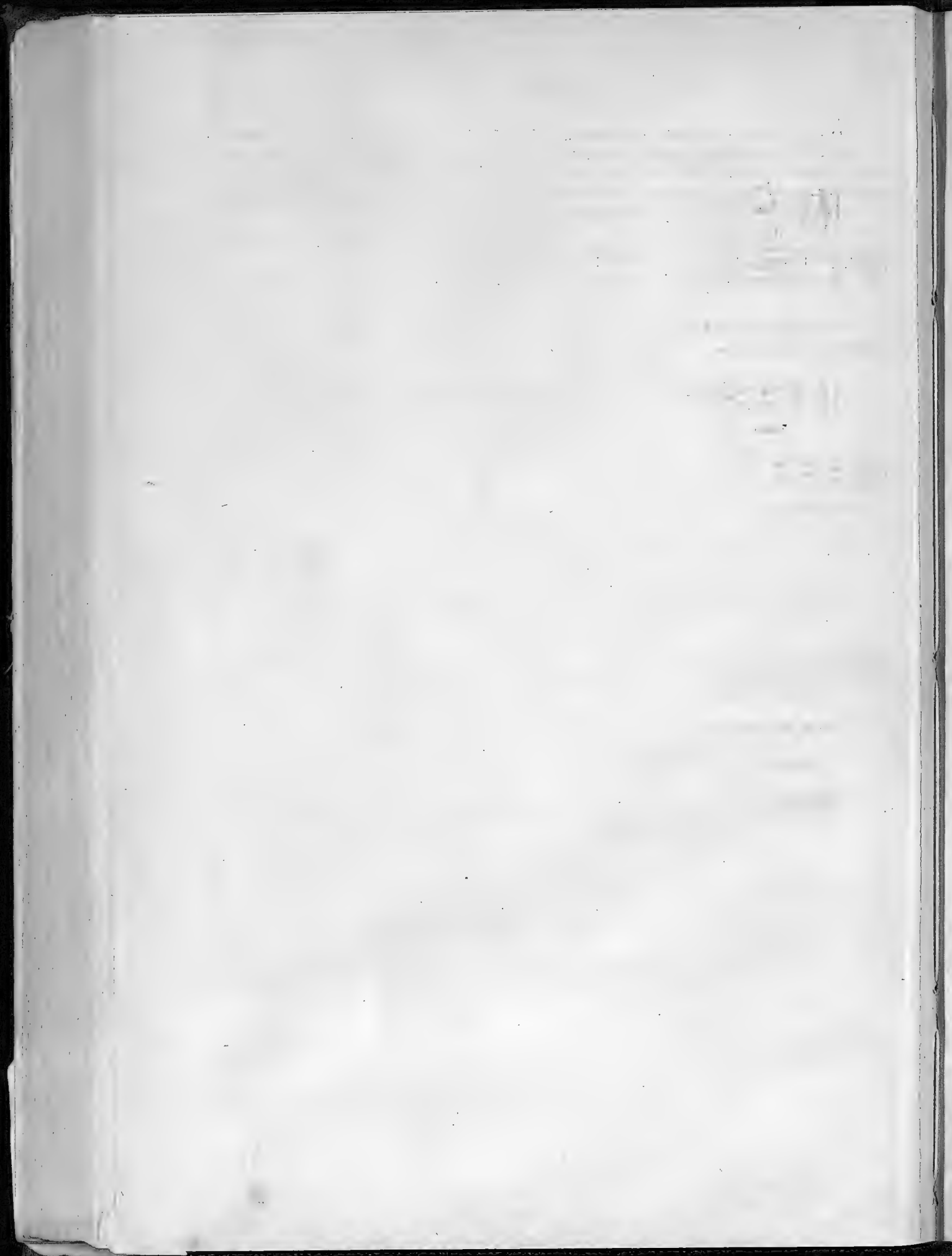
Бѣлой лебедью воскликати,
Красной дѣвицей восплакати.

Затѣмъ въ этихъ причитаніяхъ поражаетъ проявленіе такого искренняго религіознаго и
патріотическаго настроенія, котораго мы (пока) нигдѣ въ остальной Россіи не встрѣчаемъ. Это:
поклоны передъ образами и молитвы за духовенство, за царя, царицу, царское семейство и за
армію. См. № 1306 (стр. 383), 1369 (стр. 405) и 1466 (стр. 433).

Также достойны вниманія: а) пѣсни слѣд. №№: 1825—1827 (Пск. г.) и 1911 (Тульск. г.). Въ нихъ передъ благословеніемъ брачующихся мы встрѣчаемъ молитвенное обращеніе къ святымъ Кузьмѣ и Демьяну (подъ которыми народъ подразумѣваетъ одно лицо, — ковачу и закѣпника брачнаго, чтобы онъ сковалъ имъ свадьбу крѣпко-на крѣпко. Ср. у Шейна: «Матеріалы» т. I, ч. II, стр. 426 и 455. Въ бѣлорусскихъ свадебныхъ обрядовыхъ пѣсняхъ и приговорахъ мы чаще встрѣчаемъ молитвенное обращеніе къ этимъ святымъ угодицамъ.

и б) Пѣсни и причеты, въ которыхъ неvěста рассказываетъ свои вѣщіе сны. См. №№ 1303, 1331, 1381, 1410, 1443, 1638, 1697, 1829, 1862, 2193, 2214, 2390.

д) О свадьбахъ уходомъ, воровскихъ — см. стр. 708 и 765.



Къ № 437, стр. 101. Зап. Н. О. Соловьевымъ.



На вариантъ этой пѣсни поется плясовая (по не хороводная) «Какъ у нашихъ у воротъ, у широкихъ».



Къ № 554, стр. 136. Зап. Н. О. Соловьевымъ



Къ № 573, стр. 143. Зап. С. Г. Рыбаковымъ съ голоса М. П. Лихаревой (1898 г.).
Коваль. Скопинск. у. Рязанской губ.

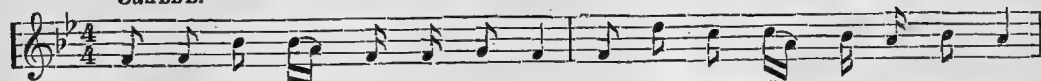
Умѣренно.

Запѣвка.



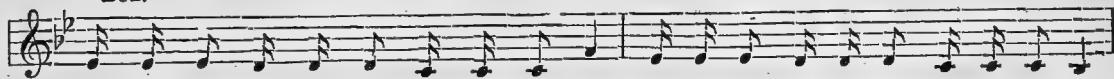
Вар. Зап. С. Г. Рыбаковымъ съ голоса П. В. Шейна (1898 г.).

Запѣвъ.



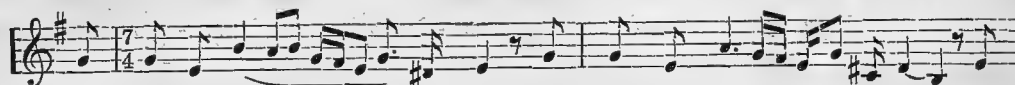
Ко - валь, ко - валь, ко - ва - ле - чекъ, Ко - валь ми - лень - кий дру - жо - чекъ,
Схо - ди, ко - валь, во лѣ - со - чекъ, Схо - ди, ко - валь, во лѣ - со - чекъ.

Всѣ.



Ко - ва - лекъ, ко - ва - лекъ, ко - ва - ле - чекъ, Ко - ва - лекъ, ко - ва - лекъ, ко - ва - ле - чекъ

Къ № 770, стр. 201. Зап. съ голоса П. В. Шейна С. Г. Рыбаковымъ (1898 г.).



Ахъ, раз - мо - ло - - - день - ки, ахъ, вы друж - ки мо - и, ахъ,



у - не - си - те въ даль ме - ня, ахъ, то не вѣ - теръ раз - несь



ку - dri мо - и зо - ло - ти - сты раз - не - сла ихъ грусть то - ска.

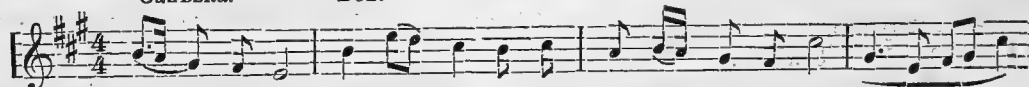
Къ № 707, стр. 184. Зап. С. Г. Рыбаковымъ.

Г. Верхнеуральскъ, Оренб. губ.

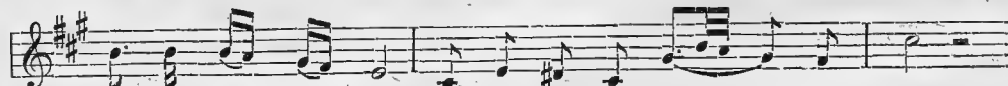
Умѣренно.

Запѣвка.

Всѣ.



Ужь вы, но... ужь вы, по - че - ни - ки, вы, но - чи - те... эхъ



но - чи тем - ны - я, но - чень - ки о - сен - - - ні - я.

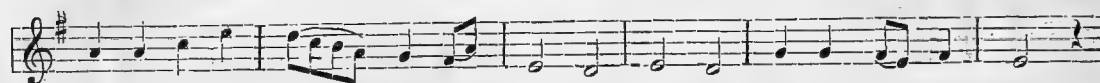
Къ № 712, стр. 185. Зап. С. Г. Рыбаковымъ.

Г. Верхнеуральскъ.

Довольно скоро.



У насъ бы - ло нынѣ - че во ны - нѣ - шнемъ го - ду,



ахъ, да у - ро - ди - ло - ся мно - го я - годъ, я - годъ во бо - ру.

Къ № 775, стр. 203. Зап. съ голоса П. В. Шейна С. Г. Рыбаковымъ (1898 г.).

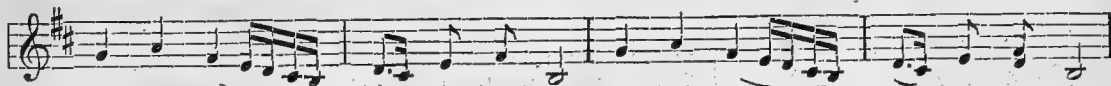
Умѣренно.

Запѣвало.



Ска - за - ли про мо - лод - ца, что не живъ,

Хоръ.



Что не живъ и не здо - ровъ, что не живъ и не здо - ровъ.

Къ № 776, стр. 203. Зап. Н. О. Соловьевымъ.



Ска-за-ли про мо - лод - ца, Ми - лый не живъ, не здо - ровъ.

Къ № 833, стр. 221. Зап. съ голоса П. В. Шейна С. Г. Рыбаковымъ.

Умѣренно скоро.

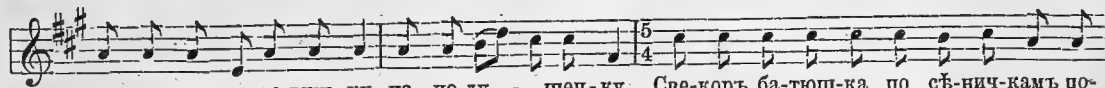
Запѣвало.

Хоръ.



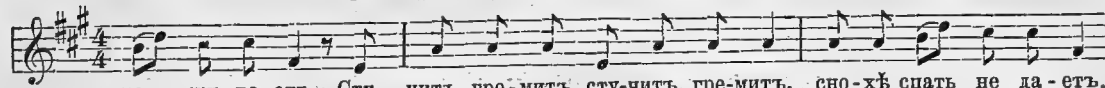
Спит-ся мнѣ мла - де - ше - ныхъ, дрем - лет - ся, Кло -

Запѣвало.



нить мо - ю го - ло - вуш - ку на по - ду - - шеч - ку. Све - коръ ба - тюш - ка по сѣ - нич - камъ по -

Хоръ — энергично.



ха - жи - ва - етъ. Сту - чить, гре - мить, сту - чить, гре - мить, сно - хъ спать не да - етъ.

Запѣвало.



mf Встань, встань, встань, ты сон - ли - ва - я, встань, встань, встань, ты дрем -

Хоръ — энергично.



ли - ва я, сон - ли - ва - я, дрем - ли - ва - я, не - у - ряд - ли - ва - я.

Запѣвало.

Хоръ — тихо.

Милъ лю-без-ный по сѣ-вич-камъ по - ха - жи - ва - етъ, ле - го-хонь-ко, ти - хо-хонь-ко

при - го - ва - ри - ва - етъ, *p* спи, спи, спи ты, мо - я ум - ни - ца, За -

го - не - на, за-бро - не - на, ра - но вы - да - де - на.

Къ № 852, стр. 227. Зап. Н. О. Соловьевымъ.

Э, да ка - ли - ну съ сма - ли - - - но - ю

во - до - ю за - ли - ло.

Къ № 857, стр. 228. Зап. Н. О. Соловьевымъ.

И от че - го э - то хмѣ - ли-нуш - ка за - ро -

ди - ла - ся, за-ро - ди - ла - ся хмѣ - ли - на. Отъ сы - рой ма - ти зе - мли.

Къ № 955, стр. 270. Зап. Н. О. Соловьевымъ.

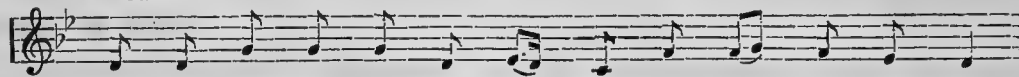
Э, Не въ по - го - ду лы - ки дра - ли,

Во не - на - стье лап - ти пле - ли.

Къ № 958, стр. 271. Зап. съ голоса П. В. Шейна С. Г. Рыбаковымъ.

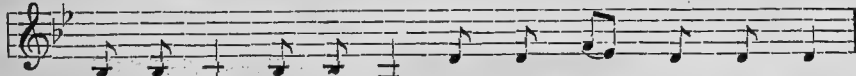
Не очень скоро.

Запѣвка.



Раз - ска - зать ли вамъ про то, что чуд - нѣ - е все - го,
Раз - му - дре - ный му - жикъ, ши - ломъ сѣ - но ко - силъ,

Всѣ.



ай, ай, ай, ай, ай, ай, что чуд - нѣ - е все - го.
ши - ломъ сѣ - но ко - силъ.

Къ № 1014, стр. 297. Зап. Н. О. Соловьевымъ.



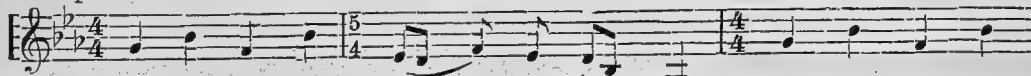
Ку - пи - ли бы - ка В'Ан - то - на му - жи - ка. Тай - ну, тай - ну, тай -



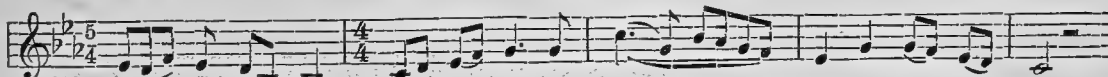
ну, тай - ну ла - ду мо - ю.

Къ № 1245, стр. 362. Зап. съ голоса П. В. Шейна С. Г. Рыбаковымъ.

Умренно.

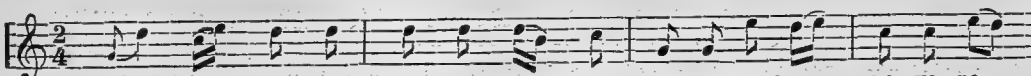


Во лѣ - су ли во лѣ - соч - ку, на жол - тень - комъ

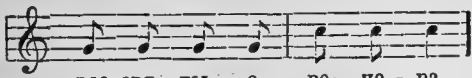


на пе - соч - ку, на мяг - кой тра - вы, на мяг - кой тра - вы.

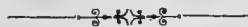
Къ № 1050, стр. 310. Зап. Н. О. Соловьевымъ.



Нынѣ - че свят - ки, нынѣ - че свят - ки, все свя - ты - е ве - че - ра,



все свя - ты - е ве - че - ра.



THE UNITED STATES OF AMERICA

DEPARTMENT OF THE INTERIOR
BUREAU OF LAND MANAGEMENT

WATER RESOURCES DIVISION
NATIONAL CENTER FOR WATER RESOURCES RESEARCH

1. TITLE OF PROJECT
2. FUNDING AGENCY
3. PI

4. SUMMARY OF PROJECT
5. OBJECTIVES
6. SCOPE OF STUDY

7. STATEMENT OF WORK

8. PERSONNEL
9. EQUIPMENT
10. BUDGET

11. REFERENCES
12. APPENDICES

13. DISTRIBUTION STATEMENTS

14. ABSTRACT
15. SUMMARY OF RESULTS
16. CONCLUSIONS

17. RECOMMENDATIONS
18. ACKNOWLEDGMENTS
19. REFERENCES

20. DISTRIBUTION STATEMENTS

21. ABSTRACT
22. SUMMARY OF RESULTS
23. CONCLUSIONS

24. RECOMMENDATIONS
25. ACKNOWLEDGMENTS
26. REFERENCES

27. DISTRIBUTION STATEMENTS

(Объяснительное письмо Н. Θ. Соловьева по поводу со-
общенныхъ имъ мнѣ пѣсенъ).

Многоуважаемый

Павелъ Васильевичъ,

Сообщая вамъ нѣкоторыя русскія пѣсни, считаю нужнымъ сдѣлать слѣдующія примѣчанія.

Записывалъ я эти пѣсни въ 60-хъ годахъ съ исключительною цѣлью поближе познакомиться съ духомъ русской мелодіи.

Около 300 пѣсней сообщила мнѣ нѣкая крестьянка Марья, тульская уроженка, обладавшая обширной памятью. При записываніи я довольствовался только мелодіей въ томъ видѣ, въ какомъ она подходитъ къ первымъ строкамъ пѣсни, не доводя свой трудъ до точной музыкальной записи текста съ пѣніемъ — вплоть до конца пѣсни, которой мелодія, сообразно съ текстомъ, немного видоизмѣнялась, суживаясь или расширяясь, по капризному требованію не всегда одинаково размѣренной рѣчи. Самый же текстъ пѣсней мнѣ казался настолько интереснымъ, что я его записывалъ до конца, стараясь помѣстить всѣ своеобразные приемы произношенія народнаго языка.

Не могу поручиться за то, что доставленные мною вамъ напѣвы, подходящіе къ первымъ строкамъ пѣсни, вполне подходили бы и къ слѣдующимъ.

Совершенно случайно выбранныя вами пѣсни оказались только въ двухъ-дольномъ размѣрѣ, но многія, мною записанныя у Марьи, имѣютъ и другой размѣръ и болѣе интересное ритмическое содержаніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ Н. Соловьевъ.

12 января 1900 года.



